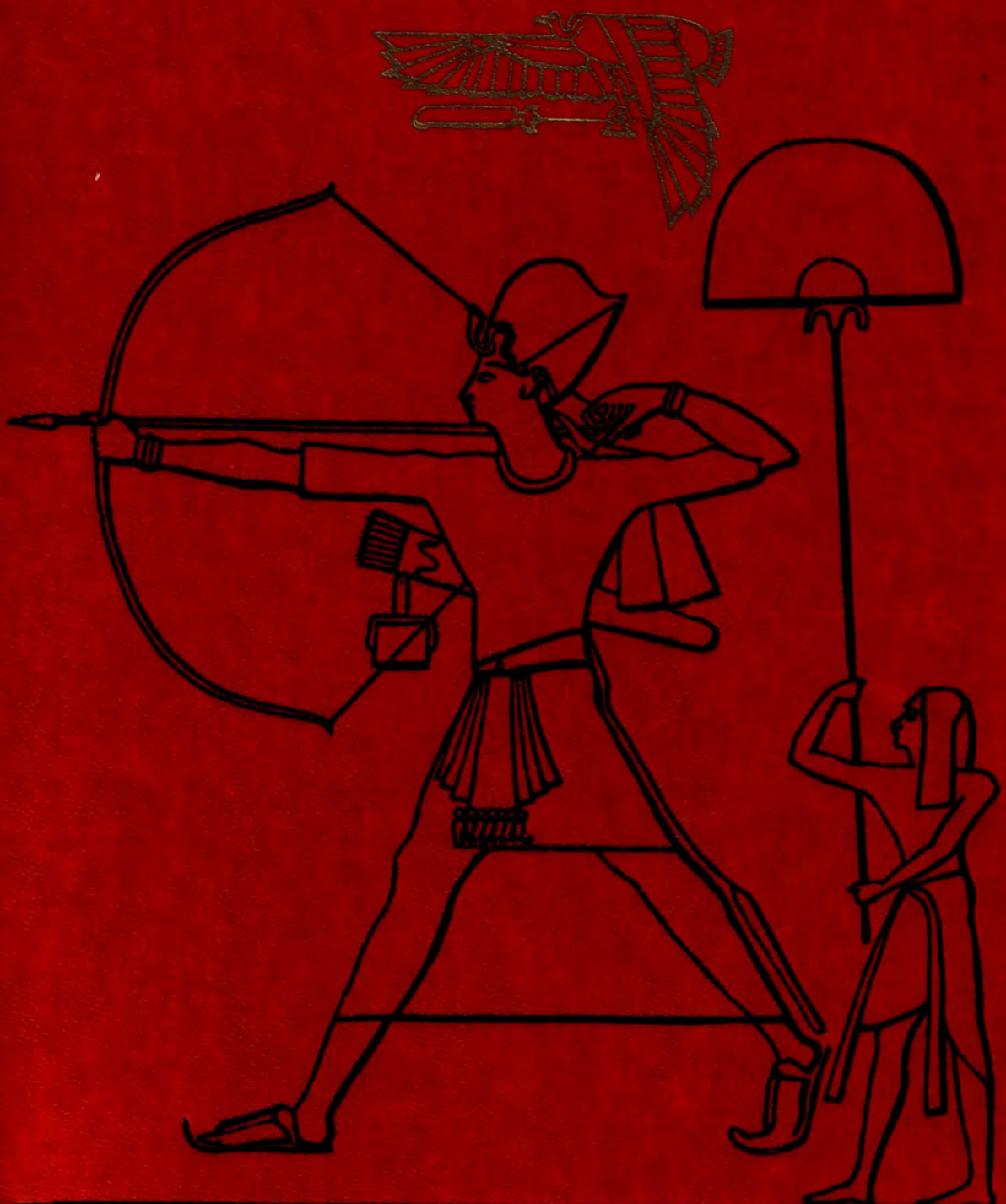
9732
Т-907

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации

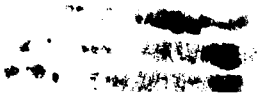

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

РЕДКОЛЛЕГИЯ

академик Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ
(ответственный редактор)
академик М. А. КОРОСТОВЦЕВ,
член-корреспондент АН СССР Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН,
доктор исторических наук И. М. ДЬЯКОНОВ,
доктор исторических наук Г. Ф. ИЛЬИН,
кандидат исторических наук Э. А. ГРАНТОВСКИЙ,
кандидат исторических наук Т. В. СТЕПУГИНА

Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации

Часть вторая

ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ. ЕГИПЕТ

Под редакцией
чл.-кор. АН СССР
Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИНА

1533279

[redacted]

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА ● 1988

ББК.63.3(0)3
И 90

1. *Оружие из погребений знати в Дораке: а) кинжалы с клинками из бронзы, серебра и железа (первый слева), рукоятями из камня с резьбой и инкрустацией из золота, серебра, самоцветов (гл. I, ил. 4а)*

2. *У ворот цитадели Хаттусы (реконструкция М. В. Горелика). Архитектурная реконструкция по Р. Науманну, одежды по хеттским и египетским изображениям (гл. II, ил. 34)*

3. *Сосуд из Каниша (гл. II, ил. 35)*

4. *«Львиные ворота» в Хаттусе (гл. II, ил. 42)*

5. *Святилище в Эфлатун-пунаре (гл. II, ил. 43)*

6. *Деталь хеттского сосуда с рельефами и раскраской (гл. II, ил. 50)*

7. *Критское искусство, живопись: а) юноши (гл. II, ил. 52а)*

8. *Фараон Хафра, IV династия: б) статуя из поминального храма (гл. V, ил. 107б)*

9. *Тронные статуи царевича Рахотепа и его жены Нофрет из гробницы в Медуме, IV династия (гл. V, ил. 114)*

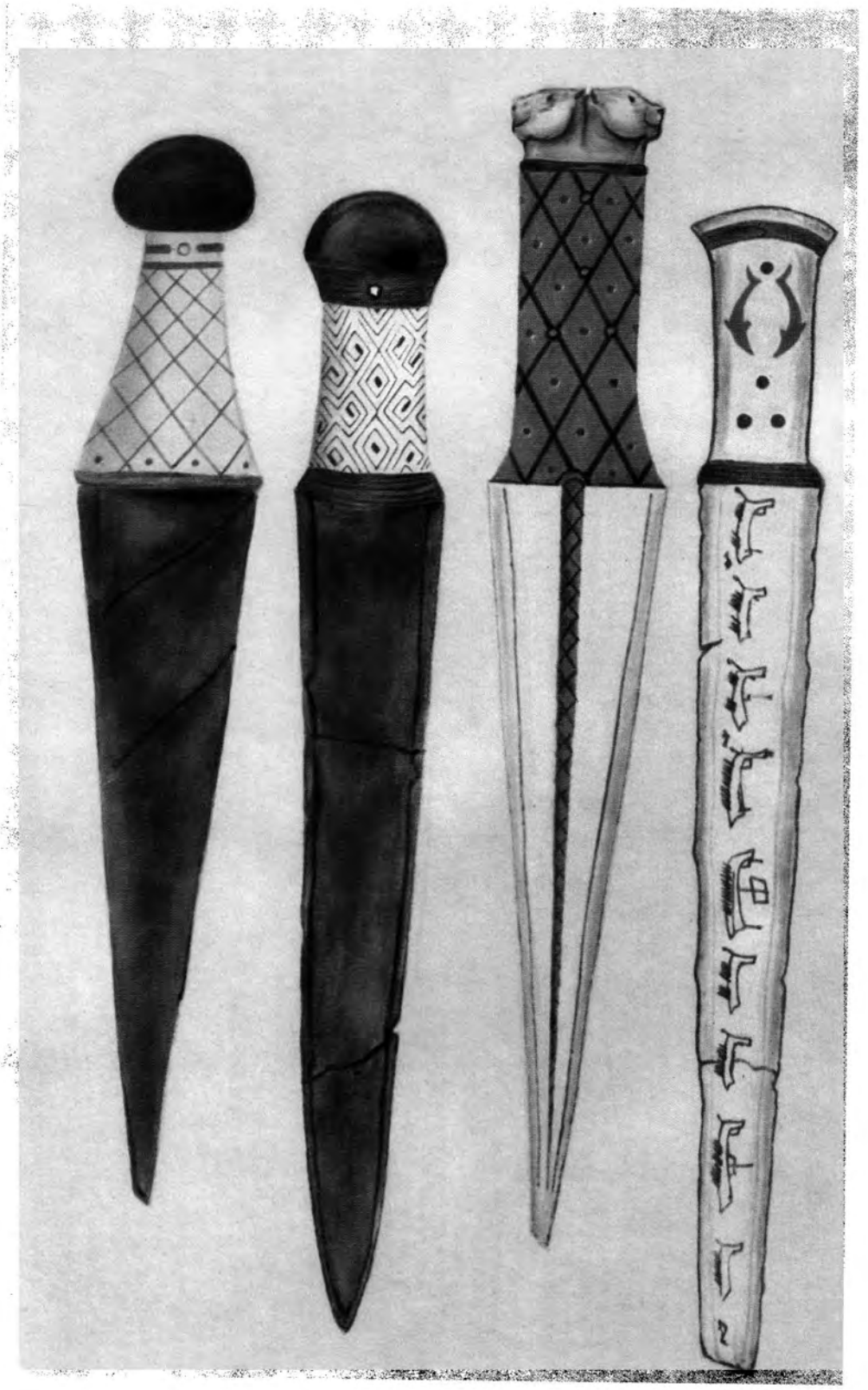
10—11. *Нубийские данники, роспись гробницы родителей царицы Тэйе, XVIII династия (гл. VIII, ил. 157)*

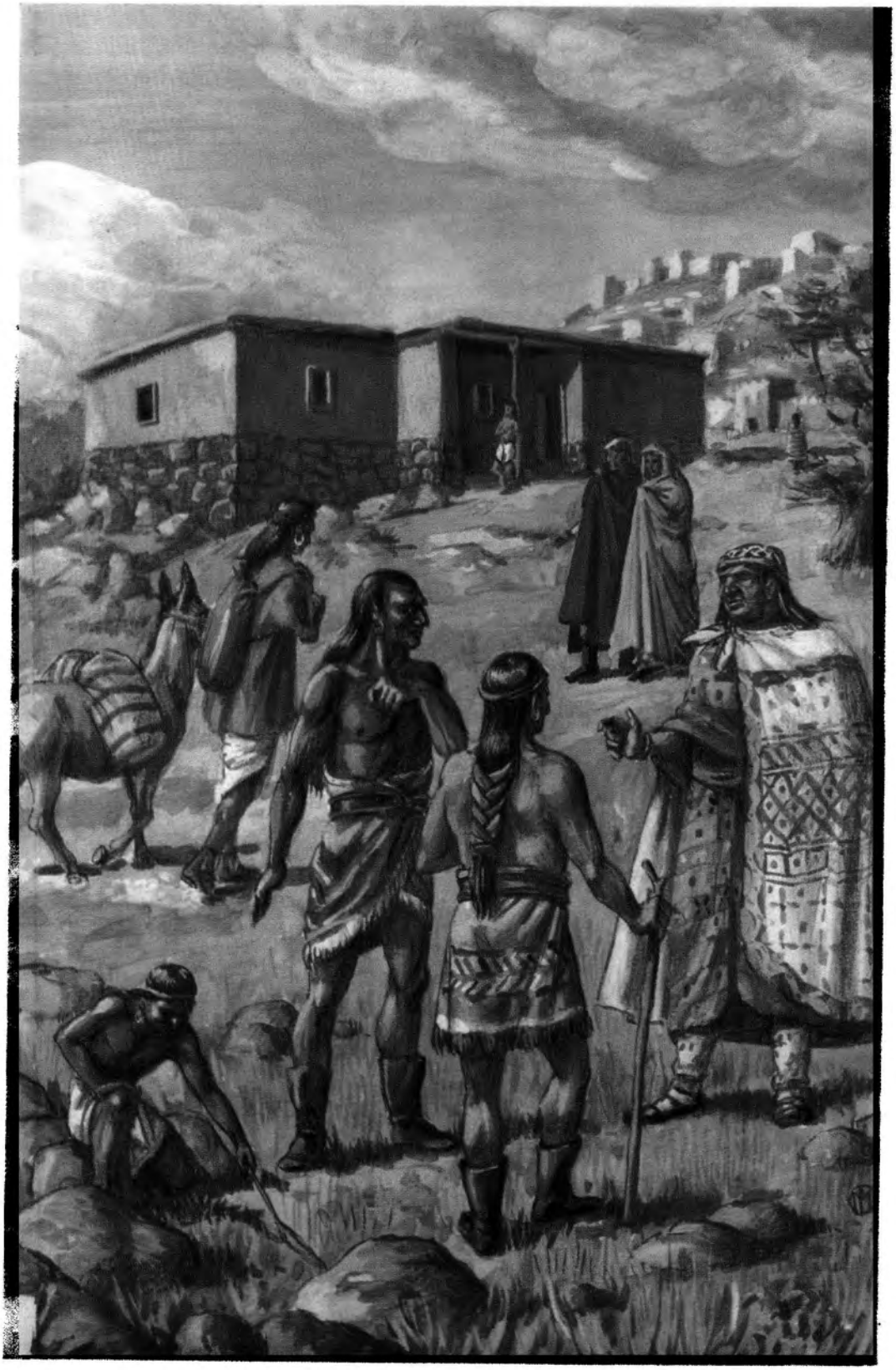
12. *Роспись гробницы Хоремхеба, XVIII династия (гл. IX, ил. 175)*

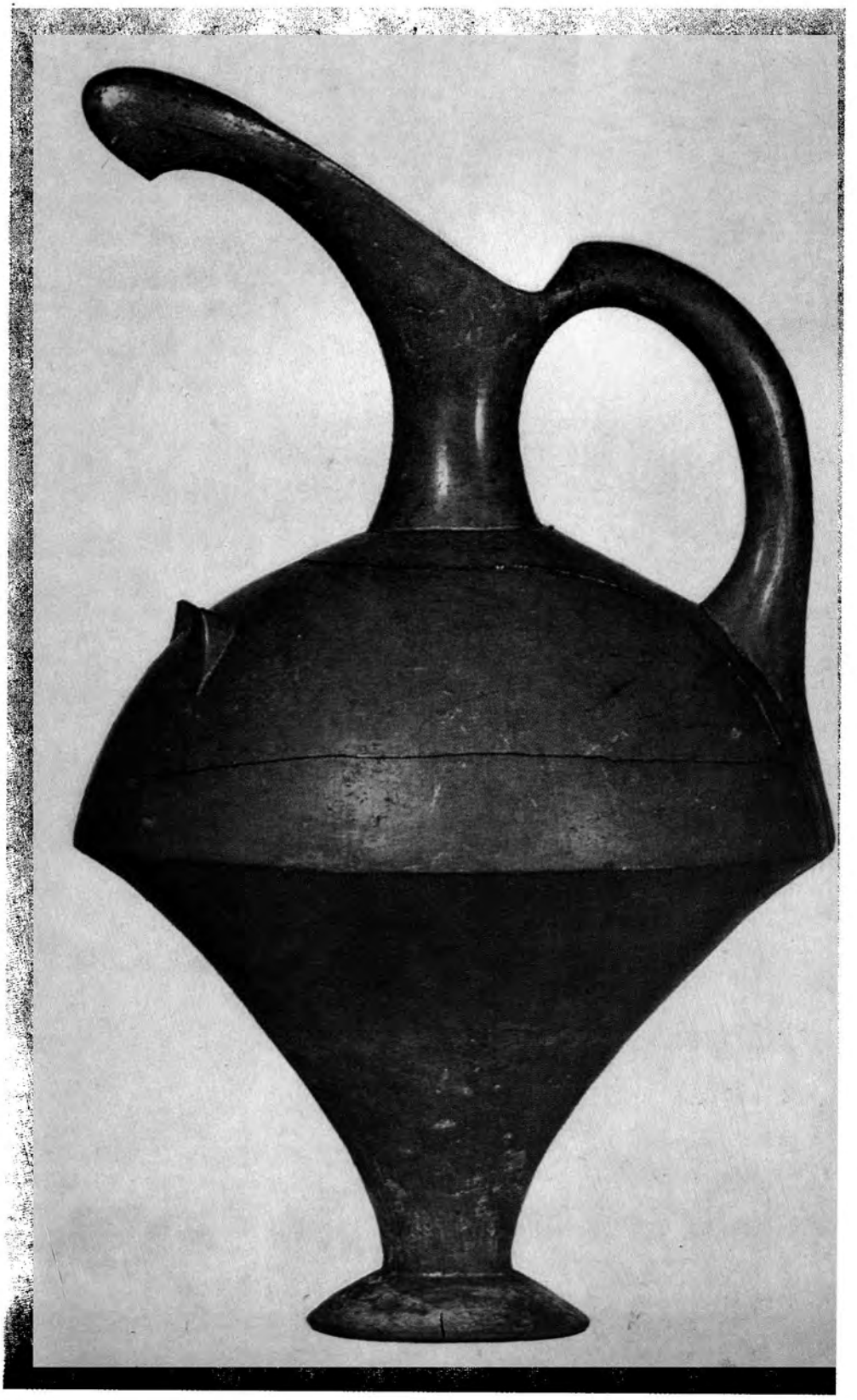
13. *Нагрудное украшение Тутанхамона, золото, ляпис-лазурь, халцедон, паста, XVIII династия*

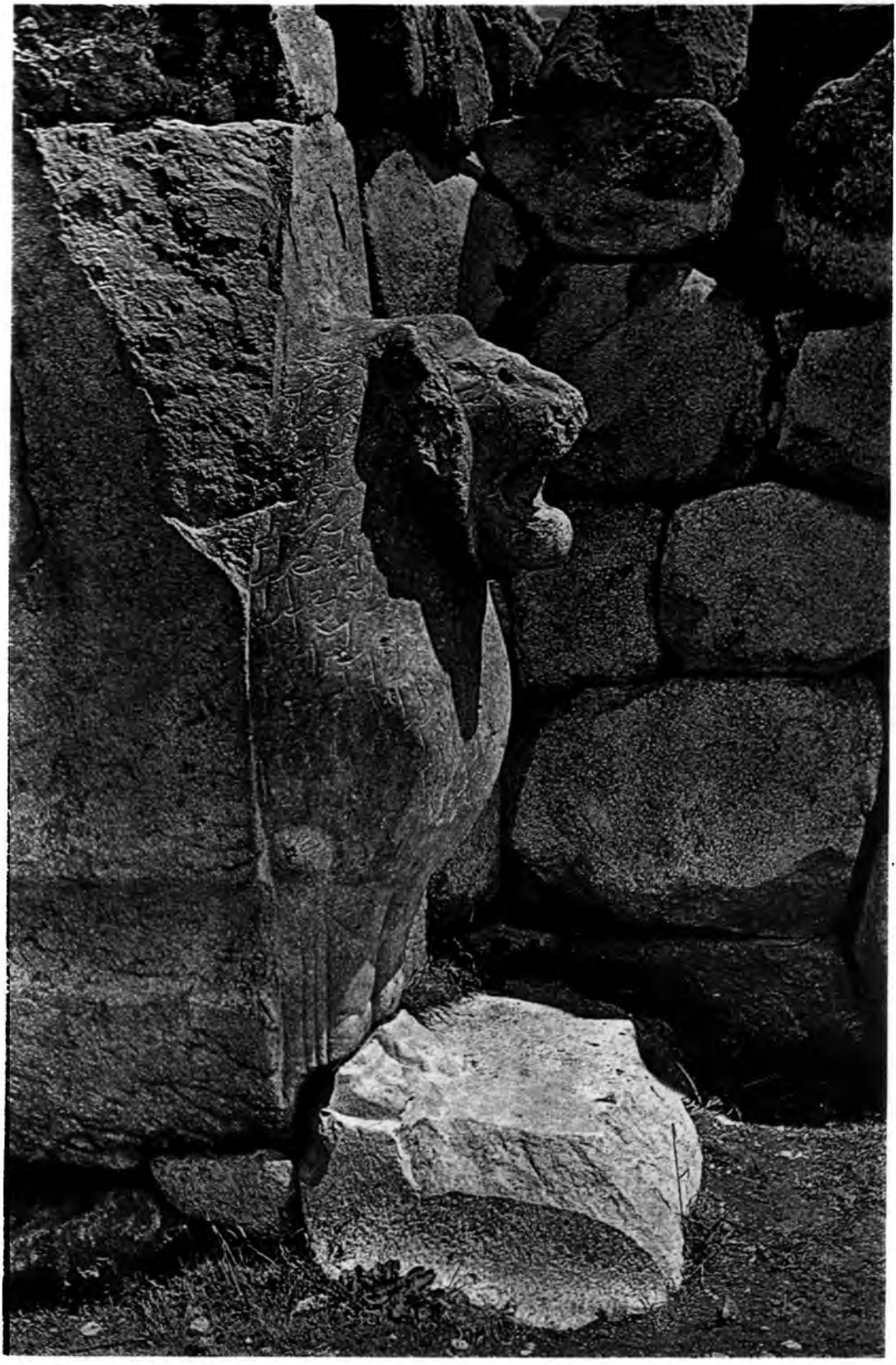
И 0504010000-012 / 013(02)-88 КБ-9-74-87

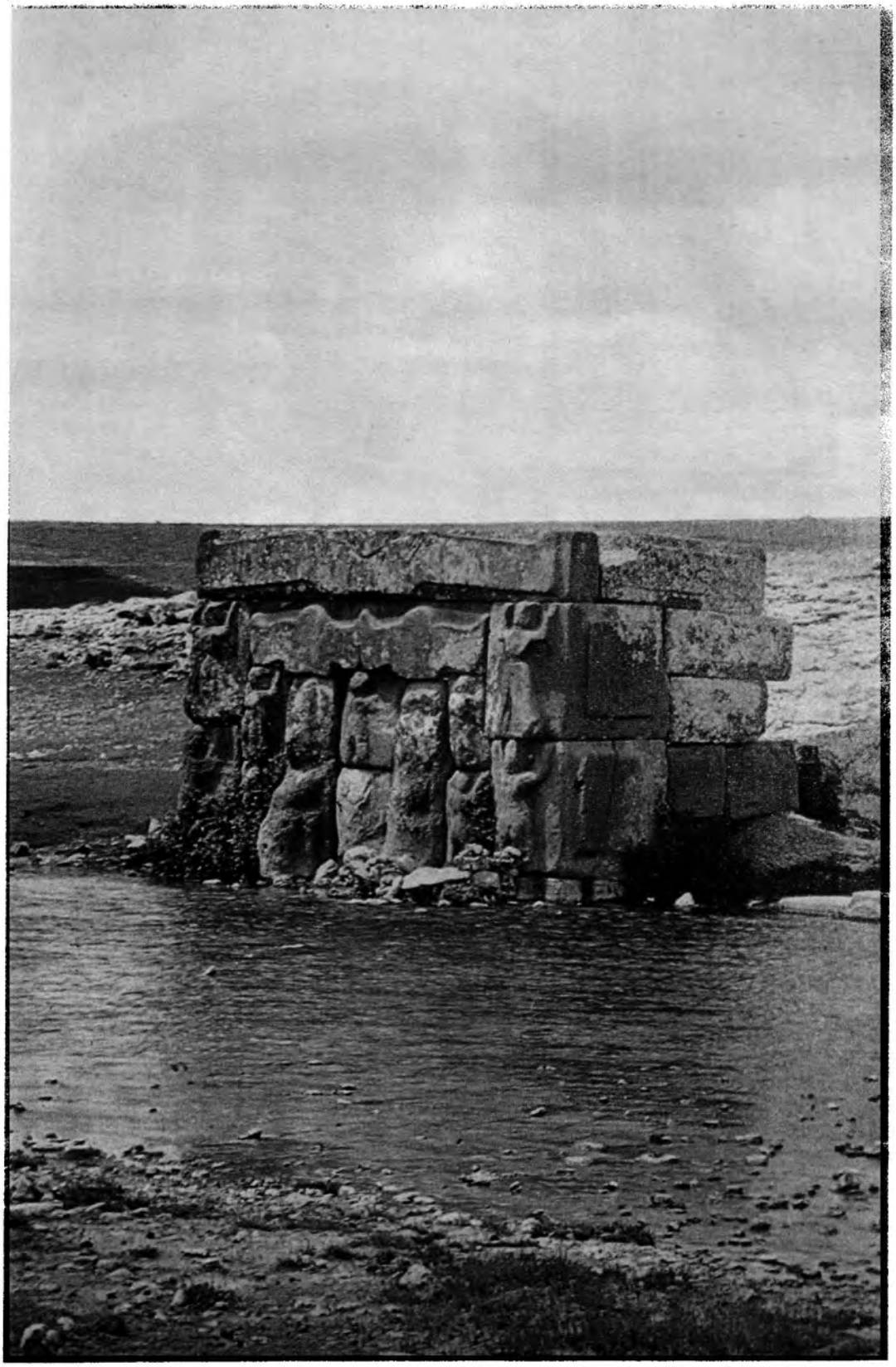
© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.

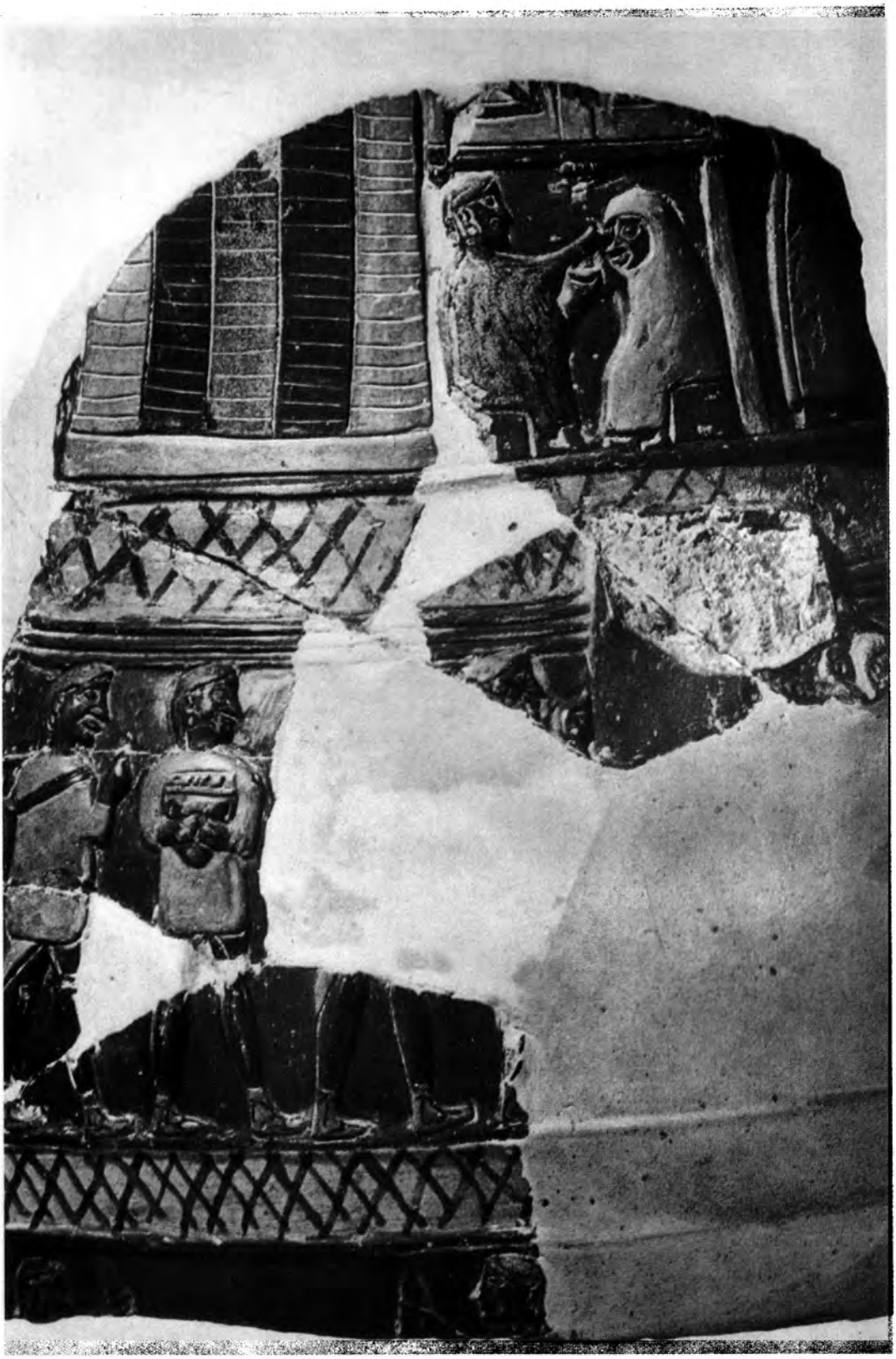

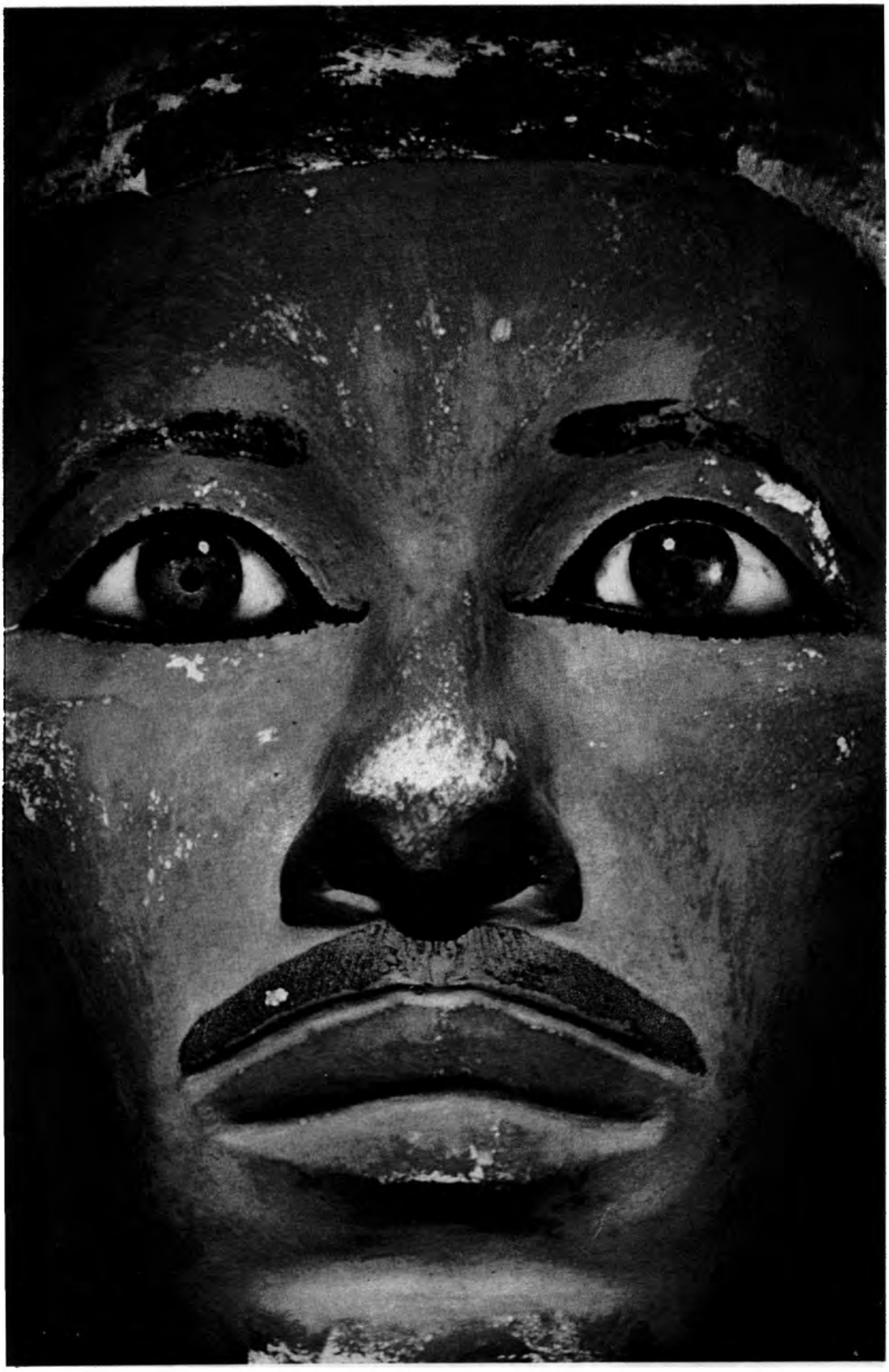

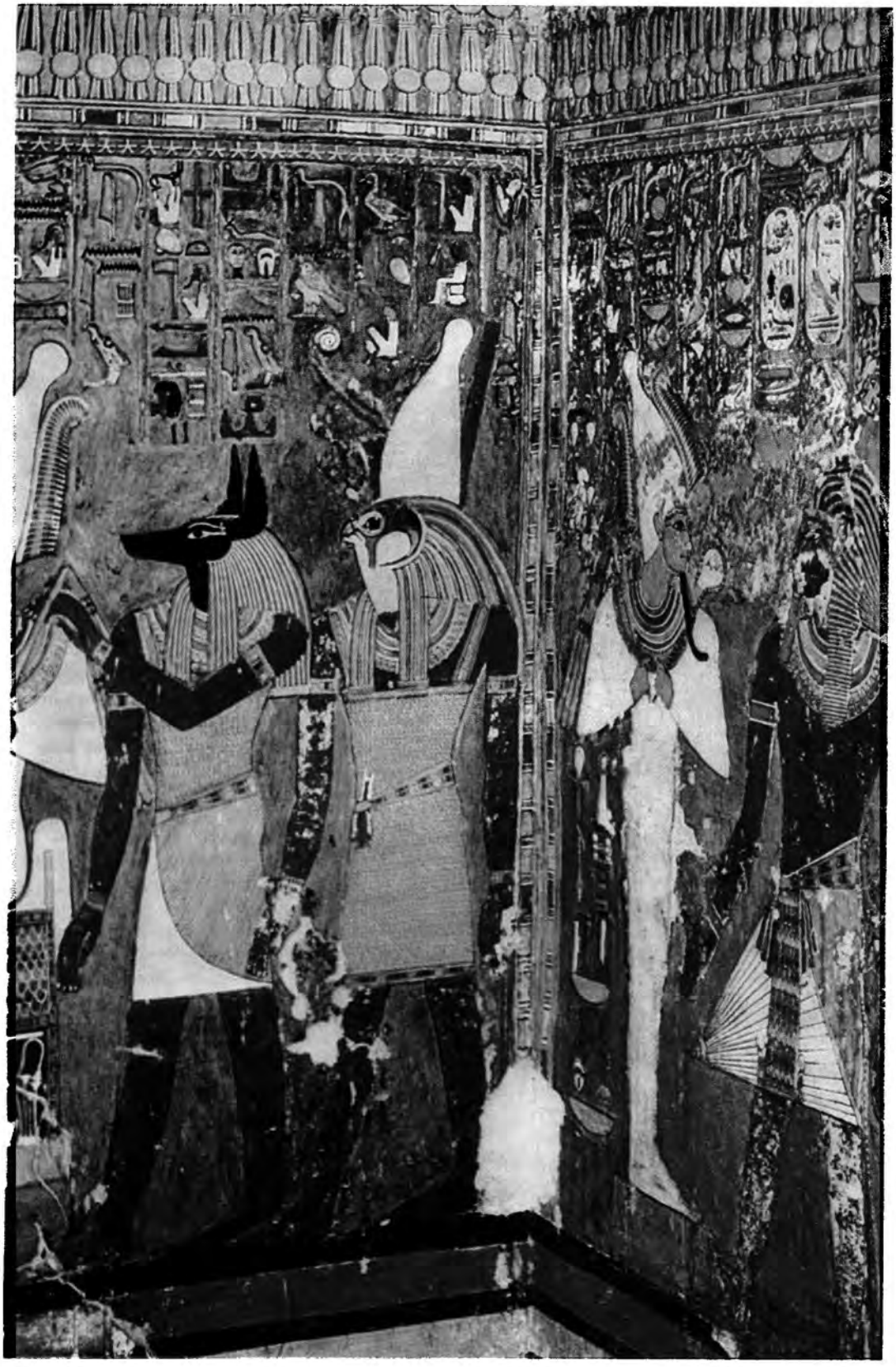

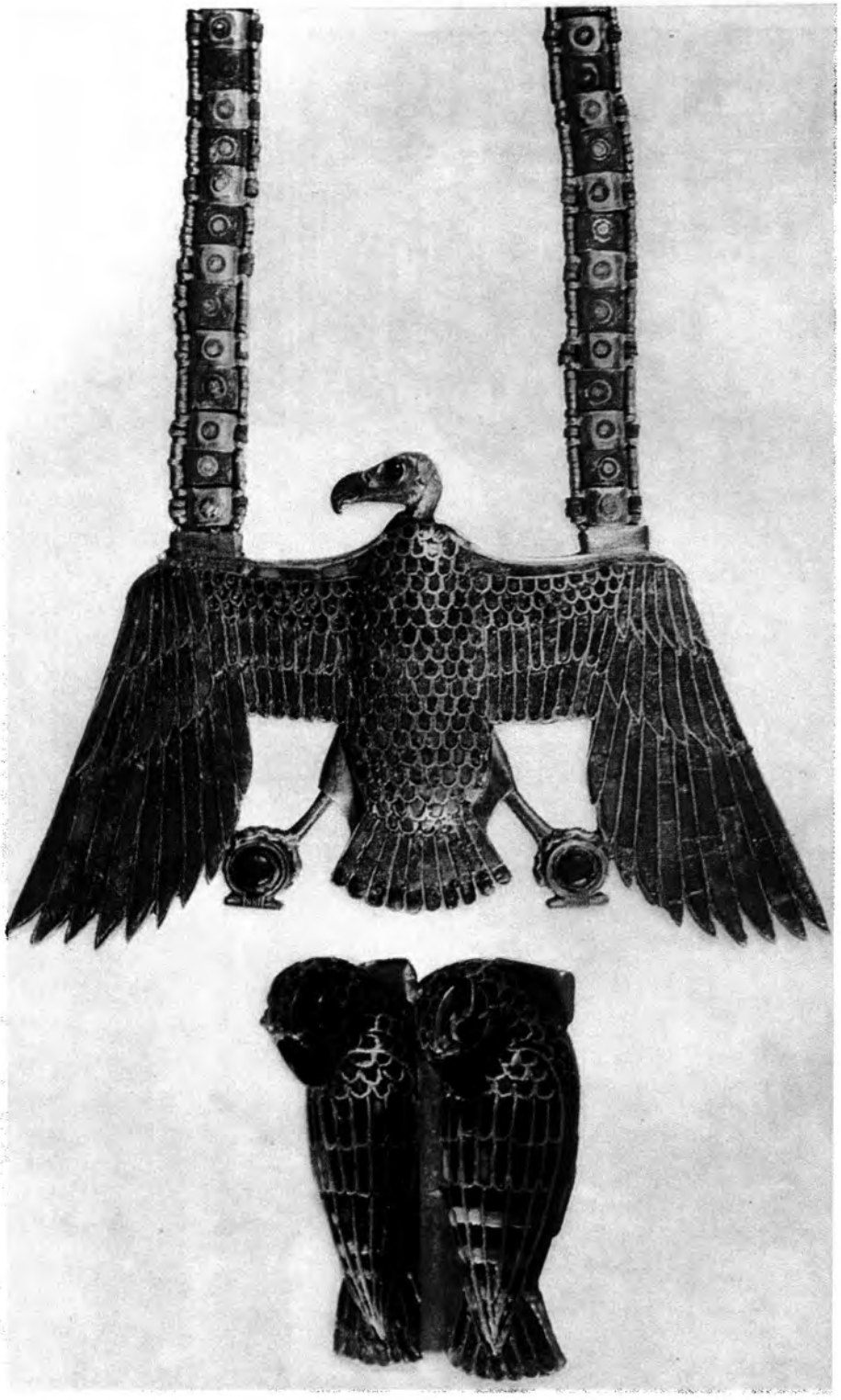

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Предлагаемая читателю работа является второй частью книги «Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации» (ч. I. «Месопотамия» была опубликована в 1983 г.), которая открывает серию книг «История древнего Востока». Эта серия отражает состояние современной науки о древнем периоде в истории стран Востока. На страницах книги рассказывается о возникновении и раннем периоде древнейших очагов восточных цивилизаций, существовавших в долине Нила, на территории Малой Азии и Восточного Средиземноморья (хронологически соответствуя первой части книги, она, как мы видим, географически охватывает другие регионы).

В книге показано, что, несмотря на первоначальную относительную изолированность отдельных цивилизаций друг от друга, их возникновение было обусловлено общими культурно-историческими факторами, единством исторического процесса. На основе новых материалов воссоздается соответствующая современному уровню наших знаний картина политической, социальной, экономической истории древних обществ Востока. Книга отражает достижения исторической науки, имеющей славные традиции, связанные с именами Б. А. Тураева, В. В. Струве, А. И. Тюменева, М. А. Коростовцева и др.

Каждый год приносит важные научные открытия. Исследования археологов, лингвистов, эпиграфистов обогащают существующие представления, появляются многочисленные труды по самым различным вопросам истории и культуры древнего Востока. Все это требует постоянного привлечения все новых и новых данных, уточнения принятых гипотез, ранее установленных фактов.

Настоящая «История древнего Востока» — плод работы прежде всего ученых Института востоковедения АН СССР, но в ней принимали участие сотрудники и других ведущих учреждений нашей страны.

Авторами данной работы являются: доктора исторических наук Ю. Я. Перепелкин (гл. IV—X), И. М. Дьяконов, Н. Б. Янковская, В. Г. Ардзинба (гл. I—III). Библиография составлена авторами глав под редакцией кандидата исторических наук Т. Н. Савельевой. Карты составлены кандидатом исторических наук Т. В. Степугиной по эскизам авторов глав. Иллюстрации подобраны Т. В. Степугиной и кандидатом искусствоведения М. В. Гореликом, им же выполнены научно-художественные реконструкции на основе древних памятников. В главе III использованы материалы В. М. Массона и И. Ш. Шифмана.

Авторский коллектив следовал тем же принципам изложения материала, которые были приняты для всего издания, прилагается подробная библиография. Главы строятся так же, как и в первой части: наряду с политической историей и социально-экономическими отношениями подробно излагаются этнокультурные проблемы, религиозно-философские учения.

17 1553279

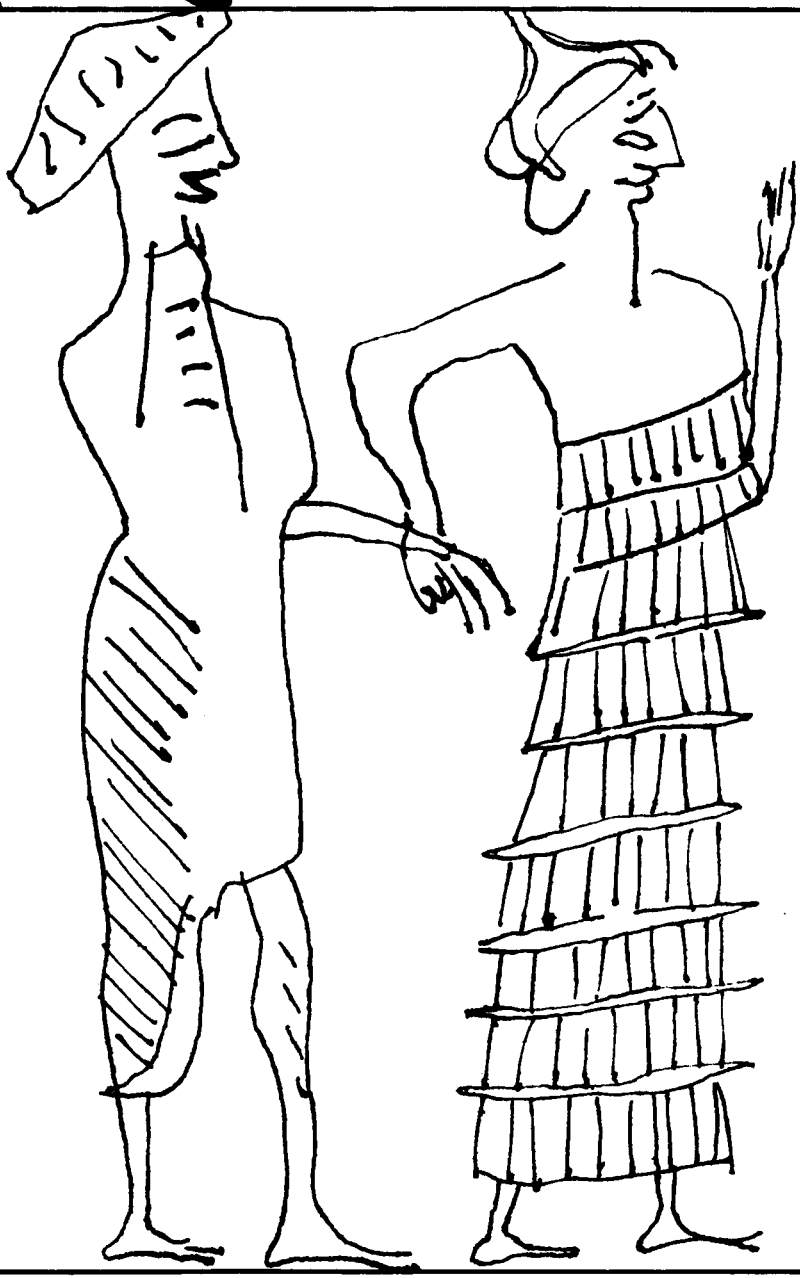
Беларускі дзяржаўны педагагічны універсітэт
БІБЛІЯТЭКА

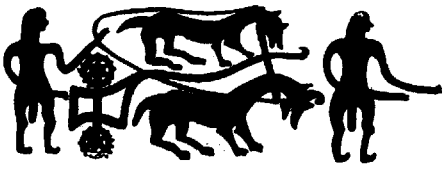
* * *

Почти двадцать лет назад выдающийся советский египтолог, заведующий Отделом древнего Востока Института востоковедения АН СССР акад. М. А. Коростовцев выступил с инициативой подготовки многотомного труда по истории древнего Востока. Осуществление его замысла во многом стало возможным благодаря высочайшему профессионализму, блестящим организаторским способностям, человеческим качествам и личному обаянию М. А. Коростовцева. К сожалению, до выхода в свет этой книги Михаил Александрович не дожил. Редколлегия и авторы издания посвящают данный труд памяти этого замечательного ученого и человека.

ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ

СЕВЕРНАЯ ПЕРИФЕРИЯ НИЖНЕМЕСОПОТАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

IV—II тысячелетий до н. э.

1. Население Верхней Месопотамии, Сирии и Аравии

Раннеземледельческие общины Северной Месопотамии достигли значительного развития к VI—IV тысячелетиям до н. э., когда здесь были распространены памятники хассуно-самаррской и халафской культур, а затем культуры так называемого Северного Убайда. После некоторого замедления темпов развития (поскольку были исчерпаны возможности найденных форм земледелия и скотоводства) к концу IV тысячелетия замечается новый подъем как в районах восточнее Тигра, так и в верховьях притока Евфрата — Хабура, где в это время создаются оазисы культуры нижнемесопотамского типа — городища Телль-Брак и др. Свое значение эти центры сохраняли и в первой половине III тысячелетия до н. э. Шумерское влияние на формирующуюся городскую цивилизацию Верхней Месопотамии выступает здесь весьма наглядно во многих областях культуры. Оно касается и планировки храмов, и форм металлических изделий, и типов цилиндрических печатей, изготавливавшихся на месте, но явно по южным образцам. Культурное влияние здесь как бы предшествовало на Телль-Браке и подобных городищах, так же как в Эбле и других городах Северо-Западной Сирии, политической экспансии Аккада. Вероятно, торговля и другие виды всесторонних связей ускоряли формирование в местном обществе классовых отношений. Существует предположение, что сводчатые гробницы, обнаруженные в Ниневии в слоях, соответствующих середине III тысячелетия до н. э., можно отнести к числу так называемых царских — типа гробниц раннединастического Ура (к сожалению, они были разграблены еще в глубокой древности и характер их уже нельзя установить точно). Памятники же письменности в Верхней Месопотамии III тысячелетия отсутствуют — может быть, и случайно. Исключение составляет Мари, откуда дошли западносемитские (эблаитские) и восточносемитские надписи правителей с титулом «царь», посвященные богам Эллилю, Иштарану и Иштарат, Шар-матиму и др., большей частью на статуях, посвященных в храм. Не случайно, может быть, одна из надпи-

сей посвящена божеству «торговым посредником» *(тамка́рум)*: Мари на Евфрате и его соперник — Ашшур на Тигре — были, вероятно, торговыми факториями Нижней Месопотамии, выдвинутыми вперед по караванным путям, снабжавшим южную цивилизацию необходимыми видами сырья.

Каково в этническом отношении было население городов Верхней Месопотамии в IV—II тысячелетиях до н. э.? Мари, Ашшур, возможно, и Телль-Брак, а к западу от Евфрата Уршу, Эбла и др. находились под господством различных местных групп западных и восточных семитов, тесно связанных с культурой шумерского Двуречья (характерно, что древнейшая скульптура Мари и особенно Ашшура имеет больше общих черт со скульптурой южной, лагашско-урско-урукской зоны Нижней Месопотамии, чем со скульптурой Киша или Эшнуны). В III тысячелетии до н. э. семитское (или шумерско-семитское) население занимало всю долину Евфрата, вплоть до самой Сирии; но среди имен лиц, упоминаемых в архивах Эблы, есть и относящиеся к иному населению («протоевфратскому» = халафскому?). Иначе обстояло дело в зоне Тигра и его притоков, а также в верховьях Хабура. Здесь «прототигридское», или «банановое» (= самаррское?), население, в значительной степени смешавшись с шумерским, восточносемитским, а позже особенно с хурритским, по-видимому, просуществовало до начала II тысячелетия до н. э., Ашшур, который к концу III — началу II тысячелетия до н. э. был, вероятно, почти целиком восточносемитским, противостоявшим как этнически чуждый элемент прочим обитателям левобережья Тигра.

С последней четверти III тысячелетия до н. э., а может быть, и несколько раньше, используя водопои на среднем Евфрате, а затем на Хабуре и Тигре, в Верхней Месопотамии стали появляться группы новых западносемитских пастушеских племен, впрочем при благоприятных условиях все еще довольно легко переходивших и к земледелию. Сначала это были диданы, потом — ханейцы ('анейцы). Аккадцы называли всех их *амурру́* (амореями), шумеры — *мар-ту;* оба термина означают просто «западные люди». Их появление было, видимо, результатом этнических передвижений, связанных с разделением семитоязычных племен на оседлые земледельческие и на пастушеские, точнее, овцеводческие племена, базировавшиеся на водопои в долинах рек и в оазисах и не чуждые подсобного земледелия. Они не могли откочевывать от воды дальше чем на два дневных перехода, что приводило к постепенной утере контактов между отдельными большими группами племен. Разделение групп семитских племен следует датировать исходя из лингвистических данных именно этим временем.

Таким образом, в конце III тысячелетия до н. э. к числу земледельческих семитоязычных племен принадлежали: (1) в Месопотамии — группа восточных семитов, или аккадцев; (2) в Сирии — эблаитская, в Финикии и Палестине — так называемая ханаанейская группа западных семитов, которых впоследствии кочевники считали потомками Каина или Хама; (3) на юге Аравийского полуострова — племена южнопериферийных семитов, предков будущих сабейцев и эфиопов*. Среди пастушеских племен следует отличать: (1) северную группу западносемитских по языку племен, впоследствии считавших себя сутиями, т. е. потомками Сифа, добродетельного брата злого Каина, они же назывались амореями и включали диданов, ханейцев и многие другие группы; (2) более южную группу западносемитских по языку племен — предков будущих арамеев, впоследствии еще в течение более чем двух тысячелетий поддерживавших контакты с (3) самой южной группой пастушеских племен, а именно с

* Так называемые эфиосемиты начали переселяться с Аравийского полуострова в Африку, по новейшим данным, еще до перехода сабейцев и т. п. к полной оседлости, т. е. в конце III — начале II тысячелетия до н. э.

базировавшейся на дальние оазисы и говорившей на южно-центральных семитских диалектах,— предками арабов. Однако разграничение между отдельными группами семитоязычных племен, хотя и наметилось к концу III тысячелетия до н. э., было далеко не четким; характерно, например, что западносемитские по языку племена Месопотамии (сутии, или амореи) еще во II тысячелетии до н. э. числили среди своих «предков» Арама (Араму), мифического родоначальника более южной группы западных семитов (арамеев), а Диданум (или Дедан) еще в течение тысячелетий считался предком-эпонимом не только одной из северных групп западных семитов, но и одной из групп арабских племен.

Конечно, необходимо учитывать, что реконструкция именно такой этнической картины остается очень гипотетической. Она основывается на пока еще не совсем надежных данных лингвистической хронологии и на характере собственных имен, обнаруженных в документах и надписях на тех или иных городищах Верхней Месопотамии и Сирии уже от конца III — начала II тысячелетия до н. э. От III тысячелетия до нас дошли архивы из Эблы, несколько кратких посвятительных надписей и небольшое число хозяйственных текстов из Мари и из Гасура, к востоку от Тигра, надпись семита Зарикума, наместника Царства Шумера и Аккада (III династии Ура) в Ашшуре, хурритская надпись жрицы из Уркиша (недалеко от современного Мардина) и скальные надписи горских царей над долиной реки Дияла.

2. Месопотамская торговля: общие замечания

Создание цивилизации в Верхней Месопотамии, Сирии и других периферийных по отношению к шумерскому Двуречью странах шло несколько иными путями, чем в Нижней Месопотамии. Для этих периферийных областей наиболее характерны: бóльшая роль богарного земледелия по сравнению с ирригационным, большее развитие общинного сектора экономики по сравнению с царским и храмовым, более длительное сохранение системы земельных переделов как внутри территориальной, так и внутри домашней общины. Но особенности экономического развития периферийных областей мы сможем в более или менее чистом виде показать лишь на примере районов, сравнительно поздно втянутых в круг классовых обществ. Это объясняется отчасти тем, что для ближней периферии Нижней Месопотамии у нас не хватает письменных источников, а отчасти тем, что ближняя периферия развивалась от первобытного к классовому обществу не вполне самостоятельно. История Нижней Месопотамии органически связывается с историей ее ближней периферии. Рассматривая развитие Верхней Месопотамии и района по Тигру, который впоследствии стал Ассирией, в свете экономической взаимосвязи всего Ближнего Востока, мы увидим, что важнейшие исторические явления складываются в единую развивающуюся систему. Экономическая взаимосвязь стран Передней Азии нам раскроется прежде всего в развитии международной торговли.

Разделение труда между различными областями Передней Азии — главное условие возникновения международной торговли — начало складываться уже в эпоху ранних неолитических земледельческих общин ввиду необходимости получения производственного сырья (например, обсидиана, кремня) извне. К эпохе энеолита и ранней бронзы (IV—III тысячелетия до н. э.) оно уже прочно установилось в зависимости от природных условий, в которых развивались местные цивилизации: земледельческие центры на среднем и нижнем Евфрате и в его дельте были удалены

от горнорудных месторождений и лесов, продукция которых была условием самого их существования.

Эксплуатировались следующие торговые дороги: южная, морская (наиболее удобная для крайнего юга Двуречья), ведущая по Персидскому заливу к месторождениям меди и источникам ценной древесины; восточная, сухопутная (вверх по притокам Тигра — Дияле, Адему — и через перевалы между Большим и Малым Забом) — к месторождениям руд на Иранском нагорье и источникам древесины вплоть до месторождений олова и лазуритовых копей Афганистана и до Средней Азии, а может быть, и до Индии; с течением столетий предпочитались то одни, то другие варианты этой дороги в меру их безопасности; северная (по Тигру и далее к верховьям притока Евфрата — Хабура и через Евфрат) — к меднорудным и серебряным месторождениям Тавра и более отдаленных областей Малой Азии; западная (прямо вверх по Евфрату или сначала через долину Тигра и верховья Хабура и Белиха с переправой через Евфрат в Сирию) — к сиро-финикийским гаваням и оттуда морем на богатый медью остров Кипр * (а впоследствии и к гаваням в Эгейском море) или морем же к побережью Малой Азии, а далее к горам Тавра и за Тавр.

Статьи торговли оставались более или менее неизменными: в сторону Нижней Месопотамии двигались металлы, а навстречу — ткани и отчасти хлеб (потребителями последнего были, по-видимому, только пастушеские племена Сирии и Месопотамии, которые играли посредническую роль в перевозке металлов к земледельческим центрам, а также, вероятно, и рыбачье население побережья Персидского залива, в частности Бахрейна, которое тоже играло посредническую роль в торговле с более отдаленными странами Востока). Не каждый путь проходился на всем его протяжении одним караваном (или по морю одним кораблем): чаще товары передавались через цепь посредствующих звеньев. Характер товаров почти всегда одинаков, но в зависимости от изменения обстановки в городах, на узлах торговых путей и на самих путях варьировалась степень использования дорог.

Как можно видеть на примере державы III династии Ура, созданной выдающимся правителем Шульги, деятельность которого составила целую эпоху в истории Месопотамии и служила образцом и для царей I Вавилонской династии, централизованная экономика нуждалась в мелочном повседневном контроле и в — не всегда осуществимом — оперативном устранении неизбежных нарушений в функционировании хозяйственной системы независимо от того, чем эти нарушения вызывались — сопротивлением ли самой организуемой среды или внешними обстоятельствами. Как правило, сразу после смерти ее устроителя понимание вполне определенного замысла, который лежал в основе вводившейся административной системы, утрачивалось; система могла и далее функционировать по инерции (хотя и со все нарастающими затруднениями) — только благодаря контролю налаженного государственного аппарата, обеспечиваемого из особо выделенного фонда. Именно существование такого контроля задерживало на одно-два поколения распад подобной централизованной системы. Централизованное государство решало проблему участия в международном обмене отчасти вооруженной силой. Благодаря проведенным военным реформам, обеспечивавшим высокий военный потенциал государства, могли устраиваться грабительские экспедиции в горные области, а под страхом таких походов поддерживались и дипломатические отношения с возможными партнерами по международному обмену, а также вымогались дары. Отчасти же приходилось все же прибегать к международному обмену с более отдаленными странами. При этом международная торгов-

* Кипрская медь, по-видимому, начала разрабатываться несколько позже.

ля велась на средства своей страны, сбор которых поручался торговым посредникам — тамкарам — чиновникам государства; к источникам внутренней торговли за соответствующую мзду могли быть допущены и иноземные торговцы.

3. Город-государство Ашшур: начальный период

Обратимся к конкретным данным по экономике и общественному строю одного из крупнейших торговых центров на периферии Нижней Месопотамии изучаемой эпохи — города-государства Ашшур на среднем Тигре первых веков II тысячелетия до н. э., впоследствии ставшего центром Ассирии. Эта страна представляла типичное для предгорий, примыкающих к большим рекам, соединение земледельческого района (вдоль Тигра и в нижних частях долин его притоков — Большого и Малого Заба), где использовались как речные и ручьевые, так и колодезные и отчасти дождевые воды, с районами отгонного горного (яйлажного) скотоводства в более высоких частях долин и на горных летних пастбищах. Через эти скотоводческие районы, видимо, и шли связи с горнорудными разработками. Однако характерно, что сам Ашшур лежал вне этой страны — на противоположном, западном берегу Тигра, в месте, наиболее удобном для создания фактории при организации обмена со всей заречной территорией.

Для восстановления истории этого государства III — начала II тысячелетия до н. э. мы располагаем строительными надписями *энси,* или *ишшиаккумов,* найденными при раскопках его храмов и других сооружений. Упомянутые в надписях правители названы уже в качестве «царей» также и в ассирийских царских списках, дошедших до нас лишь от начала I тысячелетия до н. э. Эти списки до недавнего времени воспринимались учеными как целиком представляющие действительный перечень царей Ассирии, отражающий местную историческую традицию, однако, как мы увидим ниже, это верно не для всех отрезков списка. В той его части, которая поддается проверке подлинными надписями, сохранившимися в храме бога Ашшура (общинного божества города Ашшура), первым реальным лицом является Ушпиа (или Аушпиа), упоминаемый и в надписях царей середины II и начала I тысячелетия до н. э. как первый строитель этого храма. После него помещен Апиашаль — якобы последний из семнадцати царей, «обитавших в шатрах», как сообщает список. Однако есть основание полагать, что цари, «обитавшие в шатрах»,— поздняя интерполяция перечня предков одной из династий правителей Ашшура аморейского происхождения, к тому же еще приведенных в обратном порядке (таким образом, Ушпиа — не «отец», а преемник Апиашаля, как и остальные пятнадцать «обитателей шатров»).

Те же позднейшие надписи ассирийских царей называют строителем стен города Ашшура некоего Киккиа, второго по списку после группы «обитателей шатров». Иначе говоря, считалось, что стены города были возведены позже городского храма, видимо, до того храм охранялся племенем скотоводов, живших в шатрах. Насколько это соответствует исторической действительности, сказать трудно; поселение на месте Ашшура существовало уже в глубокой древности. Языковая принадлежность таких имен, как Ушпиа или Киккиа, неясна; они, во всяком случае, вряд ли могут быть отнесены к семитским или хурритским, хотя в списке чередуются с бесспорно восточносемитскими именами *.

* Недавно было высказано предположение, будто один из найденных в Эбле XXIII в. до н. э. документов является договором между Эблой и Ашшуром. Это предположение не подтвердилось.

1. Храм Иштар в Ашшуре:
а) реконструкция интерьера;
б) керамический алтарь в виде дома

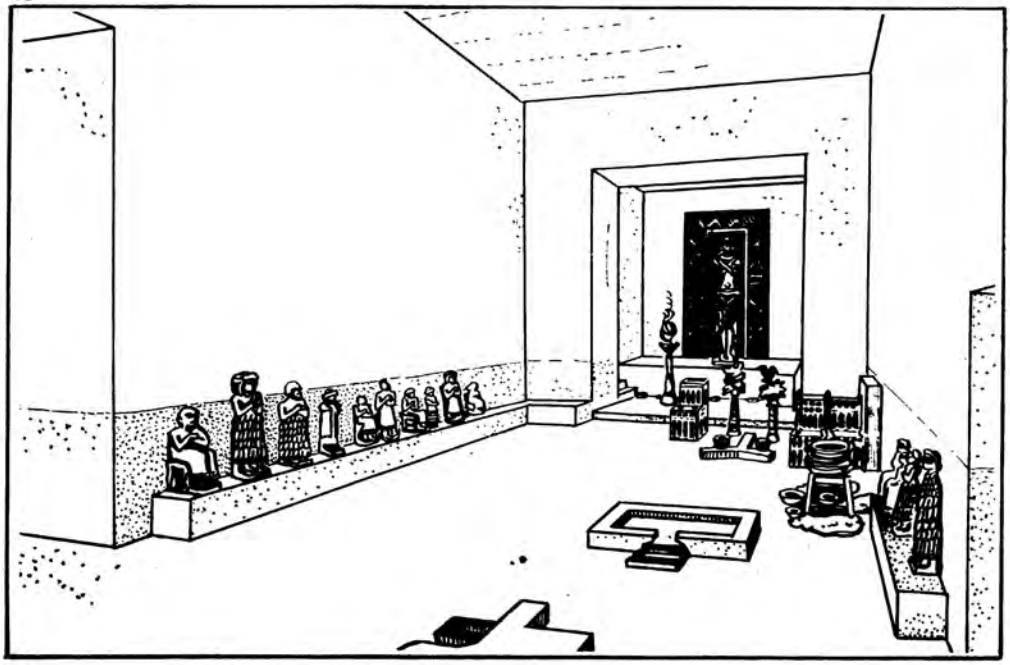
В период Царства Шумера и Аккада (III династии Ура) в Ашшуре сидел наместник — энси — с семитским именем-прозвищем Зарикум, или Саррикум. Он не был местным уроженцем, так как до или после Ашшура он правил в Сузах и еще в одном городе. В число обязанностей энси при III династии Ура помимо их других функций как царских чиновников входила и роль контролера *(нгир)* внешней торговли города, в котором он находился; как известно, внешняя торговля в это время была тесно связана с царско-храмовым хозяйством, составлявшим тогда в Нижней Месопотамии единый комплекс. Так ли это было на периферии, сомнительно; вероятнее, что храмовое хозяйство было здесь более самостоятельным. Зарикум оставил древнейшую дошедшую до нас из Ашшура подлинную надпись, посвященную «ради жизни» урского царя Бур-Сина I (Амар-Зуэна, 2045—2037 гг. до н. э.) богине Белат-экаллим, причем сам Зарикум называет себя, по тогдашнему обычаю, «рабом» царя. Белат-экаллим (шумер. Нинэгаль — «Госпожа дворца») была впоследствии особенно популярна среди хурритов. Самостоятельные надписи энси при III династии Ура очень редки: составление строительной вотивной надписи являлось обычно прерогативой самого царя, и надпись Зарикума, быть может, указывает на несколько особые общественные условия, существовавшие тогда в Ашшуре.

Через некоторое время после падения III династии Ура (примерно через поколение после этого события) в Ашшуре правила династия, основанная (в начале XX в. до н. э.?) неким Пузур-Ашшуром I. Его преемниками были Шаллимахум, Илушума, Эришум I (1940—1901 гг. до н. э.) и Икунум — современник основателя I династии Вавилона Сумуабума.

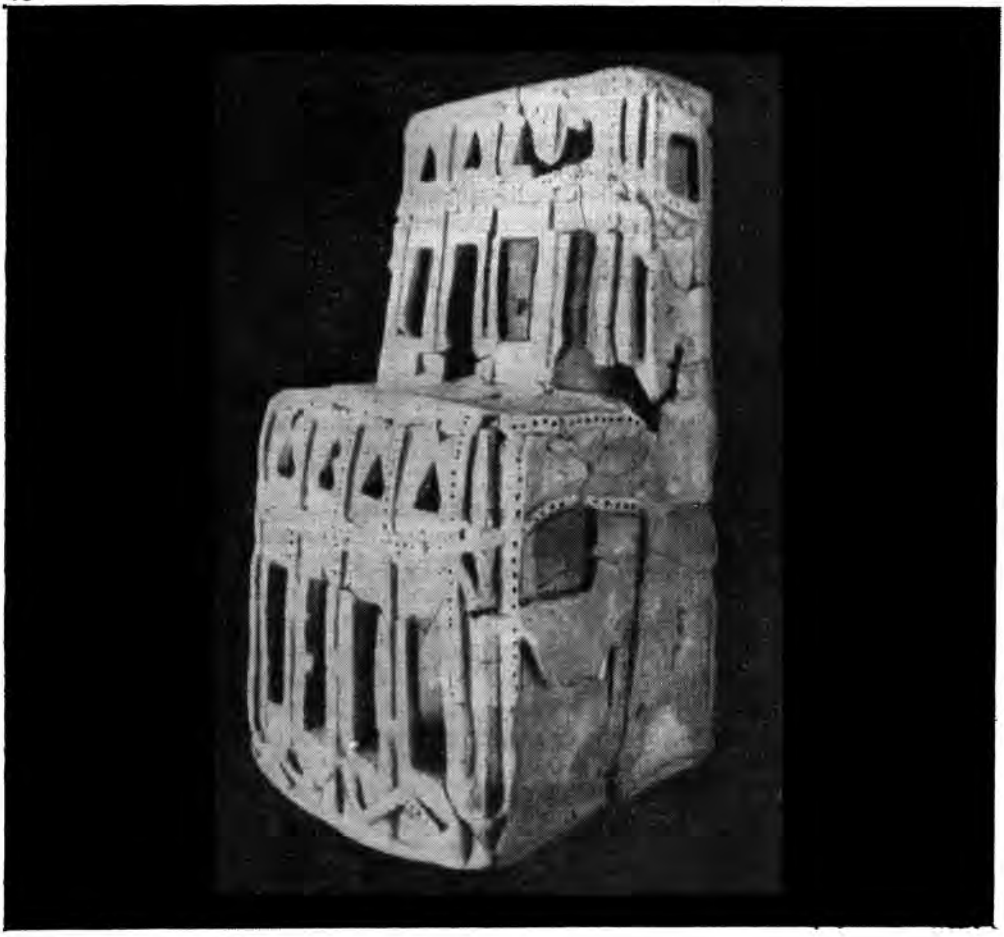
Из них наиболее замечателен Илушума. Если правильно предложенное толкование его надписи, составленной не особенно ясно, он освободил от ввозных пошлин товары, которые доставляли в Ашшур по дорогам из Ура и Ниппура (медь с Персидского залива и ткани из городов Двуречья), из Дера, Кисмара (Хашмара, т. е. перевала над долиной Диялы) и Авала (Хавалум, по-видимому, на перевале через Загрос, который вел к зависевшей от Ашшура и близкой к нему Арбеле). По трем последним дорогам везли золото, сердолик, лазурит, шерсть, рабов, скот. Привлекая таким образом в Ашшур товары, Илушум положил начало широкой посреднической международной торговле.

Аналогичное мероприятие провел и его сын Эришум I, хотя его надпись еще более неясна для современных исследователей. Безусловно одно:

1а

1б

в решении царя принимал участие и «город» *(алум)*, т. е., вероятно, городской совет *.

После Икунума, преемника Эришума I, что-то, по-видимому, заставило следующего правителя Ашшура принять традиционное (ср. Саргона аккадского) и в то же время характерное скорее для узурпатора имя Шаррумкен, что значит «истинный царь» (Саргон I ассирийский). Этот Саргон, однако, поддерживает старые традиции ашшурского города-государства, судя по тому, что его преемник носит имя основателя прежней династии (Пузур-Ашшур II). Последнего сменяет Нарам-Син — опять правитель с именем в традициях династии Аккаде **, но за ним снова появляется тезка одного из преемников Пузур-Ашшура I, более других известного своей строительной деятельностью,— Эришум II. Последний был свергнут знаменитым аморейским вождем Шамши-Ададом I.

Весь этот исторический период, вплоть до царствования Шамши-Ададa I (1813—1781 гг. до н. э.) и его сына и соправителя Ишме-Дагана I (1797? — 1757 гг. до н. э.), называют Староассирийским (XX—XVIII вв. до н. э.). История Ашшура как торгового центра шла в этот период по восходящей линии.

Во главе Ашшурского государства вплоть до времен Эришума II (начало XIX в. до н. э.) и потом снова после Ишме-Дагана I стоял правитель, носивший, как уже упоминалось, титул «ишшиаккум» (эквивалент шумерского термина «энси»). Он ведал храмовым и ирригационным строительством и, вероятно, управлял храмовым хозяйством. Административную (и, возможно, судебную) власть в городской общине возглавлял *укуллум*, видимо аналогичный шумерскому «землеустроителю» *(сангсук)*. Право назначения на должность укуллума, как кажется, находилось в руках не правителя, а совета города; во всяком случае, на основании свидетельств коммерческой переписки из Каниша, о которой речь пойдет ниже, представляется, что кандидат на должность укуллума утверждался советом, и, вероятно, таков же был порядок и в Ашшуре; должность же ишшиаккума была наследственной в роде ***.

Существует важная особенность посвятительных надписей ашшурских правителей Староассирийского и отчасти Среднеассирийского периода: в полном противоречии с традициями Нижней Месопотамии (а впоследствии и самой Ассирии, когда она превратилась в большую державу) посвятительные надписи составлялись не только от имени правителя, но и от имени «города» (алум), т. е. городского совета, и даже в первую очередь от имени совета.

Саргон, сын Икунума, не оставил надписей в ашшурском храме, так же как и три его преемника (Пузур-Ашшур II, Нарам-Син и Эришум II). Имеется только оттиск печати Саргона I ашшурского на документе купца, происходящем из Каниша в Малой Азии.

Существует поэма легендарного содержания, самый древний пока и сильно поврежденный список которой дошел из египетского дипломатического архива в Эль-Амарне (XIV в. до н. э.). В ней сообщается, что еще Саргон аккадский по просьбе купцов, находившихся в Малой Азии, выступил на их защиту против (?) некоего Нур-Даггаля. В этой связи упоминается город Пурусханда (Пурушханда, а более древняя форма этого названия — Пурушхаттум), недалеко от соленого озера Туз, в глубине полуострова, хотя из-за разрушений текста неясно, именно в нем ли считался правившим Нур-Даггаль и действительно ли в поэме утверждалось,

---

* Ср. ниже о тексте присяги торговцев Эришуму I.

** Высказывалось мнение о тождестве Нарам-Сина ашшурского с Нарам-Сином, царем Эшнуны, однако это трудно доказать.

*** В подавляющем большинстве случаев должность ишшиаккума и укуллума занимало в Ашшуре одно и то же лицо.

что Саргон аккадский дошел до тех мест. Как Саргон аккадский, так и его внук Нарам-Суэн, царь Аккаде, были хорошо известны и малоазийской (хеттской) исторической традиции. Однако ни археологические, ни более или менее современные Саргону аккадскому письменные памятники не подтверждают аккадского проникновения в глубь полуострова или даже наличия в Малой Азии III тысячелетия до н. э. аккадских купцов и торговых факторий. Не произошло ли в эпической традиции соединения образов Саргона аккадского и его внука Нарам-Суэна с образами Саргона I ассирийского и его второго преемника Нарам-Сина? *.

Возвращаясь к данным позднейшего ассирийского царского списка, мы находим, что обе важнейшие его версии, исследованные И. Е. Гельбом, приводят имена царей, правивших после тех, что «обитали в шатрах», аттестуя их как единую группу. Эти же имена царей засвидетельствованы в известных нам надписях на строительных кирпичах. Составитель списка называет в самом начале этой группы неизвестного нам Сулили, сына Амину, затем Киккию, Акию, Пузур-Ашшура, Шаллимахума и Илушуму, сообщая о всех шестерых, что число *лимму* для их правлений ему неизвестно. Под термином «лимму» («круг», «эпонимат») здесь подразумеваются отдельные годы правления каждого царя; всякий год носил в Ассирии имя кого-либо из ежегодно сменявшихся городских казначеев (эпонимов). Возможно, институт эпонимата, казавшийся составителю списка извечным, на самом деле был принят ашшурскими правителями лишь начиная с Эришума I, от правления которого писец уже и располагал данными на этот счет. Как известно, датировкой по лимму пользовались в Малой Азии при составлении документов о торговых сделках этого времени, в частности для датировки коммерческих ссуд. Весьма возможно, что до Эришума I подобный принцип датировки существовал именно только в торговых делах города, а официально был принят как датирующий деятельность и самого царя лишь в момент наиболее благоприятных взаимоотношений между царем и купеческой элитой города.

Завоеватель Ашшура Шамши-Адад I (1813—1781 гг. до н. э.) в своей пространной надписи упоминает Эришума I и его сына Икунума как своих предшественников на ашшурском троне (занятом им не сразу), совершенно умалчивая о следующих после Икунума четырех правителях (Саргоне I, Пузур-Ашшуре II, Нарам-Сине, Эришуме II). Составитель же ашшурского списка царей помещает их перед Шамши-Ададом. Как мы

---

* Ср. Владимира Красное Солнышко русских былин, соединившего в себе черты Владимира Святого и Владимира Мономаха. С учетом коренных изменений в политической обстановке, происшедших за сотни лет, отделявших Саргона и Нарам-Суэна аккадских от составителей сочинений, о которых идет речь, можно представить себе, что Саргон ашшурский принял имя царствовавшего на юге за полтысячелетия до него Саргона Древнего, надеясь осуществить политическую программу своего знаменитого тезки, память о котором сохранилась в популярных легендах и тысячи лет спустя.

Бедствия малоазийских иноземных торговцев, упоминающиеся в легенде амарнского времени, чрезвычайно сходны с теми, которые выпали на долю купцов не при Саргоне аккадском, а при Саргоне ашшурском в тех самых местностях, которые эта легенда упоминает (см. ниже). Устные предания обо всех этих событиях могли дожить до времени создания поэмы или составления дошедшего до нас ее письменного варианта. Однако характерно, что суть отношений между торговцами и правителями времен Саргона ашшурского в амарнский период была уже не ясна: положение торговцев и самой торговли в этот период коренным образом изменилось: если в начале II тысячелетия до н. э. в торговле преобладала частная инициатива и действительная связь ашшурских купцов в Малой Азии с ашшурским правителем была очень слабой, то к середине II тысячелетия по всей Передней Азии усилилась дворцовая торговля, являвшаяся формой международного обмена в условиях господства централизованного распределения, и в противовес ей возникли собственно торговые самоуправляющиеся города, столь характерные для древнего Востока последующих периодов.

уже упоминали, есть предположение, что эта династия происходила из Эшнуны. В дальнейшем отношения царей Эшнуны с Шамши-Ададом развивались в зависимости от обстановки: для похода на город Ямхад, господствовавший в Северной Сирии, царь Эшнуны выставил в помощь Шамши-Ададу 6 тыс. воинов (треть всего войска Шамши-Адада), надеясь, очевидно, с помощью бывшего врага пробить и себе дорогу к Средиземноморью; но позже он пытался вступить в союз с Хаммурапи против Шамши-Адада, однако безуспешно.

Таковы довольно скудные сведения о политической жизни города Ашшура, будущего центра Ассирии, в конце III — начале II тысячелетия до н. э. Однако для истории Ближнего Востока этого времени Ашшур важен не этими незначительными событиями, а той ролью, которую он играл в международной торговле.

Уже упоминалось, что одной из важных статей торговли II тысячелетия до н. э. были металлы, обращавшиеся в качестве денег,— серебро, медь, свинец, ткани, поставлявшиеся оптом через Ашшур, поэтому город и играл столь важную роль в истории этой эпохи *.

Наряду с оловом важной статьей ввоза в Малую Азию были аккадские и сирийские ткани.

Период расцвета ашшурской внешней торговли падает на время до Шамши-Адада I: тот создал большую державу, перегородившую все пути по Евфрату, Тигру и по предгорьям Загроса, и тем самым нарушил структуру караванной торговли по всему Ближнему Востоку. До Шамши-Адада основные известные нам пути ашшурских торговых экспедиций шли в Сирию, а также в Восточную Малую Азию, в область месторождения меди, серебра и свинца. Отсюда через посредников связи ашшурцев тянулись далее к островам Восточного Средиземноморья. Возможно, имели значение и другие направления торговли, но сведений о них у нас пока почти нет. Коммерческая переписка, в изобилии дошедшая из Малой Азии Староассирийского периода, о котором пойдет речь в этой главе, не позволяет точно локализовать места добычи металлов, указывая лишь на направление, в котором нужно их искать. Торговля являлась преимущественно делом частной инициативы, ей было не по силам освоение каких бы то ни было месторождений. Торговцы получали в лучшем случае куски неочищенного металла, выплавленного из руды, очевидно, горными землевладельческо-скотоводческими племенами. Точно так же и шерсть собирали в Малой Азии, но она не являлась статьей международной торговли: перевозились лишь готовые ткани. Другими словами, торговцы, занимавшиеся посредничеством в обмене отдаленных областей в начале II тысячелетия до н. э., кооперировались с ремесленниками тех областей, которые они обслуживали, и брали на себя только те функции, которые не требовали долгосрочных вкладов и сложной организации рабочей силы, каких требуют добыча и плавка руды и изготовление товаров. Связанные с торговцами местные ремесленники занимались очищением металлов и изготовлением брусков-заготовок из сплава, т. е. доведением металла до кондиций, принятых в международной торговле. Точно так же торговцы занимались сбором, а ремесленники обработкой шерсти, из которой изготавливали различные ткани сообразно заказам. Товары из более отда-

* В последующий период, когда образовавшееся в бассейне Хабура царство Митанни отрезало Ашшур от западных коммуникаций, оказались прерванными также и большинство его связей с востоком, поскольку в бассейне Адема возникло хурритское государство Аррапха, владевшее и важнейшей переправой на Малом Забе (район Телль-Махуза). Другой же выход на Иранское плато — через долину Диялы — находился в руках враждебного Ашшуру Касситского царства. Тем не менее, возможно, оставался еще путь к месторождению олова севернее, через Арбелу, откуда оно и поступало в Ашшур.

ленных мест приобретались лишь через посредничество тех племен и общин Малой Азии, Сирии, гор Загроса и Нижней Месопотамии, до которых добирались ашшурские и другие купцы.

Из Месопотамии ашшурские купцы везли главным образом ткани, изготовленные из привозной шерсти как в самом Ашшуре, так и в Южном Двуречье и других областях. Всеобщим эквивалентом цен в Староассирийский период пока еще было серебро, функционировавшее в виде кусочков «звонкого» металла (*ка́спум ца́ррупум*); изредка платят и золотом (*хура́цум*), в ценностном отношении к серебру как 1 : 8 в Малой Азии и 1 : 4 в Ашшуре. Мелкие платежи погашались кусочками меди (*вери́ум*) и олова (*а́ннакум*).

Торговцы, прибывавшие в Малую Азию из Ашшура и вообще иноземные для данной территории, используя клинопись, занимались учетом векселей, кредитуя своих компаньонов и целые торговые общины (*карум*), сами получая товар в кредит от местных торговых агентов (тамкару), ремесленников (*уммиану;* под этим термином имеются в виду крупные ремесленники — мастера и посредники). Именно с кредитования местных людей и началось внедрение иноземцев, в первую очередь ашшурцев, в торговлю Малой Азии и Северной Сирии, приведшее к созданию целой системы торговых поселений с центром в Канише.

Но прежде чем рассказывать об этих поселениях, целесообразно рассмотреть обстановку, которая сложилась на Малоазийском полуострове ко времени их создания.

4. Дохеттская Малая Азия

В Малой Азии раннеземледельческие племена к V—IV тысячелетиям до н. э. освоили почти всю территорию полуострова. Но наиболее яркие культуры по-прежнему были представлены на юге, как бы продолжая традиции блестящей культуры Чатал-Хююка. Из числа древних поселений лучше других изучены Хаджилар, на юго-западе Анатолии, и Мерсин, около Коньи. Это были небольшие поселения, площадью около 0,5 га, жители которых занимались земледелием, разводили овец, коз, коров и свиней. Металлические изделия, ранее случайные и спорадические, теперь встречаются все чаще; одновременно происходит упадок и деградация кремневых орудий. В Мерсине найдены медные тесла и топоры, а в другом небольшом поселке Юго-Западной Турции — Бейджесултане — обнаружен даже клад медных вещей и серебряное кольцо.

Значительного прогресса достигает производство глиняной посуды, нередко украшавшейся сложными расписными орнаментами. Все это свидетельствует о начальных этапах специализации металлургов и гончаров, которых можно рассматривать как общинных ремесленников, обслуживавших потребности того раннеземледельческого коллектива, членами которого они являлись.

Археологи выделяют на юге Малой Азии по крайней мере три культуры V—IV тысячелетий до н. э. Вероятно, подобная этнокультурная пестрота и большая плотность населения способствовали сложной системе взаимоотношений, царивших в мирках этих ранних земледельцев. Во всяком случае, многие поселки сохранили следы обводных стен — глинобитных или каменных, имевших толщину 1,5—3 м. В поселке Хаджилар II отмечены также следы большого пожара, охватившего почти все раскопанные здания и, возможно, явившегося результатом вражеского нашествия. Постепенно отдельные области во все большей мере вовлекаются в орбиту широких культурных связей. В Мерсине отмечаются следы сначала халафских, а затем убайдских влияний, идущих из месопотамских центров.

2. Малоазийская керамика
3. Святилище в Бейджесултане (реконструкция интерьера)

Шумер и Египет уже пережили длительный период классового развития, когда в Малой Азии только начинался переход к цивилизации. Земледелие Анатолии, основанное на дождевом и ручьевом орошении, во многом уступало ирригационному полеводству в долинах великих рек. Оно доставляло пропитание раннеземледельческим общинам Малой Азии, но не обеспечивало быстрого роста прибавочного продукта, необходимого для ускоренного развития. Зато большую роль в хозяйстве играло скотоводство *. Природные условия страны, разделенной на отдельные горные долины, вероятно, с враждовавшим между собой населением, способствовали также культурной и этнической разобщенности; недаром к III тысячелетию до н. э. археологи насчитывают в Малой Азии уже более десяти одновременно существовавших культур; раскопанные поселки часто несут следы пожаров, а вскрываемые погребения буквально забиты оружием. В таких условиях процесс формирования раннеклассового общества был более длительным и протекал под заметным культурным и экономическим влиянием древнейших очагов цивилизации. Археологические материалы позволяют проследить ступени этого процесса в III — начале II тысячелетия до н. э.

В первой половине III тысячелетия до н. э. в Малой Азии формируется ряд историко-культурных областей со своими устойчивыми традициями. Но всех их объединяют два общих явления — рост укрепленных центров, своего рода протогородков, и подъем ремесленного производства. Укрепленные поселения хорошо изучены в западной части полуострова: это Терми, Полиохни и Хисарлык — знаменитая Троя. Троя I представляет собой поселение, обнесенное каменной стеной; расположенное в центре крупное здание, состоящее из зала с портиком, по мнению ряда исследователей, было резиденцией вождя-правителя. Заметен прогресс металлургии, основывавшейся на богатых рудных запасах Малой Азии. В это время уже известна бронза, хотя медных изделий еще много; используются золото и серебро. Кинжалы нескольких видов, копья, топоры, разнообразные украшения свидетельствуют о высокой степени профессионального мастерства. Судя по некоторым формам глиняных сосудов, явно восходящим к металлическим прототипам, из бронзы и серебра изготовлялась и посуда. Клады металлических изделий и находки привозной керамики

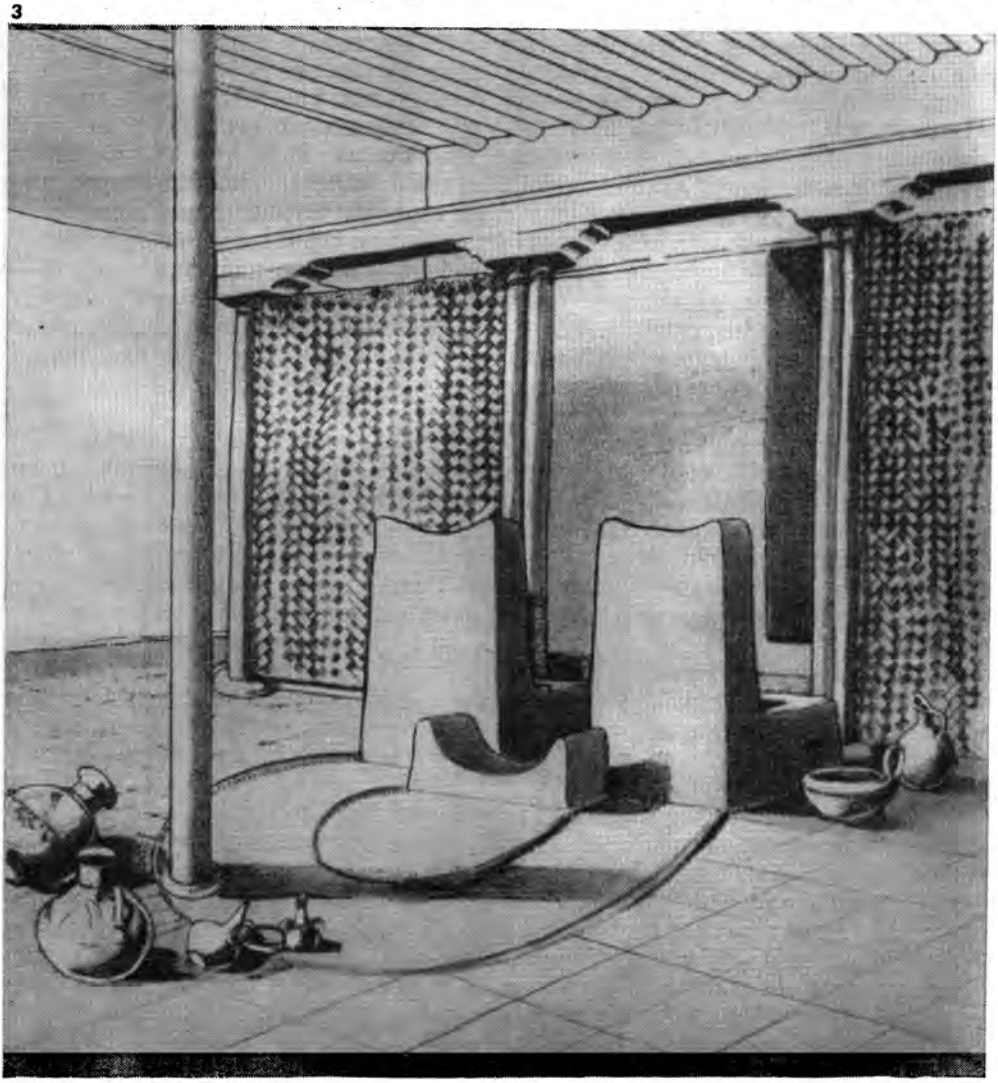
* Следует учесть, что раннеземледельческие культуры типа Чатал-Хююка относились ко времени климатического оптимума, который сменился более засушливым климатом.

2

3

4. Оружие из погребений знати в Дораке:
а) кинжалы с клинками из бронзы, серебра и железа (первый слева), рукоятями из камня, с резьбой и инкрустацией из золота, серебра, самоцветов;
б) булавы с каменными навершиями

(например, в Трое — из Юго-Восточной Малой Азии) указывают на развитие торговли.

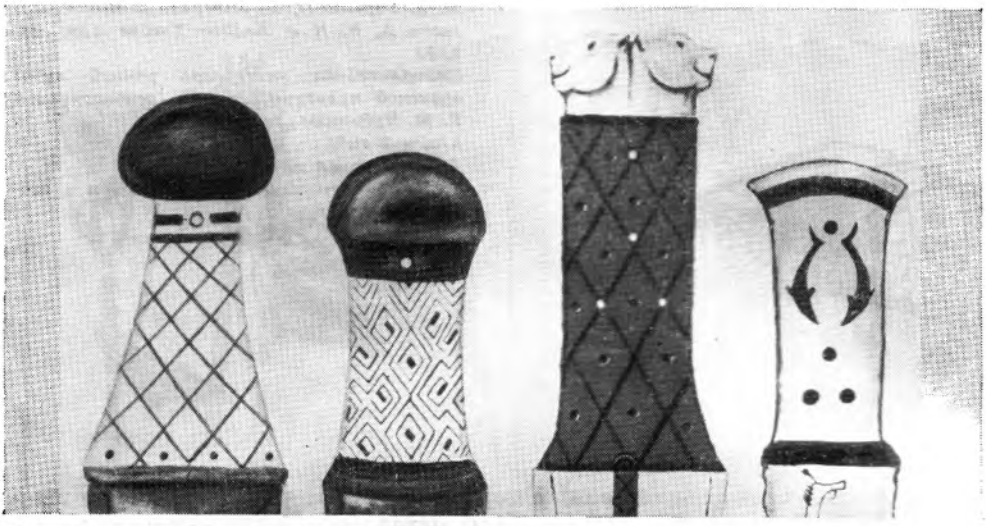
Троя в течение почти двух тысячелетий была, по-видимому, связующим звеном между культурами Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы, которая в это время достигла высокого развития.

Резкий подъем культуры Малой Азии дописьменного периода наступил в XXV—XXIII вв. до н. э. Это был период процветания богатевших горожан. Однако сельское население вело жизнь, мало отличавшуюся от эпохи раннеземледельческих общин, и даже глиняная посуда изготавливалась здесь ручной лепкой. Да и сами городки уступали месопотамским центрам как своими размерами, так и размахом строительства. Многие из них — Троя II, Полиохни V, Ахлатлибель — имели площадь всего 1—2 га. Правда, размеры такого центра, как Бейджесултан, были довольно внушительны — около 24 га. Городская стена Бейджесултана, сложенная из камня, имела толщину до 5 м. Сравнительно невелики были святилища Бейджесултана, достигавшие в длину 15—17 м. Отдельно стоящие общественные здания имелись в Трое и Полиохни.

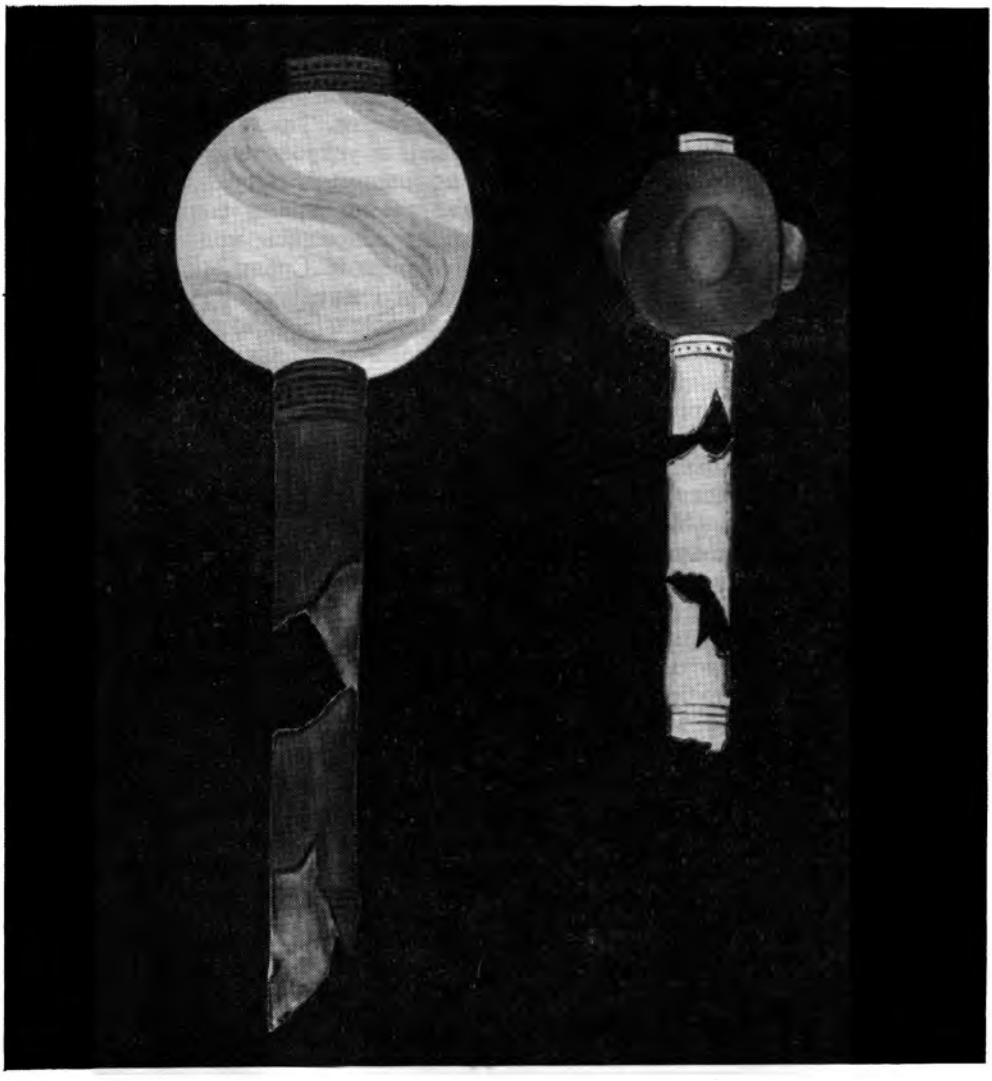
Рост благосостояния заметен во многих областях; богатство малоазийских городков благодаря находкам кладов и гробниц становится почти физически ощутимым. В состав кладов входят уже не медные топоры, а золотые сосуды и украшения, что объясняется ростом ремесла и торговли. Классическим примером центра поистине международной торговли является Троя II, которая была связана с Балканами и Малой Азией и где встречаются одновременно прибалтийский янтарь и лазурит с территории современного Афганистана. В погребении в Дораке обнаружена деревянная шкатулка египетского происхождения. Есть основания полагать, что рудные богатства Малой Азии все более регулярно вывозились в Сирию и Месопотамию. Однако материальных следов проникновения аккадцев на полуостров до самого конца III тысячелетия до н. э., как уже упоминалось, не обнаруживается.

Обработка металлов процветала и в самой Малой Азии; местные кузнецы и ювелиры создавали произведения, не уступающие лучшим образцам тогдашней эпохи. Широко использовались литье по восковой модели и золотая филигрань. В ход шли бронза, медь, олово, свинец, серебро, золото, сплав золота с серебром (так называемый электр) и даже железо (метеоритное?). За исключением олова, все это были металлы местного происхождения. Специализированным производством становится изготовление оружия — коротких мечей, кинжалов и боевых топоров. Как сред-

4а

4б

5. Хаттский вождь-жрец (реконструкция М. В. Горелика), по материалам погребений знати А, В, К в Аладжа-Хююке (см. ил. 8, 9)

6. Медномолитейная мастерская ранней куро-араксской культуры, Грузия (реконструкция Г. М. Чубинишвили):
а) общий вид;
б) плавильная печь

7. Оттиск печати из Каниша с именем и изображением купца

ство защиты в этот воинственный период получают распространение шлемы. Выделяются три локальные школы металлообработки — северо-западная, понтийская (причерноморская) и центральноанатолийская.

Другой процветающей отраслью ремесла становится ювелирное, блестяще представленное золотыми ушными подвесками из Трои II.

Все это не могло не отразиться на социальной структуре общества, о чем говорят четко выделяемые погребения знати. Такие могилы открыты в Дораке и в Аладжа-Хююке *. Размерами и устройством они немногим отличались от рядовых захоронений, но пышный ритуал, требовавший богатых даров покойному, подчеркивает резкие грани социальной дифференциации. В Аладжа-Хююке усопшие покоились под деревянными балдахинами с золотой и серебряной обкладкой. Среди многочисленных сосудов, оружия и драгоценностей особенно интересно церемониальное оружие — золотые булавы и железные кинжалы с золотой рукояткой — материальное свидетельство выделения светской знати с ярко выраженной функцией военных вождей. В условиях племенной чересполосицы и розни, столь характерной для Малой Азии, эта функция приобретала особенно большое значение.

Богатые гробницы Аладжа-Хююка и им подобные являют черты типологического сходства с памятниками, обнаруживаемыми к северу от Кавказского хребта (Майкоп) и в Кахетии.

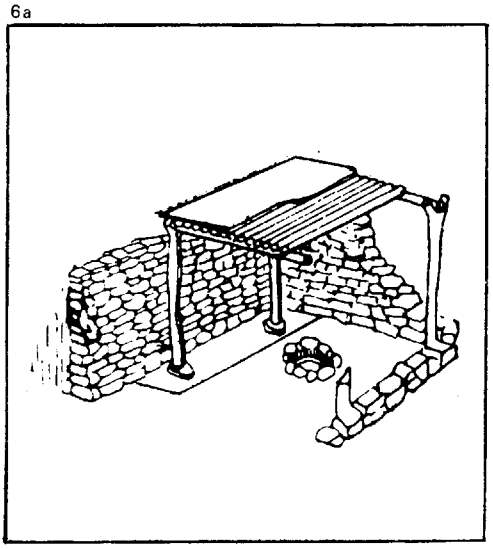
К востоку от полуострова Малая Азия, на обширной территории от нагорий, спускающихся с запада к долине верхнего Евфрата на восток по долине реки Арацани (Мурат, Мурад-су), до области озер Ван и Урмия, в междуречье Куры и Аракса и вплоть до Центрального Дагестана, в течение III тысячелетия до н. э. были распространены довольно однородные варианты раннебронзовой куро-араксской культуры, созданной горными скотоводами-земледельцами. От культур полуострова Малая Азия она отличалась несколько более слабым развитием металлургии (поскольку тогда еще рудных месторождений на этой территории не было известно). Характерные признаки куро-араксской культуры — круглые, позже прямоугольные жилища в укрепленных поселениях, чернолощеная, изящная и разнообразная по формам посуда ручной лепки, часто украшенная налепным или врезным орнаментом. Население наряду с овцами, козами и свиньями разводило уже сравнительно много крупного

* Гробницы Дорака и Аладжа-Хююка нередко именуются царскими, но их сравнительно небольшие размеры (Дорак: 1,8×0,83 м и 3,10×2 м) заставляют подходить к такой интерпретации более сдержанно.

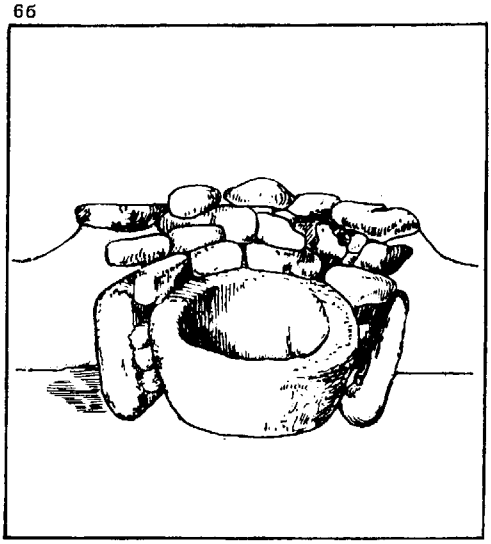
5

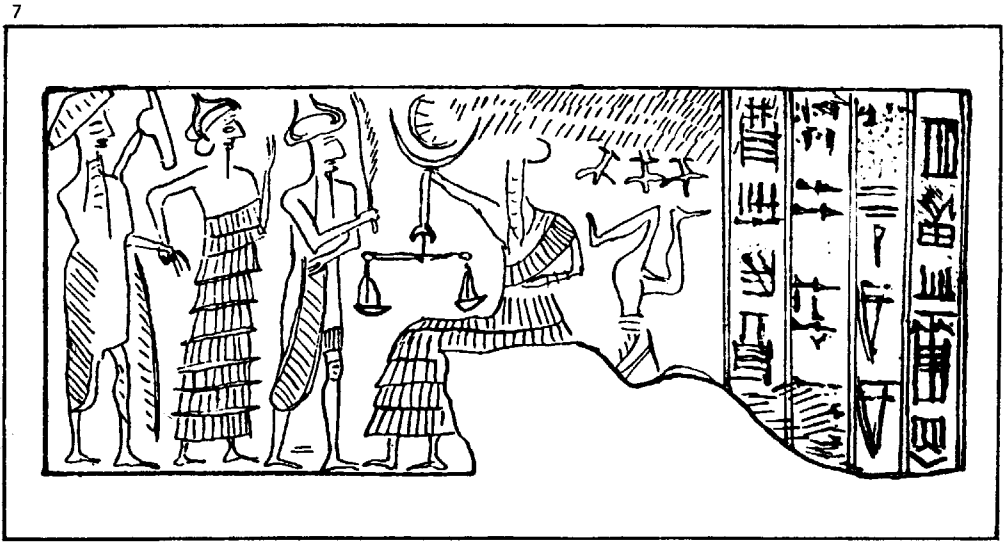
6а

6б

7

8. Золотые изделия из погребений знати в Аладжа-Хююке:
а) кувшинчик;
б) кубок;
в) застежка в виде щита

рогатого скота, который кое-где преобладал; постепенно происходит развитие полукочевого горного (яйлажного) скотоводства, частично за счет сведéния горных лесов. В долинах сеяли пшеницу, ячмень, полбу, просо, лен, сажали виноград, абрикосы. В течение всего III тысячелетия до н. э. происходит рост материального благосостояния куро-аракских племен, и явно начинает намечаться имущественное расслоение общества.

Поскольку территория куро-аракской культуры не обладала ресурсами сырья, необходимыми Месопотамии, здесь нет и следов проникновения с юга ни каких-либо этнических групп, ни даже торговых посредников. Поэтому сюда не ввозилось и олово, а металлургия, хотя и достигает вскоре уровня высокоразвитого и дифференцированного ремесла, однако все еще работает на медно-мышьяковистых сплавах.

Но если чужестранцы пока не стремились на Армянское нагорье и Южный Кавказ, зато наблюдалось движение довольно значительных групп населения к югу. В III тысячелетии до н. э. почти внезапно памятники куро-аракской культуры появляются в Сирии (здесь они именуются «хирбет-кераксими») и затем в Палестине, где соответствующие культуры были, однако, быстро поглощены местными.

По мнению И. М. Дьяконова, куро-аракская культура была связана главным образом с племенами, говорившими на восточнокавказских языках (к которым автор относит хуррито-урартский и протонахско-дагестанский), а возможно, и на других кавказских. Некоторые ученые высказали гипотезу о том, что на территории куро-аракской культуры был очаг племен протоиндоевропейского языка. Однако это предположение наталкивается на непреодолимые археологические, исторические и лингвистические трудности. Во всяком случае, историческое развитие на данной территории органично продолжается и во II тысячелетии до н. э.

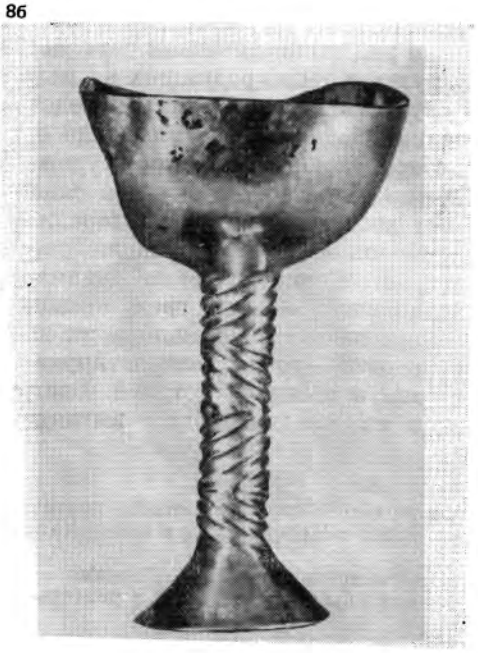
Напротив, есть основания полагать, что стремительное развитие культур полуострова Малая Азия было в известной мере задержано какими-то событиями конца III тысячелетия до н. э., когда приходит в запустение значительная часть поселений, особенно на западе Малой Азии. Некоторые исследователи связывают это явление с продвижением индоевропейских племен с Балкан, предположительно людей древнеанатолийских, или хетто-лувийских, языков *. Другие полагают, что изменения обусловлены переходом части местного населения к интенсивному скотоводству.

* Вопрос о том, откуда эти племена здесь появились, до сих пор не решен. Представляется наиболее вероятным, что они продвинулись с Балканского полуострова; быть может, протоиндоевропейцы вообще были связаны с весьма высокой земледельческо-скотоводческой культурой балканских придунайских стран эпохи неолита

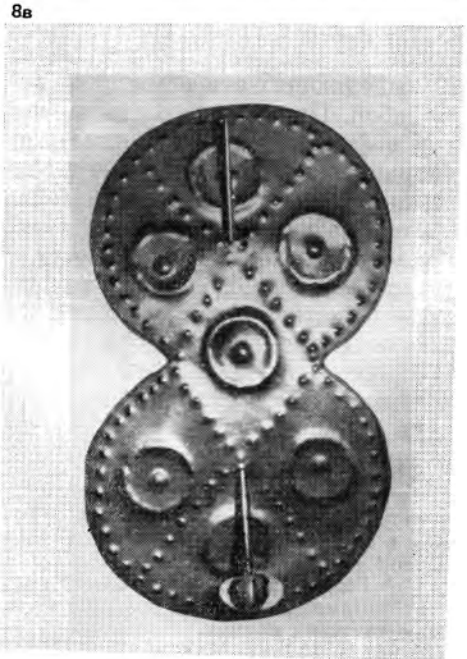
8а

8б

8в

9. Бронзовые навершия штандартов и дышл повозок из погребений знати в Аладжа-Хююке

В целом, однако, прежняя тенденция развития страны не была прервана полностью. Бейджесултан в начале II тысячелетия до н. э. становится подлинным городом с обособившейся цитаделью, а найденная здесь печать с иероглифическими знаками указывает на развитие местной письменности. Цитадель с обводной стеной появляется и в Алишаре. По-видимому, к 2000 г. до н. э. почти все районы полуострова покрываются сетью раннеклассовых городов-государств.

Искусство Малой Азии второй половины III тысячелетия до н. э. *, которое мы рассмотрим здесь, связано непосредственно с предыдущим периодом. Памятники Малой Азии дохеттского времени и эпохи Хеттского царства представляют собой этапы единого пути развития в художественном подходе к различным видам искусства, будь то архитектура, рельеф, мелкая пластика, керамика или ювелирное дело.

Яркую картину развитого прикладного искусства дают вещи из погребений знати конца III — рубежа III и II тысячелетий до н. э. в Аладжа-Хююке **, представленные многочисленными изделиями из золота и бронзы. Для золотых вещей — чаш, кубков, кувшинов, наверший жезлов, ожерелий, подвесок, застежек — характерен ряд стилистических черт, четко выделяющих эти памятники из всех других и тесно роднящих их между собой. Прежде всего это лаконизм и скупость художественных средств как в форме, так и в орнаментике изделий. Подобное явление было бы неправильно связывать с неумением мастеров: оно, несомненно, художественно осмыслено. Мастера Аладжа-Хююка сознательно избегали сложности. Эффекта нарядности, роскоши они достигали тем, что старались придать своим изделиям строгую и законченную форму, а также тщательной отделкой, полировкой поверхностей. Геометрические орнаменты — решетки, круги, «ручеек», свастика, «елочка» — самой своей несложностью гармонировали с простыми формами изделий, но манера их выполнения — глубокий рельеф, сквозная прорезь — сочно контрастирует с большими и гладкими пространствами фона и соседних деталей. Благодаря этим свойствам золотые украшения из Аладжа-Хююка выглядят очень торжественно.

Ил. 8

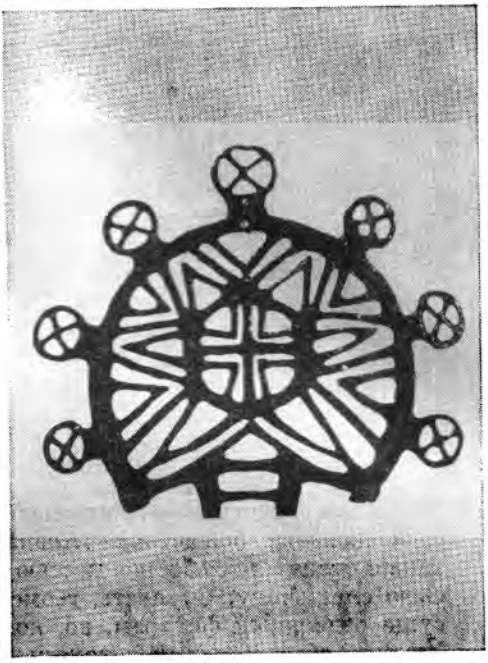
и медно-каменного века. Эта культура испытала на себе сильное влияние достижений в области земледелия и скотоводства, связанных с Малой Азией в эпоху Чатал-Хююка.— *Ред.*

* Раздел об искусстве Малой Азии этого времени написал М. В. Горелик.

** Памятники из погребений в Аладжа-Хююке обычно связывают с деятельностью хаттских племен.

9

10. Статуэтки женских божеств Малой Азии:
а) бронза, Ороз-тепе;
б) серебро, золото, Хасаноглан

Ил. 9 Объемная пластика — бронзовые штандарты из Аладжа-Хююка, статуэтки женских божеств из Аладжа-Хююка, Хасаноглана и Ороз-тепе — также отличается обобщенностью и лаконизмом форм и отделки, но имеет свою специфику. Скупость, геометризированная обобщенность форм присущи отдельным фигурам, но, когда они, как на штандартах из Аладжа-Хююка, объединяются в группы, да еще окружаются рамой, часто воспроизводящей спираль бараньего рога, эффект получается противоположный: штандарты приобретают пышность и изобильность форм. Наряду с описанными были и чисто орнаментальные штандарты, литье которых воспроизводило сквозную прорезь в золоте и которые сохраняли все отмеченные выше качества ювелирных изделий. Еще одно отличие в обработке бронзы: ее часто украшали инкрустацией и плакировкой драгоценными металлами, тогда как золото не дополнялось в качестве украшающего элемента другими металлами.

Особо следует остановиться на памятниках искусства Трои середины — второй половины II тысячелетия до н. э. Раскопанное Шлиманом городище Троя II, относящееся к этому времени, дает богатое собрание керамических изделий, поделок из металла (золота, бронзы, серебра) и камня. Архитектура Трои II представлена оборонительными сооружениями цитадели и расположенными в ней зданиями дворцового и, вероятно, культового назначения. Могучие стены, окружавшие холм цитадели неправильным овалом, имели высокий и очень толстый цоколь, сложенный из крупных обломков камней, над которым возвышалась не дошедшая до нас верхняя часть стены из сырцовых кирпичей, укрепленных деревянными балками. Стены имеют ряд прямоугольных бастионов, в самых больших из них сделаны ворота. Главные ворота устроены в виде пропилей — прохода между двумя стенками, перпендикулярными городской стене. Чтобы проникнуть в цитадель, надо пройти двое ворот. Пространство самой цитадели состоит из двух внутренних дворов: первый, небольшой дворик, куда попадаешь, пройдя ворота в стене, и большой, основной двор, отделенный от первого стеной с парадными воротами и колоннадой с внутренней стороны. Внутри цитадели находятся три больших здания, поставленные параллельно и обращенные фасадом к парадному входу, и здания меньших размеров, стоящие по периметру внешней стены. Размеры самого большого здания (20 × 10 м), а также наличие в его главном зале круглой каменной плиты-очага, возможно, свидетельствуют о том, что здесь располагался дворец правителя Трои, бывшего одновременно и верховным жрецом.

10а

10б

11. Городище Троя II, план
12. Керамика из городища Троя II
13. Керамика и золотые изделия из городища Троя II:
а) каменный топор;
б) золотой светильник;
в) золотой налобник и подвески

Ил. 12 Керамика из Трои очень разнообразна по формам. Сосуды — кубки, горшки, кувшинчики — очень лаконичные и простые по форме тулова. Контрастируют с массивными туловами сосудов тонкие дуговидные большие ручки. Формы сосудов Трои близки формам керамики из более восточных районов Малой Азии — Аладжа-Хююка, Ахлатлибеля, а прототипы их встречаются на Балканах. С Балканами же связан и декор троянской керамики — налепы, превращающие сосуды в фигурки животных и людей (в Малой Азии похожий декор имеется и на сосудах из Дорака). Налепы эти очень лаконичны и примитивны, их выбор ограничен — руки, нос с дугами бровей, глаза, конусы грудей, лапки животных, но в сочетании с туловом сосуда они придают изделию точный и несколько гротескный образ живого существа.

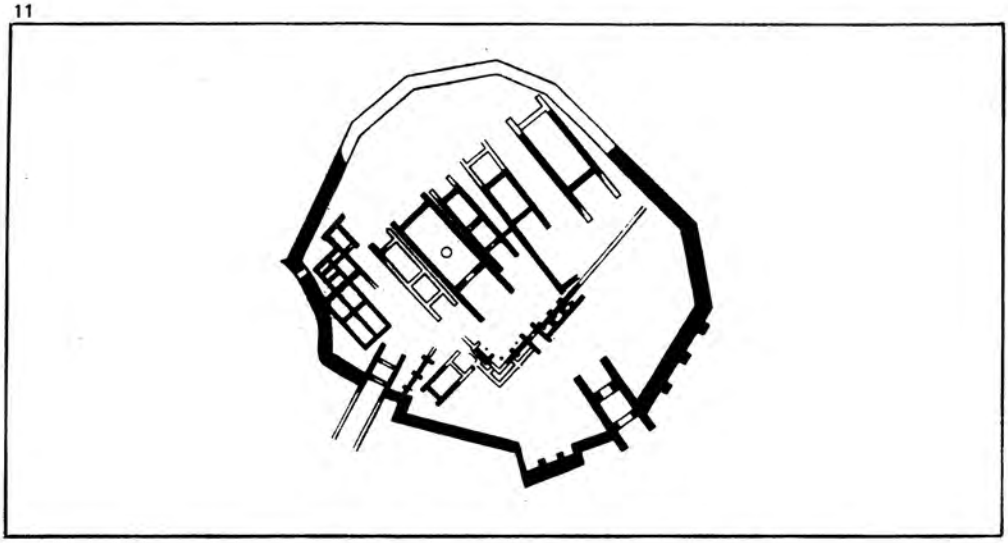
Высокого совершенства достигли обитатели Трои II в обработке камня. Полированные каменные сосуды, светильники (?) имеют изящные ладьевидные формы, повторяющие глиняные образцы. Совершенство их форм и безукоризненная полировка создают эстетический эффект. То же можно сказать и о парадных топориках, полировка которых в отличие от сосудов дополнена резными узорными поясками, обвивающими обушок. Эти топорики аналогичны каменным топорикам из Дорака.

Оформление золотых изделий троянцев этого времени — колец, браслетов, диадем, булавок — базируется на тех же художественных принципах, которые лежат в основе декорировки памятников Аладжа-Хююка. Здесь та же простота и монументальность форм, но вытравленные несложные орнаменты более округлы. Вместе с тем троянские мастера могли достигать и эффекта поразительной тонкости, «воздушности» изделия, как, например, на диадемах с подвесками. Добивались этого при помощи бесконечного повторения мелких элементов, которые сами по себе были простыми. Такой прием применен и в ожерельях из Аладжа-Хююка.

Таким образом, мы видим, что искусство Трои II является неотъемлемой составной частью искусства Малой Азии середины — второй половины II тысячелетия до н. э. и вместе с тем связывает его с художественными традициями Балканского полуострова и островов Эгейского моря.

Именно это общество и эту культуру застали в Малой Азии странствующие торговцы, прибывшие сюда из Верхней Месопотамии и Сирии в начале II тысячелетия до н. э.

11

12

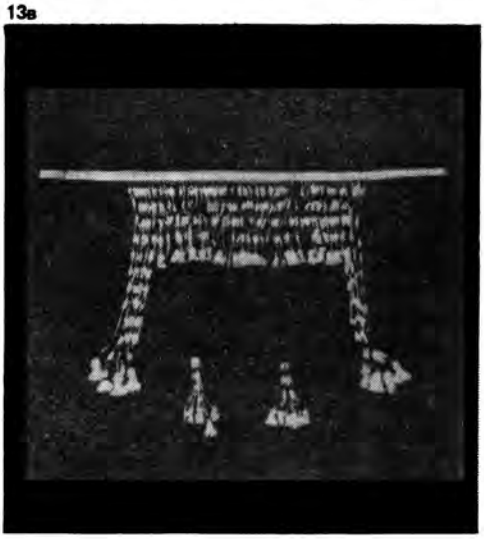
13а

13б

13в

5. Торговля в Северной Сирии и Малой Азии Староассирийского периода

На рубеже XX и XIX вв. до н. э. при небольшом малоазийском городке Канише процветало весьма влиятельное торговое объединение, державшее в своих руках торговлю Малой Азии, Северной Сирии и Северной Месопотамии и связанное с торговыми путями, ведшими далее на юго-запад — к Кипру через Северную Сирию и на юго-восток — к городам по Евфрату и Тигру, включая Нижнюю Месопотамию. Коммерческая переписка из более чем ста частных торговых архивов, найденных в Канише, изучение которых еще весьма далеко от завершения, дает нам пока единственный в своем роде обильный поток информации. Опубликовано примерно 15% имеющихся текстов, но и неизданные документы и письма по отдельным вопросам, интересовавшим исследователей, просматривались видными учеными, так что частично материалы их известны. В музеях Европы и Турции собрано около 15 тыс. глиняных плиток с клинописными текстами канишской торговой организации *. Торговцы жили компактно в поселке, называвшимся карум Каниш. Поселок был окружен крепостной стеной и находился в 200 м от цитадели самого Канише.

Во главе собственно городской общины (алум) Канише, как и всякого другого малоазийского города того времени, стояли правитель (по-аккадски *руба'ум*), правительница (*рубатум*) и «великие» (*рабиутум*). Среди последних известны: начальник кузнецов (*рабби наппахе*), начальник литейщиков бронзы (*рабби сипаррим*), начальник ткачей тонких тканей (*рабби киттатим*), т. е. главы всех ведущих категорий ремесленников города; далее начальник складов (*рабби хуршиатим*), начальник рынка (*рабби махирим*), начальник телег (*рабби эриккатим*), начальник толмачей (*рабби таргуманни*), т. е. представлены все важнейшие должности, связанные с торговой организацией, включая также и торгового посредника (тамкарум). Всех этих местных должностных лиц, включая даже руба'ума, в коммерческой переписке иноземных купцов чаще всего упоминают без личных имен, только по должности. В тех же случаях, где их имена указаны (чаще всего в юридических документах),— это все малоазийские имена, ашшурских среди них совершенно нет. То же самое можно сказать и о главном администраторе города, видимо контролировавшем сборы в казну Канише (*рабби сиккатим*), в распоряжении которого находился дворцовый эконом (*рабби алаххинни*). Местной по происхождению была и вся группа службы резиденции: главный стольник (*рабби пашшурэ*), главный виночерпий (*рабби шакэ*), главный садовник (*рабби нукарибби*), глава охраны (*рабби маццартим*), начальник отрядов ** (*рабби цабим*), начальник арсенала (*рабби какке*), начальник конюшен (*рабби сисси*), начальник стойл крупного рогатого скота (*рабби альпатим*), начальник лесных складов (*рабби эццэ*), начальник пастухов (*рабби ре'и*). Должность «главы лестницы» (*рабби симмилтим*), связанная с дворцовой торговлей (см. ниже о *мушлалум* в Ашшуре) и с организацией суда (в котором важнейшие, видимо третейские, функции исполняли правитель и жрецы), принадлежала обычно наследнику правителя города. Все дворцовое хозяйство (*эккаллум*) помещалось в цитадели (*биртум*). Округа, тяготевшая к одному дворцовому комплексу с его администрацией, называлась «страной» (*матум*)

* Все клинописные тексты из Малой Азии этого времени написаны особой, ашшурской разновидностью аккадской клинописи.

** По-видимому, военных и рабочих.

данного «города» (алум). Таких «стран» по всей территории, на которой действовала канишская торговая организация, было много. Они объединялись между собой, соблюдая субординацию по отношению к сильнейшему «Великому правителю» (*рубáум рáбиум*), до тех пор пока их взаимные интересы обеспечивались этим союзом. Но обстановка постоянно менялась, и торговцы следили за политической конъюнктурой, странствуя в зависимости от событий внутриполитической жизни Малой Азии и Северной Сирии. Из коммерческой переписки Каниша мы получаем информацию только об этих районах, от событий в Месопотамии (и даже в Ашшуре) жизненные интересы торговцев были далеки, и происходившее там их менее всего беспокоило.

Союзы между местными правителями заключались с принесением присяги, подкрепляемой обменом подарками. При вступлении правителей на престол в тех городах, где подвизалась канишская организация, к ним являлись два посла (*шипру*): один — от алума (городской общины), другой — от карума (торговой общины). Они, в свою очередь, приносили присягу новому правителю-руба'уму, сопровождая ее передачей подарков. Известны случаи заключения договоров торговой организации с хозяином главного рынка на юге Малой Азии — правителем Вашхании (подарок канишитов — 20 мин = 10 кг меди) и с хозяином важнейшего рынка на севере Малой Азии — правителем Тамнии.

Известный в описании Б. Ландсбергера, но пока еще не опубликованный документ (n/k 32) содержит условия договора между правителями двух малоазийских городов — Ма'мы и Каниша. В заключении договора участвуют наследные принцы обоих государств и восемь торговцев, среди последних — поровну анатолийцы и ашшурцы. Таким образом, существовавшие при этих двух городах-государствах торговые организации представлены попарно, на паритетных началах, торговцами местного происхождения и ашшурцами, несмотря на то что статус торговых общин различен: Ма'ма имела *вабáртум*, т. е. временный торговый стан, а Каниш располагал карумом, т. е. постоянной факторией, которая к тому же занимала центральное положение в группе малоазийских торговых общин. Вероятно, это одно из проявлений демократичности организации в целом, высшим органом которой было народное собрание («от мала до велика»). Отметим, что правитель Ашшура в договоре не участвовал.

Упоминаемые в договоре торговцы, возможно, являлись послами (шипру), которых делегировали всегда парой каждый город (алум) и торговая община (карум) ради присяги, сопровождающей заключение договора. Ашшурцы приносят клятву на священном оружии Ашшура.

В переписке по поводу небрежности с операциями по заказам местных властей торговцы рекомендуют своим партнерам «беречь головы», следовательно, местные власти могли и казнить ашшурского торговца, а не только арестовать и оштрафовать, что случалось и с крупнейшими ашшурскими оптовиками Каниша. Ил. 7

Ашшурцы имелись в каждой малоазийской торговой общине, представляя наиболее активную и сплоченную группу торговцев-профессионалов. Тем не менее власть города Ашшура не распространялась на все эти организации полностью, а только индивидуально на граждан этого города и их семейные группы. Так, ашшурские городские власти могли запретить участие в торговле местными тканями с целью защитить сбыт своих или организовать сбор средств на строительство ашшурских городских стен с угрозой в случае уклонения снять деньги со счетов, имеющихся в городе.

Канишская документация разрабатывалась на ходу, вырастая из частной деловой переписки. По наблюдениям К. Р. Веенхофа, даже ключевые ее понятия многозначны. Спонтанное развитие и обособление канишской

организации от города Ашшура и, возможно, других родных городов кажутся очевидными.

Взаимоотношения, складывавшиеся между небольшими государствами типа канишского, хорошо иллюстрируются текстом письма к Варшаме, царю Каниша, присланного от Анум-Хирве, правителя Ма'мы (район современного Гексуна, на западных истоках реки Джейхан в Малоазийском Тавре), и найденного при раскопках цитадели Каниша. В нем речь идет о пресечении деятельности сторонников канишского царя в Ма'ме, на которых Анум-Хирве натравил своих союзников в отместку за их попытки вмешаться в дела его государства: распоряжаться в сфере «высокой политики» имеют право только царь Каниша и отправитель письма; в связи с этим Анум-Хирве предлагает составить новый договор, скрепив его новой присягой. Затем Анум-Хирве обещает открыть дорогу канишитам через свою страну и предлагает прекратить взаимное истребление жителей городов и угон скота и обменяться послами, затем он сообщает, что некий Тарикутана вместо серебра (видимо, в оплату товара) запечатал в посылку простые камни, и спрашивает у Варшамы: хорошо ли это, по-божески ли? *

Но в отличие от дел торговцев местного происхождения, каким был Тарикутана, дела собственно международной торговой организации карума Каниш с самого начала и до конца ее существования развивались своим, отличным порядком, с соблюдением норм, продиктованных опытом и обычаями того времени.

Торговый пригород Каниша начал застраиваться с северной окраины; ашшурские торговцы появились здесь раньше прочих по крайней мере на одно поколение. В первоначальный период и в дальнейшем деятельность местных торговцев коренным образом отличалась от деятельности иноземцев. Задолго до начала систематических раскопок случайные находки документов были сделаны как раз в иноземном квартале, принадлежавшем ашшурцам. Найденные документы (около 4 тыс.) разошлись по музеям и частным коллекциям Европы и Америки еще в последней четверти прошлого века и к настоящему времени почти полностью опубликованы. Поэтому в науке давно уже стало привычным представление о торговой организации Каниша в целом как об ашшурской. Однако роль ашшурских торговцев, по-видимому, преувеличивалась. Ю. Леви, крупнейший знаток канишских текстов, предполагал даже, что Каниш был частью некоей Ассирийской империи, якобы созданной в XX в. до н. э. Между тем переписка ашшурских и других иноземных торговцев Каниша свидетельствует об их ненадежном положении чужаков, которых терпели только потому, что они могли субсидировать местную торговлю и способствовали увеличению доходов местных правителей. Раскопки турецких археологов показали, что северная окраина торгового поселка, заселенная чужеземными торговцами (прежде всего ашшурцами), заметно отличается от южной части, заселенной малоазийцами. Постройки северной окраины менее солидны, они производят впечатление временных сооружений; это, конечно, объясняется непрочным положением иноземцев в стране, так как они были не беднее, а, напротив, намного состоятельнее своих местных компаньонов. В северной части поселка нет ни лавок, ни мастерских: ашшур-

* Тарикутана, или Тарикута, известен как местный канишский купец из документов относительно ростовщических ссуд, связанных с внутренней торговлей местных жителей: некто отдает своему кредитору Шагриуману своего сына за $13\frac{1}{2}$ сиклей серебра. Заложник будет находиться у ростовщика Тамурии и под страхом смерти не должен выходить из его дома до прихода нашего знакомого Тарикуты, который, как надеется должник, уплатит его долг Шагриуману; если же Тарикута не станет платить этот долг, то заложника отдадут Шагриуману в погашение долга. Связь местной коммерческой практики с ростовщичеством прямо зафиксирована в этом документе и в ряде других.

ские торговцы либо имели право только на посреднические операции, либо, возможно, не рисковали обзаводиться мастерскими, которые, как известно из канишской коммерческой переписки, требовали долгосрочных вкладов. Для ашшурцев же характерны краткосрочные сделки с погашением в течение дней или месяцев.

Видимо, ради большей дешевизны и скорости возведения построек в конструкции домов периода расцвета поселка (II слой карума) широко применялось дерево. Изготовление кирпича для домов не было централизовано, судя по тому, что в постройке одного дома независимо от конструктивных требований использовалось до четырех различных типов кирпича. Характерны четырехкомнатные дома, чаще двухэтажные: на деревянных устоях, встроенных в стену первого, кирпичного этажа, покоилось балочное перекрытие второго, деревянного. Наверх вела лестница, обычно приставная, иногда постоянная, из дерева, укрепленная на сырцовом пандусе. Фундамент стен, возведенных из сырцового кирпича, сооружался из плитняка. Уровень пола чаще всего был ниже уровня узких улочек, и в дом спускались по ступеням из плитняка.

Стены дома изнутри обмазывали слоем глины, иногда таким же образом покрывали и пол, чаще же посыпали его песком или толченой керамикой. Почти все дверные проемы имели коробки дверей и пороги, а сами двери крепились на оси, вращавшейся в каменном подпятнике; наружные двери запирались засовами. Окошко одного из домов смотрело на улицу, но поскольку большинство стен сохранилось ниже уровня окон, то неизвестно, имелись ли они и в других домах. При входе в дом попадали сначала в коридор, мощенный плитняком, или в открытый двор, достигавший иногда площади 50 кв. м: здесь иноземцы хоронили своих умерших в каменных ящиках или в больших глиняных сосудах, не глубже полуметра от поверхности пола (иногда — во внутренних комнатах, вход в которые затем замуровывали). В открытой части двора находилась большая купольная печь с дырой-дымоходом наверху. В печи разводили огонь, а затем из нее брали горящий уголь для очагов-сосудов, врытых в землю (или для подковообразных очагов, устанавливавшихся на невысокой платформе), где и готовили еду. Возможно, именно переносные подковообразные очаги в сочетании с деревянными устоями вторых этажей и стали причиной большого пожара, полностью уничтожившего весь поселок слоя II карума Каниш.

После пожара жители средней части поселка некоторое время, вероятно, обитали на пепелище в шатрах или же в ближайших селениях у своих местных свойственников, судя по тому, что умерших продолжали хоронить на участках, где впоследствии стояли дома следующего строительного слоя I^6. Если до пожара каждый архив торгового дома насчитывал сотни долговых расписок и образцов коммерческой корреспонденции, то из архивов возрожденного поселка, жители которого еще сохраняли прежнюю торговую организацию, едва наберется сотня документов *.

В могилах слоя I^6 карума появляется оружие — очевидно, в связи с тем, что и живые обитатели поселка не выпускали его из рук: руины сгоревшего поселка приходилось защищать от грабителей. Некоторые захоронения слоя II карума были разграблены; инвентарь сохранившихся могил содержал драгоценности и был, разумеется, чрезвычайно соблазни-

* За следующий период жизни поселка, называемый археологами I^a, документов пока не найдено вовсе. Судя по тому, что в самом центре поселка появился совершенно новый тип сооружения — большой склад провизии (с пристроенным к нему отдельно помещением кухни с купольной печью), похоже, что поселок превратился в пристанище для торговцев, которые теперь уже снабжались централизованным порядком.

14. Купеческий дом в Канише (реконструкция по Р. Науманну)
15. Мушлалум — арочный выход на берег из цитадели (реконструкция по В. Андрэ)

тельной добычей, сравнительно легкодоступной в опустевшем после пожара поселке.

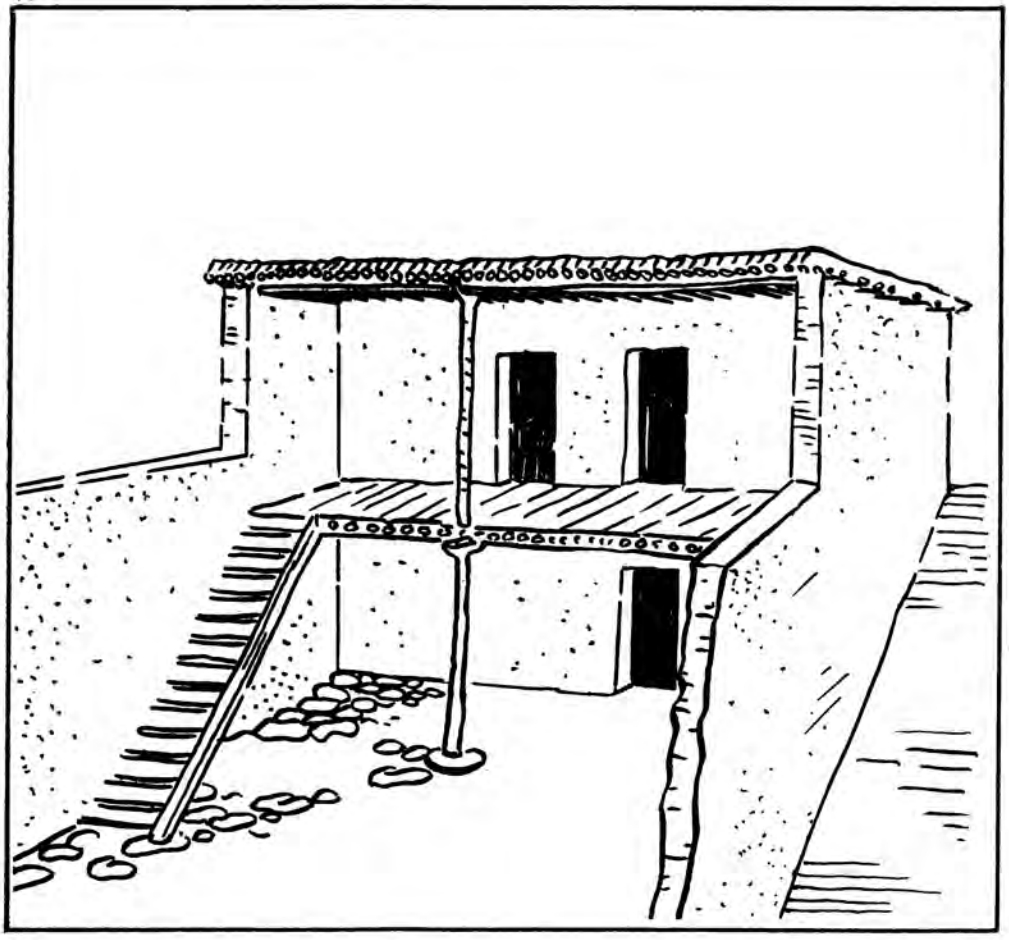
Раскопки на городище Богазкёй (древняя Хаттуша, или Хаттуса, в излучине реки Галис — Кызыл-Ирмак, впоследствии столица Хеттского царства) и в Алишаре (южнее Хаттуши, по-видимому, древняя Амкува) открыли клинописные тексты той же канишской торговой организации, датирующиеся примерно периодом деятельности третьего поколения торговцев, обитавших в середине карума Каниш II слоя, а также временем следующего строительного слоя — карум Каниш I^6. Тем самым представляется вероятным, что погорельцы частично перебрались в другие торговые поселения, деятельность которых управлялась из Каниша.

Средняя часть карума Каниш, которая была застроена позже северной, ашшурской, дает наиболее важные сведения о трансформации канишской торговой общины. Хозяева мастерских и лавок центральной части нередко состояли в свойстве с местными жителями: в торговле участвуют уже дети местных уроженок и иноземных торговцев; они же входят в состав персонала второстепенных местных храмов. (Частная торговля все теснее начинает переплетаться с деловыми операциями канишской цитадели.) В центре канишского предместья находились дома крупнейших иноземных и местных торговцев, о которых речь пойдет ниже. Средняя часть карума Каниш пережила пожар и была очень быстро возрождена (турецкие археологи утверждают, что поселок не был заброшен после пожара, а продолжал существовать непрерывно).

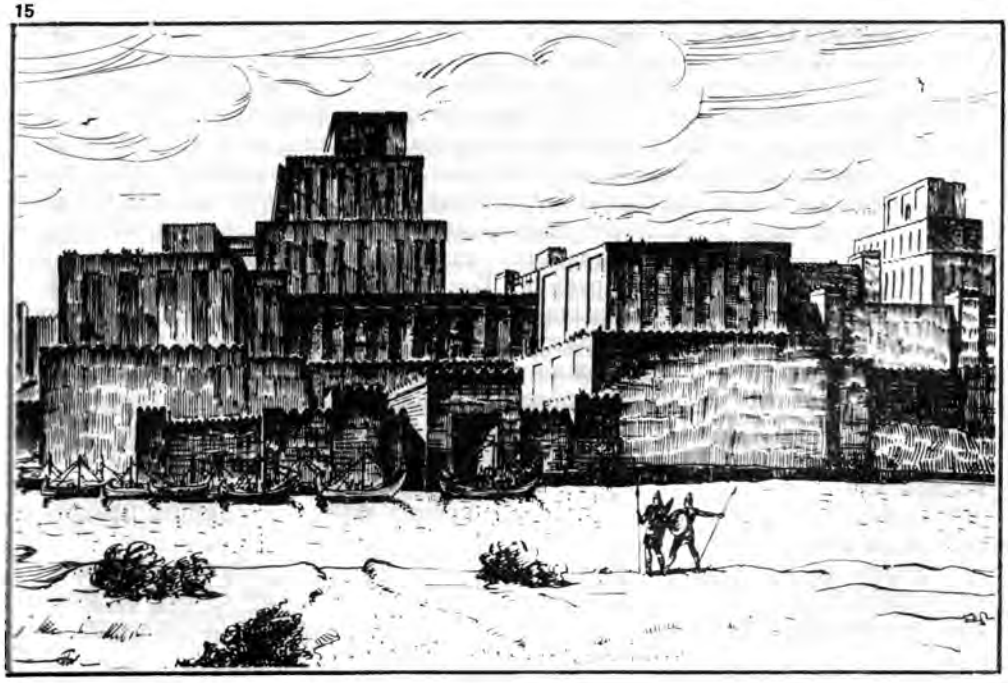
В период высшего расцвета канишского торгового пригорода в самом его центре, по соседству с крупнейшим жилым комплексом, возникла писцовая школа: у дверей одного из домов, ведущих во двор, в мусоре была обнаружена круглая школьная табличка, а в одной из комнат — литературный текст и заклинание. Здесь же были найдены и два отрывка из надписи Эришума I, сына Илушумы, правителя Ашшура. Судя по содержанию отрывков, она служила для чтения в собрании торговцев, представляя их своеобразный кодекс чести и клятву верности своей торговой организации.

Дошедший текст, видимо, был учебным, ибо начало его, содержащее титулатуру Эришума I, выполнено более опытной рукой, чем остальной текст. Дом принадлежал некоему торговцу Узуа, был не велик и ничем не отличался от обычных домов, но перед ним имелась небольшая площадь, вымощенная камнем, единственная в тесно застроенном торговом поселке. Из переписки торговцев становится очевидным, что ведущая группа их,

14

15

которая насчитывала не менее 50 человек, полностью состояла из грамотных людей: во всех известных документах и письмах из Каниша нет ни одного случая указания на имя писца. Разнообразие индивидуальных почерков, в большинстве своем небрежных, подтверждает предположение о широком распространении грамотности среди торговцев.

Одна из копий надписи Эришума I была найдена под стеной во дворе дома Узуа. Она расколота надвое, как бы с размаху разбита о стену, так же как и вторая, обнаруженная в комнате с очагом. Обе части лежали на расстоянии примерно метра одна от другой. В тексте перечисляются по восходящей линии предки Эришума I и подчеркивается, что каждый из них был укуллумом, т. е., вероятно, главой ашшурского городского совета. В тексте имеется обращение к царю с тем же именем — очевидно, к Эришуму II, сыну Нарам-Сина. По сравнению с найденной в Ашшуре версией этого же текста характерна вставка, перечисляющая судей: их семеро, и среди них наряду с божественным «судьей» Ишмекарабом, который известен как благой судья в загробном мире, названо и реальное лицо — Пушукен, один из крупнейших торговцев канишской организации. Главное, что обещается под клятвой,— не говорить лишнего на *мушлалуме.* Тому же, кто это сделает, угрожают немотой, разрушением дома, распадом всего его рода и племени, обещают проломить голову и лишить оправдания в суде. Соблюдающему молчание, напротив, обещаны защитник в суде, благоприятное решение и в заключение как знак личного благоденствия дар богов — ежегодно рожающая жена.

Ил. 15 Мушлалум, где торговцу более всего не следовало говорить лишнее,— одно из основных сооружений, возведенных Эришумом I в Ашшуре. Это узкий, на одного человека, арочный выход на крутой берег из цитадели, у самого дворца и храма Ашшура. По предположению В. Андрэ, от арки была переброшена вниз, на пристань, к небольшому рукаву Тигра, подвесная деревянная лестница *(симмилтум),* которая легко убиралась в случае надобности, и доступ в центр цитадели становился невозможным.

По канишским текстам известно, что часть товаров предъявлялась во дворцы в важнейших городах, расположенных по торговому пути, ради легализации торговли и в соблюдение договора с правителями о допущении в страну иноземных торговцев. Товар поднимали в цитадель, и во дворце выбирали долю из предъявленного, как предполагалось, всего товара (хотя на деле это была только оптовая часть его). Правитель мог взять каждую десятую ткань, расплачиваясь тут же или открывая кредит торговцу, иногда под залог. Отношения с властями зависели от обстановки в стране: в случае притеснений торговцы покидали край, перекочевывая в места, где торговля шла свободнее, поэтому разумные правители их не обижали. Связи торговцев были обширны, и действовали они оперативно, вывозя свои товары путями, частью вовсе не ведомыми властям, частью им недоступными. Малейший намек на опасность приводил к мгновенному свертыванию торговли. Тем не менее, разумеется, возможностью торговать купцы чрезвычайно дорожили (в горнорудных районах в особенности) и поэтому с властями, уступки которым иногда обходились дорого, старались как можно меньше сталкиваться. Относительно безопасно и быстро свернуть торговлю удавалось благодаря тому, что вместо драгоценных металлов торговцы в поездках пользовались чаще всего векселями в виде глиняных плиток с клинописью. Расписки учитывались кассирами *(шамалла'ум)* торговых объединений *(э́ллагум),* или можно было оформить свои операции в кредит через постоянного представителя на месте *(шаззу́зтум).*

Перевозка товаров осуществлялась погонщиком *(са́ридум),* собирал их «связной» *(ка́цирум).* Заказы *(тэ́ртум)* принимались на сумму не более той, что имелась на счету (*либбум* — букв. «сердце», мы бы сказали «за

душой») торговца. Распределение доходов шло сообразно паям (*ка́тум* — букв. «рука»). Кредитные расписки оформлялись при двух и более свидетелях, а в случае продления срока ссуды документ заделывали в глиняный конверт и снабжали печатями должностных лиц ближайшей торговой конторы *(бит ка́рим)*.

Всего по канишским текстам известно одиннадцать торговых поселков (карум): в Северной Месопотамии (Нахрия, севернее истоков Хабура), в Северной Сирии (Уршу и Хахху), в Малой Азии — в долине Эльбистан и на равнине Кайсери (Каниш, Хурама, также южная Цальпа), в северно-центральной области, севернее реки Галис (Хаттуша, Тамния и Турхумит) и в южно-центральной (Пурушхаттум и Вахшушана) *. Им подчинялись одиннадцать станов (вава́ртум от ва́брум, или у́брум,— «чужеземец, гость»), расположенных на границах Северной Сирии (Ма'ма — видимо, близ основного перевала через Тавр — «Киликийских ворот»); в Верхней Месопотамии, в излучине Евфрата,— Батна (в верховьях Белиха) и Ханакна — и в Малой Азии: на севере (Харахшуа, Кушшара, Амкува, Тухпия, Шамуха) и на юге (Уллама, Вашхания, Шалатувар).

Торговые поселки (карум) ** были самоуправляющимися организациями того же типа, что и городские общины с народным собранием «от мала до велика» *(ца́хер ра́би)*. Возглавлялись они канишским советом, насчитывавшим в своем составе около 50 крупнейших торговцев. Еженедельное *** дежурство шестерки (*хами́штум*) из членов этого совета (каждый из них в этом качестве назывался *хаму́штум*) обеспечивало контроль за центральными кредитными операциями. Одному члену совета выпадала обязанность годичного эпонима-казначея (*ли́мму*[м]); он находился в центральной конторе в Канише ****; по его имени и по именам представителей обязательного присутствия — одного или двух — датировались ссудные расписки. Конфликты решали с помощью поверенного (*ра́бицум*), которого для рассмотрения дела выделял совет города или правитель города, где разбирался спор (если они были заинтересованы в защите обвиняемого?). Иногда торговое общество или его главный кредитор давали защитника, если, с их точки зрения, дело того стоило. Чаще старались разобраться между собой, не прибегая к гласности и ограничиваясь составлением документа о ликвидации спора (в присутствии избранных самими тяжущимися авторитетных лиц). В делах местных торговцев свидетелями выступали либо местные же торговцы, либо участники торгового дела из смешанных семей.

Среди имен собственных, встречающихся в документах из Каниша, много характерных для юго-востока Малой Азии — «протолувийских» и индоевропейских (лувийских и хеттских-неситских), есть также хаттские и хурритские. Другими словами, торговая организация Каниша постепенно пустила корни в районах, населенных индоевропейскими и доиндоевропейскими народами Малой Азии, перестав быть инородным телом в экономической жизни этого полуострова. Популярность бога Ашшура в теофорных именах канишского торгового пригорода объясняется, как нам кажется, не только, а может быть, и не столько первоначальной связью организации с городом Ашшуром, расположенным за тысячу километров от Каниша, сколько основанием храма Ашшура в Уршу, в самом центре Се-

---

* Из вновь найденных документов I[в] известен еще один карум при поселении Шуппулулия. Отсюда, возможно, происходит имя хеттского царя — Суппилулиумас, или Суппилулиямас.

** В этих районах карум не был обязательно «пристанью, гаванью», как в Нижней Месопотамии.

*** Неделя, как мы считаем, была шестидневная, составляя пятую часть месяца.

**** Ряд исследователей полагают, что упоминаемые в канишских текстах лимму — это ашшурские эпонимы.— *Ред.*

верной Сирии, на дороге, которая вела к портам Средиземноморья и в Малую Азию. Составленный в период наивысшего подъема деятельности организации, список совета торговой общины в том порядке, в котором замещались шестерки еженедельного присутствия в центральной конторе (карума), помимо безымянного местного жреца *(ка́шшум)*, упоминающегося в нем периодически, дает нам двенадцать имен (около четверти совета), содержащих имя бога Ашшура (однако иногда отчества носителей таких имен не ашшурские и вообще не аккадские), пять имен, вероятно, аморейских (десятая часть совета), два местных, малоазийских имени и одно, по-видимому, хурритское. Остальные почти тридцать имен аккадские (ашшурские?) или неясные.

Перевозка товаров из Верхней Месопотамии и Сирии в Каниш производилась караванами ослов; наиболее ценились вьючные черные ослы, разводившиеся в Дамасском оазисе в Сирии. В одном караване, следовавшем в сопровождении проводника и охраны, могли быть сотни ослов, перевозивших рулоны ткани и одежду ценой от 8 г до 6 кг серебра за штуку. Что касается меди, то как Малая Азия, так и Ашшур получали ее, видимо, из копей современного Эргани, у верховьев Тигра. Медь перевозилась сотнями килограммов. Несмотря на огромные расходы в пути, чистая прибыль от торговли в случае удачи была исключительно высокой (до 200 раз выше цены товара в месте его первого приобретения).

Документы, посвященные конфликтным делам лиц, упомянутых в списке совета канишской торговой общины, раскрывают нам деловые связи крупнейших торговых семей и позволяют характеризовать роль каждого из их членов в отдельности. В списке числится среди прочих Амур-Иштар — глава торгового дома, объединившегося с домом Пушукена, известнейшего из торговцев Каниша времен Саргона ашшурского. По наблюдениям Ю. Леви, оба дома имели если не кровные, то, во всяком случае, теснейшие деловые связи с амореями Северной Сирии. Смерть Пузур-Ашшура, брата Амур-Иштара, также отмеченного в списке совета, вызвала серию судебных процессов в Вахшушане, Пурусханде и Канише, показывающих нам организацию и размах дела этого дома. Ремесленники, связанные с Пузур-Ашшуром, узнав о его смерти, случившейся, видимо, вне Каниша, вскрыли его сокровищницу и обнаружили в ней 12 ларцов с документами, опечатанное серебро и золото и 2 мешка меди; все это они передали на хранение еще одному лицу, числившемуся в списке совета, а тот, в свою очередь,— Бузазу, сыну Пушукена, вернувшемуся тем временем в Каниш из Вахшушаны. Последний расплатился по обязательствам покойного как своего компаньона, а остаток — 37 мин серебра ($18^1/_2$ кг) — передал на хранение доверенному лицу «для города» *. Город же взамен денег предъявил товары, переданные им Кулума, сыну Ашшуримитти (тоже числился в списке совета). Сам Ашшуримитти и два его сына, Кулума и Хуниа, названные в одном из текстов лимму, т. е. казначеями, торговой организации, составили документ о передаче опечатанного ларца поверенному одного из членов еженедельного присутствия, следовательно также входившего в состав совета. Народное собрание торговой общины Каниша зарегистрировало содержимое ларца; в нем оказалось четыре слитка, один вексель в конверте на 44 мины (22 кг) серебра, выданный еще одним человеком, связанным с советом, третьему лицу. Серебро ему отвесил Бузазу, сын Пушукена, а процент на эту ссуду казначеи удержали в пользу общины. Вместе с уже учтенным векселем на 20 мин серебра всего в ларце оказалось десять опечатанных доку-

* «Городом» в канишской переписке без уточнения, какой именно город имеется в виду, ассириологи по почину Б. Ландсбергера обычно считают Ашшур; в некоторых случаях это, возможно, и так, но в ряде контекстов, по-видимому, имелся в виду Каниш.

ментов. Они, как и прочие ценности, были возвращены в ларец «перед городом и нашим владыкой», т. е., очевидно, в присутствии местных, канишских властей. Среди четверых свидетелей этой операции для нас наиболее интересными фигурами являются Табцилл-Ашшур и Ашшурмалик. Последний числился в составе совета; через его дом Амур-Иштар и Пушукен в свое время провели значительную операцию со свинцом, который они получили под печатью города и сбыли в обмен на медь; затем вследствие появления жителей Эблы, скупивших медь у некоего аморея и тем самым создавших конкуренцию дому Амур-Иштара, последний придержал медь, купленную им по льготному тарифу, с тем чтобы позже продать ее подороже.

В одном из документов перечисляется имущество Табцилл-Ашшура (серебро, золото, свинец, медь, рабыня, раб, одежда, шатер, утварь, бронза, долговые расписки в конвертах), а также отражены и деловые связи, которые состояли во взаимных погашениях платежей серебром и медью организациями земляков-компаньонов Табцилл-Ашшура в Турхумите и Вахшушане, в участии в спорных делах, т. е., очевидно, в праве востребования ценностей по суду, в «странствиях» по торговым делам, т. е., видимо, в доходах от доставки товаров заказчикам; в конце упоминаются прием ценностей от посредников и продажа тканей.

Отец Табцилл-Ашшура, Ашшуриди, в течение 30 лет состоял кассиром крупного торгового объединения, в котором участвовал и Пушукен. Кассир (шамалла'ум) являлся важной фигурой в организации торгового дела, его доля равнялась $^1/_3$ всей прибыли объединения, но практически он не имел наличных средств в своем распоряжении, они были полностью вложены в дело. Имея в деле вклад в 37 мин, Ашшуриди не смог выпросить у торгового общества даже свой годовой доход, равнявшийся 1 мине и 3 сиклям.

По ходу процесса после смерти Пузур-Ашшура его приказчик Иливедаку потребовал у Бузазу, сына Пушукена, следующие товары: 4 таланта и 40 мин (140 кг) свинца, опечатанного печатью города, «97 тонких тканей ходовых и 40 тканей тонких, очень хороших» — все это следовало отослать на счет некоего купца через доверенное лицо. Возможно, это были те самые товары, которые «город» предъявил Кулума, сыну Ашшуримитти, известного, между прочим, в качестве морехода. Но тогда не говорит ли это и о существовании морских путей канишской торговли? На это могут указывать и некоторые наблюдения над определенной группой изображений на печатях, в которую входит и печать Иливедаку. Здесь особое место занимает изображение водного божества Эйя и его атрибутов.

При передаче товаров от «города» торговцу Кулума посредником выступает некий Цупана. Он был значительной фигурой в администрации канишской цитадели; в одном из документов он выступает в качестве *мушáридума,* т. е. должностного лица, спускающего товары из цитадели после предъявления их во дворец (насколько можно судить по тексту клятвы, принесенной им в ходе одного из процессов, он был в курсе всех операций важнейшего из торговых объединений Каниша).

Имея базу в родном городе (независимо от того, был ли это Ашшур, Уршу или какой-нибудь другой), иноземные торговцы, как мы видим, основали свою центральную контору не в этом городе, а в лежащем в стороне от него Канише: вся их переписка — не только по поводу их частных дел, но и по вопросам сношений с местными правителями — найдена в частных архивах торгового пригорода Каниша. Всякого же рода «землячества» *(бабтум)* *, связанные с крупнейшими из торговцев, подви-

* Такое значение термина «бабтум» принято для Каниша не всеми исследователями.— *Ред.*

завшихся в Канише, и подчинявшиеся центральной конторе, имели свои кварталы в различных второстепенных торговых пунктах, рассеянных по всей Малой Азии.

Не имея столь прямого доступа к торговле в стране, как местные купцы, иноземцы тем не менее благодаря концентрации в их руках всех кредитных операций практически распоряжались и местной частной торговлей. Участие в торговых операциях дворца и храма в принципе было недоступно иноземным купцам, но они, однако, были к ней причастны косвенно, кредитуя местных граждан или получая от местного официального тамкара ссуду на приобретение товаров (обычно под 30% годовых). Такая ссуда могла обращаться в торговле, попутно обеспечивая несколько операций, в том числе и не имевших отношения к заказу первоначального кредитора. В защиту интересов кредитора льготный срок ссуды (часто беспроцентной) давался предельно краткий; если промежуточная операция того стоила, то взявший ссуду шел на выплату процента в случае задержки платежа. По этой причине крупные ссуды давали под гигантский процент (до 240% годовых). Задержка одного платежа часто ставила под угрозу целую серию сделок и приводила к распаду даже весьма значительных торговых объединений. Участие должностных лиц и официальных торговых агентов в торговом деле было ничтожным по сравнению с деятельностью частных лиц (*ведум*).

Исследование М. Т. Ларсена дает следующую картину организации торгового дела канишской общины: по договору между кредитором и организатором операции, в котором фиксировались имена ответственных лиц (*ке́пу*), назначался посредник — «связной» (*кацирум*), кому следовало передать все собранные по заказу кредитора товары. Такие контракты могли касаться как одной, так и нескольких операций и включать как одного, так и нескольких ее организаторов с обеих сторон (т. е. и кредитора, и получателей средств). Переписка в дальнейшем корректировала ход операций в соответствии с желаниями кредитора или кредиторов и возможностями рынка. По завершении операции ответственное лицо (или группа лиц) предъявляло кредиторам (или их обществу) отчет о всех расходах, включая экипировку, содержание помощников и все дорожные платежи: за переноску (*ташшиа́тум*), по оплате проводника (саридум), на «подарки» разному начальству по дороге (*да́тум*), за постои и продовольствие.

До начала операции в первом договоре фиксировалась оплата сбора центральной торговой конторы (*шаддуа́тум*) и отмечалась надбавка на оплату рыночной пошлины (*кисха́тум*) в пользу местного правителя. Черновики всей переписки и копии всех документов, отправляемых из Каниша, хранились в архивах торговцев, очевидно, на случай нарушения связей. Такое нарушение приводило к значительным потерям, о чем известно из переписки и судебных процессов, возникавших по поводу смерти главных распорядителей того или иного дела.

Сбор средств и товаров шел по кредитным документам; наличные деньги — конечно, не в монетной форме, а в виде кусочков драгоценных металлов — высылались через надежных людей только по окончании операции, в опечатанных ларцах. Вручение товаров местным заказчикам (кроме «контрабандных» товаров) происходило в воротах города — видимо, потому, что там всегда присутствовала городская стража. В дороге большой караван делили на части и выпускали следующую партию лишь по получении вестей о благополучной доставке товаров предыдущей партией. Маршруты и места постоев обычно рассчитывались заранее, но нередко их приходилось менять. Сами торговцы бывали вооружены, а в опасных районах их сопровождали воины (*ред*ӯ). Тем не менее иногда случались ограбления; очень часто пропадали ткани.

Заказы на товары собирали заранее, и прибывшие ценности распределялись часто еще в дороге («в поле»). Если приходилось входить в город с товаром, то при передаче местному торговцу старались оценить товары как можно ниже, чтобы сбор в казну был минимален. Естественно, что в такой операции мог участвовать только надежный местный компаньон, неспособный воспользоваться вынужденной разницей цен в свою пользу, исключив из доли остальных пайщиков. Подобная система давала простор как для взаимных «утеснений», так и для «восстановления справедливости».

Как можно видеть из работы К. Лычковской, известный торговец Шаллим-Ашшур, купивший себе в жены местную уроженку за дешевую цену (9 сиклей), в дальнейшем был вынужден доплатить своему компаньону еще 23 сикля, так как его невеста оказалась заложницей в руках Шарники, младшего компаньона торгового общества, к которому принадлежал и сам Шаллим-Ашшур. Ради получения купленной невесты Шаллим-Ашшуру пришлось подать жалобу лицам, фактически возглавлявшим торговую общину, и возврат ему невесты-рабыни был оформлен через суд. Цена покупаемых торговцами местных рабов обычно не превышала 6—9 сиклей, но фактически, как можно видеть и по приведенному случаю, их цена, как и всюду в Передней Азии той эпохи, равнялась примерно 20—30 сиклям; разница, по всей вероятности, покрывалась долгом владельца раба торговцу или связанному с ним кредитору.

В одном случае местные власти установили слежку за домом некоего Иннайи, одного из глав торговой организации, в которую входил, между прочим, и упоминавшийся выше Шарники. Слежка была установлена из-за «контрабандной» отправки запрещенного к вывозу металла (железа?).

После того как виновные были уличены, их дома, в том числе дом самого Иннайи, Шарники и другого крупного купца, Илиалима, видимо, подверглись сносу.

К архиву Илиалима принадлежит письмо, опубликованное И. Е. Гельбом. Оно было найдено случайно, при проведении железной дороги, очень далеко от Каниша, в окрестностях Каркемиша, на большой излучине Евфрата; краткая же выписка из этого письма, найденная в самом Канише, еще ранее была опубликована Ю. Леви. Сопоставление выписки с более подробным оригиналом открывает следующие обстоятельства: отправители письма сообщают, что часть средств на свою операцию они получили от официального торгового агента — тамкара, но в самом письме в отличие от копии этот источник средств охарактеризован как *курсинáтум* — термин, который обозначает особо крупные сосуды для хранения масла, вина и различных вещей вместо сундуков. Вероятно, речь идет о хранилищах дворца. Возможно, часть содержимого этих хранилищ и была источником средств торгового агента независимо от того, что́ именно хранилось в них.

Разгром центральной части поселка с домами влиятельных торговцев, распад и выход из торговли крупнейшего объединения торговых семей, возглавлявшегося прежде Пушукеном, укрепление дворцовой торговли, на которое нередко жалуются отдельные частные предприниматели, а затем и пожар в Канише резко сократили возможности частной инициативы в этом центре, но это вовсе не означает, что она раз и навсегда прекратилась, как мы увидим из дальнейшего.

Среди других крупных центров, купцы которых могли участвовать в международной торговле Каниша, следует упомянуть кроме первостепенного по значению Уршу, как нам кажется, еще Эшнуну и Синпар. Выход к рудникам Иранского нагорья через Эшнуну по Дияле был чрезвычайно важен для хозяйства всей Передней и Малой Азии, не случайно надпись

Нарам-Сина эшнунского была найдена на Кикладских островах, куда она, несомненно, была занесена торговыми судами.

И. Е. Гельб опубликовал текст, относящийся к Старовавилонскому периоду (точная дата не сохранилась), по которому может быть реконструирована организация аморейского пригорода Эшнуны. Она тождественна организации, известной из канишской переписки, и по названию, и, видимо, по самой сути. Речь идет о трех кварталах (бабтум), в каждом по девять-десять семей. В списке их почти полностью отсутствуют собственные имена лиц, вместо этого указано лишь родственное отношение к старшему в семье, хозяину квартала, который и обозначен по имени. Один из амореев назван только по его кварталу: «бабтум Башанум с моря». Далее следует приписка, свидетельствующая о прямой связи поселка с торговлей: «грузы (богини) Иннин, медь хранения *(ве́ри мацца́ри)*». В заключительной части приведено имя лица, ответственного за всю группу; в отличие от типичных западносемитских имен глав семейств, упоминающихся в тексте, это имя аккадское.

Пригороды амореев были и в крупнейшем торговом центре Нижнего Двуречья — Сиппаре, где они назывались по племенам, поселившимся там (Сиппар-Яхрурум, Сиппар-Амнанум). Организация городских кварталов-бабтум известна и в других центрах Нижнего Двуречья, следовательно, в Канише она не была особой, специально присущей только этому торговому пригороду системой.

В связи с проникновением амореев в торговые центры Передней Азии получает объяснение и особая группа участников канишской торговли, которых в деловой переписке называют *нуа́ум*. Этот термин известен из текстов, найденных в Мари. Там он обозначает ту часть любого западносемитского пастушеского племени скотоводов, которая находится в кочевьях в отличие от живущих в постоянных селениях у воды. Уплата им долга, их посредничество в доставке товаров, трудность общения с ними, если нужно было от них что-нибудь потребовать,— вот обстоятельства, в связи с которыми они упоминаются. В канишском поселке был «дом нуаума» — видимо, представителя этих степняков-скотоводов, так же как существовали дома горцев, которых называли не по именам собственным, а по названию той горы или той реки, у которых располагалось представляемое ими селение; такие имена характерны для южной окраины канишского торгового пригорода, возникшего позже остальных частей поселка. Амореи появились в канишском пригороде незадолго до пожара, и их называли часто только по племенной принадлежности, без упоминания личного имени, как, например, известную содержательницу питейного дома («аморейку»), ссужавшую деньги под процент.

История развития практики канишского торгового объединения, как нам кажется, дает картину, типичную для торговли в ту эпоху вообще. Хотя эта группа торговых архивов пока уникальна, однако единичные документы такого же типа найдены и в других городах Передней Азии начала II тысячелетия до н. э.

В течение всего этого тысячелетия по всем городам Передней Азии, где найдены деловые клинописные документы, широко распространяется заключение кредитных сделок, как правило, уже не коммерческого, а кабального характера. О прямой связи этих сделок с укреплением дворцовой торговли можно судить на основании материалов канишской коммерческой переписки. Процесс закабаления земледельцев был характерен для того времени. На его причинах мы остановимся ниже.

6. Держава Шамши-Адада I

Около 1815 г. до н. э. ставший уже привычным образ жизни городов-государств Верхней Месопотамии, Северной Сирии и областей к востоку за Тигром внезапно нарушился в связи с завоеваниями Шамши-Адада, который происходил из ханейского рода. Ханейцы, или 'анейцы, были, по-видимому, наиболее древней после диданов группой западносемитских пастухов, проникшей в Месопотамию. К концу XIX в. до н. э. они, хотя и сохраняли родо-племенные связи, в значительной своей части успели занять земли, уступленные им местными царьками, как кажется, из дворцового фонда. Основными территориями их расселения были район Терки (ныне городище Телль-'Ашар, ниже впадения Хабура в Евфрат, прежний район оседания вторгшихся в Месопотамию кутиев) и область по Хабуру. Здесь ханейцы вели полуоседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство.

Генеалогия Шамши-Адада известна по так называемым ассирийским царским спискам, на характеристике которых следует особо остановиться. Исследование Дж. Финкельстайна, проведенное на основании составленного в Вавилонии в Старовавилонский период генеалогического перечня, по структуре аналогичного ассирийским царским спискам, раскрыло нам истинный смысл такого рода записей. Характер их, как мы видели, обнаруживается из последней фразы изучавшегося текста.

В заключение генеалогического перечня обобщены наиболее значительные, с точки зрения составителя, эпохи *(палу́)* месопотамской истории. Они перечислены хронологически, но в обратном порядке по сравнению с самим текстом перечня: итог текста начинается с современной составителю «аморейской эпохи» (имеется в виду I Вавилонская династия, так как сам текст был составлен по приказу одного из потомков Хаммурапи). Далее следует «ханейская эпоха», включающая предков Хаммурапи, в числе которых оказываются и более отдаленные предки Шамши-Адада I (по ашшурскому царскому списку известны как эти, так и его ближайшие предки). По-видимому, считалось, что Шамши-Адад принадлежал к другому ответвлению того же ханейского родословия, к которому относились предки Хаммурапи. Затем идет эпоха, названная по наиболее значительному из царей III династии Ура,— «палу Шульги» — и далее «эпоха кутиев», которая соответствует времени после Саргона Древнего; в конце итоговой части упомянуты «палу, не записанные в этой таблице», а далее неожиданно стоит: «Всякий воин, павший за своего господина, любой царевич, любая царевна и все человечество от восхода до заката солнца — те, кто не имеет молящегося за себя и чтущего себя, придите сюда, ешьте это и пейте это за Аммицадуку, сына Аммидитаны, царя Вавилона».

Другими словами, перед нами отнюдь не запись исторической традиции, хранимой жрецами некоего центрального храма страны, как ранее предполагалось, а всего-навсего текст поминания усопших предков, перечисляющий их в той мере, в какой имена их могла вместить память и насколько могло выдержать терпение составителей списка и слушателей его. Список читали во время обряда, известного под названием *ки́спу*, который совершался в новолуние при чрезвычайных обстоятельствах, требовавших призвания на помощь всех земных сил прошлого (насколько с этим прошлым ощущались живые контакты в памяти терпящих бедствие царей). Вот почему в перечень предков Хаммурапи (и не только в его заключительную часть!) попали наряду со знаменитыми, известными и неизвестными нам личностями мифические и полумифические эпонимы целых племен. Раскрытие смысла этого списка потребует новой переработки хронологических реконструкций, основывавшихся главным образом на по-

добных списках царей. Попытка Дж. Финкельстайна разделить перечень предков на группы, соответствующие отмеченным в итоге текста эпохам гегемонии аморӗев, ханеев и кутиев, дала любопытный результат: при сравнении с материалами ассирийских царских списков, составленных в начале I тысячелетия до н. э., ранние их разделы (включающие имена «эпохи кутиев» и предков полумифических и мифических) полностью совпали с «генеалогией» династии Хаммурапи; эпохи же более близкие — «ханейская» и «аморейская» — примерно совпадают только для XXII — середины XXI в. до н. э. Далее «генеалогия» династии Хаммурапи дает пространный перечень аморейских царей, начиная с эпонимов крупнейших племен Амнанум и Яхрурум, а ассирийский царский список, очевидно восходящий к родословию, составленному для Шамши-Адада, дает свой особый, ханейский ряд предков, введенный в ассирийский список вместе с собственно ашшурскими царями, т. е. с неханейцами. Видимо, список предков Шамши-Адада следует начинать с упоминания Хану — эпонима племени, который и в «генеалогии» династии Хаммурапи фигурирует в предполагаемом начале ханейской эпохи (около 2120 г. до н. э., по расчетам Дж. Финкельстайна), другими словами, в период переселения западносемитских скотоводческих племен в Центральную, а затем и Нижнюю Месопотамию.

Уже отец Шамши-Адада, носивший поэтическое имя Илахкабкабуху («Бог — его звезда»), был царьком в каком-то городе-государстве Верхней Месопотамии; об этом упоминает дипломатическое письмо из Мари, а его посол известен из документа, найденного в Эшнунне. Несмотря на то что не только Илахкабкабуху и его предки, но и потомки продолжали носить западносемитские имена, они уже усвоили в быту аккадский язык и культуру (вернее, приняли как то, так и другое в своем придворном быту, дав пристанище носителям этой культуры).

Первоначально Шамши-Адад, вероятно, базировался на города Терка и Шубат-Эллиль (местоположение последнего спорно). Планы Шамши-Адада были, однако, гораздо честолюбивее, чем у многих других аморейских вождей: он не имел в виду ограничиться захватом одного-двух городов-государств, а решил создать обширную державу по образу и подобию державы Саргона аккадского.

История завоеваний Шамши-Адада I не вполне ясна; известно лишь, что они шли в двух основных направлениях: по Евфрату и к западу от него и по Тигру и к востоку от него.

Итак, по-видимому, в начале царствования (около 1810 г. до н. э.) Шамши-Ададу удалось уничтожить своего самого сильного соперника — царство Мари на среднем Евфрате. Лишь один сын Яхдун-Лима, царя Мари, Зимри-Лим укрылся в Ямхаде — враждебном Шамши-Ададу западносемитском государстве с центром в Халабе (современный Халеб, или Алеппо) *. В Мари был посажен правителем Ясмах-Адад, младший сын Шамши-Адада (старший, носивший не аморейское, а аккадское имя — Ишме-Даган, сидел в Экаллатуме на Тигре и впоследствии стал фактическим соправителем отца).

Опасаясь угрозы поглощения враждебным Шамши-Ададу царством Ямхад, царь Каркемиша (на большой излучине Евфрата) Аплаханда, вступил в союз с Шамши-Ададом I. То же сделал и царь Катны, расположенной в Южной Сирии, на главной дороге из Халеба на юг, и контролировавшей один из выходов к побережью Средиземного моря. Союз Шамши-Адада с царем Катны был подкреплен династическим браком дочери царя Катны и Ясмах-Адада. В Катне расположился гарнизон шам-

* Этот город назывался в разное время и на разных языках по-разному (Халаб, Хальпа и др.); мы будем единообразно называть его по-современному — Халеб.

шиададовских войск, сменявшийся каждые три года. Царь Каркемиша получил право беспошлинной торговли в Мари. Ближайший к Халебу выход к Средиземноморскому побережью был блокирован вторым гарнизоном Шамши-Адада — в Яблии (см. ниже), и вследствие этого царю Ямхада пришлось искать себе союзника в лице правителя Алалаха, через территорию которого он получил доступ к Средиземноморскому побережью обходным путем.

По данным позднейшей традиции, восточная операция Шамши-Адада заключалась в следующем: начав с похода на Нижнюю Месопотамию, он затем поднялся вверх по Тигру и еще при жизни Нарам-Сина ашшурского занял на этой реке город Экаллатум; через три года он изгнал преемника Нарам-Сина, Эришума II, из его резиденции — Ашшура *.

Как полагают некоторые исследователи, город Экаллатум надо искать на правом берегу Тигра, в районе нынешней Хан-Шуреймии, где и сейчас находится скрещение дороги вверх по Тигру и дороги через Тигр и далее на Киркук (древнюю Аррапху), у Киркука же она соединяется с путем с юга на север по предгорьям Загроса; менее вероятно, что Экаллатум находился на левом берегу Тигра, в районе современного Эль-Фатха, где образуется проход между грядами Джебель-Макхуль и Джебель-Хамрин, рассекаемыми течением Тигра (предположение, будто Экаллатум лежал выше Ашшура на Тигре, не кажется нам убедительным). Таким образом, Экаллатум, который, видимо, был главным административным центром державы Шамши-Адада, занимал важную ключевую позицию на месопотамских торговых путях, в том числе преграждая и путь, ведший от Тигра через Месопотамию к долине Евфрата, также занятой Шамши-Ададом.

Когда Шамши-Адад обосновался в Экаллатуме, Ашшур оказался изолированным, и его нетрудно было занять.

Очевидно, Шамши-Адад намеревался распространить свой контроль и на самую восточную из магистралей, ведшую вдоль предгорий Загроса с юга на север, через Аррапху и далее либо через независимый горный хурритский город-государство Шушшара (ныне Телль-Шемшара) к перевалам Загроса, либо на северо-запад — к Ниневии (у современного Мосула), откуда путь шел в горную часть Верхней Месопотамии. Для этого он организовал военную экспедицию против Кабары, или Кабры, известной из архива Мари. Кабара впоследствии принадлежала Аррапхе; наиболее вероятной нам кажется ее локализация у переправы через Малый Заб в районе современного Алтынкёпрю, на дороге из Аррапхи на Арбелу и Ниневию. Малый Заб и переправа у Кабары были естественной границей между владениями Ашшура и Аррапхой; административный центр последнего государства находился на месте нынешнего Киркука; кабарская операция была лишь прелюдией к захвату Шамши-Ададом сначала самой Аррапхи, а затем и Шушшары.

Таким образом, все важнейшие магистрали, эксплуатировавшиеся до образования новой державы торговцами Ашшура и соперничавшими с ними городами загросских предгорий,— по Евфрату, по Тигру и за Тигром — были блокированы. Естественно, что Ашшур в этот период потерял свое значение и в обширной переписке Шамши-Адада I не упоминается. Однако известно, что сам Шамши-Адад, заняв Ашшур, вел там храмовое строительство и сначала носил титул «ишшиаккум» Ашшура, но затем отбросил этот титул, сохранив звание «царь множеств (или вселенной —

* Даже если предположить, следуя Б. Ландсбергеру, что Нарам-Син ашшурский, которого позднейшая традиция считала сыном Пузур-Ашшура II ашшурского, тождествен царю Эшнуны Нарам-Сину, сыну Ипик-Адада, все же остается бесспорным, что под его резиденцией традиция разумела Ашшур, а не Эшнуну, поскольку известно, что Эшнуна так и не была завоевана Шамши-Ададом.

шар кишшатим), поставленный Эллилем». Наряду с Ашшуром потеряли независимость и многие другие города-государства.

В результате в руках Шамши-Адада оказалась вся Верхняя Месопотамия, которую он разделил не менее чем на 14 военных округов * с административными центрами в гарнизонных крепостях *(хальцум)*: два округа с важнейшими крепостями были расположены на Тигре (Экаллатум и Шитуллум), четыре скотоводческих округа находились в степи между Тигром и Евфратом (Карана, Халита, Куруттум и Сагаратум, последний вблизи земледельческих областей на Хабуре). Четыре, защищавшие северные границы, были расположены у главных истоков Хабура (Ашнакум, Кирдахат — южнее современного Чагер-Базара, Нахур — восточнее современного Харрана — и Тальхайум, или Тальхат). Три крупнейших земледельческих округа располагались на среднем Евфрате: Мари, Терка, ниже устья Хабура, и Верхний Туттуль (у устья Белиха); четвертый из них, Каттунан, видимо, находился у излучины Евфрата. Вполне вероятным может оказаться и тождество крепости и округа Яблии текстов из Мари с Эблой в Северной Сирии — этот район был важен как ближайший к Халебу-Ямхаду выход к Средиземному морю. Здесь, так же как и в Катне, Шамши-Адад держал свой гарнизон, за пополнениями которого бдительно следили власти соседнего независимого Уршу. Как только возникла угроза наступления Шамши-Адада, его сирийские противники немедленно вступили в союз с тысячными отрядами пастухов-сутиев; однако далее Катны и Яблии Шамши-Адад на западе не продвинулся (если не считать кратковременного похода за лесом на Ливан). Не имея твердого представления об основных местах добычи металлов, ходивших в международном обращении и составлявших основное содержание собираемой им дани **, Шамши-Адад во второй половине своего царствования изменил ориентацию своих военных экспедиций — снял западные гарнизоны из Катны и Яблии и двинул, как мы видели, основные силы на восток, в район Кабары.

Главы военных округов Шамши-Адада были царскими администраторами, перемещаемыми царем. Общинная администрация сохранялась, но теперь уже утверждалась на своих местах только при условии лояльности царю. Это выражалось в принесении даров и в клятве беспрекословно подчиняться требованиям царских чиновников. Фактически же общинное самоуправление было парализовано и никак себя не проявляло. При формировании войска для похода в состав его включались только отборные воины; в числе их были воины постоянного царского полка *(кӣцир шаррим)* и ополченцы из общинников; предпочтительнее прочих мобилизовали ханейцев, соплеменников царя. Охрана царя состояла из евнухов *(герсе́кку)* храма богини Иштар. Они сопровождали его не только во время ритуалов в ее храме, но и на поле брани, видимо, как наиболее надежные телохранители.

---

* Видимо, нам известна из переписки Ясмах-Адада, царя Мари, лишь часть военных округов государства Шамши-Адада, как-то связанная с Мари; должны были существовать еще округа и в предгорьях Загроса, не нашедшие упоминания в этой переписке.

** Дань золотом и серебром давали: на юго-востоке державы — Малгиум (близ Эшнуны) и на северо-западе — Верхний Туттуль. В связи с тем что легкомысленный в делах управления страной младший сын Шамши-Адада взял с царя Туттуля дань зерном, отец его наставляет, разъясняя: «Зерно, которое ты взял, это не его дань. За год он доставляет мне серебро как свое подношение, один-два таланта (30—60 кг.— *Н. Я.*) серебра. Где он берет? Зерно, масло и вино он не продает, но это серебро он собирает и доставляет мне... вероятно, в его округе есть серебряные копи». На самом деле таких рудников в Северной Месопотамии нет и не было, они находились гораздо севернее, в верхней долине Евфрата. Как видно, торговля серебром была хорошо засекречена от Шамши-Адада.

Из материалов архива Мари видно, насколько письменные распоряжения царя были действеннее устных. Уважение к документу само по себе доказывает, что в объединенных Шамши-Ададом областях уровень развития государственных институтов был высоким и элемент «законности» непременно должен был содержаться во всем происходящем здесь. К тому же до поры до времени администрацию на местах устрашали оперативность и беспощадность Шамши-Адада, который любое неповиновение рассматривал как нарушение культового табу.

У каждого округа были свои особые обязанности; так, расположенная в десяти днях пути к западу от Мари Катна с окрестными поселениями в случае надобности обеспечивала царский обоз вьючными ослами и поэтому могла отказаться от другой транспортной повинности (например, в связи с перевозкой строительного леса, переправлявшегося с Ливана на Евфрат).

Основной контингент дворцового персонала резиденции Ясмах-Адада * был представлен мушкенумами, которые, так же как и герсекку, никогда не перечисляются в документах по селениям; очевидно, они не входили в общинные организации и зависели только от дворца, а евнухи — и от храма. Доверенных царских людей высоких рангов перемещали из одного города в другой; так, некий Яшуб-Эль из Мари был переведен в Шубат-Эллиль, а окончил свою жизнь в Верхнем Туттуле. Замену ему нашли не без труда, так как новый кандидат кроме деловых качеств и преданности должен был снискать еще и благорасположение Ясмах-Адада, в чьих владениях находился Туттуль. Царские служащие получали участки земли из дворцового фонда, но такие выдачи были единичными: видимо, обычно даже чиновники получали довольствие натурой. Чрезвычайно редки и сведения о самом этом земельном фонде, не представлявшем компактной территории, а разбросанном в разных местностях. В принципе прежняя организация землевладения сохранялась нетронутой, земли находились в распоряжении общин и, видимо, лишь в особых случаях поступали в распоряжение царя. Более того, Шамши-Адад рекомендует Ясмах-Ададу перед началом намечаемого похода не вмешиваться в слишком запутанные дела общинного землеустройства, чтобы не ссориться с местными гражданами. По всей видимости, Шамши-Адад ввел деление по округам, желая избавиться от непосредственных контактов с общинной администрацией, а также с дворцовыми властями там, где он оставил неприкосновенными прежние династии. Сохранение прежних органов власти давало возможность использовать аппарат завоеванных областей и не тратить силы и средства на его ликвидацию и замену новым. Этот аппарат нуждался лишь в строгом контроле, который и обеспечивали начальники военных округов, обладавшие самыми широкими полномочиями. Лично преданные царю (это качество требовалось прежде всего при назначении на всякую должность) и опиравшиеся на силу военной организации, снабжавшейся всем необходимым беспрепятственно и в первую очередь, они избавляли царя от необходимости входить в дела снабжения войска. Все хлопоты по устройству экономики объединенных областей лежали, видимо, на органах общинного самоуправления, низведенного до уровня безропотных исполнителей царских распоряжений, поступавших через окружное начальство. Очевидно, по этой причине деятельность органов самоуправления и не упоминается в административной переписке Шамши-Адада.

Проблема рабочей силы в царском хозяйстве, по-видимому, в это время в основном решалась за счет обращения в рабство военнопленных (так,

* Только из дворца Мари, резиденции Ясмах-Адада, имеются архивы, позволяющие судить об организации державы и царского хозяйства.

упоминается 1300 человек, приведенных из похода, включая женщин и детей, отправляемых в ткацкие мастерские; уводились в плен жители целых поселений). Угон рабов, как видно, стал одной из главных целей военных экспедиций. Используя труд рабов в своем хозяйстве и опираясь на служащих, не связанных с общиной, Шамши-Адад мог совершенно не считаться ни с органами общинного самоуправления, ни с их прежними духовными центрами — крупнейшими храмами державы.

Примечательно, что важнейшие храмы * оказались в ведении Ясмах-Адада, которому его старший брат хотел передать и Шубат-Шамаш с храмом Шамаша, находившийся в его собственном ведении. Суетный Ясмах-Адад готов был принять и этот храм под свою опеку, но отец запретил передачу под предлогом, что Ясмах-Адад не содержит в порядке своих укреплений.

Легкомыслие и постоянные промахи младшего сына Шамши-Адада в управлении порученной ему областью (от поселений ниже Мари и далее к северу, до излучины Евфрата) были причиной обширной переписки царя и Ишме-Дагана с Ясмах-Ададом, которому мы, таким образом, обязаны живой информацией об организации державы. Этот сын Шамши-Адада, которому были поручены западные области, носил и западносемитское имя. Но вся его переписка с отцом и подчиненными велась исключительно на среднеевфратском диалекте восточносемитского (аккадского) языка, близкого к вавилонскому диалекту. Именно владения на Евфрате были культурным центром державы. Характерно, что и в Ашшуре Шамши-Адад I ввел аккадскую письменность в ее среднеевфратской форме как официальную, и она полностью вытеснила прежнюю, ашшурскую; едва ли не долее всего та удержалась в городах Малой Азии. Однако ашшурский диалект сохранялся в Ашшуре и после крушения державы Шамши-Адада. Предположение о том, что политическим и культурным центром державы Шамши-Адада I был Ашшур, видимо, отпадает, хотя, возможно, Ашшур служил местопребыванием царя во вторую половину его правления.

Завоевывая себе популярность, Шамши-Адад продолжал в Ашшуре строительную деятельность династии Пузур-Ашшура I; его пространная надпись, многократно воспроизведенная, найдена в разных частях храма богов Ашшура и Адада. Однако, притом что он как будто стремился ни один из храмов не обойти своей заботой, поддерживая культ каждого, не в храмах искал он себе основную опору, выступая как самодержец. Главной его заботой было создание отборного войска. Оперативное использование войска давало возможность держать в покорности завоеванные области до тех пор, пока оно управлялось самим Шамши-Ададом и впоследствии главным помощником в военных походах — старшим его сыном Ишме-Даганом. После смерти Шамши-Адада (1781 г. до н. э.) Ишме-Даган, правивший восточной частью державы, предложил своему брату Ясмах-Ададу заключить договор о «братстве» *(аххýтум)* на вечные времена, обещая не вступать в отношения зависимости от Хаммурапи. Однако вмешательство Хаммурапи в дела братьев привело к возврату на трон Мари прежнего царя этой области Зимри-Лима и к полному исчезновению с исторической арены Ясмах-Адада. Поход Хаммурапи на Ашшур в 1757 г. до н. э. показал, что он не намеревался продолжать с братьями отношения, вытекавшие из заключенного им самим в свое время договора о «братстве» с Шамши-Ададом. По данным ассирийского списка царей, Ишме-Даган продолжал управлять своей частью державы якобы до 1741 г.

* Имеются в виду храмы в Шубат-Эллиле и Терке, посвященные Эллилю (под чьей защитой находились во все времена военные союзы) и богам Дагану и Ададу — покровителям царского рода — и наиболее популярным богам Верхней Месопотамии.

до н. э., но, видимо, уже как зависимый от Хаммурапи правитель (?) *.

Архив, найденный во дворце Мари, охватывает период с 1810 по 1760 г. до н. э., т. е. срок жизни примерно двух поколений: первое из них жило под властью Ясмах-Адада, второе — под властью Зимри-Лима. Сейчас издано более полутора тысяч текстов дворцового архива, из них примерно тысяча — хозяйственные документы, сотня — юридические, остальные — переписка царей с их администрацией. Через посредников на западе связи Мари достигали Крита, в Малой Азии — Хаттусы, на востоке — областей по реке Дияла, на юго-востоке — Суз и Анчана, на Персидском заливе — Тельмуна, на юго-западе — Хацора в Северной Палестине. В Мари кончался торговый путь, который вел степью из Катны через Пальмирский оазис; эламское посольство по дороге в Катну останавливалось в Мари.

Эти связи города относятся главным образом ко времени после распада державы Шамши-Адада. Широко распространенное в науке мнение о некоей реформе торговли, проведенной будто бы Шамши-Ададом, базируется на некритическом принятии сообщения в надписи самого Шамши-Адада о дешевизне продовольствия и шерсти, наступившей в его царствование. При той системе сборов, которая практиковалась в его державе, указание на дешевизну означает лишь, что для обеспечения войск и придворной челяди, так же как и всего чиновничества, цены на средства потребления действительно назначались чрезвычайно низкие, и с этим, возможно, стоит в связи свертывание международной торговли. Но, само собой разумеется, тут нет признака внезапно наступившего изобилия.

По всей видимости, средоточием коммерческой деятельности в той незначительной мере, в какой она тлела в державе Шамши-Адада, был храм Шамаша, находившийся под его персональной защитой. Об этом говорит и участие женщин — вероятно, жриц — в коммерческой деятельности: они владели недвижимостью и встречаются среди свидетелей сделок. Процент на ссуду в Мари был выше принятого в Вавилонии того же времени, зерно ссужали реже, чем серебро, суммы ссуд были незначительны — от 1 до 20 сиклей; ссуды обычно краткосрочные — на несколько месяцев (очень редко — на годы). По наблюдениям Ж. Буайе, юридические документы Мари оформлялись на основе традиции, сложившейся в Сиппаре,— лишнее доказательство того, что объединяющим звеном международной торговли этого времени могли быть храмовые люди; в Сиппаре с нею были связаны надитум — жрицы Шамаша. Несколько документов и писем из Каниша, найденных в Мари, датируется, очевидно, временем после пожара, уничтожившего поселок канишских торговцев, но их централизованная организация еще действовала, сохраняя свои торговые связи.

При Зимри-Лиме все вернулось к норме, характерной для государств начала II тысячелетия до н. э. Во всех своих начинаниях новый царь координируется с органами общинного самоуправления и встречает чаще пассивное, а иногда и активное сопротивление своих граждан. Города, видимо, рассматривают восстановление своих прав как снятие с них обременительных обязанностей перед центральной властью. Администраторы царя были не в состоянии обеспечить ведомство публичных работ, и оросительная система оказывается в катастрофическом положении; наступает угроза голода в столице государства. Правда, Зимри-Лим мог собрать 30-тысячное войско, обладая лишь территорией по среднему Евфрату, т. е. в полтора раза больше воинов, чем выставил Шамши-Адад в важнейшем своем походе на Ямхад (в котором к тому же должно было

* Однако возможно, что 41-й год правления Ишме-Дагана нужно считать от момента начала его соправления с отцом — с 1797 г. до н. э.? — см. об этом вопросе также ниже.— *Ред.*

участвовать и 6-тысячное войско Эшнуны). Но зато войско Зимри-Лима — не отборное войско, и на участие его в походе требовалось согласие народного собрания мобилизуемых общин. Между тем Шамши-Ададу достаточно было отдать приказ о выступлении, чтобы начался отбор воинов по переписи; он опирался не на ополчение, а на собственное постоянное войско, «царский полк», воинов которого распускали только на временный отдых между кампаниями, постоянно следя за состоянием их боевой готовности, списывая больных и нерадивых.

Наименее управляемыми при Зимри-Лиме стали скотоводческие племена: бинъяминиты не являлись ни на жатву в Терке, ни на другие работы; ханейцы — прежняя опора войска Шамши-Адада — вообще ушли из дворца, так как царь разрешил давать им за работу только по 100 сила (75 л) ячменя на каждого. Управляющий дворцовым хозяйством пишет Зимри-Лиму: «Раньше по 1 курру (225 л) я им давал, а они не брали; теперь разве они возьмут по 100 сила?» Обитавшие прежде в Терке овцеводческие племена уходят к верховьям Хабура, уклоняясь от участия в трудовых повинностях.

Сразу после крушения державы Шамши-Адада I появляются признаки нового налаживания торговли, но теперь основным местом скопления олова стал Мари — возможно, как следствие прошлого подчинения его Ашшуру. Торговые связи Мари вели на запад; известно, что они достигали Крита, видимо, через посредничество Угарита на побережье Сирии (во всяком случае, позже обладавшего наиболее значительным флотом, а также колонией на острове Кипр — первом этапе на пути к отдаленным странам Средиземного моря). Сохранился документ о вывозе олова из Мари в Сирию и Палестину, а это показывает, что позднейший путь, которым доставлялось олово с запада (из Испании), еще не был освоен или не мог конкурировать с путем, ведшим с востока.

7. От падения державы Шамши-Адада до расцвета Митанни

Что происходило в Верхней Месопотамии после смерти Шамши-Адада, а затем и Зимри-Лима и в последующие три столетия, установить очень трудно. Письменные источники почти совершенно иссякают — то ли из-за случайности археологических находок, то ли потому, что в это время очень мало составляли документов.

Ассирийские царские списки помещают после года смерти Шамши-Адада I (1781 г. до н. э., по нашему летосчислению) 40-летнее правление его сына Ишме-Дагана I, но мы уже знаем, что эти списки в значительной мере выросли из механически объединенных между собой генеалогических перечней и содержат немало позднейших реконструкций, поэтому безоговорочно принимать их на веру нельзя. Правление Ишме-Дагана уже потому не могло длиться — во всяком случае, как самостоятельное царствование — до 1741 г. до н. э., что на каменной стеле, на которой были высечены Законы Хаммурапи незадолго до его смерти (1750 г. до н. э.), не только Ашшур, но и расположенная значительно выше по Тигру Ниневия числятся в составе владений Вавилона.

Вторжение касситов около 1742—1740 гг. до н. э. шло, вероятно, сразу через несколько перевалов Загроса (важнейшие из них вели через Арбелу на Ниневию или Ашшур, через Аррапху, а также вниз по долине Диялы). Как только горды перешли Тигр, Верхняя Месопотамия была отрезана от Нижней; когда же касситы закрепились в Хане, их появление тут, вероятно, заставило многие западносемитские овцеводческие племена передвинуться обратно за Евфрат, в сторону Сирии. Одновременно

в оседлых районах Северной Сирии и Верхней Месопотамии, где уже и раньше вместе с семитским этническим элементом (западносемитским и аккадским) сосуществовали в довольно значительном числе и хурриты, последние начинают получать явное преобладание.

Еще в XIX в. до н. э. в канишском торговом объединении в период наивысшего подъема деятельности этой организации в ее составе числилось не менее 20 участников торгового дела, носивших хурритские имена. Поскольку торговля Каниша обслуживала почти всю восточную часть Малой Азии и Северную Сирию, то уже для того времени можно думать о расселении там хурритов во многих городах.

В отличие от аморе́ев хурриты были горцами. В предгорьях Загроса хурритские государства известны с середины III — начала II тысячелетия до н. э. (Карахар, позже Шушшара, Аррапха и др.), но сами хурриты, по всей видимости, происходили с Армянского нагорья; есть основание полагать, что они еще в III тысячелетии до н. э. заняли и верхнеевфратскую долину. Представительство хурритов в торговом центре Каниша и в других связанных с ним городах (в особенности в Уршу, возможно, культовом центре канишских торговцев) означает, что население гор Тавра и Загроса торговало с западными областями Передней Азии задолго до установления политических контактов с ними. На востоке от Тигра клинописные тексты, вполне тождественные документам канишской торговой организации, может быть с нею именно даже и связанные, найдены пока только в цитадели Нузы, или Гасура, крепости хурритского царства Аррапха. Насколько можно судить по дальнейшим политическим событиям, хурриты в этих царствах не были монолитной силой и завоевание их городов любым претендентом на гегемонию не представляло особых затруднений: такие города-государства не содержали большого постоянного войска, чрезвычайно обременительного при малой численности населения. В случае же военной опасности прибегали к помощи военных сил скотоводческих племен, степных или горных, которые ни в экономическом, ни в политическом отношении не составляли с городами единого целого.

Скотоводческие племена, призываемые на помощь городами, могли быть этнически чужды городскому населению или близки ему. Политические связи возникали независимо от языка. Становясь же военной силой, такие племена часто в конце концов сами захватывали власть в городах. Поэтому этническая принадлежность династий и даже этнический состав царских приближенных не могут служить достаточным свидетельством характера этнической принадлежности государства в целом.

Еще в эпоху существования канишской торговой организации (XIX в. до н. э.), а также в XVIII в. до н. э. известны отдельные хурритские цари и царства в горах Малоазийского Тавра (Ма'ма, царь Анум-Хирве) и в примыкающих районах Северной Сирии (Хашшу, или Хашшува, царь Анишхурве, и Уршу, царь Шеннам); значительный слой хурритского населения был также в Алалахе на нижнем Оронте и в поселениях на городищах Чагер-Базар и Телль-Брак в верховьях Хабура. Но и это могло лишь означать, что местные династии были поставлены войсками, которым была поручена оборона таких городов. В данных случаях эти войска могли состоять преимущественно из хурритов. Скорее всего это были те представители вкрапленного в местное население хурритского этноса, которые сохраняли достаточно прочно родо-племенную структуру, еще не разрушенную под влиянием окружающего развитого оседлого общества *.

* Так, в алалахских текстах XVIII в. до н. э. еще встречаются хурритские термины, типичные для родовой организации с не разделенной на индивидуальные владения недвижимостью (например, *эвро* — в аккадизированной форме *эбуру, эбири*), которых в текстах следующего слоя, датирующихся XIV в. до н. э., уже нет и в по-

16. Кавказские боевые колесницы:
а) бронзовое литое изображение из Лчашена;
б) граверованное изображение на боевом поясе, Армения
17. Хурритские воины (реконструкция М. В. Горелика), по изображениям на митаннийских печатях

Часть хурритских имен здесь носили, видимо, работники — возможно, пленные.

После того как иссякают документы из Каниша, наши сведения о ситуации в Северной Сирии и Верхней Месопотамии основываются на материалах архивов, восходящих к хеттскому Древнему царству. Оно образовалось в центре Малой Азии в середине XVII в. до н. э. В это время хурриты играли здесь уже значительную роль.

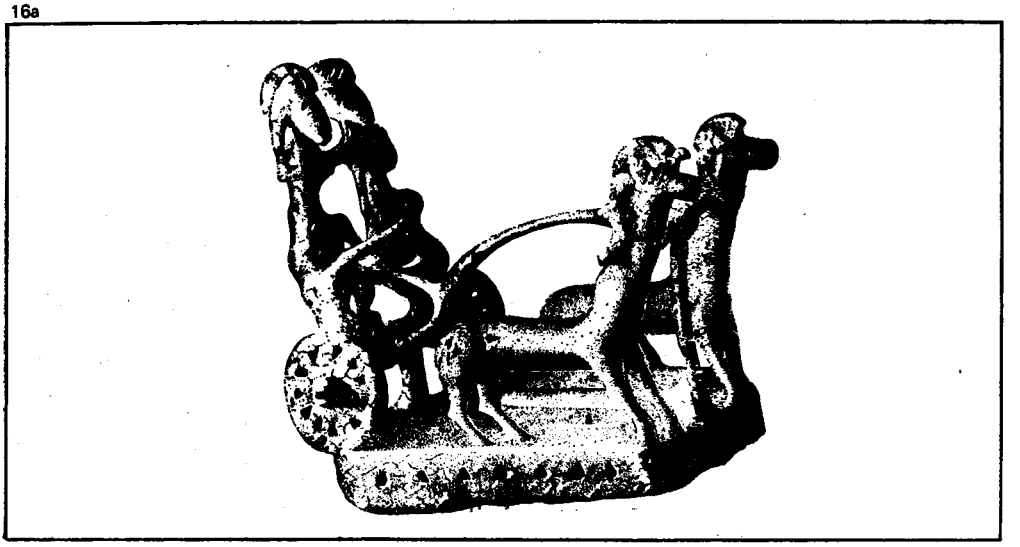
Как и в предшествующий период, основными государствами Северной Сирии являлись Халеб (царство, которое до XVIII в. до н. э., в период господства здесь западносемитской династии, называлось Ямхадом) и Каркемиш, господствовавший над переправой через большую излучину Евфрата (ныне городище Джераблус). Начиная свое наступление на Сирию, хетты должны были рано или поздно с ними столкнуться. Уже поход Хаттусилиса I (середина XVII в. до н. э.) был косвенным образом направлен против Халеба: он захватил Алалах и Уршу, лишив Халеб выходов к Средиземному морю; естественно, Халеб немедленно поспешил на помощь этим городам.

Заметим, что хеттским царям долго не удавалось окончательно лишить восточномалоазийские и северносирийские города независимости: при малейшем ослаблении центральной хеттской власти они отпадали, предпочитая более слабую власть отдельных хурритских династий. Так произошло и теперь: едва Хаттусилис направился в поход в Арцаву, к южному побережью Малой Азии, как от него отпали все города — не только сирийские, но и малоазийские, кроме единственной сохранившей лояльность Хаттуши (Хаттусы; этот город незадолго перед тем стал, по-видимому, резиденцией хеттского царя, и он сам был родом оттуда) *. Фактически это был распад Хеттской державы, и он был стимулирован вторжением хурритского войска. Как показал исследователь Г. М. Аветисян, эти войска принадлежали игравшему в дальнейшем важную роль государству Митанни, иначе Ханигальбат. Вероятно, митаннийцы были призваны на помощь мелкими царьками Малой Азии и Северной Сирии, которые сами не располагали войском, способным остановить наступле-

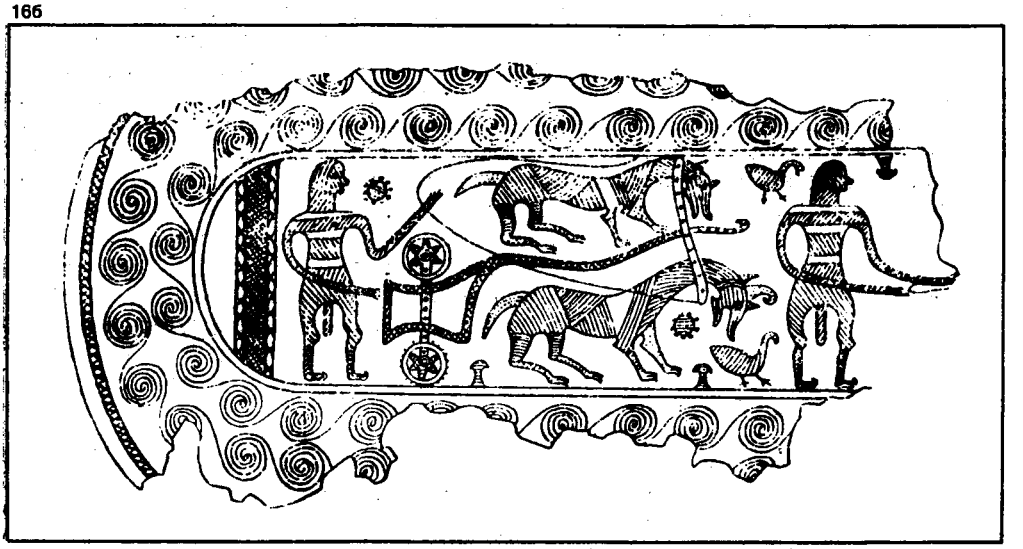
мине, хотя именно к этому последнему периоду хурритоязычное население составило большинство в государстве Алалах, процветавшем под эгидой хурритской державы Митанни с XV в. до н. э.

* Хаттусилис лишь позже стало именем собственным, а тогда еще было прозвищем, означавшим «хаттусский»; настоящее имя этого царя было, видимо, Лапарнас (II).

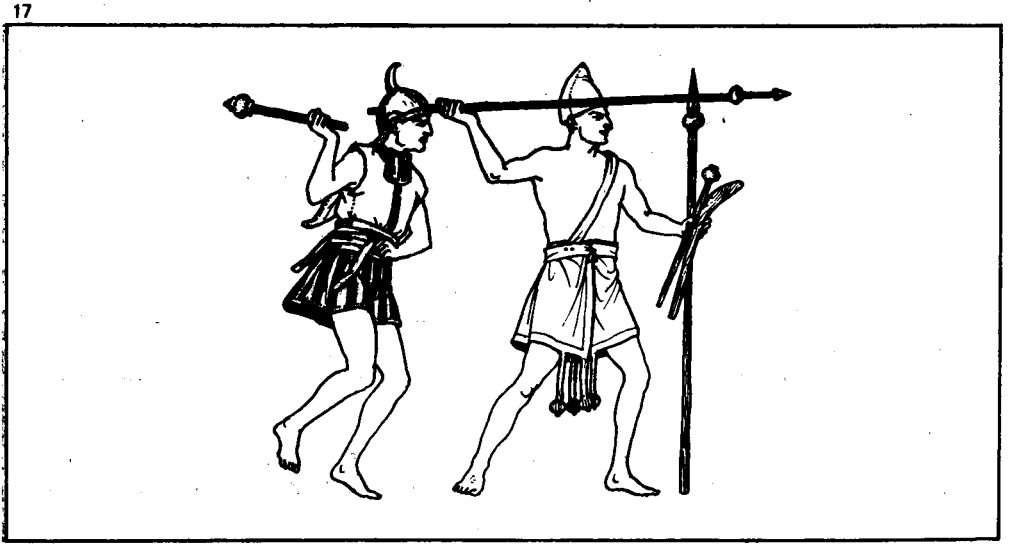
16а

16б

17

ние Хаттусилиса. Один фрагментарный древнехеттский текст прямо сообщает о призвании хурритов на помощь городом Сукцией (Шукси угаритских текстов, ныне Телль-Сукас на самом берегу Средиземного моря?). После захвата Хаттусилисом Алалаха и Уршу Сукция лишалась сухопутных дорог в Северную Сирию и Месопотамию, а с захватом Арцавы она теряла и ближайшие обходы морем.

Радикальной мерой пресечения хурритского влияния в самой Северной Месопотамии стал поход следующего хеттского царя — Мурсилиса I. Обеспечивая свой тыл, Мурсилис разгромил Халеб, предварительно подчинив своей власти лежащие ближе к его стране районы Хассувы (Хашшу) и Харрумы; затем он выступил вниз по Евфрату на Вавилон (1595 г. до н. э.), минуя Митанни. Целью похода, очевидно, было поддержание касситов. Последние, владея государством Хана в низовьях Хабура, вероятно, должны были опасаться поглощения их усилившимся в верховьях Хабура хурритским союзом Митанни, важным врагом также и хеттов. Впустив касситов в Вавилонию, Мурсилис тем самым защитил династию Ханы и несколько ослабил позиции хурритов в Верхней Месопотамии.

Однако в дальнейшем хурриты компенсировали свои потери активизацией в Сирии. Первоначально Хантилису, преемнику Мурсилиса, удалось расширить завоевания отца захватом трех сирийских городов, включая важнейший пункт на излучине Евфрата Каркемиш. Рейд Хантилиса в Тегараму (бассейн реки Тохма) снова вынудил Сукцию пойти на очередной союз с хурритами, вторжение которых в хеттские области привело, видимо, к полной утрате хеттами Северной Сирии. В ходе вторжения хурритов, пока Хантилис находился в Тегараме, из его дворца была похищена царица со всеми ее сыновьями, кроме одного. Все они были увезены в Сукцию и там, видимо, убиты.

В период, освещаемый древнехеттскими текстами, хурриты явно еще не представляли единой, консолидированной политической силы; источники недвусмысленно говорят лишь о конфедерации хурритских царей («царях воинов хурри») в отличие от следующего периода, где речь пойдет о царях, подчиненных одному «царю воинов хурри» (т. е. Митанни). Но в то же время, как показала Л. М. Головлева, медные копи современного Эргани вблизи истоков реки Тигр и общинные области в гористой части Верхней Месопотамии принадлежали другому сильному хурритскому государству — Алзи.

Постепенное слияние разноязычных элементов Верхней Месопотамии и Сирии привело к более широкому распространению хурритских говоров как средства общения и усилению их социального значения среди местного населения; по-видимому, тут сыграло роль и продолжавшееся передвижение групп хурритов с нагорья на низменность. Однако полной хурритизации этой зоны так и не произошло. Памятники материальной культуры показывают такое тесное взаимопроникновение элементов различного происхождения, что отделить их друг от друга, приписав одни хурритам, другие семитам, третьи малоазийцам, очень трудно, а пожалуй, и невозможно.

Положение, сложившееся с середины XVIII в. до н. э. на Тигре и за Тигром, очень неясно. Позднейшие ассирийские царские списки перечисляют десяток преимущественно аккадских имен правителей, якобы царствовавших в Ашшуре после Ишме-Дагана I, но о них, кроме имен, ничего не известно, и даже неясно, действительно ли это правители или же просто предки царствовавшего здесь впоследствии дома. Последующие ассирийские цари возводили свое родословие к Адаси — одиннадцатому правителю после Ишме-Дагана I. Итак, Адаси должен был, по подсчету лет дальнейших правлений, жить около 1700 г. до н. э. Таким образом, на всех десятерых его «предшественников» приходится всего около полу-

сотни лет — значительно меньше статистического среднего для длительности правления десяти поколений царей в сравнительно мирное время (около 150 лет).

Ни один из правителей Ашшура после Шамши-Адада I и Ишме-Дагана I вплоть до XIV в. до н. э. не носил царского титула. Ашшур оставался типичным городом-государством во главе с правителем (ишшиакку), обычно он же верховный жрец (шангу) и глава общинного городского совета и землеустройства (укуллу). Среди первых имен, упоминаемых списками после Адаси, много уменьшительных [в том числе такое, как Луллайа («Чужачок»)]; один из правителей, видимо, был ниневийцем [Кидин(?)-Нинуа, около 1633—1620 гг. до н. э.]; имена других связаны с культом богов Адада (Шарма-Адад I и II) и Сина, которые хотя и почитались и в Ашшуре, но не были божествами-покровителями этого города. Лишь после Кидин(?)-Нинуа и кратковременного правления Шарма-Адада II начинается период сознательной ориентации на великое прошлое Ашшура, судя по именам, которые в это время давались его правителям: Эришу[м] III, Шамши-Адад II, Ишме-Даган II, Шамши-Адад III, Ашшурнерари I, Пузур-Ашшур III. При этом на таком временно́м расстоянии уже не делается разницы между воспоминаниями о династии Пузур-Ашшура I и династии Шамши-Адада I; время правления той и другой кажется одинаково славным прошлым. Названные лица правили Ашшуром с конца XVII по конец XVI в. до н. э., и все они известны только по царским спискам: ни от одного из них пока не дошло ни надписей, ни писем, ни документов. Впервые мы узнаем не из царского списка (но тоже из позднейшего текста) лишь о Пузур-Ашшуре III (последняя треть XVI в. до н. э.), заключившем договор с царем касситов Бурна-Буриашем I. Заметим, что этнически Ашшур оставался аккадским островом среди хурритского мира.

Новый период для всей изучаемой в этой главе зоны начинается с XVI в. до н. э., когда Митанни стало сильным государством, оказавшим немаловажное влияние на дальнейшую историю Ближнего Востока; местное название его было Маиттанне; аккадцы называли его Ханигальбат; о происхождении его можно высказывать только более или менее вероятные гипотезы.

Наиболее вероятным предположением, но, подчеркнем, именно только предположением, представляется нам следующее: маиттанне (или, как впоследствии называли их греки, матианы, матиены) были хурритским племенем, обитавшим к востоку от краевых хребтов Иранского нагорья, в холмистой низменности близ озера Урмия. Здесь приблизительно между 1750 и 1650 гг. до н. э. они соприкоснулись с индоиранскими племенами, пришедшими на Иранское нагорье из степей Восточной Европы или из Казахстана и Средней Азии. Индоиранцы, уже и раньше хорошо знакомые с коневодством, проникнув на территорию современного Ирана, познакомились здесь с изобретением Передней Азии — легкой конной колесницей, но при этом усовершенствовали ее; вместе с тем была выработана и новая боевая колесничная тактика; ее и освоили автохтоны, их соседи по Иранскому нагорью,— касситы и хурриты из племени маиттанне. Возможно, что последних возглавила династия вождей из какого-то индоиранского рода, по крайней мере позднейшие митаннийские цари носили имена, которые лучше всего объясняются из предположения об их индоиранском происхождении (по отцовской или только по материнской линии?). При вторжении в Верхнюю Месопотамию маиттанне не принесли туда живого индоиранского языка; они говорили по-хурритски, и отдельные, очень немногочисленные индоиранские имена божеств и коневодческие термины, которые они сохранили, несут явные следы искажения в устах людей, привыкших только к хурритскому их произношению.

С какими именно индоиранскими племенами произошел контакт у маиттанне, пока решить трудно; в начале и середине II тысячелетия до н. э. говор предков будущих иранцев вряд ли сколько-нибудь заметно отличался от говора предков будущих индоарийцев; попытки доказать, что митаннийцы и касситы поклонялись некоторым специфически индоарийским, а не иранским божествам (богу огня Агни, богу Солнца Сурья), до сих пор остаются неубедительными. Нам представляется вполне возможным, что, говоря о хуррито-индоиранских контактах, мы должны иметь в виду контакты с предками будущих иранцев, или кафиров (а не индоарийцев, как обычно считают), хотя это и трудно доказать.

В середине XVII в. до н. э. воины хурритского племени маиттанне, как нам представляется, проделали путь, аналогичный тому, который проделали касситы несколько раньше, но двигаясь через более северные перевалы, возможно, через Арбелу и Ниневию; Ашшур, как мы видели, оставался не разрушенным по крайней мере еще при Пузур-Ашшуре III. Использовались, вероятно, колесницы (верховая езда хотя и была известна, но до кавалерии на древнем Востоке додумались лишь много позже). Однако нет ничего ошибочнее утверждения, будто бы митаннийцы опирались на «арийскую феодальную аристократию из колесничих-марианне» (слово «марианне» скорее всего не индоарийское, а хурритское); хотя они действительно составляли ядро митаннийского войска и войск соседних государств, но документально доказано, что они не были ни арийцами, ни феодалами; кони, колесницы и даже все снаряжение выдавались им из царских конюшен и складов, и сами они были такими же зависимыми царскими людьми, как и любые служащие и работники дворца в государствах Передней Азии II тысячелетия до н. э.

Первым из царей Митанни, засвидетельствованным письменным источником, был Шуттарна I, сын Кирты; его печать использовалась как государственная и «династическая» при более позднем царе Сауссадаттаре, но, видимо, не Шуттарна был основателем царства Митанни. Столица Митанни не раскопана и даже не найдена археологами, и официальных миттаннийских документов до нас дошло очень мало. Этой столицей был город Вашшукканне, где-то в верховьях Хабура, в Верхней Месопотамии. По-видимому, митаннийцам удалось возглавить уже существовавшее военное объединение Хурри и сплотить вокруг себя Верхнюю Месопотамию *.

Влияние Митанни распространялось весьма широко. Еще в конце XV—XIV в. до н. э. мы встречаем династов с хуррито-митаннийскими и индоиранскими (?) именами (вероятно, также происходившими из Митанни) вплоть до Палестины; возможно, эти династы были родичами митаннийских царей и знати. Наибольшего размаха власть Митанни достигла при царях Парраттарне («царе воинов Хурри») и Сауссадаттаре, сыне Парсадаттара («царе Маиттанне»). Первый из них установил митаннийскую гегемонию в Северной Сирии и долине реки Оронт (как мы знаем из надписи Идри-Ми, царя Алалаха XV в. до н. э., и можем заключить из некоторых несколько более поздних источников); впрочем, эта гегемония отнюдь не приводила к поглощению местных городов-государств Митаннийской державой. Смерть Парраттарны упомянута попутно в одном хозяйственном документе из царства Аррапхи за Тигром, но, по-видимому, Аррапха ему не принадлежала.

Что касается Сауссадаттара, царя Митанни, то он покорил Ашшур и вывез оттуда обитые золотом ворота. И здесь местные власти не были упразднены митаннийцами. (Ко времени их владычества, вероятно, относят-

* Следует отметить, что хурриты были не единым, монолитным народом, а лишь конгломератом родственных между собой племен: диалекты хурритов Митанни, Угарита, Сирии, Малой Азии, Аррапхи и др., как показала М. Л. Хачикян, сильно отличались друг от друга.

ся правления ашшурских ишшиакку Эллильнацира, Нурили и правившего всего один месяц Ашшуршадуни — конец XVI — начало XV в. до н. э.) Митаннийский царь держал в Ашшуре своего «посланца» (суккаллу), входившего в ашшурский городской совет. Тот же Сауссадаттар, возможно, осуществлял гегемонию и южнее Ашшура — в Аррапхе, тоже сохранявшей автономию. Таким образом, Митанни, по-видимому, было не столько единым царством, сколько объединением автономных городов-государств под общей гегемонией митаннийских царей.

После наступления египетских фараонов Тутмоса III и Аменхотепа II на Сирию господство Митанни в этой стране поколебалось, однако еще и при Тутмосе IV (конец XV в. до н. э.) митаннийское влияние ощущалось, по крайней мере к востоку от реки Оронт. Начиная с Артадамы I и Шуттарны II (конец XV — начало XIV в. до н. э.) митаннийские цари заключают дружбу с Египтом, закрепляемую династическими браками; особенно обширна дошедшая до нас аккадоязычная * переписка с Египтом царя Тушратты, который владел еще всей Верхней Месопотамией и, может быть, Ниневией ** (но уже не Ашшуром). После насильственной смерти Тушратты Митаннийское царство было разорено около 1360 г. до н. э. хеттским царем Суппилулиумасом I и сделалось игрушкой в политической борьбе между Хеттским царством, Ашшуром и отдельными немитаннийскими хурритскими государствами; оно было окончательно завоевано Ассирией к середине XIII в. до н. э.

По-видимому, в течение всего времени существования Митанни и вплоть до первой половины XII в. до н. э. северным соседом Митанни было сильное и независимое царство Алзи ***.

Ввиду скудости памятников из собственно Митанни мы не можем дать очерк его социально-экономической истории; об обществе хурритов мы знаем пока лишь из документов, найденных в Алалахе, в Сирии, и особенно в городах царства Аррапхи **** к востоку от Тигра. Эти документы чрезвычайно важны для историка: именно из Аррапхи происходят важнейшие источники, давшие нам представление о характерной структуре древневосточной общины.

8. Хурритское общество (по материалам царства Аррапхи)

Восстановление государственного аппарата в Вавилонии после завоевания ее касситами произошло далеко не сразу. Но даже и с укреплением государства многие писцы все еще оставались не у дел. Видимо, поэтому небольшие царства, стоявшие в стороне от важнейших событий времени, стали убежищем целых писцовых династий *****. Не случись всех этих

---

* Дошло одно большое письмо Тушратты и по-хурритски.

** Владычество Тушратты над Ниневией выводится из того, что он послал египетскому фараону статую Иштар ниневийской для излечения его от болезни. Однако культ Иштар ниневийской существовал не только в Ниневии, но и во многих других хурритских городах.

*** Другое важное хурритское государство — Киццувадна (Катаония) — находилось с XVI (?) в. до н. э. в юго-восточной части Малой Азии и в XIV в. подпало под полное господство Хеттского царства.

**** Вернее, Аррапхэ; «Аррапха» — форма эламская, но более удобная для передачи на русском языке, поскольку может склоняться. Точно так же ниже мы из соображений удобства употребляем эламскую форму «Нуза» вместо хурритской «Нузу», или, возможно, «Нузи».

***** Родословные трех писцовых династий, известных по документам дома виднейшего деятеля Аррапхи Техиб-Тиллы, разработаны Э. Р. Лахманом. Все три группы — потомков Лу-Нанны, Инб-Ададa, Апил-Сина — дают те же четыре-пять поколений, что и родословная самого Техиб-Тиллы, по которой исследователи обычно датируют документы из Нузы и Аррапхи. Династия писцов — потомков Апил-Сина жи-

бед в Нижнем Двуречье, мы, по всей вероятности, не имели бы никакой или имели бы чрезвычайно скудную и отрывочную информацию о жизни зоны предгорий. Между тем эта зона была своего рода заповедником древнейших культур Передней Азии. Благодаря комплексному хозяйству (богарное земледелие и отгонное скотоводство) экономика здесь была стабильной, способной существовать и даже развиваться за счет внутренних ресурсов. Посредническая торговля с момента освоения низовий Тигра и Евфрата стала дополнительным стимулом развития этих стран и дала им возможность косвенно участвовать в доходах с земель Нижней Месопотамии, в среднем более плодородных *.

Действительно, через предгорья проходила одна из важных торговых трасс Передней Азии, ведшая из Элама и Вавилонии на север, через Малый Заб на Арбелу и оттуда либо в Верхнюю Месопотамию, либо на Иранское нагорье. Вдоль этой трассы, по-видимому, разводили вьючных ослов для караванов; по крайней мере одно из селений, пограничных между предгорным государством Аррапхой и Касситской Вавилонией, по-хурритски называлось, подобно сирийскому Дамаску, «Городом ослов» (Абена) **.

Основным грузом караванов того времени были ткани. Среди них были тончайшие льняные и шерстяные либо из шерсти, крашенной в Финикии пурпуром, который добывался из моллюсков Средиземноморского побережья, или растительными и минеральными красителями, которыми славилось издревле Армянское нагорье, но наиболее ходовыми были грубошерстные беленые ткани. Не менее важным грузом была соль из соляных разработок Средиземноморья, известных по документам из Угарита. В Аррапхе цена соли равнялась цене ячменя.

Аррапха, по-видимому, не просто пропускала через свою территорию караваны, но и сама участвовала в торговле шерстью. Тут разводили овец двух пород: первая, с тучных приречных пастбищ, шла не только на мясо, но давала хорошую шерсть, которая, вероятно, и транспортировалась на север и запад, где окрашивалась в фиолетовый или алый пурпур, а также в голубой и синий цвет; вторая, с сухих предгорий с кяризным водоснабжением и из степных районов, предназначалась скорее всего исключительно на мясо.

Именно в хурритском государстве Аррапхе раскопки в зоне предгорий дали наиболее значительные результаты. Само государство располагалось на плато площадью 130×130 км, окаймленном на северо-востоке горами

ла в поселке, который назывался по имени ее родоначальника, имевшего 8 сыновей, 20 внуков, 24 правнука и 8 праправнуков. Все потомки Апил-Сина известны как писцы. Родоначальники писцов Аррапхи были аккадцами, но вскоре хурритский язык стал для них родным, а аккадские тексты документов, которые они составляли, превратились в буквальные переводы с хурритского, иногда с трудом понятные. Местное же население Аррапхи, как и можно было ожидать в обществе подобного уровня развития, было неграмотным; так, весь текущий учет скота велся с помощью камешков — разноцветной речной гальки, образчики которой найдены при раскопках Нузы. Несколько таких камешков по числу израсходованных животных заделывались в глиняный цилиндрик, на котором рукой грамотного посредника делалась надпись. Однако, как мы знаем, отдельные надписи и религиозные тексты по-хурритски составлялись еще в конце III — начале II тысячелетия до н. э.

* Средний сбор урожая в Нижней Месопотамии составлял в начале II тысячелетия до н. э. довольно равномерно по всей территории сам-десят от посева. По кадастровым записям Аррапхи, сбор урожая в предгорьях варьировался от сам-восьми до сам-шести-пяти, падая часто до сам-двух, сам-полутора. Есть и редкие случаи очень высокого урожая, доходившего до сам-двадцати. Такие резкие колебания урожайности, видимо, и были причиной длительного сохранения земельных переделов в этой зоне (см. ниже).

** Оазис Дамаска назывался по-хурритски и по-аморейски Абе, по-ханаанейски — Убе и обозначался также шумерской идеограммой «осла». Очевидно, *абе* было хурритским названием этого животного (*-на* — показатель множественного числа). Долгому *а* других языков соответствовало ханаанейское долгое *ā*.

Загроса, на юго-западе Малым Забом, и охватывало верхний бассейн реки Адем до горной гряды Хамран.

Были найдены архивы трех городов на территории хурритского государства Аррапхи. Современный центр этой области — Киркук стоит на месте древнего «Города богов» — Аррапхи (Алилани). Отсюда дошло наименьшее число текстов, так как систематические раскопки здесь были невозможны (хотя исследование Аррапхи началось именно со случайных находок в Киркуке). Основательно изучено и почти полностью опубликовано все, что было найдено в 15 км к юго-западу от Киркука, на городище Иорган-тепе,— здесь располагался крупный административный центр Аррапхи — Нуза. Относительно недавно в 45 км к юго-западу от Киркука было раскопано городище Телль аль-Фаххар, где находился центр еще одной из 30 крупнейших земледельческих общин Аррапхи. Архивы Телль аль-Фаххара, насчитывающие около 800 текстов, еще не опубликованы.

Больше половины текстов (около 1500), найденных в Нузе, приходится на ее цитадель и примыкающие жилые дома, остальные, примерно поровну,— на два жилых комплекса соседних с Нузой поселений: холм Т (архив Техиб-Тиллы, его матери, сыновей, внуков и правнука) и холм А (преобладает архив Шильви-Тешшуба, «сына царя» *, современника сыновей и внуков Техиб-Тиллы; под этим же холмом — архив семьи богатого торговца Илану).

Цитадель Нузы — типичный для II тысячелетия до н. э., постепенно разраставшийся (так называемый агглютинирующий) дворцово-храмовой комплекс. Самый нижний, XII археологический слой цитадели представляет культуру, родственную культуре древнейших поселений Верхней Месопотамии, но его расписная керамика наиболее близка стилю Самарры. Слои VIII—III Иорган-тепе содержат, между прочим, небольшой архив казенного хозяйства, относящийся ко времени династии Аккаде. Город в то время назывался Гасуром и имел в основном «прототигридское» («банановое») население. Несколько текстов начала II тысячелетия до н. э. принадлежит к кругу документов торгового объединения; Гасур, видимо, поддерживал торговые отношения с Ашшуром и Канишем. В Гасурский период уже существовала вся цитадель полностью, включая храмовую половину.

Следующий, II слой продолжает культурные традиции Гасура; он обильно документирован дворцовыми и частными архивами, раскрывающими историю города XV—XIV вв. до н. э. С этого времени город и известен в его собственных архивах и в других синхронных и более поздних текстах под названием «Нуза» или «Нузи». Население его состояло почти целиком из хурритов.

Внутри цитадели примерно две трети территории занимал дворец, бо́льшая часть которого представляла парадный комплекс, примыкавший к главному внутреннему двору. Часть парадных помещений была украшена расписным фризом с изображениями хурритских богов: Хебат (женское лицо с коровьими ушами), Тешшуба (голова быка), видимо, Тиллы (мужское лицо с ушами теленка) и др. В секции К (помещение 32), примыкающей к комнатам, украшенным фризами, были найдены контракты дочери Техиб-Тиллы — Тарминнайи. Хозяйственные документы, связанные с расходами на нужды храмов, были обнаружены в разных частях дворца, составляя часть дворцовых архивов. Видимо, нузийские храмы не имели своего обособленного учетного ведомства. Дворец в Нузе был лишь центром местной администрации, а не резиденцией царя Аррапхи.

В самой большой комнате парадного комплекса, у торцовой стены, сохранилась глинобитная скамья и перед ней — жертвенник. Возможно,

* Так обозначались все царские родичи вообще.

18. Часть бронзового хурритского панциря из дома Шильви-Тешшуба в Нузе
19. Документ из Нузы с оттисками печатей
20. План цитадели Нузы

именно здесь происходило принесение клятвы — разновидность ордалии — «божьего суда», применявшегося в спорных делах, когда нельзя было установить свидетельскими показаниями, кто из тяжущихся прав. В одной из комнат, соединявшихся с этим помещением, хранились документы судебного процесса над градоначальником-хазанну Нузы Кушшихарбе (современником Техиб-Тиллы).

Восточнее двора парадной секции располагался второй большой внутренний двор. К нему примыкала хозяйственная секция дворца с кладовыми и кухней. Здесь было обнаружено около 200 документов, свидетельствующих об учете продовольствия и других статей расходов на служащих, челядь и рабов дворцового и храмового хозяйства. В одном из помещений, примыкавших к хозяйственному двору цитадели, хранился личный архив жрицы-энту Тульбуннайи, дочери Эрвишарри, управляющего дворцовым хозяйством Нузы (шакин бити), старшей современницы Техиб-Тиллы. В этом же помещении были найдены описи воинского снаряжения и списки ополченцев, составленные много позже, в связи с событиями, происходившими уже при жизни правнука Техиб-Тиллы.

Дворцовая половина цитадели была отделена от храмовой главной улицей. В восточном углу, в комплексе D, примыкавшем к храмовым складам, сохранились документы главной городской канцелярии Нузы (около 300 текстов), и среди них — дипломатический архив Аррапхи. Здесь же были найдены кадастровые записи, о которых речь пойдет ниже. Эта группа текстов позволяет восстановить основные вехи политической истории Аррапхи XV—XIV вв. до н. э.

Аррапха имела значение как важный узел на торговых путях и как источник военной силы. Еще в конце XVIII в. до н. э., когда она входила в державу Шамши-Адада I, страну разделили на военные округа (хальцу). Это деление сохранялось и в XV в. до н. э. Во главе каждого округа стоял его начальник — хальцухли, а всего в стране было не менее пяти военных округов: известны Уламмэ, Хурацина, Пакканте, Канари и Арзухина. Крупнейшим из них был Пакканте — округ «стригалей» (?), в который входила Абена. Каждый из военных округов Аррапхи поставлял в ополчение более тысячи воинов. Существенным недостатком войска Аррапхи было почти полное отсутствие регулярных частей. Экипировка и продовольствие обеспечивались самими общинами, дворец (цитадель) брал на себя только некоторые расходы при формировании отрядов. Поэтому в острые моменты, когда была необходима воинская мобилизация, значительная часть войска (в особенности всадники и колесничие) либо вовсе не являлась, либо приходила без коней.

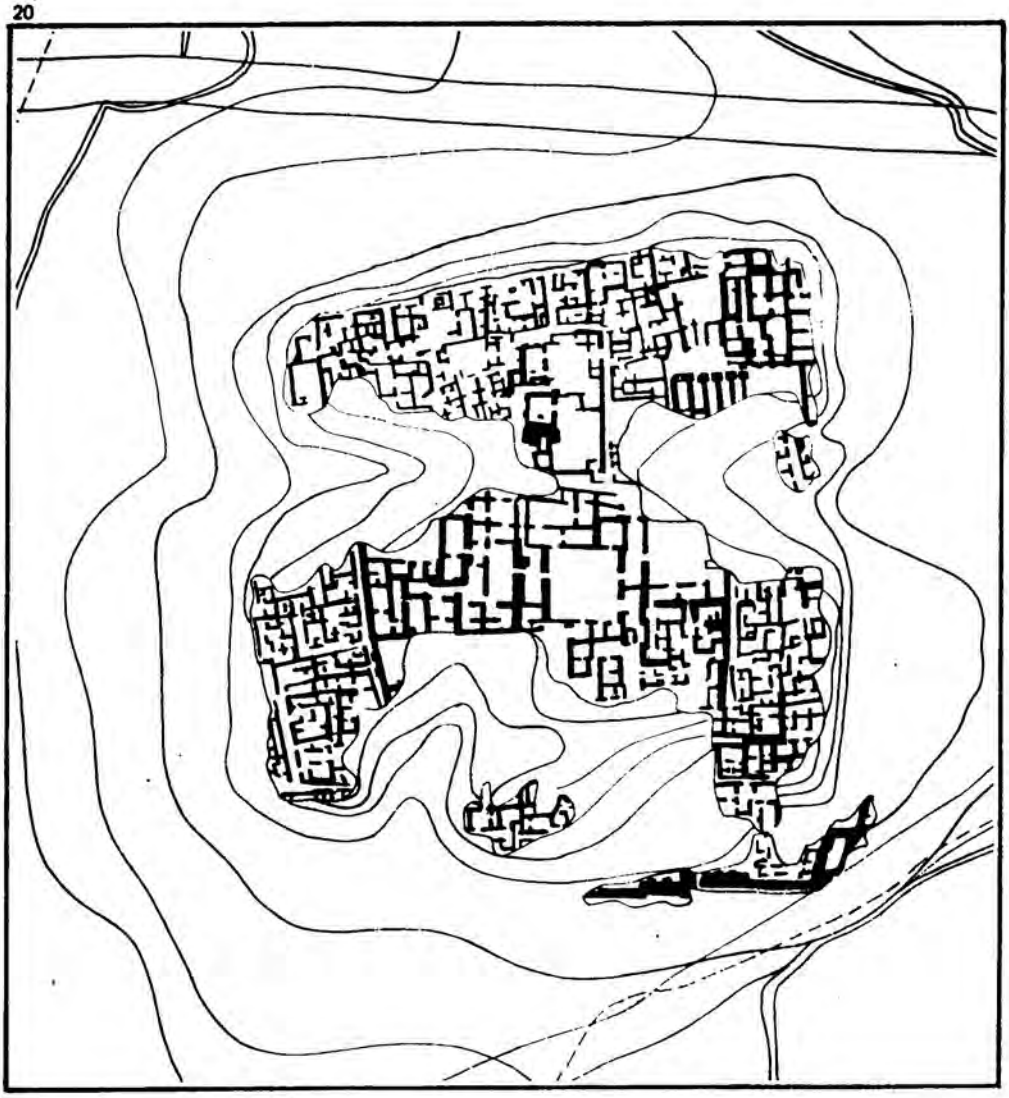
18

19

20

Жизнь четырех поколений (со второго по пятое), деятельность которых освещена архивами Аррапхи, составляет минимально 80 лет (первое поколение лишь упоминается в родословных, а шестое — там, где оно вообще появляется в документах,— только начинает действовать в момент, когда поток информации прекращается).

Одна из кадастровых записей главной канцелярии Нузы содержит перечень 30 хозяйств, разделенных на 3 группы, по 10 хозяев в каждой. В подведенном итоге все хозяйства названы «башнями» (*дúмту* — обозначение домашней большесемейной общины), но в самом перечне они определяются и как «башни», и как «селения» (*álу*). Таким образом, уже отдельное жилище или группа жилищ большесемейной общины могли рассматриваться на одном уровне с «селениями», т. е. минимальными территориально-общинными единицами. В других случаях алу — территориальная община могла состоять из нескольких разных димту — большесемейных общин (иначе *биту* — «домов»), причем они могли быть родственны между собой, являясь коллективами, объединяющими поколения наследников отделившихся членов некогда распавшегося единого «дома», а могли и не состоять в родстве. По записям, найденным в нузийской цитадели и в частных архивах, нам известно более 70 семейно-общинных организаций типа димту. Некоторые из них были специализированы по характеру производства — таковы домашние общины керамистов, ткачей, овцеводов, писцов, торговцев, из несколько более позднего эламского источника известно о домашней общине кузнецов. Неспециализированные димту и значительная часть алу назывались по именам своих глав или одного из его ближайших предков.

Исследователи Аррапхи обычно либо отказывались в данном случае признавать вполне обычное аккадское значение слова «димту» («башня») и без достаточных оснований переводили его как «округ», либо видели в димту «феодальные замки». Между тем семейно-родовые (а также и боевые) «башни» — весьма обыкновенное явление в периферийных, особенно горных и островных, обществах, слабо охваченных товарным производством и отстаивающих свои патриархальные порядки от окружающих государств. Они, согласно М. И. Джандиери, были широко распространены на всех континентах, а, например, на юге Югославии и на Кавказе дожили до XIX в. н. э. как опора патриархального строя, не слишком отличавшегося от общественной жизни горных хурритов древности. Трудно сказать, насколько случайно то обстоятельство, что хурриты и этнолингвистически, видимо, довольно близкородственны горским народам Кавказа.

Из завещаний, передаточных актов и судебных процессов по ним известно, что в Нузе каждая домашняя община, или «башня»-димту, имела свое центральное строение, которое называлось точно так же, как и центр цитадели, ее дворец,— «большой дом». Здесь по торжественным дням собирались все члены домашней общины. Здесь обитал и глава ее — эрви, или эври; он же, видимо, являлся жрецом культа домашних богов и духов-предков.

В составе одной димту могло быть порядка сотни и более мужчин, женщин и детей, представляющих до 15—20 индивидуальных семейно-брачных ячеек. На каждого взрослого и женатого мужчину-работника приходилось в среднем по 1 имéру земли — участок, на засев которого требовалось около 75 л ячменя, кроме того, около 40% земли домашней общины, чаще всего земли худшего качества, оставались неподеленными. Земля находилась в собственности и владении общины, хотя каждая семья возделывала свой участок сама и, по-видимому, как правило, не делила с родичами полученного урожая. Движимое имущество было в личной собственности каждого взрослого мужчины. В условиях специализации в области как земледелия, так и ремесла и участия некоторых общинников в торговле это

приводило к имущественному неравенству внутри димту и к тому, что отдельные ее члены могли быть значительно состоятельнее ее патриархаэрви. В то же время обычаи общинной взаимопомощи содействовали возможности эксплуатации менее состоятельных семей более богатыми. Подробнее об этом будет рассказано ниже.

В совете алу, которому данная домашняя община подчинялась, отдельные димту были представлены необязательно своими патриархами, а иногда просто более пожилыми и авторитетными людьми. Аналогичные вышестоящие советы имелись в окружном центре и в столичном городе государства Аррапхи. Во главе больших алу стояли общинные чиновники-градоначальники — хазанну, во главе округов, как мы уже видели,— начальники округов — хальцухли, пограничные округа возглавляли «посланцы» — суккаллу, а над теми и другими стояли начальники областей — «поставленные страной» (шакин мати), вероятно, представители общинного самоуправления. В каждом значительном селении имелась своя жрица — «женщина-царь» (вероятно, то же, что энту), игравшая, видимо, не только важную культовую, но и политическую и хозяйственную роль. Так, «женщиной-царем» была Тарминнайа, дочь Техиб-Тиллы.

Каждая димту (или небольшое алу) выделяла долю в 1 имеру земли в дворцовый фонд за обеспечение хозяйства водой, осуществлявшееся через градоначальника. Кроме того, на каждом эрви большесемейной домашней общины или группы общин лежало *эрвишше* — комплекс общинных прав и обязанностей. К правам относились: функция распределителя имущества общины и ее доходов; по-видимому, арбитраж между членами своей общины; трудовая помощь и вето на возможные операции с индивидуальными земельными наделами. К обязанностям относилось обеспечение выполнения общинных повинностей, и прежде всего наиболее важной из них — воинской (ильку). Эрви формально отвечал по любым обязательствам членов своей общины, но фактически вмешивался в дела несостоятельных должников из числа своих родичей, только если мог и хотел сохранить их недвижимость от изъятия в пользу кредитора. Сделать это было нелегко, так как суд давал предпочтение правам кредитора перед всеми иными. Если же эрви выкупал надел своего родича, то тот обычно фактически становился его кабальным работником. Такие операции по «выручке» своих родичей и даже родных братьев иной раз производили и другие более состоятельные члены домашней общины.

В западной науке весьма распространено мнение, что собственность на всю землю в Аррапхе принадлежала «короне» и что общины держали свои участки в «ленном», феодальном владении; при этом ссылаются на существовавший в Аррапхе запрет прямого отчуждения земли. Однако запрет отчуждения земли за пределы общины является пережитком первобытного отношения к земле как к коллективной собственности и не имеет касательства к царской собственности на нее. Именно поэтому характерное для Аррапхи фактическое отчуждение земли путем фиктивного усыновления покупателя домашней общиной не встречало никаких препятствий со стороны государственных властей, и действительность подобных сделок официально признавалась судами.

Документы архива жрицы Тульбуннайи, одного из самых ранних из дошедших до нас, имеют уже все особенности частноправового акта, главной отличительной чертой которого является гарантийное обязательство на случай нарушения сделки, принимаемое на себя прежним владельцем недвижимости в присутствии свидетелей и подтвержденное печатью как прежнего владельца, так и этих свидетелей. При жизни Техиб-Тиллы, сына Виннирке, акты на безвозвратную передачу недвижимости, отработанные писцами для сделок Тульбуннайи, стали массовым явлением. При сыновьях Техиб-Тиллы существовало уже два вида передаточных актов: 1) залог-

антихреза — «выдел» (*тиденну́ту* *) части земель домашней общины должника в пользование кредитору на срок от двух до трех-пяти лет (изредка дольше) или до возврата ссуды без указания срока; 2) псевдоусыновление (*мару́ту*) кредитора с безвозвратной передачей ему в собственность индивидуальной доли несостоятельного должника в его домашней общине (аналогичный акт относительно неразделенной земли домашней общины назывался актом принятия кредитора в «братство» — ахху́ту). Плату за недвижимость лишь в единичных случаях называли «ценой», обычно она фигурирует в качестве «подарка». Такое обозначение цены объясняется тем, что только «подарки» могли поступать в индивидуальное распоряжение, а «цена» за общинные земли должна была бы совместно проедаться главами семей, составляющими род, чьи земли отчуждали.

В актах передачи индивидуальных наделов из общинных земель Аррапхи, как правило, указаны границы надела по именам соседей со всех четырех сторон, но тем не менее оказывается, что всего за один год поле данного лица может «уменьшиться» или «увеличиться» (в таком случае продавец обязуется не трогать переданный надел — не уменьшать его и не увеличивать), следовательно, и разделенная между индивидуальными семьями земля домашней общины если не целиком, то частично могла подлежать переделам. Как указал нам Д. А. Ольдерогге, общинные переделы земли вообще гораздо дольше сохраняются на богарной земле, в то время как на землях ирригационного земледелия переделы затрудняются жесткой сетью каналов, поэтому здесь либо переделяются очень большие участки (только в пределах территориальных, но не домашних общин), либо земля вовсе не переделяется.

Следует иметь в виду, что сделки псевдоусыновления не были только формой обхода запрета на отчуждение недвижимости, как обычно полагают. Это было одновременно способом и обеспечить хозяйство кредитора рабочей силой, и освободить его от тягот повинностей, так как «усыновители» продолжали нередко работать на земле, переданной «усыновленному», на основании обычая внутриобщинной взаимопомощи (и, исходя из этого, семья «усыновителя» после смерти «усыновленного» часто пыталась вернуть себе отчужденную землю, хотя обычно не имела успеха в суде). Кроме того, именно за «усыновителем» (продавцом), как правило, сохранялась обязанность нести повинности, связанные с владением отчуждаемой общинной землей.

Заметим, что вообще проблема рабочей силы для имений, создававшихся богатыми общинниками, стояла остро. Изыскивались самые различные формы порабощения и закабаления. Обедневший земледелец охотнее шел в долговую кабалу, чем соглашался на отчуждение своего участка общинной земли, потому что, сохраняя ее, он сохранял гражданские права, даже находясь в кабале, мог надеяться на выручку однообщинников (вот почему рабовладельцы предпочитали рабов-чужеземцев — из числа горцев или беженцев). Были и другие способы порабощения, например практиковавшееся Тульбуннайей «удочерение — взятие в невестки», при котором «удочерившая» оставляла за собой право выдавать «удочеренную» замуж за своих рабов сколько угодно раз, не оставляя ей даже возможности освободиться, став вдовой. Правда, «удочеренная» могла формально сохранять гражданские права, но они фактически освобождали ее разве что от палочных наказаний и от принудительного внебрачного сожительства с родичами хозяйки.

Факты порабощения, так же как и сделки псевдоусыновлений (далеко не ограничивавшиеся кругом деятельности одного Техиб-Тиллы), свиде-

* От хурритского *тид*-«делить». Это новый вид акта, возникший при третьем поколении, видимо, в результате сопротивления общин совершению необратимых актов псевдоусыновлений.

тельствуют о резком имущественном расслоении в обществе Аррапхи XV—XIV вв. до н. э. и быстром разорении и закабалении общинников. Нужда последних в кредите, может быть, связана с интенсификацией и специализацией отдельных хозяйств; не случайно в первую очередь в оборот вовлекаются садовые участки. Но процесс, вероятно, обострялся и усиливался из-за деятельности торговцев, роль которых в Аррапхе и Нузе не может недооцениваться, и из-за произвольного вмешательства в экономическую деятельность общин со стороны лиц, связанных с государственной властью, среди которых хальцухли Техиб-Тилла занимал ведущее место.

Более 200 актов передачи недвижимости Техиб-Тилле путем псевдоусыновления или принятия в братство (такой акт только один) дополняется примерно 80 документами меновых сделок. При помощи таких обменов он составил из полученных наделов несколько имений, стараясь при этом обеспечить себе соседство наиболее значительных лиц из органов общинного самоуправления. Впоследствии эти приобретения позволили его потомкам выдвинуться в органах общинного самоуправления на самую высокую должность (шакин мати), а самому Техиб-Тилле — выйти из круга должностных лиц, зависимых от царя.

Один из последних хальцухли, состоявший в штате «сына царя» Шильви-Тешшуба, продержался всего два года, а на третий сбежал, прихватив оружие и снаряжение колесницы, выданные ему из казенных кладовых. Дело в том, что еще при сыновьях Техиб-Тиллы обстановка в стране резко изменилась, а близость перемен ощущалась, очевидно, и раньше. Этим, как нам кажется, и была вызвана бурная деятельность Техиб-Тиллы, искавшего путь к выходу из числа царских людей. Стремление его войти в круг наиболее влиятельных граждан из общинного самоуправления скорее всего свидетельствует об усилении последних.

Вступление на трон Итхи-Тешшуба, сына Киби-Тешшуба, сопровождалось объявлением «моратория» долгов (на который ссылались и при датировке сделок). Практически этот «мораторий» привел лишь к еще одной волне долговых актов, возобновлявших аннулированные договоры с пометкой, что новые акты составлены после объявления царского указа об освобождении и тем самым под него не подпадают. Иной раз бывшему кредитору, приобретшему землю должника путем псевдоусыновления до «моратория», приходилось для сохранения этой земли лишь немного приплачивать своему бывшему должнику или главе его домашней общины. Второй «мораторий», «новый», приходится на время активных военных действий при Шильви-Тешшубе, младшем современнике царя Итхи-Тешшуба. Это время было ознаменовано рядом событий.

Одним из важных событий истории Аррапхи времени после первого «моратория» был судебный процесс над градоначальником Нузы Кушшихарбе. Злоупотребления властью, в которых обвиняли его, заключались в том, что Кушшихарбе притеснял на рынке Нузы, участвовал в похищении людей, с которых затем требовал выкуп, приказывал приводить к себе дворцовых женщин. Последнее обвинение Кушшихарбе отвергал особенно резко: видимо, именно оно грозило ему смертной казнью.

Во время гражданской войны в Митанни между наследниками царя Тушратты отряд из 200 митаннийских колесниц, направлявшийся за помощью в Касситскую Вавилонию, укрылся в Аррапхе. Аррапхиты в течение полутора месяцев выдавали по 10 сила ячменя на каждую колесницу. В Вавилонии митаннийцы вместо помощи были разгромлены как враги. Однако один из митаннийских царевичей, Шаттиваса, бежал через Аррапху и Мари с двумя колесницами на хеттскую территорию, где был радушно принят Суппилулиумасом I и в конечном счете оказался на митаннийском престоле, хотя и в зависимости от хеттов.

С наступлением ассирийцев аррапхиты потеряли прежде всего район

21. Украшения из дворца в Нузе:
а) головы божеств (Тешшуба, Хебат и, вероятно, Тиллы) на раскрашенном фризе из парадного помещения в цитадели;
б) глиняная голова кабана

Кабры. В архиве главы общинного самоуправления Нузы, должность которого на тот момент принадлежала правнуку Техиб-Тиллы, были собраны сведения о всех взятых при этом в плен или бежавших. Именно в этом районе и находилось большинство владений рода Техиб-Тиллы, хотя старший брат его Вуллу жил в свое время в «Городе богов». Поселения родственников Техиб-Тиллы пострадали от грабежей более всего. Часть людей в них была убита, часть уведена в Ассирию. Некоторые рабы разбежались, поселившись в ассирийских городах, где они, по всей вероятности, и были когда-то захвачены.

Теперь, видимо, предполагалось заключить с Ассирией мирный договор, и для переговоров собрались главы поселений области с обеих сторон реки. Переговоры шли в присутствии судьи одного из алу этого района; очевидно, он был обязан следить за соблюдением всех правил ликвидации пограничных споров.

На этом наши сведения об Аррапхе из местных источников обрываются. Ни частные, ни дворцовые архивы более не возрождались. Государство Аррапха, по-видимому, прекратило существование, завоеванное одним из соседних царств в середине XIV в. до н. э.

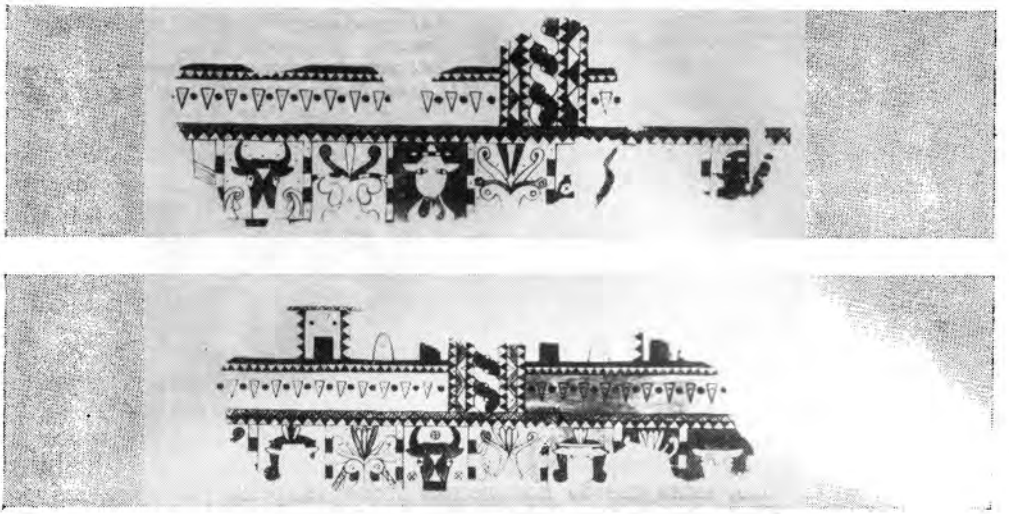
9. Культура и искусство хурритов

О культуре хурритов, обитавших к югу от верховьев Тигра и Евфрата, мы знаем главным образом по немногочисленным сохранившимся хурритоязычным религиозным текстам из Вавилонии, Мари, Угарита, Хаттусы и по текстам хеттского царского архива, переведенным с хурритского, а также из хозяйственных и юридических документов хурритских государств Аррапха и Алалах. Эти документы написаны по-аккадски хурритоязычными потомками аккадских писцов, часто представляют собой «подстрочные» переводы с хурритского и нередко содержат вставки хурритских слов и целых выражений. Что же касается горных хурритов и родственных им протоурартских племен Армянского нагорья, то о них известно почти только по археологическим данным.

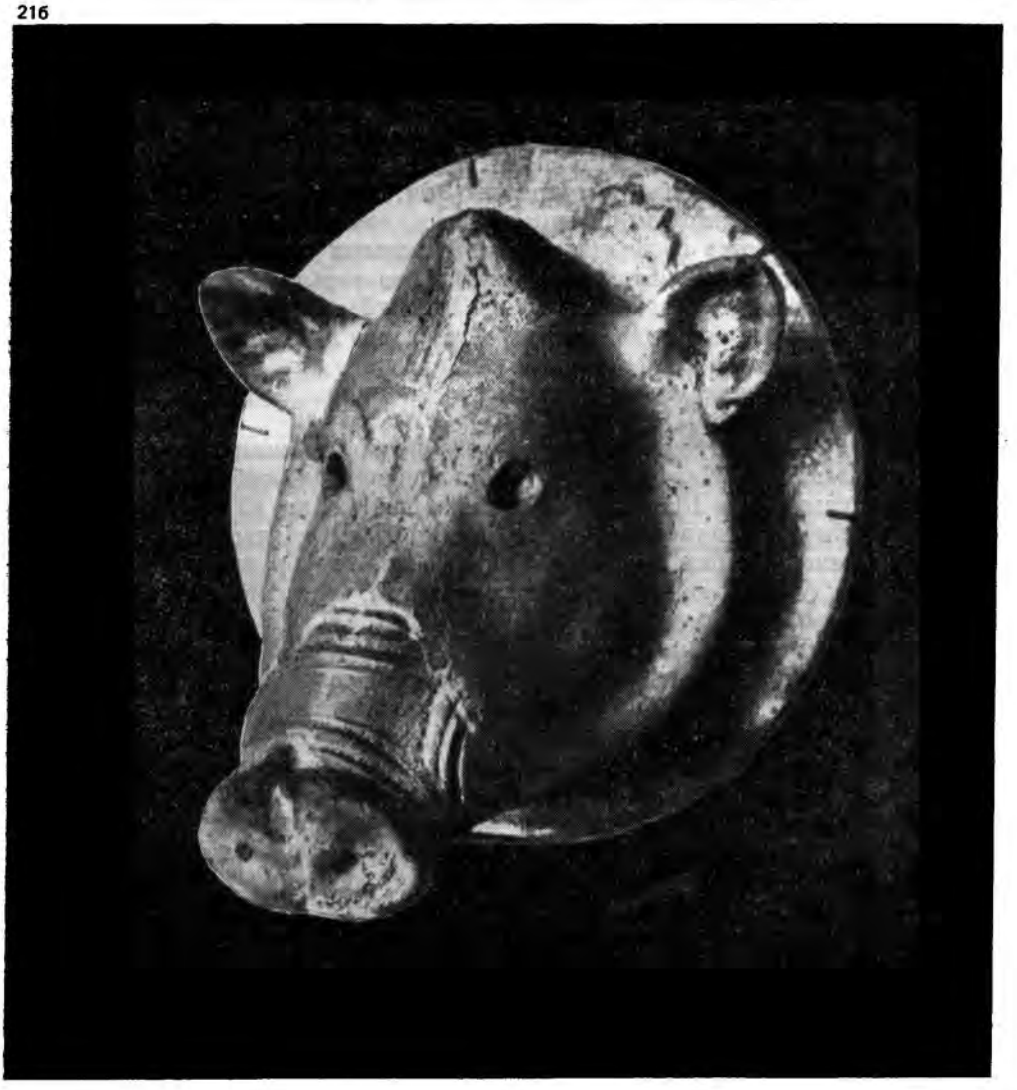
Важно отметить, что на южных хурритов сильнейшее влияние оказывала шумеро-аккадская культура, а в то же время сама хурритская культура столь же сильно влияла на хеттов.

К «старшему поколению богов» у хурритов относился прежде всего бог Кумарве, имевший центр культа в Уркише, около современного Мардина. Ил. 24

21а

21б

22. Митаннийские печати с изображениями хурритских божеств и ритуалов:
а) царь и жрецы перед божиней Шавушкой;
б) жертвоприношение человека
23. Храм Нинни-Зазы в Мари:
а, б) главный двор и внешний вид (реконструкция по А. Парро);
в) план

Среди основного, «младшего» поколения богов «царем» *(ша́ррае, ша́рри)* считался бог-громовник Тешшуб (точнее, Тешшоб), а «царицей» *(а́ллае)* — его супруга Хебат; центрами их культа были Кумманне в Киццувадне, в горах Малоазийского Тавра (Комана в Катаонии), и город в верховьях реки Большой Заб (ассирийцы называли этот город Кумме, а его бога — Ададом, а урарты называли город Кумену, а бога — Тейшеба). Братом Тешшуба был солнечный бог Шимиге, а сестрой — богиня Шавушка. Кроме того, большим почитанием пользовались аккадские боги неба (Ану), мировых вод и мудрости (Эйя, Эйяшарри) и богини Никкаль и Пендигалли (возможно, богини Луны и, возможно, преисподней?). Бог подземного царства обозначался клинописными знаками У-ГУР; чтение их достоверно не установлено. Известны, но только по именам, и многие другие хурритские боги (Тилла, сын Тешшуба, Нубадег и др.). Интересно, что урартские племена, несмотря на тесное языковое родство с хурритами, имели мало общих с ними божеств и даже пантеон хурритов Аррапхи во многом отличался от пантеона митаннийцев, хурритов Киццувадны и т. п.

Наряду с Тешшубом и Хебат, пожалуй, наибольшим почетом у хурритов пользовалась Шавушка, владычица плодородия, любви и войны. Центром ее культа была Шамуха (Самуха) в Малой Азии, на реке Кельки́т (?). В Ниневии аналогичная богиня, по-видимому, называлась Иштар ниневийской. В иконографии Шавушка (или Хебат?) изображается распахивающей одежду и обнажающей свою наготу; ей, вероятно, были посвящены оргиастические культы.

То же (?) женское божество выступало в другой ипостаси — Шидури («Дева») (как «дева-хозяйка питейного дома богов Сидури» она попала и в аккадский эпос о Гильгамеше). Продолжали существовать и некоторые дохурритские и досемитские культы, например богини Ишхары (Ужхары), весьма сходной с Шавушкой, и богини матери-земли Кубабы (позже античной Кибелы). В каком-то из хурритских культов, судя по сохранившемуся изображению, совершались человеческие жертвоприношения.

Любопытную черту хурритского общества как на низменности, так и на нагорьях представляет существование в каждом округе (большой территориальной общине) особых жриц, обозначаемых клинописной идеограммой «женщина-царь»; аккадцы отождествляли этих жриц со своими *энтум*. Этот термин (в форме *э́нда*) употреблялся и у самих хурритов, но, возможно, «женщины-цари» имели и другое, собственно хурритское обозначение. Функцией их, надо полагать, было, как и в Шумере, осуществлять

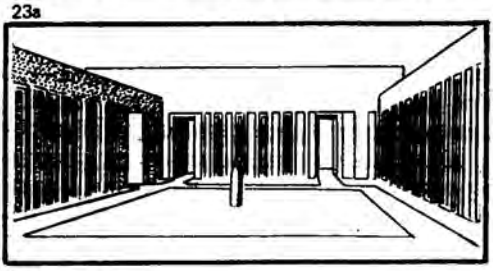
22а

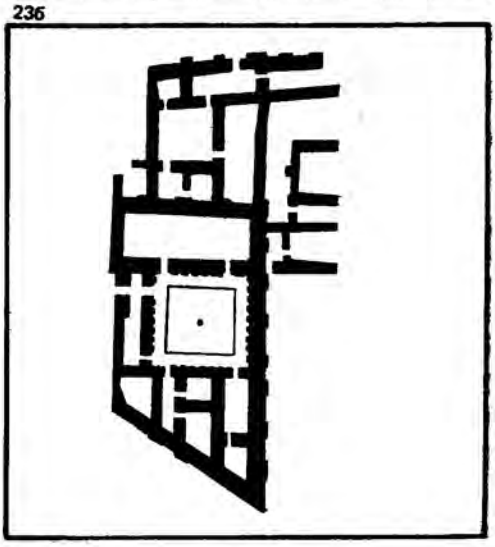
22б

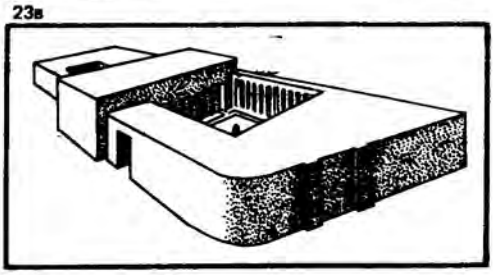
23а

23б

23в

24. Изображения на тему о хурритском боге Кумарве на золотой чаше

обряд «священного брака» в культе местного общинного божества *; кто играл в этом обряде роль бога, неясно (может быть, жрец с шумерским титулом «шангу»?). До нас дошел интересный документ, согласно которому «женщина-царь» общины Нузы Тишнайя («Сердечко»), дочь начальника крепости и ростовщика Техиб-Тиллы, выменяла на коня девочку-рабыню для своего малолетнего сына и мальчика-раба для своей малолетней дочери. Сын и дочь были отданы на воспитание бабке Хинзури **, жене Техиб-Тиллы; возможно, такой жрице не разрешалось воспитывать своих детей от «священного брака».

Хурриты были знакомы с письменностью (в виде аккадской клинописи) еще с III тысячелетия до н. э., о чем свидетельствует надпись Тишари, энды (т. е. жрицы) города Уркиша. Во II тысячелетии до н. э. у хурритов применялась аккадская клинопись в ее северосирийско-верхнемесопотамском варианте, причем в разных частях их территории были распространены разные орфографические системы. К сожалению, без больших повреждений сохранилось только несколько «субарейских» (=хурритских) заклинаний начала II тысячелетия до н. э.; остальное — фрагменты текстов, найденные в Мари, Угарите и Хаттусе ***.

В последнем городе (в царском хеттском архиве) были найдены, кроме того, хурритские ритуальные отрывки в хеттских текстах, а также переводы литературных текстов с хурритского, например хурритской версии поэмы о Гильгамеше, сказаний о змее Хедамму и о боге Кумарве, родившем от скалы слепоглухонемое каменное чудовище, росшее со дна моря. Оно должно было погубить главу младшего поколения богов — Тешшуба. Ни Тешшуб на колеснице, влекомой быками, не мог победить чудовища в бою, ни Шавушка не могла его погубить своими чарами; побеждает его только Эйя, обрезав его подводный корень. В мифе о Кумарве можно найти следы фаллического культа и обычая класть новорожденного ребенка на колени отцу для узаконения его в отцовском роде. Все эти тексты, вероятно, лишь остатки когда-то обширной хурритской литературы.

Есть данные о том, что у хурритов существовал литературный жанр царских анналов ****, но, к сожалению, до нас они не дошли.

* По крайней мере у них были дети, отец которых не указывался, а их дочери, по-видимому, из рода в род исполняли обязанности жриц.

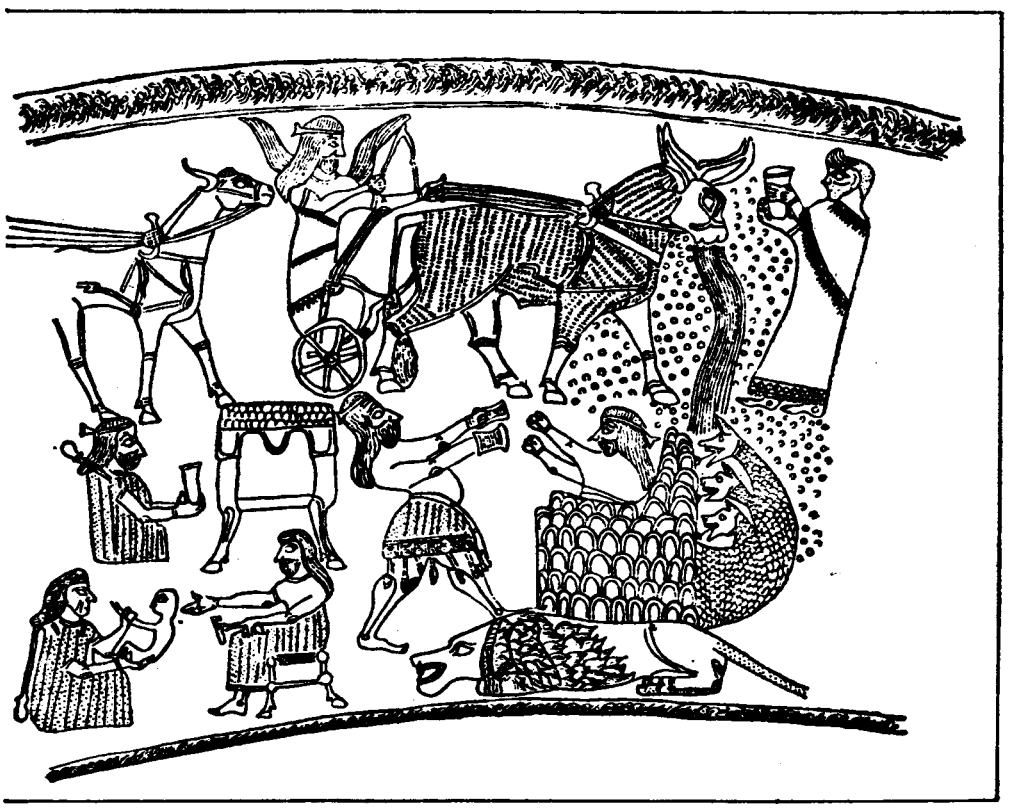
** Хинзури значит «яблочко».

*** Советская исследовательница М. Л. Хачикян обнаружила фрагмент хурритского оригинала литературного произведения в жанре диалога.

**** Это видно из того, что в урартских царских анналах встречаются выражения-формулы, восходящие к хеттской анналистике, хотя Урарту не имело прямого со-

24

25. Хурритские жрецы (реконструкция М. В. Горелика):
а) жрецы богини Шавушки;
б) жрец и человеческое жертвоприношение, по изображениям на митаннийских печатях (см. ил. 22).
26. Хурритская расписная керамика из Телль-Атшаны и Телль-Биллы

Памятников изобразительного искусства, которые могли бы надежно быть связаны именно с хурритами, известно немного; чаще всего их можно лишь отнести к общей сиро-хетто-хурритской культурной зоне. Но несомненно, собственно хурритской является, например, глиптика так называемого митаннийского «изысканного» стиля, для которого характерен тип цилиндрической печати из черного гематита и других материалов, поверхность которой заполнена изображением мифологических фигур и легендарных животных-чудовищ — крылатых сфинксов, львов, крылатых коз и оленей — в окаймлении орнамента в виде плетенки. Памятники хурритского искусства встречаются на севере вплоть до Большого Кавказа.

В области материальной культуры достижения хурритов были значительны. В хурритской Северной Сирии первой четверти II тысячелетия до н. э. впервые в мире стали делать стеклянную посуду (из цветного стекла) — искусство, вскоре заимствованное египтянами и вавилонянами; хурритскими же изобретениями были, вероятно, бронзовый пластинчатый панцирь, бронзовый шлем с гребнем и, возможно, бронзовый меч. Хурритские области были одним из центров развития коневодства и колесничного дела (в развитии его, как мы видели, сыграли существенную роль и индоиранцы, по-видимому, из района озера Урмия).

Типичным жилищем хурритов была многоярусная жилая «башня» — обиталище большесемейной домашней общины (аккад. димту, урарт. бу́ргана). В нижнем ярусе держали скот, в верхних жили семьи. Однако «башня»-димту была не единственным жилым строением каждой большесемейной общины. Если «большой дом» такой общины может быть отождествлен с «башней», то имелись и другие дома, образовывавшие иной раз вокруг «башни» целое селение (алу). Разросшаяся большесемейная домашняя община могла даже охватывать несколько небольших селений.

Одежду хуррита составляла обычно короткая, топорщаяся, вероятно, цветная юбочка с кистями или с гладким краем, иногда надевавшаяся поверх легкой рубашки с короткими рукавами; на ногах носили полусапожки с загнутыми носками (а чаще ходили босиком), на голове — повязку или высокий колпак. Ритуальные одежды употреблялись шумеро-аккадские. Женщины, по-видимому, носили на плечах длинный плащ (поверх длинной же туники, а то и на голое тело, если судить по изображениям богини

прикосновения с Хеттской державой и в ассирийских анналах такие формулы тоже неизвестны. Следовательно, должно было существовать промежуточное звено между хеттскими и урартскими анналами — очевидно, хурритские (митаннийские или, скорее, алзийские).

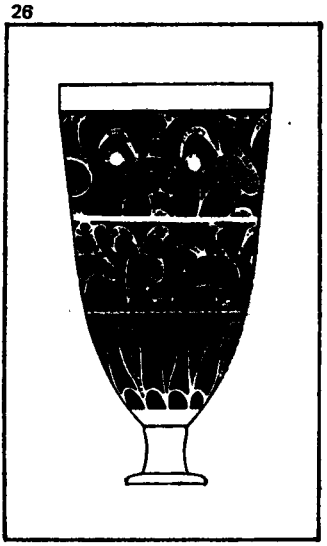
25а

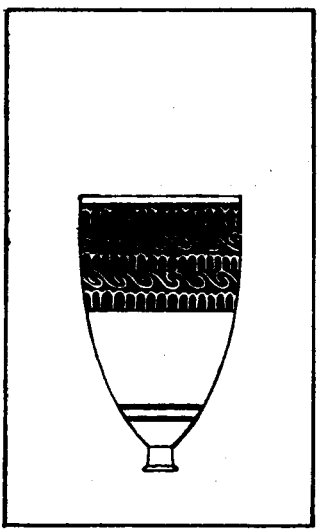

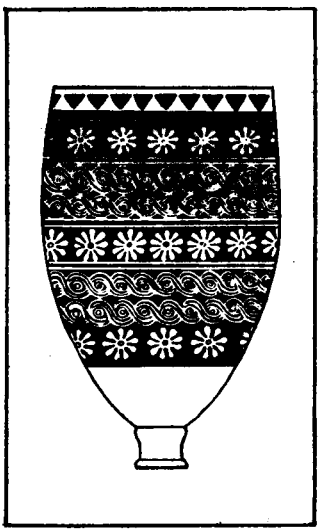
25б

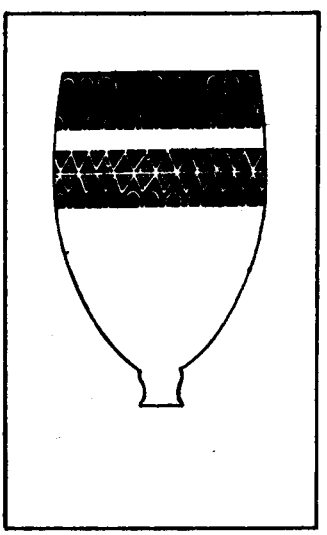

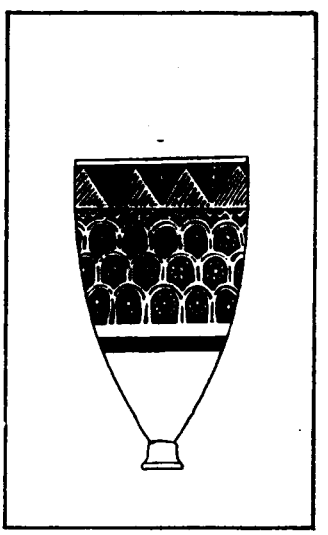
26

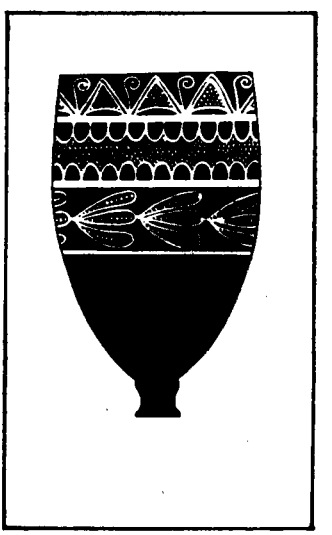

27. Глиняная курильница в виде жилой башни, Нуза

28. Хурритские одежды (реконструкция М. В. Горелика), по изображениям на митаннийских печатях (см. ил. 22)

Шавушки); данных о том, закрывали женщины лицо или нет, мы пока не имеем.

Многочисленные общие черты в керамике, вооружении, строительстве и т. п. заставляют, согласно Б. Б. Пиотровскому, предполагать тесные связи между хурритами южных областей (за Тигром, в Верхней Месопотамии и в Северной Сирии) и жителями Центрального Закавказья. Весьма вероятно даже, что население в течение всего II тысячелетия до н. э. было (если не считать Ашшура) этнически сравнительно однородным на всем пространстве от Аррапхи и севера Митанни до современной Армении и Южной Грузии, а может быть, и до Кавказского хребта.

Несмотря на смешанный характер населения к югу от Малоазийского Тавра и гор Северной Месопотамии, влияние хурритской культуры было и здесь очень сильно; меньше, чем в других местах, оно ощущалось в Ашшуре, сохранявшем свой по преимуществу аккадский характер в течение всего II тысячелетия до н. э. и даже позже.

10. Город-государство Ашшур и возникновение Ассирийского царства (Среднеассирийский период)

Создание так называемой Староассирийской державы обыкновенно датируют правлением Шамши-Адада I, и, действительно, позднейшие ассирийские царские списки (I тысячелетие до н. э.) включают в число древнейших царей Ассирии не только Шамши-Адада I и его сына Ишме-Дагана I, но и целый ряд его, несомненно, совершенно чуждых Ашшуру предков. Однако не только в XIX—XVIII вв. до н. э., т. е. при Шамши-Ададе I, но еще и в XV в. до н. э. вовсе не существовало даже самого понятия «Ассирия». К тому же, хотя Шамши-Адад I оставил множество своих надписей в городе Ашшуре и произвел коренную реформу его канцелярий, введя в них новую (вавилонско-евфратскую) письменную традицию, однако он не связывал своих царских титулов («царь множеств, поставленный Эллилем») с Ашшуром, где и он принимал, как мы уже отмечали, сначала старый титул «ишшиаккум», «ишшакку», а позже называл себя только «строителем храма бога Ашшура».

Города, впоследствии составившие ядро Ассирийского государства, т. е. расположенные внутри ромба, углы которого составляли: Ниневия — на севере, Арбаилу (Урбиллум, Арбела) — на востоке, Ашшур — на юге и Карана, городище Телль ар-Римах,— к западу от Тигра, до XV в. скорее все-

27

28

го не представляли собой единого целого ни в этническом, ни в политическом отношении. Само название «Ниневия», возможно, хурритское.

Напротив, название «Ашшур», по-видимому, семитское. Еще до XV в. до н. э. эти города иногда объединялись под властью как местных завоевателей — ишшиаккумов Ашшура из династии Пузур-Ашшура I, так и пришлых — Шамши-Адада I или Хаммурапи. Возможно, они контролировались и некоторыми митаннийскими царями, хотя данные об этом очень скудны. Царь Шуттарна I, сын Кирты, упомянут (около 1500 г. до н. э.?) на оттиске вторично употребленной его потомком печати на письме, найденном в Нузе, однако из этого вовсе еще не следует, будто он непременно должен был господствовать над Аррапхой и расположенными севернее городами, включая Ашшур. Также и в отношении Парраттарны, «царя воинов хурри», нет данных, говорящих о том, что он владел Нузой и Аррапхой или же Ашшуром. Во всяком случае, Пузур-Ашшур III ашшурский, правление которого можно датировать приблизительно тем же временем, заключил совершенно самостоятельно договор с Вавилонией и имел с ней общую границу.

Лишь о царе Сауссадаттаре, сыне Парсадаттара (середина XV в. до н. э.), известно с достоверностью, что этот царь Митанни завоевал Ашшур, откуда вывез для своего дворца богато отделанные ворота (храмовые ворота бога Ашшура?) и украсил ими дворец в своей столице Вашшукканне. Но именно это обстоятельство скорее всего подтверждает, что перед тем Ашшур не подчинялся Митанни. Тот же Сауссадаттар, видимо, держал в Аррапхе своего «посланца»-суккаллу и воинов. Ко времени Сауссадаттара же можно отнести и митаннийского суккаллу в Ашшуре. Митаннийцы не вмешивались во внутреннее устройство Ашшурского города-государства; заметим, что митаннийский суккаллу оставил наряду с другими и свою стелу на небольшой площади, где воздвигались каменные стелы, посвящавшиеся ашшурскими эпонимами годов-лимму *.

Включение митаннийского представителя в круг лиц, контролировавших казну и, по всей вероятности, торговлю Ашшура, конечно, характерно, но характерно и то, что Ашшуру (так же как и Аррапхе) была оставлена автономия.

Смогли ли митаннийские цари продолжать контролировать Ашшур после Сауссадаттара, неясно. Обычно на этот вопрос отвечают положительно, ссылаясь на то, что еще царь Тушратта послал египетскому фараону статую из Ниневии. В сознании исследователей прочно живет образ Ассирийской империи I тысячелетия до н. э., проецируемый в древность то в виде мнимой Староассирийской державы, будто бы охватывавшей Каниш и всю Малую Азию (Ю. Леви), то в виде державы Шамши-Адада I, в действительности по своей сути вовсе не ассирийской, то вызывающей твердую уверенность, будто и в начале XIV в. до н. э. Ниневия была непременно частью Ассирийского государства. Между тем, судя по тому, что цари Касситской Вавилонии начала XIV в. до н. э. считали ассирийского правителя формально своим подданным, можно думать, что в Ашшуре господство Митанни прекратилось и сменилось касситским контролем, по-видимому на деле лишь кратковременным и, может быть, столь же поверхностным, как митаннийский **. Так или иначе, в деловых архивах города Ашшура, известных нам со времени Ашшурнерари II (1426—1420 гг. до н. э.), четвертого правителя Ашшура из новой династии, основанной неким Ашшурраби I в середине XV в. до н. э., нет никаких данных, которые можно

* Как мы помним, лимму были, во всяком случае первоначально, ежегодно сменяющимися казначеями конторы торговой организации в Канише (бит карим) и, по-видимому, конторы городского общинного самоуправления в Ашшуре (бит алим).

** В расположенной южнее (по дороге на Арбелу и Ниневию) Аррапхе касситы, по-видимому, утвердились при Куригальзу II, в последней трети XIV в. до н. э.

было бы истолковать как свидетельство зависимости города Ашшура от других государств.

Среди частных документов этого времени большое место занимают долговые сделки и сделки купли-продажи земли, что показывает наличие в обществе сильного имущественного расслоения и значительной степени развития товарно-денежного хозяйства. Но это вряд ли произошло в результате лишь внутренней эволюции ашшурского земледелия: город, расположенный на малоплодородной земле, еще и долгое время спустя, по-видимому, испытывал недостаток в собственном хлебе и, вероятно, ввозил его, и для возникновения прослойки богатых землевладельцев, нажившихся на внутренней торговле продуктами земледелия, здесь трудно найти какие-либо предпосылки. Между тем его правители, способные обивать двери своих храмов драгоценными металлами, были, несомненно, богаты; богатой, как мы увидим, была и часть свободных горожан-общинников, причем о развитии в Ашшуре дворцового и даже храмового хозяйства в таких масштабах, как в Нижней Месопотамии, данных нет, и скорее всего это не случайно. Богатство Ашшурского государства и известной части ашшурского общества покоилось на функции этого города внутри о б щ е й системы экономики древней Передней Азии в целом, а именно на его роли посредника в международном обмене. Правда, после Шамши-Адада I канишская торговая организация погибла, а после создания в Малой Азии могущественного Хеттского царства так и не возродилась, вероятно, потому, что Митанни перекрыло многие пути обмена с Ашшуром. Однако он по-прежнему сохранял роль посредника для Вавилонии в торговле на путях вверх по Тигру и через северные перевалы гор Тавра и Загроса. В частности, этот город-государство, вероятно, оставался поставщиком важнейшего производственного и военного сырья эпохи бронзы — олова: здесь, а затем и в зависимых от него городах в течение XV—XIV вв. до н. э. имелись большие запасы этого металла, поставлявшиеся, по-видимому, торговцами из «стран Наири» * — так в этот период обозначались области Армянского нагорья и современных Северного Курдистана и Южного Азербайджана, видимо преимущественно хуррито-урартские по языку.

Непосредственно ниже впадения Малого Заба в Тигр по берегу последнего нет тропы; от современной Хан-Шуреймии она шла на север в обход, снова выходя к Тигру как раз у того места, где в древности находился Ашшур. Речные долины обоих Забов на ряде участков непроходимы. Поэтому наиболее северный путь через перевалы Загроса, которым, вероятно, и пользовались торговцы оловом, шел от Ниневии или Ашшура на Арбелу (Эрбиль), а от нее между долинами обоих Забов на Ровандуз (около будущего южного центра концентрации народа урарту — Муцацира) и далее на озеро Урмия. Подходы к Арбеле наиболее удобны либо с юга, от Аррапхи по «золотому мосту» через Малый Заб, либо с запада, от Ниневии. От Ниневии же начинались два главных пути и на запад: один — по южным склонам гряды Джебель-Синджар к устью реки Хабур (Хана на Евфрате), другой — по верховьям рек Вади-Джагджаг, Хабур и Белих к большой излучине Евфрата и далее в Сирию и Малую Азию; в XVI — XIV вв. до н. э. этот путь пролегал поперек основной территории государства Митанни. Он имел ответвления на север — по верхнеевфратской долине и к верховьям Тигра, откуда через посредство горных хуррито-урартских племен тропа обмена вела до самого Закавказья, где, по наблюдениям Б. Б. Пиотровского, имеется ряд ярких материальных свидетельств торговых связей, простиравшихся от Каспийского моря и перевалов Большого Кавказа через бассейны Куры, Раздана и Аракса вплоть до Угарита на сирийском побережье Средиземного моря (по евфратскому пути) и до Аррапхи-Нузы

* Так сообщает один текст из Теяль ар-Римаха.

(по митаннийскому пути и по предгорьям Загроса через Ниневию — Арбелу), т. е. по всей территории распространения хурритских племен.

Вот почему обладание Аррапхой и Ниневией было равно важно и для Ашшура, и для Митанни. Касситская Вавилония тоже всегда стремилась захватить Аррапху, а с ней — путь на Арбелу и Ниневию в обход Ашшура или по крайней мере на Арбелу и Загрос, тоже в обход ашшурских владений. К тому же из Аррапхи вел и второй после арбельского прямой путь через загросские перевалы (на долину Шахрезор и современную Сулеймманию), причем владевший Аррапхой мог, кроме того, угрожать и третьему, последнему, южному пути через Загрос — по долине Диялы (или, напротив, защищать этот путь с севера). Этим определяется суть внешнеполитических отношений между Митанни, Ашшуром и Касситской Вавилонией. Тот, кто одновременно держал бы в своих руках хотя бы по отрезку пути вдоль Евфрата и Тигра и по маршруту Ниневия — Арбела — Аррапха, имел в своих руках важнейшие пути сырьевого снабжения Вавилонии, а захватив и долину Диялы, он был бы в состоянии совершенно задушить вавилонскую экономику: тогда из Нижней Месопотамии остался бы только путь через Дер на чаще всего враждебный Элам или путь по морю на остров Тельмун, где, однако, индийская торговля в это время уже далеко не имела прежнего значения, а вскоре сведения о морском пути в Индию были, видимо, и вовсе утеряны.

Богатство Ашшура как важнейшего торгового центра Передней Азии при неразвитости его земледельческого хозяйства и сравнительной слабости в нем государственного и храмового хозяйства определяет те экономические и социальные процессы, которые развиваются здесь на протяжении XV и XIV вв. до н. э., достигая своей кульминации, как видно, в правление Эриба-Адада I (около 1392—1366 гг. до н. э.). Произведенное нами исследование среднеассирийских частноправовых и казенных документов, а также законов (о которых речь пойдет ниже) позволило следующим образом реконструировать общественный строй Ашшура * (причем аналогичным было, по-видимому, и устройство Ниневии и некоторых других соседних городов).

Центральной общиной города-государства Ашшура (вернее, «номового» государства) был сам Ашшур, или, как он часто называется, *а́ль либби а́ле* — «община (город) среди общины». Его правитель ишшакку имел, вероятно, жреческие и административные, но иногда, надо полагать, и военные функции. Власть ишшакку практически была наследственной; как именно конструировалось в правовом и социально-психологическом отношениях право на эту власть, мы не знаем. Кроме того, была еще должность *укӯ́ллу*, или *ӯ́клу*,— ответственного за землеустройство и, вероятно, председательствовавшего в совете; обычно эту должность тоже замещал правитель, хотя нам известен по крайней мере один случай, когда укуллу не был одновременно и ишшакку **. Состав городского совета, который до Шамши-Адада I был, видимо, фактически верховным органом государства, имевшего еще своего рода республиканское устройство, и из которого, вероятно, выдвигались ежегодно сменяемые лимму, теперь в большой мере пополнялся из числа людей, по тем или иным причинам близких к царю. О народном собрании в Ашшуре ничего не известно, хотя существовало понятие «полноправный гражданин ашшурского „номового" государства» («ассирийца» ашшурайу) ***.

---

* Несколько отличную реконструкцию предложил английский ассириолог Дж. Н. Постгейт, однако со многими его аргументами трудно согласиться.

** Некто Бернадинаххе́.

*** Мнение Г. Р. Драйвера, Дж. Майльза и Л. А. Липина, согласно которому «ассирийцами» в Ашшуре называлось некое низшее сословие, объединявшее этнически чужеродное население, как мы пытались показать в другом месте, ошибочно.

При непомерном по сравнению с другими городами-государствами развитии международной торговли ирригация и землеустройство в жизни Ашшура играли подчиненную роль. Поэтому и роль царя-жреца, ответственного за плодородие общины, была здесь меньшей, и архаические республиканско-олигархические органы управления общиной начали здесь уступать в значении правителю лишь тогда, когда тот стал выдвигаться в качестве военачальника. Уже в эпоху династии Пузур-Ашшура I, а затем при Шамши-Ададе I роль общинных органов стала сходить на нет; если они даже и могли усилиться после Шамши-Адада I, то прежнего значения уже не имели. Переход ашшурских правителей с XIV в. до н. э. к активной завоевательной политике привел, как мы увидим, к окончательному падению общегосударственной роли ашшурских общинных органов.

На территории ашшурской общины — «нома» (*алу* в широком смысле слова) — были разбросаны мелкие селения-общины (алу в узком смысле слова). Они обычно образовывались на основе большесемейных общин, сильно разросшихся или слившихся, и нередко назывались по именам родоначальников, еще не изгладившимся из памяти потомков. Каждое из таких селений-общин имело свой совет старейшин во главе со старостой — хазанну. Территория общины делилась на собственно селение (*а́лу, ка́бал, а́ле*), возделываемую землю вне селения (*уга́р а́ле*) и запасную землю (*ка́ккар а́ле, кута́ллу* — «пустошь», «заднюю землю»). Земельная территория всей общины обводилась «большой межой товарищей-однообщинников», внутри которой имелись «жребии» (*пу́ру*), подлежавшие периодическим переделам, и в них разграниченные «малыми межами» участки семей. Одна большесемейная община (*би́ту* — «дом») могла включать от одного до трех поколений.

Нередко центром большесемейной общины, а иногда индивидуального имения являлась укрепленная усадьба (*дунну*, ср. *димту* — «башня» в соседней Аррапхе).

Относительно дунну интересный материал дают несколько более поздние документы из хурритской Шибанибы (ныне городище Телль-Билла), северо-восточнее Ниневии. Шибаниба к тому времени (XIII в. до н. э.) вошла в состав владений Ашшура, вернее, уже Ассирии. Этот округ во все времена был поставщиком скота для городов на среднем Тигре (и в наше время отсюда пригоняют скот на рынок Мосула). Главным лицом в округе тогда был хальцухлу. Почти все документы происходят из архива его семьи: самого хальцухлу Белкаррада, его сына Ашшуркашида и его внука. Ашшуркашид был начальником другой крепости — Бит-Замани, называвшейся так по имени предка-эпонима поселившегося здесь арамейского племени *. Район разведения крупного рогатого скота мог быть и земледельческим: Ашшуркашид выдает царским доверенным лицам (*кепу́ту ша ша́рре*) ячмень, измеряя его местной мерой.

Дунну в области Шибанибы была основной фискальной единицей, так же как в Аррапхе димту, наряду с неукрепленными поселениями-алу. Одна опись перечисляет 16 дунну, называвшихся по именам их глав. В ней отмечается в общем виде получение овец без указания количества голов: это, вероятно, был обычный налоговый сбор в заранее известном количестве, установленном раз и навсегда **.

---

* Эту Бит-Замани надо, по-видимому, отличать от известного под тем же именем в IX в. до н. э. государства в районе современного Диярбакыра.

** Укрепленные имения домашних общин — дунну, известные для II тысячелетия до н. э. как опора общинного самоуправления, повсеместно исчезают в эпоху создания Новоассирийской державы I тысячелетия до н. э. Тексты того времени сохраняют слово «димту» только как обозначение «башни» как сооружения, а не как общественной организации, и дунну тоже известны лишь в качестве укреплений, в том

По данным из Ашшура XV—XIV вв. до н. э., член территориальной общины-алу и «дома»-биту (семейной общины) имел право продать свой надел *(зи́тту)*. Покупатель должен был «выбрать и взять» для себя участок (точно так же как старший сын при дележе наследства), и такой участок выбывал из семейной общины, становясь личной «покупкой» *(шиама́ту)* приобретателя. Из территориальной общины такая покупка тем не менее не выбывала, и община могла даже возражать против отчуждения именно данного участка; аннулировать сделку она, однако, и в этом случае не могла, и ей предоставлялась лишь возможность заменить этот участок другим из запасной земли. Сделка заключалась в предварительном порядке и подлежала утверждению перед «царем» (так в быту уже назывался правитель Ашшура), однако не как «верховным собственником» земли, а лишь как землеустроителем-укуллу, в обязанности которого входила проверка через глашатая отсутствия сторонних претензий на землю и тем самым правомочности продающего. В отличие от наследственного надела (зитту) «покупка» (шиамату) не подлежала переделам внутри семейной общины, и покупатель мог ею распоряжаться свободно, не считаясь со своими родичами. Однако это, по крайней мере в теории, не должно было прекращать передела «жребиев» внутри территориальной общины. После смерти покупателя его шиамату становилась частью наследственных наделов (зитту) его сыновей. Никаких данных об аннулировании покупок земли или хотя бы о попытках такого аннулирования, подобных известным нам от Старовавилонского периода и даже из Аррапхи, у нас нет. Это характерная черта: при всей архаичности ашшурского землевладения XV—XIV вв. до н. э. товарно-денежные отношения здесь были более развиты, чем где-либо, а поэтому сделки с недвижимостью стали уже необратимыми.

В оборот вовлекаются не только отдельные участки, но и целые имения размером от 3 до 30 га (10—100 ику), включавшие укрепленную усадьбу (дунну) с полем, домом, гумном, садом и колодцем.

Характерный пример судьбы семейной общины являет «дом» Белии: каждый из сыновей патриарха — Заммуа, Буршарри и Кубеэреш — имел свое отдельное хозяйство в пределах семейного владения. Это видно по сделкам, в которые им приходилось вступать через общинный суд: Заммуа обменял большой открытый двор на бесплодную землю брата, на которой имелась укрепленная усадьба *(аль ду́нне)* третьего из братьев и прочее их совместное имущество, все вместе считалось «домом» Заммуа — очевидно, старшего из братьев. Следующее поколение этой семьи постепенно уступает земли по частям соседям: «дому» Ахутаба и крупному ростовщику Риш-Набиу и его потомкам, скупавшим земли различных семей, а затем концентрировавшим свои новые владения путем обменов, объединяя массивы земли в имения, уже скорее всего фактически не подлежавшие переделам.

По-видимому (так же как и в соседней Аррапхе), каждый «дом» выделял один индивидуальный надел государству в качестве «доли дворца с ее зерном» *. Дворец мог посадить на него зависимое лицо («общинника дворца» — *ала́йу ша эка́лле*) или передать доход с него с правом распоряжения тому или иному более высокопоставленному должностному лицу.

Так, в составе земель Буршарри, одного из сыновей Белии, мы находим такую «дворцовую долю». Эту форму натуральных отчислений в пользу государства в дальнейшем заменит унифицированный для всей Ассирийской державы побор зерном *(ше нуса́хе)*, фуражом *(ти́бну* — «солома») и скотом *(циби́тту)*.

числе столиц наместничеств. Никакой связи с системой землевладения эти термины уже не имеют.

* Мнение Дж. Н. Постгейта, что «долей дворца» называлась вся вообще земля семьи, несомненно, ошибочно.

По документам из селений Ашшура мы часто можем проследить связь скупки земель с ростовщичеством: скупщиками обычно были ростовщики, а продавцами, несомненно, оказывались должники.

Продажа земли была, очевидно, всегда катастрофой для продававшего. Происхождение обширных свободных средств у ростовщиков становится ясным из характера всеобщего денежного эквивалента, которым являлось, как правило, не серебро, а свинец, причем в очень больших количествах (нормальная цена рабыни составляла 3,5 таланта, или 100 кг, свинца, что равно цене 6 га поля; в Старовавилонский период рабыня стоила 200—250 г серебра). Итак, свинец был дешев, рабочая сила — дорога. Неудивительно, что ашшурские ростовщики уделяли большое внимание приобретению рабочей силы, для чего использовались долговые сделки: в отличие от условий, господствовавших в канишской торговой организации, кредитование здесь не имело целью содействие торговым операциям, а носило откровенно кабальный характер. Имеются следующие формы договоров о займе.

1. Должник имеет право выкупить залог в любое время при условии выплаты долга и наросших процентов; это наиболее обычный тип сделки. Залогом служили либо наследственный надел должника, либо члены его семьи, либо и то и другое.

2. В случае просрочки платежа залог переходит в собственность кредитора. Этот более жесткий вид кредитования применялся, по-видимому, к малоплатежным должникам; залогом обычно был их надел, но закон разрешал закладывать и членов семьи, которые в случае просрочки считались «купленными за полную цену» и могли быть проданы за пределы ашшурского города-государства, хотя бы заложники были до тех пор ашшурскими гражданами (эта черта, отличающая ассирийское право от старовавилонского, характерна для торгово-ростовщической структуры господствующего класса в городе-государстве Ашшур).

3. При предоставлении займа на значительный срок залог сразу же поступал в пользование кредитора взамен процентов.

4. Должник обязан был взамен процентов на сумму займа предоставить кредитору определенное число жнецов (иногда довольно значительное) — очевидно, из числа своих родичей или однообщинников.

Помимо займов применялись и другие приемы закабаления сельской общинной бедноты. Одним из них было «оживление в беде» *(ба́ллуту ина лу́мне)* — выручка во время голода, влекшая за собой подпадение «оживленного» или «оживленной» под патриархальную власть «благодетеля»; например, он мог «оживленную» выдать замуж за своего раба, хотя она продолжала считаться ашшурской гражданкой и дети ее являлись общинниками-клиентами *(ала́йу)*, но не рабами «благодетеля». Другим способом было «усыновление вместе с полем и домом», т. е. передача себя «усыновленным» «усыновителю» со всем имуществом и, по-видимому, с обязанностью нести общинные повинности как за него, так и за себя.

Концентрация земель в руках индивидуальных семей * ростовщиков в Ассирии, так же как и в соседней Аррапхе, приводила к сокращению земель у большесемейных общин, в то время как повинности, ранее закрепленные за каждой домашней большесемейной общиной в целом, сохранялись в прежнем объеме. Владельцы же новообразованных имений несли непропорционально урезанные обязанности, которые к тому же лично не выполняли, да и вообще, по-видимому, жили не в своих имениях, а в городе. Вероятно, отсюда и начинается расслоение общинников, связанное также и с выделением собственно горожан из числа жителей

* Судя по частноправовым документам, чем богаче была семья, тем обычно скорее распадалась большесемейная община.

сельской округи: со Среднеассирийского периода центр «нома» Ашшура и получает название «города среди общины» или «общины среди общин» (аль либби але). В отношении поборов и повинностей в какой-то момент в пределах II тысячелетия до н. э. горожане приобретают иммунитет, а жителями селений (общин) (алайу) начинают специально называться лишь лица, выполняющие «повинность общинничества» *(и́льку ша алайу́те)* за себя и за своих фактических господ. Под ильку обычно разумеется специально воинская повинность, которая, таким образом, продолжает лежать на общинных земледельцах.

Бурное развитие кабально-долговых отношений в Ашшуре середины II тысячелетия, как и в других переднеазиатских обществах того же времени, объясняется, по-видимому, совокупностью причин; развитие сельского хозяйства привело к его интенсификации и специализации (садоводство различного вида, огородничество, отгонное скотоводство, введение разных полевых культур). При неразвитости товарно-денежных отношений и сезонном характере производства это вызывало у земледельцев крайнюю нужду в кредите; между тем развитие международной торговли с начала II тысячелетия до н. э. привело к концентрации значительных денежных средств в немногих руках. Сворачивание этой торговли в середине II тысячелетия в связи с развитием крупных держав, перехвативших торговые пути и использовавших это обстоятельство для грабежа, имело то последствие, что денежные люди стали стремиться использовать местные ресурсы и вкладывать средства в сельское хозяйство. Это, в свою очередь, повышало спрос на подневольную рабочую силу. Следует учесть еще постоянную потребность всех государств того времени в наличных средствах, выколачиваемых из населения, для создания воинских сил, способных противостоять мощи других, соперничавших государств. Конечно, эта интерпретация является гипотетической, но она объясняет имеющиеся пока в нашем распоряжении факты как экономической, так и политической истории.

Чтобы богатому государству стать сильным и в военном отношении, нужно было большое войско, а следовательно, многочисленное население и обширная территория для его прокормления, ибо времена наемного войска еще не настали: мелкие земледельцы повсюду сидели на своей земле, и наемников просто неоткуда было вербовать. Правда, на земле правителя сидели зависимые люди, называемые *ху́пшу,* по-видимому соответствовавшие мушкенумам Старовавилонского периода и времени Шамши-Адада I, но, как уже упоминалось, земельный фонд дворца был в Ашшуре невелик. Поэтому только внезапное ослабление соперника могло открыть перед ашшурским государством возможности для военной экспансии, но зато в таком случае Ашшур мог широко контролировать все важнейшие пути в этой части Передней Азии.

В наиболее влиятельных кругах Ашшура, возглавлявшихся его городским советом, идея необходимости создания центральной власти, способной противостоять Митанни, а при случае и Вавилонии, по-видимому, зрела задолго до того, как ее удалось осуществить. На вторую половину XV в. до н. э. падают утрата Митанни Халеба и вынужденный отход ее сил из собственно Сирии за Евфрат. Эту потерю Митанни пыталось компенсировать династическими браками с Египтом: царь Артадама I отдал дочь фараону Тутмосу IV, Шуттарна II — фараону Аменхотепу III. В то же время Ашшур начинает проявлять признаки возросшей независимости.

Выстроенная еще в середине XVI в. до н. э., при Пузур-Ашшуре III, и разрушенная, видимо, митаннийцами стена «Нового города» в Ашшуре была восстановлена при Ашшурбелнишешу (1419—1411 гг. до н. э. ± 10), очевидно, в первую очередь для обороны против Митанни. Он же возоб-

новил пограничный договор с Караиндашем I касситским, ссылаясь на прежний договор того же Пузур-Ашшура III. Его племянник Ашшурнадинаххе II (1402—1393 гг. до н. э. ± 10) завязал дипломатические отношения с Египтом.

Преемник Ашшурнадинаххе II, Эриба-Адад I (1392—1366 гг. до н. э. ± 10), еще более укрепил свои позиции. С начала XIV в. он в частных документах титуловался уже «царем», хотя в официальных надписях он себя так не называл, но все же принял звание «поставленный Эллилем», напоминавшее о великодержавных временах Шамши-Адада I. Именно к этому периоду относится наибольший размах кредитных сделок, свидетельствующий о мобилизации средств верхушкой ашшурского общества.

Сын Эриба-Адада I Ашшурубаллит I (1365—1330 гг. до н. э. ± 10) уже пользовался титулом «царь страны Ассирии» и в официальной переписке, и на печатях, однако все еще не в надписях. Он имел возможность сноситься с Египтом, минуя как касситскую, так и митаннийскую территорию, и обменивался дарами с египетским фараоном как его «брат». И митаннийский царь Тушратта, и вавилонский царь письменно выразили протест фараону по поводу этих сношений. Однако гибель Митанни была уже близка; Ашшурубаллит I наряду с хеттским царем Суппилулиумасом I принял участие в сложной военно-политической игре, имевшей целью разгром этой державы, сначала, по-видимому, выступая против Артадамы II как ставленника хеттов и касситов, а затем поддерживая его против нового протеже хеттов — Шаттивасы, сына Тушратты. В результате почти вся территория Митанни была разделена между хеттами, ассирийцами и вторым важным хурритским царством Алзи, или Алсе (позже Агдэник), первоначально занимавшим территорию в низовье притока Евфрата — Арацани. Одновременно, видимо, именно Ашшурубаллит I отнял у Аррапхи важный район Кабра (у переправы через Нижний Заб), подготовив, таким образом, последующий раздел Аррапхи между Ассирией и Вавилонией. Наконец, он вступил в союз с Вавилонией, который был закреплен династическим браком одного из сыновей царя касситов Бурна-Буриаша II с дочерью Ашшурубаллита — Мубаллитат-Шеруа. Дружба с Вавилонией выражалась и в том, что в Ашшуре был выстроен специальный храм, посвященный главному божеству Вавилона — Мардуку. Появилось множество имен собственных, посвященных Мардуку.

После смерти Бурна-Буриаша Ашшурубаллиту I удалось посадить на престол Вавилонии сына своей дочери Караиндаша II (Каракиндаша), который был там вскоре свергнут и заменен касситским ставленником. Влияния Ашшурубаллита и тут оказалось достаточно, чтобы незамедлительно убрать с вавилонского престола нового претендента и утвердить на царствование в Вавилонии Куригальзу II (1333 г. до н. э. ± 10). Однако после смерти Ашшурубаллита I, при его преемнике Эллильнерари (1329—1320 гг. до н. э. ± 10), Куригальзу II один или даже два раза вторгался в Ассирию *. Первое сражение произошло у Килизи — по Э. Ф. Вайднеру, на дороге из Ниневии в Арбелу, второе — при Сугагу, по-видимому недалеко от Ашшура. В архивах Ниппура сохранилось письмо Эллильнерари к вавилонскому царю, свидетельствующее о мирном периоде в их взаимоотношениях; в этом письме ассирийский правитель жалуется на нехватку олова (или свинца?), что свидетельствует либо о перехвате касситами пути на восток через Арбелу, либо об иссякании старых запасов в Ашшуре или иранских месторождений оловянного камня.

* По хронологическим соображениям менее вероятно, что второе вторжение, с битвой при Сугагу, окончившееся разгромом Куригальзу, произошло уже в правление Ададнерари I ассирийского, как полагает ряд исследователей.

Преемник Эллильнерари — Арикденили (1319—1308 гг. до н. э. ± 10) уже и в надписях стал титуловаться «сильным царем, царем Ассирии» и, упоминая о своих постройках, перестал сообщать, что они воздвигнуты «ради благополучия города» (т. е. городского совета, правившего до сих пор вместе с царем, по крайней мере формально). Однако и при нем Ассирия терпела, по-видимому, серьезные поражения от касситского царя Назимарутташа. Тем не менее Арикденили удалось расширить свои владения за счет набегов на территорию Митанни (область Кадмухе на верхнем Тигре и др.) и в горы Загроса; он совершил поход также против кочевников — «ахламеев и сутиев», неизвестно, в приевфратской полосе или на пастбищах Центральной или Верхней Месопотамии. От Арикденили же, впервые в Ассирии, дошли фрагменты анналов, составленных по образцу хеттских (и, вероятно, не дошедших до нас митаннийских).

Параллельно усилению роли ассирийского царя как военачальника и фактического самодержца идет ослабление города Ашшура и городского совета. Влияние царя стремительно возрастает; следующий царь, Ададнерари I (1307—1275 гг. до н. э. ± 10), принявший впервые после Шамши-Адада I титул «царя множеств», был, кажется, в первый раз избран на должность годичного городского казначея-эпонима (лимму) *. Он же явился подлинным создателем Ассирийской (Среднеассирийской) державы. Насколько мы можем судить, войско его состояло: 1) из воинов, являвшихся держателями специальных дворцовых наделов (алайу ша экалле), выделенных общинами дворцу в виде своего рода налога на общинников; 2) из ополченцев, несших «повинность (ильку) своей общины» (т. е. за свою общину), и 3) из царских людей, не имевших особых наделов (хуппшу); последние, по крайней мере позже, служили только в обозе. Напомним, что крупные рабовладельцы и землевладельцы — граждане Ашшура к этому времени успели лично освободиться от повинностей, и если служили, то лишь в качестве военачальников или царских чиновников.

Царю Ададнерари удалось с помощью этого войска нанести поражение касситскому царю Назимарутташу и установить свою южную границу от Рапикума на Евфрате до Лубди на Тигре, затем к югу от области Угар-Саллу (включавшей, видимо, территорию между Малым Забом и Адемом, ниже Аррапхи и выше гряды Джебель-Хамрин) и «вплоть до луллумеев» (общее название горцев Загроса). Вероятно, к Ададнерари же перешла и область Аррапхи; кроме того, он создал серьезную угрозу южному пути вавилонян через Загрос по долине Диялы. Была сложена поэма, воспевающая эту войну и месть Ададнерари за поражения отца и деда.

Однако ассирийскому царю не удалось совершенно ослабить Касситское царство, и, видимо, завоевания его на этом фронте были непрочными. То же можно сказать и о его походах против Митанни. В первом из них он прошел всю территорию этого государства и захватил в плен митаннийского царя, носившего имя Шаттуара (I), но Ададнерари оставил его на престоле в качестве вассального царя. Второй раз он повторил свой поход, низложил нового митаннийского царя Васашатту и присоединил к Ассирии всю территорию Митанни, не исключая его столицу Вашшукканне, вплоть до большой излучины Евфрата и города Каркемиша. Однако и это завоевание не оказалось достаточно прочным, так как сыну Ададнерари, традиционно известному в науке под именем Салманасара I (аккад. Шульману-ашаред, 1274—1245 гг. до н. э. ± 10), пришлось повторить завоевание той же территории. Во главе митаннийцев встал Шаттуара II, поддержан-

* В дальнейшем каждый царь исполняет роль лимму в один из первых годов своего правления, а затем эта должность замещается царскими людьми (они же, вероятно, и граждане Ашшура) в порядке иерархической очередности, причем череда лимму обычно прерывается и начинается снова со вступлением на престол нового царя.

ный хеттскими войсками (вероятно, Хаттусилиса III, отодвинувшего свою границу в Месопотамии до реки Белих) и «ахламейскими» (арамейскими) племенами. Митаннийцам и их союзникам удалось отрезать ассирийцев от воды в сухой и знойной месопотамской степи, но Салманасар не только вырвался из окружения, но и разбил противника, вновь присоединив к Ассирии всю Верхнюю Месопотамию до Каркемиша на Евфрате. На этом кончается история государства Митанни. В своей надписи Салманасар I хвастает, что он полонил и ослепил 4 «сароса» * (14 400) воинов. Победа Салманасара, видимо, имела решающее значение для установления мира между Хеттским царством и Египтом, так как хеттские коммуникации в Сирии оказались под ударом.

С Вавилонией Салманасар I не воевал, но зато известны его походы в горные области. В самом начале своего правления он вторгался в области племен «уруатри» (это первое упоминание близкородственных хурритам урартов) и нанес им якобы поражение в трех битвах. Не все области локализуются, но по крайней мере две из них — Хемме и Зингун — лежали, вероятно, между озером Ван и верхним Евфратом; поэтому создалась угроза хеттским владениям и на севере, от евфратской излучины. Кроме того, был разрушен город Аринна (хурр. «источники»?) в области Муцру (= Муцацир?), якобы «отпавший» от Ассирии. Второй поход против «кутиев» (здесь абстрактное обозначение горцев) от границ страны Уруатри (у озера Ван?) до Кадмухе (у верховьев Тигра, ранее часть Митанни) происходил, видимо, ближе к концу правления Салманасара I. В надписи упоминается разрушение селений, угон заложников или пленных и скота, а также наложение на горцев «тяжелой дани».

С Салманасара I для надписей ассирийских царей становится характерным стремление устрашить противника совершенными жестокостями с подчеркиванием того, что походы предпринимались по воле бога Ашшура и других божеств.

Переселение жителей с завоеванных территорий и угон скота в виде дани нашли отражение и в хозяйственных документах. После Салманасара ассирийцы в течение длительного времени как «добровольное приношение» регулярно получали дань баранами и овцами с горцев Армянского Тавра. О выселении людей говорят отдельные документы, дошедшие как от времени Салманасара I, так и от более позднего. Они показывают, что ассирийцы действительно ослепляли пленных, но, вероятно, большинство ослепленных, как лишенные боеспособности, ими не уводились, а распускались по домам: среди уводимых в Ассирию число ослепленных невелико, и, возможно, их предполагали использовать на простейшей черной работе; большинство же угнанных составляли квалифицированные ремесленники и их ученики. Как показал К. Сапоретти, ассирийцы иногда довольствовались переселением покоренных жителей на сравнительно небольшое расстояние с целью разрушить их общинные связи. Переселяемые содержались в пути за счет хлебных ресурсов родного города и затем, по-видимому, сажались в новых местах на землю, в каком социальном качестве — неясно. Хотя трудно сомневаться, что теперь таким образом могли добываться и столь необходимые рабы для ремесла и земледелия (тем более что этому содействовало гораздо лучшее вооружение воинов, чем в III тысячелетии до н. э.), но приток рабов-пленных, видимо, пока еще не был массовым. Главная же цель царей среднеассирийского времени состояла, вероятно, в овладении путями международного обмена — не столько с целью наладить торговлю, сколько с целью захвата сырья на самих путях ради немедленного обогащения дворцовой казны и знати, связанной с царем.

* «Сарос» = 3600, круглое число по шумеро-вавилонской системе счета.

Постепенно такая политика должна была губительно сказаться на хозяйстве самой Ассирии.

Около этого же времени складывается административная система Ассирийской державы — управление областями через «областеначальников» *(бел-пахéте)*, начальников крепостей и старост городов и селений, т. е. чиновников, целиком зависевших от царя и выкачивавших доходы с вверенных им областей в казну дворца.

Сын Салманасара I Тукульти-Нинурта I (1244—1208 гг. до н. э. ± 10) был уже полным хозяином Верхней Месопотамии *. Он подчеркнул это походом, в котором ассирийцы перешли через Евфрат на территорию Хеттского царства (вероятно, при царе Тутхалиясе III/IV) и увели 8 «саросов» (28 800) хеттских воинов в Ассирию, возможно обратив их в рабство. Тукульти-Нинурта, подобно своему отцу и деду, тоже совершал походы против кочевников месопотамской степи и против горцев; его надписи перечисляют названия десятков горных областей, по большей части не поддающихся отождествлению. Ясно лишь, что его деятельность простиралась от Кадмухе и особенно Алзи (царства, временно усилившегося было за счет Митанни, но его царь, хуррит Эхли-Тешшуб, был разгромлен Тукульти-Нинуртой), т. е. от рубежей Хеттского царства к югу и северу от верховьев Тигра до верховьев Большого Заба (области куманийцев и Муцру) и далее до Аррапхи и в сторону долины Диялы. Насколько далеко Тукульти-Нинурта заходил в глубь гор, сказать трудно, однако его походы серьезно затронули как хурритские (шубарейские), так и урартские и кутийские племена. В одном из походов он сразился с союзом 43 племенных вождей («царей») Наири, т. е. Армянского нагорья. Любопытно, что одна из его надписей упоминает среди этих вождей не только «царей», но и «цариц», которые, очевидно, по своим функциям соответствовали хурритским общинным «женщинам-царям» (или жрицам-эндa) в более южных областях, а также царицам-тавананнас, игравшим важную культовую и политическую роль в Хеттском царстве.

На Евфрате тогдашняя граница Ассирии, вероятно, проходила по его большой излучине — от гор до Ханы на Хабуре. Южнее, от Ханы до Рапикума у границ Вавилонии, было постоянное поле битв Тукульти-Нинурты против ахламейских племен (здешние города к этому времени уже давно пришли в упадок).

Нередко высказывается мнение, что своими кровавыми набегами на окрестные, менее богатые и развитые области ассирийцы преследовали цель создать некое «предполье», которое охраняло бы коренные ассирийские области от возможных разрушительных нашествий более «диких» соседей. Мнение это не представляется справедливым: даже кочевники, несомненно тоже совершавшие военные набеги и опустошавшие поля и сельские местности в оседлой части Месопотамии, не могли брать укрепленные города и в этом смысле не представляли угрозы ядру государства. Что же касается горцев, то за всю более чем трехтысячелетнюю историю древнего Двуречья известны какие-нибудь полдесятка их нашествий на низменность, но тогда их не могло удержать никакое «предполье». Ассирийские же военные погромы совершались ежегодно, регулярно, в одно и то же время года. Очевидно, причиной их было простое желание обогащаться путем грабежа, угоняя скот и захватывая сырье на путях его перевозок; горцев Тукульти-Нинурта заставлял также заготовлять лес для предпринимавшегося им строительства.

Оборона «культурной» Ассирии тут ни при чем. Впрочем, кочевники и горцы вскоре приспособились к привычке ассирийцев грабить их каждое

* Вероятно, именно этот царь упоминается в Библии под именем Немврода: «Он начал быть могучим на земле, и был он могучим охотником перед богом Яхве».

лето; они уводили свои семьи и угоняли скот: одни — в безводную степь, другие — в неприступные горы, и потери в людях были только случайные: попадались лишь те, кто по старости не мог или по легкомыслию не успел скрыться. Правда, зато потери в скоте часто должны были быть более значительными, но, вероятно, кочевники и горцы уже вскоре начали учитывать такие потери в хозяйстве как род естественной убыли, а их жалкие шатры и хижины было легко восстановить. Конечно, ни кочевники, ни горцы не упускали ни одной возможности отплатить своим врагам той же монетой, но ассирийские укрепленные поселения были для них по большей части неприступны.

Наиболее значительным событием царствования Тукульти-Нинурты I было завоевание им Вавилонии, о чем его придворные писцы сложили подобострастный эпос. Весьма любопытен титул, принятый Тукульти-Нинуртой в этой связи: «царь сильный, царь Ассирии, царь Кар-Дуниаша (=Касситского царства.— *И. Д.*), царь Шумера и Аккада, царь Сиппара и Вавилона, царь Тельмуна и Мелахи, царь Верхнего и Нижнего моря, царь гор и широких степей, царь шубарейцев (=хурритов.— *И. Д.*), кутиев и всех стран Наири (об этих терминах см. выше), царь, слушающий своих богов, принимающий тяжелую дань четырех стран света в городе Ашшуре». Этот титул — целая программа, и прелюбопытная. Почему из него выпало традиционное звание «ишшиакку Ашшура»? Почему из всех городов Вавилонии выбраны только самоуправляющиеся торгово-ремесленные центры — Сиппар и Вавилон? Каким образом Тукульти-Нинурта оказался царем Бахрейна и Индии, наверное, точнее было бы сказать — п у т и на Бахрейн и в Индию? Во всем этом видны две определенные политические тенденции: во-первых, порвать с олигархическими традициями ашшурского самоуправления, во-вторых, взять в свои руки пути и центры международного обмена, конечно, не с целью его развития, а с целью наибольшего и скорейшего обогащения самого царя и связанной с ним господствующей клики. (Наряду со скотом и хлебом Тукульти-Нинурта, по-видимому, взимал громадную дань лесом и металлами.)

Эти же тенденции ясно проявились в намерении Тукульти-Нинурты вынести свою резиденцию за пределы Ашшура. По его приказу в трех километрах к северу от этого города был заложен новый, тщательно спланированный город-резиденция Кар-Тукульти-Нинурта (ныне городище Тулуль-Акир). Центром его был грандиозный дворец, причем он должен был представлять собой не столько хозяйственно-административную постройку (подобно дворцам в Нузе и ряде других старых городов Передней Азии), сколько парадное жилище царя, служащее к возвеличению его особы.

Уже по крайней мере со времен Ададнерари I ассирийские цари совершали у себя дома ритуал многодневного «пира» *(такúльту)*, во время которого они принимали у себя богов (точнее, конечно, их статуи) как своих гостей; царь лично приносил жертвы, а певчие исполняли богослужебный текст с истолкованием обряда. Во дворце Тукульти-Нинурты было построено специальное святилище для ежегодных посещений царя богом Ашшуром. Соответственно новому значению царя особыми царскими указами до тонкостей был разработан дворцовый церемониал (по-видимому, по хеттскому образцу); начало ему было положено по крайней мере со времен Ашшурубаллита I. Прямое сношение царя с внешним миром считалось нежелательным и магически вредным и для самого царя, и для его страны. Все известия царю и все приказы, исходящие от царя, шли через специального чиновника, в особенности сообщения о смерти кого-либо должны были передаваться через посредство целой цепочки лиц, дабы не прошедший специальных очистительных ритуалов вестник магически не осквернил царя. Многие придворные были евнухами — они обозначались вежливыми иносказаниями: «служащий дворца» *(мáззаз экáлле)*, «тот, что у го-

ловы (царя)» *(ша-ре́ше)*, или просто «голова» *(ре́шу)*. Только евнухи могли говорить с женщинами царского гарема (ассирийцы, как и вавилоняне, были «по закону» моногамны, но наряду с законной женой частные лица имели «пленниц»-*эсирту*, а цари — «царских женщин» из числа чужестранок, а нередко и из числа знатных ассириек). Но даже и евнухам не разрешалось подходить к «царским женщинам» ближе чем на семь шагов, смотреть на них, если они в жару выйдут из своего помещения обнаженными, или присутствовать при их перебранках и драках. Наказание провинившемуся — 100 палок — едва ли не было равносильно смертной казни («царской женщине» разрешалось подвергать своих рабынь не более чем 30 палочным ударам, так как превышение этой «нормы» нередко могло кончиться смертью наказуемой; за такое «разбазаривание» казенного имущества сама «царская женщина» подлежала ответственности). Главная жена царя (она в Ассирии никогда не называлась царицей) пользовалась большим почетом, уступая в этом только наследникам и матери царя; остальные «царские женщины» входили в ее свиту.

На создание дворца и двора, на подачки приближенным уходила значительная часть дани, захватываемой в центрах международного обмена, который таким способом был довольно быстро парализован. По-видимому, ориентация на централизованное распределение и «дворцовую торговлю», которые должны были заменить нормальную международную торговлю в той мере, в какой она еще к тому времени существовала, была у Тукульти-Нинурты вполне сознательной, и не случайно новая резиденция у самых ворот Ашшура была названа «карумом Тукульти-Нинурты», точно так же как торговая организация ашшурцев в Малой Азии была карумом города Каниша. В I тысячелетии до н. э. так нередко стали называть вообще города, построенные ассирийскими царями на новом месте или на месте снесенных старых городов, и, может быть, тогда этому термину уже и не приписывалось специальное значение «рынок», «рыночный город», потому что в том же смысле и нередко параллельно применялся и термин «крепость» *(дуру)*. Но Кар-Тукульти-Нинурта была п е р в ы м царским карумом, и его название было, очевидно, избрано обдуманно: надо полагать, новый пригород Ашшура, на который не распространялись городские вольности и привилегии, был предназначен помимо всего прочего и для того, чтобы перехватить ашшурскую торговлю. Мероприятие Тукульти-Нинурты было вполне аналогично мероприятию Куригальзу I в Вавилонии, когда тот предоставил городу Вавилону вольности и привилегии, но сам предпочел выйти из-под опеки совета его граждан, построив новую столицу — Дур-Куригальзу (между прочим, тоже перехватывавшую важнейшие из торговых путей на Вавилон). Но для Тукульти-Нинурты I это кончилось плачевно: видимо, не без участия обиженной ашшурской знати он был объявлен сумасшедшим, низложен и вскоре убит, а его резиденция была заброшена. На престол взошел его сын Ашшур-надин-апал (1207—1204 гг. до н. э. ± 10).

Сказались ли тут нерасчетливая политика даней Тукульти-Нинурты или умелое использование возникшей в Ассирии смуты вавилонским царем Адад-шум-уцуром, но для Ассирии наступает период политического упадка и зависимости от Вавилонии. Следующие ассирийские цари, вплоть до Нинурта-апал-Экура (1192—1180 гг. или, более вероятно, 1182—1180 гг. до н. э.), были, как видно, прямыми ставленниками касситских царей. Впервые Ашшурдан I (1179—1134 гг. до н. э.) возобновил военные действия против Вавилонии и, кажется, несколько «исправил» границу за Тигром в свою пользу. Но сын его Нинурта-тукульти-Ашшур, правивший всего один год, опять поддерживал более чем дружественные отношения с Вавилонией, где теперь правила II династия Иссина, и даже вернул в Вавилон статую Мардука, увезенную оттуда Тукульти-Нинуртой.

К кратковременному правлению Нинурта-тукульти-Ашшура относится интересный хозяйственный архив, посвященный поступлению «добровольной» дани скотом *(намурту)* во дворец в Ашшуре и дающий картину административной иерархии в Среднеассирийском государстве. Значительная часть дани шла по-прежнему на прямое содержание царя и его двора и даже на содержание львов в царском зверинце *, затем на жертвоприношения и очистительные ритуалы при царском дворе и, наконец, на раздачи приближенным. Круг местных чиновников, упоминаемых в архиве, показывает, что, несмотря на некоторый политический упадок, Ассирия продолжала контролировать всю Верхнюю Месопотамию. от Сухи на Евфрате (ниже заброшенного Мари) до гор Армянского Тавра.

Мутаккиль-Нуску, брат и преемник Нинурта-тукульти-Ашшура, тоже правил очень недолго и, может быть, был низложен. В правление его сына Ашшур-реш-иши (1133—1116 гг. до н. э.) происходит поворот в политике. Новый царь принял, между прочим, титул «отмститель Ашшура» и снова начал походы против кочевников на Евфрате и горцев Армянского Тавра и Загроса. Однако против II династии Иссина ему пришлось вести лишь оборонительные войны: царь Нинурта-надин-шуми (1130—1125 гг. до н. э.) проник через Аррапху в глубь Ассирии и осадил Арбелу. Победитель Эламской державы — Навуходоносор I (1124—1103 гг. до н. э.) также вторгался в глубь ассирийской территории.

Со смертью Ашшур-реш-иши на престоле Ассирии появляется крупнейший политический деятель — Тукульти-апал-Эшарра I, или, как его традиционно называют в науке, Тиглатпаласар I (1115—1077 гг. до н. э.). Положение для Ассирии складывалось исключительно благоприятно: силы Вавилонии, по-видимому, уже были скованы наступлением из пустыни южно-арамейских племен (так называемых халдеев); Хеттская держава, как об этом будет рассказано в следующей главе, погибла; Египет был в полном упадке; итак, Ассирия оставалась единственной в мире великой державой, и ей, казалось бы, предстояло захватить всю Переднюю Азию.

Прежде всего Тиглатпаласару пришлось столкнуться с положением, сложившимся выше излучины Евфрата и в горах Армянского Тавра в связи с гибелью Хеттского царства. Эта великая держава древнего Востока пала поколения за два перед тем под натиском племен, появившихся в Малой Азии, очевидно, с Балканского полуострова, к которым присоединился встречный поток племен из Южного и Восточного Причерноморья. Балканские племена принесли автохтонному населению Малой Азии огромные бедствия: после падения Хаттусы не осталось ни археологических, ни письменных свидетельств о государственной жизни в центральных частях Анатолийского полуострова в течение четырехсот лет. Пришельцев с запада можно, как нам представляется, отождествить с носителями так называемой «старофригийской» археологической культуры, распространенной с XI в. до н. э. преимущественно в восточной части Малой Азии, от ее центра до верхней долины Евфрата. Обозначение этой культуры как «старофригийской» крайне неудачно: ее территория почти не захватывает областей, которые впоследствии занимал фригийский народ. Скорее она была создана племенами, говорившими на протоармянском языке. Дело в том, что вплоть до конца II тысячелетия до н. э. какого-либо индоевропейского языка одной группы с позднейшим армянским нигде в Передней Азии не засвидетельствовано, но и после XII в. до н. э. неизвестно никакого массового переселения каких-либо племен на территорию сложения армянского народа — в верхнеевфратскую и примыкающие к ней долины. То обстоятельство, что еще и от всего I тысячелетия до н. э. до нас не дошло памятни-

* Львы и другие звери содержались для царской «охоты», совершавшейся на небольшом пространстве, со всех сторон охраняемом воинами.

ков протоармянского или древнеармянского языка, не должно нас смущать: дело в том, что от этого периода из этой области (по верхнему Евфрату) вообще не дошло ни хозяйственных, ни частноправовых, ни литературных документов, а только надписи царей, составленные на традиционных для тогдашней Передней Азии официальных языках — лувийско-иероглифическом, арамейском, аккадском и урартском. Отсюда можно делать выводы скорее о языковой принадлежности писцов или династов, но население могло говорить и на другом языке.

Протоармянские по языку племена никак не следует смешивать с армянским народом. Последний сложился из слияния этих племен с более многочисленными слоями хурритов, лувийцев и урартов, причем процесс слияния был долгим, недаром в армянском языке сохранились еще хуррито-урартские термины, отражающие социальные условия древнего оседлого населения горных районов: *агх* — «домохозяйство, имущество» (хурр.-урарт. *аллахэ* — «принадлежащее хозяину или хозяйке»), *анаг* — «олово» (хурр. **анаг* — то же), *царрай* — «раб» (хурр. *царраэ* — «[живая] добыча»), *агахин* — «рабыня, работница» (хурр. *аллаэххинне* — «ведающий или ведающая хозяйством»). Заимствовано из хурритского и угаритского также множество терминов, обозначающих местные растения и природные явления. Тем не менее весь набор наиболее элементарных слов (числительные, местоимения, термины родства, названия простейших действий и предметов) восходит в армянском языке к языку индоевропейских протоармянских племен.

По-видимому, эти-то протоармянские племена ассирийские источники называют термином «мушки»; мы будем называть их восточными мушками, потому что впоследствии те же ассирийцы перенесли этот термин также и на народ фригийцев, говоривший на языке, довольно близком к протоармянскому, но осевший в северо-западной и особенно в центральной части Малой Азии несколько позже, примерно в X—IX вв. до н. э. Тем же термином (в позднейшей греческой передаче — «мосхи») называлась и часть западногрузинских племен, тоже участвовавших в этнических передвижениях конца II — начала I тысячелетия до н. э. и осевших в восточной части Южного Причерноморья, возможно, на территории, временно контролировавшейся фригийцами, откуда пошло и название. Применение одного и того же названия к этнически разным, но в чем-то сходным между собой племенам и народам (сходным по образу жизни, историческим судьбам) — явление, весьма частое в истории.

Анналы Тиглатпаласара I сообщают, что около 1165 г. до н. э. (в пересчете на наше летосчисление) восточные мушки — очевидно, после разрушения Хеттского царства — продвинулись на восток от верхнего Евфрата и захватили хурритские царства Алзи и Пурулумзи в долине реки Арацани. В начале правления Тиглатпаласара, не ограничиваясь этим, пять «царей» мушков во главе двадцатитысячного войска (достаточно большая цифра по тем временам), перейдя верхний Тигр, захватили и область Кадмухе, создав серьезную угрозу Ассирии. Тиглатпаласару удалось нанести им поражение, причем 6 тыс. мушков сдались в плен и были «причислены к людям Ассирии». Здесь мы впервые встречаемся с этим выражением, означающим, что покоренные были причислены к ассирийскому податному населению. Речь идет, по-видимому, о людях, которых селили на земле, ставшей царской по праву завоевания; в другом месте своих анналов Тиглатпаласар упоминает, что приказал наготовить множество плугов для «людей страны», так что они, очевидно, работали не собственными орудиями; вероятно, они были приблизительно приравнены к царским подневольным людям рабского типа более раннего периода, которых мы условно обозначаем как «илоты». Анналы Тиглатпаласара изображают дело так, будто все остальные мушки, кроме тех 6 тыс., которые были взяты им в плен,

были истреблены. Это, конечно, не соответствует действительности; их и потом упоминают ассирийские и каркемишские (лувийско-иероглифические) надписи в качестве части оседлого населения области Алзи и верхнеевфратской долины, хотя из Кадмухе ассирийскому царю их действительно удалось вытеснить.

Одновременно Тиглатпаласар завоевал несколько горных хурритских «царств» невдалеке от истоков Тигра. Развивая успех, он в следующем году продвинулся еще далее на север, в области Алзи и Пурулумзи, которые он, несмотря на частичное их заселение восточными мушками, продолжал попрежнему считать «шубарейскими», т. е. хурритскими *. В этом походе (1114 г. до н. э.) ассирийские войска встретились с еще одной пришлой группой племен. Первыми среди них упомянуты апешлайцы — племя, чье название совпадает с названием абхазцев (апсилов античных авторов), хотя надо иметь в виду то, что выше было сказано о возможности переноса одинаковых этнических названий также и на неродственные по происхождению племена. Другой текст Тиглатпаласара называет их же более общим именем — каскейцы, обозначавшим большую южнопричерноморскую группу племен, обитавших в пределах сферы влияния бывшего Хеттского царства; они, возможно, тоже были родственны позднейшим абхазо-адыгским народам. Впоследствии небольшое Каскейское царство (= царство с каскейской династией?) просуществовало вплоть до VIII в. до н. э. где-то в верховьях рек Кызыл-Ирмак и Келькит. Вероятно, «каскейское» племя апешлайцев двинулось со своих первоначальных мест обитания под натиском картвельских (грузинских) племен с северо-востока на юго-запад.

Вторым племенем, которое встретил Тиглатпаласар I в Алзи, были урумейцы, о происхождении которых ничего не известно, но, вероятно, именно они впоследствии образовали маленькое царство Уруме, или Урмие (не смешивать с Арме — так называлась другая область в этом же районе), видимо, в долине реки Батман, к юго-западу от современного города Муша; они также участвовали в этногенезе армян.

Термин «Арме», как и многие этнонимы и топонимы, тоже неоднозначен. Первоначально он, видимо, означал арамейскую область на границе с горными народами, а потом — армянскую область на границе с арамеями. От урартского названия жителей Арме — *армине,* как полагают, происходит арамейское обозначение армянского народа (сами арамеи тогда скорее всего называли себя *сурáйе*). От арамеев это обозначение армян перешло к персам и европейцам.

Анналы Тиглатпаласара I сообщают, что апешлайцы и урумейцы были «непокорными людьми Хеттской страны» ** и выставили против него 4 тыс. воинов и 120 колесниц, но затем подчинились ему и были «причислены к людям Ассирии».

Между тем в тылу у Тиглатпаласара восстала область Кадмухе; как видно, восточные мушки ее устраивали больше, чем ассирийцы, и царь ассирийцев был вынужден вернуться для ее усмирения. Следующий год был опять занят набегами в различные области Армянского Тавра и Северного Загроса. После этого (в 1112 г. до н. э.) Тиглатпаласар направился в тот поход, в который он, по-видимому, собирался еще два года назад. Характерно, что он ни разу не вторгался на бывшую территорию Хеттско-

* Однако влияние армянских племен в Алзи неуклонно возрастало, и к IX в. до н. э. Шубрией называлась только небольшая область в горах севернее верхнего Тигра, где сохранилось хурритоязычное население (или по крайней мере хурритская династия).

** Это значит, что они пришли из-за Евфрата: с XII и по VII в. до н. э. жители Месопотамии и Армянского нагорья называли «хеттами» все население между этой рекой и Средиземным морем — от Палестины и едва ли не до Черноморского побережья. Впоследствии этим наименованием (урарт. *x re*) стало называться царство Мелитены.

го царства. Тому, надо думать, были две причины: во-первых, после разорения начала XII в. до н. э. внутренняя Малая Азия представляла мало интереса для грабежа; во-вторых, на этом пути пришлось бы сломить сопротивление достаточно мощного царства в области Мелитены, за верхним Евфратом. Оно величалось «Великой страной Хатти» и считало себя наследником Хеттской державы. Царь его,— судя по имени, полуаккадец, полухуррит,— возможно, опирался на военную силу тех же восточных мушков, т. е. в дальнейшем носителей «старофригийской» археологической культуры. Центр царства находился в Мелиде, около нынешней Малатьи, на правобережье верхнего Евфрата *.

Тиглатпаласар поэтому, видимо, держался левобережья Евфрата; целью его было овладеть важнейшим торговым путем вдоль долин рек верхний Евфрат и Чорох, поблизости от которых были сосредоточены важнейшие в то время места добычи меди и серебряно-свинцовых руд. Несколькими столетиями спустя завоевателям на этой же дороге удавалось захватывать и запасы железа и золота, а греческий миф связывал «золотое руно» с Колхидой, куда и вела долина Чороха; но стремился ли и Тиглатпаласар к золоту — мы не знаем. Маршрут его остается во многом спорным. Некоторые исследователи помещают страны встреченных им «царей» то к западу, то к востоку от Евфрата, однако анналы говорят лишь о том, что эти «цари» вышли на бой с Тиглатпаласаром, а не о том, что он прошел через их области. Скорее всего он продвигался по упомянутому торговому пути, причем время от времени там, где тропа вдоль воды была неудобна, отходил в сторону от реки. По дороге Тиглатпаласар перевалил через «шестнадцать сильных гор», начиная с Амадани (около медных рудников Эргани); многие из этих гор носили явно хурритские названия. При этом он разбил войска 23 «царей» стран, которые по большей части не поддаются локализации; самой дальней на юго-востоке (?) была Тумме, о местоположении которой спорят; самой дальней на северо-западе — Дайени, или «Страна таохов», вероятно, в районе современного Байбурта. После их поражения Тиглатпаласару пришлось сразиться еще с 60 «царями стран Наири»; их он «прогнал своим дротиком до Верхнего = Черного.— *И. Д.*) моря». Можно предполагать, что он вышел к Черному морю у нынешнего Батуми. Это оспаривается, но вряд ли обоснованно. «Их рыночные села (маххазу — близкий синоним к карум — «торговой фактории».— *И. Д.*) я покорил,— пишет ассирийский царь в своих анналах,— их полон, их имущество, их богатство я увел, их селения сжег в огне, разрушил, снес, обратил в развалины... Обширные табуны коней, мулов... и скот (?) их лугов без счета угнал я». Далее сообщается, что все «цари стран Наири» были якобы взяты в плен, но отпущены под присягой и с обязательством уплачивать дань конями и рогатым скотом (судя по составу дани, речь, таким образом, шла о «царях», которые обитали в стороне от торговых путей и рудных месторождений); сыновья «царей» были взяты заложниками.

Обратно Тиглатпаласар, видимо, спустился евфратской долиной и по пути взял дань свинцовой рудой с Малатьи. После этого Тиглатпаласар совершал и еще походы на Армянское нагорье: в 1110 г.— в долину Боль-

* Эта область, считавшая себя хеттской, входившая в ареал «старофригийской» культуры (восточной мушкийской? — к фригийской она, во всяком случае, отношения не имела), пользовалась официально лувийско-иероглифическим языком и письмом. Цари ее в то время носили полуаккадские, полухурритские, а позже лувийские имена. Очевидно, наряду с Алзи она и была тем этническим котлом, в котором образовался древнеармянский народ. Армянское слово, означающее «армянин»,— *хай*, по-видимому, восходит к названию этого царства — Хатти. Древние греки, прежде чем воспринять от персов термин «армении», называли армян мелитенянами. Именно Мелитена явилась впоследствии центром первого собственно армянского государства (VII—VI вв. до н. э.).

шого Заба (Эламунии) против урартского племени куманийцев (жителей Кумме — места почитания урартского Тейшебы, хурритского Тешшуба) и жителей города Аринны в стране Муцру; позже он заходил и к северу от озера, где оставил надпись на скале недалеко от современного Мелазгерда *.

Положение Ассирии, естественно, привело Тиглатпаласара I и к столкновениям с Вавилонией. Туда он совершил два похода — оба раза против царя Мардук-надин-аххе (примерно 1098—1081 гг. до н. э.). Первый раз дело касалось очередного выправления границы за Тигром, между Малым Забом и Диялой, но второй поход был более серьезным. Тиглатпаласару удалось занять Дур-Куригальзу, Упи (Опис), Сиппар и даже Вавилон, где он сжег царский дворец. Успех ассирийцев в Вавилонии был, однако, кратковременным. Тот же Мардук-надин-аххе в 10-м году своего правления (1089 г.?) отбросил их обратно до Экаллате (Экаллатума) на рубеже собственно Ассирии.

Однако уже начиная с 1111 г. основное внимание Тиглатпаласара I было обращено в иную сторону. Ахламеи, или, как их теперь чаще называли, арамеи, которые уже с XIV в. до н. э. начали проникать на пастбища Внутренней Месопотамии, становятся серьезной угрозой; им Тиглатпаласар посвятил целых 28 военных походов; борьба шла от Рапикума, где-то в районе современного города Рамади на Евфрате, и вплоть до Каркемиша на его большой излучине. Главным же пунктом просачивания кочевников было устье реки Хабур. В этой борьбе Тиглатпаласар одерживал и значительные победы; не раз он переходил на западный берег Евфрата и громил кочевников на их пастбищах у склонов Джебель-Бишри и в оазисе Тадмор (Пальмире); один раз ему даже удалось прорваться в «страну Амурру» и перейти через Ливан по перевалу от современного города Хомса; здесь он велел нарубить кедра для предпринятой им перестройки двойного храма с зиккуратами для богов Ану и Адада в городе Ашшуре; отсюда он прошел также значительную часть Финикии от островного города Арвада на севере до Сидона на юге, даже предпринял морскую прогулку в 18 км на корабле и охотился на дельфина. На обратном пути он совершил набег на «страну Хатти» (здесь имеется в виду Мелитена), наложив на ее царя Ини-Тешшуба дань кедровым лесом (неизвестно, была ли она выплачена), и поднялся по верхнеевфратской долине до Сухму (на левом берегу реки, против нынешнего Эрзинджана) **.

Однако это была не более как случайная военная экспедиция, Тиглатпаласар и не пытался закрепить за собой земли к западу от Евфрата; борьба с кочевниками шла уже за Верхнюю Месопотамию, и в этой борьбе одолели кочевники — враг бесформенный, а потому непобедимый; малыми группами он просачивался со своими шатрами и семьями, со своими овцами и верблюдами все далее в глубь страны, занимая ее степи и пастбища, нарушая коммуникации между Ниневией, Кальху, Ашшуром, Экаллате и ассирийскими гарнизонами, а также колонистами, поселенными на месте митаннийских городов и сел, чьи жители были вырезаны или выселены в предыдущие царствования.

* Г. А. Меликишвили высказывал предположение, что в надписях Тиглатпаласара I упоминается Колхида под названием страны Кильхи; однако в соответствующих местах надо, по-видимому, читать «Страна хапхи» — так называлась группа хуррито-урартских племен нагорья (заметим, что *пх* — обычное звукосочетание в хурритском, а *льх* — необычное). Колхида достоверно засвидетельствована с VIII в. до н. э., хотя могла существовать и несколько ранее; вероятно, но не вполне бесспорно, что ее население было грузинским. Бесспорно западнопротогрузинским политическим образованием представляется нам Халиту (Халдия), засвидетельствованная в Юго-Восточном Причерноморье с VII в. до н. э.

** Область Сухму, известная с хеттских времен под названием «Цухма», очевидно, входила в район образования армянского народа как его северный рубеж, так как по ней ее северные соседи — грузины образовали слово «сомехи» — «армянин».

Последний значительный царь Среднеассирийского периода Ашшур-бел-кала (1074—1057 гг. до н. э.), сын Тиглатпаласара I, еще раз воевал с жителями «страны Уруатру» (=Урарту; эта страна, по-видимому, не была еще тогда единым государством); для укрепления своих позиций против степных кочевников, которые грозили также и Вавилонии (это были халдеи, но в это время их еще называли сутиями), Ашшур-бел-кала посетил вавилонского царя Мардук-шапик-зери (1082—1070 гг. до н. э. ± 2) в Сиппаре и заключил с ним союз, а после того как этого царя свергла его «страна», взял в жены дочь его преемника Адад-апла-иддины (1069—1048 гг. до н. э. ± 2).

Преемники Ашшур-бел-калы * были отброшены арамеями в города собственно Ассирии. Страна находилась в упадке, храмового и другого строительства не велось, и с конца XI по конец X в. до н. э. до нас не дошло из Ассирии ни надписей, ни документов (в Вавилонии халдеи также просочились во все степные и болотные районы, частью слившись с вавилонским сельским населением, частью оттеснив коренных аккадцев в города).

После того как Ассирия оправилась от арамейского нашествия, в ней начинается совершенно новый исторический период.

11. Ассирийское право

Значительный культурно-исторический и историко-бытовой интерес представляют Среднеассирийские законы (САЗ). В них отражено, собственно, право города Ашшура того времени, когда он еще был городом-государством **, но его правитель уже назывался царем, т. е., вероятно, XVI—XIV вв. до н. э., хотя большинство дошедших до нас списков относится к периоду XII — начала XI в. до н. э. Текст их был записан на нескольких глиняных табличках, найденных археологами в более или менее сильно поврежденном виде. Дошедшие таблички и фрагменты принято обозначать буквами латинского алфавита от «A» до «O». Фрагменты и таблички «A», «B», «D», «K», «L», «M», «N», «O» и значительно более древний фрагмент «F» происходят, видимо, из одной библиотеки, располагавшейся около ворот Шамаша (место суда), фрагменты же «C» и «G» — из храма бога Ашшура. Происхождение остальных фрагментов неизвестно.

Что касается их содержания и структуры, то большинство исследователей считают, что САЗ представляют собой компиляцию (возможно, неофициальную), составные части которой, однако, восходят к различного рода законодательным актам. Перед нами, следовательно, своего рода попытка систематизации и «кодификации» разрозненных правовых норм ашшурской городской общины. Однако по уровню законодательной техники, по логичности и последовательности построения эта компиляция значительно уступает Законам Хаммурапи. Она также отражает во многом более архаичные общественные отношения, и потому неудивительно, что в последующий, Новоассирийский период переписывались и изучались именно Законы Хаммурапи, а не САЗ.

Можно, впрочем, предположить, что составители САЗ (кто бы они ни были) были знакомы с текстом ЗХ и при размещении отдельных пара-

---

* Эриба-Адад II (1056—1055 гг.), Шамши-Адад IV (1054—1051 гг.), Ашшурнацирапал I (1050—1032 гг.), Салманасар II (1031—1020 гг.) и Ашшурнерари IV (1019—1014 гг.).

** Это видно, между прочим, из того, что по САЗ женщина, бежавшая от своего мужа в другую общину, могла быть возвращена только в том случае, если она скрывалась в доме ашшурского гражданина, подлежащего поэтому ашшурской юрисдикции (A, § 24).

графов своей компиляции пытались им подражать. Но их подражание было чисто механическим, так как компилятор не понимал внутренней логики ЗХ. Именно этим обстоятельством и объясняется, по-видимому, несколько странное построение наиболее хорошо сохранившейся таблички «А» (о женщинах). Табличка по своей структуре очень похожа на соответствующий раздел ЗХ, но только внешне, ибо логику переходов от одного параграфа к другому и особенно от одной группы параграфов к другой установить невозможно (оттого что, например, § 47 и следующие за ним названы некоторыми исследователями «приложением», суть дела нисколько не проясняется, ибо остается неясным вопрос: зачем понадобилось такое «приложение»?).

Правовые нормы САЗ распределены по различным таблицам соответственно «предмету регулирования», но «предмет» этот понимается чисто формально. Так, таблица «А» посвящена, как уже отмечалось, разнообразным аспектам правового положения свободной женщины — «дочери человека», «жены человека» или же гражданско самостоятельной вдовы или блудницы. Сюда входят различного рода правонарушения, совершаемые женщиной или против нее, брак, имущественные отношения супругов, права на детей и т. п. Сильно поврежденная таблица «В» регулирует те или иные вопросы, касающиеся недвижимого имущества. Она содержала важные данные о землепользовании (о чем уже было рассказано выше) и водопользовании, а также о разрешении связанных с этим конфликтов (сильно поврежденная таблица «О» является, может быть, ее дубликатом с несколько иным расположением статей). Фрагменты «С» и «G», видимо, части одной таблицы, посвященной движимому имуществу (включая продажу, хранение, залог и другие операции).

О содержании остальных таблиц, точнее, их обломков судить трудно. Сохранившиеся их параграфы трактуют об обязанностях пастуха (таблица «F»), о торговле (таблица «М»), о клевете (таблица «N»), вероятно, о заказах ремесленникам (таблица «Е»). В других случаях сохранились лишь отдельные строки и слова, не дающие сколько-нибудь связного текста.

Общественные отношения, отраженные в САЗ, еще весьма архаичны. Так, существовали переделы земли внутри территориальной общины, а отчуждение земельных участков происходило под ее строгим контролем (В, § 6). Вся общинная земля распределялась (и, вероятно, была уже закреплена) между отдельными поселениями, точнее, группами сельских однообщинников («товарищами») и внутри этих поселений переделялась по жребию между группами «больших семей» (В, § 9). Большая семья была еще прочна и часто не распадалась и после смерти отца («неразделенные братья», В, § 2—5).

Об архаичности общественных отношений свидетельствует также (вопреки распространенному мнению) и широкое применение «публичных» наказаний, главным образом битья палками и особенно принудительных работ на царя, чего не знают ЗХ. В Ашшуре этого времени внутриобщинные связи были еще очень сильны, и многие правонарушения (особенно в области земельных отношений и задевающие честь и достоинство свободных граждан) рассматривались как затрагивающие интересы всей общины, а не только потерпевшего. «Публичность» здесь проявление общинной солидарности. По мере развития частнособственнических отношений и вытеснения общинного принципа административным ощущение солидарности утрачивалось; оно возникло вновь тысячелетия спустя уже на совершенно другой исторической основе.

Наконец, еще одним показателем архаичности общественных отношений было долговое рабство, которое, как свидетельствуют деловые документы, практиковалось весьма широко. Так, заложник считался по исте-

29. Среднеассирийское изобразительное и декоративное искусство:
а) алтарь и изображение Тукульти-Нинурты I;
б) настенная роспись из Кар-Тукульти-Нинурты

чении срока займа купленным «за полную цену» и мог быть продан, как обыкновенный раб (C + G, § 3). При этом специально оговаривалось, что эти люди не имели права на защиту своей чести и достоинства (A, § 44), даже если являлись до порабощения ашшурскими гражданами. Таким образом, в противоположность Законам Хаммурапи Среднеассирийские законы не только не пытались ограничивать деятельность ростовщиков, но и полностью их поддерживали.

Вместе с тем САЗ зафиксировали переломный момент в жизни общества.

Несмотря на все формальные препятствия, открывается путь к распаду общинной и большесемейной земельной собственности; в частности, разрешается необратимая продажа земли.

Патриархальные отношения еще очень строго охраняются в семье: женщина может быть самостоятельной *альма́тту* («вдовой») лишь в том случае, если она, выйдя замуж и освободясь тем самым из-под власти своего отца и братьев, затем овдовела и не имеет ни сыновей (хотя бы малолетних!), ни свекра. В противном случае она остается под патриархальной властью мужчин из семьи мужа, а братья мужа и его отец могут осуществлять на нее брачные права, причем в отличие от левиратных обычаев у других народов здесь нет речи о том, чтобы сын, рожденный от деверя или свекра, считался сыном умершего мужа женщины.

В то же время рабство уже утратило в юридическом отношении свой чисто патриархальный характер, и САЗ проводят строгое различие между рабом и нерабом.

Единственным пережитком отношения к рабу как к личности является статья A, §4, согласно которой раб или рабыня, принявшие что-либо «из рук жены человека», освобождаются от наказания, если муж не пожелал наказывать свою жену. Следует отметить легкость узаконения детей ашшурца от наложницы-рабыни («пленницы») и узаконения самой наложницы в качестве жены (A, § 41).

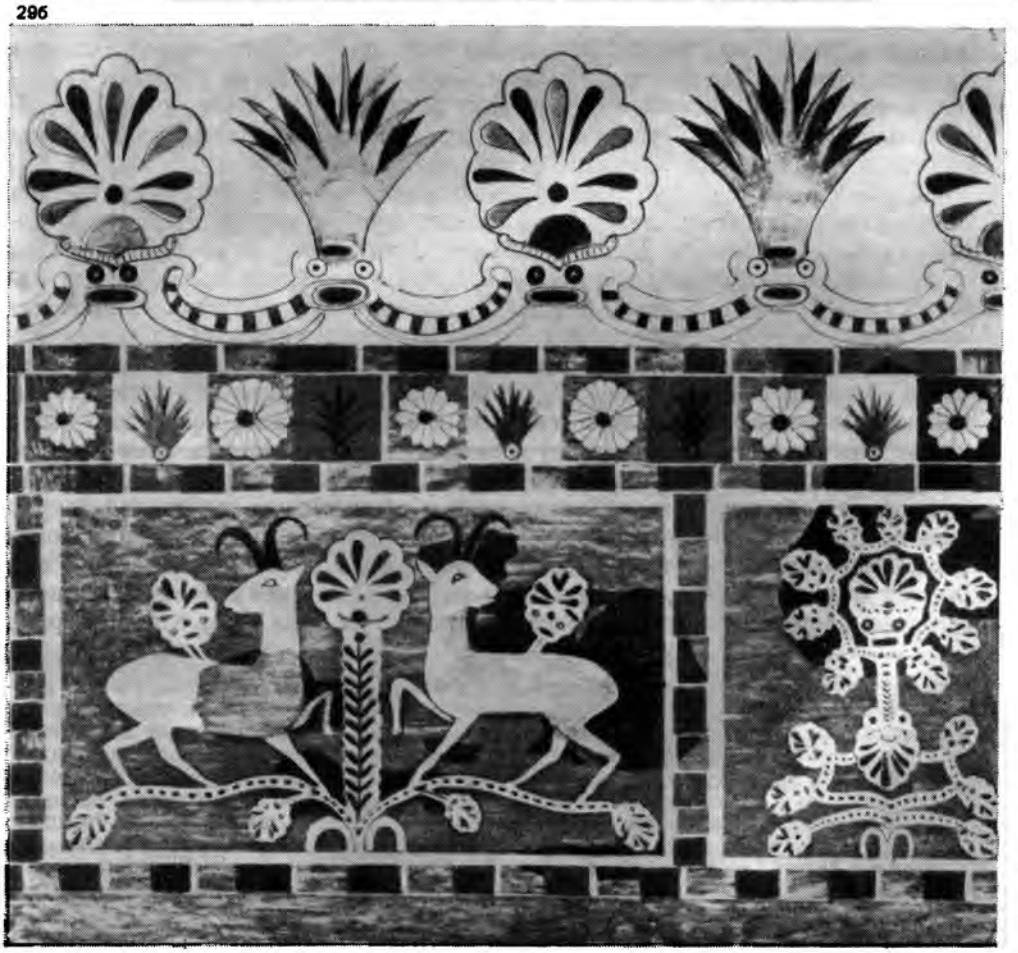
Согласно САЗ полным объемом правоспособности и дееспособности обладает только муж — глава семьи. При этом необходимо отметить, что вопреки довольно широко распространенному мнению термин «ассириец», встречающийся в САЗ, не имеет социального или этнического оттенка и означает всякого свободного, члена ашшурской общины, полноправного гражданина (иногда он называется в САЗ *а́йлу* — «человек»). Женщина не имела права распоряжаться семейным имуществом, и в случае развода муж волен был не давать ей ничего. Даже в случае безвестного отсутствия мужа *, если бездетная женщина, выждав установленный законом

* См. САЗ, A, § 45, где речь идет также о различных типах землевладения воинов.

29а

29б

30. Среднеассирийские печати
31. Двойной зиккурат Ану и Адада в Ашшуре (реконструкция по В. Андре)

срок, вторично вышла замуж, то муж в ряде случаев мог по возвращении потребовать свою жену обратно (дети оставались у своего отца). В случае совершения женщиной каких-либо проступков наказание ей определял муж, но предварительно она должна была быть надлежащим образом «изобличена» по суду. САЗ уделяют чрезвычайно большое внимание возможным нарушениям супружеской верности со стороны женщины, предусмотрев, кажется, все мыслимые случаи, караемые, как правило, смертью *. Наказание в некоторых случаях может быть и менее тяжким, что зависит от воли оскорбленного мужа, но всегда одинаковым для обоих участников прелюбодеяния. Здесь в своеобразной форме проявляется принцип талиона, вообще применяемый в САЗ весьма широко, хотя и не столь последовательно, как в ЗХ. Предусматриваются также санкции против бегства жены от мужа (случай, видимо, нередкий).

САЗ помимо сведений социально-экономического характера сохранили для нас и множество интересных данных о быте, внутрисемейных отношениях и т. п. Так, в них описывается процедура заключения брака и сопровождающие ее обряды (А, § 42), а также обряд превращения наложницы в законную жену (А, § 41). Брачный обряд состоял в принесении женихом особых ритуальных даров и возлиянии масла на голову невесты. Этому, однако, предшествовало заключение сделки (*рúксу*) между главами семей жениха и невесты относительно величины брачного выкупа («цены невесты»), приданого и брачных даров жениха, после чего глава семьи жениха мог отдать невесту и не тому сыну, о котором сговаривался, если тот умрет или убежит из общины до брачного обряда. Наложница становилась законной женой, если муж в присутствии свидетелей закрывал ее покрывалом со словами: «Это моя жена». Сыновья от наложниц считались законными наследниками, даже если не были узаконены при жизни отца, если у их отца не было сыновей от законной жены. Однако широко распространенное представление о том, что брак в этот период

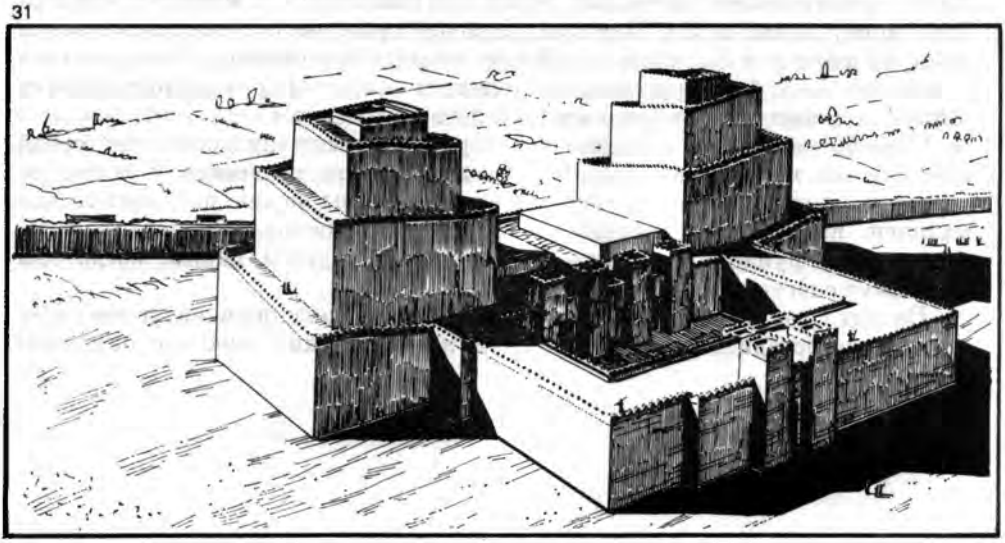
* Характерная черта нравов: говоря о половых преступлениях ашшурских женщин, ашшурские законы применяют прямые и грубые обозначения, употребляемые хеттскими законами только по отношению к рабыням, а вавилонскими и древнееврейскими вообще не употребляемые. Весьма «натуралистичны» и многие наказания, применяемые по ашшурским законам в порядке талиона. Отметим также, что совращение или изнасилование незамужней «дочери человека» не карается смертной казнью, а лишь возмещением ее отцу втройне потерянного таким образом будущего выкупа за нее при выдаче ее замуж, а также принудительным браком насильника с девушкой; если же совратитель уже женат, то отец пострадавшей «может отдать на поругание жену прелюбодея... мужу он может ее не возвращать, а забрать (себе в качестве рабыни)» (А, § 55).— *Ред.*

30

31

являлся просто-напросто покупкой женщины, неточно, поскольку жена приносила с собой в дом мужа приданое (А, § 29). Вместе с тем власть мужа над женой была очень велика, и САЗ специально оговаривают его право подвергать свою жену телесным и даже калечащим наказаниям (А, § 59). Жена несла также ответственность за долги и преступления своего мужа (А, § 32). Свободные женщины обязаны были, выходя на улицу, закрывать свое лицо покрывалом; то же должны были делать наложницы-«пленницы» (*эси́ртy*), но только в том случае, если они шли по улице вместе с законной женой своего господина; рабыням закрывать лицо запрещалось под страхом тяжкого наказания. Храмовые блудницы (*кади́шту*), если они не были замужем, а также и обычные проститутки (*харимту*) тоже не имели права носить покрывало. Нарушившие этот запрет подвергались отобранию одежды (которая отдавалась доносчику в качестве награды), палочным ударам и обливанию смолой. Характерно, однако, что у блудницы запрещалось отбирать украшения — принадлежности ее «ремесла». Наказанию подлежали и те, кто, увидев рабыню или блудницу, носящую покрывало, не изобличит их. Возможно, именно требованием закрывать лицо и объясняется столь широкое применение в отношении женщин таких наказаний, как отрезание носа и ушей: это позорное наказание обычно применялось в отношении рабов (ср. соответствующие параграфы ЗХ), но покрывало спасало свободную женщину от публичности ее позора.

Для САЗ вообще характерно беспрецедентно широкое распространение членовредительных наказаний, не имеющее аналогий в других законах древнего Ближнего Востока. Правда, в САЗ (во всяком случае, в сохранившихся статьях) смертная казнь встречается реже, чем, например, в ЗХ. Однако назначаемые законом 50 и даже 100 палочных ударов часто могли быть равносильны смертной казни.

В среднеассирийском судопроизводстве весьма широко применяются ордалия (испытание тяжущихся водой) и клятва (А, § 12 и др.). Отказ от ордалии рассматривается как признание вины. Подтверждать свои показания клятвой должны были не только обвиняемые, но и обвинители, и она приравнивалась к своего рода ордалии.

В культуре Ассирии II тысячелетия до н. э. легче распознать хурритохеттские и вавилонские влияния, чем оригинальные черты. Ассирийские писцы выработали только почерк, отличный от вавилонского; в остальном же они полностью переняли и культивировали вавилонский литературно-научный канон, не внеся в него почти ничего своего. Интересен ассирийский вариант космогонического эпоса «Энума элиш», в котором местный бог Ашшур занял место Мардука, впрочем тоже весьма почитавшегося в Ассирии наряду с Эллилем и другими аккадскими богами. (Эллиль отдал в Ассирии богу Ашшуру свое «эллильство» — *эллилу́ту* — и свою супругу Нинлиль, отождествленную с местной богиней Шеруа.)

Своеобразный для аккадской литературы жанр представляют собой ассирийские царские анналы. Форма их была заимствована у хеттов и, вероятно, митаннийцев, но писали их, как вавилонские посвятительные надписи, на глиняных призмах и цилиндрах, предназначенных для закладки под фундамент зданий в назидание будущим царям, когда они прикажут снести данное строение.

Находка такой надписи сопровождалась определенным ритуалом, и ее полагалось оставить под фундаментом нового здания вместе с надписью нового царя.

12. Среднеассирийские культура и искусство

Памятники искусства Ассирии XIII—X вв. до н. э. говорят о связи как с хетто-хурритскими традициями, так и с традициями Касситской Вавилонии и Элама, где долго сохранялся выработанный еще староаккадским искусством внимательный и точный подход к изображению. Вместе с тем ассирийские памятники строже и декоративнее. Пропорции фигур на них несколько приземисты, что хорошо видно на рельефе алтаря Тукульти-Нинурты I из Ашшура. Однако ритуальные позы не выглядят здесь застывшими, потому что мастер соединил на одном изобразительном пространстве два разновременных действия — предстояние царя в полный рост и его коленопреклонение. Оживляет поверхность рельефа, высеченного на этом алтаре, и изображение самого алтаря, точно передающее форму того предмета, на котором оно высечено. Такое повторение создает некоторую пространственную глубину.

В этот же период высокой степени совершенства достигает среднеассирийская глиптика. Ее отличают чистота и законченность исполнительской манеры мастеров, острый динамизм отдельных образов и целых композиций, не нарушающий тем не менее декоративной цельности изображения.

В архитектуре Ассирии к концу II тысячелетия до н. э. в основном завершается формирование главных признаков, которые получат наиболее яркое выражение в последующую эпоху. Для ассирийских городов — царских резиденций, каким был, например, Кар-Тукульти-Нинурта, характерна четкая планировка. Как бы отвечая ее прямоугольному геометризму, формы зиккуратов приобретают строго вертикальную направленность объемов вместо наклонных форм зиккуратов Шумера и Аккада. В этом можно усмотреть связь с хетто-хурритской архитектурой, которой свойственны именно чисто прямоугольные формы. Вероятно, в вертикальной направленности архитектурных форм сказалось и воздействие Элама, но ассирийские зиккураты отличаются от эламских тем, что их нижний ярус заметно выше верхних ярусов, тогда как эламскому зиккурату в Чога-Замбиле свойственно лишь небольшое уменьшение высоты ярусов снизу вверх. Зиккураты в Ассирии иногда сдваивают, как в храме Ану и Адада в Ашшуре, что еще более подчеркивало вертикальную устремленность верхнего храма, которой соответствуют башни, фланкирующие ворота нижних храмов.

Архитектурные сооружения украшали росписью, полосами окаймлявшей стены зданий. Для ассирийской росписи конца II тысячелетия до н. э. характерна «ковровость» — сплошное заполнение участков росписи богатым и сложным орнаментом, состоящим из геометрических, растительных и зооморфных мотивов. Манера исполнения ассирийского архитектурного орнамента (как и глиптического) — линейная, графичная, что вполне гармонирует со строгостью архитектурных форм.

ХЕТТСКОЕ ЦАРСТВО И ЭГЕЙСКИЙ МИР

1. Этнический состав населения Малой Азии около 2000 г. до н. э.

Богатая и яркая дописьменная история Малой Азии и история торговых колоний в этой стране были изложены нами выше. Настоящая глава посвящена эпохе Хеттской державы, господствовавшей на полуострове в течение большей части II тысячелетия до н. э.

Начиная по крайней мере со II тысячелетия до н. э. и до проникновения в Малую Азию носителей тюркских говоров (сельджуков и османов) в эпоху развитого средневековья население полуострова говорило преимущественно на различных языках индоевропейской семьи, но подавляющее большинство исследователей считают, что и индоевропейские языки были сюда занесены извне и не были здесь первоначальными. В документах торговой организации Каниша встречаются неаккадские имена собственные, большинство которых нужно признать доиндоевропейскими. Также и другие источники заставляют во всей восточной части Малой Азии предполагать доиндоевропейское по языку население.

По языку автохтонное население Малой Азии составляло не одну, а несколько групп, но лишь некоторые из них при нашем современном уровне знаний мы в состоянии определить и выделить. Так, в горах и лесах Причерноморского Тавра от устья реки Галис и по направлению к Западному Закавказью жили каска, или каскейцы. Враждовавшие с ними впоследствии хеттские племена Центральной Анатолии бранили их «кочевниками» (аккад. сути) и «свинопасами», но эти прозвища со стороны людей, немало пострадавших от каскских набегов, не следует принимать всерьез. К началу II тысячелетия до н. э. у каска были свои укрепленные постоянные селения, и они, несомненно, занимались земледелием, быть может сочетая его со скотоводством (используя для отгона скота горные пастбища), а возможно, и свиноводством. Каска четко делились на множество отдельных племен; уровня цивилизации они ко II тысячелетию до н. э. еще не достигли.

По наблюдениям Г. А. Меликишвили и особенно Г. Г. Гиоргадзе, названия племен и населенных пунктов на территории, занятой касками, указывают на родство их языка с языком хаттов, живших южнее, в излучине реки Галис и к югу от нее; однако другие исследователи каска (Э. фон Шулер) не принимают этого вывода *. Сходство этнического названия каска с одним из древних названий адыго-черкесских племен (др.-груз. *кашаки, кашаг,* др.-арм. *гашкᶜ,* визант.-греч. *Касахия,* араб. *кашак,* др.-рус. *косог*) может быть и случайным, но оно в известной мере подкрепляется названием одного, по-видимому, самого восточного из каских племен — апешлайцев,— совпадающим, как мы уже говорили, с древним названием абхазов (греч. *апсилы,* др.-груз. *ап'шил-,* др.-арм. *апшилкᶜ,* ср. нынешнее самоназвание абхазов *а-ап'с-уа,* или *а-ап'ш-уа*). Известно, что как черкесы, так и абхазы принадлежат по языку к одной общей абхазо-адыгской языковой семье, и не было бы ничего удивительного, если бы к ней же принадлежали и каска.

Южнее каска, как уже упоминалось, жили хатты, не совсем удачно называемые также протохеттами. Их не следует смешивать с собственно хеттами: название «хатты» относилось первоначально к жителям города Хатти (по-хаттски), или Хаттусы (по-хеттски). Язык хаттов известен нам по записям религиозных обрядовых отрывков в найденных на этом городище дворцовых архивах Хеттского царства. К сожалению, хеттские писцы, записывавшие эти отрывки (часто с их хеттским переводом), сами хаттского языка уже не понимали (он вымер к концу III — началу II тысячелетия до н. э.), и их записи, по-видимому, неточны (вплоть до неправильного словоделения). Кроме того, система аккадской клинописи в том виде, как она применялась для записи как хеттских, так и хаттских текстов, совершенно не приспособлена для передачи хаттского звукового состава; так, она позволяет различать только 13—14 согласных, хотя в хаттском их могло быть и, вероятно, было несколько десятков. Поэтому до сих пор было невозможно восстановить фонологическую систему хаттского, а это, в свою очередь, делало невозможным и достоверное решение о его принадлежности к определенной языковой семье, так как для этого необходимо установить закономерные соответствия между фонемами хаттского и сравниваемого языка (или, лучше, праязыка такой же древности, как хаттский). Внешнее же сходство звучаний может оказаться случайным и возникшим в совершенно разные исторические периоды развития сопоставляемых языков; поэтому за ним лингвисты совершенно не признают никакого научного значения. Грамматический строй хаттского языка, начинающий выясняться в результате огромного труда, проделанного Э. Форрером, Э. Ларошем, И. М. Дунаевской, А. Камменхубер и Х. З. Шустером, во всяком случае, по своей типологии, если не по генетическому родству, очень близок к строю абхазо-адыгских и в меньшей мере картвельских языков (особенно сванского). В последнее время Вяч. Вс. Иванов привел, однако, веские данные и в пользу генетического родства хаттского с абхазо-адыгскими.

Южнее хаттов, в горах Малоазийского Тавра и к северу от него, существовал еще один автохтонный (не индоевропейский) этнолингвистический элемент, который пока условно предложено называть протолувийским. Этот же или близкий элемент был автохтонным на западе Малой Азии. В долине верхнего Евфрата уже с III тысячелетия до н. э., несомненно, жили хурритские племена. Севернее хурритов, в долине реки Чорох, впадающей в Черное море у Батуми, Г. А. Джаукян предполагает очень раннее существование индоевропейцев особой языковой ветви, от-

* Согласно точке зрения фон Шулера и некоторых других ученых, каска появились в северной части Малой Азии лишь ближе к середине II тысячелетия до н. э.

личной от всех известных позднее в Малой и Передней Азии и на Среднем Востоке,— языка хайасцев; однако его доводы в пользу индоевропейского характера этого языка пока очень шатки, и нам представляется более вероятным, что хайасцы были группой хурритов.

Согласно некоторым исследователям, в самом начале II тысячелетия до н. э., но более вероятно — в течение III тысячелетия до н. э. или даже раньше в Малой Азии появляются племена, говорившие на языке или языках индоевропейской семьи, и при этом одной определенной ее ветви — хетто-лувийской, или древнеанатолийской, резко отличной от других ее ветвей, быть может сложившихся или наметившихся уже и тогда, но известных по письменным памятникам лишь позднее, как, например, греческая, палеобалканская, куда, возможно, следует отнести и протоармянскую, индоиранскую, балто-славянскую и др. Сторонники раннего появления древнеанатолийских языков в Малой Азии ссылаются на существование в языке канишских торговцев XX в. до н. э. слов, уже заимствованных (очевидно, в самой Малой Азии) из индоевропейского хеттского, а также на наличие в документах Каниша этого же времени индоевропейских же лувийских имен собственных. Следовательно, уже к этому времени древнеанатолийский праязык распался на отдельные языки — хеттский, лувийский и др.

Как бы ни решился вопрос о первоначальном месте сложения праиндоевропейского языка (большинство исследователей думают о Восточной или Юго-Восточной Европе), серьезную историческую проблему представляет вопрос о времени и путях проникновения специально хетто-лувийской (древнеанатолийской) ветви индоевропейской языковой семьи в Малую Азию, где она, по имеющимся пока данным, видимо, не была автохтонной. Сведения о смене или сохранении археологических культур не дают надежной информации по этой проблеме, так как в истории только те переселения народов сопровождались резким изменением материальной культуры, которые были связаны с резней или выселением местных жителей и с уничтожением их населенных пунктов. В глубокой древности, когда население всюду было немногочисленным и места для людей хватало, такие случаи происходили редко и чаще наблюдалось медленное и сравнительно мирное просачивание на смежную территорию носителей нового языка, воспринимавших м е с т н у ю материальную культуру, приспособленную к м е с т н ы м условиям; поэтому они не вызывали таких больших культурных изменений, чтобы их могли обнаружить археологи. Специалисты-хеттологи разделяются на сторонников восточного пути появления носителей древнеанатолийских говоров в Малой Азии и сторонников западного пути. Автор настоящей главы принадлежит к последним. Доводом против восточного пути является то обстоятельство, что субтропические леса Черноморского побережья были непроходимы для полускотоводческого, полуземледельческого населения, каким, по данным лингвистики, были уже сравнительно отдаленные предки хетто-лувийцев — носители индоевропейского праязыка, а более восточные пути — через центральные перевалы Кавказа или Дагестан — должны были бы привести хетто-лувийцев скорее не в Малую Азию, а на Армянское нагорье или в Иран (где пока совсем нет их следов ни в местных языках, ни в названиях местностей). Сторонники восточного пути должны показать саму его возможность с хозяйственной, экономико-географической и этнографически-археологической точек зрения. Важнейшим доводом против западного пути (через Босфор и Дарданеллы) является то обстоятельство, что Балканы, уже по крайней мере со II тысячелетия до н. э., были заняты носителями других ветвей индоевропейской семьи, довольно далеких от древнеанатолийской, и в их языках нет сколько-нибудь явных следов длительного совместного проживания с предками племен, говоривших

по-древнеанатолийски *. Все другие доводы «за» и «против», приводившиеся в разное время специалистами, в настоящее время нельзя считать достаточно серьезными.

Случайные обстоятельства развития истории науки привели к тому, что вокруг термина «хетты, хеттский» возникла большая путаница, поэтому целесообразно объяснить характер принятой сейчас терминологии.

Еще в XIX в. было обнаружено, что в египетских источниках времен Нового царства (XVI—XIII вв. до н. э.) в качестве главного врага Египта в Палестине и Сирии называется царство ḫt' (условное чтение — «Хета»), которое тогда же было сопоставлено с названием одного из народов Палестины, упоминаемого в Библии: по-древнееврейски *хитти́* (из более древнего **хатти́*), что в различных европейских переводах Ветхого завета передавалось как Chetaioi (по-гречески), Hittites (по-английски), Hethiter (по-немецки), *хетеяне, хеттеяне* (по-русски). Тогда же, в XIX в., этот термин был обнаружен и в ассирийских надписях I тысячелетия до н. э. в форме *мат-Ха́тти* — «страна Хатти»; так называли ассирийцы все области к западу от большой излучины Евфрата, включая сюда Малую Азию, Сирию и Палестину. Естественно, что Хеттское царство стали искать в Сирии. Поэтому, когда в конце XIX в. в Сирии и юго-восточной части Малой Азии стали находить надписи особым иероглифическим письмом, резко отличным и от аккадской клинописи, и от египетской иероглифики, его приписали предполагаемому народу той великой державы, которая соперничала в Сирии с Египтом, т. е. народу царства «Хеты», или, как теперь стали чаще говорить, хеттам.

Между тем в начале XX в. в глубине Малой Азии было раскопано городище Богазкёй, причем выяснилось, что в древности (XVII—XIII вв. до н. э.) именно этот город назывался Хатти или Хаттуса и он-то и был столицей державы, соперничавшей с Египтом. Вполне понятно, что теперь «хеттским» стали называть помимо языка сиро-малоазийской иероглифики также и тот неизвестный язык, на котором аккадской клинописью было написано большинство документов богазкёйского царского архива глиняных плиток («хеттский клинописный»). Этот язык был впервые интерпретирован в 1915 г. чешским ученым Б. Грозным, который доказал его принадлежность к индоевропейской семье языков. Открытие Б. Грозного вызвало сенсацию, и за короткое время появилось громадное количество серьезной научной литературы, в которой этот язык обозначался как «хеттский».

В 1919—1920 гг. швейцарцем Э. Форрером и независимо от него Б. Грозным было установлено, что так называемые хетты обозначали термином «хеттский» только свое ц а р с т в о — по его столице Хатти, или Хаттусе, основанной, однако, не ими, а народом хатти, который им п р е д ш е с т в о в а л; свой же собственный я з ы к они называли «неситским» **; но изменить уже успевшую укорениться терминологию оказалось невозможным, тем более что подданные Хеттского царства, во всяком случае, действительно считались и сами себя считали «хеттами» вне зависимости от языковой принадлежности. Таким образом, за более древним народом хатти оставили обозначение хаттов (или протохеттов, хотя язык их был ничуть не родствен «неситскому»); «неситский» же язык продолжают на-

* Однако о перемещении отдельных индоевропейских племен в пределах III тысячелетия до н. э. мы пока знаем очень мало, хотя уточнение их путей возможно методами исторической лингвистики, палеозоологии, палеоботаники и археологии. По всей вероятности, непосредственными соседями хетто-лувийцев на Балканах были протофракийцы и другие племена, языки которых вообще не дошли в письменной фиксации.

** Это название происходит от имени Несы — другого названия города Каниша. Предполагают, что н а п и с а н и е «Неса» передает хеттское п р о и з н о ш е н и е этого названия как «Гнеса».

32. Знатный пленник в хетто-хурритской одежде, фаянсовая плакетка из Мединет-Абу
33. Хеттские царские печати:
а) оттиск печати;
б) печать с ручкой из Тарса
34. У ворот цитадели Хаттусы (реконструкция М. В. Горелика). Архитектурная реконструкция по Р. Науманну, одежды по хеттским и египетским изображениям (см. ил. 32, 47, 50)
35. Сосуд из Каниша

зывать «хеттским», а его носителей — «хеттами»; этого словоупотребления вынуждены придерживаться и мы в настоящей книге.

Одновременно выяснилось, что в богазкёйском архиве помимо документов на индоевропейском «хеттском» («неситском») и автохтонном «хаттском» («протохеттском») языках содержались еще и письменные памятники на языках шумерском, аккадском и хурритском, а также на двух родственных «хеттскому» («неситскому») языках той же древнеанатолийской ветви индоевропейской семьи — палайском и лувийском; из них на первом говорили, по-видимому, в северной части Малой Азии, а второй был распространен в виде ряда диалектов по всему югу, а может быть, и западу полуострова. Возможно, существовали и другие древнеанатолийские языки, не зафиксированные письменно.

Оставался еще вопрос о «хеттских» иероглифах Сирии и юга Малой Азии; они были дешифрованы лишь в 40—50-х годах XX в. Наиболее древние тексты, написанные этими иероглифами, и сейчас непонятны, но более поздние (XIII—VIII вв. до н. э.), во всяком случае, написаны на диалекте лувийского, несколько отличающемся от «лувийского клинописного» архивов Богазкёя. Однако несемитские жители царств, пользовавшиеся этой иероглифической письменностью, сами себя, по-видимому, как и «неситы», тоже называли «хеттами», и точно так же их называли (как и все прочее население к западу от Евфрата) их восточные соседи на Армянском нагорье и в Месопотамии.

Таким образом, термин «Хатти» может обозначать названия: 1) города на месте пышного городища Богазкёй — Хатти, или Хаттуса[с], поаккадски также Хаттуша; 2) автохтонного народа, у которого этот город был центром до начала II тысячелетия до н. э.,— «хаттов», или «протохеттов»; 3) державы, имевшей этот город своей столицей, а официальным языком — индоевропейский язык хетто-лувийской, или древнеанатолийской, ветви, так называемый «хеттский», иначе, «хеттский клинописный», или «неситский», а также населения этой державы в целом независимо от языка; эту державу в науке сейчас принято называть Хеттским царством, а всех ее жителей — хеттами; 4) государств, возникших на руинах Хеттского царства с XII в. до н. э. («позднехеттские царства»), население которых тоже называло себя «хеттами», надписи же оставило на диалекте лувийского языка, составленные «хеттской» (лувийской) иероглификой; 5) в широком смысле всего несемитского (а в ассирийских источниках

32

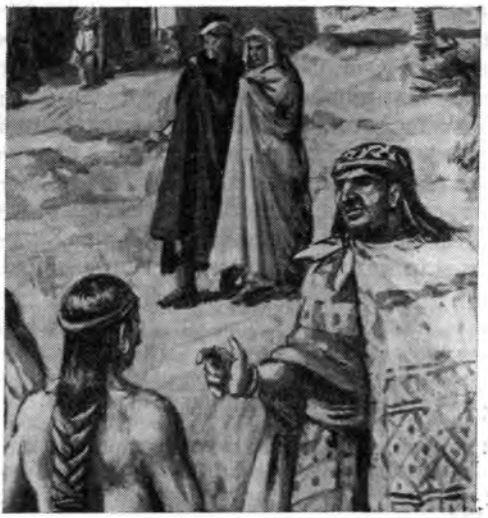
33а

33б

34

35

даже и семитского) населения территорий к западу от Евфрата в первой половине I тысячелетия до н. э. *.

Когда хетты, носители языка хетто-лувийской группы, иначе говоря, неситы появились в излучине реки Галис и к югу от нее, т. е. на той территории, которая позднее называлась Каппадокией, мы сейчас сказать не можем. В начале II тысячелетия до н. э. здешние цари, как и большинство местных жителей, засвидетельствованных документами из Каниша к югу от излучины, носили еще, по-видимому, автохтонные (хаттские или хурритские, а отчасти, видимо, и лувийские) имена, но задолго до середины II тысячелетия до н. э. хаттский в этом районе уже вышел из употребления и был забыт. Однако хеттоязычные жители восточной части Малой Азии не считали хаттов каким-то чужим народом; история их городов и царей воспринималась ими как часть их собственной истории. Многие культурные термины в хеттском языке — хаттского происхождения, с некоторым добавлением хурритских, да и сами хетты, главный народ сложившегося в XVII в. до н. э. Хеттского царства, состояли по преимуществу из тех же самых хаттов, воспринявших новый неситский (хеттский) язык. Этот язык дает некоторую, но все же недостаточную информацию о том, какова была культура племен — носителей первоначального древнеанатолийского языка до смешения их с хаттами. Древнейшие хеттские культы — хаттского происхождения и отчасти также палайского [палайцы — другой древнеанатолийский по языку народ — заняли горные области Пала и Тумманна к востоку и северо-западу от хеттов, по-видимому, в центральной части Северной Анатолии (античная Пафлагония)].

Однако впоследствии, когда создалась великая Хеттская держава, обнимавшая, включая вассальные царства, почти весь полуостров Малая Азия, а также часть Сирии, не хеттский (неситский) язык стал основным языком его подданных, а родственный ему лувийский. По-видимому, в горах Малоазийского Тавра вплоть до долины верхнего Евфрата он наложился на протолувийский автохтонный субстрат почти тогда же, когда хеттский-неситский стал вытеснять хаттский-протохеттский в излучине Галиса. Но создавшееся в Малоазийском Тавре царство Кицтувадна (позднейшая Катаония), вероятно, так и не стало целиком лувийским, поскольку с XVII—XVI вв. до н. э. сюда проникли с Армянского нагорья и, по-видимому, создали свою династию хурриты. Этих киццувадских хурритов надо отличать от хурритов митаннийских: они говорили на несколько ином диалекте, и среди них совсем не было того особого индоиранского этнического элемента, который так характерен для Митанни и связанных с Митанни сирийских городов-государств. Лишь письменность Киццувадны, возможно, находилась под влиянием митаннийских писцов и писцовых традиций.

Основным ареалом распространения лувийских диалектов была южная и, возможно, западная часть Малой Азии. Позднейшие, дожившие здесь до времен Римской империи древнеанатолийские народы — карийцы, ликийцы, писидийцы, киликийцы, катаонийцы — были все по происхождению лувийцами **, и языки их восходили к разным лувийским говорам. Лувийцы же составляли, вероятно, и основную массу войска Хеттского царства; с нею, очевидно, они были занесены и в восточную часть

* Есть основание думать, что в этом смысле в число «хатти» включались и протоармяне, появившиеся в Малой Азии с XII (?) в. до н. э.; отсюда и самоназвание армян — «хай» (из более древнего «хатиос»).

** Только лидийцы, жившие в I тысячелетии до н. э. в центре западного побережья Малой Азии, были по языку, возможно, ближе к хеттам, чем к лувийцам. Северозападная и центральная части Малой Азии были с конца II тысячелетия заселены индоевропейскими народами совсем другой, чем древнеанатолийская, ветви, а на северо-востоке — отчасти неиндоевропейскими племенами.

Малой Азии, где потеснили местный хеттский-неситский язык, и в Каркемиш на Евфрате, и в другие области Сирии и Палестины; здесь они и в I тысячелетии до н. э. были известны под общим названием «хетты», пока не слились в Сирии-Палестине с местным семитским (по преимуществу арамейским, отчасти еврейским), а в долине верхнего Евфрата также с появившимся здесь с XII в. до н. э. протоармянским населением.

2. Древнехеттское царство

Из всех горных областей Передней Азии именно на полуострове Малая Азия, точнее, в его восточной части раньше всего был достигнут уровень цивилизации и возникло классовое общество. Это объясняется особой ролью данного региона в экономике Передней Азии в целом: именно здесь находились важнейшие источники сырья для ее развития — медь, свинец и серебро, лес. Все эти богатства были сосредоточены главным образом в горах Тавра и по краям верхнеевфратской долины. В западной части Малой Азии (река Пактол в Лидии), во всяком случае впоследствии, были известны и золотые россыпи; предполагают также, что на существование каких-то ныне уже исчерпанных источников золота намекает позднейшая греческая легенда о «золотом руне», хранившемся будто бы в Колхиде, т. е. на северном конце чорохско-евфратского торгового пути.

В Малой Азии (в долине реки Ешиль-Ирмак и др.) в течение всего II тысячелетия до н. э. существовали места, где добывалось железо, тщательно скрывавшееся здешними жителями от чужеземцев *. Малоазийская металлургия к концу III тысячелетия до н. э. достигла значительного развития; со II тысячелетия медь и медно-мышьяковый сплав заменяются уже почти целиком бронзой, из которой изготовлялись земледельческие и ремесленные орудия, оружие и высокохудожественная посуда. Олово первоначально поступало из современного Афганистана через Ашшур, а с конца II тысячелетия до н. э., возможно, из Испании через посредство финикийцев. В других металлах, кроме олова, Малая Азия недостатка не испытывала; производила также простые ткани, а чужеземные купцы, судя по документам, не вели широкой торговли ни хлебом, ни рабами. Поэтому ясно, что возникновение здесь чужеземных торговых факторий не могло быть обусловлено обменом рудного богатства этой страны на одни только более изысканные ткани, которые могли предложить чужеземцы: товар, который выменивала для себя Малая Азия, в первую очередь надо искать среди металлов, находившихся в обороте торговой организации. Этим металлом, как представляется, и было олово.

Для развития собственного земледелия и скотоводства природа древней Малой Азии тоже предоставляла достаточные возможности. Равнина между центральным озером Туз и нынешним городом Кайсери, сейчас покрытая солончаками, была одним из древнейших очагов посева злаковых культур; к началу II тысячелетия до н. э. здесь выращивали ячмень, эммер и, возможно, просо-гоми. Земледелие было по преимуществу мотыжным. Склоны гор, окаймляющих полуостров, обращенные к Средиземному морю, можно было использовать для садовых культур: оливок, миндаля, винограда. На II тысячелетие до н. э. падает экстенсивное разведение овец, коз, свиней, а также крупного рогатого скота. Уже в самом начале II тысячелетия до н. э., по археологическим и письменным источникам, здесь засвидетельствовано коневодство и применение легких боевых колесниц, причем, во всяком случае, они были в ходу и в хаттских городах. Играли ли какую-нибудь роль во введении коневодства индоев-

* Есть основание думать, что не менее древнее место добычи железа находилось и в современной Грузии, в районе Чиатура.

ропейские хетто-лувийцы, совершенно неясно. Об их первоначальном хозяйстве вообще ничего не известно. Лишь из самого факта их передвижения, учитывая, что и сами праиндоевропейцы должны были уже быть земледельцами и скотоводами, можно заключить, что пришедшие в Малую Азию хетто-лувийские племена являлись именно скотоводческими, занимавшимися разведением главным образом крупного рогатого скота, знавшими и подсобное земледелие. Иными словами, продвинувшиеся в Малую Азию хетто-лувийские индоевропейские племена в хозяйственном отношении едва ли сильно отличались от автохтонного населения, чем, вероятно, и объясняется легкость слияния пришлого и местного этнического элемента; легкость же перехода с автохтонных языков на привнесенный индоевропейский может быть объяснена широким распространением однородных хетто-лувийских диалектов по сравнению с раздробленностью местных древнейших изолированных языков. Поселки автохтонов имели между собой мало связей.

Можно высказать некоторые предположения о ходе хозяйственного развития на полуострове. Увеличение количества крупного рогатого скота в стаде на равнине, вероятно, повело к оттеснению некоторых древнейших племен в горы, где мелкий скот было содержать легче. Вместе с развитием коневодства это привело к освоению отдаленных горных пастбищ; стала возникать неравномерность в распределении богатств между отдельными племенами и общинами, надо думать вызывавшая, в свою очередь, ожесточенную борьбу за лучшие выгоны и стада. Вместо прежних открытых поселений возникают поселения-крепости, в стенах которых, возведенных из сырцового кирпича на цоколе из огромных каменных глыб, ютились тесно прижатые друг к другу жилища, построенные тоже из сырцового кирпича. Вожди общин богатеют. Возникают имущественные различия и социальное неравенство внутри общин, чему содействовала межобщинная торговля, в особенности с чужеземными купцами, всегда имевшими наличные средства и кредит. В то же время вырубка лесов для сооружения крепостей, храмов и жилищ, а также под посевы и уничтожение подлеска овцами и козами приводили к поредению древних лесных массивов Малой Азии, а также и Армянского нагорья; впоследствии это привело к ухудшению водного режима страны и условий для земледелия.

Армянское нагорье обладало многими из хозяйственных особенностей полуострова Малая Азия, но из сырьевых ресурсов на нем до середины III тысячелетия до н. э. ничего еще не было найдено, кроме обсидиана, давно потерявшего к тому времени всякое значение, поэтому торговые пути сюда еще не были проложены и международный товарный рынок еще не играл здесь своей роли катализатора имущественного и социального расслоения.

Хатты, а также хурриты создали в Малой Азии на рубеже III и II тысячелетий до н. э. такие города-государства, как Пурусханда, Амкува, Куссара (Кушшар), Хатти, Каниш, Вахшушана, Ма'ма, Самуха и многие другие. Они заключали соглашения с чужестранными торговцами, вели между собой войны и вступали в союзы. От ашшурских торговцев они восприняли особую разновидность клинописи и ашшурский диалект аккадского языка, которым пользовались в своей официальной переписке. К концу периода деятельности чужестранной торговой организации в Канише (около 1800 г. до н. э.) замечаются явные признаки консолидации малоазийских государственных образований, но к этому времени синхронные источники на некоторое время прерываются. Дальнейшее мы узнаем уже из архивов Богазкёя, относящихся, по-видимому, к XIV—XIII вв. до н. э., но сохранивших — отчасти в позднейших копиях, а отчасти в оригиналах — и более древние документы как на хеттском, так и на аккадском языке, восходящие к XVII—XVI вв. до н. э., а в отдельных случаях

и к более древнему времени. (Отрывки на шумерском, хаттском, палайском, хурритском и лувийском языках сохранились только в религиозных и отчасти в учебных текстах и для внешней истории страны дают очень мало.)

Если не считать, по-видимому, Хурритского царства некоего Анум-Хирве в Ма'ме, у южного перевала через горы Тавра, в районе современного Эльбистана (ср. выше) *, то первое государство Малой Азии, правителей которого мы знаем по именам **, образовалось в результате деятельности некоего Питханаса и его сына Аниттаса, современников конца наибольшего расцвета канишской торговой организации (Каниш II—I^{6}, вероятно, незадолго до 1800 г. до н. э.). Об этой деятельности мы знаем по тексту надписи Аниттаса (по всей вероятности, «псевдонадписи», т. е. позднейшего литературного текста, изложенного в стиле надписи подлинной, причем частично от первого лица); этот текст пользовался большим пиететом в эпоху Хеттского царства, так что многократно переписывался.

В дошедшем до нас виде он составлен на старохеттском языке (а не на хаттском или аккадском, как мы ожидали бы для столь древнего периода) и хеттской клинописью — разновидностью аккадской клинописи сиро-верхнемесопотамского типа (а не ашшурской разновидностью аккадского письма, которой в действительности пользовались царьки Малой Азии XIX—XVIII вв. до н. э.). Возможно, конечно, что это результат позднейшего перевода древнего высокопочитаемого текста и его переписки более привычным видом письма, но нельзя исключать возможность и позднейшей подделки. Во всяком случае, «великий правитель (*рубáум рáбиум*) Питханас и начальник лестницы (*рáби симмúльтим*) Анитта», а также «великий правитель Аниттас и начальник лестницы Пэрва» упомянуты и в подлинных документах членов торговой организации: в первом случае документ найден в каруме Каниша слоя II, во втором — в каруме на городище Алишар. Питханас и Аниттас почитались наряду, например, с Саргоном Древним и Нарам-Суэном аккадским в качестве знаменитых древних царей и в эпоху Хеттского царства.

В «надписи» Аниттаса говорится, что отец его Питханас был сначала царем *** Куссары (Кушшара; точное местоположение неизвестно), но, взяв в плен царя города Несы, захватил этот город ночью штурмом и, не причинив неситам никакого вреда, перенес туда свою резиденцию. Затем рассказывается о деяниях самого Аниттаса уже как «великого царя» в Несе: он полонил Хуццияса, царя Цальпы, «у внутреннего (т. е. северного) моря» **** и вернул оттуда похищенную статую неситского божества, потом взял измором город Хатти (Хаттусу) *****, разрушил его до ос-

---

* Надпись Анум-Хирве на горе Адалур (север Амануса в Сирии) упомянута ассирийским царем Салманасаром III еще в IX в. до н. э. Из неопубликованных (во всяком случае, недоступных пока автору) документов приводятся также имена других царей этого времени — Хурмили и Зузу, но о них ничего конкретного не известно.

** Как уже упоминалось, торговцы канишской организации, как правило, не называют «правителей», «правительниц» и других местных должностных лиц по их собственным именам. Приводимые ниже примеры называния имен — это исключения.

*** Употребление титула «царь» в хеттском тексте, притом что исторический Аниттас титуловал себя по-аккадски рубаум — «правитель», не должно означать, будто текст фальсифицирован: последнее слово переведено как «царь» и в хетто-аккадском словаре более позднего времени, найденном в столице Хеттского царства.

**** Как сейчас установлено, Цальпа находилась на побережье Черного моря, недалеко от устья реки Галис. Есть мнение, что было две Цальпы, вторая южнее реки Галис.

***** В хеттском языке существуют имена среднего рода, по большей части с окончанием на согласный или гласный, и имена общего рода, с окончаниями на -as, -is и -us; имен женского рода с окончанием на -a нет. Обычно принято хеттские имена собственные и названия местностей передавать на европейских языках чистой основой, однако мы решились передавать имена людей в полной форме именительного

нования и проклял всякого, кто захотел бы сделать Хатти своей резиденцией; наконец, подчинил себе правителя Пурусханды. Именно последний, судя по документам из Каниша, обычно признавался до тех пор в Малой Азии «великим правителем» (рубаум рабиум); согласно же «надписи» Аниттаса, он передал царю Несы как знак своего подчинения престол и железный царский жезл (железо в течение почти всего II тысячелетия до н. э. было, как известно, самым драгоценным из металлов). Аниттас рассказывает также о своем храмовом строительстве в Несе и о создании зверинца для своей царской охоты. Таким образом, Питханас и Аниттас смогли создать государство, владевшее значительной территорией и, во всяком случае, осуществлявшее гегемонию от озера Туз до перевалов через Малоазийский Тавр, включая большую территорию внутри излучины Галиса. Стоит заметить, что Аниттас (или автор написанной от его имени надписи) называет в составе войска и небольшой колесничный отряд (40 колесниц при 1400 пехотинцах) *.

Интересно, что в канцеляриях царей, правивших впоследствии в Хаттусе, которая, по «надписи» Аниттаса, была полностью разрушена, а возможные будущие цари ее прокляты, бережно хранили и переписывали ту самую надпись, которая содержала это проклятие. Объясняется это, вероятно, тем, что хеттские цари, как и Аниттас, чувствовали себя коренными неситами. Аниттас же, конечно, имел в виду возможных будущих царей Хаттусы из числа ее первоначальных граждан, а не граждан Несы или Куссары. При этом языковая принадлежность играла здесь меньшую роль, чем происхождение из о б щ и н ы Несы: индоевропейцем (хеттом-неситом) Аниттас по своему имени и по языку, возможно, не был (приводятся аргументы в пользу его либо хаттского, либо хурритского происхождения).

Разрушение Хаттусы около 1800 г. до н. э. засвидетельствовано археологически; около того же времени погибли Алишар и Каниш I[6]. Создание крупных держав в Малой Азии (Аниттасом) и в Месопотамии (Шамши-Ададом I, потом Хаммурапи) привело к невозможности восстановления частной международной торговли в прежних формах; в то же время ни один из письменных памятников ближайших преемников Аниттаса не удостоился сохранения в архиве хеттских царей. Этот архив содержит известия о деяниях лишь тех царей, при которых резиденция царства была все же перенесена в Хаттусу. С этого события, датировка которого неясна, начинается собственно Хеттское царство (так называемое Древнехеттское); вероятнее всего, оно было основано во второй половине XVII в.

падежа, так как формы типа «Хаттусили, Мурсили» и т. п. по-русски не склоняются, что создает неудобства в изложении текста; к тому же усечение этих имен не вызывается необходимостью. Исключения мы сделали для имен, имеющихся (без окончания -as) еще в текстах торговых колоний. Но большинство названий местностей по-хеттски кончаются на -a и -as; здесь сохранение традиционной формы в виде основы на -a позволяло склонять эти названия по русскому 1-му склонению и делало их менее громоздкими, чем если бы мы сохранили окончание именительного падежа и в этом случае, тем более что многие из этих же названий дошли и в передаче на других языках, где окончания -s нет. Далее, хеттское п и с ь м о не делает различия между глухими и звонкими: их мнимое различение (например, ЛаБарнас, но ТелеПинус) — вопрос клинописной орфографии, которую незачем воспроизводить по-русски. Есть предположение, что в хеттском языке глухие и звонкие различались, но его нельзя считать доказанным. Поэтому мы всюду ставили глухой согласный, кроме как после *н, м,* где есть основание думать, что глухой согласный озвончался. Некоторые колебания вызывало употребление хурритских имен собственных и т. п. в хеттском, так как в самом хурритском действует другое фонетическое правило: все неудвоенные согласные после гласного и *л, р, м, н* — звонкие, остальные — глухие.

* Вслед за текстом Аниттаса хеттский писец выписал (ныне не сохранившийся) текст некоего Аммунаса, который, как думает Г. Оттен, был преемником Аниттаса (а не другим одноименным царем XVI в. до н. э., что большинству хеттологов представляется более вероятным).

до н. э., т. е. лет через полтораста после Аниттаса. Поскольку династия Древнего царства выводила себя из Куссары (и Несы), постольку, вероятно, она вела и свою генеалогию от Аниттаса; этим, наверное, и объясняется бережное отношение к его тексту. Несколько царей, известных только по позднейшим спискам для заупокойных жертвоприношений, возможно, правили между Аниттасом и первыми царями Древнехеттского царства.

За это время Малая Азия успела перейти с ашшурского варианта аккадской клинописи, потерявшего после Шамши-Адада I всякий политический и культурный престиж, на аккадскую клинопись верхнемесопотамско-сирийского типа, которую хетты, вероятно, получили вместе с писцами и всей их школьной традицией из хуррито-аккадских областей Сирии. При этом, если в эпоху Аниттаса писали просто аккадской клинописью (ашшурского варианта) и на ашшурском диалекте аккадского языка, то теперь аккадская клинопись в новом варианте была применена к составлению текстов не только на верхнемесопотамском диалекте аккадского, но и на хеттском-неситском, а затем и на других языках Малой Азии.

О Лапарнасе, правившем первоначально в Куссаре *, которому приписывалось основание древнехеттской династии, мы знаем лишь из позднейших известий, особенно из краткого сообщения его отдаленного потомка Телепинуса. Оно гласит дословно то же самое, что и приводимое несколькими строками ниже сообщение о его преемнике Хаттусилисе I. Хеттолог Г. Оттен высказал на основании ряда данных предположение, что Лапарнас и Хаттусилис I — одно и то же лицо и лишь писцы Телепинуса ошибочно приняли их за двух разных царей. Поскольку Хаттусилис означает по-хеттски «хаттусский», то Г. Оттен полагает, что это прозвище принял Лапарнас после перенесения столицы в Хаттусу. К тому же царица Каттусис называется супругой то Хаттусилиса, то Лапарнаса. Однако предположение Г. Оттена не принято другими хеттологами; вероятно лишь то, что Хаттусилис первоначально действительно было не именем, а прозвищем. Так как Хаттусилис I в любом случае первый хеттский царь, о котором мы знаем что-либо конкретное (кроме очень ненадежных сообщений о его предшественнике Лапарнасе), то изложение надо, очевидно, начинать с него.

О Хаттусилисе более поздний текст царя Телепинуса рассказывает так: «Затем царил Хаттусилис. Его сыновья, его братья, его родичи, его свойственники (?), а также его воины были объединены, и, куда он ни отправится в поход, там он держал ту вражескую страну покоренной сильною рукой: он разорял страну, он страну обессиливал. Он оттеснял их к морю **. Когда же он возвращался из похода, каждый его сын шел (правителем) в какую-либо страну; великие города находились в его руке». То же самое перед этим говорится, как мы упомянули, и о Лапарнасе, но в данном случае еще прибавляется, что сыновья Хаттусилиса правили городами Хуписна, Туванува, Ненасса, Ланда, Цаллара, Парсуханда и Лусна (точно так же как сам Хаттусилис при жизни своего отца, по-ви-

* До него в Куссаре правил еще один царь, имя которого не установлено. Предполагается, что имя «Лапарнас» и титул «тапарнас» восходят к одному и тому же слову хаттского языка, где был особый звук типа *тл*. Возможно, что существовал правитель с именем Тлапарнас, от которого произошел и титул, заимствованный хеттами в форме «тапарнас», и имя собственное Лапарнас. Примеры превращения имен собственных в титулы в истории человечества обычны, например «кайзер» и «царь» — из латинского имени собственного Caesar (Кесарь, Цезарь), «король» из латинской формы немецкого имени собственного императора — Carolus (Карл). Но возможно, что Лапарнас с самого начала было только титулом, употреблявшимся вместо какого-то другого имени собственного; так, по-видимому, думает хеттолог Г. Г. Гиоргадзе.

** Досл. «Он делал их (пределами) пределы моря».

димому, правил городом Санахвиттасой). Из них Хуписна (античная Кибистра) и Туванува (античная Тиана) лежали в полосе между Киликийским Тавром и излучиной Галиса; Парсуханда — это Пурушханда, или Пурушхаттум, важный город на равнине, в стороне озера Туз; Ненасса лежала, видимо, еще далее к северо-западу. Если прибавить к этому Куссару, Несу (=Каниш) и саму столицу Хаттусу, то будет видно, что первые цари Древнехеттского царства осуществляли владычество примерно от центра полуострова Малая Азия и на восток, до его горных окраин, остававшихся за пределами их владений. Но из позднейшего договора между хеттским царем Муваталлисом и Алаксандусом, царем Вилусы (Трои?), видно, что Лапарнас (т. е. Хаттусилис I?) добирался и до этого отдаленного уголка Малой Азии, уже тесно связанного с Балканским полуостровом.

От Хаттусилиса I дошли и собственные весьма интересные тексты. Один из них, аккадско-хеттская билингва, представляет собой описание его деяний, главным образом военных; этот текст как бы зачаток позднейших анналов хеттских, ассирийских и урартских царей. Хаттусилис говорит о походе на важное царство Арцава, которое надо искать в (юго?)-западной части Малой Азии и которое включало в свою сферу влияния также и Вилусу, т. е., возможно, Трою. (Хеттские цари правили всей этой территорией не непосредственно, а путем подчинения местных царей или сажали в каждый город-государство своих родичей.) Если не считать этого и еще двух походов (один из них опять в Арцаву), все военные кампании Хаттусилиса I были направлены в Северную Сирию; среди захваченных и разрушенных городов сначала числятся Алалах (Телль-Атшана на нижнем Оронте) и Уршу (около современного Газиантепа); Халеб не был завоеван, но его войска были разбиты у Аманусских перевалов, а затем Хаттусилис покорил Царуну, Хашшу (Хассува, около современного Арабана), Циппасну и Хахху (севернее большой излучины Евфрата, около современного Самсата). Хеттский царь хвастает, что он первым из царей после Саргона аккадского перешел здесь Евфрат и что Хахху не удалось сжечь даже Саргону, между тем как он, Хаттусилис, не только сжег Хахху, но и запряг царя этого города в повозку.

При взятии крепостей применялись стенобойные тараны. Однако Хаттусилису I в Сирии не всегда сопутствовали одни только успехи; по словам его собственной надписи, пока он был в Арцаве, «враг из страны Ханигальбат» (Митанни) перевалил Тавр и вступил в Малую Азию, так что все «страны» полуострова отложились от Хаттусилиса, кроме столицы Хаттусы. Но этот распад царства был временным. Принято считать, что под «Ханигальбатом» здесь разумеется не государство Митанни, которого, как думают, в конце XVII в. до н. э. еще не было, а вообще какие-то хурритские воинские силы из-за Евфрата, призванные на помощь против хаттусцев сирийскими и малоазийскими городами. Однако, как установлено советским ученым Г. М. Аветисяном, речь, по-видимому, идет действительно о Митанни *.

Поход против Хашшу был описан и в более подробном повествовании, где, между прочим, упомянут и известный из алалахского архива военачальник Халеба Цукрасис (Зуграши), а также Цалутис (Залуди), вождь «войска Манды» (Умман-Манда). Этот термин, то и дело появляющийся в клинописной литературе разных эпох, остается загадочным. «Войско Манды» издавна было полубаснословным наименованием свериого, подвижного,

* Предполагалось, что аккадский текст билингвы, содержащий название «Ханигальбат», относится к более позднему времени (хеттскому Новому царству). Однако произведенный Г. М. Аветисяном анализ языка текста показал, что он относится примерно ко времени самого Хаттусилиса I.

«варварского» народа — то одного, то другого, в зависимости от исторических условий. В поздние времена им называли то киммерийцев (а может быть, и скифов), то мидян; но кто им обозначался первоначально, остается неизвестным. Э. Форрер полагал, что при хеттах это было индоиранское, якобы коневодческое племя, но его предположение осталось недоказанным *.

Северная Сирия конца XVII в. до н. э. была страной более богатой, чем Малая Азия; неудивительно, что здесь помимо обычных стад Хаттусилис захватил много серебряных скульптур и других ремесленных изделий, которыми затем украсил строившиеся им храмы.

Государство Хаттусилиса было весьма рыхлым образованием; даже на важнейших государственных чиновников и военачальников он не всегда мог полагаться: до нас дошли известия об их изменах и о понесенных изменниками жестоких наказаниях.

Весьма интересно сохранившееся политическое завещание Хаттусилиса I, записанное по-аккадски и по-старохеттски, когда он лежал больной в Куссаре. Согласно завещанию, от наследования отстранялись два его мятежных сына и дочь, а также назначенный самим Хаттусилисом племянник (сын его сестры) Лапарнас II. Все они были отправлены в ссылку, а своим «сыном» и наследником Хаттусилис сделал Мурсилиса — по-видимому, своего внука; право его на наследование престола должен был утвердить *панкус*. Это было первоначально, вероятно, народное собрание всех воинов, но затем, по мере разрастания государства, оно превратилось в совет, включавший граждан-воинов столицы Хаттусы, а также всех мужчин — родичей царя и важнейших царских военных и административных должностных лиц, которые нередко также были его родичами. Судя по всему, первоначально в полномочия именно панкуса входил выбор царя (вероятно, из членов одного определенного рода). Хаттусилис I обращается к Мурсилису и к панкусу с такими словами: «Блюди слово отца! Пока ты будешь так поступать, ты будешь ес[ть хлеб] и пить воду. Когда (для тебя) наступит возраст зрелого мужа, ешь дважды и трижды в день и заботься о себе! [Но лишь] когда старость западет тебе в сердце, то пей досыта. А вы будете моими верховными слугами — и мои, царя, слова вы должны [соблюдать],— тогда вы будете есть хлеб и пить воду. [Тогда] возвысится [город Хатт] уса, и страна моя упо[коится в мире]! Но коль вы не станете соблюдать слово царя, то вы не останетесь в живых...» Хаттусилис наказывает своим ближайшим сановникам воспитывать наследника в строгости, а вельможам, гражданам Хаттусы и других городов запрещает наговаривать друг на друга перед царевичем.

Мурсилис I продолжил дело Хаттусилиса. По сообщению дошедших до нас исторических текстов, он «отомстил Халебу за кровь своего (приемного?) отца» (возможно, раненного в бою с халебскими войсками, когда он, по словам того же текста, «покончил с достоинством великого царя», которым до тех пор обладал правитель Халеба); царство Халеб было при Мурсилисе I вовсе упразднено (хотя позже оно восстановилось), и им были разрушены «все» города хурритов. По сообщению текста Телепинуса, Мурсилис «разрушил Хальпу (=Халеб) и доставил пленных и имущество Хальпы в Хаттусу; затем он пошел на Вавилон и разрушил Вавилон **; он побил хурритов и удержал пленных и имущество Вавилона в Хаттусе». Однако, как уже упоминалось, главный трофей — статуя вавилонского

* Во всяком случае, это не могло быть первичным значением термина «войско Манды», поскольку он появляется уже в эпических песнях круга Саргона Древнего — Нарам-Суэна, восходящих еще к концу III тысячелетия до н. э.

** По мнению Г. Оттена, поход на Вавилон был как бы актом, означавшим унаследование Хеттским царством традиций Халеба (Ямхада), так как это царство само имело претензии на гегемонию над Вавилоном.

бога Мардука в Хаттусу не попала, а осталась в Хане на Евфрате, может быть, в связи с ударом хурритов по отходящим войскам Мурсилиса.

В результате заговора некоего Цитандаса (или Цитанца), а также Хандилиса, зятя (?) Мурсилиса, царь был убит. В Хеттском царстве наступила полоса упадка и постоянно следовавших друг за другом заговоров и цареубийств.

Здесь мы подходим к важному вопросу о порядке престолонаследия в Древнехеттском царстве — проблеме, которой занимались Г. И. Довгяло, К. К. Римшнейдер, Г. Г. Гиоргадзе и др. До сих пор мнения на этот счет расходятся. Как нам кажется, первоначально царский престол (еще по хаттскому обычаю?) должен был переходить (как и в Эламе и, возможно, в Египте *) через царскую дочь к ее сыну. Вспомним, что у автохтонов Малой Азии, по данным торговых документов из Каниша, рядом с правителем-рубаум всегда стояла почти не уступавшая ему по культовому и политическому значению правительница-рубатум и что, по обычаю хурритов, каждая община тоже имела свою «женщину-царя», отождествлявшуюся с шумеро-аккадской жрицей-энтум, участницей обряда «священного брака». Поэтому, по-видимому, было важнее, чтобы царем (а ведь он магически олицетворял в своей персоне все материальное благополучие страны) был не столько сын правителя, сколько сын дочери правителя; конечно, старались, чтобы ее мужем был член царского рода, возможно, даже ее брат. Однако в то же время в условиях патриархальной хеттской семьи кровнородственных браков старались избегать, к тому же в стране вообще существовал совсем другой принцип наследования, соответствовавший патриархальным порядкам, а именно патрилинейный; в царской семье этого принципа придерживались уже Питханас и Аниттас. Сам Хаттусилис I был сыном брата Тавананнас, царицы, упоминаемой списками поминальных жертвоприношений как родоначальница династии; на сестре мужа Тавананнас, вероятно, был женат Лапарнас I, и, подобно тому как он, кажется, передал свое имя всем будущим хеттским царям в качестве титула (в форме тапарнас), так Тавананнас передала свое имя в качестве титула будущим хеттским царицам, являвшимся верховными жрицами (не всякая жена царя была *тавананнас*, так как этот титул был пожизненным и его могла носить и вдовствующая царица; тавананнас имела свой двор, доходы и играла важную культовую и политическую роль, на какую не могла полностью претендовать молодая царица). Поскольку в титулатуре Хаттусилиса подчеркивалось, что он сын брата Тавананнас, ясно, что именно с ее личностью были связаны его права на престол; при этом из ряда соображений вытекает, что он, вероятно, не был сыном Лапарнаса I. Следующим царем должен был бы быть сын сестры Хаттусилиса Лапарнас II как ближайший родич очередной тавананнас; но Хаттусилис отстранил его и передал престол своему «сыну» (точнее, по данным XIII в. до н. э., внуку — сыну дочери и своему приемному сыну) Мурсилису I, видимо, в нарушение правил, почему и потребовалась поддержка панкуса.

Дальнейшие события происходили под знаком борьбы между патрилинейным принципом наследования престола и принципом наследования его через сестру царя, дочь царского рода. После убийства Мурсилиса I на престол взошел Хандилис, женатый на царице Харапсилис **. Ханди-

* Этим, по мнению М. Э. Матье, объясняются браки между фараонами и их сестрами — такие браки были в Египте почти правилом,— а иногда даже между фараоном и его дочерью.

** Текст Телепинуса говорит, что Хандилис взял в жены супругу Мурсилиса, что вполне возможно, так как для своей легитимации Мурсилис должен был быть женат на близкой родственнице. Однако в поминальных списках жену Мурсилиса (первую?) зовут Калис, а не Харапсилис. Большинство хеттологов видят в тексте Телепинуса описку (знак «жена» очень похож на знак «сестра»). Во всяком случае, вероятно, что женщина, взятая в жены Хандилисом, была жрицей-тавананнас. Раз-

лис, не будучи сыном царской дочери (он был чашником), по-видимому, не принимал царского титула, действуя как регент вместо своего сына (или сына своей жены) Кассениса (или Писениса). После смерти Хандилиса Кассенис и его родичи были умерщвлены Цитандасом, убийцей Мурсилиса I, женатым на дочери Хандилиса и Харапсилис. Однако сын Цитандаса Аммунас, вероятно желая противодействовать принципу наследования престола не сыном царя, а мужем или сыном его дочери, «взошел на престол своего отца», убив его. Жена его в списках жертвоприношений названа тавананнас, поэтому можно думать, что она была царевной. Ему наследовал Хуццияс, родство которого с предыдущими царями не указано; К. К. Римшнейдер полагает, что он был сыном сестры Аммунаса, устранившим его сыновей (?) и их потомство. Сам Хуццияс был низложен Телепинусом, мужем своей старшей сестры Стапарияс, тоже имевшей права тавананнас. Вероятно, Телепинус был оставшимся в живых сыном Аммунаса, так как он дал это же имя своему сыну. В связи с новой попыткой переворота, в которой погиб этот его сын, Телепинус издал «Указ», в котором изложены все события царского дома начиная с Лапарнаса I.

Главным содержанием «Указа» Телепинуса, воцарившегося после периода смут (около 1500 г. до н. э.), было установление твердого порядка престолонаследия. Как доказал Г. Г. Гиоргадзе, теперь первым наследником престола считался старший сын царя, в случае его смерти — остальные его сыновья (в том числе и от наложниц) и лишь в отсутствие сыновей — муж его старшей дочери. Таким образом, дочери и сыновья дочерей царя совершенно устранялись от прямого престолонаследия, а муж дочери царя (только старшей) хотя и мог призываться к наследованию, но лишь в случае вымирания всей мужской линии царского дома. Итак, окончательно устанавливалось только патрилинейное наследование престола, и притом с правом на наследование его лишь старшим из живых сыновей царя. За панкусом и вельможами страны (*на́ккес*) было оставлено только формальное право утверждения нового царя.

Вторым важным нововведением в «Указе» Телепинуса было запрещение царю предавать смерти кого-либо из остальных членов царского рода. Приказав умертвить родных, сам царь подлежал бы суду панкуса и мог быть предан смерти. В случае серьезной вины кого-либо из членов царского дома тот тоже подлежал суду панкуса, причем особо оговаривался принцип только личной ответственности: члены семьи виновного не должны были подвергаться каре или лишаться имущества. Все эти постановления Телепинус представил на утверждение панкуса.

Весьма вероятно, что дошедший до нас текст Хеттских законов (таблица I, а может быть, и II) также относится ко времени Телепинуса.

О внешнеполитической истории Хеттского царства от Мурсилиса I до Телепинуса мы знаем следующее.

Хандилис, преемник Мурсилиса I, пытался поддерживать власть хеттов в Сирии, но хурриты сами совершили вторжение в Малую Азию, причем царская жена Харапсилис и ее дети были уведены в Сирию, в город Шуксию, где она и умерла. При Хандилисе же пришли в движение и стали наступать на Хеттское царство племена каска. Именно в это время они, по-видимому, навсегда отрезали хеттов от Черного моря, и прежнее утверждение древнехеттских царей об их владычестве от моря до моря в новохеттских текстах не повторяется. Хандилис был вынужден срочно укреплять хеттские города, в том числе и Хаттусу, однако ряд важных городов, как, например, культовый центр Нерик, были потеряны, хотя Ханди-

рушенный текст, говорящий о ее похищении в Шуксию и ее болезни там, в дальнейшем упоминает (о ней же?) как о «царице Шуксии»; не показывает ли это, что в отсутствие Харшсилис Хандилис взял себе другую жену и это и было поводом для вторичного заговора Цитандаса?

лис и не дал каска перейти реку Кумесмаха (современный Чекерек?). При Аммунасе хетты продолжали терпеть поражения и потеряли еще ряд городов и областей, в том числе Арцаву, на западе полуострова.

Поминальные списки царей не называют ни Цитандаса, ни Хуццияса как предшественников Телепинуса, зато упоминают других (?) — Хандилиса, Цитандаса и Хуццияса — п о с л е Телепинуса и его преемника Аллувамнаса. Хеттологи расходятся во мнениях: в то время как одни (например, Г. Оттен) видят в них Хандилиса II, Цитандаса II и Хуццияса II, царей Среднехеттского царства, другие (например, А. Камменхубер) отрицают само существование Среднехеттского царства и предполагают ошибку составителей поминальных списков, считая, что в них имеются в виду все те же Хандилис I, Цитандас I и Хуццияс I.

По-видимому, на XVI в. до н. э. падает консолидация лувийско-хурритского царства Киццувадна со столицей в Кумманне (Комане Катаонской), вполне самостоятельного и граничившего на юге с Мукишем-Алалахом на нынешнем Оронте и на севере с Хеттским царством. Дошел ряд договоров с царями Киццувадны: Идри-Ми, царя Алалаха (самого конца XVI в. до н. э.?), с Пиллией и хеттских царей: Телепинуса — с Ишпудахшу (Спутахсусом), сыном Париявадриса, Цитандаса — с тем же Пиллией (Паллиясом), а также неизвестных древнехеттских царей — с Эхеей и с Паттадишшу (Паттатиссусом); хронологический порядок этих договоров неясен, однако Пиллию трудно датировать раньше Телепинуса.

Цари Киццувадны пользовались хеттским (лувийским) иероглифическим письмом на своих печатях (древнейшая найденная печать относится, возможно, еще к XIX—XVIII вв. до н. э., однако неизвестно, принадлежала ли она царю и какого именно царства); начиная с Телепинуса такие же печати стали применяться и в Хеттском царстве, однако вначале лишь с символическими, а не с собственно письменными знаками.

Несмотря на восстановление царства Киццувадны, хеттские цари продолжали попытки удержать в своих руках узел дорог в Северной Сирии; так, Телепинус ходил походом на Хашшу и на Лавацантию (Лухуццантию, по-видимому, на дороге от Тамалкии, в горах Тавра, на Хахху). Однако усиление не только Киццувадны, но и государства Митанни в XV в. до н. э. вынудило хеттов прекратить эти попытки.

3. Хеттское общество и законы

Об устройстве хеттского общества мы знаем отчасти из сборников законов (по-видимому, конца Древнехеттского царства), о которых мы расскажем подробнее немного ниже, а также из некоторых других письменных памятников: должностных инструкций чиновникам, жрецам и военачальникам, договоров с другими государствами, которых сохранилось довольно много, царских пожалований и т. п. Частноправовых документов из Хеттского царства не дошло, как предполагают потому, что такие документы составлялись на деревянных дощечках иероглифическим письмом и до нашего времени не смогли сохраниться; однако вполне возможно, что частные акты могли совершаться и устно.

Как и в других странах древней Передней Азии, земля делилась на государственный фонд («царскую землю») и общинный фонд. Государственный фонд лишь в меньшей части представлял собой имения, специально обслуживавшие нужды царя-тапарнаса, царицы-тавананнас, царевичей и т. п. Значительная его часть была выдана так называемым «каменным домам», или «домам каменной (печати)» — заупокойным храмам царей (про царя нельзя было сказать, что он «умер», говорилось: «стал богом»). Но наибольшая часть земельного фонда была раздана в качестве

условных служебных наделов царским чиновникам, военачальникам, ремесленникам и т. п. Условием держания такого надела была царская служба — *саххан*.

Вся «царская земля», в чьем бы владении и пользовании она ни была, возделывалась работниками типа «илотов», которых хетты в отличие от вавилонян и даже шумеров, всегда терминологически отличавших их от рабов, прямо называли «головами рабынь и рабов» или «царскими рабами», хотя писцы иногда пользовались и вавилонским термином «мушкену». Так как начало хеттской истории нам почти неизвестно, то мы не можем сказать с точностью, каково было происхождение этой категории трудящихся; например, играло ли тут роль порабощение населения одного города царем и войском другого, или же создание «царских рабов» было результатом социальных процессов внутри одной и той же общины. Не подлежит никакому сомнению и подтверждено десятками текстов, что «царские рабы» пополнялись — и, чем дальше, тем больше — также из числа людей, захваченных во время походов (*арнувалас*, или, в обычном шумерском написании внутри хеттского текста, *нам-ра*). При этом имеются в виду не военнопленные, которые обычно умерщвлялись, а мирное население завоеванных областей. Однако не следует думать, что каждый пленный автоматически становился «царским рабом»: судьбы пленных, как мы увидим, могли быть весьма различными.

Нам ничего не известно, запрещалось ли «илотам» покупать или иначе получать землю в общинах и тем самым приобретать гражданские права; царские служащие высшей категории («люди саххана») это делали сплошь и рядом, а надо подчеркнуть, что резкой черты противопоставления между царскими служащими и «илотами» не делалось: обработка земли или пастьба скота точно так же была саххаком «илота», как служба ремесленника или чиновника была его саххаком, и все «люди саххана» без исключения противопоставлялись «свободным» («свободными», букв. «чистыми», назывались лица, освобожденные от царской службы или повинности; включала ли эта категория граждан-общинников, недостаточно ясно).

Однако часть «илотов» была на другом положении. Из некоторых пленных (по-видимому, собственно военнопленных, аккад. *аси́рум*, хетт. *хиппарас*, мн. ч. *хиппарес*) создавались искусственные общины поселенцев на земле (*твикканц*). Всякая заключенная с хиппарасом частноправовая сделка считалась недействительной, и в случае причинения хиппарасом кому-либо вреда иск должен был направляться не к нему лично, а к твикканцу (Хеттские законы — сокращенно ХЗ, I, § 48, 49). Это лишало хиппараса возможности улучшить свое материальное положение, но в то же время (в интересах государства) охраняло его от полного разорения; в частности, ему нельзя было давать в долг, но зато нельзя было брать в залог его сына, поле или виноградник.

Среди «людей саххана» вообще существовал целый ряд резко отличавшихся друг от друга категорий. Так, граждане Хаттусы — столичной и, в сущности, привилегированной общины, члены панкуса — именно в силу своей надежности непрерывно призывались на военную службу, так что она из обычной повинности ополчения фактически превратилась для них в постоянную службу — саххан. Они пожаловались одному, не названному в законах по имени царю Хеттского царства на это приравнивание их к непривилегированной части населения, и он повелел уплачивать им жалованье за военную службу, на что ранее имели право лишь наемники. В качестве таких воинов, служивших не за надел и не по повинности *,

* Трудные параграфы 54—55 Хеттских законов толкуются другими исследователями иначе, чем предложено нами.

т. е., очевидно, нанимавшихся за плату (ХЗ, I, § 54—55), называют «воинов племени Манда», «воинов племени Сала» (по-видимому, живших на Армянском нагорье), а также воинов городов Тамалкия, Хатра, Цальпа, Тахсиния и Хемува; из них Тамалкия находилась у северного перевала через Киликийский Тавр, а Хемува, вероятно, западнее озера Ван, Цальпа скорее всего у Черного моря; таким образом, речь идет о людях окраинных городов и племен или даже находившихся вообще вне сферы влияния Хеттского царства.

От периода конца Древнехеттского царства и начала Новохеттского нам известны довольно многочисленные случаи пожалования больших участков царского земельного фонда отдельным сановникам, жрицам и т. п., а в одном случае — даже городской общине Хаттусы, причем вместе с орудиями труда и скотом, а также с сидевшим на этой земле подневольным населением, и не только пахарями, но и ремесленниками разного рода; право получения их саххана передавалось, таким образом, царем тем лицам, которых он жаловал землей. По актам передачи выясняется, что подневольные работники пользовались при этом не только рабочим скотом *пирсахханас,* т. е. казенным, но имели и свой личный скот и другое имущество, которое, однако, царь передавал новому владельцу вместе со всем прочим, из чего можно заключить, что и это не было их собственностью, но лишь пекулием и что работники царского земельного фонда были лишены собственности на средства производства — во всяком случае, в пределах этого фонда.

Ясно, что лица, получившие пожалование, фактически оказывались в более выгодном положении не только чем царские служащие, из среды которых они вышли, но и чем общинники. По-видимому, в целях сохранения своей личной власти над ними хеттские цари продолжали выдавать им довольствие («хлеб со своего стола»), что вынуждало их к дальнейшему несению саххана (ХЗ, I, 47а).

Акты передачи сформулированы как акты дарения, т. е. как бы предполагают, что пожалованная земля становилась собственностью нового владельца: «Арнувандас, великий царь, Асму-Никаль, великая царица, Тутхалияс, царевич-наследник, забрали (это имущество) и отдали Куваталлас, „женщине с косой“ *, как дар. Кто бы то ни был, никто не может предъявить иск к сыновьям и внукам Куваталлас. Слово тапарнаса Арнувандаса, великого царя, Асму-Никаль, великой царицы, и Тутхалияса, царевича-наследника, железно: никто не может его ни отвергнуть, ни поломать: кто (его) изменит, тому отрубят голову». Тем не менее есть основание подозревать, что цари не считали такую землю вполне выбывшей из «царского» земельного фонда; по крайней мере в соседнем с Хеттским царством Угарите сформулированные точно таким же образом акты приходилось в некоторых случаях возобновлять при вступлении на престол нового царя. Однако, по-видимому, пожалованную землю можно было свободно отчуждать, в то время как поле, связанное с саххаром, можно было передавать другому лицу (за долги или иначе) только при условии передачи вместе с тем и самой службы. Выморочная земля «человека саххана», если у него не было потомства, возвращалась царю.

На особом положении находились храмовые земли. Существовали целые священные, храмовые города, однако о статусе их населения мы, к сожалению, практически ничего не знаем. Служба целого ряда жрецов (например, в городах Нерике, Аринне и Ципланде) считалась их саххаром, но перед судом возникали разногласия, в какой мере общегосударственной повинности *луцци* подлежат члены их ближайшей семьи, а также

* По-видимому, титул жрицы; в Месопотамии косу носили кезерту — жрицы-блудницы.

и их более отдаленные родичи; ХЗ (I, § 51) * предписывают расширительное толкование. Саххан, предназначавшийся храмам, не должен был использоваться царем для светских нужд, например в виде военной службы. Подробнее нам известно положение населения, отписанного на заупокойные храмы («каменные дома»). Так, по указу царицы Асму-Никаль (XV в. до н. э.) «селения, отданные „каменному дому", работники, отданные ему, пахари, пастухи крупного и мелкого скота, которые отданы ему, люди *сарéквас,* принятые в него,— все они отданы „каменному дому" вместе со своими домами (= семьями) и селениями; и привратники, которые ранее были отданы „каменному дому", будут тоже свободны от (другого) саххана и (общей) повинности... И отныне никто не может их вызывать (на повинность), ни нанимать (у этих людей) крупный и мелкий скот, и они будут от всего свободны. Если кто-либо из „каменного дома" совершит достойное смерти преступление, то только он должен умереть, а его дом останется „каменному дому". Можно отдавать людям „каменного дома" (дочерей) в невестки, а оттуда никто в будущем не может отдавать сына или дочь в зятья или в невестки **. Поле, рощу, огород, виноградник и „души" (из) „каменного дома" никто в будущем не может покупать». Таким образом, все имущество храма и, как нам представляется, также его персонала *** было абсолютно неотчуждаемым. Однако статья I § 52 законов предусматривает возможность того, что раб «каменного дома» или царевича и другие подобные лица могли приобретать свободную землю в общине (участок «военнообязанного», о котором см. ниже).

Хеттские законы, говоря о правовом положении подневольных лиц, по-видимому, не делают различия между частным рабом, например из числа пленных, доставшихся на долю отдельного воина при дележе добычи, и рабом-«илотом», находящимся во власти царского служащего в порядке дарения части царского земельного фонда или иначе. Раб мог заключать брачный договор и жениться на женщине не рабского статуса, а некоторые особо привилегированные рабы могли даже выдавать дочь за нераба ****. Если же такой раб (имеется в виду царский «илот», I, §35) похитит женщину не рабского статуса для сожительства, то она считается временной рабыней (на три года). Брачные союзы нераба с рабыней и раба с нерабыней не воспрещались, но они были беспрепятственно расторжимы, причем после расторжения сторона, имевшая рабский статус, могла претендовать на одного ребенка, остальные включались в долю нерабской стороны (так, по-видимому, надо понимать ХЗ, I, § 31—33). За причинение вреда раб платил меньшее возмещение, чем нераб в подобном же случае; это объясняется тем, что возмещение ложилось фактически на его владельца, хотя раб мог расплачиваться и из своего пекулия. В отличие от других законов и обычаев Передней Азии ХЗ (II, § 194) прямо указывают, что отец и сын имеют право жить с одной и той же рабыней или блудницей и один и тот же неподвластный мужчина может спать с рабынями — матерью и дочерью или вообще находящимися в ближайшем родстве.

По мнению многих исследователей, положение рабов у хеттов было лучше, чем в других странах Ближнего Востока; это даже пытались объ-

* Нам известен от XIII в. до н. э. документ о дарении земли с людьми царицей-тавананнас Пудо-Хебой храму богини загробного мира Лельванис. Состав этих храмовых владений ничем не отличается от царских.

** Потому что это означало бы уменьшение численности персонала «каменного дома» и его имущества, которое пошло бы на брачный дар или приданое.

*** Это означало бы, что имущество членов персонала «каменного дома» только их пекулий, а не собственность.

**** Речь идет о рабе-мытаре и управляющем (шумер. *абриг*) и о рабе-гуртовщике (шумер. *сипа[д]-нгу[д]*).

яснить расовыми причинами (хотя, конечно, тот факт, что хетты говорили на одном из индоевропейских языков, не указывает на их расу). Однако если мы учтем, что ХЗ включают в понятие «рабы» и тех лиц, которых Законы Хаммурапи относили к категории мушкенум, то мы должны скорее сделать следующий вывод: положение эксплуатируемых трудящихся было в Хеттском царстве хуже, чем в Вавилонии. Конечно, мы здесь имеем дело с ранней стадией рабовладельческого общества — во многом более архаичной, чем Вавилония времен Хаммурапи,— и с патриархальным рабством, когда раб еще не полностью лишен черт субъекта права; тем не менее никаких оснований выделять хеттское общество среди других рабовладельческих обществ как особо гуманное решительно нет.

Но основную массу населения хеттского общества, без сомнения, составляли члены территориальных общин вне царского земельного фонда (*хаппирас, аккад. алум*). Во главе такой общины, по-видимому, стоял особый орган *(куле)*, возможно тождественный совету старейшин *(мияхантес)*; с царской администрацией общину связывал «представитель» (шумер. *машким* — неясно, выборное лицо или же царский чиновник). Члены общины могли нести круговую поруку, отвечая за совершенное на их территории преступление (ХЗ, III, § 4). Хозяйственными и, вероятно, фискальными единицами внутри территориальных общин были «дома» *(пир)*, т. е. семейные или большесемейные общины; каждая имела свой коренной земельный фонд, носивший уже в древнехеттское время хурритское название *ивару* (из хурр. **эвро*). Во главе ее стоял патриарх — «господин ивару» *(иварувас исхас)*; входили в пир прямые потомки патриарха по мужской линии до третьего колена, их жены, дети и рабы, а также незамужние дочери. Иногда, чтобы не дробить имущество, в пир принимали мужа дочери — примака *(антиянц)*. Только патриарх имел право распоряжения недвижимостью-*ивару* и, вероятно, ведал распределением доходов внутри семьи.

В возмещение за увод женихом работницы из отцовского дома за невесту сам жених или его семья платили ее отцу выкуп — *кусата;* в случае отказа семьи невесты от сговора эта семья уплачивала жениху выкуп-кусата вдвойне, а в случае отказа жениха он терял уплаченный выкуп. ХЗ (I, § 28) предусматривают и возможность брака путем похищения (т. е. по сговору с невестой помимо ее родителей); муж-похититель должен был лишь возместить выкуп-кусата первоначальному жениху, иначе тот имел право взять себе возмещение силой. Такие похищения иногда приводили к побоищам между сторонниками обоих претендентов на девушку и ее родичами; но закон запрещал мстить или требовать возмещения за убийство, совершенное как во время таких побоищ, так и во время тяжб перед судом (I, § 37—38). При выходе замуж невеста в принципе имела право на долю в ивару отцовского дома, но на самом деле она получала не часть недвижимости, а лишь возмещение своей доли в ней в виде движимого имущества. С момента перехода невесты в дом мужа вся та часть приданого, которую успели уплатить, переходила в собственность дома мужа и не могла наследоваться родичами жены даже в случае ее смерти бездетной. Передача девушки в семью мужа была необратимой: в случае смерти ее мужа она обязана была вступить в новый (левиратный) брак с его братом, а если братьев не оставалось — с его отцом; затем уже брак вдовы с сыном брата ее покойного мужа был не обязателен, хотя и не запрещен,— очевидно, дело отдавалось на решение патриархальной семьи. Для левиратного брака не требовалось, чтобы новый муж не имел уже к этому моменту своей собственной жены. Помимо того в семье могли быть и женщины-пленные; сожительство с ними — даже с матерью и дочерью сразу — не вменялось в вину (ХЗ, II, § 193, 200а). Царская семья была создана на точно

тех же началах, что и у среднеассирийских царей (см. выше); мало того, сам среднеассирийский царский двор, видимо, был организован в подражание хеттскому. Это еще раз показывает господство патриархальных семейных порядков у хеттов, и, таким образом, матрилинейный принцип наследования престола не должен здесь (как и в Эламе и, вероятно, в Египте) связываться непосредственно с первобытным матернитетом.

Как и в других странах Ближнего Востока II тысячелетия до н. э., в хеттском обществе происходило имущественное и социальное расслоение общинников. Хотя вследствие отсутствия частноправовых документов нам неизвестны подробности этого процесса, однако мы знаем, что бедные родичи могли привлекаться в качестве «людей доли» в чужое хозяйство, существовали кабальный кредит с отдачей в залог земли или детей должника (ср. ХЗ, I, § 48—49) и «оживление в беде», известное нам уже по среднеассирийскому обществу (ХЗ, II, § 57 или 172); любопытно, что объектом такого «оживления» мог быть и «царский раб».

Платили ли общинники коренной хеттской области какие-либо натуральные налоги, неясно; области покоренные были обложены налогами в пользу не только царя, но иногда и его родичей и различных сановников. Кроме того, все население Хеттской державы, как на общинной, так и на царской земле, подлежало повинности — луцци; тягловой единицей являлось каждое ивару. При продаже семейно-общинной земли луцци оставалось за продающей стороной до тех пор, пока хотя бы часть ивару оставалась в руках семьи; лишь в случае продажи всего семейно-общинного фонда обязанность нести луцци с этой земли переходила к покупателю. Характер повинности-луцци в каждом отдельном случае определялся царем или назначенными им властями; наиболее важным луцци тех, кто не нес саххана, была, как мы предполагаем, всеобщая воинская обязанность — участие в ополчении, затем различные строительные и некоторые сельскохозяйственные работы на царское хозяйство (например, сбор винограда).

От постройки крепостей во время военных походов царя и сбора винограда не освобождались царские медники-оружейники и царские виноградари, хотя они, видимо, не привлекались к воинской службе.

Однако, поскольку царям вменялось в обязанность ежегодно проводить военные походы, очевидно, каждый год отрывать работников на войну с каждого ивару было невозможно; поэтому территориальные общины (а может быть, и отдельные крупные патриархальные семьи) выделяли из своего земельного фонда специальный участок для лица, которое несло бы луцци за общину, кроме тех более исключительных случаев, когда требовалась действительно всеобщая мобилизация на повинности. Держатель такого специального участка (обычно таким лицом бывал ремесленник, вероятно, потому, что его отсутствие в общине меньше нарушало сельскохозяйственный производственный цикл) назывался «военнообязанным» (букв. «человеком оружия»). В помощь ему — из родичей или чужаков — имелся «человек его доли», который мог его подменять во время его отсутствия в походе. В случае желания разделить хозяйство «военнообязанный» мог взять себе 70% движимого имущества (например, 7 рабов из 10; число рабов в хозяйстве хетта, как видим, было немалым), а «человек его доли» — 30%. Если же они делили не специальный служебный надел «военнообязанного», а хозяйство на наследственной или подаренной царем земле, то норма раздела была 2 : 1. Царь считал «военнообязанных» царскими людьми; их наделы вписывались в кадастры царского земельного фонда, и, в случае если такой надел становился выморочным, царь мог посадить на него своего «илота»-пленного (арнувалас; разумеется, становясь воином, он переставал быть «илотом»); если царь этого не делал, земля возвращалась территориальной общине. С течением времени

царь стал налагать на «военнообязанных» помимо луцци также и саххан, как на всех прочих царских людей *.

От луцци в стране были освобождены лишь некоторые особо привилегированные группы населения, в том числе некоторые категории воинов, ремесленников и жрецов, а также те лица, которых царь вместе с пожалованием им земли освободил и от луцци; по-видимому, именно они занимали высшие должности в государстве и составляли его высшую аристократию; в ХЗ они называются «чистыми» или «свободными» (аккад. *эллум*). Вероятно, они же в качестве одновременно граждан городской общины Хаттусы назывались «господами Хаттусы».

Само Хеттское государство имело рыхлую структуру. Помимо городов и областей, подчинявшихся лично царю, а в период Новохеттского царства — царским наместникам различного ранга, существовали местные полузависимые царства, иногда покоренные хеттами, иногда же специально выкроенные для хеттских царевичей, а также районы, выделенные в управление крупным сановникам. Отношения всех правителей этих полусамостоятельных областей с Хеттским государством были обусловлены письменными договорами и присягой хеттскому царю, в свидетели которой призывались местные и хеттские боги.

В функции царя (*ха́ссус*, также *тапа́рнас*) входило прежде всего предстоять перед богами от лица страны и совершать обряды, магически олицетворяя ее плодородие и благополучие; затем также начальствовать над войском, каждое лето совершая военные походы; возглавлять всю государственную администрацию и осуществлять суд в некоторых важнейших делах, особенно грозивших смертной казнью (следует отметить, что после конца Древнехеттского царства роль панкуса сошла на нет и за ним остались лишь некоторые культовые функции). Почти не менее важной, чем должность царя, считалась должность той царицы *(хассусар)*, которая в то же время была верховной жрицей — тавананнас; она имела широкий круг культовых и политических прав и доходы, независимые от царской казны.

Из государственных администраторов Хеттского царства нам лучше всего известен на основании сохранившейся должностной инструкции ему наместник округа (аккад. *бел маде́лти*). Он имел право единоличного суда над царскими людьми («людьми саххана»), но в делах, касавшихся общин, должен был спрашивать сельскую сходку, а если дело доходило до суда, то судил вместе с общинными старейшинами — миянхвантес. Любопытно, что при этом он должен был исходить из местного обычного права, а не из известных нам Хеттских законов, которые были, видимо, записью специально только права городской общины Хаттусы.

В построении ХЗ явственно сказывается архаизм общества. До нас дошли две более старые таблицы, I и II, обе условно разделяемые на 100 статей каждая (в подлиннике деления на статьи, конечно, нет). Вторая таблица является отдельным и, может быть, слегка более поздним памятником и в то же время продолжением первой по содержанию (поэтому исследователи дают сквозную нумерацию статей по обеим таблицам). Законы восходят, видимо, к относительно позднему периоду Древнехеттского царства **, хотя переписывались неоднократно и позже, причем при переписках в них вносились небольшие изменения в соответствии с менявшимися общественно-политическими условиями. Впоследствии таблица I была несколько переработана; новый вариант известен под обозна-

* Для полноты обзора социального состава Хеттского царства следует упомянуть беженцев из своих общин — хапиру, а также «чужеземцев» (или «автохтонов»?), называемых хурритским термином «луллахе», кроме того, горцев-каска, почти не подчинявшихся хеттскому владычеству.

** Кое-где в них имеются ссылки на еще более старые нормы.

чением таблицы III ХЗ, однако и этот вариант не относится к позднему периоду существования государства.

Хеттские законы кажутся почти вовсе бессистемным собранием казусов, в том числе совершенно тривиальных вроде убиения чужой собаки (I, § 87—89) или такого, например, закона: «Если собака сожрет свиное сало и хозяин сала найдет и убьет ее, а затем достанет сало из ее внутренностей, то возмещения не должно быть». Вероятно, более тщательное исследование сможет обнаружить и в ХЗ какую-нибудь правовую логику.

Именно архаичностью общества и права объясняется то, что за рабом признаются некоторые человеческие права и в то же время в известных случаях допускаются самосуд и кровная месть, а смертная казнь, по крайней мере по самим ХЗ, назначается сравнительно редко, и даже за убийство виновный наказывается не смертью, а только выдачей семье потерпевшего четырех «голов» (это могут быть рабы или члены семьи виновного, смотря по его состоятельности). За убийство тамкара назначается возмещение в 90 сиклей серебра. (Для сравнения отметим, что раб стоил по тарифу 20 сиклей; но семье торгового агента наличные деньги были нужнее рабов.) Интересно, что ХЗ отличают преднамеренное убийство от неосторожного, за которое возмещение вдвое меньше *. Подробно разработаны возмещения за нанесение различного рода увечий.

Карательные нормы составляют, пожалуй, главное содержание Хеттских законов. Смертью караются главным образом: 1) действия, направленные против власти: за разбитую табличку с решением царского суда — уничтожение всего дома виновного, с решением царского сановника — казнь только самого виновного, то же — при похищении символического бронзового копья из ворот дворца, а также в случае восстания раба против своего господина; 2) ритуальные преступления: колдовство, особенно со «смертельным исходом» для околдованного, посев семян на уже засеянное поле и т. п. и 3) половые преступления. За похищение лувийцем хетта «господин дома» этого последнего может в порядке внесудебной расправы поработить весь дом лувийца; за похищение же лувийца хетт должен был сначала уплатить 12, а позже — 6 «голов». Хетт, похитивший у лувийца раба-хетта, должен только возместить его цену в сумме 12 сиклей серебра. Если хетт похитит раба-лувийца у лувийца же, то он должен его вернуть. За возвращение беглого раба поймавшему его уплачивалось небольшое вознаграждение в зависимости от расстояния, с которого он вернул раба. Подробно разбираются различные случаи кражи со взломом, кражи скота, пчел из улья и т. п. и размер полагающегося возмещения (но виновному рабу отрезают нос и уши; если хозяин захочет его получить после этого обратно, он должен дать возмещение — вдвое меньше, чем заплатил бы сам вор, не будучи рабом; если не захочет, то раб-вор достанется пострадавшему).

Законы, что естественно для патриархального общества, стоят на страже устоев семьи. «Наказанию» (*хуркель*, вероятно, смертная казнь?) подвергается человек, «провинившийся» с собственной матерью, или с мачехой при жизни отца, или с женой брата при его жизни, или с собственной дочерью, или с сыном, или с двумя близкими родственницами, если он знал, что они родственницы. Но добровольная связь мужчины с женщиной (даже и родственницей, но, видимо, не находящейся под чужой патриархальной властью) ненаказуема. Однако наиболее важным моментом является обеспечение верности жены. Поэтому за насилие мужчины над женщиной в горах отвечает (по ее жалобе) только мужчина, так как

* Суммы возмещений значительно больше в таблице III ХЗ; это, очевидно, указывает на понижение цены на серебро и рабов в результате завоевательных походов.

она не могла, даже если бы хотела, дозваться помощи; но если виновный «схватит ее в самом доме», то муж вправе безнаказанно убить их обоих, если застанет, или он может привести жену и совиновника на царский суд; если муж произнесет формулу «пусть жена не умрет», тогда оба обвиняемых сохраняют жизнь; если же муж потребует их смерти, то царь может все же их помиловать, но помилованный уже не сможет приближаться к царю, как ритуально-нечистый. Имеется также ряд законов против скотоложества, часто встречавшегося в скотоводческих обществах; здесь также едва ли не главную роль играет момент ритуальной нечистоты, поэтому обсуждается вопрос о казни или помиловании не только виновного человека, но и «виновного» животного.

Весьма большое место в ХЗ занимают тарифы разного рода: оплата за наем людей, животных и хозяйственных предметов, цены при купле этих же объектов, а также мяса и т. п. Как и в случае других древневосточных законов, эти тарифы, очевидно, не являлись обязательными для сторон в сделке, а служили основой для расчетов разного рода возмещений, налагаемых судом при невыполнении сделок. Характерно для высокой роли скотоводства у хеттов, что цена иногда устанавливается не в серебре, а в овцах (цена 1 овцы принимается за 1 сикль серебра). Ничтожная цена назначается за «продажу» поля (9 овец за 1 га поля, если мы правильно оцениваем хеттские меры площади),— как видно, и здесь отчуждение поля не было необратимым. Зато виноградник стоил в 40 раз дороже.

4. Новохеттская держава

Связное изложение истории Хеттского царства эпохи его наивысшего расцвета затруднено нерешенными вопросами хронологии этого периода. Сравнительно недавно выяснилось, что помимо основателя Новохеттской державы Суппилулиумаса I существовал еще и последний хеттский царь — Суппилулиумас II; оба они были сыновьями Тутхалиясов. Путаница еще увеличивается тем, что и порядок правлений, и даже число других царей восстанавливаются различными хеттологами по-разному. Так, если А. Камменхубер считает Суппилулиумаса I братом его предшественника Арнувандаса I и обоих — сыновьями Тутхалияса II, а Суппилулиумаса II и Арнувандаса III — сыновьями Тутхалияса III, то Г. Оттен считает Арнувандаса I сыном Тутхалияса II, а Суппилулиумаса I — сыном Тутхалияса III и Суппилулиумаса II и его брата Арнувандаса III — сыновьями Тутхалияса IV. А так как хетты к тому же своих царей совсем не нумеровали, то даже при наличии в тексте генеалогии нелегко бывает решить, о каком Суппилулиумасе, каком Арнувандасе и каком Тутхалиясе идет речь. Тем самым целый ряд письменных памятников времен Новохеттского царства повисает в воздухе, и события, упоминаемые в них, в зависимости от точки зрения того или иного ученого, переносятся то из XV в XIV в., то из конца XIII — в XIV в. до н. э. или обратно. К тому же одни хеттологи признают существование Среднехеттского царства, другие помещают между Телепинусом и началом Новохеттского царства только одного царя — Аллувамнаса, о котором к тому же ничего не известно. Недавно выяснилось существование «великого царя» Тахурваилиса, но когда он жил — неясно.

Предложен целый ряд способов объективного установления даты того или иного памятника: датировка по характеру клинописного письма, датировка по тем или иным особенностям языка, датировка по орфографическим особенностям, датировка по господству тех или иных культовых влияний в религиозных или религиозно окрашенных текстах (хеттское, палайское, хурритское, лувийское), по именам царей на печатях одно-

именных царей и т. п. Ни один из этих способов не является вполне надежным: характер написания может быть намеренно архаизирующим или намеренно скорописным и зависеть от особенностей той или иной школы, канцелярии или даже от привычек отдельного писца; архаические особенности языка могли иногда имитироваться из стилистических соображений; не во всяком тексте можно обнаружить влияние различных, специфических для того или иного народа культов, и тем более лишь очень немногие документы несут на себе оттиски царских печатей. В целом достаточно длинный текст может быть с помощью языковых критериев и отчасти графических * с уверенностью отнесен к Древнехеттскому или к Новохеттскому царству; но точности языковых датировок в пределах XV—XIII вв. до н. э. можно пока достичь не всегда, и предлагаемые критерии, по-видимому, убедительны не в равной степени для всех хеттологов. Далее, если в целом верно, что хеттско-палайское влияние в хеттской культуре раннее, а хуррито-лувийское (из Киццувадны) позднее, то все же нельзя не отметить, что при многовековом контакте хеттов с хурритами хурритское влияние не могло не сказываться — и, очевидно, действительно сказывалось — в какой-то мере даже уже в период Древнехеттского царства.

В этих условиях автору настоящей главы остается лишь попытаться изложить те факты, которые, как ему представляется, не вызывают сомнения ни у кого из хеттологов.

Восстановителем могущества царства Хаттусы в пределах восточной части Малой Азии был, по-видимому, предок Суппилулиумаса I Тутхалияс I, о котором в хеттском тексте говорится, что он «вознес себя на престол царствования». С ним начинается новая династия в Хеттском царстве, цари которой носили то хетто-лувийские, то автохтонные (хеттские, или протолувийские) тронные имена, но при этом по крайней мере некоторые из них носили еще и хурритские личные имена. По мнению А. Камменхубер, эта династия происходила из хуррито-лувийской Киццувадны и с ней начинается сначала более слабое, а со второй трети XIII в. до н. э.— сильное хуррито-лувийское влияние на официальную хеттскую культуру.

К первому периоду Новохеттского царства (XV в. до н. э.) относится приведение к присяге вождей или старейшин некоторых каскских крепостей. Каждый должен был призвать на себя кары земные и небесные, «если нам кто-либо пришлет гонца и напишет какое-либо злое слово, а мы его не задержим, не ослепим... и не представим к хеттскому царю». Однако еще и в правление Арнувандаса I и его жены Асму-Никаль каска продолжали нападать на пограничные хеттские города, разорять их храмы и уводить жрецов в рабство, но в числе этих городов названы и такие, которые еще в конце Древнехеттского царства, казалось, были уже потеряны **. Таким образом, пределы Хеттского царства все же отодвинулись, и часть городов была отнята у каска.

К правлению Хаттусилиса II — то ли преемника, то ли одного из предшественников Арнувандаса I *** — относится временное присоедине-

---

* Например, специальный значок, выделяющий в тексте иноязычные слова, стал, по-видимому, впервые применяться со второй половины XIV в. до н. э.

** Некоторые хеттологи относят к этому времени договор хеттов с Исмерикка (см. о нем ниже); однако, поскольку этот договор предполагает крайний упадок Митанни, кажется более вероятным отнести его к периоду кратковременного правления Арнувандаса II (около 1345 г. до н. э.) или к правлению Арнувандаса III (конец XIII в. до н. э.). Здесь могут помочь лишь специальные филологические критерии хеттологов. Возможно, что при Арнувандасе I был возобновлен договор с Киццувадной.

*** Судя по общей политической обстановке, эти события могли бы относиться ко времени правления Сауссадаттара в Митанни; в таком случае Хаттусилиса II сле-

ние Кицтувадны к Хеттскому царству, а затем ее отпадение к Митанни; тогда же от хеттов отложился и Халеб, до этого периода (с правления Тутхалияса I?) более или менее формально числившийся в их подчинении. К этому времени наблюдается, по-видимому, наибольший упадок Хеттского царства. Позднейшая автобиография царя XIII в. до н. э. Хаттусилиса III так рисует ситуацию, которую застал при начале своего правления Тутхалияс II/III: страны Хатти были почти совершенно «уничтожены врагами». Те наступали с четырех сторон: с севера — племена каска, достигшие города Ненассы; с запада — войска царства Арцава, продвинувшиеся до Туванувы (к юго-востоку от соленого озера Туз); с северо-востока — племя страны Ацци, находившееся в неразрывном союзе с другим племенем — страны Хайасы [автор настоящей главы полагает, что оба племени занимали район верхнего Евфрата (реки Чорох) и Черноморского побережья, у нынешнего Трабзона; воины Ацци продвинулись до Самухи на реке Кельки т?]*; наконец, с востока — хурритское царство Ишува (Исува), расположенное в верхнеевфратской долине, у впадения реки Арацани; его воины перешли в Тегараму (на правом берегу Евфрата, напротив Ишувы) и расширили пределы своего царства до Кицтувадны. Так как Кицтувадна, в свою очередь, подчинялась Митанни, то Хеттское царство, таким образом, было целиком окружено на маленькой территории, примерно между современными городами Токат — Анкара — Нигде — Сивас. От этих рубежей началось создание великой Новохеттской державы.

К сожалению, летопись походов Тутхалияса II/III, правившего около 1400 г. до н. э., и его сына Суппилулиумаса I (около 1380—1346 гг. до н. э.), составленная по приказу сына последнего, дошла до нас в совершенно разрушенном виде; правда, события царствования Суппилулиумаса I отчасти восстанавливаются благодаря письмам, историческим введениям к хеттским международным договорам и т. п. В целом можно представить примерно следующий ход событий: еще Тутхалиясу II/III удалось ненадолго добиться признания покорности от Хайасы, а Самуха не только стала хеттской, но и послужила базой для дальнейших походов на север. Однако вскоре Суппилулиумасу, тогда еще царевичу, пришлось уже предпринимать против хайасцев карательный поход; вообще, если верить этой летописи, Тутхалияс почти все время болел, а фактически во главе хеттских войск стоял Суппилулиумас. Выступив в поход первоначально против Ацци — Хайасы, он столкнулся с многочисленным объединенным ополчением двенадцати каскских племен и ввязался с ними в длительную войну. Лишь после того как в этой войне против каска были достигнуты известные успехи, Тутхалияс снова двинулся против хайасцев, которые успели довольно сильно продвинуться вниз по Евфрату, поэтому битва произошла «ниже Куммахи». Однако решительной победы хетты, видимо, не добились, тем более что и каска не были еще замирены; мало того, они добрались до горы Тарикариму (между нынешними селениями Дивриги и Аладжахан, южнее речки Чолты, притока Евфрата —

дует поместить как можно раньше, что более соответствует генеалогической схеме А. Камменхубер (Тутхалияс I — Хаттусилис II — Тутхалияс II — Арнувандас I — Суппилулиумас I), чем Г. Оттена (Тутхалияс II [Тутхалияса I он предположительно помещает еще до Лапарнаса] — Арнувандас I — Хаттусилис II — Тутхалияс III — Суппилулиумас I).

* Некоторые исследователи, исходя из того, что определенные населенные пункты относятся текстами то к Ацци, то к Хайасе, считают эти два названия синонимами; однако, как нам представляется более вероятным, это две тесно связанные (союзом? экзогамными браками правящих родов?), но р а з н ы е политические единицы («племенами» мы здесь назвали их лишь условно); те или иные населенные пункты могли в разное время переходить из подчинения одной из них в подчинение другой.

Карасу, позже Тильгаримму) и тем самым опять отрезали Самуху и временно объединились с Хайасой. Борьба с каска потребовала еще множества походов и при преемниках Суппилулиумаса.

Если Г. Оттен помещает Арнувандаса I еще до Хаттусилиса II, то, по мнению А. Камменхубер, он и его сестра-жена Асму-Никаль захватили власть после Тутхалияса II/III, отстранив своего честолюбивого брата Суппилулиумаса; однако он в конце концов все же захватил престол, в результате чего погиб наследник Арнувандаса — тоже Тутхалияс.

Важнейшим событием правления Суппилулиумаса I была война с Митанни. В начале своего правления он, видимо, попытался совершить прямое нападение на это царство, но был отброшен войсками митаннийского царя Тушратты; стало ясно, что война с ним требует большой подготовки. В ходе нее, по-видимому, произошло еще одно столкновение хеттов с Хайасой, так как хеттскому царю нужен был безопасный тыл в евфратской долине; после этого, вероятно, и был заключен дошедший до нас договор между Суппилулиумасом и Хукканасом, царем Хайасы. Согласно этому договору хайасский царь приносит присягу в верности Суппилулиумасу и обязуется оказывать ему военную помощь и соблюдать сделавшиеся ему известными хеттские государственные тайны (речь идет, надо полагать, о готовившемся походе против Митанни), а кроме того, выдать и впредь выдавать лиц, бежавших из Хеттского царства в Хайасу.

Хеттский царь отдает за Хукканаса свою сестру, но при этом делает любопытную оговорку: «В стране Хатти есть важный закон: брат не может познавать сестру, это неправедно*. Кто же так поступит, тот умрет. А ваша страна варварская, и в ней это обычно, что брат познает сестру свою и кузину, но в Хаттусе это не разрешено. И когда к тебе прибудет сестра твоей супруги, единоутробная или единокровная, то дай ей есть и пить и ешьте и пейте и радуйтесь; но не посмей желать познать ее, это карается смертью». Далее сообщается, что новоиспеченный зять хеттского царя по прибытии в Хаттусу должен всячески избегать гаремных женщин, и приводится остерегающий пример, как некий Марияс — видимо, вождь Ацци — был казнен за то, что хеттский царь увидел его глядящим на дворцовую женщину: «Остерегайся дворцовых женщин, будь то свободная, будь то наложница, не подходи к ней, и не приближайся к ней, и не говори с ней ни слова; и раб твой, и рабыня твоя пусть не приближаются к ней, очень остерегайся ее. Когда идет дворцовая женщина, убегай старательно с дороги и освободи ей путь». Кроме того, Хукканасу предписывается: «Не бери больше жены из страны Ацци, а ту [жену (?)], которой ты владеешь, ту следует по праву считать твоей женой, не делай ее главной супругой». Таким образом, только хеттская царевна должна быть главной и полноправной женой. Но и этого мало: в конце делается еще предписание: «И отбери свою дочь у Марияса, и отдай ее брату (т. е. собственному родичу.— *И. Д.*)». Здесь Марияс, конечно, не то лицо, которое было казнено за приближение к хеттской гаремной женщине, но это, по всей видимости, вождь Ацци; вероятно, Ацци и Хайаса составляли, как мы уже говорили, некое единство, связанное, быть может, взаимными экзогамными браками; именно это единство и хотел нарушить хеттский царь. Любопытно, что в Хайасе в это время еще господствует брачная система, при которой муж получает в принципе право на сестер жены и других женщин той же возрастной категории и того рода, с которым его собственный связан брачными отношениями. Надо сказать, что и у некоторых патриархальных племен, как показывают этнографические параллели, бывает, что муж имеет право на младших сестер своей жены в слу-

* В свете этого указания текста подвергается сомнению предположение А. Камменхубер, что царица Асму-Никаль была не только женой, но и сестрой Арнувандаса.

чае ее бездетности. Поэтому нет безусловной необходимости рассматривать описанный хайасский обычай как пережиток материнитета и кровнородственной семьи; во всяком случае, если так, то это был бы единственный случай подобного рода, зарегистрированный в истории древнего Ближнего Востока; однако мы, безусловно, имеем здесь дело с обычаем весьма архаическим. По лингвистическим данным известно, что как племена индоевропейского языка, так и афразийцы имели патриархальную структуру семьи уже в IV тысячелетии до н. э., а вероятно, и много раньше; нет данных об иной системе родства также у шумеров, эламитов и хурритов.

Интересно, что Суппилулиумас в тексте договора обращается не только к царю Хайасы, но и к «людям Хайасы», т. е., по всей вероятности, к народному собранию. Похоже, что Хайаса, несмотря на царский титул ее правителя, стояла еще на уровне первобытного общества. При этом хайасцы были земледельческим племенем, судя по тому, что в случае нарушения ими условий договора хеттский царь грозится в числе прочего уничтожить их «роды, дома, поля, [села], виноградники, рогатый скот, баранов» и т. п.*.

По-видимому, примерно ко времени заключения этого договора следует отнести и договор Суппилулиумаса с Артадамой II хурритским (соперником, оттесненным Тушраттой при восшествии его на престол), а также поход хеттов в Сирию вплоть до гор Ливана. Но главный удар против Митанни Суппилулиумас готовил со стороны севера. События начались со столкновения хеттов с Ишувой; поводом послужило то обстоятельство, что в Ишуву бежали насильственно переселенные на хеттскую территорию пленные жители захваченных областей. Преследуя их, хетты переправились через верхний Евфрат, и беженцам пришлось продолжать свой путь в Хайасу, что и привело к уже упоминавшейся войне Суппилулиумаса с этой страной и к описанному выше договору. В то же время жители Ишувы бежали от хеттов на юг, в Митанни. Суппилулиумас потребовал их выдачи, а получив отказ, начал наступление вниз по Евфрату на главные митаннийские центры — Каркемиш и столицу Вашшукканне. При этом хетты вступили в союз с царем Алзи (Алсе), важного царства к юго-востоку от Ишувы, по имени Антаратлис, или Андарадлис **; ему была отдана взятая хеттами ишувская или митаннийская крепость Кутмар. Хеттам открылся путь в митаннийскую Месопотамию. Тушратта вынужден был бежать.

Война в Митанни была длительной. Первоначально Суппилулиумас постарался обеспечить себе прочный тыл в Сирии, поэтому хеттские войска переправились через Евфрат с востока на запад; несмотря на митаннийский прорыв до самого Угарита ***, Сирия осталась за Суппилулиумасом, который в тот же год подчинил себе Халеб и всю долину Оронта, включая Нухашше и Кинзу, или Кадеш, Катна была разрушена, а с Никмаддой II угаритским был заключен договор. Тогда же Суппилулиумас завязал дипломатические отношения с Египтом, и в частности получил раз-

---

* Заметим, что внешнее созвучие между названием «Хайаса» (на самом деле здесь звук типа немецкого *ch* в сочетании *ach*) и самоназванием армян *hay* (точнее, в древнем языке **hayo-*, причем с придыханием *h*, а не с *ch*) заставило некоторых исследователей видеть в хайасцах предков (или одних из предков) армянского народа. Однако это, видимо, не так; в частности, окончание *-sa* в названиях стран и областей, очень частое на полуострове, не зарегистрировано как раз в местах позднейшего обитания армян.

** Языковая принадлежность этого имени неясна (лувийское?).

*** По-видимому, Угариту угрожала немалая опасность, так как угаритский царь поспешил заключить договор со своим южным соседом ʿАзиру, прохеттским царем Амурру, который за 5 тыс. сиклей (42 кг) серебра обязался поддержать Угарит войсками против врагов.

решение на поселение групп малоазийцев в египетской части Сирии-Палестины. Это не принесло пользы Хеттской державе, а лишь усилило впоследствии трения с Египтом. Но именно в результате этого мероприятия Суппилулиумаса, очевидно, в составе населения Палестины и появился также хеттский элемент помимо хурритов и, может быть, других народов, уже ранее живших среди западных семитов — ханаанеев.

Приблизительно к тому времени, когда могущество Митанни уже было явно сломлено, нужно отнести договор Суппилулиумаса с Сунассурасом, царем Киццувадны. «Хурриты (т. е. митаннийцы.— *И. Д.*) называли Сунассураса рабом,— говорится в этом договоре,— теперь же мое Солнце (титул новохеттского царя.— *И. Д.*) сделало его законным царем... если Сунассурас явится перед Солнцем, то (из) вельмож Солнца перед ним никто не должен остаться сидеть». Для начала хеттский царь потребовал от Киццувадны небольшого воинского контингента в помощь на случай своих походов: 100 колесниц и 1 тыс. пехотинцев; жители Куццувадны были обязаны под страхом уплаты 12 «голов» или смертной казни выдавать беженцев из Хеттского царства и т. п. Однако суть дела заключалась в том, что Киццувадна, отныне окруженная со всех сторон хеттскими владениями, фактически сохранила лишь призрачную независимость и стала не более как провинцией Хеттской державы, управляемой местным царем.

Хотя Митанни территориально вышла за Евфрат и хеттский царь смог посадить в Халебе, а потом и в Каркемише «царями» своих сыновей Телепинуса и Пияссилиса (Шарри-Кушуха), однако, пока был жив Тушратта, с митаннийским соперником Хеттского царства не было покончено. Но Тушратта вскоре был убит где-то далеко от своей столицы, и Суппилулиумас смог наконец окончательно вступить в митаннийскую столицу Вашшукканне и возвести на престол Артадаму II. При этом он не мог отказать себе в удовольствии посадить на кол вокруг стен столичного города 1200 видных сторонников Тушратты *. Это не увеличило популярности Артадамы. Вскоре к хеттскому двору прибыл сын покойного Тушратты Шаттиваса (или, по-хурритски, Кили-Тешшуб) с просьбой, чтобы Суппилулиумас утвердил его наследником Артадамы. Очевидно, увидев в этом возможность увеличить междоусобицу и хаос в Митанни, с тем чтобы окончательно прибрать это царство к рукам, Суппилулиумас поддержал Шаттивасу, женил его на своей дочери и поручил его своему сыну Пияссилису, царю Каркемиша, и заставил Митанни признать Шаттивасу наследником царя. Когда Артадаму сменил уже его сын Шуттарна III, поддержанный ассирийским царем Ашшурубаллитом I, Шаттиваса был возведен на престол Митанни. Ашшурубаллит оккупировал всю южную часть царства, а северная перешла к Алзи, но, по-видимому, хеттам после битв под Харраном и Вашшукканне удалось свергнуть Шуттарну.

Пока Пияссилис воевал в Митанни, другой сын Суппилулиумаса, Телепинус, командовал хеттскими войсками в Сирии. Но когда митаннийцы попытались возобновить против него выступление и заняли Каркемиш, Телепинус отправился за помощью к отцу в Малую Азию; Суппилулиумас вновь явился под Каркемиш и восстановил положение. О дальнейшем преемник Суппилулиумаса Мурсилис II рассказывает так: «Пока отец мой был в Каркемише, он послал Лунаккиса и Тархунтацалмаса в ᶜАмку (=египетскую Келесирию, между горами Ливана и Антиливана.— *И. Д.*). Они отправились, чтобы поразить Амку, и привели к отцу моему пленных, крупный рогатый скот и овец, а египтяне, услыхав про этот набег на ᶜАмку, испугались. А так как господин их (Тутанхамон.— *И. Д.*)

* Это, кажется, первое упоминание столь массового сажания пленных на кол — раньше им просто проламывали голову; Суппилулиумас нашел многих последователей, особенно среди ассирийских царей.

умер, то царица Египта, главная супруга... послала к отцу моему гонца и писала ему так: „Супруг мой умер, сына у меня нет, а у тебя, говорят, много сыновей. Если ты пришлешь мне одного из твоих сыновей, он был бы мне супругом, а кого-либо из рабов моих я не возьму в супруги, это я презираю!“» Суппилулиумас посоветовался с «великими» своей страны и отправил в Египет посла, чтобы выяснить серьезность возможности посадить одного из своих сыновей фараоном, а тем временем продолжал осаду Каркемиша, которая окончилась его взятием. Хеттский царь «из страха перед богами» оставил нетронутой цитадель с ее дворцами, храмами и их людьми, но разграбил город; одних только пленных, доставшихся царскому хозяйству, было свыше 3 тыс. На следующую весну в Хаттусу вернулся посол с новым письмом от вдовы юного фараона Тутанхамона с подтверждением прежнего предложения. Тогда Суппилулиумас послал в Египет своего младшего сына Цаннанца. Но промедление в год привело к тому, что в Египте власть успела перейти к Эйе, придворному (Эхнатона, или Аменхотепа IV), а хеттский царевич был убит в дороге. Это, конечно, вызвало войну между Хеттским царством и Египтом, но для хеттов она окончилась неудачно: в войске началась моровая язва, и эпидемия была занесена в саму Малую Азию; от нее, видимо, и умер Суппилулиумас. Впоследствии его сын объяснил это гневом богов, так как Суппилулиумас нарушил договор с Египтом. Ко времени смерти Суппилулиумаса митаннийцы были приведены в покорность, и на митаннийский престол был, по-видимому, посажен Шаттиваса. Во всяком случае, с Митанни как великой державой было покончено.

Суппилулиумас был женат трижды; последней его женой была дочь вавилонского царя Бурна-Буриаша II; имея в виду ее царственное происхождение, хотя и не из хеттского царского дома, она получила после смерти предыдущей царицы титул тавананнас, под которым она чаще всего и фигурирует в последующих хеттских письменных памятниках; ее личное (по обыкновению династии хурритское) имя в Хеттском царстве было Маль-Никаль (первоначальное имя ее неизвестно). Хотя она не была матерью взрослых и активно участвовавших к тому времени в политике сыновей Суппилулиумаса, она пользовалась значительным влиянием при Суппилулиумасе и немалым почетом в первое время после его смерти.

Суппилулиумасу наследовал (около 1345 г. до н. э. с возможной ошибкой лет в 10) его сын Арнувандас II; источники смутно упоминают о его военной деятельности, но ничего определенного о нем не известно; он очень скоро заболел и умер. Новому царю, тоже сыну Суппилулиумаса, Мурсилису II пришлось иметь дело с восстаниями в Сирии и в целом ряде других окраинных областей. Обстановка требовала решительных действий и соответственно больших средств, поэтому Мурсилис был возмущен тем, что тавананнас Маль-Никаль раздала все имущество покойного Суппилулиумаса его заупокойному храму и — в поминовение своего супруга — просто гражданам Хаттусы; к тому же она была в большой вражде с женой Мурсилиса, причем обе женщины прибегали к колдовству и заклинаниям. Когда после этого жена Мурсилиса умерла, он решился отдать тавананнас под суд, который состоялся во дворце; исход суда нам неизвестен.

Основная военная деятельность Мурсилиса протекала в пределах Малой Азии; к сожалению, историческая география полуострова для II тысячелетия до н. э. до сих пор вызывает большие споры.

Вначале главным врагом хеттов в этот период был Пиххунияс *, вождь

* Имена царей и вождей окружавших Хеттское царство стран, кроме хурритских и семитских, даются в той форме, которую употребляют хеттские источники; все эти окончания на *-ас, -ис, -ус* относятся поэтому к хеттскому языку, но не оз-

каска соседней с Хайасой «страны» Типия (племени тибаренов?). Про него анналы Мурсилиса II говорят, что он «правил... не по-каскски, но вдруг, тогда как в каскской общине (букв. „городе') не бывало власти одного, этот Пиххунияс стал править по обычаю царской власти». Племена каска вновь начали свои набеги на хеттскую территорию, и для ликвидации последствий этих набегов хеттам пришлось потратить много лет. В этой обстановке и хайасцы опять стали укрывать беглых пленных *(намра)* с хеттской территории, а в то время как Мурсилис II был занят борьбой с Типией, вождь Ацци Аннияс, сын Марияса, напал на одну из хеттских областей и угнал оттуда скот и пленных. На требование Мурсилиса вернуть их Аннияс ответил отказом, вследствие чего хетты начали войну и осадили неприступную ацийскую крепость под названием Ура. Однако основные военные действия против Хайасы развернулись в последующие годы, так как Мурсилис имел перед собой более важных противников: к Евфрату, напротив Каркемиша, вышли войска ассирийского царя Ададнерари I. Кроме того, хетты, видимо, считали своей важнейшей задачей возможно более полное покорение всех основных областей самого полуострова Малая Азия.

Главная роль на западе Малой Азии принадлежала союзу лувийских государств, чаще всего обозначаемому как Арцава. Здесь, как и в Хаттусе, хорошо была известна как лувийская иероглифика, так и клинопись, в том числе аккадская. Иногда Арцава была довольно целостным государственным объединением, иногда же она распадалась на четыре-пять автономных частей. Ими были Хапалла, Мира и Кувалия, собственно Арцава, Страна реки Сеха и Вилуса. Предложено много различных отождествлений этих «стран» с современными территориями (на западе, юго-западе или юге полуострова); автору настоящей главы наиболее вероятным кажется следующее: Хапалла — горный район у современной Коньи и озера Бейшехир; Мира — район от озера Эгридир и современного города Испарта до Антальи и горы Акдаг (части античной Писидии, Памфилии и Ликии); Арцава — долина рек Меандр и Каистр (Большой и Малый Мендерес) и их притоков (части античной Карии и Лидии); река Сеха — река Герм; Вилуса — полуостров Бига, древняя Троада и Мисия. Вилусу нам представляется возможным отождествить с областью гомеровской Трои, или Илиона, под современным городищем Хисарлык открытым (и почти полностью уничтоженным в ходе раскопок) известным Г. Шлиманом *. (Это Троя VI и VIIa археологов.)

Наряду с этими государствами здесь существовали и другие, никогда не входившие в союз Арцавы: на юге — приморская горная Лукка, соответствующая Южной Карии и Западной Ликии античного времени (примерно между современными городами Мугла и Анталья); на севере — Ассува **, Партахвина и другие области, локализуемые с большим трудом.

Нам нелегко проследить пути походов Мурсилиса II в западной части Малой Азии; он сажал на престолы своих ставленников, заключая с местными правителями договоры, и заставлял их заключать договоры между собой. Ведение войны с Ацци — Хайасой он поручил одному из своих братьев. Хайасцы обещали было выдать захваченных пленных, но затем не выполнили обещания, ссылаясь на то, что и хетты не выдали хайасских пленных. Военные действия затянулись, и хайасцы перешли в на-

---

начают, что эти лица действительно носили имена с хеттскими падежными окончаниями.

* Название страны — «Вилуса» (хетт. Вилус[с]ас), как и греч. «Илион» (более древнее *Вилион, *Вилиос), означает «принадлежащий Вилусу, или Вилосу», т. е. Илу, легендарному основателю Илиона — Трои. Греческому «Троя» может соответствовать хеттское название города Таруиса.

** Вероятно, прототип слова «Азия».

ступление на хеттские крепости. Несмотря на то что хетты смогли выделить на этот фронт 10 тыс. пехотинцев и 700 колесниц, им все же пришлось уйти из верхней части евфратской долины и отступить вплоть до Тегарамы (современный район Арапкир — Гёрюн); от них отпали и некоторые районы по верхнему Галису. Лишь на четвертый год войны (в 10-м году своего правления) Мурсилис смог лично направиться с главными силами против хайасцев; те укрылись в горных крепостях, рассчитывая нападать по ночам на проходящее хеттское войско; однако Мурсилис, оставляя большинство горных крепостей в тылу, по-видимому, перевалил через Понтийские горы и вышел к Арипсе на Черном море * и взял ее, а оттуда двинулся на Туккаму — видимо, центр Ацци. Жители Туккамы сдались на милость победителя, и Мурсилис зачислил 3 тыс. ацийцев в свое войско в качестве колесничих. Переговоры велись на этот раз не с царем, а с советом старейшин Ацци; страна была включена в Хеттское государство, но в дальнейшем хеттам не удалось ее удержать. Очень непрочным было их положение и в Ишуве и вообще по всему верхнему Евфрату.

В Сирии хеттам при Мурсилисе удалось стабилизировать положение в свою пользу, хотя восточнее Евфрата они, видимо, нигде не смогли добиться сколько-нибудь длительных успехов. В Халебе правил царь с хурритским именем Тальми-Шаррума, связанный с хеттским царем не только договором, но и родством. Маленькое царство Митанни продолжало существовать, но за его счет усилились Алзи и другие горные хурритские царства, а также Ассирия. С Туппи-Тешшубом, царем Амурру в Южной Сирии, был заключен договор, запрещавший ему платить дань Египту, который при царях Хоремхебе и Сети вновь начал проявлять активность на окраинах своих сиро-палестинских владений, потерянных было при Эхнатоне.

Преемник Мурсилиса II Муваталлис, правивший в конце XIV — начале XIII в. до н. э., на некоторое время почему-то перенес свою резиденцию из Хаттусы в область Таттассу, вероятно позднейшую Исаврию, или Суровую Киликию, т. е. куда-то в район современных городов Караман — Эрегли. Сохранился договор Муваталлиса с неким Алаксандусом, приемным сыном Куккунниса, царя Вилусы. По-видимому, к имени «Алаксандус» восходит имя «Александр» — второе имя, которое Гомер в «Илиаде» дает Парису, сыну Приама, царя Трои, и виновнику Троянской войны. Однако отождествить Алаксандуса с Парисом, конечно, невозможно: Троянская война должна была происходить гораздо позже. Алаксандус, права которого на престол Вилусы были довольно шатки, чтобы утвердиться на нем, прибег к помощи хеттского царя. В Сирии Муваталлис возобновил «украденный» кем-то договор с Тальми-Шаррумой халебским. Но наиболее известным событием царствования Муваталлиса было его знаменитое сражение под Кинзой (Кадешем) с египетским фараоном Рамсесом II, в котором египтянин едва ушел от гибели и полного разгрома своего войска и сумел неминуемое поражение превратить в победу, во всяком случае моральную. В этой битве на стороне хеттского царя, войско которого состояло из 3500 колесниц и 35 тыс. пехотинцев, участвовали все его союзники и вассалы, в том числе Арцава, Питасса (античный Педас, недалеко от Трои), дарданяне, т. е. троянцы, Маса (еще одна из арцавских областей), Лукка, каска, Киццувадна, Каркемиш, Угарит и др. Несмотря на благоприятный для египтян исход битвы при Кинзе, хеттам удалось сохранить свои позиции в Сирии по-прежнему; Амурру, отпавшее было к фараону, было опять подчинено Хеттской державой.

* Текст говорит, что она стояла «на море», поэтому предложенные ее локализации у болота или у озерка в верховьях Тигра не представляются возможными; локализация у озера Ван тоже невозможна (слишком далеко от верхнего Евфрата).

Дальнейшая история Хеттского царства более всего известна из любопытного текста, условно называемого «Автобиографией» или «Самооправданиями» Хаттусилиса III. После смерти Муваталлиса престол Хаттусы занял его сын от наложницы Мурсилис III. Подобно своему отцу и другим новохеттским царям, он имел личное хурритское имя — Урхи-Тешшуб, под которым он больше и известен. Через непродолжительное время против него поднял восстание его дядя, брат Муваталлиса, Хаттусилис III. Поддержанный дружественными ему племенами каска, он запер Урхи-Тешшуба в городе Самухе, «как свинью», и тот был вынужден сдаться в плен. Хаттусилис сослал его в Сирию, но Урхи-Тешшубу удалось, повидимому, бежать в Египет, где он и умер много лет спустя.

Хаттусилис, болезненный младший сын Мурсилиса II, был предназначен в жрецы, но за время пребывания его царствовавшего брата в Татассе он был в Хаттусе и на северных границах царства фактически неограниченным хозяином. Наиболее важным его достижением было то, что он отвоевал у каска священный город Нерик, где и числился жрецом*. Часть замиренных им каска он сплотил вокруг себя и, между прочим, выступал во главе их в битве при Кинзе-Кадеше. Муваталлис одно время опасался Хаттусилиса, но тот сумел оправдаться. Свои честолюбивые замыслы он выказал лишь при его сыне. Свою царскую власть Хаттусилис укрепил, взяв в жены хурритку Пудо-Хебу, дочь жреца в столице Киццувадны.

Пудо-Хеба и ее окружение из жрецов и жриц оказали огромное влияние на хеттский придворный и храмовой быт; вместе с нею в Хаттусу хлынул поток хуррито-лувийских культовых нововведений. И сама Пудо-Хеба, и многие из ее приближенных были грамотны. Насколько велико было ее влияние, видно из того, что иной раз под государственными документами, составленными от имени Хаттусилиса III, стояла печать одной Пудо-Хебы.

Наибольшую опасность для Хеттского царства в это время представляла Ассирия; ее царь Салманасар I (1274—1245 гг. до н. э.) уже не ограничивался тем, что выходил к Евфрату у Каркемиша, как его предшественник Ададнерари I, но углубился и в области Армянского нагорья, угрожая хеттским владениям со стороны верхнеевфратской долины. Поэтому хотя вначале Хаттусилис попытался поддержать митаннийского царя Шаттуару II, но, когда тот потерпел окончательное поражение, хеттский царь решил больше не отвергать предложений мира со стороны Ассирии, как это делал Муваталлис; в то же время он пытался натравить на Ассирию царей Вавилонии (заодно стараясь препятствовать их сношениям с Египтом). Интриги эти Хаттусилису III не удались, и в конце концов он пошел на решительную меру: заключил мирный договор с Рамсесом II (около 1270 г. до н. э.). Этот договор, составленный на основе большой международной договорной практики хеттов, действительно обеспечил довольно надолго прочный мир между державами. Через тринадцать лет Рамсесу была прислана в гарем хеттская царевна. Фараон приглашал и самого Хаттусилиса посетить Египет, и, хотя он долго отнекивался, возможно все же, что действительно сопровождал свою дочь в ее путешествии на юг. Позже старому фараону была прислана еще одна хеттская царевна с богатейшими дарами — табунами лошадей и стадами скота из военной добычи, захваченной у племен каска, в Арцаве и в других местах.

---

* Его резиденцией, однако, был город Хакмис — место ссылки Вендишены, опального царя Амурру. Хаттусилис его обласкал, женил на его дочери своего сына в предвидении того, что Вендишена еще пригодится ему как верный сторонник в борьбе за власть; действительно, впоследствии он вернул его в Амурру.

На правление Хаттусилиса III падает наивысший расцвет Новохеттской державы. С правления Тутхалияса III/IV, начавшегося около 1250 г. до н. э., над Хеттским государством начинают собираться тучи.

5. Хеттская культура, религия и искусство

Прежде чем мы перейдем к событиям, приведшим к гибели Хаттусы, нужно сказать несколько слов о хеттской культуре, которая занимает важное место в истории культуры древнего Востока. Архив Хаттусы очень богат, имеются записи ритуалов, как храмовых, так и сопровождавших повседневные действия царя и его сановников, буквально на все случаи жизни, причем среди них есть напластования шумеро-аккадские, хаттские, палайские, хурритские, лувийские и т. п.; то и дело жрецам предписывается исполнять заклинания или молитвы на каком-либо из этих языков. Изучение ритуалов может дать очень много для понимания древнего мировоззрения народов Ближнего Востока и корней различных фольклорных обычаев; многие детали помогают нам представить бытовое окружение хеттов, их утварь, пищу и т. п.*.

В Хеттском государстве религия играла огромную роль. Не случайно культовые функции царя считались важнее военных. Буквально каждое повседневное действие человека, а особенно царя, не говоря уже о каких-либо важных обстоятельствах жизни общественной и личной, было обставлено сложнейшей сетью ритуалов, заговоров, заклинаний, магических обрядов. Но культы играли и колоссальную хозяйственную роль — не только потому, что храмы представляли собой крупные хозяйства, воздействовавшие на всю экономику общества, пользовавшиеся всеобщими повинностями и, видимо, собиравшие большие поборы продуктами и скотом, но и потому, что участие в обильных жертвоприношениях являлось, как и всюду на древнем Востоке, важным подспорьем в питании населения, особенно беднейшего. Это еще более закрепляло его зависимость от государства, так как культы богов являлись идеологическим обоснованием царской власти.

Божества обслуживал обширный штат разнообразнейших служителей — мужчин и женщин (может быть, и евнухов). В большинстве городов культ был, по-видимому, основан на устной традиции, но в Хаттусе велись записи различнейших ритуалов, в том числе и ритуалов некоторых других священных городов.

Клинописная грамота — да еще в применении к целому ряду языков — была распространена (наряду с иероглифической) по всему полуострову, вплоть до берегов Эгейского моря. Это, конечно, требовало существования школы вавилонского типа со всеми обычными для нее пособиями — списками знаков и терминов, многоязычными словарями, каноническими текстами (начиная от одной из версий эпоса о Гильгамеше и легенд о Нарам-Суэне и кончая записями гаданий по печени). Многое переводилось с аккадского (например, тот же эпос о Гильгамеше) и с хурритского (например, миф о Кумарве).

Хеттская религиозная система складывалась в результате взаимодействия религиозных традиций народов, говоривших на хаттском и других дохетто-лувийских языках, а также хурритов с традициями носителей индоевропейских хетто-лувийских языков.

Так, подавляющее большинство божеств древнехеттского пантеона являются по своему происхождению хаттскими. С этой религиозной тради-

* Одежда хеттов была довольно схожей с хурритской; хорошее представление о ней дают изображения хуррито-лувийских божеств в скальном святилище Язылыкая, недалеко от Хаттусы, высеченные по приказу Тутхалияса III/IV.

цией связаны главные божества хеттского пантеона — небесный бог грозы (имя которого неизвестно *) и богиня Солнца города Аринна — Вурусему **.

Из десяти известных божеств палайского пантеона четыре также имеют хаттские имена. Это — главное божество пантеона Цапарва (по-видимому, бог грозы), богиня Катахципурис, бог Хасамилис и богиня Камамас ***. Хаттский эпитет «Пасхуласас» носит и палайское (индоевропейское) божество Солнца Тияц (лув. тиват — «солнце», хетт. сиват — «день»).

Вообще в древнехеттском государственном пантеоне очень мало собственно хеттских (индоевропейских) богов. Такими являются, например, бог дневного света Сиусумми, бог, восседающий на лошади, Пирвас (его имя считается родственным хетт. перуна — «скала», слав. Перун, лит. Перкунас — «бог грозы»), и некоторые другие.

В Новохеттский же период в государственном пантеоне появляются лувийский бог Сантас, боги грозы Тархунтас и Таттас и особенно в большом числе хурритские и воспринятые хурритами шумеро-аккадские боги. В религиозной практике частыми становятся ритуалы, при отправлении которых жрецы говорят по-хурритски или по-лувийски или употребляют отдельные религиозные термины из этих языков. Элементы хурритской и хатто-хеттской религиозных систем начинают отождествляться друг с другом. Этот процесс особенно отчетливо виден на примере главных божеств хеттского пантеона: бога грозы, богини Солнца города Аринны и ее сына — бога грозы города Нерика — Тару. Бог грозы и богиня Солнца города Аринны отождествляются с хурритской парой — богом грозы Тешшубом и богиней Хебат. В одних новохеттских текстах рядом друг с другом упоминаются бог грозы Тешшуб, богиня Хебат и богиня Солнца города Аринны, в других документах отмечается, что божество, имя которого в Хатти — богиня Солнца города Аринны, вне этой страны называется богиней Хебат. Хурритский бог (первоначально, видимо, горное божество) Шаррума отныне рассматривается уже как сын богини Солнца города Аринны и становится типологически сходным с богом грозы города Нерик — Тару, хотя и не идентичным последнему.

Сближение хурритской и хатто-хеттской религиозных систем отражено в изобразительном материале святилища Язылыкая (см. ниже). Иконография этих богов показывает, что здесь представлены боги хеттского пантеона. Однако в лувийских иероглифических подписях к изображениям даны хурритские имена божеств.

В хеттский пантеон был заимствованы также месопотамские божества Ану, Анту, Эллиль и Нинлиль, Эйя и другие. Некоторые исследователи отождествляют также второстепенного хеттского бога по имени Акнис с индоевропейским богом огня Агни.

Божества хеттского пантеона, как правило, являются антропоморфными. На это указывают, в частности, «инвентарные» тексты, в которых даются описания статуй различных хеттских божеств, а также памятники

* По мнению некоторых исследователей, это божество имело хаттское имя Тару. По-лувийски он, возможно, назывался Тархунтас; вероятно, были и другие местные названия (у хурритов он назывался Тешшоб, Тешшуб).

** Почитались также сын богини Солнца и он же бог грозы города Нерик — Тару, дочери Вурусему,— богини Солнца Мецдуллас и Хуллас и внучка Цинтухис. Сюда же восходят: бог Луны Каску, бог растительности Телепинус и его жена Хатепинус, богиня-защитница Инарас, бог-гора Цалиянус, его супруга Ца(с)хапунас и наложница Тацдувасис, бог-кузнец Хасамилис, бог войны и мора Сулинкатти, бог войны Вурункатте (хатт. «царь страны»), божества подземного мира Лельванис, Истустаяс и Папайяс, бог Солнца Истанус (<хатт. Эстан), обожествленный трон Халмасвитта (<хатт, ханвасуит) и многие другие.

*** Возможно, это то же, что Купапас хеттов, Кубаба хурритов, Кибела более поздней Малой Азии, вероятно восходящие еще к «прототигридскому» субстрату.

изобразительного искусства. Известны и зооморфные образы. Так, бог грозы иногда фигурирует в образе быка (или горы).

Обычно божество изображается стоящим на священном животном — льве, леопарде, лошади, олене, баране и т. п.— с атрибутами, подчеркивающими функции бога: палицей, жезлом, копьем, щитом и др.

Боги приурочены к одной из частей макрокосма — небесной, земной, подземной. По противопоставлению «земной — небесный» могли различаться однотипные божества. Так, небесный бог Солнца (Истанус) противопоставляется в ритуалах подземной солнечной богине земли (Вурусему). Любопытно, что одно и то же божество у людей называется одним именем, а среди богов — другим.

Почти каждое божество государственного пантеона связано с каким-нибудь определенным центром его почитания. Культовым центром богини Солнца Вурусему являлся город Аринна, бога Телепинуса — город Турмитта (Турхумит), а бога горы Цалиянуса, богини Ца(с)хапунас и бога Таццувасиса — город Кастама и т. д.

Божествам устраивались многочисленные ритуалы и праздники. Большинство ритуалов, вероятно, носило локальный характер. Например, в хеттской столице Хаттусе отмечалось восемнадцать праздников. В древнем хаттском культовом центре Нерик в начале года (весной), при первых громовых раскатах, проводился праздник грозы. Для бога грозы города Нерика и бога грозы города Цахалукка, божеств Инарас, Телепинуса и Хасамилиса устраивали также весеннее и осеннее празднества, а в честь бога Вурункатте — только осеннее. Кроме того, в текстах, восходящих к традиции Нерика, говорится, например, о двенадцати ежемесячных праздниках бога грозы города Нерика и бога грозы города Цахалукка. Эти последние происходили в середине месяца, по-видимому, в течение трех-четырех дней. В Нерике отмечались также праздник урожая и факельный праздник.

Совершались также ритуалы и магические обряды по любому возможному случаю — сооружения нового дворца и храма, установления во дворце нового засова, очищения войска, потерпевшего поражение, изгнания болезней, восстановления функций органов тела, прекращения раздора в доме и т. п. Обряды же черной магии были запрещены. Так, согласно Хеттским законам (§ 55): «Если свободный человек убьет змею и (при этом) скажет имя другого человека, (то) он (должен) дать (в качестве возмещения) одну мину серебра. А если (совершит это) раб, (то) он сам умрет (будет умерщвлен)».

Во время ритуалов и обрядов приносились в жертву животные: бык, корова, козел, овца, свинья, собака (или какая-нибудь часть животного в сыром или жареном виде); напитки: вино, разные сорта пива, молоко или мед и масло; мучные изделия, фрукты. Некоторым богам можно было приносить в жертву только определенных животных. Иногда в жертву приносили человека («пленного», «уведенного» — *арнувалас*).

Богослужение, включая жертвоприношения, сопровождалось песнопениями (совершавшимися на языке того народа, к традиции которого относилось божество, фигурировавшее в обряде), танцами (иногда в подражание какому-либо животному) под аккомпанемент струнных и ударных инструментов.

Совершение ритуалов являлось основной обязанностью служителей храмов. Жрецы ежедневно совершали омовение божества (его статуи), снабжали его едой и питьем, услаждали песнями и танцами. Вся жизнь их была ограничена определенными запретами, и если они нарушали, например, особые правила взаимоотношений с семьей или обращения с огнем и т. п., то они сами, а также члены их семей могли быть осуждены.

Вместе с жрецами в ритуалах принимали участие придворные, осо-

бенно часто упоминаются придворные с титулами «сын дворца», мешеди, «виночерпий», «стольник», «повар», «чашник», «привратник», «брадобрей», «человек жезла» и др.

Придворные и служители религии нередко участвовали в ритуалах и ритуальных праздниках, проводившихся под непосредственным руководством царя и царицы (иногда и царского сына, по-видимому наследника престола). К царским ритуалам прежде всего относится новогодний ритуал *вуруллия*, KILAM*, а также многодневные, до нескольких десятков дней, весенний — *антахшум* (по названию какого-то растения, возможно шафрана) и осенний — *нунтариясха* (от глагола *нунтарну* — «спешить»), связанные с хаттской традицией. Во время антахшума и нунтариясхи царь и царица ездили в важнейшие культовые центры Хеттского государства, где совершались обряды, посвященные различным богам страны.

Считалось, что от благополучия царя и царицы зависит благосостояние всего населения страны. Поэтому многие хеттские обряды посвящены «обновлению» сил царя и царицы, дарованию им и их потомству долгих лет жизни. С этой же целью проводились, например, и так называемые обряды «возмещения». В них пленный мужчина, одетый в царские одеяния, рассматривался в качестве ритуальной «замены» царя, а пленная женщина — в качестве «замены» царицы, для ритуальной «замены» использовали и статую. Так, во время проведения одного из таких ритуалов статую обували в хаттскую обувь**, наряжали в царские одежды, на голову возлагали корону, к ушам подвешивали серьги.

Личность царя и царицы была окружена рядом ритуальных запретов. Ритуально-нечистым лицам нельзя было приближаться к царю. Сапожники, скорняки, изготовлявшие кожаные предметы для царя и его колесницы, могли использовать шкуры, полученные только из «дома повара». Крайне осторожными должны были быть и лица, доставлявшие воду царю: «Вы, водоносы, которые внутри (во дворце)! И в деле воды будьте очень осторожны, и воду ситом процеживайте! Как-то я, царь, в городе Санахвиттас в медном сосуде обнаружил срезанный волос. И (моя) царская душа разгневалась, и на водоносов я рассердился: „Это-де осквернение!“ Так ответил Арнулис: „Цулияс был послан (за водой)“. Так сказал я, царь: „Пусть Цулияс пойдет к реке! Если он чист, то он очистится, а если же осквернен, то пусть он умрет!“» Существовали и предписания, которые ограничивали действия самого царя.

Царь и царица находились под покровительством богов, которые защищали их от козней подданных и внешних врагов: «Лабарнас-царь богам угоден да будет! Страна принадлежит богу грозы. Небо, земля, воины принадлежат богу грозы. И он Лабарнаса-царя своим наместником сделал, и ему страну Хаттусу целиком отдал. И страной всей Лабарнас рукой своей да управляет! Кто же к нему, Лабарнасу-царю, и к его области приблизится, того бог грозы да поразит!» Считалось, что боги оказывали содействие царю в сражениях. Например, хеттский царь Мурсилис II так сообщает о своем завоевании страны Арцава: «Когда горы Лаваса я достиг, и могучий бог грозы, господин мой, явил свою божественную власть, и показал палицу, и войско мое палицу видело, (и) страна Арцава (ее) видела. И палица пошла (разить врагов), и страну Арцава она поразила, и город Апасас Уххацитиса она поразила».

Если правитель какой-нибудь страны, имевший договор с хеттским царем, нарушал условия соглашения, то «тысяча богов» хеттов должна была погубить виновного вместе с его домочадцами, «странами, городами,

* Шумерское написание; хеттское произношение неизвестно.

** Использование хаттской обуви указывает на то, что этот ритуал «замены» связан с хаттской традицией.

виноградниками, пустошами, угодьями, быками, овцами — со всем, что бы ни было у него».

В случае смерти царя, когда он, по выражению хеттов, становился «богом», над телом совершался в течение четырнадцати дней погребальный ритуал. Сначала труп сжигался в так называемом постоянном огне, огонь поливался вином и пивом. Обгоревшие останки опускались на некоторое время в сосуд с маслом. Затем они заворачивались в ткани и красивые одеяния. Впоследствии прах помещался в «каменный дом» (личную усыпальницу, мавзолей). Здесь устраивалось угощение для участвовавших в ритуале, приносились жертвоприношения в честь умершего и важнейших божеств страны. В дальнейшем новоявленному богу воздавались в «каменном доме» те же почести, что и другим божествам государственного пантеона. Сходным образом устраивались и похороны царицы. Хетты хоронили своих покойников либо в земле, либо в сосудах.

Среди многочисленных хеттских текстов богазкёйского архива лишь незначительная часть сочинений имеет литературное значение. Это прежде всего мифологические повествования, связанные с местной традицией *. Эти тексты в отличие от аналогичных повествований, заимствованных, например, у хурритов, являлись также составными частями ритуалов. Они были унаследованы от хаттов.

Так, с хаттской традицией связано сказание о борьбе бога грозы со змеем Иллуянкасом, рассказывавшееся на празднике Нового года — *вуруллияс*. Оно сохранилось в двух различных версиях, одну из которых мы приводим: «Когда бог грозы и змей Иллуянкас в городе Кискилуссас сразились и змей Иллуянкас бога грозы победил, бог грозы всех богов попросил: „Вы (ко мне) приходите!“ И богиня Инарас устроила пир, и все во множестве она подготовила: сосуд с вином, сосуд с пивом *марнувандас*, сосуд с пивом *валхис*. И с сосудом она вошла и устроила (праздник). Затем Инарас в город Цигаратта пошла и (там) встретила Хупасияса, дитя человечества. Так (говорит) богиня Инарас Хупасиясу: „Смотри! Вот это дело я сделаю, и ты ко мне переселись!“ Так (отвечает) Хупасияс богине Инарас: „Когда я с тобой как с женщиной посплю, (тогда) я приду и (то, что угодно) сердцу твоему, сделаю“. Инарас с ним провела ночь, а потом увела Хупасияса и спрятала его. Затем Инарас принарядилась и змея Иллуянкаса из норы (= входа в подземный мир) позвала: „Смотри! Праздник я устраиваю. Приходи ты ко мне есть и пить!“ Вот они — змей Иллуянкас вместе с сыновьями своими — вверх поднялись, и поели они (и) выпили. Весь сосуд они выпили и упились, к норе уже не идут. (Тут) Хупасияс пришел и связал (с помощью) пут Иллуянкаса. Бог грозы пришел и убил змея Иллуянкаса. И боги были (вместе) с ним».

Наиболее многочисленную группу мифологических текстов представляют повествования об исчезнувшем боге. В роли божества в одних вариантах фигурирует бог Телепинус, а в других — бог грозы. Кроме того, известны сходные со сказанием о Телепинусе фрагментарные тексты, в которых рассказывается о божествах Анцилисе и Цуккисе, боге грозы города Куливисна и богине-матери Ханнаханнас. Но лучше сохранился вариант, в котором в качестве исчезнувшего бога выступает Телепинус. Известны три версии этого повествования, а также несколько связанных с ним фрагментов (все они в целом сходны друг с другом и различаются лишь некоторыми деталями).

В нем рассказывается, как, по-видимому, в результате какой-то ссоры со своим отцом, богом грозы, Телепинус в гневе исчез. Мотив гнева под-

* О литературных текстах, заимствованных хеттами у хурритов и через посредство этих последних у других народов древнего Востока, см. выше.

черкнут тем, что Телепинус путает свою обувь. Правый башмак он надевает на левую ногу, а левый — на правую ногу. После исчезновения Телепинуса «(густой) туман окутал окна, дым охватил дом. В очаге же замерли* поленья, на постаментах замерли боги. Внутри скотного двора точно так же замерли овцы, внутри хлева замерли коровы. Овца отказалась от своего ягненка, корова же отказалась от своего теленка... Ячмень и полба не созревают, и коровы, овцы, люди не зачинают. (Те же), что зачали, не рожают. И горы высохли, деревья высохли, и побеги (на них) не появляются. Пастбища высохли, источники высохли, и внутри страны голод наступил, люди и боги от голода начали погибать».

Далее повествуется о том, что бог Солнца организует «пир», на который собирается тысяча хеттских богов. Однако боги «ели, но не насытились, они пили, но не утолили жажды». Тогда боги (в том числе и отец Телепинуса) начинают разыскивать исчезнувшее божество, но нигде не могут найти его. На розыски Телепинуса «в высоких горах, глубоких долинах, черных волнах» отправляют «быстрого орла». Но и он не может нигде найти бога. И лишь пчела обнаружила Телепинуса на лугу, вблизи Лихцина, и, ужалив руки и ноги бога, пробудила его.

Возвратившись обратно в свой дом, Телепинус «страну свою (поименно) сосчитал. Туман покинул окна, дым покинул дом. На постаментах боги ожили**, поленья в очаге ожили, внутрь скотного двора овец он впустил, внутрь хлева коров он впустил. И мать заботилась о своем сыне, овца заботилась о своем ягненке, корова заботилась о своем теленке, а Телепинус — о царе (и) царице. И их жизнь и здоровье на будущее он сосчитал».

Кроме этих повествований частично сохранился также (на хеттском и хаттском языках) мифологический текст о луне, упавшей с неба. Его рассказывали тогда, «когда бог грозы сильно гремит». Найдены также мифологические отрывки, чтение которых входило в программу ритуалов, посвященных сооружению нового дворца и установлению во дворце нового засова. Несколько лет назад опубликован и древнехеттский эпический текст, именуемый в литературе как «Повесть о детях царицы города Кантеса». Дошел до нас и пока единственный образец собственно хеттского поэтического текста, метрические размеры которого связаны с общеиндоевропейской метрической традицией. Литературное значение имеют и такие оригинальные исторические и политические сочинения, как «Надпись Аниттаса», «Анналы», составленные от имени хеттских царей: древнехеттские — Хаттусилиса I, новохеттские — Суппилулиумаса I, «Пространные», «Десятилетние» — Мурсилиса II, а также «Автобиография» — Хаттусилиса III и некоторые другие тексты.

Описание материальной культуры Малой Азии II тысячелетия до н. э. следует начать с памятников, найденных при раскопках карума и города Каниша (XX—XIX вв. до н. э.), и прежде всего с разнообразной керамики, в основном малоазийского происхождения. По форме эту керамику можно разделить на «неизобразительную» и «изобразительную». К первому типу относятся сосуды обычных, «посудных» форм, ко второму — изделия, возможно изготовлявшиеся для ритуалов и выполненные в форме фигур и голов животных, раковин улиток, сапожков. Иногда простые сосуды имели изобразительные крупные налепы, так что здесь сочетались оба принципа. Обоим типам сосудов присущи признаки, унаследованные из более ранней малоазийской традиции: эстетически осознанная простота и скупость форм, пристрастие к большим, тщательно, чисто обработанным поверхностям. Ил. 35

* Букв. «были придавлены».
** Букв. «были приведены в порядок».

38. «Изобразительная» ритуальная керамика из Каниша:
а) ритон в виде льва;
б) ритон в виде сапога

По способу обработки поверхности канишская керамика делится на два вида — расписную и «гладкую». Роспись выполнялась черной и красно-коричневой красками по естественному светлому, желтоватому фону глины. Роспись покрывала сосуды обоих описанных типов. На «изобразительных» сосудах и роспись была соответственной — воспроизводила крой, узоры и шнуровку сапог, шкуру и гривы зверей. «Неизобразительные» сосуды расписывались мелким геометрическим, обычно прямоугольным орнаментом — либо целиком, либо в картушах на плечиках изделий. В этом случае роспись совмещалась с «гладкой» обработкой сосуда.

«Гладкая» обработка представляла собой довольно сложную технику: сосуд обмазывался ангобом — слоем жидкой глины красно-коричневого, реже черно-коричневого цвета, лощился и потом покрывался глазурью. В этом приеме нашли наиболее яркое выражение художественно-ремесленные принципы, характерные для этих мест уже в III тысячелетии до н. э. Отметим, что сами формы глазурованных сосудов более разнообразны, богаты, изящны. В них сочетаются крупные объемы тулова — круглые, с ребристым перегибом плечиков, вытянутые, с тонкими, округло изогнутыми ручками, удлиненными сливами и носиками. В сосудах, изображающих фигуры или головы животных, керамисты Каниша также сочетают гладкую, «тянущуюся» поверхность формы с крупными, характерными, сочными деталями — круглыми глазами, клыкастыми пастями, мощными когтями. Однако такие сосуды не становятся статуэтками, а продолжают оставаться посудой.

Что касается собственно хеттского искусства, то, пожалуй, наиболее показательным его видом является каменный рельеф. Именно он наиболее полно, ярко и наглядно отражает идеологию Хеттской державы с ее симбиозом власти светской и духовной, идеологию, центром которой был дворец-храм, живущий ритуальной жизнью. Тем не менее за время существования Хеттской державы так и не сложился полностью единообразный канон, хотя ряд общих и основных принципов создания хеттских рельефов, несомненно, существовал и эти принципы придавали ему собственное, ярко выраженное и неповторимое лицо; он всегда как бы возникает из массы камня. Это подчеркивается и его небольшой высотой, и ясностью и простотой крупных фигур, застывших в ритуальных «каменных» позах. Даже подробная разработка деталей на изображении бога Тархунтаса в царских воротах Хаттусы не нарушает целостности и монументальности изображения каменного стража, так как все узорные детали — орнамент на юбке, волосы на груди и т. п.— выполнены тонкой гравировкой и видны только вблизи.

Ил. 40

36 а

36 б

37. «Неизобразительная» керамика из Каниша:
а) красноглиняный глазурованный сосуд;
б, в) расписные полихромные сосуды
38. Скальное святилище в Язылыкая:
а) план;
б) рельефы с изображениями бога-меча и царя Тутхалияса III/IV
39. Фрагменты рельефов скального святилища в Язылыкая

Сфинксы из ворот Хаттусы (прототип ассирийских крылатых львов и быков), как и изображение (из Аладжа-Хююка) львицы, терзающей теленка, хотя и объемны, но и они выполнены в принципах рельефа, сливающегося с монолитом камня, из которого они высечены.

В манере обработки камня хеттскими мастерами можно выделить три типа: невысокий рельеф с пластической округлой трактовкой деталей — частей тела, атрибутов и т. п. (рельефы Хаттусы, изображения богов в скальном святилище Язылыкая); «контурный» рельеф, линии которого были подняты над поверхностью фона, употреблявшийся для изображений царей и богов (Язылыкая), несомненно заимствованный из глиптики и перенесенный в огромном увеличении, но в неприкосновенности вместе с иконографией образа на скалы; плоский рельеф, слегка приподнятый над фоном, контуры которого очерчены вертикальными гранями, с такой же плоскостной разработкой деталей (Аладжа-Хююк). Этот прием, как и геометризованность частей изображения, привел бы к крайней сухости, если бы не мощные, округлые изгибы некоторых фигур, контрастирующие с жесткостью техники резьбы по камню.

Пропорции фигур, близкие к естественным, как и изображение лица, были канонизированы по типу, выработанному уже в старохеттское время: круглая голова всегда в профиль, чуть покатый лоб, резко выступающий вперед и слегка опущенный крупный нос, подчеркнутая носогубная складка, небольшой сжатый рот и несколько отступающий назад крепкий небольшой гладкий подбородок. Это же лицо, только в объемном исполнении, мы видим в бронзовой пластике. Хеттские мастера выработали этот канон как идеальный тип лица вне зависимости от пола и возраста, и многочисленные египетские изображения хеттов с лицами, точно повторяющими хеттские образцы, подверждают, что он создавался на основе непосредственного наблюдения, типизации черт именно антропологического облика малоазийцев (арменоидной малой расы). Этнографическая точность в передаче реалий — одежды, вооружения и т. п.— также подтверждается сравнением с египетскими памятниками.

Канонизации подвергались и изображения ритуальных поз, движений, отдельные сочетания фигур.

Композиции хеттских рельефов на скалах и ортостатах (каменных пристенных плитах) просты, ясны, строятся путем постановки рядом друг с другом небольшого количества крупных фигур и предметов, часто подчиненных однообразному ритму. Соблюдается принцип изокефалии, т. е. головы всех персонажей изображены на одном уровне. Вместе с тем хет-

37а

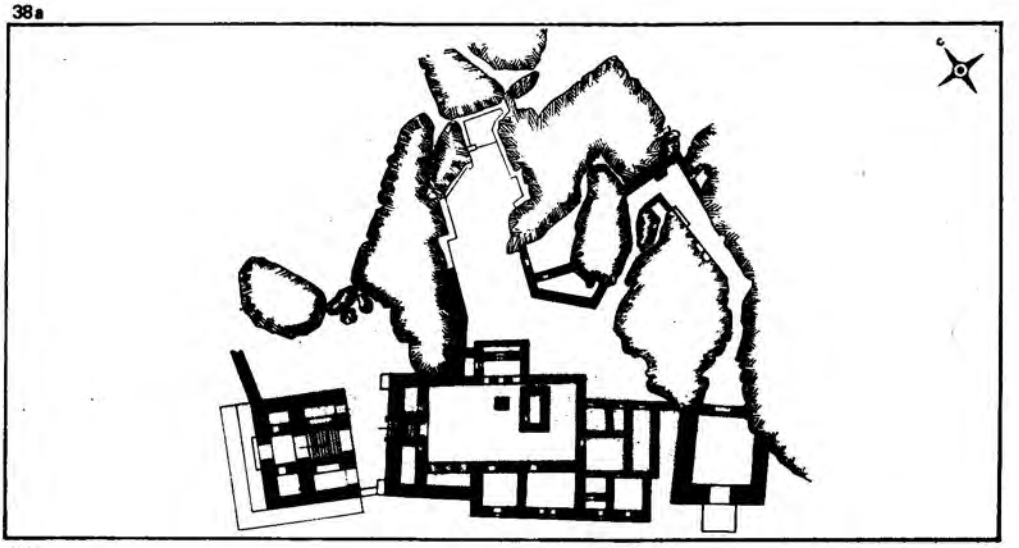
37б

37в

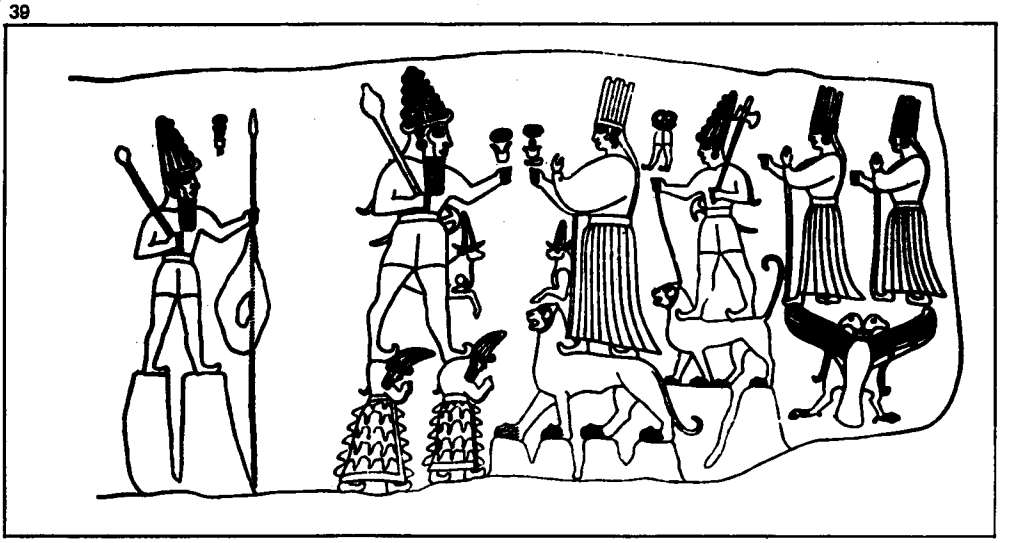

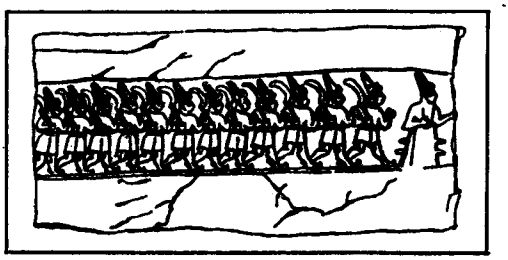
38а

38б

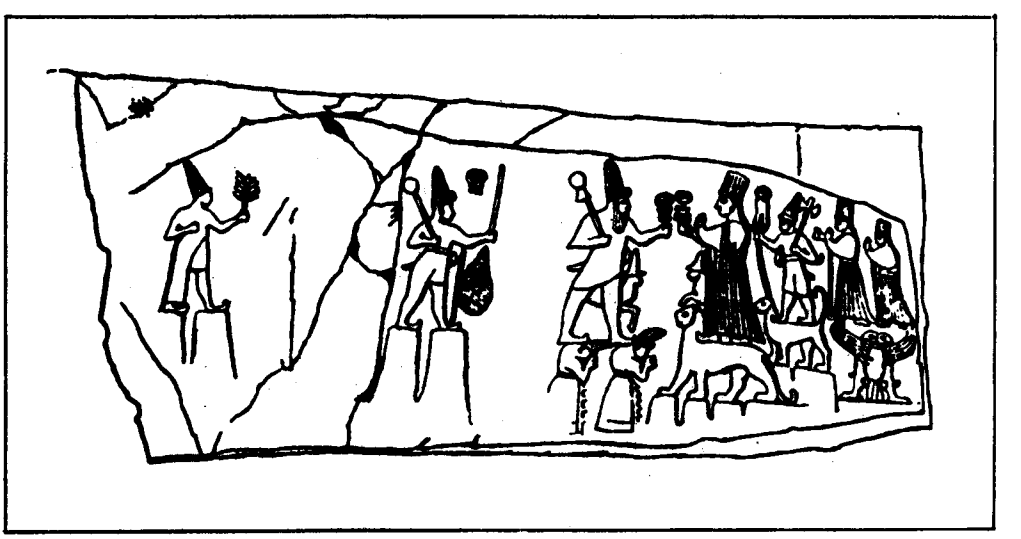

40. Бог Тархунтас, рельеф ворот Хаттусы
41. Ортостаты из Аладжа-Хююка:
а) царское молебствие;
б) охота на льва
42. «Львиные ворота» в Хаттусе
43. Святилище в Эфлатун-пунаре
44. Укрепления Хаттусы:
а) цитадель (реконструкция по Р. Науманну);
б) «царские ворота»;
в) подземный ход

ты так и не создали единой системы оформления святилища. Причиной тому — хеттская религия с ее окончательно не сложившимся пантеоном, культовая самостоятельность отдельных районов.

Особенно интересным памятником конца Новохеттского царства является святилище Язылыкая. Оно представляет собой целую систему — сочетание созданных человеком храмов и естественных священных ущелий, покрытых рельефами. От трех зданий храмов дошли только фундаменты, позволяющие судить о планировке. Храмы запирали вход в священные ущелья, в которых, вероятно, происходили главные действа. Изображения на рельефах свидетельствуют о богослужениях, посвященных различным божествам. (Божества эти хурритские, но имена их написаны лувийскими иероглифами.)

Ущелья Язылыкая говорят о культе священных мест, игравшем важную роль в хеттской идеологии. Действительно, многие рельефы связаны с такими священными местами — скалами, на которых высекались рельефы (Зиркели, Гявуркалеси, Карабел, Акпунар), с источниками, над которыми воздвигались из обтесанных глыб кубические сооружения, опять-таки покрытые рельефами (Эфлатунпунар у озера Бейшехир). Несомненно, именно культ священных мест повлиял на расцвет хеттского рельефа, на его характерные особенности, его огромную роль в культуре хеттов. Судя по структуре расположения рельефов в Язылыкая, мы видим здесь либо комплекс священных мест разных богов, либо одно священное место, где обитали разные боги. Отсюда происходят некоторая неупорядоченность в расположении рельефов и помещение одинаковых сюжетов, например шествия богов, в различных по своему назначению местах ущелий. Тем не менее в таком виде все оформление Язылыкая вполне соответствовало своему культовому назначению и должно было оказывать огромное воздействие на участников ритуала.

Для хеттской архитектуры характерны лаконизм форм и оформления, монументальность, слитность с гористым, скалистым рельефом страны и вместе с тем контрастность четкой прямоугольности архитектурных объемов с неровностями рельефа.

Города, особенно столица Хаттуса, строились в виде мощных крепостей с одной или несколькими цитаделями, в которых размещались дворцы и главные храмы. Строители учитывали рельеф местности при возведении оборонительных сооружений, состоявших из двух-четырех линий стен с башнями. Ворота помещались в проеме между двумя башнями, предвратные сооружения-ловушки отсутствовали. Храмы и дворцы пред-

40

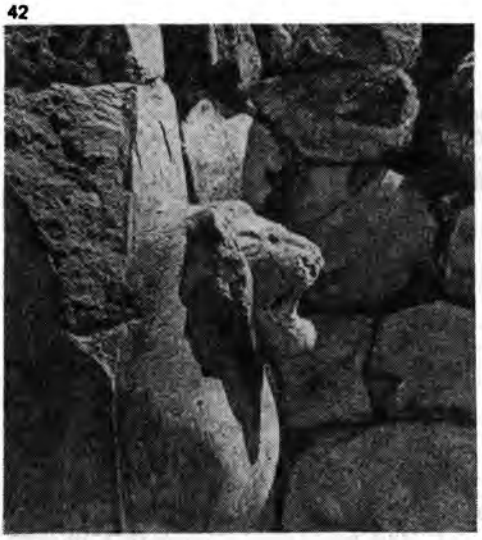
41а

41б

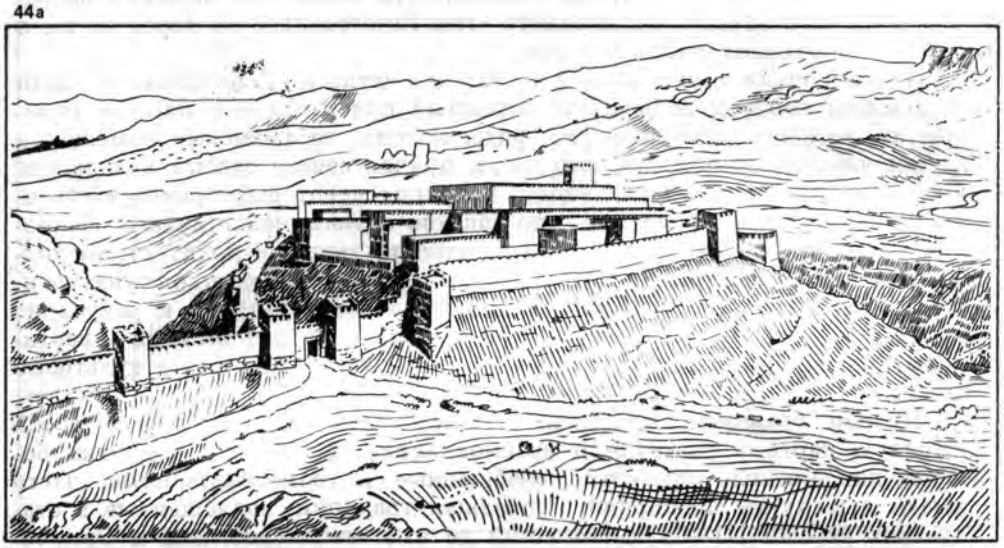
42

43

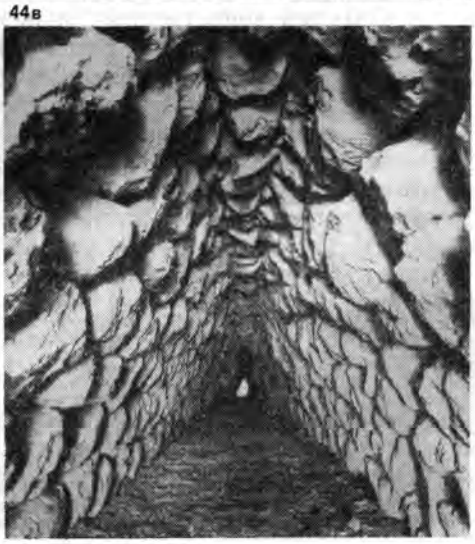
44а

44б

44в

45. Монументальная архитектура Хаттусы:
а) большой храм бога грозы (реконструкция по Р. Науманну);
б) интерьер дворца (реконструкция по Э. Акургалу)
46. «Ворота сфинксов» в Аладжа-Хююке
47. Бронзовые хеттские статуэтки бога из Богазкёя и богини
48. Хеттская «неизобразительная» керамика:
а) сосуд из Аладжа-Хююка, красное лощение;
б) фляга из Богазкёя, роспись
49. Хеттская «изобразительная» керамика:
а) утка с двумя головами, Богазкёй;
б) ритон в виде головы кошки, красное лощение, Алишар
50. Деталь хеттского сосуда с рельефами и раскраской

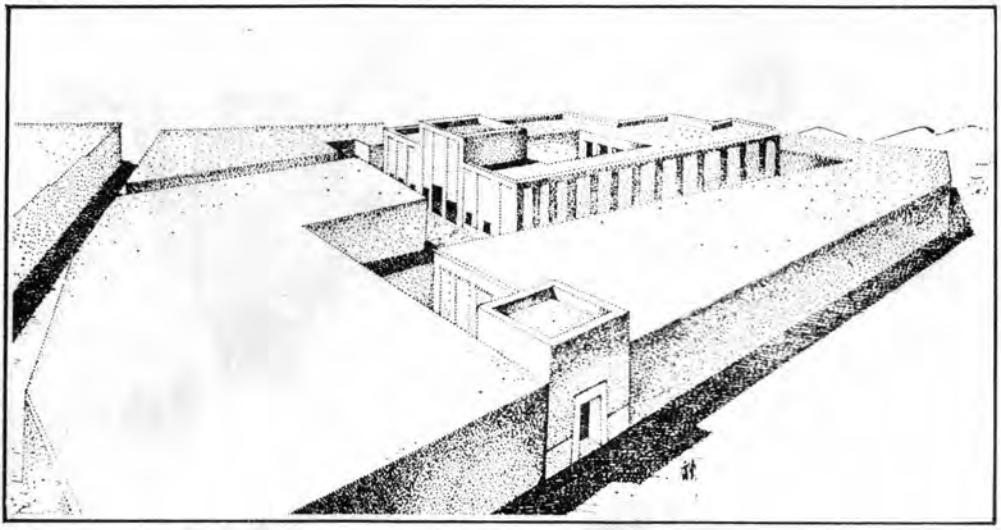
ставляли собой целые комплексы помещений, предназначенных для самых различных целей (включая склады). Эти комплексы наряду с рельефом местности определяли периметр стен. Естественно, что город не имел правильного геометрического плана.

В то же время планы зданий достаточно четки и легко читаются. Если логическим центром дворца был огромный приемный зал, плоское перекрытие которого опиралось на ряды колонн, то храмовые помещения группировались вокруг главного двора, причем святая святых находилась в стороне, противоположной входу. В планах некоторых храмов явственно членение на две половины, что связано с упоминавшимися особенностями хеттской религии. Простота и четкость хеттской архитектуры подчеркивались массивностью кладки стен либо гладкостью оштукатуренных поверхностей, которые лишь иногда в конструктивно и ритуально важных местах украшались «стражами ворот» и ортостатами — вертикально поставленными плитами с рельефами, изображавшими культовые сцены.

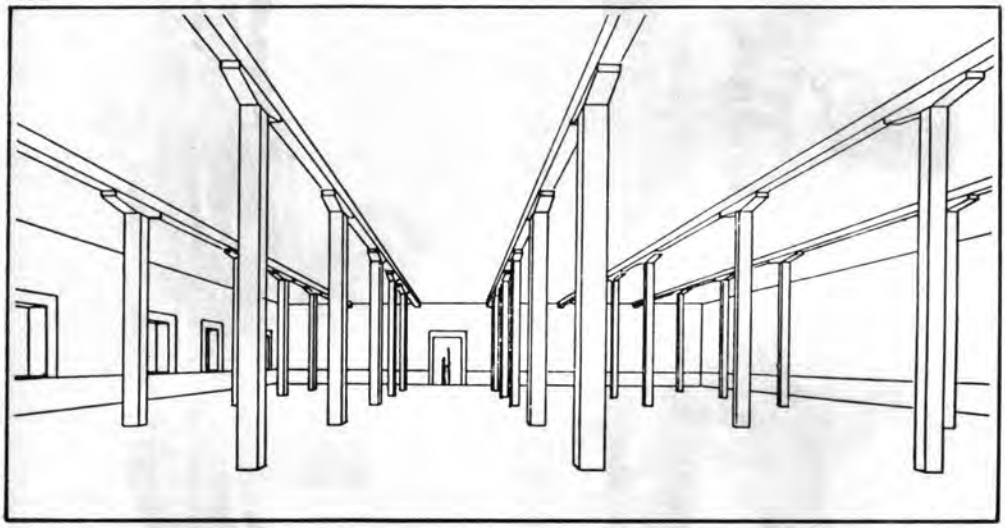
Ил. 47 Мелкая бронзовая пластика старохеттского времени являет собой сложную картину развития и взаимовлияний. Бронзовые статуэтки богинь, как правило предельно обобщенные и геометризованные, часто имеют вытянутые пропорции, продолжая традиции, воплощенные в статуэтках рубежа III—II тысячелетий до н. э. из Хасаноглана и Ороз-тепе. Фигурки воинственных мужских божеств выполнены в пропорциях, близких к естественным, с сильным, но тактичным подчеркиванием мужественности фигуры — широкие, тяжелые плечи, тонкая талия и узкие бедра, сухие, легкие ноги с развитыми мышцами. Мягко, но вполне ощутимо и пластично передана мускулатура. В этих мужских статуэтках прослеживается связь с бронзовой мелкой пластикой эгейского мира, но хеттские статуэтки более стереотипны, обобщены, в них совсем нет конкретности и элементов натурализма.

Ил. 33 Собственная традиция видна в старохеттской глиптике. Печати хеттских царей во все периоды существования Хеттского царства представляют, как правило, круглый штемпель, окруженный каймой с клинописной надписью. Внутренний круг заполнялся симметричной композицией из иероглифов и символов, либо здесь помещалась крупная фигура царя, окруженная иероглифами. Резались печати, как правило, линейной гравировкой, что в оттиске давало плоскостной и графический орнаментальный эффект. Позже в хеттскую глиптику проникают хурритские элементы, например характерная плетенка с точками.

45а

45б

46

47

48а

48б

49а

49б

50

В эпоху Старохеттского царства (XVII—XV вв. до н. э) керамика продолжала развиваться в традициях Каниша. Хотя исчезает расписная посуда, возрастает богатство форм гладкой керамики. Формы «неизобразительных» сосудов становятся более вытянутыми, стройными, чаще и резче применяются контрасты округлых поверхностей с острыми изгибами и ребристыми перепадами. «Изобразительная» керамика по-прежнему отличается точностью в отборе общей формы и скупых деталей, позволяющих мгновенно узнать изображенных животных и птиц, сохраняя при этом функциональную форму сосуда. Встречаются также изделия с большим количеством деталей, крупных, пластичных и выразительных, но уже нарушающих округлую гладкость сосуда. В этих вещах наблюдается влияние скульптуры севера Нижнего Двуречья.

В эпоху Новохеттского царства (около XV—XIII вв. до н. э.) в керамическом производстве происходят существенные изменения. Получают распространение большие парадные сосуды, украшенные многочисленными рельефами, налепами. То это крепостные стены и башни по венцу сосуда, то многолюдные сцены на боках изделий. Эффект пышности, парадности усиливается многоцветием ангобирования, раскраской обычно красно-коричневым, зеленовато-черным и желтыми цветами. Многоцветный сосуд покрывался глазурью. Сюжетные сценки перемежаются с орнаментальными поясами. Человеческие изображения на керамике повторяют каменные рельефы, но в изображении одежды керамисты более скупы, избегают подробностей, передавая одеяния нерасчлененной плоскостью.

Продолжает существовать керамика в виде фигур животных и птиц, но и она претерпевает изменения. Формы ее становятся жестче, суше, более подробно разрабатывается поверхность, манера украшения становится графичной, орнаментализованной. В развитии этого типа керамики происходит переход от чисто пластического решения к сочетанию пластики с графической декорацией.

Очень похожие процессы наблюдаются и в бронзовой пластике. Фигурки мужских божеств, сохраняя почти прежние пропорции (лишь утяжеляются ноги), более детализованы: изображаются мышцы, выделяются части тела, тщательно и подробно передаются детали одежды и причесок. И так же как в керамике, проработка эта решается не столько пластическими средствами, сколько графическими — линиями, очень плоским рельефом. Характерно, что такие детали, как руки и головные уборы, отливаются отдельно и прикрепляются на штифтах к фигуре. Статуэтки, находимые в сирийских районах, более графичны и стилизованы.

Интересно, что в глиптике, напротив, начинает появляться пластичность, что говорит об определенной самостоятельности этого вида искусства.

Оригинальное и самобытное искусство хеттов, унаследовавших и развивших многие хаттские традиции, не только развивалось впоследствии в позднехеттских государствах, но и оказало весьма значительное влияние на искусство Ассирии и Урарту.

6. Западная Малая Азия и эгейский мир. Падение Хеттской державы

Ход событий, приведших к падению Хеттской державы, до сих пор не установлен. Ясно, однако, что причины их надо искать в более западных районах Средиземноморья — в западной части Малой Азии, на Балканах, на островах Эгейского моря или еще дальше.

Цивилизация в области Эгейского моря возникла позже хеттской. На Балканах, к северу от Греции, высокоразвитые неолитические раннезем-

ледельческие культуры датируются еще VII тысячелетием до н. э., но полуострова и острова Греции долго оставались захолустьем. Даже в III и начале II тысячелетия до н. э. Греция отставала по своему развитию от более северных областей и предполагаемого древнейшего центра распространения индоевропейских языков в Восточной или Юго-Восточной Европе с его достаточно развитым земледелием и разнообразным скотоводством *. Хотя медно-каменный век в Греции в то время уже наступил, но металлические орудия были все же редки и появление их зависело, как видно, от ввоза издалека. Около 2200 г. до н. э. (с возможной ошибкой в столетие или больше) появляются следы разрушений и перемен в материальной культуре как в Греции, так и в западной части Малой Азии; конечно, нельзя утверждать с уверенностью, что причина заключалась во вторжении новых племен, однако это вероятно. В Малой Азии речь идет, как нам представляется, о вторжении хетто-лувийских (древнеанатолийских) индоевропейских племен; вторжение индоевропейских предгреческих племен в Грецию, вероятно, датируется несколько более поздним временем, скорее всего уже после вторжения говоры попавших на крайний юг полуострова племен стали складываться в диалекты предгреческого языка. Далее к северо-востоку в порядке все большего изменения говоров по сравнению с предгреческим на крайнем юго-западе могли гипотетически располагаться предфригийский (ближе к территории предбалто-славянского), предармянский (ближе всего к проливам между Эгейским и Черным морями) и предфракийские диалекты. По позднейшим греческим преданиям, по всему побережью Эгейского моря, в разных местах, были расселены племена, которых греки называли пеласгами. Если мы вправе судить по очень неясным с точки зрения их истолкования негреческим названиям местностей в этих районах и по словам, сохранившимся в греческом языке из догреческого, язык пеласгов, может быть, был тоже индоевропейским, но, возможно, ближе к предфракийским говорам.

В Малой Азии предполагаемые переселенцы конца III тысячелетия до н. э. разрушили город, условно обозначаемый археологами как Троя II, недалеко от Дарданелл (Геллеспонта),— важнейший пункт обмена Ближнего Востока с Восточной Европой, через который Европа, по всей вероятности, издавна получала новые породы скота, новые виды сельскохозяйственных растений. В материковой Греции наблюдаются разрушения ряда важных общин так называемого II Раннеэлладского периода (Лерна, Тиринф и др.); такие же разрушения обнаруживаются на полуострове Аттика и на некоторых из Кикладских островов.

Около того же времени или немного раньше наблюдается расцвет земледельческой культуры на острове Крит, где еще незадолго перед тем люди ютились по преимуществу в пещерах. Сначала в восточной части острова, а потом и в центре развивается культура ранней бронзы с заметными влияниями Малой Азии, а также Балканского полуострова, включая материковую Грецию и Киклады, и опосредствованно также Сирии и Египта. В разных местах острова возникают крупные общины со сложными, «лабиринтоподобными» постройками (любопытно, что они не имели никаких оборонительных сооружений). Эти «агглютинирующие» постройки с постепенно пристраиваемыми с разных сторон помещениями в свое время напоминали некоторым советским исследователям знаменитые дома-общины американских индейцев-пуэбло. С начала II тысячелетия до н. э. наиболее крупные из этих построек, например в Кноссе, вырастают в настоящие дворцы с изумительными фресками, канализацией

* О характере экономических и социальных условий жизни праиндоевропейцев мы знаем из анализа древнейшего общеиндоевропейского словарного состава.

51. Кносский дворец:
а) двор (реконструкция по С. Маринатосу);
б) световой колодец

и т. п., однако помещения их, даже так называемый «тронный зал» в Кноссе с каменным сиденьем для правителя и каменной скамьей вдоль стен для совета, совершенно лишены монументальности. Нигде также нет никаких следов прославления войны и побед правителя; все фрески и другие изображения либо орнаментальные, либо ритуальные, например изображающие пляски, акробатические игры с быком и т. п. Между тем остров был довольно беззащитен от внешних набегов: ладьи мореходов того времени не нуждались в гаванях, достаточно было галечного пляжа, чтобы втянуть на него суда подальше от морских волн. Тем не менее, если не считать двух катастрофических землетрясений в конце II и III Среднеминойского периода *, цивилизация Крита просуществовала без особых бедствий вплоть до конца XVI в. до н. э.; остров в те времена назывался Каптара (по-аккадски) или Кафтор (по-ханаанейски), а его жители — кафтиу (по-египетски).

Трудно сомневаться, что цивилизация Крита-Кафтора была раннеклассовой. Здесь уже к концу Раннеминойского периода (примерно к 2000 г. до н. э.) вырабатывается особая, самобытная иероглифическая письменность, а в Среднеминойский (первая половина II тысячелетия до н. э.) появляется словесно-слоговая письменность, так называемая «линейная А». Знаки писались на тонких глиняных пластинках, к которым обозначение табличек подходит больше, чем к толстым шумеро-аккадским глиняным плиткам. Так как местный материал для письма легче подвергался разрушению, чем месопотамский, то сохранились только те таблички, которые случайно были обожжены пожаром при разрушении какого-либо города. Письмо это еще не расшифровано, и языковая принадлежность населения Крита Среднеминойского периода надежно не установлена; но хорошо читаются числительные и некоторые идеограммы, и поэтому общее содержание критских документов ясно. Все документы представляли собой расходные (или доходные) ведомости с обозначением вы-

* По-видимому, второе из этих землетрясений, датируемое XVI или началом XV в. до н. э., имело причиной гигантское извержение вулкана, более сильное, чем даже известная катастрофа на о-ве Кракатау в Индонезии в 1883 г. Оно произошло на цветущем острове Фера (Санторин), одном из Кикладских островов, который, возможно, был в то время значительным центром цивилизации. Фера была почти полностью уничтожена и в значительной своей части ушла под воду. Огромные разрушения произошли также на Крите и соседних островах и побережьях, отчасти от землетрясения, отчасти от волн-цунами. Не лишено вероятия, что именно гибель Феры (это название остаток острова получил гораздо позже) послужила основой для легенды о погибшей Атлантиде.

51а

51б

52. Критское искусство, живопись:
а) юноши;
б) юная жрица;
в) богиня со змеями из Кносского дворца, многоцветный фаянс;
г) бронзовая фигурка поклоняющегося мужчины

даваемого (или получаемого) объекта и имени или звания лица; другими словами, мы и здесь, точно так же как в древнейшем Шумере, встречаемся с большим хозяйством, включавшим, видимо, многочисленных подневольных работников. Изучение табличек, а также изображений мореходов-кафтиу, прибывающих со своими «дарами» (или товарами) в Египет, заставляет предполагать, что благосостояние Крита зиждилось на овцеводстве и обильном вывозе шерсти в обмен на заморские товары; пути торгового обмена доходили от Крита не только до Египта, но и до Сирии и даже до Мари на Евфрате.

Труднее определить, чем объяснялся расцвет целого ряда городских центров, возникших в материковой Греции и на части островов Эгейского моря и относимых к так называемой микенской цивилизации; во всяком случае, есть все данные полагать, что это не было связано с изменением этнического состава населения. Подъем микенских центров относится к концу так называемого Среднеэлладского периода, примерно около 1600 г. до н. э. Эту цивилизацию характеризуют ранее всего погребения либо в виде каменных ящиков с водруженными над ними каменными стелами, с богатыми дарами покойнику (металлическая утварь и оружие), либо в виде монументальных каменных купольных гробниц; по всей видимости, это династические погребения правителей. Лишь около 1400 г. до н. э. начинается повсеместное сооружение каменных крепостей циклопической кладки; эти крепости были, безусловно, центрами в основном независимых друг от друга государств. Многие из крепостей расположены на местах, где позднейшая греческая традиция помещала центры царств, предшествовавших Троянской войне (Пилос, Микены, Тиринф, Афины, Фивы Беотийские, Иолк в Фессалии и т. д.).

В настоящее время не вызывает сомнения то обстоятельство, что и микенская цивилизация была классовой, хотя и здесь таблички, написанные особым вариантом критского письма — «линейным Б», сохранились, только будучи обожжены пожаром при гибели того или иного строения, и мы поэтому не знаем даты изобретения этой письменности, но зато благодаря гениальным работам М. Вентриса их можно читать; написаны они на особо архаичном греческом диалекте. Очевидно, это диалект тех греков дотроянского периода, которых гомеровские поэмы называют «ахейцами» или данайцами. Содержание табличек — опять-таки описи, перечни, ведомости и т. п. Но мы знаем, что во главе государства в городах микенской цивилизации стояли правитель с титулом «ванак», военачальник — *лавагетас*, совет старейшин — *геронси́я* и «властвующие» — *гвасилевийон-*

52а

52б

52в

52г

53. Критская керамика:
а) кувшин «стиля Камарес»;
б) ритон «морского стиля»;
в) кувшин «дворцового стиля»

тес * и что центральному управлению — «дворцу» — были подчинены ремесленники, жрецы, служащие и работники различнейших категорий, об определении которых в социальном смысле пока еще спорят; по-видимому, они были расселены по различным поселкам. Возможно, часть населения составляли свободные общинники, с которых собирались натуральные налоги и которые созывались на повинности, но общий характер хозяйственных текстов заставляет думать, что и здесь ведущим был государственный сектор экономики с трудовым населением типа позднейших «илотов» Спарты; возможно, именно они обозначались термином «доэлой», что соответствует позднейшему греч. «дулой» — «рабы».

В начале II Позднеминойского периода (около 1500 г. до н. э.) «ахейцы» захватили центральную часть Крита с городом Кноссом; здесь появляется греческое «линейное письмо Б», в то время как на остальной части острова, по-видимому, продолжали пользоваться «линейным А», письмом догреческих этеокритян — «подлинно критян». Не позже того же времени «ахейцы» укрепились и на Кипре (в царстве Аласия [Алашия]**), где создалась еще одна разновидность линейного слогового письма, в позднем варианте дожившая примерно до 200 г. до н. э. После 1450 г. до н. э., несмотря на упадок Кносса и некоторых других центров, распространение крито-микенской керамики от Сирии и Палестины до Липарских островов, к северу от Сицилии, говорит о широких торговых связях «ахейских» греков. В XIV—XIII вв. микенские, или «ахейские», поселения появляются не только на островах Эгейского моря, но впервые и на западном побережье Малой Азии — в Милете и около Галикарнасса и Колофона. Именно Милет, вероятно, известен (под названием Миллаванды, или Милаваты) в хеттских текстах времени Мурсилиса II и Муваталлиса. Более косвенное «ахейское» влияние достигло и Трои (по-хетт-

* Следует заметить, что в «линейном письме Б» *с, к* и некоторые другие звуки в конце слога не обозначаются и при этом глухие *п, т. к* не отличаются от звуков звонких и придыхательных. Некоторые исследователи считают, что таково было действительное ахейское произношение, но, поскольку это же самое явление свойственно чуть ли не большинству архаических письменностей мира, постольку мы имеем право отнести эти особенности за счет графики и реконструируем форму ахейских слов в соответствии с предполагаемой историей древнейшего греческого языка вообще. Следует заметить, что микенский диалект не был ахейским в смысле говора позднейшей Ахайи (севера Пелопоннеса). Поэтому здесь употреблено слово «ахейцы» в кавычках. Может быть, лучше было бы называть их данайцами во избежание недоразумений.

** Название «Аласия» относилось, собственно, лишь к одному городу (ныне городище Энкоми), но переносилось, по-видимому, и на весь остров.

53а

53б

53в

54. Критские и микенские печати:
а, б) критские печати из Кносса;
в, г, д) золотые перстни-печатки из Микен

ски, вероятно, Таруисы, или Вилусы); этот город был вновь отстроен и в период, который археологи называют Троя VI—VIIa * (середина — третья четверть XIII в. до н. э.), превратился в крепость и опять в опорный пункт для обмена и внешних сношений не только с ближними островами, например с Лесбосом (хетт. Лацпас), но и с Балканским полуостровом и с микенскими государствами на Европейском материке.

Возникает спорная проблема о государстве Аххиява, или Аххия, неоднократно упоминаемом в хеттских источниках. Спор о нем, начатый еще в 20-30-х годах Э. Форрером и Ф. Зоммером, пошел, по-видимому, по неправильному пути. Э. Форрер отождествлял термин «Аххиява» с названием государства Ахайя, под которым он разумел некую империю с центром в Микенах, возглавляемую гомеровским Атреем и его сыном Агамемноном; Ф. Зоммер справедливо указывал, что, учитывая историю как греческого, так и хеттского языка, термин «Ахайя» должен был бы в XIV—XIII вв. до н. э. звучать по-хеттски не *Аххиява*, а примерно * *Акайвиа*. Дело, однако, не в тождестве или различии терминов (тем более что он мог дойти до хеттов через посредство какого-либо неизвестного нам языка); к тому же сейчас более или менее ясно, что никакой «Микенской державы» никогда не существовало, да и гомеровские поэмы видят в Агамемноне, царе Микен, лишь главу коалиции городов-государств. Существенно иное: страна Аххиява в хеттских текстах явно связана с крайним (для хеттов) западом, с морем, с Миллавандой (Милетом?), с Лацпасом (Лесбосом); к тому же источники показывают, что это было довольно важное государство, которое хеттский писец один раз даже приравнял к великим державам **, таким, как Ассирия, Вавилония и Египет. Поэтому трудно сомневаться в том, что если только Аххиява не Троя (а нам кажется, что Троя — это скорее Вилуса), то это какое-то из важных «ахейских» государств — может быть, Родос, а в конце концов почему и не Иолк, Фтия или Микены или другое «ахейское» государство материковой Греции?

Во всяком случае, царь Арцавы Уххацитис в 3-м году правления Мурсилиса II пытался, по-видимому, опереться на Аххияву, и особенно на связанную с ней Миллаванду, в своей борьбе против хеттов; когда войска Арцавы были разбиты Мурсилисом, Уххацитис бежал «за море» — веро-

* Перерыв между Троей VI и Троей VIIa отражает не разрыв в культурах, а временное разрушение города в результате землетрясения.

** А именно в договоре Тутхалияса III/IV с Шаушкамувой, царем Амурру. Однако название Аххиявы было тут же вычеркнуто из текста.

54а

54б

54в

54г

54д

55. Критские и микенские ювелирные изделия:
а) клинок кинжала, бронза, инкрустированная золотом, серебром и чернью;
б) золотая подвеска;
в) золотая чаша;
г) золотая обкладка костяной шкатулки

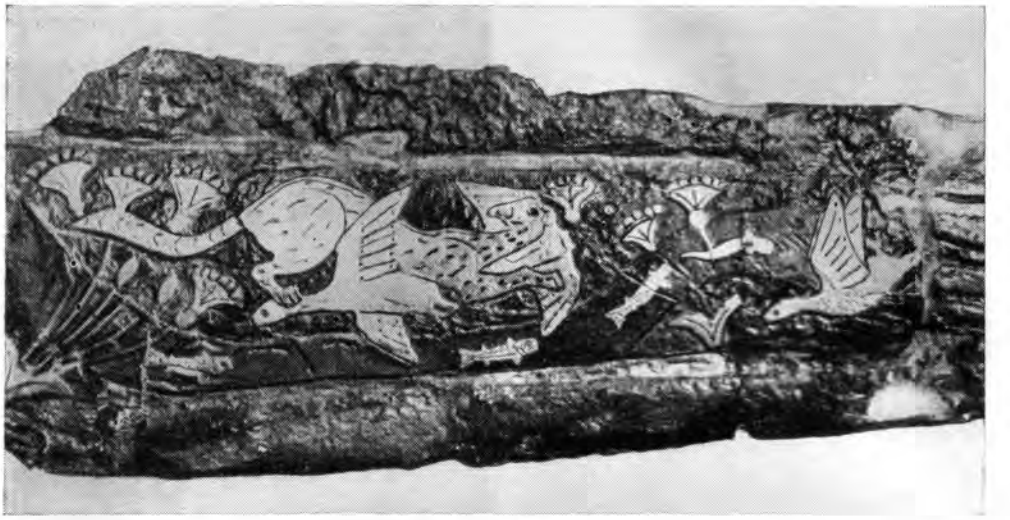
ятно, в Аххияву. Несколько позже страна Лукка (Ликия) в борьбе против пиратов поочередно прибегала к защите то Тавакалаваса, родича царя Аххиявы, то хеттов. Затем Тавакалавас дал согласие хеттскому царю войти в число его зависимых союзников, но, обиженный, по его мнению, недостаточно почтительным обращением со стороны хеттов, начал против них военные действия, а потерпев неудачу, укрылся в недоступном для хеттов месте — вероятно, опять-таки в Аххияве. Затем Аххиява выдала хеттам морского пирата (видимо, лувийца) Пийамаратуса, грабившего западные берега полуострова (он упоминается в переписке хеттских царей с царями Страны реки Сеха, Аххиявы и с правителями Миллаванды. При этом Манапа-Таттас, царь Страны реки Сеха, жалуется на нападение пиратов на свое царство, на страну Лацпас и на вынужденное подчинение некоему Атпасу, известному нам как аххиявский представитель в Миллаванде). Таким образом, хотя между Аххиявой и Хеттским царством происходили кое-какие недоразумения, однако в целом их отношения были мирными. Таково было положение, по-видимому, к началу царствования Тутхалияса III/IV (около 1250 г. до н. э.) *.

Вступив на престол, Тутхалияс старался поддерживать хорошие отношения не только с Египтом, но и с Ассирией **; при вступлении на ассирийский престол Тукульти-Нинурты I в 1244 г. до н. э. он послал ему более чем дружеское приветствие, пытаясь лишь отговорить его от опасных для хеттов походов на Армянское нагорье. Дело в том, что мелкие царства верхнеевфратской долины и долины Арацани, оказавшись меж двух огней — Хеттским царством и Ассирией, проявляли довольно естественные в этой обстановке колебания, продолжать ли служить хеттам.

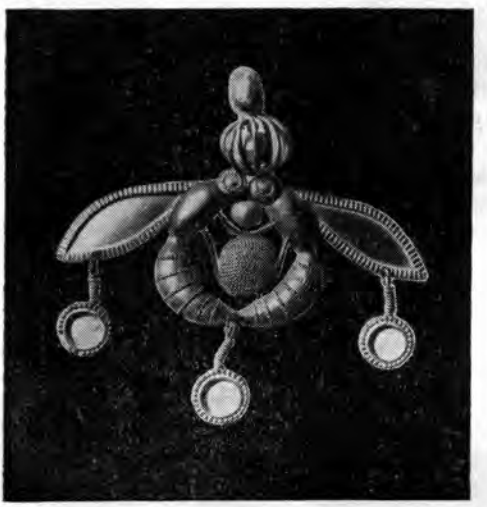
* К сожалению, неясна датировка интересного эпизода, связанного с именем некоего Маттуваттаса. Этот человек прибыл к хеттскому двору (Тутхалияса III/IV? Или значительно раньше, как думают другие исследователи) в качестве беглеца от преследования Аттариссияса, правителя Аххии (Аххиявы). Хеттский царь посадил его правителем в один из пограничных (прибрежных?) городов, но тут Маттуваттас снова подвергся нападению Аттариссияса, отброшенного с помощью хеттского войска. Вскоре, однако, Маттуваттас возглавил всеобщее восстание юго-запада полуострова против Хаттусы и даже вступил в союз с тем же Аттариссиясом с целью нападения на Аласию (Кипр); на протест хеттского царя Маттуваттас ответил, что ему не было известно, что Аласия — хеттская территория.

** В то же время он очень боялся Ассирии. Интересно, что в заключенном Тутхалиясом договоре с Шаушкамувой, царем Амурру, специально оговаривается запрещение Амурру торговать с Ассирией и даже пропускать ассирийских торговцев через свою территорию; из всего тона договора видно, что Тутхалияс ожидал войны с Ассирией.

55а

55б

55в

55г

56. Обрядовые ритоны в форме волов животных:
а) критский ритон из черного стеатита в виде головы быка;
б) микенский золотой ритон в виде головы льва
57. Каменный кубок, Микены

Хотя при нынешней неясности в вопросах хеттской хронологии этого нельзя утверждать вполне уверенно, но нам кажется, что ко времени Тутхалияса III/IV или одного из его преемников надо отнести договор Хеттского государства с государствами этого района (Паххувой в верхнем течении Евфрата — Карасу, около современного Дивриги? и др.). Текст договора рисует картину, соответствующую скорее всего обстановке второй половины XIII в. до н. э., поскольку в нем совершенно не упоминается союз Аццы — Хайаса: либо он вовсе потерял всякое влияние в верхнеевфратской долине, либо вообще распался; города Туккама, Куммаха и т. п., ранее принадлежавшие к союзу Аццы — Хайаса, теперь действовали самостоятельно. Картина эта представляет значительный интерес, так как к рассматриваемому времени путь вниз по верхнеевфратской долине стал одной из важных обменных коммуникаций Передней Азии в связи с открытием в Закавказье многих рудных богатств.

Когда хеттский царь (имя которого в тексте не сохранилось) совершал поход против Куммахи на верхнем Евфрате, то Митас *, царь Паххувы, связанный брачными узами с дочерью противника хеттов, не только не выполнил своего союзного обязательства — поставлять хеттам военные контингенты, но и укрыл враждебных хеттам беглецов и захватил людей и скот с территории союзной с хеттами Ишувы; вместе с Митасом действовал какой-то Калимунас. Однако военные успехи хеттов заставили «людей Паххувы» (ее народное собрание?) добиваться мира с Хеттским царством. Царь хеттов поставил условием мира выдачу ему Митаса и дома Калимунаса со всеми их родичами и имуществом, а также беглецов и возмещение ущерба Ишуве. Гарантами выполнения этого обязательства являлись правители соседних с Паххувой областей. Одновременно в хеттское подданство принимается ряд «стран» — как по правобережью, так и по левобережью верхнего Евфрата, как видно между тем отложившихся от Хаттусы, в том числе Ишува, Мальдия (ныне Малатья) и др. Причиной дружного подчинения всех этих «стран» хеттам должна считаться ассирийская угроза. Договор был заключен не с «царями», а с советом старей-

* По-видимому, то же что Мидас — имя царей Фригии в центре Малой Азии VIII в. до н. э. Однако это не значит, как полагали некоторые, что фригийцы уже успели добраться до Евфрата. Как мы знаем из анналов Тиглатпаласара I, новые для Малой Азии племена дошли туда только около 1165 г. до н. э., да и невозможно было бы туда добраться с Балкан (несомненной родины фригийцев), не разрушив прежде Хаттусу. Гораздо вероятнее, что фригийский царь Мидас носил дофригийское имя, как некоторые хеттские цари — хаттские имена.

56а

56б

57

58. Микены (реконструкция):
а) акрополь;
б) внутренний двор во дворце

шин этих «стран», хотя поименно перечисляются и правители отдельных крепостей.

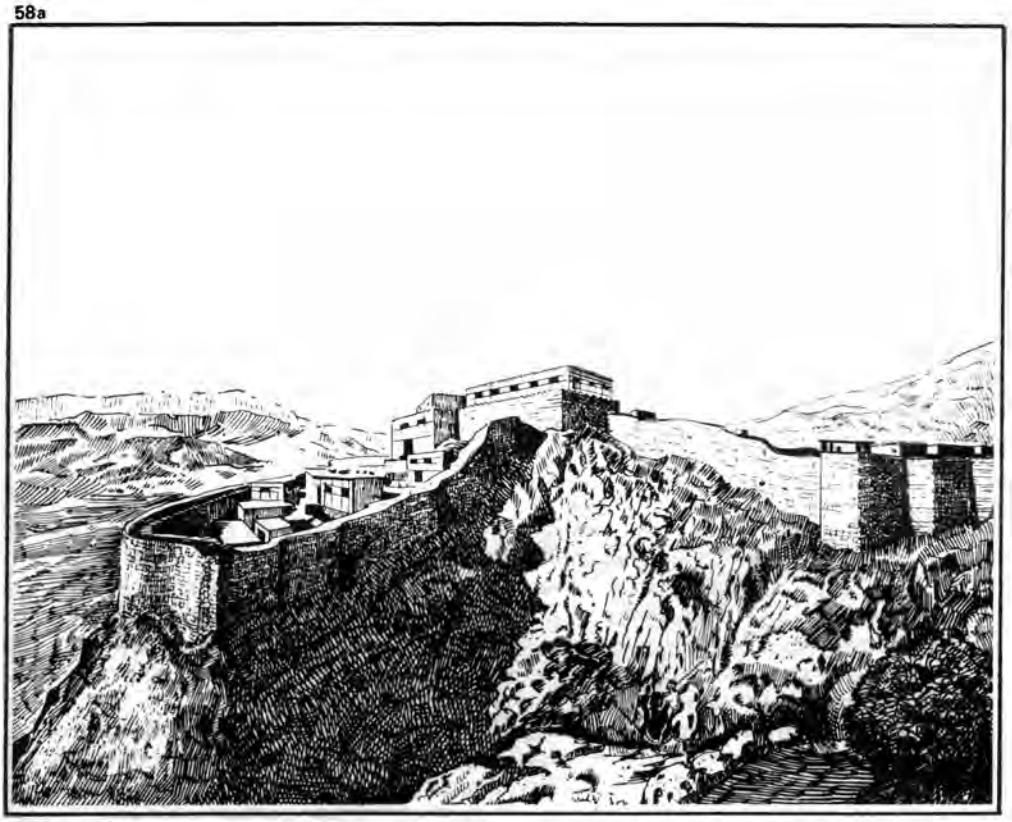
Из ассирийских источников нам известно, что Тукульти-Нинурта I действительно вторгся на правый берег верхнего Евфрата и даже якобы увел в плен оттуда почти 30 тыс. хеттов. Имело место это событие до или после договора с Паххувой, Ишувой, Мальдией и др., установить пока нельзя. Любопытно, что Тутхалияс счел нужным перенять титул ассирийского царя — «царь множеств (или вселенной)».

Из сильно разрушенных анналов Тутхалияса III/IV видно, что при нем запад Малой Азии отпал от хеттов; анналы сообщают о хеттских кампаниях, проведенных здесь,— против Страны реки Сеха, занятой царем Аххиявы; против той же страны, Арцавы и др.; дважды против Ассувы, где военные действия, видимо, приняли очень широкий размах, так как хетты, по словам анналов, одних пленных взяли 10 тыс. пехотинцев и 600 колесничих; в этой же связи названы Вилусия (т. е. Вилуса?) и еще несколько местностей, несомненно находившихся на севере Эгейского побережья Малой Азии. Поход против Ассувы был прерван из-за начавшегося нашествия племен каска, в центральные области царства (здесь термин «каска», возможно, употреблен в расширительном смысле, т. е. включая тех «апешлайцев», которых через три поколения упомянет в качестве пришельцев в верхнеевфратскую долину ассирийский царь Тиглатпаласар I).

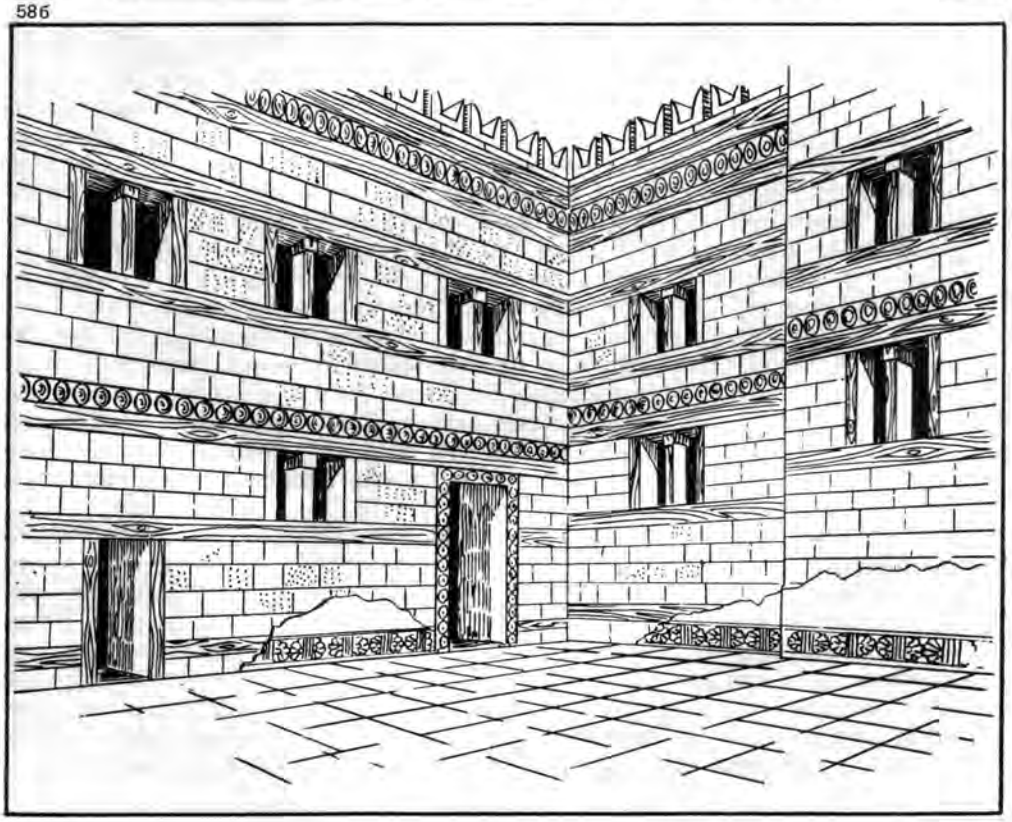
Около этого же времени * в северо-западной части Малой Азии, как раз там, куда были направлены походы Тутхалияса, врагами была разрушена Троя VIIa — гомеровский Илион. Нет ничего невероятного в том, что ее, как и утверждают гомеровские поэмы (датируемые VIII в. до н. э.), разрушила коалиция «ахейцев», или данайцев, напавших на Трою с моря во главе с микенским царем Агамемноном, хотя, если судить по греческим легендарным генеалогиям, Троянскую войну следовало бы датировать лет на 50—75 позже; однако подобные ошибки в легендарных генеалогиях вполне возможны. Конечно, похищение спартанской царицы Елены, жены брата Агамемнона — Менелая, троянским царевичем Парисом-Александром, троянский царь Приам и его 50 сыновей, вещая Кассандра, ссора Агамемнона с Ахиллом, единоборство Ахилла с Гектором, гибель Ахилла от стрелы Париса в Скейских воротах Трои, «троянский конь», с помощью

* Датировка археологов колеблется между третьей и четвертой четвертями XIII в. до н. э.

58а

58б

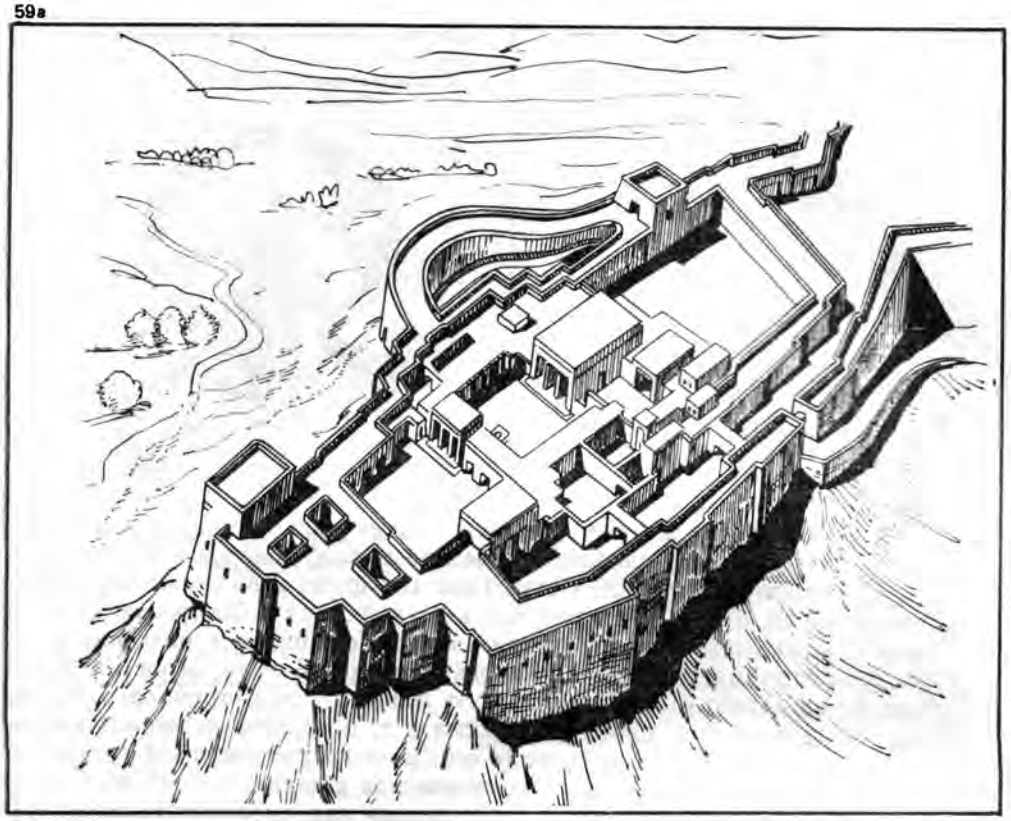
59. Монументальная архитектура ахейской Греции (реконструкции):
а) акрополь Тиринфа;
б) тронный зал дворца в Пилосе

которого Илион был хитростью взят,— все это пока относится к области легенды. Нет никакой возможности — и вряд ли будет возможность — проверить, есть ли во всем этом какое-либо историческое зерно. Однако в главном легенда о Троянской войне не противоречит фактам, известным нам теперь из письменных и археологических источников; только события были более грозными и охватывали бóльшие территории, чем об этом подозревал автор «Илиады».

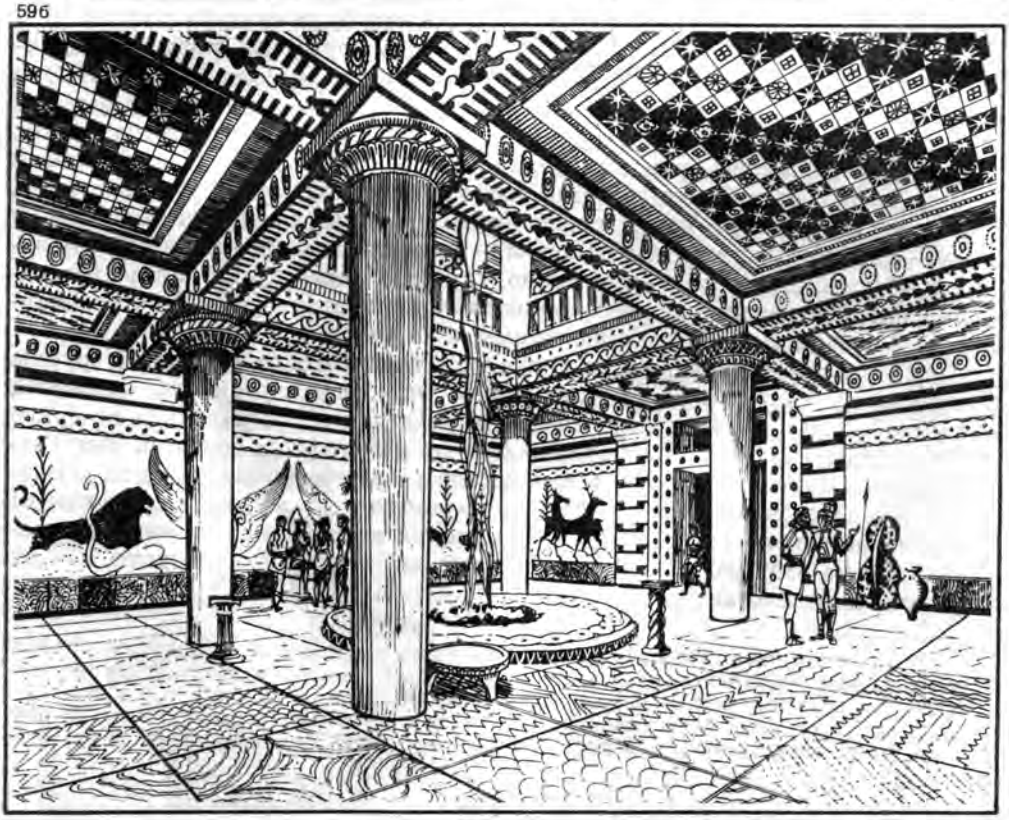
Согласно гомеровским поэмам и более поздней греческой традиции, «ахейцы», разрушив Трою и полностью уничтожив или взяв в плен ее население (лишь немногие бежали), стали возвращаться в свои города, но почти все из их предводителей, каждый по своей особой причине, поодиночке погибли. Немногие оставшиеся в живых благополучно правили в своих городах, а за ними их сыновья и внуки, пока — примерно на третьем поколении после Троянской войны — не началось из глубины Балканского полуострова вторжение дорийских племен во главе с потомками Геракла — героя, когда-то не получившего причитавшегося ему наследства в «ахейских» городах. В результате нашествия дорийцев «ахейская» цивилизация погибла, и начался новый период в истории Греции, завершившийся созданием классической полисной цивилизации в I тысячелетии до н. э. Но наряду с этой более или менее всеобщей позднейшей традицией греков сохранились и следы иных. Представление о том, что греков-«ахейцев» после Троянской войны разбросало едва ли не по всему Средиземноморью, несомненно, существовало очень прочно. Недавно неожиданно подтвердилось предание о герое этой войны Мопса, который после падения Трои основал поселение в Киликии, на юго-восточном побережье Малой Азии. Была найдена надпись начала I тысячелетия н. э., которая принадлежала Азитиваттасу, правителю области именно на юго-востоке полуострова, возводившему свой род к «дому» Моппа (по-финикийски), или Муксаса (по-лувийски), т. е. Мопса.

По археологическим данным, после разрушения Трои VIIа на ее месте вновь, хотя и очень ненадолго, возник город — Троя VIIб, который погиб примерно тогда же, когда и Хаттуса. В материковой Греции микенские города-крепости просуществовали еще в течение 50—100 лет (период Позднеэлладский, или Микенский III С), а затем были покинуты; явно исчезли прежние крупные дворцовые хозяйства с их специфической системой эксплуатации труда; поэтому исчезла и «линейная» (А и Б) письменность, так как она не успела развиться до уровня письма, приспособленного к составлению чего бы то ни было, кроме перечней и ведомостей.

59а

59б

60. Вооружение критских и микенских воинов:
а) щит, обтянутый бычьей шкурой, роспись дворца в Кноссе;
б) обложенная золотом рукоять бронзового меча, район Кносса;
в) шлем из кабаньих клыков с бронзовыми нащечниками и бронзовый панцирь

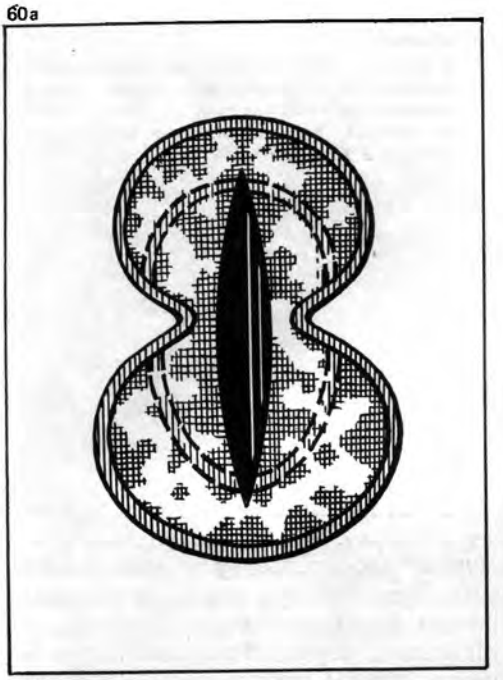
Письменные же данные показывают, что в движение были какими-то причинами приведены большие этнические массы, далеко не только греческие; вылазки «ахейцев» Аххиявы (или «ахейцев» и Аххиявы) на Трою, Страну реки Сеха, юго-западную часть Малой Азии и Кипр оказались в свете этих этнических передвижений лишь небольшим историческим эпизодом. По-видимому, движение началось в глубине Балкан; основные этнические группы, двинувшиеся на Малую Азию и Средиземноморье, были, очевидно, пеласгскими, протоармянскими и т. п.; греков движение затронуло только периферийно, и поэтому они не сохранили в своей исторической памяти всего его размаха. Участвовавшие в движении племена обозначаются в науке условно как «народы моря» или «морские (заморские) народы», хотя лишь часть из них действительно была связана с морем.

Первое из упоминаний одного из «народов моря» (в египетском консонантном написании *шрдн*) встречается в надписи фараона Рамсеса II: они служили наемниками в египетском войске. Затем во время войны фараона Мернептаха с ливийцами в числе союзников последних были *шрдн, шклш, 'квш, рк* и *трш;* из них *'квш* можно было бы надежно отождествить с «ахейцами», если бы не известие, что они практиковали обряд обрезания, которого не знали греки позднейшего времени; *рк* (можно прочесть и *лк*) — это почти несомненно Лукка — ликийцы, лувийское племя юго-запада Малой Азии; *трш* — возможно, тирсены, или этруски, которым позднейшая легенда приписывала малоазийское происхождение *; отождествление *шрдн* и *шклш* остается спорным.

До сих пор «народы моря» могли бы еще сходить за отдельные группы приморских пиратов, но в дальнейшем они оказываются уже составной частью более широкого переселения народа как по морю, так и по суше. Не исключено, что уже отпадение Ассувы и арцавских областей при Тутхалиясе III/IV было результатом массового передвижения племен с Балкан в Малую Азию через Босфор, совпавшего с встречным движением из Причерноморья в глубь Малой Азии племен каска (за этим знакомым названием на этот раз, быть может, скрываются и абхазо-адыгские, а в их тылу — картвельские племена).

* Язык этрусков-тирсенов, несмотря на часто встречающиеся противоположные утверждения, несомненно, индоевропейским не был; по своему строю, т. е. типологически, он довольно сильно похож на хурритский, так что если этруски и происходили из Малой Азии (как утверждали Геродот и другие античные авторы), то должны были принадлежать к доиндоевропейскому (например, протолувийскому) субстрату.

60а

60б

60в

61. Стены Трои
62. «Ахейские» воины (реконструкция М. В. Горелика):
а) роспись «вазы воинов» из Микен и реконструкция тяжеловооруженного воина по этому же изображению;
б) всадник, по изображению на стенной росписи в Тиринфе

Ситуация в Хаттусе была между тем не из лучших. В стране царил голод: хлеб для хеттов доставляли Египет и Угарит. Тутхалияс еще мог уделять много времени и внимания храмовому строительству и приведению в порядок культов, дворцовых и храмовых архивов. При нем были созданы знаменитые рельефы скального святилища Язылыкая, около Хаттусы, с изображением хурритских богов и лувийскими иероглифическими надписями. Преемник и сын Тутхалияса Арнувандас III процарствовал недолго и умер бездетным; на престол взошел его брат (вероятно, единокровный, от наложницы отца) Суппилулиумас II, поддержанный неким «начальником писцов на деревянных табличках» *. По-видимому, возвышение нового царя вызвало широкое недовольство, и, как обычно, множество окраинных областей отпало. Однако родич Суппилулиумаса Тальми-Тешшуб, царь Каркемиша (потомки которого вскоре примут титул «цари Хатти»), поддержал его. Между тем угроза нашествия с моря и с суши усиливалась; из Угарита все наличные сухопутные войска были вызваны в центр Малой Азии, а флот — в Лукку, и царь Угарита ᶜАммурапи не мог оказать помощь царю Аласии, когда враг стал угрожать берегам Кипра **. После похода «народов моря» Аласия отпала от хеттов.

Основной удар по Хаттусе (около 1200 г. до н. э. или несколько позже) был, по-видимому, нанесен племенами, создавшими вскоре в восточной части Малой Азии так называемую (ошибочно) «старофригийскую археологическую культуру». Выше мы предположили, что это были племена, переправившиеся через Босфор с Балкан и говорившие на протоармянском языке, хотя это предположение лишь одно из многих. Разрушения в Хеттском царстве — и, главное, перестройка общества — были в Малой Азии не меньшими, чем в результате дорийского нашествия в Греции: исчезли старые городские центры Малой Азии, исчезла клинописная писцовая традиция. Почти за 400 лет после падения Хаттусы до нас не дошло из срединных частей Малой Азии ни одного письменного памятника. Лишь на юго-восточной периферии хеттского мира сохранились государства, претендовавшие на продолжение истории хеттов: таковы были царства «Хатти» в Мальдии, «Хатти» в Каркемише и некоторые другие.

Из племен, двигавшихся через Малую Азию с запада, часть задержалась на востоке полуострова или продвинулась на Армянское нагорье; мы

* То есть писцов, пользовавшихся, вероятно, лувийскими иероглифами.

** Этим врагом, видимо, были сикулы, один из «народов моря», которых клинописный источник называет «шикилайцами» или «шикулайцами», а египетский — «шкрш» или «шклш».

61

62а

62б

63. Керамический диск с надписями из Феста, Крит

64. «Народы моря» в повозках, избиваемые египетскими войсками, рельеф из Мединет-Абу

уже встречали их при изложении истории правления Тиглатпаласара I ассирийского под наименованием «мушков» (восточных; «западные мушки» — это фригийцы, проникшие в центр Малой Азии и закрепившиеся там позже). Остальные племена двинулись сушей и морем на юг, через Сирию и Палестину. В надписи фараона Рамсеса III (начало XII в. до н. э.) сообщается: «Ни одна страна не устояла перед десницей их, начиная от Хатти; Кеде (Киццувадна?), Каркемиш, Арцава, Аласия были уничтожены. Они разбили лагерь посреди Амурру, они погубили его людей... Они надвинулись на Египет... В союзниках объединены были среди них *прет* (или *плст* — пеласги?), *чкр, шкрш* (сикулы, будущие жители Сицилии), *дйнй(н)* (вероятно данайцы-«ахейцы»?) и *вшш.* Они наложили руки на страны до края земли, сердца их были полны упования, и говорили они: „Преуспеют наши замыслы"». Рамсесу III удалось задержать передвижение «народов моря» на подступах к Египту; *прст* и *чкр* осели на побережье Палестины, которой первые (известные истории в дальнейшем как филистимляне) дали свое название; *дйнйн,* по-видимому, осели в равнинной Киликии, недалеко от залива Искендерон (Искендерун), в юго-восточной части Малой Азии, где впоследствии правил «дом» Мопша, Каркемиш и Амурру оправились от поражения, и на Кипре сохранилось прежнее, «ахейское» население (тот же Рамсес III упоминает названия нескольких греческих городов Кипра, принесших ему дань). Судьба других «народов моря» неизвестна, по-видимому, они передвинулись на запад Средиземноморья.

Почти одновременно с хеттской погибла и крито-микенская цивилизация. Непрерывные военные набеги и внутренняя социальная нестабильность способствовали в течение XII в. до н. э. ее все большему упадку, а затем переселение в микенские области северогреческих племен дорийцев, непричастных к крито-микенской цивилизации, привело к ее окончательному крушению.

Исчезновение хеттской и крито-микенской цивилизаций, их письменности, культуры и искусства объясняется тем, что и эти культуры, и эти письменности были связаны с деятельностью дворцового сектора общества, который, собственно, и был разрушен событиями XIII—XI вв. до н. э. Греция выходит из этого кризиса, но для ее общества характерно полное господство общинно-частного сектора с патриархально-общинным строем, как будто возвращенного на столетия назад, и в Малой Азии тоже следующие 300—400 лет были свидетелями огромного общественного регресса.

63

64

7. Искусство эгейского мира

Во II тысячелетии до н. э. в Минойской державе с центром на острове Крит и в государствах ахейской Греции высокого развития достигли архитектура, живопись, скульптура, керамика, камнерезное дело, художественная обработка металлов. Богатые и сложные многоцветные узоры покрывают ткани одежд, кожаную обувь, пояса.

В архитектуре Крита самостоятельными единицами стали здания жилого и дворцового характера, а культовые помещения входили в них составной частью. Гробницы знати появляются только в поздний период, принимая подчас вид небольших заупокойных храмов, подобно храму XVI в. до н. э. в Кноссе. Планировка критских городов Кносса, Феста, поселений на месте городищ в Палекастро, Гурнии и других не отличается четкостью и геометризмом: крупные жилые массивы теснятся по сторонам довольно широких, но не прямых улиц. Застройка внутри кварталов хаотична, случайна. На возвышенной части поселений, как правило, расположены дворцы правителей, окруженные домами знати и ремесленников, постоялыми дворами (?). Стены зданий возводились из сырцового кирпича или тесаного камня. Планировка их отличалась свободой и асимметричностью, но строители старались соблюдать прямоугольные направления стен. Жилые дома были в два-три этажа, помещения от второго этажа и выше имели окна. Знаменитые критские дворцы, постройка которых относится еще к началу II тысячелетия до н. э., были основательно перестроены в XVI—XV вв. до н. э. Во время расцвета Минойской державы города не имели оборонительных стен, и в результате перестроек и достроек дворцы перестают быть крепостями. Теперь это средоточия роскоши; изысканность архитектурных форм создает ощущение нарядности, праздничности. Помещения во дворцах свободно группируются вокруг нескольких мощеных дворов, где происходили ритуальные действа. Хозяйственные помещения — склады, мастерские — находились на первом этаже и в подвалах. Здание пронизывали световые колодцы, по стенам которых поднимались ведущие на верхние этажи лестницы. Обрамляющие их колоннады поддерживали выходящие в световые колодцы террасы, также имевшие колоннаду. Подобные же террасы выходили и во дворы.

Колонны в эгейской архитектуре расширялись кверху. Применялись и квадратные столбы. Жилые и парадные помещения, подчас только с одной глухой стеной, связывались между собой многочисленными дверными проемами, выходившими и на террасы, и в световые колодцы, и во дворы, так что нигде не создавалось впечатления замкнутого пространства. Богатый декор — отделка гипсом, резным камнем, фигурной терракотой, раскраска, орнаментальные и сюжетные росписи, украшение карнизов каменными изображениями священных рогов — гармонировал с чисто архитектурными формами, усиливал создаваемый ими эффект. Следует отметить и высокий уровень бытовых удобств, характерный для жилищ эгейского мира,— водопровод, канализация; жилые помещения имели комнаты для омовений с терракотовыми раскрашенными ваннами.

Архитектура ахейской Греции имеет очень много общего с критской, что объясняется сильным культурным влиянием Крита на материковую Грецию. Но сходство проявляется в основном лишь во второстепенных элементах — форме колонн, террасах с колоннами, выходящих в неперекрытые помещения, в отделке. Ахейские дворцы имеют, как правило, совершенно иной облик. Это прежде всего могучие крепости (исключение составляет лишь дворец в Пилосе).

Самая мощная крепость — акрополь Тиринфа. Он расположен на невысоком холме, в XIV—XIII вв. до н. э. был обнесен стеной 17-метровой толщины, сложенной из огромных каменных блоков, с галереями и казема-

тами внутри. Стены имели башни и бастионы, к источнику у подножия холма спускалась вдоль стены лестница, защищенная и с внешней стороны стеной. Вход в акрополь был устроен в виде коридора между двумя стенами, так что нападавшие должны были подвергнуться обстрелу с обеих сторон; этот архитектурный прием мог быть заимствован ахейцами из опыта крепостного строительства в Сирии и Палестине. Акрополь крупнейшего города ахейской Греции — Микен — был весь заново перестроен Ил. 58
в XIV—XIII вв. до н. э. Ломаная линия его оборонительных стен толщиной около 6 м и высотой 10 м, сложенных из каменных блоков с забутовкой и имеющий по верху открытый деревянный ход, тянулась приблизительно на километр. Двое ворот — малые и знаменитые «Львиные» — имели устройство, схожее с входом крепости Тиринфа, но выносные стены были гораздо короче.

Ахейские дворцы не так велики, как критские, они имеют более четкую и строгую планировку. Комнаты группируются вокруг центрального *мегарона* — прямоугольного помещения, вход в который расположен с торцовой части и обычно оформлен двумя колоннами. Помещения типа мегарона были и на Крите, но в Греции они доминируют (как и в Трое II) и отличались тем, что в центре его главного зала имелся круглый очаг, окруженный четырьмя колоннами. Характерная черта ахейской архитектуры — купольные гробницы в виде полусферы с ведущими в них прямыми коридорами — *дромосами*. В акрополе Микен вокруг шахтовых гробниц XVI в. до н. э. были возведены круговые ограды из двух рядов вертикально стоящих каменных плит.

Основным украшением поверхностей зданий была роспись. Дома и помещения рядовых людей окрашивались в белый или красный цвет, стены же дворцов знати и царей декорировались многокрасочной живописью.

На Крите расцвет настенной живописи относится к XVI—XV вв. до н. э. Дворцы Кносса, Феста и другие украшены изображениями цветов, животных, рыб, многофигурные композиции передают праздничные шествия дароносцев, ритуальные сцены — игры с быком, священные танцы. Композиции заключены в орнаментальные рамы. Критские росписи не нарушали глади стен: живопись принципиально плоскостна, фигуры составляют одно целое с фоном. Вместе с тем излюбленные на Крите извилистые, гибкие линии контуров, точность и динамизм движений персонажей наряду с применением ярких и сильных цветов очень оживляли поверхность стены, привлекали и ласкали взгляд зрителя.

Особое внимание критские мастера уделяли изображению человека. Пропорции человеческих фигур близки к натуре, хотя чуть вытянуты. Несмотря на подчеркнутую передачу таких внешних признаков, как мощные плечи, могучие мышцы рук и ног у мужчин, пышные грудь и бедра у женщин, фигуры грациозны за счет очень тонких и гибких талий, вытянутых пропорций. Характерно, что в парадных покоях дворцов преобладает более условная трактовка фигур: торс в фас, голова и ноги в профиль. В частных же домах фигуры трактованы гораздо натуралистичнее, даже с элементами перспективы, как это видно на росписях раскопанного города Фера на острове Санторин. Из домов этого города происходят и росписи с крайне интересными сюжетами, отражающими не только ритуальную сторону жизни минойцев, но и морские битвы, бытовые сцены, а также изображения горного пейзажа, животных — голубых обезьян, собирающих цветы, антилоп.

Живописцы микенской Греции очень многое заимствовали у критских мастеров, особенно в иконографии. Но их произведения более монументальны и величественны — это достигается застылостью поз, большей обобщенностью, декоративностью трактовки персонажей и композиций, более скупой и сдержанной цветовой гаммой, равномерностью и строгостью

ритма в расстановке персонажей. Тематика ахейских стенописей отличается от критской: здесь мы видим помимо чисто ритуальных сцен изображения псовой охоты на кабана, парадные выезды на колесницах, сборы на войну, сцены общения ахейцев между собой и с облаченными в овчины варварами — может быть, греками-дорийцами.

Ил. 53 Изделия критских и ахейских керамистов пользовались известностью в Египте, Сирии, Финикии. Критская посуда начала II тысячелетия до н. э., получившая название «стиль Камарес»,— сосуды приземистых, тяжелых, округлых форм — расписывалась синей, белой, оранжевой и желтой красками. Крупный растительный и геометрический орнамент извилистыми, круглящимися линиями и пятнами щедро покрывает всю поверхность сосуда. Керамика «дворцового стиля» середины II тысячелетия до н. э.— это изящные тонкостенные вазы, кувшины, амфоры сложных и изысканных форм, напоминающие изделия керамистов Малой Азии, но более мягко, округло трактованные. Они расписываются по белому фону графично-тонкими изображениями морских животных, рыб, моллюсков, сложными криволинейными орнаментами с включением изображений священных двойных секир, шлемов и т. п., а также богатым растительным орнаментом.

Узор, покрывающий всю поверхность сосуда, то строится на контрасте разнородных элементов, неодинаковых по величине, то выглядит кружевом из мелких, бесконечно повторяющихся элементов. В XIV—XIII вв. до н. э. критские и греческие керамисты под влиянием ахейской традиции изготовляют сосуды простых, округлых форм; расписаны они по белому фону темной краской, широкие полосы делят сосуд по горизонтали на широкие фризы, в которых помещены крупные изображения животных, птиц, колесниц, воинов и т. п. Выполненные в графической манере, фигуры трактованы очень условно, их очерченные гибкими линиями детали превращаются в орнаментальные элементы, чисто орнаментальны и поверхности. Тем не менее изображения очень точны и легко узнаваемы. Керамика этого стиля оказала через посредство Кипра огромное влияние на оформление сосудов в Восточном Средиземноморье.

Мелкая пластика в эгейском искусстве XVI—XV вв. до н. э., видимо, полностью находилась в сфере традиций критских мастеров. Она представлена глиняными, бронзовыми, костяными и каменными скульптурка-
Ил. 54 ми и рельефами на камне, глине, золоте и кости с изображениями людей и животных. Пропорции фигур людей и богов такие же, как и в живописных произведениях этого времени, но если там господствовала плоскостность, соответствующая глади стены, то в круглой скульптуре подчеркнута ее объемность, пластичность. И так же как в живописи, монументальной и торжественной застылости изображений божеств, правителей, жрецов и жриц, трактованных несколько условно и «геометрично», противопоставлен сочный, полный экспрессии натурализм изображений «смертных» героев.

С XIV в. до н. э. под влиянием ахейского искусства эгейские мастера на Крите и в Греции создают крайне условные и схематичные, величественные в своих лаконичных формах фигуры богинь с воздетыми руками, увенчанные затейливыми коронами.

Искусство камнерезов и ювелиров также процветало в эгейском мире во II тысячелетии до н. э. Особой тонкостью и изяществом отличаются миниатюрные композиции на печатях — каменных цилиндрах и штампах, на золотых перстнях, на которые в уменьшенном виде как бы переносятся сюжеты стенных росписей, ничуть не проигрывая в монументальности. То же можно сказать и об инкрустированных клинках XVI—XV вв. до н. э.
Ил. 55 из Микен, выполненных критскими мастерами, где на бронзе золотом, серебром с применением черни изображены сцены охоты, сюжеты с животными, обитатели моря, орнаменты, аналогичные вазописным, причем масте-

ра виртуозно вкомпоновали свои сценки в узкое поле клинка, не нарушая его формы. Великолепные ритуальные сосуды из камня и золота с инкрустацией слоновой костью, перламутром и полудрагоценными камнями то имели вид ритонов в форме голов животных — быков или львов (как в керамике Малой Азии),— трактованных с мягким, пластичным натурализмом на Крите и геометризованной обобщенностью в Греции, то приобретали чисто геометрические формы, крайне изысканные, подчас очень сложные. Ил. 56

Ювелирные изделия критских мастеров — ожерелья, серьги, браслеты, бляшки, шкатулки из золота, слоновой кости, дорогих камней — отличались особой тонкостью исполнения и применением сложных зооморфных и чисто орнаментальных мотивов; ахейские же ювелиры предпочитали формы более массивные, крупные, с простыми геометрическими орнаментами, с условной трактовкой изобразительных элементов.

СТРАНЫ ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ*
в IV—II тысячелетиях до н. э.

1. VI—IV тысячелетия до н. э.

В ранней истории стран Передней Азии, тяготеющих к восточному берегу Средиземного моря, наблюдается много общего с древнейшей историей Малой Азии. Здесь повсеместно очень рано происходит переход к земледелию и скотоводству; укрепленные поселения древнейших общин VIII—VII тысячелетий до н. э., открытые в нижних слоях городищ Иерихон (в Палестине) и Рас-Шамра (на побережье Сирии), являются ярким свидетельством достигнутого высокого уровня хозяйства. Но в VI—IV тысячелетиях до н. э. темпы прогресса замедляются. К III тысячелетию до н. э. все большую роль начинают играть связи с цивилизациями Египта и Шумера, вывозившими отсюда знаменитый ливанский кедр; Египет, возможно, вывозил также вино и оливковое масло. Поэтому неудивительно, что впоследствии, когда в местном обществе складывается культура городского типа, ряд ее форм оказался заимствованным у высокоразвитых соседей. Постепенный, хотя и сравнительно медленный прогресс местной земледельческо-скотоводческой экономики и установление торговых связей с соседними странами — эти два явления определяли развитие местного общества.

В VI тысячелетии до н. э. почти на всей территории Сирии имелись небольшие поселения земледельцев и скотоводов, изготовлявших темнолощеную посуду, порой украшенную несложным нарезным и штампованным орнаментом. Выращивание ячменя и пшеницы, разведение коз, овец, коров и свиней составляли основу экономики. Остатки таких деревень обнаружены в нижних слоях Библа, Рас-Шамры, поселения Хама на реке Оронт; ряд памятников раскапывался на севере, в районе озера Амик**.

Уже в V тысячелетии до н. э. становится заметным, особенно в северных районах, влияние Месопотамии. При раскопках встречаются облом-

---

* Под Восточным Средиземноморьем здесь и ниже будут пониматься только области между средним и нижним течением Евфрата и Средиземным морем, к югу от Малой Азии и к северу от Египта.

** Новейшие лингвистические данные как будто указывают на то, что это культура семитоязычной группы афразийских племен.— *Ред.*

ки черепков привозной, халафской керамики, а вскоре и местные гончары начинают украшать свои изделия расписными узорами, подражающими привозным образцам. В IV тысячелетии до н. э. халафское влияние сменяется сильным воздействием со стороны убайдской культуры, и некоторые исследователи даже объединяют местные комплексы в культуру «северо-западного Убайда». Значительное распространение получают медные изделия — кинжалы, дротики, проколки, булавки. Пока трудно судить, объясняется халафское и убайдское влияние в Северной Сирии проникновением сюда каких-то новых групп населения или лишь интенсивным развитием обмена.

Прогресс ремесел является характерной чертой дальнейшей эволюции. В последней трети IV тысячелетия до н. э. мастера-керамисты Северной Сирии начинают использовать гончарный круг и специальные печи для обжига. Кузнецы обрабатывают не только медь, но также золото и серебро, а к концу IV тысячелетия до н. э. появляется и бронза. Из металла изготовляются как орудия и оружие, так и сосуды и статуэтки. Определенные изменения происходят и в земледелии, где помимо зерновых возделывают также оливки и виноград. Развивается сухопутная торговля с Месопотамией с транспортировкой грузов, по-видимому, на ослах и морская — главным образом через Библ — с Египтом. На местной посуде встречаются отпечатки цилиндрических печатей месопотамского типа, а ряд форм сосудов явно восходит к месопотамским прототипам.

Северная Сирия и Финикия (наряду с Палестиной, о которой см. ниже) стали к концу IV — началу III тысячелетия до н. э. важнейшей артерией межобщинной торговли на Ближнем Востоке, и, по-видимому, это позволило делать здесь накопления за счет неэквивалентного обмена, т. е. известной доли прибавочного продукта, создававшегося в Месопотамии и Египте. Поэтому, вероятно, не только естественный прогресс земледелия и ремесел, но и развитие торговли привели к формированию здесь поселений городского типа, к созданию цивилизации (середина III тысячелетия до н. э.).

Характерный пример — уже не раз упоминавшийся город Эбла (городище Телль-Мардих, к югу от современного Халеба). Этот укрепленный город был наиболее значительным, но не единственным в этой местности.

Общего направления и темпов развития не нарушило, по-видимому, и проникновение в Сирию, а отчасти и в Палестину племен «куро-аракской культуры» с Армянского нагорья (в Сирии — «хирбет-керакская культура»); возможно, это была первая волна хурритов, внедрившихся на территорию какого-то другого (протоевфратского и западносемитского?) населения.

В еще большей мере замедленные темпы прогресса в VI—V тысячелетиях и зависимость от высокоразвитых соседей сказались на Палестине. Малоплодородные почвы и более засушливый климат с меньшим количеством осадков на большей части территории страны не способствовали производственным успехам раннеземледельческих общин. Соседство с охотниками и пастухами, обитавшими в районах сухой степи и, вероятно, нередко вторгавшимися в оседлые оазисы, также накладывало отпечаток на культуру *. Во всяком случае, палестинские памятники этого времени все еще мало чем отличаются от культуры докерамического Иерихона, мо-

* Вместе с тем нельзя не отметить, что западные исследователи склонны преувеличивать значение миграций в истории Палестины, так что чуть ли не каждый новый период рассматривается как полный разрыв со старыми традициями в связи с приходом иммигрантов, приносящих свои навыки и особенности, вплоть до... традиций городской жизни! Археологические материалы достаточно убедительно свидетельствуют о сохранении определенной преемственности в культуре оседлых земледельческих поселений Палестины VI—III тысячелетий до н. э.

65. Халафская керамика

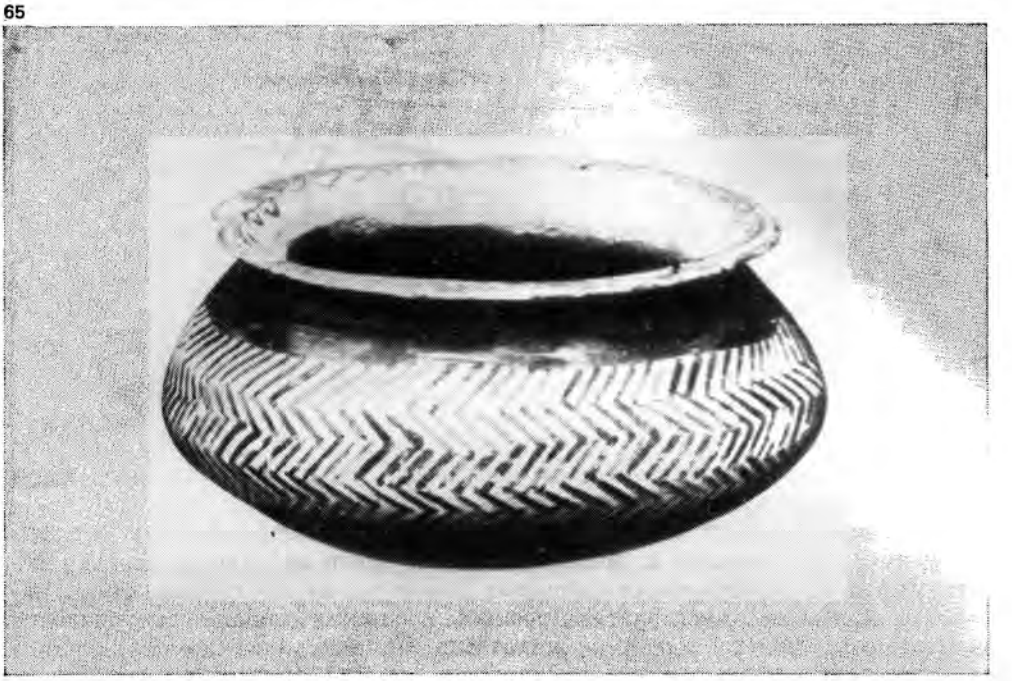
жет быть, даже уступают ей в ряде отношений. В самом же Иерихоне в это время комфортабельные глинобитные дома VII тысячелетия до н. э. сменяются полуподземными жилищами, хотя традиции сырцового строительства и не были полностью забыты (Иерихон IX). Единственным новшеством было распространение глиняной посуды, покрытой несложными расписными узорами.

Другая группа населения, жившая преимущественно в Заиорданье и оставившая памятники культуры Ярмука, отличалась, видимо, подвижным образом жизни. Во всяком случае, остатков жилищ среди памятников этой культуры не обнаружено вовсе. Скорее всего здесь жили неоседлые пастухи и охотники, занимавшиеся также рыболовством и знакомые с земледелием. Шедшие из Месопотамии халафские и убайдские влияния, столь характерные для памятников Сирии, почти не коснулись палестинских племен, живших в стороне от главных путей межобщинного обмена той эпохи *.

К III тысячелетию до н. э. мы, однако, наблюдаем уже значительные достижения и сдвиги в культуре оседло-земледельческих общин также и на юге Восточного Средиземноморья. Широко осваивается район, тяготеющий к долине Иордана. Поселения здесь состоят из прямоугольных сырцовых домов и овальных полуземлянок. Изготовлявшаяся от руки глиняная посуда украшается расписной геометрической орнаментацией (тип Иерихон VIII, или Шуна). С IV тысячелетия до н. э., по-видимому, начинается добыча меди на юге Палестины (Вади-ᶜАраба) и на Синайском полуострове. Общий подъем культуры и развитие целого ряда производств во второй половине III тысячелетия до н. э. хорошо видны по памятникам типа Беершебы (в ныне засушливой зоне на юге Палестины) и Гассула (в Заиорданье). Поселения типа Беершебы отличаются небольшими размерами, насчитывая 15—20 жилищ, рассчитанных на индивидуальную семейную ячейку. Первоначально это были полуземлянки и искусственные пещеры, но затем их сменяют дома из сырцового кирпича на каменном фундаменте. Основными занятиями жителей было возделывание пшеницы, ячменя и чечевицы, а также разведение мелкого рогатого скота. Широко распространяется металлургия; отдельные поселения даже специализиро-

* И здесь также мы, по-видимому, наблюдаем проникновение семитоязычного пастушеско-охотничьего и пастушеского земледельческого населения из Африки в Палестину и Иорданию.— *Ред.*

65

66. Памятники Палестины:
а) план поселения Тулейлат-Гассул;
б) расписной глиняный оссуарий в виде дома
67. Бронзовые изделия:
а) венец;
б) боевой топор;
в) навершие скипетра

вались на выплавке медной руды и изготовлении из нее различных изделий — топоров, булав, игл, проколок *.

Высокого уровня благосостояния достигли земледельческие общины районов, прилегающих к долине Иордана. Здесь небольшие поселки состояли из индивидуальных сырцовых домов; на их внутренние стены нередко наносилась многоцветная роспись, воспроизводящая геометрические орнаменты, фигуры людей и животных. Копией таких домов являлись терракотовые урны, в которых помещали кости усопших. На целом ряде городищ (Энгеди, Мегиддо XIX) открыты небольшие святилища, являвшиеся центром этих раннеземледельческих общин. В одном из них найдены человеческие фигурки из слоновой кости, скорее всего игравшие роль идольчиков (Сафеди). Святилищу, возможно, принадлежал и клад из района Энгеди, у Мертвого моря. В его состав входило 630 медных изделий, в том числе топоры, булавы и своеобразные скипетры с головами козлов. Последние не только свидетельствуют о высокой степени профессионализма мастеров-металлургов, но и указывают на выделение лиц, облеченных жреческими, а может быть, и административными полномочиями, к числу внешних атрибутов которых принадлежали эти жезлы. Однако определение некоторыми исследователями периода Беершебы — Гассула как «протогородского», если иметь в виду предпосылки к сложению городской цивилизации, нужно считать модернизацией: поселки Беершебы и Гассула — все еще типичные раннеземледельческие деревни.

Развитие ремесла и возрастающая социальная дифференциация характерны для следующего периода, обычно именуемого археологами периодом Ранней бронзы (3200—2200 гг. до н. э.).

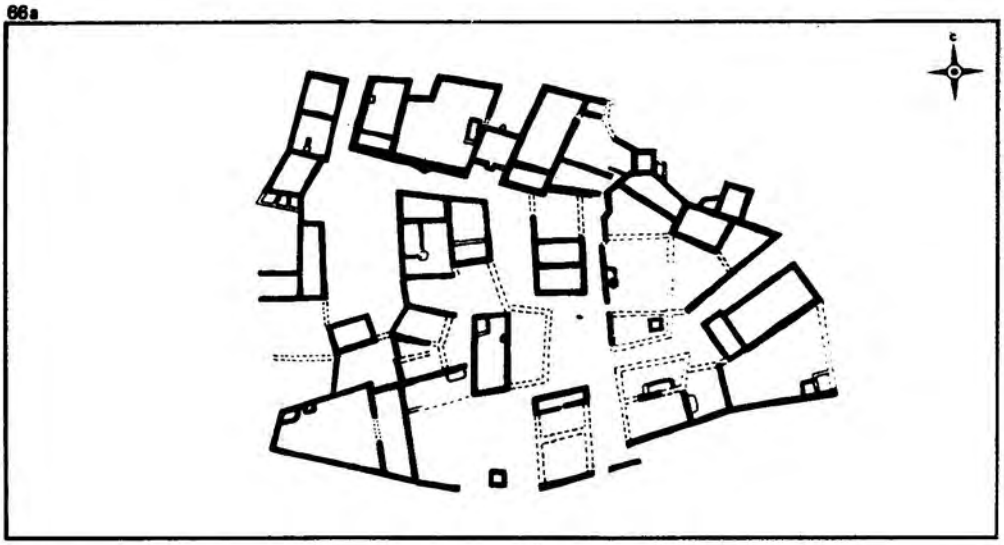
2. Восточное Средиземноморье в эпоху сложения цивилизации **

Восточное Средиземноморье отличается сложностью рельефа и неоднородностью природной среды. Поэтому и историческая жизнь развивалась здесь в зависимости от существовавших в том или ином районе ус-

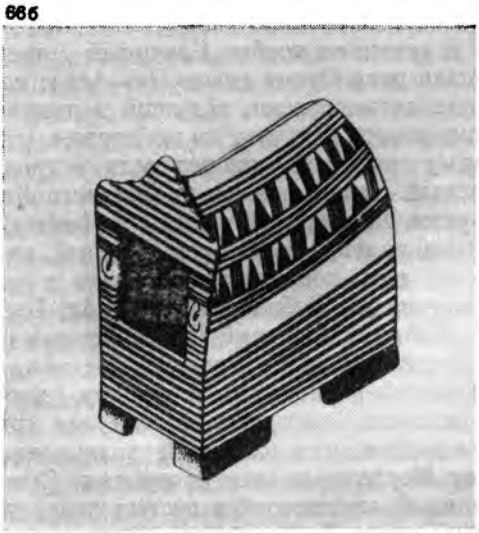
* Столь позднее распространение металлургии, причем в совершенных формах, заставляет прийти к заключению, что в этом проявилось влияние со стороны более древних очагов металлургии, скорее всего анатолийского и северосирийского, хотя некоторые авторы склоняются к мнению о местном происхождении палестинской металлургии.

** В разделах 2, 4 и 7 настоящей главы использованы также материалы В. М. Массона, И. Ш. Шифмана и работ, проводившихся в Вильнюсском педагогическом институте.

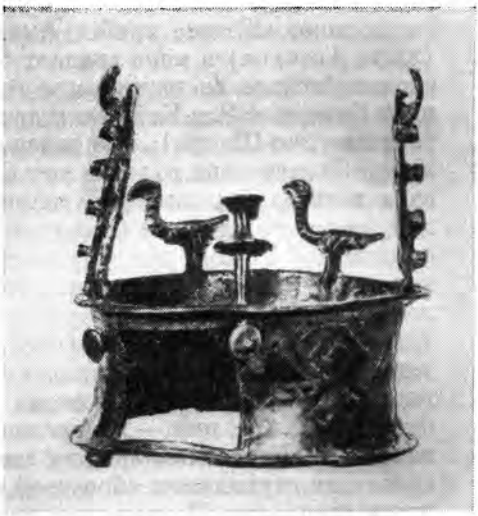
66а

66б

67а

67б

67в

ловий для ведения хозяйства весьма неоднородно. Целесообразно здесь еще раз остановиться на естественном районировании присредиземноморской полосы Передней Азии.

При всей пестроте своих природных условий регион между Египтом на юге, сухой степью и Евфратом на востоке, Малой Азией на севере и Средиземным морем на западе с историко-географической точки зрения представлял некое целое, объединенное не только территориально, но и общностью исторических судеб. Но состоял он из отдельных, непохожих друг на друга зон и областей и в древности обычно не имел единого общего обозначения, хотя его восточные соседи иногда называли его неопределенно «Западом» (Амурру), а позже (в I тысячелетии до н. э.) объединяли вместе с Малой Азией под названием «страна Хатти».

Эти зоны, составляющие Восточное Средиземноморье, следующие.

Во-первых, Финикия и прибрежная Сирия — полоса между морем и горами шириной от нескольких до нескольких десятков километров с режимом осадков 800—1000 мм в год, достаточным не только для полевого земледелия, но и для садоводства (маслины, виноград). На побережье Палестины этой полосе соответствует Саронская равнина, менее укрытая горами от ветров из пустыни, но все же получающая достаточно осадков.

Во-вторых, горные массивы, тянувшиеся с севера на юг, отступая от береговой полосы. Через эти массивы есть несколько главнейших проходов к морю. Южнее хребта Аманус и севернее хребта Северный Ливан (ныне Ансария) в море впадает большая река Оронт (ныне Эль-Аси); несколько южнее ее через горы Ансария есть перевал, ведущий в долину реки Северный Эль-Кебир и к древнему городу Угариту на побережье (городище Рас-Шамра), расположенному напротив оконечности острова Кипр. Значительно далее к югу Северный Ливан отделен от Среднего Ливана перевалом и широкой долиной реки Элевтера (Южный Эль-Кебир); другие перевалы через Северный Ливан маловажны. Через Средний, или собственно Ливан (высота до 3000 м) есть несколько перевалов в его южной части, выводивших к древним городам Губла (Гебал, Библ, Библос, ныне Джубейль) и Берута (ныне Бейрут); Средний Ливан отделен от Южного, более низкого ливанского хребта долиной реки Эль-Литани, у устья которой, на островке, был в древности расположен город Тир (древнесемит. Цуру). Южнее, уже на территории Палестины, протянулся хребет Кармел и за ним — Ездраелонская долина, или долина Изреель; основная часть Палестины по эту сторону Иордана занята нагорьями. С востока они ограничены сбросовой впадиной, по которой в густых зарослях несет свои воды Иордан, протекающий через Тивериадское озеро и впадающий в Мертвое море — самую глубокую часть впадины, заполненную водой повышенной плотности, в которой растворены различные соли и химические соединения, делающие ее непригодной для органической жизни. Продолжением впадины, тянущейся до залива Акаба в Красном море, является более сухая долина Вади-ᶜАраба — с медными месторождениями. Залив Акаба охватывает вместе с расположенным западнее Суэцким заливом треугольный, пустынный и гористый Синайский полуостров — еще одно место добычи меди.

В-третьих, регион с севера на юг пересекает цепочка долин (Оронта, Эль-Литани), достаточно хорошо естественно орошенных, чтобы не нуждаться в искусственной ирригации (400 мм осадков в год и больше); они замкнуты между описанной выше зоной горных массивов и параллельными хребтами, тянущимися восточнее. При отсутствии стока некоторые места здесь даже заболочены. Важнейший из хребтов, окаймляющих эти долины с востока,— Антиливан, идущий параллельно собственно Ливану, по ту сторону Эль-Литани и долины Келесирии, а также верхнего Иордана; его отрогами являются меньшие горные хребты, идущие дугой через Сирий-

скую степь на северо-восток; последний из них, Джебель-Бишри, упирается в долину Евфрата между устьями Белиха и Хабура. Другим продолжением Антиливана, идущим к северу, являются горы, ограничивающие с востока долину реки Оронт, пока она течет с севера на юг; когда же она поворачивает к морю через болотистую равнину и озеро Амик, эти горы тянутся и далее к северу параллельно хребту Аманус. По Заиорданью и к востоку от Мертвого моря также тянутся гряды гор с севера на юг.

В-четвертых, это области по ту сторону Антиливана и его северных и южных отрогов. Из них лучше всего обводнена издревле земледельческая область между озером Амик и большой излучиной Евфрата, центром которой сейчас является, как по большей части являлся и в древности, город Халеб (Халаб, Хальпа, Алеппо); эту географическую область можно условно назвать Северной Сирией. На юго-востоке она переходит в сухую степь, упирающуюся в северные склоны Джебель-Бишри. К Северной Сирии по своим природным условиям близка и Центральная Сирия, охватывающая вместе с верхней долиной Оронта также и ближайшую часть нагорий к востоку от нее; дальше опять начинается сухая степь. К Южной Сирии относится оазис Дамаска у юго-восточных склонов Антиливана и соседние местности, вплоть до нагорья Джебель-Друз, далее к югу окруженного безжизненными лавовыми полями. И через Палестину, а также к востоку от Иордана и Мертвого моря тоже проходит полоса сравнительно плодородных земель, однако в сторону востока и юга они быстро превращаются в сухие степи и пустыни.

Эти сухие степи и пустыни, тянущиеся на восток до самого Евфрата, а на юг уходящие в глубь Аравийского полуострова, составляют последнюю, пятую природную зону Восточного Средиземноморья. Во II тысячелетии до н. э. эти области были почти совершенно безжизненны: высохшие степи уже превратились в пустыни, а скотоводческое население еще не обладало одомашненными верблюдом и лошадью и потому не могло уходить далеко в сторону от воды. Лишь на южных склонах гор, протянувшихся от Антиливана до Евфрата, выпадало достаточно осадков для пастбищ; здесь же в глубине степи был расположен и оазис Тадмор (Пальмира). Следует заметить, однако, что сухие степи и пустыни Восточного Средиземноморья повсюду пересечены древними сухими руслами (араб. *ва́ди*, др.-евр. *на́хал*), которые весной могут наполняться водой и питать растительность, пригодную для выпаса мелкого скота.

В древности районы первых четырех зон были довольно густо покрыты кустарниками (маки́), а горы — и лесами, в том числе знаменитым лесом ливанских кедров. Это благоприятно влияло на водный режим страны и плодородие ее земель, предохраняя их от эрозии. Поэтому, кроме оазисов, почти нигде не применялось искусственное орошение.

Как уже отмечено выше, с глубокой древности Восточное Средиземноморье играло роль связующего звена между Египтом, Малой Азией, Месопотамией, а в дальнейшем и странами Эгейского моря; здесь проходили торговые караваны, сюда устремлялись различные завоеватели, желая перехватить пути международного обмена и источники сырья, сюда же время от времени вторгались из степи пастушеские племена. Поэтому для понимания истории этого региона очень важно иметь представление о проходивших через него путях.

Нижняя Месопотамия была связана с Сирией двумя путями: один, более безопасный, но и более длинный, шел через верховья Хабура или прямо по Евфрату к его большой излучине, где эта великая река ближе всего подходит к Средиземному морю. После переправы у Каркемиша дорога вела либо на северо-запад, к проходам через Малоазийский Тавр, либо на юго-запад, на Халеб и оттуда на Амик (и далее по побережью на Угарит или же к лесам Амануса и перевалам в Малую Азию), либо еще даль-

ше на юго-запад, в долину Оронта. Другой путь был короче, но труднее и требовал дружественных проводников-степняков; он вел из долины Евфрата от устья Хабура вдоль южных склонов Джебель-Бишри на Пальмирский оазис и далее к верховьям Оронта (напрямик до Дамаска без верблюдов добраться было трудно).

Таким образом, долина Оронта была главным путем с севера на юг через Сирию. Отсюда шли перевалы к Средиземному морю: один — южнее Угарита, другой — в Финикию, на Уллазу, у устья Элевтера, и оттуда на север до Угарита или на юг до Библа и далее до Тира (путь от Тира еще далее на юг преграждали лесистый хребет и мыс Кармел); из верховьев Оронта можно было перевалить в долину Эль-Литани и оттуда либо на Тир, либо в долину верхнего Иордана и на нагорье Палестины.

Египет был отрезан от Палестины полосой пустыни, поэтому пешее войско или караваны ослов выбирали кратчайший путь — вдоль моря на Газу и оттуда на север через нагорье, к верховьям Иордана. Сама долина Иордана, заросшая лесом и лежащая в глубокой впадине, торной дорогой служить не могла, но через иорданские переправы шла дорога в Заиорданье и оттуда на оазис Дамаска и перевалам через Антиливан в долину Оронта. Можно было пройти в Заиорданье и с юга, в обход Мертвого моря, через нагорье Сеир, район медных рудников и долину Вади-ᶜ Араба, но это был путь значительно более тяжелый.

Прямого пути из Палестины в Месопотамию через пустыню в IV—II тысячелетиях до н. э. не было; этим объясняется и длительное отсутствие прямых контактов между Египтом и Вавилонией. Круговой путь через Палестину или Заиорданье, долину Оронта, Северную Сирию и Верхнюю Месопотамию был долгое время единственной нитью связи между отдельными цивилизациями Ближнего Востока. В периоды высыхания аравийских степей до времени одомашнения верблюда не было постоянно действующего пути и из Палестины в Южную Аравию.

Изучение древнейших топонимов (географических названий) и отчасти непосредственные данные египетских и месопотамских текстов заставляют считать, что население Восточного Средиземноморья, во всяком случае с IV—III тысячелетий до н. э. и раньше, принадлежало к носителям семитской ветви афразийских языков. Данные же палеолингвистического анализа заставляют отнести их появление здесь даже к VI—V тысячелетиям до н. э. Восточное Средиземноморье, очевидно, было первой территорией расселения семитоязычных племен в Азии. По имеющимся в нашем распоряжении пока скудным данным, первые семитоязычные земледельческие племена в Северной Сирии вплоть до моря, вероятно, были по языку частью восточносемитскими (они в дальнейшем передвинулись в Месопотамию), частью же западносемитскими «акающей» подгруппы, а в остальных частях региона принадлежали к ханаанейской («окающей») подгруппе западносемитских диалектов*; скотоводческие же племена степной зоны говорили на западносемитских диалектах аморейской, т. е. «акающей», подгруппы. Впрочем, в III и даже в начале II тысячелетия до н. э. различие между разными семитскими диалектами было незначительным.

В конце III тысячелетия до н. э. из области Закавказья и Армянского нагорья в Южную Сирию и Палестину, как уже упоминалось, проникла группа, вероятно, хурритских племен, принесшая сюда так называемую «куро-араксскую» (в Сирии-Палестине — «хирбет-керакскую») археоло-

* По-видимому, ханаанейские говоры охватывали на севере долину Элевтера в Финикии и верхнюю долину Оронта в Центральной Сирии; Угарит и Эбла входили в зону «акающих» говоров, причем ареал диалекта Эблы простирался по Евфрату до Мари, а сам диалект был переходным между западносемитскими и восточносемитскими.

гическую культуру. Эти племена позже были полностью поглощены ханаанейским населением. К началу II тысячелетия до н. э. начинается новое, на этот раз массовое просачивание хурритов в Северную Сирию и в долину Оронта. В течение XVIII—XV вв. до н. э. значительная часть местного населения восприняла хурритский язык. С людьми западносемитского языка хурриты с самого начала жили вперемежку, и правящие династии в различных центрах были то хурритские, то семитские, то смешанные.

Наиболее ранним центром цивилизации в Восточном Средиземноморье стал, по-видимому, город Губла (Библ) на финикийском побережье, поблизости от кедровых лесов Ливана. О возникновении государственности в Библе можно говорить уже с первой половины III тысячелетия до н. э. Это с неизбежностью указывает на классовый характер здешнего общества. Классовое расслоение могло возникнуть на основе имущественного расслоения, в связи с тем что Библ был центром торговли лесом с Египтом. Тут найдены мелкие египетские надписи XXVIII—XXIII вв. до н. э., а уже во второй четверти III тысячелетия до н. э. египтяне построили храм своей богине Хатхор, отождествлявшейся ими с местной «Владычицей Библа» (Ба'лат Губли). Позже (в XX в. до н. э.) известны и надписи местных правителей на египетском языке.

С начала III тысячелетия до н. э. Библ превращается в благоустроенное поселение, обнесенное каменной стеной, с улицами, мощенными булыжником, достаточно широкими даже для проезда повозок. Появляются монументальные постройки — храмы на каменном фундаменте, число которых на протяжении III тысячелетия до н. э. увеличивается. В храме богини Ба^{c}лат найдены сосуды с египетскими надписями. Целый ряд бытовых изделий — топоры, ножи, бусы, посуда — также скорее всего являются египетскими по происхождению. Известны данные о египетских заготовках леса на Ливане, который затем отсюда вывозили через Библ. В Египет помимо древесины, видимо, во все периоды вывозились также вино и оливковое масло. Глиняная тара от этих товаров найдена при раскопках ряда построек и погребений в долине Нила. К концу III тысячелетия до н. э. изготовление товаров, по-видимому, на продажу наблюдается и в других приморских центрах; так, в Угарите (Рас-Шамре) обнаружены большие давильни для оливкового масла, вряд ли рассчитанные на нужды местных семейных общин.

Вторым районом сложения цивилизации стала Северная Сирия. Надписи Саргона аккадского (конец XXIV в. до н. э.) и его внука Нарам-Суэна (XXIII в. до н. э.) упоминают в связи с их походами к Кедровым горам (Аманусу или Ливану) и к Серебряным горам (Малоазийскому Тавру) северносирийские города Яримут, Эбла, Арманум, Уршу, а также царя Эблы и Арманума по имени Реш-Адад и т. п.*. К сожалению, местоположение не всех этих городов пока с уверенностью установлено.

Вплоть до 70-х годов нашего века предполагалось, что в развитии цивилизации и классового общества Восточное Средиземноморье отставало от соседних стран и что едва ли не единственным цивилизованным очагом в III тысячелетии до н. э. был город Библ в Финикии; этот очаг, как считали, возник лишь в силу старых и прочных связей с египетской цивилизацией. Для Египта Библ был местом, через которое отправлялись морем на юг различные товары более восточных областей, а главным образом кедр и другой строительный лес с гор Ливана. Чуть ли не единственным несомненным очагом шумерской культуры в Северной Месопотамии считалось городище Телль-Брак.

* Нарам-Суэн, по-видимому, доходил до Уллизума, или Уллазы, на финикийском побережье по долине Элевтера.

68. Памятники Эблы:
а) ритуальный каменный бассейн из святилища;
б) глиняные таблички из царского архива

Однако, как показали обширные археологические работы, произведенные в последнее время в зонах затоплений, образующихся в связи с постройкой современных плотин на Евфрате, цепочка шумерских колоний тянулась также вверх вдоль Евфрата вплоть до впадения в него реки Арацани (Мурад-су, Мурад), далеко в глубине Армянского нагорья, западнее современного Элязыга. Хотя в этих местах найдены все материальные особенности шумерской цивилизации (керамика, мелкая скульптура, характерные формы кирпичей, архитектурной планировки), здесь не обнаружено никаких памятников шумерской письменности. Можно было бы подумать, что письменность южномесопотамского общества IV* — III тысячелетий до н. э. на окружающие ее территории не проникала. Но против этого говорят следующие соображения.

Во-первых, далеко от Ближнего Востока, в Тэртэрии, на территории современной Румынии, найдено несколько глиняных табличек с письменными знаками, весьма похожими** на шумерскую архаическую письменность III тысячелетия до н. э. Обнаружены они, странным образом, в захоронениях VI тысячелетия до н. э.— эпохи, когда на Ближнем Востоке не было еще никаких следов подлинной письменности***, да и трудно представить себе, чтобы письменность не изменилась за две тысячи лет (между VI и IV тысячелетиями). Ряд исследователей, в том числе советский ученый А. А. Вайман, полагают, что тэртэрийские таблички не синхронны погребениям, а, как можно заключить по некоторым данным, занесены из более позднего слоя. Но и это все же, несомненно, указывает на наличие далеко к западу от Шумера очагов архаической шумерской письменности и, вероятно, шумерских колоний если не на Балканах, то по дороге к ним, скажем в Малой Азии.

---

* По устному сообщению участника раскопок в Варке (Уруке) проф. Я. Ван Дейка, письменные памятники, относимые к слоям Урук IV и III/II, найдены исключительно в завале и точно не датируются, но, по его мнению, значительно старше 3000 г. до н. э.

** Разница в том, что знаки для цифр пишутся кружками и полукружиями, процарапанными, а не выдавленными обратным концом писчего стиля, как в Шумере. Остальные знаки хотя и не прочитаны, но все имеют аналогии в архаическом шумерском письме.

*** Правда, как установила американская исследовательница Д. Шмандт-Бессерат, еще в период неолита на территории Передней Азии применялись объемные значки, помещавшиеся в маленькие глиняные замкнутые емкости и, несомненно, служившие для передачи каких-то сообщений через пространство и время — возможно, при межобщинной торговле?

68а

68б

Во-вторых, теперь обнаружены прямые связи между шумерской цивилизацией III тысячелетия до н. э. и Восточным Средиземноморьем за пределами евфратской долины. В Восточном Средиземноморье, а именно в северо-западной части Сирии, обнаружена локальная цивилизация этого времени; она имела важные связи с Шумером и оттуда заимствовала также и письменность для местного, ранее неизвестного семитского языка.

Эта цивилизация была обнаружена в результате раскопок, ведшихся на городище Телль-Мардих, под которым скрывался древний город Эбла (в 50 км южнее современного Халеба).

Самые ранние слои городища Телль-Мардих еще не вскрыты; пока стали известны два периода его истории: примерно с 1900 до 1600 г. до н. э., когда Эбла, видимо, находилась в зависимости от соседнего государства Ямхад с центром в Халебе, и примерно с XXVI по XXIII в. до н. э.— период независимости Эблы. Раскопки Эблы III тысячелетия до н. э. вызвали международную сенсацию, которая оказалась полезной для науки в той мере, в какой облегчила дальнейшее финансирование археологических работ и публикаций памятников, но кое в чем и повредила делу, поскольку распространились самые невероятные слухи о якобы обнаруженной неизвестной древней империи, связанной с древним Ханааном: в текстах из Эблы будто бы упоминались Содом и Гоморра и многие другие библейские топонимы.

Издание материалов Эблы поручено в настоящее время компетентной международной комиссии. Эта комиссия произвела в начале ряд «закрытий», отбросив мнимые открытия и поспешные толкования многих текстов. Сейчас публикация документов из Эблы (в фотографиях и транскрипциях) значительно продвинулась, но мы еще далеки от ясного понимания их. Для объяснения трудностей необходимо остановиться вкратце на характере эблаитской письменности.

Тексты из Эблы составлены шумерским письмом, но предназначались для чтения на семитском языке — эблаитском, ранее неизвестном, так что каждое эблаитское слово зашифровано шумерским словесным написанием. Таким образом, более 90% текста записано шумерскими словесными знаками, которые предстоит прочесть по-эблаитски, и лишь отдельные слова записаны слоговыми знаками прямо по-эблаитски; по-эблаитски же выписывается часть суффиксальных притяжательных местоимений и т. п.

Поскольку шумерские тексты нами хорошо читаются еще с начала нынешнего века, казалось бы, что чтение эблаитских документов, писанных шумерскими знаками, не должно вызывать особенных трудностей. Однако это не так. Эблаитские шумерские знаки, по внешнему виду почти полностью совпадающие с известными нам, скажем, из Лагаша, по своему значению принадлежат не к южношумерской письменной традиции, хорошо изученной по памятникам из того же Лагаша, из Ура, Урука, Ниппура, а к северной, вероятно возникшей в таких городах, как Киш, и соседних с ним. Широко употребляются составные шумерские идеограммы, не попавшие впоследствии в шумеро-аккадские словари II тысячелетия до н. э. и поэтому нам непонятные. Найденные в Телль-Мардихе шумеро-эблаитские словари также мало помогают делу: во-первых, эблаитские писцы заносили в словари только малоупотребительные слова, считая, что написание часто встречающихся слов надо знать наизусть; во-вторых, эблаитский язык хотя и принадлежит к хорошо известной семитской языковой семье, но все же это язык новый для нас, пока непонятный.

Но самое главное заключается в следующем: хотя эблаитские тексты современны шумерским текстам периодов РД III и аккадского, но сама письменность была заимствована эблаитами из Шумера (северного) эпохи РД II (т. е. до 2500 г. до н. э.) и сохранялась в том самом виде, какой она имела в тот период. Напомним, что было сказано о развитии шумер-

ской письменности в первой части настоящей «Истории древнего Востока» (с. 112—116): до 2500 г. до н. э. писцы необязательно выдерживали порядок слов, существовавший в речи, и оставляли невыписанными едва ли не большинство грамматических показателей (префиксов и суффиксов).

В Эбле это касается не только «шумерограмм» (которые составляют наибольшую часть текста), но частично также и слов, написанных слоговыми знаками по-эблаитски: и они нередко выписаны не в той форме, которая ожидалась бы по грамматическому контексту, а в зазубренной писцом словарной форме. Кроме того (так же как в староаккадском письме), писцы Эблы не стремились к точной передаче фонетики своего языка, не отличая глухих согласных от звонких, «с» от «ш», «ц» от «з» и т. д. Часто они писали закрытый слог с помощью знаков для слогов открытых, например «ма-ма», «да-да» вместо «мам», «тат»; «ни-зи» вместо «иц» и др. Среди написанных таким варварским способом эблаитских слов можно с уверенностью отождествить с известными семитскими словами далеко не все, а из отождествленных слов бóльшая часть общесемитские, меньше слов общих для эблаитского и только западносемитских языков (аморейского, угаритского, финикийского, еврейского, арамейского, арабского), несколько больше общих слов для эблаитского и восточносемитского (аккадского); есть слова общие с южносемитскими языками. Но более половины слов пока ни в каких других семитских языках не обнаружено. Грамматика эблаитского языка, насколько мы вообще можем о ней судить, очень архаична, но, на наш взгляд, ближе к западносемитским, чем к восточным.

Дошедшие до нас тексты в значительной части представляют хозяйственный архив дворца в Эбле; есть небольшое количество документов международного значения, а также словари и (пока не изданные) религиозно-литературные тексты, главным образом, по-видимому, заклинания, которые всегда малопонятны.

Преодолевая все изложенные трудности чтения текстов, пока удалось узнать об Эбле III тысячелетия до н. э. следующее.

Эбла была городом-государством, вероятно наиболее сильным на территории так называемой «калициформной археологической культуры», охватывавшим во второй половине III тысячелетия до н. э. территорию по обе стороны Евфрата, к северу от Мари (в Месопотамии) и Катны (в Южной Сирии); эта территория, возможно, примерно соответствует ареалу распространения людей, говоривших по-эблаитски. Однако, судя по упоминаемым в тексте собственным именам, в окрестных степях, где обитали скотоводческие полуоседлые племена, был распространен другой семитский язык, ранее нам уже известный и условно называемый аморейским. (В Эбле II тысячелетия до н. э. официальным языком письменности был аккадский.)

Территория Эблы делилась на центральную городскую, обозначаемую двумя идеографическими знаками, не поддающимися прочтению (условно *са-за*), и периферийную (*уру-бар*). Обе части подчинялись дворцу, но земля са-за входила непосредственно в дворцовое хозяйство, а земля уру-бар была обязана делать дворцу поставки; многие из людей земли уру-бар были скотоводами. Существовала ли еще земля, вовсе не подчиненная дворцу, из документов архива не видно. Положение лиц, работавших на дворец, видимо, походило на положение «илотов», но это еще подлежит дальнейшему исследованию.

Правитель Эблы носил титул *ма́ликум*, что означает, по-видимому, «тот, которому советуют» [отсюда финик. *мальк*, евр. *мэ́лэк*, араб. *ма́ликун* («царь»), аккад. *ма́лькум* «(иноземный) правитель, князь»]. Слово «маликум» передавалось шумерограммой «эн»; возможно, это значит, что эблаитский маликум, подобно шумерскому эну, был жрецом богини плодородия, но скорее всего шумерская идеограмма «лугаль» (обычно означаю-

69. Финикийские купцы на Ниле при разгрузке корабля, живопись из гробницы в Фивах

щая в клинописи «царь») была закреплена за семитским словом «шаррум» (которое лишь по-аккадски означает «царь», но по-западносемитски, в том числе и по-эблаитски, значит только «вельможа»). При маликуме Эблы (и многих соседних городков) были два советника (в других местах — несколько) и ряд чиновников-администраторов. Всякий правитель города-государства, расположенного на аккадоязычной территории, мог и в Эбле обозначаться как лугаль, а не как эн-маликум.

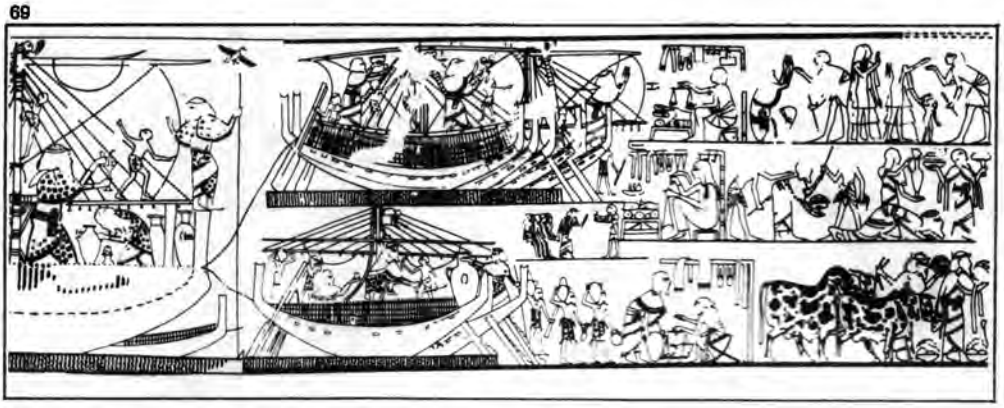
Вход во дворец Эблы был с небольшой площади, обнесенной лоджиями; под одной из них был постамент — возможно, для кресла правителя; здесь принимали послов и иноземных купцов и, вероятно, доставляющих дань из владений самой Эблы. Рядом с площадью находились архивы. Сам дворец носил «ячеистый» характер, с пристройкой постоянно новых помещений, и спускался с холма-цитадели на плоскость (в пределах городской стены).

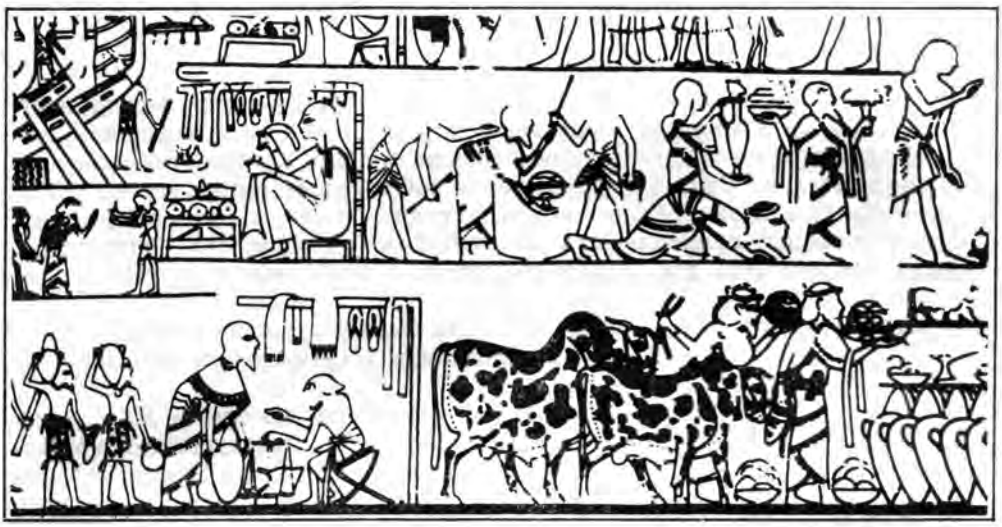
Эбла была крупным центром международной торговли; в документах часто упоминаются странствующие купцы (шумер. *лу-кар*). Во дворце найдены большие запасы необработанного бадахшанского лазурита (из Афганистана) и обломки египетских алебастровых сосудов, в том числе с надписями фараонов Хефрена и Пиопи I (IV—VI династии).

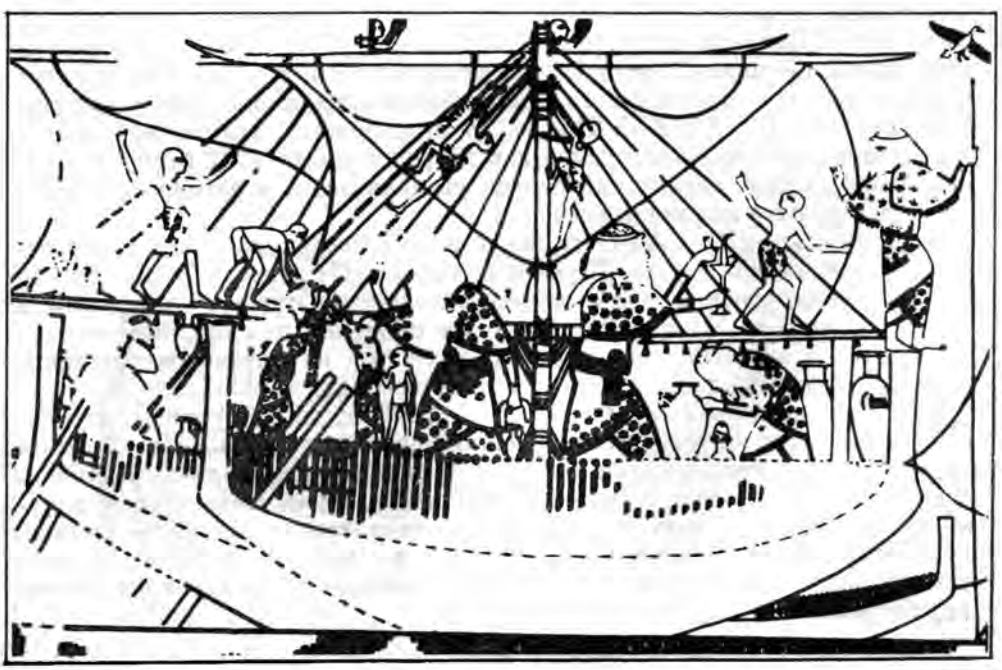
Однако такие товары привозили не непосредственно из Египта и с Иранского нагорья: просмотр документов говорит только о связях Эблы с городами Северной (сирийской) Месопотамии (Абарсаль, Мари и др.), с областью за Тигром (Гасур) и с северным Шумером (Киш и др.). Западные и северные связи не засвидетельствованы. Даже Угарит, находившийся всего в нескольких десятках километров от Эблы, упоминается (как «Угарат») только в словарном списке топонимов, восходящем к месопотамской писцовой традиции; ни разу не названы ни Библ, ни другие города Финикии и Палестины, а тем более Египта, Малой Азии или Иранского нагорья; предполагавшийся договор с Ашшуром, тогда еще, возможно, и не существовавшим, оказался описанием границ между Эблой и Абарсалем, а предполагавшееся упоминание Каниша в Малой Азии тоже не подтвердилось: речь идет о маленьком селе того же названия в предместьях самой Эблы.

Из сообщений царей династии Аккаде (Саргона Древнего и Нарам-Суэна) следует, что они совершали походы против «Эблы и Арманума». Последний под этим названием в документах из Эблы не назван, но, может быть, он идентичен часто упоминаемому в них Арми. (Следует предостеречь от легковесных попыток сопоставления населения Арми-Арманума,

69

70. Финикийское оружие:
а) ритуальная золотая секира из Библа;
б, в) золотой кинжал и ножны, слоновая кость, золото, Библ;
в) бронзовый меч из Сихема
71. Угаритское судно, оттиск печати
72. Захоронение сирийского воина (реконструкция по И. Ядину)

расположенного где-то совсем близко от Эблы, с народом армян, засвидетельствованным не в Сирии, а на нагорье, да и то не под этим названием, которое сами армяне никогда не употребляли, и лишь тысячелетием позже). В документах из Эблы пока встречены собственные имена только семитов — эблаитов и амореев, возможно, аккадцев; имен же, которые, несомненно, должны принадлежать несемитским народам, не обнаружено. Среди божеств есть два, позже входившие в некоторые хурритские пантеоны.

Есть все основания полагать, что Эбла была разрушена в правление ее последнего независимого царя Ибби-Зикира Нарам-Суэном аккадским в конце XXIII в. до н. э.

Хотя после этого значение Эблы уменьшилось, но еще в XXII в. до н. э. Гудеа, правитель Лагаша, сообщил, что ему строительный лес доставляли из «Уршу в горах Эблы», хотя Уршу надо, видимо, искать гораздо севернее, в районе современного города Газиантепа (в Турции). Другие важные города Северо-Западной Сирии скрыты под городищами Телль-Селенкахье, к востоку от Халеба, Телль-Атшана на Оронте, южнее озера Амик и т. д. Площадь каждого из этих городищ — 40—60 га. В Алалахе в слоях начала — первой трети III тысячелетия до н. э. раскопаны остатки небольшого храма, возведенного на платформе и, видимо, бывшего центром этого городка. В XXVII—XXIV вв. до н. э. рядом с храмом появляется здание с колоннадой, трактуемое как дворец правителя. К концу III тысячелетия до н. э. алалахский дворец увеличивается в размерах, причем в нем появляются кирпичные своды.

При Шульги (2094—2047 гг. до н. э.) на Северную Сирию распространяет свою власть Царство Шумера и Аккада (III династия Ура). До нас дошли тексты, сообщающие о выдаче довольствия гонцам, прибывшим в район Ниппура из Уршу и Эблы, а также об уплате правителями этих городов дани в виде обязательных поставок скота на жертвоприношения в храме Энлиля, а в одном случае — дани древесиной.

От времени царя Амар-Зуэна (2046—2038 гг. до н. э.) дошел шумерский хозяйственный текст, упоминающий правителя (энси) Библа. В самом Библе тоже найдены остатки шумерской клинописной таблички и шумерская печать XXI в. до н. э. Возможно также, что город, упоминаемый в шумерском тексте под названием «Махазу» (зап.-семит. маххазу — «рынок, порт» = вост.-семит. карум),— это Угарит на побережье Сирии, южнее устья Оронта, который в то время был уже немаловажным центром, почти не уступавшим Библу.

70а

70б

70в

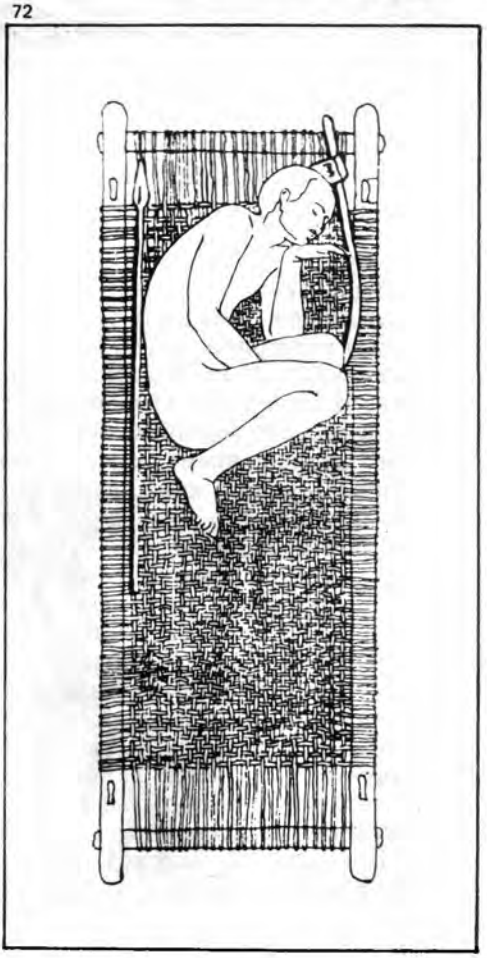
70г

71

72

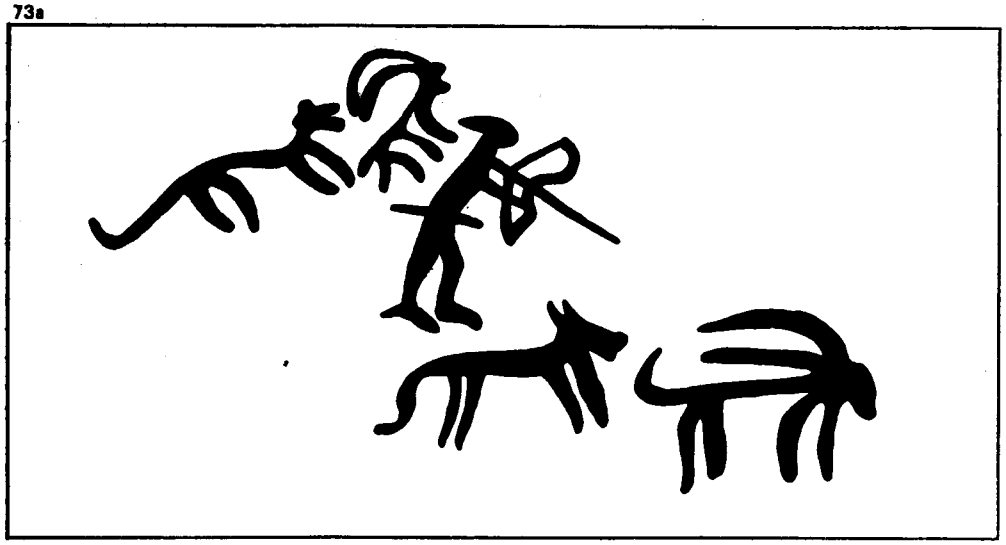

73. Наскальные изображения. Негев:
а) охота;
б) арфисты;
в) танец мужчин

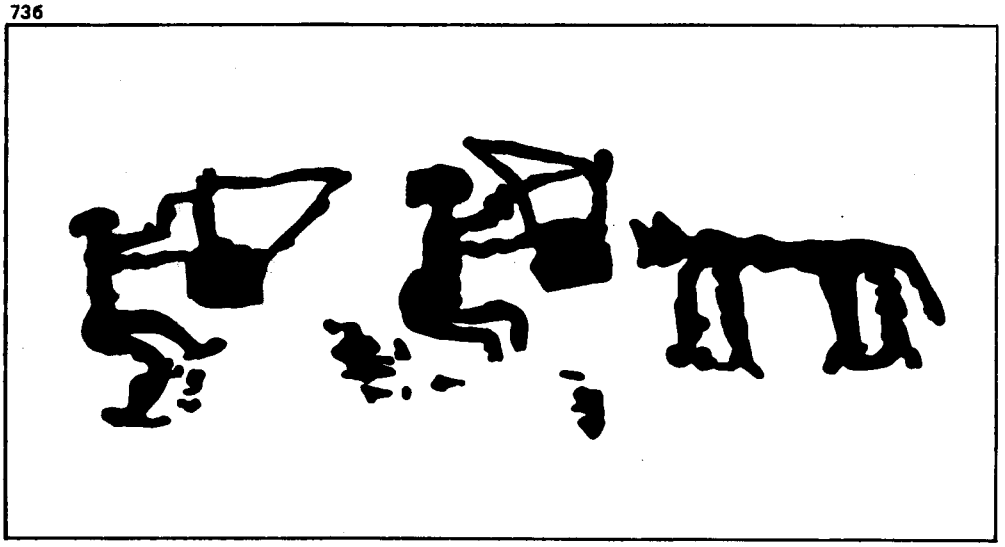
К концу III — началу II тысячелетия до н. э. города-государства возникают уже по всей территории Восточного Средиземноморья. Ввиду пересеченности рельефа, разнородности типов хозяйства в разных частях страны и отсутствия между ними достаточно тесных экономических связей этим государствам не суждено было объединиться в большие монархии-деспотии типа складывавшихся в пределах речных бассейнов Нила и Евфрата. Но в то же время они во многом заимствовали культурные и политические формы жизни у передовых цивилизаций, преимущественно у месопотамской, так как Египет тогда (после распада Старого царства) находился в некотором упадке. Позже других возникают города-государства в Палестине. Поселения этого времени частично существуют на прежних местах (например, Иерихон, Мегиддо), частью возникают заново (например, Лакиш, 'Ай), но все они концентрируются либо на приморской равнине, либо в Эздраелонской долине и в долинах, тяготеющих к Иордану. Все города были обнесены стенами, которые усиливались овальными или прямоугольными башнями. В этих городах, обычно имевших небольшие размеры (2—4 га), сосредоточивалась деятельность многочисленных ремесленников. Гончары к этому времени уже изготовляли сосуды с помощью гончарного круга и обжигали их в двухъярусных печах. Металлурги имели дело не только с медью, но также с бронзой, золотом и серебром. Известны сосуды, изготовленные из серебра, а целая группа лощеной керамики середины III тысячелетия до н. э. не без оснований считается подражанием металлическим прототипам. Значительное число оружия — копий, кинжалов и булав — свидетельствует, так же как и крепостные стены, о напряженной обстановке в стране; очевидно, она определялась соперничеством между отдельными местными общинами, а также угрозой со стороны Египта. Связи с Египтом ясно ощутимы: имеются привозные египетские вещи, хотя и в меньшем числе, чем в городах прибрежной Финикии и Сирии, ведших морскую торговлю. В палестинских городках наряду со святилищами появляются крупные строения, представляющие собой жилища знатных горожан или резиденции местных правителей. Центральный зал такой резиденции в городе, позже называвшемся 'Ай, имел размеры 20×6,5 м, а его перекрытие поддерживалось четырьмя колоннами. Таким образом, налицо появление памятников монументальной архитектуры. Разница в инвентаре погребений указывает на возникающее социальное неравенство.

В конце III — первой половине II тысячелетия до н. э. крупнейший центр Северной Палестины — Хацор (ныне Телль аль-Ваккас, у озера Хула,

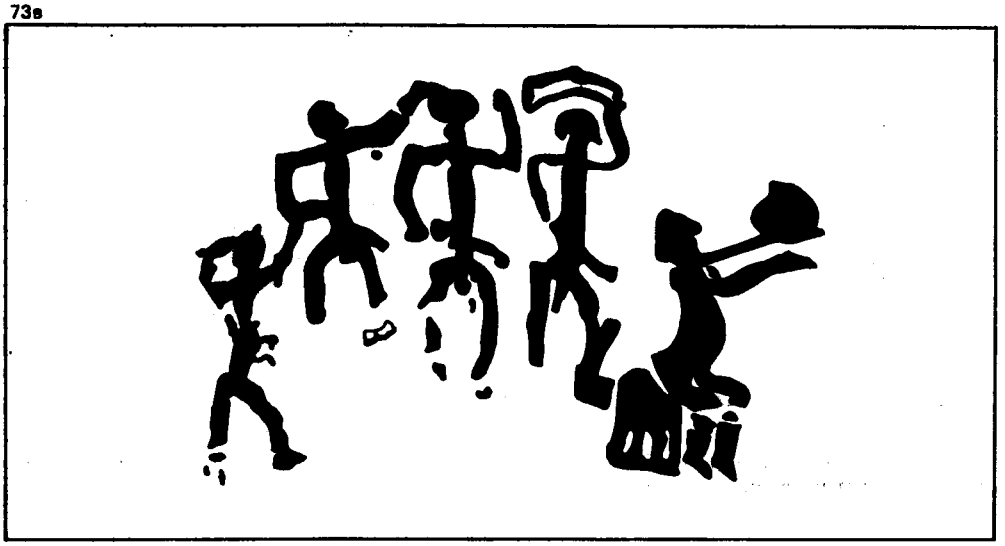
73а

73б

73в

в верховье Иордана) занимал площадь почти 50 га и, вероятно, господствовал над другими общинами. Дворцы и святилища увеличиваются в размерах, и последние с полным основанием можно именовать храмами. Весьма внушительно выглядели и богатые дома, известные по раскопкам в Библе, на городище Телль-Бейт-Мирсим и в других местах. Это двухэтажные строения, при возведении которых применялись как сырцовый кирпич, так и камень; в нижнем этаже, по-видимому, жили рабы и хранились запасы; семья хозяина жила в надстройке. Перед нами, надо полагать, уже раннее классовое общество; долгий путь развития палестинских ханаанейских племен завершился созданием цивилизации. В течение II тысячелетия до н. э. в Палестине и на Синае появляются краткие надписи на скалах и отдельных предметах, свидетельствующие о возникновении местной письменности, по-видимому, слогового типа, создавшейся не без влияния египетской иероглифики. Существовало несколько разновидностей этого письма, но, к сожалению, до сих пор они не могут считаться надежно дешифрованными, несмотря на усилия ряда видных ученых.

Важную роль в истории Восточного Средиземноморья во все времена играло полуоседлое и неоседлое скотоводческое население. По лингвистическим данным, выделение подвижных скотоводческих племен в особые этнические группы следует, по-видимому, датировать второй половиной IV тысячелетия до н. э. В IV и III тысячелетиях до н. э. археологи отмечают крайнюю немногочисленность оседлых поселений в Заиорданье по сравнению с предыдущими периодами*; очевидно, эти области были в это время уже заняты пастушескими племенами, весной отходившими в степь довольно далеко от своих баз у водопоев. То же верно относительно восточной степной полосы в Центральной и Северной Сирии. Наиболее важные пастбища аморейских скотоводов были расположены на южных склонах Джебель-Бишри. Несомненно, что периодически происходило просачивание пастушеских племен и на территорию оседлых районов Сирии и Палестины или, вернее, в промежутки между территориями, которые были освоены оседлыми земледельцами. Где-то южнее амореев жили западносемитские скотоводческие племена еще одной группы, позднее называвшиеся арамеями, а еще далее — южносемитские скотоводческие племена (арабы).

3. Восточное Средиземноморье в первой половине II тысячелетия до н. э.

Хотя отдельные письменные памятники из Восточного Средиземноморья (на египетском, аккадском и эблаитском языках) имеются уже и от второй половины III тысячелетия до н. э., однако и в первой половине II тысячелетия до н. э. основные наши сведения, если не считать археологических, дошли из соседних стран; часто это надписи врагов-завоевателей, и поэтому естественно, что доходящие до нас данные односторонни и неполны.

У археологов этот период носит название среднебронзового. Передвижения западносемитских племен, несомненно, изменили в это время лицо не только Месопотамии, но также и Сирии, Финикии и Палестины. В конце III тысячелетия до н. э. в Финикии происходят, по-видимому, какие-то грозные события. В огне пожара погибает храм «Владычицы Библа»; торговое мореплавание между Египтом и Библом на какое-то время прерывается. Мы не знаем, свидетельствуют эти события о вторжении новых племен или же о внутренних социальных конфликтах в самом Библе либо в

* Однако крайний юг Палестины — Негев был еще довольно густо заселен полуоседлым населением и в начале II тысячелетия до н. э.

Египте. Последующие поколения финикийцев хранили предания о своем приходе с дальнего юга, о чем рассказывали еще в середине I тысячелетия до н. э. Об ином происхождении семитов Палестины и Финикии (те и другие носили обозначение ханаанеев) по сравнению с семитами Сирии, может быть, свидетельствует диалектное членение. Говоры финикийских городов, от самого южного (Акки) до самого северного (Арвада), имели, по-видимому, много общего с говорами древнейшего населения Палестины, но отличались от говора Угарита на Средиземноморском побережье Сирии, сближающегося с языком скотоводов-амореев Верхней Месопотамии и внутренних частей Сирии, где они (судя по именам собственным) возобладали в начале II тысячелетия до н. э.

В континентальной части Сирии после разрушения Эблы и поселения на городищах Телль-Селенкахье и других и ухода отсюда войск III династии Ура возникает сильное царство Ямхад с аморейской династией и с центром в Халебе. Это было весьма мощное государственное образование, едва ли не более сильное, чем месопотамские царства Иссин и Ларса, Эшнуна и Мари; оно распространяло свое влияние на всю долину Оронта, от Алалаха в его низовьях до Катны в верховьях. Именно Ямхад наряду с царством Хаммурапи вавилонского явился главным соперником верхнемесопотамской державы Шамши-Адада I (1813—1781 гг. до н. э.).

Такую же ведущую роль южнее, в Палестине, надо приписать и северопалестинскому городу Хацору, по своим размерам намного превосходившему другие города Палестины и поддерживавшему прямые сношения с различными городами-государствами вплоть до Мари на Евфрате.

Наконец, третьим важнейшим государственным центром Восточного Средиземноморья II тысячелетия до н. э. был опять усилившийся приморский Библ в Финикии, вновь ставший центром морской каботажной торговли.

Однако не только Библ, но и другие приморские поселения Финикии — Акка, Тир, Сидон, Берута, Арвад и др.— во II тысячелетии до н. э. превратились хотя и в очень маленькие (это обстоятельство надо всегда иметь в виду), но процветающие города. Финикия — единственный приморский район Ближнего Востока, где это произошло; население Малой Азии, Ливии, Египта, Аравии не проявляло интереса к морю, и здесь у берега ютились в лучшем случае лишь небольшие группы рыбаков. Причиной тому было раннее развитие торговли в Финикии, и прежде всего торговли строительным лесом с Египтом, причем связи были двусторонними: не только египтяне прочно укрепились в Библе с возникновением государственности в Египте (поэтому Библ играет такую большую роль даже в египетских мифах), но и, хотя Египет старался держать поставки леса в руках своих царских чиновников, финикийские мореплаватели посещали Египет.

Заслуживает внимания то, что если Библ, Сидон (ханаан. Цидон — «место рыбной ловли», ныне Сайда) и другие города были выстроены на берегу, то, например, Арвад и Тир — на прибрежных островах; очевидно, это было обусловлено заботой о защите богатевших поселений от нападений вооруженных сил могущественных царей *.

Морская торговля имела для местных купцов двоякое преимущество: удобство перевозки морем таких громоздких грузов, как кедровый, сосновый и самшитовый лес, и возможность обходить существовавшие царства, всегда пытавшиеся наложить руку на провозимые товары или хотя бы собирать с них пошлину, часто непомерную. Впрочем, Библ лишь отчасти мог пользоваться этим преимуществом, ибо уже в эпоху Старого царства египетский флот обладал достаточной силой, чтобы поддерживать фактическую власть над библской гаванью.

* Действительно, Тир был впервые занят лишь в IV в. до н. э. войсками Александра Македонского, соорудившими насыпной вал от берега до острова.

Заметим, что, говоря о каботажной морской торговле финикийских городов, мы не можем отвергать возможности и их более дальних морских связей, но письменные тексты об этом молчат, поскольку даже еще и тысячелетием спустя финикийские мореплаватели строго хранили тайны своих рейсов, а археологических данных у нас недостаточно.

В то же время, как показывает переписка канишской торговой организации, и сухопутная торговля через Сирию имела весьма немаловажное значение. Главным опорным и перевалочным пунктом малоазийско-месопотамской торговли в XX—XIX вв. до н. э. на территории исторической области Северной Сирии был, по-видимому, Уршу. Исключительно важное значение имели, конечно, переправы через Евфрат в районе его большой излучины. Одновременно, без сомнения, функционировала и торговая тропа из Северной Сирии на юг, через долину Оронта или оазис Дамаска и Палестину, вплоть до пределов Египта, которому в это время принадлежали, очевидно, и медные копи Синая; у рудников современного Серабит эль-Хадима тогда был построен небольшой храм в честь египетской богини Хатхор, отождествленной с местной семитической «Хозяйкой» (Ба'лату, Ба'лат).

Начало II тысячелетия до н. э. совпадает с периодом более глубокого проникновения египетских фараонов XII династии в Азию; походы начал уже основатель этой династии Аменемхет I. Однако это вовсе не означало не только включения Палестины-Сирии в египетскую державу, но даже и установления сколько-нибудь стабильной египетской гегемонии в этой области. Чрезвычайно интересные данные о глубинных районах Восточного Средиземноморья в XX в. до н. э. дает нам египетская «Повесть о Синухете», которая, по-видимому, достаточно исторически точно рисует здешнюю обстановку.

В момент смерти Аменемхета Синухет, один из его приближенных, опасаясь быть замешанным в какой-то заговор, решился перейти охраняемую границу нильской Дельты и бежать в глубь Палестины-Сирии. Переходя из области в область, он в конце концов достиг страны, которую, вероятно, можно отождествить со степным нагорьем к востоку от верхнего Оронта или с пастбищами, примыкавшими с востока же к Антиливану севернее оазиса Дамаска. Здесь его дружелюбно принял местный правитель 'Аммиянши, с которым Синухет породнился. Если судить только по рассказу Синухета о его пребывании в Сирии (повествование ведется от первого лица), то уровень развития страны покажется довольно низким. Так и предполагали, пока у нас не было других источников. Основу хозяйства в этом районе составляло скотоводство; хотя и земледелие не было чуждо местному населению, но об укрепленных городах нет речи, зато мы встречаемся с жителями шатров. Жизнь сирийцев, окружавших Синухета, очень напоминает жизнь библейских патриархов, как ее рисует традиция; она состояла из набегов на соседей с угоном скота, поединков и т. д.; но через область изредка проходили и египетские гонцы, да и египетский язык был здесь понятен многим.

Несомненно, что полуоседлое и пастушеское население играло важную роль в жизни Сирии и Заиорданья, областей к югу от Мертвого моря и степей Синайского полуострова, а отчасти, быть может, и нагорий Палестины. Сопоставляя богатые данные архивов из Мари с библейскими преданиями, «Повестью о Синухете» и другими источниками, мы можем представить себе такую картину. Главным занятием племен Сирийской и Аравийской степей было разведение овец и коз, с подсобным земледелием, где условия это позволяли. Часть племени (*навӯ*, или *ну'ӓу*) пасла овец в степи, часть же возделывала землю. Но скотоводство составляло основу хозяйства. Вокруг стад концентрировалась вся жизнь; скотом расплачивались за услуги, скот был главным составным элементом и мерилом богат-

ства. Религиозные празднества были связаны (как показывает, между прочим, анализ позднейших иудейских пасхальных традиций) с почитанием богов — хранителей стад и пастбищ; они должны были обеспечивать их защиту от злых демонов пустыни. Характерная черта быта скотоводов — они не употребляли спиртных напитков. Важной частью материальной жизни были вооруженные набеги на соседей, грабеж, угон скота, женщин, похищение хлебных запасов.

Основной ячейкой общества пастухов-амореев этого времени была родоплеменная единица, носившая название *гáйу* (ср.др.-евр. *гой* — «народ», особенно «чужой народ») и делившаяся на более мелкие кровнородственные единицы. Под властью главы патриархальной большой семьи были помимо его жен и детей также семьи сыновей, чужаки, усыновленные или присоединившиеся к роду, рабы и рабыни (последние, как правило, считались принадлежавшими женам, и обычай допускал сожительство патриарха с ними не иначе как с ведома госпожи рабыни; бесплодная жена могла принять ребенка рабыни во время родов на свои колени, и тогда он считался ее ребенком). Вообще же патриарх распоряжался жизнью и смертью и имуществом всей семьи. После его смерти скот и пастбищные угодья делили между вновь возникавшими кровнородственными ячейками.

Руководили делами родо-племенной группы совет старейшин («старцы») и вождь, которого выкликали на сходке всех взрослых мужчин-воинов. Время от времени вокруг того или иного предводителя образовывались боевые дружины, которые могли явиться ядром родо-племенного ополчения. Любопытно, что такой предводитель назывался *мáликум, мáльку* — «тот, кто принимает советы» (от этого же термина — др.-евр. *мéлех и араб. мáлик* со вторичным значением «царь»).

Археологические данные о населении скотоводческих районов, естественно, скудны; в большинстве районов к востоку от Мертвого моря почти нет городищ этого времени, а в Негеве — сухом районе от юга Палестины до Синая — найдены стоянки полуоседлого скотоводческого населения и крепости, служившие лишь опорными пунктами во время набегов и для укрытия в случае нападения.

Поскольку скотоводы первой половины II тысячелетия до н. э. не были подлинными кочевниками, постольку непрерывно то там, то сям происходили процессы как перехода от жизни подвижных пастушеских племен с базой и посевами у водопоев к полностью оседлой жизни, так и наоборот — покидания оседлых селений в дни войн или неурожаев и перехода к скотоводческому полубродяжничеству; это подтверждается и библейскими преданиями.

Однако в это время и численно, и в культурном отношении во всем Восточном Средиземноморье преобладало оседлое западносемитское (хананейско-аморейское) население, уже достигшее грани классового общества и даже переступившее ее.

Сейчас нам ясно, что «Повесть о Синухете» (как и предания о библейских патриархах) рисует не вообще уровень развития общества в Восточном Средиземноморье в начале II тысячелетия до н. э., а лишь жизнь его окраин (мы уже упоминали о большом хозяйственном и социальном разнообразии отдельных районов, расположенных между Малой Азией и Египтом). Районы, подобные тому, где поселился, завел себе новую семью и, наконец, стал вождем Синухет, мало интересовали египетских завоевателей; напротив, археологически засвидетельствована заметная активность царей Египта в городах Восточного Средиземноморья. Почти от всех фараонов XII династии, вплоть до конца XIX в. до н. э., а также от членов их семьи и сановников дошли надписи на статуях и разных — вообще довольно многочисленных — предметах египетского изготовления, найденных в Беруте, Библе, Угарите, на побережье, в Катне, у верховьев Оронта, и в

других городах. Часть находок, вероятно, свидетельствует не о военных походах, а лишь о посольствах Египта с целью обмена с местными городами-государствами; однако, например, во время правления Сенусерта III (вторая половина XIX в. до н. э.) был совершен поход египтян на Сихем (др.-егип. Сакмим, др.-евр. Шекем), ныне Телль-Балата в центральной части Палестины, около Набулуса.

Весьма интересны две известные нам серии «текстов проклятий», содержащих египетские заклинания против племен и городов, враждовавших с Египтом. Может быть, они относятся ко времени некоторого упадка военной мощи фараонов, откуда и стремление прибегнуть к магическому средству против неприятеля, а может быть, они должны были, напротив, содействовать реальным военным успехам в предполагавшихся походах. Географический горизонт «текстов проклятий» охватывает всю Палестину, включая Иерусалим, Сихем и Хацор, финикийское побережье от Тира до Библа, а в Сирии — район Дамаска и т. п. Объектом проклятия являются иногда «племена» (*ʿмв*), иногда же правители городов-государств и областей, причем иной раз названы вместе по два и даже три правителя; любопытно, что по отношению к Библу проклятие адресовано его «народу».

Цари Библа, где египетское влияние прочно укоренилось уже почти тысячелетием раньше, пользовались египетским языком как официальным и составляли на нем надписи, обычно выступая как исполнители воли фараонов. Так, библские правители Абишему I и его сын Япа-шему-Аби I были, по-видимому, современниками Аменемхетов III и IV. Из Библа Египет продолжал вывозить по преимуществу лес, но археологические данные по-прежнему говорят, как кажется, также о вызове из Сирии и Палестины оливкового масла и вина. В то же время египтяне приводили из походов в Палестину и Сирию также людей. Однако число пленных, захваченных в течение правления XII династии в Египте, видимо, не было очень значительным, а с начала правления XIII династии (XVIII в. до н. э.) египетское влияние в Восточном Средиземноморье почти сходит на нет, хотя отдельные египетские предметы этого времени найдены в Палестине и Келесирии. Лишь в Библе египетское влияние прочно сохраняется. Являясь для фараоновских властей лишь египетскими областными владетелями (номархами), правители Библа в сношениях с остальным внешним миром выступали в качестве царей; как царей их упоминают и документы из Мари. Таковы, например, Янтин-ʿАмму, сын Якин-лу, известный (под именем Янтина) из надписи египетского фараона Неферхотепа, а также и более поздние цари Библа (Абишему II, Япа-шему-Аби II, Эглия). Более независимым, по-видимому, был маленький Угарит; его морские связи (как, впрочем, и связи Библа *) достигали Эгейского моря.

Наряду с египетским весьма сильным было и аккадское культурное влияние. Во всех важнейших городах Сирии и даже Палестины начала II тысячелетия до н. э. пользовались аккадским языком и клинописью; в Хацоре найдена даже глиняная модель печени для гадания, в точности совпадающая и по форме, и по почерку клинообразных надписей на ней с такими же моделями из Мари; в Мегиддо найден написанный несколькими столетиями позже обломок таблички с частью аккадского эпоса о Гильгамеше.

Политическая история Сирии отчасти освещается для конца XIX — на-

---

* На микенские связи Библа ясно указывает само греческое название этого города: семитское Gubla, чтобы превратиться в Byblos, должно было быть сначала заимствовано микенскими греками в форме *G^{w}ublos, так как g^{w} превратились в b лишь в послемикенское время; если греки только в этот более поздний период познакомились бы с городом Gubla, он неизбежно получил бы у них название *Gyblos. Ср. микенское g^{w}asileus и более позднее греческое basileus — «властитель, царь».

чала XVIII в. до н. э. архивом из Мари, а с середины XVIII в.— архивом из Алалаха в «номовом» государстве Мукиш. На рубеже XIX и XVIII вв. до н. э. царь Мари Яхдун-Лим, по-видимому, совершил поход к Средиземному морю, которого он достиг, вероятно, по северному перевалу через горы Ансария. Но Ямхад, господствовавший над путями к Средиземному морю у залива Искендерон и к перевалам в Малую Азию, не был затронут действиями царей марийской династии; поэтому именно сюда бежал, спасаясь от Шамши-Адада I в период создания его державы оставшийся в живых сын Яхдун-Лима Зимри-Лим.

Зато в сфере влияния царства Шамши-Адада находилась Катна, господствовавшая над верхним Оронтом и оттуда над перевалом через Ливан (докуда Шамши-Адад тоже добирался) и к Библу. Как в Катне, так и в Яблии * стояли гарнизоны Шамши-Адада. Царевна Катны была женой Ясмах-Адада, его младшего сына и правителя областей по среднему Евфрату с центром в завоеванном Мари. Хотя Катна сохранила свою собственную, аморейскую царскую династию, в ней фактически распоряжался начальник стоявшего здесь гарнизона. Дружественные отношения с Шамши-Ададом I поддерживал и Аплахаида, царь Каркемиша, державший в своих руках важнейшую переправу через большую излучину Евфрата **.

Таким образом, влияние Шамши-Адада I далеко проникло в глубь Сирии, но здесь он имел равного по силе соперника в лице царя Ямхада ***. Это царство господствовало над северными выходами к Средиземному морю (через Мукиш-Алалах с гаванью недалеко от устья Оронта, на месте современного городища Эль-Мина, и через Угарит). Ямхад, по-видимому, поддерживал дружеские отношения и с Уршу, который, впрочем, в это время не имел уже прежнего значения, поскольку Шамши-Адад не только перекрыл пути месопотамско-малоазийской торговли в Верхней Месопотамии, но и создал себе важные опорные пункты в самой Северной Сирии — может быть, в непосредственной близости от Уршу (если правильно отождествление Яблии с Эблой).

После падения царства Шамши-Адада Ямхад еще более усилился, по-видимому подчинив себе Каркемиш и установив (при посредничестве Зимри-Лима, царя Мари) мир с Катной.

Политическое положение в Восточном Средиземноморье XX—XVIII вв. до н. э. можно охарактеризовать как одновременное существование нескольких важнейших зон политической гегемонии: египетской, охватывавшей бо́льшую часть Палестины и Финикии, с центром влияния в Библе; зоны кратковременного влияния Шамши-Адада I, охватывавшей значительную часть Сирии — от Каркемиша до Катны, откуда открывались пути на Библ и Хацор (кроме того, можно предполагать между нею и египетской зоной промежуточные центры политического влияния — таковы Хацор, Дамаск, а после падения державы Шамши-Адада и Катна), и, наконец, зоны влияния Ямхада, простиравшейся от северного побережья Сирии и Малоазийского Тавра до излучины Евфрата у Каркемиша.

Для второй половины XVIII — начала XVII в. до н. э. мы располагаем архивом из Алалаха. Здесь в то время правили цари Ярим-Лим и его сын

---

* Местоположение Яблии до сих пор неясно, а отождествление ее с Эблой спорно.

** Аплахаида, по-видимому, правитель самого южного из тех царств Восточного Средиземноморья этого времени, чьи цари уже не носили семитских имен. Несемитские имена носили также упоминавшиеся ранее Шеннам, царь Уршу, и Анишхурве, царь Хашшу (во всяком случае, последнее имя — хурритское). Преемником Аплахаиды был Ятарами.

*** Современником Шамши-Адада I в Ямхаде был Сумуэпух; его преемники — Ярим-Лим I и ᶜАммурапи (Хаммурапи) I — правили, видимо, уже после Шамши-Адада.

Аммитакум *, зависевшие от царей Ямхада (из последних нам в это время известны Абба-Эль, Никм-Эпа, затем Иркабтум, Ярим-Лим III и ᶜАммурапи II). Владения Ямхада в это время распространились далеко на юг, выйдя по правому берегу Евфрата за пределы большой излучины, а также на восток, на левобережье Евфрата. Это не мешало, однако, автономному существованию городов-государств в пределах владений Ямхада. В документах из Алалаха встречаются датировки по событиям правления царей Ямхада, например: «год, когда царь Иркабтум, ... и воины-хапиру заключили мир».

Высказанное еще в начале века предположение о том, что под термином «хапиру» скрывается первоначальная форма этнического обозначения «еврей» (ᶜ*ибри́*), вызвало длительную и горячую дискуссию. Хотя и теперь еще встречаются отдельные сторонники гипотезы отождествления хапиру и ᶜибри, но после опубликования материалов международной конференции, на которой всесторонне обсуждалась эта проблема (1954 г.), большинство исследователей решительно отказались от такой идентификации, не имеющей ни лингвистической, ни исторической опоры. Хапиру были вольницей, изгоями или беглецами из своих общин самого разнообразного происхождения, спасавшимися от эксплуатации, военных погромов и долговой кабалы, скрывавшимися в кустарниках-маки́ Сирии, Верхней Месопотамии и Загроса и занимавшимися немного земледелием, немного мелким скотоводством, немного разбоем, а иногда шедшими в батраки или в наемные воины.

Для общей характеристики социально-экономических отношений Сирии этого времени приходится пользоваться лишь данными архива из Алалаха, так как кроме него в нашем распоряжении пока имеется только очень небольшой клинописный архив из Катны. К сожалению, алалахский архив издан неудовлетворительно, и на нем нельзя базировать вполне надежных выводов. По-видимому, из него следует, что обитатели селений царства Мукиш, центром которого был Алалах, жили многочисленными мелкими сельскими общинами; тон в обществе Алалаха (хотя цари его еще носили западносемитские имена) задавали хурриты, и их имена собственные и термины неоднократно встречаются в текстах (например, по Н. Б. Янковской, **эвро* — «владение большесемейной общины», в аккадском написании *э-бу-ру*, род. над. *э-би-ри*); по своему социальному устройству алалахские общины напоминают общины хурритского общества Аррапхи. Повинности, в том числе воинского ополчения (*и́льку*), раскладывались на селение в целом, и точно так же натуральный побор. Во главе сельских общин (*алу*) стояли старейшины. Существовавшая точка зрения, будто они целиком контролировались царской властью, опровергнута более новыми исследованиями. Иногда царь жаловал или продавал каким-то людям целые алу; документы сформулированы именно как отчуждение самих селений, хотя некоторые полагают, что речь на самом деле идет только о передаче права получать с этих селений налоги и повинности, за исключением лишь воинской. Приобретателями этих алу в одном случае был «старшина тамкаров», Ирпа'-Адду, в другом — тамкар Талма-Адду; в других случаях привилегия жаловалась, видимо, приближенным царя. Передача была, по-видимому, в принципе необратимой; при случае царь выкупал свои алу обратно за серебро.

Имеются случаи «продажи» виноградников; судя по низкой цене отчуждаемого имущества, речь идет либо об обратимых сделках (впредь до объявления об их отмене по всему государству), либо о фактическом изъятии земли кредиторами у неоплатных должников. Вообще ростовщичество в Алалахе в XVIII в. до н. э. было развито не менее, чем в Нижней

* При нем или вскоре после него Алалах был разрушен в результате набега хеттского царя Хаттусилиса I.

Месопотамии, причем в долг брали как отдельные лица, так и целые общины; кредиторами же являлись разные царские торговые агенты — тамкары или непосредственно дворец, т. е. государственное хозяйство, представленное самим царем. Заем сравнительно небольших сумм серебра выдавался под антихретический залог члена семьи должника или самозаклад. Очевидно, таким образом расширялся фонд рабочей силы дворца, так как в первые периоды создания классового общества здесь в отличие от ирригационных областей общины в административном порядке менее охотно выделяли землю и работников своим вождям-царям. На это же указывает, по-видимому, и значительная роль наемного труда в царском хозяйстве. Дворцу было подчинено много различных ремесленников (ткачей, кожевников, плотников, ювелиров), получавших выдачи серебром и натурой, а также рыбаков и т. п.; менее ясно, кто выполнял в царском хозяйстве сельскохозяйственные работы. Имеются частные сделки о покупке рабов, но рабство было, видимо, слаборазвито, особенно в государственном секторе. Воинской повинности, как кажется, подлежали и общинники, и царские люди.

Приведенная интерпретация данных об обществе Алалаха XVIII в. до н. э. носит предварительный характер, так как предложенное прочтение документов нуждается в проверке.

4. Гиксосское владычество в Палестине и митаннийское владычество в Сирии

Между концом XVIII и началом XVI в. до н. э. происходило просачивание в дельту Нила вооруженных племенных скотоводческих групп из Палестины, во многом, по-видимому, напоминавшее проникновение амореев в Нижнюю Месопотамию на полтора века раньше. Отряды пришельцев, получившие в истории название гиксосов (от древнеегипетского слова, которое значит «вожди или властители чужих стран»), постепенно захватили власть в важнейших областях Египта, и их вожди стали принимать фараоновские титулы. По поводу их племенной принадлежности велись и до сих пор ведутся споры. Однако, кажется, все согласны с тем, что основную массу гиксосов составляли западносемитские, т. е. аморейские, или ханаанейские, племена. Несколько собственных имен гиксосских царей, не поддающихся объяснению из семитских или египетского языков, вызвали к жизни различные недоказуемые гипотезы, в том числе об участии в гиксосском вторжении или даже о руководстве им то ли хурритов, то ли арийцев. Но никаких хурритских или арийских имен гиксосов нам неизвестно; в действительности, если некоторые непонятные имена гиксосских царей (в поздней, греческой передаче — Бнон, Апофис и др.— из вероятных древних форм *Бинана, *Апапи) и похожи на какие-либо известные нам на древнем Ближнем Востоке имена собственные, то скорее всего на «прототигридские» («банановые»). По библейским преданиям, записанным в I тысячелетии до н. э., мы знаем, что Палестина была до прихода израильтян населена различными племенами, среди которых наряду с ханаанеями традиция называет также хурритов, хеттов (которые, однако, не могли здесь появиться ранее XIV в. до н. э.) и еще хиввитов, иевуситов, ферезеев и гергесеев. Кто они были — об этом ровно ничего не известно (кроме того, что поздняя библейская традиция считала их, как, впрочем и хурритов * и хеттов, частью ханаанеев и приписывала их пред-

* Высказывались сомнения, что библейские *хори* Южной Палестины действительно были хурритами; это слово может быть истолковано как «пещерные жители».

74. *Гиксосские колесничные воины (реконструкция М. В. Горелика), по находкам в Газе и Палестине, настенным изображениям в Бени-Хасане (см. ил. 75)*

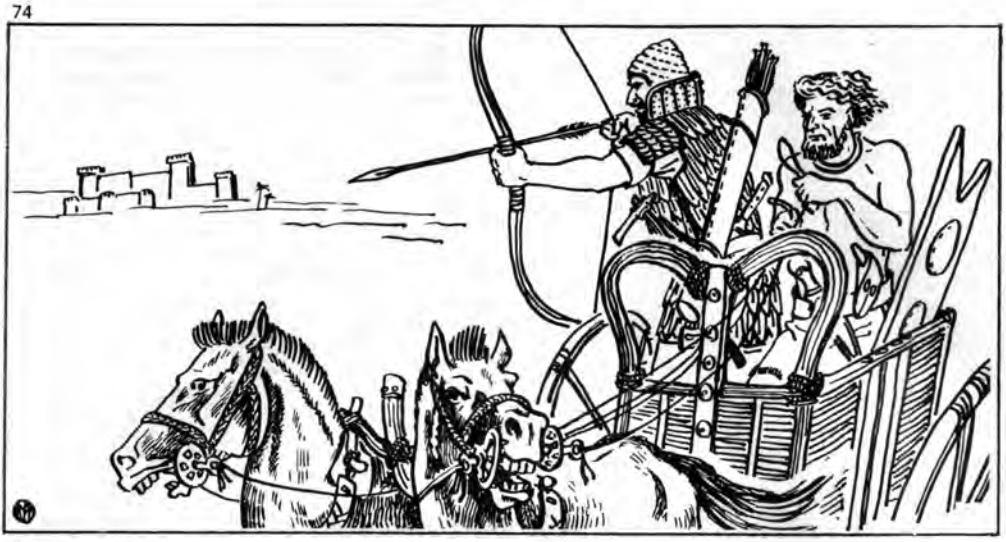
75. *Сиро-палестинское боевое снаряжение гиксосского времени:*
а, б, в) бронзовый пояс, топор, клинок и навершие кинжала из погребения в Телль эль-Фара;
г) глиняная модель колесницы из Хамы, слой II

ставителям семитские имена собственные). Вполне возможно, что какие-то несемитские группы могли участвовать и в гиксосском движении; но более вероятно, что мнимые «банановые» имена представляют собой просто уменьшительные, которые могут происходить из любого, в том числе даже и из семитского, языка.

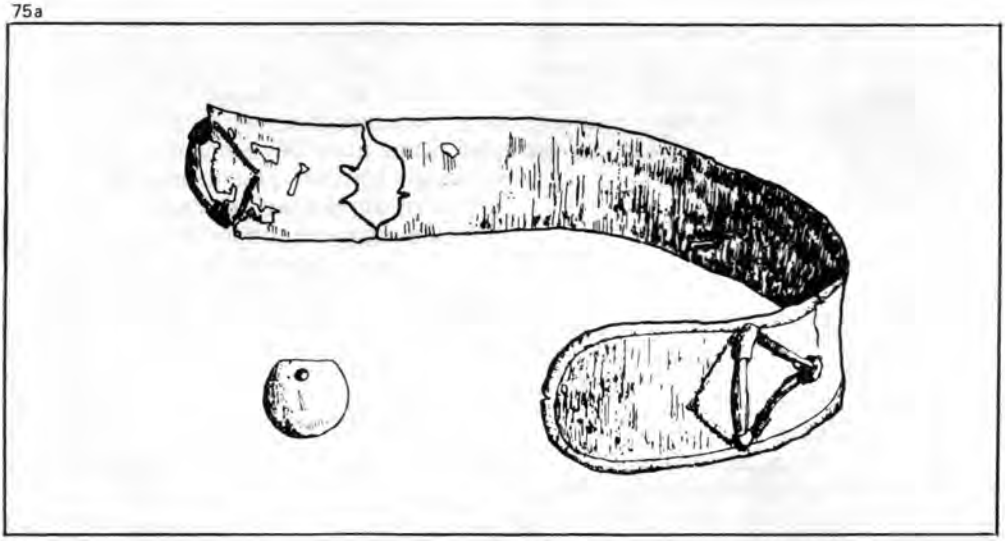
Подобно амореям в Месопотамии, гиксосы в Египте быстро потеряли свою этническую обособленность и слились с местным населением. Остается совершенно неясным, в какой мере они сохраняли связи с исходными районами своего обитания (на Синае? в Палестине? в Заиорданье, где во II тысячелетии до н. э. обитало преимущественно подвижное пастушеское население?). Маленькие египетские печатки в форме священного жука (скарабея) во все времена древности во множестве встречались в Палестине и Финикии, что и неудивительно ввиду удобства и портативности этих вещиц, но в XVII в. до н. э. число их в Палестине становится особенно большим, равно как и некоторых других египетских изделий, и это, может быть, указывает не только на торговые, но и на государственные связи между Палестиной и гиксосским Египтом. Кроме того, в городах и даже вне городов Палестины именно в это время появляются богатые, обширные, комфортабельные двухэтажные дома с внутренним двором, нижние части стен которых были сложены из камня, а верхние — из сырцового кирпича. Эти дома контрастируют с жалкими хижинами бедноты, что ясно указывает на далеко зашедшее имущественное и социальное расслоение.

Палестина XVIII—XVII вв. до н. э. не была в политическом отношении монолитным целым. Об этом говорит и характер фортификации: мелкие поселения того времени были нередко четырехугольными крепостцами с глинобитными валами, а наиболее важные города имели довольно мощные укрепления с двойными стенами, с циклопической каменной кладкой в их нижней части, с тройными воротами-башнями, с подъездными путями в виде пандусов, спланированными так, чтобы в случае попытки неприятеля прорваться к воротам он находился бы максимально долго под обстрелом лучников с городской стены. Как видно по данным раскопок, то один, то другой город подвергался разновременным разрушениям, следовательно, эти крепости были центрами городов-государств достаточно независимых, чтобы воевать между собой, даже если они, возможно, и признавали верховную власть гиксосских фараонов в их столице Аварисе, на границе Дельты. Аварис, во всяком случае, несомненно, был конечным пунктом важного торгового пути, связывавшего в то время Египет с Палестиной; не исключено, что вторым гиксосским центром была Газа (Газза-

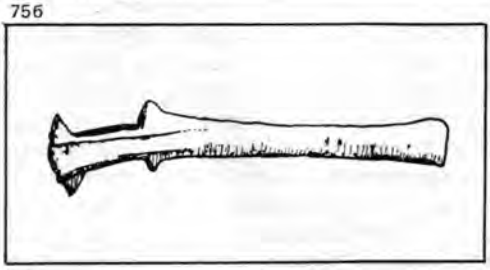
74

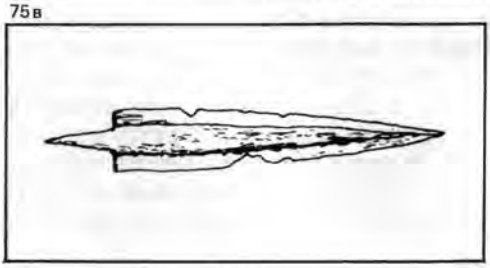
75а

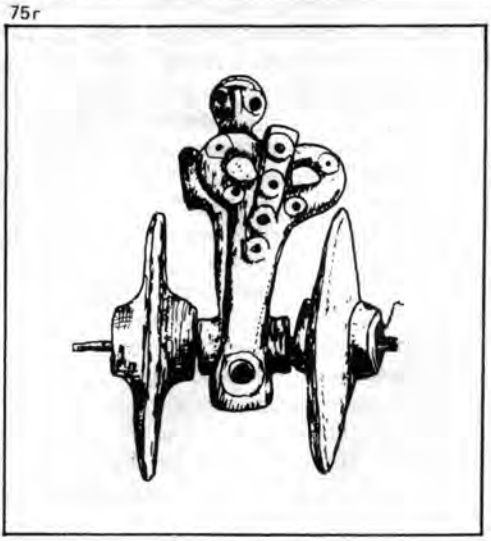
75б

75в

75г

76. Гиксосская керамика:
а) кувшин;
б) антропоморфный сосуд из Иерихона
77. Бытовая сцена в доме зажиточного ханаанеянина (реконструкция по И. Кэньон)

ту, ныне городище Телль эль-Аджжуль, близ современного города Газы).

Интересные материалы для суждения о жизни ханаанеев Палестины гиксосского периода дают катакомбные погребения знати из Иерихона. Внутри этих захоронений создались условия микроклимата, приведшие к гибели микроорганизмов, вызывающих гниение, поэтому в гробницах сохранились остатки стульев, на которые были посажены покойники, остатки волос и одежды на трупах, деревянные гребни, украшения из разрушающихся материалов, столы с глиняными горшками и остатками еды в них помимо обычных погребальных даров в виде глиняной посуды, оружия и металлических изделий. Гробницы, очевидно, должны были воспроизводить привычный быт знатного, когда он переселялся в мир мертвых. В каждой гробнице могло быть похоронено по нескольку десятков человек.

Вероятно, в это же время в Египет проникают некоторые ханаанейские мифы и культы, например культ грозного бога огня и смерти Рашпу (у хурритов Эржанна), богини Астарты (или «Святыни» — Кудшу, ханаанейской ипостаси хурритской Шавушки) и др. Большинство ханаанейских местных богов называлось, однако, нарицательным обозначением «бог» (эль) или «хозяин, господин» (ба л, ваал).

Во второй половине XVII в. до н. э. царство (или царства) гиксосов в Египте стало клониться к упадку, а в Палестине, надо полагать, обострилась взаимная борьба между ханаанейскими городами-государствами.

В Северной Сирии в это же время происходит постепенное усиление хурритов. Из числа этих пришельцев с гор сначала, вероятно, вербовались военные отряды местных правителей городов-государств; такие отряды призывались в город, когда почему-либо трудно бывало созвать ополчение из общинников, но затем они стали захватывать власть и создавать собственные династии. К началу XVII в. до н. э. хурритские династии владели уже такими важными городами, как Уршу, Хашшу и Хахха, т. е. основными центрами на пути из Месопотамии в Малую Азию. Со страниц истории исчезает и Ямхад; вместо этого довольно обширного государства, простиравшегося от Эмара на юге большой излучины Евфрата и до Мукиша на нижнем Оронте, появляется город-государство Халеб, составлявший ранее, видимо, только ядро Ямхада; в Халебе, как видно, правила тоже хурритская династия. В XVII в. до н. э. начинаются разрушительные набеги в Северную Сирию царей новообразовавшегося Хеттского царства в Малой Азии, а с XVI в. до н. э. в Северную Сирию проникают воины нового верхнемесопотамского хурритского государства Митанни. Луч-

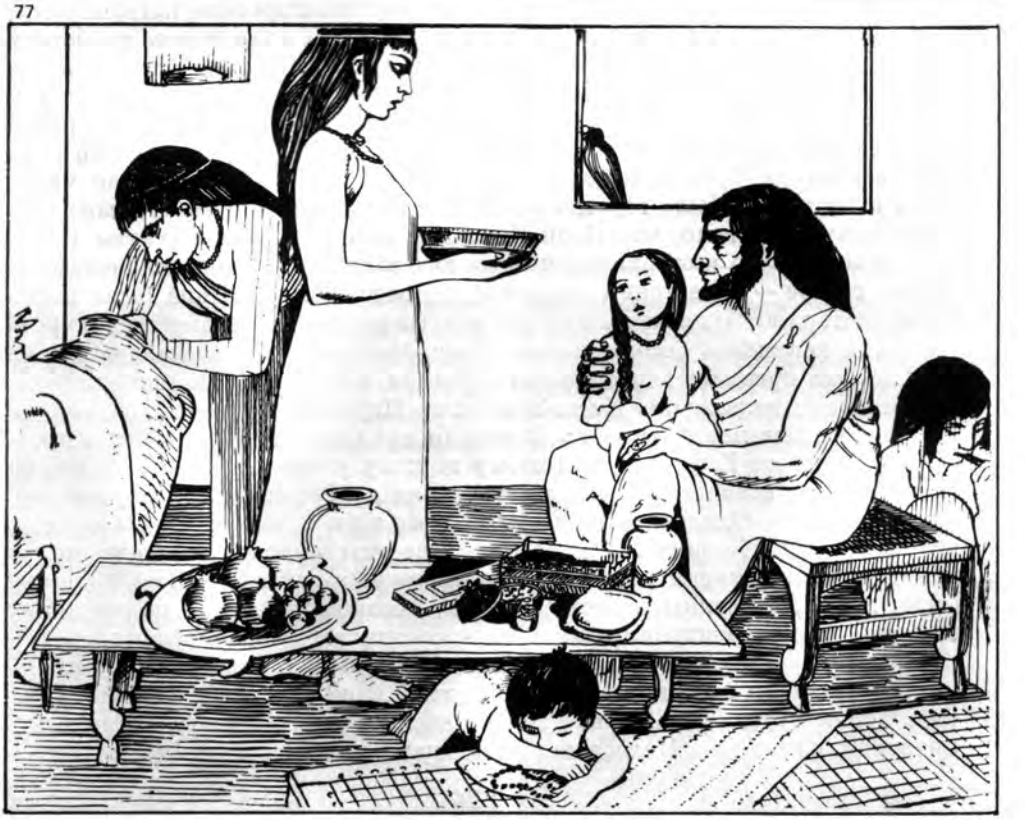
76а

76б

77

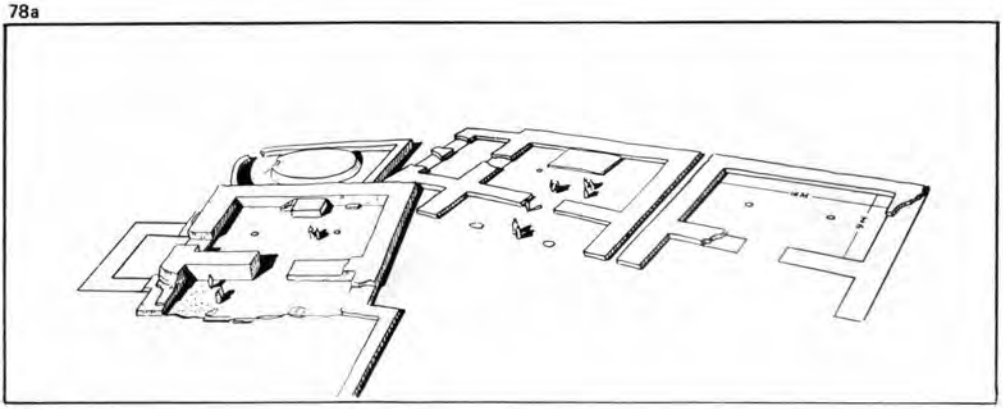
78. Ханаанейская монументальная архитектура Мегиддо (частичная реконструкция):
а) храмы и большой алтарь;
б) городские ворота
79. Набор ханаанейских украшений из золота и самоцветов, бронзовое зеркало, Телль эль-Аджжуль

шим и пока в своем роде уникальным источником по истории Сирии конца XVI в. до н. э. является для нас аккадская клинообразная надпись Идри-Ми, царя Алалаха, высеченная на цоколе его статуи, хранившейся в местном храме.

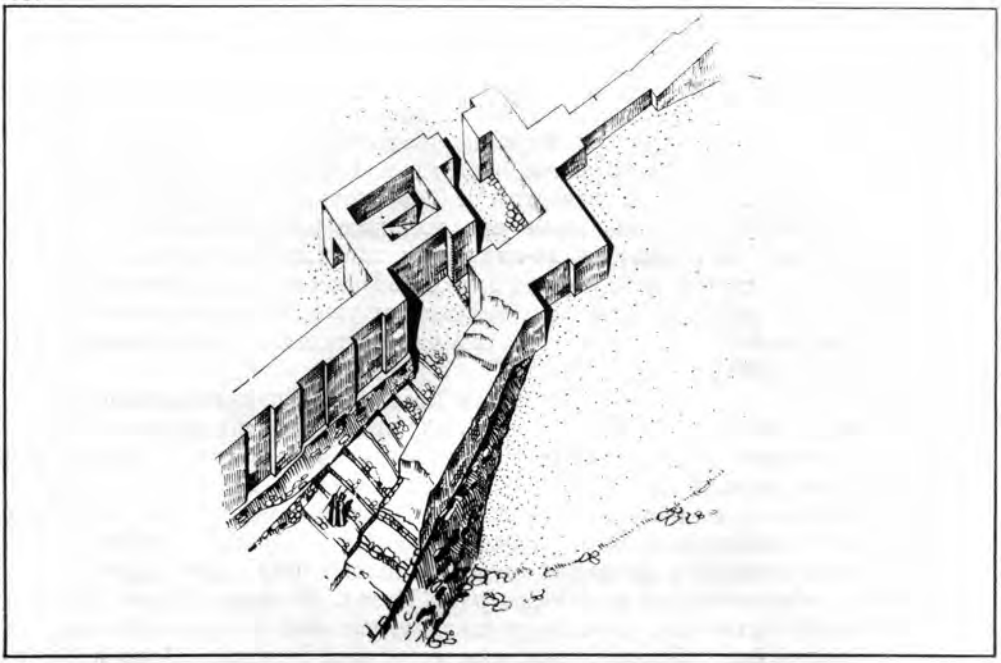
Царь Идри-Ми рассказывает, что во время смуты после смерти его отца, царя Халеба (может быть, связанной с происками Митанни?), он был вынужден бежать на колеснице с одним верным возницей в горно-лесистую местность Аммию (Амбию), на побережье северной части Финикии, где он провел семь лет среди беглецов-хапиру. После этого Идри-Ми удалось вернуться морем в Мукиш, причем он овладел и этой страной, и рядом соседних, в том числе важной Нией, местоположение которой остается спорным. Так как имеются данные, что она находилась на берегу «моря», между Оронтом и Евфратом и, как кажется, ближе к последнему, то ее ищут на берегу соленого озера Джаббуль, западнее Халеба, или у болотистого озера Махт, к югу от этого города; другие исследователи помещают ее на городище Кал'ат аль-Мудик, у болотистой низменности Эль-Габ на среднем Оронте, которая в древности, когда в Сирии было много лесов и местность была гораздо лучше обводнена, по-видимому, была озером. Весьма вероятно, что Идри-Ми завладел и Халебом. Захваты Идри-Ми приводили его к столкновениям на юго-западе со степными скотоводами, на севере — с Хеттским царством, но особенно серьезной была война с Парраттарной, «царем воинов хурри» (вероятно, митаннийских хурритов); она кончилась компромиссом: Идри-Ми сохранил свои владения, но должен был признать верховенство Митанни. Видимо, более полным было впоследствии подчинение Никм-Эпы, сына Идри-Ми, царю Сауссадаттару.

Непосредственная власть Митанни вряд ли когда-либо была прочной к западу от Евфрата, хотя этому царству удавалось претендовать на гегемонию на всей территории от этой реки до Средиземного моря и верховьев Оронта. Однако митаннийское влияние, вероятно, было здесь значительным. К концу XV в. до н. э. известны не только хурритские, но и индоиранские имена царьков в самых разных городах Сирии и, может быть, даже Палестины, причем, однако, местное население по-прежнему говорило преимущественно на западносемитских (ханаанейских и аморейских) диалектах, и лишь на севере Восточного Средиземноморья значительная часть населения и пользовалась хурритскими говорами, и давала детям хурритские имена (свидетельств о живом употреблении индоиранского языка ни в Палестине, ни в Сирии, ни в Месопотамии нет). Воз-

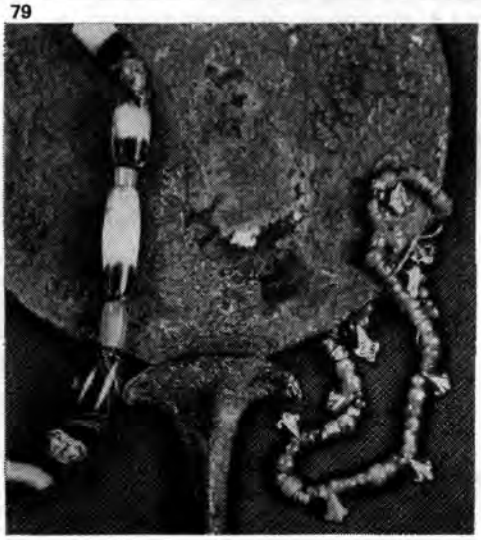
78а

78б

79

80. Статуя Идри-Ми, царя Алалаха

можно, царьки с индоиранскими именами были тесно связаны родством с пришлой с гор северо-востока (?) митаннийской знатью Месопотамии.

На этот же период падает широкое распространение колесниц, запряженных конями, и тактики колесничного боя. Единичные случаи употребления конной колесницы известны в Месопотамии с XXI—XVIII вв. до н. э., в Малой Азии она была уже довольно распространена в XIX—XVII вв. до н. э., в Египет ее, по-видимому, завезли гиксосы вскоре после 1700 г. до н. э., и она была хорошо известна Палестине и Сирии в течение XVII—XVI вв. до н. э. и позже. Но, как мы уже говорили, наиболее успешно развивали коневодство и колесничную тактику, по-видимому, митаннийские хурриты.

Примерно с конца XVI в. до н. э. в Восточном Средиземноморье начинается археологический период поздней бронзы. С этим периодом связано много существенных нововведений в хозяйственной и культурной жизни страны. Еще раньше Северная Сирия стала вывозить изделия из цветного стекла; теперь уже и сам секрет его изготовления распространяется все шире. Не позже начала эпохи поздней бронзы в Финикии открыли способ окраски шерсти в лилово-красный и лилово-синий цвет пурпуром — краской, добываемой из моллюска рода Murex. В связи с этим большое хозяйственное значение приобретает ввоз дешевой некрашеной шерсти из скотоводческих районов Сирии, а затем и всей Передней Азии в Финикию и вывоз оттуда пурпурной шерсти *, что позволяло скапливать в маленьких городках Финикии большие запасы хлеба и металлических изделий, поступавших в обмен на пурпурную шерсть. С пурпурной краской, по-видимому, связано старое название Финикии и окрестных областей — Ханаан (Кина^{c}-ну) и греческое название финикийцев — фойникес — «красноватые», «красно-бурые», или, скорее, «багрянщики», «красящие в багряный цвет».

Начинается оживленная торговля финикийцев с более отдаленными областями Средиземноморья. Об этом свидетельствует появление в Сирии и Палестине примерно с 1400 г. до н. э. позднемикенской греческой и кипрской керамики; весьма вероятно, что морским путем финикийцы стали ввозить также испанское олово, что удешевило изготовление бронзы. Возросшая роль купцов (а также морских пиратов) замедляла развитие в Финикии монархического строя; хотя почти в каждом городе были царь-

* Сама краска (в отличие от окрашенных ею вещей) не выдерживала длительного хранения, а потому вывоз ее был невозможен.

80

81. Бронзовая митаннийская статуэтка богини
82. Изображение охоты на колеснице на золотом блюде из Угарита

ки, но в целом управление в них носило скорее олигархический характер с известными пережитками первобытной демократии. Как мы увидим, в эпоху поздней бронзы в Финикии была создана собственная письменность, отвечавшая местным потребностям и поэтому значительно упрощенная по сравнению с египетской или аккадской, рассчитанными на деятельность бюрократической администрации деспотических государств; это изобретение имело всемирно-историческое значение (см. ниже данную главу).

Однако начавшиеся нашествия из фараоновского Египта не давали ханаанеям возможности воспользоваться плодами этих новых открытий и достижений. В XVI в. до н. э. гиксосская власть в Египте была уничтожена, и египетские фараоны XVIII династии сначала стали совершать отдельные набеги, а затем повели и планомерное наступление на Палестину — Финикию — Сирию. Уже первый фараон этого дома Яхмос I после долгой борьбы и осады занял последний оплот гиксосов — крепость Шарухен (Телль эль-Фарʿа?) в Южной Палестине. Целая серия набегов на север была, очевидно, совершена фараоном Тутмосом I в последней четверти XVI в.; хотя нам неизвестно никаких подробностей, однако этот фараон в своей надписи утверждает, что дошел до Евфрата и даже переправился через него. Более чем тридцатилетнее правление Идри-Ми и царствование его современника, Парраттарны митаннийского, падают, видимо, на период ослабления египетского натиска уже после Тутмоса I.

Новое египетское наступление началось при Тутмосе III (самый конец XVI — середина XV в. до н. э.). Главным его противником был царь Кинзы, или по-ханаанейски Кудшу (более известного в истории под условным названием «Кадеш», ныне городище Телль-Неби-Менд на верхнем Оронте). Этот город сумел сколотить антиегипетскую коалицию от Палестины до пределов Митанни на Евфрате (египетские тексты называют это государство по-ханаанейски Нахрина — «Реки» или «Нахрэна» — «Двуречье»); по уверению египетских источников, в эту коалицию входило 330 царьков и вождей. Они собрались, готовясь дать бой наступавшим египтянам, у крепости Мегиддо в Ездраелонской долине, на севере Палестины. Обманув своих противников, Тутмос III прошел через узкий горный проход к крепости там, где его не ожидали, и наголову разбил недисциплинированное ополчение ханаааней. Все же осада Мегиддо продолжалась после этого еще семь месяцев, но в конце концов Палестина была подчинена, и египтяне захватили богатую добычу. Далее начались почти ежегодные походы Тутмоса III, сопровождавшиеся систематическим

81

82

83. Сиро-палестинская одежда (реконструкция М. В. Горелика):
1) по росписи из гробницы фараона Сети I;
3) по изображению на тисненой кожаной обивке колесницы Тутмоса;
2, 4, 5) по росписи гробницы Аменемхеба;
6) по изображению на бронзовой пластинке;
7, 9) по изображениям на фаянсовых пластинках из дворца Рамсеса III в Мединет-Абу;
8) по рельефу на гробнице Хоремхеба, Мемфис

84. Сирийские воины (реконструкция М. В. Горелика), по изображениям на кожаной обивке колесницы Тутмоса IV

разорением страны. Так, во время своего пятого похода Тутмос занял города Уллазу и Ардату в Финикии, там, где долина реки Элевтер ведет к перевалу, открывающему путь в долину Оронта и остальную Сирию. Здесь, как обычно в Финикии, были захвачены большие запасы провианта и всякого имущества; однако фараону, видимо, в тот раз не удалось взять Туниб, заграждавший дорогу к Оронту.

Мало того, начались новые осложнения в Палестине, поэтому Тутмосу III вновь пришлось вести там военные кампании. Однако позже Тутмос прорвался в Северную Сирию и достиг Евфрата. При этом он построил в Финикии ладьи, перевез их посуху и совершил на них плавание вниз по реке. В конце своего правления он повторил свой поход сюда: каждая египетская кампания приводила не к включению пройденной войском территории в состав Египта, а лишь к грабежу поселений и городов (особенно дворцов), угону скота и людей. Мероприятия фараоновской администрации на завоеванной в Азии территории носили весьма примитивный характер. В Газе был посажен египетский наместник; египетские гарнизоны довольно прочно держали в своих руках крепости вдоль торговой дороги по побережью через Яффу и Ездраелонскую долину и далее на Бет-Шеан; в Мегиддо и Бет-Шеане были также созданы крепости с египетскими гарнизонами, контролировавшие дороги через север Заиорданья на Дамасский оазис и через верховья Иордана в долину Эль-Литани между Ливаном и Антиливаном (Амку *, позднейшая Келесирия) и в сторону Оронта и перевалов на Финикию. Египетское войско на этих двух дорогах должно было напоминать местным правителям в течение возможно более длительного времени о дарах и дани завоевателю, а в качестве гарантии этого у них брали как заложников к египетскому двору их детей; сыновья воспитывались в духе преданности фараону, а дочери отдавались в его гарем. Но фараоны нигде не пытались распространить внутреннюю административную систему египетского царства на Палестину и Сирию в целом. Требование же от местных городов абсолютного подчинения подкреплялось только путем все новых и новых походов и погромов. Значительная часть населения городов, как видно, бежала из них, пополняя ряды хапиру. Число угнанного населения было, видимо, велико; огромно было и количество ценностей, выкачанных из стран Восточного Средиземноморья: списки добычи, высеченные на стенах египетских каменных хра-

* ᶜАмку, или ᶜАмка, район между Ливаном и Антиливаном (Келесирия), не следует смешивать с долиной и озером Амк (Амик) у низовьев Оронта, близ Алалаха.

83

84

85. Дворец царя Никм-Эпы в Алалахе (реконструкция)
86. Надгробие сирийского наемника в Египте

мов, хотя, вероятно, не вполне достоверные по приводимым в них цифрам, перечисляют в составе добычи во множестве цветные ткани, лес, слоновую кость и изделия из нее *, колесницы, изделия из золота и серебра, много зерна, масла и т. п.

Области, находившиеся под митаннийским влиянием, как кажется, были в лучшем положении: им оставлялась весьма значительная автономия, и, несмотря на обязанность платить дань и предоставлять воинские силы в помощь Митанни, правители здешних городов-государств были скорее младшими союзниками, чем покоренными подданными митаннийских владык.

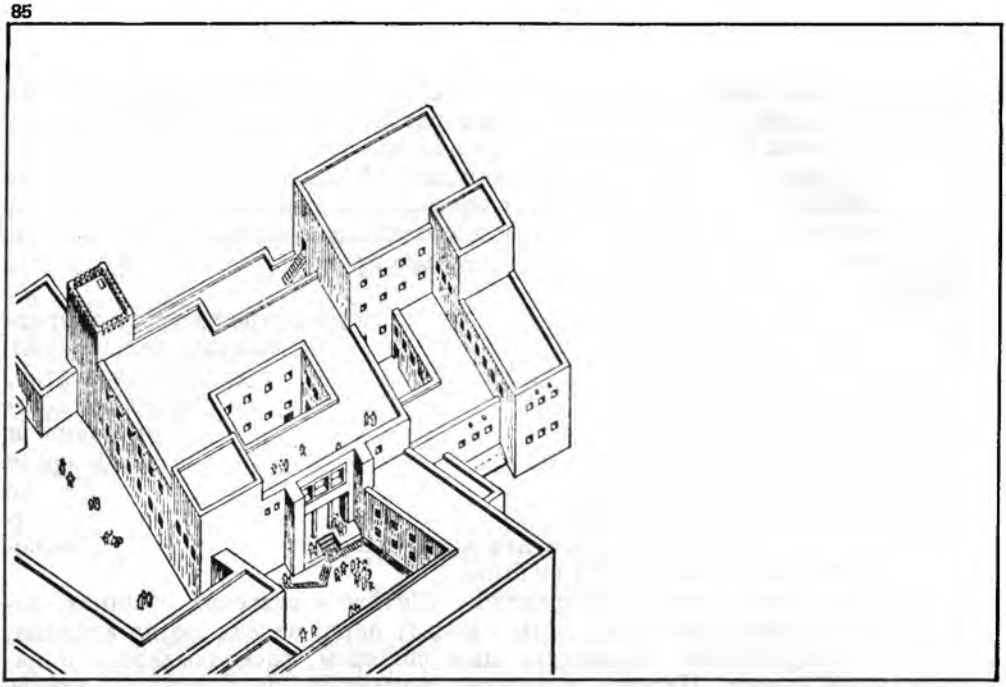
Преемник Тутмоса III Аменхотеп II (третья четверть XV в. до н. э.) продолжал такие же набеги-погромы. В числе захваченных им городов были, между прочим, Ния в верховьях Оронта и Угарит, а в числе добычи названа сотня тысяч пленных (не совсем ясно — взятых за один поход или за несколько). Потери сиро-палестинских государств от египетских нашествий стали составлять уже, видимо, огромный процент общего числа населения. Однако фараонам не удалось сломить ни сопротивления Митанни, ни, что, возможно, было еще важнее, постоянного, хотя и неорганизованного сопротивления в собственном сиро-палестинском тылу, заставлявшего вновь и вновь завоевывать все те же города и крепости. Действительно, чем роскошнее и богаче была добыча фараона, тем более замирала торговля по сиро-палестинскому пути, а без нее страна не была достаточно богата, чтобы непрерывно снабжать Египет всевозможными ценностями. На сопротивление в египетском тылу, очевидно, и рассчитывал митаннийский противник Аменхотепа: на юге Палестины, на приморской дороге, фараону удалось схватить агентов митаннийского царя (вероятно, Сауссадаттара), несших на шейных шнурках клинописные плитки — вероятно, с письмами местным царькам.

В конце концов Тутмос IV (конец XV в. до н. э.) вынужден был договориться с Артадамой I, царем Митанни; при этом Каркемиш, Халеб и Алалах остались в зоне влияния Митанни, которое, таким образом, сохранило для себя выход и к Средиземному морю, и к перевалам на Малую Азию и тем самым возможность международной торговли.

Для суждения о внутренней жизни Сирии в эту эпоху мы располагаем маленьким архивом из Та^{c}анаха в Палестине и еще одним архивом из

* Во II тысячелетии до н. э. в долине Оронта и в Северной Сирии водилось довольно много слонов.

85

86

Алалаха, относящимся к XV в. до н. э. К сожалению, западные историки, которые всяких подневольных людей называют «крепостными», всякую профессиональную группу — «цехом», всякую знать — «феодальной знатью» и не отличают свободных общинных земледельцев с собственной (общинной) землей от царских людей на натуральном довольствии или же довольствуемых земельными наделами под условием службы. Это не помогает разобраться в социально-экономических отношениях, рисуемых архивами. Документы из Алалаха к тому же и филологически обработаны пока малоудовлетворительно, хотя они исследуются, обещая лучшие результаты. Но в настоящее время можно делать только предварительные и условные выводы.

Судя по именам собственным, Алалах был тогда на три четверти хурритским. Это еще не значит, что с XVIII в. до н. э. происходил дальнейший приток нового хурритского населения. Пожалуй, даже более вероятно, что местное население из престижных соображений само стало чаще принимать хурритские имена (именно хурриты пришли сюда как воины и завоеватели, хотя, впрочем, династия Алалаха сохраняла в своей среде западносемитские имена). Но распределение имен показывает, что оно не было связано для данного времени с какими-либо социальными различиями,— оба этнических элемента жили вперемежку. Индоевропейского населения в Алалахе совсем не было.

Большинство жителей по-прежнему обитало в сельских общинах, которые несли совместно повинности в пользу царя; на них же по «домам», т. е. патриархальным большесемейным общинам, раскладывались и натуральные налоги. Царское хозяйство, возможно, не занимало единого земельного массива, и царские люди жили в тех же селениях, что и общинники. В число царских людей входили различные ремесленники, получавшие земельные наделы под условием службы по своей профессии,— кожевники, кузнецы, плотники, колесничные и другие мастера, работавшие на царский арсенал, ювелиры; на том же положении находились обслуживавшие храм или царский двор певчие, музыканты и т. п. Наряду с этим в составе царского хозяйства были воины (колесничие-марианна и др.) и работники на земле; документы дают для них большое разнообразие терминов, преимущественно хурритских, которые часто до сих пор остаются непонятными (например, *эхелéна* — «освобожденные» — от чего? От какого-то вида службы? Некоторые видят в них свободных земледельцев, т. е., очевидно, не царских людей, а общинников). *Наму* (то же, что в более раннее время *наву, ну'аум?*) — это, вероятно, неоседлые скотоводы на службе царя, а может быть, и более общее наименование работников; они делились на *ханиаххена* и *хупше;* последние, видимо, были низшей категорией царских работников, не получавшей земельных наделов, а только скудное довольствие хлебом, маслом и шерстью. Царские воины, не исключая и марианна (в которых ранее пытались видеть «арийскую аристократию», хотя имена у них хурритские и семитские), так же как служащие и работники, снабжались под условием службы земельными наделами или довольствием и платой (а может быть, и довольствием и наделами), а также орудиями труда (при случае, как кажется, и оружием) из казны. Казна выдавала, по-видимому, также и хапиру, осевшим на территории царства, крошечные участки за обязательство нести военную службу. Рост числа хапиру, вероятно, был связан с продолжавшейся практикой кабальных займов, разорявших общинных земледельцев, однако не все бежавшие могли прокормиться в горах и лесах, где они скрывались, и многие хапиру были вынуждены идти на царскую службу на очень жестких условиях. Судя по именам, среди хапиру, как и среди остального населения, были и семиты и хурриты.

Сходное положение, насколько можно судить по немногочисленным

документам, существовало и в Та^{c}анахе, в Палестине. Здесь в царском хозяйстве на первом месте стоят «братья» (т. е. родичи) царя, марианна и дружинники- *ханаку* *. Встречаются и другие, уже знакомые категории царских людей, например хупше. Неясна категория *аширу*, известная также из Угарита (ее часто ошибочно смешивают с *аси́ру* — «узниками, пленными»).

Если верить библейской традиции, у ханаанеев практиковалось отчуждение наделов из общинной земли, в том числе — с разрешения всех членов общины — и чужеземцу.

В Алалахе этого периода известно и частное рабство; цена на рабов и рабынь была обычная для II тысячелетия до н. э. (25—50 сиклей в серебряном исчислении). В международных договорах предусматривалась взаимная выдача беглых рабов. Однако численность частных рабов в малых государствах была по-прежнему невелика, и рабство носило домашний и патриархальный характер.

Необходимо снова подчеркнуть, что выводы об обществе Восточного Средиземноморья XVIII—XV вв. до н. э. являются предварительными.

5. Амарнский период: господство Египта и движение хапиру

Период египетского господства в Восточном Средиземноморье конца XV — начала XIV вв. до н. э. представлял собой во всех отношениях продолжение предшествовавшего периода, начавшегося с гиксосского владычества и завершившегося вместе с эпохой средней бронзы фараоновским наступлением и сопровождавшими его насилиями и разорением всей области. При периодизации истории древней Палестины и Сирии правильнее было бы проводить рубеж перед этим наступлением (начало XVI в. до н. э.), а не в конце XV в. до н. э., как поступают обычно. Тем не менее приходится особо выделять так называемый амарнский период по той причине, что его политическая история необычайно широко освещена письмами царьков и отчасти городских народных собраний едва ли не всех городов Сирии, Финикии и Палестины (а также письмами митаннийского, вавилонских и хеттских царей) к фараонам Аменхотепу III, Аменхотепу IV и их ближайшим преемникам. Из этих писем мы получаем такую разностороннюю картину политической обстановки, какой еще не имели ни для одного периода истории Восточного Средиземноморья. Они написаны аккадской клинописью, преимущественно на странном, искусственном полуаккадском, полуханаанейском языке (имеются также письма на хорошем аккадском — из Вавилонии, на хеттском — из царств Малой Азии и на хурритском — одно из писем Тушратты, царя Митанни).

Письма хранились в дипломатическом архиве фараонов, который при Аменхотепе IV был переведен из Фив (традиционной столицы Египта) в новую столицу Ахетатон (ныне городище Эль-Амарна); там он и остался, когда этот новый город был вскоре покинут, и там же был найден археологами в конце прошлого века. Помимо этого история амарнского периода освещается анналами и государственными договорами из столицы Хеттского царства Хаттусы, письмами и дипломатическими документами, найденными в Угарите, и единичными находками клинописных плиток в Палестине (Гезер, Та^{c}анах, Мегиддо) и в Келесирии (Кумиду).

В начале правления Аменхотепа III сфера влияния Египта, по-види-

* Читать ханна́ку («посвященный») или же ^{c}ана́ку («витязь») (позже, в Библии, наименование мифических великанов прошлого)?

мому, сохранялась над той же территорией, что и при Тутмосе IV и Артадаме I митаннийском. Митанни, вероятно, даже усилило свое влияние в долине Оронта, но отношения между Египтом и Митанни оставались самыми сердечными. Фараон держал своих чиновников-резидентов в трех городах: в Газе, Симире (Цумуре) и Кумиду. По-аккадски эти чиновники назывались *рабицу*, по-ханаанейски — *сокйну* *. В остальном же на территории каждого города-государства была собственная исконная администрация, хотя для надзора за ней во дворце царька иной раз содержался маленький отряд египетской охраны. Египет, по-видимому, старался не допускать войн между подчиненными ему городами, но зато их цари, обращаясь к фараону в самых униженных выражениях, называя себя рабами и собаками фараона и припадая к его стопам семью семь раз, засыпали его жалобами друг на друга, обвиняя каждый своего соседа в измене Египту. Фараоновская администрация относилась к этим жалобам с завидным долготерпением, как правило не принимая по ним никаких мер.

Глава местной администрации города-государства называется в документах «градоначальником», «царем» или «человеком» этого города: обозначение меняется, но имеется в виду одно и то же: для египетского наместника правитель города — «градоначальник» (хазанну), для фараона — «человек», для своих же подданных или для равных ему правителей он «царь». Только правитель Хацора решался называть себя «царем» в письмах к фараону. В любом случае, однако, власть правителя города-государства (или «номового» государства) была ограничена советом старейшин, а в ряде случаев совет или даже «сыны города» (т. е. народное собрание) правили городом преспокойнейшим образом и без царя и даже сносились непосредственно с соседними правителями и с великими державами. Такое положение одно время складывалось в Тунибе и в городках Финикии Иркате и Арваде. Даже в сильно египтизированном Библе известные слои населения имели возможность влиять на городские дела.

Политическая география Восточного Средиземноморья того времени не во всем ясна, так как в силу естественной аберрации нам невольно кажутся наиболее важными те зависимые от Египта государства, которые лучше представлены в амарнской переписке. Однако многие города и области, по-видимому, предпочитали помалкивать, и потому их роль нам малоизвестна; к тому же не всегда понятен характер соподчинения отдельных городов друг другу; ясно лишь, что не каждый из них был отдельным государством. Во всяком случае, приморская полоса Палестины (Саронская низменность) и ее города от Газы до Яффы были непосредственно подчинены Египту; из зависимых государств (каждое из которых состояло из центрального, сильно укрепленного городка и его «поля», часто с подчиненными меньшими поселками) достаточно важными, по-видимому, были: в Палестине — «номы» Гезер, Лакиш, Иерусалим, Мегиддо, в Келесирии — Кумиду, в Дамасском оазисе — Убу, или Абена, в Финикии — Тир, Сидон, Берута, Библ и ряд мелких городов к северу от него (Ирката, Уллаза, Ардата, Цумур и др.), вплоть до Арвада, где горы Ансария подходят совсем тесно к береговой линии **; затем на некотором расстоянии к северу находились горная область Сиянна (в районе между современными гаванями Джебла и Бания, южнее Латакии). Это область, выходившая к морю (гавани Ушната, Шуксия), севернее ее лежал Угарит; устье Оронта с расположенной здесь гаванью принадлежало уже к Мукишу (Алалаху) и к митаннийской сфере влияния; на юге Сирии вход в верхнюю долину Оронта из Келесирии преграждала

* На севере страны — *сакйну*.

** Из перечисленных финикийских городов Тир и Арвад были расположены на прибрежных островках.

Кинза-Кадеш, далее к северу были расположены: на правобережье — Катна и степное государство с хурритским названием Нухашше (семит. Лу^{c}аш), на левобережье — Туниб, охранявший перевал через Ливан и дорогу по долине Элевтера в Финикию; на крайнем северном пределе египетской сферы влияния была расположена Ния, возможно у низины (в то время еще озера) Эль-Габ, в долине Оронта; вокруг были пышные луга, где могли пастись слоны, на которых, по египетским известиям, охотился около Нии фараон Тутмос III.

Во всех сирийских государствах (кроме приморских) правили цареки, носившие хурритские или же митаннийские индоиранские имена. Некоторые из них были ставленниками того или иного фараона. Ния, Нухашше, Туниб и отчасти Кинза-Кадеш, а на побережье Угарит относились фактически к буферной зоне между египетской и митаннийской сферами влияния; во всяком случае, в амарнский период фараоны здесь фактически не имели реальной власти.

До сих пор не было ясно местоположение одного царства, сыгравшего в этот период особенно важную роль; оно приняло название, которым в аккадском языке в принципе обозначались все, главным образом скотоводческие, области от гор Джебель-Бишри у Евфрата и до Средиземного моря,— Амурру. По-видимому, ранее XIV в. до н. э. этот термин только и засвидетельствован как общий и чисто географический. Имея в виду более старое, аккадское его употребление, прежние исследователи искали и государство Амурру амарнского времени в степях к востоку от Оронта, севернее Катны, но сейчас предложено искать его ближе к Финикии, в горных и предгорных лесных местностях Ливана. На это указывает, во-первых, тесная связь Амурру с Библом и северофиникийскими городами, во-вторых, важное значение, которое здесь имели хапиру, селившиеся, как уже упоминалось, среди горных кустарников и лесов. Именно в попытке объединить вольницу хапиру и противопоставить ее существующим державам и царствам и возникло, вероятно, само государство Амурру. Поэтому-то, надо полагать, оно и приняло такое общее и территориально не привязанное обозначение: хапиру были очень разнородны по своему происхождению, и другое название к их объединению и не подошло бы.

В результате непрерывных погромов и грабежей со стороны фараоновских войск и, вероятно, по-своему не менее губительных столкновений между отдельными местными государствами происходило массовое разорение населения по всему Восточному Средиземноморью. При этом, без сомнения, цареки и знать старались наверстать потерянное в виде дани Египту усиленным закабалением своих же граждан, попадавших в долги.

Ответом на небывалый рост эксплуатации был массовый уход населения в хапиру. Это было движение, одинаково остро направленное и против местной знати и царьков (по большей части угодливых холопов фараона), и против самой фараоновской власти в стране. Хапиру, где могли, образовывали собственные самоуправляющиеся общины; часть из них шла на военную службу к местным царькам (преимущественно подальше от фараоновского Египта: в Угарит, в Алалах, даже к хеттам), и все они были враждебны царской власти вообще и фараоновской в частности. Движение хапиру несколько напоминает бегство крепостных из Московской Руси в казаки с той разницей, что в распоряжении хапиру не было обширных свободных и плодородных земель и положение их, что ни день, становилось все более отчаянным.

Этими-то хапиру решили воспользоваться как орудием честолюбивые создатели царства Амурру, принадлежавшие к полуаморейской, полухурритской семье. По донесению, отправленному к Аменхотепу III царь-

ком Библа Риб-Адди, тесно связанным с фараоновской властью, ᶜАбди-ᶜАширта (по-видимому, первый из правителей Амурру) произнес якобы такую речь: «Соберитесь, и нападем на Библ. Если же там не будет человека, который освободил бы его от рук врага, то выгоним градоначальников из „стран" (т. е. из отдельных городов-государств.— *И. Д.*), и тогда все „страны" присоединятся к хапиру; и пусть настанет справедливость для всех стран и пусть будут в безопасности сыновья и дочери навеки. А если царь (т. е. фараон.— *И. Д.*) выйдет против нас, то все страны будут ему враждебны — что же он тогда сможет нам сделать?» Под «справедливостью» в древней Передней Азии, как мы знаем, понималось прежде всего освобождение от долгов и возвращение заложников, а по возможности также и отнятых или скупленных земель. Когда ᶜАбди-ᶜАширта говорит о «безопасности» для «сыновей и дочерей» (можно перевести также «юношей и девушек»), он тоже имеет в виду долговую кабалу, а также обычай брать заложников-детей. Здесь целая политическая программа: подданные всех мелких государств должны перебить своих царей и «градоначальников» и стать вольными хапиру, долговая кабала должна быть отменена, а военной силе фараона противопоставлено единодушие восставших.

Фараоновская администрация издавна смотрела очень враждебно на вольницу хапиру; несколько тысяч хапиру было уведено в плен еще при Аменхотепе II, и известно, что они использовались, между прочим, в каменоломнях; вероятно (как видно из царского письма к правителю Дамасского оазиса, хурриту Залаэ, которое найдено в древнем Кумиду, на городище Камид аль-Лоз в современном Ливане), Аменхотеп III опять требовал доставить хапиру в Египет для отправки в нильскую Эфиопию.

Хотя и ᶜАбди-ᶜАширта, и позже его сын ᶜАзиру в своих письмах из осторожности прикидывались верными слугами фараона, но оба они систематически через своих агентов призывали население окрестных городов убивать своих «градоначальников» и примыкать к хапиру. Это происходило не только в Библе, но и в соседних городах — Тире и Амбии — и даже в Палестине вплоть до границ Египта, где дело доходило до мятежных выступлений рабов. Так, один из ханаанейских царьков Палестины (Милькиэль, царь Гезера) просил у фараона военной помощи, «чтобы не убили нас рабы наши», а ᶜАбди-Хеба, царек Иерусалима, сообщает, что некоего сановника его рабы действительно убили у ворот города «Зилу» и затем присоединились к хапиру. «Зилу» — это, по-видимому, «Джару» египетских источников»*, главная пограничная крепость, охранявшая начало торговой и военной тропы по берегу Средиземного моря в долину Нила. Если Милькиэль мог под «рабами» иметь в виду и просто своих подданных, то в рассказе ᶜАбди-Хебы речь идет уже, во всяком случае, о рабах в собственном смысле.

Между тем в самом конце правления Аменхотепа III в Египте (60-е годы XIV в. до н. э.) хеттский царь Суппилулиумас I начал громить союзника фараона — царство Митанни, где тогда правил Тушратта. События, приведшие к гибели Тушратты и краху Митанни, относятся уже, видимо, к началу правления Аменхотепа IV. Своего сына Телепинуса (сначала жреца-правителя в Куммане в Киццувадне) Суппилулиумас посадил царем в Халебе, а другого своего сына, Пияссилиса (Шарри-Кушуха),— в Каркемише. «Номы» Мукиш (Алалах), Нухашше и вся долина Оронта подчинились хеттскому царю, а Катна была, по археологическим данным, полностью разорена. Амурру оказалось в выгодной позиции ме-

* Звуки «з», «ц», «ч», «дж» передаются в клинописи одними и теми же знаками, а египетское письмо, как мы уже отмечали, не различает «л» и «р» и не передает гласных. И «Зилу» и «Джару» надо, вероятно, читать на самом деле как «Чилу».

жду Хеттской и египетской державами, однако царь его ᶜАбди-ᶜАширта со своими хапиру занял прохеттскую позицию и, по-видимому, участвовал в хеттском набеге на Угарит.

Такая политика вождя хапиру не случайна; вскоре всем стало ясно, что хеттская власть легче египетской, хотя бы потому, что хеттский царь оформлял свои отношения с подчиненными государствами хотя и неравными, но все же договорами, скрепленными страшной клятвой — именами хеттских и местных богов. Вероятно, и дань, которую взимали пока еще не привыкшие к большой роскоши хетты, была менее обременительной, чем тот безудержный грабеж, какой учиняли фараоновские войска и чиновники. В этом смысле типичен договор Никм-Адду II, царя Угарита, с Суппилулиумасом, сохранившийся в двух экземплярах — в угаритском и хеттском архивах, на аккадском и хеттском языках. В нем царь Угарита заявляет: «Солнце, великий царь (титул хеттского царя.— *И. Д.*), господин мой освобождает меня от моих врагов; я — раб Солнца, великого царя, господина моего». Тем не менее условия договора довольно мягки: Никм-Адду обязуется считать врагов или союзников хеттского царя, если их владения расположены недалеко от Угарита, своими врагами или союзниками, выставлять по требованию вспомогательный контингент воинов в хеттское войско, платить сравнительно умеренную дань и получает значительную территорию за счет Алалаха.

В таком же договоре Суппилулиумаса с ᶜАзиру, царем Амурру, дань устанавливается помимо некоторого количества полудрагоценных камней всего в 300 сиклей (2,5 кг) золота (примерно цена около сотни рабов — меньше, чем взимали фараоны). Понятно, что почти все слои населения Восточного Средиземноморья, кроме связанной с фараоновскими властями знати, предпочитали владычество хеттов. В то же время фараон Аменхотеп IV (Эхнатон), занятый своей реформой в Египте, не хотел или не мог выделить вооруженные силы, необходимые для удержания Сирии, Финикии и Палестины. Суппилулиумас, если не считать некоторых чисто тактических операций на верхнем Оронте и по дороге на Дамасский оазис, не имел в виду покорять египетские территории, во всяком случае пока не было покончено с Митанни, а хапиру, видимо, не казались в египетской столице серьезной опасностью. Однако, вероятно, еще при Аменхотепе III ᶜАбди-ᶜАширта со своими хапиру вторгся на финикийское побережье и, почти не встретив там египетских воинов, овладел Иркатой, Амбией, Ардатой и даже центром египетского наместничества — Цумуром.

Создалась серьезная опасность для Библа, и хотя дело, видимо, было исправлено, но после смерти ᶜАбди-ᶜАширты его сын ᶜАзиру повторил завоевания своего отца в Финикии. Положение сторонников фараона при этом значительно усложнилось, поскольку вся долина Оронта перешла к хеттам. Но напрасно Риб-Адди в письме за письмом умолял фараона о помощи, сообщая, что его хуппе разбегаются и жизни его грозит опасность. Помощи из Египта он не получил.

Пирьяваса *, правитель Убу (области Дамаска), взяв пример с Амурру, тоже объединил вокруг себя местных хапиру и занял юг Ливана и часть Палестины. Не надеясь на помощь фараона, палестинские царьки оказывают друг другу взаимопомощь против хапиру; так, правители южнофиникийских городков Акки и Акзиба оказали помощь Иерусалиму и Хеврону. Но характерно, что большинство царьков Палестины и Финикии, очевидно слишком скомпрометировавшие себя сотрудничеством с фараоновскими властями, остаются верны Эхнатону и его преемникам, несмотря на их бездействие.

Сложную политику повел ᶜАзиру, новый царь Амурру: после дли-

* Имя, возможно, индоиранское, во всяком случае, митаннийское.

тельных письменных заверений в верности фараону и в том, что враги на него клевещут, и после повторных вызовов фараона ᶜАзиру наконец решился поехать в Египет с дарами для дипломатических переговоров. В результате ли их или по другой причине, но фараон не только не отправил войска в угрожаемые районы, но даже кое-где отозвал прежде посланные небольшие отряды и египетских чиновников. ᶜАбдимильки, царь Тира, хотя и отправил ранее своих дочерей заложницами в гарем фараона и в письмах к египетскому двору называл свой город «землей Маи-Йати» (Меритатон, дочери Эхнатона и жены его преемника), но, как и Риб-Адди, не мог допроситься помощи из Египта. Сосед Тира Зимри-Эдда сидонский, потеряв надежду на египетскую помощь, перешел на сторону хапиру, и они захватили Ушу (Усу, Старый Тир) на материке против собственно Тира, и тот, лишившись подвоза пресной воды, провизии и топлива, вынужден был капитулировать.

Возможно, уже к этому эпизоду восходит начало гегемонии Сидона в Финикии, вследствие которой все финикийцы вообще у соседних народов долгое время назывались «сидонянами»; другие относят начало гегемонии Сидона к XII в. до н. э. Между тем письма Риб-Адди из Библа все более напоминают вопли о помощи; потеряв все поселения на побережье, отошедшие к Амурру, Риб-Адди отправляется за подмогой в соседнюю Беруту — к тамошнему царьку Аммуните. Воспользовавшись отсутствием Риб-Адди, жители Библа, уже ранее сетовавшие на полное разорение и голод (загородные поля стало невозможно обрабатывать) и на то, что они вынуждены продавать детей в рабство за рубеж, теперь посадили на престол его брата и отложились от Египта. После этого Риб-Адди просит фараона только об одном — чтобы его вывезли вместе с семьей морем в Египет. Была ли исполнена хоть эта его просьба, неизвестно.

После смерти Аменхотепа IV, около середины XIV в. до н. э., хетты, подчинив себе Айтакаму, царя Кинзы, возможно, смогли продвинуться и в Палестину, но на этом наши источники обрываются. В дальнейшем о хапиру более не слышно,— очевидно, они слились с остальным ханаанейским населением; возможно, им удалось несколько улучшить условия своего существования или даже частично вернуться домой; но, конечно, коренного улучшения в их положении не могло произойти. Что касается государства Амурру, то оно продолжало существовать (с выходом к Средиземному морю по долине Элевтера), вероятно, до 1100 г. до н. э. или даже позже уже как обычное небольшое царство Сирии.

6. Хеттское господство в Северной Сирии и возвышение Каркемиша и Угарита

После краха египетского владычества в Сирии в амарнский период и ухода со сцены Митанни в качестве великой державы Хеттское царство оказалось безраздельным гегемоном в северной части Восточного Средиземноморья. Однако стоявшие перед хеттами задачи были далеко не просты, и Суппилулиумасу I и его преемникам приходилось вести здесь сложную политическую игру. Сразу после смерти Суппилулиумаса (около 1330 г. до н. э.) ассирийские войска Ададнерари I стали угрожать переправам через Евфрат у Каркемиша. Сирийские государства усвоили, что, хотя хеттское господство мягче египетского, оно жестче митаннийского: все договоры с хеттским царем содержали условие, лишавшее зависимые царства права на самостоятельную внешнюю и тем более военную политику; поэтому от хеттов отложились Кинза и Нухашше, и их пришлось снова приводить к покорности; Амурру продолжало лавировать между хеттами

и Египтом. Враждебно проявили себя, по-видимому, также Мукиш и Халеб, так что хетты, даже если они полностью и не уничтожили эти государства, старались их предельно ослабить. Царевич Телепинус, оставленный Суппилулиумасом во главе войск в Сирии, хотя и был первоначально назначен царем Халеба, находился не в нем, а в малоизвестной Мурмуриге. Как Суппилулиумас, так и его преемник Мурсилис II понимали необходимость всячески ослаблять те сирийские «номовые» государства, которые могли подозреваться в сепаратизме, и всячески укреплять те, которые могли бы явиться опорой для хеттской власти. Из них на первом месте для хеттов как главный опорный пункт против ассирийского наступления и узел путей через Сирию был Каркемиш, где царями сидели младшие родичи хеттского царского дома; но, к сожалению, архивы Каркемиша этого времени до нас не дошли; другой такой своей опорой хетты хотели бы видеть Угарит, хотя, по-видимому, он поначалу и оказал денежную поддержку мятежникам против хеттов.

Еще со времен Сауссадаттара митаннийского и Никм-Эпы, преемника Идри-Ми, другое сирийское государство с выходом к Средиземному морю — Мукиш-Алалах,— имевшее обширную сельскохозяйственную базу и собственную гавань в устье Оронта, было тесно связано с Митанни, в то же время сохраняя большую автономию. Хетты не хотели или не смогли поглотить Мукиш, как они поглотили Халеб и Каркемиш, и решили его ослабить за счет усиления другого государства с торговой гаванью на Средиземном море — Угарита. Это было для них тем важнее, что к югу от Угарита, на побережье, господствовало Амурру, государство хотя вначале будто и союзное с хеттами, но ведшее вполне самостоятельную политику, а до владений Сидона хеттам было тогда, видимо, не добраться.

Угарит — город, историческое и историко-культурное значение которого совершенно непропорционально его очень маленьким размерам (его цитадель много меньше не только пространства внутри стен Ашшура или Аррапхи, но даже Нузы, занимавшей лишь второе место в своем «номе»). На месте скрывающего его теперь городища Рас-Шамра люди жили в течение многих тысячелетий, и уже в III тысячелетии до н. э. здешний поселок можно рассматривать как город и, вероятно, как центр города-государства. Но лишь с XIV в. до н. э. мы имеем из Угарита архивы — один из важнейших источников для суждения об обществе и культуре всего Восточного Средиземноморья эпохи бронзы.

Тексты из Угарита дошли до нас как на собственно угаритском языке в передаче особой алфавитной клинообразной письменностью, изобретенной, видимо, в самом этом городе, так и на аккадском языке в традиционной клинописи, созданной и разработанной в Двуречье. Первоначальные публикации угаритских текстов появились в 1929 г., но чисто филологические задачи, вставшие перед исследователями, отвлекли их от реконструкции картины политической и общественной жизни этого важнейшего пункта Сирии. Хотя и появляются интересные исторические работы по Угариту, однако для углубления исследований очень нужны труды, которые увязали бы внешнеполитическую и общественно-экономическую историю этого города с историей и социальными структурами синхронных Угариту стран Ближнего Востока.

Период, охватываемый архивами Угарита, относится к эпохе, когда с экономической замкнутостью стран Передней Азии, окружавших области речной цивилизации, было покончено; поэтому модели их общественной структуры, не считая некоторых отклонений частного и локального характера, довольно однородны.

Население Угарита состояло в основном из людей, говорящих на западносемитском языке (близком к аморейским говорам), хотя часть жителей говорила на местном диалекте хурритского. Социальной разницы

между семитами и хурритами незаметно; семитские и хурритские имена встречаются в одних семьях (в том числе и в царской). В деловой и религиозной практике использовались три языка: западносемитский (угаритский), восточносемитский (аккадский) и хурритский; писцы выучивали также хеттский и немного шумерский.

Архив Угарита состоит из трех частей, хранившихся в разных концах его небольшого дворца: в помещениях восточной части, западной (юго-западной) и центральной. Архив восточной части дворца, по преимуществу хозяйственный, с преобладанием угаритоязычных алфавитных текстов, связан с деятельностью управляющего дворцом (ша́кин би́ти). Архив юго-западной и западной частей дворца содержит также преимущественно угаритоязычные письменные памятники: юридические документы (по вопросам землеустройства, торговли и денежных сборов) и литературно-религиозные тексты.

Главной канцелярией писцов-администраторов городской общины служили центральные помещения дворца. Здесь хранились акты международных договоров Угарита, составленных на аккадском языке и аккадской клинописью, и связанные с ними юридические и хозяйственные тексты, также на аккадском языке.

Дворцовое хозяйство Угарита обеспечивалось продукцией из всех частей государства, но в основном, как и всякий другой городской центр, из округи (лемету) города (по-аккадски а́лу, по-угаритски карту). Отличие столицы, видимо, состояло в том, что ее окру́га была обширнее любого другого поселения и что центр Угарита имел свою торговую организацию, называвшуюся карум (по-аккадски) или маххазу (по-угаритски). Карум, вероятно, обладал статусом независимого органа. В международных сношениях государство («страну» мату) представлял либо персонально царь, либо совет городского самоуправления (видимо, включавший торговую элиту города), либо сакину — вероятно, то же, что аккад. шакин мати. Последний представлял «страну» в целом, т. е., как нам кажется, все ее органы самоуправления, а не только лично царя. Угарит не имел постоянного войска, а лишь ополчение, поэтому предполагать в нем существование деспотической царской власти нет оснований. Торговые города, как правило, не позволяли себе роскоши содержать профессиональное постоянное войско и, когда была надобность оказать помощь союзникам по случаю войны, собирали ополчение, а то и просто откупались. Так, например, поступил Угарит при царе Аммистамру во время войн хеттов с Ассирией в XIII в. до н. э.

Акты о международных отношениях Угарита (127 документов) позволяют дать очерк лишь относительно краткого периода его истории. Информация остальных текстов угаритских архивов так или иначе связана с отмеченными в этих актах событиями. Хозяйственные записи (360 документов), посвященные мобилизации средств, и юридические акты, вызванные последствиями этой мобилизации (225 документов), отражают, по существу, перераспределение ценностей в связи с нарушением традиционно сложившегося экономического баланса страны. Именно поэтому по любому вопросу, освещаемому текстами угаритского архива, мы не имеем сплошного потока сведений. Данные неизменно единичны. Они вскрывают лишь взаимодействие традиционных институтов в критические моменты их деятельности. С III тысячелетия до н. э., которым, по-видимому, датируется основание Угарита, до момента, когда город стал центром значительного государства с помощью хеттского царя Суппилулиумаса I, он прекрасно обходился без документации.

Когда в истории древней Передней Азии мы встречаем архивы и обильную документацию, это чаще всего свидетельствует о коренном изменении традиционных отношений (столь привычных, что они не требовали фик-

сации в юридических актах). Не потому ли социальные отношения, рисуемые документами из Угарита, в целом очень похожи на те, что изображают документы из несколько более раннего Алалаха, из Таʿанаха, Ашшура и Нузы?

В самых общих чертах устройство угаритского общества может быть лучше всего охарактеризовано по данным письма хеттского царя Хаттусилиса III к угаритскому царю Никим-Эпе. Приведем его дословно: «Если раб царя Угарита, или сын Угарита, или какой-либо раб раба царя Угарита поднимется и проникнет на землю хапиру Солнца (т. е. хеттского царя.— *Н. Я.*), то великий царь его не примет, он отдаст его царю Угарита. Если сыны Угарита купят (кого-либо) за серебро из другой страны, а он бежит из Угарита и уйдет в хапиру, то великий царь его не примет, он отдаст его царю Угарита». Таким образом, население Угарита состояло: 1) из «рабов царя»; слово «раб» здесь не надо понимать буквально, это лица, лишенные своей (недвижимой) собственности и состоящие на царской службе; 2) из «сынов Угарита», т. е. членов общины — собственников, граждан города-государства; 3) из «рабов рабов царя», т. е. рабов царских служащих; возможно, сюда включалась вообще низшая категория работников царского хозяйства, состоявшая под надзором и властью царских служащих, и, наконец, 4) из купленных частных рабов. Как мы видим, состав угаритского общества принципиально не отличался от старовавилонского, ашшурского, аррапхского, хеттского, алалахского и т. п. Это же письмо Хаттусилиса III указывает и на одну из вероятных причин того, почему угаритское общество находилось в критическом состоянии и нуждалось поэтому не только в обычно-правовом устном фиксировании актов происходивших в нем событий, но и в письменном. Причина эта заключалась в крайнем обострении социальных противоречий, которое отразилось в массовом бегстве населения в хапиру. Другой причиной было бурное развитие торговли и товарного хозяйства; это, в сущности, две стороны одного и того же процесса, ибо не что иное, как развитие товарности в условиях общего господства натурально-хозяйственных отношений, приводило к напряжению и обострению классовой борьбы внутри общества.

Прекрасной иллюстрацией к письму Хаттусилиса III являются и хозяйственные документы из Угарита. Важнейшее место среди них занимают акты о сборе коллективных налогов с общин в пользу государственной власти, и вызове на повинности (аккад. ильку, хурр. унушше — «хождение»). Натуральные налоги (зерном, маслом, вином, овощами, скотом), как и поборы серебром, исчислялись с селения в целом. (К сожалению, ввиду лапидарности документов мы не всегда умеем отличить сборы от выдач.) Из числа повинностей надо прежде всего назвать воинскую, морскую (служба на кораблях) и трудовую на государственных работах, причем пропитание отбывавшим ее лицам выдавалось из казны. В пределах селений имелись отдельные «дома» (семьи и большесемейные общины); при этом нередко на ту или иную повинность и т. п. выделялись не конкретные лица, а «сын(овья) такого-то (дома)» — очевидно, по выбору семейной общины. Хозяйственным центром каждой большесемейной общины была, как и в Аррапхе, «башня» (аккад. димту) вместе с комплексом хозяйственных сооружений (гумном, амбаром, точилом * — угарит. гату?). Царский земельный фонд не составлял сплошного массива, а был рассредоточен по тем же селениям, где обитали и общинники-граждане **.

Хозяйственные документы на угаритском языке называют царских подневольных людей не «рабами царя» (словоупотребление в письме Хат-

* Или, по-современному, давильным прессом для винограда и оливок.

** Не исключено, что гату могли принадлежать и общинникам, хотя вино и масло с них поставлялись в царское хозяйство.

тусилиса соответствует не угаритским, а хеттским порядкам), а «людьми царя» (буннуш мальки). Среди них засвидетельствованы пахари, пастухи с подпасками, виноградари, солевары, военные-марианна, стражники-мажарухли и разные ремесленники. Каждая профессиональная группа имела своего «старшего». Они получали за службу (пильку) выдачи натурой (хипру) и серебром и нередко условные земельные наделы (убадийу). Не выполняющий службу назывался «лежебокой» (найяалу), и его надел царь передавал другим лицам. Царские люди иногда могли быть переданы в «пользование» крупным сановникам двора: главному сановнику города (сакину), царевичу, царице и особо приближенным к царю лицам — муду, что (под вопросом) переводят как «знакомец, друг (царя)». Все эти сановники сами были тоже царскими людьми, хотя могли одновременно быть и собственниками общинной земли; она могла продаваться. Все царские люди, подобно общинникам, в принципе подлежали воинской повинности, если не имели от царя особой привилегии.

Архивы Угарита начинаются с царствования Никм-Адду II, с которым Суппилулиумас заключил договор о взаимопомощи, точнее, о праве хеттского царя вмешиваться в отношения угаритян с их соседями и во внутренние дела угаритян. После того как Суппилулиумасу удалось разгромить Митанни, появилась возможность порвать уже ставшие привычными отношения северосирийских стран с этим государством. В договоре с царем Угарита речь идет о необходимости ослабить Нухашше, Мукиш и Нию, видимо слишком тесно связанные с прежним гегемоном. По этому договору Никм-Адду, царь Угарита, получил от Суппилулиумаса 15 новых селений: они лежали предположительно на дороге к переправе через Оронт на Алалах, на пути в Халеб и на тропе вдоль моря. Список заканчивается Химули, «лежащим среди моря», видимо, островком севернее мыса Эль-Басит, господствующим над подходами к порту государства Мукиш со стороны моря. Если исходить из имен богов, призываемых в защиту условий договора, то похоже, что территория, переданная Угариту, соприкасалась с владениями Киццувадны, лежавшей севернее Алалаха и тоже, видимо, расширенной за его счет хеттами. Отдельным актом Суппилулиумас запрещает отбирать у царя Угарита людей, которые пожелают переселиться на территорию облагодетельствованного им Угаритского царства.

Судя по 17 юридическим актам правления Никм-Адду II, в этот период город Угарит еще был относительно беден: упоминающиеся в текстах денежные суммы не превышают 420 сиклей (3,5 кг) серебра. Бо́льшая часть актов относительно недвижимости — это приобретения Нурияну, брата царя. Он получал в пожалование от брата, скупал и выменивал земли ряда поселений. Два из них были, по-видимому, торговыми пунктами (Уллама и Ари?). В списке владений, подаренных царем Нурияну в селении Ахнаббу, кроме участка, принадлежавшего самому царю, числятся доли еще шести человек, и среди них поле некоего Синарану. Последний известен при двух преемниках Никм-Адду как наиболее состоятельный из торговцев Угарита. Под конец он уже держал в своих руках торговлю с Критом.

Естественно предположить, что перераспределение земель было связано с попытками покрыть огромные расходы государства. Одному только царю хеттов следовало 12 мин 20 сиклей золота (более 6 кг), не считая золотой и серебряной утвари, тканей тонкого полотна и шерсти, крашенной в синий и фиолетовый пурпур, которые причитались хеттскому царю, царице, наследнику, главе писцов, главе эскорта царя, главе эскорта царицы, главе пограничной службы (? — сукаллу) и др. Может быть, желающие участвовать в доходах с торговли Угарита должны были так или иначе помогать угаритскому царю либо непосредственно, либо через

чиновников, делавших карьеру при дворе. Отдать часть своей недвижимости означало в таком случае выразить приверженность режиму не на словах, а на деле. (Здесь, как и в Мари, большое значение имела личная преданность). Синарану в дальнейшем компенсировал передачу своего надела царскому брату покупкой за серебро 13 более значительных владений при сыне Никм-Адду, Никм-Эпе, когда последнему потребовались наличные средства для выплаты даров следующему «благодетелю» угаритского царя — царю хеттов Мурсилису II.

Вот другой пример: пользуясь острой потребностью угаритского царя в наличных деньгах, некий ᶜАбдия усыновил своего внука (сына дочери), передав ему в нарушение норм обычного права свой дом, поля, крупный и мелкий рогатый скот, ослов и все свое достояние и лишив своих сыновей наследства. Царь подтвердил этот акт за 120 сиклей золота (1 кг) и 20 сиклей серебра. В этом случае ʿАбдия устраивает свои личные дела, а Никм-Адду ради выгоды злоупотребляет своим правом решать спорные дела о наследстве.

Особый интерес представляет «досье» ᶜАбду. Угаритский царь Ар-Хальбу пожаловал ᶜАбду полученные от разных владельцев дома, три полевых участка и один огородный, освободил его как от воинской повинности, так и от выкупа (за невыход с ополчением), объявив его своим личным колесничим и «знакомцем». За эту должность ᶜАбду был обязан приносить царю ежегодно 10 сиклей серебра.

Затем царь Никм-Эпа, брат Ар-Хальбу*, повторил пожалование своего брата ᶜАбду, передав ему два дома взамен одного, три полевых участка (лишь один из них от того же хозяина, что и раньше) и тот же огородный участок. Все это ᶜАбду тут же отдал своему сыну ᶜАзиру и его потомкам, сделав его «знакомцем» царя и возложив на него обязанность ежегодно выплачивать царю по 10 сиклей серебра. При этом ᶜАзиру освободился не только от контроля со стороны своего естественного начальника по царской службе — уполномоченного по колесницам, но и от необходимости выполнять распоряжения главы общинников — «градоначальника»-хазанну о приеме на постой торговых гостей.

Получив от царя владения еще по одному акту, ᶜАбду передал их своему другому сыну, Кальбу, взамен того, что он сам же предоставил ему ранее. Но при этом все наделы обоих своих сыновей и даже купленное им самим поле ᶜАбду передает формально в состав царского земельного фонда и лишь обязуется уплачивать царю по 10 сиклей серебра — видимо, с тем чтобы казна не покушалась на владения его и его сыновей. Такой характер владения, очевидно, был выгоднее и соучастия в общинной собственности, и прямой царской службы; да и царь, по-видимому, также предпочитал наличность исполнению службы «в натуре»**.

---

* Точка зрения, согласно которой Ар-Хальбу был низложен, а Никм-Эпа был силой возведен на престол с помощью хеттского царя Мурсилиса, не кажется нам убедительной. Однако характерно, что Никм-Эпе пришлось вновь подтверждать акты пожалования.

** К сожалению, угаритские хозяйственные документы в отличие, например, от шумерских редко содержат указание на характер регистрируемой операции (выдача или поступление?). По аналогии с шумерскими, где большинство ведомостей расходные, и угаритские считаются расходными. Однако нам кажется более вероятным, судя по общей ситуации в Угарите, что царь Угарита скорее собирал со своих подданных серебро, чем раздавал его. Мы знаем достоверно, что деньги могли у п л а ч и в а т ь с я царю, например, колесничими, чтобы откупиться от военной службы. В случае ᶜАбду также ясно, что он не получал, а п л а т и л серебро царю за должность. Поэтому вполне вероятно, что и ведомости так называемого «жалованья» колесничим в серебре на самом деле являются ведомостями побора с них. То же касается ведомостей относительно оливкового масла. При раздробленном на мелкие участки земельном фонде угаритского царя весьма правдоподобно, что царь с о б и р а л со своих людей взносы маслом, которое было одной из главных статей фини-

В дальнейшем положение угаритского царя еще более укрепилось. При Никм-Эпе угаритяне и жители Мукиша обратились к тогдашнему царю хеттов Мурсилису II, чтобы он рассудил их пограничные споры. Припомнив Мукишу его отступничество при Суппилулиумасе, Мурсилис к 15 поселениям, отданным в прошлом Угариту, присоединил еще 18 новых. Территория Угарита теперь простиралась до «вод Хундурашше» (залива Искендерон?), может быть, по дороге в обход озера Амик, вблизи от владений Халеба. Но около того же времени Мурсилис отделил от Угарита городки Сиянну и Ушнату, примыкавшие к его территории с юга, а также храмовой центр Угарита — Шуксию (городище Телль-Сукас).

По-видимому, это мероприятие хеттского царя было вызвано желанием максимально усилить столь важное для него царство Каркемиш, предоставив ему собственный выход к морю в Сиянне, куда вела тропа через горы Ансария от Хамата на Оронте, выше Ния. За угаритским царем Никм-Эпой было сохранено право получать от Сиянны раз в году символический побор — видимо, для жертв в храме Шуксии: овцу, ягненка и четыре сосуда вина. Участки соледобычи на побережье размером 1 га были поделены с небольшим перевесом в пользу Угарита: каждый из царей получил по третьей доле, а одна треть в течение двух сезонов принадлежала Угариту, на третий — Сиянне. Царь Угарита пожаловался Мурсилису на тяжесть дани хеттам, которая с утратой контроля над Сиянной удвоилась для Угарита *. Дань хеттскому царю была снижена до 500 сиклей золота (более 4 кг), остальные статьи остались примерно прежними. Знатных граждан из страны хеттов и хеттских чиновников, имевших право контроля над торговлей («сыновей царя»), Никм-Эпе разрешалось одаривать при их посещении Угарита по своему усмотрению. Но практически отношение к ним (как можно видеть из переписки, предупреждающей об их появлении) рассматривалось как знак почтения или пренебрежения к самому хеттскому царю. Тем самым разрешение Мурсилиса ничего им не дарить было не более как вежливым жестом.

В результате усиления Каркемиша, которому фактически подчинялся и сам Угарит, влияние последнего упало. Возникла опасность враждебных действий со стороны Халеба, который, по мнению Мурсилиса, мог объединиться с Нухашше и тем самым перекрыть связь с материком как для Сиянны, так и для Угарита **. Видимо, с целью защиты от Халеба Никм-Эпа пошел на расселение в одном из окраинных поселков значительной группы хапиру.

Ввиду сложности положения в Северной Сирии Мурсилис включил в договор с царем Угарита требование обязательного шпионажа за недовольными: в случае недонесения царю хеттов Никм-Эпа рассматривался как нарушитель клятвы и мог лишиться всех своих приобретений.

Никм-Эпа был современником крупных событий в Восточном Средиземноморье. Палестина, так целиком и не перешедшая под власть хеттов даже при падении XVIII египетской династии, сделалась плацдармом для нового египетского наступления в конце XIV — начале XIII в. до н. э. Так, фараон Сети I (около 1300 г. до н. э.) сумел вновь занять верхнюю долину Орон-

---

кийского вывоза, а не платил им маслом (характерно, что бо́льшие количества масла указаны при именах малозначительных лиц, а меньшие — при именах более крупных чиновников). По акту о «пожаловании» целого ряда участков богачу Синарану он, между прочим, также и освобождается от поставок царю оливкового масла.

* О сроках уплаты этой дани ничего не говорится. Нам представляется вероятным, что она производилась не ежегодно, а лишь в экстренных случаях, как, например, в случае прибытия самого хеттского царя.

** Опасения Мурсилиса подтвердились в дальнейшем, при его потомке Тутхалиясе III/IV, в связи с организацией заговора, в котором главную роль играла дочь Вендишены, царя Амурру, разведенная жена сына Никм-Эпы, Аммистамру.

та с Кинзой и по долине Элевтера проникнуть в центральную часть Финикии. Вендишена, потомок ᶜАзиру, новый царь Амурру, опять перешел на сторону Египта. Широко известны кампании в Сирии преемника Сети Рамсеса II, и в особенности его битва у стен Кинзы (Кадеша) с войсками Муваталлиса, царя хеттов, и его союзников, среди которых помимо воинов многих царств Малой Азии были контингенты из Каркемиша, Халеба, Угарита, Нухашше и самой Кинзы; Вендишена, царь Амурру, был на стороне фараона. Хотя Рамсесу удалось с боем вырваться из, казалось бы, безнадежного положения и разбить своих врагов, однако изменить расстановку сил в Восточном Средиземноморье он не смог, несмотря на многочисленные дальнейшие походы. Мало того, хеттам удалось перетянуть на свою сторону Амурру; Вендишена, изгнанный было из своего царства и взятый в плен хеттами, был восстановлен на престоле одним из следующих хеттских царей, Хаттусилисом III, который женил на одной из его дочерей своего сына. Находясь под постоянной угрозой ассирийского вторжения в Сирию, еще более усилившейся при царе Ассирии Салманасаре I, хетты не имели никакого желания продолжать тягаться за нее с Египтом, а тот, видимо, по-прежнему не находил достаточно сильной поддержки среди местного, сирийского населения. Дело кончилось заключением мирного договора между Хаттусилисом III и Рамсесом II (около 1270 г. до н. э.). Южная Финикия до Библа и Дамасский оазис вместе с Палестиной и Заиорданьем остались за Египтом. Где проходил рубеж сфер влияния в Сирии, не совсем ясно, но, во всяком случае, Амурру и Нухашше относились к хеттской зоне.

К концу правления Ним-Эпы относится решение Хаттусилиса III по поводу жалоб на торговцев из Уры, на юге Малой Азии. Из-за покровительства, оказанного им хеттским царем, жители Угарита вынуждены были содержать их в своих домах (притом что они еще, вероятно, конкурировали с угаритской торговлей). Хаттусилис позволил угаритянам принимать чужестранных торговцев только летом, а в течение зимнего, «мертвого» сезона отсылать их восвояси. Однако, несмотря на конкуренцию Уры, а также, вероятно, Сиянны, Библа, Беруты, Сидона, доходы Угарита в целом не уменьшались, судя по значительным суммам, сосредоточенным, как явствует из документов, в руках угаритской знати. Так, рабицу Шавиттена, один из наиболее состоятельных придворных царя Ним-Эпы, а затем и его наследника Аммистамру, дважды приобретал у Ним-Эпы недвижимость, каждый раз выплачивая по 100 сиклей золота (около 900 г) *.

Что же касается расходов угаритских царей, то, быть может, некоторое представление об этом даст история семейных неурядиц в доме Аммистамру, рисующая также некоторые черты придворных нравов. Двух своих сыновей от царицы Ахат-милки Аммистамру вынужден был сослать за преступление в Аласию (на Кипр); они отправились туда со своим «серебром, золотом, бронзой, кроватями, креслами, столами, ослами, овцами — всем своим достоянием». Царь «навечно» лишил их права претендовать на что бы то ни было в царском доме Угарита. Затем Аммистамру женился на Шарелли (?), дочери Вендишены, царя Амурру, но после этого у него «стала болеть голова», как он сказал впоследствии на судебном процессе перед Тутхалиясом III/IV, царем хеттов. По этой причине он оставил ее «навечно», отдав ей все, что она принесла в его дом **.

Сын дочери Вендишены Удри-Шаррума был оставлен наследником пре-

* В одном акте это, несомненно, золото, в другом название драгоценного металла сбито. Рабицу в Угарите был, видимо, лицом, связанным с оформлением юридических актов, в том числе, как кажется, и международных. Заметим, что аккадск. рабицу — то же, что шумер. машким.

** Серебро, золото, медь, бронзу, утварь, подарки (кишту) и подношения (дату), раба и рабыню, ткани, хитоны.

стола с условием, что он и после смерти Аммистамру не вернет свою мать на царствование в Угарит. Если же он предпочтет разделить ее участь, то может идти за ней, в знак отречения от престола оставив на ложе свои одежды *. Этот акт в дальнейшем стоил Аммистамру чрезвычайно дорого. Его отвергнутая жена, которая, по-видимому, была единокровной сестрой Шаушкамувы, царя Амурру, сына Вендишены, затеяла против своего бывшего мужа политическую интригу. В чем она заключалась, мы не знаем, но стоит вспомнить, что сестра заговорщицы была женой брата хеттского царя, а ее отец имел большие связи и у хеттов и в Египте. Однако ее заговор был раскрыт — по-видимому, с помощью встречи, подстроенной по совету придворных Аммистамру с целью уличить бывшую царицу. Это произошло в Каркемише, где она укрылась. После разоблачения она была судима перед каркемишским царем Ини-Тешшубом и царем хеттов Тутхалиясом. Ее брат Шаушкамува признал ее вину и за 1400 сиклей золота, выплаченных ему Аммистамру, разрешил ему поступить с ней, как «его сердце пожелает: если хочешь — то убей ее, если хочешь — то брось ее посреди моря». Так с ней и было поступлено.

При Аммистамру особенно много было составлено актов перераспределения недвижимости **. Царь остро нуждался в средствах как для выплаты золота Шаушкамуве за его сестру, так и в связи с обязанностью участвовать в расходах хеттов на войну с Ассирией. Тутхалияс III/IV освободил угаритского царя от обязанности поставлять ему воинов и колесницы, заменив дань кровью данью золотом: согласно новому договору Аммистамру должен был единовременно дать с 10 торговых караванов 50 мин (25 кг) золота, но предполагалось, что воины и колесничие Угарита могут судиться с царем по поводу такой замены, если предпочтут вместо уплаты выкупа сами идти на войну.

Торговля была главной статьей дохода состоятельных граждан Угарита. Договор-распоряжение каркемишского царя Ини-Тешшуба о неприкосновенности торговцев Каркемиша в Угарите заключен им не с царем Угарита, а с гражданами, очевидно представляющими органы самоуправления города. За смерть торговца убийца должен отдать троих людей и втрое возместить все, что у торговца пропало. Если же убийцу не найдут, то граждане страны, возмещая за жизнь убитого, как и в первом случае, за имущество торговца отвечают только в размере пропавшей суммы. Пропавшее имущество убитого определялось по показаниям его компаньонов («братьев») *** под присягой.

Множество угаритских текстов прямо или косвенно связано с торговлей, а также с регулированием отношений между торговцами и ремесленниками через общинных должностных лиц. Под контролем и защитой верховного арбитра края — каркемишского царя — находились угаритские литейщики, которые были освобождены от пошлины: Каркемиш мог получать через Угарит не только готовую бронзу, но, вероятно, и олово в чистом виде (если оно уже доставлялось с берегов Испании). Для морской торговли Угарит держал значительный флот и имел собственные верфи. Перепи-

---

* Так оно, видимо, и случилось: Удри-Шаррума не царствовал в Угарите.

** Состоятельность подданных Аммистамру значительно возросла по сравнению с временами его деда Ником-Адду. Тысяча сиклей серебра за переданные царю наделы отдельных граждан, которые он затем перепродает наиболее состоятельным подданным своего царства,— это уже не единичное явление: такую сумму выплачивают Такхулина, Яхашши и одна из придворных женщин (жриц?) — Уммихиби. Остальные суммы выкупа недвижимости колебались в пределах 130—270 сиклей серебра. Напомним, что 100 сиклей серебра — около 900 г.

*** Или обитателей одного с ним квартала — бабу, которые и в действительности, по-видимому, были «братьями» между собой (т. е. родичами). За убийство угаритян в Каркемише полагалось такое же возмещение. Следует обратить внимание на то, что и здесь, как и в Канише, торговля по-прежнему ведется семейными обществами.

ска Угарита с Тиром, Сидоном и Кинзой свидетельствует о тесных контактах между городами побережья и внутренних южных областей. Интересны археологические данные, показывающие, по Б. Б. Пиотровскому, опосредствованные связи угаритской, а также и кипрской торговли даже с районом озера Севан и другими областями Закавказья (очевидно, через верхнеевфратскую долину).

В правление Ибирану, преемника Аммистамру, царю Каркемиша пришлось решать споры торговцев с чиновником-контролером («сыном царя»), возникавшие по всей Северной Сирии и в городе Уре, на пограничной с хеттами территории. В ответ на жалобу Ибирану, что «сын царя» Армацитис покушается исправлять угаритские границы, царь Каркемиша заверяет Ибирану, что никто изменять их не станет, и обещает прислать двух своих людей для установления границ. Но эти посланные занимались и другими делами. Один из них был хуррит Эбинаэ. В одном из писем он обращается к сакину Угарита, называя его своим сыном, и велит ему принять некоего человека, ни в чем ему не препятствуя при выборе того, за чем он отправился в Угарит (бесспорно, речь идет о выборе из товаров, так как Эбинаэ напоминает сакину Угарита, что с этого человека пошлину брать не следует) *. В результате жалобы Ибирану Армацитис был оштрафован на 300 сиклей серебра с лишением права подавать иск на царя Угарита. Штраф был выплачен пострадавшим гражданам Угарита; свидетелями акта выступают четыре представителя гражданских властей Уры — торговые агенты хеттского царя.

Престиж хеттов при Ибирану на побережье, видимо, значительно упал. В одном из писем, адресованных этому угаритскому царю, хеттский царевич выражает недоумение своего отца по поводу того, что хеттский двор не был извещен специальным посольством о выезде царя Угарита в неизвестном направлении. Видимо, опасаясь утраты своего влияния на побережье, хеттский царь высылает своего чиновника-*кардаббу* Тальми-Тешшуба, чтобы устроить смотр воинам и колесницам Угарита. Сообщая об этом Ибирану, царь Каркемиша рекомендует ему не удерживать тех воинов и колесницы, которых для него выделил дворец. Под дворцом каркемишский царь, возможно, подразумевает городское управление Угарита, а под воинами — эскорт угаритского царя. Царь Каркемиша советует Ибирану быть осторожным, поскольку речь идет о «жизни и смерти».

Новые устремления Угарита состояли, видимо, в ориентации на Египет и Аласию (на Кипре). В хозяйственных записях появляется упоминание значительного количества масла (660 тяжелых кувшинов), по-видимому переданного торговым «гостям» (абару́ма — мн. ч. от у́бру) Аласии и Египта **. Особое значение имели связи с Аласией, где существовала угаритская колония, видимо, еще до выселения туда сыновей Аммистамру. Никм-Адду III, сын Ибирану, называет царя Аласии своим «отцом».

В отличие от своих предшественников Никм-Адду III был тесно связан с жрецами, которые выступают в качестве свидетелей и контрагентов в нескольких его документах. Предполагается, что именно при Никм-Адду III были сделаны записи знаменитых теперь мифологических текстов Угарита.

В правление последнего угаритского царя ʻАммурапи (конец XIII—начало XII в. до н. э.) бывший кардаббу хеттского царя Тальми-Тешшуб стал царем Каркемиша. Интересно, что он переписывался с царем Угарита не по-хеттски или по-аккадски, а по-угаритски.

---

* Кроме того, Эбинаэ известен как свидетель приобретения коня для эскорта каркемишского царя за 200 сиклей (больше 1,5 кг) серебра.

** Этим не ограничивался круг политических и торговых связей Угарита. Так, сакину Кинзы переписывается с сакину Угарита, называя его своим братом.

87. Морская битва египтян с «народами моря», рельеф из Мединет-Абу
88. Голова бовини, слоновая кость с золотой инкрустацией, Угарит
89. Голова царя Ярим-Лима, диорит, Аллах
90. Терракотовые идольчики бовини Астарты:
а) из Лакиша;
б) из Бет-Шеана

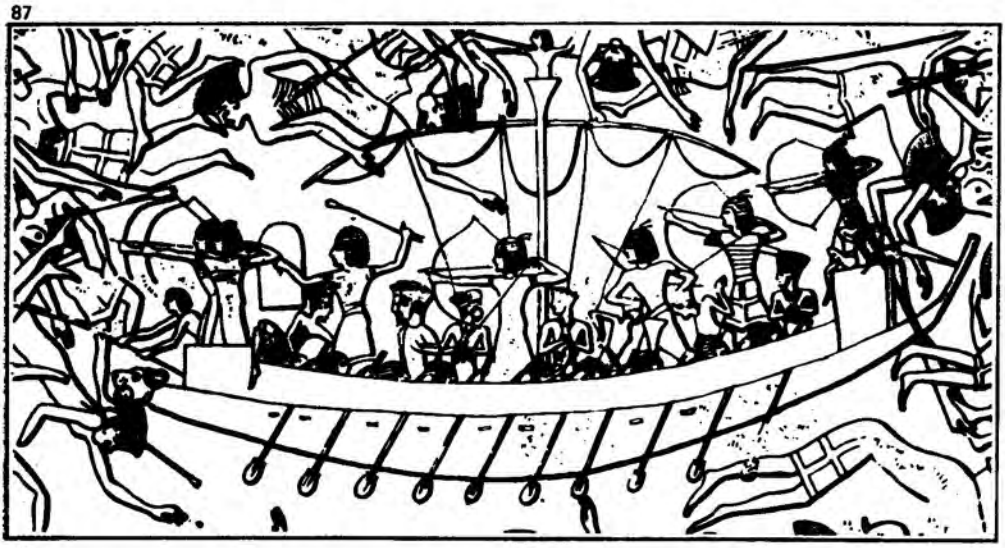
Итак, к этому времени прежняя хеттская династия в Каркемише прекратилась, и вместе с тем положение Угарита ухудшилось. Хеттский царь распоряжался флотом Угарита фактически как своим *. В результате, когда нежданно началось наступление «народов моря», Угарит оказался беззащитен: царь Аласии предупреждал угаритского царя о приближении вражеского флота и первых столкновениях с враждебными кораблями, но в ответ на это предупреждение тот мог лишь сослаться на отсутствие в пределах страны своего войска и флота, находившихся по вызову хеттского царя в Лукке. Враги двигались к Угариту морем и, видимо, также по суше.

Однако, если судить по данным К. Шеффера, раскапывавшего Угарит, город погиб не вследствие этого наступления: он был разрушен землетрясением катастрофической силы и, очевидно, лишь после этого разграблен врагами; он уже более не возродился никогда. Последние документы — плитки с клинописными надписями на глине, написанные угаритскими писцами,— были найдены в обжигательной печи, из которой их не успели вынуть.

От нашествия «народов моря» спасся только Каркемиш, все же остальное — от Киццувадны на севере, а на юге до Амурру, «посреди» которого завоеватели «разбили лагерь»,— было разорено. Обоз переселявшихся племен двигался на юг по суше, а ударная сила — вдоль побережья на кораблях. Лишь около 1180 г. до н. э. фараону Рамсесу III удалось задержать наступление грозного врага на рубежах Египта. Одновременно началось и продвижение в Сирию новой волны западносемитских скотоводов из степи — арамеев. Если не считать краткого отчета ассирийского царя Тиглатпаласара I о набеге на Финикию, где он застал ее центральную часть все еще во власти Амурру, и очень лаконичных надписей царей Библа, впервые составленных новым финикийским письмом и не содержащих исторических известий, то у нас нет письменных сведений о Сирии и Финикии с начала XII по IX в. до н. э. К началу I тысячелетия до н. э. хурритское и старое западносемитское население успело по всей Сирии сменить язык. Место аморейского и ханаанейского заняли новые семитские языки, преимущественно говоры арамейского; на территории от долины Оронта и до Каркемиша потомки «хеттов» продолжали говорить и на одном из хетто-

* При [c]Аммурапи были сделаны закупки зерна в Мукише (2 тыс. курру — около 4,5 тыс. ц) для перевозки его морем, видимо с помощью угаритского флота, в Уру в связи с голодом в стране хеттов. В этой помощи голодающей стране участвовал и фараон Мернептах, современник [c]Аммурапи угаритского.

87

88

89

90а

90б

91. Финикийские изображения бовов:
а) бог войны, бронзовая статуэтка из Мегиддо;
б) серебряная, покрытая золотом статуэтка из Угарита;
в) Ба'л, поражающий молнией землю, рельеф из Угарита

лувийских языков (языке «хеттских», или, вернее, лувийских, иероглифов). Лишь в Финикии, от Акки до Арвада, по-прежнему сохранялся ханаанейский язык, в его позднейшей форме обычно называемый финикийским.

7. Культура Восточного Средиземноморья во II тысячелетии до н. э.

Если даже для столь однородной по своим природным и социальным условиям страны, как Месопотамия, трудно дать единый очерк истории культуры, особенно периода «номовых» государств, не объединенных в одно политическое и культурное целое, то еще труднее это сделать для Восточного Средиземноморья с его разнообразием природных, хозяйственных и этнических зон и множеством городов-государств, которые так никогда и не были объединены. Общей чертой для них являлось то, что они были расположены на большой дороге между Египтом, Малой Азией и Месопотамией, и соответственно культурные влияния этих трех стран видны наиболее отчетливо (особенно египетское в Палестине и Южной Финикии, месопотамское в Сирии). Более внимательное изучение показывает, однако, и самобытность отдельных стран и областей, несмотря на внешние влияния, хотя ограниченность материала не всегда позволяет выявить существовавшие историко-культурные районы. Труднее всего — и, вероятно, даже бесполезно — пытаться расчленять явления культуры по этническим признакам: население Сирии, Палестины и Финикии делилось на преимущественно пастушеское и преимущественно земледельческое, на приверженцев тех или других местных общинных культов, но разница в языке вовсе не ощущалась как социально значимая в рассматриваемый нами период.

Если оставить в стороне археологические находки, восходящие к древнейшим временам (вроде «крепостных» стен «докерамического» Иерихона и сходных сооружений раннего неолита в Рас-Шамре, стенных росписей из святилища IV тысячелетия до н. э. в Телейлат-Гассуле в Заиорданье, напротив Иерихона, изображающих фантастических птиц, и т. п.), а перейти собственно к III—II тысячелетиям до н. э., то в области архитектуры мы первоначально встретимся с храмами египетского образца в Библе, а позже на Синае и месопотамского — в Эбле. Лишь во II тысячелетии до н. э. развивается большое и оригинальное крепостное и храмовое строительство как в Сирии, так и в Финикии и Палестине. Типичными можно

91а

91б

91в

считать храмы в Угарите и Библе. Наибольшие из них имели размеры около 30×20 м; внутри их было два ряда круглых столбов, а в самом святилище, у алтаря, перед статуями богов, были установлены каменные стелы, так называемые *маццебы* *. Некоторые храмы, как видно по глиняной модели, найденной в Бет-Шеане, были двухэтажными.

Скульптура (преимущественно изображения богов, редко — царей) в течение всего II тысячелетия до н. э. не вышла из той типологической стадии, на которой находилось пластическое искусство Шумера в Раннединастический период: образу божества или героя пытаются разными способами придать сверхчеловеческий, грозный, страшный для зрителя вид; в этом смысле наиболее замечательна ослепительно белая, большеглазая (с инкрустированными глазами) статуя, на цоколе которой высечена надпись Идри-Ми. Вообще же, за исключением мелкой бронзовой пластики, до нас дошло очень мало памятников изобразительного искусства Восточного Средиземноморья II тысячелетия до н. э. Не дают представления о «большом» искусстве и терракоты с рельефным изображением того или иного божества, во множестве находимые в частных домах и в храмах (где они, вероятно, раздавались или продавались верующим). Чаще всего это изображения обнаженной богини, нередко жестом подчеркивающей свою наготу или беременность.

Каждая община, как и следовало ожидать, имела своих божеств-покровителей, чаще всего бога с супругой и сыном; они нередко обозначались именами нарицательными: Эль — «бог», Элат — «богиня», Ба^{c}л, Ваал — «господин», Ба^{c} лат — «госпожа», ^{c}Аштар — «бог (плодородия)», ^{c}Аштарт, Астарта — «богиня (плодородия)»; различались они между собой лишь по названию места поклонения им. Некоторое число главным образом космических божеств почиталось и за пределами своей общины, например: ^{c}Аширату, ^{c}Аширта, ^{c}Ашера, богиня растительности (?) **; Шапшу (в Угарите), богиня Солнца; Яриху, бог Луны; Ямму, бог моря; (Х)адду, бог грозы и дождя, и т. п. Путем отождествления разных «элей» постепенно сложился образ всеобщего верховного бога Эля, но в различных общинах он имел разных супруг — то Элат, то Ба'лат, а то богиню-воительницу Анат-Кудшу. Со многими божествами были связаны тотемические представления: они либо сами отождествлялись с животным, растением или предметом (Эль — с быком, ^{c}Анат — с телицей, ^{c}Аширату — с деревом), либо имели их своими атрибутами (так, ^{c}Анат изображается стоящей на львице, Адду — на быке; есть божество, изображаемое со змеей). В ряде случаев почитались и чужеземные боги (египетская Хатхор, отождествленная с библской Ба^{c}лат-Губли, лувийский (?) Шаррума, шумерская Нинэгаль, почитавшаяся также хурритами под именем Пендигалли, и многие другие хурритские боги) или с чужеземными богами отождествлялись свои (Адду — с хурритским Тешшубом, ^{c}Анат — с хурритской Шавушкой). Отправления культов божеств плодородия сопровождались (по более поздним данным) оргиастическими ритуалами с участием «посвященных» обоего пола (кадишу, кадишту). Засвидетельствовано (главным образом для I тысячелетия до н. э.) жертвоприношение младенцев-первенцев (при постройке дома или города или в случае крайней опасности); вряд ли следует сомневаться в большой архаичности этого обычая.

Из храмовой библиотеки во дворце Угарита до нас дошли религиозные, главным образом стихотворные, тексты на местном, семитском языке, дешифрованные в 1929—1930 гг. Здесь имеются списки богов, ритуальные предписания, заклинания и молитвы ***, но особый интерес вызвали эпи-

* Маццебы (или, по-египетскому образцу, мачты) могли стоять и перед входом в храм, а также в святилищах под открытым небом.

** В Угарите известно также божество 'Ашират моря'.

*** Часть из них — по-хурритски.

ческие культовые песни. Весьма типично для древних переднеазиатских земледельческих культур сказание о боге ᶜАлиян-Баᶜле, погибающем в борьбе с богом увядания Мотом («Смертью»). Однако в конце концов благодаря вмешательству других богов ᶜАлиян-Баᶜл побеждает Смерть: после этого «небеса сочатся маслом, реки медом текут». Интересна поэма о постройке храма-дворца для Ваала. Лирической свадебной песнью является поэма о свадьбе богини Никкаль с богом Луны Яриху. Никкаль, широко почитавшаяся также хурритами, это шумерская Нингаль, супруга шумерского бога Луны Нанны.

В Угарите имелся и свой «культурный мифологический герой» — богмастер Кушар-ва-Хусас (может быть, это перевод хурритского Мадаэ-Хассиссаэ, а может быть, наоборот, в хурритском этот эпитет взят с семитского). Кушар-ва-Хусас считался основателем ремесел — строительного, керамического, литейного, столярного; материалы он, согласно сказанию, доставал с гор Ливана, из Египта и с Крита.

Героический эпос представлен поэмами о Карту (Керете) и Дани-Эле — легендарных героях Угарита. Оба эпоса начинаются сходным образом — с одиночества героя и с мольбы к богам о потомстве. Карту, сын Эля, совершает далекий поход, чтобы привести себе жену — красавицу Хуррай из страны Удуму *, и у него рождается много сыновей и дочерей. Но когда приходит смерть, с Карту остается только один сын Ильхау, который вопрошает:

Почему ты зовешься сыном Эля,
Отпрыском Милостивого и Кудшу **?
Умереть разве могут боги?
Разве отпрыск Милостивого жить не должен?..

У Дани-Эля в другой эпической поэме тоже родится сын — «витязь Акхат», который погибает в битве с орлами богини ᶜАнат; конец эпоса не вполне ясен.

Интереснейшим памятником автобиографического жанра, имеющим параллели в древнеегипетской и хеттской литературе, является уже упоминавшаяся надпись Идри-Ми, царя Алалаха.

Поскольку писцы по всему Восточному Средиземноморью пользовались для официальной переписки аккадским языком (а в Библе также египетским), естественно, что здесь были и аккадские школы. Свидетельством их существования являются среди прочего фрагмент перечня клинописных знаков, обнаруженный в Библе еще конца III тысячелетия до н. э., а также найденный в Угарите фрагмент угарито-хурритo-аккадо-шумерского словаря, двуязычные хурритo-аккадские записи пословиц, шумеро-аккадо-хеттский религиозный текст и, кроме того, образцы собственно аккадской художественной литературы, например отрывок из так называемой периферийной версии эпоса о Гильгамеше, найденный в Мегиддо, в Палестине, и др.

8. Финикийское письмо

Наиболее важным культурным достижением ханаанеев и других оседлых семитов Восточного Средиземноморья во II тысячелетии до н. э. является создание совершенно нового вида письменности, соответствующего недеспотическому и небюрократическому характеру здешнего общества.

Незадолго до второй мировой войны в Библе было найдено несколько надписей особого слогового «линейного» письма, условно называемого про-

* Не исключено, что Удуму — это Эдом южнее Мертвого моря, где, согласно Библии, находилась этническая группа хурритов; имя Хуррай может по-хурритски означать «хурритка».

** Кудшу («Святыня») — прозвище богини ʿАнат.

тобиблским. В нем около ста знаков, что соответствует необходимому числу слогов, если считать, что каждый знак выражал один из согласных древнесемитского языка + один из трех древнесемитских гласных a, i и u, притом что согласный с нулем гласного передавался так же, как согласный с гласным (скорее всего с гласным a). Таким письмом можно было передавать любой текст на древнесемитских языках без помощи сложной системы словесных и ребусных знаков, детерминативов и т. п.; в то же время это письмо было гораздо проще для заучивания, чем аккадская клинопись или египетская иероглифика, и выучить его можно было за несколько недель вместо многих лет. Недостатком его, однако, было отсутствие обозначения словоразделов. В египетской иероглифике конец и начало слова обозначались обязательными детерминативами, а в клинописи также имелись определенные орфографические правила употребления знаков в начале и конце слов. Но в «чисто» силлабическом письме, каким было протобиблское, отсутствие обозначений словоразделов очень затрудняло чтение.

К сожалению, раскопки французской экспедиции Монтэ в Библе проводились настолько безобразно, что дата протобиблских надписей неизвестна даже с точностью до тысячелетия (!). Скорее всего оно употреблялось во II тысячелетии до н. э. и, несомненно, частично параллельно с позднейшим финикийским письмом (имеется предмет с надписью обоими видами письма). Протобиблское письмо пытались расшифровать «интуитивным» методом французский ученый Э. Дорм и немецкий ученый А. Йирку, но, хотя некоторые их догадки и довольно вероятны, в целом они не поддаются строгой проверке и их дешифровка должна считаться неудавшейся. Для дешифровки строгим методом с использованием статистических средств общее количество знаков в надписях недостаточно; удается отождествить лишь около полудесятка знаков; они в основном совпадают по значению с позднейшими финикийскими или южноаравийскими буквами такого же рисунка.

Формы знаков протобиблского письма не имеют явных прототипов ни в одной более древней письменности мира; видимо, они были придуманы специально, притом так, чтобы каждый был по своей форме легко запоминающимся. Однако, как можно думать, создатель был знаком с египетским иероглифическим и крито-микенским «линейным» письмом (возможно, и с хеттской иероглификой; последняя, как и крито-микенское письмо, тоже в основном построена на использовании знаков типа «согласный + гласный» при отсутствии специальных знаков для «согласного + нуль гласного»).

Хотя протобиблская письменность значительно ускоряла процесс обучения грамоте, однако для целей, которые ставили себе «потребители» (скорее всего ханаанейские ремесленники и финикийские купцы и мореходы), это обучение проходило еще недостаточно просто и быстро. Они были готовы ускорить обучение даже за счет усложнения понимания текстов (как известно, древневосточные международные торговцы никогда не гнались за понятностью своих записей для непосвященных). Поэтому появляются разные виды еще более простого письма того же типа: упрощение идет либо по линии выработки скорописных форм (сюда, по-видимому, относятся нерасшифрованные * краткие надписи на скалах и предметах так называемым синайским и древнепалестинским письмом первой половины II тысячелетия до н. э.), либо по линии сокращения числа знаков.

В собственно Финикии (и в Палестине?) был создан сокращенный тип слогового письма, вероятно, во второй половине II тысячелетия до н. э. При этом линейный облик протобиблских знаков сохранили, но для каждого согласного (а в некоторых случаях для двух-трех похожих

* Известный египтолог А. Гардинер расшифровал с некоторой вероятностью из надписей у синайских копей Серабит аль-Хадима одно слово «Ба'лат»; другие попытки дешифровки весьма малодостоверны.

согласных, например для ṣ, ś и ṯ, для š, ś и t), оставили только по одному знаку (по-видимому, знак для одного из этих согласных +a), взяв за пример египетскую иероглифику, где в слоговых знаках качество гласного тоже не обозначалось *. Число знаков было вначале, возможно, около 30, но уже не позднее XIII в. до н. э. сокращено в финикийском письме до 22 **.

Специально для письма на придуманных в Месопотамии глиняных плитках не позже начала XIV в. до н. э. в Угарите был изобретен вариант того же слогового письма, где вместо линейных черт, из которых складывались отдельные знаки, были введены клинообразные углубленные в глину черточки, комбинации которых, очень упрощенные, не имеют ничего общего с аккадской или шумерской клинописью. Число знаков было сокращено до 30, причем только для согласного ' (гортанного взрыва) различались знаки с тремя гласными (причем знак ' + *i* означал также ' + нуль), все остальные знаки обслуживали сочетание согласного с любым или никаким гласным. По-видимому, знаков было даже меньше, чем согласных в языке,— некоторые знаки обслуживали два или более фонетически похожих согласных. Это письмо использовалось для семитского угаритского и для хурритского языков.

Аналогичное сокращение прототипа было произведено, по-видимому, и в других семитских странах; так, в южноаравийском письме (и его потомке — эфиопском) были выбраны другие формы знаков, но тоже только по одному для каждого согласного (в эфиопском дополнительные значки для различения согласных с разными гласными появились лишь в I тысячелетии н. э.). В основе южноаравийского, должно быть, лежит какая-то разновидность слоговой письменности протобиблского или синайского типа, распространенная на периферии древней Палестины или на окраинах Северной Аравии.

Помимо семитских после вторжения «народов моря» сокращенные алфавиты на основе протобиблского или его ответвлений были созданы и для некоторых индоевропейских языков Малой Азии. Протобиблское происхождение финикийского, южноаравийского и малоазийских алфавитов доказывается тем, что прототипы практически в с е х знаков этих видов письма (по их форме) содержатся в протобиблском, а также тем, что все эти алфавиты — сокращенные по отношению к протобиблскому, причем сокращенные по одному и тому же принципу (использование одного какого-либо знака для согласного с разными гласными вместо трех знаков, каждого — для согласного с одним каким-нибудь гласным) ***. Таких знаков, употребляемых во вторичных системах письма, которых в протобиблском бы вообще не было, очень немного ****.

* Это было разъяснено И. Е. Гельбом. Здесь имеются в виду так называемые египетские «алфавитные» знаки, обозначающие один согласный плюс любой или никакой гласный (в Египте были также знаки, передававшие два согласных и более, но не различавшие гласных). Следует заметить, что во II тысячелетии до н. э. только для передачи иноязычных имен собственных египтяне, по-видимому, выработали особую систему огласованных слоговых знаков.

** Опыт такого же, как и в финикийском, сокращения числа знаков до 22 (что не соответствовало числу согласных фонем, которых было больше) был проведен и для угаритской квазиалфавитной клинописи; этот сокращенный «алфавит» применялся преимущественно за пределами Угарита. Интересно, что порядок знаков угаритского алфавита почти точно совпадает с финикийским, из чего следует вывод об общности происхождения обоих видов письменности.

*** Ср. также в малоазийских письменностях использование протобиблского знака x ta для t, но протобиблского знака î ti для смягченного t' [ть] или c [ц]. Знаки из протобиблского выбирались при этом не всегда одни и те же (т. е. для b мог быть выбран в одной письменности знак для ba, в другой — для bi).

**** Ранее считалось, что малоазийские письменности все поздние и созданные на основе греческого письма, но такое предположение наталкивается на ряд фактических трудностей.

Существовавшие ранее гипотезы, выводившие финикийское и другие виды семитского письма из египетской иероглифики или скорописи, или из крито-микенского письма, следует считать совершенно отпавшими.

Нужно подчеркнуть, что ходячее мнение, будто письмо, не содержащее знаков для обозначения гласных, «удобнее» для семитских языков, совершенно неверно. Правда, в семитских языках корень, т. е. наиболее общее содержание понятия, выражается одними согласными, а гласные передают модификацию значения и грамматические показатели, но аккадский язык тоже семитский, однако аккадцы никогда не испытывали потребности в такой «сокращенной» письменности; к тому же практика свидетельствует, что при хорошем знании обоих видов письма гораздо легче читать и понимать аккадский текст, написанный словесно-слоговой клинописью с передачей гласных, чем финикийский «алфавитный» текст, в котором передаются только согласные, притом часто и без словоделения. Создатели финикийского письма предназначали его для записей ведомостей, в крайнем случае религиозно-ритуальных текстов, содержание которых в самом общем виде было известно заранее, и поэтому при чтении ломать себе голову над сочетаниями не разделенных между собой согласных приходилось минимально. К тому же это, вероятно, сначала был род купеческой тайнописи. При передаче более сложных текстов уже к началу I тысячелетия до н. э. финикийцы стали прибегать к так называемым «матерям чтения», т. е. подставлять согласные ', h, w, y на место долгих гласных ā, ū, ō, ī ē или дифтонгов a', au, ai и т. п. Тоже самое, и в еще большем масштабе, стали делать и принявшие письмо западносемитского происхождения малоазийцы — карийцы, ликийцы, лидийцы (иногда оставляя только слоги типа «согласный + e или a краткое» без обозначения гласного).

Но, в сущности, финикийское письмо (и его ближайшие потомки) было еще не алфавитным, а квазиалфавитным в том смысле, что оно не передавало адекватно все фонемы в языке, а некоторые не передавало вообще. Это стали делать впервые вполне регулярно лишь воспринявшие финикийское письмо греки и малоазийский народ фригийцев с VIII в. до н. э. Они использовали для гласных лишние с точки зрения их родных языков знаки, предназначавшиеся для некоторых семитских согласных (' для a, ' для o, a в греческом h для e, y также и для i, w также и для u *; потом в греческом были созданы специальные знаки для ō долгого и ē долгого; последний — из семитского знака ḥ; этого звука не было в греческом). Греки сохранили и названия семитских знаков алфавита.

Северосемитские письменности конца II тысячелетия до н. э., и в первую голову финикийский квазиалфавит из 22 знаков, являются родоначальниками практически всех алфавитных письменностей земного шара ** и части слоговых ***. В этом всемирно-историческое значение древнеханаанейской культуры. Без алфавитного письма бурное развитие мировой письменности, науки и литературы, т. е. записей л ю б о г о характера, не стесненных площадью писчего материала и медленностью изучения письма и чтения, было бы невозможно.

---

* В старофригийском были разные знаки для w и u, для y и i, для t' мягкого и t твердого, но все они восходили в конечном счете к протобиблскому. В греческом знаки для pt, th, kh, а также для сочетаний ks и ps были придуманы позже.

** Грузинского и армянского, например, лишь косвенно (были восприняты принципы греческого письма и некоторые очертания греческих и арамейских букв), остальных — прямо, в том числе латинского, славянского, арамейского всех видов, еврейского «квадратного», арабского и т. д.

*** Например, по-видимому, индийских и развившихся из них письменностей Юго-Восточной Азии и косвенно — корейского.

9. Переселение заречных племен ('ибрим)

В последней четверти II тысячелетия до н. э. бóльшую часть Палестины заняли скотоводческие племена, двигавшиеся из заиорданских степей. Об этом вторжении у нас имеются как археологические данные, так и предания, записанные в IX—VI вв. до н. э. и сохранившиеся до наших дней в Библии. Археологические данные рисуют отдельные, иной раз выразительные картины разрушения некоторых древних ханаанейских городов и смены характера материальной культуры в значительных частях Палестины и Заиорданья, библейские же книги дают нам связное повествование об этих событиях, к сожалению основанное лишь на устном предании, записанном на 400—500 лет позже (т. е. не менее чем через 12—15 бесписьменных поколений). К тому же, безусловно, это предание подверглось тенденциозной обработке в соответствии с много позднейшими идеологическими взглядами и в связи с идеологической борьбой, современной не описываемым событиям, а времени записи. Поэтому, естественно, перед историками стоит вопрос о степени достоверности записанного предания.

Немецкая школа историков середины и конца XIX и начала нашего столетия, связанная по происхождению с протестантским богословием, но, безусловно, для своего времени передовая, стояла по большей части на точке зрения отрицания историчности всех библейских преданий, относящихся к событиям до создания царства Давидидов около 1000 г. до н. э. В противоположность этому англо-американские историки, а также некоторые израильские, хотя, конечно, и признавая позднейшую редакторскую обработку библейской исторической традиции, стоят на позициях доверия к основным известиям, сообщаемым этой традицией. Можно отметить как типичных представителей различных существующих подходов к этой проблеме, во-первых, немецкого ученого А. Альта, который целиком отрицал историчность преданий о библейских патриархах и, вопреки данным традиции, настаивал на мирном и постепенном просачивании новых скотоводческих племен в Палестину; во-вторых, израильского историка А. Маламата, полагающего, что предания о патриархах и о разрушительном вторжении в Палестину в основном правильно передают характер жизни этих вторгшихся племен, которые, как он утверждает, еще в эпоху патриархов слились в единый протоеврейский народ и приняли веру в единого «анонимного бога», хотя и, по его мнению, отнесение всех событий ко времени жизни всего трех патриархов — Авраама, Исаака и Иакова — является результатом эпического сгущения повествования; в-третьих, английского археолога Л. Вулли, считавшего возможным при изложении истории древнего Востока трактовать Авраама и других персонажей первых частей Библии как реальных лиц и даже искать чуть ли не подлинный дом Авраама при раскопках города Ура в Шумере.

В действительности именно потому, что это п р е д а н и я, и притом использованные в острой позднейшей идеологической борьбе, историк вправе привлекать их только в той мере, в какой каждое из них может быть проконтролировано, хотя бы частично, независимыми источниками — археологическими памятниками или же иноязычными письменными свидетельствами современников событий. Отвергать библейские повествования с порога не следует, так как в них содержатся предания весьма специфического рода. Библейские повествования о патриархах являются отражением общесемитских кочевнических сказаний. Такие сказания, как мы теперь знаем, основаны на запоминании родословий. В круг воспитания патриархального кочевника непременно входило обязательное заучивание генеалогий, заходивших иногда на полтора десятка поколений в глубь времен. Подобные генеалогии мы уже упоминали, говоря об аморейских царях из дома Хаммурапи или Шамши-Адада I; такие же генеа-

логии и по сей день хорошо известны у бедуинов Аравии. Чем ближе к времени рассказчика, тем больше в таких родословиях подлинных имен лиц, о которых известны более или менее достоверные сведения. Чем дальше генеалогия того или иного родоначальника, тем больше вероятность, что имя его окажется легендарным, а деяния его, как они передаются традицией, баснословными или просто мифическими. Мы уже видели, что в таких генеалогиях могут фигурировать перволюди, как, например, Адам и его сыновья (в Библии Каин и Сиф — др.-евр. Шет, по-аморейски, возможно, *Суту *). Вероятность того, что патриарх Авраам, отстоящий, даже по библейским данным, поколений на двадцать от времени записи преданий о нем, историческое лицо, близка к нулю. Согласно самому библейскому (и восходящему к нему арабскому кораническому) преданию, потомками легендарного Авраама считаются не только еврейские, но также арамейские и арабские племена, а они, как известно, в древности никогда не придерживались веры в единого «анонимного бога». Хотя бы поэтому невозможно отнести создание первичного монотеизма к условному времени Авраама. Поскольку же именно Авраам первым назван в Библии ʻибри, что позже значило «еврей», встает вопрос о том, не был ли термин «ʻибри» первоначально более широким. Что касается отнесения библейским преданием начала культа «анонимного бога» к времени Авраама, то это, несомненно, результат тенденциозного перенесения в эпоху патриархов некоторых идей поры зарождения «пророческого движения» в Израильском и Иудейском царствах в IX—VIII вв. до н. э.

Что же касается Иакова (он же Йисра'эль), героя-эпонима племен, которые с конца II тысячелетия до н. э. обитали в Палестине, то повествование о нем как о родном отце двенадцати патриархов — героев-эпонимов двенадцати израильских племен, или «колен», от которых через четыре (!) поколения ** якобы произошло миллиона полтора потомков ***, носит настолько сказочный характер, что слишком наивно было бы искать в этой фантастике «рациональное зерно»,— место такому повествованию в справочнике сказочных мотивов, а не в истории. Тем не менее предания о патриархах и их потомках, вплоть до вторжения войска Иисуса Навина в Палестину, представляют исторический интерес, так как обрисовывают нам идеологические и исторические воззрения определенного народа и эпохи, но не той, которой посвящена настоящая глава.

Лишь с XIII в. до н. э. представляется возможным проверить библейские предания археологическими данными. При этом и события с XIII по X в. до н. э. в библейском письменном тексте оказываются изложены так, что историческая перспектива часто смещена и искажена, а многие события подверглись забвению. В других случаях ряд однотипных фактов, связанных с разными событиями, соединены в одном повествовании об одном герое, и, напротив, разным героям в одном и том же повествовании приписываются совершенно одинаковые и в то же время необычные поступки. Предания о реальных событиях перемежаются с фольклорными легендами; все в целом подано с идеологических позиций религиозно-политического учения совсем другого, позднейшего времени. Тем не менее к а н в у повествований, относящихся к сравнительно более поздним событиям (XIII—XI вв. до н. э.), как они изложены в Книге Иисуса Навина и (в меньшей мере) в полной занимательных рассказов Книге Судей, все-

---

* Точнее, *Шуту — аморейское имя, которое в аккадской передаче должно было п и с а т ь с я «Суту»; аккад. «ш» сначала звучало как англ. th, а аккадское графическое «с» передавало также и звук «ш».

** Моисей, согласно Книге Исход (6 : 16—20), был родным правнуком Левия, сына Иакова.

*** Согласно Книге Чисел (I : 19—49), из них только боеспособных мужчин, возглавлявшихся Моисеем, не считая жрецов, якобы было 643 550 человек.

таки составляют уже воспоминания о реальных фактах, а не сказочные мотивы; эта канва во многих пунктах поддается проверке и корректированию с помощью археологических данных.

Для того чтобы поставить вопрос о путях и причинах, которые привели определенную группу скотоводческих племен в Палестину, необходимо вкратце рассказать, что об этом говорит легендарная традиция.

В библейской Книге Бытия (в настоящее время открывающей собой так называемое Пятикнижие, или Тору) смешаны две различные генеалогические традиции семитских кочевых и оседлых племен и народов. Согласно одной из них, первочеловек Адам (имя это значит примерно «земной», в смысле «смертный человек»; мы встречаем его и в аморейских генеалогиях под именем Адаму), изгнанный вместе с женой своей Евой из земного рая и осужденный возделывать землю, породил сыновей Авеля и Каина, причем Авель был скотоводом, а Каин — земледельцем; завидуя тому, что бог принимал жертвы скотом у Авеля и отказывался от его собственных жертв плодами земли, Каин убил своего брата; за это бог сделал Каина и его потомков (подобно историческим хапиру) бродячими изгоями, но при этом наложил табу на убийство каинитов, или кенитов, разрешив мстить за такое убийство всемеро. Далее перечисляются потомки Каина вплоть до Ламеха, отца Явала, предка всех кочевников, Ювала, отца всех бродячих музыкантов, и Тубал-Каина, учителя всех кузнецов и медников (профессия, которая в древности тоже была нередко связана с бродяжничеством). В библейских преданиях о более поздних временах кениты упоминаются среди древнейших жителей Палестины, но живущими в шатрах, а не в городах. Эта генеалогия противоречит библейскому же мифу о потопе, явно заимствованному из Месопотамии и предполагающему гибель от потопа всех людей, кроме потомков праведного Ноя, следовательно, казалось бы, и кенитов.

Но в той же Книге Бытия рассказывается, что после гибели Авеля Адам породил сына Шета (Сифа), сыном которого был, в свою очередь, Энош, что значит «человек» (вспомним, что в аморейских генеалогиях Адам — а это тоже значит «человек» — был точно так же не самым первым из людей). Сыном Эноша был Каинан, или малый Каин; после него в пятом поколении родился... Ламех, которого мы знаем уже по генеалогии кенитов, причем надо заметить, что и между Каинаном и Ламехом приведено по крайней мере три имени (Яред, Енох и Мафусаил), тоже встречающиеся с небольшими фонетическими вариациями и в кенитской генеалогии. Сыном Ламеха по генеалогии от Шета был Ной (др.-евр. Ноах). Здесь мы находимся в области аморейско-сутийских родословий; на это указывают и само имя Шета (закономерная передача аморейского Суту, предка всех сутиев) и имя Ноя, встречающееся как имя божества в аморейских теофорных именах, и «акающая» форма имени «Каинан» (по-ханаанейски было бы Кенон), и сам факт включения в генеалогическое предание месопотамской легенды о потопе.

Аморейско-сутийские генеалогии в Книге Бытия прерываются этой легендой, а затем в форме, имитирующей опять-таки генеалогии, приводится таблица народов, якобы происшедших от сыновей Ноя — Сима, Хама и Иафета (Книга Бытия, 10); сюда под видом их потомков включены эпонимы стран, городов и народов. Эта таблица позднего происхождения (конца VII — начала VI в. до н. э.) и отражает пристрастия какой-то политической группы в Иудейском царстве того времени, причем к сыновьям Сима в таблице причислены народы и государства, в тот момент дружественные этому царству (например, Элам, город Ашшур *, Лидия,

* Ашшур в отличие от Ниневии и Кальху, попавших в число «сыновей Хама», выступал в VIII—VII вв. до н. э. против завоевательной политики ассирийских царей.

арамеи), к сыновьям Хама — враждебные (например, финикийские города, Египет, Вавилония, ассирийские города, помимо Ашшура, и др.), к сыновьям Иафета — нейтральные или просто отдаленные племена и государства Ирана, Малой Азии и Греции.

Затем Книга Бытия возвращается к генеалогической линии, ведущей от Сима к Аврааму. После двух непонятных имен следуют имена правнука Сима, ʻЭбера (Евера) *, из амор. *ʻибру, его сына Пелега, из амор. *пальгу, и внука Реу, из амор. *раʻу. Это «значащие» имена: первое означает «переход (например, через реку)», второе — «раздел» **, третье, вероятно, связано с понятием «пастьбы скота». По-видимому, в именах этих мнимых «племенных родоначальников» отразились важнейшие события в жизни верхнемесопотамских аморейско-сутийских племен: уход из Месопотамии через реку Евфрат обратно в Сирийскую степь под давлением касситов и хурритов в XVI—XIV вв. до н. э., распад на новые племенные группировки, отличные от аморейских племен, известных в начале II тысячелетия до н. э., и постепенный переход к кочевой жизни вместо полуоседлой, какую они вели последние столетия перед тем в Двуречье. Связь предков библейских кочевых племен с Верхней Месопотамией нашла отражение и в именах дальнейших легендарных родоначальников этой генеалогии; эти имена — Серуг, Нахор и Харан — в действительности являются названиями хорошо известных северосирийских и верхнемесопотамских городов и местностей — Саруг, Нахур и Харан.

«Предок» всех этих новых племен, как уже упоминалось, именуется ʻЭбер — «Переход», может быть, точнее, «Заречье»; отсюда прилагательное ʻибри — «(человек) из ʻЭбера, т. е. Заречья» (в современном произношении иври, отсюда рус. «еврей») — так, видимо, назывались первоначально все люди, принадлежащие к числу племен, ушедших в XVI—XIV вв. до н. э. из Верхней Месопотамии через Евфрат в Сирийскую степь; состав этих племен далеко еще не совпадал со сложившимся позже еврейским народом. В частности, в изложенном здесь смысле как ʻибри могли обозначаться и племена, возводившие себя к родоначальнику Лоту (Книга Бытия, 11 и др.), или Лотану (Книга Бытия, 36, 29), никогда не входившие в израильский племенной союз и во втором случае даже относимые (видимо, неточно) к потомкам осемитившихся хурритов, а также многочисленные аморейско-сутийские, арамейские и арабские племена, которых Библия считает потомками Авраама.

Движение аморейско-сутийских племен, получивших наименование «ʻибри», из Верхней Месопотамии в сторону Палестины, вероятно, следует признать историческим фактом. Причину того, что они не передвинулись в более близкую Северную Сирию, вероятно, нужно искать в одновременном встречном движении другой западносемитской группы племен — ахламеев (арамеев) — из южной части Сирийской степи (возможно, и из Заиорданья) как раз в Северную Сирию и оттуда в Верхнюю и Нижнюю Месопотамию. К началу I тысячелетия до н. э. там, за малыми исключениями, все семитское население стало арамейским по языку, если не считать небольшого племени яʻудй в городе-государстве Самʻаль (ныне Зинджирли, по дороге на перевалы Тавра), говор которого был средним между аморейским и арамейским.

С Авраама и его племянника Лота Книга Бытия начинает «новеллистическую» историю патриархов. Авраам довольно неискусно подключен к родословию потомков Сима (он оказывается внуком Нахора и братом второго — дублетного — Нахора, а также Харана, отца Лота). Если не входить в подробный пересказ легенд о патриархах, то событийная канва

* Сообщения о находке при раскопках Эблы надписи царя Эблы по имени ʻЭбер не более как ложная сенсация.

** А также «канава» (разделяющая отдельные поля).

их следующая: отец Авраама жил в Уре «халдейском», в Нижней Месопотамии (нечего говорить, что никаких халдеев до начала I тысячелетия до н. э. в Уре не было) *. Оттуда он переселился с сыном и племянником в Верхнюю Месопотамию, в Харан; после его смерти Авраам и Лот переселились из Верхней Месопотамии в Палестину; затем Авраам и его родня кочевали между центральной частью Палестины и границами Египта, а Лот обосновался в районе к югу от Мертвого моря (в якобы существовавших здесь, но погибших от божьего гнева городах Содоме и Гоморре). В Палестине Авраам будто бы сражался с коалицией царей-завоевателей, среди которых мы встречаем неожиданное сочетание ᶜАмрафеля сенаарского (едва ли не Хаммурапи вавилонского?), Тидᶜаля, «царя народов» (Тутхалияса, царя хеттов?), а также царей Элама и Элласара (Ларсы?); за победу над ними Авраам получил благословение от Мелхиседека, жреца Эля-Эльйона — всевышнего бога, царя Шалема (Солимы, т. е. Иерусалима?). Этот рассказ, по-видимому, идеологическое оправдание позднейшего заселения Иерусалима предполагаемыми потомками Авраама. Ту же цель, надо полагать, преследует и рассказ о покупке Авраамом у местных жителей — якобы хеттов (!) — участка земли с пещерой для погребения его жены и членов его семьи; тем самым они становятся как бы связанными с землей Палестины. Но «историческая» ситуация, рисуемая легендами об Аврааме, не имеет ничего общего с действительностью послегиксосской Палестины. Сам Авраам, возможно, был божеством, племенным покровителем, и то же верно в отношении его жены Сарры (из др.-семит. шаррату — «царица», довольно обычный эпитет богинь).

Детьми Авраама легенда называет Исаака (от Сарры) и Исмаила (от купленной наложницы-египтянки Агари); первый вместе с потомками Лота продолжает генеалогию западносемитских кочевых племен ʿибри, в то время как ко второму возводится происхождение многих арабо-арамейских племен; другие такие же племена, среди которых мы встречаем, между прочим, Дедана (Дидану староаморейских генеалогий), оказываются потомками Авраама от еще одной его наложницы — Кетуры. История Исаака в Книге Бытия во многом дублирует историю Авраама; жена его Ревекка — дочь одного из потомков верхнемесопотамского героя-эпонима Нахора (к которому возводятся также Арам и другие предки арамеев); на Ревекку, так же как и на Сарру, покушается Абимелех **, филистимлянский царь Герара (хотя филистимляне появились в Палестине — и дали ей свое имя — только в XII в. до н. э.).

От Исаака произошли, по легенде, старший сын Исав, продавший будто бы право своего первородства «за чечевичную похлебку» (предок эдомитян, или идумеев, по-видимому рассматривавшихся как более поздний слой населения к югу от Мертвого моря по сравнению с племенами, «происходившими» от Лота), и младший, Иаков, по прозвищу Йисраʾэль (Израиль), что значит «Бог сражается»; в легенде это истолковано так, что племенной бог Яхве лично сражался будто бы с самим Иаковом. К Иакову и его двенадцати сыновьям предание возводит происхождение двенадцати племен израильского племенного союза. Следует обратить внимание на разницу в употреблении в библейском языке терминов «еврей» и «израильтянин»: первым термином обозначается такое лицо из числа племен ʿибри, которое либо не входит (вообще или в данное время) в состав членов израильского племенного союза, а позже в состав подданных Израильского или Иудейского царства, либо же изображено в разговоре с собеседником, который не может быть в курсе данной племенной структуры;

* Согласно позднейшей легенде, отец Авраама был изготовителем терракотовых идольчиков.

** Имя семитское.

таким образом, всякий член израильского племенного союза — ʻибри, но не всякий ʻибри — израильтянин; первый термин — общеэтнический, второй обозначает племенную, а позже государственную принадлежность.

По легенде, Иаков (Йаʻкоб) взял жен опять-таки из арамеянок Верхней Месопотамии и родил от своей старшей жены Лии (Ле а — «Дикая корова», видимо, когда-то тотемное животное группы племен) шестерых сыновей — сначала эпонимов племен Рувим (Реʼубен), Симеон (Шимʻон), Левий (Леви) и Иуда (Иехуда), а позже — племен Иссахар и Завулон (Зебулун), от Лииной рабыни — двух, эпонимов племен Гад и Асир (Ашер), далее от своей младшей любимой жены Рахили (Рахель — «Овца») — двух, Иосифа (Иосеф) и Вениамина (Бинъямин), от ее рабыни — двух, Дана и Неффалима (Нафтали). Многие из племен имели каждое свое символическое (первоначально тотемное?) животное или растение (Иуда — львенок, Иссахар — осел, Дан — змея, Неффалим — олень, Иосиф — зеленая ветвь, Вениамин — волк); при этом Иосиф оказался впоследствии предком-эпонимом не одного, а двух племен — Ефрема (Эфраим) и Манассии (Менашше), а Левий считался предком не племени, а особой касты левитов, монополизировавших богослужебные действия в культе бога племенного союза Яхве. Все эти сыновья будто бы родились у Иакова вне Палестины, по-видимому, в Месопотамии; путешествие Иакова и его сыновей в Палестину снова повторяет путешествие Авраама. Это тройное повторение мотива переселения племен ʻибри из Месопотамии в Палестину, каждый раз связанное с именем другого героя-патриарха, указывает на прочность и, может быть, на достоверность традиции о происхождении этих племен в относительно глубокой древности из-за Евфрата; разумеется, тройное повторение мотива в связи с разными героями говорит против подлинности самих героев.

Далее в Книге Бытия рассказывается о том, как сыновья Иакова из зависти продали своего брата Иосифа в рабство в Египет, где он достиг должности верховного сановника; ему же приписывается учреждение верховной собственности фараона на всю землю Египта. В неурожайный год Иаков и его сыновья, примирившиеся с Иосифом, переселяются в долину Нила и поселяются на ее рубежах.

Для историка из этих легенд вытекает лишь то, что они восходят к западносемитским племенам ʻибри (иври), которые ушли из Месопотамии в эпоху после падения Старовавилонского (аморейского) царства, продвинулись в промежутке между XVI и XIII вв. до н. э. в сторону Заиорданья и областей между Мертвым морем и Египтом и по временам проникали, может быть, также в Палестину, где происходит действие ряда легенд, связанных с Авраамом, Исааком, Иаковом и его сыновьями. Внимательное изучение родословий, приводимых в Книге Бытия, а также в I Книге Паралипоменон (Хроник), показывает, что имели место брачные и другие союзы между западносемитскими и южносемитскими (арабскими) племенами самого различного происхождения. Уже кениты, даже по библейскому преданию задолго предшествовавшие в Палестине потомкам Авраама (ʻибри), имели, как мы знаем, во многом общее родословие с пришельцами. В то же время Моаб и Аммон, племена-«потомки» Лота в Южном Заиорданье и поэтому тоже ʻибри, неотделимы от Лотана, к которому возводила свое происхождение одна из династий вождей, правивших в Эдоме, к югу от Мертвого моря, а ей приписывалось даже вообще не семитское, а хурритское (? — *хорй*) происхождение. Библейские источники специально отмечают брачный союз между вождем израильских племен Моисеем и мидианитами, арабским племенем северо-западной части Аравии. Родо-племенная группа Кеназ встречалась и на крайнем юге, в Эдоме, где считалась потомками Исава, а также и в области и в составе племени Иуда, где они оказываются как будто потомками Иакова

(обширная группа калебитов, по-видимому не разделявшая общеизраильской традиции о приходе из-за Иордана *). Хотя язык племен, вторгшихся в XIII в. до н. э. в Палестину, был далек от арамейских говоров, но и Арам числился среди их предков и т. д. Далее, вполне вероятно, что некоторые племена, впоследствии входившие в израильский племенной союз, на деле существовали уже до «перехода через реку», давшего имя «евреям» (ʻибри); так, племя Вениамин, считавшееся «самым младшим» в союзе, может быть, не только по имени идентично месопотамским биниямина времени царства Мари. О вездесущности племени Дедан-Дидану мы уже упоминали. Ясно, что передвижения племен ʻибри привели к большим племенным сдвигам и скрещениям.

Не совсем ясно, можно ли принимать всерьез легенды о пребывании Авраама, Исаака и Иакова, точнее, соответствующих южносутийских племен в Палестине до XIII в. до н. э. Прежние исследователи, отождествляя ʻибри с хапиру, отвечали на это положительно, однако сейчас установлено, что те и другие не имеют между собой ничего общего; хапиру не были кочевниками, чем, несомненно, являлись ʻибри, и их этнический состав был не только и не столько аморейско-сутийским, сколько ханаанейским, аккадским и, возможно, хурритским и т. п. Однако смутные указания на то, что не все племена, впоследствии отнесенные к израильскому племенному союзу, пришли из-за Иордана, сохранились в Библии. Таковы рассказ об уничтожении жителей ханаанейского города Сихема (Шекема) сыновьями Иакова — Симеоном и Левием — и известие о том, что женой патриарха Иуды была ханаанеянка, и о том, как сыновья Ефрема, т. е. внука Иосифа, сражались из-за скота с жителями города Гата в прибрежной Палестине, между тем как, по основному каноническому преданию, им всем полагалось бы в это время быть в Египте. Поэтому, хотя египетские и клинописные источники XV—XIV вв. до н. э. не дают о них ясных известий, все же вероятно, что отдельные аморейско-сутийские скотоводческие группы (а отчасти, как мы увидим, и оседлые) уже имелись в это время в Палестине и были ассимилированы пришельцами.

Согласно преданию, излагаемому в библейской Книге Исход и следующих, неимоверно разросшееся потомство Иакова и его двенадцати сыновей было в Египте привлечено к работам по строительству городов Питома и Раамсеса (Пер-Рамсеса), оба эти города исторические **. Строительство их относится ко времени правления фараона Рамсеса II (XIII в. до н. э.). По Библии, угнетаемым людям-ʻибри явился чудесный избавитель — левит Моисей (Моше), после целого ряда сказочных приключений выведший вместе со своим братом, жрецом Аароном, свой народ из египетского рабства на кочевья Синайского полуострова и к югу от Палестины. Здесь Моисей, лично сносившийся с племенным богом Яхве, дал евреям знаменитые «десять заповедей» ***, продиктованные богом и

---

* В канонической библейской традиции Калеб приходит вместе со всеми остальными племенами с востока через Иордан, но берет себе в долю землю, выбранную им на много лет раньше, когда он приходил в Палестину с юга,— очевидно, этнологическое объяснение традиции об отдельном приходе калебитов (и вообще кеназитов) с юга.

** Это др.-егип. Пи-Атама и столица Рамсеса II Пи-Риа-масэ-са-Мап-Амана.

*** Поскольку эти «десять заповедей» сыграли огромную идеологическую роль во всей последующей истории, целесообразно привести их здесь полностью: «Я — Яхве, твой бог, выведший тебя из земли египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов, кроме меня. Не сотвори себе кумира, ни всякого подобия (того, что) на небесах вверху и на земле внизу или в водах под землей; не поклоняйся им и не служи им, ибо я, Яхве, твой бог,— бог ревнивый, отмщающий вину отцов на потомках, до третьего и четвертого поколения ненавидящих меня, но милосердный к тысячам тех, кто любит меня и блюдет мои заветы. Не произноси имя Яхве, бога твоего, всуе (т. е. без надобности), ибо Яхве не сочтет безвинным того, кто произ-

записанные Моисеем на каменных скрижалях (таблицах или плитах) вместе с целым сложнейшим сборником религиозно-правовых и моральных установлений (их позднейшее происхождение ясно из того, что они отражают оседлую жизнь и классовое общество, а не кочевой быт в пустыне) *. За различные прегрешения, совершенные тем временем членами еврейских племен, и в действительности, как полагают современные археологи, ввиду трудности преодоления укрепленного южного края плоскогорья в Южной Палестине эти племена вынуждены были странствовать. (Кочевьем это нельзя назвать, так как передвижения происходили пешком и не предполагали регулярной смены пастбищ.) Так они совершили продолжительный кружный путь через Заиорданье (легенда называет 40 лет странствий). Путь был тем более сложным, что к югу и востоку от Мертвого моря к этому времени успели создаться полуоседлые царства, основанные ʻибритскими же, но не израильтянскими племенами. Эти царства: во-первых, Эдом, где библейская традиция перечисляет три династии племенных вождей-*аллу́фов* (на самом деле по большей части просто эпонимов родо-племенных групп, возводимых к Исаву) и список неродственных между собой (вероятно, выборных) царей, причем прямо указано, что эти цари правили «прежде, чем правил какой-либо царь над сынами Израиля»; названо десять имен, что, если они достоверны, заставляет отнести основание Эдомского царства к концу XIII в. до н. э.; во-вторых, Моав и Аммон, созданные «потомками Лота» **.

Никакие археологические находки пока не подтверждают ни рабства израильтян в Египте и их исхода из Египта (что, однако, было прямо-

носит имя его всуе. Помни день субботний, чтобы сохранять его святым; шесть дней ты должен работать и исполнять весь свой труд; но седьмой день — суббота Яхве, твоего бога: ты не должен (тогда) исполнять никакого труда, ни ты, ни твой сын, ни твоя дочь, ни твой раб, ни твоя рабыня, ни твой скот, ни пришелец внутри твоих ворот, ибо за шесть дней Яхве сотворил небо и землю, море и все, что в них, поэтому Яхве благословил день субботний и освятил его. Чти отца своего и мать свою, да долголетен ты будешь на земле, которую дает тебе Яхве, твой брат. Не убий, не прелюбодействуй, не укради, не свидетельствуй ложно на ближнего твоего, не пожелай дома ближнего твоего, не пожелай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыню его, ни вола его, ни осла его, ни чего бы то ни было ближнего твоего». Действительная дата этого поучения, вероятно, VIII в. до н. э. Хотя главное ударение делается на обрядово-культовые прегрешения, однако и чисто моральные нормы занимают здесь слишком большое место для II тысячелетия до н. э.; кроме того, текст предполагает постоянный оседлый быт. В греческом и последующих переводах, а также в традиционном чтении верующих евреев имя «Яхве» заменяется словом «Господь».

* Здесь библейское повествование сохранило традицию — несомненно, древнюю — о том, что Моисей был женат на мидианитянке (арабке). К совсем другой эпохе (эпохе «пророческого движения» с его стремлением противопоставить патриархальную древнюю простоту нравов племен, будто бы заключивших «договор» с богом Яхве, нравам иноплеменного населения, развращенного классовым неравенством и культом чужих богов) относится дидактическая история в Книге Чисел о наказании богом Яхве чумой 24 тыс. израильтян за то, что один из них спал с мидианитянкой, когда народ оплакивал отступничество тех, кто поклонялся вместо Яхве местному богу. Исторически поучительна приведенная там же другая история, также связанная с мидианитянами: после сражения с этим племенем израильтяне перебили мидианитянских воинов, но оставили в живых женщин и детей; однако Моисей, ссылаясь на приказ Яхве, велел убить также женщин и мальчиков и оставить в живых только девушек. Распоряжение это представляется нам диким не только по своей жестокости, но и по кажущейся бессмысленности. Суть его, однако, заключается в том, что взять у врага добычу ценой военной опасности и исполнить кровную месть считалось нравственно (ведь и враг поступил бы не иначе в случае своей победы), но наживаться на отказе от кровной мести и с бесчестьем для себя превращать самого врага из объекта мести в ценность, в товар казалось безнравственным. Эта повесть бросает свет на нравы древности, но сама по себе она исторически недостоверна.

** Отметим, что, в то время как моавитяне и аммонитяне имели своих особых племенных богов (Кемоша и Милькома), эдомитяне, по-видимому, чтили и Яхве — правда, наряду с другими богами, особенно с божеством по имени Кош, или Кос.

таки твердым убеждением и основой всей позднейшей израильтянской традиции), ни их странствия от границ Египта до Заиорданья; но их вторжение в Палестину с востока через Иордан, описанное в Библии, в Книге Иисуса Навина, уже может быть проверено археологическими и отчасти даже письменными источниками. Это вторжение относится к XIII в. до н. э.; согласно преданию, его возглавлял Иошуа бин-Нун (Иисус Навин русской Библии).

Очевидно, племенному вторжению должна была предшествовать консолидация племен и образование самого племенного союза, признавшего общее божество — Яхве и принявшего общее название — Израиль («Бог сражается»). Вполне вероятно, что районом консолидации был упоминаемый в библейской традиции скотоводческий оазис Кадеш-Барнеа, на севере Синайского полуострова, но состав первоначального союза племен вызывает большое сомнение *.

Библейская традиция утверждает, что вторжение было единовременным и в нем дружно участвовали все двенадцать племен, причем район будущего обитания каждого племени был заранее установлен по жребию отчасти еще Моисеем, отчасти же при Иисусе Навине. Действительная картина сильно отличалась от рисуемой в Библии; искажения в традиции произошли, как обычно, в основном за счет конденсирования однотипных событий вокруг определенных личностей и дат. Вторжение шло несколькими последовательными волнами.

Племена первой волны вторжения перешли через Иордан у Иерихона (Йерихо, ныне Эриха); этот старинный город, а за ним Бетел на юге центрального нагорья были разрушены до основания, и вторгшиеся продвинулись в центр нагорья до Сихема (Шекема). Образовавшаяся отдельная группа племен (Ефрем, Манассия и Вениамин) впоследствии возводила свою родословную к Иакову и Рахили. Некоторые исследователи склонны датировать это вторжение первой половиной XIII в. до н. э., т. е. едва ли не началом правления фараона Рамсеса II. Однако начальные годы его правления (до мира с хеттами около 1270 г.) хорошо отражены в египетских источниках, так что вряд ли ефраимитское вторжение прошло бы не замеченным; поэтому, если данные племена действительно

---

* В этой связи любопытно коснуться дальнейшей судьбы этнонимов «еврей» ('ибри) и «израильтянин». После прихода племен в Палестину в состав израильского племенного союза, самого по себе уже достаточно разнородного по происхождению, хотя целиком западносемитского по языку, влилось много местного семитского же населения, однако имевшего мало общего по происхождению с завоевателями. Из этой этнической массы, еще столетиями продолжавшей высчитывать свою генеалогию от двенадцати патриархов (генеалогию, конечно теперь уже весьма сомнительную), создалось население Израильского царства, а затем Израильского и Иудейского царств. Жители первого были в VIII в. до н. э. выселены ассирийцами и растворились в общей арамееязычной массе населения Ассирийской державы; имя «израильтяне» сохранили только жители второго царства — Иудеи, т. е. потомки племени Иуда, и отчасти племени Вениамин и жреческой группы левитов; но после выселения значительной их части в Вавилонию в VI в. до н. э. оставшаяся на месте часть (так называемые самаритяне) уже не вошла в состав «израильтян», или «иудеев», когда переселенцы были возвращены персами в Палестину. Потомки этих-то переселенцев, приверженцев сложившейся между VIII и V вв. до н. э. догматической религии иудаизма, были между III в. до н. э. и II в. н. э. в значительной своей части постепенно выселены в разные страны эллинистическими царями, но главным образом римскими властями. Только «иудеи» — потомки переселенцев в Вавилонию, по-видимому включив в свой состав в первые века нашей эры довольно заметное количество прозелитов иного этнического происхождения, сохранили и обозначение «евреи». Все остальные семитские племена и народы Передней Азии, в том числе и обозначавшиеся когда-то как 'ибри ввиду их происхождения от амореев-сутиев Месопотамии, переняли сначала арамейский язык (в первой половине I тысячелетия н. э.), а затем арабский (после VII в. н. э.), образовав неразделимую составную часть арабских народов.

пришли из-за Иордана, то их приход нельзя датировать ранее чем примерно 1250 г. до н. э.

Предполагается, что вслед за этим последовало второе вторжение с Синая через Заиорданье; если первая волна еще не натолкнулась там на сопротивление, то вторая группа племен вынуждена была сражаться с целым рядом противников. Согласно традиции, новые племена совершили прорыв через маленькое царство царя Сихона, между Моавом (район нынешнего Дибона в Иордании) и Аммоном (ныне Амман), и заняли всю страну Галаад (Гил'ад) — от Моава на юге до самых лавовых полей южнее Дамаска. По крайней мере одно из участвовавших в походе племен, Иуда, перешло через Иордан и, не дойдя до Сихема, повернуло на юг, а затем, разрушая по дороге города (Безек, Иерусалим), заняло все южнопалестинское нагорье вплоть до пустыни к юго-западу от Мертвого моря. Вероятно, помимо племени Иуда в этом походе участвовали племена Рувим и Симеон, впоследствии не сохранившиеся (Симеон влился в состав Иуды, а Рувим был уничтожен, по-видимому, моавитянами и аммонитянами). Возможно, в это же время племена Иссахар и Завулон заняли районы к западу от Иордана, точнее, к востоку и к северу от нагорья, занятого Ефремом и Манассией. Все эти племена возводили свое родословие к Иакову и Лии. Как эти завоевания, так и, пожалуй, еще более важное разрушение большого (площадью к этому времени в сотни гектаров) ханаанейского города Хацора у верховьев Иордана Книга Иисуса Навина приписывает именно этому племенному предводителю. Однако, согласно Книге Чисел (13) Иисус Навин был, собственно, вождем только ефраимитов, а племя Иуда возглавлял Калеб из родовой группы кеназитов, возможно проникшей в Палестину уже раньше, и притом с юга. Хацор, как мы увидим, был на самом деле, по-видимому, тоже разрушен при совсем других обстоятельствах. Из этих разногласий вытекает, что видеть в этих легендарных вождях исторических персонажей и пытаться восстановить ход военных действий при наличных источниках безнадежно; лишь само разрушение перечисленных ханаанейских городов достоверно; может быть, достоверна и часть собственных имен, но упоминаемые в связи с ними события необязательно совершались в точности так, как передавала традиция.

В отношении племен, которым приписывалось происхождение от наложниц Иакова (Асир у пределов Южной Финикии *, Неффалим на севере Палестины, Гад в Заиорданье, Дан сначала в юго-западной части Палестины, а потом на ее крайнем севере), не исключено, что они вообще не были исконными членами союза, а были «усыновлены» и «кооптированы» в него позже, уже в Палестине. В самом деле, какое-то, аморейское же по происхождению, оседлое население имелось на территории Палестины еще до израильского вторжения и частично противодействовало ему; так, в Библии амореями названы упоминавшийся выше царь Сихон, а также цари Иерусалима (где, вообще говоря, жило племя иевуситов), Хеврона, Лакиша, Яримута и Эглона (или Дебира?), якобы разбитые Иисусом Навином под Гаваоном (Гибе'оном).

Согласно Библии, по указанию бога Яхве задачей вторжения было полное искоренение местного, ханаанейского населения Палестины. Это, конечно, отражение яхвистского фанатизма эпохи «пророческого движения» IX—VIII вв. до н. э. (когда реальных ханаанеев, отдельных от слившихся с израильтянами, в стране почти уже не было). Но это не значит, что вторжение и в самом деле не сопровождалось кровавейшей резней. Несколько крупных ханаанейских городов было разрушено дотла, и взя-

* Любопытно, что среди родоначальников родов племени Асир упоминается лицо с египетским именем Хорнефер и почти нет лиц с типично яхвистскими израильскими именами.

тие городов сопровождалось насилиями, грабежами и общим разгромом. Археологические свидетельства тому многочисленны; так, вся территория огромного по тем временам Хацора была опустошена, и на руинах возникли лишь отдельные, более убогие одноэтажные домишки завоевателей; подверглись полному разрушению также Иерихон, 'Ай (современный ат-Телль), Дебир (по-видимому, Телль-Бейт-Мирсим) и др. Легкость завоевания ханаанейских городов-государств с их давними культурными и военными традициями объясняется, очевидно, полным их разорением и уменьшением численности самих ханаанеев в результате фараоновских погромов в течение XVI, XV, XIV и начала XIII в. до н. э. В то же время, как мы видели, наиболее важные города ханаанеев не были подчинены израильскими племенами. Часть из них, как, например, Гаваон (город ханаанейского племени хиввитов), вступили с завоевателями в союзные отношения, некоторые другие тоже откупились обязательством уплачивать дань или исполнять повинности на завоевателей, а некоторые, как, например, воздвигнутый на неприступной скале Иерусалим, город иевуситов, остались совершенно независимыми. Поэтому не надо себе представлять дело таким образом, что ханаанейское население было уничтожено и его сменило израильское население. Как свидетельствуют сами библейские данные, завоеватели не смогли завладеть большинством важных городов-государств: не только Иерусалим, но и Гезер, Дор, Бет-Шеан, Та'анах и др. остались независимыми. Племя Манассия фактически не захватило почти ни одного значительного оседлого населенного пункта, следствием чего, вероятно, и явилось выселение большей его части (полуплемени Махир) обратно в Заиорданье.

Таким образом, завоеватели освоили по преимуществу лишь ранее слабозаселенное нагорье; долины остались в значительной мере в руках ханаанеев. Мало того, ханаанейские города-государства, по-видимому, не без успеха переходили в контрнаступление *, так что лишенные первоначального импульса и начавшие разобщаться между собой израильские племена, теснимые к тому же новыми кочевниками из-за Иордана, оказались в довольно трудном положении. Именно к этому оборонительному периоду в истории вторгшихся племен (около 1150—1050 гг. до н. э.) мы склонны отнести окончательное сплочение племенного союза — сплочение, память о котором сохранялась прочно даже после того, как большинство, и притом самых коренных, племен союза с конца VIII в. до н. э. перестало существовать.

Хотя многие ханаанейские города-государства погибли, оставшиеся могли наносить неприятелю серьезные поражения, опираясь на свое колесничное войско. Израильтянам нечего было ему противопоставить, кроме численности своей пехоты, но для использования этого преимущества как раз и нужна была сплоченность; ее создавала общая для всех племен опасность враждебного окружения. Это сплочение племен пришло не сразу.

Библейская письменная традиция совершенно не упоминает о двух важнейших событиях, совпавших по времени с заселением частей Палестины израильтянами: о возобновившемся египетском наступлении на Палестину, вероятно, в поддержку ханаанейских городов-государств и о вторжении «народов моря» на ее побережье.

* К начальному периоду после вторжения Книга Судей относит завоевание Палестины каким-то Кушан-ришата́имом, царем «Арама в Месопотамии», возможно совершенно мифическом; оно якобы было отражено кеназитом Отниэлем, братом Калеба; затем описывается завоевание страны царем Моава, который будто бы был убит в своем лагере вениаминитом Аодом (Эхудом). Потом началось «притеснение» североизраильских племен Ябином, ханаанейским царем Хацора. Но и разрушение Хацора, о котором будет рассказано ниже, далеко не решило проблему «окружения» в Палестине.

92. Триумф ханаанейского царя, гравировка на пластине из слоновой кости, Мегиддо
93. Войско фараона Рамсеса III штурмует Туниб, рельеф из Мединет-Абу

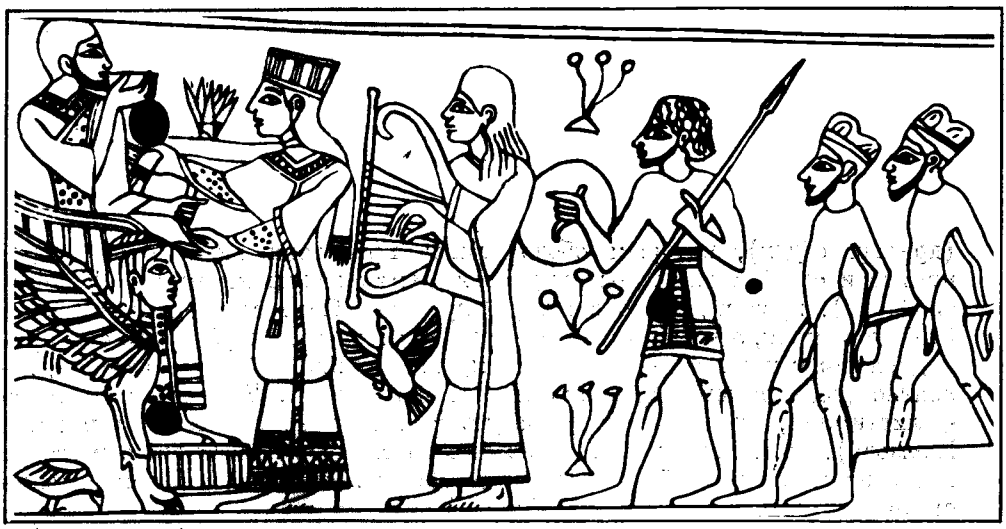
Египетский фараон Мернептах совершил поход на Палестину в последней четверти XIII в. до н. э., по-видимому, в связи с той борьбой, которую он вел с коалицией ливийцев и «народов моря». Главным объектом похода был, кажется, укрепленный город Газру (Гезер), однако нашествию подверглись и некоторые другие области Палестины. Надпись Мернептаха гласит: «Ханаан разорен всяческой бедой, Аскалон и Гезер захвачены, Иеноам * сровнен с землей, Израиль уничтожен, и семени его больше нет, Хурри (египетское обозначение Палестины-Сирии) стала вдовой из-за Египта». Это — первое в истории упоминание Израиля письменным источником, притом как определенной политической единицы; как видим, в глазах фараоновских властей он далеко не занимал тогда всей Палестины. И после Мернептаха, вплоть до Рамсеса VI (третья четверть XII в. до н. э.), имеются археологические свидетельства египетского влияния в Палестине, но время египетского владычества здесь миновало. Поход Рамсеса III, направленный на то, чтобы остановить нашествие «народов моря», видимо, затронул лишь палестинское побережье (около 1180—1175 гг. до н. э.).

Составители исторических книг Библии, хотя (подобно Гомеру в Греции) и обладали благодаря родовым генеалогиям некоторой концепцией прошлого собственного племенного союза, но не имели никакого представления об истории даже своих ближайших соседей. Поэтому они предполагали существование филистимлян и филистимлянских городов-государств на побережье Палестины ** еще во времена первых патриархов, не говоря уже об эпохе израильского нашествия. На самом деле филистимляне (и еще одно племя, обозначаемое египетским «консонантным» письмом как *чкр* ***) принимали участие в движении «народов моря», вызванном падением Трои и Хеттского царства, лишь в самом начале XII в. до н. э. Они были остановлены на подступах к Египту Рамсесом III и осели здесь, образовав союз захваченных ими городов-государств — Газы, Аскалона, Аккарона, Гата и Азота (Ашдода) — на плодородной прибрежной земле Палестины — Саронской низменности, на полосе длиной 60 км и шириной около 20 км. Этническая принадлежность филистимлян неясна; по головным уборам они напоминали ликийцев (лукка), жителей юго-западной части Малой Азии, язык их неизвестен, кроме слова **сарн*

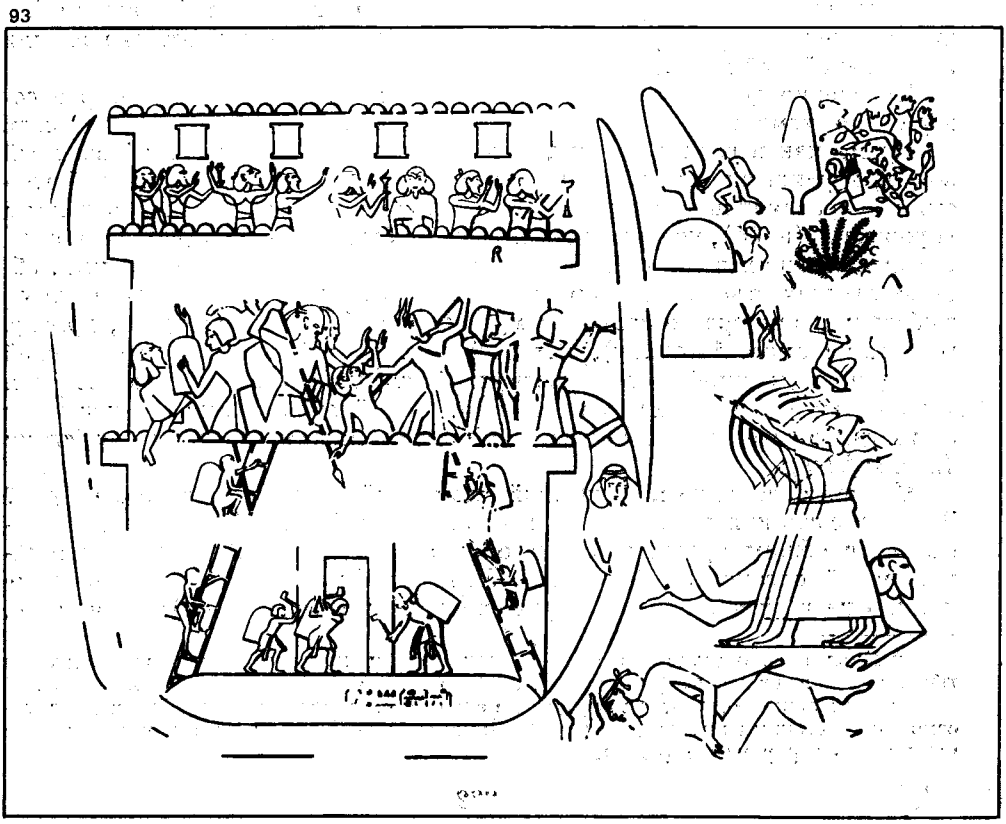
* У Генисаретского (Тивериадского) озера?
** Слово «Палестина» — греческая переделка семитского названия филистимлян — пелиштим, пелиштин.
*** Ч здесь соответствует семитскому с.

92

93

94. Филистимлянский керамический саркофаг

(др.-евр. *сéрен*), которым обозначались правители их городов*. Они принесли с собой так называемую позднемикенскую керамику (Микены С III 1b), происходящую с Кипра, куда она была занесена из региона Эгейского моря, а также технику обработки железа. Скорее всего они принадлежали к пеласгам — догреческому населению эгейского бассейна, вероятно родственному древнему населению Балкан. *Чкр* осели севернее филистимлян, около города Дора (южнее современной Хайфы и мыса Кармеля), но, по-видимому, очень быстро слились с местным семитским населением; последний раз они встречаются в отчете о морском путешествии египтянина Унамона (Ун-Аманы).

Считается (судя по упоминаемым в Библии именам собственным филистимлянских *сарни́м*), что и филистимляне вскоре полностью перешли на ханаанейский язык.

Появление филистимлян на побережье и израильтян на нагорье совершенно изменило социально-политическое лицо древней Палестины. Кроме как в военное время, когда выдвигался тот или иной военный вождь, израильские племена не имели никакой общей политической власти и управлялись старейшинами, прислушиваясь также к изречениям «пророков» (наби́), которые первоначально были чем-то вроде шаманов**. В складывавшихся же время от времени трудных, особенно военных, обстоятельствах отдельные племена или весь союз добровольно подчинялись выборному или просто самозваному вождю-избавителю («судье», др.-евр. *шофе́т*, из амор. **шапи́ту*), который считался обладающим магической силой, ниспосланной ему божеством. Институт «судей» был известен и ханаанеям: их африканские потомки, пунийцы-карфагеняне, называли своих должностных лиц, соответствовавших римским консулам, *шуфетами* (лат. *sufetes*).

Что же скрепляло израильский племенной союз и кто в него входил? Это был союз культовый, нечто вроде греческой «амфиктионии»; он объединялся общим культом союзного бога Яхве, поддерживавшимся межплеменной организацией левитов. Левитам были выделены населенные пункты на всех племенных территориях (по традиции — 48); кроме того,

* Иногда сопоставляется с греческим словом малоазийского происхождения *тю́раннос* — «властитель» (откуда рус. «тиран»). Сопоставление малоубедительное.

** Этих первоначальных пророков не следует смешивать с позднейшими религиозно-политическими проповедниками (начиная с IX—VIII вв. до н. э.), которые тоже назывались «пророками» (наби).

94

95. Филистимлянские ритуальные керамические изделия:
а) изображение божества;
б) подставка из Ашдода
96. Филистимлянская керамическая расписная посуда

было создано шесть священных городов-убежищ, где нечаянные убийцы могли скрываться от кровной мести. Поклоняться Яхве и другим богам можно было где угодно, преимущественно на холмах и высотах гор, но на земле этот бог «обитал» незримо в «ковчеге завета», хранившемся, как во времена кочевой жизни, в шатре, который ставился в различных безопасных местах союзной территории.

Уже в то время, по-видимому, избегали произносить имя божества «всуе»; в теофорных именах (типа «мой бог — Яхве») употребляли усеченную форму имени этого бога (Эли-Яху, Элия, но не *Эли-Яхве), а в быту его обозначали нарицательным существительным «бог» (Эль, Элоах или чаще во «множественном числе величества» — Элохим). Это очень облегчало отождествление Яхве с местными ханаанейскими богами, потому что и для них имя собственное чаще всего заменялось нарицательным — эль («бог»), ба'л («господин»); в частности, по-видимому, уже Иисус Навин отождествил Яхве с «богом завета» (Эль-берит, Ба'ал-берит) города Сихема. Ведь предполагалось, что и культ Яхве учрежден в израильском племенном союзе на основании «завета» (берит), т. е. договора между родоначальниками союза и Яхве, согласно которому первые (и их потомки) должны исполнять известные распоряжения божества (переданные, в частности, через Моисея, а впоследствии через богоизбранных «судей» и «пророков»), а второй должен даровать союзу землю Ханаана и грядущее благополучие.

Однако нет основания полагать, что тем самым в то время исключалось поклонение другим божествам. Первая из «десяти заповедей» Моисея — «Я — Яхве, твой бог, выведший тебя из земли египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов, кроме меня» — относится к более позднему времени так называемого «пророческого движения». К IX—VII вв. до н. э. пророки, успевшие превратиться в политических проповедников, стали видеть во временах первобытного состояния израильтян и их пребывания в пустыне некий «золотой век» справедливости, а язвы развивавшегося на их глазах классового общества ошибочно приписывали исключительно влиянию ханаанейского окружения, которое и в самом деле гораздо раньше израильтян достигло уровня классовой цивилизации; поэтому все божества, кроме Яхве, как, собственно, ханаанейские, так и аморейские, первоначально нередко совпадавшие с ханаанейскими по своим именам, стали казаться чужими *, и притом покровителями нена-

* Исключая тех, кто, подобно Ною или патриархам, был низведен до уровня героев.

95а

95б

96

97. Изделия из слоновой кости, Мегиддо:
а) грифон;
б) керуб;
в) обкладка шкатулки
98. Воины (реконструкция М. В. Горелика):
а) ханаанейские воины, роспись на керамике из Мегиддо;
б) ханаанейские воины, изображение на костяной пластинке из Мегиддо;
в) филистимлянский воин, рельеф из Мединет-Абу (см. ил. 87, 182)

вистного рабовладельческого общества, отождествлявшегося с влиянием иноверцев-ханаанеев.

Однако еще и в период начала «пророческого движения» концепция Яхве как единственного в мире монотеистического бога не создалась, она возникла позже, в эпоху, когда и на земле стали править цари «мировых» держав, охватывавших практически весь известный тогда мир; согласно же воззрениям первых представителей «пророческого движения», Яхве был лишь ревнивым богом и карал за поклонение другим божествам не столько потому, что отрицалось их существование, сколько за нарушение «завета» (договора) между ним и племенным союзом.

Внешним признаком участия в этом договоре стал считаться древний обычай обрезания крайней плоти младенцам мужского пола * — обычай, отчасти известный и некоторым другим народам древнего Ближнего Востока (например, арабам), но у ханаанеев вымерший. На самом деле обрезание, по-видимому, отдаленный пережиток испытания отроков различными физическими страданиями при обряде инициации, дававшем право на вступление в общину мужчин-воинов.

В ранний период истории израильского племенного союза в Палестине запрет на поклонение другим богам, помимо Яхве, не мог еще сложиться; несомненно, шел, напротив, процесс отождествления аморейских божеств, в том числе и Яхве, с местными, ханаанейскими. Характерно, что отождествлялись все эли с богом Яхве легко — не только Эль-берит, но и, например, иевуситский Эль-'Эльйон («всевышний бог») в Иерусалиме. Напротив, обозначение ба'л хотя и применялось к Яхве, но редко **, поэтому все ваалы стали наконец восприниматься как «чужие», ханаанейские божества, и отождествления Яхве с ними не происходило.

Конечно, некоторые культы ваалов и других ханаанейских божеств значительно отличались от соответствовавших нравам племен 'ибри, и такие культы впоследствии особенно энергично отвергались пророками. Однако терпимость, общая для всего древнего Востока по отношению к любым разнообразным общинным культам, пока еще сохранялась. Так, в раннеизраильских слоях часто находят терракотовые идольчики богини-матери (хотя теперь не нагой, а одетой и лишенной уже различных спе-

* Поэтому позже само обрезание стало называться «заветом» (берит, в позднем произношении брис).

** Оно встречается в теофорных именах собственных, хотя благочестивые позднейшие редакторы Библии старались всюду заменять слово «ба'ал» на «бошет» — «срам» или, напротив, на «эль» — «бог».

97а

97б

97в

98а

98б

98в

цифических «божественных» атрибутов, которыми изображения такой богини снабжались у ханаанеев); символы домашних хранителей-предков — терафим, часто упоминаемые в Библии, тоже, несомненно, были идольчиками. Будущей заповеди «не сотвори себе кумира, ни всякого подобия», несомненно, противоречило и частое изображение духов-хранителей — керубов (херувимов), представляемых тогда в виде человекоголовых крылатых быков и иных существ. Народные культы других божеств (необязательно ханаанейских) уживались с культом Яхве, по некоторым данным, вплоть до V в. до н. э.

Состав израильского племенного союза вначале еще не был постоянным; он реально функционировал вообще только в условиях военных действий, да и то к сражающимся примыкали то одни, то другие племена. Об этом свидетельствует древнейший памятник, сохранившийся в Библии как часть Книги Судей,— так называемая Песнь Деборы, отрывок из дружинного эпоса, сочинение которого, по всей вероятности, ненамного отстояло от времени событий *. Речь идет, по-видимому, о войне, приведшей к разрушению крупнейшего ханаанейского города Хацора. В Книге Иисуса Навина (написанной не ранее IX—VIII вв. до н. э.) эта победа племенного союза приписана Иошуе; но, по археологическим данным, двух разрушений Хацора не было, и сведения Песни Деборы кажутся более достоверными. Форма эпического стиха сейчас несколько искажена позднейшей огласовкой по нормам языка I тысячелетия до н. э., но если подставить легко реконструируемое ханаанейское или аморейское произношение II тысячелетия до н. э., то окажется, что стих древнепалестинского эпоса в точности совпадает с северосемитским стихосложением вообще, в том числе с аккадским. Отрывок начинается с описания бедственного положения, создавшегося на всей земле племенного союза, очевидно, в результате ханаанейского контрнаступления:

В дни Шамгара, сына 'Анат **, в дни Иаили пути были пусты,
А идущие тропою проходили окольными путями,
Пусты были села в Израиле, пусты,
Пока не восстала я, Дебора, не восстала матерью народа.
Они выбрали других богов — вот и война в воротах,—
Виден ли щит иль копье средь сорока израильских тысяч *?**
. . . . . .
Проснись, проснись, Дебора́, пробудись, пробудись, слагай песню,
Встань, Барак, полони полон, сын Абино'ама!

Далее перечисляются племена, участвующие или не участвующие в походе: «корень» Ефрема занят борьбой с кочевым племенем амалекитов, но остальные ефраимиты прибыли вместе с соседним племенем Вениамином; начальники и писцы прибыли из Махира и Зевулона; основную ударную силу, видимо, составляло племя Иссахар во главе с Деборой **** и Бараком, а также Завул и Неффал. Песнь упрекает племя Рувим за колебание и племя Гил'ад (здесь = племя Гад?) и приморские племена Асира и Дана за отказ участвовать в походе. Ни Иуда, ни Симеон, ни тем менее Левий даже не упоминаются как члены племенного союза, и то же ка-

* Дата его определяется тем, что в нем обойден молчанием разрушенный незадолго перед тем Мегиддо, но упоминается выросший за счет его упадка соседний Та'анах; следовательно, Песнь Деборы относится ко второй половине XII в. до н. э., наиболее вероятная дата — около 1125 г. до н. э.

** Анат — богиня.

*** Позднейшим 1,5 млн. израильтян Книги Чисел в этом древнем памятнике соответствует более реалистическая цифра, но и то, вероятно, преувеличенная,— 40 тыс. «Тысяча» могла означать и воинскую часть.

**** Однако тут же, в прозаической части Книги Судей, рассказывается, что Дебора была пророчицей, жившей недалеко от Бетела, на юге племенной территории Ефрема (видимо, на пограничной территории между Ефремом и Иссахаром).

сается той части племени Манассия, которая осталась по западную сторону Иордана. Зато важную роль в походе сыграли кениты.

Главными врагами союза были Явин, царь Хацора, и его военачальник с несемитским именем Сисара. Войска его были разбиты под Та'анахом, в Ездраелонской долине, а Сисара бежал в шатры союзных с Хацором кенитов и там погиб, после чего, очевидно, произошла битва у озера Мером (ныне Хула), и Хацор был разрушен *. Эпический отрывок Песни Деборы сообщает о гибели Сисары так:

Благословенна ты будь, Иаиль, жена Хебера-кенита,
Среди женщин в шатрах ты будь благословенна!
Воды он попросил — молока предложила,
Сливки подала ему в чаше для могучих.
Руку же свою к колку ** протянула,
К молотку работников — десницу
И ударила Сисару, ему голову разбила
И виски ему пробила и пронзила.
У ее ног он согнулся, упал, разлегся,
У ее ног согнулся, разлегся,
Где согнулся, там лежал, погублен.
За окном *** глядит и кличет мать Сисары, за решеткой:
«Что же медлит прибыть его упряжка,
Что же медлят колесниц его колеса?»
Мудрые знатные жены ей отвечают,
И сама она себе возражает такою речью:
«Может быть, преуспели они, полон они делят,
Каждому воину — по девке, по две девки ****,
Пестротканую добычу Сисаре, пестротканую добычу,
Цветную ткань или две на шеях полонянок?»

Этот отрывок ярко рисует нравы войн того времени: жестокость и коварство, разорение сел и городов, насилие над женщинами и угон их в рабство.

Однако он показывает также, что в жизни племенного союза между концом XIII и концом XII в. до н. э. произошла коренная перемена: из скотоводческого населения, живущего в шатрах, эти племена превратились в оседлых жителей сел и городов, хотя еще по-прежнему сохранявших родо-племенной строй и добровольный характер объединения. Такое превращение могло наступить вследствие происшедших изменений в технике, и прежде всего благодаря распространению дешевых железных орудий. На нагорьях, где ранее искусственное орошение было невозможно, а дождевое — недостаточно, кроме как в отдельных долинах, теперь стали вытесывать из камня цистерны для собирания дождевой воды с использованием ее на полях по мере надобности. Такой переход к оседлой жизни за сравнительно короткий срок оказался возможен отчасти потому, что аморейско-сутийские подвижные скотоводы вообще не были кочевниками в настоящем смысле слова, а старались совмещать скотоводство с подсобным земледелием ***** (хотя, переходя через пустыню, они периодически и должны были питаться одним бараньим и козьим мясом и даже мукой из манны-леканоры), но главным образом освоение земледельческой культуры стало возможным в результате слияния с местным населением, обладавшим давней сельскохозяйственной традицией.

К концу XII в. до н. э. относится, очевидно, окончательное образование израильского племенного союза в его новом составе, как он сложился в

---

* В Книге Иисуса Навина победа у озера Мером приписана Иисусу Навину.

** Имеется в виду колок для укрепления палатки.

*** Халлон, аккад. хиллани — собственно, широкое окно или закрытая решеткой терраса над входным портиком на столбах в жилье второго этажа (внизу были кладовые и помещения для рабов).

**** В подлиннике более грубое выражение.

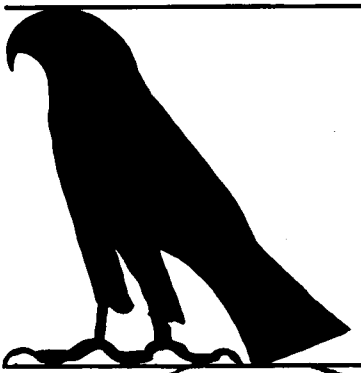
***** Заметим, что праотец Адам, по Библии, не скотовод, а земледелец.

самой Палестине и увековечен в древней песне Благословение Иакова (в конце Книги Бытия). После первого столетия столкновений с ханаанейскими городами-государствами и битв, несомненно, наступил период мирного сосуществования и постепенного поглощения ханаанеев израильтянами; даже язык израильтян начала I тысячелетия до н. э.— язык Библии — сама Библия называет «ханаанейским». И в самом деле, наряду с аморейскими «акающими» формами слов (например, *ганнáб* — «вор», *мигдáл* — «башня») в нем даже больше ханаанейских «окающих» форм (например, *гиббор* — «витязь», *мигдóл* — «башня» как название населенного пункта). Новое обострение антиханаанейских настроений нужно отнести уже к началу «пророческого движения» (IX—VIII вв. до н. э.).

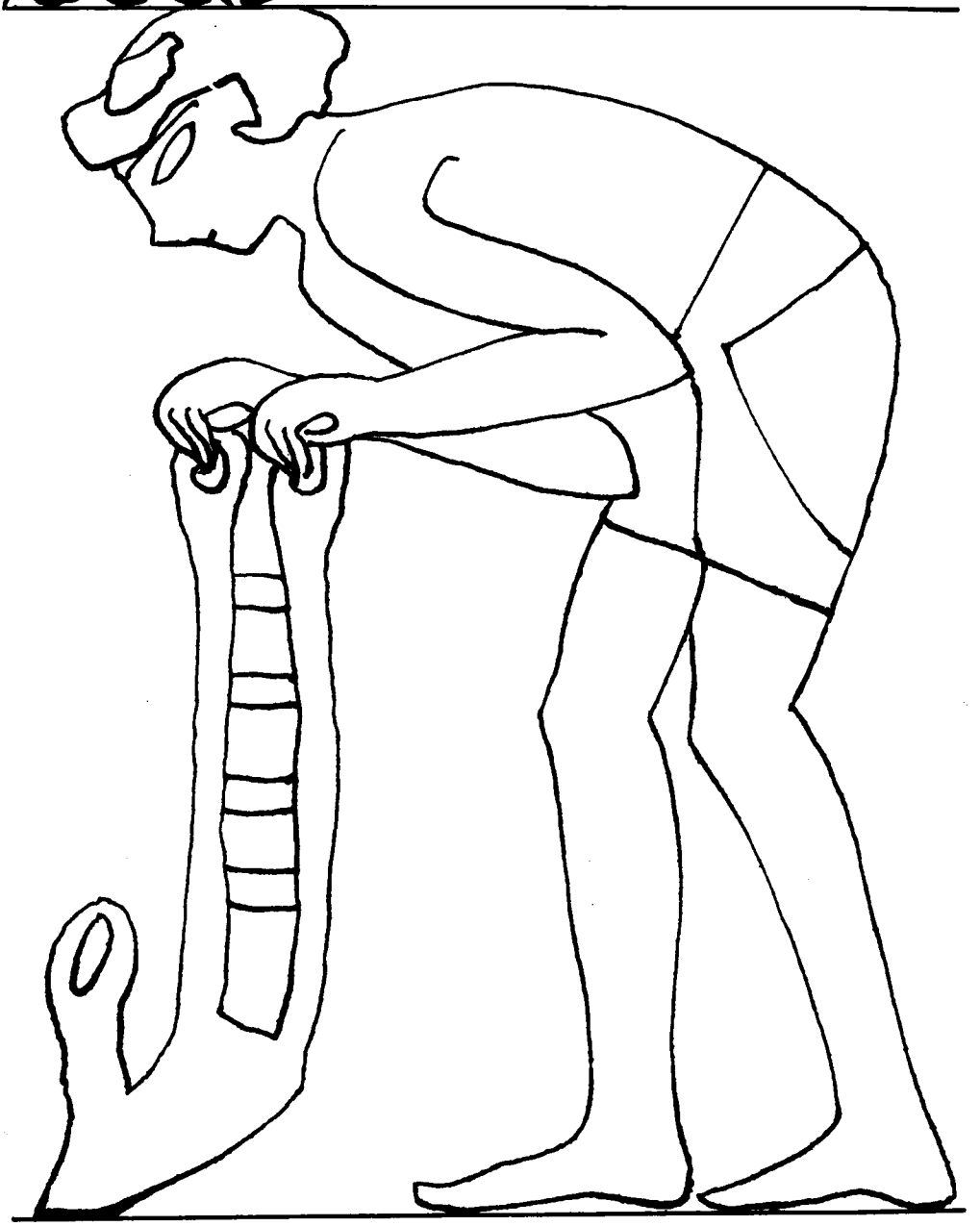
История Палестины между 1200 и 1000 гг. до н. э. известна нам плохо. Если факт вторжения израильтян и покорения ими части страны, о чем говорит Книга Иисуса Навина, может быть подтвержден археологически — следами разрушения городов и сменой ханаанейской материальной культуры на более убогую, то сведения следующей исторической книги Библии, Книги Судей, археологически не могут быть проверены; из Египта никаких известий о Палестине этого времени тоже нет. Между тем Книга Судей содержит сказочный материал.

По-видимому, одним из важнейших политических факторов было давление на Палестину, и особенно на Заиорданье, новых кочевых племен, именно кочевых, потому что ими уже был одомашнен и введен в широкое употребление верблюд дромадер; это были преимущественно амалекитяне и мидианитяне, вероятно, по языку скорее арабы, чем арамеи; связь с оазисами и степями Аравии могла теперь быть восстановлена. В борьбе с мидианитянами сложилось первое, еще рыхлое и основанное на избрании правителя народом израильское предгосударство, возглавлявшееся Иерубба'алом, по прозвищу Гиде'он — «Обрубленный» (?), а затем сыном его Абимелехом, вскоре погибшим в междоусобной борьбе. Упоминаемые вслед за тем «судьи» из разных племен либо вообще не связываются повествованием Библии с какими-нибудь сохранившимися в памяти событиями, либо являются совершенно сказочными персонажами, как Иевфай (Йифтах), принесший клятву пожертвовать богу в благодарность за победу первое, что выйдет ему из дома навстречу, и вынужденный принести в жертву собственную дочь, или как Самсон (Шимшон), побивавший филистимлянское войско ослиной челюстью, но потерявший силу, потому что Далила отрезала у него семь магических волосков, и уже ослепленный врагами, истребивший жителей Газы, нажимом могучих плеч он повалил колонны, державшие кровлю храма.

Другим, еще более важным политическим фактором сплочения пришлых племен был периодический сбор дани с израильтян филистимлянским союзом городов, обладавших сильным колесничным войском и железным оружием (по преданию, они запретили израильтянам изготовлять железные изделия). Влияние филистимлян по всей Палестине и даже в Заиорданье засвидетельствовано археологически. Наконец, третьим важным фактором были начавшиеся междоусобия отдельных групп израильских племен, о чем упоминает Книга Судей. В то же время условия оседлой жизни в окружении классового общества, имевшего уже тысячелетнюю историю, а также наплыв рабов в результате войн израильского племенного союза вызвали развитие имущественного и социального неравенства внутри самого израильского общества. Это с неизбежностью должно было вызвать необходимость создания государственной администрации, которая была бы способна силой поддерживать интересы господствующего класса собственников и рабовладельцев. С создания такого государства в Палестине начинается совершенно новый этап ее истории, и он уже не относится к эпохе ранней древности, которой посвящена эта книга.

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

Переходя к истории древнего Египта, редакция считает долгом обратить внимание читателей на то, что в любой египтологической работе, а особенно в работе, предназначенной для широкого читателя, большую сложность вызывает передача имен собственных.

Многие из древнеегипетских имен собственных (подобно шумерским, аккадским и др.) представляли собой целое предложение из значимых слов, часто в сочетании с именем того или иного божества. Древние египетские записи слов могут содержать, как правило, следующие варианты написания: 1) звуковые (ребусные) знаки, которые могут передавать один, два и более согласных; 2) изобразительные знаки, т. е. передающие слово путем изображения самого предмета, выражаемого этим словом или же какого-то предмета, ассоциирующегося с нужным словом; 3) изобразительные и звуковые знаки, причем со временем у египтян выработалось обыкновение помещать в конце написания знак, обозначающий род понятий или предметов, к которому относится данное слово. Но гласные в слове в египетском письме (в классическом его виде) не передавались ни одной разновидностью звуковых знаков.

Чтение древнеегипетских слов, а стало быть, и имен собственных еще более усложняется тем, что знаки — и звуковые и изобразительные — часто могли передавать не одно какое-либо сочетание звуков (или одно какое-либо слово), а несколько разных возможных чтений; произношение египетских согласных с течением столетий менялось; некоторые согласные, особенно в Раннем и Старом царствах, вообще не выписывались, а знаки иногда переставлялись — либо «для красоты», либо потому, что знак, связанный с каким-либо божеством, «почета ради» передвигался вперед.

Не зная древнеегипетских гласных и не всегда ясно понимая порядок чтения согласных, египтологи XIX в. были вынуждены передавать древнеегипетские имена собственные условно. В более старой форме эта условная транскрипция заключалась в том, что между согласными для удобопроизносимости время от времени вставлялся гласный «е» («экающая транскрипция»), однако согласные ᶜ, 3 и иногда 1 заменялись гласными «а», согласный j (и 1) — гласным «и», а согласный w — обычно гласным «у» (например, 1mn.ḥtp, ḫwfw, ḫᶜ·f·rᶜ — Аменхентеп, Хуфу, Хафра и т. п.). Эта, казалось бы, простая система выдерживалась, однако, непоследовательно: в отдельных случаях подставлялись случайно сохранившиеся древнееврейские, коптские (египетские христианского периода) или гре-

ческие формы тех или иных имен собственных, особенно взятые у грекоязычных историков Геродота и Манефона, например: Аменофис, Хеопс (или Суфис), Хефрен. Следует при этом учитывать, что такие единичные формы сохранились от совершенно различных эпох, египетский же язык от столетия к столетию изменялся, греки и другие соседи египтян часто передавали египетские имена неточно, а переписчики древних греческих рукописей, не понимая этих имен, со временем вносили в них многочисленные искажения; особенно пострадали имена, записанные Манефоном.

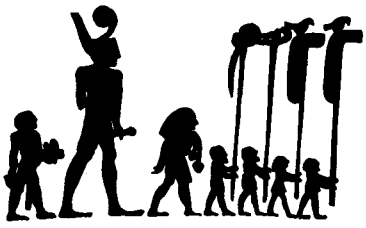
Иногда же египтологи вместо обычного «е» произвольно вставляли в ту или иную часть условной реконструкции древнеегипетского имени какой-нибудь другой гласный, взятый из греческой передачи или из коптского, или делали преждевременные для того уровня развития египтологии попытки реконструировать древнее звучание имени. Появились такие написания, как «Амонхотеп» вместо условного «Аменхетеп» или подлинного «Аман-хатпи» (во II тысячелетии до н. э.) или же «Амен-хотп» (в начале нашей эры); «Тутмос» вместо условного «Джехутимес» или подлинного «Дхутмаси» (во II тысячелетии до н. э.) или же «Тхут-мосе» (в начале нашей эры) и т. п.

В результате в транскрипции древнеегипетских имен собственных создалась полнейшая неразбериха.

Между тем развитие египетской филологии позволило во многих случаях более точно реконструировать огласовки древнеегипетских собственных имен, хотя еще и не во всех случаях. Изучение истории египетского языка сделало возможным либо подставлять в соответствующие слова их огласовку в том виде, как она сложилась к коптскому времени в начале нашей эры (вспомним, что древнеегипетские имена собственные в значительной мере состояли из значащих слов), либо, пользуясь сохранившимися греческими и особенно аккадскими, хеттскими и хурритскими транскрипциями отдельных египетских слов и словообразовательных типов, восстанавливать огласовку времени Нового царства, т. е. середины — второй половины II тысячелетия до н. э.

Автор глав по Египту в настоящем томе Ю. Я. Перепелкин считает, что традиционная, «экающая» транскрипция, заведомо не соответствующая никакому когда-либо существовавшему действительному произношению, изжила себя. Она почти никогда строго не выдерживается и к настоящему времени в египтологической литературе фактически лишена всякого единообразия («Амонхотеп», «Аменхетеп», «Аменхотеп», «Аменхотпе», «Аменофис», «Венамон», «Уну-Амон», «Унамун» и многие другие).

Тем не менее редакция настоящего издания сочла целесообразным придерживаться традиционной, «экающей» для советской египтологической науки передачи египетских имен собственных и географических названий. Предложенная для первого тома автором, выдающимся советским ученым Ю. Я. Перепелкиным, передача египетских имен собственных и географических названий в огласовке на новоегипетский лад в наиболее древней (середина II тысячелетия до н. э.) из пока надежно реконструируемых форм дается в скобках при первом упоминании и в указателях. К сожалению, действительное произношение имен собственных в предшествующие полтора тысячелетия пока не может быть сколько-нибудь надежно восстановлено. Автор использует реконструкции более позднего египетского произношения, основанные преимущественно на поздних аккадских и на греческих передачах соответствующих египетских имен собственных.

РАННЕЕ ЦАРСТВО
(несколько столетий около 3000 г. до н. э.; I и II династии)

Полторы тысячи лет назад перестала существовать древнеегипетская письменность, оборвалось древнеегипетское письменное предание. Из числа дошедших до нас письменных источников последняя по времени иероглифическая надпись принадлежит к IV в. н. э., последняя скорописная (демотическая) запись — к концу V в. н. э. С тех пор никто уже не умел ни читать, ни писать по-древнеегипетски. Все виды древнеегипетского письма — иероглифический из множества изображений, иератический из сокращенных их начертаний, демотический из еще более упрощенных, а то и слитных знаков — все одинаково вышли из употребления. В течение долгих веков о древнем Египте узнавали лишь из иноязычных источников. Но и после того как Жан Франсуа Шампольон с помощью двуязычных греко-египетских надписей нашел в 1822 г. ключ к разгадке древнеегипетских письмен, иноязычные источники не потеряли значения. В частности, преимущественно из них наука почерпнула в прошлом столетии свои сведения о начале фараоновского царства. Вновь открытые египетские источники мало чем помогали, потому что представляли собой лишь полуразрушенные перечни царствований (Туринский папирус), списки царских имен да разрозненные и бессодержательные упоминания нескольких ранних царей в тех или иных памятниках письменности. К тому же все это были источники, не современные той далекой поре, а единственно существенные среди них — царские списки — отстояли от нее на много, много столетий.

Конечно, еще более поздние рассказы греко-римских писателей были далеко не надежны. Некоторое исключение составляли лишь перечни царствований, заимствованные у египетского жреца Манефона (Манетона), который в правление Птолемея II Филадельфа (283—246 гг. до н. э.) изложил по-гречески историю Египта уже для македонян и греков. К несчастью для науки, выдержки из Манефона у писателей поздней древности и раннего средневековья сохранились не в безупречном виде и не всегда согласовались между собой.

В одном известия египетские и иноязычные сходились: первым царем Египта был Мина. Египетские источники о нем ничего больше не сообщали, греко-римские были словоохотливее, но не единодушны. По Геро-

доту, Мина основал Мемфис (Минфи), обезопасив его от наводнений плотиной; по Диодору, это сделал какой-то Ухоревс. Геродот сообщал, что Мина воздвиг в Мемфисе храм местному богу; по Диодору, богопочитание и богослужение у египтян тоже началось при Мине, но сооружение дворца в Мемфисе он приписывал тому же Ухоревсу. Согласно Плинию, Мина создал письмена, а Диодору и Плутарху — учил благоустроенной жизни и роскоши. По манефоновским спискам основатель I династии славно воевал за пределами страны, но погиб от бегемота. По Диодору, Мину, преследуемого псами, спас крокодил, перевезя через Меридово озеро (в нынешнем Эль-Файюме). В благодарность за то царь-де основал там город и указал местным жителям чтить крокодилов. Путая I династию с XII, Диодор добавлял, что Мина построил в той местности как свою пирамиду, так и знаменитый Лабиринт.

Царские списки Манефона сообщали кое-что и о преемниках Мины. Первый-де из них, его сын Атотис, воздвиг в Мемфисе дворец, упражнялся во врачебном искусстве и даже написал книги по анатомии. При четвертом царе Уенефесе страну постиг голод и якобы воздвигались пирамиды (!). При седьмом царе Семемпсесе появились многие знамения и была великая «погибель». При первом представителе II династии Боэтосе разверзлась земля в Бубастисе, так что многие погибли. При следующем царе, Кеехосе, быки Апис в Мемфисе и Мневис в Гелиуполе, равно как и мендесский козел, были провозглашены божествами. Третий царь II династии Бинофрис распространил на женщин право на царский сан. О седьмом представителе той же династии Неферхересе сообщалось — правда, как нечто баснословное,— что Нил при нем тек 11 дней с примесью меда. Восьмой же царь Сесохрис, оказывается, был ростом в 5 локтей и 3 ладони (свыше 2,5 м).

Сказочная форма некоторых манефоновских известий заставляет относиться с осторожностью и к остальным, хотя среди них имелись и оказавшиеся впоследствии в высшей степени ценными указания на происхождение Мины, а также II династии из Тинской области (VIII ном Верхнего Египта).

Как могла наука с подобными недостаточными данными, в большинстве своем более чем сомнительными, воссоздать ход событий и состояние страны при древнейших царях, когда даже сами они, за исключением разве что Мины, оставались для нее одними именами?

Лишь в конце XIX в. (в 1896 г.) французский ученый Е. Амелино откопал в Среднем Египте, неподалеку от древнего города Абидоса (Абады), гробницы царей двух первых династий. Имена царей на открытых памятниках не походили на те, что значились в манефоновских и египетских списках, а по внешнему виду найденные предметы отличались от хорошо известных традиционных памятников фараоновского Египта более позднего времени. Но годом позже (в 1897 г.) немецкому ученому К. Зете удалось отождествить некоторые царские имена, сохранившиеся на откопанных памятниках, с именами царей манефоновских и египетских списков. Абидосское кладбище оказалось местом погребения царей I династии, ее памятники наконец появились на свет...

Тогда же Ж. де Морган откопал в местности южнее Абидоса, в современной Накаде, большую гробницу, а в ней нашли дощечку из слоновой кости с именем Мины.

Английский ученый В. М. Флиндерс Питри на кладбище в Абидосе открыл новые царские гробницы. В то же самое время, на рубеже прошлого и нынешнего столетий, другой англичанин, Дж. Э. Куибелл, откопал в древней священной столице Верхнего Египта Гиераконполе ряд примечательных памятников, посвященных в тамошний храм древнейшими царями Египта. Со временем памятники той поры были обнаружены во

многих других местах страны. В частности, вплоть до нашего времени внушительные кирпичные гробницы находят вблизи Мемфиса, и многие считают, что среди них имеются царские.

Почти одновременно с первыми памятниками Раннего царства наука получила в свое распоряжение обломок подлинной египетской летописи, притом очень древней — времени Старого царства, непосредственно следующего за Ранним. Этот важнейший источник, названный по месту хранения Палермским камнем, был издан в 1893 г. швейцарцем Э. Навилем и впоследствии несколько восполнен сходными по содержанию небольшими обломками, хранящимися в Каирском музее. Палермский камень вместе с этими обломками представляет собой часть длиннейшего списка обозначений отдельных лет царствований по важнейшим событиям с дополнительными сведениями, начиная с I династии и кончая V династией. И когда он был записан, списку предпослали перечень имен еще более древних царей.

Обогащенная огромным количеством разнообразных письменных источников и материальных памятников, наука XX в. была поставлена перед задачей разобраться в них и с их помощью воссоздать ход событий и состояние страны при I и II династиях. Задача оказалась нелегкой, и нельзя сказать, что ее удалось решить вполне успешно. С материальными памятниками дело обстояло более или менее удовлетворительно. По ним можно было установить уровень развития производительных сил, особенности изобразительного искусства и отчасти зодчества, а также многие стороны тогдашнего быта. Но стоило обратиться к письменным источникам, как начинались трудности. И не потому, что письменных источников было мало. Нет, их было порядочно, но они были очень краткие и часто маловразумительные из-за непривычной древности начертаний, правописания и словаря. Подавляющее большинство письменных памятников представляло собой откатки печатей, так называемых цилиндров, на глинистом иле, которым залепляли горлышки у сосудов с припасами. Самих печатей сохранилось много меньше. В значительном количестве дошли ярлыки из дерева и слоновой кости, прикреплявшиеся к тем или иным припасам, а также надписи на посуде. Надписей на зданиях и изваяниях дошло немного. Больше сохранилось приписок к изображениям и именных надгробий. Разумеется, при таком составе и при таких качествах вклад письменных источников в дело изучения Раннего царства, сколь бы важен он ни был, оставался все же ограниченным. Надо добавить, что и на Палермском камне разделы, посвященные двум первым династиям, читались далеко не всегда легко и надежно из-за краткости написаний.

Показательно, что даже сами имена и последовательность властителей — с них началось изучение Раннего царства — не могли быть полностью установлены. Отчасти это объясняется тем, что на памятниках ранних царей значатся чаще всего их имена Хора как явлений или зримых разновидностей царского бога Хора (Гора): Хор Боец, Хор Змей, Хор Высокий Рукою и т. п., личные же имена далеко не повсюду выписаны. Поэтому привести в соответствие показания современных ранним царям памятников и позднейших царских списков, упоминающих личные имена, не всегда удавалось.

И как раз то, что до открытия памятников древнейших царей казалось наиболее надежным, наиболее бесспорным,— предание о Мине, о первом царе Египта, оказалось всего труднее согласовать с вновь обнаруженными памятниками.

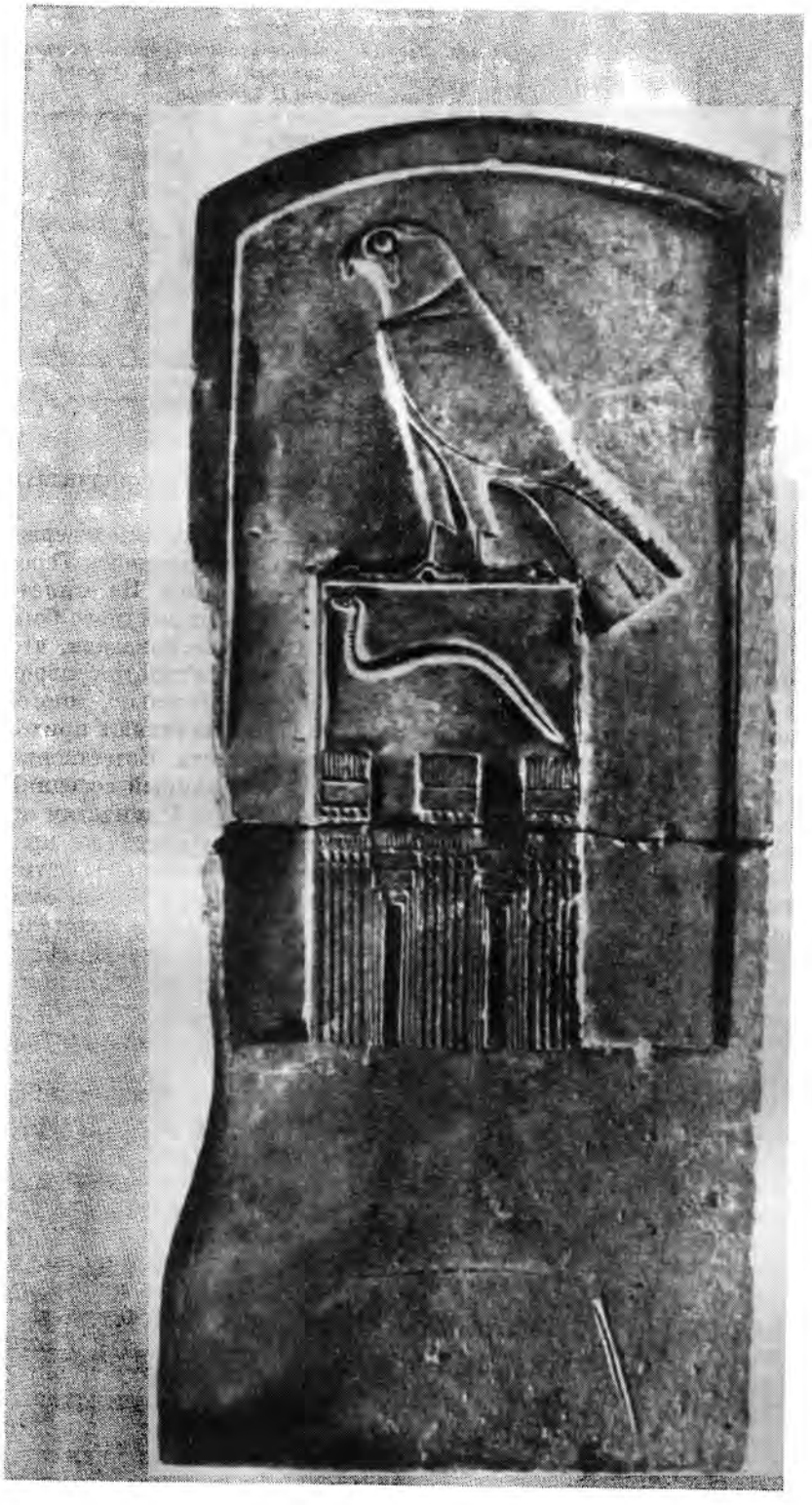
Первый царь... Но кто же из поименованных на них властителей был первым царем? Сначала все выглядело просто. На костяной дощечке-ярлыке, найденной Ж. де Морганом в нынешней Накаде, в одной и той же строке читались имя царя как Хора — Хор Боец и его же (как оказалось,

99. Надгробная стела с именем фараона Хора Змеи, I династия

личное) имя «Мина» вместе с обозначением государственных богинь египетских юга и севера — «обе владычицы». Но очень скоро стали предлагать и иные толкования знака, который сперва так уверенно прочли как имя «Мина». Дошло до того, что даже сам знак, принимавшийся всеми за изображение игральной доски и обозначение для сочетания согласных *мн* (древнеегипетское письмо в его классическом виде не обозначало гласных), попытались разложить на два сдвинутых вместе изображения престолов. Правда, подобное толкование не встретило поддержки, и, действительно, как мы увидим, оно невозможно.

Но даже признавая, что знак изображает игральную доску, обозначает согласные *мн* и передает имя «Мина», кое-кто из ученых видел в нем личное имя не Хора Бойца, а его предшественника. Поскольку слова «обе владычицы Мина» вписаны в знак шатра, речь-де идет об устройстве Хором Бойцом погребальной часовни-кущи над прахом своего предшественника Мины. Таковым же был якобы царь, чье имя как Хора обыкновенно читают «Нармер». В этом «Нармере» уже и раньше многие ученые хотели видеть Мину. На сланцевой плите, посвященной «Нармером» в храм верхнеегипетского города Гиераконполя, победитель представлен в верхнеегипетском венце, поражающий Низовье, т. е. Нижний Египет, а на обратной стороне — в нижнеегипетском венце, обозревающий трупы обезглавленных противников. Египтологи издавна считали первого царя преданий Мину объединителем Египта, и «Нармер», каким он представлен на плите, вполне мог сойти за такового. Впрочем, кое-кому из ученых даже казалось и кажется, что никакого царя Мины вообще и не существовало... И все же, как ни запутан вопрос, в нем как будто бы можно разобраться.

На ярлыке из Накады за выражением «обе владычицы» стоит, несомненно, знак игральной доски *мн*. Если бы данное начертание изображало не ее, а два сдвинутых вместе престола, то на предполагаемых сиденьях было бы видно по высокому «бугру», а спинки походили бы на перевязанные «мешки»! Напротив, если изображена игральная доска, то «бугры» и «мешки» просто-напросто пешки двух видов, стоящие, на наш взгляд, над доской, а на египетский — на доске. Нечего и говорить, насколько неуместна была бы и необходимая на игральной доске сетка на боках престолов. Слово, написанное под выражением «обе владычицы», входившим в состав государственной титулатуры египетских царей, скорее всего царское имя, так как на прочих памятниках I династии за этим выражением обыкновенно следует личное имя царя. Иными словами, естественно читать знак *мн* как имя «Мина». К сожалению, данный ярлык — единст-

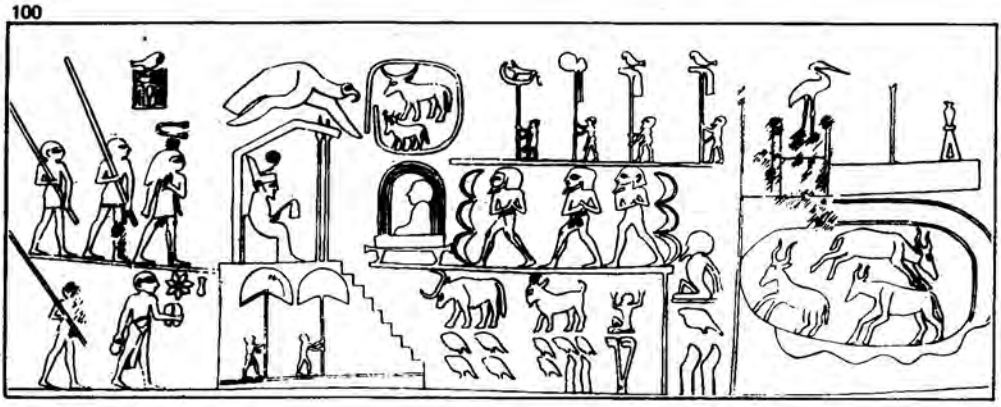
100. Праздник «тридцатилетия» (хеб-сед) при фараоне Хоре Соме, рельеф из Гиераконполя, Раннее царство
101. Павшие нижнеевипетские враги фараона Хора, Воссиявшего Жезлом, рельеф из Гиераконполя, II династия
102. Статуэтка работника, запечатывающего сосуд, Старое царство

венная раннеегипетская надпись, в которой знак *мн* можно прочитать как царское имя «Мина».

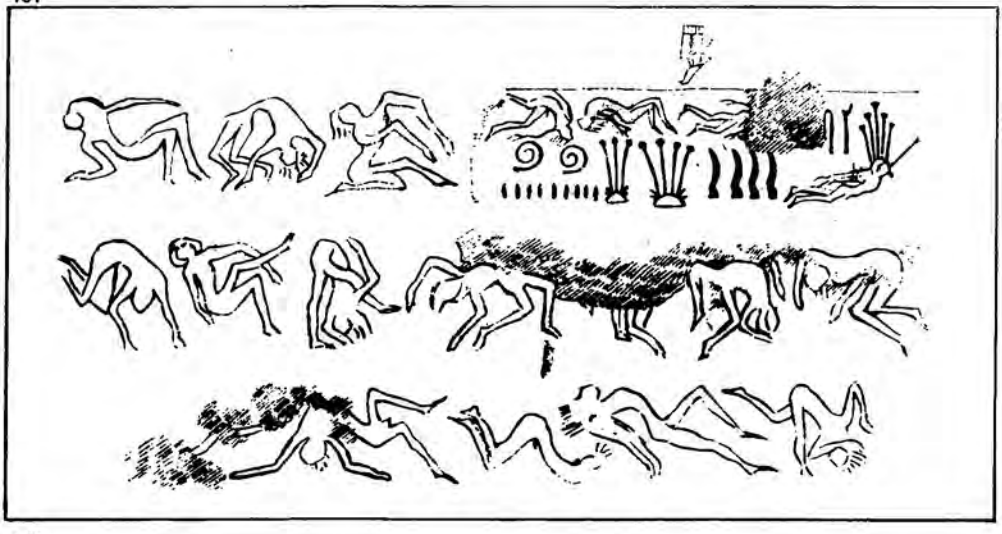
Можно, пожалуй, привести еще некий вещественный довод в подтверждение тождества Хора Бойца с Миной. По преданию, сохраненному Геродотом, Мина слыл у потомков за основателя города Мемфиса. Из египетских источников известно, что в качестве одного из образов местного бога там в поздние времена почитался «Птах Мины». Раскопки показали, что на некотором расстоянии от Мемфиса в последние десятилетия перед I династией существовали обширные кладбища и, следовательно, многолюдные поселения. С началом I династии эти кладбища начинают приходить в запустение; вероятно, население покидало эти места. Естественно было предположить, что переселялось оно во вновь основанный соседний Мемфис. Раскопки на его кладбище доказали, что уже при I династии он был значительным городом. Были найдены как скромное кладбище простых горожан, так и усыпальницы верхов тогдашнего общества. Из этих усыпальниц одна, несомненно, восходит к царствованию Хора Бойца, если только не является его собственной гробницей, как полагал ее издатель. Более ранних гробниц обнаружено не было, так что основание Мемфиса совпадает по времени с правлением этого царя. Предание же, напомним, приурочивало основание города к царствованию не кого иного, как Мина.

Царь, именуемый обычно «Нармер», как мы увидим, был действительно непосредственным предшественником Хора Бойца, но только его личное имя было не «Мина», а «Мр». В ряде случаев имя предшественника Хора Бойца пишется так: в верхней половине прямоугольника, на котором часто, но не всегда восседает сокол — Хор, помещается знак, изображающий сома, в нижней половине — дворцовая стена с пробелом посередине, куда вклинивается знак, изображающий резец. «Сом» по-египетски *н^{с}р*, знак резца обозначает согласные *мр*, оба знака принимают за части одного имени и читают его условно «Нармер». Но такое чтение не может быть правильным. Во-первых, хоровы имена царей, т. е. имена их как явлений царского бога Хора, до середины I династии состояли не из двух слов, а лишь из одного: Скорпион, Двойник(?), Боец, Хват (?Сехти, Джер), Змея. Во-вторых, имеются печати, на которых вверху и внизу много раз подряд повторено хорово имя — прямоугольник, увенчанный соколом, с дворцовой стеной в нижней и сомом в верхней половине, а в среднем поясе, между обоими рядами хоровых имен, отдельно множество раз повторен знак резца. При этом число резцов отнюдь не соответствует числу хоровых имен. На прямоугольник каждого ряда здесь приходится

100

101

102

примерно три резца. Значит, хорово имя царя было просто «Сом». Царь был назван по рыбе, подобно тому как один из его предшественников получил хорово имя по скорпиону, а один из преемников — по змее. Со всем этим хорошо согласуется изображение царя в виде рыбы, по которой он был назван, побивающей палицей врагов. Знак резца и здесь помещен под рыбой. Как и в других случаях, он передает, очевидно, личное имя царя *Мр*.

По всем преданиям, египетским и иноязычным, Мина был первым человеком, царствовавшим над Египтом. Но вот у Хора Бойца — и в том не приходится сомневаться — были предшественники! Хоровы имена древнейших царей имеют свои особенности. Верхняя сторона прямоугольника, в который вписано собственно имя,— чаще всего не прямая черта, а слегка вогнутая линия, и возвышающийся над нею сокол Хора как бы приплюснут или придавлен. Так написаны имена царей Хора Скорпиона, Хора Двойника (или Питания), Хора Сома, Хора Бойца и отчасти Хора Хвата (Сехти, Джера). При последнем верхняя сторона прямоугольника навсегда выпрямляется, а сокол приподнимается, принимает гордую осанку, которая так и останется у него на все грядущие тысячелетия. В отличие от Хора Бойца и Хора Хвата царь Сом иногда обходился без сокола вверху прямоугольника, а то и без этого последнего, царь Двойник употреблял и то и другое, но дворцовую стену изображал то внизу, то вверху(!) прямоугольника; царь же Скорпион то пренебрегал прямоугольником, то употреблял его. Отсюда недалеко до вывода, что Скорпион и Двойник предшествовали Сому, Сом — Бойцу, Боец — Хвату(?). И то, что Хор Сом был раньше Хора Бойца, подтверждают и другие особенности хорова имени первого из них. Только у него, и ни у кого больше из египетских царей, в изображение дворцовой стены внизу прямоугольника вклинивается письменный знак, именно знак резца, передающий личное имя царя «Мр».

Мы уже видели на плите Гиераконполя, что Хор Сом владел обоими венцами, верхнеегипетским и нижнеегипетским, и был, следовательно, общеегипетским царем. И если на плите он поражает непокорное Низовье, то на булаве, посвященной в тот же Гиераконпольский храм, царь Сом
Ил. 100 изображен на высоком престоле на своем царском празднестве, осененный верхнеегипетской богиней-коршуном, но только в одном нижнеегипетском венце. Царь Скорпион представлен на булаве, пожертвованной туда же, в верхнеегипетском венце, но имя этого царя значится также на сосудах, найденных несколько южнее Мемфиса, значит, совсем близко от нижнеегипетской земли. Сбоку от имени имеется приписка, и начинается она со знака растения, обозначавшего Нижний Египет. На посуде с именем Хора Двойника сходные приписки начинались то знаком верхнеегипетского растения, то знаком куста папируса, служившего для обозначения Нижнего Египта. Оба знака, правда, могли иметь и иные значения, но тут они, несомненно, обозначают Верхний и Нижний Египет. Ведь на посуде с именем Хора Бойца такие приписки отличны по содержанию от современных Хору Двойнику, и тем не менее в верхней части выписаны то знак верхнеегипетского, то знак нижнеегипетского растения. Можно думать, что и приписку к имени Хора Скорпиона не начинал бы знак Нижнего Египта, если бы на других сосудах с именем того же царя не стоял в подобном положении знак Верхнего Египта.

Получается, что у Хора Бойца были предшественники, владевшие обеими половинами страны: Хор Скорпион, Хор Двойник и Хор Сом. И что же? На очень небольшом обломке староегипетской летописи, хранящемся в Каирском музее, I династии предшествуют царские имена, одни имена, от которых уцелели сполна или частично только царские определители, т. е. знаки в конце имен, изображавшие царей и тем самым изо-

бразительно намекавшие на то, что носители таких имен были царями. И вот не менее четырех из этих крошечных царских изображений имеют на головах двойные венцы — верхнеегипетские, вставленные в нижнеегипетские.

Это тем примечательнее, что на самом Палермском камне уцелело несколько царских имен, предшествовавших I династии, тоже без каких-либо добавлений, но с определителями в виде царей в нижнеегипетских венцах. Выходит, имена царей, владевших одной лишь половиной страны, отличали с помощью определителей от имен царей, владевших ее обеими половинами. Иными словами, египетские летописцы в ближайшие столетия после Раннего царства тоже считали, что у I династии были предшественники, правившие всем Египтом.

В современных книгах, как научных, так и рассчитанных на широкого читателя, обычно Мине приписывается объединение страны. Но, как мы видели и как показала в свое время Н. М. Постовская, страна была объединена еще до I династии, и потому распространенное представление о Мине как объединителе Египта не может быть правильным. Оно не может быть верным даже в той его разновидности, по которой он лишь завершил объединение, так как борьба с непокорным севером велась еще долгие годы спустя и была очень ожесточенной при II династии, при которой это объединение и было окончательно завершено. Впрочем, Мина-объединитель не более чем плод современных научных догадок. Ни египетское, ни иноязычное предание ничего не знают о его объединительной деятельности.

Но если страна была объединена не окончательно до I династии и ее основателя Мины и уже до него существовали общеегипетские цари, то почему предание столь единодушно провозглашало его первым человеком, царствовавшим над Египтом, а основанную им династию первой? И если Миной был Хор Боец, то как могли исчезнуть из памяти потомков такие могущественные общеегипетские цари, какими были его предшественники: Хор Скорпион, Хор Двойник и Хор Сом?

Как же велось летосчисление при I и II династиях? Каждый год правления того или иного царя получал особое наименование по имевшим место примечательным событиям, например: «год открытия пруда Мест богов (и) стрельбы (в)бегемота» или «год рождения (т. е. изготовления) мед(ного царского изображения по имени) Высок (царь), Воссиявший Двумя Жезлами (Хасехемуи)». Эти наименования год за годом заносились в особые списки, и под записями каждого года подписывались еще данные об уровне нильского разлива. Отрывки именно такой летописи и дошли до нас в записи Старого царства на Палермском камне и на мелких обломках, хранящихся в Каирском музее. Верхний пояс летописи содержал одни только имена, сперва, возможно, царей верхнеегипетских, затем достоверно — царей нижнеегипетских и древнейших владык объединенного царства. Собственно летопись — список погодных наименований с данными о высоте разлива — начиналась со второго пояса, с I династии. Все это может означать лишь то, что в распоряжении староегипетского летописца списки наименований лет по событиям имелись начиная с I династии, тогда как для предшествующего времени летописец располагал одними лишь царскими именами.

От времени самой I династии до нас дошли деревянные и костяные ярлыки-дощечки, помеченные каждый наименованием того или иного года. От Хора Бойца их сохранилось несколько; имеются они и от его преемника Хора Хвата (Сехти, Джера); значительное количество их уцелело от середины и конца I династии. Напротив, от непосредственных предшественников Хора Бойца не дошло ни одного ярлыка, ни костяного, ни деревянного, с наименованием года и по его знаменательнейшим собы-

103. Победная плита фараона Хора Сома, Гиераконполь, Раннее царство:
а) лицевая сторона;
б) оборотная сторона

тиям. Ни от Хора Скорпиона, ни от Хора Двойника, ни даже от Хора Сома у нас нет ярлыков, помеченных годами.

Совпадение между сведениями староегипетской летописи и раннеегипетских ярлыков получается полное. Но не значит ли это, что летосчисление для египтян начиналось с I династии и летопись — а ею для древнейших времен и был перечень лет, поименованных по событиям,— тоже начиналась с I династии? Тем самым и основатель ее должен был быть для египтян первым летописным, мы сказали бы «историческим», царем. Но первый царь, от которого сохранились ярлыки с наименованиями лет, не кто иной, как Хор Боец. Он, по всей видимости, и есть Мина предания.

Мы видели, что именно со времени Хора Бойца ведет свое существование нижнеегипетская столица Мемфис. Результатам раскопок соответствует записанное Геродотом сказание об основании Мемфиса Миной; к тому же мы уже знаем, что у тамошнего бога Птаха была разновидность Птах Мины. Поэтому город Мемфис, признанный хранитель летописного предания, которое начиналось именно с Мины, имел особые основания видеть в нем первого царя, ведь Мина был также его создателем и первым правителем в нем.

Так как же можно себе представить начало фараоновского Египта?

Староегипетская летопись на Палермском камне начинается с перечисления имен нижнеегипетских царей, и можно думать, что их именам предшествовали имена царей верхнеегипетских. Эти сведения Палермского камня — единственное сколько-нибудь надежное свидетельство о существовании нижнеегипетского царства — надо полагать, наряду с соответствующим верхнеегипетским.

В верхней части другого обломка староегипетской летописи, о котором нам тоже доводилось говорить, перечислены имена уже общеегипетских царей, к несчастью не уцелевшие, за исключением знаков-определителей — изображений царей в двойных венцах. Объединение страны исходило от Верхнего Египта. Непосредственный предшественник I династии Хор Сом изобразил себя на победном памятнике поражающим Низовье, олицетворенное его поверженным обитателем, а своего бога Хора — в образе сокола, вручающим ему низовую землю, заросли папируса с мужской головой спереди. Поражение Низовья, избиение десятков тысяч его жителей будут увековечены и на памятниках царя Хора, Воссиявшего Жезлом (Хасехема) в дни II династии, равно как и вручение ему верхнеегипетской богиней-коршуном знака объединения Египта в присутствии покоренного Низовья.

Ил. 101

103а

Согласно Манефону, основатель I династии, а также последующая II династия были родом из верхнеегипетского города Тин. Там около города Абидос действительно нашлись гробницы царей I и отчасти II династии, по мнению одних ученых, настоящие, по мнению других — условные, т. е. без трупа (настоящие были бы тогда в Мемфисе). Но на том же кладбище были обнаружены и памятники с именами предшественников I династии — Хора Скорпиона, Хора Двойника и особенно Хора Сома, так что и эти цари были, видимо, родом из Тина. Да и посвящали свои победные памятники Хор Скорпион и Хор Сом в верхнеегипетский храм своего бога Хора, как и позднейший поработитель Низовья — царь Хор, Воссиявший Жезлом (Хасехем).

При каком царе произошло объединение страны, неизвестно, только, наверное, задолго до Мины. С Мины же начинались египетские летописи, он был первым летописным царем, о котором было что-то известно потомкам. Однако определить сколько-нибудь точное время его царствования в годах нашего летосчисления невозможно. Вероятно, он царствовал приблизительно за пять тысяч лет до наших дней, где-то около 3000 г. до н. э. За недостаточностью данных точное летосчисление для большей части фараоновской древности неосуществимо. Поэтому время приходится обозначать не столько по столетиям, сколько по династиям, которые служили подразделениями уже для египетских списков фараонов, и летописец, египетский жрец Манефон, писавший на греческом языке, насчитывал 30 династий для фараоновского Египта. Из них на Раннее царство приходятся первая и вторая, но к Раннему царству надо причислить и ближайших их предшественников, про которых предание забыло, но при которых Египет был уже объединенным царством. Их называют додинастическими царями и, согласно английскому ученому В. М. Флиндерсу Питри, объединяют в династию 0.

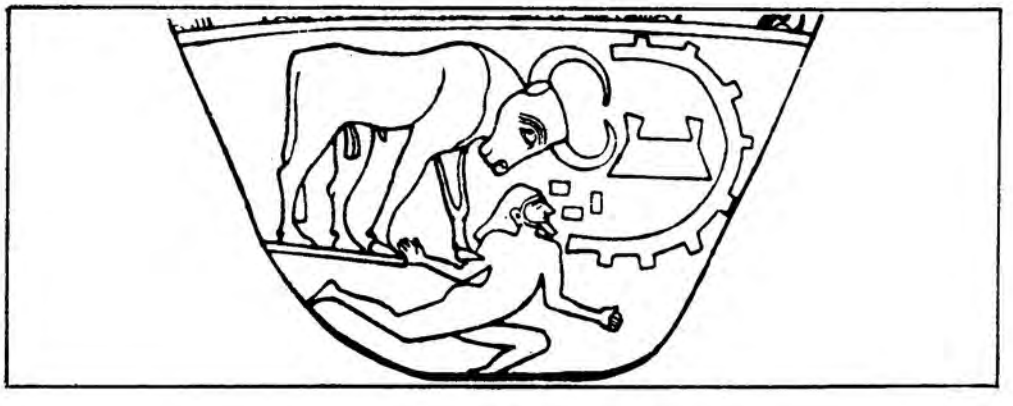
Если Хор Скорпион, Хор Двойник и Хор Сом замыкали длинную цепь властителей объединенного царства, предшествовавших I династии, то нет ничего удивительного в том, что при этих царях, насколько можно судить по скудным памятникам, уже существовало государство.

Работы над оросительно-осушительной сетью, как и земледелие в целом, приковывали к себе внимание носителей власти. На булаве, посвященной царем Скорпионом в храм в Гиераконполе, изображены разветвляющиеся протоки, над ними — сам царь с мотыгой в руках за отправлением землекопного обряда, перед царем — мужчины с корзиной и колосьями в руках, ниже — другие мужчины, трудящиеся у воды, и один, устремляющийся к ней с мотыгой.

Пополнение поголовья скота, притом в огромном количестве, составляло одну из главнейших задач военных мероприятий. Вероятно, царю Скорпиону принадлежит каменная плита, на которой с одной стороны показано, как олицетворяющие царя сокол, лев, скорпион и царские стяги-штандарты «разоряют» крепости, а с другой — изображены деревья, быки, ослы и бараны, и все названо словом «Ливия», обозначавшим местности непосредственно к западу от долины Нила. Сокол и лев обычно представляли царя, а изображение скорпиона подсказывает, что таковым был Хор Скорпион, поскольку в качестве обозначения это членистоногое засвидетельствовано только для одного. На победных изображениях последующего Старого царства тоже видны стада быков, ослов и баранов, захваченные у того же западного соседа, так что и на раннем изображении они могли быть военной добычей. На булаве, пожертвованной в храм в Гиераконполе, царь Сом сообщает о 400 тыс. голов крупного рогатого скота и 1422 тыс. голов мелкого. Упоминание вслед за тем о 120 тыс. пленных доказывает, что речь идет о добыче, взятой на войне, вероятно, в Нижнем Египте. Даже если числа сильно преувеличены (правда, у нас

1036

нет достаточных оснований утверждать это), все же можно не сомневаться в огромном количестве захваченного скота.

На одной вещице царь Сом представлен в виде одноименной рыбы, опускающей свою палицу на толпу связанных пленных-иноземцев, западных соседей Египта — ливийцев, как сообщает приписка.

Кто были те связанные и обезглавленные враги, трупы которых царь Сом обозревает на другом изображении — известной нам сланцевой плите, точно определить нельзя. Скорее всего это были люди из Нижнего Египта, поражение которого показано на лицевой стороне памятника. Однако трудно себе представить, чтобы 120 тыс. пленных, упомянутых на булаве того же царя, были все поголовно перебиты. К тому же там сказано: «Быков 400 000, мелкого скота 1 422 000, пленников 120 000», так что пленные названы после крупного и мелкого скота, последующее использование которого в хозяйстве не подлежит сомнению. Потому, вероятно, и захваченные люди должны были получить то или иное хозяйственное применение. Но если все пленные вливались в тогдашнее хозяйство, то трудно удержаться от заключения, что египетское общество еще до воцарения I династии было основано на угнетении низших слоев верхами. Иными словами, весьма похоже, что египетское царство при ближайших предшественниках Хора Бойца было уже подлинным государством.

Во главе такого государства стоял единодержавный правитель, появлявшийся перед подданными то в верхнеегипетском, то в нижнеегипетском венце, в окружении опахалоносцев и иных сопровождавших его лиц, иногда высоко на престоле под навесом, на верху иерархической лестницы. Победы войска считались его победами, поэтому на памятниках он всегда единолично поражает врага и зачастую представлен огромным по сравнению со своими крошечными подданными. Он мнил себя ипостасью царского бога — соколообразного Хора, который сопутствовал ему на поле брани, тогда как верхнеегипетская богиня-коршун охранительно осеняла его крыльями.

Скудные источники не содержат прямых указаний, насколько развиты были хозяйственные отношения и государственное управление накануне I династии. Зато как красноречивы и убедительны косвенные данные!

Ил. 102 Надписывать сосуды с заготовленными впрок припасами стало обычным в царском хозяйстве, как показывают образцы от времен правителей Хора Скорпиона, Хора Двойника и Хора Сома. От времени Хора Сома, Хора Двойника и, может быть, царя Скорпиона сохранились также глиняные печати с царскими именами, стоявшие некогда на таких сосудах с запасами. Надписи всех трех царей доказывают с очевидностью, что египетская письменность уже тогда располагала всеми видами знаков, характерными для нее в последующие времена — как знаками, «изображавшими» слова, так и знаками, обозначавшими сочетания согласных, более того, знаками для отдельных согласных и, что не менее удивительно, обобщенными определителями, изобразительно намекавшими, к какому кругу понятий слово по смыслу относится (например, знак песчаной земли после слова «Ливия»). Некоторые записи нанесены чернилами на сосуды с припасами настолько бегло, что более кратко, пожалуй, нельзя было бы и написать (оставаясь в пределах иероглифического письма). Счетоводы оперировали огромными величинами для обозначения не только 10 000 или 100 000, но и для 1 000 000 имелись особые слова и знаки. Разработанная сложная письменность, беглые почерки, пяти- и шестизначные числа — сколько же писали и считали современники ближайших предшественников I династии!

А изобразительное искусство? Тут, правда, нет явлений, столь показательных для развития хозяйства и государственности, как в области письма и счета, но все же любопытно, что при царях Скорпионе и особенно

Соме изображения начинают располагать на плоскости четкими поясами, одни над другими, а не беспорядочно, как прежде. Зарождается тот строгий порядок, та строгая закономерность, которые будут отличать египетское искусство в дальнейшем.

Царствования Хора Скорпиона, Хора Двойника и Хора Сома были подлинно преддверием I династии, и не только по времени, но и по существу. Хора Двойника и Хора Сома роднит с I династией и одинаковое, по-видимому, происхождение из области среднеегипетского города Тина, где, как мы уже говорили, на тамошнем царском кладбище были найдены памятники как I династии, так и ближайших предшественников — Хора Двойника и Хора Сома. Потому вполне уместен вопрос: был ли вообще какой-либо разрыв в преемственности царствований, и не была ли I династия прямым наследником своих предшественников, представителем одного с ними царского рода?

Раннее царство, пора двух первых династий, предстает перед нами в туманной дали пяти тысячелетий лишь в самых общих чертах. Тем не менее даже по случайным, отдельным, разрозненным признакам нельзя не подметить то, как упорно и неуклонно развивалась и менялась страна в течение немногих столетий, что отделяют Хора Бойца от последнего царя II династии Хора, Воссиявшего Двумя Жезлами (Хасехемуи).

При Хоре Бойце еще кое-что напоминало время его предшественников. Сокол Хора все-таки припадал к прямоугольнику с царским именем, и по-прежнему вогнута бывала верхняя сторона прямоугольника. Если у Хора Сома знак «царственной» рыбы представлял властителя, вооруженного палицей и поражающего пленных, то и у Хора Бойца сам сокол показан в написании имени Хора постоянно просовывающим лапы внутрь прямоугольника и хватающимся за булаву и щит, входившие в состав знака для слова «боец». Однако мы уже почти не встречаем имя Хора без прямоугольника и сокола, равно как, к нашему сожалению, личное имя царя уже не вписывается больше в прямоугольник с именем Хора. Это, конечно, мелочи, но более существенно наименование каждого года царствования по знаменательным событиям с последующим сведением годичных наименований вместе в единую погодную летопись. Этим было положено начало писаной «истории» Египта, для которой царствование Хора Бойца стало тем самым первым летописным, или первым историческим царствованием. Не менее важным было основание нового столичного города — будущего Мемфиса, с мощными погребальными сооружениями верхов тогдашнего общества. Мы видели, что позднейшее предание и результат раскопок сходятся, приурочивая основание города ко времени Мины, или Хора Бойца. Новая столица встала на стыке обеих половин царства — победоносного Верховья и завоеванного Низовья, знаменуя замирение последнего. Действительно, мы ничего не слышим о военных действиях в Низовье, напротив, в наименовании одного из годов царствования Хора Бойца на первом месте значилось поражение и взятие Эфиопии * (т. е. в плен обитателей страны по верхнему Нилу к югу от первых порогов). Правда, на двух ярлыках в наименовании года имелось странное изображение, надписанное словами: «Верховье (и) Низовье восприняты». На земле сидят двое мужчин, и один как будто бы поражает в грудь другого, похожего на связанного пленника, а между ними стоит предмет, напоминающий миску (оба ярлыка обломаны, но взаимно восполняются). Однако изображен, вероятно, только обряд, возможно, в память когда-то осуществленного присоединения Низовья, потому что то же изображение, с той же надписью входило в название одного из годов преемника Хора

* Под Эфиопией, следуя наименованию греков, подразумевается современный Судан.

Бойца, Хора Хвата, вперемежку со ссылками на изготовление тех или иных изображений. В остальном то, что можно вычитать из наименований лет на ярлыках времени Хора Бойца, сводится к празднествам, выходам, изготовлению идолов, посещению храмов и т. п.

Крупнейший перелом в развитии искусства приходится на время правления преемника Хора Бойца. Хорово имя этого царя мы будем условно переводить как «Хор Хват», хотя русское слово «хват» вряд ли точно передает соответствующее египетское (*джр* или *схтй*). Личное имя царя было Йтй (Ити). Если на некоторых памятниках Хора Хвата сокол еще придавлен к прямоугольнику с царским именем, а верхняя сторона самого прямоугольника вогнута, то на других «царственная» птица сидит, уже гордо выпрямившись, на безукоризненно правильном прямоугольнике. Имеются и промежуточные виды, а на одном запястье из золотых и бирюзовых пластинок в виде хоровых имен придавленный и выпрямленный соколы чередуются. А как превосходно выполнены гордый сокол и имя царя на его надгробной плите! По мастерству исполнения они почти не уступают резному хорову имени на надгробии следующего царя Хора Змеи — одному из примечательнейших созданий египетской древности. А двойное изображение Хора Хвата на престоле то в верхнеегипетском, то в нижнеегипетском венце? Оно помещается на глиняной печати, которой были опечатаны какие-то припасы, вещице ничтожной по сравнению с булавой, посвященной Хором Сомом в гиераконпольский храм. Но каким стройным и соразмерным, совсем «египетским» выглядит царь на печати и каким приземистым, большеголовым на булаве, хотя Хор Сом изображен на ней в том же положении — на престоле и в венце. Даже тогда, когда воины Хора Хвата вторглись глубоко вверх по Нилу в Эфиопию, они не преминули изобразить там на глыбе камня, оторвавшегося от скалы, одержанную ими победу: захваченных пленников и беспорядочно разбросанные по земле вражеские трупы. Событиями, достойными того, чтобы по ним были названы годы, считались не только такие, как «поражение северо-востока» (т. е. азиатских соседей) или празднества, выходы, основание дворца. Всего чаще наряду с повинностью «сопровождения Хора», отбываемой каждые два года, таким событием служило «рождение», т. е. изготовление, тех или иных священных изображений. Вещественным свидетельством высокого уровня и зрелости достигло к тому времени кузнечное мастерство: медные орудия и сосуды в огромном количестве обнаружены в гробнице современника Хора Хвата.

В позднейшие времена гробницу самого Хора Хвата принимали за могилу бога мертвых Осириса (Усири). В Новом царстве заброшенное кладбище ранних царей вновь привлекло к себе внимание. Город Абидос, подле которого находилось кладбище, был местом почитания Осириса. Осирис уже в глазах египтян был одновременно и древнейшим царем мертвых. Потому нетрудно было прийти к мысли, что могилу его надо искать здесь, среди древнейших царских могил. Что дало повод принять за нее именно гробницу Хора Хвата, доподлинно неизвестно, возможно, изобилие вокруг нее надгробных камней с именами царских приближенных. Эти надгробия, появляющиеся впервые на царском кладбище в данное царствование, могли напоминать новоегипетским поклонникам Осириса те многочисленные каменные плиты, которые они сами ставили в Абидосе в память о самих себе и своих близких.

О правлении следующего царя Хора Змеи мало что известно, хотя его имя найдено начертанным на скале даже глубоко в пустыне между Нилом и Красным морем. Новое направление в изобразительном искусстве, наметившееся в предыдущее царствование и уже тогда добивавшееся подлинно «египетских» соразмерности и четкости, вполне определилось по меньшей мере в ведущих мастерских. Если при Хоре Хвате рядом с вели-

чавым и верно воспроизведенным соколом на правильном прямоугольнике с царским именем еще встречается сокол на вогнутом прямоугольнике, придавленный и малопохожий на ту птицу, которую он изображал, то при Хоре Змее это устарелое и убогое начертание больше не попадается. О великолепном надгробии этого царя, надписанном его хоровым именем с изумительной уверенностью и изяществом, мы уже говорили.

Новый поворот в развитии страны намечается как будто бы с середины I династии, в правление царя, которого удобства ради мы будем звать Хором Простирателем и чье личное имя позднеегипетский летописец Манефон прочел и передал по-гречески как «Усефанс». Точное значение хорова имени этого царя нельзя установить, но его можно читать как *д(ӯ)н* и переводить как «(сокол), простерший (крылья или когти)». При Хоре Простирателе и его ближайших преемниках стали чаще выписывать также личное имя царя. В царствование Хора Простирателя в надписях впервые появляется титул «царь (и) государь» (*инсибйа*) и сразу же получает широкое распространение. Он же первым появляется на памятниках в двойном венце — верхнеегипетском, вставленном в нижнеегипетский. Вносятся ясность и порядок в написание лет на ярлыках к припасам. При Хоре Бойце и Хоре Хвате указывали только события, по которым был назван год, притом в таких же строках, как и последующие сведения о припасах, само же слово «год» не выписывали. При Хоре Простирателе перед ссылкой на события, совсем как на Палермском камне, ставится уже огромный отвесный знак года, и все вместе отделяется от остальной надписи отвесной же чертой.

Учеными было правильно подмечено, что между событиями, упомянутыми на памятниках Хора Простирателя и в третьей строке Палермского камня, существует определенное сходство. Не все совпадения одинаково доказательны. Празднование «тридцатилетия» царствования * отмечено в наименованиях лет как Хора Простирателя, так и безымянного царя на Палермском камне, но такие празднества отмечали и два последних царя I династии. Обрядовый бег священного быка представлен на одной из печатей Хора Простирателя, и по тому же событию назван один из годов палермского царя. Однако уже то, что бег происходил в этот год в «первый раз», намекает на повторение события. И действительно, на Палермском камне по бегу быка обозначены два года одного из царей II династии, тот же бег, возможно, назван даже на ярлыке Хора Бойца. Тем не менее, взятые вместе и особенно в связи с другими, эти совпадения не лишены значения. По настоящему существенными представляются два совпадения. Под одним из годов безымянного царя на Палермском камне отмечена «стрельба (в) бегемота», под другим — «рождение» своеобразной египетской богини со звериным обликом — Мафдет. Но бегемота поражает острогой, или, по-египетски, «стреляет», не кто иной, как Хор Простиратель на современных ему печатях, и на одной же из них, равно как и на обломках сосудов из его гробницы, рядом с его изображением или именем названа та же богиня Мафдет. Ни она, ни «стрельба (в) бегемота» не засвидетельствованы на памятниках других ранних царей.

Но здесь, пожалуй, еще более веский довод в пользу тождества Хора Простирателя с безымянным царем. Наименования лет этого последнего на Палермском камне по разнообразию событий живо напоминают годы Хора Простирателя, увековеченные на его ярлыках. Однако исследователей всегда поражало полное молчание третьей строки Палермского камня о повинности «сопровождения Хора (Гора)», равномерно, каждые два года упоминаемой в летописи во все прочие царствования как I, так и

* Существует мнение, что по представлениям египтян это празднество возвращало «одряхлевшему» царю полноту жизненных сил.

II династий. Загадка окажется простой, если неизвестным царем был Хор Простиратель. При нем и, насколько можно судить по имеющимся памятникам, только при нем, «сопровождение Хора» отмечалось не в начале наименований лет, а в конце. Из перегруженных ссылками на события названий лет Хора Простирателя летопись могла вместить только начала, концы же, где как раз и упоминалось «сопровождение Хора», приходилось по необходимости опускать: узкие клеточки, отведенные в летописи под отдельные годы I и II династий, были далеко не вместительны.

Время Хора Простирателя отмечено также заметными сдвигами в области искусства. Если один из годов в третьей строке Палермского камня назван «годом поражения (южных) кочевников», то от времени Хора Простирателя сохранился ярлык слоновой кости с изображением царя, поражающего «Восток» в «первый раз» — очевидно, в расчете на повторные победы. В отличие от победного памятника Хора Сома бурный натиск воинственного царя передан чрезвычайно живо: от былой скованности движений не осталось и следа. Все же за отсутствием военных и охотничьих изображений Хора Хвата и Хора Змеи было бы неосмотрительно утверждать, что на живую передачу движений художники дерзнули впервые.

Если на известняковом круге, найденном в гробнице Хемаки, сановника Хора Простирателя, изображена стремительно несущаяся газель, преследуемая гончей, то еще лучше представлен на костяном ярлыке Хора Бойца бегущий бык. Зодчество в царствование Хора Простирателя открыло, бесспорно, новую эпоху. Усыпальницы в городе Абидосе его двух ближайших предшественников — Хора Хвата и Хора Змеи — были выложены под землей только кирпичом-сырцом да деревом и очень несложны по замыслу, представляя собой всего лишь обширный прямоугольный подземный покой, окруженный со всех сторон подземными же комнатушками. В подземелье Хора Простирателя вела уже величественная лестница, а сам склеп был вымощен плитами из привезенного камня — красного гранита, добывавшегося на самом юге страны.

С этого времени лестница прочно вошла в гробничное зодчество и имеется в гробницах последующих царей. Знаменательно то, что не только у Хора Простирателя, но также у двух его ближайших предшественников — следовательно, не случайно — она ведет из могилы прямо на восток, навстречу занимающемуся дню. Видимо, старое представление о сытом прозябании после смерти в забитой снедью, но темной могиле перестало удовлетворять царей. Понадобился выход оттуда, притом выход на восток, к восходящему солнцу. Из постоянного жилища покойного царя гробница превращалась только в ночлег!

Замена простого более сложным и более утонченным, наблюдающаяся в разных областях тогдашней действительности, несомненно, означала усложнение, развитие общественной жизни в целом, но в чем состояли общественно-хозяйственные сдвиги, наметившиеся к середине I династии, имеющиеся источники не позволяют утверждать с уверенностью. У безымянного царя третьей строки Палермского камня, царя, несомненно, середины I династии, наверное тождественного с Хором Простирателем, три годовых названия из четырнадцати уцелевших упоминают пруды или протоки. Два названия, правда, не слишком показательны, так как имеются в виду скорее всего храмовые пруды, которые «открывают» или «посещают(?)». Зато третье название, если можно положиться на одно из предложенных толкований, поистине значительно: «Год копки прудов (или протоков) (на) западе (и) востоке Низовья всяк(им) народ(ом)». Что, если обогащение и усложнение жизни общественных верхов, заметные в царствование Хора Простирателя, были в конечном счете связаны с ростом осушительно-оросительной сети и водоснабжения, позволявшим господству-

ющим верхам в большей мере, чем прежде, использовать для себя труд народа?

Если безымянный царь Палермского камня и Хор Простиратель — одно и то же лицо, то правление Хора Простирателя длилось не менее тридцати с лишним лет, как показывает простой расчет по клеточкам, на которые расчерчен Палермский камень. Длительность правления, изобилие новшеств, богатство событиями способны создать представление о Хоре Простирателе как о виднейшем представителе I династии. Каменный пол царской усыпальницы, не повторенный в гробницах преемников, исключительная четкость и уверенность начертаний и изображений служат тому как бы наглядным подтверждением. Любопытно, что именно Хор Простиратель, пусть под искаженным, но все же личным своим именем, переданным у Манефона как Усефаис, вспоминался отдаленным потомкам, когда надо было приурочить какое-нибудь средство или заклинание ко времени одного из древнейших царей.

Мы не знаем, в какой мере Хор Простиратель был лично ответствен за нововведения в свое царствование. Особое место рядом с царем занимала, по-видимому, царица Мернеит, гробница которой подле мужниной на царском кладбище в Абидосе была бы достойна захоронения самого царя. Необычное положение занимал при Хоре Простирателе как будто бы и «казнохранитель государя» по имени Хемака, чья громадная усыпальница была откопана на столичном кладбище у Белых Стен (Мемфиса, Минфи). На ярлыках того времени имя Хемаки стоит не вместе с титулом сановника, ответственного за заготовление данных припасов, а непосредственно за именем царя. Если этот вельможа тождествен с одноименным управителем царских виноградников, не раз поименованным на печатях от винных сосудов, то он управлял и угодьями царского дома. В эту примечательную для верхов общества пору появилась страсть увековечивать в наименованиях лет как можно больше разных событий, отодвигая назад более заурядные происшествия, такие, как «сопровождение Хора». Такое стремление тем любопытнее, что последние представители I династии следуют избитым прадедовским образцам.

Преемниками Хора Простирателя были Хор, Целостный Сердцем (Аджиб) с личным именем, переданным у Манефона как Миевис (Миебис), Хор, Дружественный Утробой (Семерхет) с личным именем, переданным у Манефона как Семемпсес, и Хор, Высокий Рукою. По Туринскому царскому списку последние три царя I династии достигли преклонного возраста. О Хоре, Дружественном Утробой и Хоре, Высоком Рукою из надписей их времени известно, что они отмечали «празднество тридцатилетия». В последующие времена это празднество справлялось и задолго до тридцатой годовщины царствования, но нередко совпадало с ней. По Манефону, три царя правили соответственно 26, 18 и 26 лет. Однако эти манефоновские числа не могут быть все правильными, так как, судя по каирскому обломку староегипетской летописи, один из царей должен был править неполных девять лет. И если на основании указанных в Туринском царском списке возрастов правителей можно было бы подумать, что царствование сменялось царствованием без потрясений и смут, то современные событиям памятники способны навести на иные мысли.

По сравнению с правлением Хора Простирателя время его преемника Хора, Целостного Сердцем отмечено печатью упадка. Из всех царских гробниц I династии в городе Абидосе гробница Хора, Целостного Сердцем самая убогая. По сравнению с другими она поразительно мала и сооружена очень небрежно. Царь добавлял на каменной посуде предшественника — видимо, по собственной скудости, а не по неуважению к почившему, имени которого он не трогал, свое имя, написанное корявыми письменами, притом и мелко и криво! Своеобразная четкость, которая выде-

ляет надписи Хора Простирателя, совсем незаметна в современных Хору, Целостному Сердцем, мало чем отличающихся от рядовых надписей Хора Змеи.

Кое-что позволяет подозревать неладное в отношениях Хора, Целостного Сердцем и его преемника Хора, Дружественного Утробой. В гробнице первого нашелся всего один обломок надписанного его именем сосуда, тогда как в гробнице второго посуда предшественника имелась во множестве, а его имя на ней бывало нередко изглажено. Возможно, у нового властителя были давние счеты с царской семьей, потому что в его гробнице находился сосуд, на котором было стерто даже имя жены Хора Простирателя — царицы Мернеит.

В остальном мы почти ничего не знаем о правлении Хора, Дружественного Утробой, если не считать празднования им «тридцатилетия» царствования да таких заурядных событий, как «сопровождение Хора». Это последнее в наименованиях лет выдвинулось опять как во времена, предшествующие Хору Простирателю, на первое место. Мелкая, но любопытная черточка: в это царствование, если только не в предшествующее, от которого не сохранились ярлыки, окончательно сблизилось написание годовых названий на них с принятым в староегипетской летописи. Как в ней, так и на ярлыках Хора, Дружественного Утробой наименование года вписывалось в прямоугольник, ограниченный спереди знаком года, но не расчерченный внутри на лежащие строки, как делали еще при Хоре Простирателе. Потому при Хоре, Дружественном Утробой сводки годовых наименований могли уже выглядеть так же, как староегипетская летопись.

Последний представитель I династии, оставивший после себя памятники,— Хор, Высокий Рукою. Если ярлыки его царствования мало чем отличаются от оставленных предыдущим, то в гробнице царя наблюдается существенное новшество. В отличие от усыпальниц предшествующих трех царей, откуда выход вел на восток, она обращена выходом на север, совсем как гробницы последующего Старого царства. Позволительно думать, что за этой переменой крылся большой сдвиг в загробных упованиях, а именно в сторону большей отвлеченности. Если Хора Простирателя потянуло прочь из мрака, из забитого снедью подземелья на землю, к свету, навстречу восходящему дню, то Хор, Высокий Рукою, видимо, стремился уже в небесные дали, в общество «негибнущих», т. е. незаходящих, звезд на северной части неба. Гробница примечательна и строительным достижением: в ней устроен ложный свод.

Именные надгробия приближенных, окружавшие склеп Хора, Высокого Рукою в Абидосе, являются самыми крупными среди памятников такого рода, сохранившихся на тамошнем кладбище от времени I династии. Особенно примечательна одна плита — как своей величиной, так и надписью. Внутри прямоугольной каемки, над маленьким еще изображением вельможи, вырезан длинный перечень его должностных званий — совсем как во времена Старого царства. И это несмотря на то, что сам сановник Сабеф был погребен не здесь, а в собственной гробнице на кладбище у Белых Стен, отмеченной тоже новшеством: стенописью — опять-таки в духе последующего Старого царства.

О событиях времени Хора, Великого Рукою мы почти ничего не знаем, если не считать того, что отмечали «празднество тридцатилетия» царствования и учиняли обычные «сопровождения Хора». Из того, что на длинной кости изобразили бородатого пленника и надписали над ним «Северо-Восточная сторона» (*счт*, что обычно переводится как «Азия»), было бы не в меру смелым заключить, что ходили войной на синайских кочевников, хотя ничего невозможного в том, разумеется, нет.

Как закончилось правление I династии, нам неизвестно. Ко дню смерти Хора, Высокого Рукою в его гробнице в Абидосе готов был только сре-

динный склеп. Помещения вокруг него достраивались наспех из непросохшего кирпича-сырца, что привело затем к оседанию и обвалу стен. Но в отличие от гробницы Хора, Целостного Сердцем в том же Абидосе гробница Хора, Высокого Рукою была внушительных размеров, а погребение — богатым (каменная посуда, золото). То обстоятельство, что важный придворный Сабеф оставил подле склепа царя свою плиту, исключает как будто бы насильственное свержение последнего.

По Манефону, I династия продержалась на престоле свыше двух с половиной столетий. Если допустить, что «празднества тридцатилетия», справлявшиеся большинством царей этой династии (Хором Простирателем, Хором, Дружественным Утробой, Хором, Высоким Рукою и, вероятно, также Хором Хватом), были действительно тридцатилетними годовщинами царствования, то такая продолжительность не покажется невероятной. Но поскольку «тридцатилетия» могли быть условными, манефоновские два с половиной века и тем самым прочность династии на египетском престоле нуждаются в более высоком подтверждении. Впрочем, не следует и слишком сокращать манефоновское число. Можно прикинуть продолжительность I династии по распределению царствований на Палермском камне, получается, что она царствовала все же довольно долго — примерно два столетия.

О судьбе Египта при II династии, правившей, по Манефону, три столетия, мы осведомлены, как это ни странно, много хуже, чем о I династии. Это тем более досадно, что время II династии было очень существенным звеном в развитии Египта от древнейшей государственности к могущественному государству — Старому царству. Большое развитие при II династии получили и египетская письменность и искусство. Начертания письмен стали более упорядоченными и строгими, а их расположение — более выдержанным. Появились, правда еще в виде исключения, каменные постройки, а также каменные изваяния частных лиц, хотя и выполненные неумело по сравнению с изваяниями Старого царства. Стали чаще вырезать изображения на камне.

Далеко не ясны даже число и последовательность царей II династии. Предшествующая династия сооружала себе усыпальницы около города Абидоса, но цари II династии забросили это кладбище, чтобы затем вернуться на него при не совсем обычных обстоятельствах. Со времени предшественников I династии цари неизменно именовали себя Хорами, теперь же мы находим царя, который объявил себя не Хором, а его противником — Сетом (Сутой, Сетхом). Вслед за этим правителем (Перибсеном) другой царь уже в самом конце правления II династии провозгласил себя одновременно Хором и Сетом и даже именовался в том же примиренческом духе Воссиявшим Двумя Жезлами (Хасехемуи) и «Тем, в ком умиротворились оба бога». Что все это значит, трудно сказать. Неизвестно также, имело ли оно отношение к кровавым событиям в Низовье, возможно, при том же Хоре-Сете, Воссиявшем Двумя Жезлами, если он одно и то же лицо с Хором, Воссиявшим Жезлом (Хасехемом). На подножиях двух своих изваяний этот Хор, Воссиявший Жезлом изобразил Низовье пораженным в голову и беспорядочно разбросанные трупы повстанцев и указал, что их пало то ли 48 205, то ли 47 209. На двух каменных сосудах он представил верхнеегипетскую богиню-коршуна, которая вручает ему, Хору, Воссиявшему Жезлом, увенчанному верхнеегипетским венцом, знак соединения обеих земель в «год поражения Низовья». То было последнее восстание Низовья против верхнеегипетских покорителей, о котором мы что-либо знаем.

Еще на рубеже прошлого и нынешнего столетий при раскопках погребений времени I династии было обнаружено немало медных орудий, особенно резцов и игл, а также топоров, тесел, шильев, щипцов, значитель-

ное количество медных гвоздей и проволоки, затем медной обшивки, посуды, украшений. Эти находки были тем показательнее, что медные предметы, несомненно, привлекали внимание грабителей гробниц, расхищавших древние кладбища. Однако по-настоящему оценить развитие медного дела при I династии стало возможным только с 30-х годов нашего века. В большой гробнице на кладбище около Белых Стен откопали целый склад медных изделий, укрытый от грабителей обвалившимся при пожаре потолком. По печатям, которыми были запечатаны припасы, гробницу отнесли ко времени Хора Хвата, иными словами, еще к началу I династии. В одном из помещений, подле подземного склепа, В. Б. Эмери нашел пять плетеных корзин, в которых оказались сотни медных орудий: 7 пил-ножовок, 86 ножей трех типов от 60 до 25 см длиною, 35 ножиков вроде нынешних шпателей, 102 тесла двух типов, 47 мотыг четырех типов, 79 резцов любого размера и вида, 15 шильев, 32 пробойника двух размеров, 262 иглы разной длины, 75 медных пластин — наверное, на тот случай, если бы умершему понадобились новые орудия,— и 68 сосудов восьми видов, уложенные отдельно в один из пяти ящиков. Примечательно не только количество медных орудий, найденных в этой гробнице, но и большое их разнообразие. Насколько совершенны они были по тем временам, видно по тому, что почти все представленные типы продолжали изготовлять без изменений и в Старом царстве.

Все говорит о большом и давнем опыте в изготовлении и употреблении орудий из меди. Правда, то была медь в природном виде, не искусственный сплав ее с оловом, т. е. еще не бронза. Но и такое широкое применение кованых орудий означало наступление новой эпохи кузнечного ремесла. Насколько современники II династии привыкли изготовлять орудия из меди, свидетельствует тот факт, что целые наборы их хрупких подобий — тоненькие ножи, резцы, тесла, топоры — изготовлялись для умерших именно из нее. Времени той же династии принадлежит каменная плита зажиточного плотника Уабхнему из его гробницы неподалеку от Белых Стен. Судя по надписи на плите, плотник желал иметь и на том свете медную пилу и по медному же резцу двух разных типов. Впрочем, ковали орудия при II династии подчас довольно-таки первобытным способом.

Из других металлов сколько-нибудь заметное применение в Раннем царстве имело золото в его естественном сплаве с серебром, но, разумеется, не для изготовления орудий.

Однако, как ни много значила медь в хозяйстве, каменный век еще далеко не изжил себя. Это доказывают находки многочисленных кремневых орудий — ножей и ножичков, разнообразных скребков, наконечников стрел и т. п.— в разных концах страны, в погребениях не только простых людей, но даже самих царей, притом как I, так и II династии. В современных Раннему царству пластах соседнего с царским кладбищем городища в Абидосе оказалось много кремневых орудий — ножей, скребков, мотыг и т. д. Описанному выше медному кладу времени Хора Хвата можно с успехом противопоставить более поздний по времени клад кремневых орудий, обнаруженный в гробнице вельможи Хемаки, казнохранителя Хора Простирателя. Здесь было найдено 8 больших ножей с рукоятками, 3 «ножика» и 66 ножичков без рукояток, 135 треугольных скребков, 88 продолговатых скребков одного типа, 5 — другого, вместе с 5 большими кремнями, приложенными, наверное, на тот случай, если бы умершему потребовались еще орудия — совсем как пластины в медном кладе! — и, наконец, целиком или в остатках 38 деревянных серпов с кремневыми вкладышами. Любопытно, что часть кремневого клада мирно соседствовала в одной и той же суме с 8 медными шильями, а в углу той самой кладовой, где был найден медный клад времени Хора Хвата, лежало, помимо аспид-

ных дощечек, медных, ракушечных, костяных и кожаных запястий, еще 64 кремневых скребка и 63 кремневых ножичка!

При этом кремневые орудия не только продолжали употреблять, но совершенствовали и видоизменяли, что говорит о полной их производственной жизненности и пригодности. Выделка ножей стала грубее, как бы знаменуя качественный упадок данного ремесла, но и высекать их стали с рукоятками и, чем ближе к концу II династии, тем все более и более прямыми. Скребки постепенно обретали более правильные, а иные орудия граненые очертания, распространялись новые, изощренные наконечники стрел. На кремневых орудиях из царских гробниц в Абидосе В. М. Флиндерс Питри проследил, как быстро происходили изменения — нередко всего за несколько царствований.

Каменным орудиям предстояла великая будущность в Египте с развитием там строительства и ваяния из камня. В Раннем царстве то и другое только зарождалось. Каменные изваяния высекали еще до и во время I династии, но даже от II династии их дошло до нас не очень много. Строители пользовались камнем довольно скупо, правда, далеко не столь редко, как то представлялось прежде. Уже при I династии в гробнице Хора Простирателя в Абидосе был каменный пол. Камень же в значительных количествах использовался при строительстве больших гробниц на севере страны — для облицовки помещений, перекрытий, настилов на них, проемов дверей, спускных преград и т. д. От конца I и времени II династии мы располагаем не только внушительным количеством каменных плит, использованных в погребальных сооружениях частных лиц, не только обширным склепом Хора-Сета, Воссиявшего Двумя Жезлами с полом и стенами из камня, но и каменным косяком от дверей храма, поставленного Хором, Воссиявшим Жезлом в древнем священном верхнеегипетском городе Гиераконполе. Судя по приемам, применявшимся впоследствии, камнеделы и в Раннем царстве должны были широко пользоваться каменными орудиями, обрабатывали ли они отдельные глыбы или вырубали склепы в известняке.

Но имеются ясные указания на употребление камнеделами и медных орудий. Некоторые глыбы от сооружений I династии поражают не одной величиной, но и тем, как превосходно они отесаны. На отдельных плитах отчетливо видны следы применения медных орудий. Резные надгробия Хора Хвата и Хора Змеи показывают, что уже в первую половину правления I династии резец в руках искусных мастеров — большинство, судя по надгробиям простых смертных, было еще далеко не искусным — вполне подчинил себе камень.

Видимо, с использованием медных орудий для обработки камня связаны перемены в изготовлении посуды. Раннее царство для разных нужд и в огромном количестве производило посуду из обожженной глины, хотя достоверно неизвестно, знало ли оно гончарный круг. В ходу была также посуда из так называемого египетского фаянса, употреблялась и медная. Тем не менее и в верхних и в средних слоях общества при первых двух династиях была распространена как никогда прежде посуда из камня, особенно более мягкого (преимущественно алебастра), послушного орудиям из меди.

Велико должно было быть значение медных орудий для обработки дерева, что весьма широко было распространено в Раннем царстве, как ни в какое другое время фараоновского Египта. Конечно, в раннеегипетскую пору в основном строили из кирпича-сырца, и, хотя он был сравнительно недавним нововведением, строители достигли в пользовании им значительных успехов: кирпичный свод знали не только при II, но уже в конце I династии. Однако наряду с кирпичом Раннее царство щедро пользовалось деревом. Страна была тогда, видимо, много богаче им, чем

впоследствии. На изображении соседнего с Нильской долиной нагорья («Ливии», как значится в приписке), относящемся, вероятно, ко времени Хора Скорпиона, видны ряды густолиственных деревьев. Подземные склепы царей I династии в Абидосе, обшитые изнутри деревом, выстланные им же поверх хитроумных подполий и перекрытые могучими бревнами, свидетельствуют о большом мастерстве ремесленников по дереву. О том же говорит умелое и смелое применение дерева при сооружении больших гробниц на кладбище у Белых Стен (Мемфиса) и в других местах страны. О большом мастерстве свидетельствуют и остатки деревянной обстановки, сохранившиеся до нашего времени.

Неясным представляется, в какой мере использовались медные орудия при обработке слоновой кости, которой Раннее царство уделяло внимания больше, чем любое другое время египетской древности. При I династии обработка слоновой кости развилась в существенную отрасль ремесленного производства. Поделки того времени из слоновой кости дошли до нас в количестве поистине неимоверном, и пользовались ими как верхние, так и средние слои общества. Изготовляли же из нее самые разнообразные вещи — от частей обстановки до наконечников стрел! Было бы любопытно знать, какие орудия предпочитали эти искусники-косторезы — кремневые или медные.

Раннее царство жило в медном веке, но и каменный век не был еще изжит. Сам по себе медно-каменный век не сулил больших производственных возможностей, но его своеобразие в Египте заключалось в том, что природные условия страны позволяли даже на таком уровне развития овладеть такой могучей производительной силой, как Нил, и заложить прочную основу для сказочного роста производительности земледельческого труда.

Могучий Нил не только поил, но и отлагал, ежегодно разливаясь, прибрежную почву — плодородный ил. Но прежде чем река стала основой земледелия, ее должен был освоить человек. Без его труда, без искусственных осушения и орошения страна осталась бы топкой низиной посреди зыбучих песков.

Осваивать реку, создавать осушительно-оросительную сеть — копать протоки, делать насыпи, содержать в исправности, открывать и закрывать те и другие — возможно было с помощью самых несложных орудий — землекопной мотыги и корзины для переноски земли. Еще на булаве Хора Скорпиона изображено, как его подданные руками и мотыгой собираются учинить что-то с многоводным протоком. В представлении современников I династии любая «область» их страны была прежде всего орошаемой землей, потому что само слово «область» («ном» греков) уже в те дни писали знаком, изображавшим землю, поделенную оросительной сетью на четырехугольные участки наподобие игральной доски. Весь пересеченный осушительно-оросительными сооружениями Египет уже при I династии должен был быть страной исключительного плодородия.

Как и в последующие времена, узкая долина реки — Верхний Египет — и веерообразно расширяющееся Низовье, многорукавное, близкое к морю, переполненное влагой и заболоченное, были освоены неодинаково. При I династии и даже раньше Верхний Египет на письме обозначался знаком степного растения, произрастающего на полоске наносной земли, тогда как Низовье, страну болотных зарослей, олицетворял куст папируса. Конечно, это не значит, что Низовье было сплошь заболочено. И в Раннем царстве здесь были значительные города, многолюдные поселения, процветало виноградарство, и уже при I династии различали ячмень «нижнеегипетский» и «верхнеегипетский». В гробницах современников той же династии кроме ячменя найдена была также пшеница-двузернянка.

Земледельческие орудия были тогда в общем те же, что и в последующем

Старом царстве. Плуг с очень коротким еще дышлом, но во всем остальном такой же, как впоследствии, засвидетельствован изобразительно в письменах времени II династии. Впрочем, два царя Нижнеегипетского царства (имена нижнеегипетских царей, мы знаем, сохранились на Палермском камне) носят имена, которые можно передать как «Пахарь» и «Тот, кто от плуга». Мотыга показана в действии еще на булаве Хора Скорпиона; знак, изображающий мотыгу, встречается множество раз в надписях времени I династии, а иногда и в более древних. Десятки деревянных серпов со вставными вкладышами из кусочков кремня были найдены в гробнице сановника Хора Простирателя Хемаки; письменный знак в виде серпа многократно употреблен на памятниках той же I династии. На них засвидетельствован и знак, изображающий круглое гумно, обнесенное стеной. Помол зерна, как и в последующие века, производился вручную: грубые зернотерки — два жернова, из которых меньшим на большем растирали зерно,— дошли до нас от того же времени. Таким образом, земледелие в Раннем царстве велось примерно так же, как и в последующем Старом.

То же можно сказать о некоторых других отраслях земледелия. В погребениях времени I династии были найдены льняные веревки и полотна, из которых некоторые изумительного качества (в условиях сухого египетского климата ткани сохраняются отлично). Подобные полотна лучше всяких слов говорят о замечательном умении пользоваться ткацким станком, о большом и долгом опыте в ткацком деле, а следовательно, и о развитом льноводстве. На цветущее состояние виноградарства при I и II династиях указывают бесчисленные винные сосуды: целые или разбитые, они найдены в гробницах того времени. Судя по хозяйственным печатям на иле, которым закрепляли горлышки сосудов, виноградарство процветало, как и в более поздние времена, в Низовье, «сады» на печатях называются в связи с «красным домом», нижнеегипетским казнохранилищем, особенно часто при II династии. Тогда же рядом с названиями садов упоминается северная столица Белые Стены, и неоднократно изображены и поименованы божества западного Низовья. Впрочем, на подобных печатях времени I династии вместе с «областями» Низовья бывают названы то «запад», то «восток». В могилах, современных той же династии, были найдены виноградинки, а также много смокв и плоды одного из крушиновых. Пометки на сосудах того же происхождения упоминают еще какой-то мелкий плод, служивший и в Старом царстве существенным средством питания. Финиковая пальма изображена в саду (?) уже на булаве Хора Скорпиона.

Что касается скотоводства, то едва ли не все виды домашнего скота, известные Старому царству, были известны и Раннему. Быки, ослы, старинная, позже исчезнувшая порода баранов с развесистыми рогами, козы, возможно, также ручная белая антилопа засвидетельствованы на изображениях или письменно, найдены и кости этих животных времени I династии. Хор Сом считал возможным хвалиться на булаве, посвященной в гиераконпольский храм, что угнал вместе со 120 тыс. пленных 400 тыс. голов крупного рогатого и 1422 тыс. голов мелкого. Поскольку известно, что этот царь воевал в Низовье, то вполне возможно и добыча была оттуда — позже, в Старом царстве, низовые топи служили излюбленным пастбищем крупного скота. Пополнение же поголовья путем захватов было обычным явлением: на изображении, наверное, времени Хора Скорпиона мы видим лесистую (в ту пору) страну, согласно приписке — «Ливию», и домашний скот: быков, баранов, ослов,— очевидно, добычу оттуда. На победных изображениях времени Старого царства в заупокойном храме царя Сахура (Сах-и-Рии) те же животные представлены, несомненно, уже в виде военной добычи, притом из той же Ливии.

На пчеловодство, хорошо засвидетельствованное для Старого царства,

определенных указаний как будто бы не имеется, если не считать большого сосуда, помеченного знаком пчелы, который можно прочесть как «мед».

Накануне царствования I династии охота перерастала иногда в настоящий поход. На изображении того времени охотники идут на львов и других животных пустыни в полном вооружении, с арканами, секирами, копьями, луками и стрелами и даже со знаменами. Охотиться на степного зверя можно было и в пустыне повсюду, но птицеловство и рыболовство, судя по данным последующего Старого царства, должны были особенно процветать в Низовье.

Низовье было, надо полагать, уже в Раннем царстве главным, если только не основным местом произрастания папируса. Уже от середины I династии до нас дошел целый свиток папируса — волокнистой «бумаги», приготовленной из ствола этого высокого болотного растения. Поразительно, что такая «бумага» шла тогда же на обертку кремневых орудий.

Но как ни важно было хозяйство, отличавшее Низовье, своеобразие медному веку в Египте придавало высокопроизводительное полеводство. Но была еще одна, хотя и не столь важная особенность, отличавшая египетский медный век: почти все необходимое сырье находили или в самой стране, или в соседней пустыне.

Местные месторождения меди были ничтожны, но ее можно было добывать поблизости, на Синайском полуострове, и присутствие там египтян при I династии засвидетельствовано, хотя и нельзя доказать, что они добывали именно медь, а не бирюзу. Не исключено, что уже к концу II династии египтяне имели медные рудники в Эфиопии. Во всяком случае, у вторых порогов Нила в первую половину последующего Старого царства было египетское поселение, занимавшееся выплавкой меди, и некоторые постройки в нем были сложены из кирпича-сырца того же вида, который употреблялся в Египте в конце II династии. Золото имелось в пустыне между Нилом и Красным морем. Эфиопский юг, по всей видимости, не поставлял еще золота в последующем Старом царстве. Долина реки и пустыня восточнее ее были богаты разнообразным камнем. По породам его, используемым при I династии, можно заключить, что большинство месторождений уже тогда было известно и разрабатывалось. Немногим иначе обстояло дело с полудрагоценными камнями, шедшими на бусы. Большинство таких камней, известных фараоновской древности, знали уже при I династии. Некоторые встречались в пустыне к востоку от реки, другие — на Синайском полуострове (бирюза, малахит), и к посредникам, за редким исключением (лазоревый камень из Афганистана), не за чем было обращаться. Деревом, как мы говорили, Египет был тогда еще довольно богат. Но ценных пород деревьев уже почти не осталось. Черное дерево, еще при I династии применявшееся как для частей обстановки, так и наконечников стрел, привозили из Эфиопии. Использование слоновой кости в огромном количестве почти исключает мысль о ее ввозе из других стран. Скорее всего слон еще водился по окраинам пустыни. Резные изображения, предшествующие началу Раннего царства, показывают его среди степных животных. Возможно, именно непомерное увлечение слоновой костью и стало причиной полного истребления слона.

Таким образом, природные богатства страны и окрестных пустынь позволяли Раннему царству обходиться почти полностью собственным или близлежащим сырьем. Это, конечно, нисколько не мешало египтянам поддерживать связи даже с довольно отдаленными странами. Неясно, мирным или военным отношениям с Палестиной мы обязаны тамошними египетскими находками времени I династии. Если бы некоторые образцы посуды того же времени, найденные в Египте, оказались на деле эгейскими,

можно было бы говорить о его связях уже тогда со средиземноморским островным миром.

Ремесленное производство, располагавшее наряду с каменными также коваными орудиями труда, и притом в большом количестве и многих видов, при сочетании с необыкновенным плодородием земли, преображенной трудом человека, предоставляло большие возможности для обогащения меньшей части общества за счет труда другой, большей его части. Сосредоточение средств производства в руках меньшинства делило общество на угнетателей и угнетенных и вело к образованию государства.

Наши сведения о производственных отношениях Раннего царства неизбежно скудны и неопределенны за недостатком деловых и повествовательных источников.

Печати на глиняных пробках винных сосудов при двух первых династиях из царствования в царствование называют те хозяйства, откуда происходило вино, и управлявших ими должностных лиц. На каждое царствование приходится одно, редко — два таких хозяйства, печати же очень разнообразны. Не означает ли это, что в определенное хозяйство входило множество виноградников, имевших каждый особую печать и расположенных в местности, где виноград преимущественно разводили, т. е. на западе Низовья? Печатей от царских заготовок найдено бесконечно много, притом немало их оказалось далеко за стенами царских гробниц, в погребениях знатных, а иногда и незнатных лиц, получавших царские припасы.

Все это говорит о том, что царские виноградники были очень многочисленны, а царское хозяйство — большое и тщательно управляемое — отвечало за выпускаемые изделия.

Надписи времени II династии упоминают продовольственные заведения, в том числе пищевые мастерские. О существовании тогда в больших хозяйствах и заведений иного рода может свидетельствовать «печать судостроительного» (или, быть может, вообще заведения по обработке дерева) «матери детей царя».

Из надписи на этой печати можно сделать вывод, что уже в конце II династии хозяйство царицы было отделено от хозяйства царя — совсем как в последующее время! Такое разграничение даже в пределах царской семьи предполагает существование уже тогда личных хозяйств знати. Равным образом и выделение царского хозяйства как «дома царя» предполагает существование при I и II династиях также «домов» нецаря. Во всяком случае, такой вывод напрашивается на основании словоупотребления Старого царства.

Но кто же работал в царском хозяйстве и других больших владениях? Ответа на этот вопрос печати от сосудов с припасами, так же как и прочие источники, не дают.

Среди надгробий приближенных и слуг I династии, окружавших своих владык и после смерти, имеется по меньшей мере одно, на котором умерший назван просто *хам*, что в те времена не значило еще, как в Новом царстве, «раб», а скорее означало «слуга». Да и по тому, что вокруг склепов тогдашних царей погребались никак не основные производители материальных благ, а придворные, царские карлики, можно заключить, что этот *хам* был царским слугою. От времени, должно быть, II династии дошла именная каменная печатка «слуги царя». Как мы увидим в дальнейшем, «слугами царя» именовалось в последующие времена земледельческое население Египта. Однако маловероятно, чтобы эта печатка принадлежала не должностному лицу, а простому земледельцу или рядовому служителю. Что слово «хам» действительно значило «слуга» или нечто очень близкое, следует из величания жрецов еще при I династии *хамами* того или иного тогдашнего божества. Как мы увидим в главе о Старом

царстве, подобные обозначения выражали не рабскую принадлежность, а служение кому-нибудь.

Это, разумеется, не означает, что в Раннем царстве не могло быть рабов. Одним из источников рабства было пленение на войне. Раннее царство вело войны и подавляло восстания внутри страны. Связанный пленник — излюбленная тема тогдашнего изобразительного искусства; случалось, изображали целые вереницы пленных, связанных по рукам и за шеи. Иногда представлены определенно иноземцы, но в большинстве случаев изображенные могли бы сойти и за египтян. На одних изображениях мы видим убиение пленных, на других — только их угон.

Как использовали пленных, оставленных в живых? Прямого ответа на этот вопрос мы не имеем. Незадолго до начала правления I династии Хор Сом хвалился добычею из «быков 400 000, мелкого скота 1 422 000, пленников 120 000». Увод 120 тыс. пленных — это целое народное переселение, и превращение всех их в рабов на самой заре фараоновского царства по меньшей мере маловероятно. Как бы завышены ни были цифры, имелось в виду скорее всего переселение, если только не просто подчинение побежденного населения или значительной его части. Так как Хор Сом воевал в непокорном Низовье, эти 120 тыс. могли быть его жителями, выселенными в Верхний Египет или оставленными на месте в подчиненном положении. Захватить столько скота и людей у соседних кочевников западной пустыни, ливийцев, с которыми Хор Сом тоже воевал, вряд ли было возможно.

Вообще же говоря, нет уверенности, что приведенные цифры завышены. Число повстанцев Низовья, павших при II династии в бою с войском царя Хора, Воссиявшего Жезлом (Хасехема), судя по его надписям, тоже далеко не малое (48 205 или 47 209). Что пленники Хора Сома пребывали в том или ином подневольном положении, конечно, не исключено, если угодно, даже подсказано самой надписью: они перечислены вместе с крупным и мелким скотом. Но заключить отсюда, что 120 тыс. человек превратили в рабов, основываясь на всех наших познаниях о последующих временах, было бы все-таки неосторожно.

Раскопки, производившиеся на кладбище Белых Стен, наглядно вскрыли всю глубину общественного расслоения Египта уже в середине I династии.

Как крепость высилась кирпичная громада — усыпальница важного сановника, снаружи убранная отвесными ступенчатыми выступами, а внутри полная потайных помещений, заваленных богатой утварью и продовольствием. С юга возле усыпальницы было выкопано 19 небольших ям, и в каждой из них нашли по деревянному гробику со скрюченным человеческим трупом, завернутым в тонкую ткань, и немного простой посуды, иногда с теми или иными припасами. Только одна, двадцатая по счету могила была побольше, гроб в ней — побольше, а мертвец лежал в полусогнутом положении. Восточнее усыпальницы находилось несколько крошечных могил с птичьими трупиками, обвитыми тонкими тканями и лежавшими в деревянных ларцах, из которых один был отделан слоновой костью и черным деревом; в каждой могиле имелось еще по маленькому сосуду. По соседству раскопали семь погребений собак, во всем подобных птичьим. При пернатых и четвероногих «покойничках» зарыт был человек, очевидно их сторож, без всякого гроба, только в саване, да несколько горшков.

При вельможах, погребенных по-царски, с людьми, пернатыми и четвероногими любимцами, эти люди похоронены были не лучше птиц и собак.

Общественные противоречия выступают здесь со всей наглядностью, обнажая противопоставления верхов и низов общества. Но раскопки сви-

детельствуют также о существовании широкой средней прослойки в середине правления I династии.

В той же местности, что и описанная усыпальница, было найдено непритязательное кладбище рядовых горожан. Из обнаруженной 231 могилы несколько вырублено в камне нагорья, но подавляющее большинство не более как прямоугольные, редко округлые ямы, вырытые в слежавшемся песке. Только единичные могилы из числа вырубленных в скале отделаны изнутри кирпичом-сырцом, и лишь две разгорожены внутри кирпичными стенками на склеп и кладовые. Эти большие могилы достигают около 5 и 4 м в длину. Все остальные намного меньше их (от 1 до 2,5 м в длину). Могилы, выделяющиеся размерами и отделкой, расположены на краю кладбища, словно придатки к нему. Мертвецы похоронены в скорченном положении, многие в деревянных гробах, иные в циновках или в саванах. Некоторые могилы исключительно бедны: лишены какой бы то ни было утвари, другие содержат лишь глиняную посуду. Однако во многих могилах, притом иногда в простых ямах и не всегда длинных, была и дорогая каменная посуда отличной работы, в значительном количестве. В одной такой могиле были обнаружены два набора игральных пешек из слоновой кости, в другой — изящная булавка из того же материала, большая медная чаша и, что особенно любопытно, четыре костяных ярлыка с именем владельца и названием изделий, которые ярлыками пометили — точь-в-точь как у царей и вельмож! Перед нами кладбище простых горожан, отчасти бедняков, отчасти людей с достатком, и какая разница между этими погребениями и современными им усыпальницами знати, которых теперь немало откопано подле столицы и неподалеку от нее!

Столичная знать, располагавшая людьми и богатством,— вот кто вершил уже судьбы страны. Вельможеские гробницы соперничали с царскими, и можно думать, что при I династии сам царь почти терялся в окружении своих вельмож. Гробница царского казнохранителя Хемаки (середина I династии) поистине похожа на царскую и была забита припасами из царских хозяйств. К сожалению, мы не знаем чинов и званий других хозяев вельможеских гробниц.

Все, что нам известно о Раннем царстве, позволяет, более того побуждает считать его государством уже при I династии, если только не раньше.

Раннее царство было двуединым государством, но единство его не было прочным, двойственность оставалась неизжитой действительностью. «Соединение обеих земель» — Верхнего и Нижнего Египта,— которое цари вновь и вновь праздновали при воцарении, все еще оставалось насилием Верховья над непокорным Низовьем, и борьба между ними разгорелась с новой силой уже в конце правления II династии.

Во главе государства стоял царь, преемник верхнеегипетских завоевателей. Двуединость отражали и атрибуты его власти: у царя было два венца: белый верхнеегипетский и красный нижнеегипетский, которые он и носил вместе — один в другом. С начала I династии одним из своих титулов царь «сближался» с «обеими владычицами» — верхнеегипетской богиней-коршуном и нижнеегипетской богиней — змеей-аспидом. С середины той же династии царя величали *инсибйа;* этот титул отражал его власть над обоими Египтами.

Царя окружал многолюдный двор из придворных чинов и прислужников. Царь охотно «всходил» на празднествах, и выходы его отличались значительной пышностью. Но больше всех внешних прикрас значение царской власти оттенялось обожествлением ее носителя. В его лице видели ипостась или явление царского бога и прообраза — Хора, и царь к своему личному имени добавлял еще особое царское как Хор такой-то: Хор Боец, Хор, Высокий Рукою и т. д.

Внешне царь был полновластным хозяином государства. Где кончалось царское и где начиналось государственное, вряд ли кто мог бы определить. Да и слов-то «государство», «государственный» у древних египтян не было. Царское кладбище при обеих первых династиях было полным-полно припасов, которые, судя по печатям на них, принадлежали «белому дому» и «красному дому» — двум учреждениям, на которые тогда еще делилось казнохранилище («белый» и «красный» — по цвету белого и красного венцов).

Печати II династии называют виноградник рядом с «красным домом» и «домом царя», как если бы нижнеегипетское казнохранилище входило в состав царского хозяйства.

Но, поддерживая видимость неограниченной власти царя, вельможи на самом деле не выпускали власти и из своих рук. Все те редкие случаи, которые дают нам сведения о должностном звании хозяина той или иной вельможеской гробницы, говорят о том, что это были высокие должности, в частности в самом царском хозяйстве. И если государственное и царское сливались воедино, то и вельможи I династии, по-видимому, плохо различали разницу между управлением и владением.

Забота о водораспределении, осушении и орошении не могла не тяготеть над правителями. Еще один из ближайших предшественников I династии, Хор Скорпион, изобразив себя торжественно справляющим земледельческий обряд, показал тут же и своих подданных, что-то делающих в широком протоке. Наблюдение за разливом реки как при I, так и при II династии было поставлено образцово. Под каждым годом царствования в староегипетской летописи на Палермском камне точно отмечен уровень воды. Велись, а следовательно, и хранились погодные его записи.

Источники смутно упоминают об «областях», но далеко не всегда есть уверенность, что имеются в виду те самые управленческие округа, на несколько десятков которых делился Египет впоследствии и которые греки называли «номами». На печатях уже при I династии нередко встречается должностное звание, обозначавшее позже, в первую половину Старого царства, начальника такого округа в Низовье. Однако на раннеегипетских печатях это звание часто носят лица, управлявшие тем или иным царским хозяйством. На именной должностной печати середины I династии встречается и позднейшее звание областного правителя, но весьма сомнительно, что оно значило тогда то же, что и впоследствии.

Постоянное войско, по крайней мере в зачаточном состоянии, по-видимому, уже существовало. Да в этом и не было ничего удивительного: сколько регулярных военных мероприятий осуществляло Раннее царство. Оно много воевало с непокорным Низовьем, с соседями южными (эфиопами), западными (ливийцами) и северо-восточными (азиатами). На своем надгробии (время I династии) второстепенный придворный сановник, погребенный в числе других около царского склепа, увековечил себя в виде знака воина с луком в руке, как если бы воинская служба была его постоянным делом. На одной раннеегипетской должностной печати дважды проставлен знак стоящего воина с луком в руке.

Источники с достаточной ясностью свидетельствуют о значении в Раннем царстве писцов. Уже при I династии важный сановник, имея высшие звания, государственное и придворное, не гнушался скромным званием писца.

На печатях времени II династии «писец» встречается неоднократно в качестве должностного звания владельца печати. Каждые два года при II династии в стране производили некий переучет. Известны случаи, когда вместо простого «счета» совершали через год «счет золота (и) полей». Египетские счетоводы оперировали громадными числами еще при Хоре Соме. Тогдашние писцы без устали помечали посуду с припасами

надписями, сделанными чернилами, и можно только дивиться, насколько беглым и уверенным бывал подчас почерк у столь древних писцов. От середины I династии до нас дошла бумага из волокон осоки (папируса), в том числе целый свиток. О развитии раннеегипетского делопроизводства свидетельствует непрестанное опечатывание царскими хозяйствами заготовок должностными печатями и прикрепление к припасам ярлыков, помеченных даже годами. При этом ярлыки — без обозначения года — были употребительны уже накануне правления I династии, печати же и того раньше.

Итак, Египет при I династии был уже государством и имел действенное орудие угнетения — государственный аппарат.

СТАРОЕ ЦАРСТВО
(большая часть III тысячелетия до н. э.; III—VIII династии)

Пирамиды... Для современного человека древний Египет — это прежде всего пирамиды. Они стали как бы его знамением. И хотя пирамид в Египте немало, обыкновенно имеют в виду три великие у нынешнего селения Гиза (подле Каира). Правда, по-настоящему великие из них только две.

Рукотворными горами назвал их средневековый путник. И в самом деле, они кажутся издали горами. Если же стать у подножия одной из двух величайших, то взор отказывается объять необъятную громаду, подняться на ее невероятную высоту.

Самая большая пирамида царя IV династии Хуфу (Хуф-и-Хнамы, Хуфи, Хеопса) занимала площадь более чем 5 га и имела высоту 146,5 м. Она была сложена из 2300 тыс. граненых камней, из которых каждый весил в среднем 2,5 т. Вторая по величине пирамида царя той же династии Хафра (Хааф-Рии, Хефрена) была ниже первой всего на 3 м. Третья — преемника Хафра Менкаура (Мин-куу-Рии, Микерина) — сильно уступала двум первым: она не достигала и половины их высоты. Любопытное вычисление произвел Наполеон во время своего египетского похода. Пока его сподвижники лазали на самую высокую пирамиду, Бонапарт подсчитал, что камня, из которого была сложена эта и две другие пирамиды, хватило бы на стену вокруг всей Франции высотой 3 м и толщиной 30 см.

Но поражают не только размеры, поражает и совершенство работы. Громадные граненые глыбы, из которых сложены пирамиды, пригнаны одна к другой с изумительной точностью. Облицовочные же камни во внутренних помещениях и на наружных склонах сомкнуты настолько плотно, что между ними не просунуть и лезвия ножа, а внутри самой большой пирамиды — даже иглы, листа бумаги или волоса. И вся эта облицовка снаружи, а то и внутри была вылощена до зеркального блеска. В настоящее время наружная облицовка сохранилась вверху второй пирамиды, частично осталась внизу на третьей; от облицовки первой не осталось почти ничего. Из-за разрушения наружной облицовки обнажилась внутренняя уступчатая кладка, но некогда треугольные грани пирамид представляли собой сверху донизу ровные, гладкие поверхности. То были в самом строгом (геометрическом) смысле безупречно правильные пирамиды. И каждая грань, особенно у самой большой пирамиды

была с удивительной точностью обращена к одной из четырех стран света.

Чудовищное давление каменных пластов на внутренние помещения распределялось с помощью разгрузочных пустот, ступенчатых сводов и седлообразных перекрытий. В проходах огромные плиты-заслоны свободно поднимались и опускались по прорезям в камне. В толще пирамиды Хуфу по мере ее роста древние зодчие трижды меняли местоположение склепа, не заполняя прежние склепы и ходы к ним камнем, но сохраняя их полыми в готовой толще кладки.

Одним из «семи чудес света» слыли у древних греков египетские пирамиды, но на деле они оказались еще удивительнее. Остальные шесть* «чудес» погибли, а пирамиды стоят. Средневековые и позднейшие властители Египта сдирали с них облицовку для своих построек, но разрушить пирамиды было им не под силу.

Хотя греко-римские авторы единодушно заверяли, что пирамиды были царскими гробницами, многим впоследствии не верилось, а иным и по сию пору не верится, что это действительно так. Пирамиды принимали за храмы, места тайнодействий, хозяйственные постройки, сооружения для наблюдения небесных светил, заслоны от песков пустыни, даже просто за игру природы. Иным мерещилось, что у таких необыкновенных сооружений должны были быть и необыкновенные создатели — выходцы из загадочной страны Атлантиды или даже гости из потусторонних миров. Особенно повезло самой большой пирамиде. Сколько труда и изобретательности было затрачено, чтобы на основании ее размеров и частей, склепов и переходов создать научные истины, предсказания и тайные учения!

Пирамиды поражали и продолжают поражать людское воображение. Лжеученые домыслы о них давно опровергнуты. Но и самой строгой научной мысли безмолвные громады задают загадки, разгадать которые бывает непросто.

С помощью каких орудий и каких приемов были воздвигнуты пирамиды?

Как могло каменное зодчество в столь отдаленные времена достичь подобной четкости и завершенности?

Откуда брались средства, чтобы из царствования в царствование вести в исполинских размерах каменное строительство, охватывающее помимо самих пирамид их поминальные храмы и целые «города» вельможеских гробниц вокруг?

Чьи руки строили пирамиды и примыкавшие к ним сооружения?

Зачем вообще строили пирамиды?

На первые три вопроса наука уже дала ответ — пусть не исчерпывающий, но все же удовлетворительный. Хуже обстоит дело с двумя последними вопросами. Для ответа на них нужно еще найти необходимые данные.

Человеку, знакомому с древнегреческой литературой, может представиться, что мы ломимся в открытые двери, что никаких загадок на самом деле нет. Разве не описал еще Геродот, как создавалась самая большая из пирамид? Спору нет, его рассказ в общем обстоятелен и вразумителен. Но беда в том, что самого рассказчика от времени постройки пирамид отделяло едва ли не столько же столетий, сколько отделяет нас от него самого, да и писал он со слов путаников-проводников. Согласно Геродоту, работать над пирамидой Хуфу было предписано всем египтянам.

---

* Список «семи чудес света» античного мира менялся, но обычно к ним относят: пирамиды Египта; Александрийский столп (Фаросский маяк в Александрии); Колосс родосский (медную статую бога Солнца в гавани города Родоса на одноименном острове); висячие сады Семирамиды в Вавилоне; храм Артемиды в Эфесе (Малая Азия); статую Зевса работы Фидия и Мавзолей — великолепную гробницу правителя Галикарнасса Мавсола в Карии, в Малой Азии.— *Ред.*

Были закрыты даже храмы и приостановлены жертвоприношения. Камень, добываемый в каменоломнях на восточном берегу Нила, люди должны были волочить к реке. После переправы на судах на западном берегу камень принимали другие люди и тащили оттуда на нагорье к месту постройки пирамиды. По 100 тыс. человек трудились посменно в течение трех месяцев, так что работа в течение года не прерывалась. Десять лет строили только дорогу, по которой доставляли камень к месту строительства, саму пирамиду сооружали 20 лет. Под землей, как бы на острове, было устроено погребальное помещение, омываемое водами Нила. Надземное сооружение, собственно пирамиду, возводили уступами, а для их облицовки поднимали камень с помощью деревянных приспособлений, или расставленных на уступах или последовательно перемещавшихся на них.

Таким образом, облицовка пирамиды завершалась в обратной по сравнению с возведением уступов последовательности — сверху вниз. В надписи на пирамиде было якобы увековечено, сколько было израсходовано на овощи для стола строителей: насколько запомнилось доверчивому повествователю, 1600 талантов серебра.

Если 150—200 лет назад верили еще рассказчику на слово, то теперь это, увы, невозможно. Мы хорошо знаем, как в социальном отношении было расколото тогдашнее египетское общество, как далеко отстояли его верхи от низов, и согласиться, что все египтяне трудились на строительстве пирамиды, мы не можем. Значит, остается и вопрос: кто были те люди, что построили пирамиды? Давно отмечено также, что сообщение о закрытии храмов и приостановке жертвоприношения в годы строительства величайших пирамид плохо вяжется со свидетельством памятников того времени. Да и принимать такие меры, привлекая все население к строительству, было незачем. Камень, из которого сложены пирамиды, доставлялся вовсе не из-за реки, а добывался тут же, на нагорье, где их воздвигали, и только белый известняк для облицовки привозили из заречных каменоломен. Никакого омываемого нильскими водами подземного покоя в большой пирамиде не существовало. Скорее всего применялись деревянные подъемные приспособления механизмов, поскольку на камнях пирамид, в частности самой большой, встречаются выемки, за которые эти глыбы можно было подцепить и поднять, а также выступы, на которые можно было накинуть веревку. Тем не менее возле пирамид — правда, не трех великих — находят следы более грубых приспособлений: остатки наклонных плоскостей, по которым втаскивали наверх глыбы камня. О применении уклонов при постройке пирамид говорили, впрочем, и некоторые греко-римские авторы — Диодор и (со сказочными прикрасами) Плиний Старший. Никаких 1600 талантов серебра на овощи строителям пойти не могло, потому что, как мы увидим в дальнейшем, серебряного денежного обращения тогда в Египте не было и в помине.

В отношении орудий, которыми добывали и обрабатывали камень, Геродот был уверен, что их, как и в его дни, делали из железа. Сколько же было израсходовано на железные орудия, недоумевал он, если столько стоили овощи? Ему было, очевидно, даже невдомек, что железных орудий труда Египет в те времена мог не знать вовсе.

Итак, древнегреческая повесть о постройке пирамид оставляет нам загадки. Если в ней и есть что-нибудь верное, то уточнить это можно, лишь сравнивая с данными самих египетских памятников. Следовательно, все дело за ними, за памятниками, и от них одних надо ждать ответа на наши вопросы.

Жаль, конечно, что среди египетских источников нет повествования о том, как строили пирамиды. Нам самим приходится воссоздавать его по разрозненным известиям. Чтобы разгадать тайну строительства пирамид,

надо понять производственные возможности и общественный строй Египта того времени, а также мышление.

Громадны пирамиды, и поразительно совершенна их кладка. Это, естественно, наводит на мысль, что производственные возможности Старого царства безмерно превосходили производственные возможности Раннего. Если последнее жило в медно-каменном, точнее, медном веке с сильнейшими пережитками каменного, то не вступил ли Египет времени пирамид уже в железный век? Кое-кому и в наши времена, как некогда Геродоту, приходило на ум, что строители пользовались железными или еще более прочными орудиями.

Знал ли тогдашний Египет железо? Он его, правда, знал, и не только «небесный» (метеоритный), но и земного происхождения, однако знал мало, а пользовался им и того меньше. Еще от времени, предшествующего Раннему царству, сохранилось немного бусин из «небесного» железа. В преддверии крытого хода, ведшего к меньшей из трех великих пирамид, среди обломков была найдена медная плошка, опрокинутая вверх дном. Под ней оказалось девять медных магических сосудиков и два таких же аспидных, а кроме того, кремневый предмет для магического обряда «отверзания уст», надписанный именем царя-строителя величайшей пирамиды Хуфу. Предмет был покрыт ржавчиной от какой-то разложившейся вещицы, сделанной из железа не «небесного», а земного происхождения. Железная ржавчина того же рода была обнаружена вместе с медными теслами конца Старого царства в основании храма в городе Абидосе (Абаде). В первом случае железный предмет был, очевидно, такой же магической вещью, как и остальные; во втором — назначение железного изделия (если только то было изделие) остается неясным. Принадлежность двух других находок Старому царству весьма и весьма сомнительна. В наружной кладке большой пирамиды был найден железный предмет, не представлявший, впрочем, орудия труда. Но он, возможно, попал туда во время разборки облицовки пирамиды для строительных надобностей в средние века или в новое время. Не доказана также принадлежность Старому царству обломков железного орудия, найденных несколько южнее великих пирамид.

Из-за скудости данных о знакомстве Старого царства с железом обилие находок медных орудий того времени кажется особенно выразительным. Если уже в Раннем царстве медным орудиям принадлежало ведущее место в ремесленном производстве, то во времена Старого царства количество их умножилось.

Особенно много медных орудий дошло до нас из частных староегипетских погребений, несмотря на то что расхитители гробниц были охочи до дорогой меди. Правда, чаще всего это были небольшие орудия, какие почитали достаточными для магического обслуживания мертвеца. Но обычно их находят целыми наборами, и важно, что эти наборы египтяне составляли не из кремневых, а из медных орудий. Преобладают резцы, но в большом количестве представлены также ножи, пилы, топоры, тесла и т. п. Когда сановник конца III или начала IV династии Хесира (Хасйа-Риа) пожелал увековечить у себя в гробнице свое снаряжение для того света, он изобразил деревянные ящики с набором опять-таки медных орудий (ножи, пила, топор, резцы, шилья, щипцы и т. п.).

Немало дошло до нас и подлинных орудий из меди, в основном из царских погребальных сооружений, где их случайно оставили строители пирамид. В одном из переходов ступенчатой пирамиды царя Джосера (Дасы) (III династия) были найдены лезвия топоров и тесел, разные резцы и ножик. В поминальном храме царя Пиопи (Пйапи, Пепи) II обнаружили целый набор одних медных орудий: два тесла, большой нож, одно крупное и два мелких долота, семь резцов различной длины и какое-то орудие

неизвестного назначения. Дошли до нас также увесистые резцы с отметками о принадлежности их тому или иному рабочему подразделению, в частности из тогдашних каменоломен.

На многих, очень многих камнях староегипетских зданий заметны следы обработки их медными орудиями. Так, следы медных пил имеются на пирамидах царей Джосера и Хуфу, в припирамидных храмах царей Менкаура и Ниусерра (На-уас-Рии). Следы медных резцов обнаружены, например, во множестве на пирамиде Джосера и на ограде вокруг пирамиды одного из его преемников. Применение медных сверл прослежено в припирамидных храмах царей Хафра, Менкаура и Ниусерра. Камень в большинстве случаев податливый известняк, но встречаются также и твердые породы камня. Из такого камня был сделан и гроб, на котором заметны следы пилы из меди, в одной частной гробнице подле великих пирамид. Чтобы придать пилам и сверлам из меди (как известно, это мягкий металл) твердость, использовали песок, крупинки которого, въедаясь в медь, резали камень. Ярь-медянка в пропилах и на песчинках наглядно доказывает, что пользовались медными орудиями. На гробничных изображениях часто показаны в действии медные резцы — в руках мастеров, работающих на хозяина гробницы, а иногда и медные пилы.

Медь в Старом царстве употребляли в ее естественном виде, без искусственного приплава олова (т. е. не бронзу), и орудия из нее, конечно, были мягкими. Правда, их можно было сделать тверже благодаря холодной ковке, можно было и перековать, если они размягчились. По самим каменным изделиям видно, как быстро снашивались медные орудия. Недаром царевичу Хафмину (Хааф-Мине) (IV династия) желали иметь на том свете тысячу одних и тысячу других тесел, тысячу топоров, тысячу пил, тысячу резцов, а надзирателю казнохранилища VI династии Каэманху (Ку-ма-анху) — тысячу тесел, тысячу топоров, по тысяче резцов четырех видов, тысячу пил и в придачу еще тысячу «кирпичей» меди — очевидно, для изготовления новых орудий взамен износившихся. Можно себе представить, сколько орудий из меди должно было использовать Старое царство, обрабатывая такое количество камня!

Медные орудия нужны были не одним камнеделам. Ими пользовались также плотники, столяры, т. е. все, кто работал с деревом. Ведь деревянные рукоятки для орудий, деревянные плуги, весла, суда, бревна, доски, предметы обстановки необходимы были всем. Поэтому на гробничных изображениях мы чаще всего и видим медные орудия в руках столяров и судостроителей. Из меди изготовляли не только лезвия для орудий. Из нее выделывали также всевозможную утварь, украшения, кованые изображения — большие и малые, храмовые засовы, стенную обшивку, водоотводные трубы, даже подобия солнечных ладей свыше 4 м длиной (тех самых, в которых, как думали, плавает Солнце) и т. д.

Откуда же получали тогдашние египтяне свою медь? Часть ее, несомненно, поступала с Синайского полуострова. Однако на Синае добывали не одну только медь, но также в большом количестве и бирюзу. Поэтому нельзя считать любые древние горные промыслы, обнаруженные там, медными. И все же, бесспорно, медь поступала оттуда. В староегипетской летописи на Палермском камне под одним из годов правления V династии значится: «Доставка с Уступов (т. е. с Синая) бирюзы (столько-то), бруски меди — 6000».

В 1960—1962 гг. около вторых нильских порогов, на месте древнего города Бухана (Боон), следовательно, значительно южнее собственно Египта, английский ученый В. Б. Эмери откопал еще более древний староегипетский город. Основным занятием населения этого города, достаточно крупного, растянувшегося на сотни метров вдоль реки, была выплавка меди, добывавшейся где-то по соседству. Было найдено много мед-

ной руды, каменные ступы для ее толчения, вделанные в пол помещений, куски глиняных плавильных сосудов, изложницы, отходы медного производства и случайно пролитая чистая (выплавленная) медь. Обнаружили также черепок с именем царя V династии Какаи Нефериркара (Кукуйи, Наф-ар-ку-Рии) и глиняные печати других царей не только V, но и IV династии: Хафра, Менкаура, Усеркафа (Уас-куфа), Ниусерра. Город населяли преимущественно египтяне: не менее 95% найденной посуды сделано египетскими, а не эфиопскими гончарами (эфиопская посуда представлена лишь в небольшом количестве). Судя по количеству печатей от присланных грамот, со своим «медным» городом египетское государство поддерживало тесную связь.

Как ни велико было значение меди в староегипетском хозяйстве, мягкость ее и дороговизна не позволяли ей вытеснить каменных орудий. Без них хозяйство того времени никак не могло обойтись. В погребениях староегипетской знати, особенно современников III и IV династий, но также и последующих, были найдены ножи, ножички, скребки, изготовленные из кремня. Подле погребальных сооружений основателя III династии Джосера обнаружили сотни кремневых сверл, оставленных каменотесами. Там же были найдены и такие каменные орудия, как округлые молоты без рукояток, молоты с рукоятками, ножи, шарообразный пест и т. п. В поминальном храме родоначальника IV династии Снофру (Санфара) кремневые орудия имелись в изобилии, в том числе топор и ножи. Около пирамиды того же царя, а также подле другой, видимо, более ранней пирамиды, у нынешнего Медума, были подобраны недоделанные кремневые сверла. Возможно, каменотесы оставили кремневые ножички возле гробницы предполагаемого зодчего величайшей из пирамид — царевича Хемиуну (Хам-Анайи); подобные ножички находились и внутри гробницы. Даже в кладовых поминального храма и в долинном преддверии третьей из великих пирамид, следовательно, в царском сооружении конца IV династии обнаружили десятки кремневых орудий: ножей, ножичков, скребков. Много кремневых орудий нашли и в припирамидном храме одного из первых представителей V династии — Нефериркара (Наф-ар-ку-Рии), хотя издатель материалов этого храма и подозревает, что они попали туда в более позднее время. В поминальном храме другого представителя той же династии, Ниусерра, был обнаружен наконечник сверла из красного песчаника.

В домах времени III династии, в городе отнюдь не захолустном, древней священной столице Верхнего Египта — Гиераконполе, были найдены кремневые лезвия. Там же в домах времени Старого царства оказались кремневые вкладыши для деревянных серпов, кремневые ножи, каменные сверла. В одном из домов откопали мастерскую каменной посуды с каменными же сверлами для ее высверливания. На Синайском полуострове возле копей времени III династии были подобраны каменные молоты, округлые и заостренные.

Применение каменного сверла прослежено в поминальном храме царя Хафра (на каменном проеме дверей). На гробничных изображениях Старого царства жертвенных животных постоянно рассекают кремневыми ножами (по-египетски, между прочим, само слово «нож» созвучно слову «кремень» — *дс*), медь и золото куют каменными желваками, камень и дерево лощат каменными лощилами.

Изготовление кремневых орудий находилось по-прежнему на высоком уровне. В одной могиле среди гробниц начала IV династии откопали свыше сотни кремневых ножичков, из которых семнадцать были отсечены один за другим от одного камня. Сложив их вместе, можно полностью его восстановить. Высокая точность отсечки показывает, что делали кремневые орудия мастера своего дела.

Каменные орудия продолжали бытовать рядом с медными. Так, Старое царство пользовалось сверлами двух родов: с каменной рабочей частью и трубчатым медным, причем оба служили для сверления камня. Первое употребляли чаще для изготовления предметов среднего размера (посуды, изваяний), второе — для больших изделий вроде каменных гробов и в строительстве. Впрочем, в последнем в начале Старого царства широкое применение находило и каменное сверло. Кремневые ножи соперничали с медными. В иных случаях использовали исключительно каменные орудия. Если в дерево медный резец загоняли деревянным молотом-колотушкой и в камень — им же, утяжелив в лучшем случае его рабочий конец, то медь и золото ковали более увесистым молотом — каменным желваком, зажатым в руке. Желваками же обивали каменные глыбы, особенно твердых пород, непокорных меди. Каменными были также лощила — равно как у ваятелей и каменотесов, так и у древоделов и медников. Из кремневых вкладышей составляли лезвия в деревянных серпах. Малый жернов на большом жернове составлял ручную зернотерку, бывшую тогда в употреблении. Изредка случалось даже, что некаменные орудия по форме уподобляли каменным. В могиле матери строителя величайшей из пирамид Хуфу, царицы Хетепхерес [Хати (и)-храс] лежали кремневые и золотые ножички внешне совершенно одинаковые. На изображении стрижки ногтей в гробнице Хентика (Ханти-ку) времени VI династии используют ножички именно такого вида. Ножички для ногтей были, по староегипетским представлениям, весьма уместны в посмертном снаряжении царицы.

Как ни живуч еще был каменный век, медный все более и более вытеснял его. Особенно наглядно, можно сказать, осязательно прослеживается столкновение двух веков и торжество медного при изучении построек III династии. В громадном погребальном сооружении царя Джосера камни первоначальной кладки явно носят следы обработки поверхности каменными сверлами, и тут же было найдено от 300 до 400 кремневых наконечников. Напротив, на прочих камнях — а их подавляющее большинство — подобных следов совсем незаметно, зато имеются ясные следы медных резцов.

Но если Египет во время Старого царства жил уже в медном веке, не вытеснив, правда, полностью каменных орудий, или, как говорят, в медно-каменном веке, откуда у страны брались силы для такого исполинского строительства, и притом в течение долгих лет? Разве могли европейские племена в условиях медно-каменного века даже мечтать о подобных сооружениях? Откуда у людей медно-каменного века могли взяться необходимые богатства, развитые производительные силы, чтобы так строить? И тем не менее у египтян Старого царства медно-каменного века такие возможности, такие производительные силы оказались.

Решающее значение имело, конечно, то, что египтяне с помощью простейших орудий смогли освоить величайшее средство производства — могучую реку вместе с отлагаемой и орошаемой ею плодоноснейшей почвой. Высокопроизводительное земледелие было основой экономики Старого царства. Но вот что странно. Мы ждали от него значительного усовершенствования земледельческих орудий, небывалого роста осушительно-оросительной сети, освоения все новых и новых земель, совершенствующихся приемов подачи воды на орошаемые участки. Право, ведь что такое строительство двух первых династий перед почти сверхъестественным строительством последующих? Не должны ли были хозяйственные возможности Старого царства возрасти бесконечно по сравнению с возможностями Раннего? И тем не менее больших изменений или нововведений с переходом от раннеегипетского земледелия к староегипетскому как будто бы незаметно.

Что же представляло собой староегипетское земледелие?

Его производительность зависела прежде всего от умелого использования ежегодного разлива реки, начинавшегося летом и кончавшегося к зиме. Год из двенадцати тридцатидневных месяцев и пяти добавочных дней делился на три четырехмесячных периода с «половодьем» сначала и последующими «всходами» и «жатвой». Да и начинался год в день наступления нильского разлива, который, как правило, совпадал с днем появления на утреннем небосклоне на широте Мемфиса после временной невидимости Песьей звезды (Сириуса) (поскольку у египтян не было високосных лет, египетский год через каждые четыре года начинался на день раньше, был блуждающим). Водораспределительная сеть прорезывала страну вдоль и поперек в Раннем царстве; в какой мере Старое царство расширило и усовершенствовало и без того густую сеть больших и малых протоков и плотин, остается неизвестным. Царский строитель Мерирамерптаханх (Маи-Риа-маи-Птах-анхи) в своем жизнеописании повествует, что царь Пиопи I посылал его рыть протоки: один — в Низовье, другой — в срединной части Верхнего Египта. Поскольку до того речь шла о хозяйственных постройках, сооруженных сановником в той же местности Низовья, оба протока были выкопаны скорее всего для сельскохозяйственных нужд, а не для облегчения судоходства, как это было сделано в области первых порогов сановником Уни при той же VI династии. Однако данное известие стоит особняком среди прочих сообщений тогдашних вельмож о своей деятельности. Отсутствие ясных указаний на освобождение от работ на водораспределительной сети в льготных грамотах VI династии можно объяснить просто-напросто тем, что от нее храмовые служащие и работники не освобождались. В льготной грамоте Пиопи I одному припирамидному городу возбранено привлекать каких-либо его жителей к копанию некоего водоема. Нет ссылок на прорытие новых протоков и в частях староегипетской летописи, уцелевших от времени IV—V династий. Впрочем, ни в льготных грамотах, ни в летописи нет и определенных ссылок на строительство пирамид. Землекопные работы с помощью мотыг подле каких-то вод изображены на стенах солнечного храма царя Ниусерра. Огород и виноградник даже у вельмож поливали вручную из сосудов, наполненных в соседнем водоеме.

Не стали совершеннее и земледельческие орудия. Плуг, мотыга и серп, употребляемые в вельможеском хозяйстве, примерно те же, что и в Раннем царстве. Не видно, чтобы сошник плуга или мотыги имели медные окончания. Серп, судя по подробным его изображениям и материальным находкам, как был, так и остался деревянным, с кремневым вкладышем.

Были две разновидности ячменя, верхнеегипетский и нижнеегипетский, и два вида пшеницы, в том числе пшеница-двузернянка, и еще какие-то виды зерна. Однако большинство хлебных злаков, если только не все, были известны уже Раннему царству. Вряд ли появилось много и новых овощных культур (корнеплоды, лук, чеснок, огурцы, салат и т. д.). Льноводство было широко развито и до Старого царства. О пчеловодстве в это время известно, но имеется, быть может, и более раннее свидетельство о нем.

Разводили в основном тот же скот, что и прежде: быков, баранов с развесистыми рогами, козлов, ослов. Разве что породы крупного рогатого скота стали разнообразнее. Значительную часть скота кормили на убой, так что выработалось особое обозначение для упитанного быка. В Старое царство приручили разные виды диких парнокопытных (антилоп, газелей, козерогов). Судя по тому, как часто их изображали закланными для заупокойной трапезы вельможи или включали в перечни его загробной пищи, мясо их потребляли в большом количестве. С той же целью держали даже диких собакообразных (гиен!) и усиленно их откармливали, пич-

кая птицей и мясом. Эти звери тоже упоминаются в списках загробной снеди вельмож! Но и подобные новшества, видимо, не все были достижением Старого царства. Еще от времени I династии до нас дошли из одной и той же гробницы одинаковые золотые изображения быка и белой антилопы с похожими роскошными повязками на шеях. Из птиц староегипетская знать держала гусей разных пород и уток (на одном изображении имеются и лебеди), равно как и голубей, и целые стаи журавлей, притом не менее чем трех пород. В числе яств, желательных умершим, значились не только гуси и утки, но также голуби и журавли. Сохранилось заупокойное подобие жареной птицы в естественную величину с надписью «голубь». На одном гробничном изображении поверх других кушаний лежит ощипанный, вероятно, жареный журавль. Птицу тоже усиленно откармливали. Ее держали ради мяса. Нет ни малейших указаний на то, что ели яйца.

В общем все выглядит так, как если бы староегипетское сельское хозяйство отличалось от раннеегипетского скорее количественно, чем качественно. Притом при переходе от одного к другому незаметно резкого перелома, который сколько-нибудь соответствовал бы головокружительному взлету каменного строительства.

Несомненно, возможностью развернуть подобное строительство египетские цари были в значительной мере обязаны тому обстоятельству, что Египет был страной с очень теплым, часто знойным и в общем сухим климатом. Мороза, льда и снега египтяне не знали. Когда со временем в Сирии-Палестине им пришлось ближе познакомиться со снегом, они позаимствовали оттуда его название. В Низовье дожди выпадали в ограниченном количестве, а выше по течению реки становились редкостью. Неудивительно, что в таких условиях минимальные потребности населения были невелики.

В Старом царстве мужчины-простолюдины довольствовались обыкновенно куском ткани вокруг бедер или даже поясом с лоскутами спереди и, работая, нередко обнажались вовсе. Лишь немногие (особенно охотники и рыбаки) прикрывали и верхнюю часть туловища: их занятия требовали этого. Женщины носили узкую безрукавную рубаху. Дети ходили нагими. Обуви на простых тружениках на изображениях не встречается.

Просты были и жилища непосредственных производителей. Откопаны дома Старого царства с тесными помещениями, со стенами из кирпича-сырца, с полами из него же или утоптанного затвердевшего речного ила. Еще во вторую половину Старого царства даже у писца дом бывал настолько убог, что продавался за кровать и два куска ткани. Можно думать, что строители второй по величине пирамиды жили совместно и скученно в том большом здании из кирпича-сырца, которое было откопано неподалеку от нее. Однако не лишено вероятности и предположение, что рядовые строители ютились также в окрестных пещерах, образовавшихся при добыче камня для пирамид.

Но как ни благоприятствовали строительству пирамид египетские тепло и сушь, как ни уменьшали они естественные потребности населения и ни способствовали тем самым переключению рабочей силы на царское строительство, все же объяснить наличием подходящих природных условий внезапный подъем каменного строительства с переходом от Раннего царства к Старому никак нельзя. Ведь в египетском климате никаких крупных перемен тогда не произошло.

Далее. Под рукой у египтян Старого царства имелось почти все нужное для производства сырье. Так, может быть, Раннее царство еще не располагало им в такой мере, не освоило должным образом его источники?

Камень Старое царство находило в избытке дома. Известняковые на-

горья и скалы окаймляли долину реки на значительном ее протяжении. Отборный белоснежный известняк имелся на стыке Низовья с Нильской долиной. На юге Египта известняковые горы сменялись песчаниковыми, но в те времена песчаник еще не использовали в строительстве. На крайнем юге страны, у первых порогов, песчаник прорезали пласты твердых горных пород (разные виды красного гранита). Тогдашних египтян особенно устраивало обилие свободно валявшихся здесь глыб, избавлявших от необходимости выламывать твердый камень из скал. Великолепные породы очень крепкого камня имелись и в пустыне между рекой и Красным морем, особенно в средней части Египта, там же находились богатые залежи мягкого камня — алебастра. За южной границей страны, в соседней северной части Эфиопии, у вторых нильских порогов, добывали редкостный прочный камень, например для царских изваяний. Некоторые виды полудрагоценных камней египтяне того времени находили у себя в пустыне. Бирюзу добывали непосредственно за северо-восточной границей, на Синайском полуострове, и в таком количестве, что его прозвали Уступами бирюзы. Правда, другой распространенный полудрагоценный камень — лазоревый — приходилось получать издалека (из Афганистана?) и, несомненно, опосредованным путем.

Но как ни богато было Старое царство камнем и каменьями, едва ли не все они были хорошо знакомы и Раннему царству. Исключение составлял только эфиопский камень.

Примерно то же можно сказать и о рудах. Медь широко использовалась уже в Раннем царстве. Ее добывали на Синайском полуострове заодно с бирюзой, и трудно допустить, что тамошние ее месторождения были впервые открыты во время Старого царства. Даже недавно откопанное египетское поселение в северной части Эфиопии, занимавшееся выплавкой меди, и то возникло не позже, чем на заре Старого царства, если только не при II династии. Поначалу здесь строили еще из сырцового кирпича, внешне такого же, как и употреблявшийся при этой династии. Золото не было редкостью в Раннем царстве, но и Старое не располагало им в избытке. Позднейшая поставщица его — Эфиопия — страна, лежавшая южнее Египта по верхнему течению Нила, в Старом царстве таковой, по-видимому, еще не была. Даже под конец его, при VI династии, властители южной окраины Египта, области и крепости Элефантина (Иба), ездившие далеко на юг, привозили оттуда всевозможные ценности: слоновую кость, шкуры львов и барсов, фимиам, масло, но только не золото. Его добывали в Египте, в пустыне между рекой и Красным морем, но потребность в золоте была настолько значительной, что его везли даже из далекого Южного Красноморья — так называемой страны Пунт. Однажды в начале V династии оттуда вместе с 80 тыс. мер благовонной смолы и тысячами и десятками тысяч других ценностей было привезено 6 тыс. мер «светлого золота».

Из золота изготовлялись отнюдь не одни украшения, но также обшивка для различных предметов, утварь, кумиры, ножички и т. д. И тем не менее потребность в золоте возможно и нужно было удовлетворять в основном из местных египетских рудников. Различали золото трех родов: просто «золото», «светлое золото» и «белое золото». Второе и третье были, вероятно, естественным сплавом золота и серебра в разных соотношениях. «Серебро» редко упоминается в староегипетских надписях. На изображениях мы видим иногда «плавку серебра» или серебряные сосуды, но очень, очень редко, хотя золотых дел мастера и золотые сосуды изображены многократно. Если золото в погребениях находят часто, то находки из серебра на протяжении всего Старого царства представляют редкостное исключение. Даже в захоронении матери царя — строителя величайшей пирамиды — царицы Хетепхерес, где было найдено до двух десятков

полых серебряных запястий, эти последние составляли небольшую толику драгоценностей: большинство было из золота. Таким образом, с золотом и серебром в Старом царстве дело обстояло примерно так же, как и в Раннем. Свинец по-прежнему не находил широкого применения, олово все еще не было известно.

Трудно себе представить, чтобы в Старом царстве Египет стал богаче деревом, скорее он стал беднее им. Правда, на изображениях в солнечном храме царя Ниусерра — следовательно, еще при V династии — в пустыне были многочисленные, хотя и разрозненно растущие деревья, кустарник и трава. Однако высыхание пустыни, давно начавшееся и приведшее ее в конце концов в ее нынешнее состояние, шло своим чередом, и никак нельзя предположить, что растительный покров ее стал в Старом царстве сколько-нибудь гуще, чем в Раннем. В подтверждение этого можно было бы сослаться на факты широкого использования дерева в погребальном строительстве при первых двух династиях и на быстрое уменьшение его в такого рода сооружениях с наступлением Старого царства. Но лучше этого не делать, так как вытеснение дерева из погребальных сооружений было обусловлено прежде всего бурным ростом каменного гробничного строительства. Как бы то ни было, нехватка добротного строевого леса была слабым местом Старого царства. Оно ввозилось из Финикии. Под одним из годов правления родоначальника IV династии Снофру староегипетская летопись отмечает прибытие 40 судов с кедром, под следующим годом — сооружение из него корабля длиной свыше 50 м, а под третьим — изготовление из кедра дворцовых дверей. Под первыми двумя из этих лет упомянута также постройка судов той же длины из некоего красного дерева, тоже сиро-палестинского происхождения. Из жизнеописания вельможи VI династии Уни известно, что акацию для постройки грузовых судов ему доставляли вожди северных эфиопских племен. Из различного привозного дерева староегипетские столяры изготовляли кровати, носилки, гробы, изваяния. Особой любовью пользовалось при этом, по-видимому, черное дерево, привозившееся с юга (египетское слово для обозначения черного дерева, содержавшее согласные *хбнй,* живет и поныне в современных названиях «эбеновое дерево», «эбонит»).

Итак, производственный подъем страны, позволивший развернуть исполинское строительство, нельзя объяснить и открытием на заре Старого царства новых богатых источников сырья. Но, может быть, подобный подъем надо связывать с появлением каких-то совершенных ремесленных орудий, необыкновенно производительных приемов ремесленного труда?

Разумеется, уровень строительного мастерства Старого царства значительно вырос по сравнению с уровнем Раннего царства, но развилось-то оно именно в ходе того самого каменного строительства, возможность ведения которого с наступлением Старого царства мы хотим объяснить. Медные орудия к началу I династии стали уже столь совершенными, что Старое царство переняло их, в сущности, без изменений. Широкого усовершенствования каменных орудий с поступательным развитием медного века странно было бы даже ожидать. Изготовление посуды из твердого камня, достигшее изумительного совершенства при первых двух династиях, а также при III (при ней делали каменные сосуды со стенками не толще листа бумаги!), все более и более уступало место изготовлению ее из мягкого алебастра, легко поддававшегося медным орудиям. Размах работ по дереву был далеко не тот, что прежде. Мастерство ткачей уже при I династии достигло высочайшего уровня совершенства. Гончарный круг засвидетельствован изобразительно при V династии, но отсюда не следует, что он не был изобретен раньше. Удивительно правильные очертания сосудов, сохранившихся от значительно более давних времен, заставляют усомниться в возможности изготовления таких сосудов вручную. Поточ-

ная работа при изготовлении пищевых продуктов во второй половине Старого царства вряд ли была тогдашним нововведением, просто подробных изображений пищевых мастерских более раннего времени не имеется.

Что же опять получается? Экономический подъем должен был быть и был огромным. Но взлет каменного строительства нельзя объяснить лишь тем, что нам известно об орудиях, приемах труда, водораспределительной сети, источниках сырья не только на заре Старого царства, но и в более зрелую его пору. И все же объяснение должно быть.

Наступление Старого царства было ознаменовано внезапным подъемом каменного строительства. С него для нас и начинается Старое царство. Но начало Старого царства было непосредственно предварено другим, отнюдь не меньшим событием — окончательным объединением страны в единое государство.

Мы плохо знаем, что происходило в Египте накануне правления III династии, но именно тогда, в самом конце II династии, царь Хор, Воссиявший Жезлом (Хасехем) потопил в крови последнее восстание в Низовье. Именно тогда пали в отчаянной борьбе десятки тысяч последних поборников независимости Низовья. Более уж мы не слышим о восстаниях в Низовье за все долгие века Старого царства. В имени последнего властителя Раннего царства Хора-Сета, Воссиявшего Двумя Жезлами (Хасехемуи), тождественного, вероятно, Хору, Воссиявшему Жезлом, объединились оба государственных божества — Хор (Гор) и Сет (Сута); другое имя того же царя означало «Тот, в ком умиротворились оба бога».

Конец борьбы двух половин страны, естественно, высвободил для ее хозяйственных нужд рабочие руки, до того направленные на разрушение или не вполне использовавшиеся, и дал возможность сплотить Верховье и Низовье в одно целое, о чем свидетельствуют гробничные изображения и надписи самого Старого царства.

Из староегипетской летописи и гробничных надписей дословно известно, что в пору Старого царства в Низовье было немало пахотной земли и существовала местная разновидность ячменя. И все-таки не полеводство было отличительной чертой тамошнего хозяйства. Хозяйственные печати III династии в полном согласии с раннеегипетскими указывают на Низовье как на место преимущественного сосредоточения царских виноградников. Большинство употребляемых в Старом царстве вин носило названия Низовья и его городов. Значительная часть Низовья, перенасыщенная влагой, была покрыта густыми зарослями болотных растений. Из них, особенно из папируса, плели на месте циновки, плащи, опоясания. Из папирусных стеблей вязали челноки и — что особенно важно — изготовляли писчую бумагу (папирус). Болота и заводи кишели птицей и рыбой.

Птицеловство на изображениях почти всегда связано с болотом. Староегипетское птицеводство зиждилось на ловле и разведении именно водяной птицы. Для развития скотоводства незаменимы были тучные пастбища, служившие отличным выгоном для крупного скота. Гнали ли его сюда, как впоследствии, также из Верхнего Египта, неясно (позже в Верхнем Египте скот пасли и по высоким наносным берегам, недоступным разливу и потому малопригодным для полеводства). Волопасов и их стада охотно изображали в природных условиях Низовья. Даже старшие скотоводы часто изображены в положенных им по чину выступающих передниках, сплетенных из болотных растений — как бы для наглядного подтверждения связи скотоводства с Низовьем. Плетеные плащи, сворачивавшиеся наподобие современных воинских скаток, почитались прямо-таки за неотъемлемую принадлежность пастуха. Само собой разумеется, что скотоводство в надписях, сопровождающих изображения, входило в число «работ», производившихся в топи Низовья. Из нее к вельможе «выходи-

ли», переправляясь вброд, стада быков и коров. Оттуда же ему несли иногда те же пастухи «все доброе, что производит низовая топь»,— стебли папируса и «всякую птицу».

Совсем иначе выглядят староегипетские изображения, передающие моменты поставок из Верхнего Египта. Суда, прибывающие к вельможе, нагружены всяким добром: крупным и мелким скотом, копытными животными пустыни, журавлями, голубями, сосудами, тюками, ножами и т. д., но главным образом зерном. На таких изображениях — а они имеются в нескольких гробницах — большинство грузовых судов, если только не все, по своему устройству предназначены для перевозки зерна. Посреди каждого находится огромное зернохранилище, выше краев засыпанное хлебом — «многим ячменем» и другим зерном.

Низовью, отчасти засевавшемуся, отчасти занятому под садами, лугами и болотами, Верхний Египет противостоял как преимущественно хлебный. В хозяйственном отношении обе половины страны взаимно дополняли друг друга, осуществляя таким образом как бы естественное разделение труда. Хозяйственная специализация юга и севера отчетливо прослеживается по источникам лишь начиная с V династии, так как до того подобные изображения — редкость. Однако естественно считать, что оно в полной мере имело место и при двух предшествующих династиях, поскольку основывалось на различии природных условий каждой половины царства. С окончательным сплочением страны в одно экономическое целое стал возможным новый мощный подъем хозяйства и вместе с тем поразительное каменное строительство.

Но кто были те люди, которых египетские цари, завершив объединение страны, могли принудить в условиях медного, полукаменного века строить пирамиды? Рабы? Или это были люди каких-то других слоев?

Рабство, несомненно, существовало в Старом царстве.

При VI династии младший брат большого сановника, царского зодчего, и сам впоследствии таковой, Мерирамерптаханх, рассказав, как он 20 лет управлял хозяйством брата, добавлял, что никогда не бил там какого-либо человека так, чтобы тот «пал под» его «пальцами», и никогда не порабощал там никаких людей. Слово «люди» написано двумя знаками — мужчины и женщины, так что люди могли быть любого пола. Несколько позже, в конце Старого царства, областной князь Хенку напоминал населению своей области и соседям о том, что никогда не порабощал дочери какого-либо из них. Слову «порабощать», написанному звуковыми знаками, придан изобразительный знак, зрительно поясняющий его смысл,— знак женщины с чертой поперек шеи, т. е. с деревянными скобами на шее, признаком порабощения. Глагол «порабощать» — в обоих случаях *бак* — одного корня со словами *бак, бака,* которые мы в дальнейшем переводим «раб», «рабыня».

В скорописном староегипетском письме, хранящемся в Каирском музее, говорится о «рабыне (*бака*) дома собственного», носящей египетское имя *Мррй.* Слово «рабыня» написано звуковыми знаками с придачей изобразительного — знака женщины с чертой за затылком, очевидно, скорописно переданным изображением деревянных скоб. Значительно раньше, еще в конце IV или начале V династии, некий вельможа, запрещая родне и служащим распоряжаться имуществом, которое он выделил заупокойным жрецам за службу по нему, запрещал также распоряжаться рабами *(бак),* братьями и сестрами этих жрецов. Братья и сестры были, наверное, обездоленными членами семей жрецов, проживавшими при старшем брате в зависимом от него положении. «Рабы» принадлежали самим заупокойным жрецам. Вельможа отличает их от людей, которых он выделил жрецам в виде платы за службу вместе с пашней и «всякою вещью». Этих «людей» он запрещал заупокойным жрецам продавать или завещать

кому бы то ни было, кроме преемников по несению службы. Следовательно, на самом деле можно было продавать и покупать людей. О случае простого захвата людей у прежних хозяев рассказывает скорописное письмо на куске полотна, «отправленное» на тот свет умершему главе семьи его вдовой и сыном (самый конец Старого царства, письмо хранится в Каирском музее). Они молят покойного защитить их от обидчиков, которые захватили все, что было в доме, и вдобавок еще трех прислужниц с египетскими именами. Впрочем, неясно, были ли те действительно рабынями.

О законной покупке людей в целях обеспечения поминок сообщает на своей ложной гробничной двери (Каирский музей, № 56994) один не слишком важный чиновник второй половины Старого царства — «наставник тех, что при вещи (т. е. делах?) житницы» и «руководитель мерящих (зерно»). Над тремя десятками мужских и женских изображений, размещенных на косяках двери, справа и слева от них помещено по две надписи одинакового содержания: «(Мои) собственные платежные (люди) (т. е. люди, за которых заплачено). (Я) достал их в уплату (за нечто) (т. е. купил), (причем они) были (занесены) за печатью в договор подведомственности(?) (т. е. в договоре, скрепленном печатью) из желания, чтобы они приносили (мн)е заупокойную жертву на кладбище», «Слуги (души)-двойника, служанки (Души)-двойника (т. е. заупокойные жрецы и жрицы)».

Вторая надпись относится, очевидно, к изображениям мужчин и женщин, несущих что-то умершему (кадильницу, продовольствие, жертвенное животное и т. д.) или стоящих без дела. Первая же надпись касается, наверное, людей, изображенных за приготовлением хлеба и пива, основного староегипетского довольствия. Из этих людей две женщины толкут зерно, одна просеивает, три растирают его на зернотерках, один мужчина печет хлеб, две женщины мнут его для приготовления пива. Около одной из зернотерщиц стоит девочка. Все мужчины-жрецы поименованы, но большинство изображений женщин нет, что, пожалуй, понятно, если они были женами мужчин, с которыми работодатель заключал договор. Зато изображения всех тех, кто занят приготовлением хлеба и пива, снабжены именами, даже девочки. Хозяин, конечно, знал имена купленных им людей.

Имена все египетские, что, разумеется, еще не доказывает, что носители их были обязательно египтянами; их могли и переименовать.

Без сомнения, люди были действительно куплены, и покупка закреплена письменно в купчей. В купчей на дом второй половины Старого царства (до нас дошел список с купчей, вырезанный на камне и хранящийся ныне в Каирском музее) употреблены точь-в-точь такие же выражения, как и на ложной двери: «достать в уплату», «быть (занесенным) за печатью в договор кадастровой ведомости»(?). Да и обозначение купленных людей говорит само за себя. Мы передали его как «платежные (люди)», и оно действительно одного корня со словом «плата», вслед за тем употребленным. Число купленных людей внушительно (видимо, их целый десяток). Однако, за исключением пекаря, все они — женщины, и, хотя выполняемые ими работы те же, что и в больших мастерских по приготовлению пищи — «заповедниках» (о них речь будет ниже), все же, по существу, это домашние работы. Поэтому никому не возбранено как этих людей, так и рабов заупокойных жрецов считать всего лишь домашними рабами.

В пользу такого мнения могли бы свидетельствовать и надписанные изображения в гробнице сановника V династии Нисутнефера (Инси-нафы). За вельможей следуют два карлика с египетскими именами: один — с тростью и обувью хозяина, другой — со спальным подголовником и по-

ходным ложем. Изображение каждого надписано помимо имени словом «платежный» (т. е. купленный), и оба, несомненно, личные слуги.

Прямо над карликами изображены два «эфиопа», резко отличные по виду от египетских собратьев, несмотря на свои египетские имена. Один — «провожатый» с дорожным мешком и умывальными принадлежностями, другой — «ключник» с хозяйской одеждой. Еще одного слугу, изображение которого надписано словом «эфиоп», мы находим в гробнице царевича той же, V династии Хетепсешат. Это тоже личный слуга: в одной руке у него бельевой мешок, в другой — хозяйская обувь. В Новом царстве наименование «эфиоп» в приложении к слуге означало «эфиопский раб», и вряд ли наши «эфиопы» были кем-нибудь иными. В таком случае в числе частновладельческих рабов имелись и иноземцы.

Слуги-«эфиопы» прической и одеждой сходны с поверженным врагом и пленником, изображенными в поминальном храме царя V династии Ниусерра. Невольники-«эфиопы» (нубийцы) могли быть из числа пленных. Старое царство воевало с окрестными племенами и пленных брало немало. Согласно староегипетской летописи, в один из годов правления родоначальника IV династии Снофру было уведено в плен 7000 эфиопов, в другой раз — 1100 западных соседей — ливийцев. Своих ливийских пленных и учет их египетской богиней письма и счета изобразил в поминальном храме второй царь V династии Сахура (Сах-и-Риа). При VI династии правитель пограничной южноегипетской области Хирхуф (Хуф-Ха-ра), согласно его гробничной надписи, доставил в столицу из Эфиопии «большое число пленных», а общеегипетское ополчение под начальством сановника Уни, разгромив «тех, кто на песке» (возможно, в Азии), взяло пленных «очень много» (плита с жизнеописанием Уни в Каирском музее). Несомненно, однако, что значительная часть пленных попадала не в частные руки. Под одним из годов правления основателя V династии Усеркафа (Уас-куфа) староегипетская летопись сообщает о 70 иноземцах (иноземках?), доставленных в виде дани для царской пирамиды или ее поминального храма.

Порабощение, с которого мы начали наш обзор староегипетского рабства, представляло собой, очевидно, насильственное превращение в раба. В одном из приведенных нами случаев о воздержании от порабощения сказано непосредственно после слов об отказе от беспощадной палочной расправы. В другом же из этих двух случаев единственным предметом возможного, но ни разу не осуществленного порабощения оказываются дочери сограждан. В обоих случаях непричастностью к порабощению хвалятся люди властные — брат и управляющий хозяйством царского сановника и областной правитель. И то, что люди разного общественного положения и жившие в разное время и в разных местностях хвалятся одним и тем же, доказывает, что насильственное порабощение было широко распространено. О произволе власть имущих свидетельствует ставшая общим местом похвальба вельмож второй половины Старого царства, будто бы они по мере сил изымали убогого из рук более сильного. Поскольку подобное связывалось с судейской деятельностью, речь шла, по-видимому, о спасении слабого от сильного на суде. Но если у нас нет прямых известий о долговом рабстве в Старом царстве, то все-таки трудно себе представить иную судьбу неоплатного должника. А что неоплатные должники, по меньшей мере под конец Старого царства, при VI династии, были довольно-таки обычным явлением, показывает похвальба правителя II верхнеегипетской области Мерираиефера (Маи-Риа-нафы), будто бы он возмещал из своего хозяйства заимодавцу ссуду зерном за всякого, не вернувшего ее.

Вот примерно, что с большей или меньшей степенью надежности можно сказать о рабстве в Старом царстве. Немного, очень немного, и к тому

же ни единого достоверного случая применения рабского труда вне домашнего хозяйства. И это при поразительном изобилии источников о староегипетском хозяйстве.

На стенах своих гробниц тогдашние сановники и даже второстепенные должностные лица старались изобразить не только посмертные поставки продовольствия и прочих благ, считавшиеся необходимыми для загробного благополучия, но также и процесс изготовления еды, питья и разных вещей. По египетским понятиям гробничные изображения превращались для умершего в своего рода живую действительность. Изображения производственного характера снабжали общими и частными пояснениями, а подле изображений работников и их руководителей выписывали их профессиональные обозначения, возгласы, разговоры. Разглядывая подобные изображения и читая приписки к ним, мы как бы обозреваем вельможеские владения, подслушиваем, что говорят земледельцы и ремесленники, равно как и управители хозяйства, получаем необходимые разъяснения (окаменелое кино!). И вот вся эта организация сельскохозяйственного и ремесленного труда не была похожа ни на рабовладельческое, ни на крепостническое производство.

Вельможеское хозяйство — единственная область староегипетского хозяйства, которую благодаря гробничным изображениям мы в состоянии изучить сколько-нибудь подробно. Но именно оно и было ведущим в экономике Старого царства.

Что же представляло собой вельможеское хозяйство Старого царства, точнее, времени V и VI династий, так как данные для предшествующего времени довольно скудны?

Правовые различия между собственностью и владением Старое царство отчетливо не осознавало. В древнеегипетском языке не было глагола «принадлежать». «То-то принадлежит тому-то» по-египетски передавалось бы «то-то для того-то» или «то-то под тем-то». И «то, что под тем-то» обозначало в Старом царстве и наследственное достояние, переходящее от отца к сыну, и надел, выделенный без каких-либо оговорок близкому родственнику (жене) за присмотр за поминальной службой, и долю имущества, переданную заупокойному жрецу на договорных началах — пока он правит службу. «Иметь право на что-нибудь» значило собственно «быть с грамотой на что-нибудь» (недвижимость и движимость письменно учитывались государством), и провинившийся сановник равным образом переставал «иметь право» на свою должность, «иметь право» на свою печать, «иметь право» на свое имущество.

Понятие «собственный» было весьма растяжимым и довольно своеобразным. Употребительным способом его передачи в Старом царстве было отнесение чего-либо или кого-либо к «плоти» (точнее, вероятно, к «туловищу» — *дт*) как «самости» того или иного лица, т. е. к нему «самому»: «дом его плоти» — «его собственный дом», «селения его плоти» — «его собственные селения», «быки, мелкий скот, ослы его плоти» — «его собственные быки, мелкий скот, ослы», «платежные (люди) (моей) плоти» — «мои собственные купленные люди», «достояние (моей) плоти» — «мое собственное достояние», но равным образом «его брат его плоти» — «его собственный брат», «властелины его плоти» — «его собственные управители (селений)», «писцы его плоти» — «его собственные писцы», «слуги двойника его плоти» — «его собственные заупокойные жрецы». «Тот, кто от плоти» такого-то, т. е. «собственный человек» такого-то, могло одинаково обозначать как подневольных людей (столяра, пивовара, зернотерщицу и т. д.), так и людей, состоявших лишь на службе у высокопоставленных лиц (домоправителя, т. е. управляющего всем имуществом, надзирателя за заупокойными жрецами, даже сановитого сына самого вельможи, начальника заупокойных жрецов своего родителя).

Мало того, важный царедворец, царский «единственный друг», состоявший на службе при пирамиде последнего царя V династии Уннаса, тоже был у него «тем, кто от плоти его», т. е. «собственным человеком» вещеносного хозяина. Отнесением чего-либо или кого-либо к чьей-нибудь «плоти», или «самости», выражали как личную принадлежность к обладателю «плоти», так и принадлежность к нему как владельцу. Относиться к нему «самому», к его «плоти» могли близкие, приближенные, служащие, слуги, работники, но в равной мере также невольники, животные, земли, строения, вещи, т. е. собственность в употребительном смысле слова,— иными словами, всякого рода движимость и недвижимость и вместе с тем лица, явно не бывшие подневольными. И эту особенность староегипетского словоупотребления надо постоянно иметь в виду при определении рода и степени принадлежности кого-либо или чего-либо, отнесенного к чьей-либо «плоти», объявленного «собственным».

Принадлежащее «самому» лицу (по «плоти», по «самости») противополагали как частное тому, что принадлежало государству. Царскому хозяйству, «дому царя», хозяйство вельможи противостояло как «собственный дом». Царскому «Местожительству», дословно «Внутреннему», «собственный дом» вельможи противостоял как «стороннее», дословно «внешнее». «Плотники и столяры (царского) Местожительства» противопоставлялись «плотникам и столярам собственного дома», «камнесечцы (царского) Местожительства» — таковым «собственного дома», «слуги царя» (т. е. государственные земледельцы) — рабочим «отрядам собственного дома» (тоже занятым на поле), «собственные соединения» областного правителя — соединениям «области под его рукою». Областной правитель тщательно различал то, что было лично его, «имуществом его самого по истине», и то, что считалось имуществом «по должности». Все, составлявшее хозяйство вельможи, его «собственный дом», было не просто его владениями, его людьми, его стадами, но угодьями, людьми, скотом, птичниками, зерном его «собственным» или «дома собственного». Это постоянно отмечалось в надписях, хотя «собственными» были также вельможеские писцы, управляющие, заупокойные жрецы.

Несмотря на своеобразную расплывчатость староегипетского понятия собственности, имущественному праву того времени нельзя отказать в значительном развитии. Если, например, заупокойный жрец покидал службу, то выделенное ему за нее нанимателем имущество в силу распоряжения умершего подлежало возвращению жреческой «череде», к которой жрец принадлежал, несомненно, для передачи его преемнику. Сановник VI династии Упемнефрет (Уп-ма-нафа) закрепил за почившим сыном один из склепов и одно из поминальных помещений в своей собственной гробнице, без права присвоения их родственниками и вообще кем бы то ни было, в присутствии целого сонма свидетелей. Судебным решением опекуну дозволялось пользоваться доходами с подопечного имущества, но не им самим.

Неприкосновенность благоприобретенного «правильного» имущества всячески подчеркивалась. Хозяева гробниц, больших и поменьше, утверждали законность и потому нерушимость права на сооружения: чтобы воздвигнуть их, они никого не ограбили, создали их на собственные средства, «из правильного имущества», щедро награждали мастеров. Иной владелец гробницы спешил даже заверить, что вообще «жил с имущества» своего «правильного», «с приобретенного рукою своею».

По подобным заверениям можно заключить, что далеко не все жили на праведные средства. Притеснения с помощью неправого суда человека убогого более сильным, лишение тем же способом сына отцовского наследства были обычными явлениями. Голодных и нагих было много, и подаяние им хлеба и одежды рассматривалось как первейшая добродетель.

Приходилось «давать жить» беднякам. Обнищание рядового населения ко времени VI династии зашло так далеко, что правитель II верхнеегипетской области Мерираиефер находил нужным хвалиться, будто бы отмерял собственный ячмень и молоко любому голодному в своей области, хоронил в своем полотне неимущего, а за всякого жителя области, не вернувшего ссуду зерном, вносил ее заимодавцу из собственных запасов. Впрочем, еще на рубеже III и IV династий многие мелкие землевладельцы продали свою пахотную землю по неизвестным причинам богатому сановнику Мечену.

Но сосредоточить земли в своих руках староегипетские вельможи могли и не прибегая к незаконным действиям или покупке. Цари располагали огромными земельными запасами и щедро расточали их храмам и собственно знати. Своей землей владелец распоряжался по собственному усмотрению. Выше мы упоминали, что даже мелкие землевладельцы продавали пашни. На рубеже IV и V династий вельможа запрещал своим заупокойным жрецам продавать выделенную им за службу пахотную землю. Продать ее, значит, было возможно. Земля за поминальную службу давалась в условное пользование — пока жрец будет справлять службу, т. е. совершенно на тех же основаниях, на которых царь или храм обеспечивали наделами храмовое жречество. И тут и там наделы можно было завещать и наследовать при соблюдении преемственности служебных обязанностей. Естественно, полноправный землевладелец мог подарить или завещать землю, как и скот, своим родственникам. Наследника можно было назначить, но обычно, по-видимому, им был старший сын, становившийся по смерти вельможи «владельцем всяческого» его «имущества». Прочие братья нередко впадали в зависимость от счастливца. На гробничных изображениях мы часто находим их в окружении вельможи. Иногда младший брат служил у старшего в работниках, писцах, управляющих.

Наряду с пахотной землей можно было завещать, наследовать и даже продавать и людей. Последнее вытекает из вельможеского запрета заупокойным жрецам продавать выделенные им за службу «пашню, людей, всякую вещь». Однако из этого не следует, что такие люди были рабами. Мы видели, насколько расплывчато и своеобразно староегипетское представление о собственности. Вельможам цари дарили целые селения, по нескольку и даже помногу, они переходили по наследству, и их свободно выделяли для обеспечения поминальной службы.

Владения вельмож бывали разбросаны по всей стране, расположены в Верхнем и Нижнем Египте. Соответственно имелся особый «распорядитель дома», или управляющий хозяйством Нижнего Египта.

«Распорядитель дома» был главным полномочным управляющим вельможеского хозяйства, по-египетски «дома», и возглавлял «управу (*ḏ'ḏ'т*) собственного дома». В нее кроме «распорядителя дома» входили писцы, хранитель ведомостей, измерители и учетчики зерна. «Управа» осуществляла верховный надзор за хозяйством. Ей были подотчетны все низшие начальники, и она вершила расправу с нерадивыми. Как в староегипетском административном аппарате, в вельможеском хозяйстве также было занято множество писцов. «Писцов собственного дома» мы видим всюду: на полевых работах, при возвращении с пастбищ стад, в ремесленных мастерских. Зато и отчетность была поставлена хорошо. «Распорядитель дома» представлял хозяину пространные ведомости, и хранитель хозяйственных книг («тот, кто при книге») мог предъявить по первому требованию отчет за весь прошлый год.

Владения вельможи включали в себя отдельные населенные пункты: «дворы» *(хвт)*, «селения» *(нвт)*, к которым во владениях, выделенных на помин души, присоединялись еще «дворы двойника» *(ẖвт-к')*. Во главе

отдельных «дворов» и «селений» стояли властители *(ḫr')*. «Властители» не были деревенскими старостами. Когда надписи сообщают нам прочие звания таких «властителей», они оказываются государственными чиновниками. У известного уже нам царского зодчего Мерирамерптаханха над «селением» «властвовал» младший брат, в будущем тоже царский строитель. «Властитель» отвечал за все хозяйство «двора» или «селения», присутствовал всюду: на севе и на жатве, на току и в хлевах. Соответственно и отчитывался он перед «управой» как в собранном хлебе, так и в поголовье скота. Уничиженно, согбенными представали «властители» перед ней, влекомые стражниками с палками, и, припавши к земле, под надзором все тех же стражников ждали решения своей участи. А нередко отчеты кончались для «властителей» жестоким избиением.

Наряду с сельским хозяйством «собственный дом» вельможи включал в себя и много ремесленных мастерских, объединявших отдельные отрасли ремесла. Ткачество и приготовление пищи составляли особые заведения. Ремесленные мастерские подчинялись своим начальникам, в ведение «властителей» они не входили.

Кто же работал на вельможу в его «дворах» и «селениях», многоремесленных, ткацких и пищевых мастерских?

Несчетное число раз предстают перед нами эти люди на настенных изображениях в гробницах вельмож. Все они — землепашцы и садоводы, пастухи и охотники, птицеловы и рыбаки, медники и златокузнецы, гончары и камнеделы, плотники и столяры, ткачи и кожевники, пекари и пивовары — по виду, одежде, языку, песням, верованиям, а также именам, если они приписаны, настоящие египтяне. Короче говоря, перед нами коренное население страны. Допустить, что оно составляло вельможескую собственность в современном понятии, состояло из частновладельческих рабов наподобие римских, значило бы допустить что-то неправдоподобное.

Непосредственные начальники вельможеских людей работают наряду с ними. Надзирающий за обмолотом зерна гонит по нему скот вместе со своими подчиненными. Начальник медников кует вместе с ними, а надзиратель лощит сосуд. Старейшина судостроительной мастерской, начальник плотников сам тешет дерево, а он вдобавок еще царский чиновник — «тот, кто у изголовья царя». Начальник кожевенной мастерской растягивает кожу, в то время как его сапожник кроит обувь. Начальник камнеделов вместе с ними сверлит и лощит каменную посуду, а надзиратель принимает деятельное участие в лощении изваяния. Даже жрецу-волхву и «писцу дома книги бога» при царском дворе нисколько не зазорно быть изображенным расписывающим каменные сосуды в вельможеской мастерской. Складывают ли в скирду или молотят хлеб, поливают ли или давят в точиле виноград, тащат ли улов рыбы или клетку с пойманным зверем, варят ли пиво или куют металл — никому не кажется неуместным, если наряду с трудящимися прочими работниками изображен кто-нибудь из заупокойных жрецов. Однажды в помощь выжимающим виноград даже придан не кто иной, как хранитель ведомостей!

В нескольких гробницах изображено, как награждают ткачих ожерельями и повязками, а в одном случае еще и продовольствием и тканями. В поминальных храмах царей представлено, как такие наградные ожерелья и повязки получают царедворцы и царские слуги. Встречающиеся на изображениях надписи, передающие возгласы работников и их руководителей, как бы лживы ни были подобные приписки, свидетельствуют все же не о рабском труде. Наводит на размышление и тщательное, продуманное разделение труда в староегипетских мастерских.

Вельможеские нивы и гумна были распределены по «селениям» «собственного дома». И «отряды» *(йзвт)* того же «собственного дома» трудились

на поле с плугом, мотыгой, серпом, при пахоте и жатве. Эти же «отряды собственного дома» гоняли по полю баранов при севе, чтобы втоптать зерно в землю. Согласно изображениям, такие «отряды» состояли только из мужчин. Женщины, которые веяли, входили, по-видимому, в состав «пятерок» и потому именовались «пятерочницами». На гробничных изображениях женщина с мотыгой или за укладкой снопов — редчайшее исключение. В страдную пору иной областной правитель привлекал в помощь «отрядам собственного дома» «слуг царя» *(хмв нйсвт)* — государственных земледельцев подвластных ему местностей.

Посевное зерно отпускалось из хозяйской житницы. Собранный хлеб — ячмень и пшеница — принадлежал «собственному дому». Как и следовало ожидать, из-за разбросанности по «дворам» и «селениям» больших количеств вельможеского скота коровьи упряжки, на которых обрабатывали хозяйские поля, принадлежали вельможе, а не землепашцам. В каждый плуг на изображениях запряжено неизменно по две коровы, и при каждой упряжке в подавляющем большинстве случаев находятся двое, изредка даже трое взрослых мужчин: пахарь, погонщик, а то и поводырь, что идет впереди и ведет упряжку. Вряд ли так было бы, если бы на вельможу пахали земледельцы, пришедшие на его поле со своим плугом и коровами. Но вельможеское хозяйство, хорошо оснащенное и в избытке располагавшее рабочей силой, именно так и должно было пахать. На одном из погонщиков мы даже видим особый передник, который носили скотоводы, но никак не пахари, так что погонщик вполне мог быть пастухом, сопровождавшим своих коров и на пашне. На том же изображении в гробнице Чии сбоку от пахарей доят корову. Мужчина с молоточком говорит доильщику: «Дои, торопись ты, пока не пришел этот властитель!» Незавершенная дойка свидетельствует, что корова была хозяйской. При VI династии правитель XIV верхнеегипетской области по имени Иби прямо говорил о «зерне (?), упряжках, людях» как о своих «собственных» (в слово «упряжка» входят изобразительные знаки плуга и быка). Вельможескими были, конечно, и стадо баранов, втаптывавших зерно после сева, и стадо ослов, возивших хлеб с поля на гумно. Для таких стад овец и ослов имелись особые обозначения. Если верить надписям на изображениях, подобное стадо ослов могло насчитывать сотни и даже тысячи. Хозяйскими были, несомненно, и ослы, молотившие копытами на току снопы.

Вельможеский скот, который пастухи пасли, доили и откармливали на убой, или стоял в «хлевах собственного дома», расположенных во «дворах» и «селениях», или подолгу пасся на отдаленных выгонах, главным образом Низовья. Скотные дворы являлись в то же время крупными молочными заведениями. В одной гробнице изображено, как одновременно доят множество коров, а затем длинная процессия мужчин несет молоко хозяину. Вельможеские скотоводы подчинялись различным начальникам. Главные из них наряду с «властителями» привлекались к отчету в вверенном им поголовье. И те из них, кто не мог предъявить столько голов скота, сколько должен был «дать», подвергался истязаниям как «неугодный своему владыке, нелюбезный своей владычице, ненавистный обоим домам своего владыки» (т. е. верхнеегипетскому и нижнеегипетскому хозяйствам вельможи).

Рыбаки и птицеловы работали обыкновенно многолюдными соединениями во главе со своими начальниками. Ловили рыбу по-разному: с берега и с лодок, неводами, вершами, сачками. Ужение было известно, но не имело большого значения. Значительная часть пойманной рыбы потрошилась на месте и заготовлялась впрок. Если верить многочисленным изображениям посмертной трапезы вельможи, а также пространным перечням необходимых для нее яств, рыба не поступала на стол знати, но тем большее значение, свежая или заготовленная впрок, она имела для простых людей. Пти-

целовство являлось важной отраслью вельможеского хозяйства, так как призвано было помимо поставки дичи к столу пополнять богатые птичники вельможи. Ловили птицу сетями и западнями. Птицеводство было поставлено хорошо и тоже требовало большого количества рабочих рук. В птичники «собственного дома» с вольерами и прудами и без них зерно отпускалось целыми мешками; варили еще и особую еду, которой пичкали откармливаемую птицу. Даже в случае преувеличения данных о количестве домашней птицы у вельмож, ее действительно было очень много. Птица преимущественно была водоплавающая; птицеловство процветало в болотах Низовья.

В составе вельможеского хозяйства имелись и крупные ремесленные мастерские.

Довольно часто ремесленники были объединены в многоремесленные мастерские («палаты мастеров»), в которых были представлены одновременно медники, златокузнецы, каменотесы, мастера по ценным каменьям, по изготовлению каменной посуды и ожерелий, ваятели, «рубильщики» (столяры и плотники судостроители), лощильщики. Это не мешало ремесленникам отдельных специальностей иметь свои особые помещения и своих особых начальников. Так, существовали мастерские по обработке дерева и состоявшие в ведении заведующих, именовавшихся «старшинами», кожевенные мастерские со своими заведующими во главе, мастерские каменной посуды с особыми же начальниками, «распорядители медников», «распорядители рубильщиков», «распорядители ваятелей». Как на полевых работах в своих личных хозяйствах областные правители привлекали в виде дополнительной рабочей силы «слуг царя», т. е. государственных земледельцев, так и в ремесленных мастерских те же областные правители пользовались государственными ремесленниками — «рубильщиками (царского) Местожительства», «камнесечцами Местожительства», «мастерами Местожительства». Отдельные изделия часто проходили через руки нескольких мастеров разных специальностей. Так, предметы обстановки, изготовлявшиеся «рубильщиками», лощили иногда они сами, иногда же особые лощильщики; бусы изготовляли одни работники, а нанизывали их в ожерелья и подвески другие, обыкновенно карлики, чьи маленькие и тонкие пальцы особенно подходили для такой работы.

Особо были выделены ткацкие мастерские, в которых, как и следовало ожидать, преобладал труд женский. Сами мастерские назывались «домом ткачих», а не «домом ткачей». Зато в ткацких мастерских у вельмож во главе стояли знатоки данного дела, сплошь мужчины,— «распорядитель», «руководитель», «писец» (последний, конечно, не был ткачом) «дома ткачих».

В гробнице правителя XIV верхнеегипетской области Пипианха (Пйапи-анхи) (VI династия) перед вельможей, восседающим в кресле, изображены два писца, сидящие на земле и занятые подсчетом, сколько рабочих единиц требуется в месяц и сколько в год. Что речь идет о ткацкой мастерской, доказывает присутствие ключника, стоящего за двумя писцами (ключники ведали также бельем), и третьего писца, учитывающего куски ткани, которые не то вынимает, не то укладывает стоящий перед ящиком мужчина (приписка повреждена, но количество тканей исчислялось, по-видимому, десятками тысяч кусков). И вот оказывается, что в месяц ткацкой мастерской требуется 84 рабочие единицы, а в год — 960 (писцы или, вернее, тот, кто вел подсчет, облегчили себе труд, помножив на 12 лишь 80 без 4). Таким образом, воображаемая мастерская мыслилась крупным заведением. То, что мы здесь перевели как «рабочая единица», дословно означает «две руки» (человеко-руки!). То же самое словоупотребление мы встречаем и на изображении разноремесленной мастерской в гробнице князя Иби совсем другой области (XIX верхнеегипетской). Там «писцы

собственного дома» учитывали «руки» мастеров. Видимо, понятие «человеко-руки» в смысле рабочей единицы было вполне привычным в тогдашних учете и расчетах.

В гробнице Пиианха по соседству с рассмотренным имеется еще одно любопытное изображение. Позади трех мужчин, двух «распорядителей полотна» и одного ключника, из которых второй и третий несут куски ткани, находятся два сапожника и девять мужчин, занятых как будто особым видом ткачества или плетения. Две из них работают на станках, трое или четверо готовят нити, один лощит (?) ткань (?), над одним написано: «изготовление паруса». Девятый сидит возле одного из работающих на станках, как если бы все его дело состояло в том, чтобы помогать товарищу. Сейчас помощник вдевает нить (или веревку?) в деревянную иглу. Это единственное староегипетское изображение чего-то похожего на ткацкие станки, хотя они тогда, несомненно, уже существовали.

Имелись и продовольственные мастерские, египетское название которых *шн^{c}в* или *«дом шн^{c}в»* можно, пожалуй, передать как «заповедник». Эти «заповедные» мастерские служили одновременно и складами готовых припасов. В «заповедниках» приготовляли различную пищу, но основными, а то и единственными мастерскими, тесно связанными между собой, были мастерские хлебопечения и пивоварения (пиво приготовляли из печеных ячменных хлебцев), но поскольку для последних требовалась еще и посуда, то параллельно с ними существовали гончарные мастерские (именно на изображении такой мастерской в гробнице Чии времени V династии мы впервые видим гончарный круг). Во главе «заповедника» стоял его «распорядитель», и там могла быть своя житница с месячным запасом зерна. На изображении одной вельможеской гробницы перед «писцами житницы» отчитываются три «распорядителя заповедника»: один — в остроконечном хлебе, другой — в пиве, третий — в округлом хлебе, так что не исключено существование и более мелких «заповедников» (подразделений?), производивших каждый определенный вид хлеба или пиво.

«Распорядители заповедников» отчитывались перед «управою» в целом или писцами «собственного дома», принимавшими изделия. Проверка была самой тщательной. В качестве меры и измерения использовали большие сосуды. В случае неполноценности изделия приемщик отклонял его, требуя представить другое. В пищевых мастерских работали мужчины и женщины, но одни работы выполняли преимущественно мужчины, другие — женщины. Иные работы были взаимосвязаны: работница лепит хлеб, работник передает его другому, ставящему формы с тестом на очаг, огонь в хорошем состоянии поддерживает третий. Подле зернотерщиц расположились просеивальщицы со своими ситами, причем одна просеивальщица могла обслуживать нескольких зернотерщиц и т. д.

Во всех мастерских все или почти все средства производства принадлежали, несомненно, хозяину. Мы видели, что зерно для посева и упряжки также принадлежали ему. Имеются также сведения о содержании вельможеским хозяйством занятых в нем людей.

В гробнице верховного сановника VI династии Кагемни находится изображение, которое разъясняется сопроводительной припиской как «отведение рыбы (рабочему) соединению» *(чзт* — мужчинам и женщинам, судя по сопроводительным изобразительным знакам) «собственного дома». Целая процессия рыбаков со всевозможной рыбой на шестах, на плечах, в руках, в кошелях, в связках несет напоказ вельможе свое «весьма большое дело». «Писец отрядов» ведет «запись рыбы». В одном только кошеле ее оказывается сотня. Другой «писец отрядов собственного дома» учитывает уже выдаваемую рыбу. Любопытно, что учет ведут писцы самих же «отрядов», как если бы рыбаки были прикреплены к «отрядам» для снабжения их рыбой. Два «распорядителя рыбаков» передают рыбу четырем «распорядите-

лям» и шести «предводителям отрядов» с предложением «ускорить кормежку». Двое мужчин уносят рыбу с довольным возгласом: Мы накормлены». Сходное изображение имелось и в гробнице Чии.

«Распорядитель отрядов» отвечал за несколько рабочих «соединений», «предводитель отряда» — всего за одну. На описанном только что изображении шестеро «предводителей отряда» представляют многочисленное второстепенное начальство; присутствие четырех «распорядителей отрядов», из которых каждый начальствовал не менее чем над тремя рабочими «соединениями», показывает, что имелось в виду кормление множества «отрядов». Вместе они составляли «соединение», как следует из общей приписки к изображению. Из нее не вытекает, что «соединение» было занято на сельскохозяйственных работах и кормление его находилось в прямой связи с ними. Ведь в полном виде приписка имела такой вид: «Смотрит (такой-то вельможа) на всевозможные сельские работы (и) отведение рыбы соединению собственного дома».

С этим изображением и сопровождающей его припиской перекликается возглас работника на одном из изображений в гробнице правителя XIV верхнеегипетской области Пипианха, современника той же VI династии. Изображено льняное поле вельможи. Работники выдергивают лен и вяжут его в снопы. Один работник обращается к товарищам с призывом: «Работайте, спешите, (и) вы дадите этому отряду есть хлеб-пиво (т. е. пищу)», иными словами, чем быстрее вы закончите работу, тем скорее мы будем есть. На поле не видно никакой еды, так что питаться работники пойдут куда-то в другое место. Собрать же им пришлось 62 тыс. снопов льна(!).

В гробнице другого правителя XIV верхнеегипетской области, носящего, как и его предшественник, то же имя Пипианх, жившего во время все той же VI династии, показано, как на поле к женщинам приближается ни много ни мало как «честной (муж) царя» Тетианх (Атати-анхи). Он несет им двух гусей (или уток) и сосуд с молоком и ведет теленка. Другой «честной (муж) царя», следующий за первым, сам проголодался и растирает колосья между ладонями. Над изображениями жнецов написан призыв: «(Несите) ко (мне) пиво — (я) жну ячмень (т. е. зерно, из которого оно приготовлялось)». Тот же призыв мы читаем над изображением жнецов и в других гробницах. В гробнице Хетепхерахти (Хатап-ах-Ахты) на изображении жатвы пожилой жнец, засунув серп под мышку, угощается луком и протягивает его другим. У ног его большая корзина с хлебом и пивом. В ряде других гробниц на изображениях пахоты и сева, жатвы, вывоза урожая с поля тоже видны большие корзины с хлебом, пивом и овощами, а однажды — припасы даже под навесом. На изображении вельможеского огорода в одной гробнице показана доставка занятым там людям опять-таки большой корзины с хлебом.

В гробнице упомянутого областного правителя Пипианха рядышком с птицеловами изображена поварня. Под потолком висят куски мяса, птица и рыба, на земле видны хлеб и сосуды. Два повара готовят пищу. Один жарит утку, другой вертит что-то съедобное в руках. Он говорит помощнику-мальчику: «Изготовь это, (и) ты позовешь молодцов есть хлеб-пиво (т. е. пищу)». «Молодцы», очевидно, те самые птицеловы, что трудятся тут же рядом, в «поле». В той же гробнице вместе с ловлей птиц сетью и рыб неводом изображена и поварня покрупнее с висящими под потолком мясом и птицей, с хлебами и сосудами, вероятно, с пивом и молоком, а также с живыми утками в клетке. Здесь пищу готовят несколько поваров. В других гробницах на изображениях ловли птицы и рыбы, а также изготовления челноков мы видим груды припасов под открытым небом, однажды — под навесом, здесь художник попытался разместить их в некотором порядке по видам съестного.

Особенно охотно приготовление пищи показывали на изображениях скотоводов. Как птицеловам и рыбакам в болотах Низовья, так и скотоводам, пасшим скот на его выгонах, приходилось, естественно, готовить пищу на месте. Помимо изображений кормления главного скотовода представлены груды еды и приготовление ее в значительном количестве несколькими людьми.

Вельможеское хозяйство кормило работников не только в поле, но и в ремесленных мастерских.

На одном из изображений в своей гробнице правитель XIV верхнеегипетской области Пипианх направляется в свою многоремесленную мастерскую обозреть работу изготовителей каменной посуды, ваятелей, медников, ювелиров. Одновременно трое мужчин вносят в мастерскую сосуды, сумки с едой, хлеб, мясо. Над (т. е. за) носильщиками изображены груды разных яств. Сопроводительная приписка поясняет изображение: «Доставка пищи (дословно „вещи", но с придачей изобразительного знака хлеба) мастерам». Показано также, что правитель обозревает работу живописцев и ваятелей. И тут наваленные грудами яства: всевозможное мясо, хлеба, лук и посередине большой сосуд с вином или пивом. Надпись сверху поясняет, кому все это предназначено: «хлеб-пиво (т. е. пища) писцам, намечавшим контур (т. е. живописцам) (и) ваятел(ям)». Заметим, что живописцы заняты вполне ремесленной работой: расписывают шкафчик, сосуд, изваяние. Ваятелям, видимо, везло по части угощений. В гробнице Рашепсес (Шапсас-Рии) за креслом вельможи сидит на земле ваятель и запускает руку в корзинку или миску с плодами; рядом с ним сосуды с напитками. В гробнице Птаххотепа (Птах-хатпи) (V династия) ваятеля катают в лодке и угощают яствами и питьем. На изображении в гробнице Иби, правителя XIV верхнеегипетской области (VI династия), в многоремесленную мастерскую входит мужчина с сумкой и с корзиной, в которой видны несколько пивных или винных сосудов. Он направляется непосредственно к медникам, плавящим медь, и златокузнецам, кующим золото (несколько дальше от него лощат и сверлят сердоликовые украшения; сердолик в изобилии имелся в соседней с Нильской долиной пустыне).

В гробнице верховного сановника Птаххотепа находится уже упоминавшееся нами изображение награждения ткачих ожерельями в присутствии вельможи и его жены. Кроме ожерелий ткачихам давали хлеба, ткани. Над изображениями мужчин, отмеривающих подле житниц зерно и зерновидные плоды, написано: «Отмеривание ячменя (и) пшеницы для вознаграждения (?) домов ткачих» и «Отмеривание (такого-то) зерновидного плода для вознаграждения (?)». Рядом груда разной еды, а далее мужчина передает ткачихе в присутствии ведущего учет писца большой сверток с хлебом. «Вот хлеб. Ожерелье (уже) дано»,— добавляет награждающий. «Писец дома ткачих» приглашает сослуживцев, «распорядителя» и «предводителя» того же «дома», а возможно, также самих ткачих к куче смокв, около которой тоже стоит мужчина с меркой. Как ткачихи, так и управление их «домов» получают также и куски полотна. Ткачихи получают еще и умащение.

Изображено, конечно, незаурядное, торжественное событие. Но за исключением наградных ожерелий, подобные выдачи представляли собой, наверное, не более чем внеочередное повторение в расширенном или сокращенном виде обыденных выдач продовольствия, ткани и умащения.

Если мы пристально вглядимся в изображения вельможеских гробниц на производственные темы, то скоро подметим, что изображенные работники трудятся на вельможу по принуждению. В руках надзирающих за их работой лиц очень часто оказывается тяжелый жгут, реже — палка, т. е. те самые орудия, которыми на тех же изображениях пользуются погонщики крупного скота. Под угрозой избиения трудятся вельможеские люди в поле

и на скотном дворе, в болотах и водах, на лодках и кораблях, реже — в ремесленных мастерских. Если за невыполнение положенных поставок истязали даже управляющих селениями и стадами, то можно себе представить, как такие начальники сами расправлялись с подчиненными, не выполнившими дневной урок или иное задание (уроки на день были распространенным явлением в вельможеском хозяйстве). Недаром младший брат сановника похвалялся тем, что в бытность управляющим его хозяйством («собственным домом») никого не бил так, чтобы тот «пал под» его «пальцами». Очевидно, такого рода «падеж» случался нередко.

И тем не менее из этого заявления следует, что беспощадное избиение считалось предосудительным, а подвластные управляющему люди не рассматривались как вещь, с которой можно обращаться по собственному усмотрению. Впрочем, из других слов Мерирамерптаханха о методах своего управления, согласно которым он никогда никого не порабощал, тоже вытекает, что подведомственное управителю хозяйство зиждилось не на рабстве.

Непосредственные производители материальных благ, работавшие на вельможу, за ничтожными, быть может, исключениями, не были рабами. На вельможу работало коренное население страны, и, как мы неоднократно видели, обращались с ними не как с рабами. Равным образом отношение к труду было совсем не таким презрительным, какого можно было бы ожидать в рабовладельческом обществе. Тем не менее староегипетское вельможеское хозяйство имело и много общего с рабовладельческим производством. И тут и там непосредственные производители работали в принудительном порядке и с помощью не своих, а хозяйских средств производства. Близость староегипетского производства к рабовладельческому грекоримскому была поэтому вполне правильно отмечена академиком В. В. Струве. Дальнейшие изыскания помогут точнее охарактеризовать своеобразное хозяйство Старого царства.

Имеются две приписки к гробничным изображениям, в которых работницы как будто бы названы «рабынями». В гробнице Иинефрет (И-нафы) одна из работниц пищевой мастерской обозначена словом *«хама» (хмт)*, которым впоследствии, в Новом царстве, обозначались рабыни. Совершенно так же названы работницы ткацкой, уже известной нам мастерской гробницы Пипианха (VI династия). «Запись руками служан(ок) *(хама)* для месячной потребы — 84, итого для годичной потребы — 960» (на 12 помножено лишь 80 без 4). Мы перевели египетское слово *хама* русским «служанка» и перевели, наверное, не вполне точно. Тем не менее такой перевод ближе к смыслу староегипетского обозначения. Понятию «рабыня» присущ оттенок полной принадлежности хозяину как его собственности. В староегипетской же письменности нельзя указать ни одного примера употребления слов *хам* — «слуга», *хама* — «служанка» в таком смысле. Напротив, передача их по-русски словами «слуга», «служанка» оказывается чаще всего единственно возможной. Заупокойный жрец и заупокойная жрица именуются по-египетски *хам ку* и *хама ку*. Ни он, ни она не являются ни в каком смысле «рабом двойника» или «рабыней двойника», потому что отнюдь не представляют собой собственность души умершего, а всего лишь служат ей. Поэтому перевод «слуга двойника», «служанка двойника» будет ближе к истине. Храмовой жрец и храмовая жрица назывались *хам ната (ḫм нчр) и хама ната (ḫмт нчр)*. Перевод «слуга бога» и «служанка бога» явно предпочтительнее перевода «раб бога» и «рабыня бога». Ведь в храмовом хозяйстве было сколько угодно людей, занятых сельским хозяйством и ремесленным трудом и куда более походивших на рабов, чем жрецы и жрицы, часто высокопоставленные особы, занимавшие жреческие должности лишь между прочим. Тем не менее эти люди «рабами бога» не назывались. Стало быть, имелось в виду не «рабство» «богу», а «служение»

ему. То же можно сказать о более редком обозначении жрецов *хам* (без *ната)* такого-то бога или богини. (Староегипетские личные имена, сложенные из слов *хам/хама* и наименования какого-либо египетского божества, сами по себе допускают двоякий перевод; например, Хам-Ахти, Хама-Ахти могло бы одинаково означать и «раб/раба» и «слуга/служанка» Небосклонного, т. е. Солнца.)

Сановник V династии Раур (Риа-уира) заявляет в надписи в своей гробнице: «Ни разу не сказал (я) чего-либо дурного против каких-либо людей царю (или) его слугам». Множественное число слова *хам* надо перевести «слугам», а не «рабам». «Рабом» *(бак)* венценосного хозяина можно было уничижительно назвать любого его подданного, но Раур явно имел в виду не просто подданных, а сановников — «слуг царя» (сравни древнееврейское слово «сэбэд» и латинское «министер»).

«Слугами царя» именовалось и земледельческое население Египта как в Старом, так и в Среднем, Новом и Позднем царствах (словом «слуга» нами передано египетское *хам*). Достоверно известно, что в Среднем царстве мужскому обозначению «слуга (*хам*) царя» соответствовало женское «служанка» (*хама*), без добавления «царя». Поэтому можно полагать, что староегипетские «служанки» ткацких и пищевых мастерских были женами, сестрами, матерями и дочерями «слуг царя», т. е. государственных земледельцев.

Вельможескому хозяйству принадлежало ведущее место в хозяйстве страны. Многие староегипетские вельможи изображали в гробницах длинные процессии, в более древнее время — мужчин и женщин, потом — только женщин, несущих продукты сельского хозяйства, изделия пекарен и пивоварен. К изображению каждого участника или каждой участницы таких процессий обыкновенно приписано название местности (двора, двора двойника или селения), которую он или она представляют и олицетворяют. В некоторых случаях эти названия вымышленные, они увековечивают подношения, желательные вельможе для посмертного благополучия, в других же — доподлинные. И тогда видно, сколько дворов и селений могло быть у одного вельможи и как много их было даровано царями, по именам которых они первоначально назывались! Если при этом учесть, каким разносторонним было вельможеское хозяйство, какие отрасли сельского хозяйства и ремесленные мастерские оно объединяло, то можно себе представить, сколько непосредственных производителей материальных благ бывало сосредоточено во владениях одного только вельможи. А в целом во всех вельможеских хозяйствах работала едва ли не бóльшая часть трудоспособного населения страны.

Много народа трудилось, бесспорно, и в царском хозяйстве. О нем мы осведомлены не в пример хуже, чем о вельможеском, но то, что нам известно, а известно не так уж мало, позволяет считать его, по существу, очень похожим на хозяйства вельмож. И тут и там оно состояло из дворов и селений, работников многостепенного управления ими, многоремесленных, ткацких и продовольственных мастерских, выдач довольствия. Но размеры царского хозяйства требовали подчас большей дробности в разделении труда и управления. Так, еще в начале правления IV династии крупный сановник Пехернефер величал себя «распорядителем» двора молольщиц (муки для) остроконечного хлеба и «распорядителем» двора молольщиц (муки для) лепешек (?), «предводителем» пекарей одного рода и «предводителем» пекарей другого рода, «распорядителем» «заповедника» пивоваров Низовья и «распорядителем» «заповедника» пивоваров Верхнего Египта. Позднее упоминается даже «заповедник» царского завтрака. Особым заведением были мастерские царского убора.

Сказанное о царском хозяйстве приложимо в общем и к храмовому. Но, конечно, оно было много скромнее. Ведь в Старом царстве и сами храмы

были довольно скромными. Особое значение в храмовых хозяйствах приобретали, естественно, «заповедники». Их основная задача заключалась в приготовлении жертв, и для этого к «заповеднику» мог быть приписан «двор», т. е. поселение; и вообще храмовое хозяйство, по меньшей мере в некоторых местностях, было поставлено в особенно благоприятные условия. Царские льготные грамоты ограждали жрецов, служащих, работников облагодетельствованных храмов от посягательств должностных лиц, главным образом, от отвлечения на сторонние работы, будь то царские или областные. Храмовое имущество — «вещь бога» — считалось неприкосновенным.

Если рабочую силу в вельможеском, царском и храмовом хозяйствах составляло коренное местное население, а не чужеземные рабы, если ведущее хозяйство страны было основано не на труде рабов, то было бы в высшей степени невероятным, чтобы в стране оказалась вдруг такая масса рабов, руками которых можно было произвести такие страшно трудоемкие, исполинские работы, как возведение пирамид. Нет, пирамиды были воздвигнуты не рабами, а египетским народом. В этом Геродот не погрешил против истины, если бы даже некоторое количество пленных иноземцев и участвовало в работах (вспомним те 70 иноземцев или иноземок, что были доставлены «для пирамиды» при первом царе V династии Усеркафе).

Возможно, были многочисленные мелкие хозяйства, откуда цари могли черпать рабочую силу для сооружения пирамид. Своеобразие наших источников, детально показывающих только вельможеское хозяйство, лишает нас возможности сколько-нибудь подробно представить себе староегипетские мелкие хозяйства. Но они были, и было их много.

Еще на рубеже III и IV династий сановник Мечен скупал пахотную землю у «многих» владельцев, людей подначальных, ни в коем случае не вельмож. Тот же сановник величал себя, между прочим, «властителем (т. е. управителем) надел(ов)», властителем надел(ов) III и IV—V нижнеегипетских областей», «властителем надел(ов), что под жезлом», «властителем надел(ов) большого двора», «властителем надел(ов) большого двора, что под жезлом». Упоминание «большого двора» и областей доказывает, что сановник управлял государственными «наделами». В личном вельможеском хозяйстве «большой двор» неизвестен, как неизвестно и само понятие «надел». Как «надел» мы переводим слово *cxt*, которым впоследствии, начиная со Среднего царства, действительно обозначали земельный участок, переданный кому-либо для обработки. Видимо, и в Старом царстве этому слову было присуще такое же значение, так как одной из льготных грамот VI династии, а именно грамотой царя Пиопи II храму Мины, отменяется «надел(ьный налог), наложенный на слуг божьих (т. е. жрецов) храма». Из льготной же грамоты третьего царя V династии Нефериркара храму в Абидосе доподлинно известно, что жрецы служили за храмовую пахотную землю («пашню бога»), которую обрабатывали, видимо, храмовые же люди. Царь имел в виду рядовых жрецов, которым со стороны власть имущих могли угрожать увод на принудительные работы и лишение работников. Высшие жреческие должности были сосредоточены в руках крупных гражданских и военных сановников, часто членов царской семьи. Правда, должности рядовых жрецов тоже приносили доход и разбирались вельможами и их женами. Но уместен вопрос, выполняло ли на деле свои обязанности важное лицо, набравшее несколько жреческих должностей в различных храмах.

Заупокойные жрецы, пользовавшиеся на условиях отправления поминальной службы выделенными им вельможей пашнями, людьми, «всякою вещью», входили в хозяйство своего «владыки» на правах мелких хозяев. Изредка, видимо, прельщенные возможностью получить лишние доходы, в заупокойные жрецы или жрицы подряжались лица с известным положе-

нием в обществе, но чаще всего ими становились, по-видимому, люди, окружавшие сановника при жизни, его личные служащие — домоправители, писцы, заведующие столовой, палатой, кравчие, заведующие бельем, ключники, лица, ухаживавшие за ногтями, и т. д. Из таких лиц набирались зачастую и начальники заупокойных жрецов — «распорядители», «наставники», «надзиратели» (т. е. начальство высшей, средней и низшей степеней; имелись и писцы «черед», в которые эти жрецы входили). Впрочем, «распорядителем» заупокойных жрецов бывал и сын нанимателя, осуществлявший общий надзор над ними. Видимо, поминальная служба вознаграждалась хуже храмовой, а требования предъявлялись к ней более строгие, так что сановных лиц она не особенно прельщала. Известно немало гробниц рядовых жрецов. У многих из них, следовательно, имелась возможность возвести над могилами надземное сооружение. Однако обычно такая надстройка имела скромные размеры, а строительными материалами служили кирпич, облицованный камнем или необлицованный или же щебень, заключенный в каменный чехол.

В определенных, хотя и не вполне ясных нам отношениях к царскому двору и к царским пирамидам находился обширный круг лиц, владевших землей на льготных условиях. Многие из них, мужчины и женщины, были людьми знатными, но основная их часть занимала скромное положение в обществе. Все они носили одно и то же звание *хант-ши*, что, по-видимому, означает «тот (или та), что от леса (или сада)». Над рядовыми *хант-ши* стояли «распорядители», «наставники» и «надзиратели», т. е. то же самое трехстепенное начальство, какое мы уже имели случай наблюдать у заупокойных жрецов.

Для осуществления своей власти над тружениками и управления хозяйством вельможи нуждались во множестве служащих — от главных управляющих до палачей. Все вместе они составляли ближайшую опору вельможеского владычества, и многие из них по своему общественному положению примыкали к угнетательским верхам: бывали одновременно государственными должностными лицами, имели довольно представительные гробницы с надписями, изображениями на стенах, изваяниями; имеются также указания на ведение ими своего хозяйства с помощью зависимых лиц. В разного рода управляющих и надзирателях нуждались равным образом царские и храмовые владения и мастерские.

Существовало ли тогда в Египте купечество? Уже одно то, что общепринятой формой вознаграждения работников была выдача им содержания продовольствием и вещами, позволяет заранее предполагать, что для возникновения купечества хозяйство страны не было достаточно развито. И все известное об обмене того времени подтверждает подобное мнение.

В вельможеских гробницах неоднократно встречаются изображения обмена. Такие же изображения были вырезаны и на стенах крытого хода, ведшего к пирамиде последнего представителя V династии Уннаса. Обмениваются съестные припасы — зерно, овощи, хлеб, рыба и ремесленные изделия — предметы обстановки, обувь, бусы, зеркала, веера, палки, рыболовные крючки и, кроме того, умащения. Обмен происходит под открытым небом, но продавцы овощей и рыбы имеют вид настоящих торговцев, так как сидят перед большими корзинами с товаром. Прочие участники обмена похожи скорее на покупателей или посетителей рынка, вышедших на него со своими вещами. На одном изображении мы видим мужчину, зашедшего с целью обмена в скорняжную мастерскую. Может показаться, что более простую меновую торговлю трудно себе и представить. Однако, хотя предметы и меняют на предметы, оценивают их все же в зерне, которое, таким образом, служит мерилом стоимости. Поэтому, идя на рынок, охотно берут с собою четверик с зерном — вместо кошелька с деньгами.

Впрочем, и деньги не были вовсе чужды Старому царству. В купчей

второй его половины дом обменивается на кровать и два куска полотна, но оценивается все вместе и порознь в денежных единицах (нечеканных) — должно быть, медных. На плите из своей гробницы Мехуахти (Мах-и-Ахта), сановник второй половины Старого царства, заявляет, что соорудил гробницу «за хлеб (и) пиво», что все мастера были ему глубоко благодарны, поскольку он «дал им одежду, умащение, медь, зерно (в) весьма больш(ом количестве)». На гробе правителя VI верхнеегипетской области Мины (Мени), под его ложем, изображен большой перевязанный и запечатанный ящик, в котором должно было быть «100 000 кирпичей (т. е. брусков) меди». Но у Мехуахти медь не более чем одно из вознаграждений, а баснословное ее количество у Мины — всего лишь плод магического воображения (столько ее желали ему иметь на том свете!). На самом деле в гробнице нашли лишь жалкие куски медной проволоки...

Ну а как обстояло дело с заграничной торговлей? Может быть, на ее почве способно было вырасти купечество, если уж на внутренней торговле ему мудрено было разбогатеть? Пусть в небольшой мере, но все же Старое царство нуждалось в каком-то ввозе из отдаленных стран.

Да, несомненно, потребность в нем была, и государство посылало в далекие страны за тем, что ему было нужно. Но об участии в этом деле купцов мы ничего не слышим. Еще при первом царе IV династии Снофру летопись повествует о прибытии 40 судов с кедром, разумеется, из Финикии. Из него царь соорудил корабли длиной свыше 50 м и дворцовые двери; громадные кедровые бревна оказались и внутри его пирамиды. В финикийском городе Библе (Губле) был откопан храм, а в нем посуда с именами царей Старого царства. При VI династии мореходное судно, предназначенное для плавания по Красному морю, называлось даже «библским». Служащий областного правителя (заведовавший его столовой палатой) по имени Хнемхотеп (Хнам-хатпи) ездил при той же династии со своими владыками, правителями I верхнеегипетской области и «казнохранителями бога» (т. е. сановниками царя, доставлявшими ему зарубежные ценности), в финикийский Библ и на красноморский юг одиннадцать раз!

Возможно, Хнемхотеп большей частью плавал в Библ, но и плавания в Южное Красноморье не были в те времена чем-то из ряда вон выходящим. Под одним из годов правления второго царя V династии Сахура староегипетская летопись сообщает о доставке из Южного Красноморья большого количества благовонной смолы и особого «светлого золота». При предпоследнем представителе той же династии Джедкара (Дад-ку-Рии) «казнохранитель бога» (по имени Джедбабур — произношение условно) привез оттуда карлика (пигмея). Такого же карлика из Центральной Африки в дни VI династии юный царь Пиопи II желал видеть больше, чем поставки из рудников и Южного Красноморья. При той же династии египетский отряд погиб на чужбине во время приготовлений к плаванию на красноморский юг.

Видимо, стремлением к путешествиям надо объяснить плавания по Средиземному и Красному морям повелителей Хнемхотепа, правителей I верхнеегипетской области. Эта последняя не граничила ни с тем, ни с другим морем, а лежала у южного рубежа Египта; благодаря же частым поездкам в соседнюю Эфиопию пограничные египетские областные правители стали завзятыми путешественниками, признанными знатоками своего дела. Один из них, «казнохранитель бога» Хирхуф, предпринял по велению царя Меренра (Мар-ни-Рии) (VI династия) три мирных похода в Эфиопию. Из первого похода, занявшего всего семь месяцев, Хирхуф привез «всякие доставки». Из второго, длившегося уже восемь месяцев, он привез «доставки... (в количестве) весьма больш(ом)». Третий поход, завершившийся уже в царствование брата и преемника Меренра Пиопи II, ознаменовался доставкой пигмея для развлечения юного царя. В указе на

имя Хирхуфа от 2-го года своего царствования фараон повелевал отборным людям стеречь карлика, когда его повезут на судне («чтобы он не упал в воду»), а ночью спать возле него. Но хотя мальчика-царя больше всего занимал карлик, добыча этого похода была настолько внушительной, что ее везли 300 ослов. Ее составили «всякие добрые поступления»: фимиам, черное дерево, масло, барсовые шкуры, слоновая кость и т. п.

Как же получали на месте нужные ценности: путем вымогательства или обмена? Источники не дают прямого ответа на этот вопрос. Правитель I верхнеегипетской области Сабни (VI династия), отправляясь в северную часть Эфиопии за телом своего родителя, скончавшегося в пути, предусмотрительно нагрузил сотню ослов маслом, медом, одеждой, блестящими (глазурованными) вещицами и др. К сожалению, мы остаемся в неведении, для чего он прихватил все это с собой: расположить ли эфиопов подарками или обменять на их продукцию? Скорбная причина путешествия позволяет предполагать первое, однако обратно вельможа вез ко двору фимиам, огромный слоновый бивень, львиную шкуру, добытую еще его отцом, и «всякие доставки» собственного промысла. Подобным примером может служить случай с Хирхуфом. Видя, какая воинская сила, египетская и эфиопская, следуют за ним, один из североэфиопских вождей не только провел его горными путями, но и дал ему быков и коз.

Да и вообще сильная воинская охрана была далеко не лишней в подобных странствованиях. На долю одного из князей все той же I верхнеегипетской области, Пепинахта, выпало царское поручение привезти тело придворного сановника, погибшего на чужбине. Вместе со своими воинами он пал от рук кочевников во время постройки судна для плавания в Южное Красноморье. Недаром все известные нам путешествия в зарубежные страны за все время Старого царства были государственными мероприятиями. Руководили этими мирными походами царские сановники, главным образом правители I верхнеегипетской области. Об участии в них купцов ничего не слышно, подобно тому как на рынке самого Египта мы не можем обнаружить ни одной фигуры крупнее торговца-лоточника. Мало того, в противоположность, скажем, Новому царству у нас нет ни одного староегипетского памятника, будь то гробница, плита, жертвенник или изваяние, который можно было бы приписать торговцу. Торговлею занимались случайно (например, рыбак продавал улов), и, во всяком случае, у торговца не было никаких шансов стать купцом.

Но вот что любопытно. На одном примерно бытовом уровне с мелкими чиновниками, вельможескими служащими, писцами, жрецами стояли не только многие рядовые врачи, зодчие, ваятели, живописцы, певцы, но даже некоторые лица, величавшие себя просто «мастерами», т. е. ремесленники.

Во вторую половину Старого царства на столичных кладбищах заметно увеличивается количество скромных гробниц — не простонародных могил, а именно гробниц, склепов с надземными сооружениями, воздвигнутых представителями средних слоев общества. И вот среди этих гробниц, в большинстве своем принадлежавших рядовым служащим и жрецам, имеется несколько таких, в которых, согласно надписям на них, похоронены «мастера».

Гробницы этих «мастеров» вплотную подводят нас к вопросу о существовании в Старом царстве самостоятельных ремесленников, работавших по договору на заказчиков. Дело в том, что из гробниц разных лиц до нас дошло немало надписей, в которых именно «мастера», и только они, выступают как наемные работники. В этих надписях хозяева памятников заверяют посетителей, что за сооружение гробницы, ее частей или изваяния они платили «мастерам» хлебом, пивом, зерном, умащением, одеждой, подчас даже медью. Случается иногда, упоминают о заключенном с «мастерами»

договоре, но обычно добавляют, что в ответ на щедрое вознаграждение они возносили благодарственные молитвы за заказчика.

На гробничных изображениях встречаются сцены работы по найму тех или иных лиц, не вызывающие особых вопросов. Пристроившись на рынке, бродячий камнерез делает заказчику, стоящему тут же рядом, каменную печатку. «Повиватель», превращавший тело покойника в нетленный труп (в те времена еще только отдаленное подобие позднейших мумий), и похоронная плакальщица получают вознаграждение едой. Мы видели также, что заупокойные жрецы нанимались на договорных условиях править поминальную службу по заказчику за выделенные им «пашню, людей, всякую вещь». Это все понятно. Но мы привыкли считать староегипетских ремесленников работниками государственных или вельможеских мастерских. А получается, что они или некоторые из них могли в любое или хотя бы в какое-то время наниматься на договорных началах на работу к частным лицам. Это вызывает тем большее недоумение, что нам хорошо известны случаи сооружения вельможеских гробниц или их частей нарочно выделенными для того царем «мастерами». Так, царь IV династии Менкаура даровал отцу своего приближенного Дебхени гробницу и при посещении своей еще строившейся пирамиды (третьей из числа великих) в сопровождении царского зодчего и «двух величайших (из) руководителей мастеров» выделил 50 человек, с тем чтобы они ежедневно работали над гробницей вельможи, не отвлекаясь на другую работу. Главный врач второго царя V династии Сахура Н(и)анехсехмет (На-анах-сахма) просил даровать ему в гробницу каменную ложную дверь (подобие двери, через которую умерший, как думали, появлялся за приношениями). Царь велел доставить ему из каменоломен материал для двух ложных дверей, приставил для работы над ними в собственном дворце двух «величайших (из) руководителей мастеров» и «мастеров чистой (мастерской)» и сам повседневно следил за продвижением работы. При той же V династии каменный гроб, пожалованный царем вельможе, был доставлен из каменоломен на само кладбище.

Разгадать кажущееся противоречие позволяет небольшая надпись, начертанная на лицевой стороне скромной гробницы второстепенного придворного. В этой надписи хозяин гробницы по имени Мерихуфу (Маи-Хуфи), представив себя как «состоявшего в чести у (царя) Менкаура, заявляет посетителям: „(Мой) владыка соорудил (мн)е это (т. е. гробницу) потому, что (я) был в чести (у него). С тем, кто сделает что-нибудь дурное против нее (т. е. гробницы), (меня) рассудит из-за нее большой бог. Удовлетворил (я) мастеров, работавших на него“». «Удовлетворил» — обычное выражение в староегипетских заявлениях о вознаграждении «мастеров». Местоимение 3-го л. ед. ч. м. р. в самом конце надписи повреждено, но читается издателем, и предлагаемая им реставрация действительно обоснована. В таком случае это местоимение царя. Гробницу соорудил царь, и «мастера» работали на него. Он направил их строить ее, и они пошли, потому что так им было приказано. Но Мерихуфу вознаградил их за работу. Равным образом строить гробницу царице, супруге Менкаура, были, наверное, отряжены государственные «мастера», и тем не менее составленная по этому поводу надпись кончается, по-видимому, так же, как и надпись Мерихуфу. А современник V династии, один из правителей XX верхнеегипетской области, по имени Инти, добавляет к обычным утверждениям: «Я [не] принуждал их (т. е. мастеров) работать слишком много из желания, чтобы они молили за меня бога там». Но из гробничных изображений мы знаем, что у таких правителей были даже свои «мастера».

Не все, конечно, могли рассчитывать, что получат «мастеров» от царя или, как какой-нибудь областной правитель, возьмут их из собственных мастерских. Тут уж, вероятно, действительно приходилось нанимать «масте-

ра», договариваться с ним. Ключник царской житницы Неферхеренптах (Наф-ха-на-Птах) на притолоке своей гробницы заявляет: «Камнесечец Пиопи был доволен договором, заключенным (мною) с ним».

Пользоваться рабочей силой, обязанной выполнять работу в принудительном порядке, и рассматривать довольствие как плату за нее было тогда в обычае у господствующих верхов. Мы видели, что неизбежные участники вельможеских похорон — «повиватель» и плакальщица получали за свой труд угощение. Это все вместе — хлеба, пиво, мясо — обозначалось как «пересечение устами (еды)». Здесь «пересечение устами» может сойти за плату. Но что сказать о словоупотреблении надписи, оставленной Канефером (Ку-нафой), царевичем VI династии, во время похода за камнем в среднеегипетскую пустыню. Его «многочисленное» ополчение из 1000 людей дворца, 100 каменотесов, 1200 подсобных горных работников и еще 50 каких-то людей пришло туда отнюдь не добровольно, и тем не менее их начальник считал, что они работали за (именно «за») «пересечение устами», т. е. за необходимое довольствие! «(Я) произвел эту работу за пересечение устами в виде всякого добра, а дало его величество быков 50, мелкого скота 200 (голов) как ежедневную потребность (на) всякий день»,— сообщает царевич. Одежда, между прочим, тоже входила в состав вещевого довольствия государственных работников. Из письма времени той же VI династии мы узнаем о вызове «ополчения отрядов» заречных каменоломен в столицу для получения одежды.

Изображения обмена на стенах погребальных сооружений также помогают понять положение мнимых вольнонаемных «мастеров». Мы уже толковали об этих изображениях. Их известно не одно и не два, а едва ли не добрый десяток. И вот ни на одном из них ни разу, за одним и притом частным исключением, не названо понятие покупателей. «Очень хорошая (рыба) *бгт*, мастер!» — взывает продавец рыбы в крытом ходе к пирамиде царя Уннаса V династии. Продавцы умащения на изображении в гробнице верховного сановника VI династии Кагемни говорят покупателю: «Вот очень приятное умащение. Умастись, мастер!» В гробнице Анхмахеру (Анах-ма-Хары) того же времени продавцы говорят покупателю, просящему показать ему спальный подголовник: «О мастер, ты, что муж благодетельный!» На изображении в гробнице Тепеманха (Тап-ма-анаха) продавец, несущий на голове мех с умащением (?), восклицает: «Мне очень тяжело, о мастер!» Очевидно, «мастера» были основными покупателями на рынке. Но какое дело до их покупок хозяевам гробниц? Слово «мастер» в приложении к одному человеку значило в Старом царстве прежде всего и преимущественно «камнедел», да и сам знак, которым это слово писалось, изображал сверло для каменных сосудов. «Мастера»-камнеделы создавали гробницы вельможам. «Мастеров» хозяева гробниц за то якобы щедро вознаграждали, получая тем самым неоспоримое нравственное право на места своего вечного упокоения. На рыночных изображениях ремесленники меняют избыток своей продукции на любую другую нужную им продукцию и воочию доказывают посетителям гробницы, что получили щедрое вознаграждение. У вельмож «мастера» могли быть их собственными ремесленниками, вспомним, как награждают довольствием ремесленников и других работников на изображениях в вельможеских гробницах. Но для нас сейчас особенно любопытно, что «мастер» оказывается покупателем на изображении и в погребальном сооружении царя Уннаса. Над этим сооружением, над царской пирамидой трудились те же «мастера»-камнеделы, о которых речь пойдет ниже. И «мастер», выступающий тут в качестве зажиточного покупателя, не кто иной, как один из камнеделов, создававших царю усыпальницу. Такой «мастер» мог быть только государственным работником, и тем не менее он был изображен как облагодетельствованный, вознагражденный за труд строителя.

Мы уже знаем, что при посещении строительства своей пирамиды царь Менкаура, которого сопровождали царский зодчий и «величайшие (из) руководителей мастеров», отрядил отсюда 50 человек на постройку гробницы своему приближенному Дебхени. Надо полагать, что это были «мастера». И сколько их было занято на строительстве пирамиды, если можно было взять и перевести полсотни человек на другую работу, с которой их нельзя было снимать. К тому же «мастера» и прямо названы основными камнеделами, трудившимися над той же третьей великой пирамидой — пирамидой Менкаура. На многих камнях примыкавшего к ней поминального храма нанесены пометки, называющие «мастеров нагорья» (того нагорья, где находится пирамида и где добывали для нее камень), а также их рабочие подразделения.

Но «мастера»-камнеделы были, конечно, не единственными работниками на строительстве царских пирамид. На камнях погребальных сооружений времени IV династии — как самих царей, так и частных лиц — видны еще другие рабочие пометки, сделанные краской. Из них мы узнаем, что во время постройки великих пирамид в каменоломнях трудилось ограниченное количество рабочих отрядов, делившихся каждый на несколько подразделений. От времени строителя самой большой пирамиды — царя Хуфу — имеются сведения о четырех таких отрядах, от времени Менкаура — о трех. Однако не без основания полагают, что в помощь постоянным рабочим отрядам цари — строители пирамид могли привлекать подсобную рабочую силу со стороны, и притом значительную. В последующем Среднем царстве так оно и было. Такую подсобную рабочую силу Старое царство могло черпать в первую очередь среди трудового населения государственных и вельможеских владений, а также среди других общественных прослоек. Царские льготные грамоты второй половины Старого царства, данные тому или иному верхнеегипетскому храму в целях освобождения его людей от государственных повинностей, в том числе и от «всякой работы дома царя», распространялись не только на трудовое население, но и на жрецов и служащих храма. Поэтому Геродот, писавший о привлечении к строительству величайших пирамид поочередно «всех» египтян, в какой-то определенной мере мог быть и прав. Как бы то ни было, участие в строительстве пирамид множества строго упорядоченных и обученных рабочих «соединений» может объяснить поразительное совершенство пирамидной кладки.

Чтобы население вельможеских и царских владений, разбросанных по всей стране, работало на их хозяев и вдобавок воздвигало каменные города мертвых и пирамиды, необходима была твердая государственная власть. Ведь сплотить Египет южнее Низовья, т. е. бóльшую часть страны, очень узкую и очень длинную долину, где области были пространственно разобщены и мало связаны друг с другом, было нелегко.

В единодержавии наиболее ярко выразилась староегипетская государственность. Знать отдала в руки царя власть без меры и без границ. Страна должна была покоряться единой воле. Верхний и Нижний Египет слились теперь в одно государственное и хозяйственное целое. О верхнеегипетском происхождении царской власти забыли. Боги Низовья стали самыми чтимыми при дворе. Столица находилась постоянно в Низовье. Во второй половине Старого царства Верхний Египет имел особого правителя. Вошло даже в привычку называть Нижний Египет раньше Верхнего. После III династии исчез и раннеегипетский «красный дом», казнохранилище Низовья. Сочетание «белый дом», обозначавшее некогда верхнеегипетское казнохранилище, стало теперь обозначением единого казнохранилища, а также казнохранилища вообще. Со временем память о «красном доме» настолько изгладилась, что государственное казнохранилище стали именовать «обоими белыми домами». Впрочем, это было чисто словесное удвое-

ние. Постепенно у Старого царства появились также «обе житницы», «оба дома золота», «оба дома оружия», «обе чистые (мастерские)» и другие «двойные (учреждения)». Удвоение, по-видимому, означало лишь то, что данное управление или заведение имело общегосударственное значение. Тем не менее представление о двойственности царства сохранялось, в частности, в царских титулах. Единодержавный правитель Египта оставался «владыкой обеих земель».

В пору наивысшего могущества староегипетского самовластия, когда оно еще было нужно знати, царь полновластно распоряжался в любой из нескольких десятков областей, на которые делилось его царство. Тогда он по собственному усмотрению перебрасывал областных правителей из области в область, из Нижнего Египта в Верхний и обратно. Жизнеописание одного из таких сановников, Мечена, жившего на рубеже III и IV династий, служит тому ярким примером. В каких только областях не перебывал этот вельможа в должности областного правителя! Но во вторую половину Старого царства на местах стали выдвигаться владетельные роды областных правителей. Все в государстве: суд и кара, назначения и пожалования, наложения повинностей и освобождение от них, военные походы и поездки за пределы страны, ирригационные мероприятия, работы по облегчению судоходства, государственное строительство и разработка горных недр — все в конечном счете возводилось к особе царя. Он назначал, он давал, он приказывал, он посылал, и все должно было выполняться так, чтобы он оставался доволен.

В личном распоряжении царя находились огромные людские, земельные, продовольственные и материальные ресурсы. Царица и царские дети имели свои личные хозяйства. Трудно установить, существовало ли какое-нибудь различие между хозяйством «дома царя» и государственным хозяйством. Государственные хранилища всевозможных ремесленных изделий, продуктов были не более чем хозяйством «дома царя», государственные работы — его работами, пожалования государственным сановникам — его пожалованиями. Как велики должны были быть владения, которыми располагали цари, видно уже хотя бы по тому, что бесчисленные вельможеские поселения назывались по именам их прежних царственных владельцев. По стенам поминального храма родоначальника IV династии Снофру тянулись нескончаемыми вереницами изображения женщин с дарами. Согласно сопроводительным надписям, эти женщины олицетворяли собой царские селения, выделенные на помин души царя. Поселения, основанные царями, мы находим и в составе храмовых владений, а староегипетская летопись из года в год перечисляет земельные дарения царей V династии своим божествам. Нельзя также забывать об огромных доходах, поступавших царю в виде податей, и т. п. При VI династии правитель Верхнего Египта по имени Уни похвалялся, что налагал подати и повинности по два раза в год.

Своего самовластного правителя знать окружала перед лицом народа божескими почестями. В пору своего наивысшего могущества староегипетскому царю мало было слыть просто «богом» — он мнил себя «большим богом». Еще при VI династии, когда царская власть уже значительно ослабла, утверждали, что египетский царь славнее всех богов.

И тем не менее в кругу своих вельмож «добрый бог» становился человеком. Конечно, он никогда не забывал о своем положении, и милостью для приближенного, даже царского свойственника, каким был Птахшепсес (Шапсас-Птах), было позволение целовать ноги царя, а не прах перед ним. Однако иные милости поднимали облагодетельствованного почти до уровня самого милостивца. Одному он разрешал следовать за собою в носилках, другому — быть умащаемым в своем присутствии, третьему выказывал величайшую заботу в дни болезни, четвертому посылал письма, полные предупредительной любезности, а иногда даже написанные собственноручно.

Однажды дело дошло до извинения царя перед подданным за невольно нанесенный ущерб, и не только устно, но и письменно, с увековечением на гробнице пострадавшего. А все происшествие сводилось к тому, что второй царь V династии Сахура во время плавания уронил на ногу сановника Раура свой жезл! Царь был очень обходителен с вельможами и имел на то все основания.

Первым после царя лицом в системе управления государством был верховный сановник, часто неосновательно сопоставляемый с арабскими везирами. Он был одновременно главным судьей, но круг его полномочий как верховного сановника трудно очертить даже с приблизительной точностью. Он не столько направлял работу совокупных ведомств, сколько сам по возможности сосредоточивал непосредственно в своих руках управление множества отраслей хозяйства и государственных должностей. Можно только дивиться, как поспевал он одновременно управлять «шестью великими дворами» (так именовались верховные судебные палаты), руководить местными властями, следить за различными государственными хранилищами, направлять деятельность всевозможных государственных мастерских, руководить всеми работами, затеянными его правителем. Круг обязанностей верховных сановников то расширялся, то сужался. Одни из них передавали часть своих должностей другим сановникам, а иные присваивали себе новые, например к концу Старого царства должность градоначальника столицы. Но одно было не принято у верховных сановников — быть военачальниками.

Военное дело в Старом царстве получило значительное развитие. Основным оружием оставались простой лук и стрелы, но государство держало про запас столько оружия, что нужен был особый «дом оружия» (а то и «оба дома оружия») с особым «распорядителем» во главе. Пехота по-прежнему была единственным родом сухопутных войск, но различали несколько ее видов. Границы со стороны Синайского полуострова и Эфиопии были укреплены, и вообще крепости были разбросаны едва ли не по всей стране, возможно, на случай вторжения кочевников из пустыни. В бою начальники, по меньшей мере некоторые, не вступали сами врукопашную, а руководили действиями своих сил. Засвидетельствован целый ряд званий военачальников. Когда в начале VI династии при царе Пиопи I созывали общеегипетское ополчение, к нему присоединили эфиопские вспомогательные отряды («мирные», или «ручные, эфиопы» служили стражниками? и в самом Египте). Ополчение, насчитывавшее якобы «многие десятки тысяч» воинов, выступало в поход под общим предводительством царского уполномоченного (известного уже нам Уни) и под непосредственным командованием гражданских должностных лиц, стоявших во главе ополченцев дома.

Нам известны многие лица, носившие звания военачальников, в том числе лица высокопоставленные, даже царевичи. Следовательно, верховные сановники оставались в стороне от дел военного ведомства, можно думать, не совсем добровольно, а причина коренилась в нежелании царя сосредоточивать слишком большую власть в руках своего верховного слуги. Противопоставление гражданскому управлению управления военного с поручением этого последнего в какой-то мере членам царствующей династии могло бы также указывать на то, что войску придавали большое значение.

Верховный сановник неизменно был и верховным судьей. Это означало, что судоговорению знать придавала очень большое значение. Хотя судьи охотно состояли жрецами своей богини Муа (Маат), т. е. «Правды», незаконное лишение по суду отцовского наследства, отдача слабого в руки сильного были явлениями общеизвестными. Достаточно развитое судопроизводство требовало множества судей и писцов, сопровождалось многочисленными свидетельскими показаниями и подробной записью. В судебном

порядке, хотя и тайно, с участием царского доверенного (все того же Уни), но без верховного сановника рассматривалась в начале правления VI династии даже вина царицы, жены Пиопи I. Наказания налагались разные: лишали имущества, отдавали на принудительные работы и т. д., но особенно в ходу была палочная расправа. Даже такое заметное лицо, как начальник дворцовых медников, считал нужным поведать посетителям на изображении в своей гробнице: «Ни разу не били (меня) перед каким-либо сановником с рождения, ни разу не взял (я) вещи каких-либо людей грабительски». Для староегипетской знати суд был важным орудием укрепления ее господства.

Но знатные люди бывали не только верховными сановниками, высшими судьями, военачальниками. Все более или менее значительные должности занимались ими и часто передавались по наследству. Знатные не только сосредоточили государственную власть в своих руках, они сами осуществляли ее функции.

В управлении огромную роль играли писцы. Учету и отчету везде и всюду придавали огромное значение. Даже летосчисление — в пределах отдельных царствований — велось по переучетам крупного рогатого и мелкого скота, производившимся равномерно каждые два года. Править государством в таких условиях могли лишь по-настоящему грамотные люди. И вельможи Старого царства таковыми действительно были. На изображениях в своих гробницах они постоянно принимают от своих управляющих ведомости для просмотра. Сыновья вельмож зачастую состояли писцами в отцовских хозяйствах. Даже самые знатные сановники нисколько не брезговали писцовыми званиями, числились учеными «чтецами-заклинателями», часто даже «главными», а также «писцами книги бога», т. е. переписчиками, если не создателями своей священной письменности.

Письмо состояло из полутысячи постоянно употреблявшихся и неограниченного количества более редких знаков. Знаки часто имели по нескольку значений, изобразительных и звуковых, несмотря на существование 24 знаков для отдельных согласных (гласные на письме не обозначались). Правописание усваивалось лишь долгими упражнениями. Наряду с начертаниями, употребительными в надписях и изображавшими как живые существа, так и неодушевленные предметы, существовали сокращенные написания тех же знаков. Именно такими беглыми написаниями пользовалась деловая скоропись, бывшая уже тогда в широком употреблении. Поэтому стать по-настоящему грамотным человеком было далеко не просто.

Последующие поколения приписывали верховным сановникам Старого царства Птаххотепу и неизвестному нам отцу другого верховного сановника Кагемни, равно как и сыну строителя величайшей из пирамид Хардидифу (Дадаф-Хару) сочинения по части житейской мудрости. Возможно, они им действительно принадлежали. Известны сановники-врачи. К сожалению, мы недостаточно осведомлены о личном составе высшего научного учреждения страны, «дома жизни», потребности которого обязаны были при VI династии удовлетворять даже далекие от столицы места. «Домом жизни» это учреждение именовали, вероятно, потому, что в круг его занятий входила и врачебная наука.

Гордая знать Старого царства отнюдь не стыдилась постигать ремесла, и виднейшие сановники, не говоря уже о второстепенных, бывали руководителями мастерских, зодчими, начальниками работ.

Хозяин одной из гробниц начала VI династии, верховный сановник государства (имя его в условном произношении Мерерука) изображен в гробнице как живописец, расписывающий сцены времен года. Впрочем, это не единственное изображение вельможи, занимающегося живописью. А сколько сановников руководило при дворе пением! Кое-кто из их сыновей служил придворными певцами. Не приходится и говорить, что знат-

104. Изображение верховного сановника Мерерука, рельеф из гробницы, VI династия
105. Работница, растирающая зерно, статуэтка, Старое царство

ного человека можно было видеть играющим на дудке в обществе вторящих ему родовитых дочерей областных правителей (арфисток) и т. д.

Все это тем примечательнее, что староегипетская знать держалась очень надменно. Простота ее нарядов была больше кажущейся. Правда, женские платья (рубашки на лямках, доходившие до щиколоток, и плащи) кажутся несколько однообразными, несмотря на покрывавшую иногда платье сетку из бус. Зато мужские опоясания были самых затейливых видов; к концу Старого царства их охотно удлиняли. Мужчины носили и плащи. Разнообразны были накладные волосы — то длинные, то короткие, то средней длины.

Знать окружали толпы прислужников. Выходы ее напоминали царские. Роскошные носилки несло по многу людей. Многолюдное сопровождение окружало вельможу: кто нес трость и обувь, кто — смену белья, кто — умывальные принадлежности, один держал опахала (они же и зонтики), а другой вел обезьянку или собак. Вельможу почти никогда не изображали за едой или питьем, он только протягивает руку к яствам. Можно было изображать его лишь вдыхающим благовония. Изваяние, где муж обнимал жену, а не жена мужа,— исключительная редкость. Потому и царя обнимают его богини, а не он их.

Знатные женщины, подобно мужчинам и братьям, также получали образование. Хотя главенствовал мужчина, правовое положение женщины мало чем отличалось от мужского. Знатная женщина свободно распоряжалась своими владениями, управляла выделенными на помин души землями, сооружала памятники умершим, жречествовала в храмах и при гробницах. Она могла состоять на государственной службе и заниматься наукой. Мы знаем женщин, руководивших придворной пищевой мастерской, столовой палатой, «мастерскою волос», ткацким заведением, дворцовыми певицами-танцовщицами (в танцах участвовало много двигавшихся в лад женщин). Одна придворная по имени Песешет, начальствовавшая над заупокойным жречеством царской матери, состояла «распорядительницей (женщин)-врачей» [так ее называет надпись в гробнице Ахтихотепа (Ахти-хатпи) в Гизе]. Впоследствии кое-кому из царственных женщин Старого царства приписывали наставления по изготовлению снадобий. Что удивительного, если знатная женщина самолично принимала хозяйственные ведомости от своих управителей.

Перед господствующими верхами Старого царства стояла нелегкая задача: полностью подчинить себе народ и удержать его в повиновении. «Мятеж» против царя считался уголовным преступлением, и с оскорбления

104

105

106. Фараон Джосер, рельеф, III династия

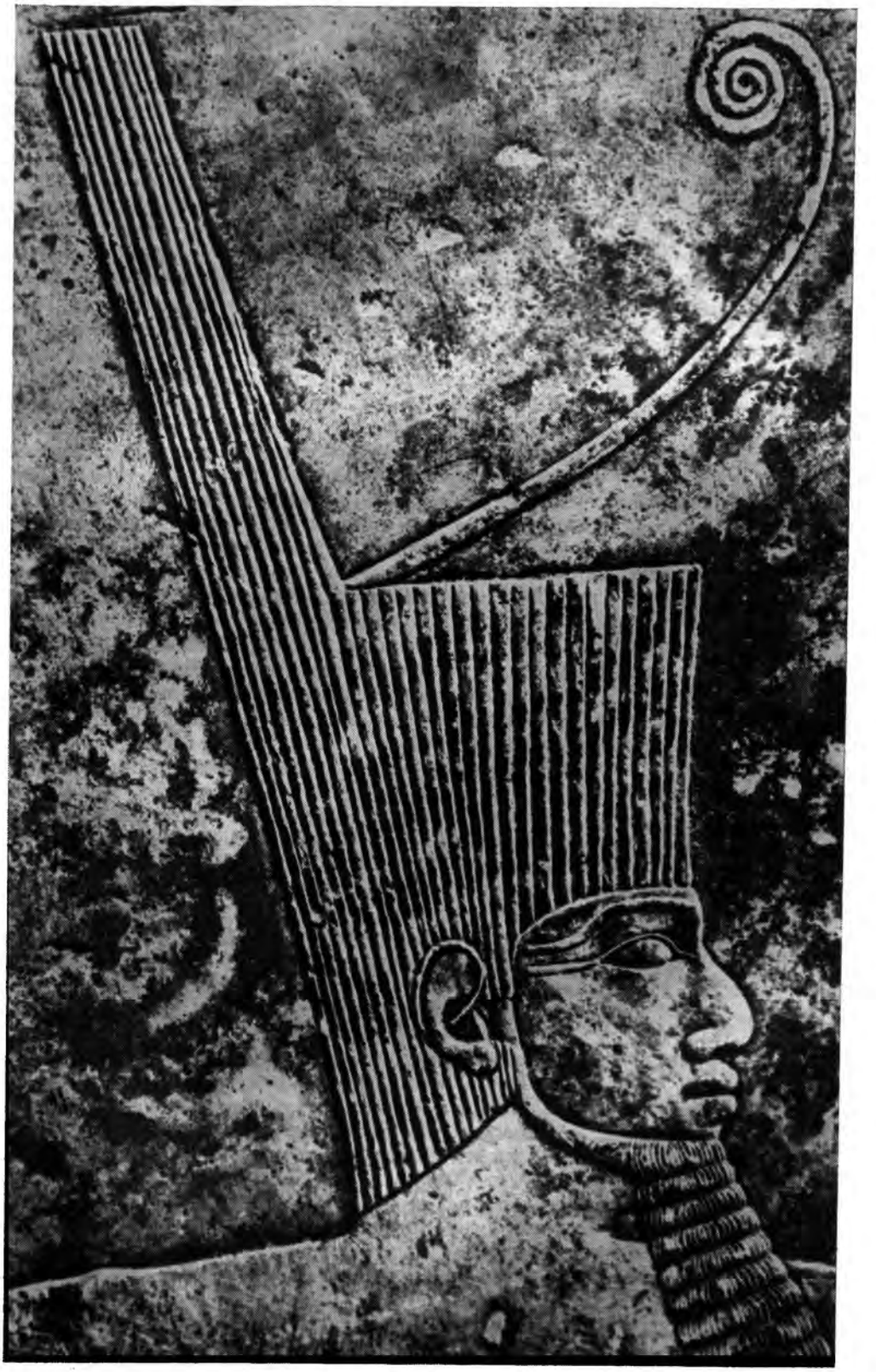
царя начинался перечень грехов. Охрану особы царя, особенно в пути, вменял себе в заслугу не один сановник. От имеющихся источников трудно ждать сведений о борьбе угнетенных низов. Но даже в глубине пирамид, между строк начертанных там заклинаний, сквозит страх властелинов перед народом. Оповещают ли, что небесные двери открыты для приема, приглашают ли стать у двери, чтобы быть взятым на небо, царя заверяют, что эти двери закрыты для простолюдина. И за царственного мертвеца мечтают, как «он устраивает себе Верхний Египет, устраивает себе землю низовую, разоряет себе (в угоду) укрепления Северо-Восточной страны (Азии), стряхивает себе (египетский) народ под свои пальцы». А в поминальном храме у пирамиды боги царя вещали ему, что заставили сжаться от страха перед ним сердца народа. И посетитель мог увидеть там иносказательное изображение народа — птицу-пигалицу (по совпадению звучаний ее названия и слова «народ» — *рхйт*) с предусмотрительно переломанными крыльями, славящую владыку Египта.

Как развивалось строительство пирамид? Как достигли они совершенства и размеров великих пирамид? И как затем пирамидное строительство пришло в упадок? Мы мало что знаем о ходе событий в пору Старого царства, но судьбы пирамид мы проследить в силах.

Первая пирамида была воздвигнута в самом начале III династии для царя Джосера. Она вместе с примыкающими к ней поминальными сооружениями олицетворяет неожиданный, внезапный взлет каменного строительства, перед которым совершенно ничтожными кажутся все достижения раннеегипетского зодчества. Сооружение Джосера — знаменательная веха в развитии производственных возможностей Египта, оно является знаменем новой поры — наступившего Старого царства. Можно как будто бы на самом сооружении заметить следы столкновения двух веков — каменного с медным — и торжество последнего. На отдельных камнях видны следы обработки их поверхности каменными сверлами, и подходящие кремни в ограниченном количестве — от 300 до 400 — были найдены тут же, но на подавляющем большинстве камней подобных следов незаметно вовсе. Таким образом, громадное сооружение можно считать построенным в значительной мере с помощью медных орудий. На камнях обводной стены незаконченной пирамиды преемника Джосера Хора, Мощного Утробой (Сехемхета) следов обработки каменными сверлами тоже нигде не оказалось.

Известно имя великого зодчего, воздвигшего погребальное сооружение для царя Джосера. Строителя звали Имхотеп (И-ма-ха-тап). В столичном Мемфисе, подле которого в пустыне высилась пирамида, древнего зодчего

106

чтили впоследствии как бога врачевания, и под царствованием «Тосортроса» (т. е. Джосера) египетский жрец Манефон упоминал об «изобретении» египетским Асклепием (богом врачевания у греков) строительства из тесаных камней. Но еще при жизни Имхотеп был в большом почете у своего повелителя. Царь позволил даровитому подданному начертать свои звания и имя на подножии его, царя, изваяния, установленного в поминальном храме. Раскопки английского ученого В. Б. Эмери около Каира позволяют надеяться, что будет открыта могила самого обожествленного зодчего.

Что каменное строительство такого размаха в начале III династии было делом совсем новым, не вышедшим еще из полосы исканий, заметно по самому памятнику. По своему внешнему виду эта пирамида о шести продолговатых прямоугольных уступах была не чем иным, как шестикратным повторением в камне надземного сооружения кирпичных гробниц. В кирпичесырце подобное нагромождение меньших надстроек на большие было задумано и осуществлено при строительстве вельможеской гробницы на том же кладбище близ Мемфиса еще при I династии. Только ее ступенчатое ядро было затем прикрыто гладкой облицовкой, скрывшей уступы и придавшей ей вид огромной «завалинки» (по-арабски мастаба). В поминальных сооружениях, примыкавших к пирамиде Джосера и обнесенных вместе с ней высокой оградой, перекрытия подпирало множество столбов. Но строитель боялся положиться на них, сделать их самостоятельными опорами (они были из непрочного известняка). Он то придвигал их вплотную к стенам, то смыкал их с ними или друг с другом каменными переборками. Сами камни, из которых было сложено сооружение, не в меру малы по сравнению с его громадными размерами — дань привычке строительства из кирпича и отсутствие навыков к работе с тяжелыми глыбами. Отделка сооружения тоже выдавала, что оно в значительной степени воспроизводило в камне деревянные и кирпичные постройки. Обводная стена, вся в чередующихся отвесных выступах и впадинах, подражала стенам раннеегипетских укрепленных сооружений. Некоторые здания напоминали деревянные легкие беседки. Стройные желобчатые или бороздчатые столбы копировали подпорки из связанных стеблей папируса. Роскошное резное и изразцовое убранство подземелий походило на развешенные по стенам плетеные ковры.

Но такое положение в строительном деле не могло продолжаться долго. Все предпосылки для уверенного каменного зодчества были как будто бы уже налицо. Преемники Джосера — Хор, Мощный Утробой (Сехемхет), возможно, также Хаба (Ха-би) и Неферкара Небка (Наф-ку-Риа Ниб-ку) оставили незаконченные или разрушенные пирамиды, первый — подле нынешнего селения Саккара, оба других — у современного селения Завиет эль-Ариан. Но и эти пирамиды — по крайней мере незаконченная Хора, Мощного Утробой и разрушенная, принадлежащая, как предполагают, царю Хабе — тоже должны были быть ступенчатыми (у третьей пирамиды начали, но не завершили подземную часть, впрочем весьма внушительную).

Первой настоящей (в геометрическом смысле) пирамидой было, по-видимому, надгробие неизвестного царя у нынешнего селения Медум (южнее Каира). Вполне возможно, что эту пирамиду воздвигли под самый конец кратковременного правления III династии. Сначала она тоже была ступенчатой, о восьми уступах, но последующая гладкая облицовка превратила ее в правильную пирамиду высотой до 90 м. То, что эту пирамиду, как и две вышеупомянутые, нельзя точно приурочить ко времени определенных правлений, конечно, очень досадно. Но мы вообще мало что знаем о III династии. Ее история после Джосера окутана непроглядным мраком, так что ни последовательность царствований, ни даже их число нам неизвестны.

Мрак рассеивается с началом IV династии. Ее родоначальник Снофру

был, несомненно, одним из самых приметных властителей Старого царства. Недаром к его царствованию восходят первые подробные погодные записи в уцелевшей части староегипетской летописи. К сожалению, их дошло до нас очень немного, но те, что сохранились, насыщены известиями: везут морем финикийский лес, строят корабли, мастерят дворцовые двери, изготовляют золотое изображение царя, отправляют обряды, учитывают ценности, строят «дворы Снофру» и в Верхнем и в Нижнем Египте, громят страну эфиопов и уводят 7000 пленных, 200 000 голов крупного и мелкого скота, берут в плен 1100 ливийцев, угоняют 13 100 голов скота. Если в местах добычи меди и бирюзы на Синайском полуострове уже предшественники Снофру — цари III династии Джосер, Сехемхет, Санехт — оставили на скалах свои изображения, то сам Снофру прославился на Синае настолько громко, что в последующие времена слыл там местным божеством.

Царская власть явно окрепла и упрочилась, и пирамидное строительство отразило это наглядным и внушительным образом. От Снофру остались две громадные пирамиды, одна в 100 м, другая в 99 м высотой, обе возле нынешнего Дахшура (южнее Каира). Первая пирамида получилась не совсем удачной. Ее называют «надломленной», потому что угол подъема ее граней внизу — 54°41′, а вверху — 42°59′. Во время постройки обнаружили непрочность нижних рядов кладки, давших зловещие трещины, и потому поспешили уменьшить высоту сооружения. Вторая, более северная пирамида получилась уже правильной во всех отношениях. Безупречные грани и очень широкое основание делают ее непосредственной предшественницей великих пирамид — правда, скорее с точки зрения внешнего совершенства, чем внутреннего устройства. В ее внутреннем помещении были добавочно уложены мелкие камни — видимо, для предупреждения обвала, использованы также громадные кедровые бревна (не из тех ли самых, о которых говорит староегипетская летопись?).

Пирамиде сына и преемника Снофру, царя Хуфу, суждено было стать величайшей. Она имела высоту более 146 м, длина каждой стороны основания превышала 230 м, а площадь его равнялась 54 300 кв. м. Но эта пирамида превосходила все прежние не только величиной. В начале главы мы уже имели случай отметить необыкновенное совершенство кладки и огромный вес каждого из ее граненых камней.

Мы почти ничего не знаем о прочих событиях этого царствования, но сама величина пирамиды при изумительной тщательности кладки говорит за себя. Староегипетское самовластие достигло высшего предела в правление Хуфу. Вопреки Геродоту, обломки староегипетской летописи, касающиеся этого царствования, ничего не говорят о пренебрежении царя своими богами. Напротив, мы читаем об изготовлении идолов разных богов и об их волшебном «оживлении». Большие деревянные ладьи, которые были закопаны в особых помещениях возле пирамиды, некоторые ученые считают судами, в которых царь после смерти мечтал плавать по небу с Солнцем. Так это или не так, но Хуфу действительно видел в себе земное подобие дневного светила. Как бы мы ни переводили название величайшей из пирамид — «Небосклон Хуфу» или «Небосклонный Хуфу», оно означало, что царь есть солнце. (Слово, которое мы неточно перевели как «небосклон», обозначало на самом деле то место, где солнце касается земли прежде всего при восходе.) Некоторым из своих сыновей Хуфу дал имена в честь египетского бога Солнца Ра (Рии).

Сын и преемник Хуфу Джедефра (Дадаф-Риа, Раджедеф) строил пирамиду несколько севернее отцовской (около нынешнего селения Гиза). По-видимому, царю удалось закончить пирамиду, так как сохранились не только нижние ряды ее великолепной каменной облицовки (у Хуфу пирамида была облицована белым известняком, у Джедефра, по меньшей

107. Фараон Хафра, IV династия:
а) диоритовая голова;
б) статуя из поминального храма
108. Фараон Менкаура, IV династия:
а) голова из скульптурной группы поминального храма;
б) статуя из поминального храма

мере внизу, красным гранитом, привезенным с юга страны). Впоследствии пирамиду разрушили, превратили в место добычи готового строительного камня. Если судить по сильно уменьшенным размерам пирамиды, длина стороны основания равнялась 100 м вместо 230 м отцовских: царское самовластие при Джедефра несколько пошатнулось. Если Хуфу в блеске своего могущества возомнил себя вторым солнцем, то Джедефра первым, насколько нам известно, из всех египетских царей стал величать себя «сыном Ра», т. е. сыном Солнца. Если прежде слово «Ра» входило в состав царских имен лишь изредка, то с Джедефра начинается нескончаемая вереница царей, имена которых составлены с этим словом («Джедефра» значит «Долгоденствует он, Ра»). Впрочем, как и отец, Джедефра не обошел вниманием прочих богов Египта. Жалкий обломок староегипетской летописи, сохранивший несколько известий об этом царствовании, сообщает о том, как были вырезаны священные плиты (из гранита, высотой свыше 7 м) и какой памятник был сооружен богине Баст (Убисте).

Ил. 107

Второй преемник и сын Хуфу — Хафра воздвиг свою пирамиду рядом с пирамидой отца, достойную соперницу величайшей. Она имела высоту 143,5 м, длина каждой стороны ее основания была 215,5 м. Пирамида выглядела даже выше отцовской, так как стояла на более высоком месте нагорья, и облицовка ее была великолепнее. Со времени безымянной пирамиды конца III династии подле нынешнего селения Медума поминальные храмы стали выводить за пределы пирамидной ограды, внутри которой они до того были более или менее произвольно расположены. Поминальный храм в том законченном виде, какой он получил при IV династии, состоял из трех частей. У края нагорья располагалось храмоподобное преддверие; от него через пустыню вел длинный каменный ход к собственно храму, помещавшемуся теперь строго у восточного склона пирамиды. От поминальных сооружений ближайших трех предшественников Хафра осталось мало. Зато преддверие его поминального храма стоит и поныне. Могучие граненые столбы, каждый из цельного куска гранита, несли каменные, тоже гранитные, перекрытия чудовищной тяжести. В полумраке великолепного чертога из красноватого камня (стены были также облицованы гранитом), с полом из белого алебастра, в неверном свете, пробивавшемся сквозь оконца под потолком, мерцали разноцветные каменные изваяния царя. Ими же был полон и каменный храм у подножия пирамиды. В поминальных сооружениях Хафра встречаются огромные глыбы камня весом до 425 тыс. кг.

Возможно, тому же Хафра принадлежит и великий сфинкс (высотой

107а

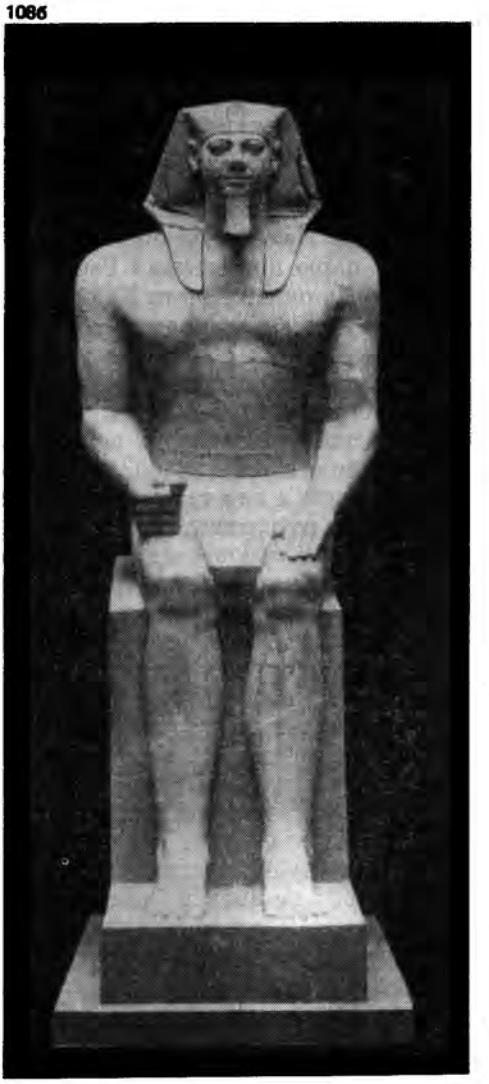
108а

107б

108б

109. Пирамиды:
а) ступенчатая пирамида и полуколонны входного зала поминального храма фараона Джосера в Саккара, III династия;
б) пирамиды фараонов IV династии — Хуфу, Хафра и Менкаура — в Гизе

20 м), высящийся подле поминальных сооружений царя. Сфинкс изваян из естественной скалы, оставшейся, как полагают, после выемки вокруг нее камня для одной из пирамид. Из скалы высечен лежащий лев — олицетворение силы, с головой царя. Царей-победителей уже в Старом царстве изображали в виде львов с человеческой головой, попирающих и разрывающих когтями иноземцев.

От своего предшественника Джедефра царь унаследовал титул «сын Солнца» — «сын Ра». Равным образом и имя его звучало подобно имени брата — оно тоже было «солнечным». «Хафра» значит «Воссиевает оно, Солнце». На пренебрежительное отношение к богам страны, которое и этому царю приписывал Геродот, мы опять-таки не находим никаких намеков. На одной печати Хафра прямо назван «любимым богами».

По утрам и под вечер далеко и широко стелется тень пирамиды Хуфу. Она покрывает обширные кладбища, ютящиеся к востоку и западу. Это подлинный город мертвых, где улицы пересекаются под прямыми углами, и вдоль них тянутся каменные громады — вечные жилища приближенных отошедшего в вечность царя. Как ни велики эти гробницы, что они по сравнению с пирамидой? В ее тени можно и не распознать значения их обитателей, а оно тем не менее велико.

Росли пирамиды, но росли и вельможеские гробницы. В начале IV династии они представляли собой сооружения из кирпича-сырца, иногда с каменной каморкой внутри. А при Хуфу они уже были мощными каменными громадами. Да, они терялись перед пирамидой, в тени которых были расположены, но в своей совокупности составляли внушительное целое. Торжество царского самовластия было необходимо знати для утверждения ее господства. Впрочем, при IV династии знать и ее венценосный ставленник были связаны между собой даже родственными узами: знать того времени в значительной своей части состояла из царской родни. Важнейшие должности в государстве — верховных сановников, военачальников, казнохранителей, начальников работ, верховных жрецов знаменитейших храмов — были сплошь и рядом, а то и постоянно заняты членами царствующей династии.

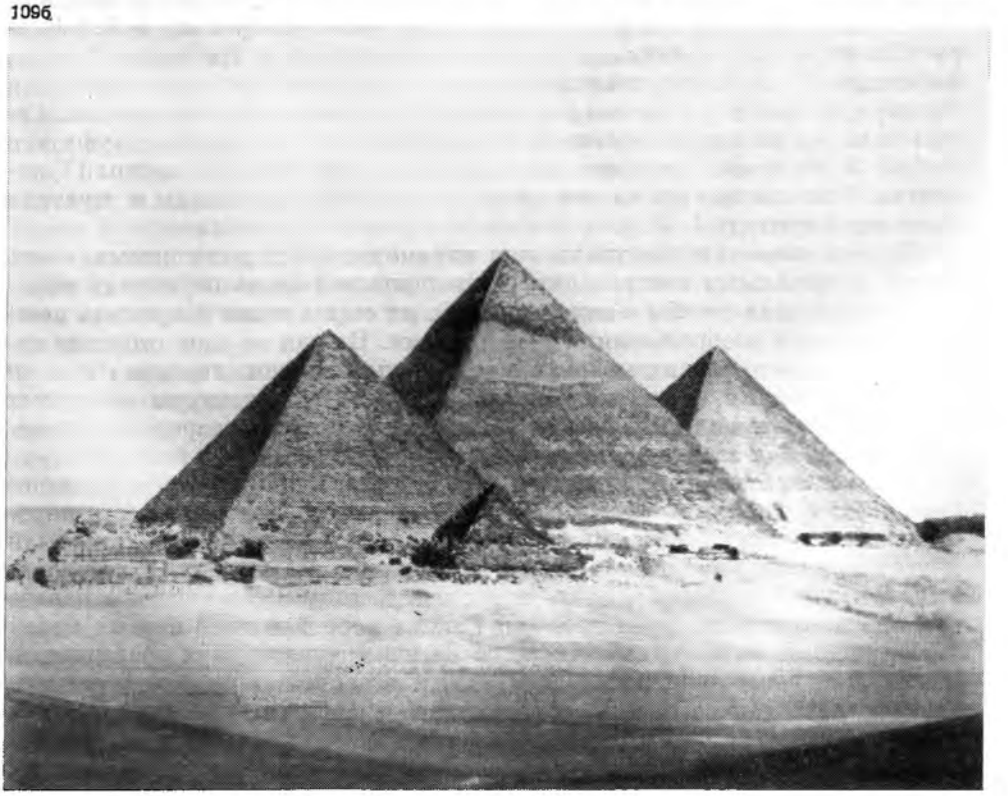
Стране не хватало сил вынести чудовищное строительное напряжение. Как после создания величайшей пирамиды преемнику Хуфу Джедефра пришлось сократить масштабы пирамидного строительства, так и преемник строителя второй по величине пирамиды вынужден был ограничиться более скромным надгробием. Третья из великих пирамид, воздвигнутая царем Менкаура рядом с пирамидой его предшественника Хафра, своими

Ил. 108

109а

109б

скромными размерами словно нарочно подчеркивала величие соседки. Высотой всего 66 м, она не достигала и половины высоты пирамиды Хафра. Она была даже много ниже безымянной пирамиды у Медума и пирамид Снофра. Надгробие Менкаура отражало спад пирамидного строительства, и на этот раз окончательно. Правда, Менкаура облицевал нижнюю половину своей пирамиды роскошным привозным красным гранитом, которым Хафра отделал только низ своего сооружения. Но могла ли богатая облицовка скрыть небольшие размеры? Строители поминального храма Менкаура еще использовали огромные глыбы камня, однако смерть помешала царю завершить работы, и храм наскоро достроили после его смерти уже не в камне, а в кирпиче-сырце.

Царь Шепсескаф (Шапсас-куф) вовсе отказался от пирамиды. Он удовольствовался прямоугольным надгробием в виде громадного ящика или гроба. Гроб оно напоминало и современникам: в одной из тогдашних надписей его названию придан изобразительный знак гроба, а не пирамиды. Правда, и надгробие Шепсескафа было сложено из огромных камней. Эта так называемая мастаба Фираун (по-арабски означает «Завалинка фараона») находится у нынешнего селения Саккара. Вместе с Шепсескафом сошло в могилу все могущество его династии. Туринский царский список и Манефон называют в конце IV династии несколько правлений, следов которых не найдено ни на одном современном ей памятнике. Очевидно, в стране разыгралась внутренняя борьба, но, к сожалению, мы не знаем ничего определенного о противоборствующих сторонах. Непомерное напряжение сил народа могло быть главной причиной.

V династия, прямое продолжение IV по материнской линии, восстановила прежние обычаи, но лишь до некоторой степени. Вслед за основателем новой династии Усеркафом пирамиды строили едва ли не все его преемники: Сахура, Неферириркара, Неферефра (Нафраф-Риа), Ниусерра, Менкаухор (Мин-куу-Хара), Джедкара, Уннас. Как будто бы не найдены пирамиды только двух царей — Шепсескара (Шапсас-ку-Рии) и Ханефера (Ха-наф-Рии), правивших между Неферириркара и Ниусерра. Однако пирамиды V династии, расположенные у нынешних селений Абу-Сир и Саккара, не более как жалкая копия своих великих предшественниц. Самая большая из них не достигает и половины высоты пирамид Хуфу или Хафра. И построены они были далеко не так прочно, как пирамиды IV династии. В настоящее время они представляют собой развалины и утратили даже вид пирамид.

Правда, поминальные храмы при пирамидах были роскошными, очень богато отделанными постройками. Их перекрытия вновь подпирали вырезанные из камня столбы в виде растений, их стены снова покрылись пестрыми резными изображениями и надписями. Вторая за одно столетие перемена того, что мы называем архитектурным стилем, перемена полная и, как мы увидим, тоже сказавшаяся на форме архитектуры окрестных вельможеских гробниц. Но что значила вся эта роскошь перед гордым величием прежних сооружений?

Хотели ли оттенить отход от Шепсескафа и возрождение великого прошлого, от которого отошел Шепсескаф, построив мастабу вместо пирамиды и исключив из своего имени наименование Солнца Ра, или тому были другие причины, но представители V династии всеми силами старались выказать свою близость и приверженность Солнцу. Века спустя в народе все еще помнили сказку о том, как Солнце породило трех первых царей этой династии от жены своего жреца. За исключением двух последних и, может быть, еще одного или двух, почти все преемники Усеркафа воздвигали по солнечному храму. Лучше всего сохранились остатки храма царя Ниусерра (около нынешнего селения Абу-Гураб). Каменное преддверие и каменный крытый ход вели на обширный, залитый солнцем

двор, частично обведенный крытым же ходом. Стены хода покрывали резные изображения, в частности сцены из жизни природы в разные времена года, должно быть, для прославления животворной силы Солнца. В глубине двора на усеченной пирамиде высился огромный, сложенный из камня, приземистый, островерхий столп (типа обелиска) — солнечный идол. Во дворе, под открытым небом, на большом жертвеннике Солнцу приносили бесчисленные жертвы, в том числе целые стада скота. Кровь закланных и рассеченных животных ручьями текла отсюда по отводным желобам. В новый год Солнцу жертвовали свыше 100 тыс. «трапез» из хлеба и «пива», в другой праздник — 30 тыс. Поглотить такое количество приношений никакое жречество было бы не в силах. Очевидно, храмовые празднества сопровождались обильным угощением окрестного населения. В те времена местопребывание царя постоянно менялось, перемещаясь по стыку нагорья с речной долиной от одной пирамиды к другой. С каждым новым царствованием возле строящейся пирамиды возникал новый город; поэтому когда хотели написать о городе, в котором пребывал царь, слову «город» придавали изобразительный знак пирамиды — «пирамидный город». Все эти быстро возникавшие и затем хиревшие города из утлого кирпича-сырца располагались неподалеку от укрепленных Белых Стен (будущего Мемфиса). Солнечные храмы воздвигались по соседству с пирамидными городами, так что в праздники в храм светозарного царского «отца» для угощения могло стекаться множество народу. Но такой солнечный храм имел прямое отношение к царю не из-за одного его родства с Солнцем. По изображениям в храме Ниусерра видно, что этот храм был воздвигнут не только во славу Солнца, но и во славу царя — в ознаменование «тридцатилетия» царствования и издавна сопутствующих этому празднику торжеств.

Но никакие солнечные храмы — сооружения не слишком трудоемкие — не могли скрыть ослабление царской власти. Масштабы пирамидного строительства как вещественного значения и выражения этой власти явно сокращались. Пирамида последнего царя V династии Уннаса была высотой всего 50 м. Зато знать — подлинные хозяева страны, утвердившие свое господство и больше не нуждавшиеся в твердой власти царей,— отнюдь не последовала примеру венценосных строителей пирамид. Напротив, из каменных «завалинок» (мастаб), прорезанных лишь отвесным спуском в подземный склеп и не расчлененных внутри, гробницы постепенно превратились в настоящие каменные дворцы. Сохраняя внешне облик «завалинок», они внутри состояли из помещений, густо испещренных резными изображениями и надписями. От Гизы мимо Абу-Сира и Саккара в сторону Дахшура протянулось величественное кладбище столичной знати.

Итак, владычество знати утвердилось окончательно, и царская власть частично потеряла для нее свое значение. Постепенно V династия была принуждена уступить важнейшие государственные должности в пользу вельможеской знати. Теперь должность главного судьи и верховного сановника стали отправлять не царевичи, а представители вельможеской знати, возможно, даже подолгу представители одного и того же рода.

Время V династии было золотым веком власти столичных вельмож. Необходимая вельможам сильная, но уже не абсолютная власть царя мирно уживалась с возросшим влиянием столичной знати. Намеки на внутренние осложнения в источниках того времени встречаются исключительно редко. За пределами страны, в частности на Синайском полуострове, государство настойчиво с помощью войска поддерживало свои притязания на владычество. В Северной Эфиопии египетское влияние нисколько не ослабло по сравнению со временем IV династии. Там по-прежнему выламывали камень ценных пород, и существовало большое поселение египет-

110. Работницы, веющие зерно, рельеф из гробницы времени VI династии

ских плавильщиков местной меди. Второй царь V династии Сахура изобразил на стене своего поминального храма пленных ливийцев и захваченные у них стада. Пленных ливийцев изобразил у себя в поминальном храме Ниусерра. Но внешние сношения тогдашних царей не ограничивались одними только соседними странами. В том же храме Сахура изображено прибытие множества судов с ханаанеянами. При этом царе мы впервые слышим и о доставке из Южного Красноморья больших количеств благовонной смолы, «светлого золота» и других ценностей. Оттуда же при предпоследнем царе V династии Джедкара был привезен египтянами карлик — представитель низкорослых африканских племен (пигмеев). Неясно, где именно имела место ожесточенная схватка египтян с ханаанеянами, увековеченная на одном изображении времени последнего представителя V династии Уннаса.

При Уннасе царская власть явно ослабла: из всех пирамид царей V династии его пирамида — самая маленькая. До него не считали нужным увековечивать внутри пирамид заупокойные заклинания, вероятно, прежние цари в отличие от Уннаса еще вполне полагались на устное провозглашение этих заклинаний жрецами в будущие годы. Уннас же впервые повелел высечь внутри пирамиды весь свод заклинаний, призванных обезопасить и облагодетельствовать царя на том свете. Столь предусмотрительное начинание было подхвачено царями следующей, VI династии. Заклинания из пирамид Уннаса и его преемников составляют так называемые «Тексты пирамид» — важнейший источник для постижения староегипетского мировосприятия.

Нам неизвестно, почему и как власть перешла от V династии к VI. Но, видимо, в первые годы ее царствования при дворе было далеко не спокойно. Основателя новой династии Тети (Атати), по словам Манефона, убили собственные телохранители. При царе Мерира Пиопи I (Маи-Риа Пйапи) его доверенный сановник Уни творил суд не только именем царя, но и именем его «женского дома» и в глубокой тайне вел вместе с другим судьей дело самой царицы — почему-то без участия верховного судьи (верховного сановника) или какого-либо другого вельможи. Сын и преемник Пиопи I Меренра счел нужным принять в соправители своего малолетнего брата Неферкара Пиопи II (Наф-ку-Риа). Правда, этому последнему не в пример брату было суждено едва ли не самое долгое на свете царствование: согласно Манефону и Туринскому царскому списку, он правил 94 года. Но он был и последним представителем фараонов Старого царства. О последующих властителях VI династии [в том числе царе-

110

женщине Нитокриде (Нит-акра)] мы почти ничего не знаем. Страна распалась на полунезависимые области, и от царской власти осталась одна жалкая тень.

Но с воцарением VI династии и даже долгие десятилетия спустя все при дворе выглядело как будто бы по-старому. Цари по-прежнему строили пирамиды и даже больших размеров, чем при V династии. Выработалось прямо-таки обыкновение возводить пирамиды до 100 м высотой. Правда, сооружены они были тоже не очень прочно, и ни одна из них не сохранила до наших дней своего пирамидного облика. Пирамиды Тети, Пиопи I, Меренра, Пиопи II были расположены около нынешнего Саккара. Название пирамиды Пиопи I Мин-наф-Пиопи («Стоек (и) добр Пиопи») впоследствии перешло на соседний город Белые Стены. При каждой из этих пирамид имелось по поминальному храму, но солнечных храмов со времени последних царей V династии больше не строили. Гробницы высшей столичной знати никогда еще не были столь великолепны, как в первую половину правления VI династии. В одном из таких погребальных дворцов — усыпальнице верховного сановника Мерерука (Мрар-и-ку) — насчитывалось свыше трех десятков помещений.

Скоро, однако, стала заметно выдвигаться новая общественная сила в лице местной, нестоличной знати. О росте ее значения при VI династии яснее всего свидетельствует быстрое увеличение количества гробниц, высеченных в скалах по всему Верхнему Египту областными правителями. При IV и отчасти V династии верховная власть свободно распоряжалась должностями областных правителей, теперь же в областях прочно оседали свои владетельные роды. И члены их не только сидели на местах, но, случалось, роднились с самим царствующим домом и даже занимали должность верховного сановника. Если при IV династии, в дни наивысшего могущества царей, в среде знати преобладала царская родня, если при V династии, в пору умеренного царского самовластия, установилось господство более широкого круга столичной знати, то при VI династии, накануне крушения самовластия, преобладающее влияние стало переходить от столичной знати к знати местной, областной.

По отношению к своим соседям государство при VI династии следовало в общем путем предшествующей. Воинственность и предприимчивость нисколько не ослабли, скорее даже возросли. Пиопи I не менее шести раз обрушивал свои полчища на соседей. К сожалению, спорно направление первого завоевательного похода против «тех, кто на песке». Во всяком случае, искать этих последних надо не в пустыне, потому что у них были плодовые деревья и виноградники, а страна их находилась у самого моря или неподалеку от него и имела не одну крепость. Царское войско состояло из всеегипетского ополчения и североэфиопских вспомогательных отрядов. О нравах подобного воинства можно судить по заверениям главного военачальника — известного нам Уни, который пишет, что во время движения по Египту никто не причинял зла другому, никто не отнимал обуви у путника, никто не забирал одежды, козы, вообще чего-либо у кого бы то ни было. Достигнутые успехи были воспеты в победной воинской песне:

Это войско вернулось благополучно —
оно разорило землю тех, кто на [пес]ке.
Это войско вернулось благополучно —
оно растоптало землю тех, кто на песке.
Это войско вернулось благополучно —
оно сокрушило ее твердыни.
Это войско вернулось благополучно —
оно срезало ее смоквы, ее виноград.
Это войско вернулось благополучно —
оно зажгло огонь во всех ее... .
Это войско вернулось благополучно —

оно перебило многие десятки тысяч ополчений ее.
Это войско вернулось благополучно —
[оно доставило ...] из нее весьма много пленных.

Пять раз несчастная страна пыталась освободиться от египетского засилья, и пять раз египетский царь посылал своего испытанного главного военачальника усмирять ее. Его же царь поставил во главе войск, двинувшихся одновременно морем и сушей на некую страну, лежавшую к северу от земли «тех, кто на песке». И этот поход тоже завершился полной победой: «были перебиты все мятежники из их (числа)».

Преемник Пиопи I юный Меренра уделял, по-видимому, особое внимание югу. Он лично ездил на южную окраину царства и принял там изъявления верности от соседних эфиопских племен. Неутомонный военачальник предшествующего царствования Уни возглавил тогда два мирных похода в Эфиопию: один — в каменоломни за камнем для царского гроба и навершия пирамиды царя, другой — за деревом для постройки судов. При том же Меренра правитель I верхнеегипетской области Хирхуф предпринял два путешествия в Эфиопию. Во время второго путешествия он успешно осуществил «миссию умиротворения»: нагнал одного из эфиопских вождей, шедшего войной на ливийцев, и «умиротворил его». Оба путешествия принесли немало ценного, но самым редкостным приобретением во втором походе был карлик; доставил Хирхуф этого карлика уже новому царю Пиопи II, к вящей радости малолетнего властителя.

Древние связи Египта с финикийским городом Библом, поставщиком отличного строевого леса, стали при VI династии как будто бы особенно тесными. По крайней мере из сосудов, заложенных в основание тамошнего храма и надписанных именами египетских царей, подавляющее большинство принадлежало VI династии. На одном сосуде Пиопи I назван «солнцем нагорий», т. е. чужеземных стран (все страны вне плоской намывной египетской земли принимались ее жителями за «нагорья»). Один из домашних служащих правителей I верхнеегипетской области плавал одиннадцать раз в Библ и Южное Красноморье.

Внушать иноземным народам страх перед египетским царем считалось одной из доблестей государственных мужей. Как долго удавалось поддерживать это, не совсем ясно. Неясно также, какими военными успехами отмечено правление Пиопи II. Правда, царь изобразил в поминальном храме у своей пирамиды пленных ливийцев и захваченные у них стада, однако он всего-навсего воспроизвел у себя изображения и надписи из чужого поминального храма, а именно из храма царя V династии Сахура. И изваяния пленных в храме Пиопи II походят на имевшиеся в поминальных храмах Ниусерра и Уннаса.

Итак, мы рассмотрели производственные возможности, общественный и государственный строй Старого царства и можем теперь подтвердить, что пирамиды вместе с примыкающими к ним кладбищами поистине служат ярчайшим их отражением. Но об одной из загадок пирамид мы еще не говорили: почему вообще появились пирамиды и города мертвых при них?

Неужели для того, чтобы похоронить властителя, надо было напрягать все силы и мобилизовать все возможности государства? Неужели для того, чтобы оградить царский труп от вторжения непрошеных посетителей, следовало возводить над ним с неслыханным совершенством целую рукотворную гору из граненого камня? Бесспорно, своею мощью или — что то же самое — мощью царя — строителя пирамиды должны были подавлять сознание подданных. Но непонятно, почему символом и глашатаем царского самовластия стали надгробия, а не дворцы. Ведь во дворце обитал властный царь, полный сил и здоровья, тогда как в гробнице лежал беспомощный труп, отправление над ним поминальной службы и сама со-

хранность зависели от милости потомков и крепости камня. Но в то время как пирамиды стоят и поныне, от утлых дворцов из кирпича-сырца не осталось и следа. Видимо, для того чтобы понять, почему символом мощи царя стала его гробница, надо разобраться в умонастроениях тогдашнего общества.

Древнеегипетское миропонимание мы застаем уже сформировавшимся в виде сложного напластования представлений, возникших в разное время и в разных местах. Часто эти представления отдавали глубокой первобытностью — под стать народу, стоявшему лицом к лицу с неосвоенными силами природы. Но одна могучая природная сила — великая река с намываемой и орошаемой ею плодоноснейшей почвой — поддалась освоению и покорилась простейшим орудиям. И на рубеже каменного и медного веков в Египте развилось сложное и полное противоречий общество, потребовавшее создания высокоорганизованного сильного государства. Потому староегипетское мировосприятие являло и черты отнюдь не первобытные, да и само первобытное, казалось бы, соответствовавшее, пожалуй, уровню медно-каменного века, было воспринято и переработано совсем по-новому.

Мир представлялся людям Старого царства поделенным на две половины — верхнюю и нижнюю, из которых одна была опрокинутым повторением другой. Если над землей простиралось небо — плоский потолок, закругленный по краю, то такое небо имелось и под ней, только в опрокинутом виде. Если по верхней поверхности земли люди ходили вверх головами, то по нижней ее поверхности приходилось ходить вниз головой. Главное отличие подземного мира умерших от мира живых составлял царивший там мрак. Хотя небо, как и земля, имело двери и покоилось на устоях, оно мыслилось полным воды, по которой и плыли в своих ладьях светила. С водой было и нижнее небо.

Все видимое и невидимое, в том числе человек, представлялось в Старом царстве целиком материальным. Духовная жизнь человека, равно как и потусторонних существ, понимались как деятельность плотского нутра («утробы»), в первую очередь сердца. Мышление казалось настолько неотделимым от органов, что поглощение сердец и внутренностей на том свете было в глазах староегипетского чародея равносильно усвоению заключенных в них заклинаний.

Жрец-мыслитель Старого царства так описывал разумную деятельность человека, получающего восприятие через органы чувств, обдумывающего их в уме и выражающего затем волеизъявления: «Глаза видят, уши слышат, нос обоняет воздух; они доводят (до сведения) сердца; оно дает выйти всякому умозаключению(?); язык повторяет задуманное сердцем».

Представление о духовной деятельности как свойстве тех или иных частей тела нисколько не мешало наделять человека множеством душ — «двойником» *ку,* «проявлением» *би,* «привидением» *ах,* «мощью», «именем» *рин,* «тенью» и т. д. При этом у одного и того же лица могло быть по нескольку душ одного и того же рода («двойники», «проявления», «привидения»). И воспринималась та или иная душа то как единство, то как множество, и не только тогда, когда принадлежала такому «сверхъестественному» существу, как царь; по меньшей мере «двойником» обладали даже простые смертные. Души были, с одной стороны, тождественны с человеком или заключены в нем; с другой стороны, те же души были существами, находившимися вне его. Сделать что-нибудь «двойнику» значило сделать это человеку, «привидением» мог быть назван он сам по смерти, «проявление» или «мощь» могли быть внутри его. Тем не менее «двойник», «проявление», «привидение», «мощь» могли находиться позади человека, умирая, он «отходил» к «двойнику» или «привидению», умершего препровождали к его «проявлению», собственные «двойники»

брали его за руку, «двойник» докладывал о нем, отличал его от его врагов и т. д.

Души представлялись такими же материальными, как сами люди. Так, у «двойника» была плоть из мяса, он ел и мылся, «проявление» и «привидение» могли быть съедены и т. п. Особенность душ заключалась в их невидимости; одна «тень» была видима, да «имя» слышимо. При всем том «проявление» зримо наблюдалось в мире «живых» в сверхъестественной мощи («проявлениях») царя и в виде «звезды живой» на небе; «привидение» виделось среди незаходящих (северных) звезд.

Старое царство не видело существенной разницы между людьми и богами, какими бы могущественными те ни казались. Полагали, что они тоже когда-то жили в мире и затем «отошли» к своим двойникам, имели плоть и материальные души, ели, пили, умащались, одевались. Подобно душам почивших людей, боги Старого царства плавали по небу, как звезды, а о небе пели, что оно взяло к себе всех богов с их ладьями, став тем, у кого тысяча «проявлений», т. е. звезд. Так же и Солнце представлялось «проявлением» — «восточным», или «сущим в своей крови». О самом небе пели, что им обернулась «Большая». И как умерший обладал способностью обернуться другим существом, так и его боги могли обратиться друг в друга или оказаться частью тела или «именем» один другого.

В Старом царстве было очень много богов. Каждый город мог поклоняться нескольким местным божествам. И все эти городские и областные боги мыслились в той или иной мере природными явлениями — небом, землей, светилами, воздухом, водами и т. д., что не препятствовало некоторым из них олицетворять собой одновременно явления общественного порядка, например луну Тота (Дхаути), покровителю верхнеегипетского города Гермуполя, почитаться за бога письменности. Олицетворением только общественных явлений были лишь очень немногие из староегипетских божеств, например Маат («Правда») или особая богиня счета, письма и строительства Сешат.

Что удивительного, если в мире оборотней, среди очеловеченных и обожествленных — коль скоро они не опознаны и не освоены — сил природы находили себе место как божества, завещанные седой древностью, животные, растения, разные предметы. Так, у только что названного Тота было два образа животных — песьеголовой обезьяны (павиана) и голенастой птицы (ибиса), а Солнце в его городе Гелиуполе (Ане) представлял каменный столп. Большой популярностью в Мемфисе пользовался живой бык Апис (Хапи).

В подобной обстановке могло привольно цвести пышным цветом волшебство — другое наследие первобытных времен. Его тоже представляли себе как нечто материальное: его можно было съесть, и оно сопровождало своего обладателя как особое существо или душа. Его же олицетворяли в виде человекоподобного бога по имени Хику («Волшебство»). Перед волшебником должны были трястись небо и земля, он повелевал всеми своими богами, даже самыми главными, и грозил им, как последним смертным. Сверхъестественные существа, в том числе души, считались полными волшебства, но оно было доступно и людям. Было бы, однако, неверно преувеличивать власть волшебства над умами.

Многие личные имена того времени (а они часто имели определенный смысл) свидетельствуют о набожности их носителей, об их совсем не колдовском отношении к своим богам. Такие имена оттеняли принадлежность, служение тому или иному божеству, подачу божеством жизни и пищи, оказываемую им защиту, приход его на помощь, благосклонность, благое руководство.

Врачебное дело, несомненно связываемое с волшебством, все же определялось не им, а сутью профессии. Отрасли медицины были четко раз-

граничены. Существовали врачи «утробные», глазные, зубные и т. д. Вообще врачебное дело практиковалось широко: врачами руководило многостепенное начальство, в распоряжении придворных врачей находилось особое судно (еще на рубеже III—IV династий), к определенной части населения был по-своему прикреплен особый врач (еще в то далекое время!).

Старое царство отождествляло своих богов с явлениями природы. Поэтому всякое умствование о богах было одновременно умствованием о природе и всякое размышление о ней — размышлением о них.

Из подобных умозаключений самое широкое распространение получило учение, развившееся в городе Гелиуполе. Согласно этому учению, мироздание представляло собой цепь порождений одними природными явлениями других. Посреди первобытных вод Нуна (Науна) вознесся на холме верховный Атум (Атама), чье имя могло толковаться как «Все». Из самого себя Атум произвел чету Шу (Шау) и Тефнут (Тфини) — Воздух и Влагу. От них родилась вторая чета — Геб (Гиба) и Нут (Ни) — Земля и Небо. Из любви к дочери-Небу Воздух встал сам и поместил все под нею, подняв ее над головою и отделив таким образом от земли. К Атуме, его детям и внукам были присоединены еще две четы правнуков, порожденных Землею и Небом: Осирис и Исида, Сет и Нефтис (Нибт-ха). Последние четверо были обязаны честью, выпавшею на их долю, не своему значению в природе, а месту в представлениях, связанных с загробным бытием. Названные девять богов составляли «„большую девятку", что в (городе) Ане», в отличие от другой — «малой девятки». Сам Атум был отождествлен с гелиупольским городским богом-Солнцем под именем Ра-Атум... Солнце объявляли «образующимся» под именем Хапри, поднимающимся под именем Ра и исчезающим из виду под именем Атум. Каждый день Солнце возрождалось вновь в лоне своей матери-Неба, и другим образом утреннего Солнца был «Хор (Гор) Небосклонный». Насколько, однако, отдельные образы солнца мыслились самостоятельными, видно по тому, что его суточное движение изображали как переезд Ра к Хору Небосклонному и Хора Небосклонного к Ра.

Много отвлеченнее было учение, разработанное в столичном городе Мемфисе. Оно известно нам из титула, содержащего распорядок храмового представления, который был переписан с обветшалой рукописи на камень по повелению эфиопского царя Египта Шабаки (Шабику, XXV династия). По языку и особенностям написания подлинник должен относиться к Старому царству. Учение, изложенное во вставке, читавшейся во время представления, служило возвеличению столицы и ее бога Пта-
Ил. 166 ха — в значительной мере за счет Атума. По этому учению, Птахом оборачивались восемь божеств. Двое из них, Птах-Наун и Птах-Науна, составляли чету первобытных вод и были отцом и матерью Атума. Другой Птах — Птах Великий олицетворял сердце и язык «девятки» — Хора и Тота, которые вместе оказывались (оборачивались) Атумом. Сердце замышляло, язык повторял задуманное. При этом учение прямо ссылалось на пример человеческой деятельности. «Девятка» (надо полагать, без Атума, поскольку он был сердцем и языком) служила зубами и губами в мировых устах, которые назвали имена всего сущего. Тут же излагалось и другое представление о Птахе, согласно которому он, будучи тождественным столичному богу земли Таченену, выращивает на себе деревья и камни. В конечном итоге Птах оказывался изначальной материей — первобытной водой и почвой и вместе с тем мировым разумом (ведь сердце представлялось египтянам носителем сознания) и волеизъявлением (мировым языком).

Упор делался на представление о Птахе как о мировом сердце и языке, и делался, наверное, неспроста. Главными жрецами Птаха в Белых

Стенах были верховные руководители государственных мастеров, бывшие сами «сердцем» и «языком» своих производств. Нами уже была частично приведена ссылка учения на пример человеческой деятельности. Приведем ее теперь полностью — с заключительными словами: «Глаза видят, уши слышат, нос обоняет воздух; они доводят (воспринятое) (до сведения) сердца; оно дает выйти всякому умозаключению(?); язык повторяет задуманное сердцем. Так совершается всякая работа, всякое мастерство, творчество рук, хождение ног, движение всякого члена согласно этому приказанию, измышленному сердцем, сошедшему с языка».

Родственное учение о мироздании сложилось, должно быть, уже в давние времена в верхнеегипетском городе Гермуполе в связи с местным богом Тотом и восемью первобытными природными силами. Намеки на это учение, притом на его наиболее отвлеченную часть, имеются в староегипетских источниках. Вполне возможно, что столичное учение о Птахе вобрало в себя кое-что из этих верхнеегипетских представлений.

Но как бы то ни было в столице, затмить соседнего Ра-Атуму ее богу было не под силу. Когда при IV династии царская власть достигла вершины могущества, цари как будто бы полностью убедились в своем родстве с Солнцем. Хуфу мнил себя «Небосклонным» (т. е. Солнцем) в своей пирамиде. Даже под конец Старого царства, в годы спада царского самовластия, Пиопи I был назван на своем гробе «большим богом, владыкою небосклона», «Хором (Гором) Небосклонным, владыкою неба». Три преемника Хуфу и большинство царей последующих двух династий носили имена, сложенные в честь Солнца. Со времени IV династии цари именовались «сыновьями Солнца». Все пять первых царей V династии один за другим воздвигали Солнцу по особому храму, и среди земельных и прочих царских пожалований храмам видное место занимали тогда пожалования Солнцу.

Со времени последнего царя V династии Уннаса внутри пирамид на стенах ходов и склепов стали высекать заклинания, провозглашавшиеся во время заупокойной службы и имевшие целью обезопасить и осчастливить царя после смерти. Во многих из них нашла выражение мечта царей о посмертном плавании с Солнцем. Но в могильном мраке у Солнца имелся соперник — Осирис.

В Низовье Осирис был богом города Бусириса (Диду Джеду), но был отождествлен с «Предстоятелем западных», т. е. умерших, богом верхнеегипетского города Абидоса, где находились гробницы I династии. Поэтому Осирис стал также «владыкой Абидоса». По данным памятников Старого царства трудно понять, какое явление природы олицетворял собой Осирис. Однако некоторые надписи как будто бы намекают на воду разлива.

И действительно, не вода ли разлива долго и неподвижно покрывала пашни, огороженные насыпями, мертвенная и в то же время животворная, полная жизненных сил? И не она ли, уйдя частично в землю, показывала свою животворящую силу в поднимающихся из земли ростках? Как бы то ни было, Осирис был оживленным трупом и, как таковой, имел прямое отношение к загробному бытию. В надписях пирамид он служил прообразом мертвого царя.

Считалось, что Осирис был убит своим братом Сетом, а сын убитого Хор не только отомстил братоубийце, но вместе с родней воссоединил части тела Осириса и магическими обрядами оживил труп отца. Повторение тех же обрядов над царским трупом сулило ему, по мнению чародеев, ту же волшебную жизнь, какая была приготовлена убитому Осирису. Правда, царственному мертвецу прозябание в преисподней даже в качестве оживленного трупа было далеко не по вкусу. Занесшись в мечтах на небо, венценосный покойник презрительно взирал сверху вниз «на голову Оси-

111. «Двойники» вельмож, выходящие из ложной двери, гробничные горельефы, VI династия

112. Колонна с капителем в виде пальмы из поминального храма, V династия

риса» и боялся даже наступить на гниль его трупа. Судя по пирамидным надписям, желанным местом пребывания покойного царя было небо, возврат же на землю — ненавистной возможностью. Но в конце концов Осирис тоже имел доступ на небо и даже появлялся там в виде большого созвездия (Ориона). Поэтому оказалось возможным как-то связать оба круга представлений.

В итоге пребывание умершего царя в пирамиде превращалось в цепь его пробуждений к жизни и уходов, преимущественно на небо, к солнцу, луне, звездам (он сам становился немеркнущей звездой), в вольготные «поля жертв» или «поля тростника», где можно было даже пахать и жать. Но если не должен был гибнуть дом царя на небе, то оставался вечным и его престол на земле. Мертвый царь посмертно утверждал на престоле свою династию и оберегал своих детей. Уходя и приходя вместе с Солнцем, он навещал свои владения на земле, давал и отнимал достоинства, мог причинить и устранить вред.

Говорили, правда, что на небо отходит «привидение», а труп — в землю, но каждый раз оживать и вести с помощью своих душ таинственную жизнь должен был сам покойный, т. е. труп. Чтобы собрать свои кости и члены, умерший должен был найти их на месте. Отсюда забота о сохранности останков, приведшая к изготовлению знаменитых египетских мумий. В Старом царстве искусство мумификации еще только зарождалось.

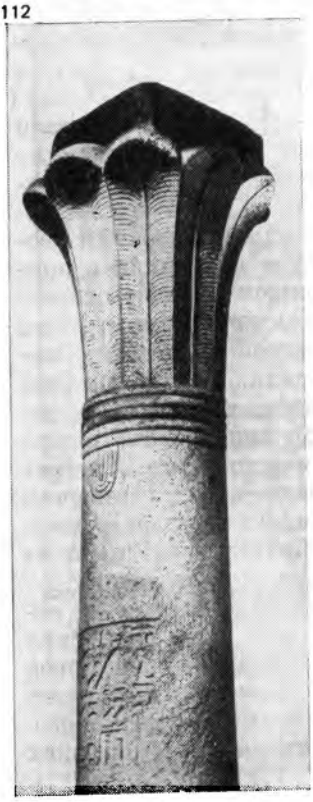
На посмертное небожительство притязали не одни цари. Как ни скупы на слова заклинания, что начертаны в частных гробницах, по ним все-таки видно, что сановники часто мечтали не только о добром погребении и богатых поминках, но и, совсем как цари, о плавании по небу и восхождении к «большому богу». И долгое время выход из склепа как и из пирамид вел на север — в «общество незаходящих звезд». С середины V династии в гробничных заклинаниях начинают призывать Осириса — вместо старого кладбищенского бога собакообразного Анубиса (Анапы). При VI династии частное лицо с помощью волшебства иногда уже отождествляется с Осирисом — «Осирис имярек», читаем мы в заклинании.

Но была еще другая жизнь у мертвеца в пирамиде. До очередного пробуждения он почивал «у своего двойника». «Двойник» считался животворным началом, и соединение с ним означало жизнь. В поминальном храме у подножия пирамиды стояли царские изваяния. В частных гробницах помещение с изваяниями называли «двором двойника», так что «двойник» мыслился соединенным или тождественным с ними. Под конец Старого царства распространился обычай устраивать в городских храмах неболь-

111

112

113. Золотая волова Хора из Гиераконполя, VI династия
114. Тронные статуи царевича Рахотепа и его жены Нофрет из гробницы в Медуме, IV династия
115. Ремесленная мастерская вельможи, рельеф из гробницы, V династия

шие божницы (наосы) царей, цариц, вельмож и их жен, изваяниям которых приносили жертвы, и такие божницы тоже назывались «дворами двойника». По существу, «одушевленные» изваяния людей и храмовые идолы понимались на один лад. Об идолах жрецы Птаха в упоминавшемся сочинении о нем учили так: «Вошли боги в свою плоть из всякого дерева, всякого камня, всякой глины, всякой вещи, произрастающей на его спине (т. е. спине Птаха, отождествленного с землею), и обернулись ими (т. е. данными идолами из дерева, камня и т. д.)».

Если «двойник» отождествлялся с изваянием, то оно должно было походить на изображенного, как походил на него сам «двойник». При III и IV династиях нередко понимали это как необходимость точно воспроизвести черты лица умершего. Изваяния костистых лиц первых царей Старого царства, горбоносого жирного царевича IV династии, каменные головы из склепов того же времени служат тому наглядным подтверждением. Но уже тогда и особенно позже, при V и VI династиях, довольствовались и более условными подобиями. Лучшие из изваяний сочетали жизненное правдоподобие с обобщенным благообразием. Изваяния охотно раскрашивали в принятые цвета: обожженных солнцем мужчин — в красновато-бурый, женщин — в желтоватый.

Аналогичные представления связывались с настенными плоскими изображениями. На стенах гробничной «приемной», куда приходили с приношениями, изображения располагались в определенном порядке относительно ложной двери, впадины в стене, откуда якобы появлялся мертвец. И на стенах гробниц обычно показана огромная фигура хозяина гробницы, как бы обозревающего пояса мелких изображений. Предполагалось, что, наблюдая за отправлением заупокойных обрядов, ходом работ, доставкой приношений, глядя на богатые трапезы, умерший действительно переживал изображенное. Подобные изображения можно было встретить и на стенах царских поминальных храмов, но сообразно сану хозяина там много внимания было уделено общению его с богами, его государственной деятельности и придворной жизни. Многое могло быть рассчитано и на то, чтобы вызвать и у посетителей почтение к почившему властелину.

Хотя тематика изображений в частных гробницах более или менее определялась, художнику не возбранялось вносить те или иные изменения или добавления, порою даже забавные. Живость передачи до некоторой степени зависела от мастера, но наиболее интересны, пожалуй, необычные изображения, когда художник не был ограничен рамками готовых образцов. Изображения войн исключительно редко встречаются в вельможеских

113

114

115

116. Поливка огорода, рельеф из гробницы Мерерука, VI династия
117. Гробничные рельефы:
а) хозяйство вельможи Ти, V династия;
б) меновая торговля, гробничный рельеф эпохи Древнего царства

гробницах. Одно такое изображение находится в гробнице областного властителя начала VI династии в Дешаше и посвящено взятию египтянами ханаанской крепости. Тревога и отчаяние осажденных, материнская нежность пленницы переданы замечательно. С незаурядным мастерством передает горе осиротелых домочадцев — от самого бурного до мрачно-понурого — изображение в гробнице Анхмахеру того же времени. На обломке изображения, единственного в своем роде, представлены голодающие кочевники. Их крайнее истощение, полное бессилие мужчин по сравнению с сохранившими остатки сил женщинами, напрасные попытки обмануть голод и трогательная взаимопомощь переданы с поразительной достоверностью.

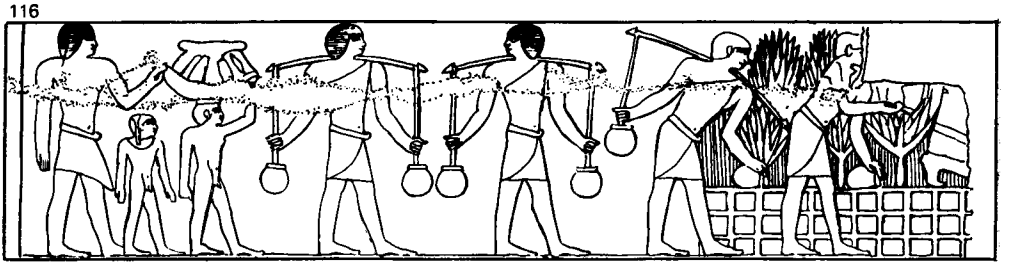
На рубеже III и IV династий еще искали способ выполнения плоских изображений на стенах: колебались между живописью и разного рода резьбой. В годы строительства великих пирамид, в пору величавой каменной простоты, настенным изображениям вообще не было места ни в гробницах, ни в поминальных храмах. С возвратом к изобразительной отделке в конце IV — начале V династии окончательно остановились на изображениях плоско-выпуклых и расписанных, правда отдавая предпочтение в определенных местах врезанному контуру с выпуклой резьбой внутри, а позже, в замурованных склепах-подземельях,— стенописи.

Если для призрачной жизни царского трупа нужен был склеп, а для двойника — поминальный храм, то кто нуждался в чудовищном надгробии — пирамиде?

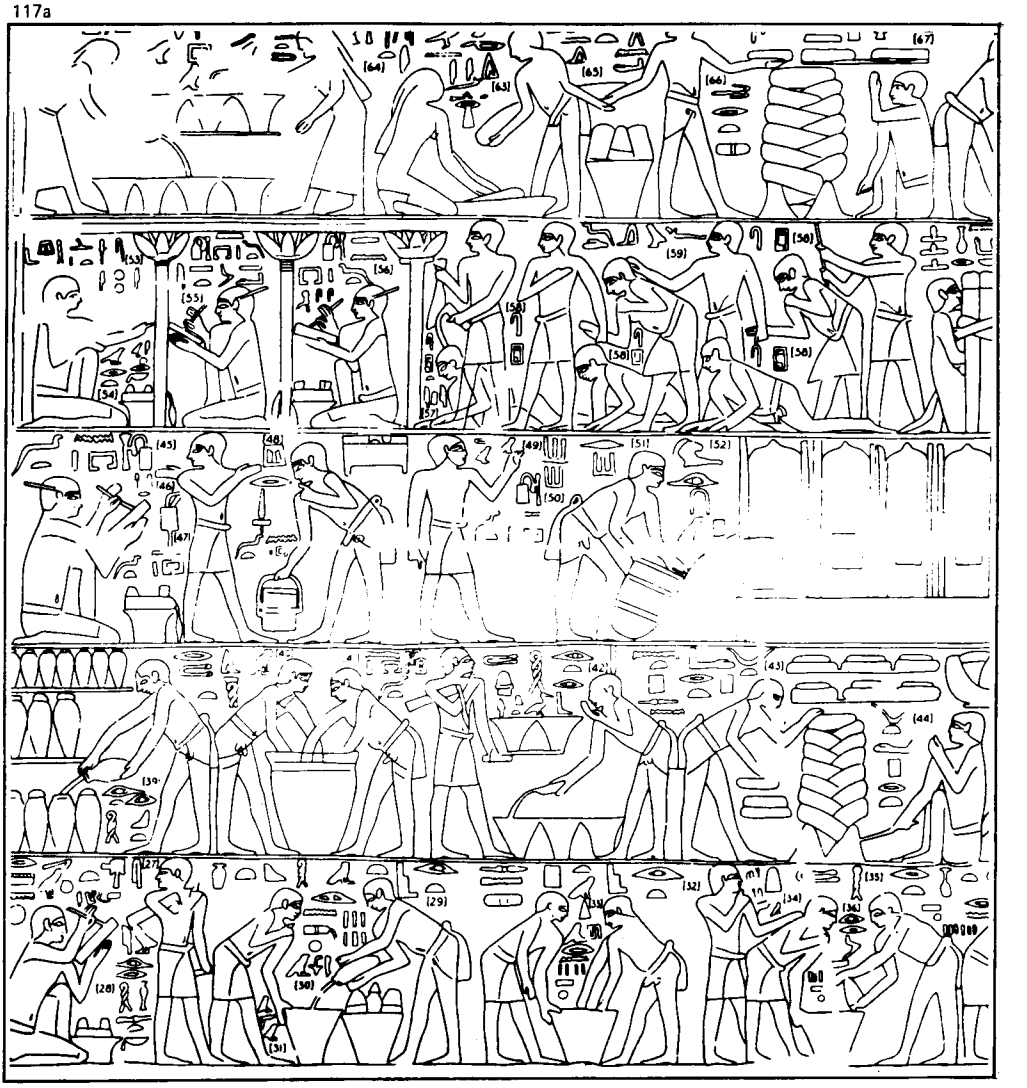
Старому царству имя представлялось особой душой или сущностью. Мы имели уже случай упомянуть об этом. Имя жило, ему могло быть плохо. Его можно было доставить, с ним вместе благоденствовать. Знание его давало власть над его носителем, поэтому выгодно было иметь сокровенное имя, неведомое даже родной матери. Но имя обозначало личность, следовательно, сохранение имени означало сохранение личности. И надписи пирамид прямо связывают вечность царя с сохранением его имени. А трепетное воспоминание грядущими поколениями имени царя не означало ли продления его власти навеки?

«О, (царь) такой-то!
Твое имя живет во главе живых».
«Восстань (царь) такой-то
на твоем престоле во главе живых
Это страх пред тобою (у) них в сердцах.
Твое имя живет на земле.
Ты не погибнешь, ты не кончишься
во веки вечные!».

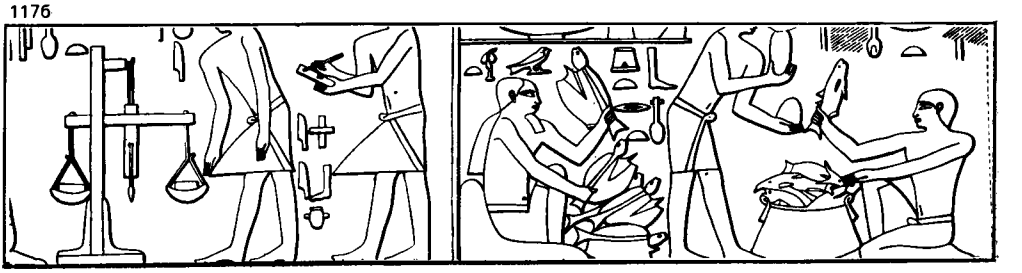
116

117а

117б

118. Посев и сбор урожая зерновых и льна, гробничный рельеф, V династия
119. Взятие египетскими войсками сирийской крепости, рельеф из гробницы Инти из Дешаше, V династия

Надписи пирамид VI династии содержат заклинания, которые можно было бы назвать «службою пирамид»:

«О большая девятка (богов),
что в (городе) Ане!
Да дадите вы крепость (царю) такому-то!
Да дадите вы крепость этой пирамиде
(царя) такого-то,
этой его работе,
во веки вечные,
как крепко имя Атума (Атамы),
что во главе большой девятки».

Следует одиннадцать заклинаний, построенных примерно по одному образцу:

«(Как) крепко имя такого-то (божества),
(так) крепко имя такого-то (царя)
(а) один раз просто: (так) крепок такой-то (царь),
(так) крепка эта пирамида такого-то царя,
(так) крепка эта его работа
равным образом во веки вечные!»

Или:

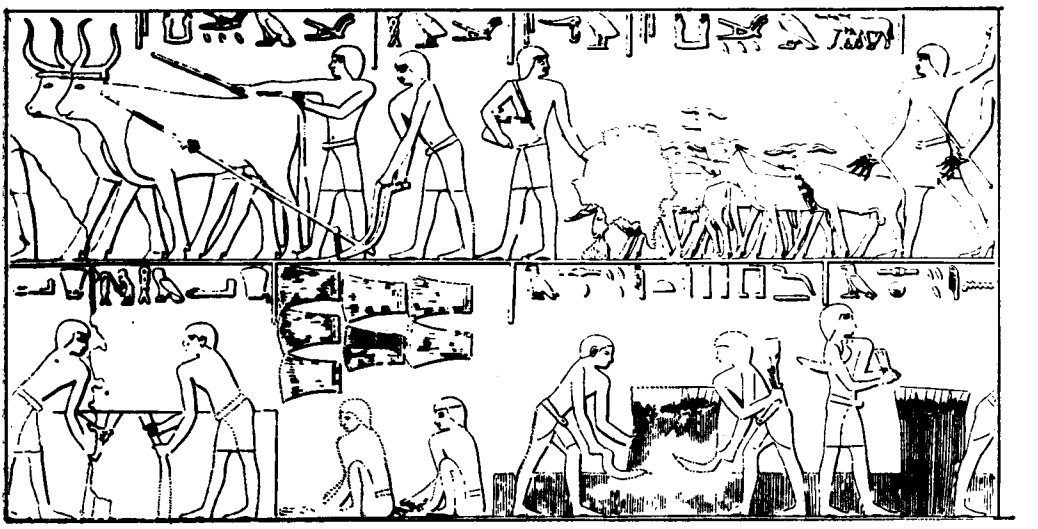
«(Как) крепко имя такого-то (божества),
(так) крепко имя такого-то (царя),
(так) крепка эта пирамида
равным образом во веки вечные!»

Связь между царским именем и пирамидой очевидна. Недаром, как сообщает один из указов VI династии, на вершине пирамиды царя Менкаура было вырезано его имя. И пирамида действительно могла сохранить в веках имя строителя. Чем больше, чем нерушимее, чем удивительнее была она, тем более вероятной была возможность увековечиться в ней. Имена создателей великих пирамид и поныне известны всему свету. Пирамида, воплощавшая имя царя, казалась уже самим царем, а слово «пирамида» представлялось его именем! В пирамиде видели божественное существо и величали ее «госпожой».

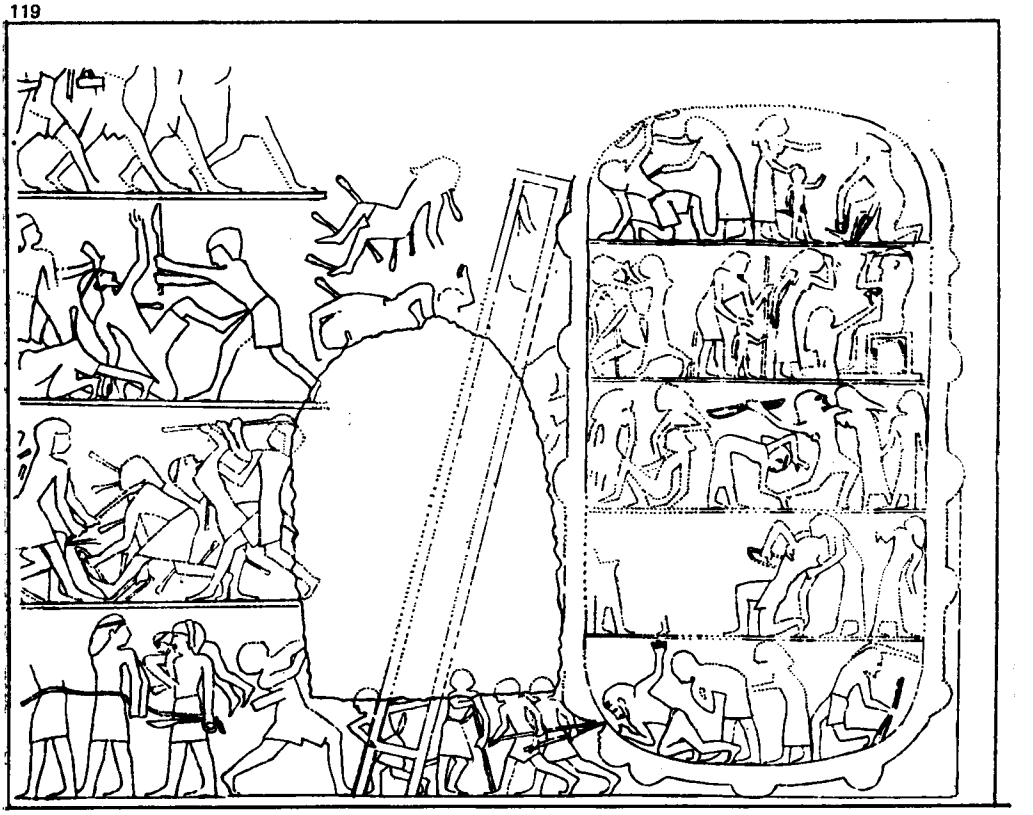
Чтобы умершему и его двойнику жилось безбедно, чтобы они питались не только по праздникам, но и повседневно, чтобы мертвецу посредством магических обрядов «делаться блаженным», и пирамида, и частная гробница одинаково нуждались в надлежащих установлениях. К этой и другой приписывали владения, обязанные поставлять жертвенное продо-

118

119

вольствие, или той и другой учреждали жречество («слуги бога» у царя, «слуги двойника» у частных лиц), которое за соответствующее обеспечение должно было «вечно» править поминки. Люди менее состоятельные довольствовались получением жертв со «стола» богатых покойников, после того как яства полежат там некоторое время. Но на это надо было еще получить право, а заупокойных жрецов все равно приходилось нанимать.

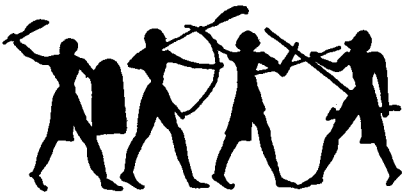
По самым скромным расчетам, только люди со средствами могли позволить себе построить гробницу, покрыть ее стены изображениями и надписями с заклинаниями и самопрославлениями (чтобы вызвать расположение посетителей), обставить изваяниями, а также обеспечить жертвами и жрецами.

Мы видели, насколько господствующие верхи сосредоточили в своих руках тогдашнюю «волшебную премудрость». Вельможи бывали главными «заклинателями» при жизни, чародеями они оставались и после смерти. Это они — «блаженные», «гораздые», «снаряженные», знающие «тайное волшебство (царского) местожительства», знающие все, что полезно «блаженному» на кладбище. Они, «блаженные», «гораздые», «снаряженные», в силах вступиться на потустороннем судилище за того, кто почтит их память, но они могут, как птице, свернуть шею осквернившему их гробницу. «Блаженных» отличали от простых «мертвых», и, когда на том свете появлялся царь, «блаженные», они же «незаходящие (звезды)», только склонялись пред ним, тогда как простые «мертвые» падали «на свои лица».

Простым людям были недоступны ни гробницы, ни изваяния, ни жертвы, ни «вечное» поминовение, ни сообщающие «блаженство» заклинания. Источники не позволяют нам подробно ответить на вопрос, какая участь ожидала простых людей на том свете, но из надписей явствует, что беспомощному мертвецу угрожали голод и жажда, доводящие до поглощения собственных испражнений, и полное уничтожение.

Отдельные челядинцы вельмож удостаивались иногда надписанного именем изображения на стене хозяйской гробницы, а во вторую половину Старого царства — даже именного изваяния, но и в том и в другом случае в гробнице хозяина и за работой на него — на веки вечные. Можно увидеть, как какой-нибудь бедняк надписывал своим именем первые попавшиеся безымянные изображения на стене вельможеской гробницы — в надежде хотя бы так приобщиться к вечности...

Царя, мнившего себя земным богом, после смерти считали владыкой не только земли, но и неба. Его вельможи, пользовавшиеся при жизни всеми ее благами и обладавшие «волшебной мудростью», представляли себя после смерти полубогами. От ответственности перед загробным судилищем — богов считали владыками правды и любящими ее — царь и его приближенные отделывались всемогущими заклинаниями. Смерть лишь возвеличивала царя и знать. Простой же народ, сходивший в убогие и безымянные могилки, ожидало полное уничтожение.

СРЕДНЕЕ ЦАРСТВО
(с конца III тысячелетия примерно до 1600 г. до н. э.; IX—XVII династии)

Среднее царство действительно было промежуточным периодом между резко различными Старым и Новым царствами, периодом ломки и изживания того, что отличало первое, и зарождением, а затем и утверждением отличительных признаков второго.

На смену Старому царству пришло государство рыхлое и неустойчивое, а то и просто расколотое, потрясаемое гражданскими войнами и испытавшее вторжение извне. Что же такое Среднее царство — пора упадка или время развития производительных сил?

Старое царство использовало медь в ее естественном виде без искусственного приплава. Датировка нескольких медных предметов, которые принимались за изделия Старого царства и в которых была найдена значительная примесь олова, нуждается в проверке. Слово, которое принято переводить как «бронза», как будто было известно Старому царству, но первоначальное значение его могло быть иным.

Со времени XII династии сохранилось некоторое количество предметов, в том числе и орудий труда, из сплава меди с оловом, где доля последнего настолько значительна, что назвать сплав иначе как бронзой нельзя. Дошли до нас и небольшие бронзовые изображения, которые можно отнести ко времени, непосредственно предшествующему XII династии. Однако бронзовый век в Среднем царстве еще не наступил.

Орудия труда, найденные в городских развалинах времени XII династии, сделаны из естественной меди, как и вообще подавляющее большинство медных предметов Среднего царства. Возможно, что наряду с ковкой стали шире применять литье: в одном и том же месте были найдены четыре ларца времени XII династии, отлитые из меди, должно быть, в закрытых формах.

Школьное поучение, отнесенное к периоду IX—X династий, называет дерево пашней плотника, а медь — его мотыгой. Однако каменные орудия продолжали бытовать и в Среднем царстве. В городских развалинах времени XII династии, неподалеку от тогдашней столицы и совсем рядом с царской пирамидой, были найдены кремневые топоры, тесла, ножи, мелкие скребки или ножички, лезвия серпов. Там же обнаружили кожаную суму, в которой — совсем как в давние времена — лежали бок о бок остат-

ки медных орудий и куски кремневых ножей и кремневые ножички. В двух гробницах времени XI и XII династий — правда, несколько поодаль от столицы — был изображен процесс изготовления кремневых ножей, притом в более поздней особенно подробно.

Виды орудий в Среднем царстве заметно отличались разнообразием, совершенствовались и становились многочисленнее. Наборы небольших подобий медных орудий из погребений XII династии разнообразнее таких же наборов из гробниц Старого царства. Попадаются и новые виды режущих орудий, одно из них — времени XII династии — довольно сложного устройства. Лезвие у топоров при той же династии стало большего размера и прочнее прикреплено к топорищу. Деревянные молоты-колотушки уже при XI династии часто бывали толще и, следовательно, действеннее, чем в Старом царстве. Со времени XI династии большое распространение получили плуги с круто загнутыми концами рукоятей, облегчавшими подъем и нажим при пахоте; ко времени XII династии уже появились прототипы новоегипетских плугов Старого царства. Не позже XI династии зернотерка была значительно усовершенствована — прилажена наклонно
Ил. 105 на подставке. Тем самым мучительное перетирание вручную зерна между двумя жерновами не осложнялось более коленопреклоненным положением работника, а мука стекала непосредственно во вместилище перед зернотеркой. Вероятно, не позже XI династии было улучшено приспособление
Ил. 132 для выжимки плодов: мешок с подставным чаном, ранее закручивавшийся с помощью нескольких шестов, был помещен внутрь деревянного сооружения, и закручивание производилось теперь всего одним шестом. Впрочем, старые орудия продолжали употребляться наряду с усовершенствованными.

Начинает развиваться и новая отрасль ремесленного производства — стеклоделие. Большинство бусин, дошедших до нас от Старого царства, не сплошь стеклянные; их стеклянная оболочка наведена на нестеклянное ядро. А целиком стеклянные бусины Старого царства столь малы, что отсутствие в них инородного тела можно объяснить не технологией изготовления стекла, а случайностью: ядро могло сгореть при наведении стеклянной оболочки. Напротив, размер нескольких стеклянных вещиц времени XII династии таков, что не позволяет предполагать случайное сожжение чужеродного ядра.

Распад страны после Старого царства на полунезависимые, а то и враждующие между собой области и даже царства губительно сказался на состоянии осушительно-оросительной сети, требовавшей централизованного надзора и управления. Водораспределительная сеть была основой хозяйственного благополучия страны, и неудивительно поэтому, что надписи времени распада страны (т. е. VI—XII династий) полны сообщений о голоде, доводившем подчас население до людоедства. Правитель одной из ведущих в политическом отношении областей во времена X династии считал примечательным для своего правления следующее: прокопал глубокий засоренный канал, который мог подавать воду в самый полдень, устроил канал для своего города (когда остальной Верхний Египет не видел воды) и с его помощью заставил реку опять наводнять старые места, прекратил раздоры из-за воды и был богат ячменем, когда страна сидела «на мели». О другой верхнеегипетской области известно, что там ко времени X династии образовались такие болотные заросли, что служили убежищем в гражданскую войну.

В конце правления XI династии Египет был воссоединен, положение изменилось при XII династии. Известия о голоде все реже упоминаются в источниках. Мало того, в западной пустыне, на стыке Верхнего и Нижнего Египта, лежало большое озеро, известное древним грекам под названием Меридова (теперь эта местность называется Файюмским оазисом).

В конце XII династии у озера удалось путем осушки отвоевать большие площади плодородной земли.

Новый упадок оросительного хозяйства последовал, когда после XII династии настала пора нескончаемых смут. Действительно, надписи все чаще упоминают о голодных временах.

Изображения времени XII династии свидетельствуют о новшестве в скотоводстве: наряду с древней породой гривистых овец и баранов с развесистыми рогами появляется новая порода современных овец и баранов с подогнутыми рогами, которой суждено было со временем заменить первую. В египетской крепости той поры в Эфиопии был откопан костяк лошади. Для Среднего царства впервые изобразительно засвидетельствован петух; впрочем, изображения петуха встречаются крайне редко и в последующем Новом царстве (изображений кур не сохранилось).

Количество иноземных источников сырья в Среднем царстве не уменьшилось, а связи с ними не только не прервались, но умножились и расширились. Еще от времени XI династии до нас дошло жизнеописание «казнохранителя бога», т. е. доверенного фараона по доставке ценностей, Ахтоя (Ахтайи, Хети), объездившего множество горных промыслов и привозившего царю медь и каменья — бирюзу, лазоревый камень и т. д. Скалы около месторождения меди и бирюзы на Синайском полуострове были при XI династии испещрены египетскими надписями. Около некоторых месторождений надписи появляются впервые именно теперь. Груды отходов, скопившихся тогда в разных рудниках, и доныне свидетельствуют о значительных размерах добычи в них меди в древности. В начале XII династии впервые мы слышим о добыче египтянами самоцветов (аметистов) в Северной Эфиопии, между рекой и Красным морем. Золото, которым широко пользовалось Среднее царство,— золотых дел мастера достигли к концу XII династии изумительного мастерства в изготовлении уборов — добывалось теперь не только в Среднем Египте в Восточной пустыне, но и в Эфиопии. Судя по находкам, серебра в Среднем царстве стало как будто больше, чем его было в Старом.

Необыкновенно тесными стали и связи с поставщицей отборного леса — Финикией, где город Библ настолько египтизировался, что иные его правители по-египетски надписывали свои печати и утварь, величая себя теми же титулами, что и областные правители Египта. Даже в разгар восстания низов египетские верхи плакались о прекращении подвоза кедровых дерева и масла.

Еще при XI династии государственный корабль ходил за благовонной смолой в Южное Красноморье. Знаменательно, что отправился он туда не с красноморского севера, а кратчайшим путем из гавани подле нынешнего Косера, расположенного на широте часто посещавшихся в Среднем царстве каменоломен, дорога куда через пустыню была теперь снабжена колодцами. Новое пристанище оказалось таким удобным, что им пользовались и при XII династии. Живой отголосок впечатлений, полученных от плаваний по южным водам, звучит в «Сказке о потерпевшем кораблекрушение», рукопись которой хранится в Государственном Эрмитаже. Выброшенный бурей на остров к страшному с виду, но добродушному змею, мореплаватель был снят оттуда египетским кораблем, доставлен ко двору вместе с подарками змея: благовонной смолой, фимиамом, маслом, слоновой костью, хвостами жирафов, псами, обезьянами — и за все это награжден фараоном.

Поддерживались связи и с Северным Средиземноморьем. Так, Среднее царство пользовалось критской посудой, а Крит — его изделиями.

Итак, несмотря на хозяйственные трудности вначале, Среднее царство — период роста производительных сил, притом роста, сказавшегося в будущем. Не значит ли это, что падение Старого царства высвободило та-

кие производительные силы, которые его производственными отношениями были скованы? Но чем среднеегипетские производственные отношения отличались от старых?

В Среднем царстве «своими людьми» часто располагали рядовые служащие и даже совсем не чиновные лица. У знати, конечно, людей было не в пример больше: сановник XII династии Аменемхет (Аман-ма-хи) взял с собой в каменоломни (Вади-Хаммамат) одних «кравчих» 50 человек, но и простые смертные иногда имели значительное число людей.

По профессиональным обозначениям этих людей видно, что одни из них прислуживали хозяевам («чашник», «кравчие», «провожатые»), другие же занимались производительным трудом («землепашцы», «садовники», «пекари», «пивовары», «изготовители сластей», «прачечники»). За определенной работой или при обслуживании хозяина слуги и работники изображены на стенах хозяйских гробниц, на заупокойных плитах, а также в виде деревянных статуэток («куколок»), которые ставили в гробницы для «службы» умершему. В росписях усыпальниц знати показаны работники, которые обычно трудятся сообща под открытым небом или в мастерской; статуэтки часто бывают соединены в модели многолюдных мастерских — ткацких, столярных, хлебопекарен, в отряды «подразделения» рыбаков и т. д.

Наряду со слугами и работниками, называемыми по роду их занятий, часто встречаются и такие, которые названы попросту слугами. Обыкновенно это «служанки»; мужчины-«слуги» тоже упоминаются, но гораздо реже. «Служанки» нередко встречаются и у лиц нечиновных, а у богачей их было много. Некоторые из них прислуживали хозяевам, например «служанки» с зеркалами, но «служанки» определенно могли использоваться и на тяжелой работе — на зернотерках. Полагают, что «слуга» *(хам)* — сокращенное обозначение «слуга царя», а словом «служанка» *(хама)* обозначали женщин — тех же «слуг царя». Об этих последних речь пойдет ниже.

Нередко у частных лиц имелись «сирийцы» и «сириянки». Иногда их производственное использование указано самими памятниками. Так, мы видим одних и тех же «сирийца» и «сириянку», занятых в личном хозяйстве служащего при верховном сановнике то уборкой урожая (он жнет, она подбирает колосья), то приготовлением пива (он несет пивные сосуды, она варит пиво); у другого подобного служащего мы снова находим «сириянку», подбирающую колосья. Скромный надзиратель за жреческой чередой Аменисенб (Аманайа-санби) из города Абидоса изобразил на своей заупокойной плите двух «сирийцев» и одну «сириянку», занятых хозяйственными работами вместе с его братьями и сыном (?). Один «сириец» то сеет на поле, то работает в пивоварне, другой трудится в ней же и назван «пивоваром-сирийцем». «Сириянка» растирает зерно на зернотерке. У одной царской приближенной времени XI династии было не менее двух «служанок» родом из северной части Эфиопии.

Среднее царство вело достаточно много войн, и иноплеменные рабы могли быть из числа пленных. О войнах XII династии с западными и южными соседями — ливийцами и эфиопами — прямо говорится, что они сопровождались захватом не только скота, но и пленных.

Сохранилась купчая на двух «сириянок» и одного или двух детей «сирийцев», заключенная при XII династии. Возможно, путем покупки сановник начала Среднего царства «достал» свои 20 «голов» (надпись на плите из Дра Абу-ль-Негга). Заметим, что о пашне, приобретенной по «договору», и о скоте, к которому он приставил пастухов, сановник толковал особо. «Головами» подневольные люди стали именоваться впервые в Среднем царстве.

Людей, так же как имущество, наследовали. Старший скотовод Инитe-

фикр (Ан-йатаф-акри) (XI династия) похвалялся на своей заупокойной плите, что люди его отца происходили из «детей дома» имущества («вещей») деда и бабки, тогда как его собственные были из имущества отца и матери, а также из его личного имущества, приобретенного «своею рукою». Тем, что он «богатый быками, сын богатого быками», «владелец ослов, полей, гумна», скотовод хвалился особо. От времени XII династии сохранились два завещания (папирус из Эль-Лахуна): согласно одному из них, служащий передавал брату-жрецу своих людей, а в другом уже брат передавал дальше четыре «головы» «сирийцев» своей жене. Рабов завещали и перезавещали особо от прочего имущества «в поле и городе» и, перезавещав, позволяли получателю передавать их любому из его детей отдельно от такого же разрешения на передачу перезавещанных вещей.

Наконец, «головы» жаловал фараон. Сподвижник воинственного царя XII династии Сенусерта III (Са-на-уасра) по имени Себекху рассказывал, что при зачислении за доблесть в царские телохранители получил 60 «голов», а при производстве после эфиопского похода в начальники телохранителей — еще 100 «голов» в награду. Пожалование «голов» было, по-видимому, правилом при назначении телохранителей: даже в сказке «О потерпевшем кораблекрушение» назначенный таковым наделялся «головами».

При этом «головы» часто жалуются без земли, хотя в жизнеописании одного из административных деятелей того времени (надпись в Асуане) мы читаем о награждении его 20 «головами» и 50 сатами (т. е. свыше 135 000 кв. м) пашни (1 сат = свыше 2700 кв. м).

Перечисленные источники позволили не раз отметить обособление зависимых людей от средств производства. В начале Среднего царства один богатый горожанин и другой зажиточный, но нечиновный человек, имея каждый людей, хвалились, что пахали своими упряжками. Им вторит и более знатный египтянин, добавляя, что и молотил он своими ослами, и жрец Хорнахт (Хара-нахти), «владелец челяди, богатый скотом» (конец Среднего царства).

Но в частных хозяйствах могли трудиться и непосредственные производители, несомненно наделенные землей. От начала XII династии до нас дошли договоры правителя XIII верхнеегипетской области [по имени Хапиджефа (Хап-джефа) — произношение имени условное] со жрецами местных богов о заупокойном служении его изваянию. За отправление службы учредитель дает жречеству областного божества «меру (*кхт* = 4,785 л) ячменя Низовья со всякого поля дома собственного, из начатков жатвы дома областного правителя», жрецам же другого местного бога — «меру (*кхт*) ячменя Низовья из начатков жатвы всякого поля дома областного правителя», причем оба договора устанавливают порядок внесения своей части ячменя «земледельцем его (областного правителя) всякий из начатков поля своего». Ясно, что хозяйство владетельного учредителя зиждилось в какой-то степени на труде земледельцев, возделывавших каждый свой участок земли.

На заупокойной плите военачальника-градоначальника (областного правителя? по имени Сабки — произношение имени условное) примерно той же поры изображены и поименованы шесть «землепашцев» из числа личных людей умершего, несущих ему поминальные дары. Поскольку предыдущий вельможа и этот военачальник — оба были местными властителями, естественно предположить, что и «землепашцы» у них были одинаковые. То же можно предположить и относительно «землепашцев», упомянутых в гробнице областного правителя конца Среднего царства Рнени (в Эль-Кабе).

В гробнице сановника того же времени (по имени Беби в Эль-Кабе) перечислены в составе челяди 20 «слуг царя». «Слуги царя» Урниптах

[Ур-н(и)-Птах] Сенусерта поименованы: один — на плите важного городского сановника (Сарненутета), другой — на плите второстепенного служащего по имени Сенусерт, в последнем случае вместе со «служанкой», «сириянкой», «чашником», «прачечником», двумя «пивоварами» и «садовником» (середина XII династии).

Кто такие были «слуги царя», поясняет одна из приписок к изображению пищевой мастерской в гробнице верховного сановника начала XII династии Антефокера (Ан-йатаф-акри). Мальчика, просящего у работника лакомства, последний обзывает порождением бегемота, прожорливее «слуги царя», когда тот пашет. «Слуга царя» здесь земледелец, и, так как неправдоподобно, чтобы работник имел в виду каких-то посторонних земледельцев, а не работавших тут же в хозяйстве его господина, позволительно думать, что земледельцами у верховного сановника были те же «слуги царя». То, что «слуги царя» занимались земледелием, доказывает и словоупотребление времени, непосредственно предшествующего Среднему царству и следующего за ним. Мы уже встречались со «слугами царя», жнецами областных правителей VI династии и еще увидим, что в первой половине Нового царства этот термин употреблялся для общего обозначения земледельческого населения Египта.

Вероятно, «слугами царя» были и среднеегипетские «землепашцы». На плите упомянутого военачальника Сабки девяти мужчинам, людям лично его — шести «землепашцам», «пивовару» и «чашнику» — противопоставлены десять «служанок» (слово «служанка» у изображения одной из них разрушено). В гробнице же сановника конца Среднего царства Беби 20 «слугам царя» противопоставлено 20 (21?) «служанок». Затем на плите второстепенного служащего «слуга царя» находится в окружении тех же людей, что и «землепашцы» у военачальника, а обе гробницы конца Среднего царства — Рнени и Беби, из которых одна называет «землепашцев», а другая — «слуг царя», не только одного времени, но и расположены в одном месте.

Нельзя не предположить, что большинство мужчин и женщин у военачальника и особенно у сановника конца Среднего царства были мужьями и женами. В сказке (папирус Весткар) у девушки, прислуживающей в доме жреца, брат вяжет лен на гумне. О. Д. Берлев убедительно показал, что вообще вся домашняя «челядь» в Среднем царстве (помимо иноземных рабов) набиралась из «слуг царя» и из женщин-«служанок». От времени XIII династии до нас дошла примечательная ведомость, содержащая длинные поименные перечни «слуг царя» и «служанок», «сирийцев» и «сириянок» с указанием рода их занятий.

Видимо, с наступлением Среднего царства производственные отношения в сельском хозяйстве претерпели существенные изменения. Нет как будто бы ни одного памятника, который подтверждал бы существование «отрядов» *(изт)* в полеводстве, столь характерных для Старого царства, или хотя бы начальников, руководителей, наставников, писцов таких «отрядов». Это не значит, конечно, что из земледелия должны были исчезнуть всякие рабочие подразделения. «Пятерочницы(?)», работавшие в Старом царстве на вельможеском току, редко — в поле, по-видимому, сохранились. Во всяком случае, в начале Среднего царства «пятерочницы» еще существовали, и даже в царствование XII династии правитель XVI верхнеегипетской области Аменемхет похвалялся, что не было земледельца, которому бы он что-либо возбранил, пастуха, которого бы он отстранил, «распорядитель пятерочников(?)», людей которого он взял бы на (?) свою работу.

Если при VI династии областные правители на подмогу «отрядам дома собственного» привлекали в страдную пору жнецов со стороны и ими были «слуги царя», видимо государственные земледельцы подвластной обла-

сти, то в Среднем царстве, как мы только что видели, «слуги царя» — это работники самих частных хозяйств.

На смену «отрядам», выполнявшим любую работу, на которую угодно было их направить, пришел «землепашец», бывший земледельцем по самому роду своих занятий.

Некоторые перемены произошли и в положении ремесленников. Если уже в Старом царстве отдельные мастера достигали сравнительно обеспеченного положения, то в Среднем царстве такие ремесленники встречаются гораздо чаще. От среднеегипетских «землепашцев» до нас как будто не дошло памятников, но простые ремесленники, такие, как прачечник, пивовар, горшечник, плотник, каменотес, золотых дел мастер, медник и т. д., оставили каменные плиты с надписями и изображениями и даже надписанные изваяния. Как ни зло глумился мудрец Ахтой в поучении школьнику-сыну над невзгодами ремесленников, превознося благополучие писца, имущественное и общественное положение значительной части ремесленников было вряд ли намного хуже, чем рядовых писцов. И должностные лица, в частности начальники ремесленников, не гнушались, судя по их памятникам, общества простых мастеров, даже находились с ними в родстве. Начальники ремесленников сами отменно знали ремесло, часто, как и простые ремесленники, перенимали ремесло от отца, хотя некоторые из них и были детьми мелких служащих или роднею высокопоставленных лиц. Трудно найти памятник простого ремесленника, где упоминались бы слуги или рабы. Зато у одного начальника златокузнецов было не менее двух «служанок» со взрослыми детьми у каждой. Ремесленники объединялись по роду занятий и в совокупности представляли собой определенную силу. Камнетесы составляли даже особое соединение с развитым управлением и подразделениями; принадлежности к этому соединению не стыдились вполне вольные люди.

Вместе с ремесленниками изменилось положение и других рядовых египтян, в том числе разных мелких служащих. Памятники их мы встречаем теперь на каждом шагу.

С конца Старого царства источники начинают наряду с «большими» называть и «малых» и положительно пестрят упоминаниями о них в последующее время вплоть до начала XII династии включительно. «Малые» Среднего царства на своих памятниках выставляют себя богатеями, благодетелями родного города и даже соседних местностей, крупными сановниками с высокими придворными и административными званиями. В своих жизнеописаниях лица, величающие себя «малыми», делают упор на успехи, достигнутые «собственной рукой», и воинскую доблесть. В дни XI династии даже родовитые областные правители с гордостью величали себя «сильными малыми». «Малые» владели помыслами сказителей. В круге сказок, дошедших до нас в рукописях конца Среднего царства (папирус Весткар), но рассказанных или пережитых якобы при дворе царя IV династии Хуфу, «малые» выведены дважды. То это дерзкий, но плохо кончающий прелюбодей, соперник знатного волхва,— в этой сказке усматривают отражение борьбы между «малыми» и знатью; то дерзкий чародей, учащий самого Хуфу человечности. Это не мешает волхву-«малому» вести себя словно вельможа: его желания исполняют слуги. И в другом среднеегипетском произведении (папирусе Государственного Эрмитажа 1116 в) главное действующее лицо — волхв-«малый», и он богаче любого, подобного ему.

Но как ни росла количественно средняя прослойка общества, как ни увеличивалось ее значение, противоположность между верхами и низами оставалась разительной. Развалины города около одной из царских пирамид середины XII династии (у нынешнего Эль-Лахуна) позволяют увидеть это воочию. Трудовое население жило невероятно скученно, в жи- Ил. 133

лищах из нескольких крошечных каморок, тогда как каждый богатый дом представлял собой настоящее хитросплетение многих десятков небольших помещений и нескольких покрупнее, иногда с опорными столбами внутри, расположенных неравномерно вокруг двора с навесом на столбах же.

Продовольственные выдачи и выдачи умащений, тканей продолжались и в Среднем царстве. От второй его половины сохранились части придворных приходно-расходных книг и иные счетные записи, которые позволяют видеть, как много людей постоянно и по случаю получали государственные продовольственные выдачи: подсобные работники, ремесленники, слуги, телохранители, второстепенные должностные лица, сановники, вплоть до самых высоких, члены их семей, даже члены царской семьи, жившие своим домом. Также и лица, состоявшие при храме, получали из храма продовольствие. К сожалению, мы недостаточно осведомлены о вельможеском хозяйстве Среднего царства, но вытеснение «отрядов» «землепашцами» не могло не сопровождаться сокращением выдач, хотя они все-таки имели место. Сохранилось изображение раздачи служащим и домочадцам областного правителя рыбы и водоплавающей птицы, но в полной противоположности с соответствующими изображениями Старого царства припасы выдаются для кормления не рабочих отрядов, а именно названных лиц. Зато среднеегипетские источники позволяют определенно утверждать, что пищевые мастерские обслуживали не только вельможу и его приближенных, но и непосредственных производителей: из надписей в каменоломнях (в Вади-Хаммамат) следует, что при XI—XII династиях участники походов за камнем кормились за счет государственных и вельможеских пищевых мастерских.

Тем не менее появление в стране множества мелких и средних хозяйств не могло не способствовать развитию обмена. В повести о «Красноречивом крестьянине» рассказывается, как при IX—X династиях селянин из Соляного поля (ныне Вади-эн-Натрун), когда кончился хлеб, отправился купить новый в столицу, а на продажу повез на осле соль, барсовые и волчьи шкуры, птиц, растения и т. п. По дороге он был ограблен человеком большого вельможи, у которого затем он долго и безуспешно искал справедливости, поразив вельможу красноречием. Любопытно, что советники расхолаживали вельможу догадками, не пострадал ли селянин за доставку товаров не человеку вельможи, а другим покупателям. При XI династии небольшое частное хозяйство — заупокойного жреца — продавало на сторону ткани собственного изготовления (спрос на ткани мог возрасти в связи с распространением более длинных мужских передников, а также плащей).

Хотя зерно оставалось распространенным мерилом стоимости и средством платежа, наряду с ним охотно платили также одеждой. Примечательно, что с падением Старого царства в качестве платы за всякие услуги стала уже использоваться медь. В конце Среднего царства мерилом стоимости стало золото: в дни XIII династии один сановник платил другому за статью дохода — за должность правителя города Анхаба (Нехеба) — «60 „кругов" золота золотом, да медью, да одеждою, (и) зерном», т. е. дал золота, меди, одежды и зерна на 60 «кругов» золота («круг» = = 91 г). В начале XII династии за услуги было однажды заплачено «серебром, золотом, медью, притиранием, одеждой, ячменем Низовья, пшеницей». Из последовательности «серебро — золото — медь» можно сделать вывод, что серебро тогда еще было дороже золота, хотя к концу Среднего царства уже золото стоило вдвое дороже серебра. Во второй половине Среднего царства толковали о «голове» (основной сумме) и росте на нее. Как и следовало ожидать, зерновые ссуды по-прежнему оставались обычным явлением.

Язык в период Среднего царства претерпел значительные изменения,

но все же остался гораздо ближе к староегипетскому языку, чем к новоегипетскому. Иначе обстояло дело с письмом. Ко времени XII династии наряду с беглым «книжным» письмом выработалась настоящая деловая скоропись («книжное» и деловое иератическое письмо), вовсе не похожая на староегипетские почерки, не говоря уж о прародителе обоих — попрежнему употребительном изобразительном письме надписей и священных книг (иероглифическом письме). Развитие скорописи не могло не стоять в прямой связи с оживлением и усложнением хозяйственной жизни.

Общий подъем хозяйственной и общественной жизни благотворно сказался и на развитии наук. Именно Среднему царству принадлежит несколько списков задачников (папирусы Московский математический, Ринд и др.), хотя за гибелью «книг» Старого царства нельзя установить, насколько потомки опережали здесь предков. Как бы то ни было, среднеегипетская наука, несмотря на крайне громоздкий способ образования дробей, решала хитроумные задачи, пользовалась понятием неизвестного, установила близкую истинной величину π (3,16), вычисляла объем усеченной пирамиды и, возможно, площадь поверхности полушария. О последних двух достижениях мы знаем из рукописи конца Среднего царства, хранящейся в Государственном музее изобразительных искусств в Москве. От Среднего царства дошли также остатки лечебных пособий по женским болезням и о животных. Концу Среднего царства принадлежит справочник-словник, содержащий свыше 300 названий масел, птиц, растений, животных, хлеба, зерна, частей тела, эфиопских крепостей, верхнеегипетских городов, с приложением сокращенных обозначений для 20 видов скота.

Определенно новым духом повеяло в искусстве. Повышенное самосознание, гордость за свое ремесло сквозит в каждом слове пространной надписи (на плите Луврского музея С 14), составленной еще при XI династии одним из «распорядителей мастеров» — «мастером гораздым в ремесле своем» (по имени Иртисен): «Я знал походку мужского изображения (и) поступь женского, положения птицы (и) скота, осанку(?) поражающего(?) единичного (врага), (как) глядит око на другое, (как) наполнить страхом лицо пленных(?) врагов, поднятие руки у поражающего бегемота, поступь бегущего». Временная утрата исполнительского мастерства после падения Старого царства была делом поправимым, и стоило стране воссоединиться под властью XI династии, как вновь появились условия для более тщательной выучки мастеров. Большим достижением Среднего царства было развитие стенописи. Выдвинувшиеся теперь верхнеегипетские правители высекали себе гробницы в скалах; ограниченность средств вместе с малой пригодностью стен пещер для изображений располагали к стенописи. Если прежде роль живописи ограничивалась больше раскраской высеченных на стене изображений, то теперь она могла полностью использовать свои возможности для более живой и выразительной передачи действительности. Тонкая же наблюдательность, несмотря на условность изобразительных приемов, отличала лучших живописцев и ваятелей Среднего царства не в меньшей, если не в большей степени, чем их предшественников в Старом.

Принято думать, что непосредственной причиной крушения Старого царства было усиление областных правителей, назначаемых сначала резиденцией, превращение их в областных князей и безрассудная раздача фараонами своих земель и прав представителям знати и храмам. Однако само по себе усиление областных правителей не объясняет изменения производственных отношений. Это, правда, не значит, что между тем и другим не существовало никакой связи.

В Старом царстве вельможеские земли обрабатывались трудом под-

120. Деревянное изображение фараона Хора, XIII династия

невольных рабочих «отрядов». Но в отличие от столичной знати у областных правителей VI династии мы находим наряду с «отрядами собственного дома» «слуг царя», видимо, государственных земледельцев подведомственной области. В ремесленных мастерских столичной знати также удается обнаружить лишь ее собственных мастеров, а среди ремесленников, работающих на областных правителей, кроме собственных мы встречаем и мастеров государственных (царского «Местожительства»).

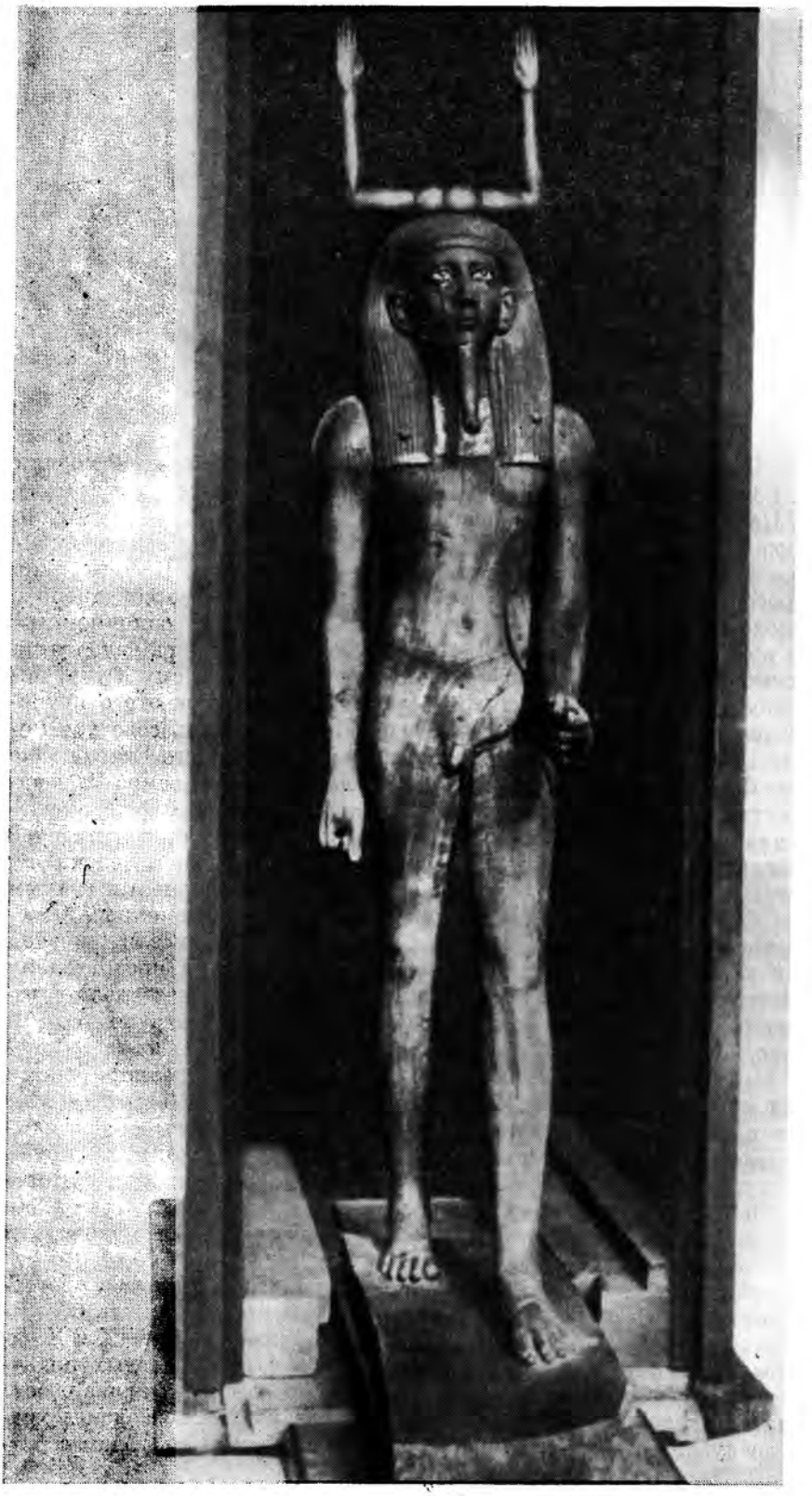
Но областные правители конца Старого царства предвосхищали порядки Среднего царства и в ином отношении. Никто во вторую половину Старого царства так старательно не расписывал своих благодеяний маленьким людям, как областные правители. И их преемники в Среднем царстве только подхватили их начинания.

Усиление областных правителей при VI династии, о котором свидетельствуют главным образом их многочисленные гробницы на местах, имело как будто определенный общественный смысл: они были связаны с передовыми силами общества, стали носителями прогрессивного начала. К тому же сами областные правители в целом даже при VI династии не были высшей знатью. Отдельные их представители, например породнившиеся с VI династией властители верхнеегипетского Тина, пользовались большим влиянием, но достаточно сравнить гробницы верхнеегипетских областных правителей, высеченные в скалах, небольшие и нередко скудно отделанные, с громадными, сложенными из тесаных камней и испещренными резьбою гробницами столичных вельмож, чтобы убедиться в различии общественного положения тех и других.

При таких условиях временный союз между порабощенным народом, приниженными средними слоями и умаленными в своем значении областными правителями против столичного вельможедержавия и его средоточия — царского самовластия — был естественным делом. Но как рухнуло Старое царство и страна распалась на полунезависимые области, мы точно не знаем.

За последним видным представителем VI династии Пиопи II последовало несколько бессильных властителей, известных лишь по царским спискам или позднейшим сказаниям, например фараон-женщина Нитокрида. Странная VII династия (70 царей, правивших 70 дней!) известна только по Манефтону. Согласно тому же источнику, VIII династия была родом из Мемфиса, но те немногие памятники, которые можно приурочить к ее правлению, указывают скорее на Верхний Египет как место ее деятельности. Вполне возможно, что VIII династия делила власть над

120

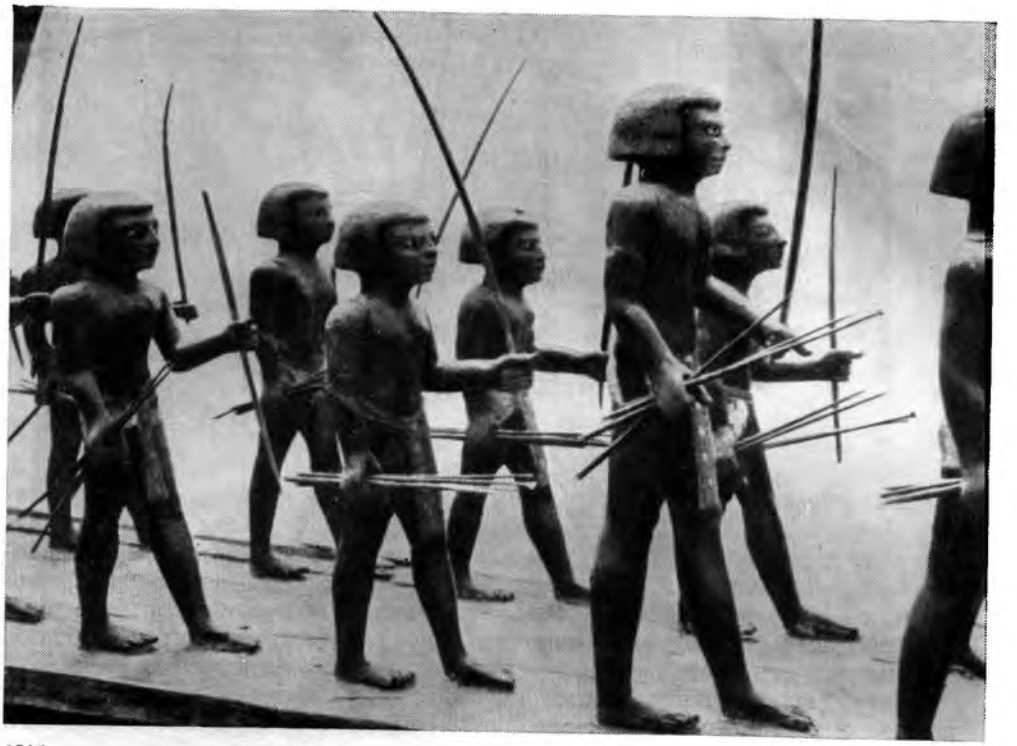

121. Деревянные модели воинов из гробницы номарха Месехти в Асьюте, XI династия:
а) нубийцы-лучники;
б) египтяне-копейщики

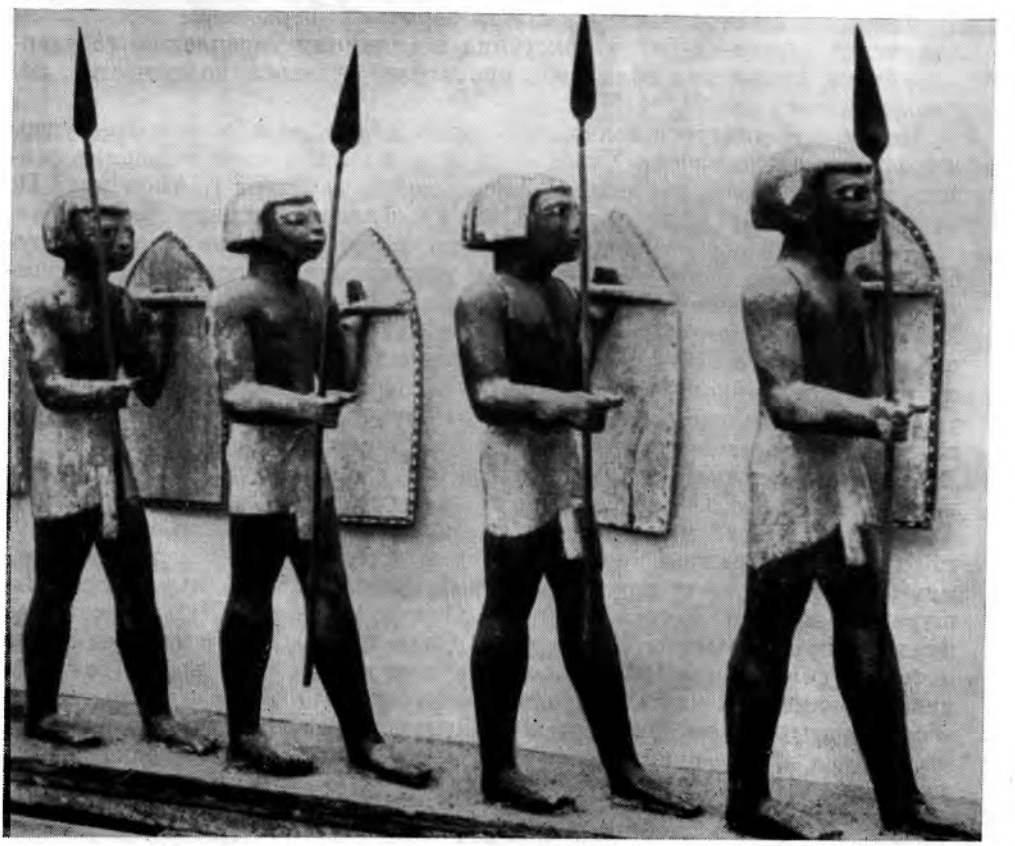
страной с IX и отчасти X и XI династиями. IX и X династии происходили из города Гераклеуполя, на севере Верхнего Египта; этот город и стал их столицей. Несмотря на крутость основателя IX династии Ахтоя, память о которой дожила до дней Манефона, царям из Гераклеуполя так, по-видимому, и не удалось объединить страну под своей властью. Низовье, уже полное просочившихся с северо-востока иноземцев, было воссоединено с Гераклеуполем при X династии деятельным правителем, одноименным как будто с основателем царства в Гераклеуполе. Тот же царь овладел на юге областью Тина, но южнее ее не пошел. Во вложенном ему в уста поучении сыну и преемнику Мерикара — знаменитый список этого поучения хранится в Государственном Эрмитаже — старый царь советует молодому жить в мире с царством, возникшим на юге Верхнего Египта. Оно выросло из Фиванской области, распространилось на юг до самой Элефантины, и местные владыки — несколько Иниотефов (Ан-йатафов), положивших начало XI династии,— постепенно из областных властителей превратились в южноегипетских фараонов. Как бы добрососедски ни были настроены в Гераклеуполе, столкновение между северным и южным царствами было неизбежным. Сначала борьба шла с переменным успехом, но победа юга была предрешена. Северные цари зависели от своих областных правителей, из которых некоторые едва ли не превосходили их могуществом, тогда как Фиванская область, преодолев жестокое противодействие соседей, сплотила южную часть страны в достаточно прочное государство. Полагают, что Фиванской области было легче из-за ее плодородной земли, в то время как ее противники располагали лишь узкими полосками прибрежной почвы. Последние Ментухотепы (Манта-хатпи) XI династии были уже общеегипетскими царями, и при них мы снова слышим о победах над окрестными племенами и о мирных походах в каменоломни и даже в Южное Красноморье. Расцветает и каменное строительство, хотя и не похожее на архитектуру Старого царства. Ярким образцом нового зодчества служит погребальное сооружение одного из Ментухотепов в его столице Фивах.

Столь губительный для земледелия период распада страны на обособленные и враждебные царства закончился, но фактически власть оставалась в руках областных правителей. Их самостоятельность при IX и X династиях была, естественно, особенно велика. Иной из областных правителей, не именуя себя открыто царем и признавая на словах права своего «владыки» на утверждение областного правителя или на возведение храма, на деле чувствовал себя царьком: вел летосчисление по годам собст-

121а

121б

122. *Храм фараона Сенусерта I в Карнаке, XII династия*
123. *Обелиск Сенусерта I, Ана (Гелиуполь)*
124. *Сенусерт I совершает ритуальный бег, рельеф*

венного правления, величал себя сыном местного божества — в подражание фараоновскому «сын Солнца», звал воинство области своим воинством и т. д. Воинские силы отдельных правителей могли быть по тем временам значительными. Могущественный правитель XIII верхнеегипетской области — в средней части страны,— поддержке которого в борьбе с югом X династия была обязана отсрочкой своей гибели, хвалился победой, одержанной его войском над соединенными силами южного царства.

Итак, воссоединение страны не привело к коренным изменениям в положении областных правителей, разве что они стали более покорными верховной власти. Даже тогда, когда вслед за последним представителем XI династии престол занял бывший, вероятно, верховным сановником Аменемхет (Аман-ма-хи) и приступил к видимому укреплению государственности, положение областных правителей осталось, по существу, непоколебленным.

Новая, XII династия воцарилась около 2000 г. до н. э. и прочно удерживала власть до начала XVIII в. до н. э. За два с лишним века сменилось лишь восемь правителей — Аменемхет I, Сенусерт I, Аменемхет II, Сенусерты II и III, Аменемхеты III и IV, фараон-женщина Нефрусебек.

Аменемхет I обосновался не в Фиванской области, а на севере, на рубеже Верхнего и Нижнего Египта, в укрепленном городе, многозначительно именовавшемся «Забравший обе земли» и ставшем столицей XII династии. Город был расположен неподалеку от древнего Мемфиса, около нынешнего Лишта, а немного южнее находилась «Земля озера», современный Файюмский оазис, об осушительных работах в котором нам уже известно. Заново созданный богатый округ мог служить действенным подспорьем восстанавливаемому единодержавию.

Другим заметным признаком возврата к старине был отказ от царских надгробий в стиле XI династии. По краю пустыни от южной окраины Мемфиса до входа в «Землю озера» и на ее территории выросли одна за другой царские пирамиды, внешне подобные древним, с поминальными храмами спереди, а то и окруженные гробницами знати (у нынешних Дахшура, Лишта, Эль-Лахуна, Хавары). Однако пирамиды XII династии, за исключением пирамиды Сенусерта I, были построены из кирпича-сырца и только облицованы известняком. Да и пирамида Сенусерта I состояла лишь из каменных клетей, заполненных песком и щебнем и покрытых известняковым чехлом. Также и вельможеские усыпальницы подле пирамид делали в виде кирпичных «завалинок» (мастаб) с облицовкой из известняка.

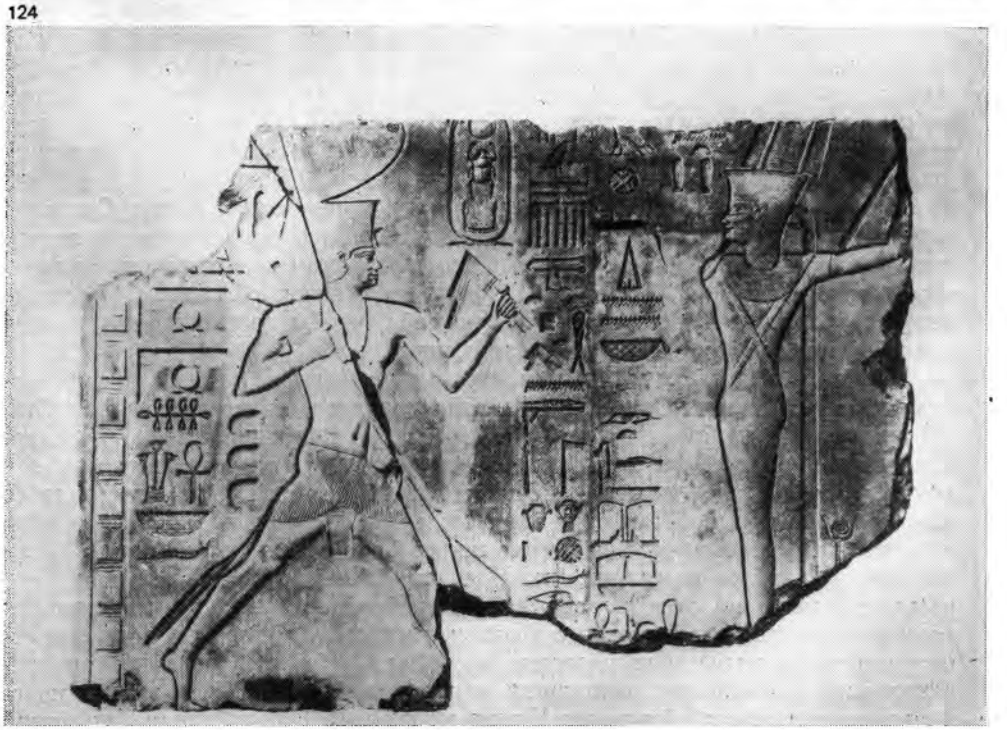
122

123

124

125. Деревянные модели лодок с рыбаками из гробницы Мекетра, XI династия
126. Фараон Ментухотеп поражает ливийского вождя, рельеф, XI династия

Но и XII династия не всегда тяготела к старине. Не по-старинному выглядел, например, новый государственный бог Амон (Амана). Первоначально, возможно, одна из восьми первобытных сил, составлявших предмет мудрствования в верхнеегипетском городе Гермуполе, Амон еще ничего не значил в Фиванской области на исходе Старого царства. Он оставался в тени и при XI династии, вышедшей из этой области, и только с воцарением Аменемхета I, личным покровителем которого, судя по имени, он был, Амон стал государственным богом в Фивах, на севере одноименной области. Для придания ему большей значимости Амон, воплотивший и кое-какие черты верхнеегипетского бога Мины, подобно некоторым другим тогдашним божествам, был отождествлен с древним государственным богом Солнца Ра под именем Амон-Ра. И еще в Среднем царстве Амон-Ра стал изображаться покровителем, пекущимся о самых ничтожных тварях, протягивающим руки тому, кого возлюбил, внемлющим мольбе несчастного, милостивым к призывающему его, спасающим робкого от гордого, судьей между убогим и сильным. Таким Амон-Ра предстает в славословии, которое известно полностью по (каирской) рукописи уже Нового царства (середина XVIII династии, XV в. до н. э.), а в отрывках сохранился на кусках изваяния частного лица конца Среднего царства (ныне в Британском музее). Родственные представления появились уже в начале Среднего царства, но в развитом и общественно значимом виде мы встречаем эти мысли впервые в связи с Амоном. Простые смертные слишком громко заявляли о себе, чтобы создатели его культа могли не прислушиваться к их настроениям.

Та же XII династия, которая выдвинула Амона, немало способствовала и возвеличению Осириса, божества древнего, но после падения Старого царства приобретшего широчайший круг почитающих. С упразднением прежней власти вельмож и царского самовластия заупокойная служба перестала быть достоянием немногих. Изображения и надписи со стен усыпальниц избранников-вельмож перекочевали на скромные плиты, доступные и людям с ограниченными средствами, и кладбища были наводнены такими памятниками. Многословные заклинания царских пирамид перешли на стенки деревянных гробов, доступных мало-мальски зажиточным людям, и вместе с новыми сочинениями того же рода они составили так называемые надписи саркофагов (от них отличают среднеегипетские заклинания, вошедшие как древнейшая часть в состав ново- и позднеегипетских сборников Книги мертвых). Теперь всякий умерший мог стать «Осирисом», магически присвоить его преимущества как ожив-

125

126

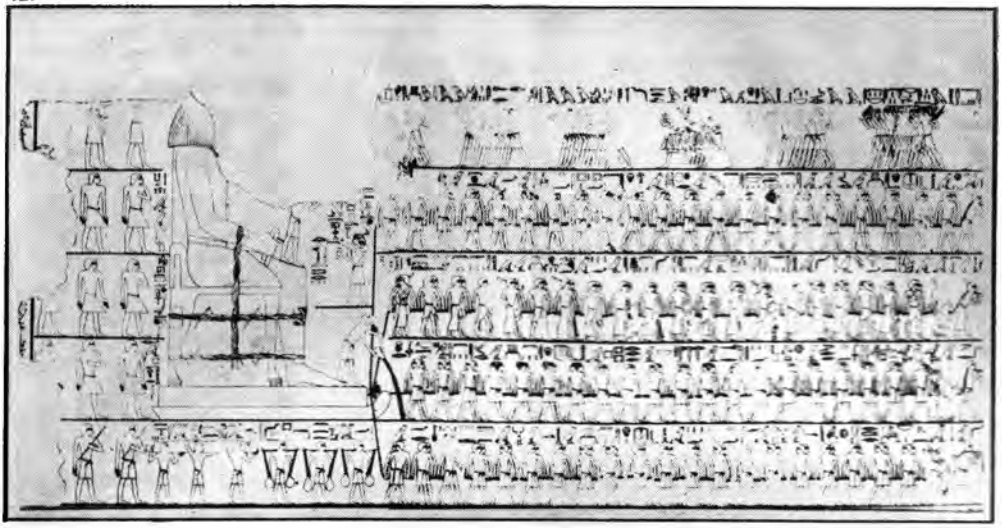
127. *Перевозка статуи областеначальника Тутхотепа, сцены из гробницы, Эль-Берше, XII династия*

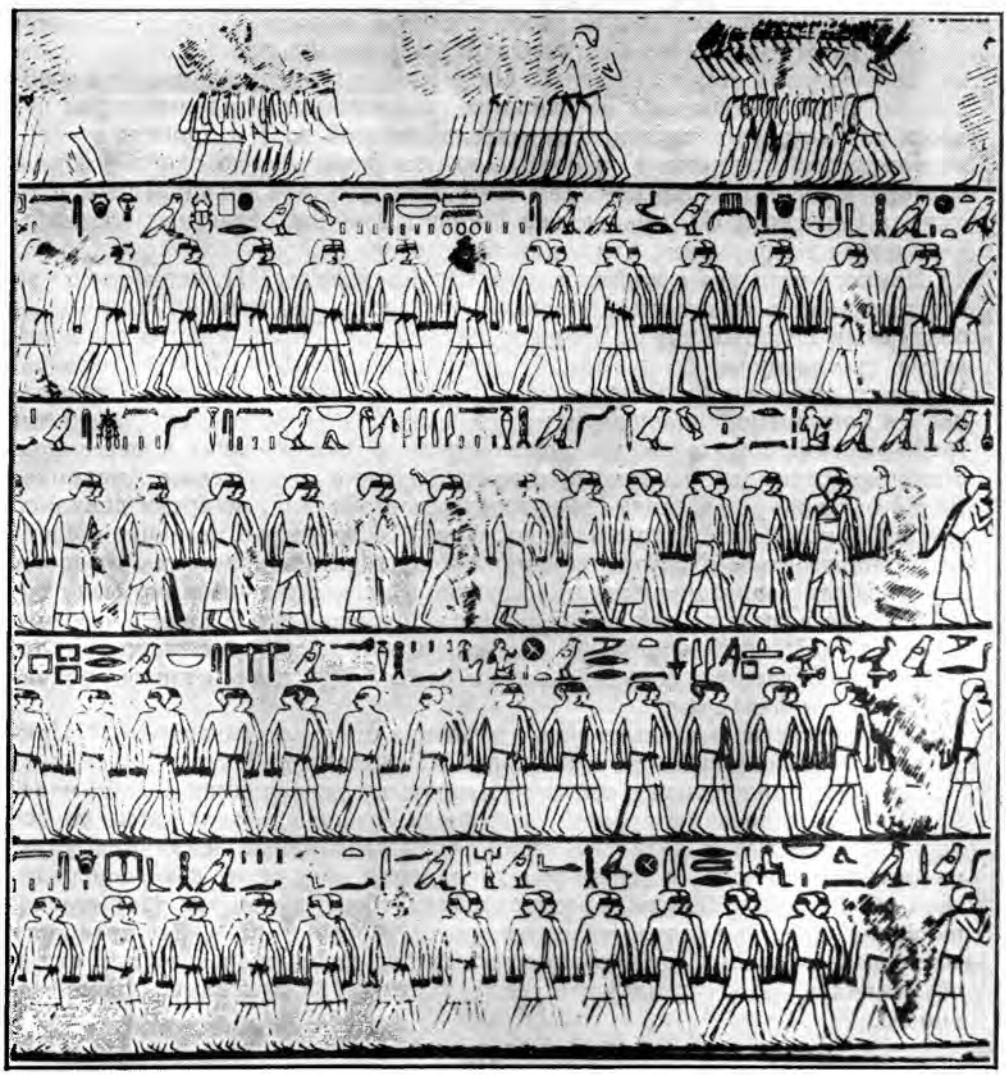
ленного трупа. Поэтому Осирис сделался общеегипетским богом мертвых, и значение его, его города Абидоса и устраивавшихся там священных представлений возросло необыкновенно. XII династия учла все это и всемерно содействовала проведению великолепных торжеств в Абидосе, владевших помыслами современников при жизни и после смерти.

Не могли не способствовать укреплению власти XII династии победоносные войны с соседями, вылившиеся на юге в настоящее завоевание. Эфиопия, золотые рудники которой были теперь хорошо известны и манили к себе египетских завоевателей, подвергалась нашествиям египтян еще при первых двух царях новой династии, когда они громили и ливийцев. Однако окончательно подчинение северной части Эфиопии стало делом Сенусерта III. Несколько походов и мощные крепости у вторых порогов закрепили ее за Египтом, и доступ в новоприобретенные владения фараона зарубежные эфиопы получили только для торговли и представительств посольства. О том же Сенусерте III известно, что он ходил войной на Палестину, но в какой мере удалось ему подчинить эту страну, неясно. Как бы то ни было, фараон-воитель произвел на соседние народы такое впечатление, что в Новом царстве египетская Эфиопия чтила в нем своего местного бога, а позднее предание, смешавшее имена среднеегипетских Сенусертов со смутными воспоминаниями о завоевателях новоегипетских, создало баснословный образ Сенусерта — покорителя полумира (Сесостриса по-гречески).

Но и при могущественном Сенусерте III, как при его предшественниках, на местах по-прежнему сидели властные областные правители. Хотя иные из них определенно назначались в свою область царем,— известен случай, когда область была специально выделена для царского сподвижника,— власть областного правителя была наследственной и переходила от отца к сыну или от деда по матери к внуку, царь же только утверждал нового властителя. Один правитель XIV верхнеегипетской области изобразил и поименовал у себя в гробнице 59 властительных предков. Еще при Сенусерте I областной правитель мог вести двойное летосчисление — по годам правления царя и своего собственного. Областные руководители местным жречеством и бывали верховными жрецами местных божеств. Им же подчинялось войско области, которое они по-прежнему называли «своим». Они управляли как пашнями, так и стадами царя, находившимися в области; подати в пользу «дома царя» проходили через их руки. Хотя «дом (хозяйство) областного правителя» и «отчий дом», «стадо царя» и «стадо свое» строго различались, областные правители и при XII династии оставались могущественными особами.

127

128. Аменемхет III, XII династия:
а) статуя из Файюма в облике жреца;
б) статуя из Хавары;
в) сфинкс из Таниса с чертами фараона

К тому же со временем сила и богатство областных правителей не уменьшались, а, напротив, увеличивались. Гробница правителя XVI верхнеегипетской области (время Сенусерта II) Хнемхотепа II (Хнам-хатпи) и гробница правителя XV верхнеегипетской области (время Сенусерта III) Тутхотепа (Дхут-хатпи) были богаче усыпальниц предшествующих властителей тех же областей. Мало того, в гробнице Тутхотепа изображено «препровождение» из ближних каменоломен в главный город области алебастрового изваяния правителя высотой до 7 м, причем в «препровождении» принимали участие — влекли изваяние на санях — воины области и «череды» жрецов. Тем поразительнее, что с воцарением преемника Сенусерта III Аменемхета III цепь гробниц областных властителей, дотоле непрерывная, внезапно обрывается.

Ил. 127

Немного известно о долгом правлении Аменемхета III, несмотря на то что памятников от этого царствования до нас дошло немало. Видимо, он был самым сильным царем Среднего царства, поскольку именно его правление прославилось сооружением, достойным пирамид Старого царства. У самого выхода на «Землю озера» (Файюм) было воздвигнуто громадное по занимаемой площади каменное здание, состоящее, по рассказам греко-римских писателей, из многих палат и тысяч комнат и переходов, с перекрытиями из исполинских плит. От всего сооружения Аменемхета III остались одни следы да разрозненные обломки, но греки дивились ему не меньше, чем великим пирамидам. Его греческое название «Лабиринт» напоминает престольное имя Аменемхета (по-гречески Ламарес). Из-за гибели сооружения трудно определить, с какой целью оно было построено, но возможно, что это был царский поминальный храм с особыми отделениями для областных богов. Если это было действительно так, то, объединяя областные божества вокруг особы царя, хотели крепче подчинить области фараонам.

Ил. 128

Чьи интересы отстаивал царь, подавляя местных властителей? Присмотримся поближе к окружению царей XII династии.

Высокие придворные и государственные чины в столице сильно напоминали своих древних предшественников. При дворе толпились те же «друзья» простые и «единственные», «приставленники венца при украшении царя» и т. п., в верховном управлении сидели те же «распорядители обоих домов белых», «распорядители обоих домов золота», «распорядители обеих житниц», «распорядители работ» и т. п. По-прежнему верховный сановник, он же градоначальник столицы, возглавлял суд и объединял в своих руках управление разными ведомствами, кроме военного.

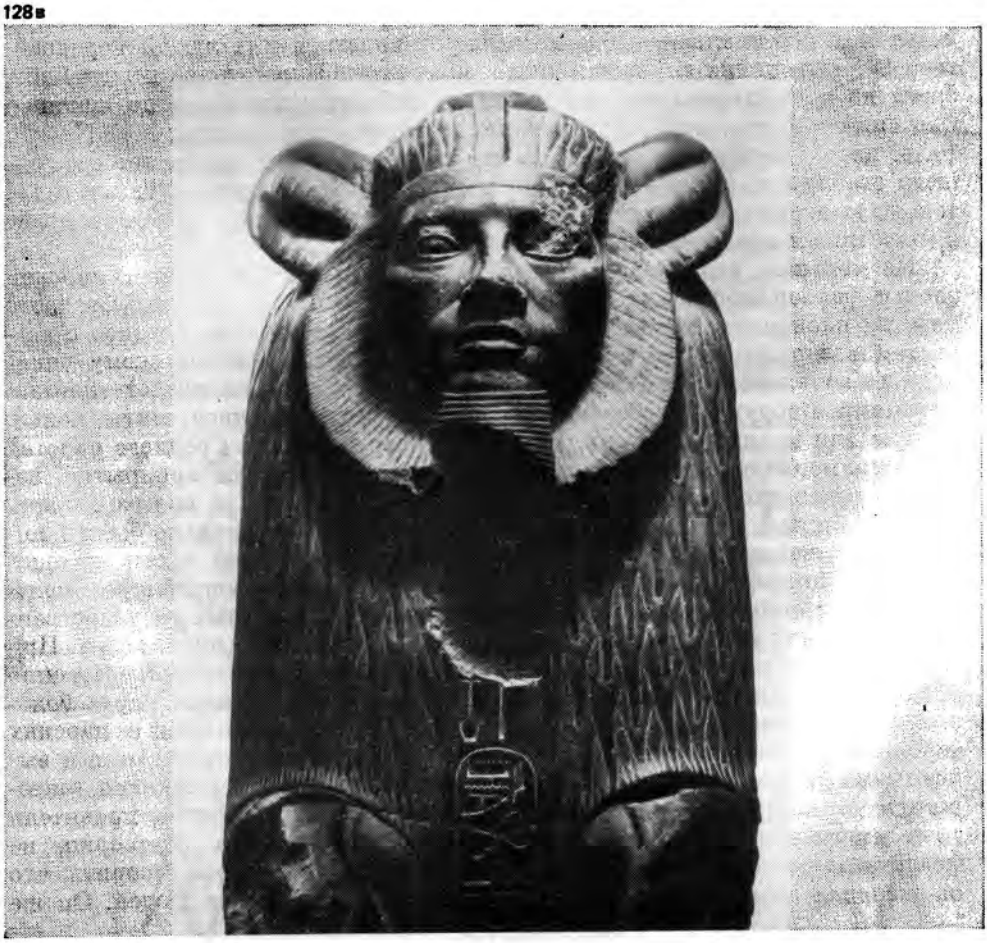
128а

128б

128в

129. Крепость Бухан, Северная Нубия
130. Сцены сражения. Роспись из гробницы Аменемхета в Бени-Хасане, XII династия:
а) осада крепости;
б) сиро-палестинские наемники

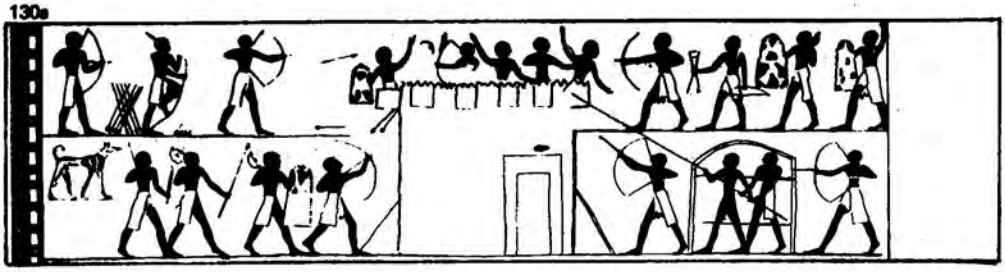
Кем были высшие должностные лица по своему происхождению? Придворными званиями щеголяли многие областные правители, но высокие государственные должности общеегипетского значения они занимали редко. Это, разумеется, не мешало их родне оседать на доходных местах в столице. Но рядом с представителями местной знати при дворе и во главе государственного управления можно было видеть многих людей иного происхождения. Были сановники, унаследовавшие должности от отцов, потомственная столичная знать, были и такие, чьи родственные связи или собственные слова заставляют видеть в них людей неродовитых. О настроениях служилой знати, получившей положение и житейшие блага из рук фараона, можно составить себе представление по надписи Схотепибра (Сахтап-иб-Рии), начальника казны при Аменемхете III: «Он (т. е. царь) дает пищу тем, кто в его сопровождении, он питает следующего его путем; пища — это царь, избыток — это его уста». Такая знать только выигрывала от усиления царя, и он мог опереться на нее в борьбе с областными правителями.

Не меньшее, если не большее сочувствие сильной и щедрой царской власти фараон мог найти у приближенного воинства. Войско Среднего царства набиралось путем очередных призывов молодежи, позднее с возрастом возвращавшейся в гражданское состояние. К египетскому воинству добавлялись иноземные части, в большинстве своем представленные эфиопами. Вооружение составляли лук и стрелы у стрелков, щиты, копья, секиры или палицы у других. Как будто нововведением Среднего царства было применявшееся уже при XI династии передвижное прикрытие, из-под которого двое воинов длиннейшим копьем поражали врагов на крепостных стенах. Крепости же при XII династии действительно были мощным сооружением. Однако войско в значительной своей части находилось под началом областных правителей, составляя вооруженные силы областей, подобно тому как и большинство второстепенных государственных служащих непосредственно подчинялось областным правителям. При XII династии мы находим и особое войско, состоявшее непосредственно при фараоне. Эти телохранители назывались, как дорожные слуги больших господ, «провожатыми» — «провожатые властителя». Состав царских телохранителей был неоднороден: среди них как будто встречаются и выходцы из местной и придворной знати, но большинство, судя по имеющимся данным, было незнатного происхождения. Областные правители тоже имели своих вооруженных «провожатых», но они, бесспорно, не могли задаривать их так, как фараон. Нам уже доводилось говорить, что он жаловал своим телохранителям по нескольку десятков людей. Он же

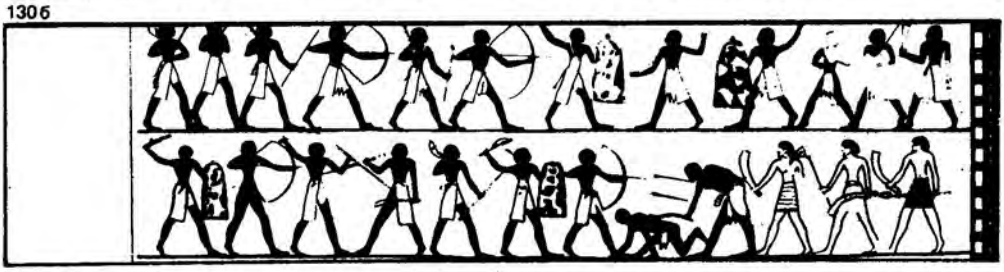
129

130а

130б

награждал золотым оружием. Иной как будто нерадивый «провожатый властителя» изображал себя на стене настоящим вельможей, а сподвижник Сенусерта III Себекху, выслужившийся из телохранителя в их «наставника», присваивал себе прямо вельможеские звания. Недаром он величал себя «держащимся пути облагодетельствовавшего его, тем, кому придал владыка обеих земель его значение». На таких воинов царь мог положиться в борьбе с местной знатью.

В спокойствии самой спокойной поры Среднего царства — даже времени XII династии — можно усомниться с полным правом. Показателен уже порядок престолонаследия. Один за другим цари этого дома назначали при жизни наследников-соправителей, получавших царский титул при живом отце. Забота о личной безопасности тяготела над фараонами. Столица XII династии считалась крепостью, так как ее название обводили знаком крепостной стены. Учреждение особого отряда телохранителей было прежде всего охранным мероприятием. На Аменемхета I было совершено ночное нападение в его собственной опочивальне, которое, по-видимому, стоило ему, несмотря на мужественную защиту, жизни. По Манефону, Аменемхет II был убит евнухами, но возможно, что Аменемхета II спутали с Аменемхетом I. Цари чувствовали ненадежность своего окружения, и им везде чудилась опасность. В бурную пору X династии фараону казалось необходимым укрощать толпу — бедняк-де мятежен — и истреблять смутьяна, опасного числом приверженцев, но в уста Аменемхета I было вложено наставление сыну вообще никому не доверяться. Сыск приобрел небывалое значение. Высокопоставленный сановник Дедусебек прямо хвалился своими следовательскими способностями, называя себя «тем, кто над тайною дворца (?) в допросе скрытного сердцем, узнающим мужа по тому, что на устах его, тем, кому обнажала утроба то, что в ней, заставляющим изрыгнуть сердце, проглоченное им». Другому сановнику, Ментухотепу (Манта-хатпи), современнику Сенусерта II, «доверенному царя в подавлении смутьяна», «утробы» тоже «сказывали» (т. е. обнажали) свое содержимое, а один чиновник был даже «языком царя в испытании людей, в наказании строптивого сердцем». Ничего удивительного, если и сам верховный сановник и судья при Сенусерте I оказывался «смиряющим восстающего на царя?» Восторженный приверженец Аменемхета III, известный уже нам казнохранитель Схотепибра восклицал: «Нет гробницы восстающему на его величество, его (т. е. мятежника) труп — то, что кидается в воду».

Но неспокойно было не только вблизи резиденции царя. Как и в дни XI династии, областные правители совершали свои выходы и поездки в сопровождении вооруженной охраны «провожатых». При Сенусерте I правитель XIII верхнеегипетской области по имени Хапиджефа так представлял себя посетителям своей гробницы: «Я — подавляющий гордость в высокомерном, заставляющий умолкнуть велеречивого, так что он (больше) не говорит. Я — наказывающий тысячи мятежников, любовь своей области, (правитель) ярый сердцем, (когда) он видит какого бы то ни было преступника, услада для следующего его путем. Я — подавляющий высокомерие в наглом, смиряющий... Я — прогоняющий грабителя из своей области, удаляющий (?) алчного из своего ополчения».

Хотя об Аменемхете I говорили, что он устранил грех, восстановил захваченное одним городом у другого и заставил их уважать свои границы, то же самое — возврат отторгнутого и размежевание территории городов — приписывали Сенусерту II, царствовавшему век спустя. При Аменемхете I и еще в конце правления Сенусерта I встречались областные правители, которые как ни в чем не бывало изображали на стенах своих гробниц битвы между египтянами, вплоть до осады крепостей, по примеру своих властительных предшественников времени XI династии.

Смут боялись настолько, что придворный Синухет (Си-наха), ходивший с молодым Сенусертом I в ливийский поход, услышав про смерть Аменемхета I и не разобрав толком слышанного, при одной мысли о возможной гражданской войне бежал из стана в Сирию-Палестину; обласканный там местным вождем, он долгие годы жил и совершал подвиги на чужбине и лишь под старость вернулся домой. Так по крайней мере излагает события художественно обработанное жизнеописание Синухета, но нет оснований сомневаться в подлинности происшествия.

К середине Среднего царства можно отнести многочисленные письменные проклятия врагам царя, притом не только внешним, но и внутренним.

При остроте общественных противоречий и неустойчивости положения в стране достаточно было пошатнуться царской власти, чтобы вокруг нее завязалась нескончаемая распря. После единственного среднеегипетского царя, сколько-нибудь напомнившего могущественных фараонов Старого царства, Аменемхета III, на престоле промелькнули два недолговечных правителя, из которых последним была фараон-женщина, и XII династия оборвалась. В том, что последовало затем, по сию пору не удалось разобраться.

По Манефону, за XII династией шли XIII (фиванская) и XIV, ведущая свое происхождение из Фив, и одна из Ксоиса (Хсау), в Низовье. В сильно поврежденном Туринском царском списке Нового царства после XII династии перечислено великое множество имен, из которых лишь часть найдена на современных памятниках. И это совсем не удивительно, потому что продолжительность царствований, когда она может быть установлена по Туринскому списку, обычно не превышает нескольких лет, а иногда даже месяцев и дней. Престол стал игрушкой в руках противоборствующих сил, и цари свергались один за другим. Некоторые из них без стеснения называли своих нецарственных родителей, другие сохраняли свои имена, звучавшие не по-царски. Где и как пролегала грань во времени и пространстве между XIII и XIV династиями, следовали ли они одна за другой, или XIV династия сосуществовала с XV и последующими династиями в топком уголке Низовья — вопрос темный.

Впрочем, не все представители XIII династии были бездеятельными. Кое-кто из них оставил большие изваяния, обстоятельные надписи, даже следы строительной деятельности. И само среднеегипетское государство в том виде, в каком оно сложилось к концу XII династии, продолжало существовать и при XIII, несмотря на смуту. Того распада страны, который последовал за Старым царством, теперь не произошло. Более того, областные правители не вернули себе даже положения, в котором они пребывали до Аменемхета III: при XIII династии гробницы областных правителей, похваляющихся своим могуществом, встречаются разве как исключение. Раскопки в Библе доказали, что там знали XIII династию; по-видимому, и северная часть Эфиопии до конца ее правления оставалась под египетской властью.

Смертельный удар ослабленному государству был нанесен извне. Под конец Среднего царства Египет захватили пришельцы с востока, которых Манефон именовал «гиксосами». Возможно, что за манефоновским выражением кроется самообозначение некоторых из их царей: «властители (чужеземных) стран» (*хк'в х'сет*). Племенной состав захватчиков мог быть пестрым. В поздние времена их считали аравийцами или родственными финикийцам. В состав имен некоторых гиксосских царей определенно входили ханаанские (семитские) слова. Иноземное владычество над Египтом длилось не менее 108 лет, и со временем пришлые цари стали подражать фараонам. Они приняли их царские титулы, стали «сынами Солнца» и выставляли себя почитателями египетских богов. Последнее, впрочем, им удавалось плохо, так как местным богам они явно предпочи-

131. *Фрагмент математического папируса (Ринд), XII династия*
132. *Усовершенствованное приспособление для выжимания плодов, роспись гробницы в Бени-Хасане, XI династия*
133. *Город при пирамиде у нынешнего Эль-Лахуна, XII династия*

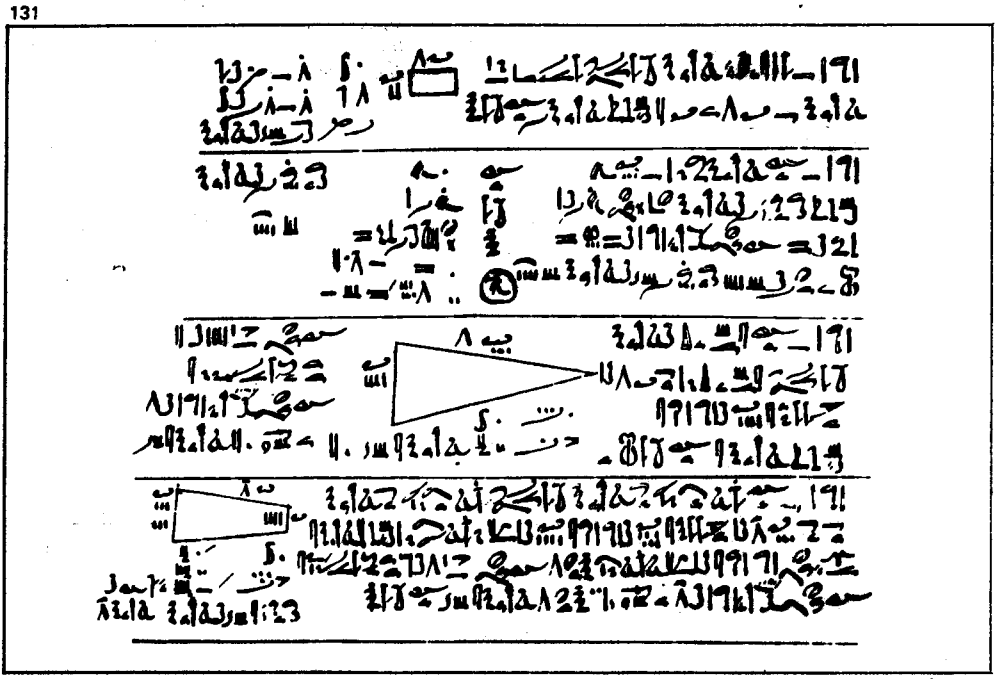
тали своего нового государственного бога, который хотя и именовался по-египетски Сетом, но был, возможно, иноземным божеством, только отождествленным с ним. Во всяком случае, века спустя Сета продолжали почитать на востоке Низовья, где главным образом и обосновались завоеватели, и в Новом царстве сирийских и анатолийских богов считали «Сетами».

В течение столетия по изгнании поработителей в стране стояли еще разоренными некоторые храмы, и вплоть до манефоновских времен жило предание о гиксосском нашествии как о страшном погроме. Но и под иноплеменным игом духовная жизнь в Египте не заглохла, и египтяне сумели передать в целости и сохранности наследие Среднего царства Новому. Примечательнейшая научная рукопись (сборник задач по математике — папирус Ринд) помечена годом правления одного из иноземных царей.

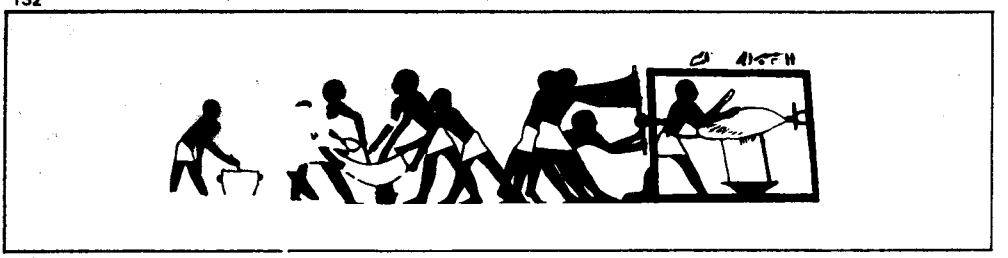
Своей столицей иноплеменники сделали Аварис (Ха-уару) в самой восточной части Низовья. Объединить Египет под своей властью они по-настоящему так и не могли. Над Фивами и соседними областями правили египетские цари, захудалые, судя по их бедным памятникам, но как будто еще самостоятельные. Только два иноземных царя, Хиан и Апопи (Апапи), по-видимому, простирали свою власть и сюда, так как здесь были найдены печатки и камни с их именами, последние примерно в 10 км южнее Фив. Неизвестно, свергли ли завоеватели южную династию, или она продолжала царствовать под их главенством. Как бы то ни было, на исходе иноземного владычества в Фивах снова были свои цари, которых принято считать основателями XVII династии. Что касается гиксосских царей, то их Манефон объединяет в XV династию, XVI династию сохранившиеся отрывки из Манефона характеризуют противоречиво, объявляя ее то гиксосской, то фиванской.

Глубокие общественные сдвиги и потрясения Среднего царства нашли своеобразное отображение в художественной литературе. Самое отвлеченное из этих произведений — так называемая «Беседа разочарованного со своею душою». Разуверившись в злом и бездушном обществе, страдалец ищет смерти. Душа отговаривает его, указывая на тщету надежд на вечное поминовение, и советует наслаждаться житейскими утехами. Однако ей не удается переубедить разочарованного, и, пропев восторженную песнь смерти, он описывает душе плавание в ладье Солнца, откуда он сможет приносить жертвы в храмах. Его красноречие убеждает строптивую собеседницу. Побежденная душа выступала носительницей настрое-

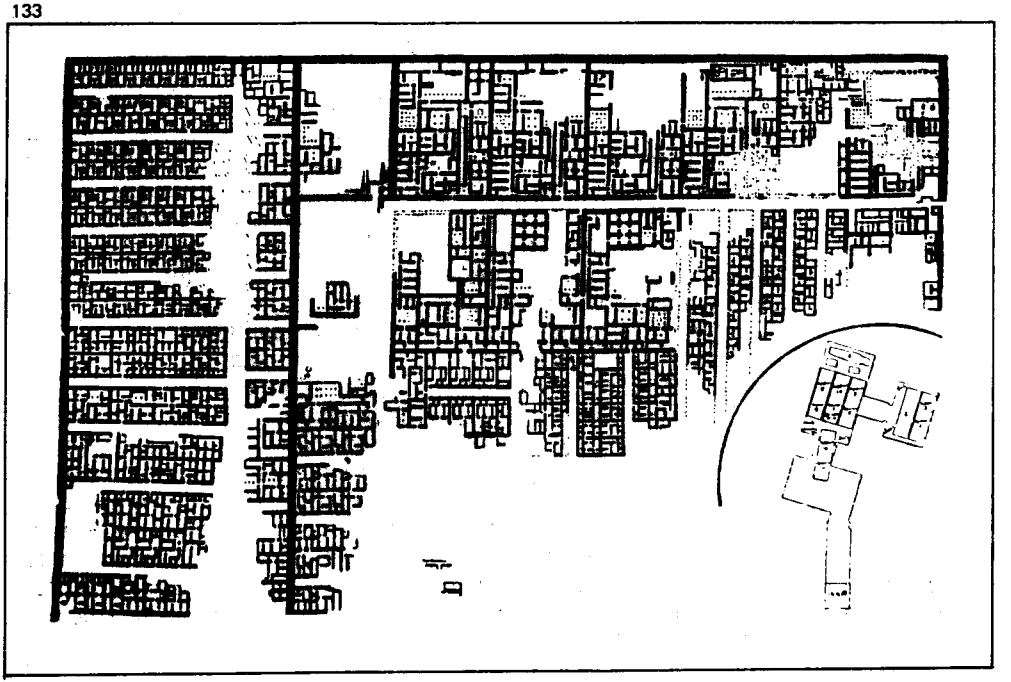
131

132

133

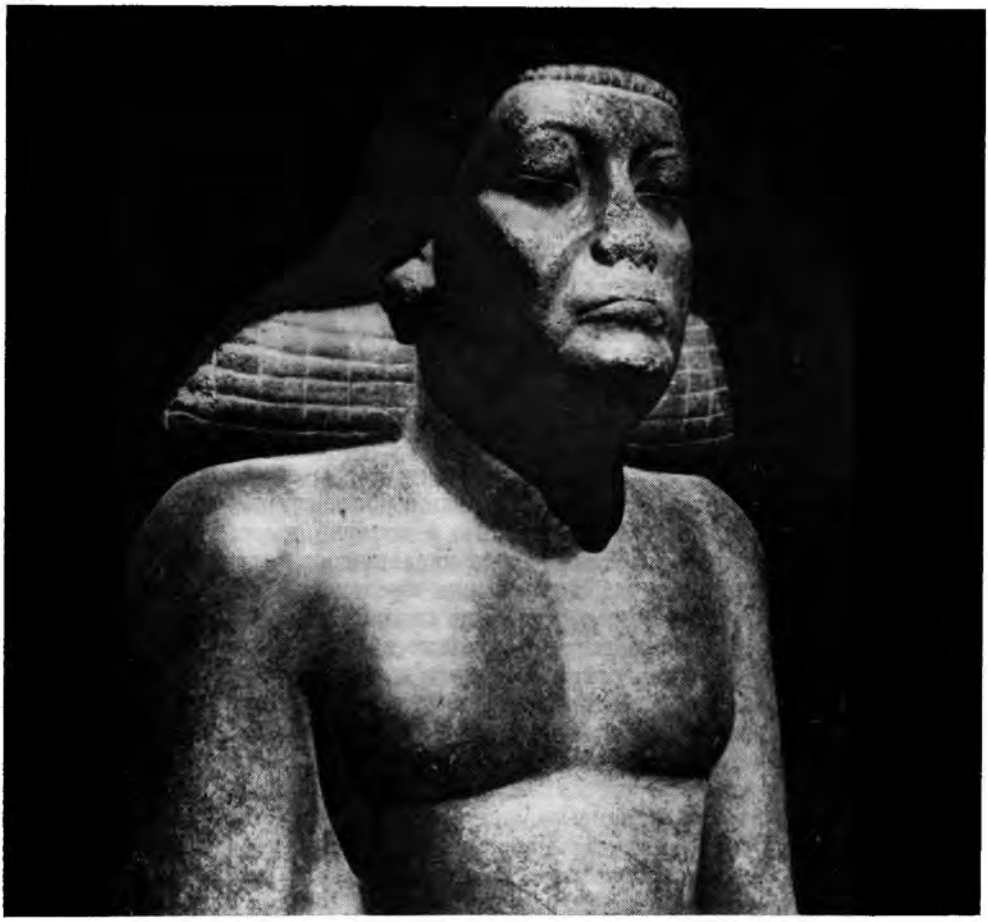
134. Статуя чиновника Аменисенба из Элефантины, XII династия
135. Фаянсовая глазурованная фигурка бегемота, XII династия

ний, выраженных в застольной среднеегипетской песенке, приглашавшей веселиться и ловить мгновение, раз не осталось даже мест погребения славнейших мудрецов, рассказать же, каково на том свете, некому: оттуда никто не вернулся.

Немногим определеннее намеки другой беседы — на этот раз со своим сердцем. Ее ведет рядовой жрец из города Гелиуполя, носящий в честь Сенусерта II имя Хахеперрасенб (Ха-ахпир-Риа-санби). Автор ищет новых слов. В стране происходят перемены, один год непохож на другой. Страна больна, в ней нет порядка, жизнь из года в год становится труднее, всюду горе, горюют города и области, утром встают для страдания, всякий творит неправду. О том, что сочинитель один из страждущих от произвола верхов, говорят как будто такие заявления, как «выброшена правда наружу, беззаконие внутри палаты», «нет силы у убогого (избавиться) от более сильного, чем он».

О вполне определенном событии повествует и Ипувер, который якобы обратился с длинной, местами стихотворной речью к царю — зачинщику «беспорядков» (Лейденский папирус 344). Эти «беспорядки» — грозное восстание низов, перевернувшее все в стране. Вития как можно мрачнее описывает переворот, чтобы затем призвать к восстановлению прежних порядков, о которых говорит восторженными словами. Автор — представитель знати, потерпевшей от восставших, и одного перечня перемен ему кажется достаточным, чтобы вызвать возмущение у слушателей. Страна перевернулась, как гончарный круг. Бедные стали богатыми, имущие — неимущими. Богатые стенают, бедные — в радости. Тот, кто искал быков для пахоты, стал хозяином стада; тот, у кого не было зерна, сам ссужает его; тот, кто не мастерил себе суденышка, стал владельцем кораблей: прежний хозяин смотрит на них, но они уже не его; тот, у кого не было и хлебца, стал владельцем закрома, его пекарня снабжена имуществом другого; хозяева одежд — в обносках, а тот, кто не ткал для себя, одет в тонкое полотно; тот, кто не мог соорудить себе гроба, стал хозяином усыпальницы; владельцы же «чистых мест» выброшены на землю. Зависимые люди стали хозяевами собственных людей; все служанки стали дерзкими на язык; драгоценностями увешаны шеи служанок; тот, кто был на посылках, посылает другого; знатные мужи очутились на пекарне. Знатные голодны, бегут; дети знатных разбиты о стены; сын особы не отличается от неимущего. Города говорят: «Давайте устраним сильных из нашей среды». Должностные лица разогнаны по всей стране; законы выброшены вон, и по ним ходят ничтожные люди, бродят взад и вперед по главным

134

135

судилищам; вскрыта палата, изъяты податные списки; царские склады и жито Египта стали достоянием любого; царское «местожительство» повержено в час; горстка беззаконников лишила страну царства; что скрывала пирамида, то пусто: тело царя вынуто ничтожными людьми; чары раскрыты, заклинания помнят люди».

«Малые» неоднократно упоминаются в рукописи, но движущей силой переворота выставлены «ничтожные» люди. Главный удар был нанесен ими в столице; в середине речи стих за стихом начинается воплем: «Истребите противников честно́го местожительства!» Столица находилась тогда в Низовье или неподалеку от него: Ипувер постоянно имеет в виду Низовье, тогда как Верхний Египет упоминается им вскользь как разоренный или не платящий податей от Тина до Элефантины. Обличитель сетует на засилье иноплеменников, наводнивших страну и даже перенявших мастерство у ремесленников Низовья.

Когда происходили все эти события? Речь обличителя известна нам по поврежденному и неполному списку, хранящемуся в Лейдене. Список был изготовлен в середине Нового царства, но само сочинение по языку и содержанию, бесспорно, восходит к Среднему.

В Государственном Эрмитаже хранится более старая рукопись того же Нового царства (папирус № 1116 В), в которой имеется единственный полный список другого произведения, касавшегося тех же событий. Только они здесь изложены вкратце, в виде предсказания, якобы сделанного царю IV династии Снофру, с упором не столько на превращение «ничтожных» людей во «владык богатств», сколько на засилье иноземцев. Подлинник этого произведения восходил к тому же Среднему царству. Предсказателем выступал важный жрец, «малый, сильный своею рукою», и богач по имени Неферти. Он был тоже сторонником «сынов особы», но смотрел дальше, чем лейденский обличитель. Тот только мечтал о восстановлении старого порядка, предсказатель же прямо предрекал приход с юга царя-восстановителя (страны) Амени (Аманайи). Амени — сокращение от Аменемхета, имени основателя XII династии и нескольких последующих царей. На время не позже начала правления XII династии указывает неоднократное упоминание в лейденской рукописи «малых», которые после этого периода в источниках встречаются исключительно редко.

Лейденская и эрмитажная рукописи свидетельствуют о гражданской войне в Среднем царстве, о которой без этих источников мы бы ничего не знали.

Среднее царство и завершилось бурно: долгой и упорной борьбой с иноземными поработителями — «властителями стран», гиксосами Манефона.

Если верить сказке, записанной века спустя, отношения между южными царями в Фивах и иноплеменниками, царившими в Аварисе, осложнялись еще при южноегипетском правителе Таа (XVII династия), более известном под своим престольным именем Секненра (Сакнан-Риа). На останках царя Таа видны страшные раны, и вполне возможно, что он пал еще во цвете сил, на поле битвы.

Достоверные известия о военном столкновении между южным и северным царствами дошли до нас от времени последнего представителя XVII династии Камоса (Ка-маси).

Военные действия начало южное царство. Его царь Камос созвал сановников и объявил им, что не в состоянии дольше делить власть над Египтом с «сирийцем» на севере и «эфиопом» на юге и намерен освободить страну от иноземного ига. Однако вельможи отклонили царский призыв к войне с севером. Им было достаточно их южного царства, хотя простиралось оно не дальше середины страны — лишь до города Каса (Куссы), на юге граница проходила у Элефантины. Знать была вполне

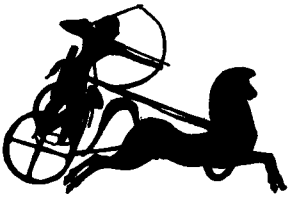
довольна хозяйственными взаимоотношениями с севером: для нее-де возделывались лучшие земли, ее скот беспрепятственно пасся на пастбищах Низовья, ее свиньям поступало необходимое зерно. Не встретив поддержки со стороны сановников, Камос наперекор им «по приказу» бога Фив Амона все-таки выступил против поработителей, и успех за успехом венчал его начинание.

Почему это стало возможным, несмотря на противодействие знати? За Камосом встало войско, в котором были и иноплеменные части с юга, оно шло перед царем, «как ветер огненный», вело себя подобно львам, захватывая и деля добычу — людей, скот, жир, мед. Южанам приходилось иметь дело не с одними иноземными захватчиками, у тех оказались пособники среди египтян. Война сопровождалась страшными опустошениями в средней части Египта, хотя Камос и говорил, что мстит за беды, причиненные иноземцами.

Южный царь не только на словах, но и на деле нанес удар самому оплоту иноземного владычества на севере страны. Сотни судов, груженных драгоценностями, а также оружием, попали в руки Камоса. Война велась при помощи колесниц, и южноегипетский царь грозился захватить колесничное войско противника. Оказавшись в затруднительном положении, «властитель стран» Апопи послал гонца к своему «сыну», недавно воцарившемуся эфиопскому властителю, уже испытавшему на себе силу египтян. Однако гонец и послание о совместных действиях были перехвачены Камосом. Незадачливый посол был отослан обратно к Апопи, чтобы устрашить его рассказом о расправах, чинимых египтянами.

Нанеся противнику большой урон якобы без особых потерь для себя, Камос возвратился в столицу и был восторженно встречен населением. Уклончивое поведение знати и подвиг Камоса и воинов были увековечены для всеобщего сведения в надписи на каменных плитах в государственном храме Амона, от которого царь «получил» победоносный меч (от одной плиты уцелели два обломка, другая сохранилась полностью; начало надписи имеется на так называемой дощечке Карнарвона).

Изгнание «властителей стран» было завершено братом и преемником Камоса — первым царем XVIII династии Яхмосом I (Ах-маси). После осады и нескольких битв на воде и на суше он взял твердыню врагов на северо-востоке Египта Аварис.

ОБРАЗОВАНИЕ «МИРОВОЙ» ЕГИПЕТСКОЙ ДЕРЖАВЫ (XVIII династия до солнцепоклоннического переворота, середина XVI — начало XIV в. до н. э.)

Изгнание из Египта «властителей стран» фараоном * Яхмосом I в первой половине XVI в. до н. э. знаменовало начало Нового царства, времени «мирового» египетского государства. Однако современники вряд ли сознавали, что стоят на пороге нового времени, поры невиданных завоеваний. Если судить по речи, «вложенной в уста» предшественника Яхмоса, фиванского царя Камоса, то желания последнего не шли дальше безграничного господства над всем Египтом, не деля власти с «сирийцем» на севере и «эфиопом» на юге. Соответственно Камос и действовал, отвоевывая у «сирийцев» и их приверженцев среднюю часть Египта и вторгаясь на север Эфиопии. Яхмос продолжал дело брата. Изгнав из северной части Египта «властителей стран», он ограничился взятием Шарухена на юге Палестины. Овладев этим сильно укрепленным городом, фараон обезопасил себя с северо-востока. Поход в северную часть Эфиопии завершился кровавым разгромом местных племен. Север Эфиопии был подчинен Яхмосу по меньшей мере до вторых нильских порогов. Здесь древняя крепость Среднего царства Бухан оставалась и при Яхмосе опорой египетского владычества на юге. По сути дела, военные мероприятия фараона сводились к восстановлению границ Египта времени XII династии. Возможный поход в Сирию-Палестину (помимо похода на Шарухен) нисколько бы тому не противоречил, поскольку эти земли в какой-то мере были объектом египетских набегов и во времена Среднего царства. Выйти за пределы границ этого последнего Яхмос вряд ли и мог бы ввиду тяжелого внутреннего положения государства.

В результате освободительной борьбы страна воссоединилась под главенством Фив (Уисы, Южным Градом). Но в Верхнем Египте, менее пострадавшем от иноземного владычества, чем Нижний, южные цари-объ-

* Сочетание, которое лежит в основе слова «фараон», по-египетски «пир-а», дословно «большой дом», как обозначение царского дворца употреблялось еще в Старом царстве, но для обозначения самого египетского царя достоверно засвидетельствовано лишь с середины XVIII династии.

единители натолкнулись на ожесточенное сопротивление. Дело дошло до битвы на реке; Яхмос остался победителем и пленил нагрянувшего «с юга» супостата и его людей. Столь же безуспешно кончилась затея некоего Тетиана (Атати-Ана), собравшего вокруг себя «злоумышленников», возможно, в том же Верхнем Египте. Войско его было уничтожено, и сам он пал в битве. Видное участие в «умиротворении» Верхнего Египта и подавлении мятежей принимала мать молодого царя — царица Яххотеп (Ах-хатпи). Сын вменял ей в заслугу также заботу о войске, возвращении и сборе беглецов. Войско было далеко не однородным, состояло не только из уроженцев Фив, и при всей скудости средств двору приходилось покупать верность воинов дорогой ценой. О затруднительном положении фараоновского двора в гражданской войне свидетельствуют исключительно щедрые подарки войску, бившемуся на его стороне. Если в дни освободительной войны царь, бывало, отдавал отличившемуся воину всех захваченных тем пленных, то во время гражданской войны тот же воин, тезка царя, Яхмос из верхнеегипетского города Анхаба (Нехеба), получал, случалось, в два с половиной раза больше людей, чем взял пленных, и в придачу еще пахотную землю. По-видимому, один раз этому воину дали людей и землю, даже когда он не захватил добычи. Дарения распространялись на самые широкие круги войска. Так, известно, что за участие в битве на реке в Верхнем Египте были щедро оделены все гребцы военного судна, на котором служил Яхмос из Анхаба.

Вековое господство «властителей стран», долголетняя война с ними и затем гражданская война должны были сильно истощить страну. Строительная деятельность Яхмоса I была ничтожной по сравнению со строительством позднейших царей. Даже такое скромное дело, как пожертвование богу Амону некоторого количества храмовой утвари и сооружение для него храмовой ладьи, кедровых столбов, пола и потолка, считалось событием, достойным не только увековечения в торжественной надписи, но и мелочного, можно сказать, «музейного» описания отдельных предметов. Многие храмы за время иноплеменного владычества пришли в упадок, и понадобилось не менее полувека, чтобы они были восстановлены.

Как и при XII династии, родом тоже из Фив, победоносный город и при Яхмосе не чувствовал себя вполне «господином всех городов». При фиванском дворе местный бог Амон еще уступал первенство древнему Ра и в известном смысле с Амоном соперничала даже Луна. Двор почти столько же заботился о сооружении гробниц в священном городе Среднего царства Абидосе, как и в самих Фивах. Покрой одежд, письменность, памятники искусства — от царской пирамиды до мелких поделок — все еще носили отпечаток Среднего царства.

Царю Яхмосу I (позднейший известный год царствования — 22-й) наследовал его сын Аменхотеп (Аман-хатпи) I (середина XVI в.; последний известный год царствования — 21-й). В ходе тяжелой и долгой борьбы с «властителями стран» в Египте сформировалось большое боеспособное войско. В освободительную войну египтяне стали впервые широко пользоваться боевыми конями и колесницами. По-новому вооруженное и закаленное в боях, египетское войско представляло грозную силу, которую фараоны, укрепив положение внутри страны, не преминули обратить на грабеж и порабощение соседних народов. Судя по описанию войны при Камосе, окружавшая его знать была вполне довольна своим хозяйственным положением и настроена против освободительной войны с иноплеменными хозяевами Египта. Напротив, войско Камоса вело себя на войне «подобно львам», захватывая людей, стада, жир, мед, делило добычу и ликовало. Щедрые награды людьми, землей и золотом, получаемые войском во время освободительной войны и последующих войн Яхмоса, разжигали боевой пыл воинов. Среди них было, наверное, немало сторонни-

ков военных мероприятий, суливших легкое обогащение, дома подъем хозяйства за счет добычи, а на чужбине разгульную жизнь. Конечно, значительная доля богатств, добытых завоевателями, перепадала знати, окружавшей царя, но все же, судя по описанию военных деяний Камоса, не в ней надо видеть главную движущую силу египетских завоеваний в начале Нового царства.

Взоры египетских завоевателей обращались, естественно, прежде всего в сторону Эфиопии. Она была легко достижима для египтян и населена разобщенными, сравнительно слабыми племенами. Сюда и направился Аменхотеп I с целью «расширить границы Египта». Встретившее царя эфиопское войско было уничтожено, воины захвачены или перебиты. Как далеко на юг зашел Аменхотеп I, в точности неизвестно. Однако подвластная фараону часть Эфиопии была настолько велика, что могла быть объединена в особое наместничество с египетским сановником во главе, получившим звание «сын царя». Скромный начальник крепости Бухан при Яхмосе I и был назначен теперь наместником Эфиопии. Борьба Аменхотепа I с ливийцами на западных рубежах государства явилась прямым продолжением подобных мероприятий Среднего царства. О военных действиях в Сирии-Палестине при этом фараоне ничего достоверно не известно.

Несмотря на успехи в Эфиопии, средства казны были еще не настолько велики, чтобы страна могла позволить себе крупное строительство. Возрожденный Египет все еще напоминал Среднее царство, хотя уже намечались отдельные новшества. Так, царская пирамида превратилась в пирамидообразную надстройку над вырубленной в скале гробницей.

Первая бесспорная попытка создания «мировой» египетской державы связана с именем преемника Аменхотепа I — Тутмоса (Джут-маси) I. За десятилетия, протекшие со времени освободительной войны, Египет окреп для осуществления военных предприятий большого размаха. Тутмос I не являлся прямым наследником своего предшественника: его мать не была царицей, но он был женат на сестре Аменхотепа I — царице Яхмос. Вскоре по воцарении Тутмос отплыл на юг; воспользовавшись, должно быть, сменой фараонов, северная часть Эфиопии восстала. Несмотря на поддержку кочевников, вторгшихся из пустыни, восстание было быстро подавлено фараоном, который затем предпринял большой поход вверх по Нилу. Южная граница египетского государства при Тутмосе I продвинулась уже за третьи пороги в сторону четвертых, до предельной черты египетских завоеваний на юге в пору Нового царства. Египетское господство над Эфиопией было закреплено закладкой крепости у третьих порогов. Был восстановлен и искусственный проток в обход первых порогов, обеспечивавший быстрое продвижение военных и иных судов в северную часть Эфиопии и обратно.

Если на юге Тутмос стремился прочно укрепиться в покоренных областях, то сирийский поход, судя по последствиям, скорее был только победоносным набегом. Для настоящего покорения Сирии-Палестины понадобилось впоследствии не одно десятилетие. Тутмос I прошел ее, по-видимому, без существенных столкновений с войсками местных властителей, и только на самом севере, у Евфрата, его встретил митаннийский царь. Теперь египтянам пришлось иметь дело уже не со слабыми, плохо вооруженными отрядами, как в Эфиопии, а с превосходным войском могущественного государства, каким тогда было месопотамское царство Митанни. В разыгравшейся битве приняли участие боевые колесницы. Победа осталась за египтянами, и они взяли множество пленных. На берегу Евфрата Тутмос начертал надпись, отмечавшую северный рубеж его «владений». Египетский царь уже воображал себя повелителем «мировой» державы, простирающейся от юга Эфиопии до среднего Евфрата — «великой иалу-

чины», текшей, на диво египтянам, в направлении, обратном течению Нила.

Огромная эфиопская и сиро-палестинская добыча и ежегодная дань из покоренных областей обогатили государство. Это прежде всего отразилось на зодчестве. С этого царствования начинается то исполинское храмовое строительство, которым Фивы хотели отблагодарить и возвеличить своего бога Амона как подателя побед и покровителя «мировой» державы. Главное место почитания Амона в Фивах — так называемый Карнакский храм (Апа-сауа), некогда заурядный, хотя и изящный храмик Среднего царства, стал при Тутмосе I перестраиваться в пышное сооружение, достойное победоносного Амона. Высокие, островерхие граненые столбы (гранитные обелиски), две громадные двойные каменные башни с воротами посередине (пилоны), дворы с рядами огромных царских изваяний, выросшие перед древним храмом, наглядно свидетельствовали о мощи и богатстве Нового царства.

Тутмос I окончательно порвал с тысячелетней традицией погребать царя в пирамиде. Фараон высек себе гробницу в пустынном ущелье, в так называемой Долине царей, западнее Фив, оставив, как и раньше, сооруженный поминальный храм в Нильской долине, обособив его от могилы. Работы над гробницей велись в глубочайшей тайне из боязни расхищения ее в будущем. Подобная таинственность была, конечно, невозможна при воздвижении пирамиды. Опыт предыдущих столетий доказал, что в ней трудно было уберечь труп и погребальную обстановку от грабителей. Новшества ощущались и в повседневном быту. Так, чиновники стали носить помимо опоясаний вокруг бедер еще рубашки с короткими рукавами.

Продолжительность царствования Тутмоса I не установлена; позднейший известный год его правления — 9-й. Прямые наследники фараона — два сына от царицы Яхмос, Уаджмес (Уад-маси) и Аменмес (Аман-маси),— умерли раньше отца. Престол достался сыну Тутмоса I от главной царицы по имени Мутнофрет (Мут-нафа) — Тутмосу II. Сопровождавшее воцарение нового фараона крупное восстание в Эфиопии было беспощадно потоплено в крови посланным туда войском. Перед его отправлением фараон поклялся истребить у восставших поголовно всех мужчин, что и было исполнено с чудовищной последовательностью. Только один сын мятежного властителя был доставлен в Фивы и повергнут к ногам восседавшего на возвышении фараона. Люди и скот восставших стали добычей победителей. Другой поход — против палестинских кочевников — был предпринят скорее всего с оборонительной целью оградить от вторжений южнопалестинские рубежи. В какой мере Тутмос II был в состоянии поддерживать свои более широкие притязания на Сирию-Палестину, мы не знаем. Судя по останкам, Тутмос II умер еще молодым, пораженный какой-то болезнью. От царицы Хатшепсут (Хи-шапсауы), дочери Тутмоса I и царицы Яхмос, он имел дочь, царевну Нефрура (Нафра-Рию), и оставил после себя одного наследника, сына от наложницы по имени Исида (Иси), будущего Тутмоса III.

Если верить заявлению, сделанному впоследствии Тутмосом III, он в бытность царевичем занимал весьма скромное положение в общегосударственном храме Амона. Однако в один прекрасный день, когда царь совершал жертвоприношение, а Амона торжественно обносили по храму, идол якобы отыскал царевича и возвел его на царское место. Возможно, все это было, как думают некоторые, сочинено впоследствии в противовес подобному же рассказу о провозглашении Тутмосом I своей дочери Хатшепсут фараоном. Как бы то ни было, после соправительства с отцом или без него престол беспрепятственно перешел к Тутмосу III.

Юному фараону недолго пришлось наслаждаться властью, лишь первые годы после смерти родителя он признавался единовластным государ-

136. Голова статуи женщины-фараона Хатшепсут, Дер эль-Бахри, XVIII династия
137. Деревянная голова с инкрустациями царицы Тэйе, XVIII династия

Ил. 136 рем. Затем честолюбивая вдова покойного фараона Хатшепсут — круглолицая женщина с удлиненными глазами и слегка орлиным носом — смело забрала в свои руки всю полноту власти. Значение Тутмоса настолько пало, что сановники считали возможным докладывать или льстить только царице, забывая о фараоне. Не будучи царем, она в глазах двора была уже правительницей Египта, которой он повиновался и служил и которая придерживалась мирной политики.

Через некоторое время Хатшепсут открыто провозгласила себя фараоном. Тысячелетним фараоновским титулам были приданы женские окончания, чтобы согласовать их с полом носительницы, что, впрочем, не мешало прилагать их к ней и в мужском роде. Тутмосу III по-прежнему позволялось величаться царем, появляться на столичных празднествах, грести на них в священной лодке. Даже подарки делались от имени фараона Хатшепсут и «брата ее» Тутмоса III. Но все это ставило его в еще более невыносимое положение. Впечатление от необыкновенного зрелища фараона-женщины вряд ли особенно ослаблялось приданием ей на храмовых изображениях черт мужского телосложения и привязанной фараоновской бороды. С помощью храмовых изображений и надписей Хатшепсут старалась уверить подданных в том, что она — законнейший фараон, рождена главной царицей Яхмос от самого Амона, принявшего образ ее супруга Тутмоса I, и венчана на царство еще при жизни последнего.

Она охотно распространялась о своих задушевных отношениях с Амоном, проникновении в его желания, неукоснительном выполнении его указаний. Поводом для подобного умонастроения могла послужить отправка ею по требованию Амона (его оракула) военного отряда в так называемую страну Пунт (произношение названия условное), которая находилась, по всей видимости, на северном побережье полуострова Сомали. Хотя связи между Египтом и Пунтом, родиной фимиама и мирры, восходили еще к Старому царству, при ближайших предшественниках Хатшепсут между обеими странами существовал только опосредствованный обмен. Предпринятое Хатшепсут мероприятие было военным в не меньшей степени, чем торговым. Оно было осуществлено в 9-м году «царствования» Тутмоса III.

После нелегкого плавания по Красному морю, а может быть, и по Аденскому заливу морские суда фараона-женщины прибыли к месту назначения, и воины ее вступили на берег, радушно встреченные местными властителями. Царский посланец вручил им подарки для местной богини,

136

137

138. Хатшепсут, осеняемая Амоном, рельеф на обелиске из Карнака, XVIII династия
139. Поминальный храм Хатшепсут в Дер эль-Бахри, XVIII династия
140. Золотое ожерелье с подвесками в виде мух из гробницы царицы Яххотеп, XVIII династия

каковою считалась египетская Хатхор (Хат-Хара): золото в кольцах, украшения, оружие. В ответ вожди не замедлили доставить «дань» в шатер предводителя египтян, хранителя казны (произношение условное) Нехи. Все выглядело как нельзя более мирно. Следуя предписаниям своего двора, царский сановник даже предложил властительным гостям египетские яства и напитки. Тем не менее вид морских египетских судов и египетских воинов произвел на вождей настолько сильное впечатление, что они поспешили признать над собой власть фараона и некоторые из них даже отправились с египтянами в Фивы на поклон к Хатшепсут.

Свидетельством египетского господства на красноморском юге должно было служить оставленное изваяние царицы, изображенной, видимо, вместе с Амоном. Доставленный в Египет груз состоял из благовонных смол, мирровых деревьев с корнями, всевозможных «добрых» трав, ценных пород дерева, в том числе черного, курений, притираний, золота, слоновой кости, барсовых шкур, обезьян, собак, а также невольников. Привезенные богатства царица посвятила Амону. Она собственноручно золотой меркой отмеривала благовонную мирру его храму. «Лучшая мирра была на всех ее членах, ее благоухание (было) благоуханием бога. Ее запах приобщился красноморскому югу, ее кожа была (как бы) позлащена светлым золотом, сияя, как (то) делают звезды, внутри праздничного (храмового) двора перед лицом всей земли».

Амону же Хатшепсут посвятила свое роскошное поминальное святилище, известное под названием храма Дер эль-Бахри. Подобно двум своим ближайшим предшественникам, Хатшепсут облюбовала для своей гробницы скалы западнее Фив, и ее поминальный храм, расположенный у их подножия, был обособлен от могилы. Он представлял собой последовательный ряд дворов, окаймленных навесами на столбах и пристройками. Дворы поднимались уступами один за другим, соединенные по средней оси отлогим подъемом. Замыкавшая сооружение божница Амона была в самой скале. Светлые стены храма пестрели цветными изображениями и надписями, прославлявшими, в частности, чудесное рождение и воцарение Хатшепсут и морской поход в Южное Красноморье. События похода и сама заморская земля, ее свайные постройки, вождь с дородной супругой, растения, дикие и домашние животные, морские рыбы, морской рак, каракатица, морская черепаха были очень наглядно и живо воспроизведены художниками царицы. В храме и перед ним были рассажены благовонные деревья, привезенные участниками похода, и Хатшепсут торжествовала, что воссоздала на возвышающихся уступах своего святилища горные

138

140

139

рощи «земли бога», родины храмовых благовоний. Весь на виду, необыкновенно соразмерный, белый у подножия бурой скалы, над которой простиралось синее небо, с шелестящей зеленью деревьев во дворах, этот храм, несомненно, представлял жемчужину египетского зодчества.

Не обошла царица своим вниманием и главное место почитания Амона в Фивах (у нынешнего Карнака). Здесь ей принадлежали помимо некоторых менее значительных построек большие привратные башни (пилоны) сбоку от древнего храма, а также исполинские граненые обелиски из цельных глыб гранита, из которых по крайней мере один достигал высоты 30 м. Оба обелиска были воздвигнуты в ознаменование «тридцатилетия» царствования Хатшепсут, якобы исполнявшегося на 15-м году «царствования» Тутмоса III. Возможности государства были настолько значительны, что позволяли царице щедро восстанавливать и строить храмы даже во второстепенных городах Египта.

Женщина во главе военной державы, готовой поработить окружающий мир,— это последнее, чего можно было ожидать... Хатшепсут не могла ни сама предводительствовать над войском, ни поставить во главе его своего врага-соправителя. Она даже не смела величать себя в своем первом фараоновском имени «крепким тельцом», как делали ее непосредственные предшественники и преемники — воинственные цари XVIII династии. Вместо этого царица именовала себя «мощной жизненными силами». Мирный поход в Южное Красноморье и видимое его присоединение не могли заменить покорение Сирии-Палестины. Этими царствами Хатшепсут владела, наверное, больше на словах, чем на деле. Синайский полуостров, юг Палестины, одна ливанская область (Негев) и некоторые города побережья — это едва ли не все, что с некоторой долей уверенности можно считать подвластным царице. Правда, Эфиопия и Ливия платили ей дань. Восстание в Эфиопии было подавлено военачальниками царицы, критские(?) послы дарами свидетельствовали ей почтение. Но разве все это позволяло забыть о богатой Сирии-Палестине? Кто же тогда поддерживал царицу — и не год и не два, а целых два десятка лет?

Конечно, Хатшепсут была осмотрительна. Она приближала и обогащала вельмож предыдущих царствований. Возможно, она щедрыми подачками утихомирила и войско, если правильно понимать одно из ее заявлений в том смысле, что воинство, бывшее прежде нищим, со времени ее воцарения стало богатым. Но можно ли было с помощью таких полумер сидеть миротворицей на египетском престоле, когда рядом находился соперник, деятельный, непреклонный, в расцвете мужества и сил,— тот самый Тутмос, которому суждено было стать величайшим египетским завоевателем и с блеском осуществить воинственные чаяния своего времени?

Присмотримся поближе к окружению царицы. Подлинным временщиком при ней в течение почти всего ее царствования был Сененмут (Сана-мауа), сын нечиновных родителей, приближенный ею еще до того, как она стала фараоном: он был главным управляющим хозяйством и самой царицы, и ее дочери Нефрура. Еще тогда, а может быть, после воцарения она поручила ему воспитание царевны, которым, по-видимому, сначала занимался его брат Сенмин (Сан-Мин). Сененмут был высокоодаренным человеком. Это он создал чудо египетского зодчества — поминальный храм царицы, и он же руководил работами в других столичных храмах — в Карнаке и Луксоре. Огромные островерхие столбы (обелиски), воздвигнутые в первом из них, тоже были доставлены из каменоломен по реке под его наблюдением. В руках этого преданного человека, состоявшего также жрецом Амона, Хатшепсут сосредоточила управление хозяйством столичного бога. Сененмут был домоправителем Амона, управляющим его пахотными землями, садовыми угодьями, житницей, быками, начальни-

ком его ткачей. Вдобавок ко всему он управлял жрецами Монту (Манты) в соседнем с Фивами городе Гермонтисе (Ана Манте).

Градоначальником столицы и верховным сановником, так называемым везиром, в Верхнем Египте в течение некоторого времени был верховный жрец Амона Хапусенеб (Хапи-санби), сын третьего жреца-заклинателя в Карнаке, Хапи и Аххотеп (Ах-хатпи), имевший какое-то отношение ко двору. Даже память о Хапусенебе как о верховном стороннике царицы впоследствии преследовалась. Не избежал подозрений со стороны Тутмоса III и второй жрец Амона — Пуимра. Государственной житницей, государственными работами, государственными ремесленниками ведал сановник Дуаинхех, для которого основной была служба по управлению хозяйством храма Амона. Сокровищницей и всем «домом золота» управлял один из местных князей, по имени Тот (Дхаути), но одновременно он заведовал и быками Амона. В должности распорядителя двойной сокровищницы и двойного «дома золота» состоял Сенемях (Сан-м-Аха), важный писец, ведавший учетом быков Амона.

Следовательно, все вельможи, особенно близкие к фараону-женщине, ряд сановников были тесно связаны с храмом Амона. Именно Хатшепсут развернула во славу Амона строительство, затмившее все сделанное для него прежде. И Хатшепсут, как никто из ее предшественников и преемников, распространялась о своей задушевной близости с Амоном.

Связи царицы и ее окружения с храмом Амона были особенно тесными. Но среди перечисленных выше вельмож некоторые имели связи с храмами и вне столицы. Сененмут состоял распорядителем жрецов Монту в соседнем с Фивами городе Гермонтисе. Хапусенеб был распорядителем жрецов Верхнего и Нижнего Египта, Тот — жрецов одноименного с ним бога города Гермуполя и жрецов Хатхор, «владычицы (верхнеегипетского города) Куссы», возможно даже, что он был верховным жрецом Тота. Сенемях был главным жрецом-заклинателем, жрецом иного рода и еще верховным жрецом Солнца в одном из его храмов. Царица не только поощряла развитие храмового строительства на местах, но и восстановление храмов, оставшихся разоренными после гиксосов.

Дружба царицы с храмовой знатью означала дружбу с местной знатью вообще. Местные князья издавна состояли распорядителями жрецов в своих городах, а нередко и верховными жрецами местных божеств. Тот был распорядителем жрецов, как областной князь, подобно тому как другой современник Хатшепсут, Си-тп-иху, был распорядителем жрецов в городе Тине, поскольку был князем этого города. Припомним, что именно знать выступала при Камосе против войны с поработителями: вполне обеспеченная, она не желала опасной войны. Напротив, войско Камоса вело себя «подобно львам», захватывая людей, скот и прочую добычу. Война и теперь означала подъем благосостояния и значения воинов в ущерб влиянию знати. Вынужденное миролюбие Хатшепсут могло находить сочувственный отклик у знати, но вряд ли у войска в целом. Нескончаемые победоносные войны, последовавшие за смертью царицы, ясно показали, на кого мог опереться Тутмос, но не могла царица. Продержаться у власти два десятилетия, имея рядом с собой такого соперника, как Тутмос, Хатшепсут удалось лишь при поддержке влиятельных кругов общества, и таковыми могла быть знать, как храмовая, так и светская, в первую очередь могущественное жречество Амона. Конечно, это не более чем догадка, но догадка, опирающаяся в какой-то мере на имеющиеся источники.

Звезда Сененмута закатилась еще при жизни его повелительницы. «Глава всей страны», «глава сановников», «глава начальников», «распорядитель распорядительной работы», «руководитель руководителей», «величайший (из) великих во всей стране», Сененмут под конец зазнался.

141. Статуя фараона Тутмоса III, XVIII династия

Как некий полуфараон, он решил вырубить себе гробницу под поминальным храмом царицы, гробницу потаенную, наподобие царской, без приемной для посетителей. В самом же храме, в священнейших его помещениях, он дерзнул изобразить себя на стенах — правда так, чтобы не было заметно входящему: на том месте, которое входная дверь, будучи открыта, должна была прикрыть. Эти ли «дерзости» или еще более значительные провинности были тому причиной, но Сененмут пал. Его притязательная гробница так и осталась незаконченной. В одном из ее помещений ее хозяин изображен почитающим имя своей госпожи. Имя царицы не тронуто, но имя Сененмута подверглось уничтожению. Это можно было бы понять в том смысле, что с приверженцами Хатшепсут Тутмос III расправился незамедлительно после ее смерти, но память о ней не осмеливался преследовать в течение еще некоторого времени. Однако такому толкованию надо предпочесть другое. Сененмут состоял главным домоправителем царицы еще до ее воцарения и оставался им и после того, как она стала фараоном.

Нам же известен еще один главный домоправитель царицы, когда она была уже фараоном. Очевидно, он унаследовал эту должность Сененмута, когда тот пал. Новый великий «домоправитель царя» выставлял себя в своих надписях не только «главою всей страны», «величайшим (из) великих во всей стране», но и лицом доверенным и приближенным к царице едва ли не в большей степени, чем сам Сененмут: «друг (придворный сан), приближающийся к плоти бога (т. е. к особе Хатшепсут)», «кому говорят то, что на сердце (т. е. в уме), объявляют сокровенное», «доверенный своего владыки», «его наперсник», «вольный шагать по дому царя». И то, что это была не пустая похвальба, доказывает участь сановника. Если имена других приверженцев Хатшепсут, подвергшиеся впоследствии уничтожению, все же можно разобрать на памятниках, то имя последнего «великого домоправителя» царицы в его гробнице было изглажено настолько основательно, что так и осталось неизвестным нам. Отца его звали Тети (Атати), и он был, по-видимому, лицом несановным.

Воспитанница Сененмута и его брата — царевна Нефрура, объявленная «владычицей обеих земель», «госпожою Верхнего и Нижнего Египта» и «супругой» Амона, должна была, по-видимому, занять со временем положение Хатшепсут при сводном брате и супруге Тутмосе III. На это указывают не только высокие титулы, которые носили царицы, а не царевны, не только присвоенная ею налобная царская змея-урей, но и привязанная фараоновская борода на ее изображении (изображении младенца!), как

141

у самой Хатшепсут. Однако новому фараону-женщине не суждено было воцариться. То ли царевна скончалась раньше матери (что представляется наиболее вероятным), то ли с кончиной Хатшепсут положение ее резко изменилось.

Хатшепсут дожила до конца 20-го года «царствования» Тутмоса III. Став единовластным правителем, Тутмос постарался уничтожить даже память о ненавистной сопернице, истребляя повсюду ее имена и изображения, заменяя их своими, отцовскими или дедовскими. Одни сановники подверглись мести царя, а другие уцелели и поспешили выразить полную покорность новому повелителю, которым еще недавно пренебрегали. Впрочем, фараон, видимо, зорко следил за такими «верноподданными». По крайней мере второму жрецу Амона при Хатшепсут и Тутмосе Пуимра, изобразившему у себя в гробнице доставку даров из Южного Красноморья, пришлось потом добавить изображение Тутмоса III во избежание двусмысленности.

Захватническая политика, проводившаяся при предшественниках фараона-женщины, возобладала вновь. Тутмос, став наконец единоличным хозяином, немедленно двинул войска на Сирию-Палестину. Задачей, которую ставил себе фараон, была уже не военная прогулка к Евфрату, а последовательное и полное покорение всей Палестины и всей Сирии. Такое подчинение было делом трудным и длительным, несравнимым с захватом Эфиопии. Хотя территорию Сирии-Палестины занимало множество государств-городов, эти последние обладали куда большей обороноспособностью, чем племена по верхнему Нилу или в прилегающей к Египту пустыне. В военном отношении ханаанеяне были даже до некоторой степени учителями египтян. Сирийские города с высокими стенами могли выдерживать осаду в течение долгих месяцев, а то и лет; в большом количестве сирийцы имели брони, шлемы, боевые колесницы. Однако Египет Тутмоса III оказался в состоянии покорить и непокорную Сирию.

Весной, в конце 22-го года своего царствования (первая четверть XV в.), Тутмос во главе сильного войска выступил из пограничной крепости Чилу (Силэ) в направлении на Аззату (Газу). Миновав труднопроходимую пустыню между Египтом и Палестиной менее чем за десять дней, египтяне вступили в Аззату в день годовщины восшествия на престол Тутмоса III и уже на следующий день оставили город. Еще одиннадцать дней пути, и фараон стоял у подножия хребта Кармел. По египетским сведениям, вся страна до крайнего севера была охвачена «восстанием на (т. е. против) его величество». По ту сторону гор, в Ездраелонской долине, у города Мегиддо, египтян поджидало союзное войско сирийцев. «Триста тридцать» сиро-палестинских властителей, каждый со своим воинством решились совместно преградить здесь дорогу египетскому царю. Душой союза был властитель Кадеша на Оронте, сумевший поднять на борьбу с Египтом едва ли не всю Сирию-Палестину.

Фараон мог пройти к Мегиддо тремя путями. Прямой путь вел через горный хребет и был узкой тропой, по которой коням и людям пришлось бы идти гуськом друг за другом. Два других пути, южный и северный, вели к Мегиддо в обход. На военном совете военачальники предложили царю выбрать один из обходных путей, ссылаясь на крайнюю узость прямого: передние части растянувшегося войска могли бы быть уже втянуты в битву, тогда как отставшие части были бы бессильны им помочь. Но Тутмос отверг совет военачальников, боясь прослыть у неприятеля трусом. «Не пошло ли его величество по другому пути, (потому что) оно устрашилось нас?» — скажут они. Поклявшись пойти прямым путем, он предоставил соратникам право выбора — следовать за ним или идти обходными дорогами. Все предпочли идти следом за царем. Поступок Тутмоса и последующие события характеризуют его как полководца. Его клятва

была опасным молодечеством. Она отнюдь не означала намерения царя застать противника врасплох, ошеломить внезапностью и смелостью нападения. На счастье египтян, спускавшихся во главе с царем в долину гуськом, союзники не напали на них. Столь странное поведение сирийцев объясняется, возможно, боязнью покинуть лагерь у города, за стены которого можно было укрыться в случае поражения. Ну а что сделал фараон? Выполнив клятву, он милостиво внял просьбе подчиненных подождать отставшие части. Авангард вступил в долину еще до полудня, а остальные подтянулись лишь в полдень. Потом царское войско мирно проследовало по долине на юг, и в седьмом часу вечера фараон расположился на ночлег на берегу ручья к югу от Мегиддо. Затем поужинали, расставили дозорных и благополучно проспали всю ночь. Возможно, мужество Тутмоса подняло боевой дух египтян, произвело впечатление на сирийцев и тем самым способствовало победе, но ясно, что опасный переход фараон предпринял не с целью внезапного нападения, а из самолюбия.

Битва завязалась рано утром. Случайному скопищу «трехсот тридцати» сиро-палестинских дружин под начальством стольких же предводителей трудно было устоять под натиском единого египетского войска, направляемого одной волей. По всей видимости, сопротивление сирийцев было сломлено мгновенно. Они стремительно бежали, бросая коней и колесницы.

Но и тут египтяне, уже к досаде фараона, не использовали положения. Если бы они не занялись грабежом вражеского стана, то ворвались бы в город следом за бежавшим противником, и участь Мегиддо и союзного войска была бы решена. А так горожане успели закрыть ворота и даже втащить на стены отставших беглецов с помощью спущенных одежд (длинных кусков ткани, которыми в Сирии-Палестине окутывали туловище). Началась семимесячная осада Мегиддо. Тутмос обратился к своему войску с несколько запоздалым приказом хватать и хватать людей, поскольку внутри города заперты все мятежные сиро-палестинские властители и взятие Мегиддо равноценно взятию тысячи городов. Египтяне плотно обложили город, обнеся его осадной стеной, за которую не выпускали никого, за исключением разве перебежчиков. Через семь месяцев измученный голодом город наконец сдался. Запертые в нем властители выслали своих детей к фараону с золотом и серебром, со всеми своими конями и колесницами, обшитыми золотом и серебром или просто раскрашенными, со всеми своими бронями, луками, стрелами и другим вооружением. Сами сирийцы поднялись на городские стены и оттуда молили победителя о пощаде. Царь взял с побежденных властителей клятву на верность, заставил принять заново назначение на царство и, разоружив их, распустил по домам. «Они отбыли все на ослах, (потому что) я забрал их коней»,— не без издевки заявлял впоследствии фараон. Такое милостивое обращение, в особенности обряд назначения на царство, показывает, что Тутмос видел в сиро-палестинских властителях не столько мятежников, каковыми на словах их считали при египетском дворе, сколько покоренных иноземных властителей, до того независимых от Египта. Много хуже пришлось горожанам Мегиддо, которых фараон вместе с другими пленными угнал в Египет, предварительно захватив их имущество. Окрестные пашни были поделены на участки и переданы представителям царского хозяйства, с тем чтобы те сняли с них урожай. В итоге Тутмосу с пахотных участков у Мегиддо было доставлено огромное количество пшеницы (свыше полутора миллиона литров) — помимо того, что было раньше сжато и захвачено «войском его величества».

С огромной добычей, взятой на поле битвы, в самом городе, его окрестностях и в трех других палестинских городах, победитель вернулся в Фивы. Здесь были устроены празднества в честь победы, а Амону, как

ниспославшему ее, уступлена немалая доля добычи, в том числе три палестинских города, обложенных ежегодной податью в его пользу.

Новые сирийские походы следовали один за другим. Почти ежегодно Тутмос появлялся со своим войском в Сирии, закрепляя за собой захваченное и завоевывая заново город за городом, область за областью. На время между 24-м и 28-м годами царствования Тутмоса приходятся три похода, о которых у нас нет определенных известий. В 29-м году в Сирии была взята крепость Уарджет и опустошены окрестности города Ардаты. В 30-м году опустошению подверглись окрестности Кадеша на Оронте и царь ходил к городам Цумуру (Симире) и Ардате. В 31-м году была взята Уллаза. В 33-м году фараон вторгся в Митанни. В 34-м году он был в Финикии и стране Нухашше. В 35-м году Тутмос снова воевал с Митанни. О походах 36-го и 37-го годов ничего определенного не известно. В 39-м году он воевал с кочевниками Сирийской пустыни. В 42-м году в Сирии были опустошены окрестности городов Иркаты и Туниба и взяты три городка вблизи Кадеша на Оронте. Всего до 42-го года включительно Тутмос предпринял не менее 15 походов. Сколько их было совершено в остальные 12 лет его единоличного царствования, нам неизвестно. Северным пределом походов Тутмоса III была, по-видимому, область города Каркемиша на Евфрате, на стыке Сирии и Месопотамии.

Судя по первому походу — на Мегиддо, единственному, о котором у нас имеются более или менее обстоятельные известия, Тутмос совершал свои походы в Сирию-Палестину в летнее время, когда можно было прокормить войско за счет местного урожая. К тому же времени можно отнести и другие походы Тутмоса, поскольку вино в Ханаане было найдено в точилах, а в Митанни вырван стоящий на корню ячмень. Отметим и тот факт, что египтяне еще плохо справлялись с укрепленными городами. Нередко, будучи не в силах взять крепость, фараон отходил от нее ни с чем, предав все вокруг дикому опустошению. Подобными особенностями египетских походов того времени можно объяснить то, что они совершались так часто и подчас были направлены против одного и того же города.

В долголетней борьбе за Сирию главными противниками египтян оставались Кадеш на Оронте, Туниб в Северной Сирии и в особенности царство Митанни. И были они опасны фараону не одними своими войсками, но и тем влиянием, которым они пользовались у соседей.

Еще в первый поход Тутмоса Кадеш сплотил и возглавил союз сиропалестинских властителей, преградивших фараону дорогу у Мегиддо. Но прошли долгие годы после первой победы над сирийцами, прежде чем египтяне овладели Кадешем. В 30-м и 42-м годах царствования Тутмоса III египетское войско подступало к Кадешу, но так и не взяло его. Фараону пришлось удовольствоваться опустошением окрестностей и взятием трех соседних городков. Однако в один из последующих походов непокорный город все-таки пал. При приближении египтян его властитель пустился на хитрость: навстречу их колесничным упряжкам он выпустил быстроногую кобылицу в надежде расстроить их боевой строй, однако затея не удалась. Египетский воин по имени Аменемхеб (Аманма-ху) пеший догнал кобылицу, уже ворвавшуюся в египетские отряды, распорол ей брюхо и, отрубив хвост, отнес его фараону. Кадеш был взят приступом после пролома городской стены выделенными Тутмосом смельчаками во главе с тем же Аменемхебом.

Тунибские воины обороняли от египтян сирийскую крепость Уарджет. При взятии Уллазы в руки Тутмоса попал приближенный тунибского царевича. В 42-м году своего царствования фараон опустошил окрестности Туниба, и впоследствии город был вынужден покориться Египту.

Сильнейшим противником Тутмоса, его соперником в борьбе за Север-

ную Сирию было царство Митанни, находившееся тогда на вершине своего могущества. В Митанни видели свою опору в борьбе против фараона все государства Сирии. Без столкновения с могущественным и притязательным царством Митанни овладеть Сирией египтянам было немыслимо. Победой над Митанни Тутмос гордился едва ли не больше, чем первыми успехами под Мегиддо. И если тогда союзное войско бежало мгновенно, то «многочисленное войско Митанни было повергнуто» только «в течение часа».

Митаннийский царь отступил за Евфрат. Для продолжения войны Тутмосу нужны были суда. Большое количество их спешно выстроили из ливанского кедра в Финикии, в области города Библа, и на колесных повозках, запряженных быками, привезено к Евфрату. Переправившись с войском на другой берег, фараон и там не нашел митаннийского властителя. Тот бежал еще дальше, «в другую землю, далекое место». Примеру царя последовало и его войско: «Ни один не смел оглянуться, но бежали дальше, как стадо степной дичи». На прибрежной скале фараон вырезал свой пограничный знак — победную надпись, рядом с оставленной его дедом Тутмосом I, и поплыл вниз по течению, разоряя города и селения. «Я зажег их, мое величество превратило их в развалины... Я забрал всех их людей, уведенных пленниками, их скот без числа, а также их вещи, я отобрал у них жито, я вырвал их ячмень, я вырубил все их рощи, все их плодовые деревья». На обратном пути у города Ния, западнее Евфрата, египетский царь устроил большую охоту на слонов. «Мое величество билось с ними — со стадом из 120 (животных)»,— похвалялся Тутмос. На самом деле он чуть не погиб в схватке с огромным зверем. Ни в одном из трех дошедших до нас сообщений Тутмоса об этой охоте царь ни словом не обмолвился о неприятном приключении. О нем мы знаем из надписи воина Аменемхеба. Притаившись в воде между двумя камнями, Аменемхеб изловчился, отсек «руку», т. е. хобот, животному и спас таким образом победителя Митанни от сирийского слона.

Несмотря на видимый успех, поход 33-го года царствования Тутмоса митаннийского вопроса не решил. Уже в 35-м году фараон возобновил военные действия. Митаннийский царь не дал себя застигнуть врасплох, как в первую войну, и выставил многочисленное войско. Встреча произошла у города Араны. Тутмос лично участвовал в схватке. Натиск египтян был настолько силен, что митаннийцы дрогнули и побежали к городу, бросая коней и колесницы; египетское войско захватило всего 10 пленных, несколько шлемов и луков, зато 180 коней и не менее 60 колесниц. Но и это поражение не отбило у Митанни охоты вмешиваться в сирийские дела. Так, митаннийцы оказывали действенную поддержку Кадешу. Только в трех городках, взятых фараоном в округе Кадеша в 42-м году царствования, стояло свыше 700 митаннийцев с полусотней коней.

В эфиопских владениях после кровавых расправ предшественников Тутмоса III с местными повстанцами и поддерживавшими их кочевниками из пустыни крупные восстания и вторжения были, по-видимому, редки. В этом смысле показательно, что искусственный проток вдоль первых нильских порогов для обхода их судами, идущими в Эфиопию и из нее, тот самый, который некогда очищал Тутмос I, оказался вновь заваленным камнями, когда Тутмос III в 50-м году царствования счел нужным лично появиться с войском на юге. К возвращению царя проток был расчищен, а содержание его в порядке возложено на местных рыбаков. Возможно, что именно во время этого похода Тутмос охотился на носорога и оставил на эфиопском юге свою пограничную плиту, как он это сделал и на месопотамском севере.

С завоеванием Тутмосом III Сирии-Палестины египетское государство достигло пределов, за которые оно в дальнейшем уже не выходило, по

142. Юбилейный двор храма Амона Тутмоса III в Карнаке, XVIII династия

крайней мере сколько-нибудь значительно. От четвертых нильских порогов до Северной Сирии подвластные народы — эфиопы, ливийцы, сирийцы — платили ежегодную дань Тутмосу III. Из Южного Красноморья (из страны Пунт) ему везли груды благовонной смолы, черное дерево, золото, слоновую кость, страусовые перья, барсовы шкуры, диких зверей. Египетское могущество на море внушало почтение и жителям островов. Царский военачальник Дхаути, ведавший северными странами, считал себя доверенным лицом царя даже на греческих островах. Подарки фараону от властелина некоей северной страны (Иси), преимущественно медь и свинец, иногда сотни килограммов, стали явлением обычным. Толпы критских и иных посланцев островов приплывали в Фивы с богатыми дарами: драгоценными сосудами, серебром в брусках и кольцах, золотом, лазоревым камнем, украшениями. Если в ответ посланцы и получали, возможно, нужные им «подарки», то в глазах египетского двора их дары были все-таки данью. Новое международное положение Египта получило признание и со стороны ближневосточных держав. Стоило Тутмосу стать твердой ногой на севере, как цари Вавилонии, Ашшура и Хатти стали один за другим слать подарки новоявленному могущественному соседу, которые тот не преминул воспринять как дань. Впрочем, вавилонская «дань» была более чем скромной: меньше 1 кг настоящего лазоревого камня, 2 кг искусственного и еще куски «вавилонского» лазоревого камня. Царь Ашшура посылал преимущественно тот же лазоревый камень: наибольшее известное нам количество настоящего лазоревого камня равнялось 5,5 кг. Царь Хатти, непосредственный сосед фараона, дарил главным образом серебро, которое в Анатолии имелось в изобилии: одна из посылок царя Хатти содержала 36,5 кг серебра помимо «белого» камня и дерева. Вполне возможно, что за эти подарки цари получали кое-что и от Тутмоса.

Хотя три с лишним десятка лет единоличного правления Тутмоса III были сплошь заполнены войнами и Египет не мог еще в полной мере пользоваться плодами своих завоеваний, но труд пленных и стекавшиеся отовсюду подати позволили царю широко развернуть строительную деятельность. Ее следы заметны не только по всему Египту, но и за его пределами: даже в Сирии-Палестине и Эфиопии Тутмос воздвигал храмы. Сооружение храмов в первую очередь наряду с прославлением самого фараона служило славе и величию его бога Амона, которого Фивы и царь подобными сооружениями, жертвами и подношениями части добычи благодарили за ниспослание победы. Друг за другом в главном храме Амона поднимались пилоны, обелиски, величественные изваяния, возводились

142

новые покои и переходы. Общегосударственный храм в Карнаке превратился в памятник побед Амона и его «сына» Тутмоса.

На стенах и башнях этого храма мастера фараона изобразили сокровища, подаренные им Амону, растения и животных, которые он «нашел» в Сирии-Палестине, и его самого, убивающего врагов в присутствии Амона. Начертанные в храме списки покоренных городов и местностей Сирии-Палестины и Эфиопии содержали свыше шестисот названий. Тут же на храмовых стенах Тутмос перечислил свои дары Амону, поместил выдержки из походной летописи с пространными перечнями добычи и дани. К сожалению, более или менее полно было воспроизведено лишь начало летописи, посвященное походу на Мегиддо; некоторые места, в частности описание военного совета и особенно вечера и утра перед битвой, поражают живостью и наглядностью изложения. Известен возможный составитель этого рассказа — начальник войсковых писцов, чье имя условно читается как Чинени (Чанени), ведший в качестве очевидца летопись побед Тутмоса III. Эти победы нашли, разумеется, отклик и у придворных стихотворцев. Сохранился фрагмент сочинения, воспевавшего какой-то «подвиг» фараона. В другом произведении, победной песне царскому мировладычеству, Амон приветствует идущего к нему в храм «сына» своего и поборника и в образных сравнениях изображает дарованное тому торжество над соседними народами и островным миром. Эта песнь послужила впоследствии образцом для других произведений подобного рода. Но войны Тутмоса III произвели впечатление на воображение и более широких общественных кругов. Полтора-два века спустя все еще рассказывали сказку о том, как военачальник Дхаути взял хитростью палестинскую Яффу, введя туда спрятанных в корзинах египетских воинов. И в течение долгих столетий имя грозного царя продолжали вырезывать на украшениях — на страх всем вражеским силам или на счастье.

Тутмос III скончался в середине XV в. в возрасте свыше 70 лет, процарствовав без месяца и четырех дней 54 года. Его погребли в той же Долине царей, где уже покоились его дед и отец, а в надписи на саване в уста завоевателя, залившего кровью тогдашний мир, вложили заверение, что он никого не убил.

О наружности крупнейшего из египетских завоевателей можно составить себе представление по его останкам (мумии) и изваяниям, хотя последние передают его черты в приукрашенном виде. Это был невысокий, коренастый человек с низким лбом, большим ртом и полными губами, резко очерченным подбородком, с выступающим, слегка орлиным носом. Он был очень силен и утверждал, что прострелил насквозь мишень из кованой меди толщиной в три пальца, так что стрела вышла сзади на три ладони. Он страстно любил охоту. Помимо слонов и носорогов он охотился еще на львов и диких быков. Он был, вероятно, любознательным человеком, раз повелел изобразить на стенах государственного храма растения, птиц и млекопитающих, увиденных им в Сирии-Палестине. Не был он чужд, по-видимому, и искусству; во всяком случае, по его вкусу и указаниям изготовляли подчас драгоценную утварь.

Считать создателя «мировой» египетской державы выдающимся полководцем оснований нет. Его личным вкладом в дело ее создания были те упорство, подвижность и дееспособность, которые он, несомненно, проявлял в течение своих нескончаемых сиро-палестинских войн. Такие качества, должно быть, отличали его не только как полководца, но и как государственного деятеля, хотя с этой стороны он нам малоизвестен. Три четверти века спустя, сетуя на бездеятельность одного из преемников Тутмоса III, жители сирийского города Туниба вспоминали, как прежде грабил Манахпирйа (царское имя Тутмоса III).

Едва только умер престарелый фараон, Сирия-Палестина уже была

охвачена брожением. Но если сирийцы надеялись, что сумеют оказать новому фараону успешное сопротивление, то они жестоко ошиблись. Сын и преемник Тутмоса III Аменхотеп (Аман-хатпи II) (вторая половина XV в.) оказался едва ли не самым крутым и опасным из всех египетских завоевателей.

Он получил отличную военную (военно-спортивную) подготовку. Среднего роста, он обладал чудовищной силой и выносливостью. Отец отправил его для обучения стрельбе из лука к правителю верхнеегипетского города Тина (в распоряжении тамошних властителей был большой оазис в пустыне — излюбленное место охоты). С целью найти умелых мастеров Аменхотеп проверял сотни луков. Его лук, по его словам, не мог натянуть никто из египетских воинов и никто из иноземных властителей. Если у Тутмоса III стрела, пробив медную мишень, выходила из нее на три ладони, то стрела Аменхотепа проходила через мишень вся и падала на землю. Аменхотеп утверждал, что стоил один двух сотен гребцов: те, Ил. 143
пройдя «полпотока» («поток» — мера длины, равная, возможно, 2 км), выдохлись, изнемогли, перестали грести, а он, гребя веслом длиной в 20 локтей («локоть» немного длиннее полуметра), прошел три «потока» и, ко всеобщему восхищению, привел судно к причалу. На радость воинственному родителю сын был страстным любителем лошадей. Тутмос III распорядился выдать ему превосходных коней из своей конюшни в Мемфисе, наказав сыну тренировать и беречь их, они у Аменхотепа якобы не уставали, не потели даже при быстром беге. Еще восемнадцатилетним юношей он был приобщен отцом к царской власти — стал соправителем престарелого фараона, хотя на деле получил власть в руки, видимо, только после смерти родителя.

Молодой фараон появился на севере Палестины весной 7-го года своего царствования. Сопротивление непокорного города Шамши-Адуму было сломлено мгновенно. И в первом же сражении царь самолично принялся захватывать пленных и скот. Уже на следующий день египетское войско перешло вброд через Оронт. Аменхотепу снова представился случай выказать свою удаль в единоличной схватке с горсткой неприятеля у города Катны. Завидев вражеские колесницы, царь бросился на них и секирой поразил предводителя. Аменхотеп дошел до Евфрата, северного рубежа своих владений, и повернул обратно. Властитель и население Нии высыпали на стены, славя страшного гостя, когда тот на своей царской упряжке подъехал к городу. Это произошло четырнадцать дней спустя после переправы через Оронт.

До фараона дошло, что в городке Акути жители сговорились выбросить вон стоявший там египетский отряд. Аменхотеп оцепил мятежный город и перебил жителей. После этого властители один за другим выходили из городов навстречу фараону с изъявлениями полной покорности. Так было и в Кадеше на Оронте, где египетский царь заставил взрослых и детей принести клятву верности и показал всем свою огромную силу, стреляя с южной стороны города в мишень из кованой меди. Затем охотились в лесу (на газелей, зайцев, онагров и других зверей). Фараон был якобы совершенно один, когда подскакал на колеснице к городу Хашабу и вернулся через мгновение, ведя подле колесницы 16 сирийских воинов, подвесив ко лбу коней 20 рук, отрубленных у убитых, и гоня перед собой 60 быков. Разумеется, после такого «подвига» городу не оставалось ничего другого, как изъявить покорность царственному богатырю.

Остается неясным, как отнеслось царство Митанни к появлению у его границ египетского войска. Фараон, во всяком случае, был настроен далеко не дружественно к нему, да и имел на то веские основания. Двигаясь на юг, на 26-й день по приходе в Нию египтяне перехватили гонца митаннийского царя с глиняным клинописным письмом на шее — вероятно,

143. Аменхотеп II, пробивающий медную мишень, рельеф, XVIII династия
144. Статуя чиновника и его супруги, XVIII династия

к кому-нибудь из сиро-палестинских властителей — с содержанием, не слишком приятным фараону. Как бы то ни было, гонец был увезен в Египет в качестве пленника.

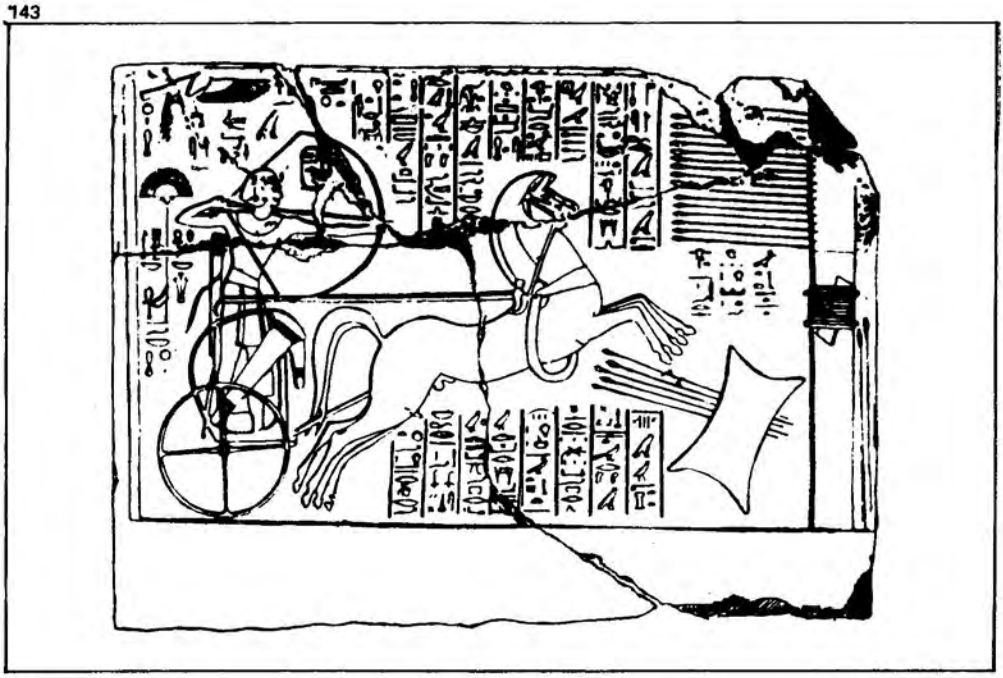
В этот же первый поход египетский царь собственноручно поразил палицей семерых непокорных властителей в округе Тахси в Келесирии и при возвращении в Египет повесил их трупы вниз головой на носу своего царского судна. Богатую добычу доставил царь в Мемфис: 550 знатных воинов с 240 женами, 640 ханаанеян (вероятно, купцов), 232 сыновей и 323 дочерей сиро-палестинских властителей, 270 певиц властителей «всех» стран (вместе с их музыкальными инструментами, золотыми и серебряными — в количестве 2214), 820 коней, 730 колесниц со всем боевым вооружением... И царица, по-видимому сестра Аменхотепа II, обозрела «победную добычу его величества».

Из семи княжеских трупов, висевших на носу царского судна, шесть затем было повешено на стене в Фивах вместе с 20 отрубленными руками. Седьмой труп отвезли на юг и повесили на стене пограничной Напаты у четвертых порогов в назидание всем эфиопам.

Недолго отдыхал Аменхотеп после своих первых «подвигов». Осенью следующего, 9-го года царствования фараон выступил в свой второй «победоносный» поход, последствиями намного превзошедший первый. Правда, он как будто бы несколько охладел к совершению «подвигов». По крайней мере сообщается всего лишь об одном. Если верить частично восстановленной впоследствии надписи, то Аменхотеп один с дворцовыми людьми, без остального войска охранял всю ночь до рассвета множество пленных, захваченных в Палестине, предварительно окружив их рвами с огнем. Зато сиро-палестинские города и селения подвергались беспощадному разграблению. Забирали все, что только было можно: мужчин, женщин, детей, скот, вещи. Царьков свергали и уводили, на место смещенного фараон назначал нового. К отчету о втором походе приложен список пленных с указанием количества их по отдельным разрядам и в совокупности. Числа поистине ужасные: всего было пленено около 90 тыс. человек.

Было от чего испугаться и соседним державам. Царь Митанни, царь Хатти, царь Вавилонии «уподоблялись друг другу», задаривая грозного завоевателя. Мы не знаем, с кем и где воевал Аменхотеп II в течение остальной, большей части своего царствования. Из того факта, что фараон направлял в хозяйство Амона все больше эфиопов, нельзя еще сделать вывод о крупных восстаниях на юге, которые царь лично ходил подавлять.

143

144

Вряд ли хвастливое и случайное заявление фараона о том, что палица царя поразила Месопотамию, позволяет сделать заключение о победоносной войне с Митанни.

Хотя свои победы и свое «мировое» владычество воинственный фараон в конечном счете приписывал божественному содействию Амона (тот, видимо, даже приснился ему во время второго похода), однако ревностным храмовым строителем он не был. Его постройки не могут идти ни в какое сравнение с сооружениями ни его отца Тутмоса III, ни тем более его тезки и внука Аменхотепа III. Впрочем, Аменхотеп II находил удовольствие не только в том, чтобы рыскать «грозным львом» в чужих краях в поисках «подвигов» и для подавления мятежей, состязаться в стрельбе в медную мишень или заниматься коневодством и греблей. Недаром еще в свой первый поход он привез из Сирии-Палестины сотни певиц, «служащих увеселению». Даже деловое письмо, отправленное на 23-м году царствования, в годовщину восшествия на престол, наместнику Эфиопии Усерсетету, получило весьма необычное заглавие «Список указа, изготовленного его величеством своими собственными руками... когда оно сидело, пило, проводило (веселый) день».

Не без основания отмечают, что из «спортивных» увлечений Аменхотепа II извлекал иногда выгоду и простой смертный. Нам не раз приходилось упоминать о воине Аменемхебе, который догнал и убил кобылицу, грозившую расстроить ряды египетского колесничного войска, первым ворвался в Кадеш, спас Тутмоса III от слона, не говоря уже о том, что не кто иной, как он, добыл «языка», переправившись через Евфрат. Нельзя сказать, чтобы Тутмос III не награждал Аменемхеба. Он получал знаки отличия: золотые ожерелья, золотые и серебряные запястья, золотые знаки отличия (ордена) льва, мухи, также одежды и «всякое добро, (служащее) удовлетворению сердца», однажды даже раба и рабыню, но тем не менее он как был, так и оставался рядовым воином. И в качестве такового его брали на священную ладью Амона, когда тот совершал в ней свое праздничное плавание. «Я б[ыл],— говорит Аменемхеб,— первым из своих сотоварищей, идя на веслах с Амоном в добрый праздник (храма) Апы (Луксор)». Но вот скончался Тутмос III, и на престоле утвердился Аменхотеп II. «И его величество увидело меня, как я шел на веслах с ним на его соко[лином (т. е. царском) корабле] по имени „Аменхотеп, бог, властитель Фив, воссиял в ладье", а я греб... в добрый праздник (храма) Южного Апы, также (во время плавания) ко (храму) „Свят [Небосклон]"». Тут-то и произошел поворот в судьбе воина. Его позвали во дворец, и Аменхотеп II, сам «[вели]кий (телесною) силой», вспомнил о прежней доблести Аменемхеба и сделал его своим «заместителем» по войску с особым назначением надзирать за телохранителями царя.

Аменхотеп II царствовал довольно долго (последний известный год его царствования — 26-й). Ему наследовал сын, юный Тутмос IV. Новый фараон, хотя и был сыном главной царицы, первоначально, возможно, не предназначался в преемники своему отцу. Впоследствии Тутмос рассказывал о чудесном сне, приснившемся ему в бытность царевичем. Юноша любил развлекаться в пустыне около Мемфиса охотой и стрельбой из лука в медную мишень. Однажды в палящий полдень царевич заснул у подножия великого сфинкса, которого в то время считали изображением уже не царя — строителя одной из великих пирамид, а солнечного бога Хора на небосклоне. И вот Тутмосу приснилось, что сфинкс заговорил и предсказал ему царствование над Египтом и всей вселенной, попросил освободить от занесших его песков пустыни, что после восшествия на престол Тутмос, очевидно, и выполнил. С этим рассказом перекликается надпись на божнице (в Каирском музее), высеченной из одного куска камня: «Вот его величество нашло этот камень наподобие божественного сокола,

(когда) был он царевичем. А приказал [ему Амон] царствовать (над) обеими землями».

Тутмос IV был последним царем XVIII династии, который побывал на берегах Евфрата. Упоминается добыча, захваченная, по-видимому, в Месопотамии (уцелел только конец названия страны), а один из сподвижников царя, впоследствии верховный жрец Анхура (Ан-хары) Аменхотеп, величал себя «провожатым царя, куда бы он ни ходил в чужеземных странах, южных и северных, пришедшим из Месопотамии в Курайя (на юге Эфиопии) следом за его величеством, когда оно (бывало) на бранном поле». При Тутмосе IV Египет вступил в дружественные отношения с Митанни, и царь этой страны Артадама отдал в жены фараону свою дочь. На 8-м году правления Тутмоса IV, позднейшем известном по памятникам году его царствования, северная часть Эфиопии стала свидетельницей восстания местного властителя, «собравшего вокруг себя всех мятежных бродяг другой страны». Само следование фараона к месту военных действий походило на победное шествие: население Египта высыпало на берег по мере приближения царских кораблей, люди кричали, из храмов царю выносили цветы от имени городских божеств. Восстание было подавлено фараоном, проникшим в труднодоступную долину, куда отступили вожди мятежников.

Тутмос IV царствовал недолго: судя по его останкам (мумии), он умер молодым. Возможно, этим объясняется малочисленность его сооружений. Он проявлял не слишком свойственную фараонам заботу о памятниках прошлого. При нем был освобожден от песков великий сфинкс, завершен и воздвигнут памятник (обелиск) Тутмоса III в храме в Карнаке, который оставался не законченным в течение тридцати пяти лет.

С восстанием в Эфиопии пришлось иметь дело и преемнику Тутмоса IV Аменхотепу III (около 1400 г.). Разбив повстанцев на 5-м году своего царствования, фараон проник далеко на юг и водрузил свою пограничную плиту у неких вод Хора, чего якобы не сделал никто из его предшественников. Этот «первый победоносный поход» Аменхотепа III был, по-видимому, единственным, в котором он лично участвовал. Да и то не вполне ясно, кто, собственно, руководил походом — он сам или его эфиопский наместник Меримос (Маи-маси?). В Сирии-Палестине, сопротивление которой было окончательно сломлено еще его предшественниками, Аменхотеп III никогда не появлялся. Правда, он иногда посылал туда небольшие воинские соединения для наведения «порядка», однако в общем предоставлял Сирию-Палестину самой себе — разумеется, с условием приносить положенную дань. Даже тогда, когда царство Хатти начало вмешиваться в дела Сирии, тамошние властители не осмеливались открыто отложиться от фараона.

Крупные державы Ближнего Востока не тревожили своего могущественного соседа. Сила египетского оружия и блеск египетского золота делали их правителей податливыми и угодливыми. Аменхотеп III время от времени щедро оделял этих «братьев» золотом. Эфиопские и египетские золотые прииски, сиро-палестинская и особенно эфиопская дань, не говоря уже о военной добыче и поставках из Южного Красноморья, наполнили казну фараонов огромным количеством золота. Иному «великому» царю прямо-таки мерещилось, что в Египте золота столько же, сколько пыли. За золото сам вавилонский царь готов был не только послать Аменхотепу лазоревый камень, но и проглотить тяжелое оскорбление. Когда царь Вавилона Кадашман-Харбе попросил у своего египетского «брата» себе в жены его дочь, тот надменно ответил, что египетская царевна никогда в жены иноземным царям не отдавалась. Незадачливый жених готов был удовольствоваться любой египтянкой, присланной под видом царевны, но фараону претила даже видимость брака вавилонского царя с

145. Вход в храм Амона, Мут и Хонсу в Луксоре, XVIII династия

его дочерью. А оскорбленный вавилонянин? Он был согласен отдать свою дочь египетскому властелину, лишь бы тот прислал ему золота... Не давая своих дочерей в жены иноземным царям, Аменхотеп III собрал у себя в Египте целое общество их дочерей. За него были «выданы» две вавилонские царевны, три митаннийские и одна из анатолийского государства Арцава. Ни одна из них не заняла видного положения при египетском дворе. Они сильно напоминали тех жен-заложниц родительской верности, которых фараон набирал из дочерей сиро-палестинских властителей. Вавилонский царь Куригальзу II на деле подтвердил свою верность египетскому «брату». Когда сиро-палестинские властители попытались тайком подбить его на совместное выступление против фараона, он отверг их предложение. Придворная лесть утверждала, что Вавилония, Ашшур, Митанни и Хатти подвластны египетскому царю. В действительности этого, конечно, не было, но Аласия на Кипре все-таки находилась в некоторой зависимости от Египта.

Новоегипетская «мировая» держава достигла вершины своего величия. Огромные людские и материальные ресурсы, скопившиеся в руках фараона в результате военных захватов его предшественников и хозяйственного подъема государства, постоянно пополняемые данью и иными поступлениями, позволили развернуть храмовое строительство в невиданных дотоле размерах. Строительная деятельность того времени охватывала разные области Египта, была значительной в Эфиопии и сказывалась даже в Сирии-Палестине. Главное строительство велось по-прежнему в Фивах в честь общегосударственного бога Амона, которому приписывалось величие как царственного города, так и царства в целом. Перед храмом Амона в Карнаке Аменхотеп III возвел еще один пилон, построил по соседству, подле подковообразного озера, храм супруге Амона — Мут. Не исключено, что и средний проход так называемого гипостильного зала в Карнаке — между двумя рядами исполинских каменных колонн высотой 24 м — восходит ко времени Аменхотепа III и только впоследствии был расширен по обе стороны в огромный чертог. На юге Фив по повелению фараона местным божествам был построен храм Южной Апы (Луксорский храм) — одно из самых изысканных творений египетских зодчих. К нему вел величественный проход между двумя рядами каменных колонн высотой 16 м вроде упомянутого хода в храме в Карнаке перед пилонами Аменхотепа III. Похожие проходы были воздвигнуты им перед соседним храмом Мут и перед храмом в Сульбе, около третьих нильских порогов. Но и весь храм в Луксоре, вытянутый строго по средней оси,

145

146. Сфинкс-фараон Аменхотеп III, Ленинград, XVIII династия

представлял собой как бы единый громадный проход для священных шествий от потаенного местопребывания Амона через обширный чертог с колоннадой, через двор, окруженный навесами на столбах, и названный выше ход на наружный двор и обратно. Помещения для идолов окружало множество покоев разного назначения. Здесь фараон, уподобляясь Хатшепсут, велел изобразить сцену своего рождения от царицы Мутемуиа (Мут-ма-уа) и Амона, принявшего образ Тутмоса IV. Известны имена двух зодчих, двух братьев-близнецов — Хора (Гора) и Сети (Сути), руководивших строительными работами в Карнаке, Луксоре и в Фивах в целом.

Но особенно великолепным должен был быть поминальный храм царя в тех же Фивах, на западном берегу Нила, посвященный тому же Амону. К сожалению, от этого здания мало что уцелело. По примеру своих предшественников Аменхотеп III не скупился на отделку построек драгоценной обшивкой. В Луксоре в поминальном и сульбском храмах стены были обиты листовым золотом, а пол выстлан серебром. Золотом были отделаны и пилоны в Карнаке.

В Фивах на восточном берегу реки от храма к храму протянулись мощенные плитами дороги, уставленные по сторонам изваяниями барана — священного животного Амона. На западном берегу к царскому поминальному храму вела дорога с собакообразными (шакальими) изваяниями. Из этого храма происходят ленинградские сфинксы, стоящие на Неве, перед зданием Академии художеств. Изваяний львиноголовой Сохмет (Сахмы), с которой отождествлялась жена Амона Мут, возле храма последней было столько, что, сохранившись в большом количестве на месте, они украсили также многие музеи мира, в том числе Государственный Эрмитаж.

Пристрастие Аменхотепа III к громадному сказалось и в размерах его собственных изваяний, воздвигнутых им перед храмами. Изваяния из красно-бурого камня, поставленные перед поминальным храмом, имели высоту 21 м. По словам царского любимца и тезки Аменхотепа, сына Хапи, они умаляли даже привратные башни, высившиеся за ними. Добычей двух «гор из чудо-камня» в каменоломнях неподалеку от Гелиуполя, их доставкой в Фивы вверх по Нилу и установкой руководил как «распорядитель всех работ царя» этот самый Аменхотеп, но делались из исполинских глыб царские изображения под непосредственным наблюдением Мины.
Ил. 147 Изваяния эти известны ныне под названием «колоссов Мемнона». Одно из них пострадало — вероятно, во время землетрясения — уже во время

146

147. Гигантские изваяния Аменхотепа III в Фивах («колоссы Мемнона»), XVIII династия

римского владычества в Египте. По утрам полуразбитый великан стал издавать странные звуки. Сложилась легенда, что это «Мемнон» приветствует свою мать Зарю. Послушать его «пение» съезжались греки и римляне, и подножие изваяния по сю пору пестрит их надписями. Когда же по приказу римского императора Септимия Севера была восстановлена верхняя часть колосса (к нижней части изваяния приставили грудь, плечи и голову), «пение» прекратилось. Подобные звуки, похожие на звук пастушеской свирели, можно и поныне слышать в развалинах египетских храмов. Это «поет» треснувший камень, остывший холодной ночью и быстро нагретый наступающим утром. После восстановления колосса его верхняя часть придавила нижнюю, и «Мемнон» умолк.

В другой раз Аменхотеп, сын Хапи, отличился еще больше. Все из тех же каменоломен около Гелиуполя он доставил в Фивы два огромных изваяния своего повелителя для общегосударственного храма в Карнаке. Одно из них имело в высоту 24 м. Было правильно подмечено, что предшественники Аменхотепа III воздвигали в храмах громадные островерхие обелиски, а он стал ставить в храмах огромные изваяния собственной особы. Изваяния прежних царей в храмах Фив совершенно терялись перед этими каменными исполинами. Но было и кое-что другое, в чем прежние цари уступали Аменхотепу III. Фараоны издавна считались земными богами, но только Аменхотеп III, упиваясь своим владычеством над «миром», дошел в самообожествлении до культа собственных идолов. Правда, это поклонение царю насаждалось преимущественно в Эфиопии, где вместе с Амоном царю был посвящен великолепный храм в Сульбе, но и в Мемфисе царскому идолу воздавали божеские почести. В Эфиопии, в соседней с Сульбом Седэнге, был сооружен храм, в котором как богиню чтили любимую жену фараона царицу Тэйе. Фараонов издавна сравнивали с солнцем и величали их «сыновьями», но никто до Аменхотепа III не именовал себя столь упорно, как он, видимым Солнцем. С этим представлением о себе как о светлом Солнце перекликалось настойчивое подчеркивание своей приверженности к «правде» (Маат). Из пяти царских имен три были посвящены ей: в первом имени царь величал себя «воссиявшим в правде», во втором — «установившим законы», четвертое — обычное государственное имя «Ниб-муа-Риа» означает «Владыка правды — Солнце». Возле главного храма столицы в Карнаке фараон поставил особый храмик все той же «правде», «дочери Солнца» Маат.

Ил. 137

При таком «богоравном» и «солнцеподобном» владыке мира за отсутствием военных «подвигов» внимание господствующих кругов, естествен-

147

143. Гроб Иуйи, отца царицы Тэйе, XVIII династия

но, сосредоточивалось на событиях придворной жизни. Время от времени выпускались своеобразные памятные «медали» в виде больших каменных жуков-скарабеев с упоминанием или описанием происшествий, имевших место при царском дворе. Не позже как на 2-м году своего царствования фараон женился на Тэйе, некрасивой, но умной девушке, сумевшей не только пленить юного фараона, но и занять исключительное положение в государстве. Она была незнатного происхождения. Хотя впоследствии ее отец состоял «заместителем» самого фараона по колесничному войску, первоначально он был всего-навсего служащим храмового хозяйства в среднеегипетском городе Панополе (Ипу), до самой смерти он сохранял титул заведующего быками бога Мины, к службе которому имела также отношение мать царицы. На скарабее, выпущенном по случаю женитьбы царя на Тэйе, были одновременно отмечены как ее нецарское происхождение, так и ее новое положение в качестве супруги египетского фараона — владыки мира: «Имя ее отца — Иуйа, имя ее матери — Туйа. Это — жена могущественного царя: его южная граница — у Курайи (на крайнем юге Эфиопии), северная — у Нахримы (Митанни)». Не в пример прежним царицам, Тэйе очень часто изображалась и упоминалась рядом с самовластным супругом, а митаннийский царь Тушратта утверждал, что она лучше всех приближенных фараона осведомлена о международных делах. На 11-м году царствования был выпущен скарабей, увековечивший создание для царицы искусственного озера, вероятно тождественного с озером Биркет-Абу на западном берегу Нила, против нынешнего Эль-Кусура (Луксор). В день открытия «его величество шло на веслах» по новому озеру «в царской ладье (по имени) Блистает солнце, (т. е. фараон) внутри ее».

Скарабей, выпущенный годом раньше, отмечал другое необыкновенное явление при дворе Аменхотепа и Тэйе: «Нечто чудесное, доставленное его величеству: дочь царя Нахримы (Митанни) Шуттарны Келу Хеба (и) лучших из ее прислужниц 327 женщин!»

Аменхотеп III не хвалился, как его предшественники, что простреливал насквозь медную мишень, но охотиться любил. На скарабее 2-го года царствования рассказывалось, как, узнав о присутствии в некой местности диких быков, фараон отплыл туда под покровом прохладной ночи, а по прибытии утром отправился на охоту во главе целого войска. Сановникам, воинам и детям было поручено следить за быками, которых затем окружали оградой со рвом. Тогда царь начал охоту и из 170 быков уложил свыше полусотни, а через четыре дня — еще четыре десятка. Осо-

149. Скульптура водчего Аменхотепа, сына Хапи, Карнак, XVIII династия

бым скарабеем была отмечена десятилетняя «годовщина» царских охот на львов: «Число львов, добытых его величеством его собственной стрельбой, начиная с 1-го года царствования и кончая 10-м годом царствования, 102 грозных льва».

Двор Аменхотепа III был сказочно великолепен. Блестели золото, драгоценные камни, слоновая кость, лоснилось черное дерево, колебались страусовые перья, шуршало тонкое до прозрачности полотно (знать стала одеваться в просторные со складками одежды; мода на женские платья такого рода распространилась даже в народе)... На юго-западной окраине Фив откопаны остатки загородного дворца фараона, огромного сооружения из кирпича-сырца с превосходными росписями на потолках, стенах, полах. Местами стены были облицованы голубыми изразцами и поверх них покрыты узорами из листового золота. Постройку этого «дворца» не без основания связывают с празднеством «тридцатилетия» царствования. Действительно, он именовался «Домом ликования», как принято было называть здания, предназначенные для отправления обрядов таких празднеств. «Тридцатилетняя» годовщина правления Аменхотепа III вызвала к жизни целое праздничное «производство». В развалинах дворца обнаружили надписи и печати от множества сосудов с вином, мясом, маслом, заготовленными впрок для этого празднества. За первым празднеством «тридцатилетия» с промежутками в несколько лет последовали второе и третье. «Дом ликования» был поистине таковым для двора Аменхотепа III. Ко дню «тридцатилетия» царствования управляющий государственной казной Хаэмхет (Ха-ма-хи) приготовил владыке приятный подарок: представил отчет о богатом урожае, собранном по всей «мировой» державе — от Эфиопии до Месопотамии. Царь щедро наградил перевыполнивших задание сборщиков. А кто из придворных не был осыпан тогда золотыми знаками отличия в ознаменование «тридцатилетия»! Египетский двор роскошествовал и веселился, как только мог, за счет покоренных народов и трудового населения собственной страны.

Время Аменхотепа III было временем противоречивым. С одной стороны, египетский двор надменно притязал на мировое владычество, причисляя к воображаемым подданным даже жителей Вавилона, Ашшура и материковой Греции. С другой стороны, ослепленный своим могуществом, он с небрежным спокойствием терпел в сиро-палестинских владениях козни царства Хатти, бродячих хапиру и лицемерно покорных властителей против действительно преданных городов и правителей.

Если в самообожествлении Аменхотеп III доходил до служения соб-

149

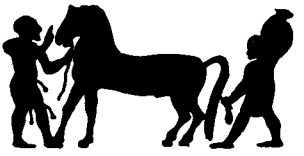

ственным идолам, то он по самовластной прихоти оказал своему подданИл. 149 ному честь невиданную и неслыханную. Сановному строителю Аменхотепу, сыну Хапи, фараон воздвиг на западе Фив поминальный храм, словно царю. На своих изваяниях, поставленных в государственном храме в Карнаке, этот государственный деятель призывал сограждан прибегать к его представительству перед богами. Века спустя он был причислен к пантеону египетских богов, и греки ввели его, «Аменофиса, сына Паапия», в сонм своих мудрецов.

В искусстве времени Аменхотепа III сочеталось стремление к громадному (исполинские колонны и изваяния) со строгой стройностью, а изображениям на плоскости сообщались очертания невиданной мягкости и плавности. Такое искусство было под стать тогдашнему двору — величавому и вместе с тем изнеженно утонченному. Да и само лицо царствующего фараона, черты которого художники охотно придавали изваяниям богов и подданных (это было особенно отмечено советской исследовательницей М. Э. Матье), мало походило на волевые, часто горбоносые лица его предков. Полное, с мягко очерченным носом, пухлыми губами и большими раскосыми глазами, оно легко опознается на изображениях — как объемных, так и плоскостных.

Аменхотеп III правил не менее 37 лет (последний известный год его царствования — 38-й). Под конец жизни он сильно потолстел и страдал каким-то тяжелым недугом. Для исцеления от него митаннийский царь Тушратта послал своему египетскому «брату» идол Иштар ниневийской с вежливой просьбой вернуть его потом обратно.

Царица Тэйе сохраняла свое необычное положение рядом с фараоном вплоть до его кончины, несмотря на то что Аменхотеп III был женат не только на иноземных царевнах, но и на нескольких собственных дочерях. Бывает, что на одной и той же надписи стоят рядом имена Аменхотепа III, «жены царя» Тэйе и их дочери, «жены царя» Ситамон (Си-аманы). Царский любимец Аменхотеп, сын Хапи, не пережил своего покровителя: он скончался вскоре после 30-го года его царствования.

ЕГИПЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО ВО ВРЕМЕНА НОВОГО ЦАРСТВА (XVI—XII вв. до н. э.)

В итоге завоевательных войн египетское государство вышло далеко за старые пределы. Создалась «мировая» держава, простиравшаяся от севера Сирии до четвертых порогов Нила и распространявшая свое влияние от средиземноморских островов до Южного Красноморья. Трудно, конечно, допустить, чтобы общество, утвердившее свое господство над окружающим миром, оставалось таким же, как и прежде, когда Египет не был «мировой» державой. Действительно, общество Нового царства выглядело настолько новым, что казалось прямой противоположностью староегипетскому. Та перестройка общества, что происходила в Среднем царстве, пришла теперь к своему завершению.

В чем же состояла новизна?

Начнем с новоегипетского хозяйства. Первой его особенностью было широкое применение сплава меди с оловом, в частности при изготовлении орудий труда. Со времени XVIII династии Египет вступил в так называемый бронзовый век. Да и как могло быть иначе? Можно ли было овладеть Сирией-Палестиной, которая давным-давно знала бронзу, продолжая жить в медном веке?

По сравнению с природной медью сплав ее с оловом обладал важными преимуществами: он был тверже, точка его плавления значительно ниже, а текучесть больше. Последнее свойство имело существенное значение для развития литейного дела. Хотя сплав тоже ковали, обрабатывали при помощи ковки, он был удобнее меди для литья (особенно в закрытых формах, дававших более чистые отливки). От середины XVIII династии до нас дошли изображения литья таких больших предметов, как храмовые двери (на сплав указывают закрытые формы).

Но при всех своих преимуществах бронза не могла совсем вытеснить медь. Вряд ли сравнительно недавно открытые в Египте скудные месторождения олова были известны в древности. Следовательно, олово и сплав меди с оловом были скорее всего привозными (от времени XVIII династии до нас дошли уже и просто оловянные предметы). Природная медь продолжала широко употребляться.

Хотя сохранилось некоторое количество железных предметов и источники упоминают железо, в конце XVIII династии оно еще считалось

150. Колесница из гробницы Аменхотепа III, XVIII династия
151. Деревянный расписной ларец из гробницы родителей царицы Тэйе, XVIII династия
152. Кресло, черное дерево, инкрустация, XVIII династия
153. Кинжал с золотой рукоятью и железным клинком из гробницы Тутанхамона

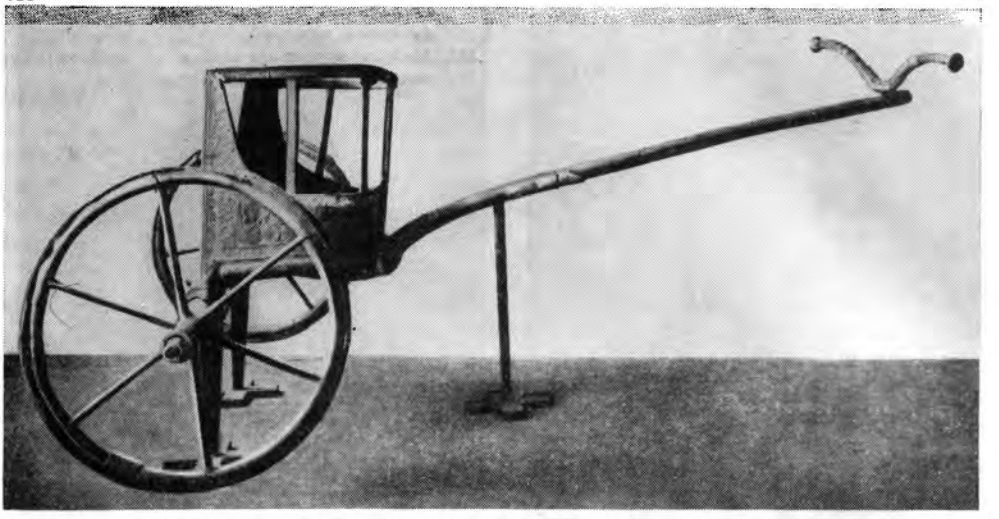
чуть ли не драгоценностью и изделия из него вставляли в золотую оправу. Митаннийский царь Тушратта прислал в подарок Аменхотепу III три кинжала с железными лезвиями, два перстня и еще какую-то вещь из железа и золота, а его сыну Аменхотепу IV — три кольца. На мумии Ту-
Ил. 153 танхамона были найдены кинжал с золотой рукояткой и железным лезвием в золотых ножнах, крошечная модель подголовника из железа и железное волшебное око, вставленное в золотое запястье. В той же гробнице было найдено 16 «орудий» с деревянными рукоятками обычного размера, но с лезвиями из железа настолько тонкими и мелкими, что работать ими было бы невозможно.

Медь была дорога, железо не употреблялось, и население, естественно, продолжало пользоваться каменными орудиями. Кремневые заготовки для них были обнаружены даже в самой столице царя-солнцепоклонника Аменхотепа IV. Мало того, возле самого дворца его была, по-видимому, расположена мастерская, изготовлявшая кремневые вкладыши для деревянных серпов. Следы особого состава из песка, глины и воска на этих вкладышах доказывают, что они действительно были вставлены в серпы и укреплены в них. Правда, по выделке большинство вкладышей значительно уступает дошедшим до нас от более ранних времен. В том же Ахетатоне нашли небольшое количество кремневых орудий вроде скребков. Разнообразнее находки, сделанные в верхнеегипетском городе Гермуполе в слоях, относящихся к Новому царству. И здесь больше всего найдено вкладышей для серпов. Но в кварталах, где жила, по всей видимости, беднота, обнаружили также кремневые ножи. Наряду с более крупными и прочными, тщательно отделанными ножами в ходу были также маленькие ножички, изготовленные небрежно. На лезвиях этих ножичков остались следы от их употребления. На изображениях в гробнице верховного
Ил. 161 сановника Тутмоса III Рехмира (Рих-ма-Рии) в Фивах работники по-прежнему не только лощат камень и дерево каменными желваками, но и обивают камень, как молотами, булыжниками.

И все-таки, несмотря на сохранение пережитков прошлого, Египет жил уже в новом веке. И новизна его состояла не только в том, что он был бронзовым. Во времена Нового царства впервые были применены или получили широкое распространение многие важные изобретения и производственные усовершенствования.

Появилось существенное новшество в медном деле — ножные меха, засвидетельствованные уже для времени Тутмоса III (изображены в гробнице Рехмира). В Старом и Среднем царствах плавильный горн разду-

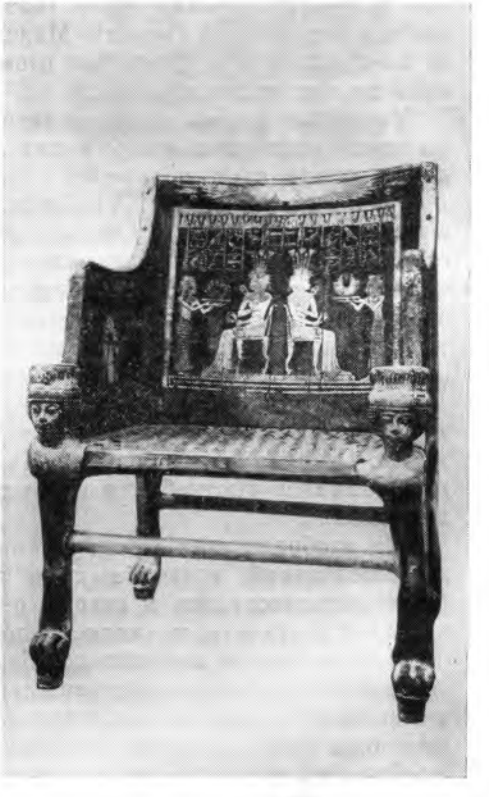
150

151

152

153

154. Мелкая пластинка, XVIII династия:
а) пленный нубиец, бронза;
б) писец, камень
155. Модель парусного судна из гробницы Тутанхамона, XVIII династия

вали ртом через длинные трубки. Не говоря уже о мучительности такого труда, он требовал, судя по изображениям, нескольких работников, тогда как для обслуживания горна теперь было достаточно двух работников с мехами под каждой ступней. Маленькие («ручные») горны, раздувавшиеся по-прежнему через трубки ртом, помещались тем не менее не на земле, а на высоких подставках.

Закрытые формы медники-литейщики употребляли и прежде, но вряд ли такой величины, чтобы в них можно было отлить большие храмовые двери, как те, что изображены в гробнице Рехмира.

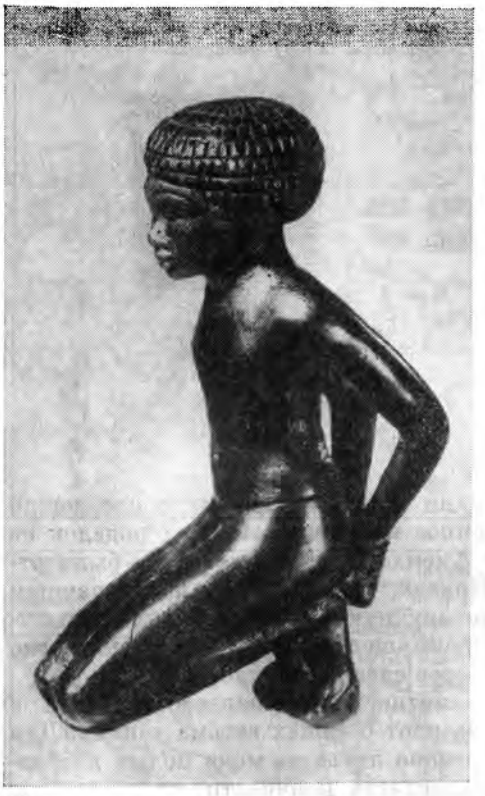
Не позже середины XVIII династии появилось и важное нововведение в ткацком деле. Еще в Среднем царстве ткацкий станок был неизменно горизонтальным и обслуживался двумя или тремя работниками. Теперь появился вертикальный ткацкий станок, требовавший только одного работника, а при значительной ширине — двух. Усовершенствовано было также приготовление нитей для основы. Вместо прежней ручной прялки прядильщик мог теперь пользоваться одновременно двумя подвесными.

Один мастер мог теперь при работе использовать несколько орудий труда, что было характерно не только для медного или прядильного ремесла. Сверлильщики бус при XVIII династии в отличие от своих предшественников употребляли при работе не одно, а два или три сверла одновременно.

На изображениях того времени видно немало ремесленных орудий и приспособлений, незаметных на изображениях более раннего времени. Усовершенствовались и старые орудия. Так, наряду с топорами, привязанными к рукояти, появились топоры, надетые на нее.

Существенные новшества наблюдались при XVIII династии и при изготовлении сельскохозяйственных орудий. Плуги с отвесными прямыми рукоятками и перемычками поперек них, еще редкие в Среднем царстве, получили теперь широкое распространение, в верхней части рукоятей они снабжались отверстиями для рук. Земляные комья размельчали при пахоте уже не одними мотыгами, но и молотами на длинных палках, хотя молотов в нашем смысле слова Египет до этого времени, по-видимому, вообще не знал (обходились желваками и колотушками). Появились даже какие-то усложненные мотыги. Льноводы пользовались наклонной гребнеобразной доской для отделения семян. В садоводстве поливка вручную из сосудов стала заменяться поливкой из колодцев при помощи «журавлей», которым суждено было в отдаленном будущем занять столь видное место в египетском полеводстве.

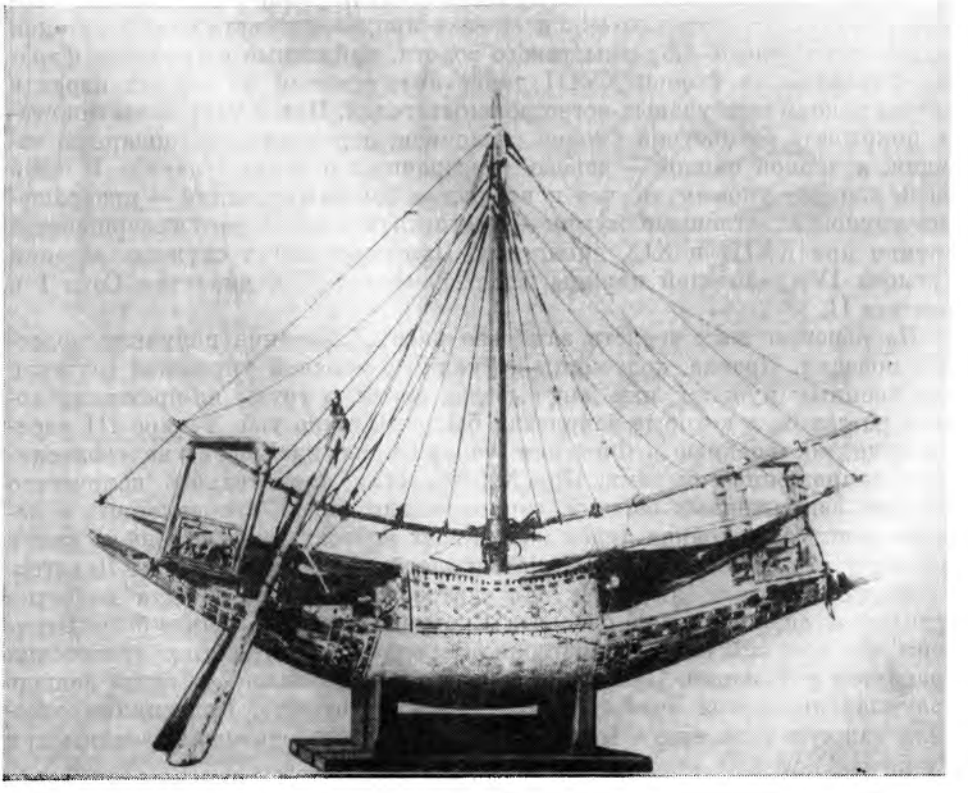
154а

154б

155

156. Правитель города Анхаба Пахери наблюдает за пахотой, уборкой урожая, обмолотом и погрузкой его на суда, роспись гробницы, XVIII династия

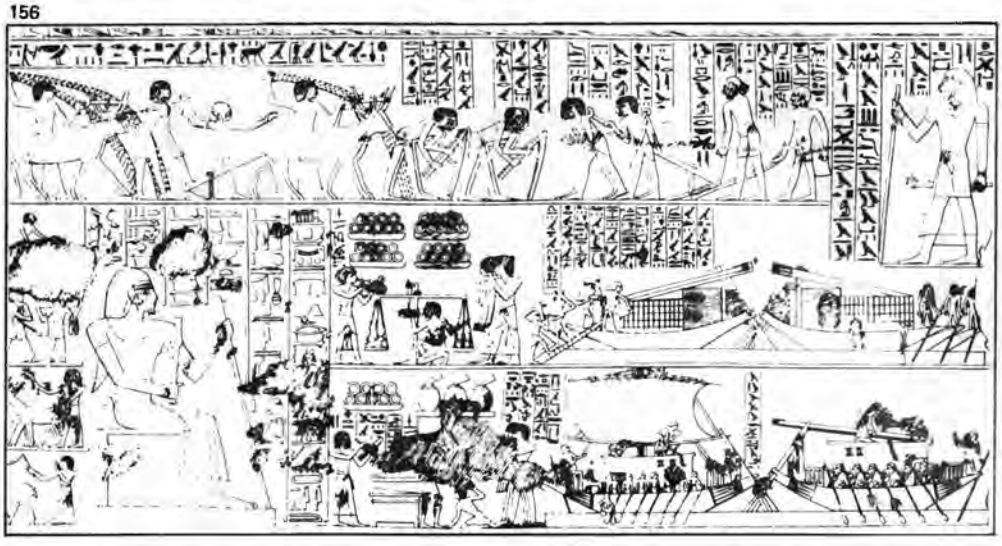
Развилось и стеклоделие. От времени XVIII династии до нас дошло много стеклянных сосудов и бесчисленное количество мелких поделок из стекла. В столице солнцепоклонника Аменхотепа IV Ахетатоне были откопаны стеклодельные мастерские. Правда, стекло было непрозрачным или малопрозрачным, изготовляли его вручную, а не литьем и не выдуванием. Но это, впрочем, имело то преимущество, что позволяло легко изготовлять чрезвычайно нарядное пестрое слоеное стекло.

Всюду в хозяйстве Египта было заметно новое, неизвестное нам в прежние времена, причем нередко речь идет о вещах весьма тонких. Для времени XIX династии засвидетельствовано литье из меди полых изображений. Глазурь при XVIII династии достигла прочности, не свойственной легко трескавшейся прежней. Применялись разные средства для окраски стекла. С помощью окиси железа придавали светло-алый оттенок поверхности золота. Образцы такого золота, найденные в гробнице фараона Тутанхамона (конец XVIII династии), привели на первых порах в полное недоумение ученых-естествоиспытателей. При XVIII династии стали покрывать бесцветной смолой стенописи, деревянные и гончарные изделия, а черной смолой — дерево (прозрачный и черный лаки). В этой связи следует упомянуть, что и искусство бальзамирования — превращение трупов в нетленные мумии — достигло изумительного совершенства именно при XVIII и XIX династиях. Примером могут служить останки Тутмоса IV, родителей царицы Тэйе, фараонов XIX династии Сети I и Рамсеса II.

Из перевозочных средств заметное распространение получили колесные повозки. Правда, колесницы-двуколки с конской упряжкой служили или военным нуждам, или для выездов знати, а грузы по-прежнему возили на санях, в которые запрягали быков. Однако уже Тутмос III перевез суда, построенные в Финикии, через Сирию на Евфрат на «колесницах», запряженных быками. При XX династии значительное количество повозок, запряженных быками, сопровождало людей, отправленных в каменоломни. Игрушечная ладья на четырех колесах была помещена еще в гробницу матери основателя XVIII династии Яхмоса I, царицы Яххотеп.

Много нового наблюдалось и в скотоводстве. Лошадь была известна египтянам еще в период расцвета Среднего царства. Выше было отмечено, что конский костяк обнаружили в одной из тогдашних египетских крепостей в Эфиопии. Однако широкое распространение в Египте лошадь получила лишь при «властителях стран» (гиксосах). Колесницам отводили важную роль еще в военных действиях освободительной войны при

156

157. Нубийские данники, роспись гробницы родителей царицы Тэйе, XVIII династия
158. Поливка храмового сада с помощью колодцев-«журавлей» (шадуфов), роспись гробницы Инуи в Фивах, XIX династия
159. Земледельческие работы в Новом царстве, роспись гробницы Нахта в Фивах, XVIII династия

фараоне Камосе. Небольшая и очень стройная лошадь не нашла себе применения в египетском хозяйстве. Тем не менее коневодство в Новом царстве получило широкое развитие; хотя лошадь ходила лишь в боевых и выездных колесницах, их было много и пользовались ими постоянно. Количество коней в стране неизменно пополнялось из добычи, взятой в победоносных войнах в Сирии-Палестине и на Евфрате, и из сиро-палестинской дани. Известно, что коневодству уделяли особое внимание Тутмос III и его сын Аменхотеп II.

Много крупного рогатого скота и еще больше мелкого — овец и коз, а также немало ослов поступало в виде добычи или дани из той же Сирии-Палестины. Из Эфиопии шла дань быками, а ослов захватывали там и во время войн. Постоянный грабеж должен был привести к скоплению в Египте большого количества скота, и прежнее увлечение приручением степных копытных теряло теперь всякое хозяйственное значение. Во всяком случае, эти копытные (антилопы, газели, козероги) исчезают из перечней стад и не встречаются больше на изображениях, хотя их продолжали приносить в жертву, газелей держали как «комнатных» животных наряду с собаками, кошками и обезьянками.

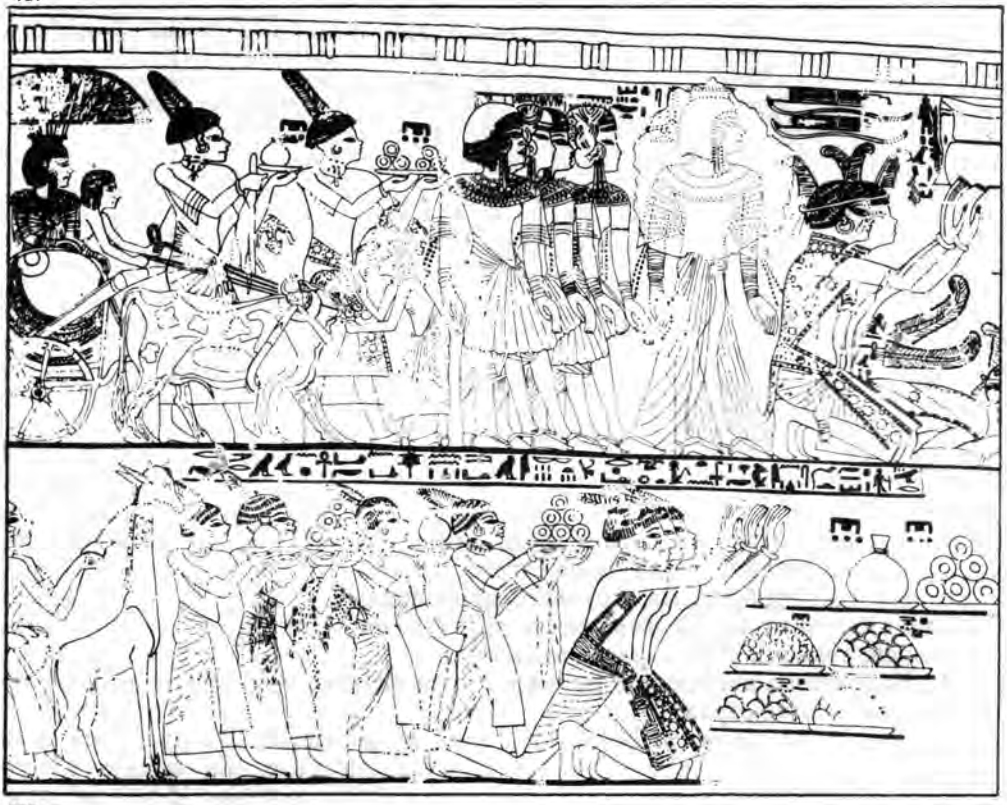
Древняя порода гривистых овец и баранов с развесистыми рогами, не дававшая шерсти, была окончательно вытеснена современной породой тонкорунных овец и баранов с подогнутыми рогами и богатой шерстью. Мотки какой-то шерсти дошли до нас от конца XVIII династии.

Свинья была известна давно, но только со времени XVII—XVIII династий упоминаются и изображаются значительные стада свиней.

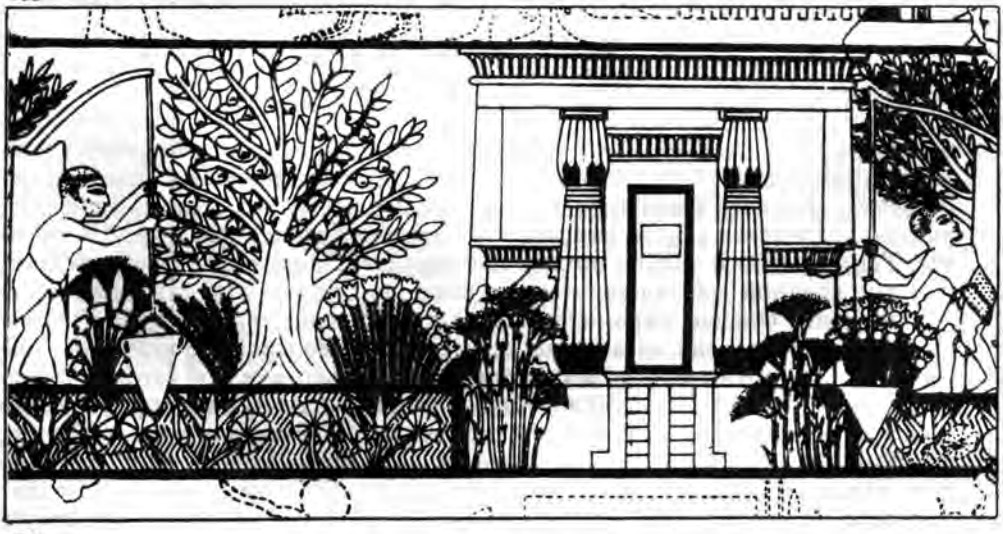
Мало нового наблюдается лишь в птицеводстве. По-прежнему водяные птицы составляли его основу. Петуха изображали, но очень редко. Зато в самих летописях Тутмоса III упоминается о четырех птицах, должно быть, курах, которых доставили в виде дани из какой-то страны и которые — о диво! — «неслись ежедневно».

Для количественного и качественного сравнения новоегипетского растениеводства с прежним имеющиеся данные недостаточны. Если бы мы лучше разбирались в египетских обозначениях растений и плодов, можно было бы, вероятно, найти множество новых видов растений в садах и огородах Нового царства. Источники второй его половины пестрят названиями полезных растений и плодов, до того неизвестными (в их числе такие, как чечевица, яблоки). С того времени, как корабли фараона-женщины Хатшепсут ходили в Южное Красноморье и привезли оттуда мировые деревья, дававшие благовонную смолу, начались попытки акклима-

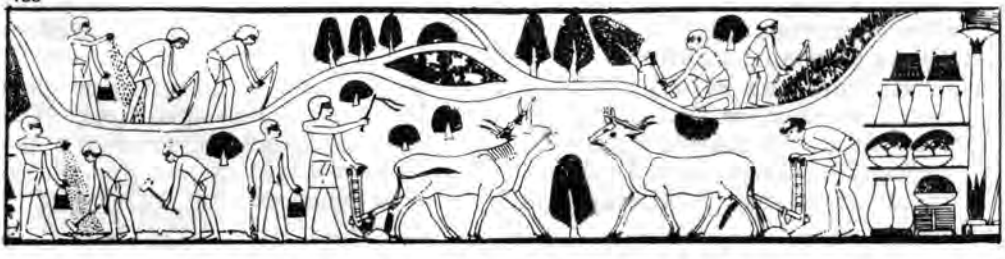
157

158

159

160. Дань из Восточного Средиземноморья:
а) доставка приношений египетскому сановнику жителями Ливана, роспись из гробницы, XVIII династия;
б) сиро-палестинские данники перед фараоном Тутанхамоном, роспись гробницы, XVIII династия

тизации их в Египте. В гробах фараона Тутанхамона были найдены васильки и другие цветы, цветущие в Египте весною (в марте — апреле), а также плоды, созревающие в то же время. Но там же оказался голубой лотос, цветущий в водах египетского Низовья во вторую половину года (с июля по ноябрь). На этом основании полагают, что садоводы Фив, где был похоронен юный фараон, умели выгонять цветы голубого лотоса раньше времени его обычного цветения.

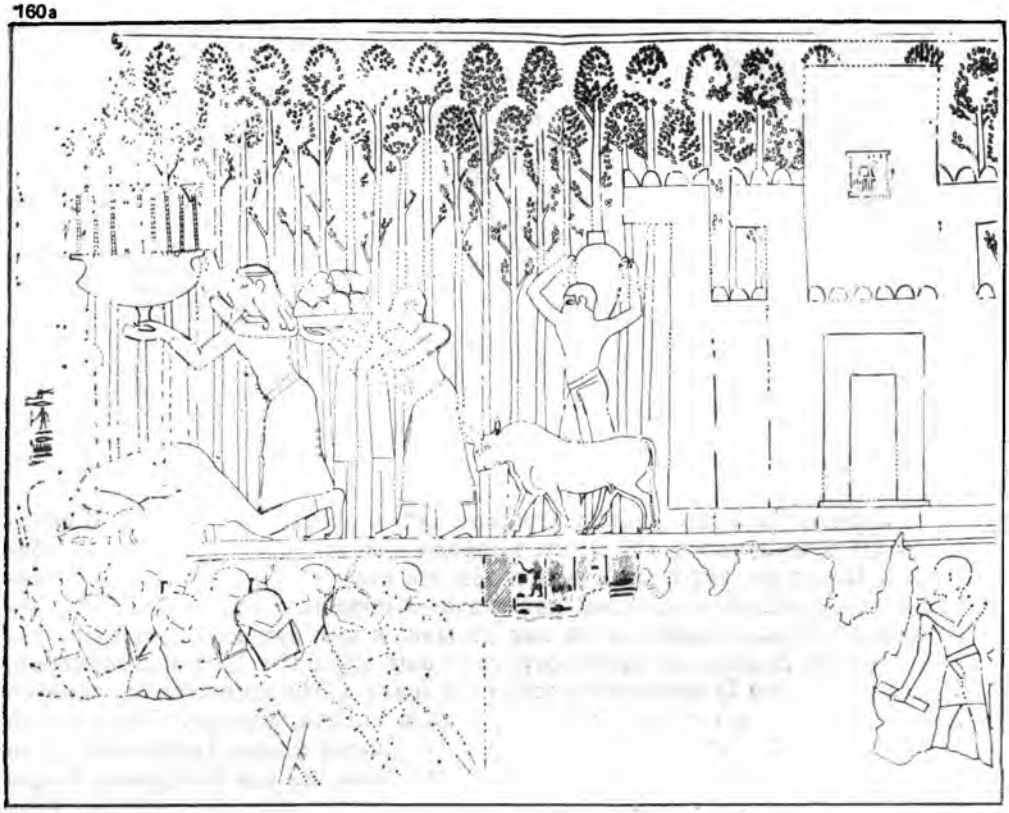
Количество источников сырья в Новом царстве возросло за счет ограбления соседних стран.

Значительная часть меди поступала не из синайских рудников, а в виде добычи, дани или иных чужеземных поставок. Из одного своего сиро-палестинского похода Аменхотеп II привез не менее 45 500 кг меди. В мирное время медь доставляли далеко не одни сиро-палестинские данники, но и в виде полуобязательных даров присылал остров Кипр. Различали разные виды меди — черную, северо-восточных стран (*счт* — «Азии») и т. д.

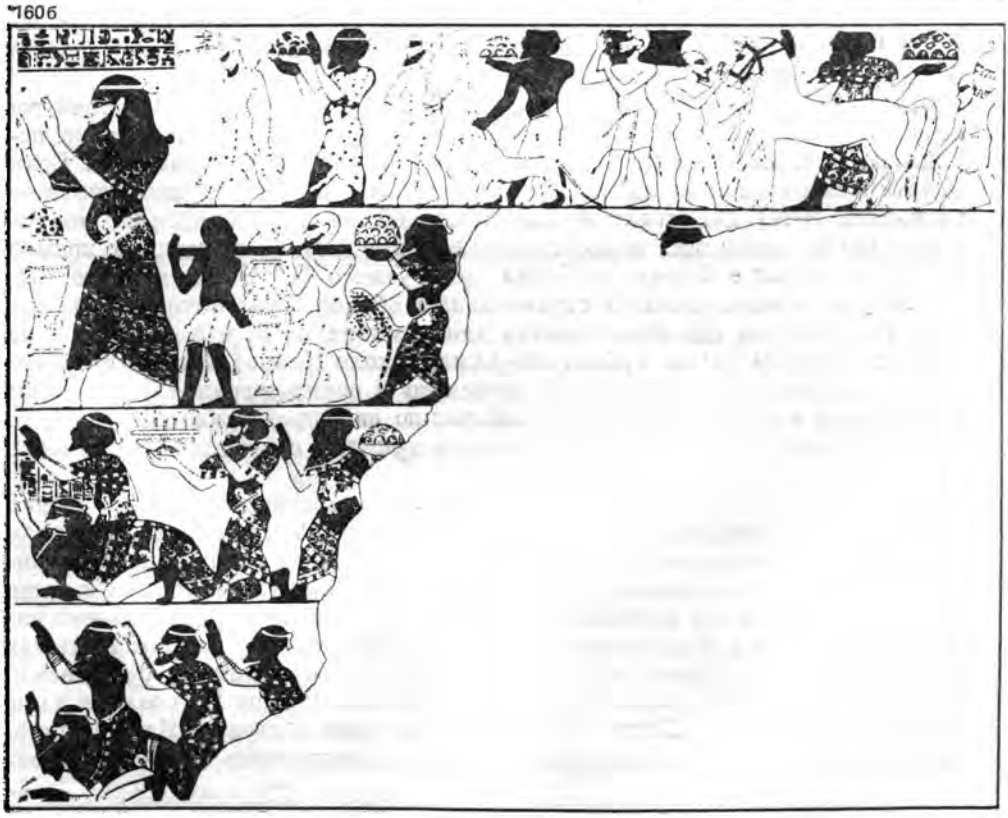
Золото расходовалось теперь с баснословной расточительностью. Основным источником были, конечно, не местные прииски в Восточной пустыне, а эфиопские. Существовало управление золотоносными «нагорьями» Эфиопии, и золото было едва ли не основной ее данью. Тем не менее огромное количество золота вывозилось во время походов из Сирии-Палестины. Так, из одного только похода Аменхотеп II привез его свыше 600 кг. Помимо военной добычи золото поступало из Сирии-Палестины еще в качестве дани. Однако сиро-палестинская дань золотом была при Тутмосе III в десятки, если не в сотни раз меньше эфиопской. Зато Эфиопия не платила дань ни серебром, ни свинцом, ни медью, как это делала Сирия-Палестина; эти металлы также вывозили оттуда сами египтяне во время походов. Когда египетские войска подступали к границам царства Хатти, его царь послал в дар фараону серебро, которым была так богата Анатолия. Один северный царь (страны Иси) посылал в те времена в Египет вместе с медью также свинец. О редкости в тогдашнем Египте железа и своеобразном отношении к нему было сказано выше. Ниже, когда пойдет речь о меновых отношениях в Египте, будет сказано о любопытном обращении египтян с золотом.

Несмотря на то что добыча бирюзы на Синайском полуострове шла своим чередом, ее захватывали и в Сирии-Палестине во время войн. Оттуда же в виде добычи и дани поступал лазоревый камень, который в дар фараону посылали также государства Двуречья и еще страна Иси. Полудрагоценные камни поставляла Египту также Эфиопия.

160а

160б

161. Ремесленные мастерские, храм Амона, роспись гробницы верховного сановника Рехмира, XVIII династия

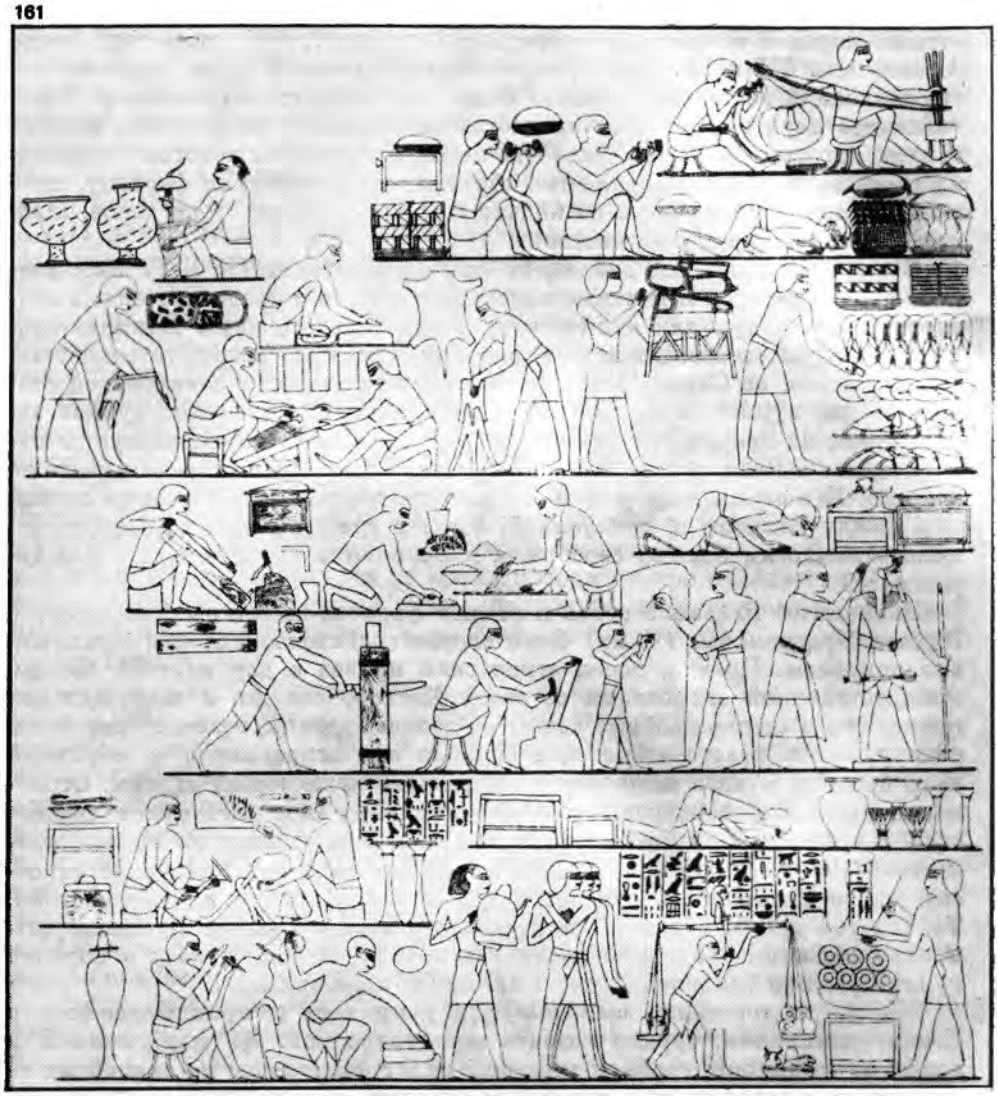
В Ливане фараоны рубили строевой лес. Финикия обязана была снабжать им при Тутмосе III места причала египетских судов на ее побережье. Известно, впрочем, что при том же царе использовали для строительства кораблей эфиопский лес. Разные породы ценного дерева вывозились из Сирии-Палестины и как добыча, и как дань. Эфиопия поставляла черное дерево, которое поступало еще и из Южного Красноморья. При Аменхотепе II египетское войско забрало в Эфиопии столько черного дерева, что для его доставки потребовалась тысяча человек. Сотни людей понадобились в тот раз и для доставки слоновой кости. Последняя была вообще одним из важных видов эфиопской дани, но она поступала также с севера (из страны Иси).

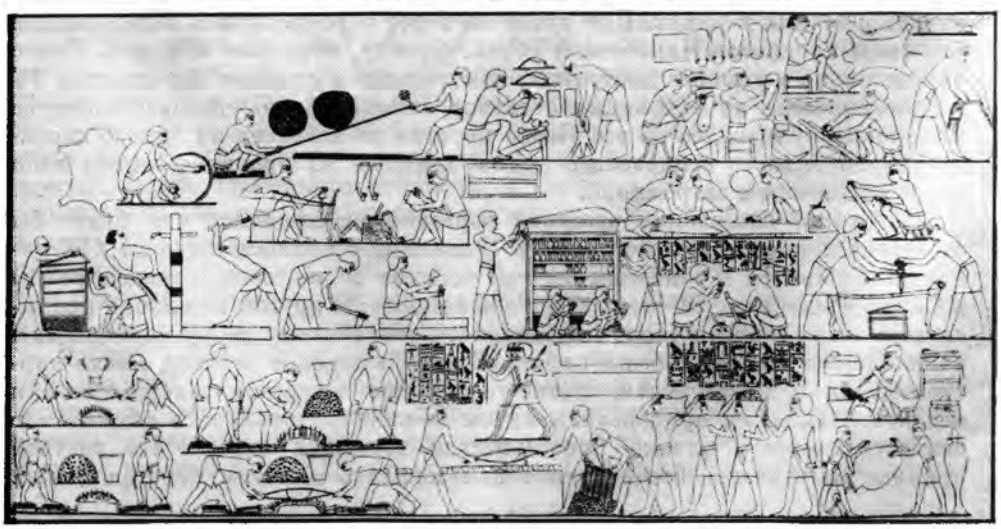
Не приходится и говорить о том, сколько зерна и иных припасов забирали на месте или получали в виде дани, особенно из Сирии-Палестины, но также из Эфиопии.

Было бы, однако, несправедливо рассматривать все новые источники сырья лишь как результат грабежа соседних стран — стали широко использовать и местные источники, до того слабо разрабатываемые. Если начатки строительства из песчаника — вместо исконного известняка — восходили к XI династии, верхнеегипетской по происхождению, то сооружение из песчаника южноегипетских каменоломен громадных храмов XVIII династии в Фивах, особенно при Тутмосе III и Аменхотепе III, вошло уже в повседневный строительный обиход. Этот почин нашел отклики в Низовье, где стали ломать для памятников бурый песчаник из «Красной Горы» (ныне Гебель эль-Ахмар, около Каира). Если в прежние времена добыча твердого камня (красного и черного гранита) на самом юге страны сводилась больше к собиранию свободно лежавших глыб, то более совершенные орудия труда нового времени позволили выламывать этот камень в большем объеме.

Природные богатства самого Египта и беззастенчивый захват сырья у соседей ограничивали потребность во внешней торговле. Клинописная переписка фараонов Аменхотепов III и IV, частично откопанная в столице последнего Эль-Амарне, почти не касается торговли в точном смысле этого слова, хотя оба царя переписывались не только с подвластными сиро-палестинскими властителями, но и с правителями самостоятельных крупных держав. Обмен подарками между этими царями и фараонами, хотя и напоминал торговлю, все-таки ею не был. Тутмос III получал дары от царей Вавилонии, Хатти, Митанни и Ассирии и страны Иси, Аменхотеп II — от царей трех первых царств, когда египетские войска оказыва-

161

лись поблизости от их границ, и нет никаких известий о возможных ответных дарах с египетской стороны. В конце XVIII династии, когда Аменхотепы III и IV, бесспорно, посылали ответные дары, египтяне часто извлекали из такого «обмена» более чем сомнительную выгоду. Иные «великие» цари под любыми предлогами клянчили у египетского «брата» золото, которого-де у того было что пыли, а тот своим золотом подчинял их своей воле. То, что державные «братья» сами посылали фараону, явно не окупало его расходов, и он подчас сдерживал поток своих даров, к великому раздражению получателей.

В сиро-палестинских владениях при Аменхотепах III и IV был полнейший беспорядок, и местные властители вместе с представителями египетской власти грабили купцов самого вавилонского царя. Примечательно, что этот последний, жалуясь фараону, пугал его затруднительностью передвижения по Сирии-Палестине в таких условиях; с вавилонской стороны — для купцов, с египетской — для послов. О египетских купцах вавилонянин не проронил ни слова, да и о том, что вавилонские купцы направлялись в Египет, а не только в Сирию-Палестину, в письме ничего не сказано. И в самом деле, какие могли быть оживленные торговые сношения между Египтом и Вавилонией, когда в Египте в ту пору золото ценилось немногим больше серебра, а в Вавилонии было во много раз дороже его?

Знаменитое плавание судов и воинов фараона-женщины Хатшепсут в Южное Красноморье (Пунт) было скорее грабительским, чем торговым, предприятием. Правда, посол египетский привез в дар местной богине, отождествленной египтянами со своей Хатхор, сосуды с жертвенными припасами и «всякие добрые вещи» из дворца: кольца, оплечья, ожерелья, секиру, кинжал, зато египетские корабли при отправлении в обратный путь были до отказа нагружены «чудесами» чужеземной страны. Ограбление края сопровождалось установлением над ним египетского главенства, и местные вожди отбыли с египтянами в их столицу на поклон женщине-фараону. Впрочем, и сами египтяне считали красноморские «чудеса» данью и именовали так поставки, шедшие оттуда и впоследствии. Только раз при Тутмосе III говорится в связи с Южным Красноморьем и крайним югом «земли» о поступлении к царю всяких благ в порядке купли-продажи (надпись Тутмоса III из Гебель-Баркала).

Мелочную торговлю, завязавшуюся у причала с приплывавшими в Египет данниками, трудно назвать международной. На изображении в одной из тогдашних гробниц торговцы сидят поодиночке на скамейках за столиками с товаром, под скромным навесом, с подвешенными вещами, иногда с весами в руках. При сходе на берег сиро-палестинских данников торговцы предлагают приезжим обувь, одежду, съестные припасы. Более внушительно выглядят постройки, откопанные в столице Аменхотепа IV и принимаемые на основании остатков заморской посуды за подворье микенских купцов. Но за все Новое царство не известно ни одного сколько-нибудь видного египетского купца, который на правах частного лица вел бы торговлю с заграницей.

Некоторое оживление внешней торговли наблюдалось как будто бы во второй половине Нового царства. В школьной прописи времени XIX династии говорится о сановном богаче, хозяине судна, совершающем рейсы в Сирию-Палестину за «всякой доброй вещью». В другой школьной прописи того же времени в числе необходимого египетскому двору перечислены вавилонские жеребцы, быки царства Хатти, кипрские коровы, масло царства Хатти и Междуречья, какие-то жидкие вещества, вавилонское и кипрские. Если их приобретали путем неопосредствованного обмена, это свидетельствует о далеко простершихся торговых связях. Из третьей прописи мы узнаем, что египтяне пользовались копьями царства Хатти.

Высокому по тому времени уровню производственного развития Египта не мог не соответствовать относительно высокий уровень развития точных и естественнонаучных знаний. О достижениях египетских точных наук к началу Нового царства нам довелось говорить в главе о Среднем царстве. Новому царству принадлежит изложение, полунаучное-полубаснословное, того положения, что созвездия находятся на небе и днем, но они остаются невидимыми при свете солнца. В отношении измерения времени новоегипетская наука достигла значительных успехов. Только с XVIII династии в Египте засвидетельствованы водяные часы (приборы для определения времени по звездам были известны и раньше). Что касается солнечных часов, то в Палестине были найдены нашейные солнечные часы, датируемые концом XIX династии, оброненные, возможно, египетским воином или посланцем. От начала правления той же династии сохранилось известие об особых теневых часах.

Примечательна любознательность тогдашних египтян по отношению к иноземной природе. В походы, видимо, брали художников. Изображая плавание судов Хатшепсут в Южное Красноморье, воспроизвели и разные виды красноморских рыб, морскую черепаху, морского рака, каракатицу. Тутмос III велел изобразить в одном из помещений государственного храма в Фивах множество растений (целый ботанический атлас!) и ряд зверей и птиц, встреченных им во время похода в Сирию-Палестину. К царствованию того же фараона надо приурочить любопытное изображение диковинного зверя-носорога с подробным указанием его обмеров (в храме города Гермонтиса).

Особенно хорошо осведомлены мы о врачебной науке, так как от времени XVIII династии до нас дошло полностью или частично несколько подробных лечебников. Самый обстоятельный из них (папирус Эберс), представляющий собой смесь вздорных и колдовских советов с вполне толковыми, написан на свитке длиной 20 м. От начала правления XVIII династии до нас дошла — к несчастью, не полностью — замечательная рукопись (папирус Э. Смит), посвященная лечению ран, травматических повреждений, в частности черепа, и заболеваний внутренних полостей носа. Общий строй изложения поразительно научен и последователен, некоторые описания повреждений необыкновенно точны. Правда, сами лечебники были, наверное, много старше дошедших до нас списков.

Стоит, пожалуй, отметить разнообразие музыкальных инструментов, характерное уже для времени XVIII династии. К давним арфе, длинной и короткой дудке, трещоткам и погремушкам прибавились гусли, заимствованные у ханаанеян, лютня, двойная дудка, воинская труба, барабан, бубны. Арфы и гусли делались иногда огромных размеров.

Рабовладение достигло в Новом царстве распространения дотоле невиданного. Рабовладельческие отношения проникли едва ли не во все слои египетского общества. Слова «бак» или «бака» сохранили свое значение и по-прежнему употреблялись для обозначения раба и рабыни. Но со времени XVIII династии его стало вытеснять слово «хам», обозначавшее прежде слугу, зависимого человека, а теперь ставшее наиболее распространенным обозначением раба. То же произошло и со словами «бака» и «хама», обозначавшими раньше служанку, зависимую египтянку, а теперь получившими значение «рабыня». Наплыв пленных в хозяйство страны был, видимо, настолько велик, что прежние названия зависимых работников наполнились новым содержанием, они стали обозначать рабов.

Рабами сплошь и рядом владели люди со скромным общественным положением: пастух и ремесленник, садовник и привратник, корабельщик и торговец, возница и воин, сын воина, слуга, певец, рядовые жрецы, мелкие должностные лица, простые горожане, безвестный иноземец. В указе второго царя XIX династии Сети I (надпись в Наури) об ограж-

дении эфиопских владений храма Осириса в городе Абидосе от разного рода государственных повинностей и от посягательств со стороны должностных лиц возбранялось, между прочим, претендовать на храмовую рабочую силу, забирать работников в другой округ для отбывания там пахотной, жатвенной или иной повинности. Ослушнику грозило жестокое избиение, и он должен был отработать храму каждый день, проведенный у него храмовым человеком. Запрет распространялся на жен и рабов работников храма. Кто же из храмовых работников мог иметь рабов? «Блюстители пашен, доверенные, пчеловоды, землепашцы, садовники, виноградари, [команды (?)] грузовых судов, [доставщики (?)] грузов, торговцы с чужеземными странами, золотоискатели, промыватели золота, судостроители, всякий, кто выполняет свое дело» для храма. Вслед за тем запрещение распространялось на храмовых пастухов, их жен и рабов. Не правда ли, представительный перечень возможных рабовладельцев? В него попали едва ли не все работники храмового хозяйства! Запрет посягать на жрецов и храмовых служащих, их жен и рабов изложен особо.

Но рабовладельцами были сплошь и рядом простые смертные. Они часто владели несколькими и даже многими рабами. В конце XVIII династии один пастух имел по меньшей мере раба и двух рабынь, привратник — не менее трех невольниц. В гробнице второстепенного жреца второй половины Нового царства было изображено семь рабынь с детьми, а у другого, тоже не высокопоставленного,— девять рабов, мужчин и женщин. В начале XVIII династии Яхмос, сын корабельного воина, сам долгие годы служивший воином на кораблях и лишь впоследствии ставший начальником команды гребцов, владел девятью рабами и десятью рабынями, из которых все или почти все были получены им до того, как он стал начальником. При XIX династии, согласно школьному поучению (папирус Анастаси III), мальчишку, принятого лишь ради деда с материнской стороны в обучение на колесничного бойца, сопровождало пять рабов, из которых, правда, ему оставили там только двух.

А как рьяно и упорно такие люди, стоящие на низших ступенях общественной лестницы, добивались рабов! Еще на заре Нового царства войско царя Камоса вело себя «подобно львам», захватывая добычу, в первую очередь рабов, и делило ее «с радостным сердцем». В начале XVIII династии раздача пленных была главным средством поощрения воинов. Не только упомянутый корабельный воин Яхмос получил так своих рабов, некоторых из них взяв в плен собственноручно, и пахотную землю, таким же образом была награждена вся команда гребцов. С упрочением своей власти фараоны XVIII династии стали, видимо, скупее на раздачу пленников. Такой заслуженный воин Тутмоса III, как Аменемхеб, получил за все время своей походной жизни только раба и рабыню. В гражданскую войну в самом Египте при XX династии, когда разоряли один из среднеегипетских городов, воин-эфиоп поторопился захватить себе раба, которого, впрочем, потом продал.

Страсть к добыванию рабов охватывала не только воинов. При XIX династии одной горожанке, по имени Иритнеферт (Эра-нафра), жене должностного лица, так приглянулась девочка-ханаанеянка у торговца, что, не имея нужных средств дома, она обежала полдюжины знакомых и заняла у них всякой всячины для обмена на рабыню (Каирский папирус 65739). Стоило в конце XX династии жене сановника разжиться краденным на кладбище имуществом, как она уже обменяла его на рабов. При XVIII династии покупали даже «дни» чужих невольниц. Какой-нибудь пастух или сын воина сам приходил и предлагал нанять у них рабынь. Спрос же на рабские «дни» был, по-видимому, немалый. Пастух Небмехит (Ниб-махэ) нанимал рабынь в течение ряда лет; сохранилось пять записей сделок, в которых он выступает нанимателем. Неудивительно поэтому, что другой

пастух, сдававший внаем своих невольниц, держал раба и двух рабынь, хотя, по собственным словам, нуждался даже в одежде.

Рабы мелких рабовладельцев часто переходили из рук в руки — возможно, из-за недостатка средств. В 27-м году царствования Аменхотепа III две рабыни принадлежали упомянутому выше пастуху Небмехиту, в 33-м году ими владели уже горожанка и ее брат, мелкий жрец, а лет через восемь рабыню, одноименную с одной из них, отдал внаем, притом тому же лицу, что и прежние владельцы, сын воина. В те же годы за рабыню дали однажды двух коров, оцененных вместе в 16 «денег», и двух телят, оцененных вместе в 12 «денег» — итого четыре головы скота стоимостью 28 «денег», или 210 г серебра [«деньга» (*шнᶜтй*) равнялась примерно 7,5 г] *. Определяя стоимость рабыни, следует учесть, что тогда же и там же корову можно было купить и за 6 «денег», 1 сату пахотной земли («сата» — свыше 2700 кв. м) — за 2 «деньги», козу — за 0,5 «деньги». Цена «дня» рабыни была поразительно высока — 1 или 2 «деньги». Поэтому, вполне естественно, что сроки найма в уцелевших записях о сделках обычно коротки: от двух до шести «дней», однажды десять, другой раз, возможно, семнадцать. Покупка рабыни, упомянутая выше, происходила в несколько необычных условиях. Продавец, пастух, предстал перед покупателем, сотоварищем по ремеслу, связанный, в сопровождении каких-то лиц, которые, вероятно, требовали от него скот, и поэтому ему надо было спешно во что бы то ни стало его приобрести. Во всяком случае, цены на рабов во второй половине Нового царства бывали значительно выше. При XIX династии за девочку-ханаанеянку торговцу дали вещей на 373 г серебра, в конце XX династии за одного раба было заплачено серебром, медью, зерном и одеждой общей стоимостью более чем на 360 г серебра. Впрочем, в конце той же, XX династии раба купили однажды всего за 182 г серебра. Надо, однако, иметь в виду, что отношение по стоимости между серебром, медью и зерном сильно менялось в течение второй половины Нового царства.

Несомненно, мелкие рабовладельцы использовали своих невольников и невольниц не только для личных услуг, но и как непосредственных производителей. Погоню за рабами, покупку рабов, несмотря на их дороговизну, приобретение дорогостоящих «дней» рабынь трудно объяснить иначе как настоятельной потребностью в рабском труде в небольших хозяйствах. Когда основатель Нового царства фараон Яхмос I награждал своего тезку, корабельного воина Яхмоса, за участие в гражданской войне, он каждый раз добавлял к рабам наделы пахотной земли. В первый раз он дал пять «голов» и — по числу их? — 5 сат, во второй раз — три «головы» и те же 5 сат. В первом случае такую награду получила и вся команда гребцов.

В богатых и просто состоятельных домах рабов использовали, конечно, и для удовлетворения всякого рода прихотей. Пятеро рабов, отправленных с будущим колесничным воином, внуком относительно влиятельного лица, к месту обучения, должны были ухаживать за подростком и, может быть, и его конями. Во всяком случае, трех рабов отослали обратно за полной ненадобностью. Богач был окружен рабами и рабынями. Эфиопские скороходы бежали перед его колесницей.

Случалось, что в частных домах к рабам относились по-патриархальному, так что рабы как бы входили в состав домочадцев. На заупокойной плите привратника Тутмоса (конец XVIII династии) три рабыни изображены в таких же длинных платьях и с такими же пышными накладными волосами, что и сестры хозяйки. И точь-в-точь как те, одна из ра-

* Примерно такова же была цена на рабынь и в Передней Азии во II тысячелетии до н. э.— *Ред.*

бынь держит у носа благоуханный цветок. В нарядных платьях были изображены рабыни и на стенах гробниц второй половины Нового царства в Фивах — у второстепенного жреца Аменемхеба, и у управляющего хозяйством небольшого поминального храма Ра, а в Мемфисе — у стража тамошнего казнохранилища Мрии. Во всех трех случаях рабыни исполняют обязанности плакальщиц по умершему хозяину, а одна (у жреца) исполняет похоронный обряд разбития горшка. На заупокойной плите придворного сановника XVIII династии Упуаутмеса (Уп-уау-маси) поминальную жертву покойному приносят вместо сына два раба. В гробнице упомянутого управляющего храма Ра заупокойную службу по нем правят, кадят и исполняют обряды его рабы — «(жрец-)заклинатель своего владыки (т. е. владельца)» и «носитель кадильницы (и) двух ларцов своего владыки» — оба, как заправские жрецы, в барсовых шкурах! А у стража казнохранилища два раба несут ларцы и барсовую шкуру и каждый назван «(жрецом-)заклинателем». При XVIII династии один раб даже соорудил своему хозяину Иуни (Анайе) представительную заупокойную плиту (Британский музей, № 308). От рабов дошли до нас так называемые «ответчики» — заупокойные статуэтки («куколки»), обязанные откликаться на том свете, когда призовут исполнять повинности, и работать за умершего. В надписи, нанесенной на фигурке такого «ответчика», раб отождествлялся с самим богом мертвых Осирисом как полноправный покойник. Царский брадобрей Сабастет (Си-Убисти) на 27-м году царствования Тутмоса III даже породнился со своим рабом, которого «добыл мышцею своею», сопровождая царя, видимо, в походе. Брадобрей отдал в жены рабу дочь своей сестры с обязательством отрабатывать повинности за эту последнюю. Он сделал это самым законным и торжественным образом, в присутствии придворных чиновников, мало того, увековечил событие на плите из черного камня со своим выпуклым изваянием (Луврский музей).

Мы видели, что такие рабы разделяли верования своих господ. В большинстве случаев известные нам рабы носили египетские имена. Хозяева охотно давали иноземным рабам египетские имена, нередко в честь египетских богов.

Конечно, наряду с патриархальными наблюдались и иные отношения между хозяевами и рабами. Сановник середины XVIII династии по имени Аменемхет хвалился, что тайком от отца не познал рабыни его дома. Такого рода вещи были, очевидно, обычным явлением. В сказке второй половины Нового царства Кривда, беззаконно овладев имуществом Правды, может спокойно положиться на двух ее рабов в том, что те не ослушаются и не бросят своего бывшего хозяина в пустыне на съедение львам.

Больших масштабов рабовладение достигло в государственном, царском и храмовом хозяйствах. Здесь основным источником рабской силы были победоносные войны и дань людьми с покоренных стран.

Какое огромное количество пленных угонялось в Египет, показывает надпись Аменхотепа II, найденная подле древнего Мемфиса. Из одного только похода в Сирию-Палестину царь привел свыше 100 тыс. пленных: 217 царьков, 179 братьев царьков, 3600 апиру (хапиру), 15 200 шас (палестинских кочевников), 36 300 хури (сирийцев), 15 070 нухашше (жителей Нухашше) и 30 652 члена их семей — всего 101 218 человек. Итог надо, видимо, несколько уменьшить, так как в самой надписи указано 89 600, а одно слагаемое, именно 30 652, написано очень странно, частично, к тому же цифры были повреждены впоследствии и в древности же восстановлены. Правда, прочие известные нам цифры количества пленных много меньше приведенных в надписи Аменхотепа II, они не превышают 3000, а то и 1000 и даже нескольких сотен человек. Аменхотеп II

из другого своего похода в Сирию-Палестину привел оттуда только 2015 пленных. Но походы завоевательные, оборонительные, карательные были постоянным явлением, и поэтому приток пленных не мог не быть значительным. Правда, часть их вливалась в состав трудового египетского населения.

Другим существенным источником рабской силы была дань с покоренных народов, которую как в первую, так и во вторую половину Нового царства платили людьми. Судя по тому, что осталось от списков дани, полученной Тутмосом III, мужчины и женщины были неотъемлемой частью сиро-палестинской и эфиопской дани. Количество людей, поступавших за год в виде дани из Сирии-Палестины, составляло чаще всего несколько сотен человек (наибольшее сохранившееся число — 700 с лишним). Численность людей, доставлявшихся за год в том же порядке из южной части Эфиопии, была значительно меньше, не превышала ста с лишним человек (наибольшее сохранившееся число — 134). Северная часть же Эфиопии посылала в год от 10 до 30 человек (наибольшее сохранившееся число — 34).

Пленных гнали толпами, связанными веревками за шеи, с руками, зажатыми в деревянные скобы или скрученными самым мучительным способом. Во вторую половину Нового царства, а может быть, и раньше пленных клеймили, как скот, каленными печатями с царским именем. С людьми, которых поставляли в виде дани, сами поставщики обходились как с пленниками: взрослых мужчин доставляли скованными.

Значительная часть пленных поступала в храмы, преимущественно Амона, главного бога, покровителя и защитника египетской державы и египетского войска. Привод пленных для заполнения ими его служб — общее место в тогдашних надписях. По-видимому, за короткий промежуток времени после своего первого похода в Сирию-Палестину Тутмос III пожертвовал Амону 1588 сиро-палестинских пленных и еще какое-то количество эфиопов. Второй царь XX династии Рамсес III отдал Амону 2607 сиро-палестинских и эфиопских пленных, а храму Птаха — 205.

Многие иноземцы становились храмовыми рабами в полном смысле этого слова. Чаще всего их использовали в храмовых заведениях, где приготовлялись жертвы. Так как жертвоприношения бывали весьма богатыми и совершались постоянно, такие заведения — они же и места хранения — могли быть очень крупными. Поскольку приготовлявшееся здесь должно было быть особенно изысканным, сюда набирали «отборнейших» из иноземных невольников, в частности детей сиро-палестинских властителей. В середине XVIII династии пленных было полно также и в ткацких мастерских Амона, где ткали разные виды полотна — от плотного до тончайшего. Подневольным ткачам выдавали на год вперед умащение и одежду, что предполагает наличие у каждого из них жилища или по меньшей мере обособленного помещения. К рабам в точном смысле этого слова можно причислить и тех пленных, которые при XVIII династии использовались в храме Амона для изготовления кирпича-сырца и на строительстве. Для времени XIX династии засвидетельствованы как будто бы храмовые корабельные рабы (Лейденский папирус I.350, обратная сторона). Каждый из рабов получал столько же хлебцев, сколько и корабельщики и прочие нерабы. Однако неизвестно, были ли эти невольники иноземцами.

Мы хуже осведомлены об использовании иноземных рабов в государственном и царском хозяйствах. В места назначения «новые» эфиопы поступали целыми толпами, задавая дополнительную работу государственным пекарням и писцам, рассчитывавшим зерно, тесто и припек (раб-эфиоп получал в день один «большой» хлеб). Мы знаем, что при XIX династии иноземцы должны были таскать камни, но были ли эти люди ра-

162. Ткацкая мастерская в частном доме, роспись, XVIII династия
163. Дом кладбищенского ремесленника, XIX династия, разрез и план

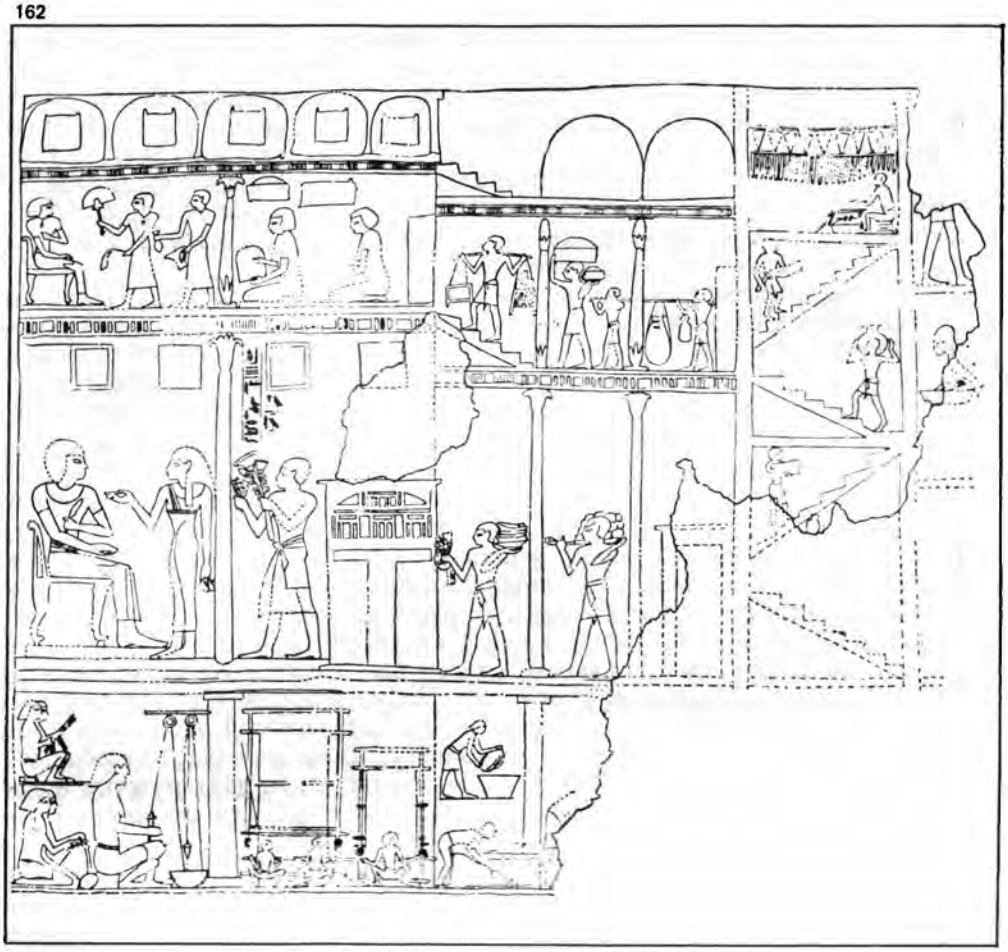
бами, нам неизвестно. Во вторую половину Нового царства рабыни состояли даже при отрядах ремесленников, трудившихся на столичном кладбище, и получали зерновое довольствие на месяц вперед, как и сами ремесленники, но этническая принадлежность этих рабынь опять-таки неизвестна. При дворе XIX династии восточноанатолийский сорт пива варили, как знатоки этого дела, восточноанатолийские рабы.

Велико было, во всяком случае, и использование при дворе рабов-иноземцев в качестве слуг. Во времена XIX династии киликийские (?) юноши, которых в большом количестве доставляли ко двору, служили не только пивоварами, но и кравчими; умытые, умащенные, приодетые, представали они пред очи царя. Отборные молодые сирийцы и эфиопы в белой обуви и тоже принаряженные служили царскими опахалоносцами. На одном изображении конца XVIII династии, возможно из гробницы будущего фараона Хоремхеба, представлены эфиопы, сидящие на земле, которых переписывает египетский писец. Их тоже доставили для службы опахалоносцами.

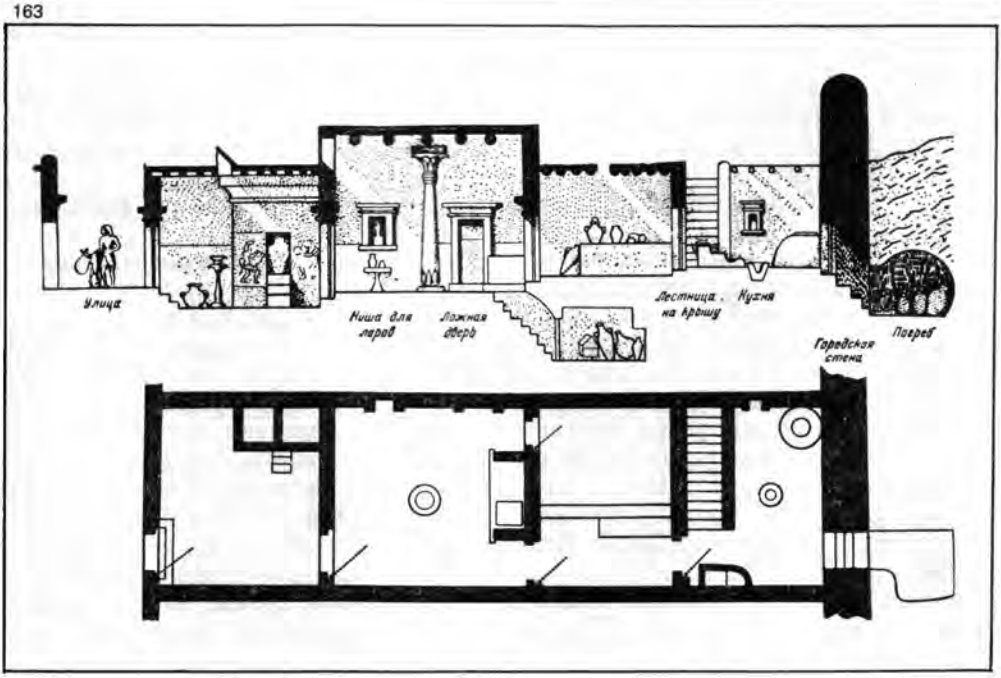
Мы не знаем, как жилось при дворе тем «добрым» юношам, о которых только что шла речь, но участь их собратьев, занятых на тяжелых работах, должна была быть ужасной. Мы уже говорили о том, что иноземцев при XIX династии заставляли таскать камни. На изображении времени Тутмоса III показано, как пленные изготовляют кирпич и кладут стены в службах храма Амона под надзором надсмотрщиков, вооруженных палками. Вещественным доказательством зверского обращения с подневольной рабочей силой может служить находка, сделанная подле красивейшего поминального храма фараона-женщины Хатшепсут — тяжелое кнутовище, надписанное именем корабельщика самого́ зодчего этого храма временщика Сененмута. От постоянного употребления оно внизу вылощилось и почернело. Некогда это был бич о двух широких ременных хвостах. Им, надо полагать, корабельщик подгонял подчиненных, когда те тащили к храму привезенный ими камень (как такими бичами подгоняли гребцов на судах, показано на тогдашних изображениях). Чего стоили мирные походы в каменоломни, можно судить по тому, что за один такой поход (в Вади-Хаммамат) при третьем представителе XX династии Рамсесе IV из 8000 с лишним участников — в их числе было не менее 800 иноплеменных работников — умерло 900.

Но далеко не все пленные использовались как рабы. Руководитель воинского учета и набора при Аменхотепе III, знаменитый Аменхотеп, сын Хапи, заявлял в своем жизнеописании: «Я пополнял подданных луч-

162

163

Улица
Ниша для
перед
Ложная
дверь
Лестница
на крышу
Кухня
Городская
стена
Погреб

шими из добычи, взятой его величеством на бранном поле». Пленные-шердани при третьем царе XIX династии Рамсесе II стали царскими телохранителями и верно бились затем на стороне египтян. При XVIII династии имелись укрепленные места, населенные пленными ханаанеянами и эфиопами. При XX династии пленные ливийцы с женами и детьми, хотя и поголовно клейменные, были поселены в крепости под начальством своих же племенных или родовых старшин. Скот у пленников был, правда, отобран, но они, как настоящие воины, получали из казнохранилища содержание. Эфиопы, присланные в середине XVIII династии в качестве дани, предназначались в «провожатые».

Многих иноземцев использовали как земледельцев. Тутмос III после первого похода отдал часть своих сиро-палестинских пленных храму Амона в «надельные (землепашцы) обрабатывать наделы, производить зерно, наполнять житницу (владения, предназначенного для) жертв богу». Слова, переведенные здесь как «надел» (ᶜ*хт*) и «надельные» (ᶜ*хвтйв*), обозначали: первое — участок выделенной пахотной земли, второе — землепашцев, которым такой участок предоставляли для обработки без закрепления его за ними и их за ним. Аменхотеп III отдал пахотную землю и землепашцев из числа пленных своему поминальному храму в Мемфисе. Поминальный храм этого царя в Фивах окружали деревни, населенные пленными ханаанеянами. От времени XIX династии сохранилось письмо о храмовом землепашце из сирийцев. Отвечая на запрос жреца храма Тота (Дхаути) Рамоса (Риа-маси), писец Бакенамон (Бак-н-Амана) сообщает, что, по наведенным справкам, сириец был взят из «судового груза», доставленного начальником крепости, и отдан в землепашцы храма под начальство данного жреца такого-то числа. Следуют имя раба, имена его отца и матери, название его родной области. Жрец добивался освобождения от обложения зерном за четырех землепашцев: за двух мужчин и одного юношу, взятых на военную службу, и, очевидно, еще за отсутствующего сирийца, который в податном отношении приравнивался к египетским землепашцам храма. Для египтян-землепашцев отличительной чертой была работа на отдельном участке пахотной земли. И у нас нет никаких причин противопоставлять работу землепашцев из иноземцев работе прочих землепашцев. Если землепашца-сирийца удерживало у себя лицо, которое приняло его для доставки в храм, то незаконно захватывали и обыкновенного землепашца, уже работавшего на своем земельном участке. В правовом отношении сириец-землепашец был рабом, но в этом нет ничего исключительного. В поземельной книге времени XX династии (папирус Вильбур) в числе землепашцев и других держателей земельных наделов значится свыше десятка рабов.

Каково было положение пастухов из иноземцев, остается пока неясным.

Итак, часть иноземных рабов по своему положению непосредственно смыкалась с низами египетского населения, вливалась в его состав. О положении основной массы египетского населения, о том, как жилось египтянам, непосредственно занятым производительным трудом, для Нового царства мы осведомлены значительно лучше, чем для всех предшествовавших ему эпох.

«Дитя народа» резко противопоставлялось человеку сановному. Сановник был защищен от любой принудительной работы, народ постоянно учитывали и переучитывали на предмет обложения всяческими тяготами. Подучетное, подлежащее «смотру» население при XVIII династии, согласно надписи в гробнице Чинени в Фивах, делилось на воинов, жрецов, «слуг царя» и «всевозможных мастеров». Сходное деление существовало и при XIX династии: пешее и конное войско, храмы, народ, «парни мест» (папирус Анастаси IV). Цель «смотров», которым неизменно под-

лежал народ, заключалась не в одной только переписи — таковой при XVIII династии подвергались вместе с людьми скот и птица — но и в назначении на ту или иную работу. «Делают смотр всякому народу, берут (из н)их лучших. Отдают мужчину в воины, парня — в новобранцы. Мальчик — растят его, чтобы взять его из объятий матери его. (Когда) он достигнет (возраста), чтобы быть человеком, его кости сломаны (вследствие побоев)» (папирус Анастаси V и Салье VIII). Но так забирали не только в войско. «Выходит ребенок из утробы своей матери — он (уже) простирается перед начальником. Мальчик — провожатый (т. е. прислужник) у воина, парень — новобранец, старик отдан в землепашцы, мужчина — в воины, хромой — в привратники, слепой — в откормщики быков» (папирус Анастаси II). «Смотр» ремесленного люда выливался в учет всех «знающих мастерство», «знающих, (как пользоваться мастерски) своими руками» (Лейденский папирус 348). Об одном «смотре» ткачих в конце XIX династии известно, что он сопровождался перераспределением их между государственными учреждениями (папирус Анастаси VI).

Приведенные слова одного из школьных поучений времени XIX династии «старик отдан в землепашцы» находят себе подтверждение в письме того же времени, толкующем о «старике из воинов», отданном в землепашцы. Землепашца «определяли» на поле так же, как, скажем, камнесечца на его работу. Отдачу в землепашцы храма после избиения или изувечения любого должностного лица, покусившегося на храмовую землю или храмовой скот или не внявшего жалобе храмового человека, предписывал указ начала XIX династии. В другом месте указа было еще добавлено, что жена и дети виновного должны быть отданы в услужение домоправителю храма, т. е. управляющему его хозяйством. По тому же указу Сети I всякий, оторвавший храмового работника, в том числе землепашца, от его прямого дела ради государственных работ, подлежал избиению и отдаче в храм для отработки там каждого дня, проведенного у него храмовым человеком. О двух землепашцах конца XIX династии мы знаем, что их жен как подневольных работниц старались переманить друг у друга государственные учреждения. Из того же письма мы узнаем, что отобранный у учреждения землепашец обрабатывал землю на новом месте, а его старые пашни оставались невозделанными. Если от ремесленников Нового царства осталось множество собственных памятников, то памятников от землепашцев почти не осталось, так же как и от рабов. И причиной тому, конечно, не отдаленность их места жительства от мастерских, в которых такие памятники изготовлялись: у иного землепашца дом был в самой столице. Большинство известных поименно землепашцев имели наделы на царских или храмовых землях и подчинялись начальникам, т. е. находились у них под «палкой», но известны также землепашцы частных лиц.

Но если египтяне-землепашцы и были «слугами царя», а по словоупотреблению Нового царства — «рабами царя» [поскольку слово «хам» («слуга, работник») приобрело значение «раб»], то невольниками они все-таки не были. Мы видели, что при XIX династии храмовые землепашцы сами могли иметь рабов. Согласно другой надписи того же времени, в храмовом хозяйстве, полном «челяди», богатом пашнями и скотом, люди, названные «рабами» мастерских, приготовляющих жертвенные приношения, были военной добычей фараона. Да и школьные поучения времен XIX—XX династий, рассказывая о тяжелой участи землепашца, выступают ведь против добровольного предпочтения учеником занятия писца и тем самым показывают, что имеют в виду землепашца, который отнюдь не является рабом.

Судя по этим поучениям, землепашец возделывал свой земельный уча-

сток, жил своим домом с женой и детьми. Он сам изготовлял свое несложное рабочее снаряжение: днем резал деревянные части земледельческих орудий, ночью вил веревки. Этим он занимался, пока пашня была затоплена разливом. Когда же вода уходила, землепашец шел раздобывать упряжку рогатого скота для пахоты, но иногда проходило много дней, прежде чем землепашцу удавалось получить от пастуха такую упряжку. Все поучения сходятся на том, что упряжка, на которой работал землепашец, не его: он должен был вымаливать ее у пастуха, неотступно преследуя его изо дня в день, арендуя ее за медь(?) или одежду, а в случае пропажи отвечал перед пастухом и заведующим быками и был обязан вернуть двух коров. И если землепашец бесхозяйственно высевал зерно, за которое ему, очевидно, надлежало быть в ответе (дословно «ячмень от ответа»), он не получал взамен другого зерна. Из деловых бумаг того времени можно видеть, что даже иной зажиточный землепашец снабжался посевным зерном. Но вернемся к землепашцу поучений. После всего сказанного о нем нас не удивит, что и урожай не совсем принадлежал ему. Землепашец заранее знал, сколько зерна он обязан представить. Урожай подлежал описи, и если почему-либо сдавать было нечего, то следовала дикая расправа. С писцом-учетчиком прибывали привратники и эфиопы, вооруженные прутьями и палками, и беспощадно избивали землепашца. Связанного, его бросали вниз головой в колодец. Жену и детей заключали в узы. Ничто при этом во внимание не принималось. Соседи не приходили на выручку, а, узнав о начавшейся расправе, спасались бегством. Последнее замечание не лишено значения, поскольку опять-таки показывает, как слабо землепашец был связан со своим участком.

О бегстве землепашцев сообщает и письмо конца XIX династии (Болонский папирус 1094). Стоило начальнику конюшни поколотить их (угодья, по-видимому, предназначались для содержания дворцовой конюшни), как землепашцы бросили на произвол судьбы свои участки и бежали. Вспомним также, как, согласно письму того же времени, землепашца насильственно перевели на другой участок и он вынужден был работать на новом месте, а его участок остался невозделанным. Насколько слабо было закреплено за местами подневольное население вообще, хорошо видно из повторных царских сообщений в начале XX династии о возврате храмам таких людей, до того рассеянных по чужим хозяйствам. Хотя свои участки землепашцы, случалось, передавали по наследству, они были в подлинном смысле слова «не крепки земле».

Все это, конечно, нисколько не исключает того, что в Новом царстве были землепашцы, которые имели свой тягловый скот. В сказке о двух братьях зажиточный поселянин исключительно занимается землепашеством, и в работниках у него только младший брат. Вполне вероятно, что этот поселянин, хотя он и не назван в сказке землепашцем, сошел бы за такового, если бы поле, которое он обрабатывал, не принадлежало ему. В таком случае в его лице мы имели бы землепашца, владевшего несколькими головами крупного рогатого скота, за которыми ходил все тот же младший брат, который помогал пахать и изготовлял одежду. Разумеется, перед нами всего лишь землепашец из сказки, но он, вероятно, имел свои аналогии в действительности. Скотоводы часто владели небольшими земельными участками, что засвидетельствовано купчей конца XVIII династии. По ней, некий пастух приобретает за корову 3 саты пахотной земли. В другой раз тот же пастух меняет двух коров и двух телят на рабыню (нанимал он и рабов). Из поземельной книги XX династии следует, что земельными наделами очень часто владели скотоводы — обычно пастухи, но также откормщики скота, заведующий хлевом. Согласно той же поземельной книге, некоторые держатели наделов засевали их своим зерном.

Надо, впрочем, иметь в виду, что землепашцами называли иногда людей, ничего общего не имевших с убогим землепашцем школьных поучений. В упомянутой выше поземельной книге землепашцами в большинстве случаев именуются, несомненно, держатели наделов, для которых землепашество стало делом их жизни. Однако землепашцами в ней названы также и лица других профессий, державшие тот или иной надел. Ими были отнюдь не одни пастухи или воины, но и жрецы, притом не низшего разряда. О таком жреце, землепашце и человеке с незавидной участью толкуют и школьные поучения. Но в поземельной книге XX династии в землепашцах значились и люди, вносившие со своих наделов большие количества зерна. Подобные лица вряд ли возделывали свои участки собственными силами. Они имели если не рабов, то многочисленных домочадцев. В Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве хранится гроб землепашца, изготовленный из черного дерева и отделанный листовым золотом. Но конечно, не такие держатели наделов определяли общественное лицо землепашцев. Те землепашцы, которые составляли большинство населения страны, были самыми что ни на есть непосредственными производителями, рядовыми тружениками сельского хозяйства.

Впрочем, величина земельного надела и собранного с него зерна отнюдь не представлялась современникам бесспорным показателем благоденствия. Скорее наоборот. Первое бедствие землепашца школьные поучения видят в наделении его с избытком пахотной землей (которая на поверку оказывается плохого качества) и в соответственном увеличении количества подлежащего сдаче зерна.

Итак, рядовой землепашец был слабо связан со своим земельным наделом. То, что в землепашцах числились люди состоятельные, жрецы и должностные лица, лишний раз подтверждает это. Землепашцу назначали количество зерна, которое он должен был снять, а часто и само посевное зерно принадлежало не ему, а было казенным. Рядовой землепашец обыкновенно не имел своего рабочего скота. По существу, рядового землепашца от посаженного на землю раба (а такие рабы, как мы видели, были) отличала только относительная свобода, то, что он не был «вещью» хозяина.

Это выявляется с четкостью в способе использования рабочей силы землепашцев на государственных и частновладельческих полях. Мы уже видели, что царским указом второго фараона XIX династии Сети строжайше воспрещалось привлекать к государственным повинностям работников облагодетельствованного царем храма Осириса, в том числе храмовых землепашцев. Как такое привлечение осуществлялось, показывает предписание, направленное в начале XX династии заведующим быками храма Амона Бакенхонсу (Бак-на-Хансой) ряду лиц — двум стражникам, «доверенному» (видимо, лицу, которому был «доверен» участок земли или сад), двум землепашцам и всем пастухам, приписанным к жертвеннику Амона,— отправиться с присланным слугой на поля отбывать повинность и кормиться с этих полей (папирус Маллэ). Подобная работа на царских полях описана в письме-прописи конца XIX династии (папирус Саллье I). Молодой писец отчитывается перед наставником, писцом казнохранилища, управляющим царскими землями в том, как он руководил уборкой урожая. В полдень, когда ячмень «горяч», писец отправляет жнецов подбирать колосья, освобождая лишь тех, кто сегодняшний урок сделал еще вчера. Каждому жнецу он выдавал ежедневно хлеб, а кроме того, три раза в месяц отпускал умащение. «Нет ни одного среди них, кто обвинил бы меня перед моим владыкой по поводу (хлебного) довольствия или по поводу умащения». Особо писец докладывает об учете им ослов, везущих ячмень на гумно.

164. Поселение надгробницких ремесленников, XIX—XX династии, Дер эль-Медина, план
165. Тутмос III поражает азиатских врагов, рельеф пилона храма Амона в Карнаке

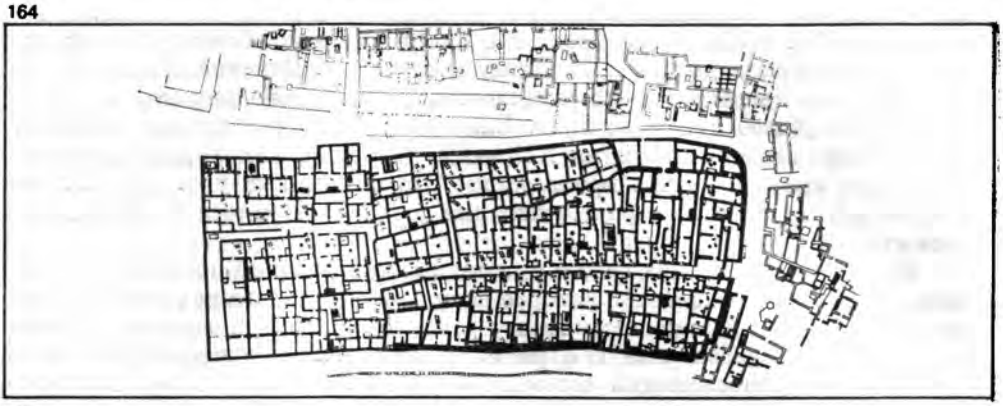
Надписанные изображения на стенах гробниц дополняют показания писем. В первой половине XVIII династии правитель города Анхаба Па-
Ил. 156 хери (Па-хри), заведовавший также пашнями в южной части страны, изобразил себя надзирающим за пахотой, уборкой урожая, обмолотом и погрузкой его на суда. Анализируя приписку к изображению призыва к быкам молотить зерно для своих владык, академик В. В. Струве сделал правильный вывод, что рабочий скот не принадлежал работникам. Впрочем, за таковой у данного правителя сходили и они сами: в один из плугов впряглось трое молодых мужчин. Любому понятно, что ни они, ни пашущий на них старик, ни сопровождающий его сеятель не пришли сюда со своими плугами и упряжками. Но и те плуги, в которые тут и на других изображениях запряжен рогатый скот (по две головы в каждый), совсем не похожи на собственность работников, так как обслуживают плуг обычно двое или даже несколько мужчин: пахарь, погонщик, сеятель, мотыжник, разрыхляющий землю. На одном изображении каждой из молодых коров, на которых пашут, дана кличка, что могло иметь смысл только в том случае, если животные принадлежали хозяину гробницы. На изображениях середины XVIII династии можно видеть продовольствие, сложенное на поле для подкрепления работников. К работам привлекались мужчины и женщины (последние подбирали колосья и веяли), подростки, люди средних лет и старики. Работали согласованно, по нескольку человек. Одни рубили деревья, другие — поросли, третьи мотыгами и молотами разрыхляли землю; один шел за плугом, другой направлял упряжку, третий бросал в землю зерно и т. д.

Поучительны также магические статуэтки («куколки»), которые клали в гробницы иногда сотнями и почитали за «рабов» того покойника, которого они изображали. Делали это в расчете, что они будут отбывать за умершего повинности на том свете, в частности «растить поля, орошать берега», возить песок. Многие из таких «куколок» снабжены мотыгой и сумой. Во второй половине Нового царства «куколки», представленные в большом количестве, имели надсмотрщика в длинной начальнической одежде и с бичом в руке. Как вели себя настоящие надсмотрщики, видно по жалобе на стражника, который на государственных работах свирепо избивал палкой (письмо на папирусе в Туринском музее; XIX династия).

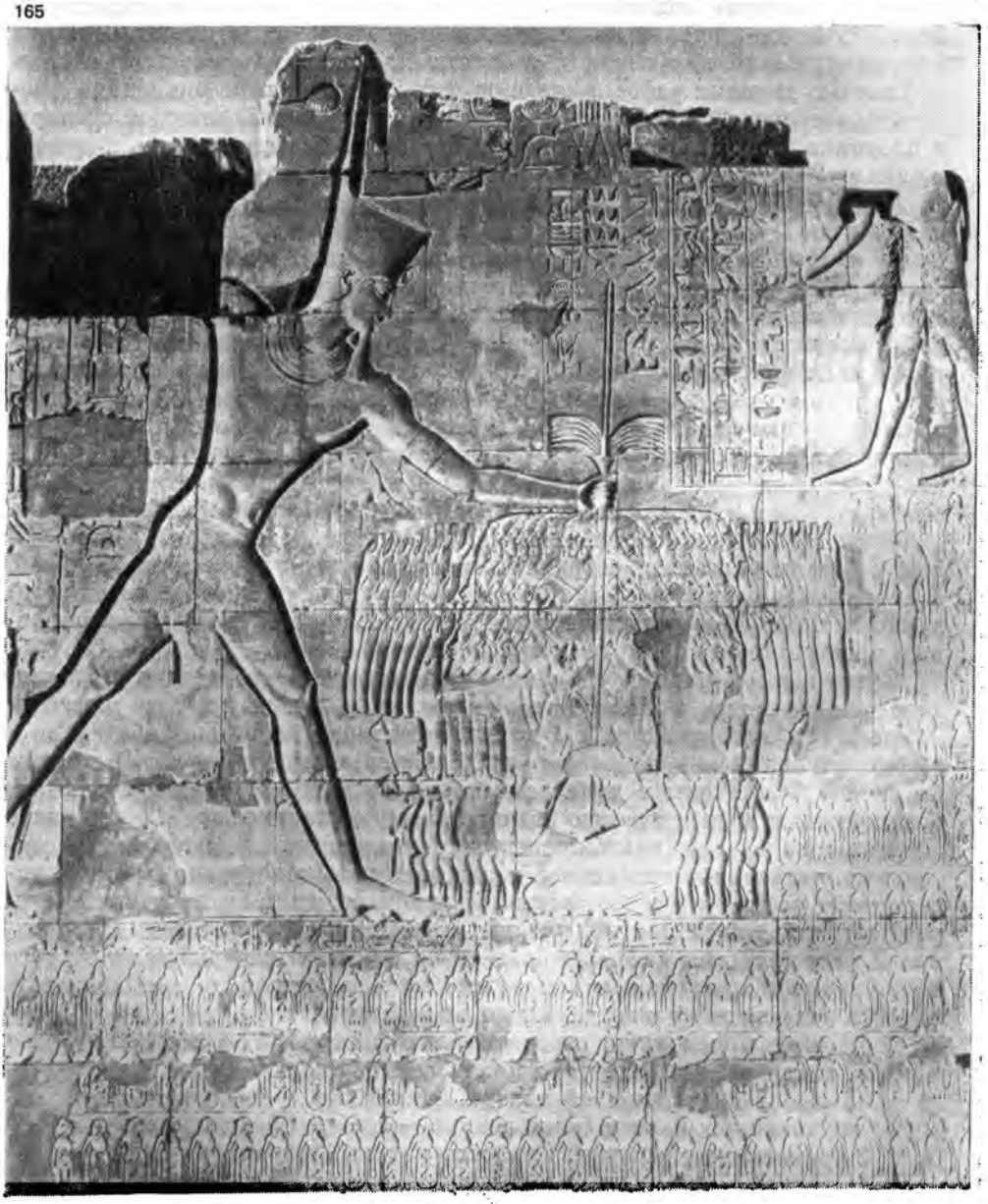
Новоегипетский землепашец походил не столько на самостоятельного хозяина, сколько на работника, которому поручена обработка определенного участка земли.

Существенно от положения рядовых землепашцев отличалось положе-

164

165

ние египтян-ремесленников. Многие ремесленники жили относительно зажиточно. При особых способностях и благоприятных обстоятельствах для них была открыта дорога к богатству и почестям. Конечно, подавляющее большинство новоегипетских ремесленников жило довольно скромно, а то и влачило убогое существование. Благодаря исключительному богатству источников, особенно времени XIX—XX династий, нам хорошо известно столичное кладбищенское производство. Но жизненный уровень этих мастеров нельзя считать характерным для остального ремесленного населения страны.

Устройство и отделка гробниц, а также изготовление погребальной обстановки при том значении, которое всему этому придавали египтяне, развилось в Фивах, на западном берегу реки, где было расположено кладбище, в большую своеобразную отрасль хозяйства. Трудившиеся здесь государственные ремесленники составляли рабочее «соединение», насчитывавшее в первую половину XX династии человек 120. «Соединение» делилось на две половины — правую и левую «стороны». Каждую из них возглавляли свой начальник и свой писец, ведший с мелочной обстоятельностью дневник работ и счетную часть. В составе «соединения» имелись камнесечцы, обмазчики (штукатуры), живописцы, резчики, столяры и плотники, медники, гончары, возможно бывшие одновременно и каменщиками. Работники «соединений» и начальники получали от государства довольствие зерном, рыбой, овощами и т. д., начальство подчас в двойном, а то и в тройном размере. Для снабжения «соединения» водой, овощами и рыбой имелись особые водоносы, огородники и рыбаки. Во времена XX династии продовольственные выдачи ремесленникам часто задерживались, изголодавшиеся люди прекращали работу, и дело доходило до открытых бурных выступлений. Прорвавшись через пять стен царского кладбища, где они работали, ремесленники выходили к поминальным храмам умерших и царствующего фараонов, требовали, чтобы об их крайней нужде в одежде и пище доложили царю, смело обвиняли в хищении припасов самого верховного сановника. Власти старались успокоить работников уговорами и частичной выдачей задержанного продовольствия, но затем следовали новые задержки и новые бурные выступления.

Иной начальник «соединения» распоряжался подчиненными как своими слугами: заставлял сооружать ему гробницу или изготовлять гроб, а то и месяцами кормить его быка. Особенно дурную славу стяжал своей жестокостью начальник, живший в конце XIX династии, он был уголовным преступником (папирус Солт).

И все же откопанный на западе Фив городок, где жили кладбищенские ремесленники и должностные лица, имел далеко не тот убогий и унылый вид, который при XII династии отличал кварталы работников в городе, откопанном у подножия одной из тогдашних пирамид. В поселке на западе Фив входы в дома ремесленников бывали отделаны камнем, испещренным художественно выполненными надписями. Сохранились гробницы некоторых кладбищенских ремесленников, довольно вместительные, частично высеченные в скале, частично пристроенные к ней, украшенные росписями и надписями. Живописца, ваятеля и других мастеров, потрудившихся над его усыпальницей, высокопоставленный сановник XVIII династии велел изобразить на ее стене получающими от него подношения и приписал, что молится за них, приносит им храмовые жертвы, одаривает их и возлагает на их головы повязки.

К несчастью, мы хуже осведомлены о представителях других, более важных видах ремесла. Но что не одни кладбищенские ремесленники столицы жили сравнительно зажиточно, доказывают многочисленные находки заупокойных плит и более редкие — гробниц разных мастеров царских и храмовых мастерских. Известно немало жрецов, бывших одновре-

менно ремесленниками — медниками, плотниками и столярами, живописцами и т. д.

Отдельных мастеров искусство или счастье возносило высоко над их средой. На стене богатой, почти вельможеской гробницы двух резчиков Аменхотепа III один из них изображен надзирающим за целым сонмом подчиненных — столяров, изготовителей украшений, драгоценной посуды и т. п. Резчик Ипуи (Апуйа) (XIX династия) изобразил у себя в гробнице целую толпу подмастерьев, изготовляющих погребальные принадлежности для давно умершего обожествленного фараона, а также красивый дом в саду, у обсаженного цветами пруда, и рабов, поливающих из него сад при помощи «журавля» и бадьи. Этот резчик, как настоящий вельможа, изобразил себя и на охоте в болотных зарослях. За тем же занятием представлен в скромной гробнице (№ 165) в Фивах (XVIII династия) золотых дел мастер. Мало того, он изобразил в ней слуг и служанок, суетящихся вокруг его многочисленных гостей, работников, занятых сбором винограда, изготовлением вин, ловлей птиц, потрошением рыбы... Соответствуй хоть одна десятая доля всего этого действительности, нашего мастера пришлось бы признать подлинным вельможей. Но, может быть, многое тут было не столько правдой, сколько условностью, пустым подражанием стенописям важных сановников. Ил. 158

Два высокопоставленных резчика были, несомненно, людьми, пользовавшимися вниманием верхов общества. Но и презрение к ремеслу, как таковому, совсем нехарактерно для Нового царства. Иначе стали ли бы, к примеру, жрецы, не стесняясь, с достоинством величать себя одновременно столярами и плотниками, медниками и т. п. Надо также учесть, что ремесленниками были большей частью египтяне, а не иноземные рабы.

Ремесленное производство в Новом царстве, как, впрочем, и раньше, было разветвлено на множество специальных отраслей, успешно между собой взаимодействовавших.

Наличие в кладбищенском рабочем «соединении» ремесленников разных специальностей позволяло, скажем, при сооружении гробницы распределять работы между многими мастерами-профессионалами. Такое положение подтверждают изображения больших мастерских в гробницах времени XVIII династии. Нельзя, правда, сказать, что распределение работ между ремесленниками было всегда налажено как следует. По крайней мере в кладбищенском «соединении», когда к работе приступали наметчики-живописцы и резчики, работники других профессий, случалось, бездействовали в течение нескольких дней.

Тем не менее поразительная дробность отличала тогдашнее ремесло. В этом смысле чрезвычайно любопытен своеобразный словник (своего рода «терминологическая энциклопедия»), представляющий собой список-перечень расположенных в определенном порядке обозначений: явлений природы, должностей и занятий, народов, египетских городов, зданий, видов зерна, хлеба, напитков, мяса, птиц и т. д. Этот словник дошел до нас в нескольких списках, но ни в одном из них не представлен полностью. Самый полный хранится в Москве, в Государственном музее изобразительных искусств. Все списки принадлежат времени, непосредственно следовавшему за Новым царством, но сам словник был, по всей видимости, составлен раньше, при XX династии, писцом Аменемопе (Аманапой). Так, в этом словнике среди строительных работников перечислены камнесечец, какой-то работник по камню («ломатель»), живописец (наметчик), резчик, обмазчик (дословно «гипсовщик»), носильщик камня, строитель стен, «смыкатель (кладки)». Оружейное дело представлено изготовителем броней, колесничным мастером, изготовителями луков и стрел. Названы пять различных пекарей, резник, «переворачивающий внутренности» и т. д. При этом словник вовсе не притязал на исчерпы-

вающую полноту. Например, во вторую половину Нового царства существовали особые мастерские, где ковали холодное оружие. Один из чиновников XIX династии, ведавший ремесленниками фараона, управлял как колесничными мастерами, так и мастерами оружейной кузницы.

Ремесленники редко владели земельными наделами. В поземельной книге XX династии в числе их держателей значится всего несколько ремесленников: строитель или горшечник, столяр и плотник, медник, ткач и т. д. Зато другое подразделение подучетного населения — воины постоянно упоминаются в этой книге как держатели наделов.

Новоегипетское войско делилось на два больших подразделения — пешее (включая корабельное) и колесничное. С верховой ездой египтяне были знакомы с начала XVIII династии, если не раньше, но конницы в нашем смысле слова у них не существовало. Военные суда можно было бы выделить в самостоятельное подразделение, так как они не только перевозили войска, но и сами принимали участие в сражениях, особенно при XX династии, однако, на взгляд египтян, корабельные воины не отличались от пехоты. Пехотинца и судового воина обозначали одним и тем же словом «уэу». На суше корабельные воины сражались вместе с пехотинцами.

В конце XVIII династии войско делилось на две части: одна стояла на юге, а другая — на севере страны. При XIX династии действующее войско состояло из нескольких соединений, носивших имена главных богов того времени. Основной войсковой единицей было подразделение, имевшее собственный стяг и насчитывавшее в своем составе при XIX династии 200 воинов. По изображениям того же времени каждую пятерку пехотинцев возглавлял старшина, вооруженный как и его подчиненные, а сверх того еще и палкой. Во время службы воины находились на государственном снабжении. Государственным было и оружие, так как в мирное время при XX династии оно хранилось на складах. Однако, по школьному поучению времени XIX династии (папирус Анастаси III), колесничий, как более состоятельный, сам покупал себе колесницу. Пехота имела трубы и барабаны.

Если верить школьным поучениям второй половины Нового царства, ставившим себе целью отговорить будущих писцов от выбора воинской службы и потому сгущавших краски, то быть пехотинцем значило подвергаться диким избиениям, терпеть голод и работать с утра до ночи. Возможно, школьные учителя были не совсем не правы. На изображениях палки являются знаком отличия не только старших, но и низших военачальников. Воины постоянно упоминаются как участники походов в каменоломни и в связи с перевозкой каменных глыб.

В пехоту в основном набирали людей из народа. Фараону Рамсесу III, второму царю XX династии, «вложено в уста» заявление, что до него брали на военную службу каждого десятого даже из храмовых людей. В одном письме (XIX династия) говорится об отдаче в воины храмовых землепашцев. В другом письме того же времени (Болонский папирус 1094) мы читаем о взятии на воинскую службу даже молодых людей, направленных верховным сановником для посвящения в жрецы. «Воинами его величества» при XVIII династии становились родственники местных князей, но то был, вероятно, особый род воинов.

Относительно высокопоставленными и по положению в обществе, и по происхождению были, по-видимому, колесничные войска. Чтобы хоть как-нибудь очернить участь колесничего, школьное поучение времени XIX династии (папирус Анастаси III) вынуждено приписать воину особую незадачливость. Только таким способом удается привести рассказ к назидательному концу — награждению воина ста ударами. До этого же поучительного заключения описывается, как молодого человека благода-

ря деду с материнской стороны зачисляют в «конюшню», как он является туда с пятью рабами, из которых ему оставляют только двух, как он берет себе с конского двора добрых коней в присутствии самого фараона, как покупает сам себе колесницу и красуется, разъезжая на ней, на виду у родного города.

Как мы знаем, лошадь не была рабочим животным. Умение править конями ценилось высоко, и военные возницы относились едва ли не к начальствующему составу войска. Возницами на царской колеснице во вторую половину Нового царства нередко состояли царевичи. Существовали и особые «колесничие (бойцы) его величества». Но и простые колесничие бывали братьями важного военачальника, верховного жреца и т. п. Было бы, однако, неверно представлять себе колесничное войско, состоящее только из знати. Когда в начале XX династии фараону Рамсесу III «вложили в уста» утверждение (в Большом папирусе Харрис), что он не следовал примеру прежних царей и не призывал в войско каждого десятого из храмовых людей, то речь шла как о пехоте, так и о колесничном войске. Наравне с пехотинцами колесничие простирались на животах даже перед женой начальника, их обучавшего, и делали ей всяческие подношения.

Школьные поучения, естественно, умалчивали о тех сторонах жизни воинов, которые могли иметь притягательную силу для молодежи. А таковые все-таки были. На войне победоносное воинство Тутмоса III вело разгульную жизнь: напивалось допьяна награбленным вином, мазалось маслом, как в праздники в Египте, расхищало все, что только могло, от урожая на нивах до брошенного врагами имущества, забывая даже преследовать неприятеля. Сиро-палестинские властители доставляли войску Тутмоса III для пропитания зерно, вино, крупный и мелкий скот. На родине воины не забывали привычки, сложившиеся в чужих краях. Так, в конце XVIII династии воины столь усердно отнимали у населения в Египте бычьи шкуры, что для обуздания грабителей понадобилось законодательное вмешательство верховной власти в лице фараона Хоремхеба. Нам известны воины, которые при XVIII династии выслужились из рядовых в военачальники. Яхмос стал начальником команды гребцов на военном судне, Аменемхеб — начальником царских телохранителей. Первый к концу жизни имел до двух десятков рабов, которых едва ли не всех вместе с пахотной землей получил в награду за свои «подвиги». Оба, и Яхмос и Аменемхеб, оставили после себя представительные гробницы.

Заупокойные плиты колесничих, корабельных воинов и пехотинцев дошли до нас в значительном количестве. Красной нитью через все документы Нового царства проходят сведения о милостях, оказанных фараонами воинам. При XVIII династии сначала раздавали направо и налево рабов и земли, затем целый дождь золотых и серебряных знаков отличия — ожерелий, запястий, «львов» и «мух» (названия военных «орденов») и т. п.— и, наконец, щедрое угощение. О прямо-таки вельможеском снабжении войска заявлял третий царь XIX династии Рамсес II: «Вы были сиротами (т. е. бедняками) — я сделал вас сановниками моим питанием». И действительно, на плите некоего Меса (Маси) этот царь представлен мечущим в толпу воинов знаки отличия и снедь. Царь Хоремхеб (конец XVIII династии) призывал военачальников и рядовых во дворец, кормил и поил их в своем присутствии хлебом, пивом, говядиной, вином, жирными медовыми пирожками, овощами и т. п. В начале XIX династии при Сети I каждому воину, отправленному в каменоломни, отпускали ежедневно около 1,8 кг хлеба, кусок жареного мяса, два пучка овощей и в месяц две полотняные одежды. Цари XIX и XX династий хвалились тем, что распускали воинов по их селениям, позволяя им жить там в свое удовольствие (повесть о битве под Кадешем, Большой папирус Харрис).

В египетском войске, особенно во второй половине Нового царства, служили иноземные воины. Эфиопы бились на стороне египтян во время освободительной войны с «властителями стран», а во вторую половину XVIII династии составляли едва ли не основную часть воинских сил, стоявших в мирное время в Сирии-Палестине (египтяне ненавидели жизнь на чужбине). С тех же времен иноземными воинами заселялись крепости. В конце XVIII династии, при Аменхотепе IV, среди его телохранителей имелись сирийцы, ливийцы и эфиопы, подчиненные, впрочем, египетским начальникам. Воины-шердани служили в египетском войске еще при XVIII династии. При XIX династии они образовали едва ли не основной контингент царских телохранителей. При этой же династии египетское войско вообще пополнилось иноземцами. По словам писателя («литературного критика») того времени, отряд, посланный в Сирию-Палестину против «мятежников», состоял из 1900 египтян, 520 шердани, 1600 ливийцев одного племени и 100 ливийцев другого и 800 эфиопов (папирус Анастаси I). Когда бывает возможно установить происхождение иноземных воинов, то они оказываются, как мы видели, из числа пленных. Тем не менее эти иноплеменники по своему положению мало чем отличались от воинов-египтян. Например, шердани часто упоминаются в поземельной книге XX династии как держатели земельных наделов. По другим источникам, сам фараон выделял землю для шердани, распускал их по домам. Как и у рядовых воинов-египтян, у шердани были прислужники («провожатые»). На плите конца XVIII династии из Эль-Амарны сиропалестинский копейщик фараона изобразил себя в своем иноземном наряде (иноплеменные воины сохраняли свои одежды, прическу и бороду) вместе со своей иноземной супругой, одетой в нарядное египетское платье. Копейщик, сидя на изящной египетской скамейке, тянет какой-то напиток, который ему подал слуга или раб, через коленчатую трубку.

По вооружению, численности и боевым навыкам новоегипетское войско представляло собой куда более грозную силу, чем войско среднеегипетское, и с усовершенствованием вооружения и накоплением боевого опыта оно делалось все более устрашающим. Хотя пехотинцы по-прежнему делились на стрелков и щитоносных копейщиков (последовательно, впрочем, это деление не выдерживалось), оружие первых и отчасти вторых стало много действеннее. Стрелки при XVIII династии имели уже сложный (слоеный) лук, более мощный, чем прежний простой, и стрелы с медными наконечниками. Копейщики в качестве вспомогательного оружия пользовались секирами и короткими мечами. Меч рубящий, а не только колющий, как старые кинжалы, в обеих своих разновидностях — прямой и серповидной — являлся нововведением. Брони с нашитой медной чешуей были известны еще при XVIII династии. Во вторую половину Нового царства получили широкое распространение и нечешуйчатые брони, а также шлемообразные головные уборы. Однако самым важным новшеством была боевая колесница и вместе с ней широкое применение в военном деле конских упряжек. И тем и другим Египет был обязан, повидимому, «властителям стран». В освободительной войне с ними боевые колесницы использовались еще при последнем царе XVII династии Камосе. В Новом царстве колесничное войско составляло главную ударную силу египтян. Их боевые колесницы представляли собой легкие двуколки, в которые по бокам дышла запрягали по две лошади с ярмом на загривках. На колеснице стояло двое воинов — возница и боец, обычно стрелок. Вооружение иноземной пехоты, состоявшей в основном тоже из стрелков и копейщиков, отчасти отличалось от египетского. Царские телохранители-шердани щеголяли в своеобразных шлемах, имели круглые щиты (египетские были внизу прямоугольными, вверху — округлыми) и широкие длинные мечи. О том, чтобы иноземные воины допускались на

колесницы, ничего не известно. Видимо, эта отборная часть войска, представлявшая к тому же его ударную силу, пополнялась одними египтянами, притом определенного происхождения.

Хорошими полководцами проявили себя египетские военачальники перед битвой под Мегиддо, когда обратили внимание Тутмоса III на опасность перехода через горы по тесному ущелью на виду у врага. Точная согласованность движений отдельных соединений спасла египтян в роковой битве под Кадешем в дни Рамсеса II, третьего царя XIX династии. Если Тутмос III, крупнейший завоеватель египетской древности, еще плохо умел брать укрепленные города, то Рамсес II захватывал сиро-палестинские крепости одну за другой.

Мы, к сожалению, не знаем численности египетского войска на протяжении всего Нового царства, но уже при XVIII династии оно должно было быть немалым. Если в битве под Мегиддо Тутмос III имел дело с 330 сиро-палестинскими властителями, из которых каждый привел какое-то количество воинов, то и египетское войско не могло не быть многочисленным. Аменхотеп II гнал в Египет из Сирии-Палестины до 100 тыс. пленных, Рамсесу II в битве под Кадешем противостояло до 3500 вражеских колесниц с тремя воинами на каждой, что вместе с 17 тыс. воинов, не введенных противником в сражение, составляет более 27 тыс. воинов.

Таким образом, новоегипетское войско представляло собой внушительную силу, и сановники не могли не считаться с ним, тем более что ему они были обязаны своим сказочным богатством. Но воины по происхождению и общественному положению были плоть от плоти и кровь от крови простых египтян, поэтому в лице этих воинов фараон и сановники имели вооруженных и, естественно, не безоговорочно покорных людей.

С высокопоставленной частью войска — колесничими — можно, пожалуй, сопоставить по положению в обществе рядовое жречество. Мудрецы — авторы школьных поучений, стремясь склонить своих учеников к выбору профессии писца, тут тоже не знали к чему придраться. О высшем разряде рядовых жрецов — «слугах бога» — они утверждали, что те-де подобны землепашцам (а эти жрецы часто управляли храмовой землей), о низшем же разряде жрецов могли только сострить, что те — по требованиям обрядовой чистоты — должны при любой погоде трижды в день окунаться в реку. Египетская храмовая служба состояла, по существу, в удовлетворении бытовых «потребностей» обитавшего в своем «доме» идола (его «угощали» едой и питьем и т. д.), но жертвоприношения сопровождались таким количеством ритуальных действий и возгласов, что все это вместе составляло весьма сложное целое. Однако авторы школьных поучений, видимо, не считали возможным к этому придраться.

Обширные храмовые владения, отчасти управляемые самим жречеством, и обильные жертвоприношения как будто бы обеспечивали его в достаточной мере. Тем не менее многие рядовые жрецы совмещали в самом храме или на стороне свои непосредственные обязанности с другими: писца священных книг, писца войска, храмового счетовода скота, храмового садовника и т. д. Нам уже доводилось говорить о том, что рядовые жрецы могли владеть значительным количеством рабов. В поземельной книге XX династии жрецы многих земельных наделов значатся их держателями. По записям того времени, некоторые жрецы похищали ценности из храмовых кладовых, обдирали даже в самом храме золотую обшивку, медные части. Один жрец ухитрился торговать тельцами того самого быка, которого чтили как священное животное Солнца.

Надписи неоднократно говорят о посвящении в жрецы сыновей местной знати, людей именитых, военачальников. Действительно, иной сын верховного жреца или важного сановника начинал службу в храме с низших жреческих должностей, а то и застревал на них. Однако многие

рядовые жрецы были детьми простых смертных, многие — сыновьями таких же рядовых жрецов, некоторые попутно занимались ремеслами. «Благородное» происхождение в отношении рядового жречества было более желательным, чем обязательным.

Существовало ли в Новом царстве купечество? Внутренний обмен уже при XVIII династии был довольно оживленным. Лучше всего это доказывает любопытный дневник (папирус Каирского музея), касающийся передачи торговцам всевозможной снеди: бычьих голов, хребтов, ног, кусков мяса, печенья, хлеба, пирожков, а также вина. Нередко это совершалось изо дня в день. Поименованы три или четыре торговца. В случае одного лица сказано, что мясо дано ему, «чтобы оплатить его», а от одного из торговцев «получено» что-то, но что именно — неясно. Цены передаваемых припасов указаны в серебре и золоте. Выходит, имелся значительный круг покупателей продовольственных припасов и для удовлетворения спроса был налажен сбыт даже остатков — видимо, от храмовых жертвоприношений. Школьная рукопись времени XX династии (папирус Лансинг) рассказывает, как торговцы едут вверх и вниз по течению реки, доставляют «вещи» из одного города в другой, удовлетворяя спрос нуждающихся в них. Об относительно оживленном внешнем обмене при XIX—XX династиях уже было сказано в свое время.

И тем не менее денежное обращение в стране было развито слабо. Основной мерой стоимости еще при XVIII династии стало серебро. Во второй половине Нового царства слово «серебро» определенно означало также «деньги». При XVIII династии наряду с серебром мерой стоимости служило золото, при XIX—XX династиях с серебром соперничала более ходкая медь. Несмотря на приток серебра из Сирии-Палестины и соседних стран, стоимость золота относилась к стоимости серебра как 5 : 3 (в конце Среднего царства — 6 : 3). Отношение серебра к меди при XIX династии равнялось 100 : 1, в конце XX династии — 60 : 1. Чеканных денег не существовало. Их заменяли весовые единицы: при XVIII династии — «круг» (91 г) и 1/12 его — «деньга» ($7^1/_{12}$ г), при XIX—XX династиях — тот же «круг» и более удобная для расчетов 1/10 его (9,1 г). Иногда платили «деньгами», но получающий даже при XX династии не видел особой разницы в том, дадут ли ему 1 мешок зерна или 1 «круг» серебра. Обычно же меняли по старинке предметы на предметы, предварительно оценив их в меновых единицах. Так, в конце XVIII династии рабыня была продана за две коровы и двух телят, оцененных соответственно в 16 «денег» и в 1 «круг» серебром — итого в 2 «круга» (4) «деньги». При XIX династии (Каирский папирус 65739) девочка-рабыня была куплена за 1 передник, 1 простыню, 1 полотняную одежду, 3 одежды тонкого полотна, 1 одежду из такого полотна иного покроя, 10 рубах, 3 медные чаши, 1 медный котел, 1 медную кружку, около 1 кг медного лома и 1 кружку меда. Все вещи были оценены в серебре, составив в общей сложности 373 г. Случалось, что в число обмениваемых предметов входили также «деньги». За время, протекшее между XVIII и XX династиями, денежные отношения как будто бы значительно развились, но тем не менее, пока существовала новоегипетская «мировая» держава, они оставались в зачаточном состоянии. Захват несметных богатств в завоеванных странах и распределение их и продукции собственной страны в виде довольствия и вещей, наград и дарений не могли способствовать развитию обмена.

Очень показательно, что свое странное на современный взгляд отношение к золоту египтяне сохранили и в новоегипетскую пору, дав тому самое блистательное доказательство, какое только можно себе представить. Мы называем «золотым» в переносном смысле то, что особенно дорого, то, что особенно ценно: «золотой ты мой», «золотое сердце», «золо-

тые руки», «золотые слова». Египтянин же издавна воспринимал золото не абстрагированно, а только со стороны его природных свойств. Для египтянина золото прежде всего нетленное, вечное. Поэтому, как некогда в Старом царстве, он и в Новом называл тела своих богов и царей золотыми (костям достаточно было быть медными). Поэтому фараон, земное явление соколообразного бога Хора, был «золотым соколом». Поэтому царей клали в золотые или обшитые золотом гробы, пальцы покойных обворачивали золотым листом, лицо покрывали золотой маской. Поскольку не ржавеет и серебро, в него одевали, как в перчатку, руку покойного. Нетленность золота и серебра, предполагалось, сообщается одетому в них трупу.

Неистощенные еще рудники Эфиопии наводнили казну фараонов Нового царства золотом. Огромным было и количество золота, захваченного в военных походах и полученного в виде дани. По мнению одного из властителей Двуречья, золота в Египте во вторую половину XVIII династии было столько, сколько праха земного. И поразительно, с какой баснословной расточительностью новоегипетские властелины расходовали свое золото на дела, ничего общего с обменом не имевшие. Речь идет не о золотых уборах, жезлах, кумирах, золотой утвари, засвидетельствованных письменными памятниками и найденных археологами. Мы читаем в источниках того времени об обшитых золотом скамьях, носилках, колесницах, храмовых ладьях. Обшитые золотым листом кресла, колесницы, божницы (наосы), гробы сохранились до наших дней. Чего стоит только один золотой гроб, в котором в конце XVIII династии был похоронен фараон Тутанхамон. Мало того, мы узнаем из письменных источников, что золотом покрывали верха обелисков, высившихся перед храмами, громадные колонны, поддерживавшие перекрытия внутри их, даже стены этих исполинских сооружений. Да что стены? Полы в них выстилали серебром и золотом! И порукой тому, что все это не сказка, а быль,— следы золотой обшивки в храмах Фив, во дворце Эхнатона в его солнцепоклоннической столице, во дворце Мернептаха (конец XIX династии) в Мемфисе. Разве было бы возможным неслыханное расточительство золота, если бы оно как средство обмена имело значение, сколько-нибудь близкое к современному?

После всего сказанного нам становится понятным, почему до конца новоегипетского владычества над «миром» мы не знаем ни одного купца-египтянина и почему торговцы занимали в обществе скромное и подчиненное положение. Голенищевский словник, о котором мы говорили выше, называет торговцев в конце перечня должностей и занятий, после корабельщика, «того, кто на носу корабля», кормчего, ловца водоплавающей птицы и рыбака. Торговцы действительно плавали на судах, так как река и море были самыми удобными путями сообщения. Об одном таком торговце известно, что он прямо-таки жил на судне другого торговца. Часто торговцы состояли на службе у храмов и подчинялись своим начальникам или тому или иному жрецу. Это лишний раз показывает, как далеко было новоегипетским торговцам до купцов, хотя и не исключено, что некоторые из них достигали известного уровня благосостояния. В Лейденском музее хранится лицевая * заупокойная рукопись торговца по имени Кенна (вторая половина XVIII династии). Мы встречаем во вторую половину Нового царства отдельных торговцев частных «домов», только эти «дома» мало похожи на торговые, купеческие. У двух начальников сиро-палестинских воинов было по одному торговцу, у храмовой певицы, дочери военачальника,— не меньше двух. Торговцами могли быть и рабы. Так, раб храмового военачальника состоял торговцем при своем господине. Конеч-

* То есть содержащая не только текст, но и изображение.— *Ред.*

но, торговцы не забывали и свои интересы. Они очень охотно скупали краденое имущество. Иной торговец сам имел раба. Еще до конца Нового царства некоторые из торговцев были сиро-палестинского происхождения. Особенно богаты сведениями о торговцах папирусы времени XX династии, касающиеся хищений на кладбище в Фивах.

Над всем народом, «слугами царя» или земледельцами, ремесленниками, воинами и рядовыми жрецами, стояла надменная новоегипетская знать. С презрением смотрели на толпу вельможи и сановники XVIII династии, на этот «излишек народа», как они выражались, и хвалились тем, что не говорили его языком. Правда, сословной преграды между знатью и народом не существовало, и бесчисленные мелкие и второстепенные должностные лица составляли как бы посредствующие звенья, постепенные переходы от низов общества к его верхам. Тем не менее различие между верхами и низами было разительным, и если отдельные представители или даже целые общественные слои египетского народа во времена Нового царства казались относительно обеспеченными, то по сравнению со знатью они выглядели бедняками.

Вот как представляли себе при XIX династии (по папирусу Анастаси IV и остракону Гардинера) быт сановного человека (знатный человек всегда был сановником): «Ты оделся в тончайшее полотно, ты поднялся на (колесничную) упряжку, золотой жезл в руке твоей, (что-то) у тебя новое, запряжены сирийские жеребцы, эфиопы бегут впереди тебя из добычи, добытой тобой. Ты спустился в твой кедровый корабль, оснащенный от носа до кормы, ты достиг твоего доброго замка, который ты построил себе сам. Твои уста полны вина, пива, хлеба, мяса, пирожных. Откормленные быки заколоты, вино откупорено, сладостное пение (звучит) перед тобою. Твой распорядитель умащения умащает (тебя) маслом, твой заведующий садоводством (несет) венок, твой распорядитель птицеловов доставляет уток, твой рыболов доставляет рыб. Твой корабль пришел из Сирии-Палестины (*ḫ*·*rw*), груженный всякими добрыми вещами. Твой загон полон телят. Твоя челядь здорова».

Роскошь, которую позволяла себе знать, была действительно необыкновенной: золото, черное дерево, слоновая кость, страусовые перья, тончайшее полотно, цветы, курения, благовония... Стоило, говорили, сановнику кликнуть одного слугу, как откликалась тысяча. И, приветствуя господина, слуги и подчиненные падали пред ним ниц.

Но точно так же как знать заставляла пресмыкаться перед собой подчиненных, она сама пресмыкалась перед царем, и великолепный двор приветствовал его, лежа на животах и лобзая землю. В этом, правда, не было ничего нового, но теперь у знати появились особые основания для преклонения.

С упразднением мощных хозяйств областных правителей обозначение вельможеского хозяйства как «собственного дома», противостоящего «дому царя», в Новом царстве окончательно вышло из употребления. Забавно, что единственный, кажется, пример сочетания «собственный дом» относится к царскому хозяйству, которому «собственный дом» прежде как раз и противопоставлялся. В конце XVIII династии управляющий личным хозяйством, или «домом», Аменхотепа IV в Мемфисе, Луксоре уничижительно называл себя в докладах царю «рабом собственного дома». Но это не что иное, как желание частного управляющего Среднего царства так величать себя в письмах к своим господам.

Исчезновение в Новом царстве понятия «собственный дом», противоположного понятию «дом царя», не было простой случайностью. Когда в конце XVIII династии Аменхотеп IV основывал новую столицу на никому до того не принадлежавшей и никем не занятой земле, он выразил это следующими словами: «Глядите, фараон нашел его (т. е. место будущей

столицы) (таким), что не (было) принадлежащим оно богу, что не (было) принадлежащим оно богине, что не (было) принадлежащим оно властителю, что не (было) принадлежащим оно властительнице, что не [(какой-то глагол)] [ег]о люди всякие (т. е. какие-либо), т. е. устроить, построить, чтобы сотворить что-нибудь на нем». К несчастью, глагол перед словом «люди» сильно поврежден в надписи, но предшествующее ему отрицание отлично от предыдущих и требует не прилагательного (переданного нами причастием «принадлежащий»), а спрягаемого глагола. Египетским богу или богине, властителю и властительнице место могло принадлежать, хотя на деле не принадлежало. «Люди» же «всякие» могли только «сотворить нечто на нем». Заявление царя очень любопытно. Фараон отличал право собственности на землю от права пользования ею для сооружения на ней чего-либо.

Подданные лишь пользовались землей, но и царь не считался собственником всей земли в стране. Даже свободная земля не принадлежала ему, и наряду с ним, с тем же правом собственности, владеют землей не только египетские боги и богини, т. е. их храмы, но и царица. (Надписи на ранних пограничных плитах в Эль-Амарне.)

Но как бы ни отграничивали в правовом отношении собственность на землю от пользования ею, новоегипетские вельможи пользовались ею как своей. В этом смысле примечательна надпись управляющего личным хозяйством Аменхотепа III в Мемфисе, царского тезки Аменхотепа, сокращенно Хаи (Хайи). Домоправитель, получив от царя землю, выделил из нее часть и подарил, так сказать, обратно — не царю, правда, а его изображению, царскому кумиру. Для всего Нового царства характерны упоминания о частных земельных владениях, не просто наделах, используемых на определенных условиях, но землях, закрепленных за тем или иным человеком или даже родом и находящихся в распоряжении владельца. Однако для распоряжения ими не нужно было обладать правом собственности, достаточно было права владения.

Сановники XVIII династии говорят не только о тех своих имениях, куда они ездили отдыхать, но и о владениях, разбросанных по всей стране, в Верхнем и Нижнем Египте. Во вторую половину Нового царства один сочинитель школьного поучения «заставил», очевидно, безземельных «больших и малых сирот» приходить к богачу и селиться на его землях. В гробницах сановников XVIII династии встречаются изображения многолюдных работ на поле и гумне. Но ни об одном сановнике Нового царства неизвестно, нельзя сказать, что его земельные владения по своим размерам приближались к владениям вельмож Старого царства или областных князей Среднего. Староегипетским надписям с перечнями десятков селений, принадлежавших вельможам, нечего противопоставить в новоегипетских источниках. Когда в конце XVIII династии один из виднейших вельмож Аменхотепа IV, военачальник Маи (Майа), вознесенный царем, по его словам, из ничтожества, пожелал похвалиться своим новым положением, он назвал себя «владыкой» одного городка или селения. И даже богатый сочинитель школьных упражнений второй половины Нового царства имел, случалось, владения не на своей, а на чужой, именно храмовой земле. Если некоторые изображения сельскохозяйственных работ находятся в гробницах сановников, по роду службы не имевших к ним касательства, и могут свидетельствовать, что эти работы производились в их личных владениях, то другие встречаются в гробницах вельмож, ведавших полями, а по припискам к ним подчас прямо видно, что изображенные работы ведутся отнюдь не на их собственных землях. Областные правители перестали, по-видимому, распоряжаться пахотными землями своей области. Во всяком случае, областной правитель Пахери еще в первую половину правления XVIII династии заведовал пашнями в областях

соседей, на всем юге страны. Но следует ли из этого, что местная знать стала мало значить в египетском государстве?

Костяк новоегипетской знати составляли по-прежнему местные правители. Одни из них были ставленниками царя, другие — преемниками своих отцов. Даже во вторую половину Нового царства иной областной правитель, совсем в духе Среднего царства, похвалялся знатностью происхождения. Титул областного правителя был из самых высоких. Даже начальник царского казнохранилища во времена XVIII династии получил такой титул в виде повышения. Иногда власть правителя простиралась за пределы его области; например, тинским правителям подчинялась Южная котловина (т. е. Южный оазис), хотя эта местность лежала посреди пустыни и имела своего властителя. Цари XVIII династии поддерживали самые близкие отношения с областными правителями, некоторые из них занимали важные должности и в общегосударственном управлении. Стоило в конце XIX династии пошатнуться фараоновской власти, как страна оказалась в руках местной знати.

В этой последней теснейшим образом смыкалась придворная и вообще служилая знать, вернее, та ее часть, которая была ровней местной по унаследованному положению в обществе. Но была и ненаследственная знать, обязанная своим положением личным способностям или случаю. Можно назвать видных и даже виднейших государственных деятелей еще первых двух столетий Нового царства, не говоря уже о последующем времени, которые были детьми несановных родителей, первоначально небольшими служащими, чуть ли не бедняками.

Если даже среди рядовых жрецов часто бывали представители знати, то верховными жрецами — не только первой, но и последующих степеней — числились царевичи, родственники царского дома, сыновья верховных жрецов, областные правители и в порядке совместительства важнейшие сановники, вплоть до верховных. В быту такое верховное жречество мало чем отличалось от прочей знати. Долгое время верховные жрецы одевались так же, как и остальные знатные лица, а при XVIII династии так же страстно увлекались охотой. В те времена иной верховный жрец с удовольствием вспоминал, как ходил с царем в походы и не отставал от него на поле брани.

Если и верховные жрецы бывали «распорядителями слуг божьих», т. е. жрецов, в своих храмах, то этот сан и в Новом царстве оставался важнейшим после княжеского титула у областных правителей. А если принять во внимание, что считалось желательным пополнять жречество представителями местных именитых, сановных кругов, то связь местных храмов с местной знатью станет еще приметнее.

Жреческая знать ведала громадными храмовыми угодьями, стадами, мастерскими, рабочей силой. Мы не располагаем цифровыми данными, которые позволяли бы судить о размерах храмовых владений при XVIII династии. Однако управлять «домом», т. е. хозяйством, главного государственного бога Амона не гнушались сами верховные сановники и даже такой могущественный временщик, как доверенный Хатшепсут — Сененмут. Поэтому столичный Амон, вероятно, был уже тогда очень богат. Известно также, что его стада были разбросаны по всем областям Египта. Каких размеров храмовые владения достигали во вторую половину Нового царства, можно судить по тому, что за одно только тридцатилетнее царствование Рамсеса III (начало XX династии) храмам было передано свыше 100 тыс. людей, около 500 тыс. голов скота и свыше 1 млн. сат пахотной земли, и это не считая множества других подношений и ежегодных поставок и даров. О том, что представляло собой хозяйство большого храма, красноречиво свидетельствует число подневольных людей — 62 626 «голов», переданных Рамсесом III своему поминальному храму,

посвященному Амону и ныне известному как храм Мединет-Абу. Иногда, правда, храмовым хозяйством управлял не верховный жрец, а сановник, например в храме Рамсеса III, однако правилом это не было. В тех случаях, когда хозяйством храма ведало светское лицо, оно могло быть только человеком знатным, как сын и внук верховных сановников и сам верховный сановник Тутмоса III — Рехмира.

Нельзя не признать, что храмовая знать Нового царства умела идти в ногу со временем. Движение за освобождение Египта от «властителей стран» зародилось в Фивах. Последовавшее завоевание половины тогдашнего мира было осуществлено фараонами, происходившими оттуда же. Фивы стали столицей «мировой» державы, а их городской бог Амон воспринимался уже как покровитель египетской «мировой» державы. Но значение Амона этим не исчерпывалось.

Среднеегипетское учение об Амоне как сокровенном и вместе с тем зримом в Солнце, как творце мира и подателе благ развилось ко второй половине Нового царства в предельно отвлеченную для фараоновской древности систему. Теперь Амон воплощал в себе главных богов страны, оставался Солнцем, но порождал из себя и земную растительность, был всюду — на небе и в преисподней, но как «сокрывший себя от богов», чей подлинный образ никому из них не ведом, был далек от неба и чужд преисподней. Отвлеченное учение о всебоге Амоне сочеталось со среднеегипетским же представлением о нем как о заступнике обездоленных. Но в Новом царстве и это представление получило дальнейшее развитие. Целитель больных, неподкупный заступник бедняка на суде, спасающий человека из руки надменного, дыхание того, кто заключен в темнице, вызволяющий из самой преисподней, гневный всего на миг, прогоняющий страх и подающий радость — таким представляли себе Амона его новоегипетские почитатели. Именно таким он предстает в надписях ремесленников, мелких жрецов и служащих. Но эти же его свойства прославлялись и в школьных молитвах-прописях и даже в самых торжественных славословиях — вперемежку с восхвалениями его таинственности и всесокрушающей силы.

В исполинских храмах Амона в Фивах громады привратных башен, дворов, чертогов сменялись недоступными простым смертным покоями, где в таинственном мраке обитал идол. А на храмовом дворе изваяние чтимого мужа — зодчего Аменхотепа, сына Хапи,— приглашало читавших надпись возносить свои молитвы Амону через посредство его, царского любимца. Сюда, к этим храмам, в камне славившим величие и мощь Амона и его сына-фараона, шли победители сложить добычу перед незримым вдохновителем их побед. Сюда же шли излить перед Амоном свои горести и выразить ему благодарность простые горожане. Впрочем, они охотно обращались не только к государственному богу Амону, но и к второстепенным местным божествам, например к чтимому на западном берегу Фив обожествленному мертвому царю Аменхотепу I и к горной вершине под названием «Любит она молчание».

То же самое, что и в Фивах, происходило с теми или иными изменениями и в других больших городах. Стоило в середине Нового царства поколебаться могуществу Амона, как Птах, бог Мемфиса, с готовностью взялся «вложить» в руку царя победный меч. Впрочем, еще Тутмос IV был изображен в Мемфисе поражающим врага перед Птахом. Все это не мешало размышлять о Птахе в духе староегипетских мудрствований и обращаться к богу Мемфиса как к «слушающему мольбы». В городе Птаха имелись и свой «Аменхотеп I» — обожествленный царь VI династии Тети, и своя «вершина» — великий сфинкс. И если в Фивах свой поминальный храм царь посвящал Амону, то в Мемфисе он имел возможность посвятить такой же храм Птаху.

Посвящение поминальных царских храмов тому или иному местному богу стало возможным после того, как они обособились от гробниц. Со времени Тутмоса I от пирамиды как месте царского упокоения окончательно отказались. Тутмос I велел вырубить себе гробницу в недрах скалы на западном берегу Фив, что было проделано втайне под руководством царского зодчего Инени (Анани). Так возникло новое царское кладбище с пещерными гробницами, иной раз в сотню метров длиной, в глухом ущелье, именуемом ныне Долиной царей (Биба́н эль-Молу́к — «Врата царей» по-арабски). А поминальные храмы остались в речной долине, у подножия скал. Посвящение таких храмов Амону означало подчинение ему царя и после смерти. На рубеже Старого и Среднего царств царские пирамидные заклинания были распространены на гробницы простых смертных. При XVIII династии, наоборот, свод заупокойных заклинаний (для «выхода днем» из гробницы и т. п., известный в науке под названием «Книга мертвых»), приспособленный для заупокойного культа простых смертных, считался обязательным и для царей! Он сопровождал мертвеца на тот свет в записи на свитке папируса, иногда на саване или на гробничных стенах. И царям приходилось наряду со всеми оправдываться в сорока двух грехах перед загробным судилищем Осириса и заклинать магических статуэток («куколок»), чтобы они работали за них, если их (царей!) на том свете заставят отбывать повинности... И здесь торжество храмовой веры, веры в богов над верой в царя было полным.

Усиление общественного значения храмов, увеличение их влияния вполне соответствовали углублению религиозных представлений среди населения. С середины XVIII династии частные лица стали покрывать свои заупокойные плиты изображениями местных божеств. Если при XVIII династии сановники верили в посмертное переживание изображенных на стенах гробниц бытовых утех и успехов по службе, то состоятельные люди времени XIX—XX династий, судя по их гробничным изображениям, стремились не столько к повторению после смерти реальной, пройденной ими жизни, сколько к благоустройству в таинственном загробном мире.

СОЛНЦЕПОКЛОННИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ
(первая половина XIV в. до н. э.)

Когда умер Аменхотеп III, престол перешел к его юному и неопытному сыну от царицы Тэйе Аменхотепу IV. Царь Митанни Тушратта, прося нового фараона о продлении дружбы между обоими дворами, советовал ему справляться о международных делах у матери и сам просил вдовствующую царицу оказывать влияние в благоприятном для него смысле на сына. В незаконченной гробнице Аменхотепа III в Фивах не было сделано никаких изменений или добавлений, враждебных старым богам, хотя стены ее пестрели их изображениями. Заупокойная служба по умершему царю была поручена особым жрецам. Царица-вдова занялась сооружением мужу заупокойных памятников, на которых по стародавнему обыкновению обращалась к богу мертвых Осирису. Пятичленная царская титулатура, принятая новым фараоном, была самой лестной для столичных Фив из всех, когда-либо принятых властелинами Нового царства. Казалось бы, ничто не предвещало надвигавшейся бури.

И все же очень рано в царской титулатуре молодого фараона появилось знаменательное добавление. По-видимому, через несколько месяцев, если не год спустя после воцарения Аменхотеп IV присоединил к своему фараоновскому имени слова «Единственный для Ра» в смысле «Имеющий исключительное значение для Солнца». Этому эпитету, засвидетельствованному уже для начала 2-го года царствования, суждено было стать потом излюбленным именем фараона. Не позже того же 2-го года местопребывание двора в Фивах получило необыкновенное название «Замок ликования (или: ликующего?) в (т. е. на) небосклоне». По виду это были очень скромные нововведения, которые как будто бы не могли вызвать резкого противодействия. Тем не менее еще на 6-м году царствования фараон хорошо помнил о чем-то дурном, «слышанном» им на 1-м. Однако в народе новые веяния почти не ощущались, и на печатках и украшениях спокойно называли царя-солнцепочитателя вместе со старыми богами. Ил. 167

Да и зарождающиеся нововведения солнцепочитания легко укладывались в прежние понятия и не противоречили старым обычаям еще в конце 3-го года царствования. Правда, при отделке вельможеских гробниц стали уделять особое внимание Солнцу и его царственному почитателю, однако оно именовалось по-старому «Ра-Хором-Небосклонным» (Рией-Харой-Небосклонным), «большим богом, владыкою неба», реже попросту Ра (Рией),

166. Изваяние бога Птаха, XVIII династия
167. Скульптурные изображения фараона Аменхотепа IV (Эхнатона):
а) статуя из Карнака;
б, в) головы статуй из Карнака;
г) гранитная статуя;
д) раскрашенная известняковая голова из Эль-Амарны
168. Начальник ваятелей Бак с женой, стела, XVIII династия

т. е. «Солнцем». Даже древний антропоморфный солнечный бог Атум (Атама), позже отвергнутый, пользовался тогда при дворе известным признанием. Наименование Атон (Йати — «Видимое Солнце») уже охотно прилагалось к царскому богу, хотя таким употребительным, как впоследствии, оно не было. Тем не менее именно Солнцу воздвигали храм — «Дом Атона (Йати)». Работами по сооружению храма руководил царский стольник Пареннефер (Па-рин-нафа). Впрочем, на 3-м году царствования у нового бога имелся еще один храм под другим его своеобразным наименованием — «Дом Ра, ликующего в (т. е. на) небосклоне»; храм владел виноградниками, вероятно, в Нижнем Египте. Царь же ввел к концу 3-го года в свою титулатуру необычный эпитет — «большой по веку своему», т. е. «долговечный».

Никаких признаков отрицания старых богов и в конце 3-го года царствования незаметно. Никто не возбранял придворным изображать и призывать в их гробницах любые древние божества и даже представлять царя и его мать почитающими их. В глазах вельмож бог столицы Амон все еще был важнее нового бога. И даже вдали от Фив народ клялся как ни в чем не бывало Амоном и царем.

Незадолго до начала 4-го года царствования Солнце получило новое, особенное имя. Обозначения, под которыми царское божество было известно в первые годы правления,— «Ра-Хор-Небосклонный», «Ликующий в (т. е. на) небосклоне», «Атон» — были объединены с довольно частым в те времена словом для Солнца «Шу» («Шау») в одно сложное имя «Ра-Хор-Небосклонный, ликующий в (т. е. на) небосклоне под именем своим как Шу, который есть Атон». На первое время, видимо до подыскания подходящего лица, верховным жрецом новоявленного бога фараон провозгласил себя, и этот жреческий сан в течение нескольких месяцев значился в царском титуле. От этого времени сохранилось небольшое славословие Солнцу, напоминающее произведения последующих лет и своим содержанием и особенно посвящением одновременно Солнцу под его полным именем и Аменхотепу IV.

Не позже начала 4-го года, а вероятно, гораздо раньше царь отрядил множество людей со своей страны, от ее южного края до северного, в песчаниковые каменоломни к югу от столицы. Здесь под наблюдением сановников и начальников резчиков ломали камень для столичного солнечного храма, а также высекали для него большой столп наподобие почитавшегося в древнем городе Солнца Гелиуполе (Ане) и все затем отправляли водой в Фивы. Свое сооружение царь воздвигал рядом с государственным храмом

166

167а

167б

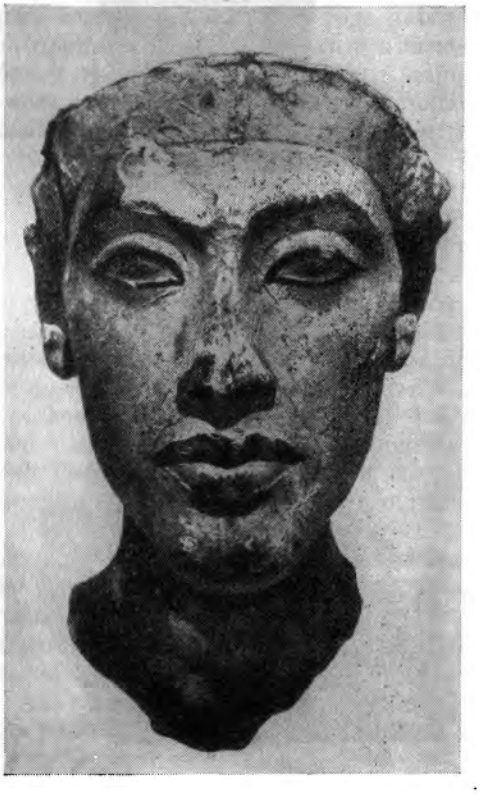
167в

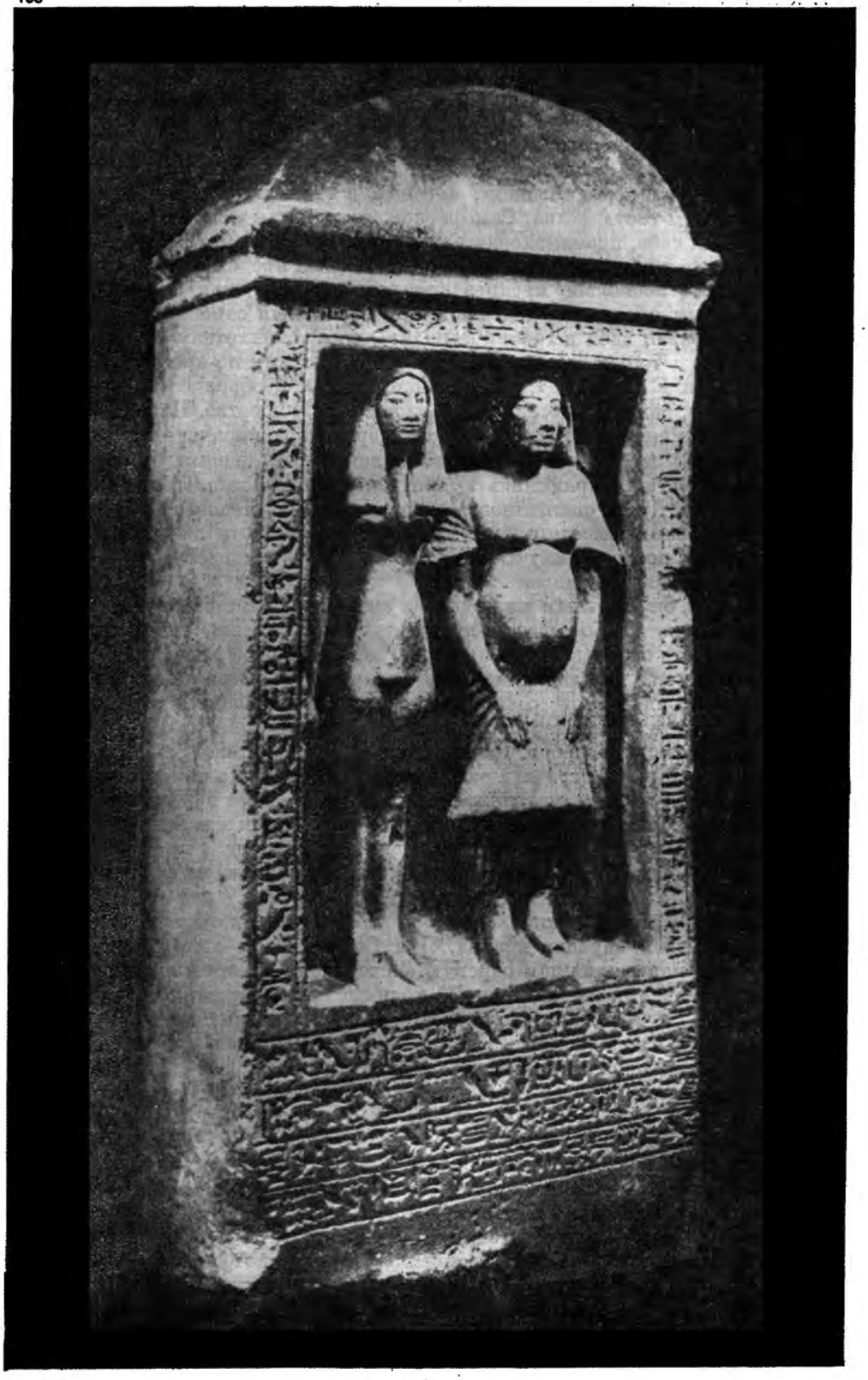

167г

167д

Амона в Карнаке. В 3—4-м годах строительство продвинулось настолько, что можно было приступить к отделке стен изображениями, которые пока что мало отличались от прежних, и надписями. Образ Солнца в виде человека с головой сокола, увенчанной солнечным кругом, был унаследован от древнего «Ра-Хора-Небосклонного». Изображения царя, посвящающего или подносящего приношения, тоже следовали старым образцам.

Хотя в каменоломнях работали на нового бога, над оставленной там (незадолго до начала 4-го года) памятной надписью, Аменхотепа IV изобразили все-таки перед Амоном, который в глазах сановников оставался главным богом государства. Сам фараон, строя храм новому богу в столице, присвоил себе, переименовав в свои, отцовские изображения в далеком эфиопском храме, на которых Аменхотеп III был представлен почитающим Амона! Даже несколько месяцев спустя после того, как Солнце назвали новым особым именем, не кто иной, как верховный сановник государства
Ил. 170б Рамос, изобразил себя в гробнице подносящим Аменхотепу IV дары сперва от Амона и только потом от нового бога. Никому по-прежнему не возбранялось ни в гробницах, ни в каменоломнях изображать и призывать старых богов, даже представлять фараона в их обществе. Пареннефер мог быть одновременно доверенным лицом царя и «распорядителем слуг бога (т. е. жрецов) всех богов». Мало того, некоторые древние боги и баснословные существа сохранились в самых новых представлениях солнцепоклонничества. Души священного города на западе Низовья, люди с соколиными головами вместе с песьеголовыми обезьянами по-прежнему воздавали хвалу восходящему Солнцу; и тех и других изображали на стенах храмов и ваяли из камня.

Но каким бы прочным ни казалось еще положение старых богов, храмовое богатство все больше и больше отходило к новому сопернику. Если другим богам страны зерно отмеряли обычными мерами, то Солнцу к концу 4-го года царствования — переполненными. Храм Солнца — «Дом Ра-Хора-Небосклонного» располагал уже значительными угодьями и в Нижнем Египте. Для жертвоприношений в столичном солнечном храме отпускались тысячи хлебов. Должностному лицу, которое не порадело бы об имуществе Солнца, грозила опасность быть отданным им «в руку» царя.

На конец 4-го года правления приходится резкий перелом в отношении царя, с одной стороны, к Солнцу, с другой — к старым богам. «Ра-Хор-Небосклонный, ликующий в (т. е. на) небосклоне в имени своем как Шу, который есть Атон» был провозглашен царствующим фараоном. Солнечное имя стали писать в двух кольцах (картушах) как фараоновское. Даже простые имена Солнца «Атон» и «Ра» начали в скорописи (иератике) заключать в царские кольца. Для Солнца была составлена длинная титулатура, напоминавшая царскую. Летосчисление продолжали вести по годам царствования Аменхотепа IV, но после числа перестали писать «при» Аменхотепе IV, поскольку первым фараоном считалось Солнце.

Вслед «за воцарением» Солнца резко изменилось его изображение. Прежний образ человека с головой сокола, увенчанной солнечным кругом, заменился новым: круг с солнечной или царской змеей (уреем) спереди и множеством устремленных вниз лучей с кистями человеческих рук на концах.

Такой способ изображения Солнца при полном отказе от его очеловечения наглядно свидетельствовал, что за своим божеством фараон признавал только один облик — зримого Солнца.

Но в образе древних богов, приукрашенных, с торжественной осанкой, искони изображались фараоны, сами почитавшиеся за богов. Так изображали и Аменхотепа IV в первые годы его царствования. Теперь же, после отказа от старых богов, царя стали изображать в естественном виде со всеми далеко не всегда привлекательными особенностями строения его

головы и туловища. Череп у царя выдавался назад, лицо было узким, с большими раскосыми глазами, мягко очерченным тонким носом, пухлыми губами и острым, отвислым подбородком. Тонкая длинная шея слегка отгибалась назад. Груди выступали, а грудная клетка была впалой. У невысокого ростом фараона был вздутый живот, бедра толстыми, руки и ноги тонкие. И чем резче, чем отчетливее подчеркивали художники особенности телосложения царя, чем меньше его новые изображения походили на отвергнутые, старые, тем больше они нравились фараону. К началу 6-го года правления Аменхотепа IV художники постепенно дошли до такого преувеличения его особенностей, что изображения этого и ближайшего последующего времени производят на европейца впечатление злой карикатуры. Однако их менее всего принимали тогда за таковую. Новому облику фараона как образцу стали уподоблять изображения царицы и других людей.

Отказ от вековых правил в искусстве имел и иные последствия. Стены нового храма были покрыты не только изображениями царя, служащего лучистому Солнцу или шествующего в его лучах. Они были также испещрены случайными изображениями бытовых сцен со множеством действующих лиц. Иногда такие изображения, небрежно выполненные, очень живо передавали движение. Столичный храм Солнца уже представлял большое сооружение, состоявшее из ряда самостоятельных частей, носивших каждая особое название. Фараон всеми силами подчеркивал свою преданность Солнцу. Судя по воздвигнутым в храме большим царским изваяниям и по стенным изображениям, царь носил пластинки с полным солнечным именем на груди, на животе, над кистями рук и на предплечьях.

Тем не менее фараон не порвал еще окончательно ни с Амоном, ни с другими старыми богами. Имя царя по-прежнему звучало «Аменхотеп», что значит «Амон доволен». На 5-м году правления домоправитель фараона в Мемфисе по имени Ипи (Апи), пользовавшийся и впоследствии расположением царя, докладывал ему о целости и сохранности храма его «отца» Птаха и исправных жертвоприношениях городским богам и богиням «за жизнь, целость и здоровье» фараона. При этом Ипи ни словом не обмолвился о новом божестве, а считал покровителем царя Птаха.

Пятичленная полная титулатура царя по-прежнему выражала его благоволение к столице, но в начале 5-го, если только не в самом конце 4-го года правления было сделано знаменательное добавление. Перед царским и перед личным именами царя появились слова «живущий правдою», имевшие, впрочем, отношение не столько к солнцепоклонничеству, сколько к государственной деятельности Аменхотепа IV.

На 4-м году правления фараону пришлось снова «услышать» что-то очень дурное — быть может, в связи с его решительными нововведениями. Хотя соответствующее место в речи царя от 6-го года правления на пограничных плитах Ахетатона сильно повреждено, из него все же как будто бы следует, что на 5-м или 6-м году произошло нечто худшее по сравнению с «услышанным» царем на 1-м и 4-м годах или «услышанным» его предшественниками. Сооружение Аменхотепом IV именно в Фивах, а не в каком-либо другом месте главного храма своему Солнцу, не говоря уже о доброжелательном отношении к столице, выраженном им в своей титулатуре, убедительно свидетельствует, что первоначально он ничего не замышлял против господствующего города, как такового, хотя к 5-му или 6-му году правления значение и доходы Амона уже сильно уменьшились, а значение и доходы царского Солнца, обосновавшегося рядом с его храмом в Карнаке, невероятно возросли. Но еще в конце 4-го года, уже после «воцарения» Солнца, верховному жрецу Амона Маи царь поручал добычу камня для его, фараона, изваяния в каменоломнях Восточной пустыни.

«Дурное» ли, «услышанное» в Фивах, или нечто иное побудило царя порвать со столичным городом, но только в начале 6-го года правления фа-

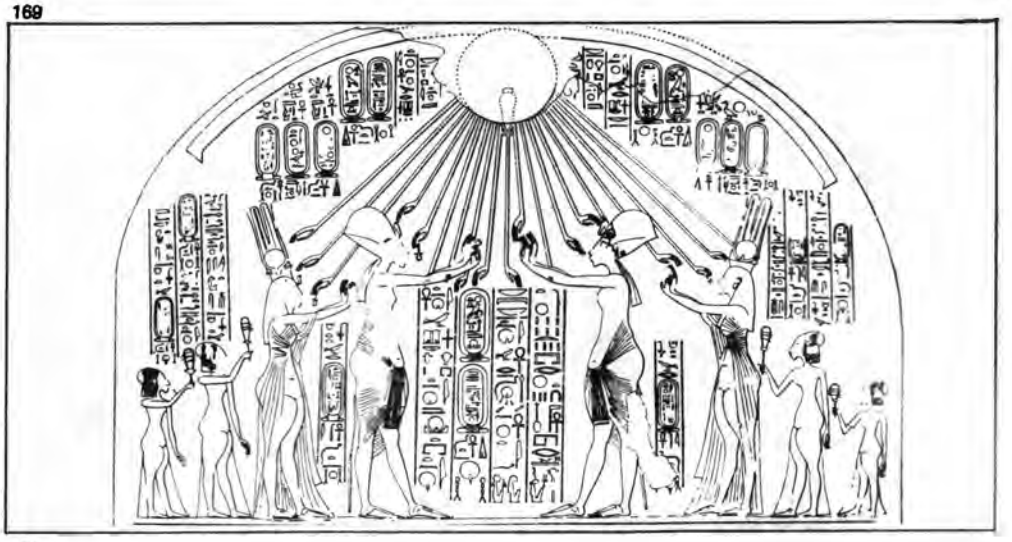
169. Верх пограничной плиты, рельеф из Эль-Амарны, XVIII династия

170. Рельефы из Эль-Амарны, XVIII династия:
а) Эхнатон назначает верховным жрецом временщика Туту;
б) Эхнатон награждает верховного сановника Рамоса

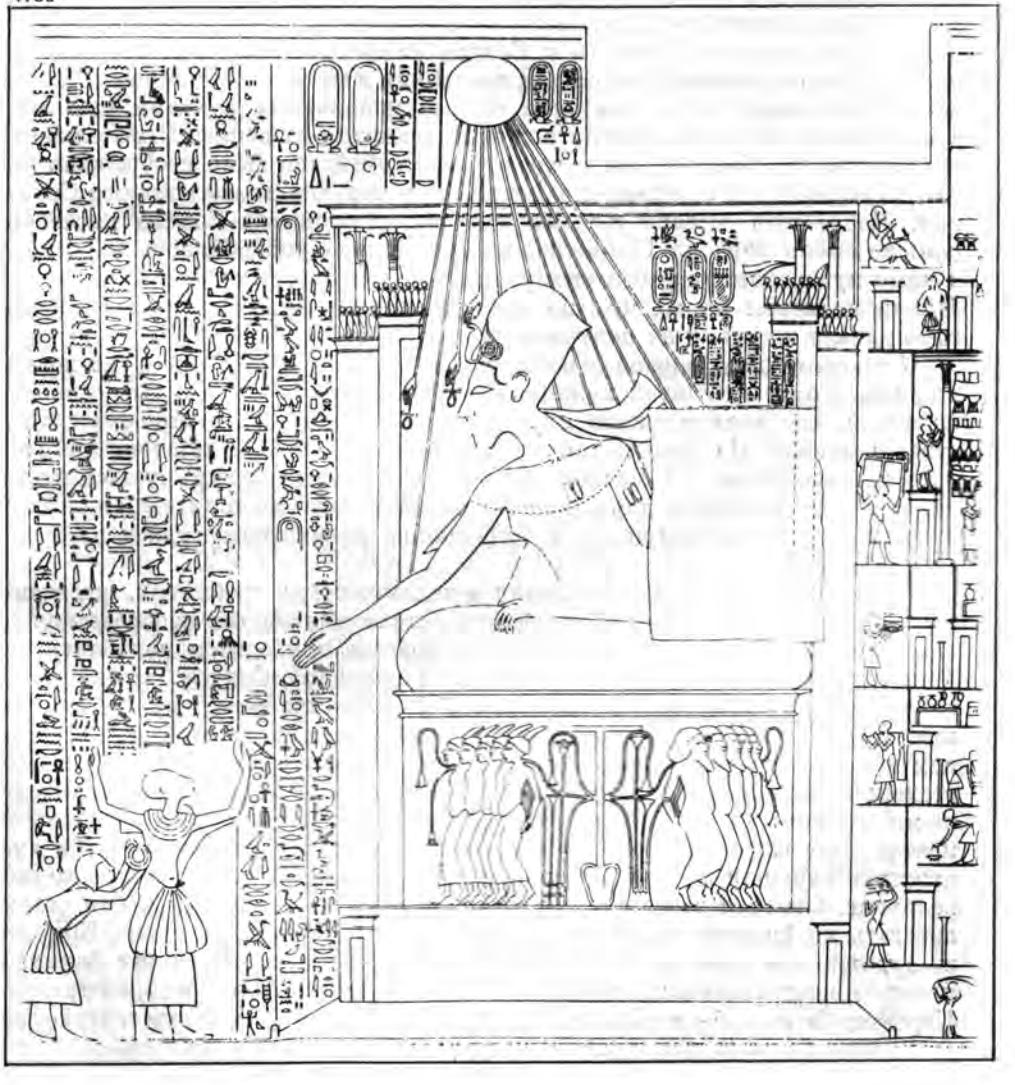
раон основал новую столицу. Наверное, одновременно он заменил в своей царской титулатуре все, что напоминало о прежней столице и ее боге, а взамен ввел наименования в честь Солнца и нового города. В частности, вместо прежнего личного имени «Аменхотеп („Амон доволен"), бог, властитель Фив» царь принял имя Эхнатон (Ах-на-Йати), что значило «Полезный Солнцу». Место для новой столицы было выбрано в Среднем Египте, на правом берегу реки, где горы, отступая от нее полукругом, образуют просторную равнину. Ныне это место известно под названием Эль-Амарны. Весной 6-го года правления на равнине был разбит царский шатер, и фараон направился на золотой колеснице туда, где хотел основать город. В жертву Солнцу принесли хлеб, пиво, скот, птицу, вино, плоды, фимиам и всевозможную зелень. Стоя на колеснице под горячими лучами Солнца, царь велел собрать придворных и военачальников. Когда те распростерлись перед ним на земле и облобызали ее, он обратился к ним с речью, в которой место для нового города объявил облюбованным и указанным самим Солнцем. Выслушав одобрительный ответ двора, фараон воздел руку к небу и поклялся своим лучезарным «отцом», что никуда не перенесет его город, но построит его именно здесь согласно желанию Солнца и создаст в новой столице храмы, дворцы и гробницы. Город был назван Ахетатон (Ах-Йати), что значит «Небосклон Солнца», т. е. место, где Солнце касается земли, прежде всего при восходе, но также и при закате (различали «восточный небосклон», «западный небосклон»). Ахетатон был признан исконным местом Солнца, его местом с первобытных времен, которое оно отвело себе, окружив его горами. Прилегающий к городу округ — горы, пустыня, поля, воды и побережье с людьми, стадами и «всякой вещью» — был провозглашен достоянием Солнца. Было сделано все, чтобы превратить его и в местного бога Ахетатона наподобие местных божеств других городов Египта.

Первое время после основания новой столицы, примерно до 8-го года правления, усиленно строили собственно город. Гробницы если и были частично заложены, то их еще не успели отделать теми изображениями и надписями, которым суждено было стать главным источником наших сведений об Аменхотепе IV и его солнцепоклонничестве. На скалах, сперва на правом, а потом и на левом берегу реки, высекали одну за другой пограничные плиты города. На них представлено царское семейство, служащее лучистому Солнцу, и вырезаны рассказ об основании Ахетатона и царская клятва. Царь возобновил ее на 8-м году своего правления при осмотре пограничных плит. Искусство этого времени оставалось на уровне, до-

169

170a

171. Стража столицы, рельеф из Эль-Амарны, XVIII династия

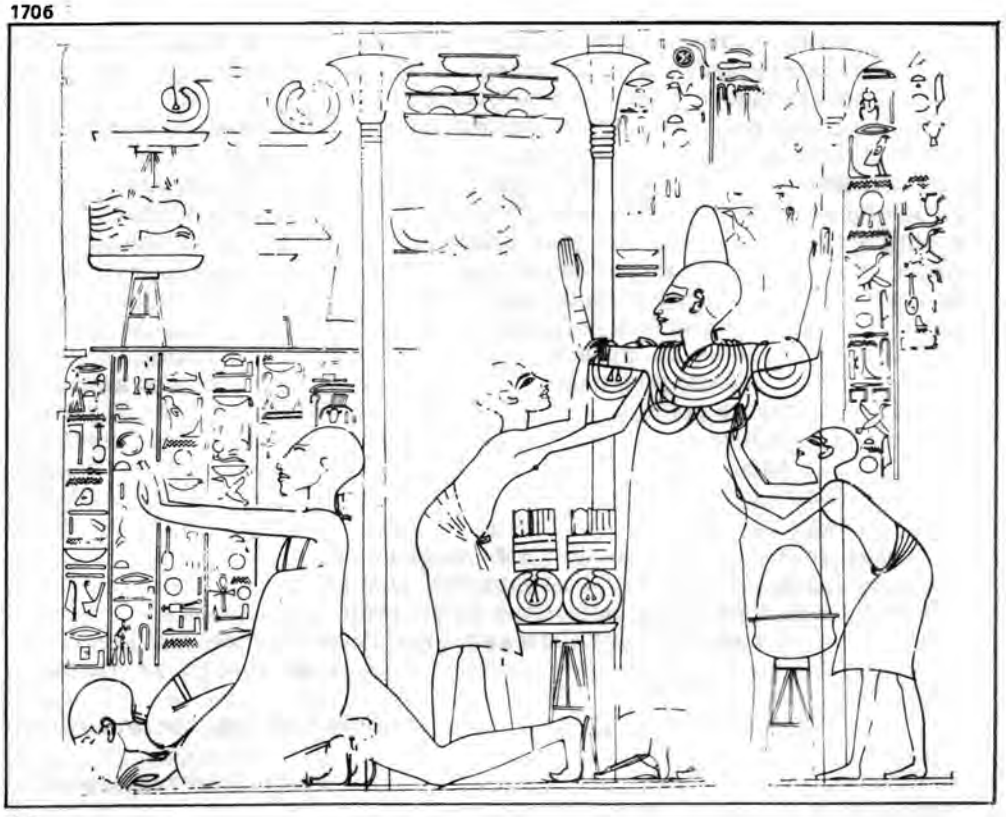
стигнутом в Фивах. Изображения фараона стали едва ли не еще более уродливыми, чем в старой столице, и даже красивую царицу Нефертити изображали наподобие ее мужа.

Фараон продолжал питать к Солнцу самые горячие чувства. Тело и руки царя по-прежнему покрывали пластинки с солнечным именем. Теперь на изображениях солнечные лучи своими маленькими ручками уже любовно обнимали царя и царицу или поддерживали их венцы. В молельне в древнем городе Сонца Гелиуполе царское семейство было изображено не только молящимся коленопреклоненно, но и целующим землю перед Солнцем. После года, месяца и числа имя «царствующего» Солнца писалось раньше имени фараона. Солнечное имя все больше уподоблялось царскому, к нему присоединили слова «кому дано жить вечно, вековечно». И их добавили несмотря на то, что, по представлениям Аменхотепа IV, Солнце само давало жизнь, а не получало ее от кого бы то ни было!

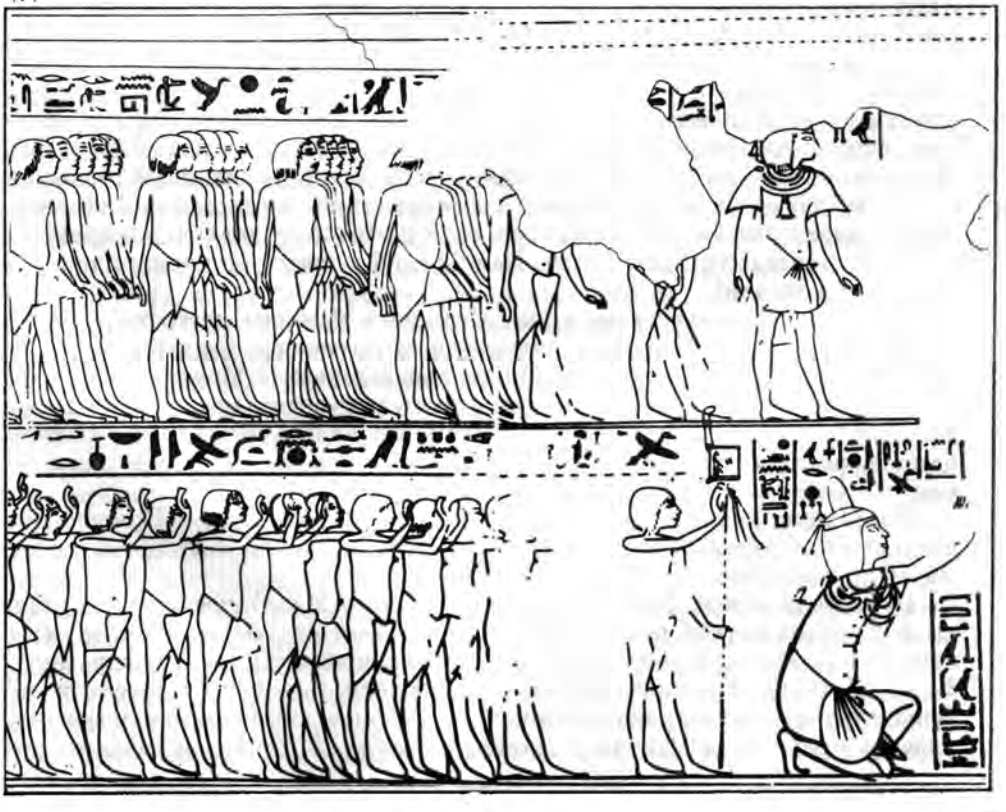
К старым богам фараон относился еще терпимо в год основания новой столицы. Тогда он считал нужным оговорить, что место, где был основан Ахетатон, «не принадлежало ни богу, ни богине, ни властителю, ни властительнице». На древнейших пограничных плитах Ахетатона не раз упоминались «боги (и) богини». При основании города царь клялся построить в нем гробницу для священного быка, издавна почитавшегося как явление Солнца в Гелиуполе. Это обещание, по-видимому, так и не было выполнено.

Примерно с 9-го года правления в вельможеских гробницах, высекавшихся в скалах за городом Ахетатоном, стали появляться изображения и надписи. На время между 9-м и 12-м годами приходится подавляющее большинство сохранившихся славословий царскому Солнцу, хотя не исключено, что некоторые из них могли быть составлены в предшествующие годы. Острота противопоставления нового старому в изобразительном искусстве, особенно ощутимая в годы разрыва с прошлым, начала постепенно сглаживаться. Изображения Эхнатона с нарочито преувеличенными особенностями строения его тела, хоть и выполненные в смягченной манере, еще встречаются в начале данного отрезка времени, но затем художники перешли к более правдивому воспроизведению облика своего повелителя. Отмечая особенности строения его лица и туловища, они стали избегать крайностей «преувеличивающего» способа изображения. Кое-кто из художников даже впадал в другую крайность, придавая лицу фараона нежную мечтательность, вряд ли отличавшую крутого преобразователя. Перемена в способе изображения царя влекла за собой соответствующие

170б

171

изменения и в манере изображения царицы и других лиц. Титулы, сопровождавшие солнечное имя между 8-м и 12-м годами, подвергались неоднократной переделке и дополнялись, отчасти, возможно, с целью дальнейшего усугубления в них фараоновского облика.

К 9—10-му годам правления относится известный нам случай преследования бога отверженной столицы — Амона. Под запрет попало личное имя покойного Аменхотепа III: чтобы не упоминать об Амоне, в Фивах стали повторять престольное имя царя и вместо «Небмаатра» и «Аменхотеп, властитель Фив» писали два раза «Небмаатра». К тому же времени относится, видимо, сознательное опущение в письме знака бараньей головы, поскольку баран считался священным животным Амона (в старых надписях этот знак определенно истребляли). Известны также случаи уничтожения имени Амона на прежних памятниках, имевшие место не позже 12-го года. В новой столице надписи 9-12-го годов уже ни разу не называют по имени ни одного старого божества, не содержат и слов «боги», «богини». Однако отдельные неопределенные намеки на существование прежних богов можно еще обнаружить на столичных памятниках, и даже близкие ко двору лица продолжали носить имена в честь старых божеств. Впрочем, к концу данного отрезка времени кое-кто из таких особ уже переименовал себя в честь Солнца. Те из сановников, в именах которых упоминался Амон, сделали это, по-видимому, еще раньше. Вполне возможно, например, что верховного сановника Нахтпаатон (Нахт-па-Йати — «Крепко Солнце») и управляющего царским хозяйством Паитнемхеб (Па-Йатима-ху — «Солнце в празднестве») звали прежде Нахтамон (Нахт-Амана) и Аменемхеб (Аман-ма-ху).

Так обстояло дело в столице. А как прививалось царское солнцепоклонничество на местах?

Вот заупокойная плита из древнего города Солнца Гелиуполя, поставленная между 9-м и 12-м годами царствования. «Писец стола владыки обеих земель» Хаи (Хайа) посвятил ее своему отцу — «распорядителю быков Дома Ра» и жрецу Панехси (Па-нхаси). Вверху сын, царский служащий, как подобает в новой столице, молится вместе с женой лучистому Солнцу, надписанному его царственным именем. На основной же части памятника отец и мать посвятителя стоят перед Солнцем в его стародавнем образе человека с головой сокола, увенчанной солнечным кругом. И названо оно здесь тоже по-старому: «Ра-Хор-Небосклонный, большой бог». Так же названо оно в одном из заклинаний, тогда как другое обращено к давно позабытому при дворе, хотя и отождествлявшемуся прежде с Ра Атуму, «владыке Гелиуполя». Как будто бы ничего не произошло с начала царствования!

Управляющий хозяйством «Дома Солнца» в Мемфисе построил себе там гробницу, но от нее, к сожалению, мало что осталось. Если бы не должность ее хозяина, не его переделанное впоследствии в Мерирра (Маритиа) имя да налет солнцепоклоннического искусства, мы никогда бы не догадались, что имеем дело с памятником, созданным между 9-м и 12-м годами царствования Эхнатона, настолько по-старому выглядят заклинания!

Но Гелиуполь и Мемфис были полустоличными городами. В менее значительных областных городах старое и новое переплеталось, по-видимому, много причудливее.

Правитель города Панополя Нахтмин (Нахт-Мина) поставил две плиты в середине царствования Эхнатона: одну — в первые годы после основания Ахетатона, другую — в ближайшие последующие (между 9-м и 12-м). Хотя первая плита целиком посвящена Солнцу, правитель и его жена чтут его по-старому. Лишь внимательное обследование позволило уловить отголоски столичного солнцепочитания. Боковина и часть второй

плиты надписаны вполне по-столичному, но славословие Солнцу посреди нее — совсем старое, упоминающее не только Атума, но и «мать» Солнца! Мало того, на верхушке плиты изображены два пса кладбищенского бога Анубиса, и, точно для того чтобы никто не усомнился в том, кого они представляют, к изображению каждого приписали «Анубис». В дальнейшем мы увидим, что областные правители позволяли себе еще большее.

После всего сказанного неудивительно, что на далеком западе Низовья старший виноградарь «Дома Солнца» Аменемопе (Аман-апа) не менял по меньшей мере до 11-го года правления своего сложенного в честь Амона имени, хотя в столице в то время уже объявили или готовы были объявить беспощадную войну отверженному «царю богов». Впрочем, на том же западе Низовья и в том же, 11-м году правления другой старший виноградарь уже носил имя в честь Атона.

Такова в общих чертах последовательность событий до 12-го года царствования, насколько она может быть восстановлена по имеющимся памятникам. Но уже из этого обзора видно, что за первые 12 лет правления Аменхотепа IV (Эхнатона) в Египте произошел настоящий переворот. Потрясены были древние устои. Вековое господство Фив было уничтожено. Столицей стал новый город, выросший со сказочной быстротой, всего за несколько лет, в безвестном, пустынном захолустье. Амон, еще недавно бог главного города, первенствующее божество «мировой» державы, сделался предметом преследования. Других старых богов перестали чтить при солнцепоклонническом дворе. Вместо сонма тысячелетних божеств Египта фараон и его двор почитали одно Солнце, да и то под неслыханным именем и в невиданном образе. Изобразительное искусство отошло от своих многовековых устоев. Строители храмов отказались от всех прежних образцов, за исключением разве принятых в древнем городе Солнца Гелиуполе. В литературный среднеегипетский язык влился разговорный новоегипетский.

Но что же вызвало подобные перемены? Исчерпывающий ответ можно будет дать только тогда, когда будет по-настоящему изучено развитие новоегипетского общества. До тех пор приходится ограничиваться частичными наблюдениями.

В новой столице, в гробницах сановников, было начертано немало надписей, полностью или отчасти посвященных благодеяниям, оказанным фараоном хозяевам гробниц. Сановники наперебой выставляли себя «созданиями» фараона (т. е. взращенными фараоном), вознесенными им из ничтожества и нищеты. Вот два образца подобных прославлений царственного милостивца. Военачальник Маи писал: «[Слу]шайте, что я скажу, всякое око (т. е. все, кто прочтет надпись), большие, как и малые! Я расскажу вам о благодеяниях, оказанных мне властителем, и вы скажете: „Как велико сотворенное этому сироте!“, и [в]ы пожела[ете] ему (т. е. царю) вековечность в тридцатилетних празднованиях, вечно (быть) владыкою обеих земель (т. е. Верхнего и Нижнего Египта), и он сделает вам [подобное] сделанному мне богом, дающим жизнь. Я — сирота о отце (и) матери. Создал меня властитель. Он дал стать (?) мне (чем-то), (после того как) обо[гатил] меня своим питанием, (а) я был неимущим. Он дал стать для меня моим людям... (чем-то). Он дал умножиться моим братьям. Он велел заботиться (?) обо мне всем моим людям, (когда) я стал владыкою селения. Он дал смешаться мне с сановниками (и) друзьями (царя, т. е. придворными), (а) я был тем, кто позади. Он дал мне питание — пищу повседневн(ую), (а) я просил хлеба». Один из главных жрецов Солнца, Панехси, обращался к царю с такими словами: «Хвала тебе, мой бог, создавший меня, определивший мне благодеяния, явивший меня, предоставивший мне довольствие, обеспечивший потребное мне своим питанием, властитель, сделавший меня человеком, давший мне смешаться с жалуе-

мым им, [да]вший всякому оку знать меня (с тех пор, как) я отличен [перед на]родом (?), давший мне быть богатым, (а) я был сир (т. е. беден)». «Сиротой» в прошлом и сановником милостью фараона («я — сановник из (тех, что) творит властитель») называл себя военачальник Рамсеса. Начальник казнохранилища Сута утверждал, что его, «сироту», фараон возвысил, сделал человеком.

В сходных словах, хотя и не называя себя «сиротами», говорят о себе и многие другие вельможи. Они тоже «сделанные», «созданные», «явленные» (в смысле «взращенные») фараоном, причисленные им к знати и т. д. Вполне возможно, что подобные заявления были лишь данью появившемуся при дворе обыкновению прибедняться, чтобы лучше оттенить царские щедроты. Но примечательно, что такое обыкновение завелось. В предыдущие царствования подобные заявления, рассказы о возвышении царем из нищеты и ничтожества были величайшей редкостью. На одном черепке (середина XVIII династии) написано несколько назидательных строк, прославлявших возвышение безродного бедняка царской милостью. Но это не рассказ определенного, жившего тогда вельможи о собственной судьбе. Знаменитый сановник Аменхотепа III, Аменхотеп, сын Хапи, выставлял себя бедняком или простаком, возвеличенным царской милостью («нет простолюдина, которому было бы сделано подобное»). Но и он не употреблял слова «сирота». В устах солнцепоклоннических вельмож, как и вообще нередко в Новом царстве, слово «сирота» и образованные от него слова «сиротство», «сиротствовать» звучали тогда, когда имели в виду лиц с незавидным общественным и имущественным положением (сравни сходное словоупотребление в русских челобитных: «сироты твои»). Далее. Вельможи в солнцепоклоннической столице величали фараона «творящим сановников, зиждущим сирот», «творящим сановников своим питанием», «творящим людей», утверждали, что нет «сиротства» для внемлющего замыслам царя, для заключившего его в свое сердце, для жалуемого им. Подобные выражения были неупотребительны в предшествующие времена. В этой связи нельзя не привести слова, «вложенные в уста» царю его могущественным временщиком Туту (тоже выдававшим себя за обогащенного фараоном). Согласно надписи в его гробнице, царь объявил гражданским и военным должностным лицам, что обяжет «своих больших сановников, равно как и всякого сановника, созданного фараоном, во всей стране (т. е. в Египте)» платить ежегодную подать царскому любимцу.

Для правильного понимания сущности переворота следует всегда учитывать то исключительное положение, которое Эхнатон занимал в государстве, положение, необычное даже для египетского царя. Подавляющее большинство изображений в вельможеских гробницах в Ахетатоне посвящено фараону. Его изображали за самыми различными занятиями: то он служит Солнцу, то направляется в его храм, принимает дань, награждает вельможу, назначает на должность, обедает или ужинает во дворце, прохлаждается в садовой беседке и т. д. Большинство молитв, начертанных в домах и гробницах, было обращено одновременно к Солнцу и его «сыну». Храмы, дворцы, особняки и усыпальницы изобиловали именами Солнца, царя и царицы, выписанными вместе, одно подле другого. Изображения царского семейства под лучезарным Солнцем помещали в служебных помещениях и жилых домах для поклонения им. В самообожествлении фараон далеко превзошел предшественников. В Фивах и в Ахетатоне существовало особое жречество царствующего фараона. Верховным жрецом
Ил. 170а царя в новой столице был не кто иной, как всесильный временщик Туту. Во время царских выходов и служения царя Солнцу присутствующие — от высших сановников до воинов и прислужников — стояли и передвигались в мучительных позах — согнув спины и задрав головы, устремив глаза

на властелина. Даже главные жрецы прислуживали царю у солнечных жертвенников согнувшись в три погибели. Сам верховный сановник бежал перед царской колесницей. Вельможи хóром, как никогда прежде, воспевали царя как источник богатства, как свое повседневное питание, как свою благую судьбу, как тысячи тысяч половодий, изливающихся на них постоянно. Наряду с Солнцем молились царю и царице, прося о житейских и посмертных благах.

Огромным был дворец Эхнатона в солнцепоклоннической столице, сооруженный в основной своей части из белого камня. Этот дворец считают самым большим из всех гражданских зданий древности. У входа в него высилось сооружение, называвшееся «Восходит Солнце для Эхнатона». За ним следовал обширный двор, окруженный высокими изваяниями фараона, с великолепным крыльцом в глубине — навесом на каменных колоннах, покрытых тонкой резьбой. По бокам двора и в глубине его за крыльцом тянулись крытые помещения, большие и малые, с потолками, иногда подпираемыми столбами, а иногда без столбов, перемежавшиеся с дворами и двориками с деревьями и с водоемом посередине или без них. Роскошна была и отделка дворца: покрытые росписями или выложенные изразцами стены, обшитые золотом и испещренные самоцветами. Через улицу, соединенные висячим переходом, были расположены личные покои семьи Эхнатона — обширное кирпичное здание со множеством помещений внутри и садом спереди. Кроме главного у царя было еще несколько дворцов в столице.

Сопоставляя настойчивые заявления о возвышении и обогащении «сирот» и исключительном положении царской особы, трудно уклониться от заключения, что, совершая переворот, Аменхотеп IV опирался на какую-то часть простых египтян. Ввести их в среду знати для царя означало пополнить свое окружение лицами, обязанными ему всем, и тем самым усилить свою власть, а для «сирот» получить почет и богатство.

В намерения Эхнатона не входило полное отстранение старой знати от управления, двора и источников обогащения и замена ее новой. В течение первых пяти лет царствования верховным сановником в Фивах был Рамос, занимавший ту же должность в последние годы Аменхотепа III и связанный родственными узами со многими другими знатными семьями. В родстве с ним состоял Ипи, унаследовавший от отца должность управляющего царским хозяйством в Мемфисе. Ипи был в чести у Эхнатона как до, так и после переселения двора в новую столицу. В ней Ипи имел и дом и гробницу. На местах вплоть до последних лет правления Эхнатона оставались наследственные градоправители. Да и желания «сирот» не шли дальше желания попасть в среду знати. Став сановниками, они всеми силами старались уподобиться ей. Иной вельможа, считавший себя «созданием» фараона, с упоением описывал привалившее ему счастье. Стоит ему позвать одного, как откликаются десять, а то и целая тысяча. С тех пор как он стал «владыкой селения», его люди «заботятся» о нем. Он разъезжает на судне, снабженном гребцами. Дома знати, откопанные в Ахетатоне, с расписными покоями, опочивальнями, умывальными помещениями возле них, службами и садами, являются вещественным доказательством удобной и привольной жизни вельмож.

Не следует думать, что фараон, «зиждивший сирот», распространял свои милости на широкие круги простолюдинов, принимал меры к улучшению положения «сирот» вообще. Дошедшие до нас памятники переворота ничего не говорят о подобных мероприятиях. При раскопках в Ахетатоне было обнаружено множество жилищ простых горожан. Эти жилища представляли собой маленькие постройки, совершенно терявшиеся среди пышных домов вельмож. На пустыре за городом, у подножия скал, в которых вырубались роскошные гробницы сановников, было откопано по-

селение работников, высекавших и отделывавших эти гробницы. В плане это поселение — большой прямоугольник, обнесенный стеной. По сторонам прямых улочек теснились, вплотную примкнув друг к другу, однообразные жилища, правда состоявшие из нескольких помещений и даже с расписными столбами внутри для поддержки нехитрой кровли. Только одно жилище выделялось своими размерами. Оно, очевидно, принадлежало начальствующему лицу.

О положении широких слоев «сирот» непосредственно после переворота мы узнаем из указа, изданного в их защиту и вместе с тем в пользу царской казны четвертым преемником Аменхотепа IV — Хоремхебом. У «сирот» часто не было ладьи для выполнения государственных повинностей. Их грабили все кому не лень, вплоть до рядовых воинов. С «сирот» взимали незаконные поборы. У них отнимали рабов, отбирали бычьи шкуры. Видное место среди грабителей занимали дворцовые служащие. Статьи указа, направленные против взяточничества судей, свидетельствовали о том, что и на суде бедняк не находил управы на обидчиков.

Но как бы своекорыстно ни действовал Эхнатон, вводя в среду знати «сирот», поступать так, в ущерб ей, он мог только при сильной поддержке со стороны самих «сирот». При всей своей ограниченности мероприятия Эхнатона все-таки открывали путь к благосостоянию и почету значительному числу «сирот». Возвышение их началось, возможно, еще в старой столице и в таком случае было давней, неотъемлемой особенностью переворота. Примерно около начала 5-го года царствования Эхнатона в своей первой гробнице в Фивах Пареннефер, блиставший впоследствии и при дворе в Ахетатоне, где он тоже оставил гробницу, величал царя своим «создателем» в тех же самых выражениях, что и вельможи в солнцепоклоннической столице. Правда, он не называл себя «сиротой», но если он даже никогда и не был им, то все же слова его доказывают, что восхвалять царя за возвышение из ничтожества уже стало принятым при дворе.

Исключительное почитание одного Солнца из всего сонма египетских божеств, несомненно, было связано с повышенным осознанием Эхнатоном своей власти фараона. Со времени Старого царства Солнце было богом-покровителем царской власти. Фараоны величались «сыновьями Солнца», сравнивались с ним и уподоблялись ему, и Солнцу предпочтительно перед прочими своими богами египтяне присваивали царские черты. Царь-солнцепоклонник Аменхотеп IV провозгласил Солнце царствующим фараоном. Его имя было заключено в царские кольца (ободки), после имени Солнца в скорописи стали писать «жив, цел, здоров!», как после царских имен, к солнечному имени были добавлены эпитеты наподобие царских, после года царствования называлось сперва Солнце и затем только царь. Своего царствующего бога фараон противопоставил прочим богам Египта в их человеческих и животных образах как зримое Солнце, такое же единственное, как сам египетский царь. Отказ царя от почитания старых божеств при своем дворе и изменение изображений Солнца совпали по времени с «воцарением» Солнца. Старые боги были прежде всего богами знати. Местные властители, областеначальники, областные и городские правители были издавна «распорядителями» жречества местных божеств, а иногда и верховными жрецами. Считалось желательным, чтобы даже обыкновенные жрецы были знатного происхождения. Бесчисленным местным божествам Эхнатон противопоставлял своего царствующего бога — Солнце. Особенно ненавистным ему должен был стать местный бог господствующего города Фив — Амон, «царь богов», в глазах своего города и чужеземцев божество всей «мировой» державы фараонов. Высшее жречество Амона было неотделимо от местной столичной знати, самой могущественной в стране, очень ощутимо ограничивавшей царское самовластие. Свое Солнце фараон противопоставил в первую очередь Амону.

Уже к концу 4-го года своего правления Аменхотеп IV «отпускал» зерно Солнцу переполненными мерами, а прочим богам страны — обычными. Еще в 3-м и 4-м годах храмы царского Солнца владели виноградниками. Храмам солнцепоклоннической столицы принадлежали огромные хозяйства. Особенно богатым был ее главный храм — «Дом Солнца». Он состоял из двух громадных каменных сооружений внутри прямоугольной ограды, вытянутой в длину на расстояние 800 м. Один двор следовал за другим, разделенные двойными башнями, иногда им предшествовали навесы на каменных столбах. Дворы окружали бесчисленные мелкие помещения. Самой священной частью считался задний храм, названный по древнему каменному столбу Солнца «Двором солнечного камня». Оба храма и окружавшее их пространство были полны тысяч жертвенников, на которых приносили в жертву Солнцу говядину, птицу, хлеб, овощи, напитки, цветы и курения. К храмовой ограде примыкали обширнейшие склады. Помещения складов даже второго — придворного — храма столицы, «Двора Солнца», могли соперничать с дворцовыми. Солнцу была посвящена вся местность вокруг столицы с населением, стадами, растительностью. У Солнца были своя житница, отличная от государственной, и свое казнохранилище, свои суда и мастерские, стада, пашни, виноградники. Последние были разбросаны по разным местностям страны, особенно в Низовье, под контролем многочисленных управителей. Об этих виноградниках мы хорошо осведомлены по множеству скорописных чернильных пометок на винных сосудах. Их нашли в разных местах Ахетатона, словно главный храм Солнца снабжал вином не только дворец (у царя, царицы, вдовствующей царицы и старших царевен были и свои виноградники), но и более или менее широкие круги горожан. Вина у храма должно было быть действительно очень много, потому что даже хозяйство царицы платило Солнцу десятину с вина. Сходное положение в отношении мясных заготовок прослеживается по пометкам на сосудах с заготовленным впрок мясом. У «Дома Солнца» были не только свои мастерские, но как для праздничной, так и для повседневной службы ему поставляли мясо, притом в больших количествах, мясозаготовочные заведения, находившиеся в ведении высоких сановников.

При раскопках в храме были обнаружены тысячи жертвенников. По подробным изображениям храма в вельможеских гробницах эти жертвенники были заполнены всяческими приношениями. Но поскольку никакое жречество не могло поглотить такого количества еды и напитков, храм явно самым щедрым образом кормил и поил столичное население. А это, конечно, не могло не сказаться на отношении горожан к царствующему Солнцу, его «сыну-фараону» и его окружению.

Хозяйство второго столичного храма Солнца, «Двора Солнца», было значительно скромнее хозяйства главного храма. Но мы знаем, что количество таких храмов в столице не исчерпывалось этими двумя. В Фивах тоже имелся большой солнечный храм, свой «Дом Солнца», воздвигнутый в первые годы правления Аменхотепа IV. Уже тогда там приносились обильные жертвы: храм владел стадами, виноградниками, мастерскими. Одних ткачей у него было не менее 6800 человек. Тысячами исчислялись и другие храмовые люди. В Мемфисе имелся, вероятно, свой «Дом Солнца». В старой столице Фивах и в Мемфисе, по-видимому, имелось и по своему «Двору Солнца». В древнем солнечном городе Гелиуполе «Дом Солнца» был определенно. Он располагал собственными гончарными мастерскими. «Дом Ра» (отличный от «Дома Атона» — «Дома (видимого) Солнца») владел такими большими стадами крупного рогатого скота, которыми не брезгал управлять один из виднейших сановников — военачальник Маи (примерно в 10—11-м годах царствования). «Сень Ра» (род солнечного храма или молельни) засвидетельствована для области первых порогов, а к севе-

ру от третьих порогов и поныне высятся остатки солнечного храма Эхнатона.

Хозяйством столичных храмов управляло высшее жречество. На севере страны нам известен домоправитель (т. е. управляющий хозяйством) «Дома Солнца», бывший, впрочем, жрецом-заклинателем, хотя и не в храме Солнца. Отдельными отраслями храмового хозяйства ведали как жрецы, так и гражданские лица.

Когда царь и его окружение толковали о Солнце как единственном в своем роде боге, создавшем себя самого и мир, заботящемся о нем, сообщающем при восходе жизнь и радость своим созданиям, которые по его заходе обречены на подобный смерти сон, то в этом не было ничего нового. То же говорилось об Амоне-Ра, иногда даже в тех же самых выражениях. Случалось, его называли и «(зримым) Солнцем» (Атон), как называл своего бога Аменхотеп IV. И под таким наименованием Амона выставляли создателем всех, пекущимся об их нуждах. Своеобразие нового солнцепоклонничества в том виде, который оно приобрело в середине царствования Эхнатона, заключалось преимущественно в провозглашении Солнца царствующим фараоном, в признании видимого Солнца единственным образом нового божества, в почитании из всех богов Египта одного только Солнца, в неприятии всякого рода баснословных сказаний, связанных со старым миром богов.

Представления о человеческих душах, об утреннем выходе мертвеца из преисподней и могилы, о необходимости для него нетленного трупа (т. е. бальзамирования), магического каменного жука (скарабея) и маленьких статуэток («куколок») оставались неизменными в течение всего царствования. Однако бог мертвых Осирис не упоминается более в связи с загробным миром. Согласно прежним взглядам на фараона как на сына египетских богов, он мог быть одновременно сыном любого из них, даже собственных венцов, верхнеегипетского и нижнеегипетского! Поклонение Эхнатона исключительно Солнцу делало его сыном одного Солнца и тем самым вкладывало в понятие сыновства вполне определенное содержание. Рождение Эхнатона от Солнца понималось как создание его Солнцем из своих лучей, он как бы вышел из них. Как Солнце каждое утро заново рождало себя самого, так оно вновь рождало каждодневно своего «сына». Руководящая роль Эхнатона в новом солнцепочитании и в солнцепоклонническом перевороте в целом придавало этому сыновству особый смысл. О проникновении в желания Амона, об осознании его значения и осведомленности в касающихся его вопросах говорили и некоторые из предшественников Аменхотепа IV, но его пониманию знания бога-Солнца присущ совсем новый смысл. Знание Солнца было достоянием одного Эхнатона. Никто другой не мог познать Солнце, кроме его сына. Только Эхнатону дано «познать земле создавшего ее», открыть его имя людям. Солнце посвятило его в свои замыслы и явило свою силу. Эта последняя производила на царя особенное впечатление. В сложенном самим фараоном славословии Солнцу он восклицал: «Твоя сила, твоя мощь остаются в моем сердце». Основывая Ахетатон, царь уверял двор, что не кем иным, как самим Солнцем, указано ему место для новой столицы, и считал это указание настолько обязательным для себя, что тогда и впоследствии торжественно и пространно клялся не переносить «Небосклон Солнца» (т. е. Ахетатон) в какое бы то ни было другое место. Двор вторил фараону, утверждая, что Солнце внушает ему мысль о всяком месте, которое оно облюбовало.

Новое божество унаследовало от Амона положение верховного покровителя «мировой» египетской державы. Солнце, объемлющее лучами все страны, покорило для своего любимого сына, дало ему силу подчинить все чужеземные области, которые оно освещает, передало ему в наследство всю вселенную. О самом фараоне говорили совсем в духе его предков, ца-

рей-завоевателей: властители всех народов попраны его подошвами, слабеют перед его силой, его боевой рык губит врагов, как огонь пожирает дерево.

На деле, однако, международное положение Египта при Аменхотепе IV имело мало общего с подобными притязаниями. Отношения с крупными государствами Ближнего Востока расстроились. Аменхотеп IV не хотел посылать туда золото с отцовской щедростью. Оно было нужно ему самому как для отделки новых зданий, так и для раздачи послушным сановникам. Он награждал вельмож золотом, преимущественно золотыми ожерельями, и перед служебными зданиями, и с помоста на площади, где принимал иноземную дань, и в своем дворце, и — особенно часто — из дворцового окна. Награждение золотом стало излюбленным сюжетом для изображений в гробницах вельмож. Вавилонский царь Бурна-Буриаш жаловался на то, что его египетский «брат» неоднократно отпускал вавилонских послов без ответных подарков, а когда прислал золото, то оно оказалось неполновесным. Бурна-Буриаш просил фараона, если тот не может быть столь же щедрым, как его отец, прислать хотя бы половину. Вместо золотых изображений, обещанных Аменхотепом III царю Митанни и даже показанных его послам, Аменхотеп IV отправил позолоченные деревянные.

Представители египетской власти в Сирии-Палестине и тамошние властители нападали на вавилонских купцов. Дочь вавилонского царя, отданную в жены фараону, этот последний оскорбительным образом послал сопровождать всего-навсего пять колесниц, тогда как при Аменхотепе III вавилонскую царевну, его будущую жену, сопровождали три тысячи колесниц. Впрочем, неудивительно, что Аменхотеп IV мало заботился о поддержании добрососедских отношений с большими царствами Ближнего Востока, если его не слишком волновала даже опасность потери значительной части своих сирийских владений. При содействии кое-кого из местных властителей царство Хатти распространяло свою власть на Сирию. Не получая действенной поддержки со стороны Египта, верные ему сиро-палестинские царьки гибли в борьбе с враждебными властителями и отчасти с собственными подданными. Палестину, тоже охваченную междоусобной борьбой, все более прибирали к рукам бродячие воинственные хабиру. При крайне напряженном положении внутри Египта фараон, очевидно, не мог отправлять помногу и часто своих воинов в Сирию-Палестину. Он ограничивался угрозами и полумерами, а то и вовсе оставался глух к мольбам своих сиро-палестинских верноподданных даже о посылке хотя бы небольшого числа воинов из Египта.

Много прочнее было египетское владычество в Эфиопии. Но и здесь наместнику пришлось предпринять под конец царствования Эхнатона поход на непокорных эфиопов, принесший египтянам значительное количество пленных и сотни голов скота.

Едва ли не последней вспышкой призрачного «мирового» владычества Египта явился прием дани в солнцепоклоннической столице зимой 12-го года правления Эхнатона. Царь с царицей отбыли из дворца в золотых носилках, которые несло полтора десятка воинов, и в клубах фимиама, осененные десятком опахал, прибыли на площадь. Усевшись в изящной беседке на возвышении и нежно обнявшись, царская чета, окруженная царевнами, обозрела вереницу скованных ханаанеян и эфиопов, которых влекли связанными царские воины, иноземных женщин с детьми, следовавших за мужчинами, толпы коленопреклоненных данников — эфиопов, ханаанеян, ливийцев, островитян, а также крупный рогатый скот, лошадей, диких зверей, колесницы, сосуды, оружие, золото — одним словом, все, что вели и несли пред царские очи. Было совершено большое жертвоприношение Солнцу. Двор, приветствуя фараона, поднял-

ся по ступеням, ведшим к царскому месту. Воины исполнили свои игры. Это событие было изображено в двух столичных гробницах, построенных почти одновременно. Очевидно, это событие произвело большое впечатление на современников.

Это ли пышное и жестокое зрелище мнимого всемогущества вселило в царя уверенность в свои силы, или тому были иные причины, но только незадолго до начала 12-го года своего царствования Эхнатон решил окончательно порвать с прошлым. Теперь фараон объявил войну уже не одному Амону, но и всем старым богам. Мероприятия следовали одно за другим. Сначала было переделано пространное имя Солнца, из него были удалены слова «Хор» и «Шу» («Солнце»), напоминавшие о прежних богах. Солнечное имя после переделки получило такой вид: «Ра, властитель небосклонный, ликующий в (т. е. на) небосклоне под именем своим как Ра-отец, пришедший как Атон». По неизвестным причинам было изменено и одно из сопроводительных наименований Солнца. Из титулатуры самого царя были выброшены обозначения тысячелетней давности, отождествлявшие его со старыми государственными божествами. Слово «мать» стали писать буквами, а не знаком коршуна, так как коршун считался священной птицей жены Амона — богини Мут. Было запрещено писать слово «правда» знаком, изображавшим египетскую богиню правды Маат. Со временем из письма изгнали даже знак игральной доски, потому что им обязательно пользовались при написании имени Амона (этот знак обозначал сочетание согласных *мн*). Имя отверженного Амона было уничтожено везде, где только его нашли: на стенах храмов, на вершинах колонн, в гробницах, на изваяниях, на погребальных плитах, на предметах дворцового обихода, даже в клинописных посланиях иноземных властителей.

Не пощадил Эхнатон и имен отца и прадеда — Аменхотепов III и II. В одном только случае имя отверженного бога избежало преследования — в первоначальном имени самого царствующего фараона «Аменхотеп, бог, властитель Фив», да и то лишь тогда, когда его почему-то не исправили на «Эхнатон». Если в новой столице знаки коршуна и игральной доски только вышли из употребления, а в надписях предыдущих лет их не уничтожали, то в опальных Фивах известно много случаев истребления обоих знаков на старых памятниках в словах, не имевших ничего общего ни с Амоном, ни с его женой — богиней Мут. Дело доходило до того, что уничтожали изображение охотничьего гуся-приманки на гробничных стенах на том основании, что гусь считался священной птицей Амона. Имеются примеры изглаживания знака бараньей головы в прежних надписях, поскольку баран тоже почитался за животное Амона. Нечего и говорить о том, что изображения недавнего «царя богов» подверглись повсеместному уничтожению. Кое-где в Фивах, а также вне их были уничтожены имена и изображения других старых божеств. Известны случаи истребления в прежней столице множественного числа слова «бог» — «боги». По египетским представлениям, уничтожение изображения и имени поражало самого изображенного и поименованного.

Вскоре после переделки солнечного имени, следовательно, незадолго до начала 12-го года царствования, Эхнатон отверг само слово «бог» в единственном числе. До этого Солнце Эхнатона называли «богом», равно как и самого царя. Теперь слово «бог» было устранено из речи не только в его самостоятельном употреблении, но и в составных словах («двор бога», «слуга бога», «то, что под богом» — соответственно «храм», «жрец», «кладбище»). В солнцепоклонническом славословии вместо слова «бог» стали употреблять слово «властитель». В славословии или в составе титулатуры царя или сановника, где Эхнатона ранее величали «богом», теперь значилось «властитель» или «владыка обеих земель». Сочетание «добрый властитель», заменившее прежнее «добрый бог», стало излюбленным эпи-

тетом фараона и прямо-таки наводнило памятники. Иногда «добрым властителем» стали называть и само Солнце.

За этим мероприятием последовали и другие. Из письма был удален знак, изображавший антропоморфного египетского бога и служивший определителем после египетских богов. Раньше этот знак в столице употреблять не запрещалось после любых обозначений Солнца. Теперь вместо этого знака стали использовать знак, характерный для титулатуры фараона.

Участь знака антропоморфного бога разделил в значительной мере и знак, писавшийся в скорописи после слов, обозначавших нечто божественное, и представлявший собой сокращение древнего знака «сокола на древке (на штандарте)». До 12-го года скорописные пометки на сосудах с заготовками пестрели определителями божественного после наименований Солнца. Лишь в единичных случаях этого знака нет. 12-й год явился переломным: в большей части примеров знак уже опущен. В последующие годы в подавляющем большинстве случаев определитель божественного после наименований Солнца отсутствует.

Как царь, так и само Солнце перестали считаться богами. Отныне оба они строго последовательно назывались только царями. Себя и свое Солнце Эхнатон противопоставил старым «богам» как царей. Таким образом, старых богов отвергли полностью, вплоть до отказа от слова «бог» и от знаков письма, зрительно или мысленно представлявших их. Одновременно получило завершение представление о Солнце как о фараоне. В своем окончательном виде Солнце в образе царя представляло необыкновенное, очень своеобразное, единственное в своем роде явление среди всех прочих видов почитания природы. Неслыханное новшество, впрочем, никак не затрагивало ни представлений о Солнце как создателе и покровителе мира, ни храмовой службы. Какими они были в предшествующие годы, такими и остались.

Солнцепоклонничество Аменхотепа IV (Эхнатона) никогда не было единобожием. В своей новой столице из всех сил природы он чтил одно Солнце, но это вовсе не означало, что он считал «богов» несуществующими. Напротив, они представлялись ему действенными силами, и в первую очередь «царь богов» Амон. Иначе откуда взялась бы вся эта мнительная, все возрастающая мелочность в преследовании их имен и знаков?

Вполне возможно, что объявление войны старым богам сопровождалось обострением отношений при дворе. Во всяком случае, около 12-го года правления или в последующее время царский гнев обрушился на двух видных сановников — стольника Пареннефера и царского писца, военачальника Маи. Пареннефер служил фараону с самых первых лет его царствования и руководил строительством «Дома Солнца» в старой столице. Теперь в обеих его гробницах, и в Фивах и в Ахетатоне, его имя было изглажено. В гробнице Маи в Ахетатоне было уничтожено не только имя, но и изображения владельца. Даже жизнеописание, в котором он рассказывал о своем возвышении царем из нищеты и ничтожества, было замазано. Что привело к падению двух царских приближенных, доподлинно неизвестно, но, может быть, причиной была их близость к старому жречеству. Пареннефер еще в середине 4-го года царствования состоял «распорядителем слуг бога (т. е. жрецов) всех богов». Маи в последние годы перед объявлением войны «богам» был не только домоправителем «Единственного для Ра», т. е. фараона, в Гелиуполе, но также «распорядителем быков (т. е. стад крупного рогатого скота) Дома Ра» в том же городе. В длинной, но очень поврежденной надписи, начертанной в гробнице Туту в Ахетатоне вскоре по объявлении войны «богам», этот могущественный временщик и верховный жрец царской особы говорил о гибели ослушников фараона на плахе и сожжении их тел (страшной вещи для

египтян, пекшихся о сохранении трупа): «Всякий жалуемый тобою (т. е. царем) видит его (т. е. Солнце) там восходящим, а всякий ненавистный (попадает) на плаху», «он подпадает мечу, огонь поедает [его] плоть», «он (т. е. царь) применяет силу против не знающего его наставления, его пожалования — знающему его (т. е. царя); любой противник царя (принадлежит) мраку».

Полное прекращение поддержки храмам старых богов со стороны фараона не могло не сказаться на состоянии сооружений. Несомненно преувеличивая, второй преемник Аменхотепа IV — Тутанхамон так описывал их положение: «Храмы богов (и) богинь, начиная от Элефантины, [конч]ая болотами Топи в Низовье... были [бл]изки к забвению, их святилища были близки к гибели, превратившись в развалины, поросли [(такою-то])] растительностью, их обители (стали) как то, чего не было, их двор (стал) дорогой (для) пешехода». Если понимать это дословно, так, как написано, то можно подумать, что к концу царствования Эхнатона повсеместно перестали почитать прежних богов, что ни храмов, ни жрецов у них уже не было. В действительности дело обстояло далеко не так просто.

Бесспорно, Эхнатон добился многого. Начатое около 12-го года царствования решительное наступление на старых богов получило отклик по всей стране. Египет неожиданно оказался наводненным, переполненным людьми с именами, сложенными в честь Солнца. Люди разного общественного положения, названные при рождении в честь старых божеств, выбрасывали их имена из состава своих, взамен вставляя имя Солнца. Любопытно, впрочем, что при этом отдавали предпочтение имени древнего бога Солнца «Ра», а не отличительному наименованию царского Солнца «Атон». Из дошедших до нас деловых пометок на посуде с разного рода заготовками особенно многочисленны пометки, сделанные на сосудах с вином, которое поступало преимущественно с запада Низовья, из виноградников, расположенных очень далеко от столицы. Тем примечательнее опущение в этих пометках знака божественности после обозначений Солнца. Даже на окраине страны, в отдаленнейших храмовых угодьях, следовали царским велениям по части правописания! А в бывшей столице Фивах люди незаметного, скромного общественного положения всячески избегали употреблять на собственной погребальной утвари как имена и знаки отверженных божеств, так и само слово «бог» и знак храмового «знамени», которым оно писалось.

В отличие от новой и старой столиц в Мемфисе не были как будто бы столь придирчивыми к словоупотреблению. Видимо, вскоре после изменения солнечного имени тамошний служащий храма Солнца, притом лицо начальственное, по имени Хаи обзавелся заупокойной плитой с заклинаниями, обращенными к царскому Солнцу. Он его именует еще «богом», что, впрочем, неудивительно, если плита действительно датируется указанным временем. Поразительно то, что сам Хаи назван Осирисом, т. е. отождествлен с богом мертвых. В солнцепоклоннической столице не только для последних, но и для всех предыдущих лет царствования наименование «Осирис» не засвидетельствовано ни разу. На другой плите — наверное, тоже из Мемфиса — отец семейства, пусть невидный, но все же государственный служащий, в обоих заклинаниях, обращенных к царскому Солнцу (после переделки солнечного имени), носит имя в честь местного бога Птаха — Птах-Маи. Дети Птах-Маи названы на солнцепоклоннический лад Паитенемхеб (Па-Йати-ма-ху) и Меритра (Маи-Риа), а в числе родственников есть один Рамесу (Риа-маси). В столице в это время люди выбрасывали имя «Птах» из своих имен, в частности из имени Птах-Маи.

Теперь посмотрим, как же обстояло дело в обыкновенных областных

городах. Правитель одного из них, расположенного совсем близко от солнцепоклоннической столицы, Нефру(и)си соорудил и надписал изваяние своего отца и предшественника Йуни (Анайа). Почтительный сын, Маху красноречиво толкует о привязанности своего родителя к «Единственному для Ра», т. е. царю, и даже о преданности «наставлению» царя, которого он величает по-столичному «добрым властителем». Обозначение «добрый властитель», как мы уже знаем, заменило отверженное «добрый бог» после отказа царя от слова «бог». Тем не менее Маху призывает в молитвах отнюдь не Солнце, а местного бога Хнума (Хнама) и бога мертвых Осириса (предусмотрительно не называя его по имени!), называет последнего «большим богом, владыкой запада (т. е. царства мертвых)», а своего отца — «распорядителем слуг бога», т. е. начальником местного жречества. Впрочем, в обоих случаях, когда приведено это древнее княжеское звание, сочетание слов «слуги бога» написано не так, как его принято было писать, с почтительным вынесением вперед слова «бог» («бога слуги»), а так, как оно произносилось,— «слуги бога». Если совсем близко (в каких-нибудь полутора десятках километров) от солнцепоклоннической столицы в самый разгар солнцепоклоннической нетерпимости Эхнатона местное божество и его жречество продолжали открыто пользоваться признанием и поддержкой местной знати, то в районах более отдаленных, очевидно, царская коса нашла на княжеский камень. Вспомним Нахтмину, правителя города Панополя, тоже довольно близкого к Ахетатону. Этот правитель незадолго до 12-го года почитал Атума, его мать и Анубиса, и это в то время, когда никому при дворе и на ум не приходило назвать на своих памятниках старых богов. Нахтмин благополучно пережил Эхнатона и сооружал памятники еще при третьем его преемнике — фараоне Эйе (Айа, Аи). Местная знать, тесно связанная с местным жречеством, возглавлявшая его и входившая в его состав, была той силой, которую преобразователь не смог или не посмел сломить.

Солнцепоклонничество Эхнатона было слишком личным, чтобы могло найти живой отклик у народа. Когда на 17-м году своего царствования Эхнатон скончался, египетский двор, видимо, не знал, что делать дальше. Имя почившего было окружено невиданным почетом. Его преемник присоединил к своим именам — как престольному, так и личному — по странному эпитету, выставлявшему его любимцем покойного: «Анххепрура (Анх-хуру-Риа), возлюбленный Неферхепрура (Наф-хуру-Рии; престольное имя Эхнатона)» или «Анхепрура (Анх-хуру-Риа), возлюбленный Единственного для Ра», «Нефернефруатон (Наф-нафра-Йати), возлюбленный Единственного для Ра» или «Хефернефруатон (Наф-нафра-Йати), возлюбленный Эхнатона». Никто из египетских царей ни до ни после этого не присоединял к своим царским именам ссылок на любовь к нему другого царя. В таких случаях величали себя лишь возлюбленными тех или иных египетских божеств. Таким образом, Эхнатон занял их место в титулатуре своего преемника!

Но положение в стране оставалось крайне напряженным. Двор, видимо, был в растерянности и пошел на соглашение с приверженцами старины. Оставаясь еще Нефернефруатоном и «любимцем» преобразователя, новый царь не позже 3-го года своего царствования восстановил почитание Амона, мало того, к этому времени в Фивах уже имелся храм Амона в составе сооружения, названного по имени самого царя,— «божий двор Амона во дворе Анххепрура в Фивах». И там приносили жертвы прежнему богу. Имя царя «Нефернефруатон» — «Красно (красиво) красотою Солнце» тождественно позднейшему добавочному имени царицы Нефертити, а также ее четвертой дочери и сродни имени пятой дочери Нефнефрура (Нафнафра-Рии). Подобные имена давали лишь в узком кругу царской семьи; вне ее никто из современников подобных имен не носил. Но-

172. Скульптурные изображения фараона Тутанхамона, XVIII династия:
а) золотой гроб;
б) гранитная статуя;
в) голова деревянной статуи;
в) деревянная голова

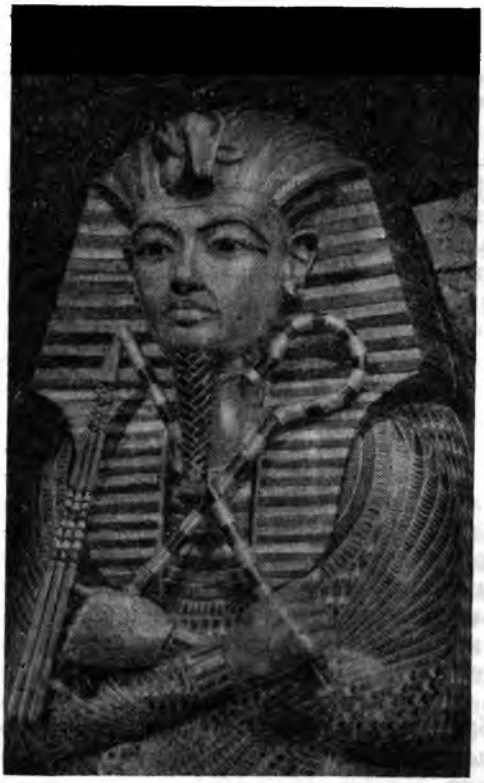
вый царь был, несомненно, членом царского дома и свое сугубо солнцепоклонническое имя получил от предшественника. И вот наступил день, когда из царской титулатуры исчезло как это имя, так и ссылки на любовь Эхнатона. Теперь фараон именовался вполне безобидно, приемлемым для сторонников старины образом: «Анх-хуру-Риа Самнах-ку-Риа (Анхепрура Семнехкара), Святой явлениями». Но супруга царя, старшая дочь Эхнатона, сохранила свое солнцепоклонническое имя — Меритатон (Маи-Йати), что значит «Возлюбленная Солнцем». Не была покинута и солнцепоклонническая столица, где новым царем к дворцу Эхнатона, и без того огромному, было пристроено еще одно здание, правда не каменное, а кирпичное, но зато чудовищных размеров (на площади, занимаемой одним его средним чертогом, перекрытия которого покоились на сотнях граненых колонн, уместился бы большой европейский дворец). Не были прекращены и работы на тамошнем вельможеском кладбище. Солнце попрежнему чтили под его переделанным именем и продолжали писать в царских кольцах (ободках). Лучезарное и многорукое, как при Эхнатоне, Солнце по-прежнему озаряло на изображениях и новую царскую чету. Более того, в скорописи все еще по привычке избегали знака божественности, хотя в Фивах и он, и само слово «бог» уже опять вошли в употребление. Складывалось своеобразное двоеверие.

Мы не знаем, как кончил Семнехкара. В чужом гробу и в чужой гробнице на царском кладбище в Фивах были обнаружены царские останки, поразительно сходные по размерам и строению черепа с остаиками преемника Семнехкара — Тутанхамона. Большинство ученых считают, что безымянный мертвец — Семнехкара. Если это действительно он, то он умер очень молодым, так как останки принадлежат двадцатилетнему юноше.

Преемник Семнехкара, мальчик Тутанхамон, объявленный мужем третьей дочери Эхнатона, Анхесенпаатон (Анхас-на-па-Йати),— вторая дочь умерла еще в детстве — продолжал поклоняться Солнцу своего тестя все под тем же поздним его именем и в том же образе лучистого круга. Одновременно он чтил и восстановленных богов. Но так продолжалось недолго.

Бóльшая часть Сирии была потеряна для Египта еще в царствование Эхнатона. Государство Хатти распространяло свою власть все дальше и дальше на юг. Палестина была охвачена волнениями. «Если посыла[ли войск]о в Сирию-Палестину расширить границы Египта, не бывало успеха у них никакого»,— сказано от имени юного царя в торжественной надписи, посвященной восстановлению старых традиций. Строго говоря, речь

172а

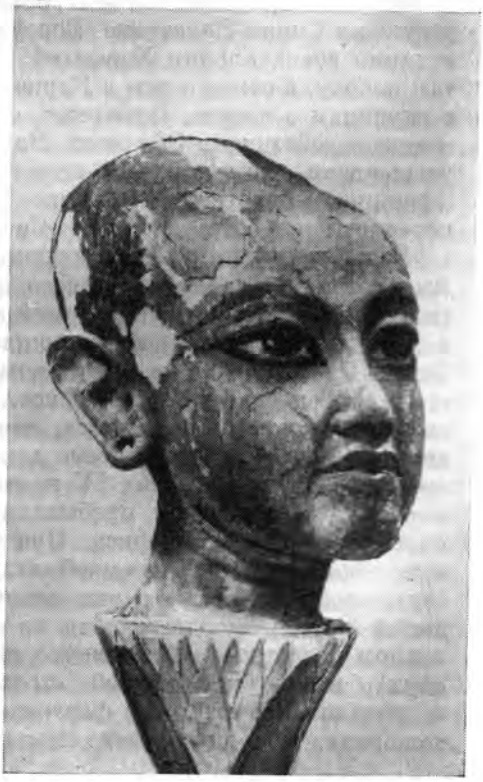
172б

172в

172г

шла уже не о расширении и даже не о сохранении прежних границ, а о спасении остатков сиро-палестинских владений, еще не отторгнутых царством Хатти. Прямая угроза окончательной их потери не могла не побудить общественные силы, нуждавшиеся в сохранении «мировой» египетской державы, независимо от их места в событиях недавнего прошлого, пойти дальше по пути примирения и как-то объединиться для предотвращения нависшей над всеми опасности.

Не позже 4-го года царствования фараону-мальчику пришось изменить свое солнцепоклонническое имя Тутанхатон (Тут-анах-Йати) — «Подобающее (в отношении) жизни (есть) Солнце» на Тутанхамон (Тут-анх-Амана) — «Подобающий (в отношении) жизни (есть) Амон». Возвращение к старому богу, покровителю «мировой» державы и его города, выраженное в новом имени, было оттенено еще сильнее принятым вскоре царем сопроводительным наименованием «Властитель Аны Верхнего Египта», т. е. старой столицы Фив. Вместе с царем свое имя изменила и царица. Вместо Анхесенпаатон (Анхас-на-па-Йати) («Живет она для Солнца») она стала называться Анхесенамон (Анхас-н-Амана) («Живет она для Амона»). Одно из второстепенных имен фараона провозглашало его «удовлетворяющим богов», и им же был назван крупный эфиопский город. И действительно, при новом правителе стали изготовлять золотые идолы и храмовые ладьи, восстанавливать и одаривать храмы, наделять их рабами и рабынями, обеспечивать постоянными жертвоприношениями. Даже из дворца в храмы были переданы рабы, рабыни, певцы и танцовщицы.

Ил. 174 Общественный смысл всех этих мероприятий приоткрывает одно место в торжественной «восстановительной» надписи Тутанхамона: «Он (т. е. царь) ввел (простых) жрецов (и жрецов) „слуг бога“ из детей сановников их (т. е. восстановленных богов) городов, именно сына известного мужа, чье имя знают». Иными словами, восстановленные и обогащенные храмы возвращались местной знати.

«Умиротворенный» Египет оказался в состоянии добиться кое-каких успехов в Сирии-Палестине. Вероятно, в присутствии самого Тутанхамона великий военачальник Хоремхеб (Хар-ма-ху), будущий фараон, одержал там победу, в связи с чем в Карнаке изобразили прибытие царского судна с сирийцем в клетке. Возможно, в это же царствование велись успешные военные действия в Эфиопии. Во всяком случае, от имени Тутанхамона утверждали, что он обогащал храмы из своей военной добычи. Наместник Эфиопии Аменхотеп, сокращенно Хаи, изобразил у себя в гробнице, как он передает царю богатую дань из Сирии-Палестины и Эфиопии.

В дальнейшем придется говорить подробнее о последствиях переворота Аменхотепа IV для египетского общества. Сейчас же достаточно отметить, что, отступая перед местной знатью, двор тем не менее не вернулся в гнездо самой могучей в прошлом знати — в старую столицу, в город Фивы. Царь не стал ее пленником. Двор сохранил за собой свободу действий, обосновавшись в Мемфисе. При отъезде из солнцепоклонической столицы вельможи надеялись, что вернутся обратно, и старательно заделывали входы в покидаемые дома. Возможно, Мемфис поддерживал какое-то время Аменхотепа IV против Фив. По крайней мере при солнцепоклонническом дворе пребывали сановники, достоверно или вероятно происходящие из Мемфиса. При Тутанхамоне могущественный временщик и военачальник Хоремхеб воздвиг в Мемфисе свою первую, еще не царскую гробницу. Даже в дни окончательного восстановления старых традиций Тутанхамон находился не в Фивах, а в Мемфисе. В его торжественном повествовании подробно говорится об изготовлении идолов только двух богов — бога южной столицы Амона и бога Мемфиса Птаха. Относительно прочих богов фараон ограничился кратким заявлением общего порядка. Конечно, Тутанхамон наезжал в свою южную столицу, в Фивы,

известно, что он участвовал там в главном городском празднестве Амона. Однако местом пребывания двора и правящих кругов стал, по всей видимости, Мемфис.

Нам ничего не известно о том, служил ли сам царь после перемены им своего имени Солнцу Эхнатона. Тем не менее «Дом Солнца (Атон)» еще в 9-м году царствования Тутанхамона владел виноградниками. Изображение многорукого лучистого Солнца и имя Эхнатона сохранялись нетронутыми на предметах дворцового обихода. В надписях Тутанхамон величался иногда «сыном Атона», т. е. зримого Солнца; подобное наименование явно отдавало солнцепоклонничеством Эхнатона, так как в другие царствования не было употребительным. А когда Тутанхамон скончался, то на голову ему надели царский головной убор, украшенный прописями, полными имен Солнца Эхнатона, заключенных в царские кольца (ободки) — правда, в том виде, какой солнечное имя имело до его изменения.

Тутанхамон умер совсем молодым, приблизительно восемнадцати лет от роду (позднейший известный достоверно год царствования — 10-й, но, возможно, упоминается и 14-й). Он был похоронен в скромной гробнице на царском кладбище в Фивах, поразительно богатая погребальная обстановка юного фараона дошла до нас почти полностью. Ко времени, непосредственно следующему за его кончиной, большинство ученых приурочивает странное и чреватое последствиями событие, о котором молчат египетские источники, но повествует клинописная летопись царства Хатти. Не желая взять себе в мужья кого-либо из подданных, вдова фараона Небхепрура(су) [Нибхуруриа(са)] предложила свою руку вражескому царевичу, сыну царя Хатти. Последний отнесся к предложению недоверчиво и послал доверенное лицо в Египет проверить все на месте. Когда сделанное царицей предложение подтвердилось, царевич отбыл к невесте, но египетские вельможи умертвили его. Мстя за сына, царь Хатти двинул войска на египтян. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не мор, передавшийся от египетских пленных воинам Хатти и вынудивший Суппилулиумаса прекратить военные действия.

Не будь у нас клинописного рассказа, мы представили бы себе положение, сложившееся в Египте после смерти Тутанхамона, совсем иначе, и надо признать, что согласовать клинописные известия с египетскими можно, только выдвинув ряд предположений. Повторяющиеся поездки из Египта в Хатти и из Хатти в Египет должны были занять много времени, в течение которого Тутанхамон оставался непохороненным: на стене его гробницы написано имя его преемника, фараона Эйе, правившего заупокойную службу перед почившим предшественником, известно, что гробница была заделана немедленно после похорон. Имеется также перстень, на котором имя юной вдовы Анхесенамон стоит рядом с именем царя Эйе. На этом основании было бы излишне поспешным заключить, что царица отдала свою руку Эйе. Но и о разладе между ними, казалось бы неизбежно вытекающем из клинописного текста, нельзя сказать из-за мирного сочетания их имен на перстне. Наконец, есть храмовая надпись, из которой при желании можно даже вывести, что Эйе был соправителем Тутанхамона.

Преемник Тутанхамона Эйе был в дни Эхнатона одним из виднейших вельмож солнцепоклоннического двора. Эйе был женат на Тэйе, кормилице царицы Нефертити (Нафт-иты), и в силу «молочного» родства с царским домом носил звание «отца бога», т. е. нареченного отца фараона. Оба, Эйе и Тэйе, были осыпаны царскими милостями, их называли в народе «людьми (наградного) золота». Уже в то время Эйе занимал разные высокие должности: был «носителем веера по правую руку царя», «распорядителем всех коней владыки обеих земель», «исправным писцом царя,

173. Тутанхамон на охоте, роспись крышки ларца из гробницы, XVIII династия
174. Верх плиты с надписью Тутанхамона о восстановлении культа старых богов, XVIII династия

возлюбленным им». В последние годы царствования Эхнатона мы ничего не слышим об Эйе, равным образом как и в правление Семнехкара. Но при Тутанхамоне мы вновь встречаем его, теперь уже, по-видимому, в высочайшей должности верховного сановника (так называемого везира). Вероятно, он уже тогда фактически правил страной за своего юного подопечного. Эйе с гордостью продолжал носить звание «отца бога», и когда стал царем, то ввел его в состав своего личного фараоновского имени — очевидно, для обоснования права на царский венец. Тэйе, жена Эйе, бывшая кормилица Нефертити, доставившая ему это «право» в силу «молочного» родства с пресекшейся династией, стала теперь царицей. О царствовании Эйе мало что известно. По-видимому, оно было прямым продолжением предыдущего. Местом пребывания двора, судя по имеющимся скудным данным, оставался Мемфис. Позднейший известный год царствования Эйе — 4-й.

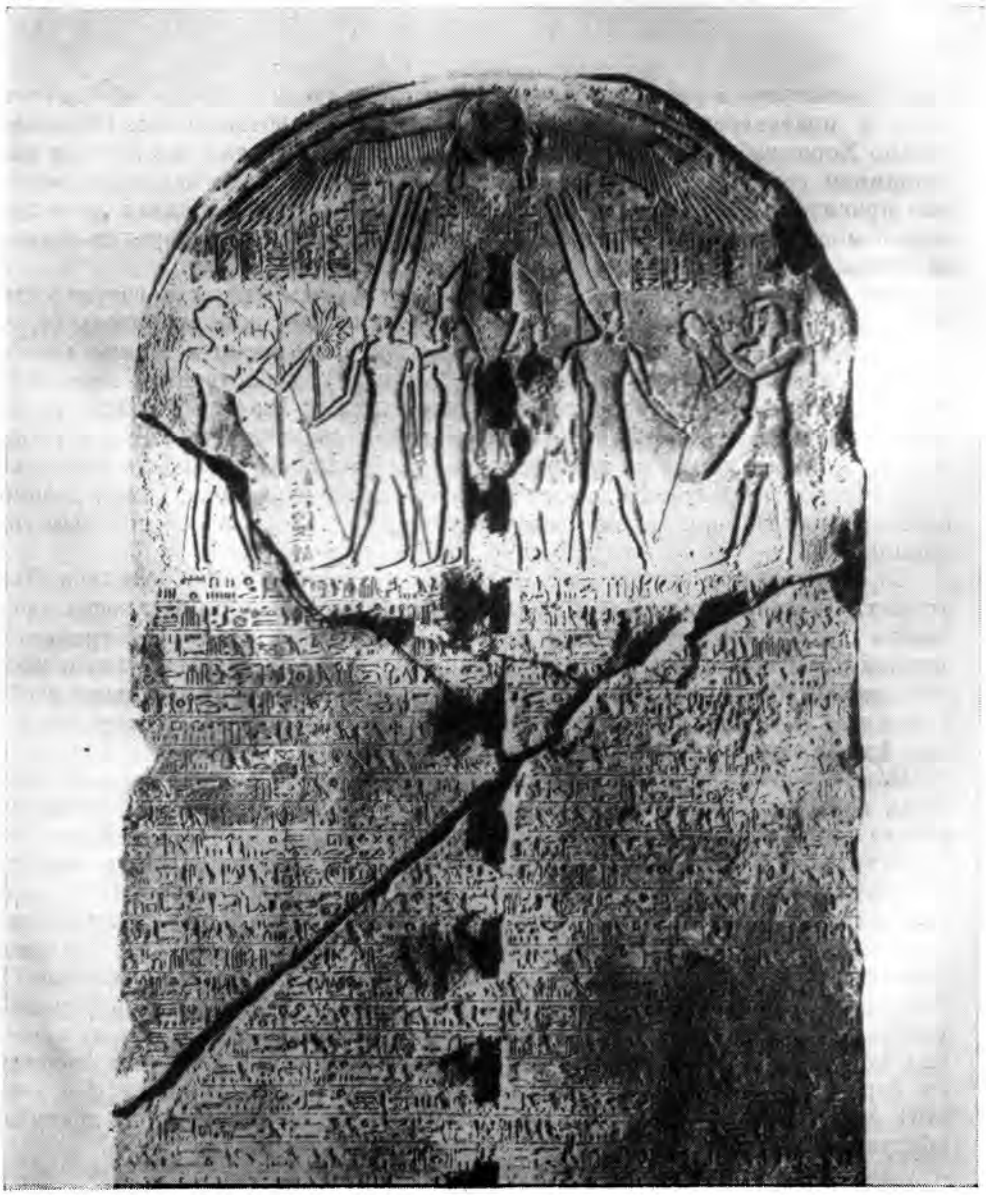
Не вполне ясно, чем Тутанхамон и Эйе навлекли на себя немилость сторонников старых порядков. Были ли тому виной первоначальная причастность к делу Эхнатона, уважение к его памяти и почитание Солнца или просто свойство с отверженным преобразователем, догадаться сейчас невозможно. Но только ни Тутанхамон, ни Эйе, не говоря уже об Эхнатоне и Семнехкара, не считались впоследствии законными фараонами. Оба «ревнителя» старых традиций разделили участь «мятежника» и «супостата из Ахетатона», как величали Аменхотепа IV последующие поколения, и его нерешительного, половинчатого преемника. Годы правления «незаконных» царей, исключая, по меткому наблюдению В. В. Струве, Эхнатона и Семнехкара, были, по всей видимости, прибавлены к годам царствования их «законного» преемника — фараона Хоремхеба. Позднейший достоверно известный год царствования Хоремхеба — 8-й, с предполагаемым же начислением лет правления предшественников самым поздним из известных будет 59-й год (или 58-й, если судить по надписи Меса времени третьего преемника Хоремхеба). Возможно, Хоремхеб, главный военачальник и временщик при Тутанхамоне, приписывал себе мероприятия того времени. Во всяком случае, воцарившись, он вставлял свое имя вместо имени Тутанхамона на памятниках юного фараона, тогда как имя Эйе почти всегда просто истребляли без замены именем преемника.

Для последующих поколений Хоремхеб стал первым законным царем после Аменхотепа III. Новый фараон происходил из Алебастронополя (Ха-ниса, Хутнисут), незначительного городка в средней части Египта (в XVII верхнеегипетской области). Своему местному богу Хору, «вла-

173

174

175. Роспись гробницы Хоремхеба, XVIII династия
176. Статуя Хоремхеба до его воцарения, XVIII династия

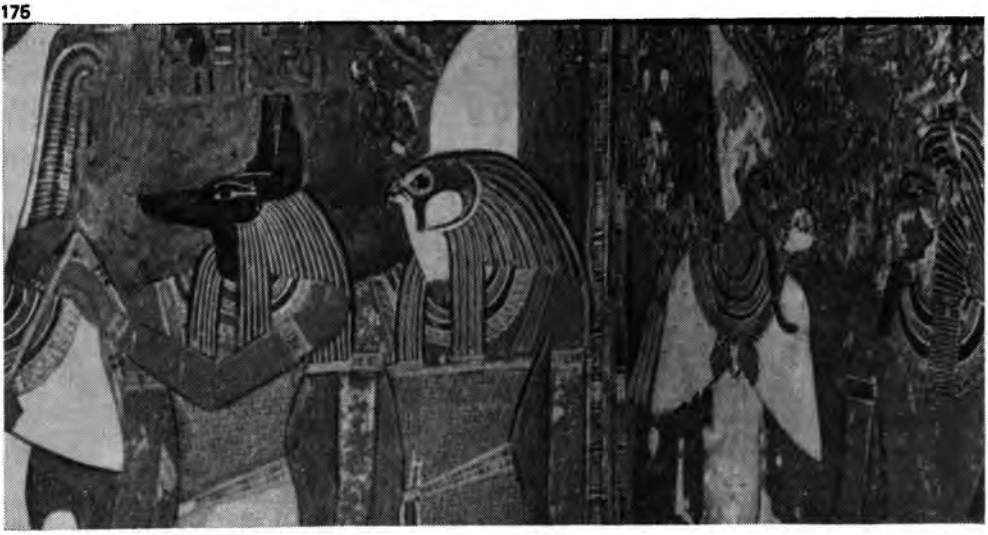
дыке Хутнисут», в честь которого он сам был назван («Хоремхеб» значит «Хор в празднестве»), фараон приписывал свое возвышение. Первоначально Хоремхеб был, возможно, местным правителем, так как состоял начальником городского жречества, эту должность издавна занимали местные правители. Возвышение выходца из среды областной знати до положения могущественного временщика и последующее его воцарение знаменательны. В его лице местная знать торжествовала победу.

Уже при Тутанхамоне Хоремхеб был первым лицом в государстве после царя и Эйе. Главный военачальник и главный домоправитель (т. е. верховный управляющий царским хозяйством), он носил и звание «повелителя» (дословно «того, кто при подданных»), свойственное престолонаследникам и могущественнейшим временщикам. Он водил войска в походы, вел учет воинов, был начальником над военачальниками и считал себя избранным царем из всего Египта, чтобы печься об «обоих берегах» (т. е. обо всей стране). Видимо, только «родство» с царским домом давало престарелому Эйе некоторое преимущество перед своим более молодым соперником.

Со смертью или свержением Эйе путь к престолу для Хоремхеба был открыт. Он прибыл в Фивы к главному городскому празднику, когда идол Амона совершал путешествие из своего северного храма в Карнаке в южный храм в Луксор. Вместе с идолом Амона Хоремхеб вступил в царский дворец, был здесь увенчан царской налобной змеей (небольшим изображением змеи-аспида, уреем) и в синем венце фараонов в сопровождении Амона вышел к собравшейся толпе.

Все обстоятельства его воцарения, приписанные Амону, ясно показывают, кто тогда в восстановленной в своих правах столице поддерживал нового царя. Храмовая знать не ошиблась в своих расчетах. Хоремхеб оправдал ее надежды. От Низовья до Эфиопии он продолжал реставрировать храмы и оделял возрожденных богов с великой щедростью. Из камней солнечного храма Аменхотепа IV в Фивах он воздвиг во славу Амона свои пилоны в его главном храме в Карнаке. И все же фараон не остался в Фивах, а немедленно после воцарения отплыл на север — очевидно, в Мемфис. Наделяя храмы повседневными жертвами, золотой и серебряной утварью, бывший военачальник, ставший царем, не забывал и своих прежних соратников, пристраивая их к воссозданным храмам: «Он снабдил их (простыми) жрецами (и жрецами-)заклинателями из избранной (части) воинства (и) определил им пашни (и) стада, снабженные всякими обслуживающими (их) людьми».

175

176

ЕГИПЕТ ПОСЛЕ СОЛНЦЕПОКЛОННИЧЕСКОГО ПЕРЕВОРОТА

(вторая половина Нового царства, конец XIV — начало XI в. до н. э.; XIX—XX династии)

Победа над солнцепоклонничеством, самым ярким и беспочвенным детищем переворота Аменхотепа IV, досталась ревнителям старых богов сравнительно легко — поклонение одному только Солнцу перестало быть государственным культом. Любопытно, что даже в Фивах память о его самовластном недруге хотя и преследовалась, но далеко не с тем жаром, с каким он сам истреблял изображения и имя Амона. Однако безоговорочный возврат к прошлому в области общественных отношений был невозможен. Цари не желали расстаться с видимостью полновластного распределения ими благ между возвышенными царской волей подданными. В изобразительном искусстве и особенно в письменности и языке достижения переворота не только закрепились, но и получили дальнейшее развитие. Только с одним наследием отверженного царствования не могли смириться ни двор, ни знать, ни кто-либо вообще в стране, имевшие доступ к государственным средствам,— утратой значительной части сирийских владений в пользу усилившегося царства Хатти.

Пока Египет не оправился от перенесенных потрясений и фараоновская власть не окрепла на новой общественно-государственной основе, сложившейся после смерти Аменхотепа IV, нечего было и думать о решительной схватке с противником, равного которому еще не встречали египтяне. «Крепкая мышца» мальчика Тутанхамона «простиралась» против врагов Египта, быть может, только тогда, когда жалобы разоряемых ими иноземных верноподданных становились нестерпимо громкими. На предметах своего царского обихода юный фараон любил изображать пленных сирийцев и эфиопов и даже свои победы над ними. Но насколько значительны были успехи его военачальников в борьбе с Хатти, остается неизвестным. Впрочем, какое-то число пленных — по виду не только сирийского происхождения — было доставлено царю его полководцем Хоремхебом. Преемник Тутанхамона — фараон Эйе делал вид, что воскрешает боевые традиции царей-воителей. При нем постоянная фараоновская титулатура вновь зазвучала воинственно, чего не наблюдалось в предшест-

вующие царствования. Однако, помимо наименования «могучий силою, подавляющий северо-восток» и изображения в виде грозного стрелка из лука на колеснице, известий о воинских подвигах престарелого фараона как будто бы нет.

В царствование Хоремхеба Египет выступал на международном поприще уже много смелее. И строительная деятельность этого царя, если ему действительно принадлежит сооружение огромного чертога (так называмого гипостильного зала) в Карнаке, могла бы свидетельствовать о больших хозяйственных возможностях государства. Впрочем, для двух двойных пилонов в Карнаке были использованы готовые камни из тамошнего храма Солнца Аменхотепа IV. И на противоположном берегу реки лишь достраивали и расширяли поминальный храм Эйе, предназначавшийся первоначально для Тутанхамона и теперь присвоенный Хоремхебом. Однако можно думать, что мероприятия последнего по увеличению податной платежеспособности населения, о которых придется еще говорить в дальнейшем, отразились на подъеме и боеспособности страны.

По-видимому, Хоремхеб достиг значительных военных успехов, хотя сведений о его войнах сохранилось очень немного. Военная экспедиция в Эфиопию, увековеченная на стене верхнеегипетского пещерного храма в каменоломнях Гебель-эс-Сильсила, доставила царю пленных и возможность покрасоваться в победном шествии при возвращении войска. Поход в Сирию увлек египтян далеко на север, и столичному Амону могли быть предоставлены вереницы пленных сирийцев и сириек вместе с богатой добычей в виде художественно выполненных сосудов и иных предметов. Проникновение в Сирию не могло не привести к столкновению с царством Хатти; действительно, в списках побежденных фараоном городов и стран значатся наряду с палестинским городом Пеллой (Пихилем), сирийскими Кадешем и Катной — Тунибом также северофиникийский Угарит и, наконец, само царство Хатти и южноанатолийская страна Арцава. Считать перечисление этих названий в списках побежденных Хоремхебом городов и стран пустой похвальбой затруднительно, потому что Арцава, например, отсутствует в списках, дошедших до нас от более ранних царствований. Как бы то ни было, закрепить свои успехи на севере фараон был не в силах. Видимо, при нем египтяне заключили мирный договор с царем Хатти Мурсилисом II, и сирийский вопрос остался для Египта нерешенным. Зато возрождение египетского великодержавия нашло отклик на далеких берегах Южного Красноморья (в стране Пунт), и тамошние властители поспешили поднести царю подарки (драгоценную руду или каменья, страусовые перья, шкуры, ткани и т. п.).

Задача восстановления египетской власти в Сирии выпала на долю следующей, XIX династии. Ее основатель, преемник Хоремхеба. Рамсес I, наверное, тождествен временщику предшествующего царствования, могущественному военачальнику и верховному сановнику Парамессу (Па-Риа-масэ-са). Рамсес I считал себя в какой-то мере похожим на основателя XVIII династии Яхмоса I, судя по сходству их престольных имен Меннефхтира (Мин-пахта-Риа) и Небпехтира (Ниб-пахта-Риа). Однако Рамсес I царствовал слишком недолго, чтобы сколько-нибудь заметно проявить себя на военном поприще (позднейший известный и, вероятно, последний год его царствования — 2-й, вторая половина XIV в.). Равным образом трудно поверить, чтобы за столь короткое правление мог быть воздвигнут исполинский чертог (так называемый гипостильный зал) перед храмом Амона в Карнаке, хотя имя царя в нем встречается. Возможно, высокий проход посреди него был воздвигнут Аменхотепом III, боковые части пристроены Хоремхебом, отделка же начата Рамсесом I. Как бы то ни было, Рамсес I оставил царство своему сыну и, возможно, соправителю Сети I настолько крепким, что тот мог немедленно, в первые

177. Фараон Сети I, раскрашенный рельеф, XIX династия
178. Голова мумии фараона Рамсеса II, XIX династия
179. Скульптурные изображения фараона Рамсеса II, XIX династия:
а) сидящая статуя из Карнака;

же месяцы своего самостоятельного царствования, двинуть египетские войска на Сирию-Палестину.

Основным источником наших знаний о войнах Сети I являются надписанные изображения его победных битв, а также возвращения в Египет к столичному Амону с толпами пленных. Эти изображения, высеченные на стенах государственного храма в Карнаке, сохранились, впрочем, далеко не полностью и не столько повествуют о событиях, сколько славят фараона, единолично торжествующего над врагом. Всюду он один, огромного роста, крушит и тащит к Амону побежденных, без малейшего намека на участие в сражениях египетских войск. Желанным дополнением к победным изображениям служат разрозненные показания других египетских памятников, особенно найденные в Палестине надписи Сети I, однако и они лишь отчасти восполняют недомолвки и пробелы основного источника.

Непосредственной целью похода 1-го года царствования Сети I было замирение ближайшей к Египту части северных владений — Палестины. Там царили неразбериха и смута, которым некогда попустительствовали Аменхотепы III и IV. Главными зачинщиками египетские источники выставляют кочевые племена, которые не только замышляли «мятеж» против фараона и пренебрегали «законами дворца», но и вносили в страну беспорядок и истребляли друг друга. Политика Сети в палестинском вопросе нисколько не походила на недальновидное попустительство Аменхотепов III и IV. Бороться с царством Хатти, имея в тылу незамиренную Палестину, было бы по меньшей мере опасно, и фараон ее замирил. Царь вернулся к твердым порядкам в духе Тутмоса III, грабившего того, кто грабил его сирийских верноподданных. С каким умонастроением Сети шел на палестинских смутьянов, можно себе представить по одной из надписей в Карнаке. Ее неприкрытая кровожадность заставляет отнестись с большим недоверием к выражению благообразного покоя и достоинства на лице изумительно сохранившихся останков фараона. Когда царю донесли о непорядках в Палестине, говорит надпись, «сладко было сердцу его величества от этого. Ведь добрый бог (т. е. фараон) рад начать бой, веселится при нападении на него. Довольно его сердце видом крови, когда рубит он головы злоумышленников. Он любит миг сражения более дня ликования».

Война в Палестине осложнялась тем, что кочевники заняли господствующие над долинами высоты («стали на хребтах сирийских», как говорит египетская надпись), и в их руках оказалась по меньшей мере одна из

177

178

179а

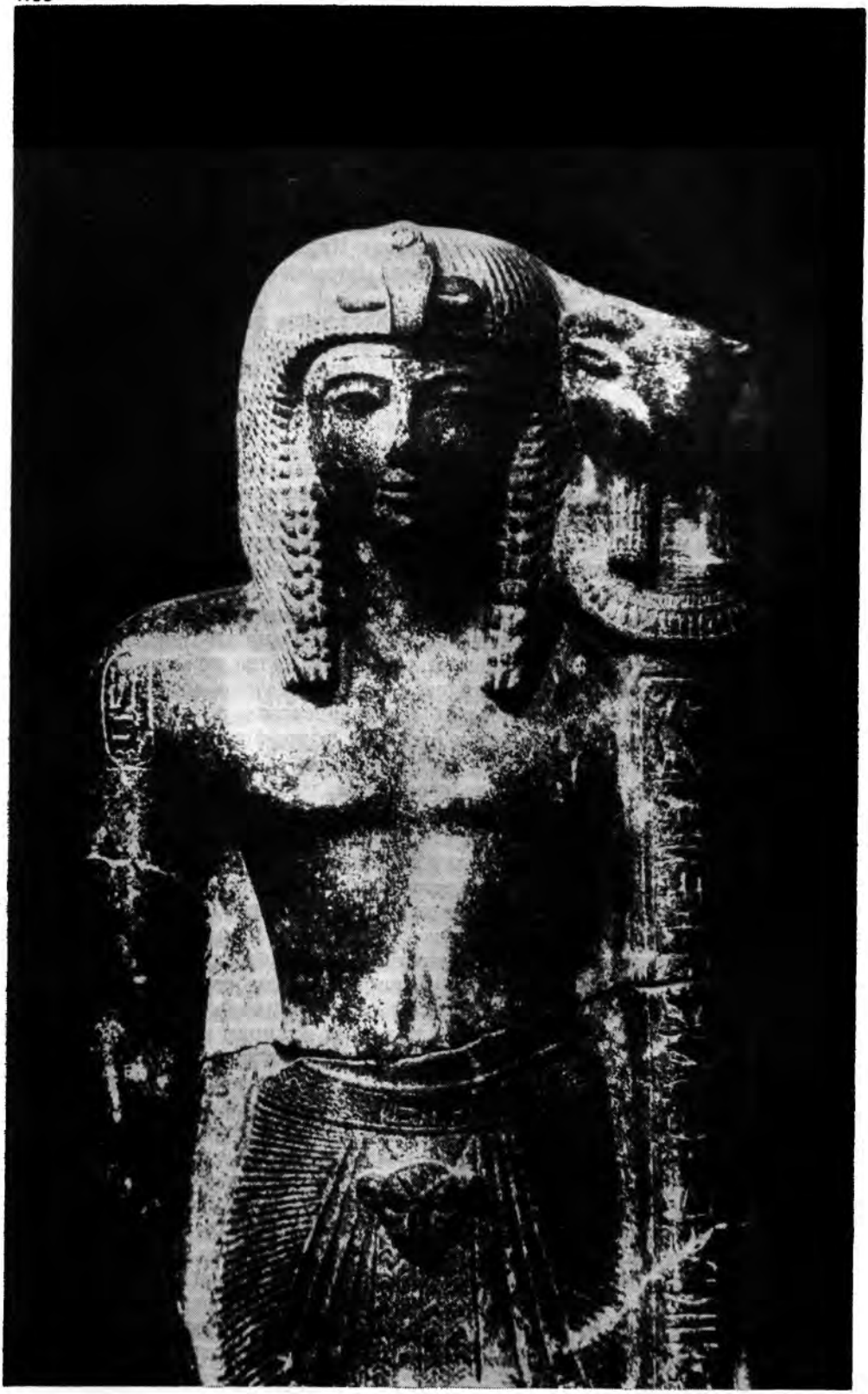
б) стоящая статуя со штандартом Амона в руке;

нагорных твердынь — укрепленный, возможно, пограничный «город ханаанский». Сражения происходили на большой территории, начиная от пограничной египетской крепости Чилу, как в пустыне между небольшими придорожными крепостями, охраняющими царские водоемы, так и в гористых, поросших лесом местностях Палестины. В битве под «городом ханаанским» были уничтожены главные силы противника, и победитель мог бы вернуться в Египет. Но замирение палестинского юга составляло только часть задачи, поставленной Сети. Царь желал восстановить спокойствие и на севере Палестины.

Из полученных донесений фараон знал, что властитель города Хамата, собрав значительные воинские силы, овладел близлежащим городом Бет-Шеаном и, поддержанный жителями соседнего Пихиля, запер в Рехобе его властителя. При дворе Аменхотепа III и его сына на подобные события вряд ли обратили бы большое внимание: происшествие было вполне обычным для тогдашней Сирии-Палестины. Но Сети немедленно двинул свои главные силы, чтобы восстановить порядок. Три больших воинских соединения египтян, названные в честь Амона, Ра и Сета, действуя каждое по отдельности против Хамата, Бет-Шеана и Иеноама, добились успеха «в течение дня». Победа над Иеноамом, сильным городом, не раз участвовавшим тогда в мятежах и усобицах, была сочтена достойной изображения на храмовых стенах в Карнаке — разумеется, с царем в качестве единственного победителя (судя по египетской надписи из Бет-Шеана, Сети не принимал участия во взятии Иеноама). Ливанские местности были приведены теперь в полное подчинение царю, и его сановник мог уже с полным основанием заверить своего повелителя, что любое его распоряжение будет там выполнено. Напуганные ливанские властители незамедлительно принялись за рубку леса для священной ладьи Амона и для его «великих» мачт перед пилонами в Карнаке. Неизвестно, встретил ли Сети в свой первый поход сопротивление со стороны финикийцев, но только Тир и Акка значились впоследствии в числе побежденных царем городов.

Благодарные Сети за избавление от кочевников, палестинские царьки с подобающей данью раболепно стекались на проводы властелина. Возможно, фараон вернулся в Египет до прибытия туда с палестинского севера основных воинских сил. На изображениях в Карнаке возвращающегося царя сопровождают не все пленные, а только кочевники, тогда как передача царем Амону захваченных ханаанеян изображена особо, после сцены победы над Иеноамом. Стоя на колеснице, в сопровождении измученных пленников, связанных по нескольку человек в неудобных положе-

1796

ниях, царь минует одну за другой зубчатые крепостцы и приближается к египетскому рубежу. Здесь за тихим протоком, заросшим густым тростником, за укрепленными мостом и воротами Сети ждут представители жречества, гражданских и военных властей в приличествующих их званиям одеждах, жрецы с роскошными букетами цветов. Завидев царя и «невиданную» добычу, встречающие шумно приветствуют победителя, криками, движениями рук и поклонами выражая свой верноподданнический восторг. Великодержавное прошлое XVIII династии возникало вновь. Снова пленники, ценная утварь, золото, серебро, лазоревый камень, бирюза и другие самоцветы широким потоком заполняли службы и склады Амона. Увековечивая эти первые победы Сети на стенах Карнака, жреческий стихотворец заставил своего бога приветствовать фараона словами победной песни Тутмоса III.

Однако замирение Палестины не означало еще воссоздания «мировой» державы XVIII династии. Очередь была за Сирией, где хозяйничало царство Хатти и зависевший от него царек Амурру. Известий о новой схватке между великими державами — египетской и анатолийской — сохранилось чрезвычайно мало. Изображения в Карнаке, не скупясь на краски, прославляют победу над «жалкою землею Хатти, которую его величество превратило в большую груду трупов». Лучники царства Хатти бегут от Сети. Кто вскакивает на несущуюся мимо колесницу, думая так уйти от гибельных стрел фараона, кто, напротив, со страху выскакивает из своей колесницы или, освободив коня от упряжи, хочет улизнуть верхом. Но надежды беглецов тщетны: трупы павших все гуще устилают землю перед конями колесницы победителя.

Война с государством Хатти была для Сети одновременно борьбой с зависевшими от него сирийскими княжествами. Одна из победных надписей царя говорит о его возвращении «из земли Хатти по истреблении мятежных стран и попрании сирийцев в их местах» и о «больших властителях жалкой Сирии, приведенных его величеством из своих побед над землей Хатти». Разгромив «земли Амурру», важнейшего из сирийских государств, подвластных царству Хатти, фараон взял город Кадеш, изображенный расположенным на лесистой горе, но тем не менее, вероятно, тождественный с Кадешем на Оронте.

Война с государством Хатти и его союзниками была успешна для египтян, и Фивы видели толпы анатолийских и сирийских пленных, доставленных царем в дар Амону вместе со всякого рода ценностями. Как далеко на север продвинул Сети границу египетских владений, установить точно невозможно. В списках побежденных им народов и захваченных городов наряду с палестинскими и южнофиникийскими значатся среднесирийские Кадеш, Катна, Уллаза, Нахрима, Туниб. Перечни стран, побежденных Сети, можно считать в общем надежными источниками (за исключением, конечно, желаемого, но мнимого подчинения Ассирии и Вавилонии), так как они опускают ряд важных сиро-палестинских городов, а многие названия среди известных нам списков подобного рода упомянуты впервые и неоднократно подтверждаются изображениями в Карнаке и надписью из Бет-Шеана. Если можно сомневаться даже во временном захвате египтянами севера Сирии, то подчинение Сети южной и средней ее частей очевидно. Из хеттских клинописных памятников стало известно об отпадении царства Амурру в Сирии и возвращении его под владычество Египта. Справедливо отмечено также отсутствие его в числе союзников государства Хатти, перечисленных в египетских источниках, даже на 5-м году правления преемника Сети I. На некоторое время в состав египетской державы вошел, наверное, и Кадеш на Оронте, так как там была найдена плита с изображением Сети перед египетскими и сирийскими божествами.

Сколько походов понадобилось Сети I для достижения столь крупных

успехов, нам неизвестно, как не знаем мы и того, в какие годы его царствования они происходили; исключение — поход 1-го года.

Эфиопия как будто бы не пыталась восставать против грозного завоевателя, но на западной границе ливийцы доставили фараону немало хлопот, судя по тому вниманию, какое ливийской войне уделено на изображениях в Карнаке. К сожалению, этот источник повествует лишь о «единоличном» торжестве царя над противниками и их вождями, об испуге ливийцев, не устоявших на поле битвы и прятавшихся, что волки, в пещерах, да о доставке Амону пленных и захваченных ценностей.

Продолжительность царствования Сети I неясна. Позднейший известный год его правления — 11-й (конец XIV в.). Еще нестарым сошел фараон в гробницу, самую протяженную и изящную по отделке среди всех царских гробниц, вырубленных в скалах на западном берегу Фив. В лице Сети I вельможи и сановники хоронили своего последнего удачливого завоевателя.

Он не успел завершить исполинский храм в Карнаке и свои изысканные поминальные храмы в Фивах и Абидосе, не смог упрочить за свое царствование восстановленную им почти в полном объеме «мировую» египетскую державу. Преемнику и сыну Сети Рамсесу II (XIII в.) пришлось, в сущности, заново восстанавливать египетскую власть в Сирии-Палестине, притом в условиях более трудных, чем отцу. В итоге Рамсес II, несмотря на все победы египетского оружия, оказался не в силах отстоять на севере рубежи предыдущего царствования.

Смена фараонов на египетском престоле могла, как и в прежние времена, пробудить у угнетенных народов надежды на удачное восстание. Как отнеслась к смерти Сети Сирия-Палестина, сказать трудно. От первых месяцев нового царствования сохранилось изображение привода ханаанских пленных к Рамсесу II, но оно несколько условное. Зато восстание в Эфиопии было, по-видимому, настолько значительным, что для его подавления потребовалось личное присутствие фараона. Исход событий мог быть, конечно, только один. На стенах эфиопских храмов Рамсеса наглядно представлено бегство пеших лучников-эфиопов от колесниц царя и его приближенных. Унося и уводя своих раненых, повстанцы спешат под кров широколиственных пальм к своим стадам и селениям, к голосящим женам и детям. Видное участие в «подвигах» царя принимал как будто бы его ручной лев, именовавшийся «Убийцей противников». Во всяком случае, он неоднократно показан устремляющимся в бой рядом со своим господином. Толпы пленных потянулись в египетскую неволю, и несчастная страна была вновь усмирена. Ее наместник смог в первые же месяцы нового царствования доставить богатую дань фараону и был осчастливлен за это наградами и царским благорасположением.

Возможно, что в самом начале своего правления Рамсесу II пришлось иметь дело также с ливийцами. Во всяком случае, некоторые изображения его торжества над западным соседом относятся к первым месяцам его царствования. В одной поврежденной надписи военные действия на западе упомянуты непосредственно перед победой над шердани. Сделать из этого вывод, что уже тогда наметился зловещий союз ливийских племен и «народов моря», выросший в роковую угрозу для царства фараонов семьдесят лет спустя, было бы неосмотрительно, хотя и заманчиво. Из другого источника известно, что победа над шердани была одержана Рамсесом II в самом начале царствования (не позже 2-го года). Надписи говорят о кораблях неприятеля и разгроме его во время сна. Из этого можно заключить, что дело происходило на море или на одном из нильских рукавов и воинственные шердани были захвачены египтянами врасплох. Пленные шердани были включены в ряды египетских войск. Они чувствовали себя, по-видимому, недурно на службе у фараона, так как позднее памятники

показывают их бьющимися в Сирии-Палестине в первых рядах воинов Рамсеса.

Военным успехам царя на юге и западе сопутствовала своего рода победа и во внутригосударственных делах. Пустовало место верховного жреца Амона в Карнаке. Вопрос о том, кто возглавит крупнейшее в стране храмовое хозяйство, несомненно, являлся одной из неотложных забот нового царя. Осенью 1-го года Рамсес был в Фивах и, вероятно, тогда, как некогда Аменхотеп IV, объявил себя на время верховным жрецом государственного бога. В этом звании молодой фараон шествовал рядом с носильщиками храмовой ладьи Амона во время его главного праздника и мог в наиболее подходящей обстановке задать Амону вопрос о лице, угодном ему для замещения свободной должности. Ответ был, конечно, таким, какого ждал вопрошавший. Придворные, военачальники, жрецы, даже сановники самого храма один за другим оказались неугодными богу, но стоило царю назвать имя первого жреца тинского бога Онуриса (Ан-Хары) Небуненефа (Ниб-унанафа), как Амон немедленно подал утвердительный знак. Затем фараон отплыл на север, в Тинскую область, в город Абидос, отмеченный милостью Сети I. Да и теперь царь плыл туда для обеспечения службы покойному отцу и завершения строительства его поминального храма. По прибытии Рамсес призвал Небуненефа, облек его новым саном и передал в управление верному тинцу сокровищницу, житницу и все доходы Амона. С какими чувствами восприняла жреческая знать Фив известие о состоявшемся назначении, неизвестно, но таким путем Рамсес, бесспорно, обеспечил себе повиновение Карнака. Сплоченность всех сил государства вскоре весьма понадобилась царской власти, когда Египту пришлось отстаивать свои притязания в Сирии, где тем временем назревали крупные события.

Новая война между Египтом и царством Хатти разразилась на 5-м году царствования Рамсеса II (около 1300 г. до н. э.). Фараон считал военные действия этого года своим «вторым победоносным походом». Какой поход числился первым, нам неизвестно, может быть эфиопский, личное участие в котором фараона не подлежит как будто бы сомнению, но вполне возможно, что «первым победоносным походом» была какая-нибудь военная экспедиция в Сирию-Палестину, так как там в 4-м году была оставлена царская надпись.

Поход 5-го года завершился битвой под Кадешем, первым в истории большим сражением, ход которого можно восстановить если не с желательной полнотой, то все же довольно подробно. Источники, повествующие об этом деле, сплошь египетские, не считая спорного отрывка из клинописного письма. Надо думать, что государство Хатти тут мало чем могло похвалиться. Сохранились источники двух видов. Художественная повесть о битве, известная под ошибочным названием «Поэмы Пентаура» [Пентаур (Па-та-уира) только переписал повесть], обходит молчанием все малоприятные для царя события, но тем не менее содержит ценные сведения. Они, правда, тонут в море речей во славу Амона и в посрамление египетских воинов.

Будучи панегириком, повесть описывает битву превратно, изображая ее как победу, одержанную царем с помощью Амона, почти без участия войска. В этом смысле другой наш источник — изображения на стенах храмов — гораздо правдивее. На них показано многое: военный совет, допрос вражеских лазутчиков, отправка гонцов к отставшим частям, царский стан, город Кадеш, движение египетских и неприятельских войск, их схватки, частичное (не полное!) поражение противника, взятая добыча. Без этих изображений вообще нельзя было бы создать сколько-нибудь отчетливое представление о действиях египетских войск в битве под Кадешем. Изображения снабжены многочисленными пояснительными при-

писками, в том числе одной очень большой. Она представляет собой как бы самостоятельный источник, местами весьма обстоятельный в изложении событий, предшествовавших бою, но в части, толкующей о нем самом, является не более как набором общих мест и трескучих победных фраз, изредка прерываемых дельными замечаниями.

Источники дошли до нас в значительном количестве «изданий». Повесть представлена двумя рукописями на папирусе и восемью надписями в четырех храмах, большая приписка — столькими же надписями тоже в четырех храмах, изображения, то повторяющие, то дополняющие друг друга, имеются на стенах пяти храмов.

При каких обстоятельствах началась война, не вполне ясно. Правда, в одной из египетских надписей, по раз заведенному обычаю, сказано, что северные народы пришли «напасть на [границы]» его величества. Однако нападающей стороной на 5-м году царствования Рамсеса был, по-видимому, сам фараон, если даже его и побудили к тому происки государства Хатти. Никаких войск государства Хатти в Палестине не было. Местные властители и тамошние представители египетской власти единодушно доносили фараону, что царь Хатти бежал далеко на север, в Алеппо, при вести о приближении египтян, и Рамсес верил, что, прослышав о его выступлении, неприятель боится идти на юг. Возможно, прямой целью египтян был захват города Кадеша, а не сражение с войском государства Хатти, хотя с такой возможностью, несомненно, считались и к ней готовились. Список песни о битве под Кадешем повествует, что фараон шел не на землю Хатти (к которой причислялись и ее владения в Сирии), а на «землю сирийскую». Рамсес устремился к Кадешу, здесь он намечал соединить свои силы, идущие на город разными путями, сюда же явился царь Хатти с войсками, и под Кадешем произошли все события. Если вспомнить, что в дни Сети I Кадеш как будто бы вошел в состав египетского государства, то принадлежность его на 5-м году царствования Рамсеса II к враждебному Египту союзу, возглавляемому государством Хатти, могла бы указывать на отпадение города незадолго до этого от египетского царя. В таком случае поход Рамсеса II был бы прежде всего попыткой восстановить положение дел в Сирии, нарушенное этим отпадением.

Весной 5-го года своего царствования Рамсес II во главе большого войска миновал пограничную крепость Чилу на северо-востоке Низовья. Египетское войско, состоявшее из колесничих и пехоты, в том числе и воинов-шердани, беспрепятственно продвигалось вперед по Сирии-Палестине тесными дорогами, как если бы оно шло «по египетским путям». Если верить одному из источников, то местные властители спешили лично засвидетельствовать подношениями проезжающему фараону свои верноподданнические чувства, и даже «мятежники» — в виду царских войск — представали перед ним с изъявлениями покорности. В приподнятом настроении Рамсеса неизменно поддерживали донесения его палестинских военачальников и представителей, а также тамошних властителей о бегстве царя Хатти на север, в Алеппо. Питаясь подобными слухами, всепобедным настроением, Рамсес покинул приморскую (?) «долину кедра», углубился (?) внутрь страны и прибыл на «хребет южнее Кадеша» — последнюю значительную высоту перед спуском в долину Оронта.

Пробудившись в своем шатре в наилучшем самочувствии, фараон облекся в боевые доспехи и в блеске занимающегося утра стал спускаться с войсками с высоты в долину — к броду через реку (вероятно, у Риблы). Несколько южнее города к Рамсесу явились два сирийских кочевника и заявили ему, что посланы своими племенными вождями, находящимися в данное время у царя Хатти, заверить фараона в их готовности перейти на его сторону. Из ответа сирийцев на искусно поставленный вопрос Рамсес узнал, что неприятель стоит на севере Сирии, в Алеппо, и боится идти на

180. Битва при Кадеше, храмовые рельефы из Карнака и Луксора, XIX династия:
а) лагерь египтян и внезапное нападение хеттов и их союзников;

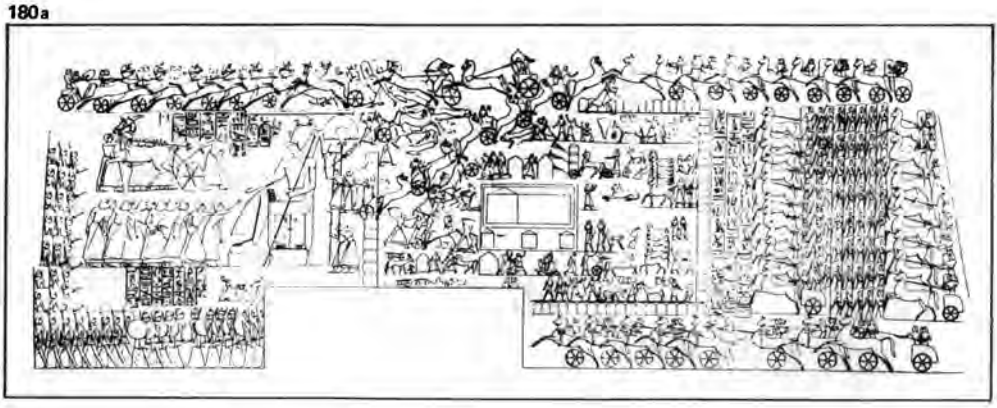
юг. Таким образом, показания пришельцев в точности совпадали с известиями палестинских князей и египетских чиновников в Палестине, почерпнутыми, очевидно, из сходных источников. Неудивительно поэтому, что египетский царь, окрыленный предшествующим «победным» шествием по Сирии-Палестине, поддался на грубую уловку царя Хатти и поверил подосланным им мнимым перебежчикам.

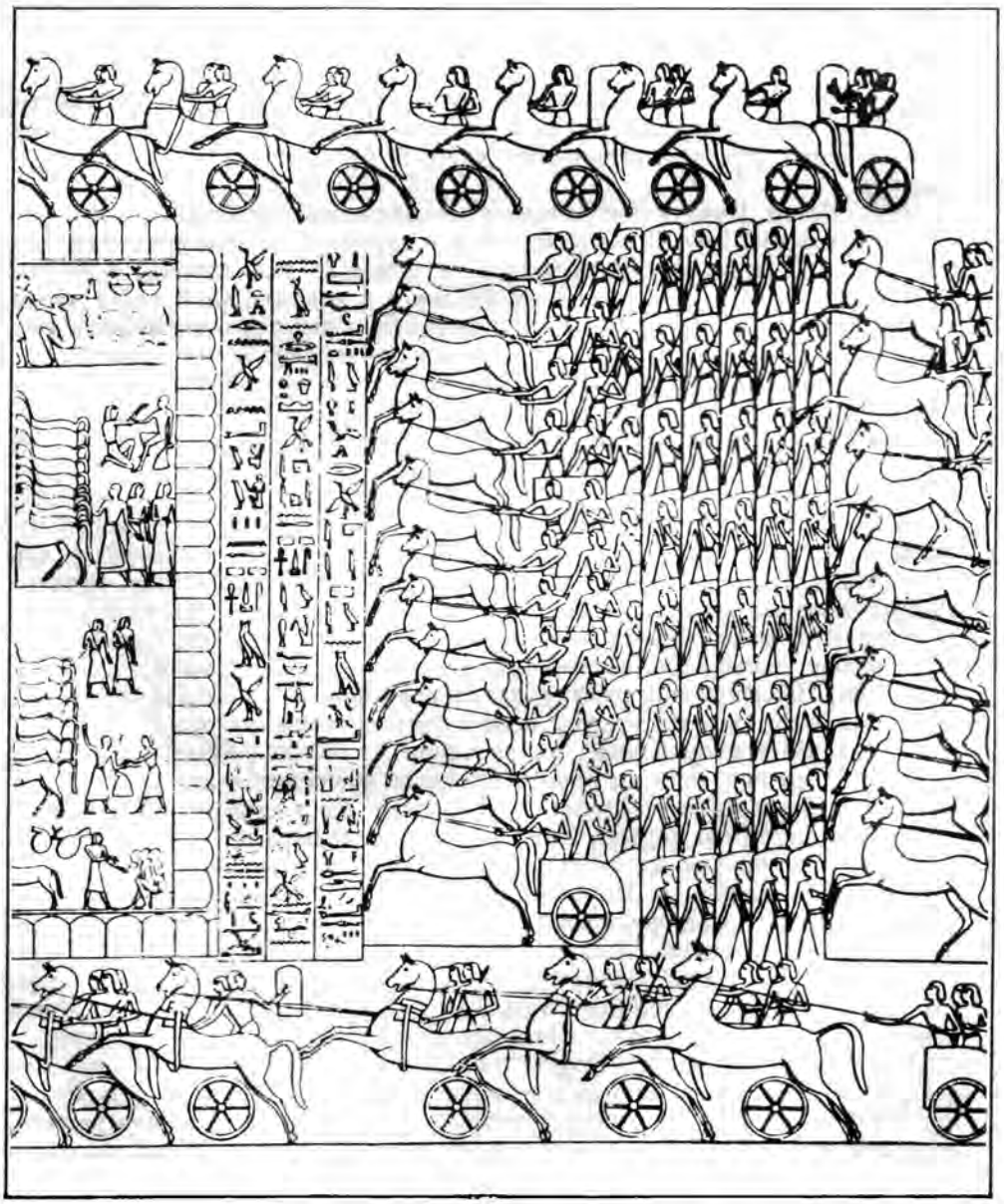
Египетское войско, шедшее на Кадеш, состояло из нескольких больших соединений, включавших каждое пехоту и колесницы. Соединения носили имена четырех государственных богов XIX династии — «Амон», «Ра», «Птах» и «Сет». Главные силы подходили уже с фараоном к броду через Оронт. Одно же соединение, называвшееся по-ханаански «мóлодцами» (неарим) и составленное царем из отборнейших воинов, шло берегом Средиземного моря и затем долиной Элевтера (Эль-Кебира) на соединение с главными силами у Кадеша. Переправа многотысячного войска вброд должна была, естественно, затянуться, а фараону, быть может из военных соображений, не терпелось обложить «жалкий» Кадеш как можно скорее. Рамсес оставил бóльшую часть войска у переправы через реку (соединение «Ра» как раз переправлялось через нее, остальное войско еще не дошло до брода), а сам в сопровождении уже переправившегося соединения «Амон» устремился вперед по широкой равнине. На севере, на небольшом мыске при слиянии Оронта и его левого притока, громоздились зубчатые стены и башни Кадеша, увенчанные парусом-стягом.

Фараон остановился к северо-западу от города, на левом берегу Оронта, защищенный с востока этой рекой, с юга — другой речкой, притоком Оронта, а с севера — третьей естественной преградой — большим озером, в которое впадает Оронт. В смысле предупреждения нападения с севера, куда якобы удалился враг, место было выбрано превосходно, но при нападении с юга могло стать ловушкой.

На прибрежном холме поставили золотую скамью. Рамсес сел, и слуги с опахалами заняли свои места за его спиной. Внизу, над рекой, еще оставалась дорожная царская колесница с роскошным навесом для защиты от солнца, стояли колесницы сопровождения и недвижные ряды тяжеловооруженных телохранителей из египтян и шердани. Неподалеку суетились воины соединения «Амон», разбивая стан, распрягая и развьючивая животных, а вдали, почти со всех сторон окруженная водами, высилась угрюмая твердыня Кадеша. К ней были прикованы жадные взоры фараона. Если бы его взгляд мог проникнуть за ее стены, в заречную равнину к северо-востоку от крепости, его победная самоуверенность сменилась бы

180а

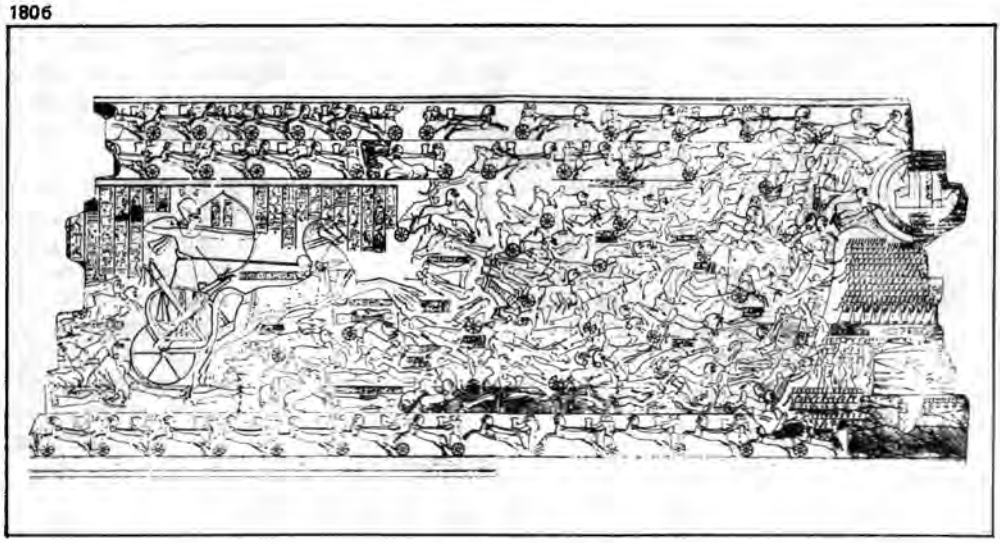
б) Рамсес II поражает врагов и контратака египтян; справа город Кадеш на Оронте, за рекой хеттская пехота

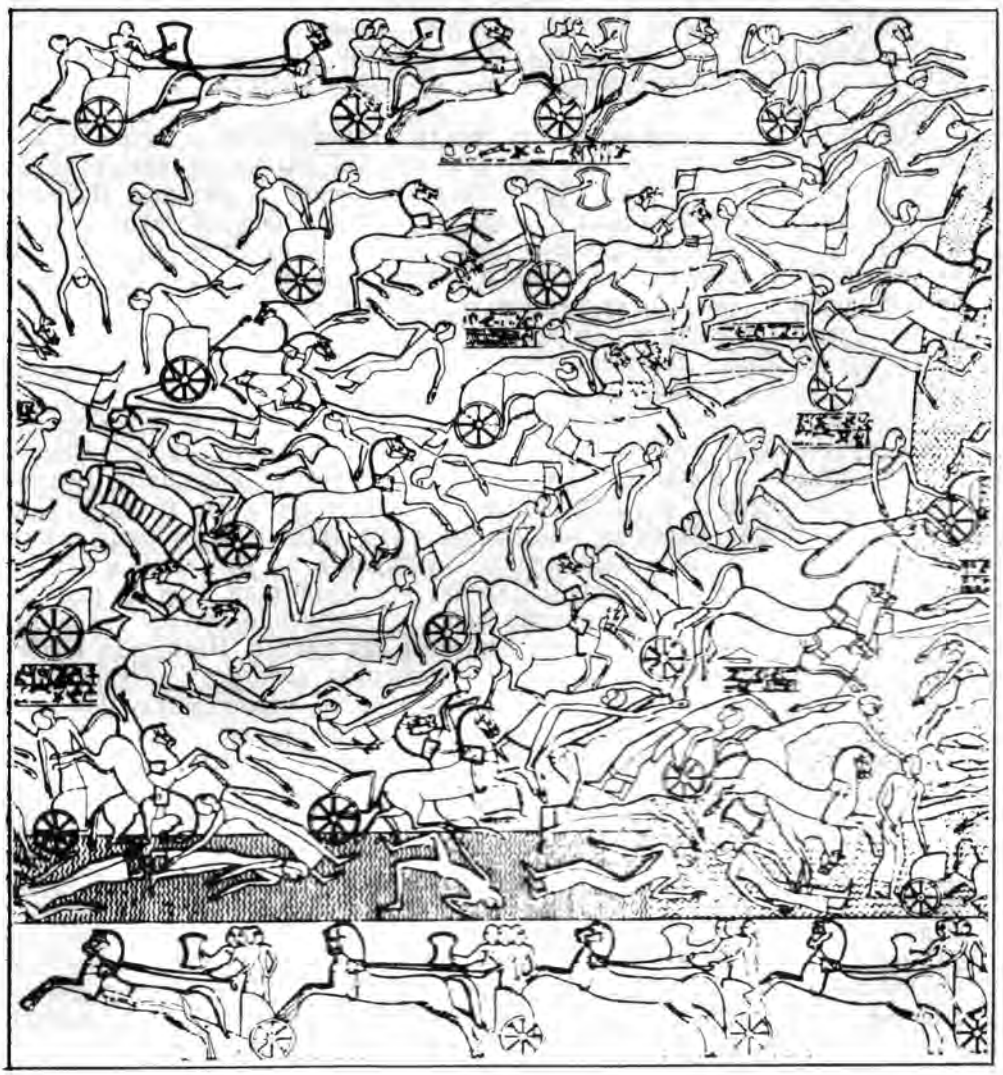
смертельным испугом. Там, скрытое городом, в полной боевой готовности стояло все войско царства Хатти и его союзников и делались последние приготовления к сокрушительному удару по беспечному, обманутому противнику.

Царь Хатти Муваталлис имел все основания избегать схватки с египтянами в открытом бою. Его войско, хотя и огромное по тем временам (по египетским данным, оно насчитывало не менее 28 тыс. человек и свыше 6 тыс. коней), было донельзя смешанным и в значительной своей части наемным. Воины государства Хатти составляли его ядро, но помимо них в нем были представлены едва ли не все анатолийские и сирийские царства, так или иначе зависевшие от Муваталлиса: Арцава, Лукка, Киццувадна, Аравання, приевфратская Сирия, Каркемиш, Алеппо, Угарит, Нухашше, сам Кадеш, кочевые племена и т. д. Каждый из этих разноплеменных союзников явился под начальством своих властителей, и можно себе представить, как трудно было Муваталлису управлять всем этим скопищем. К тому же всех их связывал с ним, возможно, не столько страх перед его силой, сколько денежный расчет. Египтяне глумливо рассказывают, что царь Хатти не оставил у себя в стране ни серебра, ни золота, дочиста обобрал и отдал все союзникам, только бы они пошли за ним на фараона. Рассчитывать с подобными полчищами одолеть в открытом бою египетское войско, сплоченное, вышколенное и направляемое единой волей, было трудно. Последующая шестнадцатилетняя борьба показала, что войска Хатти избегали битв в открытом поле и больше отсиживались в сирийских крепостях. Во всяком случае, ни на одном из бесчисленных памятников Рамсеса II не показано ни одного крупного сражения с царством Хатти вне городских стен после битвы под Кадешем. Но и сама битва под Кадешем доказывает, что царство Хатти надеялось больше на обман и внезапность нападения, чем на свою военную силу. Полная несостоятельность египетской разведки в Палестине благоприятствовала распространению лживых слухов о местонахождении неприятеля, сеявшихся, очевидно, подосланными им лицами. Поспешность фараона, приведшая к разобщению его главных сил после переправы через Оронт, несказанно облегчала царю Хатти задачу разгрома египтян. Тем показательнее, что войско Хатти все-таки оказалось не в состоянии успешно справиться с этой задачей.

Переправившись через Оронт, соединение «Ра» не стало дожидаться остальных частей и пошло на север для встречи с фараоном. Тем временем южнее Кадеша, вне поля зрения египетского царя, сосредоточилась основная масса колесничного войска противника. Переправа его колесниц

180б

через Оронт, очевидно, производилась заблаговременно и прошла не замеченной египтянами. Соединение «Ра» продолжало свой путь к Кадешу в походном порядке, не готовое к бою. Неожиданно перед египтянами выросла стена вражеских колесниц, врезалась в их гущу, смяла, прорвала их строй посередине и покатилась дальше на север, к стану фараона, гоня перед собой какие-то остатки соединения «Ра».

Весть о разгроме второго египетского соединения еще не успела долететь до фараона, как царский стан уже был охвачен смятением. Разведчик из сопровождения Рамсеса перехватил двух соглядатаев царя Хатти, и те на допросе, избитые палками, выдали истинное местонахождение и состав вражеских сил. Но и теперь египетский полководец не осознал размеров опасности. Вместо того чтобы привести в боевую готовность соединение «Амон», Рамсес распорядился созвать сановников и, возвестив им неприятную новость, разразился жалобами на своих палестинских представителей и тамошних властителей, питавших его ложными сведениями. Военачальники и сановники, довольные тем, что царь осыпал упреками не их, громко негодовали по поводу преступной оплошности палестинских осведомителей.

Единственной мерой, принятой на совете, была отправка верховного сановника (так называемого везира) с поручением немедленно привести покинутые у переправы войска. Высокого посланца сопровождали царский служитель и еще два разведчика, вероятно для того, чтобы показывать дорогу, но почему понадобилось посылать столь важное сановное лицо, остается загадкой.

Не успел еще фараон закончить беседу с сановниками, а воины «Амона» — разбивку стана, как была получена весть об участи соединения «Ра», и одновременно на египтян обрушились вражеские колесницы. Широко охватив прямоугольник стана с западной стороны, они прорвали ограду из щитов и ворвались внутрь. Большинство воинов, застигнутых врасплох за устройством лагеря, обратилось в бегство, и соединение «Амон» как боевая единица перестало существовать. На колеснице поспешно примчался дворцовый сановник и поторопил царских сыновей бежать из угрожаемого места. Юные царевичи вскочили на колесницы и погнали их во весь опор прочь от стана.

Как только доложили о разгроме соединения «Ра» и показались колесницы противника, фараон прервал совещание, натянул на себя броню, схватил оружие и поднялся на ожидавшую его боевую колесницу. Боевой лев фараона лежал у его палатки, но его успели доставить хозяину. Бой кипел уже вокруг царского шатра, большого укрепленного сооружения посреди стана, но здесь нападающие наткнулись на яростный отпор со стороны дворцовых служителей. Царские телохранители, еще до нападения окружавшие местонахождение царя, мужественно бились с врагом, но их было слишком мало, чтобы сдержать его натиск. Несколько колесниц, бросившихся, судя по одному изображению, навстречу наседавшему неприятелю, тоже не могли отвратить опасность, угрожавшую Рамсесу. Врезавшись было на своей колеснице в ряды нападавших, фараон быстро осознал бесполезность борьбы и повернул назад, но, к ужасу своему, увидел, что вокруг него и кучки его защитников, главным образом вооруженных слуг, уже сомкнулось кольцо вражеского окружения. Всюду, куда он ни оглядывался, бушевало море неприятельских колесниц. До двух с половиной тысяч насчитали их египтяне. Пробиться сквозь плотную стену нападавших было трудно, но в то же время стесненность их рядов сулила надежду на успех. Две с половиной тысячи двойных упряжек и вместительных колесниц (в отличие от египетских на вражеских колесницах стояло не по два, а по три человека), будучи скучены на небольшом пространстве вокруг горстки окруженных, не могли двигаться сколько-нибудь

свободно. Стоило где-нибудь дрогнуть колесничному скопищу, как давка и неразбериха делали невозможным всякое правильное передвижение.

Долго выдерживать неравную борьбу окруженные египтяне были, конечно, не в состоянии, но они вовсе не были столь одиноки, как о том повествуют письменные источники. На выручку им уже спешила нежданная подмога. В полной боевой готовности, сомкнутым строем быстро приближались к стану пехота и колесницы лучшего египетского соединения — «молодцев»,— составленного из отборнейших воинов и шедшего к Кадешу с морского побережья (точность движения египетских войск спасла положение!). Развернутым строем бросились их колесницы на неприятеля. Враги, затрудненные в движениях собственной многочисленностью и скученностью, очутились в стане меж двух огней: впереди были лучшие силы египетского войска, изнутри с яростью отчаяния напирал фараон с дворцовыми людьми. Вражеские колесницы были полностью уничтожены «молодцами» и дворцовыми служителями. Но средоточие боя уже переместилось.

Оправившись от первого испуга, Рамсес решил обороняться нападая. Натиск следовал за натиском. Фараон врезался в гущу вражеских колесниц, сея ужас и смерть на своем пути. Вид ли остервенелого фараона, стрелявшего и «хватавшего» врагов направо и налево, ошеломлял врагов (так думали египтяне и некоторые ученые), ловкость ли возницы, правившего конями и прикрывавшего царя щитом, уберегла его от стрел, которые, согласно и египетским источникам, летели в их сторону, но только Рамсес каждый раз выходил из боя невредимым. Дело происходило на левом берегу Оронта, и немало колесниц противника было уже сброшено в реку. На противоположном берегу под защитой многотысячного войска стоял на колеснице дородный царь Хатти Муваталлис в ужасе от зрелища по ту сторону реки: там гибли его лучшие силы. Он двинул на помощь своим еще «тысячу» колесниц, преимущественно союзных анатолийских и северосирийских властителей,— битва была ведь, по существу, схваткой его колесниц с египетскими.

Но и люди из окружения Рамсеса изнемогали в неравном бою. Уже пять раз фараон бросался на врага, а кольцо окружения оставалось непрорванным. Положение казалось настолько безнадежным, что даже царский возничий Менена молил фараона прекратить сопротивление и бежать. Не совсем ясно, каким способом могло быть осуществлено бегство, когда вражеский строй оставался непрорванным. Может статься, что Рамсес, находясь на берегу Оронта, мог бежать, переправившись через ближнее озеро, в которое впадала река. Позже стертая приписка к изглаженному изображению содержала разговор царя с воином Нахтамоном (Нахт-Аманой). Из сохранившихся обрывков речей как будто бы следует, что фараон просил воина прийти к нему и что-то ему сделать, воин называл себя, а в дальнейшем говорилось о гребле(?) или гребцах(?), после чего царь отдавал какое-то распоряжение и действовал, пренебрегая всеми «чужими странами(?)». Однако связь речей воина Нахтамона с предложением возничего более чем сомнительна. Как бы то ни было, его совет был отвергнут, и Рамсес вместо бегства в шестой раз ударил по врагу. Судя по другой, тоже стертой надписи, фараон прорвал вражеское окружение южнее Кадеша (в начале битвы он находился севернее города) и вырвался из кольца, гоня перед собой бегущего врага.

Тем временем верховный сановник и царский служитель на колесницах, а разведчики верхом благополучно доскакали до соединения «Птах», которое медленно тащилось со своим обозом по неровной местности, изредка в приятной лесной тени. Прибывшие поторопили отставшее соединение поспешить на помощь фараону. Успело ли это соединение принять участие в сражении этого дня, остается неясным.

Возможно, надвигавшийся вечер положил конец кровопролитию. Исход битвы был двусмысленным. Часть вражеских колесниц осталась на поле сражения, часть была опрокинута в реку, откуда кое-кто из воинов выбрался на другой берег, но многие, вероятно подавляющее большинство, отступили невредимыми к городу. Немало знатных врагов пострадало в бою. Египетские источники называют в их числе двух братьев царя Хатти, его письмоводителя, щитоносца, нескольких возничих и военачальников. Пострадали и некоторые из союзных властителей. Судя по изображениям, египтяне злорадно наблюдали, как по ту сторону Оронта откачивали захлебнувшегося в его волнах царька Алеппо, держа его вверх ногами. Множество воинов царя Хатти и какое-то количество сирийцев египтяне пленили и вместе с руками, которые они не забывали отрубать у убитых врагов даже в самый разгар боя, а также конями и колесницами предъявили впоследствии под торжественные звуки труб восседавшему на колеснице фараону — конечно, под видом его собственной добычи. В руки египтян попало также значительное количество боевого снаряжения противника.

Замысел Муваталлиса справиться с египтянами, напав на них врасплох, не увенчался успехом, поле битвы осталось за Рамсесом. Однако силы врага отнюдь не были сломлены. Судя по изображениям, в бою со стороны царства Хатти участвовало только колесничное войско, хотя в одном из письменных источников вскользь говорится и о пехоте. К концу сражения у Муваталлиса оставалось не менее 17 тыс. пехоты и колесничных воинов, не участвовавших в битве, и значительное количество воинов, уцелевших в бою. Потери египтян, вероятно, тоже были большими, но наши источники, естественно, молчат о них. Соединение «Амон» в качестве боевой единицы в тот день так и не выступило, хотя часть его воинов, по-видимому, приняла участие в сражении. Возможно, что так же обстояло дело с соединением «Ра». Повесть о битве под Кадешем красочно описывает возвращение египетских беглецов вечером на поле брани, белевшее во мраке от множества вражеских трупов в светлых одеждах. Можно думать, что с прибытием отставших частей и возвращением беглецов египтяне сохранили не меньшую, чем их противники, боеспособность и возможности для продолжения битвы.

Повесть о битве под Кадешем действительно рассказывает о том, как с рассветом сражение возобновилось с новой силой, но рассказывает кратко, в общих выражениях, так что эта вторая «победа» Рамсеса выглядит довольно неубедительно. Некоторые ученые даже сомневаются в том, что противники продолжали бой на следующее утро, но вряд ли такое сомнение основательно. На изображениях, правда, продолжение битвы не показано, на них она кончается победоносным «единоборством» Рамсеса, сопутствующими ему событиями и смотром добычи, взятой тоже «самим» царем. Но зачем было смягчать впечатление от действительно совершенного царем подвига, его победоносного «единоборства» с врагами изображением еще какого-то добавочного сражения? О нем, правда, умалчивает и большая приписка. От ее конца почти ничего не осталось, но за краткостью концовки в ней, надо думать, не могло быть речи о втором сражении. Однако и все это недоказательно, потому что большая приписка относилась к изображениям, а согласно им, битва не возобновлялась. Следовательно, как будто бы веской причины заподозрить достоверность показаний повести нет, тем более что ее хвалебное назначение вовсе не требовало возобновления битвы, а скорее даже исключало ее.

Согласно повести, нападающей стороной на этот раз был фараон, враги же стали «далеко, творя поклонение своими руками пред его лицом». Вполне вероятно, что войска Хатти не желали встречи с египтянами в открытом поле, и это хорошо согласовывалось бы с их поведением накануне,

когда бо́льшая часть их войска так и не была введена в сражение. Возможно, она должна была служить прикрытием для царя Хатти и обоза на случай, если бы египтяне все-таки добрались до них. Однако сломить врага Рамсесу не удалось и утром. Сквозь неопределенные восторги повествователя по поводу царских «успехов» проглядывает как будто бы впечатление, что решительная победа так и не была одержана. Во всяком случае, ни один источник не говорит о том, что фараон овладел Кадешем. Обескровленные противники явно были не в силах одолеть друг друга. Как можно было ожидать, Муваталлис первый предложил фараону мир. Так по крайней мере изображает дело повесть о битве под Кадешем. Она рассказывает о прибытии посланца царя Хатти с письмом к Рамсесу, о военном совете египтян и «милостивом снисхождении» фараона к просьбе противника, толкуемой, конечно, как изъявление покорности. Сомневаться в правильности свидетельства повести о временном соглашении между державами трудно, иначе пришлось бы допустить, что египетский царь с войсками и пленными торжественно вернулся в свою новую столицу с северо-восточной части Низовья Пер-Рамсес (Пи-Риа-масэ-са-Маи-Амана; библейский Раамсес), в то время как в Сирии, у самой границы египетских владений, оставалось в поле сильное вражеское войско.

Неизвестно, сколько времени суждено было фараону спокойно прожить в своем дворце, ежедневно наблюдая как кормили коней, ходивших в его упряжке под Кадешем, он клятвенно обещал это после битвы. Достоверно лишь то, что на 8-м году царствования Рамсеса египетское войско снова стояло в Сирии-Палестине. Двусмысленный исход битвы под Кадешем не мог не ободрить «мятежные» круги в Палестине, и скоро едва ли не вся она — от Ашкелона (Аскалона) на юге — восстала против угнетателей. Положение осложнялось враждебностью государства Хатти и сирийского севера, так что Рамсесу приходилось воевать одновременно со своими ханаанскими подданными, анатолийским царством и подвластными тому сирийскими государствами.

Последовательность военных действий в Палестине и египетской Южной Сирии неясна. На храмовых стенах сохранились лишь многочисленные изображения, свидетельствующие о взятии фараоном сиро-палестинских крепостей, и перечни побежденных им «стран», в большинстве случаев второстепенных поселений, не поддающихся отождествлению с названиями известных местностей.

Ко времени Рамсеса II военное искусство египтян шагнуло далеко вперед по сравнению с временем медлительных приемов Тутмоса III. Тот предпочитал брать укрепленные города измором и часто, не добившись цели, в бессильной злобе опустошал окрестные сады и нивы. Лишь изредка шел он на приступ значительных укреплений. Напротив, войны Рамсеса II в Палестине превратились в непрерывное взятие приступом малых и больших крепостей. При том трудном положении, в котором египтяне оказались в Сирии-Палестине, фараон не мог тратить время на долгую осаду. Изображения того времени и данные раскопок знакомят нас с обликом этих крепостей. Они стояли обыкновенно на возвышенности, часто поросшей лесом, на берегу речки или озерка. Высокие кирпичные стены на каменном основании изломанным поясом чередующихся выступов и отступов окружали город и его средоточие и последний оплот — царскую цитадель. Укрываясь за округлыми зубцами, защитники крепости могли с выступов стен поражать нападающих в бок и даже в спину, так как верхи выступов несколько выдавались вперед. Целям обороны служили и проделанные в толще стен окна-бойницы.

Приступу обычно предшествовало сражение в прилегающей долине. Разбитые там воины бежали к крепости: большинство пешком, часть на колесницах или верхом на выпряженных из колесниц конях. Случалось,

что беглецы искали убежища в ближнем лесу. Туда, если только не куда-нибудь дальше, гнали городское стадо и перепуганные пастухи. Главный удар осаждающие наносили по сильно укрепленным городским воротам, рубя их топорами и расшатывая их устои. В ходу были длинные лестницы, с помощью которых, прикрывшись щитами, египтяне взбирались на стены. Град крупных камней и камешков из пращей, стрел и копий сыпался на головы осаждавших. В качестве прикрытия помимо щитов египтяне использовали передвижные стенки с навесами, скрываясь за которыми они могли в сравнительной безопасности приблизиться к подножию крепости. В то время как одни воины шли на приступ, другие, а именно стрелки, во главе с фараоном засыпали ее защитников стрелами. В конце концов на вершине городских укреплений, над зубцами стен, показывался старейшина и в знак сдачи крепости протягивал победителю пламенеющую курильницу. Воздевая руки и опуская со стены детей-заложников, молили осажденные о пощаде. Ужасна бывала расправа со взятым городом. Воины фараона набрасывались на побежденных: кто за волосы выволакивал пленника из городских ворот, кто связывал добычу, кто ударами палки гнал в неволю вереницы побежденных. Победоносное войско египетского царя шло дальше, оставив позади себя мертвые развалины. Безлюдно высились городские укрепления с покосившимися воротами, с полусорванными решетками на окнах, с зияющими дырами в стенах и кучами кирпича вокруг. А там, где еще недавно был лес, теперь стояли лишь редкие деревья да торчали из кустарника обрубки стволов, чьи срубленные густолиственные вершины валялись на земле.

Под ударами египетского войска сдавались палестинские крепости и племена. Приморский Ашкелон на юге, Моав к востоку от Мертвого моря, Акка на финикийском побережье, Иеноам на границе с югом Ливана упомянуты на победных памятниках Рамсеса вместе с десятками местностей неизвестного местоположения. Война была перенесена во владения царства Хатти, и уже на 8-м году царствования фараон подступил к крепости Дапур, в стране Амурру, «в области города Туниба, в земле Нахрима».

Взятие Дапура Рамсес считал одним из своих славнейших деяний. Он отводил этому «подвигу» второе место после «победы» под Кадешем — не столько, быть может, в силу значительности дела, сколько из-за мужества, которое Рамсес снова проявил на глазах у своего войска. Как обычно, приступу предшествовала битва на равнине под крепостью, но разбитые здесь противники по-разному представлены на египетских изображениях: на одном — это только сирийцы, на другом — хетты. Зато защищают крепость везде одни хетты. Они яростно обороняются от египтян, берущих приступом городские укрепления, которые выглядят особенно внушительно с их двойным кольцом стен, высокими башнями и водруженным наверху огромным парусом-стягом с четырьмя поперечными стрелами. Фараон лично участвовал во взятии крепости и хвалился впоследствии, что «стоял, воюя город супостата Хатти, во главе своей пехоты и своего колесничного войска» в течение двух часов, не надевая брони. Наконец на дворцовой башне затеплилась долгожданная курильница, знак сдачи, и к Рамсесу, если верить изображению, вышел представитель царства Хатти, ведя предназначенного в дар фараону тельца, в сопровождении женщин, несших сосуд и корзины с хлебом.

Успехи египтян на сирийском севере не ограничились захватом Дебира. В стране Кеде, возможно расположенной на подступах к Анатолии, был взят укрепленный город с великолепным княжеским дворцом. Число пленных было столь велико, что их целыми отрядами отправляли в Египет под общим наблюдением наследного царевича, принимавшего, как и его братья, деятельное участие в походах. В перечнях народов и стран,

побежденных Рамсесом, указан еще целый ряд сирийских городов, в том числе Тахси в Келесирии и Уллаза.

Казалось бы, одержано столько побед, что «мировая» держава Тутмоса III должна быть восстановлена полностью, но, согласно клинописным источникам, Северная Сирия и даже царство Амурру в конечном итоге остались за царством Хатти. Лишь в прибрежной полосе, уже по свидетельству египетских источников, владения фараона доходили по меньшей мере до Цумура (Симиры). Тем самым после долголетних войн Рамсес не восстановил даже границы Сети I, не говоря уже о границах XVIII династии.

Достоверно объяснить столь неожиданный исход войны невозможно. Египетские источники, естественно, до конца остаются настроенными на победный лад. Да и клинописные источники умалчивают о повороте военного счастья в сторону царства Хатти. Возможность заключения мира с ним на 21-м году царствования Рамсеса II египтяне объясняли полным истощением сил противника. О причинах уступчивости победителя можно высказать следующее предположение. Фараоны Нового царства требовали от своих сиро-палестинских подданных, в сущности, только дани. Переустраивать Сирию-Палестину и держать там постоянно большие воинские силы тогдашнему Египту было и невыгодно и трудно. Но тяжесть дани неизменно вызывала мятежные настроения, и спокойно владеть издалека сиро-палестинскими землями египетские цари могли лишь при отсутствии достаточно сильного соперника. Но таковой появился в лице окрепшего государства Хатти, и, хотя оно было слабее Египта, его притязания и происки сделали сиро-палестинские владения фараонов непрочными и требующими постоянных хлопот достоянием.

Египетское войско могло одерживать победу за победой, брать крепость за крепостью, и все же положение в Сирии-Палестине оставалось неустойчивым, пока непокорные местные властители находили поддержку со стороны царства Хатти: помощью ли вспомогательных отрядов (что засвидетельствовано памятниками) или в ведении одновременных военных действий против общего врага. Взаимоотношения Египта и царства Хатти во времена Рамсеса II сильно напоминали взаимоотношения между Египтом и Митанни в дни Тутмоса III, с той лишь разницей, что царство Хатти было много опаснее Митанни. Царю Митанни можно было нанести поражение в его собственной стране, заставить отказаться от Сирии и затем для большего обеспечения ее спокойствия принять в друзья и союзники. Разгромить царство Хатти в далекой Анатолии Египту было не под силу, и после шестнадцатилетней изнурительной борьбы Рамсесу пришлось, видимо, признать, что спокойно владеть Палестиной и частью Сирии можно, лишь отказавшись от призрачных завоеваний на севере. Некоторые ученые полагают, что примирению соперников способствовали образование Ассирийской державы и связанные с этим опасения.

Мир был заключен со вторым преемником Муваталлиса Хаттусилисом III. За установлением мира последовало заключение союзного договора, причем почин в этом деле принадлежал анатолийскому царству. В начале зимы 21-го года царствования Рамсеса II посол Хаттусилиса в сопровождении переводчика-египтянина прибыл в столицу фараона Пер-Рамсес на северо-востоке Низовья и вручил египетскому царю от имени своего повелителя серебряную дощечку с клинописным текстом договора, заверенного «печатями», изображавшими царя и царицу Хатти в объятиях их божеств. С этой дощечки договор был переведен на египетский язык и впоследствии увековечен на камне египетскими иероглифами. Текст договора, который фараон отослал Хаттусилису в обмен на его дощечку, был тоже клинописным, составленным на международном тогда аккадском языке, но по содержанию несколько отличался от присланно-

го царем Хатти. Фараон не намеревался лично водить войска на помощь союзнику и лишь бегло касался истории предшествующих отношений между обоими царствами, излагавшейся Хаттусилисом в несколько покаянном духе. Особенного труда стоило уполномоченному царя Хатти добиться согласия египетского двора на личную и имущественную неприкосновенность беглых египтян и их семей после выдачи их фараону (царству Хатти в силу его правовых установлений было нетрудно отказаться казнить и увечить возвращаемых подданных, равно как и лишать их имущества). В основном договор был направлен на обеспечение взаимной неприкосновенности владений и предоставление помощи пехотой и колесницами в случае нападения на одну из договаривающихся сторон или восстания подданных. В свидетели договора — по обычаю царства Хатти — призывалась «тысяча» божеств Хатти и «тысяча» египетских божеств.

Словно для того чтобы придать большее сходство взаимоотношениям между Рамсесом и Хаттусилисом с существовавшими некогда между Египтом и Митанни, последовала женитьба уже немолодого фараона на старшей дочери царя Хатти. Это произошло на 34-м году царствования Рамсеса II. Сообразно большему могуществу ее родителя дочь Хаттусилиса в отличие от митаннийских царевен стала не одной из второстепенных жен, а главной («великой») супругой фараона под египетским именем Маатнефрура (Ма-нафру-Риа) — «Зрящая красоту Солнца (т. е. фараона)».

Некогда Аменхотеп III забирал к себе в «женский дом» одну за другой митаннийских и вавилонских царевен, не отдавая своих дочерей в жены их царствующим отцам. Эти царевны очень напоминали заложниц, отданных фараону в залог дружбы и верности. Они походили на тех сиропалестинских царевен, которых (как и их братьев-заложников) отсылали к царю уже в виде «дани» их владетельные родители. Хотя царицы домов Египта и государства Хатти уже давно стали переписываться, сохранилось клинописное письмо египетской царицы Нефретари (Нафт-эры), жены Рамсеса, к жене Хаттусилиса с изъявлением радости по поводу заключения мира, ни один источник не говорит о том, что царь Хатти получил в жены египетскую царевну. В то же время сам он впоследствии отдал в жены фараону еще одну дочь! Все это тем знаменательнее, что у Рамсеса было огромное количество не только сыновей, но и дочерей. Подобная односторонность брачных связей не могла не подчеркивать первенство Египта, и Рамсес мог иметь некоторое, хотя и довольно отвлеченное основание считать богатое приданое, присланное на 34-м году его правления с царевной, своего рода «данью».

Встреча старшей дочери Хаттусилиса была обставлена очень торжественно. Царевну сопровождали воины ее отца. Перед ней везли или несли множество серебра, золота и меди, тянулись рабы и лошади «без конца», двигались целые стада быков, коз и овец в количестве «десятков тысяч». С египетской стороны сопровождать царевну было поручено видному сановнику по иноземным делам, тогда или впоследствии занимавшему должность наместника Эфиопии. Царственному жениху надо было выслать навстречу невесте и подобающее воинское сопровождение, но тут, как на зло, в Сирии-Палестине пошли зимние дожди, к которым египтяне в своей солнечной стране были непривычны. Тогда принесли обильные жертвоприношения египетскому богу пустынь и непогоды, и, как сообщает надпись, дожди в Сирии-Палестине прекратились, так что воины фараона встретили царевну при вполне приемлемой погоде. Недавние противники смешались в одной пестрой толпе и по-дружески делили совместную трапезу. Дочь же царя Хатти «была приведена к его величеству, и она пришлась по сердцу его величеству».

Одно литературное египетское произведение (папирус Анастаси II) намекает на то, что и сам царь Хатти посетил фараона. Если это действительно имело место, то Рамсес, не ездивший на поклон к Хаттусилису, опять-таки получал некоторое право считать себя главенствующим над Хатти.

Сближение Египта с царством Хатти не могло не сказаться благотворно на деловой жизни Сирии-Палестины. «Если отправляются мужчина или женщина по своим делам в Сирию-Палестину, достигают они земли Хатти безбоязненно, потому что (столь) велико могущество его [величества]»,— говорит египетская надпись того времени. При преемнике Рамсеса II Мернептахе (Мар-ни-Птахе) Египет продолжал снабжать государство Хатти зерном в голодные годы, что, конечно, не мешало египетскому двору, невзирая на сорокалетнюю дружбу, сравнивать посланцев царства Хатти с псами, подползающими к своему господину.

Долгий спор между Египтом и царством Хатти, осложнившийся в связи с переворотом Аменхотепа IV, наконец после жестокой борьбы был решен мирно. Как же обстояло дело с наследием переворота Аменхотепа IV в области общественных отношений Египта Нового царства?

Если фараоновское солнцепоклонничество Аменхотепа IV не нашло отклика среди простых людей и было легко преодолено жреческой знатью, то с правами, полученными «сиротами» за время переворота, знати пришлось считаться. Похоже на то, что тут она вынуждена была уступить и открыть «сиротам» куда более широкий доступ в свои ряды, чем это имело место до переворота. Более того, натиск «сирот» во время переворота на вековые общественные устои принял, по-видимому, такие размеры, что цари принуждены были думать уже не только о возвышении некоторых, хотя бы и многочисленных «сирот», но и об улучшении их положения вообще.

Главным источником наших сведений о выдвижении «сирот» при Аменхотепе IV служат надписи «сирот» с восхвалениями царя за возвышение из ничтожества отдельных людей или «сирот» вообще. Подобного рода заявления, редкие до переворота и обычные в течение его, не исчезают вместе с Аменхотепом IV. При преемниках отверженного преобразователя они по-прежнему часто встречаются и даже выражены теми же самыми словами, что и в его дни. «Начальник резчиков владыки обеих земель» Хатиаи (Хитайа) вскоре после восстановления культа старых богов писал: «Я — (самый) убогий из своего родства, (самый) маленький из своего селения... Он (т. е. царь) возвеличил меня превыше друзей (царя), я смешался с великими дворца». Верховный сановник Сети I Пасер восклицал: «Я — друг (царя) из (тех, кого) он вскормил». Распорядитель казны, распорядитель «женского дома» царя по имени Хормин (Хара-Мина), обращаясь к царю, говорил: «Властитель, сделавший меня человеком, вскормивший меня своим питанием... Я — сирота из (тех, кого) ты вскормил, сановник из (тех, кого) ты сотворил!» Наместник Эфиопии при Сети I заявлял: «Мой бог, создавший меня, сотворивший меня, (дал) ты смешаться мне с сановниками!» Другой наместник Эфиопии, Хеканехту (Хака-нахти), вещал о царе: «Сотворивший меня. Он — вскормивший [меня] своим питанием».

Сановники последовавшего за переворотом времени славят фараонов не только за действительное или мнимое возвышение их самих из ничтожества, но и — в более общих выражениях — как благодетелей «сирот» вообще. Известный уже нам верховный сановник Сети I Пасер говорил о царе: «Это — Хнум (Хнама), египетский бог, «вылепивший» людей, [творящий] людей, зиждущий сирот, защищающий убогих... знатных». Двор называет Рамсеса II «творящим сановников, зиждущим сирот». Любопытно, что если раньше с подобными выражениями обращались только

к фараону, то теперь стали употреблять их и по отношению к вновь почитаемым старым божествам. На своем изваянии из храма Мут в Фивах «писец царя» Ра (Райа) называет Амона «зиждущим сирот», а наместник Эфиопии Хеканехту говорит об Атуме как о «творящем сановников»!

Нельзя, конечно, быть уверенным, что тот или иной сановник, твердивший о своем возвышении из ничтожества, действительно пребывал в нем прежде. Так, верховный сановник Пасер, выставлявший себя вельможей, выдвинутым царем, а его самого — «творящим людей, зиждущим сирот», был на самом деле сыном верховного жреца Амона. Но то, что подобные учреждения сановников перекочевали без существенных изменений из солнцепоклоннической столицы ко двору царей — восстановителей старых традиций и их последователей, все-таки знаменательно. Очевидно, и при дворе этих царей подобного рода словоизлияния были не совсем необоснованными.

Важным мероприятием в пользу простых египтян явился указ фараона Хоремхеба. Царь придавал ему большое значение и позаботился о его широком обнародовании. Копии указа, вырезанные на больших каменных плитах, Хоремхеб поместил едва ли не во всех важнейших городах страны. До нас дошли огромная, хотя и сильно поврежденная плита, стоявшая в храме в Карнаке в Фивах, и обломок плиты в городе Абидосе; Хоремхеб требовал прекратить грабеж и вымогательства, которым подвергались простые египтяне, и грозил ослушникам суровыми карами — телесными наказаниями, увечьями, ссылкой. Фараон пытался пресечь также взяточничество судей, от которого, естественно, больше всего страдали бедняки. Поэтому он снял с судей налог в пользу казны. Впрочем, из текста указа видно, что Хоремхеб отнюдь не из одного «человеколюбия» защищал «любого рядового» своего «войска, любых людей, какие только есть во всей стране», от посягательств на их ладьи, рабов, бычьи шкуры и т. д. Законодатель заботился также о пополнении царской казны. У «сироты» нельзя отнимать его суденышко, но суденышко-то «сирота» построил и оснастил, чтобы служить фараону. «Сироте», у которого нет судна, надо таковое взять у другого или дать материал для постройки, но все это для того, чтобы он «работал». Незаконное изъятие у населения воинами бычьих шкур карается, но скот-то по всей стране состоит на учете у «распорядителя быков» фараона — «(да будет он) жив, цел, здоров!» Поскольку выгоды казны и интересы простолюдинов в отдельных случаях тесно переплетались между собой, можно допустить, что предусмотренные указом Хоремхеба суровые кары если не всегда, то нередко все-таки настигали виновных. Требование неподкупности судей осталось, конечно, невыполненным пожеланием.

С указом Хоремхеба в какой-то мере перекликаются некоторые акты его преемников. Сети I, ограждая эфиопские владения одного из храмов в Абидосе от посягательств со стороны чиновников, запрещал уводить не только храмовых людей, но также личных рабов последних. А в числе таких рабовладельцев могли быть, как мы видели, и любые непосредственные производители материальных благ храмового хозяйства. Заслуживает внимания, с какой настойчивостью цари XIX династии расписывали свои благодеяния по отношению к работникам, занятым изготовлением их памятников. Согласно надписи, оставленной сановниками Сети I в каменоломнях, каждый воин «соединения», отправленного туда на работу, получал ежедневно около 1,8 кг хлеба, кусок жареного мяса, два пучка зелени, а ежемесячно — две полотняные одежды. Не доверять этому сообщению нет достаточных оснований, тем более что строкой ниже без всякого стеснения перечислены более щедрые блага, которые приходились на долю руководителей работ. Возглавлявший их «посланец царя» ежедневно получал говядину, вино, разное растительное масло, мед, смоквы,

виноград, рыбу, зелень, а также цветы из местного храма; кроме того, вероятно, ежемесячно ему причитались четыре полотняные одежды. Подобным образом оделялись и знаменосцы «соединения», по египетским порядкам лица начальственные. Несколько преувеличен рассказ Рамсеса II о неправдоподобно обильном снабжении мастеров-камнеделов, высекавших для него из каменных глыб вблизи города Гелиуполя всевозможные изваяния. Фараон хвалился, что для своих работников он наполнил склады хлебом, мясом, пирожками, обувью, одеждой и умащениями. Умащения для головы выдавались каждые десять дней, одежды же — ежегодно. Объединенные в рабочие «соединения» люди должны были: одни — снабжать камнеделов довольствием и доставлять им рыбу, другие — возделывать для них сады на положении садовников или изготовлять сосуды для обеспечения холодной водой в летнее время. Как из Верхнего, так и из Нижнего Египта работникам везли ячмень, двузернянку, пшеницу, соль и бобы — все это якобы в огромных количествах.

Очень красочно описана забота Рамсеса II о воинах во «вложенной ему в уста» речи, обращенной к ним на поле брани под Кадешем. Упрекая воинов в неблагодарности, фараон говорит: «Не восстал ли я владыкой, (когда) вы были „сиротами"? Я дал сотвориться вам сановниками моим повседневно питанием». Царь добавляет, что он вводил сына во владение отчим имуществом, сложил с воинов «отработки» и не налагал новых, дал воинам возможность сидеть по домам и селениям, не неся воинской службы. И это была не совсем праздная болтовня. Из Нижнего Египта до нас дошла любопытная плита некоего войскового должностного лица по имени Месу (Маси), на которой Рамсес II представлен осыпающим толпу воинов «дождем украшений и снеди». Происходит это в совершенно мирной обстановке перед царским дворцом.

Подобно указу Хоремхеба, надписи, повествующие о мероприятиях его преемников на благо простым египтянам, порой прозрачно намекают на выгодность подобных действий для самих властителей. Рассказывая об устройстве Сети I колодца в пустыне, составители надписи не пожалели красок на изображение жалостливых чувств фараона, «дающего жить своему войску», к несчастным путникам, страдающим от жажды в пустыне. Однако речь шла об «открытии» доступа к золотым приискам, который до устройства колодца был весьма затруднен. Если, согласно надписи, Рамсес II печется о мастерах-камнеделах, желая, чтобы никто из них не проводил ночи в печали из-за нужды, то та же надпись объясняет столь трогательную заботу стремлением побудить мастера работать над изваяниями с большей охотой.

Как бы ни были преувеличены «благодеяния», как бы своекорыстны или бесплодны ни были иные их мероприятия, все же создается впечатление, что простолюдины заставили господствующие верхи считаться с собой, хотя и в определенной мере. Такое впечатление основано не столько на содержании отдельных памятников, сколько на присущем им «человеколюбии» по отношению к рядовым воинам, работникам, простым людям вообще. Подобное отношение к простым людям почти не прослеживается в фараоновских надписях до солнцепоклоннического переворота. Проявление мотивов «человеколюбия» в надписях после царя-солнцепоклонника, «зиждившего сирот», вряд ли простая случайность. Академик В. В. Струве с полным основанием отмечал, что XIX династия уделяла известное внимание своим «сиротам». Даже торжествуя победу над нагрянувшими в Египет врагами, сын и преемник Рамсеса II Мернептах помнил не об одних только знатных и богатых, но и о неимущих «сиротах».

Самовластие Аменхотепа IV наложило неизгладимый отпечаток на придворные порядки и самосознание последующих фараонов: двор славил

181. Гипостильный зал храма Амона в Карнаке, XIX династия

их теперь по образцам, выработанным в царствование солнцепоклонника. О такого рода подражательном восхвалении царей как благодетелей «сирот» мы уже говорили. Приверженность к словоупотреблению солнцепоклоннического двора доходила до смешного. Царское наименование «добрый властитель», редкое до Эхнатона и широко распространившееся лишь в последнюю треть его царствования, исключая слово «бог», продолжало пользоваться величайшей любовью при царях-восстановителях и при XIX династии. Возможно, власть фараонов при этой династии не была такой сильной, как при Аменхотепе IV, но все же необыкновенное могущество ее неоспоримо.

Как и прежде, на дворцовых приемах пышный двор простирался на животах, касаясь носами пола, и длиннейшие речи, обращенные к повелителю, превосходили по льстивости все, сочинявшиеся прежде. Фараона объявляли владыкой неба и владыкой земли, столпом неба и опорным столпом земли, способным смотреть на Солнце, распоряжающимся по своей воле дождем и т. п. Рамсес II утверждал, что правил государством, еще не родившись. Ревностным служением своим изображениям он оставил далеко позади даже такого почитателя собственной особы, как Аменхотеп III. Особое жречество обслуживало культ живого фараона, как и в дни Аменхотепа IV. Некоторое представление об огромных средствах, которые шли на содержание двора, дает длиннющее «письмо», сочиненное как образец для переписывания в школе и касающееся приготовления всего, что нужно путешествующему царю, его сопровождению и войску. Такие царские поездки должны были быть настоящим бедствием для населения, вынужденного их обслуживать, двор же при XIX династии был охоч до разъездов.

Доказательством богатства и могущества таких фараонов XIX династии, как Сети I и особенно Рамсес II, являются их сооружения, разбросанные по всему Египту и Эфиопии и достигающие подчас огромнейших размеров. Эти сооружения производили бы еще более потрясающее впечатление, если бы они дошли до нас полностью. Из бесчисленных памятников тонкостью отделки выделяются заупокойный храм Сети I в Абидосе, достроенный уже Рамсесом II, хотя и не с той же тщательностью в резьбе настенных изображений, заупокойный храм того же Сети I в Фивах и его гробница протяженностью 100 м в скалах на западном берегу города. По внушительности эти творения превосходят громадный чертог перед храмом Амона в Карнаке, завершенный Рамсесом II, и пещерный храм этого царя у вторых порогов Нила (Абусимбельский храм). Чертог

181

в Карнаке, сооруженный целиком из камня, занимает площадь 5000 кв. м.
Ил. 181 Двенадцать колонн в виде распустившихся стеблей папируса по бокам среднего прохода чертога (гипостильного зала) имеют высоту 21 м, а вместе с покоящимися на них навершиями (архитравами) и перекладинами — 24 м. Остальные 122 колонны в виде нераспустившегося папируса (капитель в форме бутонов) расположены по семь рядов с каждой стороны среднего прохода и достигают высоты 13 м. Исполинские изваяния Рамсеса II перед его пещерным храмом, посвященным Амону и Ра-Хору-Небосклонному, а по существу, самому царю (рядом был вырублен пещерный храм его жены, царицы Нефретари), имеют высоту по 20 м. Можно только дивиться таланту древних мастеров, сумевших при таких размерах статуй изумительно искусно и верно изваять лицо фараона. Каменные изваяния того же царя, всего на несколько метров ниже, высились и в Фивах, перед вновь пристроенной частью храма Амона в Луксоре, и перед роскошным поминальным храмом фараона на западном берегу Нила, так называемым Рамессеем. Исполинские изваяния Рамсеса II стояли также в Мемфисе, перед ныне почти исчезнувшим храмом Птаха. С лихорадочной быстротой возводя такие громадные храмовые сооружения, фараоны XIX династии оказались в состоянии строить еще и новые города. Из них самым большим и блестящим был город на северо-востоке Низовья, названный в честь основателя «Домом Рамсеса, возлюбленного Амоном». До сих пор спорят о точном расположении этого любимого местопребывания Рамсеса II: находился ли он на месте города Таниса, где еще видны груды обломков больших каменных сооружений, или неподалеку оттуда, где были откопаны остатки пышных дворцов, или, может быть, он занимал всю эту территорию (спорно и отождествление нового города с гиксосским Аварисом). Надо полагать, что храмы и дворцы Пер-Рамсеса роскошью отделки и размерами напоминали имевшиеся в древних столицах.

На чем зиждилось могущество Сети I и Рамсеса II, откуда они брали средства для подобного строительства?

Одними их военными успехами тут ничего не объяснить. При XVIII династии завоевания были куда более значительными, однако храмовое строительство при Сети I и особенно при его сыне по своим размерам нисколько не уступало прежнему, скорее даже превосходило его. Сиро-палестинские владения XIX династии составляли лишь половину владений Тутмоса II или Аменхотепа II. Разоренная и опустошенная во время нескончаемых войн Рамсеса II, Палестина не могла приносить особенно больших доходов. То же, если отвлечься от золотых приисков, можно сказать и о египетской Эфиопии. Относительно цветущая при XVIII династии, она сильно захирела при XIX. Постепенное снижение уровня нильского разлива и неослабевающий египетский налоговый гнет сделали свое дело. Резкое уменьшение количества захоронений свидетельствует об отливе населения — очевидно, на юг. Огромные строительные возможности XIX династии одними доходами с иноземных владений никак не объяснить.

Следовательно, суть дела заключалась во внутреннем хозяйственном развитии Египта. Низовье из «получужой» страны на отлете, каким оно было еще для правивших им издалека Тутмосов и Аменхотепов, стало местопребыванием двора и большой части высшего чиновничества. Если уже при XVIII династии именно там, поближе к Сирии-Палестине, были сосредоточены крупные военные силы, то теперь, когда постоянно приходилось иметь дело с таким противником, как царство Хатти, количество войск, расположенных в Низовье, должно было увеличиться, ведь и сам царь, и его двор переселились поближе к месту военных действий — в Пер-Рамсес, на стыке Египта и Палестины. Все это не могло не привести

к заметному подъему хозяйственной деятельности в Низовье. Оживилось даже заболоченное побережье. Вдоль него шли теперь морские суда из Пер-Рамсеса к местам, богатым виноградниками, разбитыми неподалеку от моря. Сочинители с восторгом описывали богатство и процветание прилегающей к новой столице округи. Двор, чиновничество, войско надо было кормить, снабжать ремесленными изделиями. Условия для подъема сельского хозяйства и развития ремесел в Низовье были созданы.

Если хозяйственный подъем Низовья до какой-то степени объясняет нам богатство XIX династии, то ее могущество могло быть обусловлено другими причинами. Продолжавшееся наступление простолюдинов на господствующие круги и возвышение Северного Египта в ущерб Фивам дали возможность царю освободиться из-под опеки знати, и в первую очередь знати южной столицы. Да и сама знать нуждалась в сильной верховной власти, чтобы отстоять сиро-палестинские владения, особенно перед лицом такого противника, как государство Хатти.

Солнцепоклоннический переворот оставил заметный след и в духовной жизни страны, он оказал влияние, в частности, на изобразительное искусство и особенно на язык и письменность.

До Аменхотепа IV на изображениях в храмах цари, их боги и даже подданные (последние в поминальном храме Хатшепсут) держались торжественно и размеренно, располагаясь относительно друг друга в строгом и чинном порядке. Если не считать изображений красноморского похода Хатшепсут, царские победы на стенах храмов увековечивались более чем условно: царь избивал врагов перед Амоном, покоренные местности олицетворялись в виде связанных пленников, каждый по пояс прикрытый ободком с названием представляемой местности. В солнцепоклоннических храмах еще до основания новой столицы, а позже и в Ахетатоне живая действительность, отбросив все условности, внезапно явилась в работах художников. Людей, животных, даже неодушевленные предметы стали передавать в стремительном движении, от прежней величавой размеренности и исполнительской тщательности почти ничего не осталось. И вот при Сети I не где-нибудь, а на стенах самого государственного храма Амона в Карнаке мы видим первые попытки изобразить военные события в столь торжественном месте с сильным приближением к действительности. При Рамсесе II храмовые стены покрываются огромными «полотнами», изображающими ход военных действий с множеством подробностей, много точнее, чем длинные сопроводительные надписи! Живостью передачи движений и изобилием подробностей эти резные каменные «полотна» напоминают храмовые изображения солнцепоклоннической поры. То же можно сказать об охотничьих и военных изображениях Рамсеса III (XX династия). Даже условные изображения единоборства пешего царя с отдельными противниками «оживают» при Сети I и особенно Рамсесе II, выразительно передавая стремительность действия.

Очень любопытны стенописи в гробницах зажиточных кладбищенских мастеров в Фивах. Наряду с картинами потусторонней жизни здесь встречаются очень красочные, очень живые росписи, поразительно непринужденно передающие события повседневной жизни. Такой вольностью и непосредственностью гробничная живопись простых современников XIX династии несколько напоминает искусство той поры, когда впервые стали «зиждить» простолюдинов. Впрочем, иные бытовые изображения второй половины Нового царства кажутся прямо-таки сошедшими с солнцепоклоннических памятников.

При предшественниках Аменхотепа IV надписи составлялись обыкновенно на среднеегипетском языке, несмотря на то что для современников XVIII династии среднеегипетский был уже мертвым языком. Говорили же на новоегипетском, представлявшем собой следующую ступень в раз-

витии египетского языка и отличавшемся от среднеегипетского, как, скажем, итальянский отличается от латинского. Разрыв со старыми традициями при Аменхотепе IV потряс и засилье средневекового языка в надписях, привел к широкому проникновению к них новоегипетского, даже в самые торжественные славословия Солнцу. При преемниках Аменхотепа IV, во второй половине Нового царства, новоегипетский язык полностью вытеснил среднеегипетский, и тогда окончательно сложилась новоегипетская художественная литература.

Если судить по случайно уцелевшим рукописям (папирусам) времени XVIII династии, тогдашние писцы больше переписывали художественные произведения Среднего царства, нежели сочиняли сами. Напротив, многочисленные рукописи, дошедшие до нас от времени XIX и XX династий, содержат произведения, написанные на живом новоегипетском языке. Новой и характерной чертой художественной литературы второй половины Нового царства было ее народное происхождение. Его можно явно различить в сказках «Два брата», «Обреченный царевич», «Правда и Кривда». Сказка «Два брата» начинается с пространного и красочного бытового рассказа о селянине, его неверной жене и целомудренном младшем брате, живущем при нем и работающем на него. В ходе повествования младшего брата настигают многие беды, он претерпевает ряд волшебных превращений, пока наконец не вступает на египетский престол, который, умирая, оставляет старшему брату. Сказитель заставляет царя, при котором происходят описываемые события, не только по-обывательски браниться с прачечниками, но и совершать одно злодеяние за другим. Брата-оборотня трижды умерщвляют по приказу фараона (однажды даже в образе быка, признанного священным!). В одном случае злодеяние совершает сам царь, в двух других — его возлюбленная, бывшая жена младшего брата. При этом оба раза ей удается, напоив царя, уговорить его осуществить ее замыслы. Так изображать фараона было, конечно, не в обычае у придворных сочинителей.

Герой сказки «Обреченный царевич», сын египетского царя, путешествуя по Сирии, встречает местных царевичей, добивающихся руки месопотамской царевны. Сирийские царевичи вежливо и ласково обходятся с безвестным путником. В сказке нет и тени заносчивого глумления над иноземцами — характерной черты надписей фараонов. Царевич выдает себя за несчастного сына египетского колесничего и один из всех претендентов на руку царевны допрыгивает до высокого окна башни. Но ее отец, царь Нахримы, не желает отдать свою дочь безродному египтянину. Лишь повторное заступничество царевны, грозящейся умереть, если у нее отнимут любимого, спасает юношу от изгнания и смерти. Не только в час величайшей опасности, но и после вынужденного согласия отца царевны на брак царевич упорствует в своей выдумке, продолжая выдавать себя за худородного беглеца. Сказителю, видимо, претило высокородное чванство в брачных делах.

Судебную волокиту и лицеприятие судей, от которых столько терпели бедняки, обличает сказка «Правда и Кривда». Ее главное действующее лицо — внебрачный сын знатной женщины и несчастного Правды, пострадавшего от Кривды и судей. Школьные товарищи издеваются над мальчиком, который не знает отца. От матери он узнает, что его отец — слепой слуга в доме, и негодует, что родитель содержится в черном теле. Сын выказывает Правде всяческое почтение, но добиться от судей осуждения Кривды мальчику удается, лишь прибегнув к уловке.

Иное впечатление оставляют сказки «Взятие города Яффы», «Столкновение властителя Фив Секненра (Сакнан-Рии) с властителем стран Апопи (Апапи)», «Верховный жрец и призрак». Первая сказка прославляет «подвиг военачальника Тутмоса III (Дхаути), хитростью овладевшего па-

лестинской крепостью. Бездушно жестокая по отношению к иноземцам, эта сказка звучит местами, как высокопарная царская надпись. В дошедшем до нас виде эта сказка вряд ли могла быть создана среди простых воинов: сказитель молчит об их «благоприобретениях» и наградах, но восхищен добычей, которая пришлась на долю царя и Амона. Во второй сказке — возможно, под впечатлением борьбы с солнцепоклонниками — размолвка между правителями приводит к столкновению их богов. Иноземный царь Апопи на солнцепоклоннический лад поклоняется лишь одному — египетскому богу Сету, Секненра же полагается только на «Амона-Ра, царя богов». Сет пользовался особым вниманием у XIX династии и в новой северной столице. Уже одно это могло вызвать нерасположение к Сету у жречества Амона и вообще в Фивах. В сказке «Верховный жрец и призрак» собеседники, живой и мертвый,— сановитые люди. Они поглощены вопросами заупокойного культа и ведут беседу торжественным слогом.

Не производит впечатления народных произведений большинство любовных стихотворений. Многие из них принадлежат к лучшим созданиям новоегипетской словесности, но быт, отраженный в них, слишком непохож на народный (богатая усадьба, сад с иноземными деревьями, садовники, привратники, рабы, тончайшее полотно и т. п.).

Неприязнь храмовой знати к воинам отразила, по всей видимости, неоднократно упоминавшаяся нами повесть о битве под Кадешем. Вопреки действительному ходу событий воины фараона поголовно представлены трусами. Они оставили царя одного среди вражеских полчищ и вернулись к нему лишь после того, как он разгромил неприятеля. Фараон в повести горько упрекает воинов в черной неблагодарности по отношению к нему, их благодетелю, осыпавшему их, прежних «сирот», всевозможными милостями. По повести, победа над войском Хатти была одержана Рамсесом с помощью одного Амона. К нему в отчаянии воззвал фараон, напоминая оказанные им, царем, услуги, и Амон внял его зову и пришел ему на помощь. Сочинитель, очевидно, хотел сказать, что в отличие от воинов Амон умеет быть благодарным. Расходы на воинство-де не оправдали себя, дарения же Амона окупились сторицей. Обнародовал повесть, несомненно, фараон, но рука жреческого автора чувствуется в ней довольно отчетливо. Повесть была начертана на стенах нескольких храмов в придачу к военным изображениям, хотя на самих изображениях боя Амон отсутствует.

Из солнцепоклоннической столицы двор не вернулся обратно в Фивы, а переехал на север, в Мемфис. По всей видимости, Мемфис оставался местом пребывания двора и при ближайших преемниках Тутанхамона — Эйе и Хоремхебе. В Мемфисе подолгу жил и Сети I, но, возможно, уже при нем в северо-восточной части Низовья возник город, известный как Пер-Рамсес, ставший местожительством Рамсеса II. Новая столица была приморским и приграничным городом. В его гавани стояли морские суда, здесь устраивали смотры войскам, отсюда выступали в походы. Тут по меньшей мере иногда пребывал верховный сановник (везир). Придворные сочинители и составители школьных прописей на все лады воспевали величие и природные богатства города. Его местным божеством был Сет, находившийся в большой чести у царей XIX династии. Среди остальных египетских и иноземных богов, почитавшихся в городе, первенствовал Амон. Словно желая загладить свою вину перед Осирисом за выдвижение его убийцы, бога Сета, Сети I и Рамсес II ревностно строили и обогащали храмы в городе Осириса Абидосе.

Возвышение северных городов нисколько не означало, что Фивы потеряли свое первенствующее положение. Цари часто наезжали в южную столицу, справляли там праздники Амона, их погребали на тамошнем

царском кладбище. Местные стихотворцы как ни в чем не бывало прославляли свой город. Быть может, никогда прежде так охотно не оттенялось величие «победоносных Фив», как во второй половине Нового царства, когда господствующее положение города Амона на самом деле было поколеблено. Никогда еще исполинские громады храмов не росли в Фивах так, как в это время, свидетельствуя о несокрушенном могуществе местной храмовой знати. Однако возвышение новых столиц, равно как и появление многочисленных вельможеских гробниц, одна за другой поднимавшихся на кладбище Мемфиса, красноречиво говорило о перемещении придворной жизни и высших административных органов государственного управления с юга на север. Переселение двора в Низовье нельзя объяснить одним только желанием быть поближе к Сирии в годы борьбы с государством Хатти. Подобные побуждения явно не владели последними представителями XVIII династии, с которых, однако, это переселение началось. Решающее значение имели скорее непоправимый урон, нанесенный городу Амона царем-солнцепоклонником, усиление северных городов и нежелание царей вновь оказаться под опекой слишком сильной знати Фив.

Крупнейший город севера, Мемфис стал при XIX династии своеобразным двойником Фив, а городской бог Мемфиса Птах открыто соперничал с Амоном. Уже Сети I считал возможным носить добавочное имя Мернептах (Мар-ни-Птах — «Тот, кого возлюбил Птах») и не упоминать в своей общепринятой царской титулатуре ни единым словом об Амоне. Имя «Мернептах» было далеко не пустым звуком для ушей современников XIX династии: на некоторых памятниках в Фивах оно предусмотрительно заменено именем «Мериамон» — «Тот, кого возлюбил Амон». Примечательно, что подобным же образом на памятниках, так или иначе связанных с почитанием Осириса, имя «Сети», данное царю в честь бога Сета, убийцы Осириса, заменяли другим, специально для этого случая составленным. При Рамсесе II его любимый сын Хамуасет состоял верховным жрецом Птаха в Мемфисе и проявил себя ревностным реставратором древних сооружений. Еще больше для Птаха и вместе с тем для его города сделал преемник Рамсеса II.

Рамсес умер в глубокой старости, процарствовав без малого 67 лет. На горбоносом лице его отлично сохранившейся мумии словно застыло выражение величавой надменности. Преемник Рамсеса II — фараон Мернептах (вторая половина XIII в.) был уже пожилым человеком, когда после смерти одного за другим старших наследников престол достался ему (Рамсес II пережил многих своих сыновей).

Новому фараону вскоре пришлось принять решительные меры для отражения надвигавшейся с запада беды. Уже некоторое время назад Нижний Египет стал страдать от проникновения ливийцев, доходивших до его восточной окраины. Даже большие города заперли свои ворота, храмы испытывали недостаток в жертвенных припасах, а население бежало с насиженных мест, когда весной 5-го года царствования Мернептаха главные силы ливийцев двинулись вниз с плоскогорья на колосящиеся поля и зеленеющие пажити Низовья. Ливийские полчища шли не одни. Во главе союзных племен стояли собственно ливийцы под предводительством Марайи, сына Диды. К ним примкнули отряды акайваша (ахейцы?), турша (тирсены, т. е. этруски?), луку (ликийцы), шердани (сардинян?) и шакалша, или шакарша? (сикулы, т. е. сицилийцы?) *. Египетское войско — пехота и колесница — сошлось с неприятелем у царской усадьбы на западной границе не то Низовья, не то северной части Верхнего Египта. Шесть

* Большинство этих отождествлений, особенно последние два, вызывают большие сомнения.— *Ред.*

часов длилась кровопролитная битва. До 8,5 тыс. вражеских трупов усеяло поле брани. Союзные полчища были разбиты наголову. Египетские колесницы преследовали бегущих. Марайа, босой, без колчана и лука, потеряв свое перо с головного убора, глубокой ночью проскользнул мимо пограничной крепости и скрылся в пустыне. Свыше 9 тыс. пленных взяли египтяне, в том числе и жен Марайи. Победителям досталось много скота, оружия, утвари. Опустошенные кожаные шатры вражеского стана были сожжены. Кое-какую добычу доставили на ослах к дворцу, и фараон из окна обозрел ее, в частности окровавленные груды рук и других частей тела, отрубленных у павших врагов.

Первую волну переселения народов с запада и севера Египет отразил. Возможно, пользуясь тем, что внимание египтян было отвлечено иноплеменным нашествием, подвластная им Палестина пришла в движение. Мернептах хвалился, что замирил ее: «Уведен был Ашкелон, схвачен был Газру, Иеноам сотворен несуществующим, Йисраэл (Израиль) пуст, (так как) нет его семени».

Победа над ливийцами была воспета в длиннейших надписях, однако Амон в них упомянут почти что из вежливости. Главное место в изложении событий было отведено Птаху. Это он-де явился во сне фараону и вручил ему победный меч, тот самый меч, который прежние цари, да и сам Мернептах, принимали из рук Амона. Бесспорно, опасность грозила прежде всего городам Птаха и Ра, т. е. Мемфису и Гелиуполю, но то, что рассказ о всепобедном вмешательстве Птаха был начертан в Фивах на стене храма в Карнаке, в месте почитания Амона, выглядит все-таки вызывающе. Фараон с детства носил имя в честь бога Птаха (Мернептах — «Тот, кого возлюбил Птах»). Не довольствуясь этим, царь провозгласил себя во втором имени своего пятиименного государственного титула «воссиявшим, как Птах, из сотен тысяч», к чему иногда добавлялось, «чтобы установить хорошие законы в Египте». С оглядкой на южную столицу Мернептах принял в качестве второстепенного имени еще и Мериамон (Маи-Амана) — «Возлюбленный Амона». Однако вне Фив царь охотно величал себя просто «Возлюбленным богов».

В Мемфисе был откопан обширный двор Мернептаха с великолепным чертогом, отделанным золотом и изразцами.

Последний известный год царствования Мернептаха — 8-й. Престол наследовал его сын Сети II, еще при жизни престарелого отца правивший за него страной. Но и новый царь прожил недолго: он умер на 6-м году своего правления. Со смертью Сети II началась едва ли не самая бурная пора Нового царства. К несчастью, известий о несомненно значительных событиях того времени сохранилось чрезвычайно мало.

Видимо, непосредственно после Сети II на престоле оказался некий Аменмесес (Аман-масэ-са), отношение которого к правящей династии совершенно неясно. Своими именами, престольным и личным, Сети II оказывал одинаковую честь четырем государственным богам того времени, во славу которых были названы и четыре главных подразделения войска Рамсеса II. Престольное имя Сети II означало Уашхепрура Мериамон (Уас-хуру-Риа Маи-Амана — «Мощен явлениями Ра, возлюбленный Амона»); личное же имя было Сети Мернептах — «Тот, кого любил Птах». Царская же титулатура Аменмесеса вместо равного отношения к божествам четырех главных городов явно свидетельствует о его предпочтении южной столицы и ее бога. Само имя «Аменмесес» уже означает «Амон, родивший его». Не довольствуясь этим, фараон вернул из полузабвения излюбленный титул царей XVIII династии «Властитель Фив», малоупотребительный в предшествующие царствования XIX династии, и присоединил его в качестве постоянного эпитета к своему имени «Аменмесес». Второе имя его пятичастной царской титулатуры соответствовало

имени восстановителя величия Фив Хоремхеба: «Большой дивными (делами) в Карнаке». И наконец, фараон именовал себя иногда еще и Мериамон, т. е. «Возлюбленный Амоном». Малочисленность памятников этого царствования свидетельствует о недолголетии, и мы, в сущности, о нем почти ничего не знаем, помимо поразительного и одностороннего пристрастия фараона к Фивам и Амону, выраженного в царской титулатуре.

Последним мужским представителем XIX династии на египетском престоле был Саптах (Си-Птах). Имеются некоторые, хотя и далеко не достаточные основания предполагать, что он мог быть сыном Аменмесеса. В гробнице Саптаха были найдены обломки погребальной обстановки похороненной там Тэйе — «жены царя» и «матери царя». Проще всего считать эту царицу женой Аменмесеса. Саптах вступил на престол мальчиком, и на первых порах его царская титулатура напоминала по равному отношению к богам титулатуру Сети II. После солнцепоклоннического переворота при XIX династии Амон был уже вынужден поделить свое первенство среди богов Египта с божествами древних больших городов Низовья Мемфиса и Гелиуполя — Птахом и Ра-Хором-Небосклонным. Престольным и личным именами Саптаха была воздана честь всем трем первенствующим богам государства. Сахенра Мериамон (Саха-ни-Риа Маи-Амана) значило «Тот, кому дал воссиять Ра, возлюбленный Амона», а Рамсес Саптах (Риа-масэ-са Си-Птах) — «Ра, родивший его, сын Птаха». Однако вскоре царские имена были преобразованы настолько основательно, что первоначально ученые увидели в имени «Саптах» имена двух разных царей. После изменения личное имя царя оказалось сложенным в честь Птаха, т. е. более «своим» для Мемфиса. Из престольного же имени исчезло Мериамон (Маи-Амана), мало того, Сахенра (Саха-ни-Риа) было изменено в Эхенра (Ах-на-Риа — «Полезный Ра»), что звучало уже прямым вызовом Амону и его городу. Стоило заменить слово «Ра» другим обозначением Солнца — Атон (Йати), и воскресало страшное для Фив имя Эхнатон, имя смертельного врага Амона, имя «супостата из Ахетатона». И словно нарочно, чтобы оттенить, чью сторону принял фараон, зловещему Эхенра придавали подчас слова «Творящий правду» — имя тоже отверженного третьего преемника Эхнатона — Эйе. Вместо Мериамон в престольном имени появилось Сетепенра — «Тот, кого избрал Ра». На памятниках мы находим имя Мернептаха Саптаха написанным поверх изглаженного имени Аменмесесы, подобно тому как сам Аменмесес поступал с именем своего предшественника Мернептаха. Из всех этих намеков и указаний, почерпнутых из царских титулатур конца XIX династии, можно вывести только одно заключение: последние годы царствования XIX династии были временем обострения давно назревавшей вражды между Фивами и окрепшим севером во главе с его древней столицей Мемфисом. Но столкновение юга и севера не следует сводить к простому соперничеству между разными частями страны. Разлад между ними мог иметь глубокий общественный смысл. Если юг оставался оплотом родовитой и жреческой знати, то в Низовье сосредоточилось воинство, состоявшее, по словам Рамсеса II в повести о битве при Кадеше, из бывших «сирот». Спор между знатью и «сиротами», спор затяжной, начатый в период солнцепоклоннического переворота и продолженный Рамсесом II, этим в известном смысле как бы «сторонником» Эхнатона, мог разыграться с новой силой к концу правления XIX династии. Столь по-солнцепоклоннически звучавшее «Эхенра» Саптаха, представителя севера в междоусобной борьбе, стало бы тогда особенно понятным.

Позднейший известный нам год правления Саптаха — 6-й. Затем власть перешла ненадолго к вдове Сети II, царице Таусерт (Та-уасе), и правление XIX династии кончилось (около 1200 г. до н. э.).

Как ничтожно мало мы знаем о событиях последних лет царствова-

ния этой династии, позволяет судить рассказ, увы, досадно краткий, включенный в пространный отчет заупокойного назначения о деяниях второго царя новой, XX династии Рамсеса III (так называемый Большой папирус Харрис).

«Страна египетская была в пренебрежении („выкинута наружу"), всякий был занят (?) (самим) собою; сперва, до других времен, не было у них много лет начальника, (и) страна египетская была (представлена) сановниками (и) властителями городов, (и) один убивал другого, знатные (и) убогие.

Другое время настало после того, пустые годы, (и) был Ирсу (Ар-са), один сириец, у них за великого, (и) он заставил всю страну платить ему подать, (и) соединялись друг с другом, (чтобы) грабить их (т. е. населения) имущество, они относились к богам как к людям, не правились жертв (приношения) в храмах.

Но боги обратились к милости, чтобы дать стране (быть?) собою согласно должному ее состоянию, (и) они поставили своего сына, происшедшего от их плоти, властителем всякой страны на свой великий престол Усерхара Сетепенра Мериамона, сына Ра, Сетнахти Мерерамона (Уас-хау-Рию Сатип-на-Рию Маи-Аману, сына Рии Сута-нахти Мрар-аману), (и) был он явлением Сета (Суты, Сетха), (когда) он ярится; (и) он привел в порядок всю страну, бывшую мятежной, (и) он убил злоумышленников, бывших в стране египетской, (и) он очистил большой престол Египта, (и) был он властителем обеих земель (т. е. Египта) на престоле (Атумы, Атамы), (и) он обратил лица (одно к другому), после того как они были отвергнутыми, (так, чтобы) узнал всякий своего брата, (после того как) они были отгорожены (друг от друга), (и) он (вос)становил храмы в обладании жертвами бога (т. е. права храмов на владение имуществом, обеспечивающим жертвоприношения), чтобы править (жертвы) девятке (богов) согласно их уставу».

Бóльшая часть рассказанного в этом отрывке известна нам только из Большого папируса Харрис. Но кое-что перекликается с другими источниками. По противоречивым титулатурам царей конца XIX династии можно заключить о напряженной борьбе между ведущими городами юга и севера, в обстановке которой легко могли поднять голову второстепенные города и местная знать вообще. А если борьба юга и севера была прежде всего борьбой знати и «сирот», то становятся понятны и слова отрывка: «один убивал другого, знатные (и) убогие». Если, наконец, «пустые годы» означают «годы нехватки», то и одно из царских наименований Саптаха как будто бы недвусмысленно свидетельствует о том, что вопросы нильского разлива волновали умы, были жгучими вопросами для государства. При самом воцарении, еще будучи Рамсесом, а не Мернептахом, юный фараон был провозглашен в первом же имени своей пятичастной царской титулатуры «Возлюбленным половодья, животворящим всякую землю своим питанием повседневно». Слова «возлюбленный половодья» царь сохранил в своем первом имени, став Мернептахом. «Нильское» имя Саптаха занимает особое место среди фараоновских имен Нового царства. Положение в стране, вполне возможно, осложнялось еще недостаточным разливом Нила.

О загадочном сирийце, захватившем верховную власть и, быть может, даже воцарившемся, если престол от него «очищали», никаких сведений мы больше не имеем. В те времена в Египте было много сирийцев, и не только рабов, но и воинов и придворных. Кое-кто из них достигал даже влиятельного положения при дворе. Согласно мнению советского ученого Д. Г. Редера, сирийцы, многочисленные в новоегипетском войске до конца XIX династии, с воцарением XX династии из войска исчезают. Из этого Д. Г. Редер сделал вывод: сирийские воины фараонов были замешаны в

бурных событиях конца правления XIX династии. Что касается имени «сирийца», то оно должно быть неегипетским ввиду сопутствующего ему знака-определителя (палицы), проставлявшегося после иноземных имен.

О Сетнахте (Сута-нахти), восстановившем «порядок», перебившем «злоумышленников» и основавшем XX династию, мы узнаем кое-что из других источников. По-видимому, мятежные события не настолько разрушили структуру государства, как представлено это в приведенном отрывке, и тем самым восстановить ее было не так уж трудно. Верховный сановник Хори (Хара) жил также во времена XX династии при Саптахе. Новый фараон истреблял память о Саптахе — впрочем, одновременно и память о царице Таусерт — и необычным образом в своей царской титулатуре дважды наименовал себя любимцем Амона: Мериамоном (Маи-Аман — «Возлюбленный Амона») и Мерарамоном (Мрар-Аман — «Любимый Амоном»). Не означало ли это, что своим торжеством Сетнахт был обязан в первую очередь Фивам и, следовательно, знати. Победа Сетнахта была победой знати, что можно подтвердить и куда более вескими соображениями.

При XX династии из египетского войска исчезают не одни сирийцы. Заметно сокращается и число воинов-египтян. В заупокойном отчете есть следующие слова Рамсеса III, второго представителя новой династии: «Я привел в порядок вашу (т. е. богов, богинь, владык неба, земли, вод) рабочую силу, я ее пополнил многими людьми. Я не уводил людей в (количестве) $^1/_{10}$ из храмов каких бы то ни было богов, как те (т. е. прежние) цари делали то, чтобы назначить их в пехоту и колесничное войско. Я составил указы, чтобы упорядочить ее (т. е. рабочую силу) на земле, царям, которые будут после меня». Храмовое хозяйство при Рамсесе III было обширным, поэтому $^1/_{10}$ храмовой рабочей силы составляла великое множество людей. Отказываясь от набора в войско каждого десятого работника храмов, как это делалось прежде, царь должен был пополнять воинство другими людьми, и ими были иноплеменники, прежде всего ливийцы. Те, кого с таким напряжением египетское государство одолело на поле брани, становились основой его воинской силы. Роковые последствия замены египетских воинов иноземными не замедлили сказаться. Правители, конечно, понимали опасность подобного, но если все-таки пошли на это, то, видимо, потому, что еще больший страх испытывали перед собственным египетским народом, призванным в войско.

По словам Рамсеса II, воины до того, как он обогатил их, были «сиротами». И вот с воцарением XX династии прежняя «любовь к сиротам» в сердцах фараонов иссякает. Цари перестают печься о «сиротах». Голоса вельмож, славящих властелина за выдвижение их из ничтожества, как их самих, так и «сирот», вообще неожиданно смолкают. Уменьшение числа египтян в войске и исчезновение любви к «сиротам» у царей настолько подозрительны, что трудно не связать одно с другим и событиями, предшествующими воцарению XX династии. Может быть, действительно вековая борьба между знатью и простолюдинами достигла предельного накала и обострения к концу правления XIX династии и кончилась разгромом «сирот» и торжеством знатных? А такой исход борьбы не означал ли конца поступательного развития Египта в том направлении, в котором оно неизменно шло с конца Старого царства? Поражение наиболее воинственной части общества и недоверие к ней победившей знати не могли не сказаться на боеспособности государства. Лишенная основной движущей силы, раздираемая междоусобицей, военная держава Нового царства должна была быстро прийти к своему концу.

На первых порах восстановленный XX династией порядок в стране выглядел довольно прочным. Под натиском со стороны «сирот» и в их лице египетского воинства южная и северная знать должна была отложить на время междоусобные споры. Временному закреплению восстановленного

порядка не могла не способствовать необходимость обороняться от внешнего врага — ливийцев и «народов моря»,— в которую вскоре были вовлечены все слои египетского общества. Однако соперничество севера и юга совсем не было изжито. Противоречия между возвысившейся северной знатью и старой южной нисколько не сгладились, хотя место египтян в войске северной половины государства стали занимать ливийцы, не имевшие глубоких корней в народе, как египетские воины.

Преемник Сетнахта Рамсес III, принимавший еще престолонаследником участие в управлении страной, был последним крупным завоевателем Нового царства. Внешне мало похожий на Рамсеса II, низкорослый и коренастый, он старательно подражал ему даже в мелочах. Но на его долю выпали не столько шумные «подвиги» в Сирии-Палестине, сколько суровая оборона государства от надвигавшейся на него смертельной опасности. При Рамсесе III Египет несколько раз подвергался нашествиям таких народов, как ливийцы и «народы моря», первый натиск которых был некогда отражен Мернептахом. Но если последнему пришлось иметь дело лишь с передовыми отрядами переселенцев, то теперь на Египет шли уже целые вооруженные племена с обозами, женами, детьми.

Покинув средиземноморские острова и побережья, «народы моря» двигались с севера вдоль сирийского берега. Часть воинских сил сопровождала женщин и детей, ехавших в повозках, запряженных волами, другая плыла по морю на парусных судах со вздыбленными вверх носом и кормой. Это была грозная сила, опустошившая на своем пути царство Хатти, Кипр и Сирию. По этническому составу переселяющиеся племена значительно отличались от нападающих на Египет при Мернептахе. Среди них не было уже акайваша (ахейцев?) и луку (ликийцев), но зато наряду с шакалша (сикулами, т. е. сицилийцами?), шердани (сардинцами) и турша (тирсенами, т. е. этрусками?) выступали новые племена — филистимляне, близкие к ним чаккара, дануна (данайцы?) и уашаша. Основную воинскую силу составляли филистимляне (вместе с чаккара). Передовые отряды переселенцев напали на Египет с моря и с суши, возможно, еще в 5-м году царствования Рамсеса III одновременно с ливийцами, однако решительная схватка с «народами моря» произошла позднее. На 8-м году своего правления Рамсес III встретил врага в Сирии-Палестине и нанес ему жестокое поражение на суше. В том же году фараон дал переселенцам большое сражение на море. Египетские суда осыпали неприятельские суда градом стрел, местами корабли сближались вплотную, и команды судов дрались врукопашную. Фараон стоял на берегу, окруженный военачальниками, и вместе с размещенными впереди них лучниками стрелял по вражеским судам. Победителями остались египтяне. Неприятельские суда с покрившимися парусами, а то и вверх дном плавали среди убитых и живых пришельцев, попадавших в воду. Живых врагов египтяне вылавливали на свои суда или вытаскивали на берег, где их связывали и угоняли толпами. Победы, одержанные Рамсесом в эту войну, были настолько решающими, что позднее источники уже ничего не сообщают о новых нападениях на Египет «народов моря». Разбитые филистимляне вынуждены были удовольствоваться палестинским берегом, где они поселились, видимо, с «милостивого» дозволения египетского царя.

Вторжение ливийцев на 5-м году царствования Рамсеса III по своим размерам значительно превосходило отраженное Мернептахом. Как и тогда, военному столкновению предшествовало постепенное проникновение ливийцев в Нижний Египет. К 5-му году они широко распространились в западной половине Низовья. В кровопролитной битве Рамсес полностью разгромил ливийские полчища. Свыше 12,5 тыс. трупов ливийцев усеяло поле сражения. Ливийское племя максиев (метауата) повторило нападение на 11-м году правления Рамсеса, но то, что не удалось союзу племен,

182. Битвы фараона Рамсеса III с «народами моря», рельефы храма в Мединет-Абу, XIX династия:
а) морская битва;
б) сухопутная битва

не удалось, естественно, одному племени. Макси были разбиты и бежали, преследуемые египтянами. Около 2200 ливийцев пало в битве, свыше 2000 было взято в плен, причем около трети пленных составляли женщины и дети. В руки египтян попало также значительное количество рогатого скота, лошадей, ослов и много оружия.

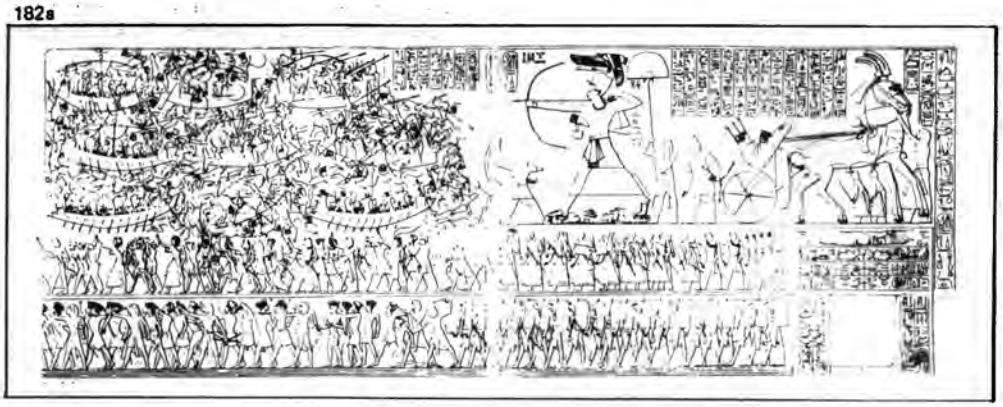
Рамсес III вел и наступательные войны. Если поход на Эдом, к югу от Мертвого моря, был, возможно, оборонительным мероприятием — в целях отражения соседних с палестинскими владениями кочевников, то вторжения в пределы царства Амурру и в бывшие (?) владения государства Хатти* в Сирии могли быть предприняты с завоевательной целью. Не исключено, что фараон проник очень далеко на северо-восток, но прочных завоеваний сделано не было. Границы египетских владений Рамсеса III в Сирии неизвестны. В Палестине, во всяком случае, имелись еще египетские крепости и храмы, и целые города принадлежали там Амону.

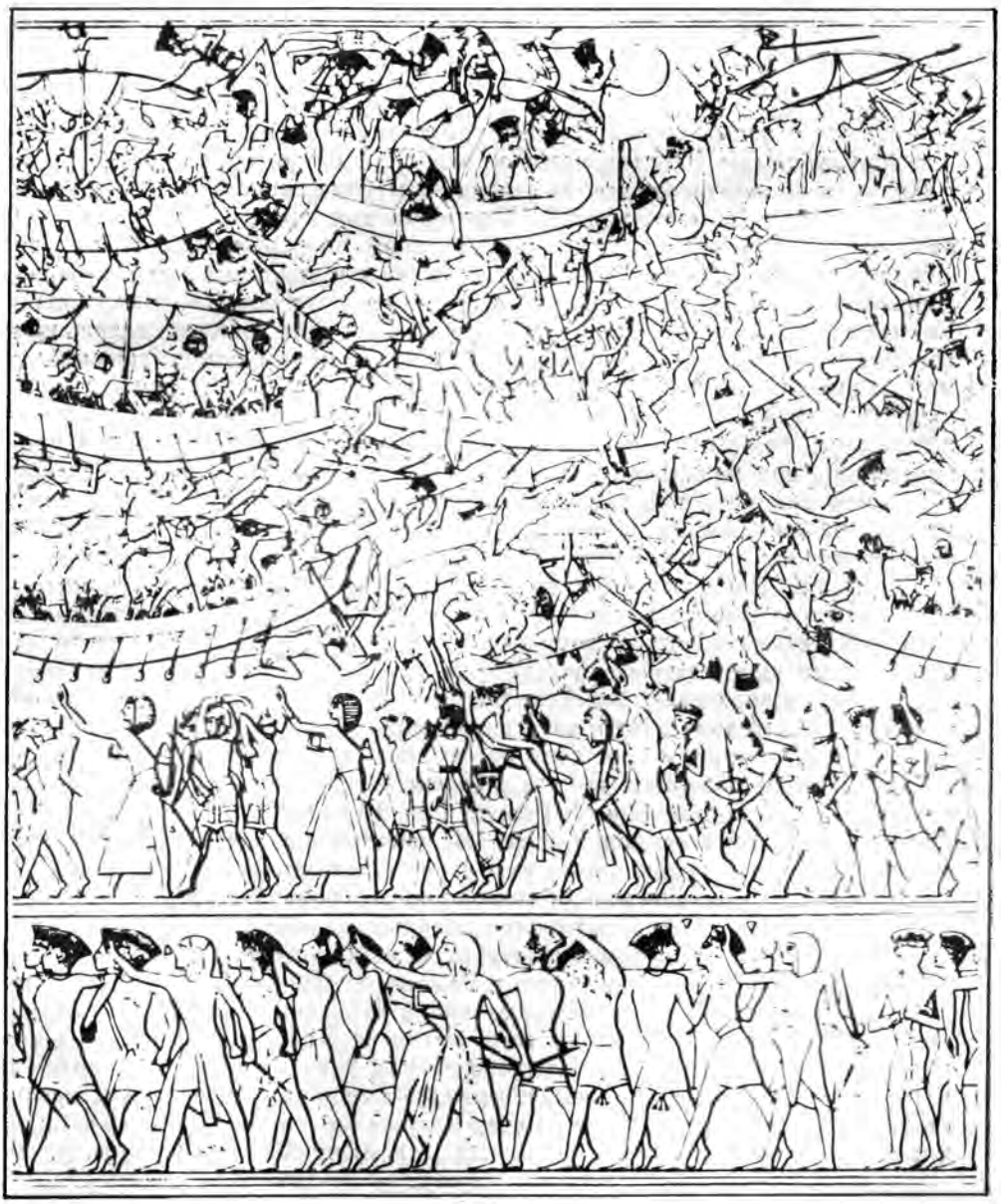
Ил. 184 Доказательством временного укрепления новоегипетской державы служит громадный поминальный храм фараона на западном берегу Фив, посвященный Амону и известный ныне как храм Мединет-Абу. Это роскошное каменное сооружение служило одновременно памятником царских побед. Если по величине и богатству отделки оно и уступало исполинским сооружениям Аменхотепа III или Рамсеса II, но тем не менее оно наглядно показывает, какими средствами располагало Новое царство даже накануне своего падения. Громаду храма с тяжеловесными колоннами и изваяниями спереди и сзади предваряли каменные укрепленные башни с воротами посередине. Сбоку к храму примыкал дворец, из окна которого фараон показывался присутствовавшим на храмовом дворе лицам. Двери храма, огромные каменные колонны, поддерживавшие навес перед дворцом, его косяки и ворота были обшиты золотом. Сокровищница храма ломилась от золота, серебра и драгоценных камней, житница до отказа была набита зерном, многочисленны были храмовые стада, их сравнивают с песком прибрежным. Храм владел пашнями и садами, у него были свои корабли, царь снабжал его пленными, Верхний и Нижний Египет, Палестина и Эфиопия должны были платить ему подати. О размерах храмовых владений можно судить хотя бы по тому, что людей у храма числилось свыше 60 тыс.

Строительство храмов при Рамсесе III велось в разных местностях Египта и даже на территории Эфиопии и Сирии-Палестины. Фараон щедро ода-

* Очевидно, Хеттская держава к этому времени, видимо, уже пала.— *Ред.*

182а

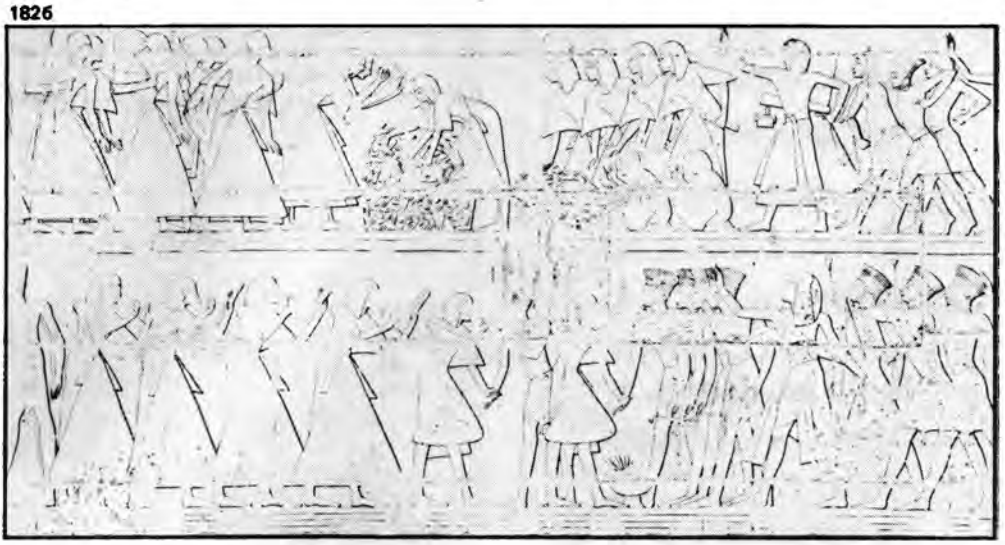

183. Битва фараона Рамсеса III с ливийцами, рельеф храма в Мединет-Абу, XX династия

рял старые и новые храмы. За свое тридцатилетнее царствование он раздал храмам свыше 100 тыс. человек, около 3 тыс. кв. км пахотной земли, 500 тыс. голов рогатого скота, не считая несметных сокровищ, садов, кораблей и разного рода поступлений... Такие дарения ясно свидетельствуют об экономической возможности и общественном значении храмовой знати. Львиную долю царских подношений получал поминальный храм фараона. Любопытно, что в отношении главного государственного храма Амона в Карнаке и его верховного жреца Рамсес III вел себя довольно сдержанно. По сравнению с числом людей, полученных царским поминальным храмом, количество людей, подаренных храму в Карнаке, было ничтожно малым. При этом только часть их поступила в непосредственное распоряжение верховного жреца, остальные, как и в случае поминального храма, находились под начальством храмовых сановников. Было ли это вызвано желанием предупредить усиление верховного жречества? Однако вековое местопочитание Амона вряд ли нуждалось еще в приросте своего и без того несчетного имущества.

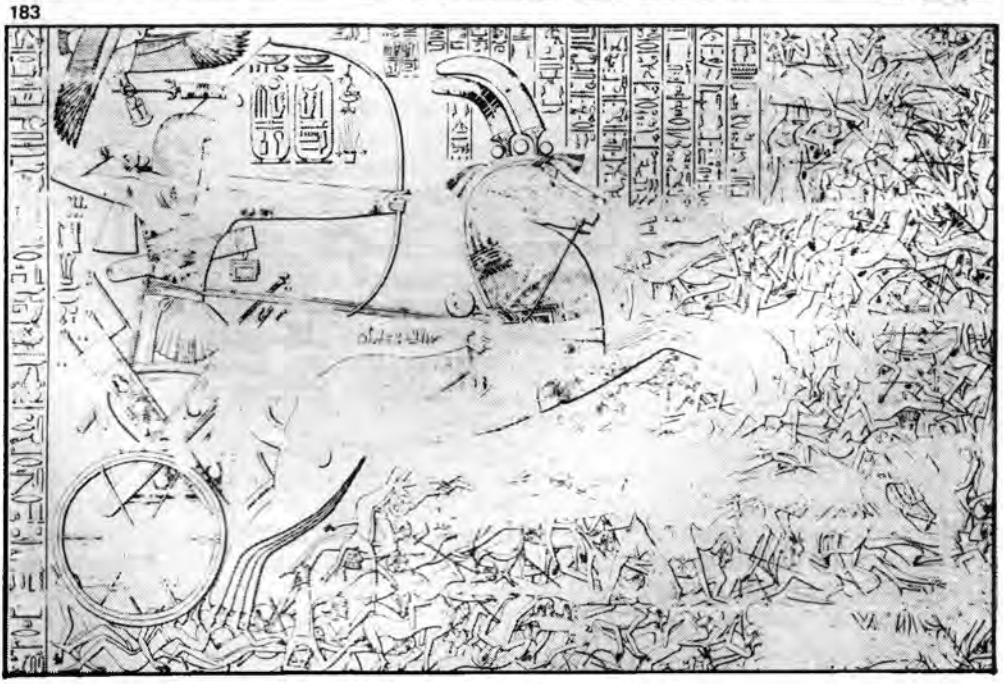
Резко противоречат красочным перечням богатств, сосредоточенных в руках храмовой знати, заявления высших сановников государства голодным работникам об отсутствии зерна в государственной житнице, о необходимости ждать особого царского распоряжения для получения недоданного им довольствия. Возможно, с государственной житницей дело обстояло действительно плохо, хотя несомненно и другое, что чиновники не прочь были поживиться за счет работников. Волнения на почве голода стали обычным явлением даже в рабочем «соединении» самого царского кладбища на западном берегу Нила, у Фив. 10-го числа 2-го зимнего месяца 29-го года царствования Рамсеса III изголодавшиеся работники прорвались через пять укрепленных стен, окружавших царское кладбище, где они трудились, и засели позади поминального храма Тутмоса III. Несмотря на все успокоительные заверения начальства, работники оказались вынуждены прибегнуть к тем же средствам и 11-го числа; на этот раз они направились к поминальному храму Рамсеса II. По-видимому, на следующий день начальство и жрецы храма имели объяснение с работниками, которые им заявили: «Мы пришли сюда от голода и жажды. Нет одежды, нет масла, нет рыбы, нет зелени. Напишите о них фараону, нашему владыке, и напишите верховному сановнику, нашему начальнику, чтобы нам предоставили средства к существованию». Положение становилось неудобным, и голодающим отпустили довольствие... за прошлый месяц. 13-го числа

1826

183

184. Ворота храма Рамсеса III в Мединет-Абу, XX династия
185. Фасад скального храма Рамсеса II в Абу-Симбеле, XIX династия
186. Текст царского распоряжения наместнику Нубии, папирус, XX династия

один из работников призвал своих товарищей забрать орудия труда, жен и детей и следовать за ним к поминальному храму Сети I.

В 3-м зимнем месяце волнения возобновились. Преодолев стены, работники опять засели на кладбище. Начальство оказалось бессильным справиться с ними и вынуждено было выслушать от них резкие отповеди и даже угрозы: «Воистину, мы прошли [стены] вовсе не от голода, мы имеем сделать важное показание: воистину, неправда творится в этом месте фараона». В итоге сам верховный сановник счел нужным, правда заочно, оправдаться перед работниками в возведенном на него обвинении, будто бы он расхищал их довольствие. Даже то, что он не явился к ним лично, он оправдывал пустотой государственной житницы. За извинениями последовало обещание выдать половину причитавшегося довольствия. 2-го числа 1-го летнего месяца на все рабочее «соединение» отпустили месячное содержание, составившее два мешка пшеницы-двузернянки. Следуя призыву одного товарища из своей среды, работники двинулись на берег реки. Они успели преодолеть всего одну стену, как уже явился писец и стал отговаривать идти на берег, стращая «судом» и суля выдать «сейчас же» недоданную пшеницу. Однако 13-го числа того же месяца голодные работники вновь преодолели кладбищенские стены и засели позади поминального храма Мернептаха. Они обратились со своими требованиями к градоначальнику, и тот прислал сказать, что выдаст 50 мешков зерна, чтобы работники смогли просуществовать, пока фараон обеспечит их довольствием.

Рамсес III был последним видным властителем Нового царства. Усиление фараоновской власти, несколько окрепшей в борьбе с сирийцем, возглавлявшим мятеж, и иноплеменными нашествиями, оказалось мимолетным. Надломленная событиями конца правления XIX династии, египетская держава клонилась к упадку и распаду: юг и север, бессильные побороть друг друга, вступали на путь обособления. После царствования Рамсеса III фараоновская власть быстро ослабла.

На 32-м году своего царствования фараон стал жертвой придворного заговора. Заговорщики ставили себе целью возвести на престол царевича Пентаура, сына одной из жен Рамсеса III, лично замешанной в заговоре. Воцарить своего ставленника заговорщикам, однако, не удалось. Они были схвачены и вместе с царевичем и его матерью преданы суду, престол же перешел к другому сыну фараона — Рамсесу IV. Последний еще пытался править в духе своего отца. Так, он отправил свыше 9 тыс. человек за

184

186

185

камнем в пустыню к востоку от реки в Вади-Хаммамат, продолжал щедро раздавать государственное имущество храмам.

После Рамсеса IV правило несколько царей, носивших то же знаменитое имя Рамсес, но бессильных перед неминуемым распадом государства. Их правления были большей частью кратковременными: Рамсес IV царствовал всего шесть лет, позднейший известный год правления Рамсеса V — 4-й, Рамсеса VI — 7-й, Рамсеса VII — 7-й, Рамсеса IX — 19-й, Рамсеса X — 3-й, Рамсеса XI — 27-й. От Рамсеса VIII памятников, помеченных годами его царствования, не сохранилось. Общая продолжительность правления всех этих фараонов не превышала, вероятно, одного столетия (примерно последние две трети XII — начало XI в. до н. э.)

Рамсес III был уже не в состоянии защитить от нападений ливийцев даже среднюю часть страны и поэтому обносил храмы расположенных там городов крепкими стенами. При его преемниках ливийцы угрожали самим Фивам: в конце XX династии работы на царском кладбище неоднократно прерывались из-за ливийцев, то ли вторгшихся из пустыни, то ли воинов фараонов. Слабость фараоновской власти при Рамсесе IX и в последующее время сказалась также в ее полной неспособности оградить от воров царские погребения на западе Фив. Начиная с царствования Рамсеса IX тянутся бесконечные судебные процессы об ограблении царских и частных гробниц. Можно только дивиться, сколько лиц самых разнообразных профессий участвовало в грабежах или так или иначе было к ним причастно. Видимо, на гробницы частных лиц власти уже махнули рукой и пеклись только о царских. Правление Рамсеса IX осложняли еще склоки между начальствующими лицами. Дело дошло до устройства кладбищенскими властями якобы «народного» шествия к дому градоначальника на восточный берег реки и открытой перебранки толпы на улице. Толпе, торжествовавшей по поводу, надо думать, подстроенного провала обвинений в попустительстве грабежам, выдвинутых градоначальником против кладбищенских властей, последний отвечал ссылкой на дополнительные данные, сообщенные им непосредственно фараону, чем, конечно, не преминул восстановить против себя обойденного им верховного сановника.

Храмовое строительство в Фивах при преемниках Рамсеса III резко сократилось и сосредоточилось в основном на одном только не слишком внушительном сооружении — храме местного лунного бога, сына Амона Хонсу (Хансы) в Карнаке.

По мере приближения к концу XX династии юг все более и более оказывался во власти верховного жреца Амона, который был главой самого мощного и богатейшего там храмового хозяйства и самого влиятельного в стране жречества. В отличие от фараонов в их северной столице верховные жрецы Амона занимали прочное положение в Фивах. Если от Рамсеса III до Рамсеса IX на царском престоле сменилось семь правителей, то в Фивах — только три верховных жреца: Рамсеснахт (Риа-масэ-са-нахти), Несуамон (Ас-Амана) и Аменхотеп (Аман-хатпи), из которых два последних были сыновьями первого. Впрочем, путь к власти был не всегда гладким и для верховного жречества Амона. До нас дошли известия о какой-то «войне» верховного жреца Аменхотепа, в которой нападающей стороной был, по всей видимости, не он. Как будто бы произошли военные действия, с которыми, возможно, связано взятие одного города в средней части Египта, сопровождавшееся захватом пленных. Порядок был восстановлен войском наместника Эфиопии Панехси (Пи-нхаси). О верховном жреце Аменхотепе нам больше ничего не известно, но на смену ему в Апасауе появляется новое лицо.

При Рамсесе XI верховный жрец Амона Херихор (Хри-Хара) сосредоточил в своих руках верховный жреческий сан, командование над войском, управление Эфиопией и заведование государственной житницей.

Еще при последнем представителе XX династии Херихор вел себя уже как правитель, и введенные им новые порядки были притязательно объявлены «возрождением». Верховный жрец самолично посылал за границу за строевым лесом для храмовой ладьи Амона, а отделывая храм Хонсу в Карнаке, настолько выдвигал свою собственную особу, что его верноподданнические чувства могли казаться сомнительными. С падением или смертью последнего фараона XX династии Рамсеса XI, если только не при нем еще, Херихор принял царскую титулатуру. Впрочем, фараоном он и теперь себя еще не чувствовал. Вместо престольного имени, в течение полутора тысячелетий складывавшегося в честь Ра и выражавшего те или иные его, Солнца, свойства, Херихор употреблял свое верховножреческое звание «первый слуга Амона», вписывая его, как и личное имя, в отдельное царское кольцо (ободок).

Обособление юга в полунезависимое государство облегчило долговременное пребывание двора в Низовье. В сущности, к концу XX династии распад государства на две части стал совершившимся событием. При Рамсесе XI север Египта со столицей Танисом вел тоже обособленное существование. Здесь имелся под призрачным главенством фараона свой правитель Несубанебдед (Ас-би-ниб-Дида). При последнем представителе XX династии Танис был не только столицей, но по-видимому, и значительным торговым городом. Его правитель Несубанебдед вел оживленную торговлю с Финикией. Крупные торговые обороты были у «дома» одного иноплеменника, проживавшего, возможно, в том же Танисе.

Между владыками юга и севера Херихором и Несубанебдедом существовали, по-видимому, хорошие взаимоотношения. Так, северный властитель еще в царствование последнего Рамсеса оказывал всяческое содействие торговому представительству Херихора за финикийским лесом для храмовой ладьи Амона. После смерти последнего представителя XX династии Несубанебдед тоже объявил себя царем, и жреческое государство на юге тотчас же или очень скоро признало главенство северного фараона. По-видимому, еще в конце XX династии распаду египетского государства сопутствовало усиление «больших» людей вообще. В таком смысле толкуют заявление посланца верховного жреца в Финикию Унуамона (Ун-Аманы), что похищенные по дороге ценности, которые предназначались для покупки финикийского строевого леса, принадлежали Херихору, Несубанебдеду и «другим большим (мужам) Египта».

Ослабление и затем распад египетского государства не могли, естественно, не сказаться на его международном положении. Только Эфиопия, всего более испытавшая на себе египетское влияние, осталась покорной фараонам до конца XX династии. При Рамсесе XI Эфиопией все еще управлял египетский наместник. С ливийцами, судя по одному поврежденному памятнику, успешно воевал Рамсес IX, но в то же время ливийцы, как уже говорилось, нередко угрожали самим Фивам. Их стало очень много в египетском войске, и это вскоре возымело роковые последствия для дальнейшей судьбы Египта. В Палестине, даже на ее севере, следы египетского владычества сохранялись по меньшей мере до Рамсеса VI, т. е. до середины XII в. до н. э., если о том позволительно заключить по подножию от изваяния этого царя, найденному в Мегиддо. Добыча бирюзы на Синайском полуострове прекратилась, по-видимому, непосредственно после смерти того же Рамсеса VI.

Хорошее представление об отношении к Египту его бывших сиро-палестинских владений при Рамсесе XI дает полуделовой, полухудожественный «отчет» Унуамона о своем плавании в Финикию по поручению верховного жреца Херихора за строевым лесом для храмовой ладьи Амона (папирус хранится в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве). Унуамон отправляется не требовать леса,

как то бывало в дни египетского могущества, а покупать. Филистимлянский правитель палестинского города Дора остается глух к жалобам путника, когда один человек из его корабельной команды похитил у него ценности и скрылся на берегу. Царь финикийского Библа сначала даже не желает принять посланца, потом издевается над ним и предлагает показать могилу египетских послов, задержанных до него в городе. Дождавшись присылки из Египта средств для покупки и получив наконец от финикийца лес, египтянин не отваживается выйти в море из страха перед стерегущими его филистимлянскими кораблями. По благополучном же отплытии из Библа буря прибивает судно Унуамона к кипрскому берегу, где сама жизнь путешественника оказывается в опасности. Показательно, что египетский посол как в Палестине, так и на Кипре пугает финикийскими властями. Ни палестинское побережье, ни Финикия, ни некогда зависимый от фараонов Кипр не признавали больше египетского главенства. От владычества фараонов в Сирии-Палестине не осталось и следа. Тем не менее, по отчету Унуамона, в Финикии все еще продолжали преклоняться перед Египтом, только уже не как перед «мировой» державой, а как родиной ремесленного мастерства и мудрости.

Хеттское царство
(вторая половина XVII в. до н. э.— около 1200 г. до н. э.)

Древнехеттское царство

Лапарнас (?)	
Хаттусилис I	(конец XVII в. до н. э.)
Мурсилис I	(начало XVI в. до н. э.)
Хандилис	
Цитандас	
Аммунас	
Хуццияс	
Телепинус	(около 1500 г. до н. э.)

Новохеттское царство

Тутхалияс I/II	(XV в. до н. э.)
Хаттусилис II	
Тутхалияс II/III	(около 1400 г. до н. э.)
Арнувандас I	
Суппилулиумас I	(около 1380—1346 гг. до н. э.)
Арнувандас II	(около 1345 г. до н. э.)
Мурсилис II	
Муваталлис	(конец XIV — начало XIII в. до н. э.)
Мурсилис III	
Хаттусилис III	(около 1270 г. до н. э.)
Тутхалияс III/IV	(около 1250 г. до н. э.)
Арнувандас III	(конец XIII в. до н. э.)
Суппилулиумас II	(около 1200 г. до н. э.)

Древний Египет

Составлен с учетом изданий: A. Gardiner. Egypt of the Pharaohs. Oxf., 1961, с. 429—446; É. Drioton — J. Vandier. L'Égypte. 5e éd. P. 1975, с. 627—631: Э. Бикерман. Хронология древнего мира. М., 1975, с. 176—177 [1].

[1] В список включены в традиционном написании имена наиболее значительных царей или лучше известных по источникам. В круглых скобках значатся имена царей в передаче Ю. Я. Перепелкина. В квадратных скобках — имена царей, которые не упоминаются в книге.

Нулевая династия
(додинастические цари;
до 3000 г. до н. э.)

Имена последних царей:
Скорпион
Ка (Хор Двойник)
«Нармер» (Хор Сом)

I династия[2]
(начало около 3000 г. до н. э.)

Аха (Хор Боец) = Мина?
Джер (Хор Хват)
Уаджи (Хор Змея)
Ден, Удиму (Хор Простиратель), Усефаис
Аджиб (Хор, Целостный Сердцем), Миебис
Семерхет (Хор, Дружественный Утробой)
Каа, Кебху (Хор, Высокий Рукою)

II династия
(заканчивается около 2778 г. до н. э.)

Имя последнего царя:
Хасехемуи (Хор, Воссиявший Двумя Жезлами) = Хасехем? (Хор, Воссиявший Жезлом)

III династия[3]
(2778—2723 гг. до н. э.)

Джосер (Даса)
Сехемхет (Хор, Мощный Утробой)
Хаба (Ха-би)
Неферкара Небка (Наф-ку-Риа Ниб-ку)
[Ху, Хуни]

IV династия
(2723—2563 гг. до н. э.)

Снофру (Санфара)
Хуфу (Хуф-и-Хмана, Хуфи), Хеопс
Джедефра (Дадаф-Риа), Раджедеф
Хафра (Хааф-Риа), Хефрен
Менкаура (Мин-куу-Риа), Микерин
Шепсескаф (Шапсас-куф)

V династия
(2563—2423 гг. до н. э.)

Усеркаф (Уас-куф)
Сахура (Сах-и-Риа)
Неферириркара Какаи (Наф-ар-ку-Риа Кукуйа)
Шепсескара (Шапсас-ку-Риа)
Неферафра (Нафраф-Риа)
Ниусерра (На-уас-Риа)
Менкаухор (Мин-куу-Хара)
Джедкара (Дад-ку-Риа)
Унис (Уннас)

VI династия
(2423—2263 гг. до н. э.)

Тети (Атати)
[Усеркара]
Мерира Пиопи (Маи-Риа Пйапи) I, Пепи
Меренра (Мар-ни-Риа)
Неферкара Пиопи (Наф-ку-Риа Пйапи) II, Пепи

VII династия[4] *(фиктивная)*

VIII династия[5]
(2263—2220 гг. до н. э.)

IX—X гераклеопольские династии
(2222—2070 гг. до н. э.)

Отдельные имена царей:
Ахтой (Ахтайя) I, Хети
Ахтой (Ахтайя) II, Хети
Ахтой (Ахтайя) III, Хети
Мерикара (Май-ку-Риа)

XI династия[6]
(2160—2000 гг. до н. э.)

Иниотеф (Ан-йатаф) I, Антеф
Иниотеф (Ан-йатаф) II, Антеф
Иниотеф (Ан-йатаф) III, Антеф
Ментухотеп (Манта-хатпи) I
Ментухотеп (Манта-хатпи) II
Ментухотеп (Манта-хатпи) III

[2] Правление царей I—II династий часто называют эпохой Раннего царства.
[3] Царей III—VI династий и часто VIII династию относят к эпохе Древнего (Старого) царства.
[4] Согласно Манефону, «70 царей Мемфиса, которые правили 70 дней».
[5] Манефоновские «27 царей Мемфиса, которые правили 146 лет». Из-за отсутствия источников полный список царей этой династии составить невозможно. Некоторые ученые помещают VIII династию в так называемый I переходный период.
[6] Царей этой династии, иногда начиная с Ментухотепа I, объединителя страны после смут I переходного периода, обычно причисляют к эпохе Среднего царства. Здесь же помещают царей XII династии. XIII династию или включают в эту эпоху, или относят к так называемому II переходному периоду, куда включают и время правления царей XIV династии, гиксосских правителей XV—XVI династий и, как правило, XVII (фиванской) династии.

XII династия
(2000—1785 гг. до н. э.)

Аменемхет (Аман-ма-хи) I
Сенусерт (Са-на-уасра) I
Аменемхет (Аман-ма-хи) II
Сенусерт (Са-на-уасра) II
Сенусерт (Са-на-уасра) III
Аменемхет (Аман-ма-хи) III
Аменемхет (Аман-ма-хи) IV
Царица Нефрусебек

XIII—XVII династии
(1785—1580 гг. до н. э.)

Последний царь XVII династии:
Камос (Ка-маси)
Отдельные имена царей:
[Себекхотеп II]
[Себекхотеп III]
[Себекхотеп IV]
[Ноферхотеп I]
[Себекемсаф I]
[Себекемсаф II]
[Рахотеп]
Секненра (Сакнан-Риа)
гиксосы: Хиан I
Хиан II
Апопи (Апапи) I
Апопи (Апапи) II

XVIII династия[7]
(1580—1314 гг. до н. э.)

Яхмос (Ах-маси)
Аменхотеп (Аман-хатпи) I
Тутмос (Джут-маси) I
Тутмос (Джут-маси) II
Тутмос (Джут-маси) III
Царица Хатшепсут (Хи-шапсауа). Совместно с Тутмосом III первое двадцатилетие его царствования
Аменхотеп (Аман-хатпи) II
Аменхотеп (Аман-хатпи) III
Аменхотеп (Аман-хатпи) IV
Эхнатон (Ах-на-Йати)
Семнехкара (Самнах-ку-Риа)
Тутанхатон (Тут-анах-Йати)
Тутанхамон (Тут-анх-Амана)
Эйе (Айа), Аи
Хоремхеб (Хар-ма-ху)

XIX династия
(1314—1200 гг. до н. э.)

Рамсес (Риа-масэ-са) I
Сети (Сутайа) I
Рамсес (Риа-масэ-са) II
Мернептах (Мар-ни-Птах)
Сети (Сутайа) II
Аменмес (Аман-маси)
Саптах (Си-Птах)
Царица Та-усерт (Та-уаса)

XX династия
(1200—1085 гг. до н. э.)

Сетнахт (Сута-нахти)
Рамсес (Риа-масэ-са) III
Рамсес (Риа-масэ-са) IV
Рамсес (Риа-масэ-са) V
Рамсес (Риа-масэ-са) VI
Рамсес (Риа-масэ-са) VII
Рамсес (Риа-масэ-са) VIII
Рамсес (Риа-масэ-са) IX
Рамсес (Риа-масэ-са) X
Рамсес (Риа-масэ-са) XI

[7] Время правления царей XVIII, XIX и XX династий принято именовать эпохой Нового царства.

ПРИЛОЖЕНИЕ

К данной книге «История древнего Востока», в значительной мере посвященной древнему Египту, прилагаются образцы переводов древнеегипетских текстов, выполненные выдающимся советским египтологом Ю. Я. Перепелкиным, автором глав по Египту.

Жизнеописание вельможи Уны

Иероглифическая надпись на плите, найденной в Абидосе в Верхнем Египте, сановника — современника фараонов VI династии Тети II, Пиопи I, Меренра I (середина XXV в. до н. э.— начало XXIV в. до н. э.). Хранится в Каирском музее. Перевод и комментарий *Ю. Я. Перепелкина.* По изданию: Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 1. М., 1980, с. 21—24.

[Князь, начальник Верхнего Египта], находящийся во дворце, страж Нехена [1], глава Нехеба, «единственный друг» [фараона], чтимый Осирисом *, стоящим во главе умерших, Уна. [Он говорит:]

[Я был юноша], опоясавшийся поясом [зрелости] при величестве Тети, причем должность моя была начальник дома шена [2]. Я был смотрителем дворцовых хентиу-ше [3].

...Старейшина дворца при величестве Пиопи. Его величество возвел меня в сан друга и смотрителя жрецов города при своей пирамиде.

Когда должность моя была... его [величество назначил меня] судьей и устами Нехена [4], так как он полагался на меня больше, чем на любого другого своего слугу. Я вел допрос наедине с главным судьей — верховным сановником в случае любого тайного дела... от имени царя, городского гинекея и шести верховных судебных присутствий, так как его величество полагался на меня больше, чем на любого другого своего сановника, больше, чем на любого другого своего вельможу, больше, чем на любого своего слугу.

Я просил у величества моего господина, чтобы мне был доставлен известняковый гроб из мемфисских каменоломен Ра-Ау. Его величество распорядился, чтобы [сановник] казначей бога [5] переправился через [Нил] с партией рабочих капитана корабля (?), его помощника (?), чтобы доставить мне этот гроб из Ра-Ау. Он [гроб] прибыл с ним в резиденцию на большом грузовом судне вместе со [своей] крышкой, гробничной плитой с нишей, руит [6], двумя гемех [7] и одним сатс [8]. Никогда не было сделано подобного ни одному другому слуге, так как я пользовался расположением его величества, так как я был угоден его величеству, так как его величество полагался на меня.

В бытность мою судьей и устами Нехена его величество назначил меня единственным другом и начальником дворцовых хентиу-ше. Я отстранил четырех начальников дворцовых хентиу-ше, бывших там. Я действовал так, что вызвал одобрение его величества, организуя охрану, уготовляя путь царя и организуя стоянку. Я делал все так, что его величество хвалил меня за то чрезвычайно.

Велось дело в царском гинекее против жены царя Уретхетес (?) втайне. Его величество велел мне спуститься (?), чтобы вести одному допрос, причем не было там ни одного главного судьи — верховного сановника, ни одного [другого] сановника, кроме одного меня, так как я пользовался расположением и был угоден его величеству, так его величество полагался на меня. Это я вел запись наедине с одним судьею и устами Нехена, причем должность моя была [только] начальника дворцовых хентиу-ше. Никогда раньше человек моего положения не слушал тайные дела царского гинекея, но его величество велел мне слушать, так как я пользовался расположением его величества больше, чем другой его сановник, больше, чем любой другой его вельможа, больше, чем любой другой его слуга.

Его величество отражал азиатов-бедуинов. Его величество набрал войско из многих десятков тысяч во всем Верхнем Египте, от Элефантины * на юге до Афродитопольской * области на севере, в Нижнем Египте, в западной и восточной половине Дельты на всем их протяжении, в крепости (?), в крепостях у кушитов Иерчет *, кушитов Меджа, кушитов Иямы *, кушитов Уауат *, кушитов Каау и в стране ливийцев *.

Его величество отправил меня во главе этого войска; местные князья, казначеи царя Верхнего Египта, единственные друзья дворца, главы и градоначальники Верхнего и Нижнего Египта, друзья, начальники переводчиков, начальники жрецов Верхнего и Нижнего Египта и начальники [управлений] округами стояли во главе отрядов подвластных им верхне- и нижнеегипетских селений и деревень и кушитов этих стран. Это я начальствовал над ними, причем должность моя была [только] начальника дворцовых хентиу-ше, ввиду... моего положения, так что ни один из них не причинял зла другому, так что никто из них не отбирал одежды ни в одном селении, так что никто из них не отбирал ни единой козы ни у одного человека. Я привел их на Северный остров, во Врата Ихотепа и округ Гора справедливого, состоя в этой должности... Мне было сообщено число [людей] этих отрядов, [его] никогда не сообщали ни одному другому слуге.

Это войско вернулось благополучно,
разворотив страну бедуинов.
Это войско вернулось благополучно,
разорив страну бедуинов.
Это войско вернулось благополучно,
снеся ее крепости.
Это войско вернулось благополучно,
срубив ее смоковницы и виноградники.
Это войско вернулось благополучно,
зажегши огонь во всех ее...
Это войско вернулось благополучно,
перебив в ней отряды в числе многих
десятков тысяч.
Это войско вернулось благополучно,
[захватив] в ней пленными премногие [отряды].
Его величество хвалил меня за это чрезвычайно.

Его величество посылал меня пятикратно водить [это] войско и усмирять страну бедуинов каждый раз, как они восставали,— с помощью (?) этих отрядов я действовал так, что [его] величество хвалил меня [за это].

Доложили, что бунтари... среди этих чужеземцев на Газельем Носу. Я переправился на судах с этими отрядами и пристал у высоких отрогов

горы севернее страны бедуинов, причем половина этого войска [шла] сухопутной дорогой. Я пришел и захватил их всех. Были перебиты среди них все бунтари.

Когда я был дворцовым ачет [9] и носителем сандалий [фараона], царь Верхнего и Нижнего Египта Меренра *, мой господин, который да живет вечно, назначил меня местным князем и начальником Верхнего Египта от Элефантины на юге до Афродитопольской области на севере, так как я пользовался расположением его величества, так как был угоден его величеству, так как его величество полагался на меня.

Когда я был ачет и носителем сандалий [фараона], его величество хвалил меня за бдительность и за охрану, организованную мною на месте стоянки, больше, чем любого другого своего сановника, больше, чем любого своего вельможу, больше, чем любого другого своего слугу. Никогда раньше эта должность не давалась ни одному слуге. Я был ему начальником Верхнего Египта на радость, так что никто в нем не причинял зла другому. Я производил все работы; я налагал все подлежащее обложению в пользу резиденции здесь, в Верхнем Египте, дважды, и все повинности, подлежащие обложению в пользу резиденции, здесь, в Верхнем Египте, дважды. Я исполнял должность сановника образцово здесь, в Верхнем Египте. Никогда раньше не делалось подобного здесь, в Верхнем Египте.

Я делал все так, что его величество хвалил меня за то.

Его величество послал меня в Ибхат доставить саркофаг «Ларь живущего» вместе с его крышкой и драгоценной и роскошной верхушкой для пирамиды «Является и милостив Меренра» госпожи.

Его величество посылал меня в Элефантину доставить гранитную плиту с нишей вместе с ее сатс, и гранитные двери, и руит и доставить гранитные двери и сатс верхнего покоя пирамиды «Является и милостив Меренра» госпожи.

Они плыли со мной вниз по Нилу к пирамиде «Является и милостив Меренра» на шести грузовых и трех перевозочных судах восемь (?) месяцев и три... в течение одной экспедиции. Никогда ни в какие времена не посещали Ибхат и Элефантину за одну экспедицию. И что бы ни было приказано его величеством, я выполнял все согласно всему, что его величество повелел о том (?).

Его величество посылал меня в Хатнуб доставить большую жертвенную плиту из хатнубского алебастра. Я спустил для него эту плиту, выломанную в Хатнубе, в течение всего лишь семнадцати дней. Я отправил ее вниз по Нилу на этом грузовом судне: я построил ему грузовое судно из акации в шестьдесят локтей длиной и тридцать локтей шириной, причем постройка заняла всего лишь семнадцать дней — в третьем месяце Засухи, несмотря на то что вода не покрывала [еще] отмелей. Я причалил благополучно у пирамиды «Является и милостив Меренра». Мною было осуществлено все согласно приказу, отданному величеством моего господина.

Его величество послал меня прорыть пять каналов в Верхнем Египте и построить три грузовых и четыре перевозочных судна из акации Уауата. При этом правители Ирчет и Меджа поставляли для них дерево. Я выполнил все за один год. Они были спущены на воду и нагружены до отказа гранитом для пирамиды «Является и милостив Меренра». Я сделал далее... для дворца по всем этим пяти каналам, так как мощь царя Верхнего и Нижнего Египта, который да живет вечно, величава... и внушительна в большей степени, чем всех богов, так как все осуществляется согласно приказу, отданному им.

Я был воистину человеком, любимым своим отцом и хвалимым своей матерью... пользующимся расположением своих братьев, местный князь исправный начальник Верхнего Египта, чтимый Осирисом * Уна.

[1] Страж Нехена — титул.
[2] Шена — мастерские или амбары.
[3] Хентиу-ше — вероятно, арендаторы царских земель.
[4] Уста Нехена — судейская должность.
[5] Казначей бога — должность сановника.
[6] Руит — вероятно, какая-то часть двери.
[7] Гемех — вероятно, створки или косяки.
[8] Сатс — видимо, часть погребальной плиты.
[9] Ачет — должность.

Прославление фараона Аменхотепа IV

Надпись на золотом гробе, обнаруженном в 1907 г. в небольшом тайнике в ущелье царских гробниц в Нэ (Фивах), который, по мнению Ю. Я. Перепелкина, принадлежал Кэйе — «жене-любимице» Аменхотепа IV. Перевод *Ю. Я. Перепелкина.* По изданию: *Ю. Я. Перепелкин.* Кэйе и Семнех-ке-Рэ. К исходу солнцепоклоннического переворота в Египте. М., 1979, с. 93.

1. Сказывание слов [(такою-то)] [Кэйе] [— жива она! (?)].
2. Буду обонять я дыхание сладостное, выходящее из уст твоих.
3. Буду видеть [я кра]соту твою постоянно (— таково?) [м]ое желание.
4. Буду слышать [я] голос твой сладостный северного ветра.
5. Будет молодеть плоть (моя) в жизни от любви твоей.
6. Будешь давать ты [мне] руки твои с питанием твоим, буду принимать [я] его жи-
7. [вущий правдою (?)]. Будешь взывать ты во имя мое вековечно, не (надо) будет искать его
8. в устах твоих, [м]ой [владыка (?)] [(имярек)]. Будешь ты [со мною (?)]
9. вековечно вечно, живым, как Йот! [1] [Для двойника жены-любимца большой].
10. цар[я] (и) государ[я], живущ[его] правдою, владык[и] обеих земель [Нефр-шепр-Рэ Ва-н-Рэ][2], отрок[а]
11. добр[ого] Йота живого, который будет тут
12. жив вековечно вечно, [Кэйе] [— жива она! (?)].

[1] Т. е. Атон.
[2] Титул Аменхотепа IV («Прекрасный явлениями Рэ, единственный для Рэ»).

Славословие ночному Солнцу

Текст из гробницы Саха в Нэ (Фивах) времени Аменхотепа IV. Надпись относится к раннему периоду его правления. Перевод *Ю. Я. Перепелкина.* По изданию: *Ю. Я. Перепелкин.* Кэйе и Семнех-ке-Рэ. К исходу солнцепоклоннического переворота в Египте. М.. 1979. с. 290—291.

Прославление Рэ. (когда) умиротворяется он в жизни (т. е. заходит живым) на склоне западном неба,— повелителем-князем, другом (царевым), единственным, приближающимся к владыке своему (т. е. фараону), тем, кто в сердце Хора, владыки дворца (т. е. в сердце фараона) ———

распорядителем дома *Хьр[в.ф* (другое имя Саха), правым] голосом (т. е. оправданным на том свете, покойным). Сказывает он:

«Привет тебе ——— Атом[1] [владыка (?) веч]ности (?)! [Прио]бщился ты склону неба. Ты воссиял на западе Атомом, что ввечеру, пришедши (*йй.тй*) в мощи твоей. [Поверг ты про]тивника твоего (— змия). Властвуешь ты (над) высью как Рэ. Касаешься ты неба (и) земли———. Удалил ты облака (и) тучи (или: град). Спускаешься ты из утробы матери твоей Нав[не][2]. Отец твой Нун [в радости (?)]. Боги [(такие-то)] в воскликновении, те, что в преисподней, в ликовании, (потому что) [видят они (?)] владыку своего, растягивающего шаг [свой (?)]. Т[ы (?) —] владыка всех. Прииди (*йй.тй*) в мире, касающийся обеих земель (т. е. Египта — в смысле заходящий?)! Приобщил ты руки закатным горам (т. е. обнял место заката). Восприял (о?) ——— величество твое честь, приставши ко храму твоему ради отрешения рук матери твоей от ———. Влекут тебя (т. е. солнце в его ладье) души западные на дорогу, что (?) в земле святой (т. е. мире мертвых). Освещаешь ты лицо приставников преисподней. Слышишь ты зов (того), который во гробе. Поднимаешь ты (тех), которые положенные на бок (т. е. мертвых). Вкушаешь ты правду у того, кто с ней. Молодишь ты носы тем, что в ней (т. е. жизнью-дыханием, которые она сообщает?). Отделяешься ты оттуда на место честно́е. Восполняешь (?) ты явления в (виде?) богов — выходящих отсюда, (тем временем как) тепло их явилось,— обновившись в мощном (обличье) твоем первоначальном, пришедши Йотом[3] (т. е. видимым солнцем, *йй.тй м йтн*), мощью неба, соединившись с власт(ью?) (над) [(такою-то нагорной страной)]. Учитываешь ты красоту твою посреди преисподней. Сияешь ты, именно ты, тем, кто во тьме. Те, кто в пещерах, в ликовании. Славят они [те]бя, (когда) достигаешь ты до них, перед (?) лицом твоим этим пробудившегося целым ——— ... ежедневно. Светает земля ——— ... в облике его, выходящий из утробы матери его непрестанно, умиротворяющийся внутри во вре[мя (?)] Рэ при восходе своем, Атом после [умиротворения (т. е. захода) своего (?)]. (Да) дашь ты быть мне среди жалуемы(х) тобою, видя красоту твою повседневно, (когда?) принимаю я концы (?) ночной солнечной ладьи ———».

[1] Т. е. Атум.
[2] Т. е. Наунет.
[3] Т. е. Атон.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИНТ — Архив истории науки и техники (АН СССР). Л.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВИ — Вопросы истории. М.
ВМГУ — Вестник Московского государственного университета. М.
ДАН — Доклады Академии наук СССР. Серия В. Л.
ЕРИИИ — Ежегодник Российского института истории искусств. СПб.
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества. СПб., Пг.
ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (АН СССР). Л.
ЗКОРАО — Записки Классического отделения (Имп.) Русского археологического общества. СПб., Пг.
ИА — Исторический архив. М.
ИАН Туркм. ССР — Известия Академии наук Туркменской ССР. Аш.
ИГАИМК — Известия Государственной Академин истории материальной культуры. М.— Л.
ИЖ — Исторический журнал. М.
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии (АН СССР). М.
КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии (АН СССР). М.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии (АН СССР). М.— Л., М.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М., М.— Л.
МКВ — Международный конгресс востоковедов
НАА — Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. М.
ПерСб — Переднеазиатский сборник. М.
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ (ГАИМК). Л.
ПС — Палестинский сборник. М.— Л.
ПСО — Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. М., 1984
СА — Советская археология. М.
СВ — Советское востоковедение. М., Л.
СКИДВ — Сборник кружка по изучению древнего Востока при Государственном Эрмитаже. Л.
ТИИАН Груз. ССР — Труды Института истории Академии наук Грузинской ССР. Тб.

ТИИНТ — Труды Института истории науки и техники АН СССР. Л.
ТИИФ — Труды Института истории и философии Азербайджанской ССР. Азерб. ССР Баку
ТИКДП — Труды Института истории книги, документа и письма. Л.
ТИЭ — Труды Института этнографии Академии наук СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.
ТИЯМ — Труды Института языка и мышления (АН СССР). Л.
ТОВЭ — Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа. Л.
Труды XXV МКВ — Труды XXV Международного конгресса востоковедов. М.
ТЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Аш.
УзИФМОПИ — Ученые записки [Исторического факультета Московского областного педагогического института]. М.
УзЛГУ — Ученые записки [Ленинградского государственного ордена Ленина университета]. Л.
УзМОПИ — Ученые записки [Московского областного педагогического института]. М.
AASOR — Annual of the American Schools of Oriental Research. New Haven, Conn
AF — Altorientalische Forschungen. Akademie der Wissenschaften der DDR. B.
AfO — Archiv für Orientforschung. B., Graz.
Äg.St. — Ägyptologische Studien. B.
AmAnt — American Anthropologist. Menasha. Chicago
AOAT — Alter Orient und Altes Testament. Kevelaer — Neukirchen
AP — Ancient Pakistan. Karachi
ARET — Archivi realiedi Ebla-Testi. Roma
ArOr — Archiv Orientální. Praha
AS — Assyriological Studies. Chicago
ASAE — Annales du Service des Antiquités de l'Égypte. Le Caire
ASAW — Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften. Lpz.
BASOR — Bulletin of the American School of Oriental Research. New Haven, Conn
BASPR — Bulletin of the American School of Prehistoric Research
BEFEO — Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient. Paris — Saigon
BIFAO — Bulletin de l'Institut Français d'archéologie orientale. Le Caire
BiOr — Bibliotheca Orientalis. Leiden
BSSAV — Beiträge zur sozialen Struktur des alten Vorderasiens. B.
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. London Institution (University of London)
CAH — Cambridge Ancient History. Cambridge
CHM — Cahiers d'histoire mondiale. Neuchatel, Geneve
EAZ — Ethnographisch-archäologische Zeitschrift. B.
EW — East and West. Roma
HbO — Handbuch der Orientalistik. Leiden, Köln
HSS — Harvard Semitic Series. Cambridge (Mass.)
IA — Iranica Antiqua. Leiden
IEJ — Israel Exploration Journal. Jerusalem
IGF — Indogermanische Forschungen. B., Lpz.
ISMPR — Illinois State Museum Preliminary Report. Chicago
JCS — Journal of Cuneiform Studies. New Haven, Conn

JAOS — Journal of the American Oriental Society. New York — New Haven — Boston
JEA — Journal of Egyptian Archaeology. L.
JESHO — Journal of the Economic and Social History of the Orient. Leidue
JHS — Journal of Hellenic Studies. L.
JKF — Jahrbuch für kleinasiatische Forschungen. Internationale orientalistische Zeitschrift. Heidelberg
JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago
JRAI — Journal of the Royal Anthropological Institute. L.
IRAS — Journal of Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. L.
MAOG — Mitteilungen der Altorientalischen Gesellschaft. Lpz.
MDOG — Mitteilungen der Deutschen Orientalistischen Gesellschaft. B.
MDAIK — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo. Wiesbaden
MEE — Materiali epigrafici di Ebla. Napoli
MIO — Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. B.
MVÄG — Mitteilungen der Vorderasiatisch-Ägyptischen Gesellschaft. Lpz.
OA — Oriens Antiquus. Roma
OLZ — Orientalistische Literaturzeitung. Lpz.— B.
Or. — Orientalia. Roma
PSBA — Proceedings of the Society of Biblical Archaeology. L.
RA — Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale. P.
RdE — Revue d'égyptologie. P.
REA — Revue de l'Egypte ancienne. P.
RHA — Revue hittite et asianique. P.
RHR — Revue de l'histoire des religions. P.
RRAL — Rendiconti della reale Accademia dei Lincei. Roma
RSO — Rivista degli studi Orientali. Roma
RT — Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. P.
SAOC — Studies in Ancient Oriental Civilization. Chicago
SCO — Studi classici e orientali. Pisa
SLANE — Societies and Languages of the Ancient Near East. Studies in Honour of I. M. Diakonoff. Warminster, 1982
SPAW — Sitzungsberichte der kön. Preussischen Akademie der Wissenschaften. B.
SSAW — Sitzungsberischte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften. Göttingen
StBoT — Studien zu den Boğazköy-Texten. Wiesbaden
STE — State and Temple Economy in the Ancient Near East. I — II. Leuven, 1979 (Orientalia Lovaniensia analecta, 5)
VS — Vorderasiatische Shriftdenkmäler der Königlichen Museen zu Berlin. Lpz.
Wdo — Die Welt des Orients. Göttingen
YNER — Yale Near Eastern Research. New Haven, London
ZA — Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie. Lpz.
ZÄS — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. Lpz., B.
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig, Wiesbaden

БИБЛИОГРАФИЯ

Общие замечания

Настоящая библиография включает работы, посвященные важнейшим и центральным проблемам или группам проблем в пределах каждого раздела или главы, а также работы, посвященные частным вопросам, затронутым в книге, и содержащие новую информацию, еще не вошедшую в исследования более общего характера *.

Труды классиков марксизма-ленинизма о древнем Востоке, общие и теоретические работы, вышедшие в СССР, а также зарубежные исследования по истории древнего Востока приведены в библиографии «Истории древнего Востока». Ч. I. М., 1983, с. 494—495.

Издания, содержащие только древневосточные тексты без перевода, в библиографии не приводятся, если даже они были использованы авторами книги и заключали в себе новую информацию. Соответствующие ссылки читатель найдет в работах частного содержания, названных в библиографии.

Библиография доведена до конца 70-х — начала 80-х годов.

Общие работы

1. Древний Восток. 1. К семидесятилетию академика М. А. Коростовцева. М., 1975.— 2. Древний Восток. 2. Памяти академика Бориса Александровича Тураева. М., 1980.— 3. История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия. М., 1983.— 4. История древнего мира. 1. Ранняя древность. М., 1982.— 5. Источниковедение истории древнего Востока. М., 1984.— 6. Культурное наследие Востока. Проблемы, поиски, суждения (К семидесятипятилетию академика Б. Б. Пиотровского). Л., 1985.— 7. Мифология древнего мира. 1. М., 1977.— 8. Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. М., 1984. — 9. STE. См. также: История древнего Востока. Ч. I. М., 1983. Библиография, разделы Б и В.

Глава I **

1. А в е т и с я н Г. М. Государство Митанни (военно-политическая история в XVII—XIII вв. до н. э.). Ер., 1984.— 2. Гиоргадзе = II, 2,7.— 3. Г р и б о в Р. А. Воинская и трудовые повинности в Мари.— ВДИ. 1972, № 3.— 4. О н ж е. Земельные от-

* Если в библиографии делается ссылка на работу, приведенную в другой главе, указывается номер главы римской цифрой или сокращение: «Общ. IV—VIII» (т. е. Общая библиография к главам IV—VIII).

** Историю изучения северной периферии нижнемесопотамской цивилизации см. в историографическом очерке, посвященном истории, языкам и культуре древней Месопотамии в целом (История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия. М., 1983. Библиография к главам II—VII).

ношения в Мари.— ВДИ. 1970, № 2.— 5. Он же. Натуральные и денежные налоги в Мари.— ПерСб. III. М., 1979.— 6. Джандиери М. И. Древнее башенное общинное жилище.— ВДИ. 1981, № 2.— 7.— 7. Дьяконов И. М. Арийцы на Ближнем Востоке — конец мифа.— ВДИ. 1970, № 4 = Or. 1972, 41 [критический разбор книг A. Kammenhuber, M. Mayrhofer'a и др.].— 8. Он же. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту.— ВДИ. 1951, № 2.— 9. Он же. Предыстория армянского народа. Ер., 1968.— 10. Он же. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949.— 11. Он же. Этнос и социальное деление в Ассирии.— СВ. 1958, № 6.— 12. Дьяконов И. М. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства [II].— ВДИ. 1952, № 4.— 13. Меликишвили Г. А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. I. Наири-Урарту. Тб., 1954.— 14. Янковская Н. Б. Аррапха — убежище Шаттивасы, сына Тушратты.— ВДИ. 1979, № 1.— 15. Она же. Землевладение большесемейных общин в клинописных источниках.— ВДИ. 1959, № 1.— 16. Она же. Календарь хурритской Аррапхи.— ВДИ. 1978, № 1.— 17. Она же. Клинописные тексты из Кюль-Тепе в собраниях СССР. М., 1968 (Памятники письменности Востока. XIV).— 18. Она же. Контрабанда в торговой общине Каниша.— Древний Восток. IV. Ер., 1985.— 19. Она же. Международное торговое объединение Каниша.— ВДИ. 1965, № 3.— 20. Она же. Новые данные к вопросу о межобластном разделении труда в древнем Двуречье.— Культурное наследие Востока. Л., 1985.— 21. Она же. Пища, переводчики, певчие хурритской Аррапхи.— ПерСб. IV. М., 1985.— 22. Она же. «Сыновья царя» и общинная администрация в хурритской Аррапхе.— ПерСб. III. М., 1979.— 23. Она же. Торговая община Каниша и свободный рынок.— Анатолия. М., 1984.— 24. Она же. Хурритская Аррапха.— ВДИ. 1957, № 1.— 25. Она же. Царские братья в родословной хурритских династов Аррапхи.— Культура Востока и раннее средневековье. Л., 1978.— 26. Она же. Юридические документы из Аррапхи в собраниях СССР*.— ПерСб. [I]. М., 1961.— 27. Andrae W. Das wiedererstandene Assur. Lpz., 1938.— 28. Он же. Die Stelenreihen von Assur. Lpz., 1913.— 29. Archi A., Pecorella P. E. e Salvini M. Gaziantep e la sua regione. Roma, 1971.— 30. Archives royales de Mari. P., 1946 [серия, издание продолжается].— 31. Beran Th. Assyrische Glyptik des 14. Jahrhunderts v. u. Z.— ZA. N. F. 1957, 52.— 32. Bittel K. Grundzüge der Vor- und Frühgeschichte Kleinasiens. Tübingen, 1950.— 33. Borger R. Einleitung in die assyrischen Königsinschriften. Leiden—Köln, 1961 (HbO. Abt. 1, Er. ganzungsbd. 5, Abschn. 1, Lief. 1).— 34. Bottéro J. (ed.). Le problème des Habiru à la 4e Rencontre assyriologique internationale. P., 1954 («Cahiers de la Société Asiatique», 12).— 35. Budge E. A. W. and King L. W. Annals of the Kings of Assyria. I. L., 1900.— 36. Caplice R. und Klengel H. Keilschriftbibliographie.— Or. N. S. 1932, 1. — 37. Cassin E. Pouvoirs de la femme et structures familiales.— RA. 1969, LXIII.— 38. Cassin E. et Glassner J.-J. Anthroponymie et Anthropologie de Nuzi. Malibu, California, 1977.— 39. Civilisation de Mari, XVe Rencontre assyriologique internationale. Ed. by J.-R. Kupper. Liège, 1967.— 40. David M. und Ebeling E. Assyrische Rechtsurkunden. Stuttgart, 1929.— 41. Delitzsch F. Die Babylonische Chronik nebst einem Anhang über die Synchronistische Geschichte. P.— Lpz., 1906.— 42. Dietrich M., Loretz O. und Mayer W. Nuzi-Bibliographie.— AOAT. 1972, 11.— 43. Dossin G. [обзоры исторических данных из Мари в:] — RA. 1939, XXXVI; «Syria». P., 1938, 1939, 19, 20.— 44. Driver G. R. and Miles J. C. The Assyrian Laws. Ox., 1935.— 45. Ebeling E. Bruchstück eines politischen Propagandagedichtes aus eines assyrischen Kanzlei. Lpz., 1938 (MAOG. XII, 2).— 46. Он же. Ein Heldengedicht auf Tiglatpileser I.— Or. N. S. 1949, 18.— 47. Он же. Urkunden des Archivs von Assur. Lpz., 1933 (MAOG. VII, 1—2).— 48. Ebeling E., Meissner B. und Weidner E. F. Die In-

* Большинство других документов из Нузы и Аррапхи изданы только в прорисовках, в сериях: «Joint Expedition with the Iraq Museum at Nuzi» (Paris — Philadelphia) и HSS. Тексты с переводом также см.: RA. 1926, XXIII; AASOR, 1936, XVI; RA, 1962. LVI; «Genava», N. s. Genève. 1967, 15.

schriften der altassyrischen Könige. Lpz., 1926.— 49. Eichler B. L. Indenture at Nuzi. The Personal Tidennutu Contract and its Mesopotamian Analogues. New Haven, Conn. 1973 (YNER, 5). — 50. Eisser G. und Lewy J. Die altassyrischen Rechtsurkunden vom Kültepe, I—II.— MVÄG. 1930, 33, 1935, 35.— 51. Fadhil Abdulillah. Studien zur Topographie und Prosopographie der Provinzstädte des Königreiches Arraphe. Mainz am Rein, 1983.— 52. Finkelstein J. J. Cuneiform Texts from Tell Billa.— JCS. 1953, 7.— 53. Он же. The Genealogy of the Hammurapi Dynasty.— JCS. 1965, 20.— 54. Foster B. R. Administration of State Land at Sargonic Gasur.— OA. 1982, 21.— 55. Frankena R. Tākultu. De sacrale maaltijd in het assyrische ritueel. Leiden, 1954.— 56. Freydank H. Fernhandel und Warenpreise nach einer mittelassyrischen Urkunde des 12. Jahrhunderts v. u. Z.— SLANE.— 57. Он же. Mittelassyrische Rechtsurkunden und Verwaltungstexte. I—II. B., 1976, 1982 (VS, 19, 21).— 58. Он же. Zur Lage der deportierten Hurriter in Assyrien.— AF. 1980, 7.— 59. Freydank H. e Saporetti C. Nuove attestazioni dell'onomastica medioassira. Roma, 1979 (Incunabula Graeca, 74).— 60. Garelli P. Les assyriens en Cappadoce. P., 1963.— 61. Gelb I. J. Inscriptions from Alişar and Vicinity. Chicago, 1935.— 62. Он же. A Cappadocian Tablet Supposedly from the Neighbourhood of Carchemish.— «Studi in Onore di P. Meriggi» = «Athenaeum». N. s. Pavia. 1969, 46.— 63. Он же. The Early History of West Semitic Peoples.— JCS. 1961, 15.— 64. Он же. Hurrians and Subarians. Chicago, 1944.— 65. Он же. An Old Babylonian List of Amorites.— JAOS. 1968, 88, 1.— 66. Он же. Two Assyrian King Lists.— JNES. 1954, XIII.— 67. Gelb I. J. and Sollberger E. The First Legal Document from the Later Old Assyrian Period.— JNES. 1957, XVI.— 68. Giorgadze G. Einige Bemerkungen zum hethitischen Text KUB 48, 105.— SLANE.— 69. Hirsch H. Untersuchungen zur altassyrischen Religion. 2. vermehrte Ausg. Osnabrück, 1972 (AfO, Beiheft 13/14).— 70. Imparati F. I Hurriti. Firenze, 1964 [ср. рец. Г. Гиоргадзе: ВДИ. 1968, № 1].— 71. Jankowska N. B. Communal Self-Government and the King of the State of Arrapḫa.— JESHO. 1969, XII.— 72. Она же. Extended Family Commune and Civil Self-Government in Arrapha.— Ancient Mesopotamia. Socio-economic History. Ed. I. M. Diakonoff. Moscow, 1969.— 73. Она же. Zur Geschichte der hurritischen Gesellschaft (auf Grund von Rechtsurkunden aus Arrapḫa).— «Труды XXV MKB». I. M., 1962.— 74. Keilinschriftliche Bibliothek. I. Ed. by E. Schrader. B., 1889. [Публикация «Синхронической истории».] — 75. al-Khalesi Yasin Mahmoud. Tell al-Fakhar (Kurruhanni) a dimtu-Settlement. Excavations Report.— «Assur». Malibu. 1977, 1.— 76. Khalil Ismail Bahija. Informationen über Tontafeln aus Tell-Ali.— Gesellschaft und Kultur im Alten Vorderasien. B., 1982 (Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients, 15).— 77. Khalil Ismail Bahija und Müller. M. Einige bemerkenswerte Urkunden aus Tell al-Faḫḫār zur altmesopotamischen Rechts-Sozial- und Wirtschaftsgeschichte.— WdO. 1977, 9.— 78. Koschaker P. Neue keilschriftliche Rechtsurkunden aus der El-Amarna-Zeit. Lpz., 1928 (SSAW, XXXIV, 5).— 79. Lacheman E. R. Tablets from Arraphe and Nuzi in the Iraq Museum.— «Sumer». Baghdad. 1976, 32.— 80. Он же. The Word *šudutu* in the Nuzi Tablets.— «Труды XXV MKB». I. M., 1962.— 81. Laessøe J. The Shemshāra Tablets. A Preliminary Report. Copenhagen, 1959.— 82. Laroche E. Glossaire de la langue hourrite. P., 1980.— 83. Larsen M. T. The Old Assyrian City-State and its Colonies. Copenhagen, 1976.— 84. Он же. Your Money or Your Life. A Portrait of an Assyrian Businessman.— SLANE.— 85. Leemans W. F. Quelques remarques à propos d'une étude sur tidennūtu personelle a Nuza.— YESHO. 1976, 19.— 86. Lewy H. A Contribution to the Historical Geography of the Nuzi Texts.— JAOS. 1968, 88, 1.— 87. Он же. The Synchronisms Assyria — Eshnunna — Babylon.— WdO. 1959, 2, 5/6.— 88. Он же. On Some Institutions of the Old Assyrian Empire.— «Hebrew Union College Annual». 1956, 27.— 89. Lipin L. Assyrian Family in Second Half of the Second Millennium B. C.— CHM. VI, 1961.— 90. Loretz O. Texte aus Chagar Bazar und Tell Brak. Kevelaer — Neukirchen — Vluyn, 1969 (AOAT, 3/1).— 91. Luckenbill D. D. Ancient Records of Assyria and Babylonia. I. Chicago, 1926.— 92. Łyozkowska K. Quelques remarques sur trois documents cappadoci-

ens.— Travaux de Centre d'archéologie méditerranéenne de l'Académie Polonaise des Sciences. X. Études et travaux, IV. Varsovie [s. a.].— 93. Machinist P. Provincial Governance in Middle Assyria and Some New Texts from Yale.— «Assur», Malibu, 1982, 3.— 94. Maidman M. P. The Tehip-tilla Family of Nuzi. A Genealogical Reconstruction.— JCS. 1976, 28.— 95. Он же. A Nuzi Private Archive Morphological Considerations.— «Assur». Malibu, 1979, 1.— 96. Malamat A. Syro-Palestinian Destinations in a Mari Tin Inventory.— IEJ. 1970, 21.— 97. Matouš L. Der Streit um den Nachlass des Puzur-Aššur.— ArOr. 1969, 37.— 98. Matous L. und Matousova-Rajmova M. Kappadokische keilschrifttafeln mit Siegeln aus den Sammlungen der Karlsuniversität in Prag. Praha, 1984.— 99. Maver W. Nuzi-Texte aus dem British Museum.— «Ugarit-Forschungen». Kevelaer, Neukirchen-Vluyn.— 100. Он же. Nuzi-Studien I. Die Archive des Palastes und die Prosopographie der Berufe. Kevelaer, 1978 (AOAT, 205/1).— 101. Morrison M. A. The Family of Silwa-Tešub mār šarri.— JCS. 1979, 31.— 102. Morrison M. A. and Owen D. I. Studies on the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians in Honour of Ernest R. Lacheman on his Seventy-Fifth Birthday. April 29, 1981. Winona Lake. L. 1981.— 103. Müller M. Gold, Silber und Blei als Wertmesser in Mesopotamien während der zweiten Hälfte des 2. Jahrtausends v. u. Z.— SLANE.— 104. Nashef Khaled. Répértoire Geographique des Textes Cuneiformes. Bd 5. Die Orts- und Gewässernamen der mittelbabylonischen und mittelassyrischen Zeit. Wiesbaden, 1982.— 105. Negri S. P. A proposito del termine kasku dei testi di Nuza.— OA. 1982, 21.— 106. Özgüç T. Early Anatolian Archaeology in the Light of Recent Research.— «Anatolia». Ankara, 1963, VII.— 107. Postgate J. N. Ilku and Land Tenure in the Middle Assyrian Kingdom — a Second Attempt.— SLANE.— 108. Postgate J. N. Land Tenure in the Middle Assyrian Period: a Reconstruction.— BSOAS. 1971, 34, 3.— 109. Saporetti C. Gli eponimi medioassiri. Malibu. 1979 (Bibliotheca Mesopotamica, 9).— 110. Он же. Una deportazione al tempo di Salmanasar I.— RRAL. Cl. morali, storiche e filol. Ser VIII. 1970, 25.— 111. Sasson J. M. Hurrian Personal Names in the Rimah Archives.— «Assur». Malibu, 1979, 2.— 112. Speiser E. A. The Hurrian Participation in the Civilizations of Mesopotamia, Syria and Palestine.— CHM. I. 1954.— 113. Он же. New Kirkuk Documents relating to Family Law. New Haven, 1930 (AASOR, X). [Ср. дискуссию и новые материалы: он же.— JAOS. 1932; Lewy H.— Or. N. S. 1942, 11; Purves P. M.— JNES. 1945, IV, и др.].— 114. Starr R. F. S. Nuzi. I—II, Cambridge (Mass.), 1937—1939. [Отчет о раскопках].— 115. Steele F. R. Nuzi Real Estate Transactions.— New Haven, 1943.— 116. Ungnad A. Subartu. B.— Lpz., 1936.— 117. Veenhof K. R. Aspects of Old Assyrian Trade and its Terminology. Leiden, 1972.— 118. Weidner E. F. Chronik P.— MVÄG. 1917, XX, 4.— 119. Он же. Die Inschriften Tukulti-Ninurtas I und seiner Nachfolger. Graz, 1959, (AfO. Beiheft 12).— 120. Wilhelm G. Das Archiv des Silwa Teššup. H. 2: Rationenlisten I. Wiesbaden, 1980.— 121. Он же. Grundzüge des Geschichte und Kultur der Hurriter. Darmstadt, 1982.— 122. Zaccagnini C. A. Nuzi Type Loan-Contract.— RA, 1983, 77.— 123. Он же. Notes on the Nuzi Surface Measures.— «Ugarit-Forshungen». Kevelaer, Neukirchen — Vluyn, 1979, 11.— 124. Он же. Pferde und Streitwagen in Nuzi. Bemerkungen zur Technologie.— Jahrbuch des Instituts für Vorgeschichte der Universität Frankfurt/Main. Frankfurt/Main, 1977.— 125. Он же. The Rural Landscape of the Land of Arraphe. Roma, 1979 (Quaderni di Geografia Storica, 1). См. также: История древнего Востока. Ч. I. М., 1983. Библиография к гл. II—VII.

Глава II

В 1906—1907 гг. в ходе раскопок немецкого археолога Г. Винклера в Богазкёе, в 150 км от Анкары, была обнаружена столица Хеттского царства Хаттуса и найдены клинописные архивы хеттских царей XIV—XIII вв. до н. э., содержавшие огромную массу документов на неизвестных языках, а также дипломатическую переписку и другие документы на аккадском языке.

В 1915 г. чешский ученый Б. Грозный доказал принадлежность языка хеттов, на котором было написано большинство найденных текстов, к индоевропейской семье и интерпретировал этот язык. Работы Б. Грозного (F. H r o z n ý. Die Lösung des hethitischen Problems. Ein vorläufiger Bericht.— MDOG. 1915, 56; о н ж е. Die Sprache der Hethiter, ihre Bau und ihre Zugehörigheit zum indogermanischen Sprachstamm. Lpz., 1917) составили эпоху как в востоковедении, так и в индоевропеистике.

В 1919 г. были определены и другие языки богазкёйского архива, родственные хеттскому: палайский и лувийский, язык доиндоевропейского населения Анатолии — хаттский (впоследствии оказалось, что к хаттам, по-видимому, в значительной мере восходят основные черты хеттской культуры) *. Открытие многочисленных языков богазкёйского архива принадлежит швейцарскому востоковеду Э. Форреру (E. F o r r e r. Die acht Sprachen der Boghazköi = Inschriften.— SPAW. Phil.-hist. Kl. 1919; о н ж е. Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches.— ZDMG. 1922, 76). Еще один неиндоевропейский язык богазкёйского архива был определен Б. Грозным и Э. Форрером как хурритский. (Ныне существуют грамматические и словарные пособия по большинству этих языков **.) Хеттология стала быстро развиваться. Были учреждены и поныне продолжающиеся серии изданий клинописных текстов в автографиях (прорисовках) ***, начали издаваться отдельные сборники клинописных текстов в автографиях **** и в транслитерации *****, появились многочисленные публикации отдельных текстов в транслитерации с переводом и комментарием (см. библиографию). В научный оборот введены также данные дешифрованных в послевоенный период лувийских иероглифических надписей (почти исключительно посвятительных) ******.

---

* О хаттах и их роли см.: В. Г. А р д з и н б а. Хаттские истоки социальной организации древнехеттского общества. М., 1971 (автореф. канд. дисс.); И. М. Д у н а е в с к а я. О структурном сходстве хаттского языка с языками северо-западного Кавказа.— «Исследования по истории культуры народов Востока». Сб. в честь акад. И. А. Орбели. М.— Л., 1960; Т. В. Г а м к р е л и д з е. О некоторых неиндоевропейских элементах в хеттском (неситском) языке.— «Сообщения АН Груз. ССР». 1956, XVII, 5.

** J. F r i e d r i c h. Hethitisches Elementarbuch. 2. Aufl. Heidelberg, 1967; О н ж е. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952, с тремя дополнительными выпусками — Ergänzungshefte 1—3. Heidelberg, 1957—1966; В. В. И в а н о в. Хеттский язык. М., 1963; E. L a r o c h e. Dictionnaire de la langue louvite. P., 1959 (там же краткая грамматика лувийского языка); O. C a r r u b a. Das Palaische Texte, Grammatik, Lexikon. Wiesbaden, 1970 (StBoT, 10); И. М. Д у н а е в с к а я. Язык хаттских иероглифов. М., 1969. Очерк хеттского языка и систематическое сопоставление его с лувийским, палайским и иероглифическим лувийским содержится в статье: A. K a m m e n h u b e r. Hethitisch, Palaisch, Luwisch und Hieroglyphenluwisch.— HbO. Abt. 1, Bd. II, Abschn. 1, 2, Lief. 2. Leiden — Köln, 1969. О хаттском языке см.: A. K a m m e n h u b e r. Das Hattische. HbO, Abt. 1, Bb. 2, Abschn. 1, 2, Lief. 2, 1969; И. М. Дунаевская. Принципы структуры хаттского (протохеттского) глагола.— Пер. Сб. [I], 1961; о хурритском: E. A. S p e i s e r. Introduction to Hurrian. New Haven, 1941; I. M. D i a k o n o f f. Hurrisch und Urartäisch. München, 1971.

*** «Keilschrifturkunden aus Boghazköi». I—XLII. B., 1921 и сл.; «Keilschrifttexte aus Boghazköi». Hft. 1—6. Lpz., 1916—1921; Hft. 7—20. B., 1954 и сл.; «İstanbul Arkeoloji Müzelerinde bulunan Boğazköy tabletlerinden seçme metinler. I—III. İstanbul, 1944—1954.

**** L. W. K i n g. Hittite Texts in the Cuneiform Characters in the British Museum. L., 1920; A. G ö t z e. Zerstreute Boghazköi-Texte. Marburg, 1930; E. H. S t u r t e v a n t and G. B e c h t e l. A Hittite Chrestomathy. Philadelphia, 1935; K. B a l k a n. Ankara Arkeoloji Müzesinde bulunan Boğazköy = tabletleri. İstanbul, 1948; J. F r i e d r i c h. Hethitisches Keilschrift-Lesebuch. I. Heidelberg, 1960.

***** E. F o r r e r. Die Boghazköi-Texte in Umschrift. Bd. 1—2. Lpz., 1922—1925; E. L a r o c h e. Fragments hittites de Genève.— RA. 1951, XLV; 1952; XIVI; J. F r i e d r i c h. Hethitisches Elementarbuch. I. Heidelberg, 1967; E. L a r o c h e. Textes muthologiques hittites en transcription.— RHA. 1965, 77; 1968, 92; H. O t t e n. Luvische Texte in Umschrift. B., 1953; O. C a r r u b a. Das Palaische: Texte, Grammatik. Lexikon. Wiesbaden, 1970 (StBoT, 10).

****** Библиографию изданий лувийских иероглифических памятников и исследований по языку см. в кн.: И. М. Д у н а е в с к а я. Язык хеттских иероглифов. М., 1969.

В настоящее время существуют хорошие грамматические описания и словари хетто-лувийских языков, исследуется трудно интерпретируемый хаттский язык *. Надежным пособием для чтения клинописных текстов является составленный И. Фридрихом свод клинописных знаков (J. F r i e d r i c h. Hethitisches Keilschrift-Lesebuch. II. Heidelberg, 1960).

Приводимая ниже библиография охватывает наиболее важные публикации хеттских текстов различного характера с переводами и комментариями, а также основную литературу по вопросам истории, экономики, социальной организации, религии и искусства хеттского общества.

Следуя библиографическим указаниям, читатель сможет получить подробную информацию по ряду проблем, лишь упомянутых в данной главе ввиду ее ограниченного объема. В библиографию не включены работы, затрагивающие собственно лингвистическую проблематику, за исключением нескольких, непосредственно связанных с текстом главы.

С самого начала изучения хеттских памятников встал вопрос о соотношениях и связях хеттской «клинописной» культуры не только с Передней Азией — они были очевидны,— но и с эгейским миром, с цивилизацией Трои, Микен и Крита. В 20—30-х годах XX в. завязалась горячая полемика, и окончательные выводы не сделаны до сих пор; однако ясно, что хетты и другие малоазийские народы наряду с финикийцами сыграли роль моста между древними ближневосточными цивилизациями и нарождающейся греческой культурой.

В настоящее время в центре внимания хеттологической историографии стоят хронологические проблемы и вопросы датировки различных источников.

1. А р д з и н б а В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.— 2. Г и о р г а д з е Г. Г. Борьба хеттов за Северную Сирию.— ВДИ. 1964, № 1.— 3. О н ж е. К вопросу о локализации и языковой структуре каскских этнических и географических названий.— ПерСб. [I]. М., 1961.— 4. О н ж е. Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства. Тб., 1973.— 5. О н ж е. «Текст Аниты» и некоторые вопросы ранней истории хеттов.— ВДИ. 1965, № 4.— 6. О н ж е. Хеттское царство.— В кн.: История древнего мира. 1. М., 1982.— 7. О н ж е. Хетты и хурриты по древнехеттским текстам.— ВДИ. 1969, № 1.— 8. З л а т к о в с к а я Т. Д. У истоков европейской культуры (Троя, Крит, Микены). М., 1961.— 9. Г ю т е р б о к Г. Г. Хеттская мифология.— В кн.: Мифология древнего мира. М., 1977.— 10. Д о в г я л о Г. И. К истории возникновения государства. На материале хеттских клинописных текстов. Минск, 1968. [О принципах престолонаследия у хеттов: ср. дискуссию: Г и о р г а д з е Г. Г.— ВДИ. 1969, № 4; Вопросы древней истории. Тб., 1970 («Кавказско-ближневосточный сборник», III); R i e m s c h n e i d e r K. K. Beiträge zur socialen Struktur des Alten Vorderasiens. B., 1971 («Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients», 1)].— 11. Д ь я к о н о в = 1, 12.— 12. И в а н о в В. В. Луна, упавшая с неба. Древняя литература Азии. М., 1980.— 13. О н ж е. Происхождение и история хеттского термина *panku*-«собрание».— ВДИ. 1957, № 4; 1958, № 1.— 14. О н ж е. Хеттский язык. М., 1963.— 15. Л е н ц м а н Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963.— 16. Л у р ь е С. Я. Язык и культура микенской Греции. М.— Л., 1957.— 17. М е л и к и ш в и л и Г. А. Возникновение Хеттского царства и проблемы древнейшего населения Закавказья.— ВДИ. 1965, № 1.— 18. М е н а б д е Э. А. Хеттское общество. Экономика, собственность, семья и наследование. Тб., 1965. [Ср. рец.: Я к о б с о н В. А.— ВДИ. 1969, № 4.] — 19. П а п а з о г л у Ф. К вопросу о преемственности общественного строя в микенской и гомеровской Греции.— ВДИ. 1961, № 1.— 20. П е н д л ь б е р и Дж. Археология Крита. М., 1950.— 21. Ш и л е й к о В. К. Фрагмент из Богазкёя в собрании Лихачева.— ЗВОРАО. XXV, 1921 [отрывок наиболее полной версии договора

* A. K a m m e n h u b e r. Das Hattische. Leiden — Köln, 1962 (HbO. Abt. 1, Bd 2, Abschn. 2, Lief. 2).

хеттов с Египтом].— 22. A k u r g a l E. und H i r m e r M. Die Kunst der Hethiter München, 1961.— 23. A l i n P. Das Ende der mykenischen Fundstätten auf dem griechischen Festland. Lund, 1962.— 24. A l p S. Die soziale Klasse der NAM. RA-Leute. Heidelberg, 1950 (JKF, 1).— 25. B i t t e l = I, 32.— 26. Он же. Hattusha: the Capital of the Hittites. Leiden, 1970.— 27. B l e g e n C. W. Troy and the Trojans. L., 1963.— 28. Buck R. J. The Minoan Thalassocracy.— «Historia». Wiesbaden. 1961, 11.— 29. C a v a l i e r M. Les cultures préhistoriques des îles éoliennes et leur rapport avec le monde égéen.— «Bulletin de correspondance hellénique». P. 1960, 84.— 30. D e s b o r o u g h V. R. d'A. The Last Mycenaeans and Their Successors. Ox., 1964.— 31. D i a k o n o f f I. M. Die hethitische Gesellschaft.— MIO. 1967, XIII, 3.— 32. F i n l e y M. I. The Trojan War.— JHS. 1964, 84 [там же дискуссия].— 33. F r i e d r i c h J. Die Hethitischen Gesetze. Leiden, 1959 («Documenta et Monumenta Orientis Antiqui», VII). [Рец. и поправки: K o r o š e c V.— «Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Romanistische Abt.». 1960, 77; G ü t e r b o c k H. G.— JCS. 1961, 15; K a m m e n h u b e r A.— BiOr. 1961, 18; S o u č e k V.— OLZ. 1961, 56; C a r r u b a O. et al.— ArOr. 1965, 33.] — 34. G a r s t a n g J. and G u r n e y O. R. The Geography of the Hittite Empire. L., 1959.— 35. G o e t z e A. Kleinasien. Aufl. 2. München, 1957 [указаны все издания текстов исторического значения до 1950 г.].— 36. Он же. The Predecessors of Šuppiluliumaš of Hatti and the Chronology of the Ancient Near East.— JCS. 1968, 22. [Реплика Г. Гютербока: JNES. 1970, XXIX.] — 37. G u r n e y O. R. The Hittites. 2. ed. Harmondsworth, 1969.— 38. G ü t e r b o c k H. G. The Deeds of Suppiluliuma as Told by his son Mursili II.— JCS. 1956, 10.— 39. Он же. Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei den Babyloniern und Hethitern bis 1200.— ZA. N. F. 1938, 10.— 40. Он же. The Hurrian Element in the Hittite Empire.— CHM. II, 1954.— 41. Он же. Mursili's Account of Suppiluliuma's Dealings with Egypt.— RHA. 1960, XVIII.— 42. Он же. Neue Texte zur Geschichte Suppiluliumas.— IGF. 1960, LX.— 43. Он же. The North-Central Area of Hittite Anatolia.— JNES. 1961, XX.— 44. Он же. A View of Hittite Literature.— JAOS. 1964, 84, 2.— 45. H a a s V. Der Kult von Nerik. Roma, 1970.— 46. H e l c k = IV—X, 66.— 47. Он же. Urḫi-Tesup in Ägypten.— JCS. 1962, 19.— 48. H o u w i n k t e n C a t e Ph. H. J. The Records of the Early Hittite Empire (c. 1450—1380). Leiden, 1970 («Het Nabije Oosten», 26).— 49. H u t c h i n s o n R. W. Prehistoric Crete. Harmondsworth, 1962.— 50. I m p a r a t i F., S a p o r e t t i C. L'autobiografia di Hattusili I.— SCO. 1965, 14.— 51. J a k o b - R o s t L. Beiträge zum hethitischen Hofzeremoniell.— MIO. 1966, XI, 2.— 52. K a r o G. Die Schachtgräber von Mykenai. I — II. München, 1930—1933.— 53. K e s t e m o n t G. La politique économique du Nouvel Empire hittite.— STE, II.— 54. K i l l e n J. T. The Wool Industry of Crete in the Late Bronze Age.— «Annual Report of the British School of Archaeology at Athens». L., 1964, 59.— 55. K i t c h e n K. A. Suppiluliuma and the Amarna Pharaohs. Liverpool, 1962.— 56. K l e n g e l = III, 60.— 57. K l e n g e l E. und H. Die Hethiter und ihre Nachbarn. Eine Kulturgeschichte Kleinasiens von Çatal Hüyük bis zu Alexander dem Grossen. Lpz., 1968.— 58. K o r o š e c V. Nekaj problemov iz hetitskega prava [Some Problems of Hittite Law].— «Sbornik znanstvenih razprav pravno-ekon. fakulte Universe v Ljubljani». Ljubljani, 1955, 25.— 59. L a n g d o n S. and G a r d i n e r A. H. The Treaty of Alliance between Hattusili, King of the Hittites, and the Pharaoh Ramesses II of Egypt.— JEA. 1920, 6; cp. MVÄG. 1902, VII, 5.— 60. L a r o c h e E. Catalogue des textes hittites. 2. ed. P., 1971.— 61. Он же. Les dieux de Yazilikaya.— RHA. 1969, XXVII.— 62. Он же. Suppiluliuma II.— RA. 1953, XLVII.— 63. L e v i D. Per una nuova classificazione della civilta minoica.— «La Parola del Passato». Napoli, 1960, 15.— 64. M a r i n a t o s S. und H i r m e r M. Kreta, Thera und das mykenische Hellas. München, 1973.— 65. M a t z F. Kreta, Mykene, Troja. Aufl. 2. Stuttgart, 1956.— 66. N a u m a n n R. Architektur Kleinasiens von den Anfängen bis zum Ende der hethitischen Zeit. Tübingen, 1955.— 67. Neuere Hethiterforschung. Hrsg. v. G. Walser. Wiesbaden, 1964 («Historia». Einzelschriften, 7) [ст. А. Гётце, Х. Г. Гютербока, Э. фон Шулера и др.].— 68. O t t e n H. Ein althethitischer Vertrag mit Kizzuwat-

na.— JCS. 1951, 5.— 69. Он же. Das hethitische Felsheiligtum von Yazilikaya. — «Das Altertum». B., 1956, 2.— 70. Он же. Ein Brief aus Hattuša an Babu-aḫu-iddina.— AfO. 1959/60, XIX.— 71. Он же. Die hethitischen historischen Quellen und die altorientalische Chronologie. Mainz, 1968 («Akademie der Wissenschaften in Mainz, Abh. der Geistes- und Sozialwissenschaftliche Kl.», № 3). [См. дискуссию: Carruba O.— ZDMG. Supplementa I, XVII. Deutscher Orientalistentag, Vorträge, 1969, 1; Otten H.— StBoT, 1969, 11; Kammenhuber A.— «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung». 1969, 83; 2; Or. 1970, 39, «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft». 1971, 29; ср. Гиоргадзе Г. Г.— ВДИ. 1971, № 3].— 72. Он же. Korrespondenz mit Tukulti = Ninurta I. aus Boğazköy.— В кн.: I, 74.— 73. Он же. Neue Quellen zum Ausklang des Hethitischen Reiches.— MDOG. 1963, 94.— 74. Он же. Die Religionen des alten Kleinasiens. Leiden — Köln, 1964 (HbO. Abt. 1, Bd VIII, Abschn. 1, Lief. 1).— 75. Otten H. und Souček V. Das Gelübde der Königin Puduḫepa an die Göttin Lelwani. Wiesbaden, 1965 (StBoT, 1).— 76. Они же. Neue hethitische Gesetzfragmente aus dem Grossen Tempel.— AfO. 1966, XXI.— 77. Palmer L. R. and Boardman J. On the Knossos Tablets. Ox., 1963.— 78. Riemschneider K. K. Die hethitischen Landschenkungsurkunden.— MIO. 1958, VI.— 79. Он же. Zum Lehnswesen bei den Hethitern.— ArOr. 1965, 33.— 80. Rowton M. B. The Background of the Treaty between Ramesses II and Hattusilis III.— JCS. 1959, 13.— 81. Schachermeyr F. Die minoische Kultur des alten Kreta. Stuttgart, 1964.— 82. Schuler E. von. Die hethitischen Dienstanweisungen. Graz, 1957 (AfO, Beiheft 10).— 83. Он же. Die Kaškäer. B., 1965. [Ср. Гиоргадзе = II, 3].— 84. Sommer F. Die Aḫḫijawā-Urkunden. München, 1932.— 85. Sommer F. und Falkenstein A. Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattusili I (Labarna II). München, 1938.— 86. Souček V. Die hethitischen Feldertexte.— ArOr. 1959, 27.— 87. Starr C. G. The Myth of the Minoan Thalassocracy.— «Historia». Wiesbaden, 1955, 3.— 88. Steiner G. Die Aḫḫijawā-Frage heute.— «Saeculum». Freiburg — München. 1964, 15.— 89. Taylour W. Lord. The Mycenaeans. L., 1964.— 90. Ventris M. and Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1956.— 91. Vermeule E. Greece in the Bronze Age. Chicago — London, 1964.— 92. Werner R. Die hethitischen Gerichtsprotokolle. Wiesbaden, 1967 (StBoT, 4).— 93. Zervos C. L'art des Cyclades du début à la fin de l'âge du bronze, 2500—1100 av. n. è. P., 1957.

Глава III

Вплоть до конца XIX в. о древней истории Сирии и Финикии было известно лишь из случайных и разрозненных сведений античных авторов (вероятно, существовавшие подлинные финикийские исторические сочинения до нас не дошли), а о древней истории Палестины — только из Библии.

Библия — Священное писание христиан,— как известно, состоит из собственно христианского Нового завета, т. е. «нового договора (людей с богом)» и из Ветхого завета — полного перевода священного канона иудейской религии и некоторых иудейских неканонических книг. Иудейский же (древнееврейский) канон состоит из трех отделов — Закона (Торы, или Пятикнижия), Пророков и Писаний — и включает самые различные по своему содержанию литературные произведения: мифы и легенды о прошлом человечества, и еврейского народа в особенности, исторические книги — древнейшие в мире образцы художественной прозы в собственном смысле слова *,— посвященные событиям жизни Палестины с XIII по V в. до н. э., отрывки эпоса, ритмизованные речи политических проповедников (так называемых пророков), свадебно-любовную лирику, нравственные и правовые установления, притчи, молитвы (псал-

* Ассирийские и хеттские царские анналы II — начала I тысячелетия до н. э. отчасти стояли за пределами художественной литературы, отчасти представляли собой не «чистую», а ритмизованную прозу. То же верно в отношении египетских (и хеттских) автобиографий, поучений, египетских «сказок» и т. п.

мы), памятники философствующей поэзии и т. д. Словом, это целая древняя литература, очень разная как по своей исторической достоверности, так и по художественным достоинствам.

Древневосточные писцовые школы всегда стремились к созданию более или менее замкнутого письменного канона, служившего одновременно и цели обучения грамоте, и цели воспитания в чтецах и слушателях определенного круга убеждений и знаний. Подобного рода канон, по-видимому, начал складываться и в Палестине со времени образования Израильского и Иудейского царств в начале I тысячелетия до н. э. Но своим нынешним характером библейский канон обязан «пророческому движению», возникшему в IX—VIII вв. до н. э. Если древнейшие «пророки» были своего рода шаманами, то с этого времени под их названием стали выступать религиозно-этические и политические проповедники, отстаивавшие идею «союза», или «договора» («завета»), израильских племен с одним лишь богом Яхве (которого к концу VIII в. до н. э. они даже стали вообще считать единственным в мире настоящим богом); пророки выступали против крайностей рабовладельческой эксплуатации соотечественников соотечественниками — эксплуатация, как таковая, считалась сама собой разумеющейся. В период с IX по VI в. до н. э. помимо пророческих речей, частично сохранившихся в Библии и нередко содержащих данные о конкретных политических событиях дня, были написаны мифологические, этико-законодательные, псевдоисторические и исторические повествования той же идеологии, составившие в конце концов Книгу Бытия, Книгу Исход, Книгу Левит, Книгу Чисел и Книгу Второзаконие (эти книги вошли в Тору и по традиции приписываются Моисею, вождю израильских племен во время их странствий в пустыне в XIII в.; на самом деле они сложились в окончательном виде, включив более древний материал, вероятно, не ранее VIII в. до н. э., а Второзаконие — даже в конце VII в.); таким же образом и приблизительно тогда же были созданы Книга Иисуса Навина и Книга Судей, описывающие историю XIII—XI вв. до н. э., и другие исторические сочинения, относящиеся к более позднему времени. Вместе с речами они составляют раздел канона, названный Пророки; что касается Писаний, в которые отнесены наиболее замечательные художественные произведения, сохранившиеся в Библии, то все они датируются еще более поздним временем и не касаются рассматриваемой нами эпохи.

Материалом для составителей перечисленных книг Библии послужили племенные родословия, которые у кочевых, а отчасти и у оседлых скотоводов нередко держатся в памяти на протяжении многих поколений (хотя, конечно, с каждым более давним поколением достоверность устно сохраняемых о нем известий уменьшается); племенные мифы и легенды, эпос (отрывки из него прямо приводятся в некоторых библейских книгах) и некоторые более или менее достоверные предания; но многое взято не непосредственно из фольклора, а, по-видимому, из летописей и книг; однако и по устным известиям были записаны довольно верно некоторые очень древние обычаи, пути древних переселений и т. п.

Самый ранний датируемый отрывок Ветхого завета можно отнести к XIII в. н. э., самый поздний — к III в. до н. э.

Ветхий завет, являясь Священным писанием как для иудеев, так и для христиан самых различных толков и до известной степени почитаемый также мусульманами, долго не мог быть подвергнут вполне объективному научному изучению в качестве исторического источника: богословы и религиозно настроенные ученые видели в нем книгу особого рода, вдохновленную духом божьим, и всегда ожесточенно сопротивлялись всякому его историческому и источниковедческому анализу; антирелигиозники были склонны сгоряча отрицать всякую историческую ценность этого источника. Если не считать отдельных критических высказываний XVII — XVIII вв., начало научной критике Библии и выяснению ее источников было положено немецкими философами и «левыми» протестантскими богословами XIX в., особенно работой Ю. Веллгаузена «Введение в историю Израиля» (1878 г., русский перевод 1908 г.). Однако критицизм веллгаузеновской школы постепенно выродился в надуманные и взаимно противоречащие кабинетные «поправки» к традиционному тексту; дело доходило до того, что одно предположение разделяли на три-четыре «источника» и при этом «ис-

правляли» в нем по нескольку слов, фактически ничего не оставляя от текста, кроме собственных домыслов. Конец господству гиперкритицизма положила находка рукописей в Кумране, у Мертвого моря, которые доказали, что текст книг Ветхого завета уже во II в. до н. э. ни в чем существенном не отличался от нынешнего (между тем окончательное «закрытие» ветхозаветного канона произошло лишь позже, в 100 г. н. э.).

Это не значит, конечно, что библейские исторические повествования сами по себе история, как ее понимает современная наука: прежде всего, древние авторы не имели понятия об исторической критике источников; кроме того, в канон уже в древности было отобрано только то, что не противоречило монотеистическому религиозному учению пророков и интересам сначала позднего иудейского государства (VII—VI вв. до н. э.), затем иерусалимской гражданско-храмовой общины (V—IV вв. до н. э. и позже); в этом же духе кое-что, видимо, было переработано; однако сейчас мы в состоянии проверить многие сообщения Библии (во всяком случае, те, которые относятся ко времени от XII в. до н. э. и позже) данными бурно развившейся за последние десятилетия археологии Палестины и соседних стран, а также письменными сообщениями соседних древневосточных народов. Эти известия стали доступными за последние сто лет, а интенсивное археологическое изучение Палестины началось с конца 20-х годов XX в., в том числе раскапывались городища со слоями II тысячелетия до н. э.: Лакиш, Мегиддо, Хацор и др. Таким образом, у нас есть возможность с известной уверенностью отбрасывать созданное религиозно-политической атмосферой начиная со времен «пророческого движения» и открывать то, что библейское предание донесло из подлинных событий и обстановки в Палестине и соседних странах времени до создания Израильского царства в конце XI в. до н. э.

Русский так называемый Синодальный перевод Библии, сделанный в XIX в., не соответствует уровню научных требований; научное издание древнееврейского оригинала — Biblia Hebraica под ред. Р. Киттеля (последнее издание с учетом кумранских рукописей — 1970 г.); для исследовательских целей лучше пользоваться комментированными изданиями отдельных библейских книг, например Э. А. Спейзера для Книги Бытия, Й. Кауфмана для Книги Иисуса Навина и Судей и т. п.

Изучение истории Финикии и Сирии II тысячелетия до н. э. началось лишь после 1886 г., когда в Эль-Амарне (в Египте) был найден известный дипломатический архив фараонов Аменхотепов III и IV. Долгое время народу с египетскими источниками данные амарнского архива оставались почти единственными касающимися Сирии и ханаанейской Палестины. В Финикии много материала дали ведущиеся с 1922 г. раскопки Библа (археологи П. Монтэ, М. Дюнан). Наиболее значительным событием явилось открытие в 1929 г. на мысе Рас-Шамра, на побережье Северной Сирии, древнего Угарита. На этом маленьком городище наряду с огромным чисто археологическим материалом были обнаружены храмовые и дворцовые архивы на угаритском, аккадском и хурритском языках. Угаритское письмо было дешифровано, а язык интерпретирован Г. Бауэром, Ш. Виролло и Э. Дормом в 1929—1930 гг. Раскопки, продолжающиеся с перерывами с 1929 г. под руководством Клода Шеффера, дали много источников по истории XIV—XIII вв. до н. э. Большое значение имеют также раскопки Л. Вулли в Телль-Атшане (древнем Алалахе). Здесь также найдено немало аккадоязычных документов XVII—XV вв. до н. э. Письменные материалы были обнаружены и в других районах Сирии — Телль-Мишрифе (Катна), Камид-аль-Лозе (Кумиду), Хама́, Телль-Мардихе и др. Имеют значение и архивы из Мари XIX—XVIII вв. до н. э., содержащие немало данных о Сирии, Финикии и Палестине того периода. Успехи археологии позволили начиная с 20-х годов перейти к более глубокому изучению истории также и III тысячелетия до н. э., хотя количество письменных источников по этому периоду остается по-прежнему очень скудным, а многое еще и не опубликовано.

С момента открытия основных источников III—II тысячелетия до н. э. прошло немного времени, но мы располагаем уже значительным числом исследований по данному периоду. В области политической истории в первую очередь следует отметить труды У. Ф. Олбрайта (США), М. Ливерани (Италия) и Х. Кленгеля (ГДР). Социаль-

ная же и правовая история разрабатывалась в основном в СССР (см.: ВДИ. 1967, № 2; 1968, № 3; Lietuvos TSSR Aukštųjų Mokslo Darbaj.— «Istorija». 1968, IX; 1969, X); а также М. Ливерани, О. Лорецем и К. Дитрихом (ФРГ) и Ш. Буайе (Франция).

Большие успехи сделаны в изучении угаритского языка, а также литературы этого древнего царства. Наибольшего внимания заслуживают работы У. Ф. Олбрайта и С. Х. Гордона (США), И. Айстлейтнера (Венргия) и О. Эйссфельдта (ГДР).

1. Винников И. Н. Надпись Ахирама Библского в новом освещении.— ВДИ. 1952. № 4.— 2. Гордон С. Ханаанейская мифология.— В кн.: Мифология древнего мира. М., 1977.— 3. Дьяконов И. М. Сирия, Финикия и Палестина в III—II тысячелетиях до н. э.— В кн.: История древнего мира. I. М., 1982.— 4. Он же. Языки древней Передней Азии. М., 1967 (гл. VII, § 1, 1; гл. VIII, § 1—2).— 5. Кинк = IV, 1.— 6. Коростовцев = VII — X, 18.— 7. Маттиэ П. и Дьяконов И. М. (ред.). Древняя Эбла (раскопки в Сирии). М., 1985.— 8. Шифман И. Ш. Из истории финикийской торговли в Греции во второй половине II тыс. до н. э. — Проблемы социально-экономической истории древнего мира. Сборник памяти А. И. Тюменева. М.— Л., 1963.— 9. Он же. Угаритское общество (XIX—XIII вв. до н. э.). М., 1982— 10. Янковская Н. Б. Общинное самоуправление в Угарите.— ВДИ. 1963, № 3.— 11. Aharoni Y. The Land of the Bible; A Historical Geography. Philadelphia, 1967.— 12. Он же. Introduction of the Tribes of Israel to the Upper Galilee. Jerusalem, 1957 (Hebrew).— 13. Aistleitner J. Die mythologischen und kultischen Texte aus Ras Schamra. Budapest, 1959.— 14. Albright W. F. Archaeology of Palestine. 2. ed. Harmondsworth, 1956.— 15. Он же. From the Stone Age to Christianity. 2. ed. N. Y., 1957.— 16. Он же. The Role of Canaanites in the History of Civilization.— The Bible and the Ancient Near East. L., 1961.— 17. Он же. Yahwe and the Gods of Canaan. L., 1968.— 18. Alt A. Kleine Schriften. I—III. München, 1959.— 19. Archaeology and Old Testament Studies. Ed. by D. Winston Thomas. Ox., 1967.— 20. Archi A. Testi amministrativi: assegnationi di tessuti.— ARET. I, 1983.— 21. Artzi P. «Vox Populi» in the El-Amarna-Tablets.— RA. 1964, LVIII.— 22. Astour M. C. Ma'ḫadu, the Harbor of Ugarit.— JESHO. 1970, XIII.— 23. Он же. The Partition of the Confederacy of Mukiš-Nuḫašše-Nii by Suppiluliuma.— Or. 1969, 38.— 24. Bar-Adon P. The Cave of the Treasure. The Finds from the Caves in Nahali Mishmar. Jerusalem, 1971.— 25. Barrois A.-G. Manuel d'archéologie biblique. I—II. P., 1939—1953.— 26. Biga M. G. e Milano L. Testi amministrativi: assegnationi di tessuti.— ARET. III, 1984. 27. Bottéro = I, 34.— 28. Buccellati G. The Amorites of the Ur III Period. Napoli, 1966.— 29. Он же. Cities and Nations of Ancient Syria. Roma, 1967.— 30. Bottéro J., Dahood M. J. e Caskel W. Le antiche divinità semitiche. Roma, 1958.— 31. Cagni L. (ed.). La lingue di Ebla. Napoli, 1981.— 32. Cagnot A., Sznycer M. et Herdner A. Textes Ougaritiques. I. P., 1974.— 33. Campbell E. F. Chronology of the Amarna Letters. Baltimore, 1964.— 34. Cross F. M. Canaanite Myth and Hebrew Epic. Essays in the History of the Religion of Israel. Cambridge, Mass., 1973.— 35. Del Olmo Lete G. Interpretacion de la mitologia cananea. Valencia, 1984.— 36. Dietrich M. und Loretz O. Die soziale Struktur von Alalaḫ und Ugarit.— WdO. 1966, 3; 1969, 5/1; «Ugarit-Forschungen». Kevelaer, Neukirchen-Vluyn, 1969, I; ZA. N. F. 1970. 26.— 37. Dietrich M., Loretz O. und Sanmartin J. Die keilalphabetische Texte aus Ugarit. Kevelaer, Neukirchen-Vluyn, 1976.— 38. Dunand M. Byblia grammata. Beyrouth, 1945.— 39. Он же. Fouilles de Byblos. I. P., 1937—1939.— 40. Dussaud R. L'art phénicienne du IIe millénaire. P., 1949.— 41. Edzard D. O. Verwaltungstexte verschiedenen Inhalts.— ARET. II, 1981.— 42. Edzard D. O., Hachmann R., Maiberger P. und Mansfeld G. Kamid el-Loz-Kumidi. Schriftdokumente aus Kamid el-Loz. Roma, 1970.— 43. Eissfeldt O. Einleitung in das Alte Testament. Aufl. 3. Tübingen, 1964.— 44. Он же. Kleine Schriften. II. Tübingen, 1963.— 45. Encyclopaedia Biblica. I. Jerusalem, 1950 (Hebraice). [Издание не закончено].— 46. Gelb I. J. A Study of Writing. The Foundations of Grammatology. L., 1952.— 47. Он же.= I, 63.— 48. Он же. Thoughts about Ebla: A Preliminary Evaluation

March, 1977.— «Monographic Journals of the Near East: Syro-Mesopotamian Studies». 1/1. Malibu, 1977.— 49. Он же. With the assistance Computer-Aided Analysis of Amorite.— AS. 1980, № 21.— 50. Gibson J. C. L. Canaanite Myths and Legends. Edinburgh, 1978.— 51. Glueck N. The Other Side of the Jordan. Philadelphia, 1945.— 52. Gordon C. H. Ugaritic Textbook. Roma, 1966.— 53. Gray J. The Legacy of Canaan. The Ras Shamra Texts and their Relevance to the Old Testament Leiden, 1957.— 54. Herdner A. Corpus des tablettes en cunéiforme alphabétique découvertes à Ras Shamra — Ugarit de 1929 à 1939. I—II. P., 1963.— 55. Ingholt H. Rapport préliminaire sur sept campagnes de fouilles à Hama en Syrie. København, 1940.— 56. Kaufmann Y. The Biblical Account of the Conquest of Palestine. Jerusalem, 1953 (Hebrew).— 57. Он же. The Religion of Israel. I—VI. Jerusalem, 1960 (Hebrew).— 58. Kenyon K. M. Archaeology in the Holy Land. L., 1960.— 59. Kenyon K. Digging-up Jericho. N. Y., 1957.— 60. Klengel H. Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v. u. Z. I — III. B., 1965—1970.— 61. Он же. Die Palastwirtschaft in Alalah.— STE. II.— 62. Knudtzon E. A. Die El-Amarna-Tafeln. I—II. Lpz., 1908—1915.— 63. Korošec V. Le vasselage hittite d'après les textes d'Ugarit.— «Jura». 1969, 20.— 64. Liverani M. Communautés de village et palais royal dans la Syrie du II-ème millénaire.— JESHO. 1975, 15.— 65. Liverani M. Contrasti e confluenze di concezioni politiche nell' età di El-Amarna.— RA. 1967, LXI.— 66. Он же. Storia di Ugarit. Roma, 1962.— 67. Он же. Variazione climatiche e fluttuazione demografiche nella storia Siriana.— OA. 1968, VII, 1.— 68. Liverani M. Ville et campagne dans le royaume d'Ugarit. Essai d'analyse économique.— SLANE.— 69. Malamat M. Mari and the Bible. Jerusalem, 1973.— 70. Margalit B. A Master of «Life» and «Death». A Study of the Baal-Mot Epic (CTA 4—5—6). Kevelaer, Neukirchen-Vluyn, 1980.— 71. Mazar B. et al. Encyclopaedia of Archaeological Excavations in the Holy Land. I—II. Jerusalem, 1970 (Heb. rew).— 72. Mercer S. A. B. The Tell el-Amarna Tablets. I—II. Toronto, 1939.— 73. Missione archeologica italiana in Siria. I. Roma, 1965. [Издание не закончено.] — 74. Montet P. Byblos et Egypt. P., 1928.— 75. Moor J. C. de. The Seasonal Pattern in the Ugaritic Myth of Ba'lu According to the Version of Ilimilku. Kevelaer, Neukirchen-Vluyn, 1971.— 76. Noth M. Das System der zwölf Stämme Israels.— «Beiträge zur Wissenschaft des Alten und Neuen Testaments». 1930, III, 10.— 77. Nougayrol J. et Virolleaud Ch. (ed.). Le palais royal d'Ugarit. I—VI. P., 1957—1970.— 78. Oldenburg U. The Conflict between El and Ba'al in Canaanite Religion. Leiden, 1969.— 79. Perelman M. and Yannay Y. Historical Sites of Israel. Tel-Aviv — Jerusalem, 1966 (Album, Hebrew).— 80. Pettinato G. Catalogo dei testi cuneiformi di Tell Mardikh-Ebla. Napoli, 1979 (MEE).— 81. Он же. I testi Cuneiformi della biblioteca reale di Tell Mardikh-Ebla.— «Rendiconti della Pontificia Accademia Romana di Archeologia». Roma, 48, 1975—1976.— 82. Он же. Testi amministrativi della Biblioteca L. 2769. Napoli, 1980—1982 (Materiali Epigrafici di Ebla, 2, 3, 3A, 4).— 83. Rainey A. F. El Amarna Tablets, 359—379. Kevelaer, Neukirchen-Vluyn, 1970. (AOAT, 8). [Дополнение к № 62].— 84. Он же. A Social Structure of Ugarit. Study of West Semitic Social Stratification during the Late Bronze Age. Jerusalem, 1961.— 85. Reviv H. On Urban Representative Institutions of Self-Government in Syria — Palestine in the Second Half of the Second Millennium B. C.— JESHO. 1969, XII.— 86. Rowley H. H. From Joseph to Joshua. Manchester, 1950.— 87. Rowton M. B. The Topological Factor in the Ḫapiru Problem.— Studies in Honor of B. Landsberger. Chicago, 1965 (AS, 16).— 88. Schaeffer C. F. A. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie occidentale. P., 1948.— 89. Schmidt W. Königtum Gottes in Ugarit und Israel. B., 1961.— 90. Selms A. van. Marriage and Family Life in Ugaritic Literature. L., 1954.— 91. La Siria nel Tardo Bronzo. Ed. M. Liverani. Roma, 1969 («Orientis Antiqui Collectio», IX). [Сборник статей ведущих специалистов по Сирии, Угариту и т. п.].— 92. Smith S. Alalakh and Chronology. L., 1940.— 93. Он же. The Statue of Idri-Mi. L., 1949.— 94. Speiser E. A. Three Thousand Years of Bible Study.— «The Centennial Review». 1960, IV, 2. [Современное состояние библейской критики].— 95. Ugaritica. Ed. by C. Scha-

effer. I—VI. P., 1939—1971.— 96. Vaux R. de. Les institutions de l'Ancien Testament. I — II. P., 1958.— 97. Wiseman D. J. The Alalakh Tablets. L., 1953. [Дополнение в: JCS. 1954, 8]. — 98. Woolley C. L. A Forgotten Kingdom. Harmondsworth, 1953. [Раскопки в Алалахе.]— 99. Wright G. E. and Filson F. The Westminster Historical Atlas to the Bible. L., 1945.— 100. Xella P. Gli antenat. di Dio. Divinità e miti della tradizione di Canaan. Verona, 1983.— 101. Yadin Yi Hazor. The Rediscovery of a great Citadel of the Bible. L., 1975.— 102. Zijl P. J. van. A Study of Texts in Connexion with Baal in the Ugaritic Epic. Kevelaer, Neukirchen-Vluyn, 1972.

Глава IV—X

Современная наука о древнем Египте — египтология появилась на свет 14 сентября 1822 г., когда Ж. Ф. Шампольон раскрыл загадку египетских иероглифов, которые за полторы тысячи лет до него люди разучились читать. Ему помогли вновь открытые надписи одновременно на египетском и греческом языках, греческие списки фараонов египтянина Манефона и поздний «потомок» египетского языка — коптский. Помогло также отличное знание всей совокупности древнееврейских и греко-римских известий о египетской древности. Теперь заговорили сами древнеегипетские памятники, которые отчасти давно были известны, но оставались немы. С каждым десятилетием благодаря путешествиям и раскопкам все большее число их становилось достоянием науки, и в настоящее время она располагает ими в количестве поистине необозримом. Это вещественные памятники — от самых исполинских до самых крошечных, многочисленные изображения, рукописи и неисчислимые надписи.

Ученых, которые изучали древний Египет, было не так уж много, а задач, стоявших перед ними, притом задач нередко очень трудных, было более чем довольно. И если к настоящему времени много сделано, то, пожалуй, еще больше остается сделать. Издано огромное количество памятников. Их последовательность во времени, хотя далеко не всегда с желательной точностью, установлена. Более или менее хорошо изучен их язык. Порядок следования царствований, за редкими исключениями, определен. Насколько то было возможно, воссоздана военная история. Сравнительно хорошо изучен быт и обследованы остатки научной и художественной письменности. Очень много надо еще сделать для понимания египетского мировосприятия и связанного с ним искусства. Если производительные силы изучены неплохо, то этого никак нельзя сказать о производственных отношениях и государстве. За последние десятилетия производственным отношениям много внимания уделяли советские ученые, но пока что работа еще далека от своего завершения.

Общие работы к главам IV—X

1. Авдиев В. И. Военная история древнего Египта. I — II. М., 1948—1959.— 2. Антес Р. Мифология в древнем Египте.— В кн.: Мифология древнего мира. М., 1977.— 3. Берлев О. Д. Древнеегипетская денежная единица.— ПС. 1966, 15.— 4. Брестед Дж. Г. История Египта с древнейших времен до персидского завоевания. I — II. М., 1915.— 5. Виноградов И. В. Древний Египет.— В кн.: История древнего мира. 1. М., 1983.— 6. Древняя Нубия. Результаты работ археологической экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской Республике. 1961—1962. М.— Л., 1964.— 7. Кацнельсон И. С. и Мендельсон Ф. Л. Сказки и повести древнего Египта. М., 1956.— 8. Они же. Фараон Хуфу и чародеи. Сказки, повести, поучения древнего Египта. М., 1958.— 9. Коростовцев М. А. Писцы древнего Египта. М., 1962.— 10. Он же. Повесть Петеисе III. Древнеегипетская проза. М., 1978.— 11. Он же. Религия древнего Египта. М., 1976.— 12. Культура древнего Египта. М., 1976. [Очерки написаны В. В. Струве, М. А. Коростовцевым, И. С. Кацнельсоном, Д. Г. Редером, И. А. Стучевским, Т. Н. Савельевой, Р. И. Рубинштейн и Р. Д. Шуриновой.] — 13. Лацис И. А. Культура древнего Египта.— В кн.: История древнего мира. 1. М., 1983.— 14. Лившиц И. Г. Сказ-

ки и повести древнего Египта. Л., 1979.— 15. Лукас А. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958.— 16. Лурье И. М. Горное дело в древнем Египте.— ТИИНТ. Сер. 1. 1934, 3.— 17. Он же. Обработка кожи в древнем Египте.— ИГАИМК. 1931, VII, 1.— 18. Масперо Г. Египет. М., 1916. («Ars una — species mille»). [История древнеегипетского искусства.] — 19. Матье М. Э. Из истории семьи и рода в древнем Египте.— ВДИ. 1954, № 3.— 20. Она же. Искусство древнего Египта. М., 1958.— 21. Она же. Искусство древнего Египта. Л., 1961.— 22. Она же. Роль личности художника в искусстве древнего Египта.— ТОВЭ. IV. 1947, 1.— 23. Она же. Термины родства в древнем Египте.— УзЛГУ. 1941, № 78, сер. ист. наук, 9.— 24. Она же. Хеб-сед. [Из истории древнеегипетской религии.]— ВДИ. 1956, № 3. [О царских празднествах «тридцатилетия».] — 25. Морэ А. Во времена фараонов. М., 1913.— 26. Он же. Цари и боги Египта. М., 1914.— 27. Павлов В. В. Очерки по искусству древнего Египта. М., 1936.— 28. Павлова О. М. Амон Фиванский. Ранняя история культа (V—XVII династии). М., 1984.— 29. Перепелкин Ю. Я. Древний Египет.— В кн.: Всемирная история. I. М., 1955.— 30. Петровский Н. С. и Белов А. Страна большого Хапи. Л., 1955. [Хапи — Нил, нильское половодье.] — 31. Пиотровский Б. Б. Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии. Древнеегипетские наскальные надписи. Результаты работ археологической экспедиции АН СССР в Египетской Арабской Республике 1961—1962, 1962—1963 гг. М., 1983.— 32. Он же. Идеологические формы укрепления царской власти в древнем Египте.— «Вопросы научного атеизма». М., 1976, 20.— 33. Редер Д. Г. Роль финиковой пальмы в экономике древнего Египта.— Древний Египет и древняя Африка. М., 1967.— 34. Струве В. В. Манефон и его время.— ЗКВ. III, 1.— IV, 1928—1930.— 35. Он же. Хронология Манефона и периоды Сотиса.— Вспомогательные исторические дисциплины. М.— Л., 1937.— 36. Стучевский И. А. Храмовая форма царского хозяйства древнего Египта. М., 1962.— 37. Тураев Б. А. Древний Египет. Пг., 1922.— 38. Он же. Египетская литература. 1. М., 1920.— 39. Черезов Е. В. К вопросу о рабах-иноземцах в древнем Египте.— Древний мир. М., 1962.— 40. Шампольон Ж. Ф. О египетском иероглифическом алфавите. Пер., ред. и коммент. И. Г. Лифшица. Л., 1950.— 41. Шолпо Н. А. Ирригация в древнем Египте.— УзЛГУ. 1941, № 78, сер. ист. наук, 9.— 42. Он же. Подъем тяжестей в строительной технике древнего Египта.— АИНТ. 1936, 8.— 43. Он же. Ткачество в древнем Египте.— ТИИНТ. Сер. 1. 1935, 5.— 44. Bakir A. M. Slavery in Pharaonic Egypt. Le Caire, 1952.— 45. Blackman A. M. The Rock Tombs of Meir. I — VI. L., 1914—1953.— 46. Bonnet H. Reallexikon der ägyptischen Religionsgeschichte. B., 1952.— 47. Borchardt L. Altägyptische Zeitmessung. B.— Lpz., 1920.— 48. Breasted J. H. Ancient Records of Egypt. Historical Documents from the Earliest Times to the Persian Conquest. I — V. Chicago, 1906—1907.— 49. Он же. Egyptian Servant Statues. Wash., 1948.— 50. Brunner H. Grundzüge einer Geschichte der altägyptischen Literatur. 2. Aufl. Darmstadt, 1978 (CTP-Kurztitelaufnahme der Deutschen Bibliothek. Grundzuge, 8).— 51. Brunner-Traut E. Altägyptische Märchen. Düsseldorf — Köln, 1979.— 52. Daumas F. La valeur de l'or dans la pensée égyptienne.— RHR. 75 année, 1956. 149.— 53. Drenkhahn R. Die Handwerker und ihre Tätigkeit im Alten Ägypten. Wiesbaden, 1976. («Ägyptologische Abhandkungen», 31).— 54. Drioton E. et Vandier J. L'Egypte. 4. ed. P., 1962. [История.] — 55. Erman A. Die Literatur der Ägypter. Lpz., 1923.— 56. Он же. Die Religion der Ägypter. B.— Lpz., 1934.— 57. Erman A. und Ranke H. Ägypten und ägyptisches Leben im Altertum. Tübingen, 1923.— 58. Farina G. Il papiro dei re restaurato. Roma, 1938.— 59. Faulkner R. O. Egyptian Military Organization.— JEA. 1953, 39.— 60. Gardiner A. H. Egypt of the Pharaohs. 3. ed. Ox., 1964. [История.] — 61. Он же. The House of Life.— JEA. 1938, 24.— 62. Gardiner A. H., Peet T. E. and Černý J. The Inscriptions of Sinai. I — II, 2. ed. Ox., 1952—1955.— 63. Garland H. and Bannister C. O. Ancient Egyptian Metallurgy. L., 1927.— 64. Grapow H., Deines H. von und Westendorf W. Grundriss der Medizin der alten Ägypter. I — VIII. B., 1954—1962.— 65. Hartmann F. L'agri-

culture dans l'ancienne Egypte. P., 1923.— **66.** Helck W. Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr. Wiesbaden, 1962 («Ägyptologische Abhandlungen», 5).— **67.** Он же. Wirtschaftsgeschichte des Alten Ägypten im 3. und 2. Jahrtausend vor Chr. Leiden — Köln, 1975.— **68.** Helck W. und Otto K. Kleines Wörterbuch der Ägyptologie. Wiesbaden, 1956.— **69.** Helck W., Otto E. und Westendorf W. Lexicon der Ägyptologie. Wiesbaden, 1972.— **70.** Hickmann H. Ägypten. Lpz., 1961 («Musikgeschichte in Bildern», II, 1).— **71.** Hodjash S. and Berlev O. The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow. L., 1982.— **72.** Kees H. Ägypten. Religionsgeschichtliches Lesebuch. Tübingen, 1928.— **73.** Он же. Ägypten. München, 1933. («Kulturgeschichte des alten Orients»).— **74.** Он же. Das alte Ägypten. Eine kleine Landeskunde. B., 1955.— **75.** Он же. Beiträge zur altägyptischen Provinzialverwaltung. I — II. Göttingen, 1932—1933.— **76.** Он же. Der Götterglaube im alten Ägypten, 2. Aufl. B., 1956.— **77.** Keimer L. Die Gartenpflanzen im alten Ägypten. I. Hamburg — Berlin, 1924.— **78.** Lexa F. Veřejný život ve starověkém Egyptě. Praha, 1955.— **79.** Matchinsky A. À propos de la gamme musicale égyptienne (К вопросу о музыкальном строе древнеегипетских музыкальных инструментов).— СКИДВ. 1935, 2.— **80.** Meyer E. Ägyptische Chronologie. B., 1904.— **81.** Он же. Nachträge zur Ägyptischen Chronologie. B., 1908.— **82.** Montet P. Géographie de l'Egypte ancienne. I — II. P., 1957—1961.— **83.** Petrie W. M. Flinders. A History of Egypte. I — III. L., 1889—1905. [Неоднократно переиздавалось до 20-х годов].— **84.** Он же. Research in Sinai. L., 1906. [Данные о горном деле].— **85.** Он же. Tools and Weapons. L., 1916.— **86.** Posener G. Dictionnaire de la civilisation égyptienne. P., 1959.— **87.** Reder D. G. Ancient Egypt, a Centre of Agriculture.— CHM. IV, 1958.— **88.** Roeder G. Urkunden zur Religion des alten Ägyptens. Jena, 1923.— **89.** Säve-Söderbergh T. Ägypten und Nubien. Ein Beitrag zur Geschichte altägyptischer Aussenpolitik. Lund, 1941.— **90.** Seidl E. Einführung in die ägyptische Rechtsgeschichte bis zum Ende des Neuen Reichs, I. Juristischer Teil. Glückstadt, 1939.— **91.** Vandier J. La famine dans l'Égypte ancienne. Le Caire, 1936.— **92.** Он же. Manuel d'archéologie égyptienne. I — V. P., 1952—1969.— **93.** Wainwright G. A. Iron in Egypt.— JEA. 1932, 18.— **94.** Wiedemann A. Das alte Ägypten. Heidelberg, 1920.— **95.** Wilson J. A. Water and Ancient Egypt.— Труды XXV МКВ. I. M., 1962.— **96.** Wolf W. Die Bewaffnung des altägyptischen Heeres. Lpz., 1926.— **97.** Wreszinski W. Atlas zur altägyptischen Kulturgeschichte. I — III. Lpz., 1923—1936.

Глава IV

1. Кинк Х. А. Египет до фараонов. М., 1964.— **2.** Она же. Художественное ремесло древнейшего Египта и сопредельных стран. М., 1976.— **3.** Пиотровский Б. Б. Современное состояние изучения додинастического Египта.— ПИДО. 1934, № 7—8.— **4.** Постовская Н. М. Абидос и Мемфис (к определению памятников I династии).— ВДИ. 1959, № 3.— **5.** Она же. Египет при I династии в свете новых археологических открытий.— ВДИ. 1948, № 4.— **6.** Она же. О царских кенотафах древнего Египта (кенотафы и хеб-сед).— ВДИ. 1957, № 3.— **7.** Она же. «Царь» Скорпион и его время.— ВДИ. 1952, № 1.— **8.** Baumgartel E. J. The Cultures of Prehistoric Egypt. [I — II]. London — New York — Toronto, 1947—1960.— **9.** Она же. Predynastic Egypt.— CAH. 1, ch. 9a, 1965.— **10.** Endesfelder E. Zu einiger Aspekten der ökonomische Entwicklung in der frühdynastischen Zeit Ägyptens.— AF. 1980, 7.— **11.** Она же. Beobachtungen zur Entstehung des altägyptischen Staates.— EAZ. 1981. 22.— **12.** Emery W. B. Archaic Egypt. Edinburgh, 1961.— **13.** Он же. Great Tombs of the First Dynasty. I — III. Cairo — London, 1949—1954.— **14.** Он же. A Preliminary Report on the First Dynasty Copper Treasure from North Saqqara.— ASAE. 1939, 39.— **15.** Он же. The Tomb of Hemaka. Cairo, 1938 [I династия].— **16.** Junker H. Bericht über die Grabung der Akademie der Wissenschaften in Wien auf der neolithischen Siedlung von Merimde-Benisalama (Westdelta).

I — VI. Wien — Leipzig, 1929—1940 («Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-historische Klasse», 66, XVI — XVIII; 69, I — IV; 70, XVI — XXII; 71, X; 77, I — V).— 17. Kaplony P. Die Inschtiften der ägyptischen Frühzeit, I — III. + Supplementbd. Wiesbaden, 1963—1964.— 18. Он же. Kleine Beiträge zu den Inschriften der ägyptischen Frühzeit. Wiesbaden, 1966.— 19. Keiser W. Stand und Problem der ägyptischen Vorgeschichtsforschung.— ZÄS. 1953, 9.— 20. Kemp B. J. Abydos and the Royal Tombs of the First Dynasty.— JEA. 1966, 52.— 21. Quibell J. E. Hierakonpolis. I — II. L., 1900—1902.— 22. Reisner G. A. The Early Dynastic Cemeteries of Naga ed-Dêr. I — II. Leipzig — University, California, 1908—1909.

Глава V

1. Гонейм М. З. Потерянная пирамида. М., 1959.— 2. Кинк Х. А. Как строились египетские пирамиды. М., 1967.— 3. Она же. О древнеегипетских каменных орудиях III—II тыс. до н. э.— Древний Египет и древняя Африка. М., 1967.— 4. Коростовцев М. А. Из истории V династии в древнем Египте.— ВДИ. 1941, № 1.— 5. Коцейовский А. Л. Тексты пирамид. I. Одесса, 1917.— 6. Лауэр Ж. Ф. Загадки египетских пирамид. М., 1966.— 7. Ольдерогге Д. А. Управитель бурга [ḥḳ3 ḫwt].— ЗКВ. 1928, III.— 8. Перепелкин Ю. Я. «Дом шнау» в Старом царстве.— Труды XXV МКВ. I. М., 1962 (также пре-принт. М., 1960). [О хозяйственном заведении].— 9. Он же. Меновые отношения в старо-египетском обществе.— СВ. 1949, № 6.— 10. Он же. О деньгах в древнейшем Египте.— Древний Египет. М., 1960.— 11. Он же. Частная собственность в представлении египтян Старого царства. М.— Л., 1960 (ПС, 16).— 12. Постовская Н. М. О функциях pr ḥrj-wḏb rḫjt mrt в Египте в эпоху Древнего царства.— КСИНА. 1962, 46. [О ведомстве выдач].— 13. Она же. Familia в Египте Древнего царства.— ВДИ. 1967, № 1.— 14. Редер Д. Г. Экономическое развитие Нижнего Египта (дельты) в архаический период (V—IV тысячелетие до н. э.).— Древний Египет. М., 1960.— 15. Савельева Т. Н. Абидосский указ царя Нефериркара (XXV в. до н. э.).— Древний Восток. 1. М., 1975.— 16. Она же. Аграрный строй Египта в период Древнего царства. М., 1962.— 17. Она же. Данные надписи Мечена о характере частного землевладения в древнем Египте в конце III и начале IV династии.— Древний мир. М., 1962.— 18. Она же. К вопросу о значении терминов [pr, ḥwt] и [ḥwt ʿ3t] в надписи Мечена (XXVII в. до н. э.).— Древний Египет. М., 1960.— 19. Она же. Как жили египтяне во времена строительства пирамид. М., 1971.— 20. Она же. Надписи из гробницы Мечена.— Древний Египет и древняя Африка. М., 1967.— 21. Она же. Надписи строителей пирамид как исторический источник.— Труды XXV МКВ. I. М., 1962 (также пре-принт. М., 1960).— 22. Она же. О значении термина «люди» [rmṯ. w] в надписях Древнего царства.— КСИНА. 1962, 46.— 23. Черезов Е. В. Древнейшая летопись «Палермский камень» и документы Древнего царства Египта.— Древний Египет. М., 1960.— 24. Он же. К вопросу о позе-мельных отношениях в Египте эпохи Древнего царства.— ВДИ. 1949, № 3.— 25. Adams B. Fragen altägyptischer Finanzverwaltung nach Urkunden des Alten und Mittleren Reiches. München, 1956.— 26. Baer K. Rank and Title in the Old Kingdom. Chicago, 1960.— 27. Bissing F. W. von. La chambre des trois saisons du sanctuaire solaire du rois Rathoures (V^e dynastie) à Abousir.— ASAE. 1956, 53.— 28. Он же. Die Mastaba des Gem-ni-kai. I—II. B.— Lpz., 1905—1911.— 29. Borchardt L. Das Grabmal des Königs Saȝḥu-reᶜ. I—II. Lpz., 1910—1913.— 30. Он же. Das Re-Heiligtum des Königs Ne-woser-reᶜ (Rathures). I. Der Bau. B., 1905.— 31. Brunner-Traut E. Die altägyptische Grabkammer Seschemnofer III. aus Gîsa. Mainz am Rhein, 1977.— 32. Capart J. Memphis à l'ombre des pyramides. Bruxelles, 1930.— 33. Он же. Une rue de tombeaux à Saqqarah. I—II. Bruxelles, 1907.— 34. Davies N. de G. The Mastaba of Ptahhetep and Akhethetep at Saqqarah. I—II. L., 1901.— 35. Он же. The Rock Tombs of Deir el Gebrâwi. L., 1902.— 36. Он же. The Rock Tombs of Sheikh Said. L., 1901.— 37. Duell P. a. a. The Mastaba of Me-

reruka. I—II. Chicago, 1938.— 38. Dunham D. The Biographical Inscriptions of Nekhebu in Boston and Cairo.— JEA. 1938, 24 [VI династия].— 39. Dunham D. and Simpson W. K. The Mastaba of Queen Mersyankh III. Boston, 1974.— 40. Edel E. Inschriften des Alten Reiches. V. Die Reiseberichte des Ḫrw-Ḫwjf (Herchuf).— Äg. St. 1955.— 41. Edel E. und Wenig S. Die Jahreszeitenreliefs aus dem Sonnenheiligtum des Königs Ne-user-reʿ. B., 1972.— 42. Erman A. Reden, Rufe und Lieder aus Gräberbildern des Alten Reiches. B., 1919.— 43. Fakhry A. The Pyramids. [Chicago], 1961.— 44. Firth C. M., Quibell J. E. and Lauer J. P. The Step Pyramid. I—II. Le Caire, 1935.— 45. Fisher H. G. Inscriptions from the Coptite Nome, Dynasties VI—XI. Roma, 1964.— 46. Gardiner A. H. The Mansion of Life and the Master of the King's Largess.— JEA, 1938, 24.— 47. Goedicke H. Cult-Temple and «State» during the Old Kingdom in Egypt.— STE. I.— 48. Он же. Königliche Dokumente aus dem Alten Reich. Wiesbaden, 1967.— 49. Он же. Die privaten Rechtsinschriften aus dem Alten Reich. Wien, 1970.— 50. Hassan Selim. Excavations at Gîza. I—X. Oxford — Cairo, 1932—1960.— 51. Helck W. Bemerkungen zu den Pyramidenstädten im Alten Reich.— MDAIK. 1957, 15.— 52. Он же. Untersuchungen zu den Beamtentiteln des ägyptischen Alten Reiches. Glückstadt, 1954.— 53. Он же. Wirtschaftliche Bemerkungen zum privaten Grabbesitz im Alten Reich.— MDAIK. 1956, 14.— 54. Hölscher U. Das Grabdenkmal des Königs Chephren, Lpz., 1912.— 55. Jacquet-Gordon H. K. Les Noms des domaines funeraires sous l'Ancien Empire égyptien. Le Caire, 1962.— 56. James T. G. H. The Mastaba of Khentika called Ikhekhi. L., 1953.— 57. Jéquier G. Le Mastabat Faraoun. Le Caire, 1928.— 58. Он же. Le monument funeraire de Pepi II. I—III. Le Caire, 1936—1940.— 59. Junker H. Cîza. I—XII. Wien — Leipzig, 1929—1943; Wien, 1950—1955.— 60. Он же. Die Götterlehre von Memphis. B., 1940.— 61. Он же. Pḥrnfr.— ZÄS. 1939, 75. [К хозяйственному и иному управлению на рубеже III и IV династий.] — 62. Он же. Die politische Lehre von Memphis. B., 1941.— 63. Он же. Pyramidenzeit. Das Wesen der altägyptischen Religion. Einsiedeln — Zürich — Köln, 1949.— 64. Он же. Zu einigen Reden und Rufen auf Grabbildern des Alten Reiches. Wien — Leipzig, 1943.— 65. Kadish G. E. Old Kingdom Egyptian Activity in Nubia.— JEA. 1966, 52.— 66. Klebs L. Die Reliefs des Alten Reiches. Heidelberg, 1915.— 67. Lauer J.-P. Le temple funeraire de Khéops à la grande pyramide de Guizeh.— ASAE. 1947, 46.— 68. Meyer E. Ägypten zur Zeit der Pyramiden-Erbauer. Lpz., 1908.— 69. Montet P. Les scènes de la vie privée dans les tombeaux égyptiens de l'Ancien Empire. Strassbourg, 1925.— 70. Newberry P. E. Three Old-Kingdom Travellers to Byblos and Pwenet.— JEA. 1938, 24.— 71. Paget R. F. E. and Pirie A. A. The Tomb of Ptah-hetep. L., 1898.— 72. Petrie W. M. Flinders, Deshasheh. L., 1898.— 73. Он же. Medum. L., 1892. [Гробницы начала IV династии.] — 74. Он же. The Pyramids and Temples of Gizeh. L., 1883.— 75. Pflüger K. The Art of the Third and Fifth Dynasties.— JEA. 1937, 23.— 76. Posener-Kriéger P. Les Archives du temple funeraire de Néferirkare-Kakai (Les Papyrus d'Abusir). I—II. P., 1976 (Bibliothèque d'étude, LXV, 1).— 77. Она же. Les Papyrus d'Abousir et l'économie des temples funéraires de l'Ancien Empire.— STE. I.— 78. Reisner G. A. Mycerinus. The Temples of the Third Pyramid at Gîza. L., 1931.— 79. Schäfer H. Ein Bruchstück altägyptischen Annalen. B., 1902. [Палермский камень.] — 80. Sethe K. Ägyptische Inschrift auf den Kauf eines Hauses aus dem Alten Reich. Lpz., 1911 («Berichte über die Verhandlungen der kgl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften».— 81. Он же. Geschichte des Amtes [t'jtj s'b t'tj] im Alten Reich.— ZÄS. 1980, 28. [О верховных сановниках.] — 82. Он же. Übersetzung und Kommentar zu den altägyptischen Pyramidentextes. I—IV. Glückstadt, 1936—1939.— 83. Steindorff G. Das Grab des Ti. Lpz., 1913 [V династия].— 84. Volten A.] Bauherr und Arbeiter im Alten Reich.— ArOr. 1931, IX.

Глава VI

1. Белова Г. А. Египетские крепости на территории Нубии.— Мероэ. 2. М., 1981.— 2. Берлев О. Д. Важный источник для истории египетского общества эпохи Среднего царства.— ПСО.— 3. Он же. Древнейшее описание социальной организации Египта.— ПСО.— 4. Он же. Египетский военный флот в эпоху Среднего царства.— ПС. 1967, 17.— 5. Он же. Замечания к папирусу Булак 18.— Древний мир. М., 1962.— 6. Он же. К социальной терминологии древнего Египта (термин ḫrdw).— Древний Египет и древняя Африка. М., 1967.— 7. Он же. Новая царская семья эпохи позднего Среднего царства.— ПС. 1965, 13.— 8. Он же. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. Социальный слой «царских ḥmww». М., 1978.— 9. Он же. Стоимость раба в Египте эпохи Среднего царства.— ВДИ. 1961, № 3.— 10. Он же. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972.— 11. Головина В. А. К вопросу о социальной структуре хозяйства заупокойного жреца Ḥḳ3-nḫt.— ВДИ. 1976, № 2.— 12. Лапис И. А. К вопросу о последовательности правления гиксосских царей в древнем Египте.— ВДИ. 1959, № 1.— 13. Она же. Новые данные о гиксосском владычестве в Египте.— ВДИ. 1958, № 3.— 14. Матье М. Э. Искусство Среднего царства. Л., 1941.— 15. Ольдерогге Д. А. К организации цехового управления в древнем Египте эпохи Среднего царства.— ДАН. Сер. В. 1928. № 5.— 16. Рубинштейн Р. И. Внутренняя политика Ахтоя Уахкара.— ВДИ. 1948, № 4.— 17. Она же. Поучение гераклеопольского царя своему сыну [Эрмитажный папирус № 1116 А].— ВДИ. 1950, № 2.— 18. Струве В. В. Papyrus 1116 B recto и пророческая литература древнего Египта.— ЗКВ. 1925, 1.— 19. Он же. Речение Ипувера. Лейденский папирус № 344. Социальный переворот в Египте в конце Среднего царства (около 1750 г. до н. э.). М.— Л., 1935.— 20. Стучевский И. А. О некоторых особенностях структуры хозяйства номов в Египте эпохи Среднего царства.— КСИНА. 1962, 46.— 21. Тураев Б. А. Рассказ египтянина Синухета и образцы египетских документальных автобиографий. М., 1915.— 22. Adams = V, 25.— 23. Alt A. Die Herkunft der Hyksos in neuer Sicht. B., 1954.— 24. Anthes R. Die Felseninschriften von Hatnub. Lpz., 1928.— 25. Berlev O. Les prétendus «citadins» au Moyen Empire.— RdE. 1971, 23.— 26. Blumenthal E. Untersuchungen zum ägyptischen Königtum des Mittleren Reiches. B., 1970. (ASAW, Philologisch-historische Klasse, 61, 1).— 27. Brunner H. Die Texte aus Gräbern der Herakleopolitenzeit von Siut. Hamburg — New York, 1937.— 28. Černý J. Semites in Egyptian Mining Expeditions to Sinai.— ArOr. 1935, 7.— 29. Davies = V, 35.— 330. Он же. The Tomb of Antefoker, Vizier of Sesostris I and his Wife Senet. L., 1920.— 31. Dunham D. and Janssen J. M. A. Semna-Kumma, Second Cataract Forts. I. Boston, 1960.— 32. Engberg R. M. The Hyksos Reconsidered. Chicago, 1939.— 33. Erman A. Gespräch eines Lebensmüden mit seiner Seele. B., 1896.— 34. Fakhry A. The Inscriptions of the Amethyst Quarries at Wadi el Hudi. Cairo, 1952.— 35. Gardiner A. H. The Admonitions of an Egyptian Sage from a Hieratic Papyrus in Leiden. Lpz.. 1909.— 36. Griffith F. L. Hieratic Papyri from Kahun and Gurob (principally of the Middle Kingdom). I — II. L., 1898.— 37. Он же. The Inscriptions of Siût and Dêr Rîfeh. L., 1889.— 38. Gunn B. and Gardiner A. H. New Renderings of Egyptian Texts. II. The Expulsion of the Hyksos.— JEA. 1918, 5.— 39. Hayes W. C. The Government of the Late Middle Kingdom.— JNES. 1953, XII.— 40. Он же. A Papyrus of the Late Middle Kingdom in the Brooklyn Museum. Brooklyn, 1955.— 41. Helck W. Zur Verwaltung des Mittleren und Neuen Reichs. Leiden — Köln, 1958.— 42. James T. G. H. The Ḫeḳanachte Papers and Other Early Middle Kingdom Documents. N. Y., 1962.— 43. Kamal M. The Stela of [šḥtp-'ib-r'] in the Egyptian Museum (verso).— ASAE. 1940. 40.— 44. Klebs L. Die Reliefs und Malereien des Mittleren Reiches. Heidelberg, 1922.— 45. Newberry P. E. Beni Hasan. I—IV. L., 1893—1900.— 46. Newberry P. E. and Griffith F. L. El Bersheh. I—II. L., 1893—1895.— 47. Peet T. E. The Rhind Mathematical Papyrus. L., 1923— 48. Petrie W. M. Flinders, Wainwright G. A. and Mackay E. The Laby-

rinth. Gerzeh and Mazghuneh. L., 1912.— **49.** P i e p e r M. Die grosse Inschrift des Königs Neferhotep in Abydos. Lpz., 1929.— **50.** О н ж е. Die Könige Ägyptens zwischen dem Mittleren und Neuen Reich. B., 1904.— **51.** P o s e n e r G. Littérature et politique dans l'Égypte de la XIIe dynastie. P., 1956.— **52.** О н ж е. Princes et pays d'Asie et de Nubie. Textes hiératiques sur les figurines d'envoûtement du Moyen empire. Bruxelles, 1940.— **53.** R e i s n e r G. A. The Tomb of Hepzefa, Nomarch of Siût.— JEA. 1918, 5.— **54.** S c h a r f f A. Ein Rechnungsbuch des königlichen Hofes aus der 13. Dynastie.— ZÄS. 1922, 57.— **55.** Schäfer H. Die Mysterien des Osiris in Abydos. Lpz., 1904.— **56.** S e t h e K. Die Ächtungfeindlicher Fürsten, Völker und Dinge auf altägyptischen Tongefässcherben des Mittleren Reiches. B., 1926.— **57.** S m i t h e r P. C. The Report Concerning the Slave-girl Senbet.— JEA. 1948, 34.— **58.** О н ж е. A Tax-Assessor's Journal of the Middle Kingdom.— JAE. 1941, 27.— **59.** S o t t a s H. Étude sur la stèle C 14 du Louvre.— RT. 1914, 36. [Художник раннего Среднего царства о своем мастерстве.] — **60.** S t r u v e W. W. Mathematischer Papyrus des Staatlichen Museums der schönen Kunste in Moskau. B., 1930.— **61.** V a n d i e r J. Mo'alla. La tombe d'Ankhtifi et la tombe de Sébekhotep. Le Caire, 1950.— **62.** W e i l l R. L'unité de valeur... *shat* et la papyrus de Boulaq № 11.— REA. 1925—1927, IV. — **63.** W i n l o c k H. E. Excavations at Deir el Bahri 1911—1931. N. Y., 1942.— **64.** О н ж е. Models of Daily Life in Ancient Egypt from the Tomb of Meket-Rē‘ at Thebes. Cambridge (Mass.), 1955.— **65.** О н ж е. The Rise and Fall of the Middle Kingdom in Thebes. N. Y., 1947.— **66.** Ž a b a Z. Les maximes de Ptaḥḥotep. Praha, 1956.

Главы VII—X

1. Б о г о с л о в с к и й Е. С. Военные художники в Египте XIV — X вв. до н. э.— Тутанхамон и его время. М., 1976.— **2.** О н ж е. Государственное регулирование социальной структуры в древнем Египте.— ВДИ. 1981, № 2.— **3.** О н ж е. Древнеегипетская экономика на пути к возникновению денег.— ВДИ. 1982, № 1.— **4.** О н ж е. Древнеегипетские мастера. По материалам из Дер эль-Медина. М., 1983.— **5.** О н ж е. Об основных производителях материальных и духовных ценностей в Египте второй половины II тысячелетия до н. э. — ПСО.— **6.** О н ж е. «Рабы» в текстах из Дер эль-Медина.— ПСО.— **7.** Руководители ткачей в Египте XVI—XV вв. до н. э.— ВДИ. 1968, № 1.— **8.** О н ж е. «Слуги» фараонов, богов и частных лиц (к социальной истории Египта XVI—XIV вв. до н. э.). М., 1979.— **9.** О н ж е. Собственность и должностное владение в древнем Египте (по материалам из Дер эль-Медина).— ВДИ. 1979, № 1.— **10.** В и н о г р а д о в И. В. Качественные определения земли по материалам папируса Вильбур.— ВДИ. 1966, № 4.— **11.** О н ж е. О так называемых «держателях земли» в папирусе Вильбур.— ВДИ. 1969, № 4.— **12.** О н ж е. Характер связи текстов А и В папируса Вильбур.— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Л., 1969.— **13.** К а р т е р Г. Гробница Тутанхамона. Изд. 2. М., 1959.— **14.** К а ц н е л ь с о н И. С. Нубия под властью Египта.— ВМГУ. 1948., № 6.— **15.** О н ж е. Характер войн и рабовладение в Египте при фараонах-завоевателях XVIII—XX династий.— ВДИ. 1951, № 3.— **16.** К и н к Х. А. Древнеегипетский храм. М., 1979.— **17.** К о р о с т о в ц е в М. А. Декрет Сети I в Наури.— ИА. 1939, № 2.— **18.** О н ж е. Путешествие Ун-Амуна в Библ. М., 1960.— **19.** Л у р ь е И. М. Дневник фиванского некрополя от 29 г. Рамсеса III.— ВДИ. 1950, № 4.— **20.** О н ж е. Забастовка ремесленников фиванского некрополя во времена Рамсеса III.— ВДИ. 1951, № 1.— **21.** О н ж е. Заметки о древнеегипетском суде.— Древний Египет. М., 1960.— **22.** О н ж е. К вопросу о судебных оракулах в древнем Египте.— ЗКВ. 1936, IV.— **23.** О н ж е. К истории древнеегипетского законодательства времени Нового царства.— ВДИ. 1946, № 3.— **24.** О н ж е. Немху в Египте Нового царства.— ВДИ. 1953, № 4.— **25.** О н ж е. Очерки древнеегипетского права XVI—X веков до н. э. Л., 1960.— **26.** О н ж е. Рабы — держатели храмовой земли (по материалам Нового царства).— ВДИ. 1955, № 1. — **27.** О н ж е. Сто-

имость раба в древнем Египте.— ВДИ. 1938, № 4.— 28. Он же. Юридические документы по социально-экономической истории Египта в период Нового царства.— ВДИ. 1952, № 1.— 29. Лурье И. М. и Лапис И. А. Источники по древнеегипетскому налоговому обложению времени Нового царства.— ВДИ. 1961, № 2—4.— 30. Матье М. Э. Во времена Нефертити. Л., 1965.— 31. Она же. Значение амарнского искусства в развитии древнеегипетского пейзажа.— Древний Египет. М., 1962.— 32. Она же. Искусство Нового царства XVI—XV вв. до н. э. Л., 1947.— 33. Она же. Искусство Фив и Мемфиса времени XIX древнеегипетской династии.— ТЭ. 1958, II, 1.— 34. Перепелкин Ю. Я. К вопросу о возникновении энциклопедии на древнем Востоке.— ТИКДП. 1931, II.— 35. Он же. Кэйе и Семнех-ке-рэ. К исходу солнцепоклоннического переворота в Египте. М., 1979.— 36. Он же. О «космополитизме» в египетской литературе эль-Амарнского периода.— Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934.— 37. Он же. О Сети-Менептахе, сыне Менептаха.— УзЛГУ. 1941, № 78. Сер. ист. наук, 9. [О царевиче, соправителе отца.] — 38. Он же. Переворот Амен-Хотпа IV. Ч. 1, 2. М., 1967, 1984.— 39. Он же. Тайна золотого гроба. М., 1968. Изд. 2. М., 1969 [то же на англ. яз.].— 40. Редер Д. Г. Попытка акклиматизации чужеземных культурных растений в древнем Египте.— УзМОПИ. 1950, XIV. Кафедра истории древнего мира, 1.— 41. Он же. Рабы и подданные [семдет] египетских храмов в XII в. до н. э. по статистическим данным большого папируса Гаррис.— УзИФМОПИ. 1940, 2.— 42. Струве В. В. К вопросу о Тутмосидах.— Из далекого и близкого прошлого. Сборник этюдов из всеобщей истории в честь 50-летия научной жизни Н. И. Кареева. Пг., 1923.— 43. Он же. Наблюдения над большим папирусом Harris.— ЗКВ. 1925, I.— 44. Он же. Петербургские сфинксы.— ЗКОРАО. 1913, 17.— 45. Он же. Подлинный манефоновский список царей Египта и хронология Нового царства.— УзЛГУ. 1941, № 78. Сер. ист. наук, 9.— 46. Стучевский И. А. Данные большого папируса Вильбура и других административно-хозяйственных документов о нормах налоговой эксплуатации государственных («царских») земледельцев древнего Египта эпохи Рамессидов.— ВДИ. 1974, № 1.— 47. Он же. Земледельцы государственного хозяйства древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1982.— 48. Он же. Колониальная политика Египта в эпоху XVIII династии. М., 1968.— 49. Он же. Некоторые данные древнеегипетских источников о сельской общине.— Древний Египет и древняя Африка. М., 1967.— 50. Он же. Рамсес II и Херихор. Из истории древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1984.— 51. Флиттнер Н. Д. Стекольно-керамические мастерские Тель-Амарны.— ЕРИИИ. I, 2, 1922.— 52. Франк-Каменецкий И. Г. Памятники египетской религии в фиванский период. I—II. М., 1917—1918.— 53. Он же. Религиозный синкретизм в Египте в фиванский период.— ЗКВ. 1928, III, 1.— 54. Черезов Е. В. Надписи на ленинградских сфинксах.— ВДИ. 1949, № 1.— 55. Adams W. Y. Post-Pharaonic Nubia in the Light of Archaeology, I. Nubia under the New Kingdom.— JEA. 1964, 50.— 56. Aldred C. The Parentage of King Siptah.— JEA. 1963, 49.— 57. Beckerath J. von. Queen Twosre as Guardian of Siptah.— JEA. 1962, 48.— 58. Он же. Tanis und Theben. Historische Grundlagen der Ramessidenzeit in Ägypten. Glückstadt — Hamburg — New York, 1951.— 59. Botti G. e Peet T. E. Il giornale della necropoli di Tebe. Torino, 1928.— 60. Breasted J. H. The Battle of Kadesh. Chicago, 1903.— 61. Budge E. A. W. The Book of the Dead. I—III. L., 1901.— 62. Buck A. de. The Judicial Papyrus of Turin.— JEA. 1937, 23. [О заговоре против Рамсеса III].— 63. Caminos R. A. Late-Egyptian Miscellanies. L., 1954. [Переводы преимущественно школьных рукописей].— 64. Capart J., Gardiner A. H. and Walle B. van de. New Light on the Ramesside Tomb-robberies.— JEA. 1936, 22.— 65. Davies N. de G. Akhenaten at Thebes.— JEA. 1923, 9.— 66. Он же. The Rock Tombs of El Amarna. I—VI. L., 1903—1908.— 67. Он же. The Tomb of Nakht at Thebes. N. Y., 1917. [XVIII династия].— 68. Он же. The Tomb of Puyemrê at Thebes. I—II. N. Y., 1922—1923.— 69. Он же. The Tomb of Rekh-mi-rē at Thebes, I—II. N. Y., 1943. [XVIII династия.] — 70. Он же. The Tomb of the Vizier Ramose. L., 1941. [Времени Аменхотепов III и IV].— 71. Davies N. de G., Davi-

es Nina de G., Hopgood H. R. and Wilkinson C. K. The Tomb of Two Sculptors at Thebes. N. Y., 1925. [Времени Аменхотепов III и IV].— 72. Davies Nina de G. and Gardiner A. H. The Tomb of Ḫuy Viceroy of Nubia in the Reign of Tutankhamun. L., 1926.— 73. Edel E. Ägyptische Ärtzte und ägyptische Medizin am hethitischen Königshof. Göttingen, 1976.— 74. Edgerton W. F. The Strikes in Ramses III's Twenty-Ninth Year.— JNES. 1951, X.— 75. Он же. The Thutmosid Succession. Chicago, 1933.— 76. Edgerton W. F. and Wilson J. A. Historical Records of Ramses III. Chicago, 1936. [Из Мединет-Абу].— 77. Erman A. und Lange H. O. Papyrus Lansing. Eine ägyptische Schulhandshrift der 20. Dynastie. København, 1925.— 78. Farina G. Le funzioni del visir faraonico sotto la XVIII dinastia, secondo l'iscrizione nella tomba di Rechmirîe a Tebe.— RRAL. 1916—1917, 26.— 79. Frankfort H. and Pendlebury J. D. S. The City of Akhenaten II. L., 1933. [См. VII—X, 124].— 80. Gabra Sami. Les conseils de fonctionnaires dans l'Egypts pharaonique. Scènes de récompenses royales aux fonctionnaires. Le Caire, 1929.— 81. Gardiner A. H. An Administrative Letter of Protest.— JEA. 1927, 13.— 82. Он же. Adoption Extraordinary.— JEA. 1941, 26. [Усыновление брата и детей рабыни. XX династия].— 83. Он же. Ancient Egyptian Onomastica, I — II. Ox., 1947. [«Энциклопедические» словники].— 84. Он же. The Coronation of King Ḥaremḥab.— JEA. 1953, 39.— 85. Он же. Four Papyri of the 18th Dynasty from Kahun.— ZÄS. 1906, 43. [Меновые сделки].— 86. Он же. The Inscription of Mes. A Contribution to the Study of Egyptian Judicial Procedure. Lpz., 1905. [XIX династия.] — 87. Он же. The Kadesh Inscriptions of Ramesses II. Ox., 1960.— 88. Он же. A Lawsuit Arising from the Purchase of Two Slaves.— JEA. 1935, 21.— 89. Он же. The Papyrus Anastasi I and the Papyrus Koller together with the Parallel Texts. Lpz., 1911. [Образец «литературной критики» времени XIX династии].— 90. Он же. Ramesside Administrative Documents. L., 1948.— 91. Он же. Ramesside Texts Relating to the Taxation and Transport of Corn.— JEA. 1971, 27.— 92. Он же. The Stele of Bilgai.— ZÄS. 1912, 30. [Правовая надпись с хозяйственными данными].— 93. Он же. The Wilbour Papyrus. I—II. Ox., 1941—1948.— 94. Gauthier H. La grande inscription dédicatoire d'Abydos. Le Caire, 1912. [XIX династия].— 95. Goedicke H. Was Magic Used in the Harem Conspiracy against Ramesses III?— JEA. 1963, 49.— 96. Griffith F. L. A Contract of the Fifth Year of Amenhotep IV (читай: II).— PSBA. 1908, 30.— 97. Hassan Selim. The Great Limestone Stela of Amenhotep II.— ASAE. 1937, 37.— 98. Helck = IV—X, 66.— 99. Он же. Das Dekret des Königs Haremheb.— ZÄS. 1955, 80.— 100. Он же. Materialien zur Wirtschaftsgeschichte des Neuen Reiches. I — V. Wisbaden, 1960—1964.— 101. Он же. Urkunden der 18. Dynastie. Übersetzung zu den Heften 17—22. B., 1961.— 102. Он же. = IV—X, 67.— 103. Hornung E. Untersuchungen zur Chronologie und Geschichte des Neuen Reiches. Wiesbaden, 1964.— 104. Janssen J. J. A Twentieth-Dynasty Account Papyrus.— JEA. 1966, 52.— 105. Он же. The Role of the Temple in the Egyptian Economy during the New Kingdom.— STE. II.— 106. Kees H. Herihor und die Aufrichtung des thebanischen Gottesstaates. Göttingen, 1936.— 107. Он же. Das Priestertum im ägyptischen Staat vom Neuen Reich bis zur Spätzeit. Leiden — Köln, 1953.— 108. Klebs L. Die Reliefs und Malereien des Neuen Reiches, XVIII — XX Dynastie. Heidelberg, 1934.— 109. Lacau P. L'or dans l'architecture égyptienne.— ASAE. 1955, 53.— 110. Lefèbvre G. Histoire de grande prêtres d'Amon de Karnak jusqu'à la XXIe dynastie. P., 1929.— 111. Он же. Une version abrégée de la «Stèle du mariage».— ASAE. 1925, 25. [О браке Рамсеса II с царевной царства Хатти].— 112. Linage J. de. L'acte d'établissement et le contrat de mariage d'un esclave sous Thoutmès III.— BIFAO. 1939, 38.— 113. Lourié I. ḥḏ — «silver»— «money».— СКИДВ. 1935, 2.— 114. Megally M. Études sur le papyrus E. 3226 du Louvre. I—III. P., 1969. [Учетные ведомости XVIII династии].— 115. Montet P. Le drame d'Avaris. P., 1941.— 116. Он же. La vie quotidienne en Egypte au temps des Ramsés. P., 1950.— 117. Moret A. La campagne de Séti Ier au nord du Carmel.— REA. 1925, I, 1—2.— 118. Müller W. M. Der Bündnisvertrag Ramses II. und des Chetiterkönigs. B., 1902. [Ср. A. Goetze. — OLZ. 1929, XXXII].— 119. Na-

ville E. Deir el Bahari. I—VII. L., 1894—1908.— 120. Newberry P. E. The Life of Rekhmara. L., 1900. [XVIII династия.] — 121. Peet T. E. The Egyptian Words for «money», «buy» and «sell».— «Studies presented to F. Ll. Griffith». L., 1932.— 122. Он же. Two Eighteenth Dynasty Letters, Papyrus Louvre 3230.— JEA. 1926, 12.— 123. Peet T. E. and Woolley C. L. The City of Akhenaten. I. L., 1923.— 124. Pendlbury J. D. S. The City of Akhenaten. III. 1—2. L., 1951.— 125. Он же. Tell el-Amarna. L., 1935.— 126. Piotrovskij B. Das Karnak-Relief des Hohenpriesters Amenhotpe.— ДАН. Сер. В. 1933, 69.— 127. Reisner G. A. and Reisner M. B. Inscribed Monuments from Gebel Barkal, II. The Granite Stela of Thutmosis III.— ZÄS. 1933, 69.— 128. Robichon E. et Varille A. Le temple du scribe royale Amenhotep, fils de Hapou. Le Caire, 1936.— 129. Säve-Söderbergh T. The Navy of the Eighteenth Egyptian Dynasty. Uppsala — Leipzig, 1946.— 130. Schaedel H. D. Die Listen des grossen Papyrus Harris. Ihre wirtschaftliche und politische Ausdeutung. Glückstadt — Hamburg — New York, 1936.— 131. Sethe K. Eine ägyptische Expedition nach dem Libanon im 15. Jahrhundert v. Chr. B., 1906 (SPAW, 15).— 132. Он же. Die Berufung eines Hohenpriesters des Amon unter Ramses II.— ZÄS. 1907, 44.— 133. Он же. Missverstandene Inschriften. 2. Ramses II im Gebiete von Tunip.— ZÄS. 1907, 44.— 134. Он же. Urkunden der 18. Dynastie, I. Bearbeitet und übersetzt. Lpz., 1914.— 135. Simons J. Handbook for the Study of Egyptian Topographical Lists relating to Western Asia. Leiden, 1937.— 136. Smith G. Elliot. The Royal Mummies. Le Caire, 1912.— 137. Spiegelberg W. Arbeiter und Arbeiterbewegung im Pharaonenreiche unter den Ramessiden. Strassburg, 1895.— 138. Он же. Das Geschäftsjournal eines ägyptischen Beamten in der Ramsesstadt aus der Regierung Ramses' II.— RT. 1895, 17.— 139. Он же. Rechnungen aus der Zeit Setis I (circa 1350 v. Chr.) mit anderen Rechnungen des Neuen Reiches. Strassburg, 1896.— 140. Он же. Der Siegeshymnus des Merneptah auf der Flinders Petrie Stele.— ZÄS. 1896, 34.— 141. Он же. Studien und Materialien zum Rechtswesen des Pharaonenreiches der Dynastien XVIII—XXI. Hannover, 1892.— 142. Steindorff G. Die Blütezeit des Pharaonenreiches, 2. Aufl. Bidefeld — Leipzig, 1926. [XVIII династия.] — 143. Steindorff G. and Seele K. C. When Egypt Ruled the East. Chicago, 1942. [XVIII династия.]— 144. Struve W. W. Ort der Herkunft und Zweck der Zusammenstellung des grossen Papyrus Harris.— «Aegyptus». 1926, № 1—2.— 145. Tylor J. J. and Griffith F. L. The Tomb of Pahery at El Kab. L., 1894— 146. Wolf W. Neue Beiträge zum «Tagebuch eines Grenzbeamten».— ZÄS, 1933, 69.— 147. Он же. Papyrus Bologna 1086. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte des Neuen Reiches.— ZÄS. 1930. 65.

Аарон, жрец 275
Абба-Эль 228
'Абди-'Аширта 248, 249
'Абдимильки 250
'Абдия 255
'Абди-Хеба 248
'Абду 255
Абимелех 273, 290
Абино'ам 288
Абишему I 226
Абишему II 226
Авель 271
Авраам, патриарх 269, 270, 272, 273, 274, 275
Агамемнон 182, 188
Агарь 273
Агни, бог 72, 153
Адад, бог 64, 71, 84, 109, 116
Адад-апла-иддин 110
Ададнерари I 99, 100 103, 149, 151, 250
Адад-шум-уцур 104
Адам 270, 271, 289
Адаси 70, 71
Адду, бог 264
'Азиру 248—250, 255, 257
Азитиваттас 190
Айтакама 250
Акиа 29
Акиис 153
Акургал Э. 168
Алаксандус 130, 150
Александр Македонский 223
'Алиян-Ба'л, бог 265
Аллувамнас 134, 142
Альт А. 269
Амар-Зуэн 218
Амелино Е. 296
Аменемопе (Аман-апа), писец 485
Аменемопе (Аман-апа), виноградарь 509
Аменемхеб (Аман-ма-ху), воин 436, 437, 444, 472, 487
Аменемхеб (Аман-ма-ху), жрец 474
Аменемхет (Аман-ма-хи) I 224, 404, 406, 414, 415
Аменемхет (Аман-ма-хи) II 404, 414
Аменемхет (Аман-ма-хи) III 226, 404, 410, 412, 414, 415
Аменемхет (Аман-ма-хи) IV 404
Аменемхет (Аман-ма-хи), сановник 394, 396, 474
Амени (Аманайа) 420
Аменисенб (Аманайа-санби) 394
Аменмес (Аман-санби) 394
Аменмес (Аман-маси) 425
Аменмесес (Аман-масэ-са) 559, 560
Аменхотеп (Аман-хатпи) I, 423, 424, 495
Аменхотеп (Аман-хатпи) II 73, 242, 248, 441, 442, 444, 464, 466, 468, 474, 482, 516, 554
Аменхотеп (Аман-хатпи) III 98, 245, 247—249, 444—446, 448, 450, 452, 454, 456, 458, 468, 470, 473, 476, 478, 485, 493, 497, 502, 510, 515, 516, 524, 529, 530, 532, 548, 552, 564
Аменхотеп (Аман-хатпи) IV 148, 245, 248—250, 458, 462, 468, 470, 488, 492, 497, 498, 502, 503, 504, 506, 509, 513, 514, 515, 517, 518, 522, 524, 526, 528—530, 536, 549, 551, 552, 555, 556; см. также Эхнатон
Аменхотеп (Аман-хатпи), сын Хапи 448, 450, 454, 456, 476, 495, 510
Аменхотеп (Аман-хатпи), наместник Эфиопии 522
Аменхотеп (Аман-хатпи), верховный жрец 570
Аммидитана 59
Аммистамру 252, 256, 257, 258, 259
Аммитакум 288
Аммицадука 59
'Аммиянши 224
Аммунас 133, 134
Аммунира 250
Амон (Амана) 406, 421, 423, 425, 426, 428, 430—432, 435, 438, 440, 442, 444—446, 448, 450, 468, 475, 476, 478, 481, 482, 494—496, 498, 502, 503, 508, 509, 514, 516, 517, 519, 522, 526, 528, 529, 532, 535, 536, 550, 552, 554, 555, 557—560, 562, 564, 566, 570, 571

Амон-Ра (Аман-Риа) 406, 514, 557
'Аммурапи 194, 259, 260
'Аммурапи II 228
'Амрафель 273
Амур-Иштар 54, 55
'Анат 265, 288
Андрэ В. 50, 52
Аниттас 127, 128, 132
Анишхурве 67, 227
Аннияс 149
Антаратлис (Андарадлис) 146
Антефокера (Ан-йатаф-акри) 396
Анту, бог 153
Ану, бог 84, 109, 116, 153
Анубис (Анапа) 382, 519
Анум Хирве 48, 67, 127
Анхесенамон (Анхас-н-Амана) 522, 523; см. также Апхесенпаатон
Анхесенпаатон (Анхас-на-па-Йати) 520, 522; см. также Анхесенамон
Анхмахеру (Анах-ма-Хара) 357, 386
Анхура (Ан-хара) 445
Анцилис, божество 156
Апиашаль 25
Апил-Син 73, 74
Апис (Хапи), бык 379
Аплаханда 227
Апопи (Апапи) 416, 421, 556, 557
Арикденили 100
Армацитис 259
Арнувандас I 136, 142—145
Арнувандас II 143, 148
Арнувандас III 142, 143, 194
Арнулис 155
Артадама I 73, 98, 242, 246
Артадама II 99, 146, 147
Артемида 327
Ар-Хальбу 255
Асклепий 366
Асму-Никаль 136, 137, 143, 145
Астарта, 'Аштарт 232, 260, 264
Атон (Йати) 498, 502, 509, 518, 560
Атотис 296
Атпас 184
Атрей 184
Аттариссияс 184
Атум (Атама) 380, 388, 498, 508, 550, 561
Ахат-милка 257
Ахили 188
Ахтихотеп (Ахти-хатпи) 362
Ахтой (Ахтайя, Хети) 393, 397, 402
'Аширату, 'Аширта, 'Ашера, богиня 264
'Аштар, бог 264
Ашшур, бог 25, 52—54, 64, 90, 92, 101, 103, 110, 114
Ашшурубаллит I 99, 103
Ашшур-бел-кала 110
Ашшурбелнишешу 98
Ашшурдан I 104
Ашшурнади 55
Ашшуримитти 54, 55
Ашшуркашид 95
Ашшурмалик 55
Ашшур-надин-апал 104
Ашшурнадинаххе II 99
Ашшурнацирапал I 110
Ашшурнерари I 74
Ашшурнерари IV 110
Ашшурраби I 92
Ашшурубаллит I 147
Ашшур-реш-иши 105
Ашшуршадуни 73

Бак 498
Бакенамон (Бак-н-Амана) 478
Бакенхонсу (Бак-на-Ханса) 481
Ба'л, Ваал, бог 262, 264, 265
Ба'лат, Ба'лату, богиня 224, 264, 266
Барак 288
Баст (Убиста), богиня 368
Беби 395, 396
Белат-экаллим, богиня 26
Белкаррад 95
Бернадинаххе 94
Бинофрис 296
Боэтос 296
Буайе Ж. 65
Бузаз 54, 55
Бурна-Буриаш I 71
Бурна-Буриаш II 99, 148
Бур-Син (Амар-Зуэн) I 26

Вайднер Э. Ф. 99
Вайман А. А. 212
Варшама 48
Ван Дейк Я. 212
Васашатта 100
Веенхоф К. Р. 47
Вендишена 256—258
Вентрис М. 176
Воссиявший Двумя Жезлами (Хасехемуи) 303, 315
Вулли Л. 269
Вуллу 82
Вурункатте, бог 153, 154
Вурусему, богиня 153, 154

Гардинер А. 226
Геб (Гиба), бог 380
Гельб И. Е. 29, 57, 58, 267
Гектор 188
Геракл 190
Геродот 192, 294, 296, 300, 304, 327—329, 352, 358, 367, 370
Гильгамеш 84, 86, 152, 226, 265
Гомер 150, 280
Грозный Б. 121
Гудеа 218

Даган, бог 64
Далила 290
Дани-Эль 265
Дебора 288
Дебхени 356, 358
Дедусебек 414
Джанднери М. И. 78
Джелефра (Дадаф-Риа, Раджедеф) 367, 368, 370
Джелкара (Дад-ку-Риа) 354, 372, 374
Джосер (Даса) 329, 339—332, 364, 366, 367, 370
Диодор 296, 328
Дорм Э. 266
Драйвер Г. Р. 94
Дуашнхех 431
Дхаути, военачальник 438, 440

Ева 271
Елена 188
Енох 271
Ефрем 275

Залаэ 248
Зарикум (Саррикум) 23, 26
Зевс 327
Зете К. 296
Зимри-Лим 64—66, 227
Зимри-Эдда 250
Зоммер Ф. 182
Зузу 127

Иаиль 288, 289
Иаков, патриарх 269, 275
Иаков, сын Исаака 273, 274
Иафет 271, 272
Ибби-Зикир 218
Иби 349
Ибирану 259
Идри-Ми 72, 134, 234, 236, 238, 251, 264, 265
Иевфай (Йифтах) 290
Иеруб-Ба'ал (Гиде'он) 290
Иинефрет (И-нафа) 350
Иисус Навин (Иошуа бин-Нун) 270, 272 278, 284, 288
Икунум 26, 28, 29
Илиалим 57
Иливедаку 55
Иллуянкас, змей 156
Илушум 26, 29, 50
Ильхау 265
Имхотеп (И-ма-хатап) 364, 366
Инарас, богиня 153, 154, 156
Инб-Адад 73
Инени (Амани) 496
Инитефикр (Ан-йатаф-акри) 394, 395
Ини-Тешшуб 109, 258
Иннайа 57
Инти 356, 388
Иосиф 274, 275
Иошуа 288
Ипи (Апи) 503
Иритнеферт (Эра-нафра) 472
Ипик-Адад 61
Ипувер 418, 420
Ипуи (Апуйа) 485
Иркабтум 228
Ирпа'-Адду 228
Ирсу (Ар-са) 561
Иртисен 399
Исаак, патриарх 269, 273
Исав 273
Исида, богиня 380
Исида (Иси) 425
Исмаил 273
Исмерикка 143
Истанус, бог 154
Истустаяс, божество 153
Иуда 275
Иуйа 452
Иуни (Анайа) 474, 519
Итхи-Тешшуб 81
Ишме-Даган I 28, 64—66, 70, 71, 90
Ишме-Даган II 71
Ишмекараб 52
Ишпудахшу (Спутахсус) 134
Иштар, богиня 26, 62, 73, 84, 456
Иштаран 21
Иштарат, бог 21
Ишхара (Ужхара), богиня 84
Йирку А. 266

Кагемни 347, 357, 361
Кадашман-Харбе 445
Каин 22, 270, 271
Каинан 271
Какаи Нефериркара (Кукуйа Наф-арку-Ра) 331
Калеб 278, 279
Калимунас 186
Калис 132
Кальбу 255
Каманас, богиня 153
Камменхубер А. 119, 142—145
Камос (Ка-маси) 420—424, 431, 464, 472, 488
Канефер (Ку-нафа) 357
Караиндаш I 99
Караиндаш (Каракиндаш) II 99
Карту (Керет) 265
Каску, бог 153
Кассандра 188
Кассенис (или Писенис) 133
Катахципурис, богиня 153
Каттусис 129
Каэманх (Ку-ма-анх) 330
Кеехос 296
Келу Хеба 452
Кемош, бог 276
Кетура 273
Кибела, богиня 84, 153; см. также Кубаба
Киби-Тешшуб 81
Кидин-Нинуа 71
Киккиа 25, 29
Кирта 72, 92
Кош (Кос), бог 276
Кубаба, богиня 84, 153; см. также Кибела
Куваталлас 136
Кудшу, богиня 232, 265
Кунбелл Дж. Э. 296
Куккуннис 150
Кулума 54, 55
Кумарве, бог 82, 86, 152
Куригальзу I 104
Куригальзу II 99, 446
Кушан-ришатаим 279
Кушар-ва-Хусас 265
Кушшихарбе 81
Кэньон И. 232

Ламех 271
Ландсбергер Б. 47, 54, 61
Лапарнас 129, 144
Лапарнас I 132
Лапарнас II 132
Ларош Э. 119
Лахман Э. Р. 73
Леви Ю. 48, 54, 57, 92
Левий 270, 275
Лельванис, богиня 137, 153
Лия 274, 278
Лот 272, 274, 276
Луллайа 71
Лунаккис 147
Лу-Нанна 73

Маат, Муа 360, 379, 450, 516
Маатнефрура (Ма-нафру-Ра) 548
Мавсол 327
Маи (Майа) 493, 503, 509, 513, 517

Майльз Дж. 94
Мальмат А. 269
Маль-Никаль 148
Манапа-Таттас 184
Манахпирийа см. Тутмос III
Манефон (Манетон) 294, 295, 307, 311, 313, 315, 366, 372, 374, 400, 402, 414—416
Марайа 558, 559
Мардук, бог 99, 104, 114, 132
Мардук-надин-аххе 109
Мардук-шапик-зери 110
Маринатос С. 174
Марияс 145
Маттуваттас 184
Мафдет, богиня 311
Мафусаил 271
Маху 519
Мекетра 406
Мелхиседек 273
Менелай 188
Менена 543
Менкаура (Мин-куу-Риа, Микерин) 326, 330, 336, 356, 358, 368, 370, 372, 388
Менкаухор (Мин-куу-Хара) 372
Ментухотеп (Манта-хатпи), фараон 402, 406
Ментоухотеп (Манта-хатпи), сановник 414
Меренра (Мар-ни Риа), 354, 374, 376, 377
Мерерук (Мрар-и-ку) 361, 362, 376
Мерикар (Май-ку-Риа) 402
Меримос (Маи-Маси) 445
Мерира Пиопи (Маи-Риа-Пйапи) I 374; см. также Пиопи I
Мерирамерптаханх (Маи-Риа-маи-Птах-анхи) 333, 338, 344, 350
Мериранефер (Маи-Риа-нафа) 340, 343
Мерирра (Марити-Риа) 508
Меритатон (Маи-Йати) 250, 520
Меритра (Маи-Риа) 518
Мерихуфу (Маи-Хуфи) 356
Мернеит 313, 314
Мернептах (Мар-ни-Птах) 192, 260, 280, 491, 549, 559, 563, 568
Месехти 402
Мехуахти (Мах-и-Ахта) 354
Мецдуллас, богиня 153
Мечен 343, 352, 359
Миевис (Миебис) 313
Милькиэль 248
Мильком, бог 276
Мина, фараон 295, 297, 298, 302—304, 307, 309
Мина (Мени), правитель области 352
Мина, бог 352, 406
Митас 186
Мневис 296
Моисей 270, 274—277, 284
Монту (Манта) 431
Морган Ж. де 296, 297
Мот, бог 265
Мриа 474
Мубаллитат-Шеруа 99
Муваталлис 130, 150, 151, 180, 257, 540, 543, 545, 547
Мурсилис I 70, 131—133
Мурсилис II 147—151, 155, 157, 180, 182, 255, 256, 529
Мурсилис III 151
Мут 446, 448, 516, 550
Мутаккиль-Нуску 105
Мутемуиа (Мут-ма-уа) 448
Мутнофрет (Мут-нафа) 425

Навиль Э. 297
Навуходоносор I 105
Назимарутташ 100
Н(и)анехсехмет (На-анах–сахма) 356
Нанна, бог 265
Нарам-Син, ашшурский 28, 29, 52, 61
Нарам-Суэн, аккадский 29, 127, 211, 216, 218
Нармер 298, 300
Науман Р. 50, 122, 164, 168
Нахор 272, 273
Нахт 464
Нахтмин (Нахт-Мина) 508, 519
Нахтамон (Нахт-Амана) 508, 543
Нахтпаатон (Нахт-па-Йати) 508
Небмехит (Ниб-махэ) 472, 473
Небуненеф (Ниб-унанаф) 536
Небхепрура(су) [Нибхруриа(са)] 523
Несуамон (Ас-Амана) 570
Несубанебедед (Ас-би-ниб-Дида) 571
Неферефра (Нафраф-Риа) 372
Нефериркара (Наф-ар-ку-Риа) 331, 352, 372
Неферкара Небка (Наф-ку-Риа Ниб-ку) 366
Неферкара Пиопи (Наф-ку-Риа) II 374
Нефертари 420
Нефертити (Нафт-ита) 506, 519, 523, 524
Неферхеренптах (Наф-ха-на-Птах) 357
Неферхерес 296
Неферхотеп 226
Нефнефрура (Нафнафра-Риа) 519
Нефретари (Нафт-эра) 548, 554
Нефрура (Нафра-Риа) 430, 432
Нефрусебек 404
Нефру(и) си 519
Нефтис (Нибт-ха) 380
Никкаль, Нингаль, богиня 265
Никм-Адду II 146, 249, 254, 255, 258
Никм-Адду III 259
Никм-Эпа 234, 242, 251, 253, 255, 256
Нинлиль, божество 114, 153
Нинурта-надин-шуми 105
Нинурта-апал-Экур 104
Нинурта-тукульти-Ашшур 104, 105
Нинэгаль, богиня, 26, 264
Нисутнефер (Инси-нафа) 339
Нитокрида (Нит-акра) 376, 400
Ниусерра (На-уас-Риа) 330, 331, 333, 336, 340, 372—374, 377
Ной 271, 284
Нофрет 384
Нубадег, бог 84
Нуна (Науна) 380
Нур-Даггаль 28
Нут (Ни), богиня 380
Нурили 73
Нирияну 254

Онурис (Ан-Хара) 536
Осирис (Усири), бог 310, 380, 381, 382, 406, 408, 472, 474, 496, 497, 514, 518, 519, 557, 558
Отниэль 279
Оттен Г. 129, 131, 134, 142, 144, 145

Паитнемхеб (Па-Йати-ма-ху) 508
Панехси (Па-нхаси) 508, 509, 570
Папайяс, божество 153
Пареннефер (Па-рин-нафа) 498, 502, 517
Парис 150
Париявадрис 134
Параттарна 72 92, 234, 238
Парсадаттар 72, 92
Пасер (Па-сиур) 549, 550
Паттадишшу (Паттатиссус) 134
Пахери (Па-хри) 462, 482, 493
Пелег 272
Пендигалли, богиня 84, 264
Пентаур (Па-та-уира) 568
Пепинахт 355
Песешет 362
Пехернефер 351
Пийамаратус 184
Пиллий (Паллиянс) 134
Пиопи (Пйапи, Пепи) I 216, 333, 360, 361 376, 377, 381
Пиопи (Пйапи, Пепи) II 329, 352, 354, 376, 377, 400
Пипианх (Пйапи-анхи) 347—350
Пирвас, бог 153
Пирьяваса 249
Питханас 127, 128, 132
Пиххунияс 148, 149
Пияссилис (Шарри-Кушух) 147, 248
Плиний Старший 328
Плутарх 296
Постгейт Дж. Н. 94
Приам 150, 188
Птах, бог 304, 380, 381, 384, 475, 495, 498, 503, 522, 554, 558—560
Птаххотеп (Птах-хатпи) 349, 361
Птахшепсес (Шапсас-Птах) 359
Птолемей II Филадельф 295
Пудо-Хеба 137, 151
Пузур-Ашшур I, 26, 64, 71, 92, 95
Пузур-Ашшур II, 28, 29, 61
Пузур-Ашшур III 71, 72, 92, 98, 99
Пуимра 431, 434
Пушукен 52, 54, 55, 57
Пэрва 127

Ра (Риа), бог 367, 368, 370, 372, 406, 471, 497, 502, 518, 532, 561, 571
Ра-Атум (Риа-Атама), бог 380, 381, 508
Рамесу (Риа-маси) 518
Рамос (Риа-маси), жрец 478
Рамос (Риа-маси), сановник 502, 504
Рамсес (Риа-масэ-са) I 529
Рамсес (Риа-масэ-са) II 150, 151, 192, 257, 275, 277, 462, 478, 487, 489, 530, 535—537, 540, 542—549, 551, 552, 554, 555, 557, 558, 560, 562—564, 566, 568
Рамсес (Риа-масэ-са) III 196, 240, 260, 280, 475, 486, 487, 494, 495, 555, 561—564, 566, 568
Рамсес (Риа-масэ-са) IV 476, 568, 570
Рамсесы V—XI 570, 571
Рамсеснахт (Риа-масэ-са-нахти) 570
Раур (Риа-уира) 351, 360
Рахиль (Рахель) 274, 277
Рашепсес (Шапсас-Риа) 349
Рахотеп 384
Рашпу, бог 232
Ревекка 273
Рехмира (Рих-ма-Риа) 458, 460, 468, 495
Реш-Адад 211
Риб-Адди 249, 250
Римшнейдер К. К. 132, 133
Рнени 395, 396

Сабастет (Си-Убисти) 474
Сабеф 315
Сабки 395, 396
Сабни 355
Салманасар I 100—102, 151, 257
Салманасар II 110
Салманасар III 127
Самсон (Шимшон) 290
Санехт 367
Сантас, бог 153
Сапоретти К. 101
Саптах (Си-Птах) 560—562
Саргон аккадский 28, 29, 130, 211
Саргон I ассирийский 28, 29
Саргон ашшурский 28, 29, 54
Саргон Древний 29, 59, 127, 216
Сарра 273
Сауссадаттар 72, 73, 92, 143, 234, 242, 251
Сахура (Сах-и-Риа) 319, 340, 354, 356, 360, 372, 374, 377
Себекху 395
Секненра (Сакнан-Риа) 420, 556, 557; см. также Таа
Семемпсес 296
Семирамида 327
Семнехкара (Анххепрура Семнехкара, Анх-хуру-Риа Самнах-ку-Риа) 520, 524
Сенемях (Сан-м-Аха) 431
Сененмут (Сан-на-мауа) 430—432, 476; 494
Сенмин (Сан-Мин) 430
Сенусерт (Са-на-уасра) I 404, 408, 414, 415
Сенусерт (Са-на-уасра) II 404, 410, 414, 418
Сенусерт (Са-на-уасра) III 226, 395, 404, 408, 410, 414
Серуг 272
Сесохрис 296
Сет, Сута, Сетх, бог 315, 337, 380, 416, 532, 557, 558, 561
Сети (Сутайа) I 150, 240, 256, 257, 462, 471, 479, 481, 487, 529, 530, 534—537, 547, 549—552, 555, 557, 558, 568
Сети (Сутайа) II 559, 560
Сети (Сути), зодчий 448
Сетнахт (Сута-нахти) 562, 563
Сешат, богиня 379
Сим 271, 272
Симеон 275
Син, бог 71
Синарану 254—256
Синухет (Си-наха) 224, 225, 415
Сисара 289
Си-тп-иху 431
Ситамон (Си-амана) 456
Сиусумми, бог 153
Сиф 22, 270
Снофру (Санфара) 331, 336, 340, 354, 359, 366, 367, 372, 420
Сохмет (Сахма), богиня 448
Стапарияс 133
Сулили 29
Сулинкатти, бог 153

Сумуабум 26
Сунассурас 147
Суппилулиумас I 73, 81, 99, 142—147, 157, 249—252, 254, 256, 523
Суппилулиумас II 142, 194
Сурья, бог 72
Сута 510
Схотепибра (Сахтап-иб-Ра) 412, 414

Таа 420; см. также Секненра
Табцилл-Ашшур 55
Тавакалавас 184
Тавананнас 132
Такхулина 258
Талма-Адду 228
Тальми-Тешшуб 194, 259
Тальми-Шаррума 150
Тамурия 48
Тарикутана, Тарикута 48
Тарминнайа 79
Тару, бог 153
Тархунтас, бог 153, 158, 164
Тархунтацалмас 147
Таттас, бог 153
Таусерт (Та-уаса) 560, 562
Тахурваилис 142
Таццувасис, богиня 153, 154
Таченен, бог 380
Телепинус, бог 153, 154, 156, 157
Телепинус, царь 129, 131, 133, 134, 142
Тепеманх (Та-ма-анах) 357
Тети (Атати) 374, 376, 432, 495
Тетиан (Атати-Ан) 423
Тетианх (Атати-анхи) 348
Тефнут (Тфини), богиня 380
Техиб-Тилла 73, 79, 81, 82, 86
Тешшуб (Тешшоб), бог 82, 84, 86, 109, 153, 264
Ти 386
Тиглатпаласар (Тукульти-апал-Эшарра) I 105—110, 186, 188, 196, 260
Тид'аль 273
Тилла, бог 82, 84
Тишари 86
Тишнайя 86
Тияц, божество 153
Тот (Дхаути), бог 379, 381, 478
Тот (Дхаути), князь 431
Тубал-Каин 271
Туйа 452
Тукульти-Нинурта I 102—104, 117, 184, 188
Тульбуннайа 79, 80
Туппи-Тешшуб 150
Тутанхамон (Тут-анх-Амана) 147, 148, 458, 460, 462, 466, 491, 518, 520, 522—524, 528, 529, 557; см. также Тутанхатон
Тутанхатон (Тут-анах-Йатн) 522; см. также Тутанхамон
Тутмос (Дхут-маси) I 238, 424—426, 437, 496
Тутмос (Дхут-маси) II 425, 554
Тутмос (Дхут-маси) III 73, 238, 242, 247, 425, 426, 430—432, 435—438, 440, 441, 444, 445, 458, 461, 464, 466, 468, 470—472, 474—476, 478, 482, 487, 489, 495, 530, 534, 545, 547, 556, 566
Тутмос (Дхут-маси) IV 73, 98, 238, 240, 242, 246, 444, 445, 448, 462, 495
Туту 504, 510
Тутхалияс I 143, 144
Тутхалияс II 142, 143
Тутхалияс III 142, 144
Тутхалияс IV 142
Тутхалияс II/III 145
Тутхалияс III/IV 152, 160, 182, 186, 192, 256, 257
Тутхотеп (Дхут-хатпи) 408, 410
Тушратта 73, 81, 92, 99, 146, 147, 245, 248, 452, 456, 458, 497
Тэйе, царица 426, 450, 452, 456, 462, 464, 497
Тэйе, кормилица 523, 524

Уабхнему 316
Уаджмес (Уад-маси) 425
Удри-Шаррума 257, 258
Уенефес 296
Узуа 50, 52
Уммихиби 258
Унамон, Унуамон (Ун-Амана) 282, 571, 572
Уни 333, 336, 340, 359—361, 374, 376, 377
Уннас 342, 353, 357, 372—374, 377, 381
Упемнефрет (Уп-ма-нафа) 342
Упуаутмес (Уп-уау-маси) 474
Урниптах [Ур-н(и)-Птах] 395, 396
Урхи-Тешшуб 151
Усеркаф (Уас-куф) 331, 340, 352, 372
Усерсетет 444
Ухоревс 296
Уххацитис 155, 182
Ушпиа (Аушпиа) 25

Фидий 327
Финкельстайн Дж. 59
Флиндерс Питри В. М. 296, 307, 317
Форрер Э. 119, 121, 131, 182

Хаба (Ха-би) 366
(Х)адду, бог 264
Халмасвитт 153
Хам 22, 271, 272
Хаммурапи 30, 59, 64, 65, 92, 138, 223, 269, 273
Хамуасет (Ха-ма-Уиса) 558
Хандилис 132—134
Ханеферра (Ха-наф-Ра) 372
Ханнаханнас, богиня 156
Хантилис 70
Хапиджефа (Хап-джефа) 395, 414
Хапри, бог 380
Хапусенеб (Хапи-санбн) 431
Харан 272
Харапсилис 132, 133
Хардиниф (Дадаф-Хара) 361
Хасамплис 153, 154
Хатепинус, богиня 153
Хатпан (Хитайа) 549
Хаттусилис I 68, 70, 129, 132, 157, 228
Хаттусилис II 143—145
Хаттусилис III 101, 144, 151, 152, 157, 253, 257, 547—549
Хатхор (Хат-Хара), богиня, 211, 224, 264, 428, 431, 470
Хатшепсут (Хи-шапсауа) 425, 426, 428, 430, 432, 448, 464, 470, 471, 476, 494, 555

Хафра (Хааф-Риа, Хефрен) 216, 294, 326, 330, 331, 368, 370, 372
Хафмин (Хааф-Мина) 330
Хахеперрасенб (Ха-ахпир-Риа-санби) 418
Хаэмхет (Ха-ма-хи) 454
Хебат, божество 82, 84, 153
Хебер 289
Хедамму, змей 86
Хеканехту (Хака-нахти) 549, 550
Хемака 313, 316, 319, 323
Хемиуну (Хам-Анайа) 331
Хентика (Ханти-ку) 332
Хенку 338
Херихор (Хри-Хара) 570, 571
Хесира (Хасйа-Риа) 329
Хетепсешат 340
Хетепхерахти (Хатап-ах-Ахта) 348
Хетепхерес [Хатп(и)-храс] 332, 335
Хиан 416
Хику, бог 379
Хинзури 86
Хирхуф (Хуф-Хара) 340, 354, 355, 377
Хнемхотеп (Хнам-хатпи) 354
Хнемхотеп (Хнам-хатпи) II 410
Хнум (Хнама) 519, 549
Хонсу (Ханса) 446, 570, 571
Хор (Гор, Хара) 297, 304, 307, 315, 323, 337, 381, 384, 400, 444, 491, 524
Хор Боец 297, 298, 302—304, 308—312
Хор, Воссиявший Двумя Жезлами (Хасехемуа) 303, 309, 337
Хор, Воссиявший Жезлом (Хасехем) 300, 304, 307, 317, 322, 337
Хор, Высокий Рукою 397, 313—315
Хор, Двойник 302—304, 307—309
Хор, Дружественный Утробой (Семерхет) 313—315
Хор Змей 298, 310—312, 314, 317
Хор, Мощный Утробой (Сехемхет) 364, 366
Хор Простиратель 311—317, 319
Хор Скорпион 302—304, 307—309, 318, 319, 324
Хор Сом 300, 302—304, 307—310, 312, 319, 322, 324
Хор Хват (Сехти, Джера) 302, 303, 310—312, 315
Хор, Целостный Сердцем 313—315
Хоремхеб (Хар-ма-ху) 240, 476, 478, 522, 524, 526, 528, 529, 550, 551, 557
Хори (Хара) 562
Хормин (Хара-Мина) 549
Хорнахт (Хара-нахти) 395
Хукканас 145
Хуллас, богиня 153
Хуниа 54
Хупасияс 156
Хурмили 127
Хуррай 265
Хуфу (Хуф-и-Хмана, Хуфи, Хеопс) 326, 327, 329, 330, 332, 358, 367, 368, 370, 372, 381, 397
Хуццияс 133, 134

Цалиянус, бог 153, 154
Цалутис (Залуди) 130
Цаннанц 148
Цапарва, божество 153
Ца(с)хапунас, богиня 153, 154
Цинтухис, богиня 153
Цитандас (Цитанц) 132, 133
Цуккис, божество, 156
Цукрасис (Зуграши) 130
Цулияс 155
Цупана 55

Чинени (Чанени) 440, 478
Чиа 347, 348

Шабака (Шабику) 380
Шавиттена 257
Шавушка, богиня 84, 86, 90, 232, 264
Шагриуман 48
Шаллим-Аншур 57
Шаллимахум 26, 29
Шамаш, бог 64, 110
Шамгар 288
Шампольон Ж. Ф. 295
Шамши-Адад I 28, 29, 61—66, 90, 92—95, 100, 128, 129, 223, 227, 269
Шамши-Адад II 71
Шамши-Адад III 71
Шамши-Адад IV 110
Шапшу, богиня 264
Шарелли 257
Шарма-Адад I, II, 71
Шар-матиму, бог 21
Шарники 57
Шарумма, божество 153, 264
Шаттиваса 81, 99, 147, 148
Шаттуара (I) 100
Шаттуара (II) 100, 151
Шаушкамува 182, 184, 258
Шемуба 228
Шеннам 67, 227
Шепсескара (Шапсас-ку-Риа) 327
Шепсескаф (Шапсас-куф) 372
Шеруа, богиня 114
Шет (Сиф) 270, 271
Шеффер К. 260
Шидури, богиня 84
Шильви-Тешшуб 81
Шимиге, бог 84
Шлиман Г. 42, 149
Шмандт-Бессерат Д. 212
Шу (Шау), **бог** 380, 498, 502
Шулер Э. фон 119
Шульги 24, 218
Шустер Х. З. 119
Шуттарна I 72, 92
Шуттарна II 73, 98
Шуттарна III 147

'Эбер (Евер) 272
Эбинаэ 259
Эглия 226
Эйе (Айа, Аи) 148, 519, 523, 524, 526, 529, 557, 560
Эйя 55, 84, 86, 153
Эйяшарри, бог 84
Элат, богиня 264
Эллиль, бог 21, 62, 90, 99, 114, 153; см. также Энлиль
Эллильнацир 73
Эллильнерари 99, 100
Эль, бог 264, 265
Эль-Берит 286
Эль-Эльйон 273, 286
Энлиль, бог 218; см. также Эллиль

Эмери В. Б. 316, 330, 366
Энош 271
Эришум I 26, 28, 29, 50, 52
Эришум II 28, 29, 61
Эришум III 71
Эриба-Адад I 94, 99
Эхея 134
Эхли-Тешшуб 102
Эхнатон (Ах-на-Йати) 148, 150, 249, 250, 491, 498, 504, 506, 508—510, 514—520, 523, 552, 560; см. также Аменхотеп IV

Ювал 271

Ябин 279, 289
Явал 271
Якин-лу 226
Ямму, бог 264
Янтин-'Амму (Янтин) 226
Япа-шему-Аби I 226
Япа-шему-Аби II 226
Яред 271
Ярим-Лим I 227
Ярим-Лим III 228
Яриху, бог 264, 265
Ятарами 227
Яхашши 258
Ясмах-Адад 62—65, 227
Яхве, бог 102, 273—278, 282, 284, 286, 288
Яхдун-Лим 227
Яхмос (Ах-маси) I 238, 421—424, 462, 473, 529
Яхмос, царица 424—426
Яхмос, сын воина 472, 473, 487
Яххотеп 423, 428, 462
Яшуб-Эль 63

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абидос (Абада) 296, 307, 310, 318, 329, 352, 381, 394, 408, 423, 472, 535, 536, 550, 552, 557
Абу-Гураб 372
Абу-Симбел 568
Абу-Сир 372
Авал 26
Аварис (Ха-уара) 230, 416, 420, 421, 554
Адалур, гора 127
Адем, р. 24, 30, 75, 100
Аденский залив 426
Азербайджан
— Южный 93
Аззату 434; см. также Газа
Азия 340, 364
— Центральная 202, 210, 240
— Юго-Восточная 268
Азот 280; см. также Ашдод
Ай 220, 279; см. также ат-Телль
Акаба, залив 208
Акдаг, гора 149
Акзиб 249
Акка (Акко) 223, 249, 262, 532, 546
Аккад 21, 116
Аккаде 29
Аккарон 280
Акпунар 164
Акути 441
Аладжахан 144
Аладжа-Хююк 36, 38, 40, 44, 160, 164, 168
Алалах 61, 67, 68, 70, 72, 73, 82, 130, 134, 218, 223, 227, 228, 229, 234, 236, 240, 242, 244—246, 248, 249, 251, 253, 254, 260, 265; см. также Телль-Атшан
Аласия, Алашия 180, 184, 194, 196, 257, 259, 260, 446; см. также Кипр
Алебастрополь (Ха-ниса, Хутнисут) 524
Александрия 327
Алеппо 60, 209, 540, 544; см. также Халеб
Алзи, Алсе, Агдзник 70, 73, 99, 102, 107, 108, 146, 147, 150
Алишар 40, 50, 127, 128, 168; см. также Амкува
Алтынкёпрю 30, 61
Амадани, горы 108
Аманус, хр. 127, 130, 208, 209, 211
Амбия 234, 248, 249; см. также Аммия
Амик, оз. 202, 209, 218, 240, 256
'Амку, 'Амка 147, 240
Амкува 50, 53, 126; см. также Алишар
Аммия 234; см. также Амбия
Аммон (Амман) 276, 278
Амурру 109, 146, 150, 151, 182, 184, 196, 208, 247—251, 256—258, 260, 546, 547, 564
Ана 380, 388, 404, 498; см. также Гелиуполь
Анатолия 31, 32, 438, 466, 546, 547
— Северная 124
— Центральная 118
Анкара 144
Ансария, гора 208, 227, 246, 256
Анталья 149
Антиливан 147, 208—210, 224, 240
Анхаб (Нехеб) 398, 423, 462, 482
Анчан 65
Апа, Южная Апа 444, 446; см. также Луксор
Апаса 155
Апа-сауа 570
Арабан 130
Араванна 540
Аравийский полуостров 209
Аравия 223, 270, 274, 290
— Южная 210
Аракс, р. 36, 93
Арапкир 150
Арана 437
Арацани (Мурад-су, Мурад, Мурат), р. 36, 106, 144, 184, 212
Арбела (Урбиллум, Арбаилу, Эрбиль) 26, 30, 61, 66, 72, 74, 90, 92—94, 99, 105
Арвад 109, 223, 246, 262
Ардата 240, 246, 249, 436
Арзухина 76
Ари 254
Аринна 101, 109, 136, 153, 154
Арипса 150
Арманум 211, 216
Арме 107
Армения 68, 90
Армянское нагорье 38, 67, 74, 82, 93, 102,

107, 108, 120, 122, 124, 126, 136, 151, 184, 194, 203, 210, 212
Аррапха (Алилани) 30, 61, 66, 67, 72—76, 78—82, 84, 90, 92—97, 99, 100, 102, 105, 228, 251, 253; см. также Киркук
Арцава 130, 134, 144, 149—151, 155, 182, 188, 196, 446, 529, 540
Аскалон 280, 545; см. также Ашкелон
Ассирия 23, 25, 28—30, 73, 82, 90, 92, 95, 97, 99, 100—105, 107, 109, 110, 114—116, 150, 151, 172, 182, 184, 252, 258, 468, 534
Ассува 149, 188, 192
Асуан 395
Асьют 402
Атлантида 174
Аттика 173
Аур 92
Афганистан 34, 125, 216, 320, 335
Афины 176
Африка 22, 202, 354
— Центральная 354
Ахайя 180, 182
Ахетатон (Ай-Йатн) 245, 458, 462, 503, 504, 506, 508, 510—514, 517, 519, 524, 555, 560; см. также Эль-Амарна
Ахлатлибель 34, 44
Ахнаббу, селение 254
Аххиява, Аххия 182, 184, 188, 192
Ацци 144, 145, 149, 150, 186
Ашдод 280, 284; см. также Азот
Ашкелон 280, 545, 546, 559; см. также Аскалон
Ашнакум 62
Ашшур 22, 23, 25, 26, 28—31, 46—48, 50, 52—55, 61—63, 66, 70—73, 90, 92—100, 103—105, 109—111, 117, 125, 216, 251, 253, 271, 272, 438, 446, 454

Байбурт 108
Балканы, Балканский полуостров 34, 38, 44, 105, 120, 130, 172, 173, 182, 186, 190, 192, 194, 212, 282
Бания 246
Батман, р. 107
Батна 53
Батуми 108, 119
Бахрейн, о-в 24, 103; см. также Тельмун
Беершеба 204, 206
Безек 278
Бейджесултан 31, 32, 34, 40
Бейрут 208; см. также Берута
Бейшехир, оз. 149, 164
Белих, р. 24, 53, 62, 93, 101, 209
Белые стены 313, 314, 316, 318, 319, 322, 373, 376, 380, 381; см. также Мемфис
Бени-Хасан 230, 412, 416
Берута 208, 223, 225, 246, 250, 257; см. также Бейрут
Бетел (Бетэль) 277, 288
Бет-Шеан 240, 260, 264, 279, 532, 534
Библ 202, 203, 208, 210, 211, 216, 218, 222, 223, 225—227, 246, 250, 257, 260, 262, 264—266, 354, 377, 393, 415, 457, 572; см. также Губла, Джубейль
Бига, полуостров 149
Биркет-Абу, оз. 452
Бит-Замани 95
Ближний Восток 23, 30, 34, 71, 115, 137, 139, 146, 152, 173, 203, 210, 212, 223, 229, 251, 286, 445, 515
Богазкёй 50, 121, 122, 126, 168; см. также Хаттуса
Большой Заб, р. 24, 25, 84, 93, 102, 108
Большой Кавказ 88, 93
Большой Мендерес, р. 149; см. также Меандр
Босфор, пролив 120, 192, 194
Бубастис 296
Бусирис (Диду, Джеду) 381
Бухан (Боон) 330, 412, 422, 424

Вавилон 26, 59, 66, 70, 99, 109, 131, 327, 445, 454
Вавилония 59, 64, 70, 73, 74, 81, 82, 92—94, 98, 99, 101—105, 109, 110, 117, 138, 151, 182, 210, 245, 272, 277, 438, 442, 446, 468, 470, 534
Вади-'Араба 204, 208, 210
Вади-Джагджаг, р. 93
Вади-эн-Натрун 398
Вади-Хаммамат 394, 398, 476, 570
Ван, оз. 36, 101, 136, 150
Вахшушана 53—55, 126
Вашхания 47, 53
Вашшуккане 72, 92, 100, 146, 147
Верхнее море 103, 108
Верховье 309, 323, 337
Вилуса 130, 149, 150, 182, 188; см. также Троя, Илион, Хисарлык
Восточная пустыня 393, 466, 503

Гаваон (Гибе'он) 278, 279
Газа 210, 230, 232, 240, 246, 280, 290; см. также Аззату и Телль эль-Аджжуль
Газиантеп 130, 218
Газру 280, 559; см. также Гезер
Галаад (Гил'ад) 278
Галикарнасс 180, 327
Галис, р. 50, 53, 118, 119, 124, 127, 128, 130, 150
Гасур 23, 67, 75, 216; см. также Нуза, Йорган-тепе
Гассул 204, 206
Гата 275, 280
Гебель-Баркал 470
Гебель эль-Ахмар 468
Гебель-эс-Сильсила 529
Гезер 245, 246, 248, 279, 280; см. также Газру
Гелиуполь 296, 372, 380, 418, 440, 450, 498, 506, 508, 509, 513, 517, 551, 559, 560; см. также Ана
Генисаретское озеро 280; см. также Тивериадское оз.
Гераклеуполь (Хи-ни-нси) 402
Герм, р. 149
Гермонтис (Ана Манта) 431, 471
Гермуполь 379, 381, 406, 431, 458
Гёрюн 150
Гескун 48
Гиераконполь 296, 298, 300, 302, 304, 307, 317, 331, 384
Гиза 326, 362, 367, 370, 373
Гоморра 214, 273
Греция 172, 173, 176, 190, 194, 196, 198—201, 272, 280, 454
Грузия 36, 125
— Южная 90

Губла 208, 211; см. также **Библ, Джубейль**
Гурния 198
Гявуркалеси 164

Дагестан 120
— **Центральный** 36
Дайени 108
Дамаск 74, 209, 210, 226, 227, 249, 278
Дамасский оазис 54, 210, 224, 240, 246, 248, 249, 257
Дапур 546
Дарданеллы (Геллеспонт), пролив 120, 173
Дахшур 367, 373, 404
Двуречье 22, 26, 102, 251, 272, 466, 491
— **Нижнее** 58, 74, 172
Дебир 278, 279, 546
Дер 26, 94
Дер эль-Бахри 426, 428
Дер эль-Медина 482
Дешаше 386, 388
Джаббуль, оз. 234
Джебла 246
Джебель-Бишри 109, 209, 210, 222, 247
Джебель-Друз 209
Джебель-Макхуль 61
Джебель Синджар 93
Джебель-Хамрин 61, 100
Джейхан, р. 48
Джераблус 68; см. также **Каркемиш**
Джубейль 208; см. также **Библ, Губла**
Дибон 278
Дивриги 144, 186
Дияла, р. 23, 24, 26, 30, 57, 65, 66, 94, 100, 102, 109
Диярбакыр 95
Дор 279, 282
Дорак 34, 44
Дра Абу-ль-Негга 394
Дур-Куригальзу 104, 109

Европа 46, 48, 173
— **Восточная** 71, 120, 173
— **Юго-Восточная** 34, 120, 173
Евфрат, р. 21—24, 30, 36, 46, 53, 57, 59, 60—63, 65, 66, 68, 70, 74, 82, 93, 94, 98—102, 105—109, 119, 121, 122, 124, 125, 130, 132, 144, 146, 147, 149—151, 176, 186, 188, 202, 208, 209, 210, 212, 215, 220, 223, 224, 227, 228, 232, 234, 238, 240, 247, 250, 272, 274, 424, 434, 436, 437, 441, 444, 445, 462, 464
Египет 32, 73, 98, 99, 101, 105, 121, 132, 139, 146—151, 173, 176, 182, 184, 194, 196, 200, 202, 203, 208—211, 216, 220, 222—226, 229, 230, 232, 236, 238, 242, 245—251, 257—260, 262, 265, 267, 272—277, 280, 290, 293, 295, 297, 302—304, 307—309, 315, 317, 318, 320—322, 324—330, 332, 334—337, 351, 353—355, 358—360, 364, 368, 376—378, 380, 392, 393, 396, 400, 415, 416, 420—424, 426, 430, 434, 435, 438, 442, 444—446, 450, 457, 458, 460, 462, 464, 466, 468, 470—472, 474, 487—489, 491, 494, 495, 504, 509, 510, 514, 515, 518, 520, 522—524, 526, 528—530, 532, 536, 537, 546—549, 552, 554, 559—564, 570—572.
— **Верхний** 296, 304, 318, 322, 331, 333, 337, 338, 343, 351, 358, 359, 364, 367, 376, 392, 400, 402, 404, 420, 422, 423, 432, 493, 509, 551, 558, 564
— **Нижний** 298, 302, 307, 308, 323, 343, 358, 359, 367, 392, 404, 422, 431, 432, 493, 498, 502, 509, 551, 558, 563, 564
— **Северный** 555
— **Средний** 296, 393, 504
Ездраелонская долина (Изреель) 208, 220, 238, 240, 289, 434
Ешиль-Ирмак, р. 125

Завиет эль-Ариан 366
Загрос, горы 26, 30, 31, 61, 66, 67, 74, 93, 94, 100, 105, 228
— **Северный** 107
Заиорданье 204, 209, 210, 222, 224, 230, 240, 258, 262, 269, 272, 274, 276—279, 290
— **Южное** 274
Закавказье 93, 186, 210, 259
— **Западное** 118
— **Центральное** 90
Зингун 101
Зинджирли 272; см. также **Сам'аль**
Зиркели 164

Иба см. **Элефантина**
Иеноам 280, 532, 546, 559
Иерихон 202—204, 220, 232, 262, 277, 279
Иерусалим 226, 246, 248, 249, 273, 278, 279, 286
Израиль, Израильское царство 270, 273, 276, 277, 280, 288, 559
Илион 149, 188, 190; см. также **Вилуса, Троя, Хисарлык**
Иидия 24, 94, 103
Индонезия 174
Иолк 176, 182
Иорган-тепе 75; см. также **Нуза, Гасур**
Иордан, р. 204, 206, 208—210, 220, 222, 240, 275, 277—279, 289
Иордания 204, 278
Ипу см. **Панополь**
Иран 71, 120, 272
Иранское нагорье 24, 30, 57, 71, 74, 216
Ирката 246, 249
Исаврия 150
Искандерон, Искендерун, зал. 196, 227, 256
Иси 438, 466, 468
Испания 66, 125, 258
Испарта 149
Иссин 223
Иудейское царство, Иудея 270, 271, 273, 277
Ишува (Исува) 144, 146, 150, 186, 188

Кабара, Кабра 61, 62, 82, 99
Кавказ 78, 120
— **Южный** 38
Кадеш 146, 150, 151, 238, 247, 257, 434, 436, 437, 441, 444, 487, 489, 529, 534, 536—538, 540, 542—546, 551, 557, 560; см. также **Кинза и Телль-Неби-Менд**
Каир 326, 366, 367, 468
Кадмухе 100—102, 106, 107
Казахстан 71

Каистр, р. 149
Кайсери 53, 125
Кал'ат аль-Мудик 234
Кальху 109, 271
Камид аль-Лоз 248; см также Кумиду
Канари 76
Каниш 28, 31, 36, 46—49, 52—58, 65, 67, 68, 75, 92, 104, 118, 120—122, 124, 126—128, 130, 132, 157, 158, 160, 172, 216, 258; см. также Неса
Каппадокия 124
Каптара см. Крит
Карабел 164
Караман 150
Карана 62, 90; см. также Телль ар-Римах
Карасу, р. 145, 186
Карахар 67
Кар-Дунияш 103
Кария 327
— Южная 149
Каркемиш 57, 60, 61, 68, 70, 100, 101, 109, 125, 147—151, 194, 196, 209, 227, 242, 248, 250, 251, 256—258, 260, 436, 540; см. также Джераблус
Кармел, хр. 208, 434
Карнак 404, 430, 431, 438, 440, 445, 446, 448, 450, 454, 456, 482, 498, 502, 503, 522, 526, 529, 530, 532, 534—536, 538, 550, 552, 554, 555, 559, 560, 570, 571
Кар-Тукульти-Нинурта 103, 104, 116
Кас 420; см. также Куссы
Каспийское море 93
Кастама 154
Каталония 84, 124
Катна 60, 62, 63, 65, 146, 215, 223, 225, 227, 228, 247, 248, 441, 519, 534
Каттунан 62
Кафтор см. Крит
Кахетия 36
Кеде 196, 546
Келесирия 147, 208, 226, 240, 245, 246, 442
Келькит, р. 84, 107, 144
Кибистра 130
Киклады, Кикладские острова 58, 173, 174
Килизи 99
Киликия 190, 196
Кильхи см. Колхида
Кинза 150, 151, 238, 247, 250, 257, 259; см. также Кадеш
Кипр, о-в, 24, 46, 66, 180, 184, 192, 194, 196, 200, 208, 282, 446, 466, 563, 572; см. также Аласия
Кирдахат 62
Киркук 61, 75; см. также Аррапха
Кискилуссае 156
Кисмар 26
Киццувадна 73, 84, 124, 134, 143, 147, 150, 151, 196, 248, 254, 260, 540
Киш 22, 214, 216
Кносс 173, 174, 180, 198, 199
Колофон 180
Колхида 108, 109, 125
Комана 84, 134
Конья 31, 149
Косер 393
Красное море 208, 310, 326, 335, 354, 393, 426
Красноморье
— Южное 335, 354, 355, 374, 393, 402, 428, 430, 434, 438, 445, 457, 464, 468, 470, 471, 529
Крит, о-в 65, 66, 173, 174, 176, 180, 196, 198—201, 254, 265, 393
Ксоис (Хсау) 415
Кувалия 149
Куливисна 156
Кулума 54
Кумене 84, 109
Кумесмаха, р. 134
Кумиду 245, 246, 248; : см. также Камид аль-Лоз
Кумманне 84, 134, 248
Куммаха 144, 186
Кумме 84
Кура, р. 36, 93
Курайя 445, 452
Курдистан
— Северный 93
Куруттум 62
Куссы 420, 431; см. также Кас
Куссара (Кушшар) 126—131
Кутмар 146
Кызыл-Ирмак, р. 50, 107

Лавас, гора 155
Лаваццантия (Лухуццатия) 134
Лагаш 214, 218
Лакиш 220, 246, 260
Ланда 129
Ларса 223, 273
Латакия 246
Лацпас 184
Лейден 420
Лерна 173
Лесбос, о-в 182
Ливан 62, 63, 109, 146, 147, 208, 211, 227, 240, 247—249, 265, 466, 468, 546
— Северный 208
— Средний 208
— Южный 208
Ливия 223, 319, 430
Лидия 125, 149, 271
Ликия 149, 182
Липарские острова 180
Лишт 404
Лу'аш 247; см. также Нухашше
Лубди 100
Лукка 149, 150, 184, 192, 194, 260, 540
Луксор 430, 444, 446, 448, 482, 492, 526, 538, 554; см. также Апа
Лусна 129
Лчашен 68

Майкоп 36
Малатья 108, 186; см. также Мальдия
Малая Азия 24, 29—32, 34, 36, 38, 40, 42, 44, 47, 53, 54, 56, 57, 64, 65, 67, 68, 72, 73, 84, 92, 93, 104—106, 108, 118, 120—122, 124—133, 143, 147—149, 153, 157, 173, 186, 190, 192, 194, 196, 200—202, 208, 209, 212, 216, 223, 225, 227, 232, 236, 242, 245, 257, 262, 267, 272, 280, 327
— Восточная 30
— Юго-Восточная 34
Малгиум 62
Мальдия 186, 188, 194; см. также Малатья
Малый Заб, р. 24, 25, 30, 61, 74, 75, 93, 100, 109

Малый Мендерес, р. 149
Ма'ма 47, 48, 53, 67, 126, 127
Мана-Хуфи см. Бени-Хасан
Мардин 23, 82
Мари 21—23, 58, 60—63, 65, 66, 81, 82, 84, 86, 105, 176, 210, 215, 216, 223, 224, 226, 227, 255, 275
Маса 150
Махт, оз. 234
Меандр, р. 149; см. также Большой Мендерес
Мегиддо 206, 220, 226, 234, 238, 240, 245, 246, 262, 265, 280, 286, 288, 434—437, 440, 489, 571
Мединет-Абу 122, 196, 240, 260, 280, 286, 495, 564, 566, 568
Медум 331, 366, 368, 372, 384
Междуречье 470
Мелазгерд 109
Мелаха 103
Мелида 108
Мелитена 107—109
Мемфис (Минфи, Хи-Ку-Птах) 290, 296, 297, 300, 302, 304, 307, 309, 313, 318, 333, 364, 366, 373, 379, 380, 400, 404, 441, 442, 444, 450, 474, 478, 491—495, 503, 508, 511, 513, 518, 522—524, 526, 554, 557—560; см. также Белые Стены
Меридово озеро 296, 392
Мером, оз. 289; см. также Хула
Мерсин 31
Мертвое море 206, 208, 209, 224, 225, 265, 273, 274, 276, 278, 546, 564
Месопотамия 22, 24, 31, 34, 38, 47, 59, 61, 70, 101, 102, 107, 122, 128, 136, 146, 202—204, 209, 210, 215, 216, 222, 230, 232, 234, 236, 262, 267, 271, 272, 277, 436, 444, 445, 454
— Верхняя 21—23, 44, 53, 54, 59—62, 64, 66—68, 70—75, 90, 100—102, 105, 109, 210, 223, 227, 228, 272—274
— Внутренняя 109
— Нижняя 22, 23, 25, 26, 28, 31, 46, 53, 60, 61, 66, 74, 93, 94, 209, 228, 229, 272, 283
— Северная 21, 46, 53, 62, 70, 90, 211, 216
— Центральная 60, 100
Микены 176, 182, 186, 194, 199, 200, 282
Милет 180, 182
Миллаванда (Милавата) 180, 182, 184
Минфи см. Мемфис
Мира 149
Мисия 149
Митанни 30, 66, 68, 70—73, 81, 90, 92—94, 98—102, 130, 134, 143—148, 150, 232, 234, 238, 242, 245, 246, 248, 249, 251, 254, 424, 436, 437, 441, 442, 444—446, 448, 497, 515, 547, 548; см. также Нахрима и Ханигальбат
Моав 276, 278, 279, 546
Московская Русь 247
Мосул 61, 95
Мугла 149
Мукиш 134, 227, 228, 232, 234, 246, 248, 251, 254, 256, 260
Мурмурига 251
Муцацир 93, 101
Муцру 101, 102, 109
Муш 107

Набулус 226
Наири 93, 102, 103, 108
Накада 296—298
Напата 442
Наури 471
Нахрима 452, 534, 546, 556
Нахрия 53
Нахур 62, 272
Негев 220, 222, 225, 430
Ненасса 129, 130, 144
Нерик 133, 136, 151, 153, 154
Неса 121, 127—130; см. также Каниш
Нигде 144
Нижнее море 103
Нижний Заб, р. 99
Низовье 298, 302, 304, 307, 309, 312, 315, 318—324, 333, 335, 337, 338, 345, 346, 349, 351, 358, 381, 395, 398, 402, 415, 416, 420, 421, 466, 468, 502, 509, 513, 518, 526, 537, 545, 547, 554, 555, 557, 558, 560, 563, 571
Нии см. Фивы
Нил 211, 216, 220, 229, 248, 274, 296, 307, 309, 310, 318, 320, 328, 335, 424, 425, 434, 448, 452, 457, 552, 554, 561, 566
Нильская долина 318, 335, 349, 425
Ниневия 21, 61, 66, 72, 73, 84, 90, 92—95, 99, 109, 271
Ниппур 26, 99, 214, 218
Ния 234, 242, 247, 254, 256, 437, 441
Нубия 568
Нуза (Нузи) 67, 73, 74, 75, 76, 78, 81, 82, 86, 90, 92, 93, 103, 251, 253; см. также Гасур, Иорган-тепе
Нухашше 146, 247, 248, 250, 254, 256, 257, 436, 474, 540; см. также Лу'аш

Оронт, р. 67, 72, 73, 130, 134, 146, 202, 208—211, 218, 223—225, 227, 232, 234, 238, 240, 242, 246—249, 251, 254, 256, 260, 434, 436, 441, 534, 537, 538, 540, 542—544; см. также Эль-Аси
Ороз-тепе 42, 168

Пакканте 76
Пактол, р. 125
Пала 124
Палекастро 198
Палестина 22, 38, 66, 72, 107, 121, 125, 147, 180, 196, 199, 202—204, 206, 208—210, 216, 220, 222—227, 229, 230, 234, 236, 238, 240, 242, 245, 246, 248, 249, 250, 256, 257, 262, 265—267, 269—275, 277—280, 282, 286, 290, 320, 334, 408, 422, 441, 442, 466, 468, 470, 471, 474, 475, 488, 520, 530, 532, 534, 537, 540, 554, 559, 564, 571, 572
— Северная 65, 220
— Южная 229, 238, 276
Пальмира 109, 209; см. также Тадмор
Памфилия 149
Панополь 452, 508, 519
Партахвина 149
Парсуханда 129, 130; см. также Пурусханда
Пафлагония 124
Паххува 186, 188

Пелопоннес 180
Педас см. Питасса
Пелла 529; см. также Пихиль
Передняя Азия 23, 29, 57, 58, 67, 71, 72, 74, 93, 94, 98, 103, 105, 106, 120, 125, 134, 137, 186, 202, 208, 236, 248, 251, 252, 277, 473
Пер-Рамсес 545, 547, 554, 555, 557; см. также Пи-Риа-масэ-са-Маи-Амана и Раамсес
Персидский залив 24, 26, 65
Пилос 176, 190, 198
Пи-Риа-масэ-са-Маи-Амана 275, 545; см. также Пер-Рамсес
Писидия 149
Питасса 150
Питом (Пи-Атама) 275
Пихиль 529, 532; см. также Пелла
Полиохни 32, 34
Понтийские горы 150
Причерноморье 192
— Восточное 105
— Юго-Восточное 109
— Южное 105, 106
Пунт 335, 426, 438, 470, 529
Пурулумзи 106, 107
Пурусханда (Пурушханда, Пурушхаттум) 28, 53, 54, 126, 128; см. также Парсуханда

Раамсес 275; см. также Пер-Рамсес
Раздан, р. 93
Рамади 109
Раникум 100, 102, 109
Рас-Шамра 202, 208, 211, 251, 262; см. также Угарит
Рехоб 532
Рибла 537
Римская империя 124
Ровандуз 93
Родос 182, 327
Румыния 212

Сагаратум 62
Сайда 223; см. также Сидон
Саккара 366, 370, 372, 373, 376
Сакмим см. Сихем
Сам'аль 272; см. также Зинджирли
Самарра 75
Самсат 130
Самуха 84, 126, 144, 145, 151; см. также Шамуха
Санахвиттаса 130, 155
Санторин, о-в 174, 199
Саронская равнина 208, 246, 280
Саруг 272
Сафеди 206
Севан, оз. 259
Седэнга 450
Сеир, нагорье 210
Серабит эль-Хадим 224, 266
Сеха, р. 149
Сивас 144
Сидон (Цидон) 109, 223, 246, 250, 251, 258, 259; см. также Сайда
Силэ 434; см. также Чилу
Симира 246, 436, 547; см. также Цумур
Синайский полуостров, Синай 204, 208, 222, 224, 225, 230, 262, 275, 277, 278, 320, 330, 331, 335, 360, 367, 373, 393, 430, 466, 571
Сиппар 57, 58, 65, 103, 109, 110
Сирия 22—24, 30, 34, 38, 44, 54, 66, 68, 70, 72, 73, 93, 98, 101, 121, 122, 124, 125, 127, 129, 130, 133, 146—148, 150, 151, 176, 180, 196, 199, 200, 202—204, 208, 210, 214, 218, 220, 222—224, 226—229, 232, 234, 236, 238, 240, 242, 245, 246, 249—251, 257, 260, 262, 280, 334, 415, 422, 430, 434—438, 440, 444—447, 457, 462, 515, 520, 529, 534, 537, 540, 556, 558, 563, 564, 572
— Северная 29, 30, 47, 53, 54, 59, 62, 67, 68, 70, 72, 88, 90, 131, 134, 203, 209—211, 218, 222, 224, 227, 232, 236, 240, 242, 256, 259, 272
— Северо-Западная 21, 218
— Центральная 209, 210, 222
— Южная 60, 150, 209, 210, 215
Сирийская пустыня 208, 224, 272
Сихем 218, 226, 275, 277, 284; см. также Телль-Балата
Сицилия 180, 196
Сиянна 246, 257
Содом 214, 273
Сомали, п-ов 426
Спарта 180
Средиземное море 60, 62, 66, 68, 107, 125, 202, 208—210, 227, 234, 242, 247, 250, 251, 354, 538
Средиземноморье 30, 54, 74, 172, 190, 192, 236
— Восточное 30, 200, 202, 204, 206, 208—211, 214, 218, 222—227, 234, 236, 245—247, 249—251, 256, 257, 262, 264, 265, 466
— Северное 393
Средний Восток 120
Средняя Азия 24, 71
Страна реки Сеха 184, 188, 192
Сугагу 99
Судан 309
Сузы 26, 65
Сукция 70; см. также Телль-Сукас
Сулеймания 94
Сульб 446, 450
Сухму, Цумха 109
Суровая Киликия 150
Сухи 105
Суэцкий залив 208

Та'анах 242, 245, 253, 279, 288, 289
Тавр, горы 24, 53, 67, 90, 93, 125, 127, 130, 134, 272
— Армянский 101, 105, 107
— Киликийский 130, 136
— Малоазийский 48, 67, 84, 90, 119, 124, 128, 209, 211, 227
— Причерноморский 118
Тадмор 109, 209; см. также Пальмира
Тальхайум (Тальхат) 62
Тамалкия 134, 136
Тамния 47, 53
Таниc 554, 571
Тарс 122
Таттасса 150, 151
Тахси 442, 547
Тахсиния 136
Тегарама 70, 144, 150

ат-Телль 279; см. также ʻАй
Телль ар-Римах 90, 93; см. также Карана
Телль-Атшан 88, 130, 218; см. также Алалах
Телль-Мардих 203, 214; см. также Эбла
Телль-Балата см. Сихем
Тель-Бейт-Мирсим 222, 279
Телль-Билла 88, 95; см. также Шибаниба
Телль-Брак 21, 22, 67, 211
Телль аль-Ваккас 220; см. также Хацор
Телль аль-Фаххар 75
Телль-Мардих 203, 214; см. также Эбла
Телль-Неби-Менд 238; см. также Кадеш
Телль-Селенкахье 218, 223
Телль-Сукас 70, 256; см. также Сукция
Телль-Шемшара 61; см. также Шушшара
Телль эль-Аджжуль 232, 234; см. также Газа
Телль эль-Фарʻа 230, 238; см. также Шарухен
Тельмун, о-в 65, 94, 103; см. также Бахрейн
Терка 59, 60, 62, 64, 66
Терми 32
Тивериадское озеро 208, 280; см. также Генисаретское оз.
Тигр, р. 21—25, 46, 52, 54, 59—62, 66, 70, 72—74, 82, 90, 93—95, 100—102, 104, 106, 107, 109, 150, 216
Тильгаримма, р. 145
Тин 307, 309, 400, 402, 420, 431, 447
Типия 149
Тир 208, 210, 223, 226, 246, 248, 250, 259, 532
Тиринф 173, 176, 190, 194, 199
Токат 144
Тохма, р. 70
Трабзон 144
Троада 149
Троя 32, 34, 36, 42, 44, 130, 149, 150, 173, 180, 182, 188, 190, 192, 194, 199, 280; см. также Вилуса, Илион, Хисарлык
Туванува 129, 130, 144
Туз, оз. 28, 125, 128, 130, 144
Туккама 150, 186
Тулуль-Акир, см. Кар-Тукульти-Нинурта
Тумманна 124
Тумме 108
Туниб 240, 246, 247, 280, 440, 529, 534, 546
Турхумит 53, 55, 154
Турция 46, 218
— Юго-Западная 31
Туттуль, Верхний 62, 63
Тухпия 53
Тэртэрия 212

Уарджет 436
Убайд 203
— Северный 21
Убиса см. Бубастис
Убу 246, 249
Угарит 66, 72, 74, 82, 86, 93, 136, 146, 150, 194, 208—211, 216, 218, 223, 225—227, 238, 242, 245—247, 249, 251—254, 256—260, 262, 264, 265, 267, 529, 540
Угар-Саллу 100
Удуму 265
Уиса см. Фивы
Уламмэ 76
Уллаза (Уллизум) 210, 211, 240, 246, 436, 534, 547
Уллама 53, 254
Упи (Опис) 109
Ур 21, 26, 214, 223, 269, 273
Ура 257, 259, 260
Урарту (Уруатру, Уруатри) 86, 101, 110, 172
Уркиш 23, 82, 86
Урмия, оз. 36, 71, 88, 93
Урук 212, 214
Уруме, Урмие 107
Уршу 22, 55, 57, 62, 67, 68, 70, 130, 211, 218, 224, 227, 232
Ушната 246, 256
Ушу (Усу, Старый Тир) 250

Фаюм, Эль-Файюм 296, 410
Файюмский оазис 392, 404
Фера г., о-в 174, 199
Фессалия 176
Фест 196, 198, 199
Фивы (Уиса, Южный Град) 402, 406, 415, 416, 420—423, 425, 428, 430, 431, 435, 438, 442, 444, 445, 448, 450, 454, 456, 458, 464, 466, 468, 471, 474, 478, 485, 491, 492, 495—498, 503, 506, 508—513, 516—520, 522, 523, 526, 528, 534—536, 550, 552, 554—560, 562, 564, 566, 570, 571
Фивы Беотийские 176
Финикия 22, 74, 109, 200, 203, 208, 210, 211, 216, 220, 222, 223, 227, 230, 234, 236, 238, 240, 245—247, 249, 250, 257, 260, 262, 266, 336, 354, 393, 436, 437, 462, 468, 571, 572
— Южная 257, 262, 278
Франция 326
Фригия 186
Фтия 182

Хабур, р. 21, 22, 24, 30, 53, 59, 62, 66, 67, 70, 72, 93, 102, 109, 209, 210
Хавара 404, 410
Хаджилар 31
Хайаса 144, 145, 146, 149, 186
Хайфа 282
Хакмис 151
Халеб, Халаб, Хальпа 60, 61, 68, 70, 98, 130, 131, 144, 146, 147, 150, 203, 209, 214, 218, 223, 232, 234, 242, 248, 251, 254, 256, 257; см. также Алеппо
Халита 62
Хама 202, 230
Хамат 256, 532
Хамран, гряда 75
Хана 66, 70, 93, 102, 132
Ханаан (Кинаʻну) 214, 236, 284, 436
Ханакна 53
Ханигальбат 68, 71, 130; см. также Митанни
Ха-ниса см. Амбастрионополь
Ха-уара см. Аварис
Хан-Шуреймия 61, 93
Хапалла 149
Харахшуа 53

Харран 62, 147, 272, 273
Харрума 70
Хасаноглан 42, 168
Хассува 70, 130; см. также Хашшу
Хатра 136
Хатти 109, 144, 145, 153, 196, 208, 438, 442, 445, 446, 468, 470, 515, 520, 522, 523, 528—530, 534, 536—538, 540, 542—549, 554, 555, 557, 559, 563, 564
Хаттуса, Хаттуша 50, 53, 65, 68, 82, 86, 105, 119, 121, 122, 128—133, 135, 136, 140, 143, 145, 148—155, 158, 160, 164, 168, 184, 186, 190, 194, 245; см. также Богазкёй
Хахха, Хахху 53, 130, 134, 232
Хацор 65, 220, 223, 226, 227, 246, 278, 279, 288, 289; см. также Телль аль-Ваккас
Хашаб 441
Хашшу 67, 70, 130, 134, 227, 232; см. также Хассува
Хеврон 249, 278
Хемме 101
Хемува 136
Хи-Ку-Птах см. Мемфис
Химули 254
Хи-ни-нси см. Гераклеуполь
Хисарлык 32, 149; см. также Вилуса, Илион, Троя
Хмана см. Гермуполь
Хомс 109
Хсау см. Ксоис
Хула, оз. 220; см. также Мером
Хуписна 129, 130
Хурама 53
Хурацина 76
Хурри 72, 280

Цаллара 129
Цальпа 53, 127, 136
Царуна 130
Цахалукка 154
Цигаратта 156
Цидон см. Сидон
Ципланда 136
Циппасна 130
Цумур 246, 249, 436, 547; см. также Симира

Чагер-Базар 62, 67
Чатал-Хююк 31, 32, 40
Чекерек, р. 134
Черное море 119, 127, 133, 136, 150, 173
Чиатура 125
Чилу (Силэ) 248, 434, 532, 537
Чога-Замбиль 116
Чолта, р. 144
Чорох, р. 108, 119, 144

Шалатувар 53
Шамуха 53, 84; см. также Самуха
Шарухен 238, 422; см. также Телль аль-Фар'а
Шахрезор, долина 94
Шекем см. Сихем
Шибаниба 95; см. также Телль-Билла
Шитуллум 62
Шубат-Эллиль 60, 63
Шубат-Шамаш 64
Шубрия 107
Шуксия 133, 246, 256
Шумер 32, 84, 103, 116, 176, 202, 212, 214, 216, 218, 264, 269
Шуна 204
Шуппулилия 53
Шушшара 61, 67; см. также Телль-Шемшара

Эбла 22, 25, 55, 62, 203, 210, 211, 212, 214—216, 218, 223, 227, 262, 272; см. также Телль-Мардих
Эгейское море 24, 44, 152, 172, 173, 176, 180, 209, 226, 282
Эглона 278
Эгридир, оз. 149
Эдом 265, 274, 276, 564
Эйлейтиясполь см. Анхаб
Экаллатум, Эккалате 60—62, 109
Элам 74, 94, 117, 132, 271, 273
Эламуния 109
Элевтер, р. 208, 210, 211, 240, 247, 250, 257, 538
Элефантина 335, 402, 420, 518
Элласар 273
Эль-Амарна 28, 245, 468, 488, 493, 498, 504, 506; см. также Ахетатон
Эль-Аси, р. 208; см. также Оронт
Эль-Ашмунейн см. Гермуполь
Эль-Басит, мыс 254
Эль-Берше 408
Эльбистан 53, 127
Эль-Габ 234, 247
Эль-Гиза см. Гиза
Эль-Каб 395
Эль-Карнак см. Карнак
Эль-Кебир, р. 208, 538
Эль-Лахун 395, 397, 404, 416
Эль-Литани, р. 208, 210, 240
Эль-Матария см. Ана, Гелиуполь
Эль-Мина 227
Эль-Фатх 61
Эль-Халиль см. Хеврон
Элязыг 212
Эмар 232
Энгеди 206
Энкоми 180
Эргани 54, 70, 108
Эрегли 150
Эрзинджан 109
Эриха см. Иерихон
Эфес 327
Эфиопия 248, 309, 310, 320, 335, 340, 354, 455, 360, 377, 393, 394, 400, 415, 422, 425, 430, 434, 437, 438, 440, 444—446, 450, 452, 454, 462, 464, 466, 468, 475, 491, 515, 522, 526, 529, 535, 548—550, 552, 554, 564, 570
— Северная 373, 393, 475
Эфлатунпунар 164
Эшнуна 22, 29, 57, 58, 60, 61, 63, 66, 223

Югославия 78
Южный Град см. Фивы
Южная Котловина (Южный оазис) 494

Яблия 61, 62, 227
Язылыкай 152, 153, 160, 164, 194
Ямхад 60, 61, 65, 68, 214, 223, 227, 228, 232
Яримут 211, 278
Ярмук 204
Яффа 240, 246, 440, 556

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии

ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ

Глава I

СЕВЕРНАЯ ПЕРИФЕРИЯ НИЖНЕМЕСОПОТАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ IV—II тысячелетий до н. э.

1. Население Верхней Месопотамии, Сирии и Аравии 21
2. Месопотамская торговля: общие замечания 23
3. Город-государство Ашшур: начальный период 25
4. Дохеттская Малая Азия 31
5. Торговля в Северной Сирии и Малой Азии Староассирийского периода 46
6. Держава Шамши-Адада I 59
7. От падения державы Шамши-Адада до расцвета Митанни . . 66
8. Хурритское общество (по материалам царства Аррапхи) . . 73
9. Культура и искусство хурритов 82
10. Город-государство Ашшур и возникновение Ассирийского царства (Среднеассирийский период) 90
11. Ассирийское право 110
12. Среднеассирийские культура и искусство 117

Глава II

ХЕТТСКОЕ ЦАРСТВО И ЭГЕЙСКИЙ МИР

1. Этнический состав населения Малой Азии около 2000 г. до н. э. 118
2. Древнехеттское царство 125
3. Хеттское общество и законы 134
4. Новохеттская держава 142
5. Хеттская культура, религия и искусство 152
6. Западная Малая Азия и эгейский мир. Падение Хеттской державы 172
7. Искусство Эгейского мира 198

Глава III

СТРАНЫ ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ * В I—II тысячелетиях до н. э.

1. VI—IV тысячелетия до н. э. 202
2. Восточное Средиземноморье в эпоху сложения цивилизации * 206
3. Восточное Средиземноморье в первой половине II тысячелетия до н. э. 222
4. Гиксосское владычество в Палестине и митаннийское владычество в Сирии 229
5. Амарнский период: господство Египта и движение хапиру . . 245

6. Хеттское господство в Северной Сирии и возвышение Каркемиша и Угарита 250
7. Культура Восточного Средиземноморья во II тысячелетии до н. э. 262
8. Финикийское письмо 265
9. Переселение заречных племен ('ибрим) 269

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

Глава IV

РАННЕЕ ЦАРСТВО (несколько столетий около 3000 г. до н. э.; I и II династии) 295

Глава V

СТАРОЕ ЦАРСТВО (большая часть III тысячелетия до н. э.; III—VIII династии) 326

Глава VI

СРЕДНЕЕ ЦАРСТВО (с конца III тысячелетия примерно до 1600 г. до н. э.; IX—XVII династии) 391

Глава VII

ОБРАЗОВАНИЕ «МИРОВОЙ» ЕГИПЕТСКОЙ ДЕРЖАВЫ (XVIII династия до солнцепоклоннического переворота, середина XVI — начало XIV века до н. э.) 422

Глава VIII

ЕГИПЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО ВО ВРЕМЕНА НОВОГО ЦАРСТВА (XVI—XII вв. до н. э.) 457

Глава IX

СОЛНЦЕПОКЛОННИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ (первая половина XIV в. до н. э.) 497

Глава X

ЕГИПЕТ ПОСЛЕ СОЛНЦЕПОКЛОННИЧЕСКОГО ПЕРЕВОРОТА (вторая половина Нового царства, конец XIV — начало XI в. до н. э.; XIX—XX династии) 528

Хронологическая таблица 573
Приложение 576
Список сокращений 581
Библиография 584
Указатель имен 606
Указатель географических названий 614

История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. Передняя Азия. Египет. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.

И90

623 с. с ил. и карт.

Книга является продолжением «Истории древнего Востока». Ч. I. Месопотамия, выпущенной Главной редакцией восточной литературы в 1983 г. Во второй части на основе многолетних исследований советских востоковедов дается соответствующая современному уровню наших знаний картина зарождения классовых обществ в Египте, Восточном Средиземноморье и Малой Азии. Авторы приводят подробные сведения о политической, социальной, экономической истории этих регионов, а также показывают становление и развитие культуры и искусства этих обществ. Книга богато иллюстрирована.

Книга предназначена для историков-востоковедов, преподавателей, аспирантов и студентов исторических факультетов, а также для всех интересующихся историей и культурой Востока.

И $\frac{0504010000\text{-}012}{013(02)\text{-}88}$ КБ-9-74-87

ББК.63.3(03)3

ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕГО
ВОСТОКА

Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации

Часть вторая

Передняя Азия. Египет.

Редактор Н. В. БАРИНОВА

Младший редактор Г. А. АРИСТОВА

Художник С. С. ВЕРХОВСКИЙ

Художественный редактор Э. Л. ЭРМАН

Технический редактор М. В. ПОГОСКИНА

Корректоры Л. М. КОЛЬЦИНА, Л. С. КУЗНЕЦОВА

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

ИБ № 15421

Сдано в набор 19.05.86. Подписано к печати 24.08.87. Формат 70×108 1/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Цветные иллюстрации отпечатаны на мелованной бумаге. Вкладка отпечатана на офсетной бумаге. Усл. п. л. с вкл. 54,6. Усл. кр-отт. 74,62. Уч-изд. л. 59,09. Тираж 25 000 экз. Изд. № 3774. Зак. 1889. Цена 4 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21, строение 2

Ордена Ленина
типография «Красный пролетарий»
103473, Москва И-473, Краснопролетарская, 16